

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО

А АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК ЗА 2004 ГОД

Основан в 1957 году
академиком М. Н. ТИХОМИРОВЫМ

МОСКВА
НАУКА
2005

УДК 930
ББК 63(2)
А87

8(n)
А-87

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

92049

Ответственный редактор
академик Российской академии образования
С.О. ШМИДТ

Редакционная коллегия:

Ю.В. АНДРЮШАЙТИТЕ, Н.А. ДОЛДОБАНОВА (ответственный секретарь),
М.П. ИРОШНИКОВ, С.М. КАШТАНОВ, В.П. КОЗЛОВ, А.В. МЕЛЬНИКОВ,
Р.Г. ПИХОЯ, Н.Н. ПОКРОВСКИЙ, В.А. ЧЕРНЫХ,
С.В. ЧИРКОВ, Е.Н. ШВЕЙКОВСКАЯ

Рецензенты:

доктор исторических наук С.С. ИЛИЗАРОВ,
доктор исторических наук Е.В. СТАРОСТИН

Археографический ежегодник / отв. ред. С.О. Шмидт ; Археогр. комис. РАН. –
М. : Наука, 1957–.

2004 год. – 2005. – 561 с. – ISBN 5-02-034015-4 (в пер.).

Ежегодник содержит материалы по археографии, архивоведению, источниковедению, историографии отечественной истории. Публикуются статьи о личных фондах отечественных экономистов, подвергшихся в 1930-е годы незаконным репрессиям, об изданиях Ученой комиссии по исследованию истории труда в России; анализируются разнообразные письменные памятники и исторические труды. Представлены большие разделы о научных конференциях и заседаниях, посвященных основателю Депо манускриптов (отдела рукописей) Публичной библиотеки в Петербурге П.П. Дубровскому и московскому историку академику М.М. Богословскому; материалы “Тихомировских чтений” об источниках по историографии краеведения; русско-ливонский договор 1535 г. и другие архивные документы; статьи о жизни и творчестве видных историков нашего времени, изданиях РГАДА, рецензия на сборник документов о Холокосте в Литве в 1941 г., хроникальные заметки.

Для научных работников, сотрудников архивов, библиотек и музеев, краеведов, преподавателей и студентов.

По сети “Академкнига”

ISBN 5-02-034015-4

© Археографическая комиссия РАН, 2005
© Российская академия наук и издательство
“Наука”, продолжающееся издание
“Археографический ежегодник” (разработка,
оформление), 1957 (год основания), 2005
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство “Наука”, 2005

И. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

Е.А. Тюрина

ЛИЧНЫЕ ФОНДЫ РЕПРЕССИРОВАННЫХ ЭКОНОМИСТОВ В РГАЭ

Комплектование Российского государственного архива экономики (до 1992 г. – ЦГАНХ СССР) фондами личного происхождения являлось приоритетным направлением деятельности архива во все периоды его функционирования. Благодаря активной работе коллектива по собиранию личных фондов руководителей и специалистов различных отраслей промышленности, сельского хозяйства, транспорта, представителей прикладной науки, изобретателей, рационализаторов и других профильных РГАЭ направлений деятельности, в настоящее время в архиве хранятся около 400 фондов личного происхождения¹. Директорá ЦГАНХ СССР А.Г. Федоров (работал в 1961–1976 гг.) и В.В. Цаплин (в 1976–1990 гг.), начальник отдела личных фондов, Заслуженный работник культуры СССР А.А. Новикова (1965–1980 гг.) внесли большой вклад в создание научно-методических основ этой работы и разработали систему критериев отбора на государственное хранение документов личного происхождения деятелей народного хозяйства, а также организационных форм их собирания².

Наиболее типичными методами комплектования архива фондами личного происхождения в советский период были постоянные контакты с министерствами и ведомствами – фондообразователями ЦГАНХ СССР, а также с разными общественными организациями, созданными на их основе. В 1960–1970 гг. в этой сфере наиболее активно проявила себя архивная секция Совета старейших энергетиков Министерства энергетики и электрификации СССР под руководством министра П.С. Непорожного. Совместная работа министерства и архива длилась многие годы и позволила принять в РГАЭ документы 78 известных специалистов. Комплектование архива фондами исследователей Севера происходило при активном участии членов Географического общества АН СССР, а также отдельных историографов полярных экспедиций. Значительную и результативную работу по комплектованию архив проводил путем непосредственного общения с владельцами документов.

Изменение официального названия архива в 1992 г. и включение в его состав понятия “экономика”, произошедшее в рамках структурной реформы в

¹ См.: Российский государственный архив экономики: путеводитель: фонды личного происхождения. М., 2001.

² См.: Новикова А.А., Федоров А.Г. Личные архивы и ведомства // СА. 1970. № 3; Новикова А.А. Государственное хранение материалов личного происхождения деятелей советского общества // ВИ. 1971. № 9; Она же. Комплектование ЦГАНХ СССР документами личного происхождения // СА. 1980. № 4; и др.

архивной отрасли, повысило внимание специалистов РГАЭ к сотрудничеству с научными учреждениями, работающими в сфере изучения истории отечественной экономической мысли, международных экономических связей России (бывшего СССР), а также современной экономической стратегии государства. Реализации этой работы способствовали значительные идеологические и социально-экономические перемены, наступившие в нашей стране в период перестройки и гласности, и последовавшее за этим реформирование социально-экономической системы государства на демократической основе. Сотрудники архива с удовлетворением узнали, что в числе реабилитированных есть имена 15 крупных русских экономистов, среди которых Л.Б. Кафенгауз, Н.Д. Кондратьев, Л.Н. Литошенко, Н.П. Макаров, А.А. Рыбников, А.В. Чайнов, А.Н. Челинцев, Л.Н. Юровский и др.

В конце 1980 – начале 1990-х годов появилось множество статей и публикаций, в которых делались первые шаги по современному осмыслению творчества известных ученых, имена которых десятки лет были под запретом и упоминались лишь в отдельных работах при условии негативной оценки их творчества³. В 1990 г. вышел в свет сборник документов под редакцией В.П. Данилова “Кооперативно-колхозное строительство в СССР. 1917–1922”, в котором впервые были опубликованы протоколы заседаний Совета объединенной сельскохозяйственной кооперации за февраль 1919 г. В числе участников заседаний – Н.Д. Кондратьев, Н.П. Макаров, П.А. Садырин, А.В. Чайнов, репрессированные в 1930-е годы.

Возвращение забытых имен и изучение творчества не известных ранее ученых-экономистов вызвало большой интерес у специалистов архива, который постоянно поддерживался запросами об их судьбах, поступающими от организаций и родственников. В эти годы РГАЭ посетили родственники многих известных репрессированных государственных деятелей и ученых, среди которых были дочь председателя Совнаркома А.И. Рыкова, члены семьи заместителя председателя Всероссийского союза сельхозкооперации, председателя Колхозцентра СССР Г.Н. Каминского, внук экономиста В.А. Базарова, племянник финансиста, члена Коллегии Наркомфина СССР Л.Н. Юровского. В итоге поисковой работы сотрудников по фондам РГАЭ в начале 1990-х годов было обнаружено значительное количество документов, принадлежащих перу репрессированных экономистов. Эти документы сохранились в фондах учреждений, в которых они работали. Привлечение “буржуазных специалистов” в советские учреждения было вынужденной мерой со стороны правительственных органов, но развивать экономику без подготовленных и опытных работников, прошедших обучение в лучших отечественных и зарубежных университетах, было нереально. Особенно много “буржуазных специалистов” в начале 20-х годов XX в. работали в Наркомземе РСФСР и СССР, Госплане СССР, Наркомфине СССР, ВСНХ СССР. В архиве обсуждались идеи создания единой базы данных о служебной деятельности экономистов, репрессированных сталинским режимом.

Определенным импульсом к развертыванию работ по сбору документов личного происхождения из семейных архивов родственников репрессированных экономистов стал визит в РГАЭ сына известного русского экономиста

³ См.: Н.Д. Кондратьев, Н.П. Макаров, А.В. Чайнов, А.Н. Челинцев: указ. лит. М., 1988; *Кабанов В.В.* Становление ученого: студенческие годы А.В. Чайнова // *Вестн. с.-х. науки.* 1988. № 8. С. 39–44; *Фигуровская Н.К.* К столетию со дня рождения А.В. Чайнова // *Вопр. экономики.* 1988. № 1. С. 52–62; *Балязин В.Н.* Профессор Александр Чайнов. М., 1990; и др.

Александра Васильевича Чайнова⁴ (1888–1937) – В.А. Чайнова. Как впоследствии рассказывал Василий Александрович Чайнов, он не знал, в каком архиве могут быть документы его отца, и пришел, чтобы разобраться в специализации архивов и подумать о возможности объединения усилий по собиранию документов А.В. Чайнова и пропаганде его научных идей. К счастью, архивисты сразу же осознали важность и перспективность работы по формированию личного фонда документов А.В. Чайнова. Особенность этой ситуации состояла в том, что объем документов личного фонда ученого, хранящегося в семье, был очень незначителен. Как правило, это характерно и для других личных фондов ученых, пострадавших от репрессий.

После описания документов личного фонда А.В. Чайнова (Ф. 731) включается 136 дел за 1892–1999 гг. (около 500 документов). Опись состоит из восьми разделов. В первый раздел входят научные труды А.В. Чайнова, а также его литературные, историко-краеведческие и искусствоведческие работы, характеризующие многогранный талант ученого. В семейном архиве сохранились первые издания его основных научных трудов: “Что такое аграрный вопрос?” (М., 1917), “Основные идеи и методы работы общественной агрономии” (М., 1924), “Организация крестьянского хозяйства” (М., 1925)⁵. Они, безусловно, нужны современным исследователям для изучения идей А.В. Чайнова о крестьянском хозяйстве и мотивации крестьянского труда. Эти монографии имеются главным образом в крупнейших библиотеках.

Интересны работы А.В. Чайнова как краеведа и историка Москвы. Из них в фонде сохранились “Московское собрание картин сто лет назад” (М., 1917), “Петровско-Разумовское в его прошлом и настоящем” (М., 1925), а также некоторые другие исследования (Д. 19–21). Изучал А.В. Чайнов и историю гравюры, постоянно собирал материалы для монографии по этой теме. В фонде имеется рукопись из трех глав будущей книги, написанная автором в Ярославской тюрьме в 1933 г. (Д. 26).

Из художественных произведений А.В. Чайнова в фонде находятся “Венедиктов, или Достопамятные события жизни моей: романтическая повесть, написанная ботаником Х, иллюстрированная фитопатологом У” (М., 1921); “Венецианское зеркало, или Диковинные происхождения стеклянного человека: романтическая повесть, написанная ботаником Х и на этот раз никем не иллюстрированная” (Берлин, 1923), “Обманщики: трагедия в 3-х актах и 9-ти сценах, написанная ботаником Х” (М., 1921) (Д. 27, 28, 30). Эти изящные мистические повести требуют специального научного исследования литературоведов и являются библиографическими редкостями, поскольку изданы маленькими тиражами на деньги автора.

В разделе служебной деятельности А.В. Чайнова находим уведомление об избрании на должность преподавателя Университета им. А.Л. Шанявского; программу занятий А.В. Чайнова за границей (в Германии, Англии, Франции); мандат о полномочиях на чествовании юбилея его учителя, профессора А.Ф. Фортунатова, и многие другие документы, уточняющие биографию ученого за 1910–1924 гг. (Д. 37, 42, 51).

⁴ А.В. Чайнов – известный русский экономист-аграрник, основоположник организационно-производственной школы экономической мысли. В 1918–1921 гг. работал в Наркомземе РСФСР; преподавал в Тимирязевской сельскохозяйственной академии. С 1919 г. возглавлял Высший семинарий по сельскохозяйственной экономике и политике. Среди основных работ можно выделить: *Очерки по теории трудового хозяйства*: в 2 т. М., 1912–1913; *Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации*. М., 1919 и др. Необоснованно арестован в 1930 г. Расстрелян в 1937 г. Реабилитирован полностью в 1987 г.

⁵ РГАЭ. Ф. 731. Оп. 1. Д. 1а, 4, 5. Далее ссылки на дела фонда см. в тексте.

В составе личного фонда А.В. Чайнова много фотографий. Архив имеет возможность предложить вниманию исследователей фотографии ученого в детском возрасте, в период учебы в Московском сельскохозяйственном институте, работы в Тимирязевской сельскохозяйственной академии и Коммерческом училище, семейные фотографии с женой и детьми (Д. 60–79, 80–88). В этом же разделе расположены фотографии его коллег, друзей и знакомых, среди которых В.И. Качалов, А.И. Кравченко, Н.П. Макаров, А.Н. Челинцев, О.Ю. Шмидт.

В биографическом разделе описи наиболее интересен документ “Генеалогическое древо рода Клепиковых”, где указан А.В. Чайнов (Д. 89). Здесь же находится комплекс документов в копиях из ЦА ФСБ о привлечении его по делу “Трудовой крестьянской партии” (протоколы допроса А.В. Чайнова в ОГПУ), служебная записка секретно-политического отдела ОГПУ с перечислением имен осужденных по этому делу (№ 102735), определение военной коллегии Верховного Суда о признании невиновности А.В. Чайнова (Д. 99–101).

В личном фонде также хранятся документы ближайших родственников А.В. Чайнова: жены ученого, Ольги Эммануиловны, разделившей судьбу своего мужа (была осуждена на 10 лет), и его сыновей: Никиты и Василия, которые участвовали в Великой Отечественной войне. Никита не вернулся с фронта. Василий после окончания войны стал специалистом в области автоматизации производственных процессов, защитил кандидатскую диссертацию. После реабилитации отца он был самым последовательным и настойчивым собирателем документов о жизни и творчестве А.В. Чайнова, пропагандистом его идей и издателем книг о нем.

Изучение документов личного фонда А.В. Чайнова позволило специалистам архива увидеть перспективы дальнейшей работы по собиранию документов репрессированных ученых – экономистов, аграрников, финансистов, статистиков, плановых работников.

В 1994 г. при РГАЭ был создан Научно-исследовательский центр им. А.В. Чайнова (НИЦ им. А.В. Чайнова). В круг его компетенции вошли работы по четырем направлениям:

- 1) собирание документов А.В. Чайнова и представителей его школы по фондам РГАЭ и других архивов, библиотек и музеев, а также документов экономистов иных направлений экономической мысли;
- 2) работа с владельцами личных фондов репрессированных экономистов и прием фондов на постоянное хранение в РГАЭ;
- 3) популяризация документального наследия репрессированных ученых, возвращение их творческого наследия;
- 4) объединение вокруг РГАЭ представителей экономической науки и близких к ней областей знаний с целью организации работы по изучению творчества репрессированных экономистов и издания их неопубликованных и малоизвестных работ.

Несмотря на отсутствие у НИЦ им. А.В. Чайнова постоянной финансовой базы, в рамках его деятельности удалось сделать достаточно много. В 1994 г. РГАЭ провел первую публичную презентацию фонда А.В. Чайнова. Выступили крупнейшие специалисты в области чайноведения: профессор Манчестерского университета, ректор Московской школы социальных и экономических наук Теодор Шанин, историк, профессор В.П. Данилов, писатели В.Н. Балязин и В.Б. Муравьев – авторы книг об А.В. Чайнове, его сын – В.А. Чайнов. Презентация сопровождалась выставкой документов из

личного фонда А.В. Чайнова. Оказалось, что такая встреча была нужна обществу. На ней встретились архивисты, историки, экономисты, представители аграрных организаций современной России, близкие родственники семьи Чайновых, дочь выдающегося экономиста Н.Д. Кондратьева – академик РАН в области микробиологии Е.Н. Кондратьева; сын известного экономиста А.Н. Челинцева – А.А. Челинцев, члены семьи профессора Н.П. Макарова и др.

Всех собравшихся, представителей разных организаций и профессий объединил интерес к творчеству выдающихся экономистов – соотечественников, идеи которых о путях развития аграрного хозяйства нашей страны были признаны сталинским режимом преступными вплоть до расстрела их авторов. С этого момента началась кропотливая и настойчивая работа специалистов архива по экспертизе сохранившихся личных фондов и коллекций документов Л.Б. Кафенгауза, Н.П. Макарова, А.Н. Челинцева, Л.Н. Юровского и других ученых, с родственниками которых архив сумел установить связи. К концу 1995 г. в РГАЭ поступили личные фонды соратника А.В. Чайнова по организационно-производственной школе Н.П. Макарова, выдающегося экономиста, автора теории длинных волн экономической конъюнктуры Н.Д. Кондратьева, известного статистика промышленности Л.Б. Кафенгауза, а также некоторые документы Л.Н. Юровского – крупного финансиста, активного участника подготовки и проведения денежной реформы 1922–1924 гг.

Эти ценные поступления явились поводом для публичной презентации в ноябре 1995 г. уже четырех личных фондов репрессированных экономистов: А.В. Чайнова, Н.П. Макарова, Н.Д. Кондратьева, Л.Б. Кафенгауза. На презентации выступили видные ученые: академик РАН Л.И. Абалкин, директор Аграрного института, доктор сельскохозяйственных наук А.В. Петриков, член-корреспондент РАН Г.И. Шмелев, академик Российской академии образования С.О. Шмидт. На встрече собравшиеся смогли услышать отрывки из оперы композитора Ю.М. Буцко по мотивам художественных произведений А.В. Чайнова.

Архивистам удалось объединить вокруг работы НИЦ им. А.В. Чайнова представителей нескольких поколений семей Чайновых, Макаровых, Кафенгаузов, Челинцевых. Серьезное обсуждение творчества и жизненного пути выдающихся отечественных экономистов в присутствии научной общественности, специалистов архивов, родных, близких имело огромное воспитательное значение, объединяло духовно всех последователей отечественной школы экономической мысли, способствовало укреплению связей поколений россиян. Специалисты архива не ошиблись, избрав путь совместного общественного творчества многих людей, связанных между собой социальными, научными, дружескими, родственными контактами. Периодически на базе отдела личных фондов архива, возглавляемого Г.И. Соловьевой, проводятся встречи фондообразователей, на которых дается информация о новых поступлениях в архив, о крупных событиях в жизни коллектива, о планируемых научных конференциях и выставках. Встречи фондообразователей всегда сопровождаются выставками документов из личных фондов РГАЭ. Многие гости приходят в архив с внуками, правнуками, которые могут убедиться в высокой оценке и общественном признании труда близких им людей.

В рамках деятельности НИЦ им. А.В. Чайнова специалисты архива проводят разнообразную работу по популяризации творчества репрессированных экономистов. К 110-летию и 115-летию со дня рождения А.В. Чайнова в

свет вышли две книги о нем. *Первая книга* подготовлена В.А. Чаяновым при содействии специалистов архива⁶. В ней сын великого ученого раскрывает основные научные взгляды своего отца на крестьянское хозяйство и принципы организации сельскохозяйственной кооперации. Кроме того, он рассматривает его гражданскую позицию, философские и исторические воззрения, литературное творчество. Важным компонентом этой книги, по нашему мнению, является переписка А.В. Чаянова с его учителем А.Ф. Фортунатовым, друзьями и коллегами – Н.П. Макаровым, А.А. Рыбниковым и А.Н. Челинцевым, наркомом земледелия РСФСР С.П. Середой, экономистом в изгнании С.Н. Прокоповичем и его женой Е.Д. Кусковой, двоюродным братом С.А. Клепиковым (позднее известным филиграноведом). Особенно важна публикация писем А.В. Чаянова периода ссылки в Алма-Ату 1934–1937 гг. Здесь собраны письма жене Ольге Эммануиловне, матери Елене Константиновне Чаяновой, детям, брату и тестю. Письма хранились в фондах бывшего ЦА КГБ Казахстана, в результате перлюстрации и после длительных переговоров были переданы В.А. Чаянову как единственному наследнику. Они свидетельствуют о тяжелом положении ученого, желании быть полезным своей стране, беспокойстве за свое будущее и своих близких. В письме от 24 сентября 1934 г. он писал жене: “Так хотелось бы отдать остаток своих сил, свои знания и опыт на актуальную научную работу по социалистическому строительству и так трудно освободиться от тяготеющей на мне печати неонароднического проклятия, которое тяжелым грузом волочится за мной”⁷.

Несмотря на то что А.В. Чаянов, находясь в ссылке, имел право работать, заниматься изучением аграрного развития Казахстана, писать научные работы (17 работ, объемом 37 печ. л.)⁸, он очень тяжело переживал свое “особое” положение среди специалистов Наркомзема Казахстана. В письме от 1936 г. он сообщал жене: “Епитимия, наложенная на мой дом, как будто бы постепенно снимается, и ко мне, правда, по делам, начинают заглядывать живые люди, и старые знакомые из профессуры Сельскохозяйственного института перестали переходить на другую сторону при встрече со мной. Все это бытовые мелочи, но ты представить себе не можешь, как угнетал меня этот ни на чем не основанный остракизм из человеческого общества”⁹.

Нашим современникам предоставляется возможность прочитать эти строки, благодаря подвижнической поисковой работе сына А.В. Чаянова – Василия Александровича, человека необычайной энергии и настойчивости. В январе 2005 г. он скоропостижно ушел из жизни. Сейчас важно, чтобы начатое им дело продолжилось в рамках НИЦ им. А.В. Чаянова при РГАЭ, а также и в семье ученого, которая под влиянием В.А. Чаянова чтит память о своем великом предке.

Вторая книга вобрала в себя неопубликованные и малоизвестные работы А.В. Чаянова¹⁰. Следует отметить, что в процессе выявления и изучения творческих произведений ученого сложился плодотворный и профессиональ-

⁶ Чаянов В.А. А.В. Чаянов – человек, ученый, гражданин. М., 1998. 228 с.; 2-е изд., испр. и доп. М., 2000. 370 с. Далее цитируется 2-е изд.

⁷ Чаянов В.А. Указ. соч. С. 265.

⁸ Список научных работ А.В. Чаянова был составлен при оформлении его на работу в Казахский Сельскохозяйственный институт в январе 1936 г. Но он не сохранился. См. об этом в его письме жене 1936 г. (Чаянов В.А. Указ. соч. С. 277.)

⁹ Там же. С. 276.

¹⁰ Александр Васильевич Чаянов. Непубликованные и малоизвестные работы / под общ. ред. Г.И. Шмелева. М., 2003.

ный коллектив, в котором работали представители архива: заведующая отделом личных фондов Г.И. Соловьева, ее заместитель – Е.Н. Калинина, главный специалист Ю.В. Бельчич; известные в отрасли археографы З.К. Водопьянова – член редколлегии журнала “Отечественные архивы”, Т.В. Домрачева – главный специалист РГАНИ; В.А. Чаянов, член-корреспондент РАН Г.И. Шмелев (ушедший из жизни в 2004 г., после выхода книги в свет). Этот коллектив поставил перед собой задачу предложить читателям новые документы, выявленные в РГАЭ и других архивах, а также малоизвестные научные работы ученого “Очерки по теории водного хозяйства”¹¹ и “К вопросу о теории некапиталистических экономических систем”¹².

В этой же книге читатель может ознакомиться с частью литературного наследия А.В. Чаянова, его повестью “Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии”, опубликованной впервые в 1920 г., в которой А.В. Чаянов удивительным образом предвосхитил многие факты последующей советской истории. Отбор документов, научных работ и литературного наследия А.В. Чаянова, предпринятый в данной книге, довольно разносторонен и позволяет видеть в авторе многоплановую личность в различных проявлениях ее таланта.

Из документов, опубликованных в книге, отметим докладную записку заведующего Высшим семинарием по сельскохозяйственной экономике и политике А.В. Чаянова наркому земледелия РСФСР С.П. Серее “О работах по изучению доходности крестьянского хозяйства” от 3 июня 1920 г. А.В. Чаянов настойчиво требует от наркома предоставить ученым условия, необходимые для успешной работы, в том числе обеспечить питание, освободить от всякого рода трудовых повинностей, прекратить высыления из жилищ и уплотнения, обеспечить ученых теплом (не менее +8 °С), выдать керосин или свечи. В свою очередь, сотрудники отказывались от денежного вознаграждения за работу. Как следует из дальнейшей переписки, все требования были исполнены Наркомземом¹³. Работа, проведенная коллективом ученых под руководством А.В. Чаянова, была выполнена. Таким образом, опубликованные документы существенно дополняют наши представления об облике ученого, дают возможность почувствовать колорит эпохи, увидеть жизненные коллизии человека в сложнейший период отечественной истории.

Кроме издания монографий и сборников избранных произведений репрессированных в годы сталинизма экономистов, специалисты архива постоянно публикуют в периодической печати и научных журналах статьи, заметки, отдельные документы; выступают на научно-практических конференциях и заседаниях “круглых столов”¹⁴.

Весьма значимой для РГАЭ является также работа по собиранию документов выдающегося русского ученого Николая Дмитриевича Кондратьева

¹¹ Впервые опубли.: Вестн. с.х. 1917, № 49/50. С. 5–8; № 51/52. С. 8–12. Позже не переиздавалась.

¹² Впервые изд. на нем. яз. в Германии в 1924 г. Здесь публ. по кн.: Чаянов и Восток: реф. сб. АН СССР. М., 1991. С. 153–196. Пер. с нем. яз. Ю.В. Чайникова.

¹³ Александр Васильевич Чаянов. Непубликовавшиеся и малоизвестные работы. С. 181–185.

¹⁴ Бельчич Ю.В. Судьба страны в судьбе ученого: А.Н. Челинцев (1874–1962 гг.) // Материалы научной конференции “Личность и власть в истории России XIX–XX вв.” (СПб. Научное общество историков и архивистов, СПб. ФИРИ РАН). СПб., 1997. С. 34–38; Она же. Организация и деятельность Чаяновского центра РГАЭ // Экон. журн. М., 2001, № 3. С. 151–155; Она же. Челинцев Александр Николаевич (1874–1962 гг.) // Новый ист. вестн. 2004. № 11. С. 245–257; Калинина Е.Н. Личный архив А.В. Чаянова в РГАЭ // Экон. журн. 2001. № 3. С. 141–150; Чаянов В.А. А.В. Чаянов и власть // Материалы научной конференции “Личность и власть в истории России XIX–XX вв.” С. 266–272; и др. См. также сн. 1.

(1892–1938)¹⁵, фонд которого поступил в архив осенью 1994 – весной 1995 гг. Отметим вклад в собрание и хранение личного фонда ученого его жены Е.Д. Кондратьевой и дочери, академика РАН Е.Н. Кондратьевой. Е.Н. Кондратьева после реабилитации отца способствовала восстановлению честно-го имени ученого. При ее активном участии был создан Международный фонд Н.Д. Кондратьева, который возглавил академик Л.И.Абалкин. До конца своей жизни (умерла 30 апреля 1995 г.) она была активным членом этого фонда.

Наиболее значительным событием явилась Международная научная конференция, состоявшаяся 17 марта 1992 г. в Москве, в Колонном зале Дома Союзов к 100-летию со дня рождения Н.Д. Кондратьева. Последующие научные конференции по разным аспектам творчества Н.Д. Кондратьева проводятся в городах, связанных с жизнью выдающегося ученого: в Москве, Санкт-Петербурге, Костроме, Иванове, Владимире, Кинешме и др.

Фонд Н.Д. Кондратьева (№ 769) насчитывает более 700 документов, которые систематизированы по 9 тематическим разделам: творческая деятельность, служебная деятельность, переписка Н.Д. Кондратьева, фотографии, биографические документы, документы о нем, его жены – Е.Д. Кондратьевой, его дочери Е.Н. Кондратьевой, документы Д.Я. Дорф – отца Е.Д. Кондратьевой. Хотя фонд невелик по объему, каждый документ, входящий в его состав, по-своему уникален и несет нам крупинки информации о личности талантливому ученого, любящего мужа и отца, гражданина.

После ареста творческие документы Н.Д. Кондратьева почти не сохранились. В наиболее полном виде имеется рукопись его работы, написанной в Бутырской тюрьме, – “Основные проблемы экономической статики и динамики”, которая опубликована после реабилитации ученого¹⁶. Кроме этой рукописи, сохранились фрагменты работ ученого по различным аспектам экономики, подборки статистических материалов об экспорте хлеба за различные хронологические периоды, о группах и типах крестьянских хозяйств; списки книг, которые Н.Д. Кондратьев просил достать для научной работы, находясь в заключении (Д. 6, 8, 10, 25). В раздел “Служебные документы” включены копии докладов Н.Д. Кондратьева на заседаниях Коллегий и Плановой комиссии Наркомзема РСФСР, где он работал в 1920-е годы в качестве ведущего специалиста. Возможно, наибольший интерес в этом разделе представляет список членов комиссии “Помгол”, арестованных 27 августа 1921 г. в связи с требованием командировать их в Стокгольм для установления связей с зарубежными организациями помощи голодающим. После получения отказа от Правительства РСФСР они вышли из состава членов комиссии и были арестованы. Среди них был и Н.Д. Кондратьев (Д. 17).

¹⁵ Н.Д. Кондратьев – известный экономист, специалист в области прогнозирования и мировой экономической конъюнктуры. Преподавал в Тимирязевской сельскохозяйственной академии, в 1918–1920 гг. заведовал экономическим отделом Совета сельскохозяйственной кооперации. С 1920 г. работал в Наркомземе РСФСР: ведущим сотрудником Плановой комиссии, начальником Управления экономики, директором Конъюнктурного института (с 1923 до 1928 г. – в составе Наркомфина СССР). В апреле 1928 г. уволен с поста директора Конъюнктурного института Наркомфина СССР. Основные труды: Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1992; Большие циклы конъюнктуры: доклады и их обсуждение в Институте экономики / совм. с Д.И. Опариним. М., 1928; План и предвидение: к вопросу о методах составления перспективных планов развития народного хозяйства и сельского хозяйства в частности // Пути сельского хозяйства. 1927. № 2. С. 3–36; и др. Необоснованно арестован в июле 1930 г. Расстрелян в 1938 г. Полностью реабилитирован в 1987 г. См.: Интернет, сайт www.kondratjefw.nw.ru

¹⁶ Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статики и динамики: предвар. эскиз. М., 1991; РГАЭ. Ф.769. Оп. 1. Д. 7. Далее сноски на дела даны в тексте.

К биографическим документам относятся: подлинное рекомендательное письмо профессора Тимирязевской сельскохозяйственной академии В.С. Вильямса с поддержкой командировки ученого за границу, телеграмма профессора Корнельского университета Уоррена на имя Кондратьева с просьбой принять участие в международной конференции в Нью-Йорке и выступить с сообщением (Д. 67, 68). Телеграмма пришла в июле 1930 г., через месяц после ареста ученого. Сохранилась выписка из метрической книги о рождении Н.Д. Кондратьева – 4/17 марта 1892 г., в д. Галуевской Кинешемского уезда Иваново-Вознесенской губернии (Д. 60), ныне – Вичугский район Ивановской области. Завершают биографический раздел документы, собранные академиком ВАСХНИЛ А.А. Никоновым, для постановки вопроса о реабилитации Н.Д. Кондратьева, здесь же имеется “Свидетельство о смерти” ученого, справки Военной коллегии Верховного Суда СССР и Прокуратуры СССР с объявлением реабилитации Н.Д. Кондратьева (Д. 73–75).

В фонде Наркомфина СССР было обнаружено личное дело Н.Д. Кондратьева за период его работы директором Конъюнктурного института с 1923 по 1928 г. Автобиография ученого в деле – единственный источник о его жизни в детские и юношеские годы. Из нее мы узнаем о том, что Николай был старшим среди 10 детей крестьянской семьи. Упорство и огромное желание учиться позволили молодому Кондратьеву сдать экзамены на зрелость и стать в 1911 г. студентом Петербургского университета (Д. 61).

Прекрасным источником являются фотографии. Особый интерес представляют фотографии Николая Кондратьева и его детского друга Питирима Сорокина, впоследствии известного социолога, который также, как и Кондратьев, был учеником Хреновской церковно-учительской семинарии в 1905–1906 гг., а затем студентом Петербургского университета. Среди 20 фотографий за 1906–1989 гг. – снимки Н.Д. Кондратьева с женой в период командировки в США; с близкими родственниками – отцом, матерью, братом, женой, дочерью Еленой; с сотрудниками Конъюнктурного института, в доме отдыха ученых в Гаспре и др. (Д. 40–59).

Ценным памятником является переписка Н.Д. Кондратьева с женой и дочерью за долгие годы заточения в Суздальском политизоляторе в 1932–1938 гг. (Д. 23–39). Значимость эпистолярного наследия Н.Д. Кондратьева высоко оценивается представителями научной общественности и всеми теми, кто хоть раз прикоснулся к письмам великого ученого.

В результате длительной и сложной работы по реконструкции текста писем Н.Д. Кондратьева к жене и дочери, осуществленной молодым экономистом П.Н. Ключиным, у РГАЭ и Международного фонда Н.Д. Кондратьева появилась возможность подготовки корпуса источников к изданию книги “Н.Д. Кондратьев. Суздальские письма” (М., 2004). В состав редколлегии вошли: Ю.В. Яковец (председатель), П.Н. Ключин, Н.А. Макашева, Е.А. Тюрина (зам. председателя), чл.-кор. РАН Р.Г. Яновский, В.М. Бондаренко (ученый секретарь). Составителями книги являются: П.Н. Ключин, Е.А. Тюрина, Ю.В. Яковец, З.К. Водопьянова, Т.В. Домрачева, Г.И. Соловьева.

При подготовке книги осуществлен широкий дополнительный поиск документов Н.Д. Кондратьева и его жены, разъясняющих факты и события, описываемые в письмах, и расширяющих представления об эпистолярном наследии ученого. Решено было дать следующие найденные источники Суздальского периода в общем хронологическом ряду: письмо Н.Д. Кондратьева В.Р. Менжинскому, с копиями на имя И.В. Сталина, В.М. Молотова и М.И. Калинина (№ 24); письма Е.Д. Кондратьевой в Комиссию по частным

амнистиям (№ 35) и М.И. Калинину (№ 40); письмо Н.Д. Кондратьева отцу (№ 48); письмо Н.Д. Кондратьева М.И. Калинину (№ 84), письма Е.Д. Кондратьевой М.И. Калинину (№ 85), А.С. Енукидзе (№ 128 и 141) и В.М. Молотову (№ 148).

Для целостного представления о личности Н.Д. Кондратьева и для более полного отражения картины событий составители включили в издание приложения. В их состав вошли письма Н.Д. Кондратьева его учителю А.С. Лаппо-Данилевскому (1916–1919); Е.Д. Кондратьевой (февраль 1922 г.); документы о предполагаемой высылке Н.Д. Кондратьева за границу (август 1922 г.); документы периода пребывания Н.Д. Кондратьева в Бутырской тюрьме (1930–1931); переписка И.В. Сталина с В.М. Молотовым (1930); и др.¹⁷

Наиболее яркое эмоциональное звучание имеют стихи и ноты романа «Наша встреча была не случайной», написанного ученым ко дню рождения жены в декабре 1934 г., а также сказка в стихах и с рисунками «Приключения котика Шамми» для дочери Аленушки (Д. 17, 30).

Среди важнейших документов, включенных в основной текст сборника, следует отметить выявленное специалистами Архива Президента Российской Федерации письмо Н.Д. Кондратьева к Председателю Коллегии ОГПУ В.Р. Менжинскому, копии И.В. Сталину, В.М. Молотову, М.И. Калинину, в котором ученый пытался разъяснить свою позицию в период следствия, считая методы ведения следствия противозаконными¹⁸. Содержание письма трагично. Из него хорошо видна система допроса политических заключенных, как следователи вели дознание, исходя из заранее составленного сценария обвинения, подготовленного в соответствии с уже разработанным планом процесса над членами так называемой Трудовой крестьянской партии, которой не существовало. Это письмо характеризует Н.Д. Кондратьева как человека, который наивно предполагал, что проявленная по отношению к нему тактика допроса является ошибкой отдельных следователей и что необходимо восстановить социалистическую законность по его делу. Позднее ученый осознал тщетность усилий по пересмотру его следственного дела и отказался от сделанных признаний в преступлениях, которые он не совершал.

Представленные вниманию читателей письма вместе с документами из ГАРФ, РГАСПИ, АПРФ, ЦА ФСБ РФ, СПб ФА РАН – взаимодополняемая совокупность сведений. Здесь сочетаются документы, ранее введенные в научный оборот и публикуемые впервые, что существенно повышает информационный потенциал опубликованных источников. Официальная презентация книги «Н.Д. Кондратьев. Суздальские письма» состоялась в РГАЭ 17 марта 2005 г., в день 113-й годовщины со дня рождения ученого. На презентации присутствовали члены редколлегии сборника, составители и представители научной общественности г. Москвы, которые дали высокую оценку подготовленной книге и подчеркнули важность работы, проводимой архивом по популяризации творчества репрессированных экономистов и возвращению исторической правды.

Работа коллектива РГАЭ по собиранию личных фондов и документальных коллекций деятелей экономики периода СССР продолжается. Приоритетное место в этой работе сохраняется за поиском документальных свидетельств о трагических страницах истории нашей страны, передаваемой через конкретные человеческие судьбы.

¹⁷ См.: *Кондратьев Н.Д.* Суздальские письма. М., 2004. С. 938–975, 828–834.

¹⁸ См.: Там же. С. 99–125.

Д.Я. Майдачевский

**УЧЕНАЯ КОМИССИЯ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ
ИСТОРИИ ТРУДА В РОССИИ (1921–1925):
ОПЫТ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ**

Первое десятилетие после 1917 г. стало периодом интенсивного развития экономической истории. Дисциплинарный подъем сопровождался созданием новых институциональных структур для производства и распространения историко-экономических знаний. Причем они возникали, как правило, вне пределов консервативной в отношении новых отраслей исторической науки и самого деления единого исторического знания на слабо связанные друг с другом профессиональные “истории”.

Ярким примером подобных образований можно считать Ученую комиссию по исследованию истории труда в России и ее журнал “Архив истории труда в России” (1921–1925).

Ученая комиссия по исследованию истории труда в России (далее – Комиссия) была создана в феврале 1921 г. при Петроградском совете профессиональных союзов по инициативе Юлия Исидоровича Гессена (1871–1939). Незадолго до этого оставивший работу в Главном архивном управлении, где “много сделал для спасения и систематизации архивных фондов”¹, он занял должность уполномоченного культурно-просветительского отдела Петроградского совета профессиональных союзов по издательскому делу, что открывало широкие для тех лет возможности в области публикации архивных источников. Самим фактом своего создания, первыми шагами на избранном поприще Комиссия служит иллюстрацией хорошо известного историко-научного феномена: организация коллективных исторических исследований практически всегда начиналась с “периферии” исторической науки, так называемых вспомогательных исторических дисциплин – архивных и библиографических разысканий и публикаций.

Цель создания Комиссии была достаточно четко сформулирована в статье Ю.И. Гессена “Задачи и деятельность Ученой комиссии по исследованию истории труда в России”, открывшей первую книжку журнала. Архивистам и библиографам предстояло, на его взгляд, выполнить сложную подготовительную работу: зафиксировать сохранившиеся в архивах документы и систематизировать этот обширный и разнообразный материал; выявить разбросанные по многочисленным изданиям публикации и классифицировать их; а в результате – сделать научный материал доступным для исследователей. “Объединить, координировать частью индивидуальный, частью коллективный труд и направить его в конечном итоге к единой цели”² и был призван создававшийся научный журнал.

¹ Гессен Ю.И. // Отечественная история: история России с древнейших времен до 1917 г.: энциклопедия: в 5 т., М., 1994. Т. 1: А–Д. С. 552.

² Гессен Ю.И. Задачи и деятельность Ученой комиссии по исследованию истории труда в России // Архив истории труда в России. Пг., 1921. Кн. 1. С. 4. (Далее: АИТР.)

По отношению к Комиссии справедливо и другое наблюдение историков науки: совместные исследования неизбежно делали науку проблемно-ориентированной. Такой проблемой в данном случае стала история труда как один из разделов экономической истории. Сомнений в этом не оставляла статья возглавлявшего историко-экономическую секцию Петроградского отделения Центрархива Е.В. Тарле³ “История труда и ее значение”⁴. В ней ученый фактически реконструировал процесс становления экономической истории в качестве самостоятельной научной дисциплины, развил многие идеи, высказанные им еще в 1903 г. в работе “Чем объясняется современный интерес к экономической истории”⁵.

В журнальной статье, спустя почти 20 лет, в иной социально-политической обстановке Е.В. Тарле не проводит резкой границы между причинами, обусловившими общественный (“в широких слоях читающего общества”) и научный (“среди людей науки”) интерес к экономическому направлению в историографии. Марксизм (исторический материализм) для него – неотъемлемая часть единого историографического процесса, отклонение от которого в направлении изучения экономической стороны истории, – суть, результат классового противостояния середины XIX в. Попытки же экономического объяснения истории тщетны без обращения к истории трудящихся (производящих) классов, теснее и непосредственнее всего связанных с экономической жизнью общества: “есть в огромной области экономической истории вопрос, который выделяется своей колоссальной важностью из всех других. История производительных классов общества (и, прежде всего, в их числе крестьян и рабочих) – вот на что все больше и принципиальнее направляется мысль ученых исследователей...”⁶

Отмеченные Е.В. Тарле тенденции в развитии историко-экономической науки не были достоянием лишь отечественной историографии, вынужденной активно “включать” решаемые обществом социальные проблемы в исторические исследования. Достаточно упомянуть о существовавшей еще с 1907 г. кафедре истории труда в Коллеж де Франс, занимавшей историю социально-экономического развития Франции, и возглавлявшем ее Ж. Рена-ре, под редакцией которого выходила 12-томная “Всеобщая история труда”, а фактически – многотомная экономическая история Европы. Весьма символическим выглядит выход в свет в Петрограде именно в 1921 г. перевода книги другого французского автора П. Бризона “История труда и трудящихся”, по которой можно судить, что трудовая (рабочая) история тех лет была неотъемлемой частью экономической истории, опиралась на ее незыблемый теоретический фундамент – экономический детерминизм.

Не следует сбрасывать со счетов и свойств названия, поскольку оно есть институциональный опознавательный знак любой науки. В период революционных потрясений уже сложившиеся науки меняют название, стремясь перечеркнуть прежнюю традицию, перевернуть страницу своей истории. “Историей труда”, например, стала именоваться, начиная с 1918 г., политическая экономия (а фактически – экономическая история), включенная в учеб-

³ См.: *Каганович Б.С.* Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995. С. 26.

⁴ В журнале (кн. 1) статья названа “История труда и его значение”. Однако авторы рецензий в печати тех лет указывали на возможную опечатку. Исправляя ее, мы ориентируемся на библиографию печатных трудов ученого. См.: *Тарле Е.В.* Соч. М., 1962. Т. XII. С. 497.

⁵ *Вестник библиотек самообразования.* 1903. № 17.

⁶ *Тарле Е.В.* История труда и ее значение // АИТР. Пг., 1921. Кн.1. С. 8.

ные планы второй ступени трудовой школы⁷. История труда, как нам представляется, пусть и на короткий срок, но стала компромиссом между “экономической историей” и “историей рабочего движения”, устроившим и сотрудничавшим с Комиссией и ее журналом историков “старой школы”, усваивавших новые для себя методологические и социологические установки, и “историков-марксистов”, отождествивших историю труда в итоге с идеологией рабочего движения, историей рабочей организации, партии. Этот компромисс достигался за счет игры словами, приспособлением ранее выработанных концепций к изменившейся политико-идеологической обстановке в стране. Однако компромиссом, по крайней мере, “благозвучным”: достаточно сравнить публиковавшиеся Н.А. Рожковым в издававшемся “Комиссией” журнале “Очерки истории труда в России”, вышедшие впоследствии отдельным изданием, с названием его работы “История народного хозяйства и рабочего движения от первобытных времен до наших дней”, оставшейся в рукописи.

Ситуация, сложившаяся в исторической науке, хорошо сознавалась современниками. Так, И. Зак в рецензии на книгу Л.Н. Юровского “Саратовские вотчины: статистико-экономические очерки и материалы из истории крупного землевладения и крепостного хозяйства в конце XVIII и начале XIX столетия” писал: “Новое поколение марксистов-историков России целиком ушло в разработку проблем 19 и 20 веков. Более ранние эпохи русской истории по-прежнему разрабатываются почти исключительно буржуазными историками. Правда, и для них революция прошла не даром: они усиленно сейчас занимаются вопросами экономической истории”⁸. Без тени “раскаяния” подчеркивая негативную роль “нажима марксизма”, “портящего свободное развитие научной работы”, в этом “грехе” признавались и “буржуазные историки”. Их “типичный представитель” С.Ф. Платонов 17 сентября – 5 октября 1930 г., в своем заявлении в Коллегию ОГПУ отмечал, что “участвуя в ученых изданиях этих лет (1920–1926 гг.), я выбирал для своих публикаций темы такого рода, чтобы они соответствовали характеру и потребностям переживаемого момента (вопросы классовой истории, главным образом истории крестьянства)”⁹. Ценность этого признания для нас состоит в том, что оно принадлежит историку, возглавлявшему “Ученую комиссию по исследованию истории труда в России”, а публикации, упоминаемые им (“Был ли первоначально русский север крестьянским”, “О времени и мерах прикрепления крестьян к земле в Московской Руси”), увидели свет на страницах журнала “Архив истории труда в России”.

Итак, Комиссия должна была действовать на проблемном поле, заниматься, главным образом, архивными и библиографическими разысканиями по экономической истории. Устанавливалась следующая очередность работ: во-первых, преимущественное внимание к составлению архивных карточных каталогов (хронологического, предметного, “поархивного”); во-вторых, формирование библиографического карточного указателя русских и иностранных литературных источников по истории труда; завершающим пунктом Комиссии было издание научного журнала “Архив истории труда в России”. На практике главным детищем Комиссии стал именно журнал, что, впрочем,

⁷ Подробнее см.: *Майдачевский Д.Я.* “История труда”: забытая страница школьного образования // Экономика в школе. 2003. № 23.

⁸ Цит. по: Труд в России. Пг., 1925. Кн. 2. С. 268.

⁹ Академическое дело 1929–1931 гг. СПб., 1993. Вып. 1: Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. С. 200.

нельзя считать неожиданностью, ибо сам факт появления печатного органа открывает новую фазу в истории той или иной отрасли знания, меняет систему приоритетов в деятельности ее институций, нередко подчиняя ее задаче формирования редакционного портфеля издания, усиливает процессы дисциплинарной специализации и т.д. Кроме того, большинство вопросов жизнедеятельности Комиссии решалось на совместных заседаниях ее руководства и редколлегии журнала, а подавляющая часть принимаемых решений касалась его издания. Поэтому рассматриваемые ниже задачи, поставленные перед сотрудниками Комиссии, представляют собой одновременно программу ее печатного органа.

В самом общем виде задачи Комиссии были сформулированы в уже упоминавшейся статье Ю.И. Гессена: “Разработка архивных материалов по истории труда и тех социальных групп, которые живут личным трудом [...] изучение вопросов, касающихся истории производственного труда и тех видов организационной и научно-технической деятельности, которые служат данному производству; основные формы производственного труда, подлежащие изучению, – фабрично-заводской, ремесленный и сельскохозяйственный труд”¹⁰. Для сотрудников Комиссии были составлены и более детальные программы изучения перечисленных отраслей производственного труда. Автором программ исследования истории фабрично-заводского и ремесленного труда выступил И.М. Кулишер, а сельскохозяйственного – А.Е. Пресняков¹¹.

Первая из перечисленных программ представляет значительный научный интерес. И.М. Кулишеру принадлежит приоритет в постановке задачи изучения истории отдельного промышленного предприятия как хозяйственной организации и выработки программы такого изучения. Вопросы были сгруппированы им в два отдела, и, если входившие в первый из них действительно касались социально-экономических проблем труда, рабочей силы (половозрастной состав, гражданское состояние, национальная принадлежность, формы оплаты труда, продолжительность рабочего дня и т.п.), то включенные во второй отдел составляли, в совокупности, программу историко-экономического изучения отдельного предприятия.

В процессе обследования фабрично-заводского архива предполагалось установить: юридическую форму предприятия или его владельца; условия возникновения предприятия; роль русского и иностранного капитала в его создании; льготы, установленные правительством (государственные заказы, субсидии, монополии, льготы и т.д.); причины ликвидации; виды обрабатываемого сырья, его количество, цены, источники получения; виды изготавливаемой продукции и динамику цен на нее; условия сбыта продукции (рынки, посредники, конкуренция и т.д.); характер технологических процессов, виды применяемых машин и двигательных установок; технические изобретения; использование труда кустарей-надомников¹².

В статье “Вопросы истории русской промышленности и промышленного труда (в дореформенное время), постановка их в нашей исторической литературе” И.М. Кулишер весьма критично оценил дореволюционную историографию русской промышленности, представленную описаниями отдельных предприятий и даже монографиями, посвященными истории промышленнос-

¹⁰ Гессен Ю.И. Указ. соч. С. 4.

¹¹ См.: ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 216. Л. 21.

¹² См.: АИТР. Кн. 1. С. 150.

ти в целом. Наиболее актуальной он считал задачу “внимательно изучить все обстоятельства, сопутствующие учреждению того или другого предприятия, и все условия, характеризующие его деятельность, ход и развитие. Архивные материалы в состоянии в этом направлении выяснить очень многое...”¹³ Поставленная задача и была детализирована в программе, предложенной сотрудникам Комиссии.

Программа изучения экономической истории отдельного предприятия формально выходила за пределы задач, стоявших перед Ученой комиссией, поскольку предполагала проведение архивных разысканий в области торговли и предпринимательства, которая рассматривалась “лишь как политико-экономический фактор”, влияющий “на быт и деятельность трудового населения”¹⁴. Поэтому, предупреждая “сомнения, возникающие в ходе работы”, руководство Комиссии неоднократно подчеркивало важность фиксации в создавшемся архивном каталоге дел, содержащих данные “о финансировании предприятий, о размерах и технике производства, об условиях сбыта изделий, об экономической политике правительства”, а также касающихся “учреждения фабрик и заводов” и тех “мер, которые принимались с целью развить фабрично-заводскую деятельность”¹⁵.

Менее оригинальна (а главное – менее актуальна) была программа разработки архивных материалов по истории ремесленного труда, которая предусматривала исследование цеховой его организации, экономического положения мастера, условий найма, форм и размеров оплаты учеников и подмастеров, производственной и сбытовой монополии цеха и т.д.

Иной характер носила программа изучения истории сельскохозяйственного труда в России, также разделенная автором – А.Е. Пресняковым – на две части, но по хронологии. До 1861 г. предусматривалось изучать экономику крепостного, помещичьего и крестьянского хозяйства: барщину и личные повинности, размер и структуру оброка, государственные повинности и т.д. После 1861 г. акцент делался на исследования свободных форм землевладения и землепользования, проблем дифференциации крестьянских хозяйств, возникновения и укрепления артельной и кооперативной форм их организации, проникновения арендных отношений в деревню, условий найма сельскохозяйственных рабочих и т.д.¹⁶

Рецензенты, откликнувшиеся на появление журнала, не обошли вниманием и упомянутых программ, подметили различие в подходах к их составлению. Так, А. Изюмов писал: “Здесь чересчур много спорного. Прежде всего, программа поражает какой-то несогласованностью частей. По отношению к изучению крестьянского труда она более детализирована и более выдержана хронологически. В отношении же фабрично-заводского труда и ремесленного она неясна, прежде всего, с той стороны, что нельзя уловить ее хронологических граней”¹⁷. Поскольку программы преподносились от имени Комиссии, рецензент фактически противопоставлял программы “экономиста” И.М. Кулишера, программе “историка” А.Е. Преснякова. Впрочем, руководство Комиссии создало всю условность этих “априорно составленных планов”, “теоретически разработанных программ”, которые не в состоянии учесть всего разнообразия архивного материала. Поэтому предложенные сотрудникам,

¹³ Там же. С. 19.

¹⁴ Там же. С. 146.

¹⁵ Там же. С. 146, 148.

¹⁶ Там же. С. 150–151.

¹⁷ Красный архив. 1922. Т. 1. С. 426–427.

а также потенциальным авторам журнала программы задавали самые общие рамки творческой деятельности.

В завершении анализа задач Комиссии и, соответственно, программы издаваемого ею журнала, заслуживает упоминания взгляд фактически контролирувавшего всю текущую деятельность организации Ю.И. Гессена на соотношении макро- и микроисторического подходов к разработке материалов по истории труда (и, следовательно, макро- и микроисторических сюжетов предлагаемых для опубликования статей). Признавая актуальность изучения деятельности и жизни трудящихся “в массовом проявлении”, он считал, что обработке должны подвергаться и материалы “частного, индивидуального характера”. Более того, история труда должна быть соткана преимущественно “из элементов бытового характера; при изучении ее, несомненно, более важными являются те архивные дела, которые, каждое в отдельности, неприятельно рассказывая о незначительных житейских взаимоотношениях, будничных эпизодах, воспроизводят в своей совокупности четко и правдиво протекающую жизнь в гармоничной пестроте ее реальных черт”. Материалы же социологического характера таят в себе “стремление к предвзятой цели... совершенно лишены красок жизни, ее дыхания”¹⁸.

Быть может, такой “бытовой”, “этнографический” подход к анализу историко-экономического материала и позволил впоследствии объявить позиции авторов большинства статей и заметок, опубликованных в журнале, “буржуазно-объективистскими”. Однако именно он, на наш взгляд, внес новые моменты в историко-экономическую науку, с одной стороны, наполняя ее социальным содержанием, сближая ее с историей социальной, историей повседневности, с другой, – не допуская ее превращения в “историю классов” или “историю классовой борьбы”. Историкам и экономистам, сотрудничавшим с Комиссией и определявшим лицо ее издания, в большинстве своем был чужд такой “научный” анализ экономического строя общества под углом зрения историзма, который вел к социологической концепции марксизма – к теории классовой борьбы, и только таким “опосредованным” путем к “внедрению” экономики в историю.

Персональный состав Комиссии на протяжении ее непродолжительной работы неоднократно менялся. Сохранившиеся в архиве отчеты о ее деятельности (с июля по декабрь 1921 г.) позволяют утверждать, что первоначально в нее входили осуществлявшие общее руководство, участие в заседаниях и редакционной коллегии журнала С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле, Ю.И. Гессен и А.С. Путилов; заведующий отделом иностранной библиографии А.И. Браудо; научные сотрудники, занятые непосредственно работой в архивах и систематизацией архивных карточек, – В.И. Шарый, С.Ф. Фарфоровский, Б.А. Романов, Н.С. Платонова, Г.Ф. Лапо, А.В. Шебалов, Н.А. Мурзанов; секретарь Е.И. Кочешкова; делопроизводитель А.С. Карпова; служитель Е. Кубышин¹⁹. В июле–сентябре 1921 г. членами Комиссии и редколлегии журнала стали И.М. Кулишер и А.Е. Пресняков, работу над составлением библиографического указателя русских литературных источников по истории труда возглавил Ф.А. Вальтер (заменивший В.И. Шарого, покинувшего службу в Комиссии), систематизатором архивных карточек – Л.М. Айзенберг, помощником секретаря, на которого были фактически возложены обязанности технического секретаря редакции, стал В.Ю. Гессен²⁰.

¹⁸ Гессен Ю.И. Указ соч. С. 4.

¹⁹ См.: ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 216. Л. 4.

²⁰ См.: Там же. Л. 59.

Лишь спустя полгода после создания Комиссия обзавелась “Положением”, регламентировавшим ее деятельность, определявшим взаимоотношения с учредившим ее Петроградским советом профессиональных союзов. Современники отмечали “широкую самостоятельность”, “автономию” Комиссии в решениях научных вопросов и проблем внутренней жизни²¹. Действительно, в соответствии с “Положением” Комиссия сама определяла приоритетные направления работы, вытекавшие из поставленных перед нею задач, технологию ее организации, контроль за выполнением отдельных ее этапов, самостоятельно избирала из своей среды председателя и его заместителя (управляющего делами), членов редакционной коллегии журнала, а также назначала штатных, т.е. получающих оклад, и временных – оплачиваемых сдельно, сотрудников. Она была самостоятельна и в установлении научных контактов с родственными организациями²².

Петроградский совет профсоюзов выделял средства на оплату труда сотрудников, издание журнала и выплату гонорара авторам. Так, например, в декабре 1921 г. председателю “Комиссии” было выплачено денежное вознаграждение в размере 60 тыс. руб., а руководителям работ – по 45 тыс. руб. Гонорар авторам первого номера журнала выплачивался из расчета 3 тыс. руб. за 1 тыс. знаков²³. Всего же на оплату гонораров этого номера было выделено 700 тыс. руб.²⁴ Несмотря на достаточно скромные размеры оплаты интеллектуального труда (тот же документ приводит для сравнения стоимость проезда на трамвае в один конец – 1 тыс. руб.), комиссия, в это нелегкое в материальном отношении время, привлекла к сотрудничеству авторов, сфера научных интересов которых лежала в стороне от историко-экономической проблематики. На заказной характер статей, например, Б.А. Романова, увидевших свет на страницах журнала, справедливо указывали С.Н. Валк и В.М. Панеях²⁵.

В декабре 1921 г. Комиссия была зарегистрирована Петроградским отделением Управления научными учреждениями академического центра, а в марте 1922 г. – включена в число учреждений объединенного Совета научных учреждений и высших учебных заведений²⁶, что явилось признанием научного статуса этой институции и ее журнала.

25 октября 1921 г. состоялись выборы председателя “Комиссии” и его заместителя. Таковыми стали соответственно С.Ф. Платонов и Ю.И. Гессен²⁷. Примечательно, что если деятельность последнего на посту “управделами” Комиссии отмечена на страницах едва ли не всех библиографических материалов о нем, то о работе С.Ф. Платонова упоминается, как правило, вскользь. А статья с многообещающим названием “С.Ф. Платонов и гуманитарные учреждения Петрограда–Ленинграда в 1920-е годы” и вовсе обходит молчанием этот эпизод его биографии²⁸.

²¹ См.: Красный архив. 1922. Т. 1. С. 428.

²² См.: АИТР. Кн. 2. С. 156–157.

²³ ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 6. Д. 216. Л. 104.

²⁴ Там же. Оп. 46. Д. 1. Л. 56.

²⁵ См.: Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению: научное наследие. СПб., 2000. С. 118; Панеях В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000. С. 71.

²⁶ См.: АИТР. Кн. 1. С. 146; Кн. 2. С. 157.

²⁷ ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 46. Д. 1. Л. 74.

²⁸ См.: Смирнова Т.Г. С.Ф. Платонов и гуманитарные учреждения Петрограда–Ленинграда в 1920-е годы // Деятели русской науки XIX–XX веков / сост. Т.В. Андреева, М.Ф. Харитонович. СПб., 2001. Вып. 2. С. 203–213.

Вначале Комиссия стремилась как можно шире раскинуть “невод” своих разысканий: ее сотрудники обследовали архивы департаментов окладных сборов, горного, бывших министерств народного просвещения, внутренних дел, Сената, Государственного совета, а также архивы, находившиеся в ведении историко-экономической секции Петроградского отделения Главархива и др. Усилия руководства были направлены главным образом на то, чтобы интенсифицировать работу научных сотрудников. Вопросы, обсуждавшиеся на заседаниях Ученой комиссии на этом этапе, часто носили характерные названия: “Расширение архивных изысканий” (19 июля), “К усилению производительности работ” (25 июля). Выступая с докладом по последнему, Ю.И. Гессен подчеркивал: “Нам предстоит совершить столь громадную работу, что необходимо повести ее отныне со всей напряженностью, какую только позволяют денежные средства и наличие научно-технических сил”²⁹.

В связи с непрерывным на первых порах расширением фронта работ следует рассматривать планировавшееся в том же, 1921 г., создание отделения Комиссии в Москве³⁰. Этим планам не суждено было сбыться. Но два года спустя, по образу и подобию ленинградской была создана Комиссия по исследованию истории труда при Киевском губернском совете профессиональных союзов, даже выпустившая в 1924 г. так и оставшийся единственным исторический сборник “Труд и борьба” (об этом см. ниже).

Возрастал и не только перечень архивных фондов, подлежащих обследованию силами сотрудников Комиссии, но и круг тех вопросов, ответы на которые могли дать дела, в них хранящиеся. В поле зрения Комиссии находилась история технического устройства фабрик и заводов; история машины в России (в связи с чем планировалось даже “обратиться в Президиум совета союза с просьбой объявить какую-либо премию за исследование истории машины хотя бы до конца 19-го века”); история производственной гигиены и санитарии³¹. Особо отметим благожелательное отношение руководства к инициативе сотрудничавшего с Комиссией Б.А. Суворова написать историю Всероссийского союза рабочих водного транспорта, а также намерение в дальнейшем опубликовать на страницах журнала “небольшие очерки по истории других профессиональных союзов”³². Как видим, история профессионального движения изначально занимала весьма скромное место в планах Комиссии.

Исследовательская составляющая в ее деятельности на данном этапе наиболее ярко проявилась в области обследования фабрично-заводских архивов Петрограда. На совместном заседании Комиссии и редколлегии журнала 25 июля 1921 г. сотруднику А.Л. Блеку было дано поручение организовать изыскания в архиве Обуховского завода³³. А месяц спустя уже обсуждалась представленная им статья³⁴, которую А.Е. Пресняков предложил опубликовать в журнале наряду с отчетом Н.С. Платоновой “об обследовании архивов некоторых частных заводов, так как опубликование ряда подобных статей, вообще ценных для исследователей, может побудить соответствующие ведомства принять меры к охране архивных документов”³⁵. 23 августа того

²⁹ ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 46. Д. 1. Л. 58.

³⁰ Там же. Л. 67.

³¹ Там же. Л. 73, 76, 67.

³² Там же. Л. 68.

³³ Там же. Л. 57.

³⁴ См.: Блек А.Л. Из практики предварительного обследования заводских архивов // АИТР. 1921. Кн. 1. С. 116–121.

³⁵ ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 46. Д. 1. Л. 61. В книге первой журнала был помещен доклад О.Е. Корнилович и Н.С. Платоновой “О состоянии некоторых фабрично-заводских архивов в Петрограде” (С. 122–123).

же года специально рассматривался вопрос об обследовании заводских архивов, и было принято предложение А.Л. Блека о рассылке опросного листа на 40 намеченных им предприятий³⁶.

Весьма символическое название носила рецензия на первую книжку журнала в газете “Маховик”, органе Петроградского губернского совета профсоюзов, – “Историческая наука у заводских ворот”. Ее автор, продемонстрировавший хорошую осведомленность в делах Комиссии, акцентировал внимание именно на этой стороне ее деятельности. «За время с февраля до осени этого года сотрудники комиссии, – писал он, – обследовали архивы заводов № 3 (Цепвморз) и № 1 (Цепвморз)*, составили перечень находящихся в них дел. Осмотрены также архивы заводов Розекранца, Ижорского, Металлического, “Феникс”, Военно-врачебных заготовлений и Сампсониевской мануфактуры»³⁷.

Рецензия интересна еще и прозвучавшими в ней нотками скептицизма, как в отношении сохранности фабрично-заводских архивов, так и наличия в них ценных для работ Комиссии документов: “Пренебрежение к историческим материалам, хранящимся на заводах, было еще недавно так велико, что на частных заводах дела уничтожались каждые 10 лет. Сохранились материалы, большей частью чисто технического характера. Но ни в одном из осмотренных комиссией заводских архивов нельзя было собрать данных о заработной плате за несколько десятилетий”³⁸. Источником таких настроений были, по всей видимости, не только собственно публикации журнала, но и их авторы, сотрудники Комиссии. Последние столкнулись с необходимостью “изучать сухой и трудный материал, касающийся фабрик, как предприятия, с экономической точки зрения” (Н.А. Рожков), т.е. с принципиально новым для себя источником исторической информации. Неудивительно поэтому, что обсуждение проблем экономической истории отдельного предприятия, после появления упомянутых выше публикаций, уже не выносилось на страницы журнала. Исключением были статьи по истории провинциальной промышленности: Е.Ф. Дюбюк – о тобольской полотняной и П.Г. Любомирова – об иркутской суконной фабриках.

Упоминания в этой связи заслуживает книга П.Н. Столпянского “Жизнь и быт петербургской фабрики (1704–1914)”. Она интересна не столько своим содержанием, сколько красноречивыми признаниями автора во Введении. Автор, опубликовавший в АИТР (Кн. 2. С. 86–104) статью “Из истории производств в Петербурге за 18-й век и первую четверть 19-го века” (впоследствии она была включена в книгу), охарактеризовал свой труд как “первую попытку, сделанную частным лицом, его же частными средствами”³⁹, собрать материалы по истории петербургской фабрики. Знакомя читателей с использованными при написании книги источниками, Столпянский утверждал, что “архивы [...] заводов едва ли сохранились, а если и сохранились, то к разработке их приступить едва ли окажется возможным скоро”⁴⁰. Книга Столпянского, в известном смысле, печальный итог реализации исследовательской программы изучения истории предприятия как хозяйственной единицы, выполненной Комиссией.

³⁶ ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 46. Д. 1. Л. 64.

* Видимо, Центральное управление военно-морских заводов. – *Примеч. ред.*

³⁷ Книговед: историческая наука у заводских ворот // Маховик. Пг., 1921. 19 окт. С. 2.

³⁸ Там же.

³⁹ Столпянский П.Н. Жизнь и быт Петербургской фабрики (1704–1914). Л., 1925. С. 3.

⁴⁰ Там же. С. 7.

Начало новому этапу в истории рассматриваемой институции было положено докладом Ю.И. Гессена на ее заседании 25 октября 1921 г. В нем, фактически, была подвергнута ревизии вся деятельность организации, оценен накопленный за минувшие месяцы опыт. Были приостановлены работы в большинстве обследуемых архивов (Сената, Госсовета, МВД) и прекращены – с фондом выкупных операций. Поводом стало сосредоточение у Комиссии обильных материалов, которые “не смогут быть вскоре использованы исследователями”⁴¹. Стремление сдержать чрезмерный приток карточек, фиксирующих, как правило, однообразные по своему характеру материалы, заставило обратить внимание на небольшие архивные фонды, материалы которых разнообразили бы уже собранную информацию. Ю.И. Гессен был последователен в своих устремлениях. Тремя месяцами ранее он уже ратовал за необходимость первоочередного изучения небольших по объему фондов, находящихся в ведении историко-экономической секции Петроградского отделения Главархива. Правда, отнюдь не из-за разнообразия сосредоточенного там материала, а в силу незначительных трудовых затрат для их обследования⁴².

Однако более важным решением руководства стало намерение “перенести центр тяжести [...] занятий в исследовательскую (подчеркнуто Гессеном. – Д.М.) область. Явилась живая потребность направить [...] усилия к тому, чтобы содержание нашего журнала возможно больше соответствовало исследовательским задачам Комиссии”⁴³. В приведенной выдержке не столь очевидна мысль докладчика о смене приоритетов в деятельности институции, о которой мы писали выше. Более отчетливо она прозвучала в информации “К сведению и руководству сотрудников”. «Интенсивное составление каталога ослабило исследовательскую работу сотрудников, от результатов которой зависит содержание “Архива истории труда в России”». И дабы развеять всякие сомнения, сотрудникам предлагалось «заняться, в интересах “Архива истории труда в России”, по мере возможности, изучением самих архивных материалов, зафиксированных архивным каталогом»⁴⁴. Отныне деятельность Комиссии целиком была подчинена задаче издания полноценного научного журнала.

Доклад Ю.И. Гессена отнюдь не случайно назывался “Новое направление работы ответственных сотрудников” – достичь поставленной в нем цели предполагалось путем выполнения последними нового вида работ. Они должны были знакомиться с отдельными делами (или целыми группами их) и представлять письменные доклады, в которых кратко излагать содержание дела, давать оценку его материалов с точки зрения возможного использования в дальнейшей исследовательской работе, пригодности для более широких обобщений и т.п. Такие своеобразные “полуфабрикаты” предполагалось передавать “компетентным лицам для подготовки к печати в сыром или обработанном виде”⁴⁵.

Причины, по которым руководство Комиссии и редколлегия журнала при формировании портфеля издания сделали ставку на подобного рода материа-

⁴¹ ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 46. Д. 1. Л. 75; Наука и научные работники СССР: справочник. Л., 1926. Ч. II: Научные учреждения Ленинграда. Эта книга содержит сведения о каталоге архивных материалов, составленном усилиями сотрудников Комиссии и включающем около 30 тыс. карточек (С. 331).

⁴² Там же. Л. 58.

⁴³ Там же. Л. 75.

⁴⁴ АИТР. Кн. 2. С. 158.

⁴⁵ ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 46. Д. 1. Л. 75.

лы, очевидны. Характеризуя их, С.Ф. Платонов писал: «Житейская обстановка в эти годы не допускала глубоких архивных и библиотечных изысканий, требующих досуга в дневные и “служебные” часы и пребывания в книгохранилищах и архивах»⁴⁶. Любопытно, что, признавая серьезными указанные причины, Б.А. Романов в 1925 г. оценивал уже как негативную тенденцию заменять публикацию подлинного исторического документа его пересказом: “Сама же по себе операция о т ж а т я (разрядка Б.А. Романова. – Д.М.) существенных данных документа [...] дело слишком тонкое, чтобы прибегать к ней постоянно и без оглядки”⁴⁷. Чтобы издание в полной мере соответствовало статусу научного исторического журнала, привлекательного не только для специалистов, но и для более широкого круга читателей, следовало, по его мнению, “пустить на страницы журнала общие историко-экономические исследования и статьи”⁴⁸.

Действительно, как показал проведенный нами анализ тематического распределения материала в журнале⁴⁹, доля работ комплексного, обобщающего характера не достигала 5%. При том, что в четырех номерах публиковался “Очерк истории труда в России” Н.А. Рожкова, в котором ученый уже не в первый раз излагал свою историко-экономическую концепцию, лишь слегка “подогнав” ее к проблематике журнала: “Историю труда нельзя понять без истории хозяйства: первая составляет неразрывную часть второй”⁵⁰. Были напечатаны и оригинальные статьи И.М. Кулишера, которые, практически, одновременно увидели свет в его, ставших классическими, книгах “Очерк истории русской промышленности” (Пг., 1922) и “История русского народного хозяйства” (М., 1925). К числу обобщающих историко-экономических работ можно отнести также статьи В.Ю. Гессена “К истории ремесленного труда в Древней Руси (10–15 вв.)” и А.А. Введенского “Заметки по истории труда на Руси 16–17 вв.”

Критическое замечание Б.А. Романова, научного сотрудника Комиссии первого состава, было направлено против первоначально выработанных руководством установок, объявлявших нежелательными работы теоретико-методологического и обобщающего характера. По этой причине, быть может, историко-экономическая направленность издания не была отражена достаточно внятно, что позволило впоследствии авторам заметок в энциклопедических изданиях объявить основной сферой научных интересов журнала историю рабочего класса и крестьянства в России, перенести акцент на функцию публикации документов по истории рабочих и крестьянских волнений, профессионального движения преимущественно во второй половине XIX – начала XX в.

Между тем современники, например, А.А. Введенский, откликнувшись на появление первых номеров журнала, приветствовали именно рождение издания “как специального ученого периодического журнала, всецело посвященного вопросам экономической истории нашего далекого и близкого прошлого”⁵¹.

⁴⁶ Платонов С.Ф. Автобиографическая записка // Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1. С. 287.

⁴⁷ Красная летопись. 1925. № 3. С. 286.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ См.: Майдачевский Д.Я. Архив истории труда в России: попытка историко-экономического журнала // Архив истории труда в России. Труд в России, 1921–1925: указ. содерж. журн. / сост. Д.Я. Майдачевский и др. Иркутск, 2000. С. 4–24.

⁵⁰ Рожков Н.А. Очерк истории труда в России. М.; Л., 1924. С. 3.

⁵¹ Введенский А.А. // Книга и революция. 1922. № 9/10. С. 52.

“Новый курс”, провозглашенный фактическим руководителем работ Комиссии Ю.И. Гессеном, благотворно отразился на содержании журнала, пополнении его портфеля, привлечении новых авторов. Среди последних (помимо названных) были: С.И. Архангельский, С.В. Бахрушин, А.М. Большаков, П.Г. Васенко, А.А. Введенский, Е.Ф. Дюбюк, И.И. Любименко, П.Г. Любимиров, В.И. Пичета, А.В. Пруссак (Беляева), В.В. Святловский, А.Н. Шебунин и другие известные петроградские и провинциальные историки и экономисты.

Знакомство с содержанием номеров журнала показывает, что тематика публикаций в них не только много шире истории рабочего и крестьянского движения, но отнюдь не ограничивается XIX–XX вв. Бесспорным лидером исследовательского внимания авторов АИТР (при хорошо сознаваемой нами условности произведенных хронологических и тематических группировок) был период XVIII – первой половины XIX в., когда не столько шло формирование фабричного труда как доминирующей формы промышленной организации, сколько вообще закладывались основы последней в России, проявлялись национальные особенности этого процесса, теснейшим образом связанные с несвободным состоянием сельскохозяйственного труда. Книжки журнала не демонстрируют и чрезмерной концентрации внимания на промышленном, фабричном труде. Как отмечал один из рецензентов (фамилия не указана, но, видимо, М.К. Лемке), “вы не видите почти ни одной статьи по истории труда в период промышленного, а тем более финансового капитала. Зато вас весьма охотно потчуют крестьянством, но в таком издании, если правильно понять его задачи, нужно как раз не *это* (курсив рецензента. – Д.М.) избытие, а другое”⁵². “Другого” избытия как раз и не наблюдалось – работы, посвященные истории крестьянских и рабочих волнений, истории профессионального движения составляли лишь пятую часть всех публикаций.

Нападки, которым АИТР подвергся со стороны М.К. Лемке, рецензента в “Красной Летописи”, подчеркнем, органа Петроградского бюро Комиссии по истории Октябрьской революции и Российской коммунистической партии (Истпарта), отметим особо. И рецензент, и представляемый им орган стали олицетворением официальной советской историографии, начавшей “крестовый поход” против любых попыток увести историческую науку, такую ее отрасль, как история экономики, в сторону от официального магистрального направления развития – изучения рабочего класса и его движения: “Историй труда очень много, а истории рабочего нет. Так можно сформулировать то общее главное впечатление, которое получаешь после прочтения трех первых томов этого на неправильный путь ставшего издания”⁵³.

Экономическая история в интерпретации “чисто спецовой редакции” журнала и его авторов, по мнению М.К. Лемке, “все еще влачила при колеснице идеализма”. И причина этого была на удивление проста – она крылась в личностях тех, кто возглавлял журнал, т.е. Ю.И. Гессена, А.Е. Преснякова и И.М. Кулишера: «Нельзя, чтобы “редакционное совещание” такого издания состояло из людей или изучавших историю без экономики, или экономику – без исторического материализма в виде базы, или просто не знающих ни того, ни другого достаточно основательно...»⁵⁴ Не менее прост был и выписанный рецензентом рецепт оздоровления авторского коллектива, спо-

⁵² Красная летопись. 1922. № 4. С. 420.

⁵³ Там же. С. 419.

⁵⁴ Там же.

собный направить журнал на “обслуживание нужд пролетарской экономической и исторической науки” и почти на десятилетие опередивший начало реализации горьковского проекта написания истории заводов и фабрик силами не профессиональных историков, а, прежде всего, работников этих предприятий: “В него надо ввести товарищей рабочих, чувствующих по своей деятельности аппетит к этого рода вопросам...”⁵⁵

В течение 1921–1924 гг. было выпущено 10 книг журнала “Архив истории труда в России”. В 1924 г. меняется не только название – “Труд в России”, но и характер издания, которое превращается в исторические сборники. Энциклопедические издания содержат противоречивую информацию на этот счет. Путаница, по всей видимости, вызвана тем, что книга 11/12 “Архива” за 1924 г. явилась одновременно книгой первого сборника “Труд в России”. Если на титульном листе было помещено привычное для читателя название, то на обложке значилось уже “Труд в России. Исторические сборники. Кн. 1”. На обороте обложки было опубликовано редакционное объяснение причины изменения названия, но не характера издания. И если 1924 г. завершила книга вторая исторического сборника, то уже книга первая за 1925 г. вновь именуется историческим журналом, а вторая–третья книга, на которой издание было прекращено, – историческим сборником (причем, эти слова на титульном листе издания наклеены на ранее напечатанные “Исторический журнал”).

Последний из отмеченных нами фактов не позволяет выдвинуть иной версии, объясняющей переход к изданию сборников, кроме невозможности по финансовым, техническим или иным причинам выпускать периодическое издание. Тем более, что редколлегия лишь в первых пяти книжках “Архива” распределяла публикуемые материалы по отделам (“Описания архивных фондов дел, документы, заметки и проч.”; “Заметки архивистов”, “Факты и цифры”; “Материалы для статистики”), после чего издание действительно стало напоминать сборники. Не изменился и характер публикуемых материалов на страницах сборников. Более того, первые две книги сборника “Труд в России” как раз и отличает крайне незначительный удельный вес публикаций по истории рабочих, крестьянских волнений в пореформенной истории труда и полное отсутствие статей по истории профессионального движения.

Вряд ли можно безоговорочно принять редакционное объяснение смены названия – несоответствие названия журнала его содержанию. Необходимость публикации на его страницах исследований, основанных не только на архивных, но и на печатных материалах, не объясняет, на наш взгляд, отказа редакции от слов “архив” и “история” в его заголовке. Употребление первого из них не только указывает на важнейшую задачу издания – публикацию разнообразных результатов архивных разысканий в области истории труда, но и свидетельствует о стремлении превратить его в своеобразный научный архив по проблемам, входящим в программу журнала. Именно в таком смысле научная журналистика применяла понятие “архив” в прошлом, использует она его и сейчас.

Выяснение же причин отказа от устоявшегося в науке и тесно связанного с историко-экономической проблематикой понятия “история труда” позволяет, на наш взгляд, отметить важную тенденцию в развитии экономического направления в историографии в нашей стране в 1920-е годы.

⁵⁵ Там же. С. 420. Как весьма обнадеживающий факт, рецензент отмечал включение в состав редакционной коллегии журнала и ученой комиссии представителей Совета профессиональных союзов Г.В. Цыперовича и З.И. Любинского.

В науковедении давно подмечено, что статус научной дисциплины – это не только самооценка, определение важнейших ее характеристик самими участниками этой деятельности, но и внешнее, “субъективное” ее свойство, “присваиваемое” ей извне. Рассмотрим “историю труда” в данной системе координат. Как уже отмечалось выше, практически одновременно с началом выхода журнала в учебные планы второй ступени трудовой школы была включена дисциплина “история труда”, что вызвало появление пособий, носивших аналогичное название. Значительная их часть была ориентирована на программу Народного комиссариата просвещения, отвергавшую деление экономической науки на “политическую экономию”, “историю экономического быта” (экономическую историю) и “экономическую политику” и определявшую политическую экономию как науку о законах развития форм общественной организации труда. При таком понимании ее предмета политическая экономия и становилась историей труда.

Это, фактически, лишало экономическую историю статуса самостоятельной научной дисциплины, ибо “растворяло” ее предмет в политической экономии. История труда как учебная дисциплина не смогла надолго стать надежным убежищем для экономической истории, хотя некоторые издания, например, “Учебник истории труда” Н.А. Рожкова (1925), строились на утверждении, что экономическая история (история труда) – самостоятельная научная дисциплина. Можно предположить, что и историко-экономический журнал “Архив истории труда в России” превращался в исторический сборник, избегавший выносить в название упоминание об истории труда, как “скомпрометировавшей” себя связью с политической экономией.

Дополнительным аргументом в пользу нашего толкования причин изменения названия журнала является тот факт, что истории труда активно “приписывался” статус экономической дисциплины со стороны научной периодики тех лет, библиографии, а также органов управления наукой. Так, например, Д.А. Лутохин причислял АИТР к числу немногочисленных успешных попыток возрождения отечественной экономической периодики⁵⁶. В библиографических ежегодниках “Книга в 1921–1922 гг.” (М.; Пг., 1923) и “Книга в 1922–1923 гг.” (М., 1924) были выделены специальные разделы “История труда в России” (содержавшие, фактически, лишь роспись вышедших номеров журнала “Архив истории труда в России”), относившиеся к отделу “Социальные науки. Политическая экономия”. И, наконец, издание “Наука и научные работники СССР” содержит справку о журнале в указателе повременных изданий не по отделу “История” а по подразделу “Политические науки. Политическая экономия. Труд” отдела “Общественные науки”⁵⁷.

Коренной перелом в жизни журнала и Комиссии наступил в 1925 г., когда руководить изданием стала редколлегия в составе чиновников от Ленинградского областного совета профсоюзов: Г.Д. Вейнберг – заведующий тарифно-экономическим отделом, А.Н. Гусев и З.И. Люблинской – заместители заведующего культурно-просветительским отделом. В составе Комиссии уже отсутствовали С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле, И.М. Кулишер. Ее председателем стал Н.П. Глебов-Авилов – председатель областного бюро ВЦСПС, членами – уже названные выше чиновники, а также представители профсоюзов Москвы (А. Рабинович) и Киева (М. Балабанов). Из прежнего состава в Комиссии остались лишь Ю.И. Гессен и А.Е. Пресняков.

⁵⁶ См.: Книжный червь (Д.А. Лутохин). Наши экономические журналы // Вестн. лит.-ры. 1922. № 1. С. 16–17.

⁵⁷ См.: Наука и научные работники СССР. Ч. II. С. 331.

В редакционном обращении, книги первой журнала “Труд в России” сообщалось, что издание намерено обратиться как “к недавнему прошлому рабочего класса России, так и к основным его проблемам текущих дней”, помещая статьи по вопросам труда в России второй половины XIX и начала XX в. В журнале предполагалось выделить отделы: “Экономика и труд”, “Рабочий вопрос и рабочее движение”, “Профессиональное движение”, “Материалы современной жизни”, “Обзоры и библиография”, “Документы и сообщения”, что и было отчасти реализовано в следующей, ставшей последней, двукратной книге журнала.

Новая редколлегия намеревалась радикально обновить круг авторов. Назывались имена Р. Арского (А. Радзишевского), В.А. Базарова, Н.Н. Ванага, Г. Новицкого, А.М. Панкратовой, А.Г. Рашина, С.Г. Струмилина и других экономистов и историков, чьи интересы лежали, в лучшем случае, в области истории советской экономики и лишь формирующегося, но крайне перспективного, с позиций магистрального направления, развития исторической науки в нашей стране, изучения истории рабочего класса.

Как результат, журнал “Труд в России” стал похож на упоминавшейся киевский исторический сборник “Труд и борьба” (1924. № 1). Не только содержание помещенных в последнем публикаций, но и название сборника указывало на приоритетное внимание к истории борьбы рабочего класса. Критические замечания в адрес украинских коллег прозвучали даже со страниц “Труда в России”, рецензент которого рекомендовал “исследование намеченных вопросов... ставить в тесную связь с общей экономической историей края”⁵⁸. С.Н. Валк в своей рецензии вообще отмечал публикации сборники “Труд и борьба” не только “по социально-экономической истории рабочего класса, но и по социально-политической истории последнего”, что позволяло говорить о нем как об одном из многочисленных изданий по истории революционного движения в России⁵⁹.

На проблемное поле, уже занятое “Красной новью”, “Каторгой и ссылкой”, “Красным архивом”, “Летописью революции” и некоторыми другими изданиями, и “двинулся” после смены вех журнал “Труд в России”. Внимание авторов последних номеров журнала переместилось на период конца XIX – начала XX в., и едва ли не половина всех публикаций была посвящена истории рабочего и профессионального движения.

Весьма показательно появление в последней книге журнала внушительной по объему подборки материалов, озаглавленной “Отдел Истпрофа”. Комиссия по изучению истории российского профессионального движения при ВЦСПС (Истпроф) была организована в начале 1921 г., т.е. практически одновременно с созданием Ученой комиссии по исследованию истории труда в России. В ее задачи также входило изучение истории производства, экономических условий жизни и быта трудящихся, их социального состава и т.п., с той лишь разницей, что делалось это для оценки влияния названных факторов на развитие форм и содержания профессионального движения. В течение ряда лет литературный материал портфеля Истпрофа (преимущественно воспоминания, дневники, документы), посвященный не слишком долгой истории российского профессионального движения, печатался в разделах “Из прошлого” журнала “Вестник труда” (Москва) и “Из прошлого профор-

⁵⁸ Тхоржевский С. Из литературы по истории рабочего класса в России // Труд в России. 1924. Кн. 2. С. 153.

⁵⁹ Красная летопись. 1924. № 2 (11). С. 260–262.

ганизаций” – “Вестника профсоюзов” (Петроград). Однако по мере развертывания архивных разысканий и исторических исследований для публикации их результатов стали использоваться страницы издававшихся профсоюзами исторических журналов и сборников.

Еще в конце 1923 г. М.Я. Гордон, возглавлявший Истпроф при Президиуме Петрогубпрофсовета, писал: “При разработке материалов, Истпроф войдет в контакт с ученой комиссией по изучению истории труда в России. Разрабатываемые материалы будут помещены в журналах или выпущены отдельными изданиями”⁶⁰. Именно к этому году относится начало его сотрудничества с АИТР в качестве автора статей, а в 1925 г. – он уже член Ученой комиссии по исследованию истории труда в России, которая потеряла какое бы то ни было право именоваться научной институцией.

Причину прекращения журнала однозначно выявить трудно. Это могло стать как результатом конкуренции среди авторов и читателей со стороны других изданий, так и следствием внутренних, в том числе финансовых, проблем, что привело к закрытию в те годы многих журналов⁶¹. Обратим внимание лишь на один аспект проблемы. Издательская активность губернского совета профессиональных союзов не осталась незамеченной рецензентами, преимущественно историками, откликнувшимися на появление первых книжек АИТР, отмечавшими “отлично налаженный технически аппарат культотдела”, сумевшего подняться над “обыденной, ударной своей работой по изданию листовок, однодневок – агитационной литературы и элементарного обслуживания текущих своих нужд”⁶². Добавим, что культурно-просветительный отдел выпустил отдельными изданиями работы авторов АИТР, среди которых уже упоминавшиеся книги П.Н. Столпянского “Жизнь и быт петербургской фабрики (1704–1914)”, И.М. Кулишера “Очерк истории русской промышленности”, а также К.А. Пажитнова “Из истории рабочих артелей на Западе и в России. От утопистов до наших дней” (М., 1924) и др.

Как написано в одном из отчетов отдела культуры, издание и распространение журнала изначально сталкивалось со многими трудностями, преодолению которых способствовало появление благоприятных откликов в прессе, а также тот факт, что “книги журнала, хотя и медленно все же в конечном результате успешно распространяются”⁶³. Однако издатель прекрасно сознавал, что «преследуя строго научные цели, журнал “Архив истории труда в России” может рассчитывать лишь на определенных лиц, подготовленных для усвоения специального историко-экономического материала»⁶⁴, а посему развернул выпуск книжных серий, ориентированных на массового читателя. Интересы этих издательских программ с неизбежностью вступили в противоречие, что привело к падению тиража журнала: если первые номера АИТР печатались в количестве 5 тыс. экземпляров, то последняя книжка “Труда в истории России” – всего лишь 2 тыс.⁶⁵

⁶⁰ Гордон М. Истпроф, ее цель и задачи // Вестн. профсоюзов. Пг., 1923. № 14/15. С. 148.

⁶¹ К сожалению, во время блокады Ленинграда погиб архив инициатора издания и в течение почти всей его непродолжительной истории фактически единственного редактора Ю.И. Гессена, материалы которого могли бы пролить свет на многие вопросы. См.: Отечественная история: энциклопедия: в 5 т. М., 1994. Т. 1. С. 552.

⁶² Книга и революция. 1922. № 9/10. С. 51.

⁶³ ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 49. Д. 1. Л. 283.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Можно предположить, что по той же причине не была издана во многом обобщающая работа К.А. Пажитнова “История промышленного труда в России”, фрагменты и наброски которой, датированные серединой 1920-х годов, сохранились в личном фонде ученого. См.: АРАН. Ф. 699. Оп. 1. Д. 16,17.

В сентябре 1925 г. в журнале “Вестник профсоюзов”, органе Ленинградского областного бюро ВЦСПС, появилась небольшая заметка “Поменьше изданий, побольше читателей”, автор которой скрылся за инициалами “С.И.” В ней отмечалось: «Когда газету или журнал издают только потому, что, мол, и мы не лыком шиты и только поэтому тратить на это союзные деньги, это, по меньшей мере, нецелесообразно, если не сказать большего... “Издательскому зуду” отдельных союзов и особенно губотделов должен быть положен известный предел, так как это отражается на союзном сундуке, составляя по всей вероятности довольно ощутительную статью расхода, которую уж никак нельзя отнести к видам массовой работы. Союзам нужно заняться поднятием подписки на руководящие издания ВЦСПС и ГСПС...»⁶⁶ Эта заметка дала старт череде слияний и закрытий профсоюзных периодических изданий, первой жертвой которых и стал, по всей видимости, научный журнал “Архив истории труда в России” (“Труд в России”).

Журнал был “репрессирован”, как и многие из его авторов, вскоре после прекращения издания и без того малотиражные книжки журнала стали недоступны читателям.

Не способствовала популяризации его материалов и характеристика, данная им на страницах второго издания Большой советской энциклопедии, согласно которой «значительная часть публикаций “Архива истории труда” и “Труда в России” потеряла свое значение»⁶⁷. Лишь несколько строк (содержащих фактически ошибки) уделили изданию ориентированные на профессиональных историков “Очерки по истории исторической науки в СССР”, да и то с целью подчеркнуть факт создания журнала учеными немарксистского направления⁶⁸.

На этом фоне особняком стоит факт репринтного переиздания журнала за пределами нашей страны. В середине 1970-х годов Центральным букинистическим магазином ГДР в Лейпциге были выпущены в четырех томах практически все книжки журнала и сборников (за исключением кн. 2–3 за 1925 г.)⁶⁹. Лишь немногие периодические издания 1920-х годов, изъятые из научного оборота в последующие годы, удавалось спасти переиздаваться небольшими тиражами, главным образом, в эмигрантских издательствах.

Процесс институционализации экономической истории в нашей стране, рассмотренный на примере создания и функционирования Ученой комиссии по исследованию истории труда в России и издаваемого ею журнала “Архив истории труда в России” (“Труд в России”), проходивший в первой трети минувшего столетия, практически синхронно с аналогичными процессами в мировой науке, не был завершен. Оформление экономической истории в самостоятельную отрасль общественнознания было нарушено на исходе 1920-х годов: развитие всех без исключения гуманитарных и социальных наук было направлено по новому, строго очерченному руслу. Лишь на исходе XX в. вновь принимаются попытки обретения экономической историей статуса самостоятельной научной дисциплины, не приведшие, однако, и поныне к желаемым результатам. Тем актуальнее становится обращение к истокам указанных процессов, в которых можно усмотреть не только исторические, но и теоретико-методологические корни многих современных проблем.

⁶⁶ С.И. Поменьше изданий, побольше читателей // Вестн. профсоюзов. Л., 1925. № 9. С. 11.

⁶⁷ БСЭ. 2-е изд. М., 1950. Т. 3. С. 175.

⁶⁸ См.: Очерки истории исторической науки в СССР / под ред. М.В. Нечкиной. М., 1966. Т. IV. С. 262.

⁶⁹ Автор благодарит руководителя справочного отдела библиотеки Лейпцигского университета Л. Кюнстлинг за предоставленную информацию. В РГБ хранится лишь один том этого переиздания: “Archiv istorii truda v Rossii. 1921–1922”. [Leipzig, 1975], содержащий кн. 1–4 журнала.

**К ХАРАКТЕРИСТИКЕ МОНАСТЫРСКИХ АРХИВОВ
РОССИИ XVI–XVII вв.***

Эта часть статьи посвящена рассмотрению хозяйственной документации монастырей. Впервые основательную источниковедческую разработку вотчинных хозяйственных описаний предпринял Б.Д. Греков в фундаментальной монографии о Новгородском Софийском доме¹. В статье 1922 г. он проанализировал ранние вотчинные описания Новгородского Софийского дома, Тихвинского Успенского, Соловецкого монастырей, сравнил их с государственными². В более поздней статье при изучении поместной системы Софийского дома ученый показал большую полноту дозорных книг вотчинных старцев по сравнению с государственными описаниями тех же поместий в 1653 г.³

За последние полвека был издан и обстоятельно изучен обширный комплекс вотчинных хозяйственных книг XVI–XVII вв. Наиболее раннюю из них – Долговую книгу 1532–1534 гг. и Книгу ключей 1547–1561 гг. Иосифо-Волоколамского монастыря опубликовали А.А. Зимин и М.Н. Тихомиров. В 1970–1980-е годы А.Х. Горфункелем, З.В. Дмитриевой, А.Г. Маньковым, В.Б. Павловым-Сильванским, Л.С. Прокофьевой были изданы оброчные, ужинно-умолотные, вытные, приходо-расходные книги Иосифо-Волоколамского, Кирилло-Белозерского, Новодевичьего, Спасо-Прилуцкого монастырей XVI – начала XVII в. С.Н. Богатырев опубликовал приходо-расходные книги Чудова монастыря 1585/86 г., а А.Г. Маньков – хозяйственные книги Антоньева-Краснохолмского и Болдина Дорогобужского монастырей XVI в.⁴

* Начало см.: АЕ за 2003 год. М., 2004. С. 40–56.

¹ Греков Б.Д. Новгородский дом святой Софии (опыт изучения организации и внутренних отношений церковной вотчины). СПб., 1914. Ч. 1: Записки историко-филологического ф-та СПб. университета. Ч. 120; *Он же*. Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома XVI–XVII вв. I. Софийский двор в Новгороде // ЛЗАК за 1923–1925 год. Л., 1926. Вып. 33; II. Собственное сельское хозяйство // ЛЗАК за 1926 год. Л., 1927. Вып. 1 (34).

² Греков Б.Д. Вотчинные писцовые книги // Сборник статей по русской истории, посвященный С.Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 181–191.

³ Греков Б.Д. Помещичье хозяйство в XVI–XVII вв. // Учен. зап. Ин-та истории РАНИОН. М., 1928. Т. 6. С. 86.

⁴ Книга ключей и Долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. / под ред. М.Н. Тихомирова и А.А. Зимина. М.; Л., 1948; Материалы по истории крестьян в Русском государстве XVI в. / под ред. А.Г. Манькова. М., 1955; Вотчинные хозяйственные книги XVI в. (Далее: ВХК). Ужинно-умолотные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 1590–1600 гг. / под ред. А.Г. Манькова. М.; Л., 1976. Вып. 1–3; ВХК XVI в. Книги денежных сборов и выплат Иосифо-Волоколамского монастыря 1573–1590 гг. / под ред. А.Г. Манькова. М.; Л., 1978. Вып. 1–2; ВХК XVI в. Приходные, расходные, окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574–1600 гг. / под ред. А.Г. Манькова. М.; Л., 1979. Вып. 1–2; ВХК XVI в. Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70–80-х гг. / под ред. А.Г. Манькова. М.; Л., 1980. Вып. 1–2; ВХК XVI в. Вытные книги, хлебные оброчники и переписная книга вотчин Кирилло-Белозерского монастыря 1559–1601 гг. / сост. А.Х. Горфункель и З.В. Дмитриева / под ред. А.Г. Манькова. М.; Л., 1983. Вып. 1–3; Источники по социально-экономической истории России XVI–XVII вв. Из архива Московского Новодевичьего монастыря / подг. текста и вступ. ст. В.Б. Павлова-Сильванского. М., 1985; ВХК XVI в. Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 80–90-х гг. / под ред. А.Г. Манькова. М.; Л., 1987. Вып. 1–2; Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585/86 г. / подг. текста С.Н. Богатырева. М., 1996. С. 13–14.

В отношении Троице-Сергиева монастыря в научной литературе долгое время бытовало мнение С.Б. Веселовского о полной утрате его хозяйственного архива, сгоревшего при пожаре Лавры в 1747 г. “Вместе с ней погибла – сокрушался он, – вся многовековая сложная и интересная внутренняя история Троицкого монастыря”⁵. Мнение Веселовского разделял и А.А. Зимин. Он писал, что делопроизводственного архива Троице-Сергиева монастыря не существует, а хозяйственные книги и документы у монастырского руководства считались меньшей ценностью, чем грамоты, утверждавшие права корпорации на их земельные богатства⁶.

Однако проведенный сплошной просмотр рукописных книг Архива Троице-Сергиевой Лавры в ОР РГБ (далее: АТСЛ. Ф. 303) позволил автору выявить шесть хозяйственных книг за 1617, 1623, 1692, 1696, 1703 гг. (№ 573, 577–579, 604, 617 соответственно), о чем была написана специальная статья⁷. Другие описания монастырской вотчины 1590–1630-х годов устанавливаются на основе смешанных по составу актов-переписных и писцовых сборников № 637, 631, 571 и 575). Описания касаются отдельных вотчинных комплексов или всех сел монастыря в данном уезде, и они невелики по объему. А.Г. Маньков и А.А. Зимин отмечали, что “книга” не адекватна единице архивного хранения, в которой обычно заключено несколько книг и каждая самостоятельного значения и с самостоятельным заголовком. А.А. Зимин выяснил, что по Иосифо-Волоколамскому монастырю имеются 32 ед. хранения хозяйственных книг 1532–1611 гг. Поскольку под одним корешком часто помещено несколько разновидностей хозяйственных книг, то число их в целом значительно больше, чем единиц хранения⁸. А.А. Зимин заметил также, что в практике писцового и вотчинного землеописания очень распространенным было множественное наименование “книги” – даже применительно к единичному источнику. Это действительно так.

Для времени до конца XVI в. известно только об одном, наиболее раннем внутривотчинном описании Троице-Сергиева монастыря. Оно было составлено 15 октября 1529 г. двумя старцами в связи с переходом ростовского села Поникарова от московского дьяка В.Д. Мамырева к Сергиеву монастырю и называлось “дозором и межеваньем пашни, сена и трав”. Впервые это описание упомянул С.М. Каштанов, он выявил его в составе копийной кн. 518 и назвал “монастырской записью о дворах, пашнях и межах”⁹. Позже вотчинных переписных книг в Троицком монастыре будет составляться очень много в связи с получением новых владений. Примечательно, что такая практика была у него уже в 20-е годы XVI в.!

О вотчинных описаниях в Троицком монастыре до 1590-х годов сведений нет. В конце XVI – первой четверти XVII в. они уже были систематическими. Вскоре после государственной валовой ревизии 1592–1594 гг. корпорация проводит свое описание части земель. Оно дошло в виде фрагментов вытнх

⁵ Веселовский С.Б. Крепостной архив Троице-Сергиевой Лавры // Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 150–152.

⁶ Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI вв.). М., 1977. С. 21, 32.

⁷ Черкасова М.С. Вытнх и оброчные книги Троице-Сергиева монастыря конца XVI–XVII вв. // Проблемы археографии и источниковедения отечественной истории: межвуз. сб. науч. тр. Вологда, 1999. С. 17–44.

⁸ ВХК. Иосифо-Волоколамский монастырь. М., 1978. Т. 1. С. VI; Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина... С. 35.

⁹ Каштанов С.М. Копийные книги Троице-Сергиева монастыря XVI в. // ЗОР ГБЛ. М., 1956. Вып. 18. С. 20; ОР РГБ. АТСЛ. Кн. 518. Л. 418 об. – 420.

и оброчных книг 1595–1596 гг. в составе сборника 637. Несмотря на отрывочность описания, в нем видна существенная черта, отличающая и его, и все последующие троицкие хозяйственные описания от таковых по другим монастырям. Это одновременная фиксация сеньориальной и государственной рент, собираемых с крестьян монастырскими агентами. У Иосифо-Волоколамского и Чудова монастырей владельческие и государственные платежи записывались в отдельные книги¹⁰.

Сложившийся на рубеже XVI–XVII вв. тип вотчинных описаний Троицы может быть определен как вытные переписные книги, а их самоназванием можно считать “дворцовые книги”, поскольку в 1590–1620-е годы дворцы как административно-территориальные единицы, управляемые особыми старцами, становятся основой вотчинно-хозяйственной системы корпорации. Главными компонентами в содержании вытных переписных книг была обязательная регистрация крестьянских дворов с указанием доли вытного оклада. Сведения о размерах пашни и угодий, составе оброков и других платежей содержались далеко не во всех книгах, поэтому оброчные книги можно считать лишь немногочисленной и счастливо сохранившейся разновидностью вытных переписных книг.

Совокупность вытных переписных книг 1610-х годов имела тройное происхождение в связи с: 1) получением новых вотчинных комплексов; 2) припиской ряда новых монастырей; 3) приездом приказчика или слуги на управление тем или иным селом. Подавляющее большинство книг (числом 25) было составлено по инициативе монастыря его собственными переписчиками – старцами, иными агентами. Однако ряд книг (их 7) был создан по приказу правительства или местных властей, но троицкими министералами.

Почти у каждой переписной вытной книги 1610-х годов имелся свой вариант самоназвания – *отказная* (старец отказал крестьян в таком-то селе архимандриту с братией), *дозорная* (старец дозировал и переписал крестьян “во дворах по имянном”), *отводная* (слуги дозировали и отводили монастырскую, церковную и крестьянскую пашню), *сыскная* (служки дозировали и сыскивали про дворы крестьянские и их вытные и сошные оклады), *отписная* (служба отписал такое-то село такому-то слуге, приехавшему на управление им) и т.д. Синонимом некоторых вытных переписных книг стал термин “*книга роспись жильым вытем*”¹¹. Составленные в Троицком монастыре подлинные переписные вытные книги (со скрепами священников и самих служебников-составителей) сброшюровывались в сборники, которые получали общие наименования: “белые книги отписные” (сб. 575) или “копии отказных книг и дозорных разных городов” (кн. 571, запись XVIII в.), “книги дозорные, межевые и ввозные на лаврские вотчины розных городов 7101 года” (сб. 571, запись XIX в.).

При формировании сборников переписных книг 1610-х годов монастырские подьячие и крепостные старцы старались отделить вотчинные описания от государственных этого же времени, хотя строгой сортировки не получалось: в сб. 575 преобладают первые, в сб. 571 – вторые. В оформлении сборников заметно влияние некоторых приемов оформления копийных – общее ко всему сборнику оглавление с перечнем включенных в него книг, имеющих буквенную нумерацию, перенесение затем этих номеров в начало соответствующих книг внутри сборника, территориальный принцип подборки матери-

¹⁰ ВХК XVI в. ИВМ. 1978. Т. I. С. VII; Хозяйственные книги Чудова монастыря. С. 24.

¹¹ ПСЭИ. С. 260, 273, 283, 289, 292. Здесь и далее курсив мой. – М. Ч.

алов. Например, переписные вытные книги новых вологодских владений монастыря (пригородной д. Ершовки и Троице-Авнежской пустыни) были даны одна за другой под номерами “к”, “ка”, “кв”.

Ю.С. Васильев отметил разнообразную терминологию монастырских описаний по северным уездам (относимых автором к разновидности писцового делопроизводства): переписные, вытные, поверстные книги (по Кирилло-Белозерскому монастырю), дозорные, поверстные, луковые, обежные книги (по Соловецкому монастырю), веревные (по Михайло-Архангельскому, Николо-Корельскому, Антоньево-Сийскому монастырям)¹². Приведенные выше многочисленные определения троицких переписных вытных книг 1610-х годов, относящихся в основном к центральным уездам, подкрепляют и расширяют терминологические наблюдения подобного рода.

Позднейшей по времени переписной вытной книгой Троицкого монастыря стало описание муромского с. Домнина с д. Зеховой 5 апреля 1630 г. Оно было составлено слугой Иваном Амосовым в связи с передачей этого небольшого вотчинного комплекса в пожизненное держание дьяку В. Ларионову. Несомненное влияние терминологии государственного писцового делопроизводства и бытовавшей в то время практики “отказа”, составления “отказных книг” при передаче земельной собственности от одного лица к другому сказалось на наименовании этого монастырского описания – “отказная роспись”. Интересно еще и то, что помимо хозяйственного, данная “отказная роспись” имела для монастыря и владельческое значение. Поэтому не случайным стало ее включение не в сборники хозяйственной документации № 571 и 575, а копииную кн. 530. Если писцовые материалы изредка в них попадались, то внутривотчинный документ встречается только раз, тем более такой уникальный, являющийся по сути единственным для Троицкого монастыря подворным описанием вотчинного комплекса¹³.

Как бы многочисленны и разнообразны ни были троицкие переписные вытные книги конца XVI – первой четверти XVII в. они никогда не охватывали территорию всей вотчины целиком. Не сохранилось ни одного описания, подобного описаниям Кирилло-Белозерского монастыря 1559 и 1665 гг., а тем более масштабным государственным описаниям троицких вотчин 1590–1670-х годов. Лишь одна сравнительно обширная недатированная перечневая роспись (по концу XVI или началу XVII в.), ставшая, видимо, обобщением более локальных вотчинных описаний, была обнаружена нами в составе сб. 637. По ряду датирующих признаков (отсутствие двух сел, полученных в 1617 г.) данную роспись предположительно можно отнести ко времени до 1617 г. От конкретных переписных вытных книг она отличается тем, что сообщает общее число деревень данного вотчинного центра (села, сельца, погоста) и сумму живущих и пустых вытей, крестьянских и бобыльских дворов¹⁴.

Отметим сложный документальный состав наиболее ценных хозяйственных книг Троицы – оброчной 1617 и вытной 1623 гг. В них содержатся не

¹² Васильев Ю.С. Некоторые источниковедческие проблемы материалов писцового делопроизводства XVI–XVII вв. // Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера: межвуз. сб. науч. тр., посвящ. проф. П.А. Колесникову. Вологда, 1992. С. 28, 31–32.

¹³ ОР РНБ. АТСЛ. Кн. 530. Л. 974–977 об.; АРАН. Ф. 620 (С.Б. Веселовский). Оп.1. Кн. 13. Л. 110–114. Анализ этого ценнейшего источника см.: Черкасова М.С. Зажиточные крестьяне Троице-Сергиева монастыря в конце XVI–XVII в.: тягло, наделы, денежная рента // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. С. 82–83.

¹⁴ ОР РНБ. АТСЛ. Кн. 637. Л. 310–325.

только упоминания о многочисленных оброчных, данных, льготных, отводных, межевых, порядных, поручных и прочих поземельных и крестьянских актах (грамотах, памятях и записях), но и воспроизводятся непосредственно тексты некоторых из них. Эту черту можно заметить и по хозяйственным книгам других монастырей – Иосифо-Волоколамского и Чудова. В книгах денежных сборов первого содержатся тексты монастырских приговоров, памятей старцев, даже формуляры (образцы) наемных и закладных кабал. Сложность состава монастырских хозяйственных книг – свидетельство их содержательности, глубины, многоплановости как исторических источников, их полифункциональности. Правомерно сравнение именованной хозяйственных книг Троицы с самоназваниями некоторых книг Иосифо-Волоколамского монастыря – дозорные, поскольку и троицкая вытная кн. 604 названа “дозорной дворцовой”. В вотчинах Волоколамского монастыря “дозорами” назывались мероприятия администрации по введению прибыльных денежных платежей с крестьян в казну, ужесточению денежной эксплуатации зависимого населения. В 1590-е годы этим занимался соборный старец (и в прошлом думный дворянин, дипломат, военный, публицист, автор летописца) Мисаил Безнин¹⁵.

За конец 20-х и 30-е годы XVII в. по Троицкому монастырю сохранилось несколько фрагментов дворцовых дозорных книг, составление которых всякий раз было связано с пересмотром вытного тягла, размеров взимаемых с крестьян оброков, порядом новых жильцов либо перезаключением договора со старыми, предоставлением льгот обедневшим крестьянам или новым обитателям монастырских сел и деревень (новоприходцам либо просто приходцам). Есть сведения о том, что результаты подобных дозоров рассматривались и утверждались приговорами монастырского собора¹⁶.

В источниковедении вотчинных книг интересен тот факт, что иногда при их составлении использовались материалы официальных описаний. Например, в вытной книге 1623 г. находим ссылку на отписные книги городецкого (бежецкого) губного старосты Ф. Маслова на вновь приписную Макарьеву пустынь 8 августа 1615 г.; в “отказной росписи” муромского с. Домнина 1630 г. – на писцовые книги Я. Колтовского и Р. Прокофьева 1629/31 г.¹⁷ В ходе монастырских дозоров широко привлекались устные показания местных жителей по поводу спорных земельных участков, соседних владений и пр., как и при составлении государственных писцовых книг.

С конца 1630-х годов и до начала XVIII в. в корпусе вотчинных описаний Троицкого монастыря наблюдается длительный пробел. И лишь от 1692–1703 гг. полностью сохранились четыре подлинные хозяйственные книги. Их характер по-прежнему может быть определен как переписные, вытные и оброчные, самоназванием же всех являются “*книги верстальные*” (по Суздальскому уезду 1692 г., по приписным Троице-Алатырскому и Троице-Свияжскому монастырям 1696 и 1703 гг.)¹⁸. Целью создания первой книги было проведение земельно-тяглового поравнения (“верстания”) в Шухобалов-

¹⁵ ВХК. ИВМ. 1978. Вып. 2. С. 115, 164, 179, 188; *Корецкий В.И.* История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. М., 1986. Гл. 3.; *Дмитриева Р.П.* Описи рукописей Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. // Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности / отв. ред. Д.С. Лихачев. М., 1991. С. 19–21.

¹⁶ ОР РГБ. АТСЛ. № 1033; Кн. 637. Л. 511–511об.

¹⁷ Там же. Кн. 604. Л. 81. См. также: Кн. 571. Л. 317–320 (список с писцовых книг Я. Колтовского и Р. Прокофьева).

¹⁸ Там же. Кн. 577–579, 617.

ской вотчине-волоости монастыря в Суздальском уезде, состоящей из нескольких плотно населенных сел и деревень. Цель создания остальных книг – переобработка повинностей у крестьян зависимых дочерних филиалов.

Поздние переписные книги ценны тем, что в них было учтено все мужское население дворов (не только крестьяне-дворовладельцы, как в описаниях 1590–1620-х годов – и государственных, и монастырских, но и их сыновья, братья, племянники, захребетники и “приимыши”). Наблюдения над поздними переписными вытными книгами 1690-х годов показывают, что и в конце XVII в. среди них продолжали бытовать два вида: в первом были данные о вытных окладах дворов, о размерах земли (по Суздальскому и Алатырскому уездам); во втором (по Свяжскому уезду) сообщались только оклады дворов, а размеры земли не приводились. Непременным же элементом обоих видов была фиксация крестьянских и бобыльских дворов и работников-мужчин в них.

Поздний комплекс переписных вытных книг отличается сложным составом, поскольку в них включены сведения из первичных вотчинных документов (предшествующих переписных и отписных книг Троице-Алатырского и Троице-Свяжского монастырей, крестьянские “заручные скаски” о засевах господских и своих пашен, запасах господского и своего зерна в житницах, доходности оброчных статей, “приговоры выборных” о перераспределении сенокосных угодий в общине, “приходные” и “рописные книги” прежних сельских старцев и т.д.). Общей чертой переписных оброчных книг Алатырского и Свяжского монастырей 1696 г. было наличие в них пространных предисловий, интонационно напоминающих государевы послушные грамоты. Из них вполне отчетливо уясняется публично-правовой характер феодального властвования. Подобные предисловия потребовались для разъяснения крестьянам проводимых властями “большой Троицы” важных мероприятий в отношении и самих зависимых филиалов, и их населения. Переписные оброчные книги 1696 г. должны были учесть перераспределение дохода между дочерними филиалами (он был определен в пределах потребительского минимума) и властями центрального монастыря (в его пользу крестьяне дочерних филиалов были переоброшены с увеличением денежной ренты). Поэтому потребовались призывы к их послушанию своим строителям и непрекословному выполнению изделья и оброков.

Наконец, общей и важнейшей чертой вотчинных хозяйственных книг Сергиева монастыря и 1620, и 1690-х годов является одновременная фиксация собираемой сеньориальной и государственно-централизованной ренты. Эта информация ценна для установления соотношения уровней владельческой и государственной эксплуатации монастырского крестьянства в России XVII в.

Составленные в августе 1696 г. переписные оброчные книги Алатырского и Свяжского монастырей почти одновременно поступили в крепостную казну “большой Троицы”, судя по пометкам в верхней части их титульных листов: “ноября 1 день подал старец Иларион Ремезов”, «ноября “иі” день подал слуга Василей Карпов».

Хозяйственные книги Троицкого монастыря отчасти были известны в литературе. Например, В.О. Ключевский привлекал переписную книгу Троице-Свяжского монастыря 1696 г. как источник по хлебным ценам в России конца XVII в.¹⁹ Вытную книгу 1623 г. использовал в своем кандидатском сочине-

¹⁹ Ключевский В.О. Русский рубль XVI–XVII вв. в его отношении к нынешнему // Соч.: в 9 т. М., 1990. Т. 8. С. 110, 425. Примеч. 58.

нии о хозяйстве Троице-Сергиевой Лавры студент IV курса Московской Духовной академии Павел Новгородский в 1912 г.²⁰ Имелась рукописная копия с нее, а также с оброчной книги 1617 г. и у С.Б. Веселовского, но это обстоятельство не поколебало его мнения о полной утрате хозяйственного архива Лавры²¹. На мнение ученого повлияло отсутствие по Троице одной из наиболее распространенных разновидностей текущей учетно-хозяйственной документации – приходо-расходных книг (правильнее их называть по отдельности – приходные и расходные, хотя общий признак – учет денежных средств – позволяет выделить их в самостоятельный тип источника²²).

Действительно, приходо-расходные книги за XVI–XVII вв. в Троицком архиве отсутствуют. Правда, в фонде Троице-Сергиевой Лавры попалась весьма ветхая тетрадь из 10 листов приходо-расходных записей троицкого казначея Феодосия Вологодского за 1643–1644 гг.²³ В ней заполнены только четыре листа, остальные оставлены чистыми, а имеющиеся записи не дают никакой ясности. Значение обнаруженной тетради, пожалуй, доказывает то, что приходо-расходная документация велась и не могла не вестись в столь огромной вотчине, причем на разных ее уровнях (и в самом монастыре, и в приписанных к нему, и в отдельных вотчинных центрах, и на соляных и рыбных промыслах, в ходе торговых экспедиций и т.д.). Полно сохранились приходо-расходные записи Симеоновского монастыря (в Переславском уезде, близ Александровой Слободы) за период до 1650 г., когда он был приписан Троице²⁴.

Доказательство ведения в Сергиевом монастыре приходных книг уже в 1499–1500 гг. находим в упоминаниях о них во вкладных книгах XVII в. По своему содержанию это были фактически записи о поступлении в монастырь денег “по душе”²⁵. Кроме поминально-заупокойной, культовой деятельности,

²⁰ ОР РГБ. Ф. 173.П. Доп. собрание МДА. Кн. 323.7 (пометка профессора Московской Духовной академии М.М. Богословского “оценка 4½ балла”. См. опубликованный отзыв М.М. Богословского: Журнал собраний Совета Духовной академии за 1913 год. С. 332–333. Благодарю А.В. Мельникова за эту ссылку.

²¹ Архив РАН. Ф. 620. Оп. 1. Кн. 205, 206, 339. Эпизодически С.Б. Веселовский привлекал оброчную 1617 г. и вытнутую 1623 г. книги в своем исследовании “Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв.” и в комментариях к скопированным им актам, вошедшим в 1-й том АСЭИ.

²² Швейковская Е.Н. Приходо-расходные книги XVI–XVII вв.: типология и классификация // Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера. С. 45. Развернутую характеристику приходо-расходных книг, отложившихся в разных общественных ячейках России XVI–XVII вв. (монастырях, общинах, приказных учреждениях), см.: *Бакланова Е.Н.* Крестьянский двор и община на Русском Севере. Конец XVII – начало XVIII в. М., 1976. С. 104–105, 139–144; *Швейковская Е.Н.* Приходо-расходные книги Четвертой и их значение для социально-экономической истории России // Мир источниковедения: сб. в честь Сигурда Оттовича Шмидта. М.; Пенза, 1994. С. 84–88; *Она же.* Государство и крестьяне России. Поморье в XVII в. М., 1997. С. 177–198; *Сokolova Н.В.* Мирские приходо-расходные книги как массовый источник по истории крестьянского самоуправления в XVII–XVIII вв.: проблемы происхождения, сохранности и достоверности источника // Материалы XIII Всероссийского научно-практического совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников по истории России XVI–XIX вв. (Научные чтения, посвящ. памяти П.А. Колесникова: к 95-летию со дня рождения). Вологда, 2003. С. 165–175. Укажем также на выступление С.В. Бахрушина о приходо-расходных книгах XVI–XVII вв. в 1947 г. на заседании Отделения истории и философии АН СССР, посвященном 800-летию Москвы, которое было опубликовано только в 1987 г.: *Бахрушин С.В.* Новые источники по истории Москвы [приходо-расходные книги монастырей] // Бахрушин С.В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма (Научное наследие. М., 1987. С. 36–52 и примеч. на с. 206–207).

²³ РГАДА. Ф. 1204. № 25791.

²⁴ ОР РГБ. АТСП. Кн. 627. Л. 364–381 (на Л. 363 пометка иером. Арсения: “Любопытны, но не полны”).

²⁵ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / сост. Е.Н. Клитина, Т.В. Николаева, Т.Н. Манушина; под ред. Б.А. Рыбакова. М., 1987. С. 41 (Л. 111). Систематизация записей исключительно земельных вкладов была дана в еще одной неучтенной в литературе вкладной книге Троицкого монастыря (ок. 1637/38 г.) в ОР РНБ. Ф. I. 355.

причиной появления и ведения приходных книг стала известная в начале XVI в. практика продажи Троицким монастырем вкладных вотчин посторонним лицам. В сыскной кн. 658 находим два уникальных свидетельства о ведении приходных книг казначеями – Павлом 30 июля 1515 г. и Симоном Шубиным 15 июля 1534 г. В них были записаны денежные суммы, полученные за продажу частным лицам вкладных вотчин во Владимирском и Переславском уездах²⁶.

Таким образом, уже в первой трети XVI в. в Троицком монастыре велся учет денежных поступлений, причем, в ведомстве казначея, а ведомство келаря занималось учетом, хранением, переписыванием крепостной документации, составлением копийных книг, выдачей светским лицам канцелярских актов монастыря и т.д. С конца 1530-х годов известна своя документация ризной казны (отписные ризные книги 1539/40, 1559/60, 1574/75, 1580/81 гг.), а с 1552 г. плательной казны – “платяные книги”²⁷. Ни одна из них за XVI в. до нас не дошла. Само же их составление можно связывать не только с нуждами монастырской систематизации имущества, но и, как справедливо подчеркивает З.В. Дмитриева, с растущим государственным контролем над церковью²⁸. Обилие и разнообразие неземельных вкладов в Сергиев монастырь (деньгами, книгами, драгоценной утварью, тканями, лошадьми и пр.) заставляло каждое из ответственных лиц постоянно их сортировать, распределять по соответствующим ведомствам. Возглавлявшие их в тот или иной момент старцы под расписку забирали данное имущественное дарение. В списке Вкладной книги 1639 г. приводятся ремарки следующего типа: “книгохранитель Иоасаф сею книгу взял и руку приложил”, “ризничий дьякон Гурей такой-то предмет взял и руку приложил”. Поступившие покладам лошади и другая “животина” вносились в документы конюшенного двора и воловни²⁹.

Затронем сложный вопрос о соотношении различных учетных монастырских книг, прежде всего таких, как приходные и вкладные. Интересно наблюдение С.Н. Богатырева об отсутствии в Чудове монастыре в конце XVI в. вкладных книг и записи вкладов в приходных книгах. О генетической близости монастырских приходных и вкладных книг XVI в. писала и Е.И. Колычева³⁰. В ходе ревизии в 1588 г. “счетных книг” (приходных и расходных) Николо-Коряжемского монастыря дворецкий Г.В. Годунов предписывал сольвычегодскому городовому приказчику проверить записи в них о денежных вкладах, поступивших в обитель от Ивана IV по убитому сыне и царя Федора Ивановича – по отце³¹. Из наблюдений И.Н. Шаминой, изучившей вкладную кни-

²⁶ ОР РГБ. АТСЛ. Кн. 658. Л. 80 об., 292 об. Арсений датирует казначейство Павла 1521–1524 гг., но, как видим, оно могло начаться и раньше, а казначейство Симона Шубина – 1534–1541 гг. (Арсений. Летопись наместников, келарей, казначеев, ризничих, экономов и библиотекарей Свято-Троицкие Сергиевы Лавры. СПб., 1868. С. 33).

²⁷ Вкладная книга. Л. 47–48 об., 51 об., 69 об., 81 об. и др. (ризные книги старца Маркела 1574/75 г.), 224, 448, 561 об., 469 (ризные книги иером. Иоасафа Константиновского 1684–1698 гг.), 768. Одним из первых на троицкие отписные ризные книги 1574/75 г. обратил внимание В.И. Корецкий, связавший их со свидетельством Дж. Горсея о попытках Ивана IV отобрать у монастырей их сокровища в середине 1570-х годов. См.: *Корецкий В.И.* Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины // *Вопр. истории.* 1967. № 5. С. 32–50.

²⁸ *Дмитриева З.В.* Предисловие // *Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г.* Комментар. изд. / сост. З.В. Дмитриева и М.Н. Шаромазов. СПб., 1998. С. 9.

²⁹ Вкладная книга. Л. 349–349 об., 531, 839, 897 об.

³⁰ *Хозяйственные книги Чудова монастыря.* С. 14–15; *Колычева Е.И.* Денежный бюджет монастырей по приходо-расходным книгам XVI в. // *Материалы XV сессии Симпозиума по проблемам аграрной истории СССР.* Вологда, 1976. Вып. 1. С. 45–61.

³¹ РИБ. Т. 32 (Архив П.М. Строева. Т. 1). Пг., 1915. Стб. 654. № 337.

гу вологодского Арсеньева Комельского монастыря 1677 г., следует, что она была составлена на основе приходных казначейских книг³². На наш взгляд, грандиозная по объему вкладная книга Сергиева монастыря, дошедшая до нас в списках 1639 и 1673 гг., может считаться в какой-то степени переработкой его более ранних, первичных приходных книг. При этом собственно вотчинный приход – поступление феодальной ренты – велся в “приходных дворцовых книгах” (фактически оброчных), о которых упоминалось выше. Именно оброчной по своей сути является единственная сохранившаяся до нас в подлиннике приходная (точнее – приходо-расходная) книга Троице-Сергиева монастыря, введенная в научный оборот И.А. Булыгиным³³. Хотя она относится к 1703 г., в ней много сведений, которые ретроспективно можно использовать при изучении феодальной ренты (сеньориальной и государственной) более раннего времени. Опять-таки одновременная фиксация владельческих и казенных платежей в приходной книге 1703 г. роднит ее как раз с отмеченными выше хозяйственными книгами 1620–1690-х годов, хотя названия у них разные. Более подробная характеристика этой книги была уже дана нами в специальной статье³⁴. Приведенные наблюдения расширяют наши представления о разновидностях приходной документации. Намечая пути дальнейшего исследования приходо-расходных книг, Е.Н. Швейковская пишет о необходимости выявления разных их видов, относящихся в том числе и к разным регионам страны³⁵. В составе поздней (1859 г.) описи троицких актов нами был выявлен раздел, содержащий перечень расходных записей монастыря за 1681–1764 гг.³⁶ На их основе возможна частичная реконструкция учетной документации подобного рода.

Что же касается расходных книг Троице-Сергиева монастыря, то текстуально ни одна из них до нас не дошла, если не считать небольшого по объему расходного раздела в приходо-расходной книге 1703 г. Все упоминания о расходных книгах XVII в., которые удалось обнаружить в Описи 1641 г., представляют интерес в плане наиболее полной научной реконструкции состава хозяйственной документации, когда-то существовавшей.

Если применительно к крепостной казне уже было сказано о большом количестве дошедших описей (актов, копийных, писцовых книг), то никаких учетных материалов денежной казны до нас не сохранилось. Интересны и важны, тем не менее, упоминания об отписных книгах и ревизиях. Одно указание относится к 1624/25 г. и связано с именем патриаршего дьяка Федора Рагозина³⁷, с помощью которого патриарх Филарет в 1624/25 г. проверил (или пытался проверить) наличные денежные средства богатейшего монастыря. Известие о правительственной проверке по распоряжению Петра I приходо-расходных книг Троицкого монастыря датировано 1698 г. Они должны были

³² *Шамина И.Н.* Монастыри Вологодского уезда в XVI–XVII вв.: землевладение и организация хозяйства: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 40, 55; ГАВО. Ф. 883 (И.Н. Суворов). Оп. 1. Кн. 52.

³³ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 2. Кн. 911; *Булыгин И.А.* Бюджет Троице-Сергиева монастыря в начале XVIII в. // Тез. докл. и сообщ. XII сессии Межреспубл. симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1970. С. 134–136; *Он же.* Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в. М., 1977. С. 30, 33, 98, 121 и др.

³⁴ *Черкасова М.С.* Приходо-расходные книги Троице-Сергиева монастыря XVI – начала XVIII в. // Массовые источники отечественной истории: материалы X Всеросс. конф. “Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX вв.: проблемы изучения и издания”. Архангельск, 1999. С. 274–282.

³⁵ *Швейковская Е.Н.* Приходо-расходные книги XVI–XVII вв.: типология и классификация. С. 48.

³⁶ ОР РГБ. Ф. 304. II. Собрание ТСЛ. Кн. 358. Л. 20–23 об.

³⁷ Там же. Кн. 225 (копия Ю.А. Олсуфьева описи Троице-Сергиева монастыря 1641 г.). Л. 144.

быть доставлены в приказ Большого Дворца к боярину Т.Н. Стрешневу³⁸. Может потому и не старался монастырь хранить этот вид документации, чтобы не давать официальным властям сведений о своих действительных и весьма немалых доходах? В условиях строительства флота в России и других военно-реорганизационных мероприятий нужда Петра I в больших денежных суммах богатейшего монастыря и интерес к его казне вполне понятны.

Полагаем, что практика описаний церковного и монастырского имущества существовала на Руси уже во второй половине XV в. Так, в указной грамоте вел.кн. Марии Ярославны игумену Спасо-Каменного монастыря Логгину 1474–1478 гг. предписывалось послать старца в зависимый от княгини Никольский Свято-Луцкий монастырек и “переписати в церкви книги и иную ругу церковную всю, и жито монастырское, старое и селетнее все, и в житницах и на поле стоячее, да ко мне отпиши о всем о том, колко будет чего”³⁹. К документам внутривотчинного учета З.В. Дмитриевой и Е.Б. Французовой относят опубликованную Н.К. Никольским опись книг Кирилло-Белозерского монастыря XV в.⁴⁰ В XVI и особенно в XVII в. в монастырские описи, наряду с имуществом, все чаще включаются описания дворов с крестьянами и бобылями. Для сравнения отметим, что аналогичного типа источники (полиптики, описывающие селения и крестьян, иногда весьма подробно) известны в странах Западной Европы уже в IX в. (например, знаменитый Сен-Жерменский полиптик аббата Ирминона 812 г., Марсельский полиптик 814 г.).

За последние годы были опубликованы описи Звенигородского Саввина Сторожевского, Соловецкого, Троицкого Усть-Шехонского, Воскресенского Горицкого, Введенского Корнильева Комельского, Кирилло-Белозерского и Кирилло-Новозерского монастырей⁴¹.

И.С. Филиппов определяет описи средневековых монастырей как “инвентарные документы сеньориального управления”. Традиция их составления восходила еще к античности, связывая управления римской эпохи и раннего средневековья⁴². Современные исследователи-русисты предлагают оценивать описи обитателей также, как разновидность инвентарей, инвентарных книг, учетных документов (Э.А. Гордиенко, З.В. Дмитриева), считают их

³⁸ ОР РГБ. АТСЛ. № 863.

³⁹ АСЭИ. Т. III, № 268.

⁴⁰ Дмитриева З.В. Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI–XVII вв. СПб., 2003. С. 55. Примеч. 2; Французова Е.Б. Церковное имущество в государственных поземельных описаниях России XVI – первой половины XVII века // Религии мира: история и современность. 2004. М., 2004. С. 92.

⁴¹ Описи Саввина Сторожевского монастыря XVII в. / сост. С.Н. Кистерев и Л.А. Тимошина. М., 1994; Отписная книга Троицкого Усть-Шехонского монастыря 1660 г. / публ. Ю.С. Васильева // Белозерье: ист.-краевед. альманах. Вологда, 1994. Вып. I. С. 261–287; Отписная книга Введенского Корнильева Комельского монастыря 1657 г. / публ. Ю.С. Васильева // Городок на Московской дороге: ист.-краевед. сб. Вологда, 1994. С. 130–169; Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г.; Опись строений и имущества Кирилло-Новозерского монастыря 1657 г. / публ. Т.В. Сазоновой // Белозерье: краевед. альманах. Вологда, 1998. Вып. 2. С. 130–165; Описи Соловецкого монастыря XVI в. Комментар. издание / сост. З.В. Дмитриева, Е. Крушельницкая, М.И. Мильчик; отв. ред. М.И. Мильчик. СПб., 2003. Краевед Н.И. Суворов еще в XIX в. опубликовал Опись вологодского Павлова Обнорского монастыря 1683 г. и Опись Вологодского архиерейского дома конца XVII в. См.: Известия имп. Археологического общества. М., 1863. Т. 5, вып. 3–4. Стб. 162–190, 260–308; вып. 2. С. 96–128. Ряд критических суждений относительно новейших изданий описных и вытных книг в краеведческих альманахах см.: Новохатко О.В. “Генеральный регламент” актовой археографии (о книге С.М. Каштанова) // АЕ за 1999 год. М., 2000. С. 313. Примеч. 1–2.

⁴² Филиппов И.С. Средиземноморская Франция в раннее Средневековье: проблема становления феодализма. М., 2000. С. 135, 138, 142.

контрольно-учетными документами и для монастырских властей, и для государственных приказов (Л.А. Тимошина)⁴³. З.В. Дмитриева поддержала мнение Н.К. Никольского об установлении Стоглавым собором 1551 г. порядка церковно-государственной отчетности в России. Исследовательница справедливо усматривает в описании Кирилло-Белозерского монастыря в 1601 г. осуществление развернутой программы правительственной ревизии, включающей проверку не только строений, имущества, крепостного архива, но и вотчинных владений, доходов и расходов этого крупнейшего корпоративного собственника на Русском Севере⁴⁴. Напомним, что вотчинная часть Кирилловской описи 1601 г. была опубликована А.Х. Горфункелем и З.В. Дмитриевой в 1983 г., ранее, чем опись имущества и строений (см. примеч. 9 первой части).

Приведенные выше сведения о троицких книгах денежной казны, отписных ризных книгах 1515–1540-х годов свидетельствуют, что в Сергиевом монастыре еще до Стоглава велся свой учет “приходных” денег и вещевых вкладов. По некоторым другим монастырям описи также известны до 1551 г. (по Соловецкому – 1514, 1518, 1526, 1534, 1549 гг., отдельные из них сохранились и недавно были изданы на высоком научно-археографическом уровне; Иосифо-Волоколамскому – 1545 г.)⁴⁵.

Во второй половине XVI в. учетные книги создавались как в самих монастырях (нередко по распоряжениям областных архиереев, как это было, например, в Николо-Коряжемском монастыре в 1567 г.⁴⁶), так и по предписаниям из приказа Большого Дворца, в котором ведались монастыри России. Практиковалось описание обителей по протвиям (“в двой книги”), из которых один экземпляр отправлялся в Москву, в названный приказ, а другой оставался в обители у соборных и рядовых старцев⁴⁷. “Опись” и “счет” монастырей государственными агентами иногда проводились одновременно, т.е. вместе с ревизией имущества и запасов проверялись приход и расход денежных средств⁴⁸.

Подробный перечень опубликованных и архивных монастырских переписных книг за вторую половину XVI–XVII в. дан в содержательном введении З.В. Дмитриевой к изданию Кирилловской описи 1601 г. Исследовательница учла и дореволюционные публикации этих ценных источников, и архивные экземпляры в центральных и региональных хранилищах (Архангельска, Вологды). З.В. Дмитриева упоминает описи Антониева Сийского, Николо-Коряжемского, Николо-Корельского, старицкого Успенского, суздальского Спасо-Евфимиева, свияжского Богородицкого, Лопотова Пельшемского и многих других монастырей.

К этому можно добавить неучтенные в литературе описи сямженского Покровского Евфимиева монастыря около 1561 г. и Спасо-Нуромского монастыря 1615 и 1678 гг., их списки от XIX в. находятся в рукописном сборнике

⁴³ Гордиенко Э.А. К вопросу о публикации и изучении храмовых описей // Тез. докл. и сообщ. V Всерос. научн.-практ. совещ. по вопросам изучения и издания писцовых книг и др. ист.-геогр. источников. Новгород. 1992. С. 80–82; Описи Саввина Сторожевского монастыря. С. 13–14.

⁴⁴ Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г. С. 7.

⁴⁵ Там же. С. 7–8. М.Н. Шаромазов высказал сомнение в датировке Описи ИВМ 1545 г. и уточнил, что это опись церкви Успения и опись книг у книгохранителя Паисия. См.: Шаромазов М.Н. О времени создания описи 1545 г. Иосифо-Волоколамского монастыря // Русская культура на пороге третьего тысячелетия: христианство и культура: сб. ст. Вологда, 2001. С. 54–59.

⁴⁶ РИБ. Пг., 1915. Т. 32, № 229. Стб. 458–469.

⁴⁷ Там же. № 337. Стб. 651–654.

⁴⁸ Там же.

F.-788 из ОР РНБ. Имеется публикация описи Спасо-Каменного монастыря 1628 г. (выполненная А.В. Лаврентьевым и А.А. Туриловым по подлиннику из ОПИ ГИМа), которую можно сопоставить с более поздним его описанием – 1670 г.⁴⁹ Составление полного реестра монастырских описей XVI–XVIII вв., разработка их типологии, продолжение публикаторской работы – насущная задача археографии и источниковедения. В плане конкретно-историческом отметим ценность описных книг как источников для изучения разных сторон монастырской повседневности – предметно-знаковой, сакральной, экономической, литургической, круга чтения и нескончаемых хозяйственных забот⁵⁰. В описях содержатся сведения о гробницах основателей и почитаемых реликвиях обителей (отмечены, например, книги князя-инока Иосафа и кн. Андрея Васильевича Меньшого, крест Павла Обнорского, которым его “благословил в путь” Сергей Радонежский, собственноручно писанные уставы и другие книги письма Александра Куштского, Григория Пельшемского, иконы письма Дионисия Глушицкого и т.п. в описях соответствующих монастырей).

Возвращаясь к высказанным выше наблюдениям о близости некоторых разновидностей монастырской учетной документации (книг приходных и вкладных), отметим, что некоторые элементы вкладных записей встречаются и в переписных (описных) книгах. Так, в описи Спасо-Каменного и Павлова Обнорского монастырей после указания на ту или иную вещь нередко ремарки типа “вклад или данье такого-то”⁵¹. Об этом же свидетельствует и сам перечень описательных статей, отражающий программу описания в преамбулах отписных книг (предстояло описать “вкладное платье и казенную рухлядь”).

Правомерно сравнение описаний двух крупнейших русских монастырей – Кириллова и Троицкого – как важных государственных мероприятий в отношении церкви, ее земельных, денежных средств и имущества в конце XVI – первой половине XVII в. Правительственная проверка кирилловских вотчин в 1601 г. своим масштабом переключается с генеральной ревизией троицких владений в 1590-е годы и составлением обширного комплекса писцовых книг по 33 уездам страны, что уже было отмечено в литературе⁵². Государственная же ревизия Троицкой духовной корпорации была проведена позднее, чем в Кириллове, не в 1601, а в 1641–1643 гг., а история ее проведения подробно рассмотрена в специальной статье Е.Н. Клитиной⁵³. Очевидец составления Описи, троицкий казначей (и писатель) Симон Азарьин в своей “Книге о чудесах преп. Сергия” также касается истории правительственной проверки и крайне неприязненно отзываясь о первом счетчике – Ф.В. Волынском. Ему посвящена глава в книге “О околничем, иже не исправи сердца своего к чудотворцу Сергию, приехав монастыря считати”. Проведенную обширной правительственной комиссией ревизию Азарьин определяет как “бысть

⁴⁹ Памятники письменности в музеях Вологодской области: каталог-путеводитель / под ред. проф. П.А. Колесникова. Вологда, 1985. Ч. 4, вып. 1. С. 164–209; ГАВО. Ф. 883. Оп. 1. Кн. 44.

⁵⁰ Романенко Е.В. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М., 2002; Монашество и монастыри в России XI–XX вв.: ист. очерки. М., 2002; Шамина И.Н. Монастыри Вологодского уезда в XVI–XVII вв. Гл. 4.

⁵¹ ГАВО. Ф. 521. Оп. 1. Кн. 1. Л. 63; Кн. 3. Л. 35 об., 53 об.; Ф. 883. Оп. 1. Кн. 44. Л. 29 об., 30 об., 35 об., 48, 55.

⁵² Опись Кирилло-Белозерского монастыря. С. 13; Черкасова М.С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV–XVI в. М., 1996. С. 173.

⁵³ Клитина Е.Н. Опись Троице-Сергиева монастыря 1641 г. // Древнерусское и народное искусство: сообщ. Загорского музея-заповедника. М., 1990. С. 7–16.

счет и изыскание по нанесу некоторых, не боящихся Бога ту сущих”⁵⁴. Столь же недоброжелательным осталось воспоминание в Кириллове монастыре о царе Борисе Годунове, по приказу которого была проведена ревизия 1601 г.⁵⁵

Главным отличием Троицкой описи 1641 г. от Кирилловской 1601 г. было отсутствие в первой вотчинной части, касающейся земель самого Сергиева монастыря. В ней были переписаны, повторяем, лишь владения зависимых филиалов (села и деревни с крестьянскими дворами, без указания на количество земли, т.е. по типу переписных книг 1646–1648 гг.). Видимо, правительству казалась достаточной фиксация Троицких вотчин в рамках валового писцового описания 1620–1640-х годов, которое к 1641 г. еще не было закончено, а в качестве проверки владельческих прав огромной корпорации – составление грандиозного комплекса копийных книг 1641 г. По Троицкой описи 1641 г. неизвестно также о правительственной регламентации монастырского домена, суммарного объема сошного и вытного письма, размеров монастырских доходов, в отличие от Кирилловской описи 1601 г.

Как и в Описи Кириллова монастыря 1601 г., вотчинные части имеются в большинстве переписных книг белозерских и вологодских монастырей. Их одновременность по некоторым обителям позволяет изучать монастырское землевладение и хозяйство, народонаселение духовных вотчин в динамике, сопоставлять данные описных книг с государственными писцовыми и переписными книгами. При формулярном анализе преамбул монастырских отписных книг можно проследить эволюцию их вотчинных разделов от первоначальной весьма лаконичной фиксации прежде всего господского земледельческого хозяйства в селах, рыбных и соляных промыслах, мельниц, запасов хлеба в житницах и полях до последующей более полной регистрации всего состава землевладения и населения – братии, слуг и служебников, различных работников и детенышей, а также – крестьян и бобылей с их сыновьями, братьями и племянниками во дворах “по имянном”. Так постепенно вотчинный учет становился всеохватным.

Наблюдается определенная специализация в порядке составления монастырских описей. Например, в описи Спасо-Каменного монастыря 1670 г. имущественно-вещевой раздел, размещенный на первых семи тетрадах, писан беглым полууставом, переходящим в скоропись – такой почерк мог принадлежать человеку, близкому к книгописанию. Вотчинный же раздел, занимающий три тетради с самостоятельной нумерацией, выполнен уверенной делопроизводительной скорописью человека, для которого подобные тексты были весьма привычны⁵⁶.

Полнота вотчинных частей монастырских описных книг могла быть разной: в одних сообщались только суммарные данные о селах и деревнях, об их населении (село такое-то, к нему столько-то деревень, в них столько-то крестьянских и бобыльских дворов, в них столько-то людей), в других содержались подробные перечни сельских поселений и мужского состава крестьян-

⁵⁴ Клосс Б.М. Избранные труды. М., 1998. Т. 1: Житие Сергия Радонежского (Рукописная традиция. Жизнь и чудеса. Тексты). С. 498–499. Дополнительная причина неприязни С. Азарьина к Волынскому – конфликт с ним из-за подмосковного села Воронова, данного в 1629/30 г. вкладом сестрой Волынского, которое тот пытался выкупить у корпорации. См.: ОР РГБ. АТСЛ. Кн. 536. Л. 151 об. – 153 об., 169–172; Вкладная книга. Л. 394 об.

⁵⁵ Опись Кирилло-Белозерского монастыря. С. 14. Примеч. 1–2 (со ссылкой на неопубликованную рукопись Н.К. Никольского).

⁵⁶ ГАВО. Ф. 883. Оп. 1. Кн. 44.

ских и бобыльских дворов⁵⁷. В любом случае наличие вотчинных частей в монастырских описных книгах явно сближает их с собственно “вотчинными хозяйственными книгами” (переписными, вытными, оброчными и др.) и даже позволяет считать разновидностью последних. В отдельных случаях возможно сближение вотчинных частей и с государственными переписными книгами. Например, в опись Спасо-Прилуцкого монастыря 1654 г. сведения о количестве крестьянских и бобыльских дворов были внесены из переписной книги Вологодского уезда стольника И.И. Бутурлина 1646 г. Сведения о населении в отписные книги Лопотова монастыря 1670 и 1687 гг. также вносились из переписных книг 1646 и 1678 гг.⁵⁸

В вопросе о происхождении вотчинных частей монастырских описей интересным представляется мнение Н.К. Никольского, поддержанное З.В. Дмитриевой, о связи поземельного кадастра и инвентаризации имущества монастырей⁵⁹. Генетически эту связь, действительно, можно проследить по сведениям об имуществе приходских храмов в писцовых книгах. Сошлемся на некоторые сотные второй половины XVI в. и на дозорную книгу дворцовых земель Вологодского уезда 1589/90 г., в которых содержатся ценные сведения об имуществе и интерьерах посадских, монастырских и сельских церквей⁶⁰.

По Троице-Сергиеву монастырю прослеживается устойчивое сходство его описей, отстоящих друг от друга на значительный период времени, 1641 и 1701 гг. Одна из переписных книг (№ 27) зафиксировала строения и имущество большого монастыря, состав его братии и административно-хозяйственного аппарата, а также господское хозяйство в нескольких подмонастырских селах. Вторая (№ 40) – строения, имущество, крепостные архивы и вотчины приписных монастырей⁶¹. Именно такое распределение материала видно и в Описи 1641 г. Следовательно, в отличие от большинства монастырей, землевание Троице-Сергиева монастыря не было описано в 1701 г. Выше названные переписные книги № 27 и 40 были составлены самими троицкими властями и строителями приписных филиалов, но по распоряжению из Монастырского приказа (дьяка Е. Изотова). И.А. Булыгин признавал исключительным случаем то, что в 1701 г. описание было доверено самому Сергиеву монастырю. Исследователь также считал, что описания троицких вотчин за 1701 г. могли не сохраниться и, возможно, оно проводилось на общих основаниях⁶². В Кирилло-Белозерском монастыре перепись самоуправно в 1701 г. проводил стольник Л. Кологривов. В результате по экономической самостоятельности корпорации был нанесен большой удар, и такие ее структуры

⁵⁷ В этом убеждает сравнение близких по хронологии описных книг Корнильева Комельского 1656–1661 гг., Лопотова 1670 и 1687 гг. и Павлова Обнорского 1683 и 1687 гг. монастырей. См.: ГАВО. Ф. 520. Оп. 1. Кн. 1, 2; Ф. 521. Оп. 1. Кн. 2, 3; Ф. 883. Оп. 1. Кн. 28, 29; Ф. 496. Оп. 1. Кн. 3. Подробнее см.: Черкасова М.С. Монастырские описи XVII в. как источник по истории народонаселения // Историческое краеведение и архивы: сб. ст. Вологда, 2004. Вып. 10. С. 65–78.

⁵⁸ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Кн. 3. Л. 18 об., 22; Ф. 512. Оп. 1. Кн. 44. Л. 129, 129 об.

⁵⁹ Опись Кирилло-Белозерского монастыря. С. 8–9; Францозова Е.Б. Церковное имущество в государственных поземельных описаниях... С. 93.

⁶⁰ Северный археографический сборник. Вологда, 1973. Вып. 2. С. 6–177 / публ. Н.И. Федьшина; Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период). Вологда, 1981. С. 136–177 (публикация Ю.С. Васильева и Н.П. Воскобойниковой сотной из книг И.И. Плещеева на посад Устюжны Железопольской 1567 г.); С. 178–191 (публикация З.В. Дмитриевой сотной с писцовых книг А.Н. Вельяминова и дьяка И. Григорьева на земли Николо-Коряжемского монастыря в Усольском уезде 1586 г.).

⁶¹ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 27, 40.

⁶² Булыгин И.А. Монастырские крестьяне в России. С. 34.

управления, как келарская служба и монастырский собор, считает Н.П. Успенский, прекратили свое существование⁶³.

Подведем итоги рассмотрению источниковедческих проблем изучения монастырских архивов. Была предпринята попытка проанализировать их как целостные совокупности исторически сложившихся источников XIV–XVII вв. По принципу своего назначения выделяются три основные группы документации: 1) крепостная (владельческая) – акты, копиянные книги, записные книги крепостей, государственные дозорные, межевые, писцовые, переписные книги; 2) комплекс “вотчинных хозяйственных книг” (вытных, оброчных, веревных, обежных, ужинно-умолотных, приходо-расходных); 3) документация церковно-государственного учета (монастырские описные, отписные, переписные книги). Допустимо их сравнение с основными видами источников в западноевропейских монастырях – картуляриями (сборниками актов) и полиптиками (внутривотчинными описаниями и инвентарными описями).

Общее направление в развитии монастырского документального комплекса на Руси видится нам в движении от поземельных актов в XIV–XV вв., отражающих прежде всего межфеодалные отношения, к более полному охвату в XVI–XVII вв. всех социальных взаимосвязей – церковно-государственных и сеньориально-крестьянских. Этот охват отразился в появлении и дальнейшей эволюции других разновидностей массовой документации – приходо-расходных, хозяйственных, отписных книг. Соотношение источников крепостного, владельческого и текущего делопроизводственного назначения в духовных корпорациях во многом определялось масштабом их земле- и душевладения. Значение актовых собраний крупнейших монастырей для изучения феодального землевладения Северо-Восточной Руси невозможно переоценить. Например, из 2 тыс. актов до начала XVI в. более половины дошло до нас в составе архивов Троице-Сергиева (718 номеров) и Кирилло-Белозерского (322 номера) монастырей! Особая значимость именно этой разновидности документов как своего рода правовой основы их существования для корпоративных собственников очевидна. Вот почему в составе именно Троицкого архива акты и копиянные книги столь явно превалируют над остальными разновидностями документов.

В возникновении и эволюции монастырских архивов сыграли свою роль отдельные ведомства по управлению в общежительных монастырях (киновиях). В обителях с особожительным устройством (келлиотских) не сложились столь отлаженной системы делопроизводства, и перспективы сохранности документов оказались менее благоприятными (наблюдение В.Д. Назарова⁶⁴). В общежительных монастырях разного масштаба и, возможно, разных письменных традиций различался и имущественно-вотчинный учет. В одних каждое ведомство имело свою учетную документацию, в других (основной массе средних и мелких монастырей) все ведомства и отрасли управления фиксировались одновременно при составлении отписных книг. Большая четкость делопроизводства в таких, например, монастырях, как Троице-Сергиев или Саввин Сторожевский (с обширной сетью приписных филиалов) была закреплена во второй половине XVII в. внутренними нормативными актами, одобренными правительством (уставами келарской и казначейской служб).

⁶³ Успенский Н. О больших строителях Кирилло-Белозерского монастыря // ЧОИДР. 1897. Кн. 1. Отд. IV. С. 54–57.

⁶⁴ Акты Российского государства: архивы московских монастырей и соборов. XV – начало XVII в. / отв. ред. В.Д. Назаров. М., 2000. С. 111, 228.

После проведенного исследования нельзя считать Троицкий архив обделенным “вотчинными хозяйственными книгами”. Их наличие, хотя и не в таком количестве, роднит его с меньшими по масштабу “собратьями”. Подчеркнем, однако, что важнейшей типологической особенностью всех внутривотчинных описаний Троицы стала одновременная фиксация в них нормативов и объема сеньориальной и государственно-централизованной ренты.

В ходе рассмотрения темы отмечалось взаимодействие разных видов источников, отсутствие порой жестких границ между ними (вытные книги и вотчинные разделы отписных книг, книги приходные и оброчные, приходные и вкладные). Обращалось внимание на терминологию близких по виду источников, относящихся к разным регионам страны. За пределами статьи осталась четвертая, важная часть монастырского документального комплекса. Ее образуют памятники, связанные с осуществлением важной для средневекового общества культово-поминальной функции монастырей, – вкладные и кормовые книги, синодики⁶⁵, списки погребенных, надгробные надписи. Полагаем, что эта специфическая совокупность источников требует отдельного анализа и особой методики. Специального изучения заслуживает и дальнейшая судьба монастырских архивов XVIII–XX вв.⁶⁶

⁶⁵ Подробнее о них см.: *Конев С.В.* Синодология. Ч. 1: Классификация источников // Историческая генеалогия. Екатеринбург, 1993. Вып. 1. С. 7–15; *Алексеев А.И.* Под знаком конца времени: очерки русской религиозности конца XIV – начала XVI в. СПб., 2002.

⁶⁶ См.: *Копылова О.Н.* Судьба архива Троице-Сергиевой Лавры // ОА. 2001. № 4. С. 13–22.

СЕМЬЯ СВЯЩЕННИКА СИЛЬВЕСТРА*

Вокруг личности священника Сильвестра – одного из самых примечательных персонажей российской истории эпохи Ивана Грозного, давно уже в научной литературе ведутся споры. Одни ученые считают его религиозным фанатиком, иные причисляют его к “нестяжателям”, третьи указывают на связи с “иосифлянами”. По утверждению многих историков, он, наряду с Алексеем Адашевым, являлся одним из руководителей “Избранной Рады”, сыграл выдающуюся роль в проведении реформ конца 40 – 50-х годов XVI в. и привил молодому царю религиозный фанатизм. По мнению других же исследователей (кое-кто из них даже сомневается в существовании “Избранной Рады”) не следует преувеличивать значение священника Благовещенского собора Московского Кремля в проведении государственной политики и его влияние на Ивана Грозного, чьим духовником он никогда не был¹.

Как бы то ни было, глубоко верующий и образованный человек, знаток Священного писания, моралист, автор ряда литературных произведений, Сильвестр играл важную роль в духовной и культурной жизни Москвы в период реформ середины XVI в. Дополнительные штрихи к изучению биографии Сильвестра могут дать материалы о семье знаменитого священника, до сих пор в полном объеме не выявленные и не обобщенные в литературе. Они касаются, главным образом, его сына Анфима Сильвестрова – коммерсанта и государева дьяка, человека набожного и знавшего толк в книжности, отдельные аспекты деятельности которого уже не раз становились предметом внимания исследователей².

* Статья написана в рамках научного проекта “Торгово-ремесленный люд средневековой Москвы”, включенного в программу “Возрождение России” ИРИ РАН.

¹ См. новейшую литературу о Сильвестре: *Курукин И.В.* Сильвестр. Политическая и культурная деятельность (источники и историография): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983; *Грбовский А.Н.* Иван Грозный и Сильвестр (история одного мифа). Лондон, 1987; *Буланин Д.М., Колесов В.В.* Сильвестр // *Словарь книжности и книжников Древней Руси*. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI вв.), ч. 2. С. 323–333; *Неберекутина Е.В.* Поиски автора Степенной книги // *От Нестора до Фонвизина: новые методы определения авторства*. М., 1994. С. 165–211; *Шмидт С.О.* Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 339–347 и др.; *Филлюшкин А.И.* История одной мистификации: Иван Грозный и “Избранная Рада”. М., 1998. С. 5, 111, 113, 117, 119, 137, 143, 151, 320, 323, 329; *Гордиенко Э.А.* Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. СПб., 2001. С. 122–125 и др.; *Найденова Л.П.* “Свой” и “чужие” в Домострое // *Человек в кругу семьи: очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени* / под ред. Ю.Л. Бессмертного. М., 1996. С. 290–304; *Она же.* Мир русского человека XVI–XVII вв. (по Домострою и памятникам права). М., 2003; *Roynsu C.J.* The Origins of the Domostroi: a Study in Manuscript History // *The Russian Review*. 1987. Vol. 46. P. 357–373.

² См.: *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 42–43, 50, 58–59; *Смирнов И.И.* Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 245–247; *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 467; *Хорошкевич А.Л.* Мегалополис средневековья // *История Москвы: в 3 т.* М., 1997. Т. 1. С. 129–130; *Шмидт С.О.* Россия Ивана Грозного. С. 110; *Она же.* У истоков российского абсолютизма: исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996. С. 317; *Перхавко В.Б.* Сын священника Сильвестра // *Моск. журн.* 2003. № 7. С. 42–45; *Она же.* Первые купцы российские. М., 2004. С. 262–265. Интересные новые материалы о Сильвестре и его сыне Анфиме введены в научный оборот И.В. Куру-

Проследить, хотя бы, в общих чертах его жизненный путь можно лишь на основе привлечения максимального круга источников: актовых материалов, разрядных книг, посольских дел, “Домостроя”, одного из посланий Ивана Грозного Андрею Курбскому, владельческих и вкладных записей на рукописных книгах, синодиков.

Даты рождения и смерти Анфима Сильвестрова, к сожалению, установить невозможно. Как предполагают, сам Сильвестр родился между 1500 и 1510 г. и принадлежал к зажиточным торгово-ремесленным кругам Велико-го Новгорода, где и был рукоположен в священнический сан³. Занимаясь торговыми операциями, он еще на родине увлекся книжным делом и иконописанием. Возможно, Сильвестр перебрался в Москву в 1542 г. в составе свиты новгородского владыки Макария, ставшего митрополитом всея Руси. Нельзя исключить, однако, его более позднее появление в столице между 1542 и 1546 г.⁴ Маловероятным представляется предположение П. Миртова об оседании Сильвестра в Москве в 1539 г., когда Макарий приезжал на церковный собор для избрания и поставления митрополита Иоасафа⁵. В Москве Сильвестр стал священником Благовещенского собора Кремля – домового храма правителей Московии – и оказывал до 1560 г. немалое влияние на Ивана Грозного как духовный наставник.

Еще в период проживания в Новгороде Сильвестр освободил “работных своих”, о чем не мог не знать его сын. С детства он получил от отца и матери немало уроков доброты и милосердия. Известно лишь монашеское имя супруги Сильвестра и матери Анфима. В синодике конца XVI в. Троице-Сергиева монастыря записано о поминании: “Иноку Евпраксею (сверху киноварью – В.П.) – с[в]ященника Селивестра, жена его” (статья 7); “Инока Спиридона (сверху киноварью. – В.П.) – поп[ъ] Селивестръ, Анфима (сверху киноварью. – В.П.) – с[ы]нъ ег[о]” (статья 12)⁶. Вкладная книга 1674/75 (7183) г. Московского Новодевичьего монастыря содержит под 25 сентября запись: “Память Селиверстове попадье иноке Евпраксии”⁷.

Огромной популярностью пользовался в России в XVI–XVII вв. “Домострой” – свод правил общественного, религиозного и семейно-бытового поведения, сохранившийся в 40 с лишним списках и трех (либо в четырех) редакциях. Содержащиеся в нем наставления отражают представления зажиточных слоев средневекового русского города. Благовещенский священник считается составителем одной из редакций “Домостроя” – Коншинской, именуемой также Сильвестровской и дошедшей до нас в 12 списках. Эта вторая сокращенная редакция отличается от более полной первой редакции (часть исследователей считают ее и более ранней), древнейший список, которой хранился в Обществе истории и древностей российских при Московском универ-

киным. См.: Курукин И.В. Новые сведения монастырских архивов о Сильвестре // Вопросы источниковедения и историографии истории досоветского периода. М., 1979. С. 63–73; *Он же*. К изучению источников о начале Ливонской войны и деятельности правительства Адашева и Сильвестра // Источниковедческие исследования по истории феодальной России. М., 1981. С. 29–48.

³ Миртов П. Знаменитый древнерусский священник (очерк жизни и деятельности московского протопопа Сильвестра) // Странник. 1903. Март. С. 395.

⁴ Буланин Д.М., Колесов В.В. Указ. соч. С. 324.

⁵ Миртов П. Указ. соч. С. 394–395.

⁶ ОР РГБ. Ф. 304/1. № 40. Л. 14, 23 об. Выражаю признательность А.В. Кузьмину, обратившему мое внимание на эту запись.

⁷ Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв. Из архива Московского Новодевичьего монастыря / подг. текста и вступ. статья В.Б. Павлова-Сильванского. М., 1985. С. 167 (Л. 56).

ситете (ныне находится в ОР РГБ. Ф. 204, № 340). Она известна в 17 списках. Но в ней, в отличие от Коншинской редакции, отсутствует 64-я глава под названием “Послание и наказание ото отца к сыну”, написанная в виде наставлений священника Сильвестра Анфиму; ее называют порой “Малым Домостроем”⁸. Текст этой главы проникнут отеческой заботой и любовью. Со словами “чадо мое единокровное и любимое, Анфим” не раз обращается Сильвестр к единственному своему сыну, предостерегая его от пьянства и прочих человеческих пороков, убеждая в необходимости строгого соблюдения всех православных обрядов.

«... Видел еси, чадо мое, – пишет Сильвестр в “Домострое” – многих пуштошных сирот, и работных, и убогих, мужеска полу и женска, и в Нове городе, и zde, на Москве, вскормих, и вспоих до совершения возраста, изучих, хто чево достоин, многих грамоте, и писати, и пети, иных иконного писма, инех книжного рукоделей, овех серебренено мастерства и иных всяким многих рукоделей, а иных всякими многими торговлей изучих торговать...»⁹ Ставя свою жизнь в пример, он воспитывал сына как идеального христианина, образцового главу православной семьи. Мать Анфима также опекала многих бедных девиц и вдов, обучала их ремеслам и домашнему хозяйству и, наделив приданым, выдавала их замуж. Благочестивые супруги своих воспитанников “поженили у добрых людей, и все те дал Бог, свободны, своими добрым домами живут многи во священническом и дьяконьском чину, и в дьяцех, и в подьячих, и во всяких чинех: кто чево дородился и в чем кому благоволил Бог быти: овии рукодельничают всякими промыслы, а многия торгуют в лавках, мнози и гоздбы деют в различных землях всяки торговлями...”¹⁰

Сильвестр и его супруга терпеливо переносили неприятности и убытки, причинявшиеся им кое-кем из их “скормленников”, но никогда не распространялись за пределами семьи об этом и не роптали на судьбу. Тому же они призывали следовать и своего единственного и горячо любимого сына. Благочестивый священник всю жизнь сохранял супружескую верность, призывая и свое чадо жить по христианскому закону во всех делах: помогать другим, не обманывать людей, не доводить конфликтные ситуации до суда.

В момент составления 64-й главы “Домостроя” Анфим был уже женатым человеком и имел собственных детей. “И законному браку сочтах тебе у добру родителю благодарную дщерь и благословил есми тебя”, – с удовлетворением обращается Сильвестр к сыну¹¹. В рукописный сборник № 641 (30-е – начало 40-х годов XVII в.) из собрания И.Е. Забелина, известный также как “Цветник Стефановский”, включен один из списков Коншинской (Сильвестровской?) редакции “Домостроя”, согласно которому жену Анфима Сильвестрова звали Пелагеей. Первая глава начинается со слов: “Благословляю яз грешныи Селивестр и поучаю и наказую и вразумляю единоквадаг(о) сына своего Анфима и его жену Пелагею и их домочадцов быти во всяком христианском законе и во всякой чистой совести и правде с верою творяще волю божию”¹². Непонятно, на каком основании, однако, П. Миртов

⁸ Орлов А. Домострой по Коншинскому списку и подобным // ЧОИДР. 1908. Кн. 2. С. 1–104, 1–172; 1911. Кн. 1. С. I–IV, 1–140; *Он же*. Домострой: исследование. М., 1917. Ч. 1; *Соболевский А.И.* Поп Сильвестр и Домострой // Известия по русскому языку и словесности. Л., 1929. Т. 2, кн. 1. С. 189.

⁹ Домострой / подгот. изд. В.В. Колесов, В.В. Рождественская. СПб., 2001. С. 131.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 128.

¹² ЧОИДР. 1911. М., 1910. Кн. 1. С. 115 (Л. 199 об.).

называет супругу священника Сильвестра Пелагеей¹³; судя по монашескому имени Евпраксия ее мирское имя начиналось с буквы “Е” (Евдокия? Елена? Евфимия?).

Женат был Анфим на дочери Якова Топорникова, о чем свидетельствует запись из синодика конца XVI в. Успенского собора Московского Кремля: “Род Якова Топорникова да зятя его Анфима, Селивестрова сына. Симона. Наталию. Феодора. Евдокею. Захарию. Игнатиа. Луку. Священноинока Варлаама, во иноцех инок[а] Васьяна. Инок[а] Серапиона. Инок[у] Евпраксию. Иноку Евфимию. Ирину. Иноку Марфу. Климента. Арсения. Артемиа. Федосию. Священноинока Данила. Антониа. Инок[а] Иоакима”¹⁴. В аналогичной записи из более позднего Успенского синодика XVII в. (“род Якова Топорникова, да зятя его Анфима Селивестрова. Симона. Наталию. Феодора. Евдокии. Захарии. Игнатиа. Луки. Иеромонаха Серапиона. Иеромонаха Васиана. Иеромонаха Даниила. Монаха Иоакима. Монахин[и] Евпраксии. Евфимии. Марфы. Ирины. Арсения. Артемиа. Феодосии. Антониа”) пропущено лишь одно имя Климента из более ранней поминальной книги XVI в., остальные же имена совпадают¹⁵. Топорников, судя по фамилии, происходил, очевидно, из зажиточной торгово-ремесленной среды Москвы. Сильвестр с уважением относился к семье, из которой происходила жена Анфима, именуя Пелагею как “благодарную дочь”, а ее отца и мать – “добру родителю”.

Вот какое наставление давал составитель “Домостроя” Анфиму, служившему в “царской казне у таможенных дел”: “...служи верою да правдою безо всякия хитрости и безо всякаго лукавства во всем государскомъ; другу не дружи, недругу не мсти, и волокида бы людемъ ни в чем не была, всякого от-делай с любовью без брани; а не поспеется, и ты добрым словом отвецаи и, присрочив, не изволоча отпусти; а в торговли прямую розласку чини, душевредная бы твоя служба не была государю ни в чем, а сам благословленным, государским уроком сыт буди, и все бы у тебя государское было всегда в счете и в смете, и в письме, и приход, и расход и к казначею буди послушен...”¹⁶

В действительности же таких идеальных таможенников найти было трудно, в их среде пустили прочные корни волокита, вымогательство, завышение размеров пошлин, на что не раз жаловались и отечественные, и иностранные купцы.

Станным, однако, представляется отсутствие имени дьяка А. Сильвестрова в таможенных грамотах конца 40–50-х годов XVI в., в которых упоминаются наряду с царскими казначеями (Ф.И. Сукиным, Х.Ю. Тютиним) другие государевы дьяки: в таможенной записи от 15 января 1549 г. о порядке взимания пошлин – дьяки Н. Фуников (Н.Ф. Курцов), Ф. Семенов; в Дмитровской грамоте 1549 г. – Н.Ф. Курцов; в Белоозерской грамоте 1551 г. – Ю. Сидоров, К.Г. Кроткой; в Каргопольской и Турчасовской грамоте 1554/55 г. – Тр.М. Карачаров (Тр. Митрофанов); в грамоте 1555 г. об отдаче на откуп амбарной и пятенной пошлин в Новгороде Великом – Тр. Митрофанов (Тр. М. Карачаров); в грамоте от 24 ноября 1556 г., направленной в Новгород Великий, – Ю. Сидоров и К. Кроткий; в грамоте 1557 г. таможникам Кашинского уезда и Ивановского погоста Бежецкого верха – Тр. Митрофанов;

¹³ Миртов П. Указ. соч. С. 395.

¹⁴ ОР ГИМ. Усп. 64. Л. 269–269 об.

¹⁵ Там же. Усп. 66. Л. 317.

¹⁶ Домострой. С. 133.

в Двинской уставной таможенной грамоте 1560 г. – Тр. Митрофанов¹⁷. Поэтому, проанализировав деятельность Приказа Большого Прихода в эпоху Ивана Грозного, П.А. Садиков ни слова не сказал об А. Сильвестрове¹⁸. Анфим явно не участвовал в 1550 г. в подготовке проекта реформы таможенного обложения, заключающейся в увеличении тамги (пошлины с торговых сделок) и отмене мыта (проезжей пошлины). Правительство не решилось его осуществить, пойдя по пути постепенной унификации таможенной системы¹⁹. Тем более безосновательно предположение А.И. Соболевского о деятельности Анфима “на таможенном дворе (в Новгороде?), едва ли не в чине дьяка”, на что справедливо указал И.И. Смирнов²⁰.

Находились и среди торговцев честные и справедливые люди, стремившиеся, естественно, получить прибыль, но не любой ценой. Вот чему, исходя из собственного жизненного опыта, продолжал наставлять Анфима его отец в “Домострое”: “... а сам у кого што купливал, ино ему от мене милая розласка, без волокиды платежь, да еще хлеб да соль сверх ино дружба в век, ино всегда мимо мене не продаст и худого товару не даст, и у всего не доимет. А кому што продаывал, все в любовь, а не в оман: не полюбит хто моего товару, и аз назад возму, а денги отдам. А о купли и о продажи ни с кем брань и тяжба не бывала...”²¹

Сам Сильвестр еще в Новгороде Великом занимался торговыми операциями, в том числе с иноземными купцами. Как предположил А.И. Соболевский, “он торговал иконами и серебряными изделиями, по преимуществу теми, которые идут на украшение икон (цаты, венцы, басма), церковных книг (евангелие) и вообще храмов (кресты, лампы)” и закупал у иностранных коммерсантов “серебро-металл, краски, шелковые и другие ткани”²².

Анфим Сильвестров также поддерживал деловые отношения с иноземными купцами (по словам Сильвестра из “Домостроя”, у его сына “со многими иноземцы великая торговля и дружба есть”)²³. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря (XVII в.) сообщает: “60 (1552)-го году августа в 25 день дал вкладу Анфим Селивестров сын Попов 50 бочек сельдей немецких за 90 рублей да 2 ларя стекол за 14 рублей, бочку вина церковного за 12 рублей, 10 пуд ладану за 25 рублей. А приторговал то на 1000 рублей на монастырские деньги”²⁴. Бочки с немецкой сельдью, оконное стекло и вино он, по-видимому, закупал в Новгороде Великом, а не в Москве. Вложенные товары по стоимости составляли полученную им торговую прибыль в 141 рубль (14,1% с 1 тыс. руб.). Приведа это свидетельство, А.Л. Хорошкевич справедливо подчеркнула честность торговца Анфима по отношению к монастырю. По ее определению, “в личности Анфима Селиверстова воплотились типичные черты

¹⁷ См.: ААЭ. 1836. Т. I, № 222–223, 228, 230, 252. С. 211–213, 219–220, 222–226, 274–275; ДАИ. 1846. Т. I, № 51, 74. С. 80–81, 132–133; АЮБ. 1857. Т. I, № 122. Стб. 729–731; ЛЗАК. Л., 1927. Вып. I (XXXIV). С. 199–203; *Зимин А.А.* К изучению таможенной реформы середины XVI в. // ИА. 1961. № 6. С. 129–133.

¹⁸ *Садиков П.А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 258–289.

¹⁹ См. об этом проекте: *Садиков П.А.* Указ. соч. С. 271; *Тихонов Ю.А.* Таможенная политика Русского государства от середины XVI в. до 60-х годов XVII в. // ИЗ. 1955. Т. 53. С. 263; *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 340–341; *Флоря Б.Н.* Сбор торговых пошлин и посадское население в Русском государстве (конец XV – начало XVII в.) // ИЗ. 1990. Т. 118. С. 333–336.

²⁰ См. об этом: *Соболевский А.И.* Указ. соч. С. 189; *Смирнов И.И.* Указ. соч. С. 246.

²¹ Домострой. С. 132.

²² *Соболевский А.И.* Указ. соч. С. 189.

²³ Домострой. С.128.

²⁴ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / изд. подгот. Е.Н. Клитина, Т.Н. Манушина, Т.В. Николаева. М., 1987. С. 223.

преуспевающего купчины, богобоязненного и отважного, посредника между крупными организациями на родине и иноземными купцами”²⁵.

Он продавал товары в кредит представителям титулованной московской аристократии, о чем упоминается, в частности, в духовной князя Ю.А. Оболенского (1547–1565 гг.), дворецкого Владимира Старицкого: “Взял есми у Анфима у Селиверстова сына вошвы (дорогие вставки на парадную одежду. – В.П.), бархат червчат з золотом, круги на нем шолк голуб, цену Анфим сам ведает, что скажет, и приказчики мои то ему з[апла]т[ят]”²⁶. Ему доверяли не только монастырские власти, но и аристократы не сомневались в его честности.

Деловым компаньоном Анфима являлся один из казначеев Ивана Грозного – купец, грек, по происхождению, Хозяин Юрьевич Тютин. Свидетельство об их деловом сотрудничестве отложилось в статейном списке посольства В.М. Юрьева к польскому королю Сигизмунду Августу (январь–май 1554 г.): “Да били челом царю и великому князю Хозяин Тютин да Анфим Селиверстов, что им взяти на литовских людех на торговых на Лаврентье да на Семене на Федорове, да на Кондрате на Логинове четыреста рублей по кабале, да четыре годы росту; на Сергее на вилневце сто пол-осмадесят рублей по кабале, да на пять лет росту; на Грише на Максимове да на Федоре на Игнатеве, на вилневцах, сто восьмьдесят рублей по кабале, да на четыре годы росту; да на Левонтье на Ондрееве, да на Михайле на Семенове, на вилневцах, сорок рублей по кабале, да на четыре годы росту; на Илейке на вилневце сто девяносто пять рублей по кабале, да на четыре годы росту; на Кондрате на вилневце двесте рублей по кабале, да на четыре годы росту; на Даниле на Офонасьеве, на вилневце, дватцать рублей по кабале с роста...”²⁷ Так, 11 торговцев из Литвы задолжали двум московским компаньонам значительную сумму в 1210 рублей. Очевидно, должники приобрели в кредит товары во время посещения Москвы около 1549 г. либо в результате поездок в Литву А. Сильвестрова и Х.Ю. Тютина, которые, будучи еще не обремененными государственной службой, могли отправляться в длительные торговые поездки. Но в 1554 г. дела в столице (Тютин не позже осени того года стал царским казначеем) не позволили им, как видно, отлучиться, поэтому, согласно упомянутому выше статейному списку, “те кабалы Хозяин и Анфим... послали со своими людьми”, которые должны были получить по ним деньги с (набежавшими) процентами от литовских должников и вернуться вместе с российским посольством из Литвы в Москву²⁸.

“Благодаря дружбе с Тютиным, – пишет без ссылок на источники Р.Г. Скрынников, – Анфим неоднократно получал выгодные поручения, в частности, заведовал таможенными сборами в Казани”²⁹. Однако никаких данных на этот счет в опубликованных грамотах 40–50-х годов XVI в. и в архивных материалах мне пока обнаружить не удалось.

Поддерживая деловые контакты с царским казначеем, А. Сильвестров выступал в роли свидетеля при оформлении в 1550/51 г. его меновой грамоты с Троице-Сергиевым монастырем на московский двор, находившийся в Богоявленском переулке (“на записке Хозеи руку приложил и послух Алфим руку приписа”³⁰. Сам Анфим также жил в Китай-городе, в Богоявленском пе-

²⁵ Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 130.

²⁶ АФЭХ. М., 1956. Ч. 2, № 207. С. 207.

²⁷ Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 59. № 28. С. 439.

²⁸ Там же. С. 440.

²⁹ Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 118.

³⁰ Копийная книга Троице-Сергиева монастыря XVII в. // ОР РГБ. Ф. 303/1. № 530. Л. 3, 28 об., 29.

реулке, о чем свидетельствует обельная грамота Ивана IV от 15 апреля 1556 г. Троице-Сергиеву монастырю на Лобановский двор взамен другого монастырского двора, переданного Анфиму Сильвестрову: “Се яз царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси пожаловал есми Троецкого Сергиева монастыря игумена Иасафа с братею: что был у них двор их на Москве, в Новом городе, в Богоявленском переулке, с Ильинские улицы к Никольской улице по левой стороне, в длину двадцать сажен с полусаженью, а поперег четырнадцать сажен; и тот у них двор взят и отдан Онфиму Селиверстову сыну, а игумену Иоасафу с братею, в того их двора место, дан им двор в том же Богоявленском переулке, с Ильинские улицы по правой стороне, Лобановской Иванова сына Слизнева, суконного тягла, в длину сорок сажен с полусаженью, а поперег девять сажен без локти, а в другом месте в огороде восемь сажен”³¹. Неясно, однако, где же располагался новый двор Анфима общей площадью 287 кв. саженей: перед Богоявленским монастырем либо за ним, если двигаться с Ильинской к Никольской улице.

Сильвестр и Анфим имели связи с бюргерской верхушкой Нарвы, о чем свидетельствуют ливонские источники 1558 г., когда братья Абрахам, Иоганн, Иоахим и Мельхиор Крумхаузены – сыновья бургомистра г. Нарвы Иоахима Крумхаузена – сообщали, что задолго до начала Ливонской войны исхлопотали у царского духовника (“des Grossfürsten Reichvater”) какие-то привилегии для своих торговых операций в России³². В этой связи уместно напомнить, что руководители “Избранной Рады” А. Адашев и Сильвестр придерживались умеренной внешней политики на западном направлении, считая более выгодным для России поддерживать нормальные связи (в том числе торговые) с Ливонией, Литвой, Польшей, Швецией. В мае 1558 г. сам Иоахим Крумхаузен информировал через Ханса Берндса городской совет Ревеля о невозможности сохранить мирные отношения России с Ливонией, о чем его уведомил из Москвы Анфим. Эти сведения дошли до нас из инструкции городского совета Ревеля посланцам Ливонского ордена³³. Переписка А. Сильвестрова с ревельским бургомистром носила, скорее всего, частный характер.

Анфим не мог тогда сам выезжать в Ливонию, сидя, по свидетельству разрядных книг, с 1556/57 по 1558/59 г. в качестве государева дьяка в Москве. Причем в разрядах 7065 (1556/57) г. Анфим (Алфим, Онфим) Сильвестров среди дьяков стоит на 20-м месте, 7067 (1558/59) г. – уже на 16-м месте³⁴. Он именовался даже “большим дьяком” и, отвечая за таможенные дела, непосредственно подчинялся по службе царскому казначею Х.Ю. Тютину³⁵.

³¹ АИ. СПб., 1841. Т. 1, № 164. С. 314–315.

³² Hansen H. Ergänzenden Nachrichten zur Geschichte der Stadt Narwa vom Jahre 1558. Narwa, 1864. S. 52–53; Angermann N. Studien zur Livlandpolitik Ivan Groznyis. (Marburger Ostforschungen. Bd. 32.) Marburg / Lahn, 1972. S. 84–88; На эти материалы первым из отечественных историков обратил внимание И.В. Курукин. См.: Курукин И.В. К изучению источников о начале Ливонской войны... С. 29–48.

³³ Angermann N. Op. cit. S. 85–86; Schirren C. Quellen zur Geschichte des Untergangs Livländischer Selbständigkeit. Reval, 1861. Bd. 1, № 53. S. 140; Bd. 2. S. 4–26; Bineman R. Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands in der Jahren 1558–1562. Riga, 1865. Bd. 1. S. 221–228, 246–252. См. о причинах Ливонской войны и разногласиях в правящих кругах России по поводу путей и способов разрешения конфликта с Ливонией: Филлюшкин А.И. Указ. соч. С. 123–134; Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. С. 246–248; Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 254–257.

³⁴ Миллюков П.Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901. С. 190, 213; Разрядная книга 1475–1598 гг. / подгот. текста, ввод статья и ред. В.И. Буганова. М., 1966. С. 182.

³⁵ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / подгот. к печати А.А. Зимин. М.; Л., 1950. С. 116.

Исходя из приведенных выше фактов, можно с уверенностью отнести написание Сильвестром 64-й главы “Домостроя” и завершение его редактирования в целом к 1556–1559 гг., когда его сын служил в “царской казне у таможенных дел”, что прямо указано в тексте этой главы³⁶. Предчувствуя опалу, благовещенский священник, получив благословение царя, в 1560 г. удалился из Москвы и принял постриг в Кирилло-Белозерском монастыре под именем Спиридон. Вот как писал об этом в первом послании Андрею Курбскому сам Иван Грозный: “Попу же Селивестру, видевше своих советников ни во что же бывше, и сего ради своею волею отоиде, нам же его благословне отпустившим... в будущем веце хощу суд прияти, елико от него пострадах душевне и телесне. Того ради и чаду его сотворих и по се время во благоденстве пребывати; точию убо лица нашего не зря”³⁷.

Опала все-таки коснулась и А. Сильвестрова, удаленного в 1561–1566 гг. из столицы на службу в Смоленск. Так, 25 января 1561 г. “из Смоленска боярин и воевода, князь Дмитрий Иванович Курлятев, да диаки Анфим Селиверстов да Истома Кузмин” писали царю Ивану Грозному о подготовке к встрече на границе посольства польского короля Сигизмунда-Августа, направлявшегося в Москву³⁸. Как видим, в Смоленске, он находился под началом связанного с Сильвестром Д.И. Курлятева, вскоре насильно постриженного в монахи, а затем казненного вместе с семьей в годы опричнины. 13 февраля 1562 г. Анфим уже с новым смоленским наместником М.Я. Морозовым и вторым дьяком И. Кузминым информировал Москву о приближении к российскому рубежу королевского посланника Б.И. Корсака, 18 ноября 1564 г. – о приезде новых польских послов Ю. Хоткевича и Г. Воловича³⁹. Еще один документ из посольских дел свидетельствует: “Лета 7073 (1565), августа 5 день, писали ко царю и великому князю из Смоленска боярин и воевода Петр Васильевич Морозов с товарищы, да диаки Анфим Селиверстов да Федор Федоров с Богдашком Свитиным, что прислал к ним из литовского города из Копыси староста копыской Воетцкой грамоту с копышанином, с посадцким человеком с Павлином с Митиным, августа 2 день, и они ту грамоту прислали ко государю; а против гонца послали на рубеж в приставех смоленского помещика Офонася Битяговского. А в грамоте писано, что идет гонец от панов рады королевские ко царя и великого князя бояром, и воеводы б того гонца пропустили без зацепки”⁴⁰. Самая поздняя по времени смоленская грамота, связанная с именем А. Сильвестрова, датирована 7 мая 1566 г., когда на границе готовилась встреча нового польского посольства во главе с Ю.А. Хоткевичем, Ю.В. Тишкевичем и М. Гарабурдой, отличавшегося от предыдущих посольств многочисленностью участников⁴¹. Посему перед госу-

³⁶ Такой же приблизительно датировки (вторая половина 1550-х годов) придерживается В.В. Колесов. См.: Домострой. С. 133; Булагин Д.М., Колесов В.В. Указ. соч. С. 328; Сославшись на упоминание в нем чад царя, И.Н. Жданов определил время написания “Послания и наказания от отца к сыну” 1556–1557 гг. См.: Жданов И.Н. Материалы для истории Стоглавого собора // Он же. Соч. СПб., 1904. Т. 1. С. 197; Вопреки предположению А.В. Михайлова, оно не могло появиться в 1547 г. См.: Михайлов А.В. К вопросу о редакциях Домостроя, его составе и происхождении // ЖМНП. 1889. № 2. С. 303, 321; Выдвинутое недавно А.И. Филишкиным предположение о составлении Коншинской (Сильвестровской ?) редакции “Домостроя” в окончательном виде (вместе с “Посланием от отца к сыну”) между 1546 и 1553 г. представляется безосновательным. См.: Филишкин А.И. Указ. соч. С. 320–321.

³⁷ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / текст подгот. Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыков. М., 1993. С. 33.

³⁸ Сб. РИО. СПб., 1892. Т. 71, № 3. С. 23.

³⁹ Там же. № 4, 12. С. 47, 189.

⁴⁰ Там же. № 13. С. 302.

⁴¹ Там же. № 16. С. 338.

даревыми дьяками стояла задача переписать отдельно всех королевских дворян и торговых людей, направлявшихся через Оршу и Смоленск в Москву.

Последнее документальное свидетельство о деятельности сына священника Сильвестра относится к 1566 г., когда тот присутствовал в качестве государева дьяка на Земском соборе, на котором обсуждался вопрос о продолжении Ливонской войны⁴². В приговорной грамоте собора от 2 июля 1566 г. он перечислен 25 (на четвертом от конца месте) в перечне из 29 дьяков и в отличие от многих (в том числе от казначея Х.Ю. Тютинина, дьяков И. Клобукова, В. Колзакова, А.Шелкалова и других участников собора) “к сей грамоте руку” не приложил. Во времена начавшейся уже опричнины вряд ли сын священника Сильвестра, покинувший, по-видимому, не по своей воле государеву службу, чувствовал спокойно и уверенно в условиях развернувшейся политики террора и репрессий, затронувшей и старую московскую аристократию, и менее родовитых служилых феодалов, и купеческие верхи, и кое-кого из дьяческой среды.

Представленный выше семейный портрет был бы неполным без привлечения материалов об увлечении отца и сына книжным делом. Выдвинута гипотеза об их причастности к созданию и деятельности в Москве в 1550-е годы анонимной типографии, выпустившей несколько изданий (узкошрифтного, среднешрифтного и широкошрифтного Евангелия, среднешрифтной Псалтири, Триоди постной и Триоди цветной), предшествовавших “Апостолу” 1564 г. Ивана Федорова, который также, как предполагается, успел в ней поработать⁴³. А.С. Орлов даже допускал, что “любомудрец” Сильвестр мог быть автором послесловия к “Апостолу” Ивана Федорова⁴⁴. По утверждению Е.Л. Немировского, “первая в Москве типография возникла именно в доме Сильвестра” и функционировала в 1554–1560 гг., а после его ухода в Кирилло-Белозерский монастырь в начале 1560-х годов книгоиздательскую деятельность отца продолжил Анфим Сильвестров, при котором снизился художественный уровень и тираж книг. Данную гипотезу пока еще никому не удалось подтвердить документально. В частности, ни на одном из сохранившихся экземпляров изданий анонимной типографии нет владельческих записей с именами Сильвестра и Анфима. И уж тем более маловероятно предположение Немировского о том, что изданное в ней широкошрифтное Четвероевангелие из библиотеки дворца Ламбет в Лондоне было подарено А. Сильвестровым “одному из деятелей торговой Московской компании”⁴⁵. Более осторожной позиции придерживаются другие специалисты, ссылающиеся на отсутствие прямых доказательств о печатании всех известных дофедоровских безвыходных изданий в Москве. Одна из самых объективных оценок данной проблемы принадлежит И.В. Поздеевой: “Мы не знаем того, кто напечатал эти книги, не можем доказать, а только предполагаем, что они были напечатаны в Москве”⁴⁶.

⁴² СГГД. М., 1813. Ч. 1, № 192. С. 553.

⁴³ *Немировский Е.Л.* Возникновение книгопечатания в Москве: Иван Федоров. М., 1964. С. 29–35, 263–269; *Он же.* Иван Федоров (около 1510–1583). М., 1985. С. 88–91; *Он же.* Первая московская типография в свете новейших исследований // Федоровские чтения. 2003 г. М., 2003. С. 28–29; Гипотезу Е.Л. Немировского поддержал А.Г. Глухов, который, однако, не привел в его пользу никаких дополнительных доказательств. См.: *Глухов А.Г.* Русские книжники. М., 1987. С. 209–210.

⁴⁴ *Орлов А.С.* К вопросу о начале печатания в Москве // Иван Федоров первопечатник. М.; Л., 1935. С. 18.

⁴⁵ *Немировский Е.Л.* Иван Федоров... С. 31, 89.

⁴⁶ *Поздеева И.В.* Век подлинников и проблемы вузовских библиотек // Университетская книга. 1997. № 3. С. 32. См. также: *Кичина Е.Н.* Филигранологическое исследование безвыходных московских изданий // Федоровские чтения. 1983 г. М., 1987. С. 115–116; *Григорьев Е.И.* Книгопечатание в России: спор о первых экземплярах // Вестн. РАН. 2000. Т. 70, № 8. С. 725–730.

Из 64-й главы Коншинской редакции “Домостроя” достоверно известно лишь о книгописной мастерской Сильвестра, обладавшего довольно крупной по тем временам домашней библиотекой, книги из которой он вместе с Анфимом жертвовал монастырям⁴⁷.

Еще в 1546 г. отец и сын вложили в Александрову пустынь книгу Октоих со следующей вкладной записью: “Лета 7054 дал в дом с(вя)теи живоначальной Троицы во Александрову пустыню с(вя)тую сию книгу благовещенской поп Селивестр и сын его Анфим в вечной поминок по себе и по своих родителей”⁴⁸.

Согласно описи Соловецкого монастыря, составленной в 1597 г., “Кирилова монастыря з Бела озера старец Спиридон, что был благовещенской священник Селиверст, дал полтретья пуд свеч да 66 книг да паникадило медное, да 209 рублей денег”⁴⁹. Это, пожалуй, самый крупный книжный вклад и одно из самых больших денежных пожалований, сделанные, к тому же, без участия сына. Вероятно, большинство из книг стало принадлежать Соловецкой обители по его духовному завещанию, а посему не имели вкладных записей⁵⁰. Но на некоторых рукописных книгах из библиотеки Соловецкого монастыря, пожертвованных Сильвестром и Анфимом еще при жизни дарителей, они есть. Так, Евангелие: “Лета 7060 (1552) сию святую великую книгу иевангелие в дом боголепнаго Преображения Господа Бога и Спаса нашего Ис Хс и пречистыя Богородицы и преподобных чудотворцев Изосимы и Савватия дал благовещенский священник Селивестр да сын его Анфим, а доколе оне живы, ино за них Бога молити. А Бог пошлет по душу, ино их поминати, и их род в сенаник написати старья” (Л. 4 об.). Толкование на Псалтырь Брунона в переводе 1535 г., сделанном для новгородского владыки Макария Дм. Герасимовым (вклад 1551–1552 гг.): «Селивестр (внизу другим почерком “во иноцех Спиридон”) да сын его Анфим» (Л. 1); “...Дал сию с(вя)тую книгу Псалтырь... благовещенской священник Селивестр да сын его Анфим по себе и по своих родителей, а доколе оне живы, ино за них Бога молити” (Л. 17 об.). Толкование на Евангелие Марка и Матфея: “Лета 7060 (1552) сию святую великую книгу четыре иевангелисты... дал благовещенской священник Селивестр да сын его Анфим” (Л. 1). Феофилакты Болгарского Толкование на Евангелие Луки: “Евангелие дачи старца Селивестра да сына ево Анфима” (Л. 1). Златоструй: “Лета 7060 (1552) сию святую и великую Златоструй... дал благовещенской священник Селивестр да сын его Анфим” (Л. 2); “Селивестр, Анфим Селивестров сын” (Л. 17–19)⁵¹. Уже после пострижения Сильвестра в Кирилло-Белозерской обители в Соловецкий монастырь была вложена также “Христианская топография” Козьмы Индикоплова с иллюстрациями, отра-

⁴⁷ См.: *Голохвастов Д.П., архимандрит Леонид (Кавелин)*. Благовещенский перей Сильвестр и его писания // ЧОИДР. 1874. Кн. 1. С. 50–52; *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники. С. 58–59; *Немировский Е.Л.* Возникновение книгопечатания в Москве... С. 356–357; *Розов Н.Н.* Библиотека Сильвестра (XVI в.) // Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966. С. 119–205; *Курукин И.В.* Новые данные о книгах библиотеки наставника Ивана Грозного и автора “Домостроя” Сильвестра // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. 1981 г. М., 1983. С. 28–29.

⁴⁸ ОР РГБ. Ф. 299. № 629. Л.2 об.; *Розов Н.Н.* Указ. соч. С. 193.

⁴⁹ Описи Соловецкого монастыря XVI века / сост. З.В. Дмитриева, Е.В. Крушельницкая, М.И. Мильчик. СПб., 2003. С. 293.

⁵⁰ *Кукушкина М.В.* Собрания книг, поступившие в Соловецкую библиотеку в виде вкладов // Русские библиотеки и частные книжные собрания XVI–XIX веков. Л., 1979. С. 87.

⁵¹ Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1881. Ч. 1. С. 63, 146–152, 165, 167, 267; *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники... С. 58; *Розов Н.Н.* Указ. соч. С. 193.

жающими манеру народного декоративного искусства и выполненными, по-видимому, в Новгороде. Вкладная запись на ней гласит: “Сию книгу дал старец Спиридон да сынъ его Онфим в дом всем[и]л[о]стивому Спасу на Соловки”⁵².

Как видим, часть книг благовещенский поп преподнес монастырю, когда еще находился в фаворе, заботясь об укреплении связей с богатой обителью на Белом море. Книги же, вложенные туда посмертно, М.В. Кукушкиной не удалось выявить в собраниях архивов, библиотек и музеев⁵³.

Если верить информации Андрея Курбского, обнаруженной в сочинении “История о великом князе Московском”, то осужденный на церковном соборе 1560 г. “заточен бывает от него (Ивана Грозного. – *В.Л.*) Селивестр-пресвитер, исповедник его, аже на острове, яже на Студеном, в монастырь Соловецкий”, куда его перевезли из другой обители, находившейся в 100 милях от Москвы⁵⁴. Впрочем, многие исследователи сомневаются в достоверности этого свидетельства, ссылаясь на упоминание (“другой на вас Селивестр наскочил”) в послании Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь (1573), на оставшуюся там келейную библиотеку опального попа, а также на вклад туда его и Анфима⁵⁵. Возможно, Курбского ввели в заблуждение щедрые пожертвования Сильвестра в Соловецкий монастырь? Анфим, однако, не посылал отцу на Соловки книги, как в Кирилло-Белозерскую обитель, с которой их семья была не менее тесно связана.

Еще до своего пострижения, т.е. до 1560 г., Сильвестр дал вклад в Кирилло-Белозерский монастырь “25 гривенок перцу, да брынцу (риса. – *В.Л.*) 2 пуда, да ладону 2 пуда, без 10 гривенок, пять стоп бумаги, да колокол 8 пуд, да старые колоколы перелил зазвонные, прибавил своей меди 4 пуда, да ларь стекло 13 рублей”⁵⁶. Из других записей в двух вкладных книгах второй половины XVI в. становится ясным, что пожертвования, включавшие в разном объеме бумагу, рис (брынец), ладан, перец, сандал, стекло он переправлял в Кирилло-Белозерскую обитель с Никодимом, Исаем, Игнатием (очевидно, знакомыми ему монахами). Фраза в одной из записей (“доколе Селивестр жив, ино за него Бога молить и за его дети”) как будто свидетельствует о наличии у него помимо единственного сына других детей (дочерей)⁵⁷. Перечисленные выше ценности, в основном импортировавшиеся тогда в Россию из Западной Европы (бумага, медь, стекло) и стран Востока (ладан, перец, сандал), он доставал, очевидно, при посредничестве сына-коммерсанта.

В более поздних вкладных книгах Кирилло-Белозерского монастыря первой половины и конца XVII в. сохранилось свидетельство о других жертвованиях Сильвестра и Анфима: “Да священник Селивестр дал 2 пуда ладону без четверти. Дали прикащики по священнике Силивестре и по сыне его Анфиме 30 рублей, да 10 образов окладных пядниц, да 23 золотника жемчугу, да шубу кунью под камкою, ношена, да иная рухлядь на 50 рублей и всего обеих даяния на 142 рубли с полтиною...” Этот посмертный вклад, запись о котором помещена между 1568/69 и 1573 г., душеприказчики оговорили ус-

⁵² ОР РНБ. F-IV. № 683. См.: *Розов Н.Н.* Указ. соч. С. 193, 203–204.

⁵³ *Кукушкина М.В.* Собрания книг... С. 80; *Она же.* Монастырские библиотеки Русского Севера. Л., 1977. С. 41–42.

⁵⁴ Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2001. Т. 11: XVI век. С. 400, 402.

⁵⁵ Там же. С. 152; *Розов Н.Н.* Указ. соч. С. 205.

⁵⁶ *Погодин М.Н.* Путевые заметки по некоторым внутренним губерниям // *Москвитянин.* 1843. Ч. VI, № 11/12. С. 258.

⁵⁷ ОР РНБ. Соф. № 1152. Л. 95 об.; *Курукин И.В.* Новые сведения монастырских архивов... С. 68.

ловием включить имена отца и сына в повседневный и вечный синодики, “а на их представление в году 2 понахиды пети и обедни служить” в Афанасьевском монастыре Кремля – московском подворье Кирилло-Белозерской обители⁵⁸. Именно в промежутке между 1568 и 1573 г. ушли из жизни как сам Сильвестр, так и его сын.

Монашеское имя Спиридон (правда, без уточнений его принадлежности) несколько раз встречается в так называемых “подстенных” братских синодиках Кирилло-Белозерского монастыря⁵⁹. В 1847 г. С.П. Шевырев обнаружил запись о поминании Сильвестра и Анфима в старом синодике Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря⁶⁰. “Священноинок Спиридон и сын его Анфим” упоминаются также в “Синодике литийном Кириллова монастыря села Кукобоя”; странно, однако, что их нет (в отличие от других щедрых вкладчиков, например, П.П. Головина, С.А. Строгановой, И. Третьякова) в Кормовой книге Кирилло-Белозерской обители⁶¹.

В 60-е годы XVI в. наряду с другими рукописными книгами (всего их было не менее 20) в Кирилло-Белозерский монастырь попала “Книга Зерцало, государское дание, попа Селивестра Благовещенского, во иноцех Спиридона и сына его Анфима”⁶². В описи Кирилло-Белозерского монастыря 1653 г. восемь книг помечены как “Селивестровские”, в том числе: Иисус Навин с надписями “Книга государское данье Исус Навин да 4 царства туто ж”, “Кирилова монастыря”, “Благовещенского попа Селивестра, во иноцех Спиридона, и сына его Анфима”; Иоанн Лествичник с надписями “Книга государское данье Иван Лествичник”, “Благовещенского попа Селивестра во иноцех Спиридона и сына его Анфима”; Маргарит Златоуста с надписью “Сию книгу прислал с Москвы Анфим к ртцу своему Селивестру в Кирилов монастырь”⁶³. Как видим, сын поддерживал тесные связи с отцом и после 1560 г.

Остается лишь гадать, каким образом очутилась в сербском Хиландарском монастыре на Святом Афоне Толковая Псалтирь, на верхней крышке одной из двух частей которой помещена запись: “Благовещенского попа Селивестра и сына его”⁶⁴.

Известен автограф и самого Анфима. С листа 3 рукописного Толкового Евангелия XVI в., хранившегося когда-то в Свенской обители, в окрестностях Брянска, внизу читается полистная вкладная запись: “Лета 7072 (1563/1564) сию святую книгу евангелъе толковое дал в дом Пречистей Богородицы честнаго и славнаго Ея Успения и преподобных чудотворцев Антония и Феодосия Анфим Селивестров сын по себе и по своих родителей в вечной поминок, в Свинский монастырь, при игумене Гурьи (Богдан, как

⁵⁸ Архив СПб. ИИ РАН. Колл. 115. № 1074. Л. 112; ОР РНБ. Кир.-Бел. № 87/1325; *Курукин И.В.* Новые сведения монастырских архивов... С. 69; *Погодин М.Н.* Указ. соч. С. 258; *Розов Н.Н.* Указ. соч. С. 205.

⁵⁹ ОР РНБ. Кир.-Бел. № 754/1011; № 59/1016; F-IV. № 194; РГАДА. Ф. 181. Оп. 6. № 539/1022; *Курукин И.В.* Новые сведения монастырских архивов... С. 67.

⁶⁰ *Шевырев С.П.* Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Ваканционные дни профессора Шевырева С. в 1847 г. М., 1850. Ч. 2. С. 8.

⁶¹ Хранится в РНБ (Кир.-Бел. № 757/1014. Л. 31); *Курукин И.В.* Новые сведения монастырских архивов... С. 67. Ср. с публ. Кормовой книги Кирилло-Белозерского монастыря: записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб., 1851. Т. 1. С. 50–58.

⁶² См. об этом: *Голохвастов Д.П., архимандрит Леонид (Кавелин).* Указ. соч. С. 53.

⁶³ *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники. С. 58; *Розов Н.Н.* Указ. соч. С. 196–198.

⁶⁴ *Богданович Д.* Каталог ирильских рукописи монастыря Хиландара. Београд, 1978. С. 87. № 117; Как предположил И.В. Курукин, этот книжный дар мог быть сделан отцом и сыном в конце 1556 – начале 1557 г. во время пребывания монахов Хиландарского монастыря в Москве. См.: *Курукин И.В.* Новые данные о книгах ... С. 28–29.

приписано другой рукой. – В.П.)”⁶⁵. Неясно, однако, где же был сделан этот дар: в Смоленске, в котором в качестве государева дьяка пребывал в то время А. Сильвестров; в Москве или в самом Свенском монастыре, куда он мог заехать по каким-либо делам.

Судя по синодику конца XVI в. (статья 12), имена инока Спиридона и его сына Анфима поминались в Троице-Сергиевом монастыре⁶⁶. В более позднем синодике XVII в. этой же богатейшей подмосковной обители содержится пространная поминальная запись рода священника Сильвестра, содержащая 25 имен, в том числе младенцев: “Род протопов[пов] Селивестра (киноварью. – В.П.). С[вя]щенноинока Данила. С[вя]ще[нно] инока Варлама. Инока Васьяна. Ирину. Инока Серапиона. Инока Еуфимия. Иноку Еупраксию. Инока Иоакима. Дионисия младенца. Акилину младенца. Анну младенца. Семиона. Захарию младенца. Анну. Патрекия младенца. Иоку Еуфимию. Инока Иону. Феодора. Константина. Князя инока Нафанаила. Иноку Маремияну. Елеуферия. Инока Спиридона. Анфима”⁶⁷. Сильвестр здесь именован протопопом, что (наряду с упоминавшимся уже выше письмом братьев Крумхаузенев 1558 г.) свидетельствует в пользу мнения тех исследователей, которые считают, что Сильвестр мог быть вторым духовником Ивана Грозного.

Согласно записи в более раннем пергаменном синодике 1575 г., в Троице-Сергиевой обители поминались и Топорниковы – родственники А. Сильвестрова по линии жены: “Род Топорниковъ (киноварью над строкой. – В.П.). Феодора. Евдокею. Захарию. Ино[ку] кня [г]иню Софю. С[вя]щ[ен]ноиннок Варлама. Инок Васиана. Инок Серапиона. Инок Еуфимии. Ирину. Инок Еупраксию. Инок Марфу”⁶⁸.

Род благовещенского священника (“Инок Спиридон и Анфим”) записан также в синодике Александро-Свирского монастыря⁶⁹. Скорее всего, деньги за поминание вложены вдовой Пелагей Яковлевной либо детьми к тому моменту ушедшего из жизни Анфима.

Поминальная запись рода “Якова Топорниква да Алфима” содержится в синодике Богоявленского монастыря, рядом с которым, кстати, размещался, как уже говорилось выше, двор последнего: “Симона. Наталью. Феодора. Евдокою. Захария. С(вя)щенноинока Варлаама. Инока Васьяна. Инока Серапиона. Иноку Еуфимию. Ирину. Иноку Еупраксию. Иноку Марфу. С(вя)щенноинока Данила. Антонида. Артемья. Феодосю. Климента. Инока Акима”⁷⁰. Поскольку имен Якова и Анфима в перечне Богоявленского и Успенского синодиков нет, вклад на поминание своего рода в Успенский собор и в Богоявленскую обитель они могли внести сами. В обеих поминальных книгах фигурирует монахиня Евпраксия – мать Анфима, но не записаны ни мирское (Сильвестр), ни монашеское (Спиридон) имена отца. Возможно, и сам

⁶⁵ Евсеев И.Е. Описание рукописей, хранящихся в Орловских древлехранилищах. Орел, 1906. Вып. 2. С. 138.

⁶⁶ ОР РГБ. Ф. 304/1. № 40. Л. 23об.

⁶⁷ Там же. Ф. 304. № 818. Л. 21 об–22.

⁶⁸ Там же. Ф. 304/III. № 25. Л. 202.

⁶⁹ ОР БАН. Собр. Александро-Свирского монастыря. № 55. Л.158 об.

⁷⁰ Поминальная запись приводится по списку синодика из ОР ГИМ (Епарх. 706. Л. 119–119 об.). В нем имеются и более поздние записи первой половины XVII в., но в основе своей эта поминальная книга “расписана и совершена” в 1598 г., что указано на Л. 214. По мнению А.И. Алексеева, древнейший из списков Богоявленского синодика хранится в РНБ (шифр: Q.IV. 129) и составлен в 1576–1581 гг. См.: Алексеев А.И. Роспись главам древнейшего синодика московского Богоявленского монастыря // Опыт по источниковедению. Древнерусская книжность. СПб., 2001. Вып. 4. С. 8, 22.

А. Сильвестров после 1566 г. принял постриг в Богоявленском монастыре под именем Аким, которым завершается запись в его синодике.

Год кончины матери Анфима неизвестен. В Новодевичью обитель, вероятно, она удалась одновременно с постригом супруга в Кирилло-Белозерском монастыре. Их род, судя по синодику 1705 г., поминался в Новодевичьем монастыре и в начале XVIII столетия: “Род священника Силивестра. Помяни господи: Священноинока Даниила. Священноинока Варлаама. Схимника Василиа. Антонида. Артемиа. Феодосии. Ирины. Инокнии Марфы. Инока Серапиона. Инокнии Евфимии. Инокнии Евпраксии. Инокнии Варсонофии. Ксении. Иоанна. Киликеи. Климента. Ниикиты. Инока Феодота. Инокнии Иоулиании. Инока Александра. Акилины. Симеона. Анны. Инокнии Евгении. Феодора. Инока Иоакима, Деонисиа. Евфимии. Инока Дорофеа. Инока Спиридония. Анфима. Иоанна”⁷¹. Эта самая полная из поминальных записей состоит из 32 имен. Почти половина (15 из 32) представленных в ней лиц были иноками (9) и инокинями (6). Сравнив этот перечень, завершающийся, по-видимому, сыном А.Сильвестрова Иваном, с поминальными записями “рода Якова Топорникова да зятя его Анфима, Селивестрова сына” из синодика конца XVI в. Успенского собора, родов протопопа Сильвестра и Топорниковых из синодиков Троице-Сергиева монастыря можно констатировать, что среди Топорниковых монашествующих гораздо меньше, чем среди близких благовещенского попа. Кто-то из обеих семей породнился с титулованной аристократией, к которой относятся “Инок князь Нафанаил” из рода Сильвестра и также принявшая монашеский постриг княгиня Софья из семьи Топорниковых.

В “Истории о великом князе Московском” Андрей Курбский упрекал Ивана Грозного в репрессиях против родственников руководителей Избранной рады – Алексея Адашева и священника Сильвестра: “А наш новоявленный зверь первые начал сродников Алексеевых и Силивестровых писати имена, и не токмо сродных, но о ком послышел от тех же клеветников своих и друзей, и соседов знаемых, аще и мало знаемых, многих же отнюдь не знаемых, их богатств ради и стяжания оклеветаемо от тех. Многих имати повелел и мучити различными муками, а других множайших ото именей их и от домов изгоняти в далные грады...”⁷² Далее в подтверждение сказанному перечисляются имена казненных людей в основном из числа родственников и окружения А. Адашева, но не Сильвестра⁷³.

В числе близких к семье последнего и репрессированных в годы опричнины Курбский называет лишь Д.И. Курлятева, а также компаньона А. Сильвестрова – Х.Ю. Тютин: “Паки убиени от него мужи: грецка рода именем Хозяин, наречены Тютин, муж зело богаты и еже был у него подскарбием земским, и погублен всеродно, сиречь со женою и з детками...”⁷⁴ Иван Грозный заподозрил своего казначея в порочащих связях с боярином И.П. Федоровым, и весной 1568 г. опричники казнили “Хозя з женою, да 5 детей да Хозяин брат”, – как записано в Синодике убиенных в “опришнину”⁷⁵. Перепутав

⁷¹ Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв. Из архива Московского Новодевичьего монастыря. С. 248 (Л. 50).

⁷² Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2001. Т. 11: XVI век. С. 410, 412.

⁷³ Там же. С. 412.

⁷⁴ Там же. С. 414, 430.

⁷⁵ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 460; Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 530; Вряд ли можно согласиться с предположением П.А. Садикова о том, что Х.Ю.Тютин, якобы “недоглядевший или попустительствовавший варужанам и другим жителям кольских волостей”, мог пострадать за недобор денег в казну с этих северных районов России. См.: Садиков П.А. Указ. соч. С. 208.

Х.Ю. Тютин с новгородским дьяком Казарином Дубровским, также погибшим во время опричного погрома, Альберт Шлихтинг сообщил подробности казни царского казначея: “Не следует, кажется, пропускать и того, что сделал тиран с казначеем своим Хозяином Дубровским. Именно он приказал своему зятю, графу Михаилу Темрюковичу, сделать нападение на его дом и похитить его сам-сем с женой и детьми, что тот и исполнил и отвел его после похищения на площадь. И тиран приказал отрубить ему голову с женой, тремя сыновьями и дочерью в возрасте пятнадцати лет, а имущество его отдал в добычу своему зятю. Кроме того, одновременно тиран убил брата этого казначея”⁷⁶. Как небезосновательно предположил В.Д. Назаров, занимая еще в апреле 1552 г. выборную должность старосты “гостиной сохи” Москвы, Тютин стал вторым казначеем Ивана IV при поддержке А.Ф. Адашева и Сильвестра не ранее осени 1554 г.⁷⁷

В отличие от своего компаньона, Анфим Сильвестров не упоминается в поминальных записях убиенных в период опричнины. Мы не знаем точно, где, когда и при каких обстоятельствах завершился жизненный путь этого незаурядного современника Ивана Грозного, верой и правдой служившего царю. В 64-й главе “Домостроя” Сильвестр дважды говорит о детях Анфима, за которыми должно было закрепиться прозвище Анфимов (Анфимьев) по имени отца. В пергаменном синодике 1575 г. Троице-Сергиева монастыря эта фамилия упоминается дважды: “Анфимовы (киноварью над строкой). Инок Александра. Симеона. Инок Корнилия”; “Анфимовъ. Ивана”⁷⁸. Во втором случае речь идет, скорее всего, о сыне А. Сильвестрова, ведь поминальная запись рода священника Сильвестра из синодика Новодевичьего монастыря завершается именами “Анфима. Иоанна”⁷⁹. Других свидетельств об Иване Анфимове в источниках XVI в. пока обнаружить не удалось.

Итак, вернемся к проблеме участия священника Сильвестра в составлении и редактировании “Домостроя”, который бесспорно ему был хорошо знаком и послужил образцом для создания “Послания и наказания от отца к сыну”. Сославшись на “различия первой и второй частей Домостроя (имеются в виду данные фонетики, частично графики, а также морфологии и лексики)”, М.А. Соколова полностью отрицала применительно ко всему памятнику редакторство Сильвестра, считая 64-ю главу самостоятельным его произведением, позже присоединенным к “Домострою”. По ее мнению, текст “Домостроя” оформился “в центральной полосе тогдашней России”, а не в Новгороде, где он “мог широко бытовать” в уже сложившемся виде⁸⁰. Для того чтобы окончательно установить, был ли Сильвестр причастен к редактированию сокращенной Коншинской редакции “Домостроя”, целесообразно сравнить выборки из текста 63 его глав с текстом 64-й главы на основе метода парных встречаемостей грамматических классов, который уже использовался Е.В. Неберекутиной при анализе сочинений, бесспорно принадлежащих перу

⁷⁶ Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л., 1935. С. 57.

⁷⁷ Назаров В.Д. Из истории центральных государственных учреждений России середины XVI века // ИСССР. 1976. № 3. С. 93–94.

⁷⁸ ОР РГБ. Ф. 304/III. № 25. Л. 59 об., 209 об.

⁷⁹ Версию о том, что Анфим Сильвестров скончался около 1580 г., не оставив потомства, нельзя признать обоснованной. См.: Голохвастов Д.М., архимандрит Леонид (Кавелин). Указ. соч. С. 7. Примеч. 47.

⁸⁰ Соколова М.А. Очерки по языку деловых памятников XVI века. Л., 1957. С. 182–183; В.П. Адрианова-Перетц, наоборот, утверждала о создании “Домостроя” в Новгороде в первой половине XVI в. и завершении работы над ним в Москве Сильвестром. См.: Адрианова-Перетц В.П. К вопросу о круге чтения древнерусского писателя // ТОДРЛ. 1974. Т. 28. С. 28.

благовещенского священника (“Послания и наказания от отца к сыну”, “Жалобницы священника Сильвестра”, “Послания к князю Александру Борисовичу”)⁸¹. И если будет получен отрицательный результат, неизбежно возникнет вопрос, кто же тогда присоединил “Послание от отца к сыну” к сокращенному варианту “Домостроя”? Автору настоящей статьи кажется, что это вполне мог сделать любитель книжности Анфим Сильвестров. С Анфимом, вероятно, связано и внесение информации об имени его супруги Пелагеи в первую главу одного из списков Коншинской (Сильвестровской ?) редакции “Домостроя”, чья копия оказалась в составе рукописного сборника № 641 (30-е – начало 40-х годов XVII в.) из собрания И.Е. Забелина, известного также как “Цветник Стефановский”. Остается надеяться, что выдвинутая выше гипотеза подвергнется строгой проверке в процессе подготовки нового критического издания “Домостроя” по наиболее полным рукописям всех выявленных редакций с указанием разночтений в других его списках⁸².

⁸¹ *Неберекутина Е.В.* Указ. соч. С. 179–210.

⁸² На необходимость такого издания обоснованно указывает В.В. Хорихин. См.: *Хорихин В.В.* Рукописные тексты Домостроя XVI–XVIII вв. // *Nabent sua fata libelli*. Сергиев Посад, 2002. Вып. 1.

ПОЗДНИЕ РЕДАКЦИИ СТЕПЕННОЙ КНИГИ¹

Степенная книга, одно из обобщающих историко-литературных предприятий эпохи Ивана Грозного, имела целью популяризацию русской истории. В основе концепции Степенной книги – династия Рюриковичей, причем та ее ветвь, к которой принадлежал Иван Грозный. Первый русский царь, по замыслу составителя Степенной митрополита Афанасия, представляет 17-ю ступень в золотой лестнице российской истории, являясь потомком в 17-м колене крестителя Руси святого князя Владимира, который был первой ступенью христианской истории страны. Столь изысканная историософская и богословская идея, однако, вскоре устарела. Это произошло в 1598 г., когда, как известно, со смертью царя Федора Ивановича династия московских Рюриковичей пресеклась.

Рукописная традиция Степенной книги весьма значительна, известно 136 полных списков памятника, датирующихся XVI–XVIII вв.² В XVII в. Степенная книга включалась в состав различных исторических сборников, становясь ядром своеобразных сводов по всеобщей истории. При этом текст Степенной оставался без изменений. Обращает на себя внимание стабильность текста рассматриваемого памятника. Так, в рукописной традиции встречается шесть вариантов текста Степенной: два извода наиболее ранней краткой редакции (Чудовский и Томский), два извода редакции Ионы Думина (старший и младший) и два извода пространной редакции (старший и младший). Из них только один вариант, младший извод Пространной редакции, появился в XVII в. Остальные варианты датируются XVI в.: Томский, Чудовский изводы Краткой редакции и старший извод Пространной редакции восходят к черновику Степенной книги и отражают разные этапы его обработки. Томский и Чудовский изводы представлены одноименными рукописями 60-х годов XVI в. и их копиями. Все списки старшего извода Пространной редакции восходят к старейшему списку этой разновидности текста – Пискаревскому, который датируется концом XVI – началом XVII в. Списки младшего извода пространной редакции датируются 2-й четвертью XVII – началом XVIII в., их текст также имеет черты восхождения к Пискаревскому списку. То обстоятельство, что не известно ни одного списка младшего извода Пространной редакции, который датировался бы более ранним временем, позволяет предположить, что архетип этого извода появился уже в XVII в.³ Разночтения младшего извода Пространной редакции относительно старшего столь незначительны, что не позволяют говорить о целенаправленной обработке текста и никак не могут быть названы

¹ Работа выполнена в рамках коллективного проекта по подготовке нового научного издания Степенной книги, поддержанного грантами от National Council for East European and Eurasian Research и National Endowment for the Humanities.

² Сиренов А.В. Степенная книга как исторический источник (редакции XVI – начала XVII в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001. С. 6.

³ Там же. С. 9–15.

редакторскими. Они скорее напоминают неточную передачу писцом текста старшего извода.

В XVII в. Степенная книга пользовалась большим авторитетом. Возникает вопрос: неужели читателя XVII в. устраивала Степенная книга с ее устаревшей концепцией русской истории? Известны многочисленные попытки продолжить текст Степенной до событий XVII в., примером чему может служить деятельность Записного приказа⁴. Что нам известно о попытках отредактировать сам канонический текст памятника? Ответить на эти вопросы можно, рассмотрев обработки Степенной книги, которые возникли в XVII–XVIII вв. Некоторые из них уже были объектом изучения, другие же еще не выявлены. В настоящей статье попытаемся очертить круг переработок Степенной книги, появившихся в XVII–XVIII вв. и по возможности их охарактеризовать⁵.

Наиболее ранней можно считать обработку Степенной, которая в рукописях называется “Временник по степеням от Рюрика Варяжского”. На два списка этого произведения указал еще П.Г. Васенко (РНБ. Q. IV. 144 и Q. XVII. 72)⁶. А.Н. Насонов, характеризуя список ГИМ (Забел. 262), назвал памятник Забелинским летописным сводом, отметил его значение для изучения позднего летописания и предложил датировать его окончательную редакцию временем патриаршества Иова. Основанием для такой датировки явилось то обстоятельство, что в перечне великих князей последним назван Федор Иванович, а в перечне митрополитов – патриарх Иов⁷. В другой своей статье Насонов дал характеристику списку ГИМ (Музейск. 1473), который на л. 2–2 об. и л. 12–140 об. содержит фрагменты рассматриваемого текста⁸. На наш взгляд, более удачное название предложил М.Н. Тихомиров, назвав памятник Временником русским. Исследователь описал еще три его списка: ГИМ (Чертков. 431, Музейск. 2972, Барс. 1789), а также предположил, что составлен Временник в Москве. Укажем и другие списки этого произведения: ГИМ. Вахрамеев. 239, Увар. 928, Щукин. 172; РГАДА. Ф. 357, собр. Саровской пустыни. Оп. 1, № 53(275); РНБ. F-IV.253, БАН 16.8.14. Отметим, что ни Насонов, ни Тихомиров не обращали внимание на то, что текст Временника составлен на основе Степенной книги с прибавлением летописных и хронографических известий, состав которых в разных списках не стабилен⁹.

Вполне можно считать Временник русской редакцией Степенной книги. Этим, возможно, объясняется и доведение текста до Федора Ивановича как последнего Рюриковича, поэтому едва ли следует эту деталь вслед за Насоновым рассматривать как датирующую. По-видимому, автор Временника заме-

⁴ Белокуров С.А. Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1903. С. 53–84; Лукичев М.П., Морозов Б.Н. К истории организации официального летописания XVII в. // АЕ за 1992 год. М., 1994. С. 134–144.

⁵ В рукописных сборниках XVII в. сохранилось немало выписок, сокращений и переработок Степенной книги. Мы обратились только к тем из них, которые известны в нескольких списках, а значит, имели некоторое распространение.

⁶ Васенко П.Г. “Книга Степенная царского родословия” и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904. Ч. 1. С. 139–140.

⁷ Насонов А.Н. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы) // Проблемы источниковедения. М., 1955. Вып. 4. С. 258–259.

⁸ Насонов А.Н. О тверском летописном материале в рукописях XVII века // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 30–31.

⁹ Например, в списке 16.8.14 большинство дополнений извлечено из Хронографа. См.: Описание рукописного отдела Библиотеки АН СССР. 2-е изд., доп. М.; Л., 1959. Т. 3, вып. 1. С. 497.

тил, что в Степенной книге счет поколений (степеней) в роду Рюриковичей начинается с Владимира Святого, правнука Рюрика, однако при характеристике каждого князя неизменно указывается и номер его поколения от Рюрика. Можно думать, что эту двойственность автор Временника намеревался ликвидировать, начав счет поколений от Рюрика. Правда, в тексте мы вообще не встречаем указаний на степени. Текст Временника в большинстве списков заканчивается 1598 г., кончиной Федора Ивановича. Таким образом, проблема перехода власти от династии Рюриковичей к ее преемникам решена не была. В начале Временника вместо двух пространных житий княгини Ольги и князя Владимира, которыми открывается канонический текст Степенной книги, читаем рассказ о призвании варягов и происхождении Рюрика от Августа. Этим автор снял повторения фактов и хронологические несоответствия, которые присутствуют в каноническом тексте. Указание на преемственность со Степенной книгой видно только в заглавии. В остальном это скорее памятник летописного жанра. Возможно, перед нами материалы несостоявшейся или незавершенной редакторской переработки Степенной книги.

Самый ранний список Временника (Q.IV.144) датируется по филиграммам 30-ми гг. XVII в.¹⁰ География распространения списков невелика – это подмосковные города Зарайск (Q.XVII.72), Звенигород (F.IV.253), возможно, Москва¹¹. Для вопроса о месте возникновения списков небезынтересен конвой Временника. В рукописях Q.IV.144, Q.XVII.72, Саровск. 53(275), Вахрамеев. 239, Чертков. 431 далее следует Сказание о Каменном монастыре Паисия Ярославова. В списке 16.8.14 кроме Временника читаем Краткую редакцию “Сказания, яже содеяся в царствующем граде Москве, и о расстриге Гришке Отрепьеве, и о походе его”, в списке Q.IV.144 – “Повесть, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов и како на него попусти Господь Бог врага и поругателя еретика ростригу Гришку Отрепьева”, в списке Саровск. 53(275) – житие Дионисия Зобниновского Симона Азарьина, в списке Q.XVII.72 – летописец с легендарными известиями о древнерусских князьях¹², в списке Музейск. 1473 – фрагмент тверской летописи¹³ и др. Обратим внимание на то, что в конвое Временника присутствуют Сказание о Каменном монастыре Паисия Ярославова (в четырех списках) и Житие Дионисия Зобниновского Симона Азарьина. Деятельность обоих авторов тесно связана с Троице-Сергиевым монастырем, там были написаны и названные произведения. Выскажем осторожное предположение, что именно в Троице-Сергиевом монастыре переписывался и, возможно, был создан Временник русский. Известно присутствие в Троицкой библиотеке XVII в. и списка Степенной книги¹⁴, местонахождение которого в настоящее время неизвестно.

¹⁰ Филиграммы: кувшин двуручный с литерами “IP” – вид: филигрань “Кувшин” XVII в. / сост. Т.В. Дианова. М., 1989. № 453 (1635–1640 гг.); Кувшин одноручный с литерами “IP/V” – вид: Там же, № 252 (1630, 1631 гг.); кувшин одноручный с литерами “D/IV” – вид: Там же, № 192 (1631 г.), № 193 (1644 г.), 194 (1625 г.) и другие филиграммы.

¹¹ В списке Q.XVII.72 на Л. 147 об. помещена владельческая запись 1677 г. подьячего “Барашские слободы”.

¹² Опубликовавший это произведение М.Г. Халанский предположил, что оно, вероятно, написано в Москве, но ничем это предположение не аргументировал. См.: *Халанский М.Г. Экскурсы в область древних рукописей и старопечатных изданий. XXI–XXIII.* Харьков, 1902. С. 8. Более подробную характеристику этого произведения см.: *Ромодановская Е.К. Русская литература на пороге Нового времени. Пути формирования русской беллетристики переходного периода.* Новосибирск, 1994. С. 71–78, 210–215.

¹³ *Насонов А.Н.* О тверском летописном материале... С. 30–31.

¹⁴ *Опись книгам, в степенных монастырях находившимся, составленная в XVII веке // Чтения ОИДР.* 1848. Кн. 5. Смес. С. 12.

По выпискам из Степенной книги, которые читаются в рукописях, написанным в Троице-Сергиевом монастыре, можно определить особенности текста списка Степенной из Троицкой библиотеки – он принадлежит к Чудовскому изводу Краткой редакции¹⁵. Текст Степенной, положенный в основу Временника, также относится к Краткой редакции.

Другая редакция сохраняет название Степенной книги, но, подобно Временнику, существенно сокращает канонический текст своего основного источника. Назовем эту редакцию Сокращенной. Нам известно пять ее списков: РНБ. Титов. 2099, 2853 (Л. 9–486), ГИМ. Увар. 690, 864; Барс. 1850. Можно утверждать, что текст Сокращенной редакции в списке Титов. 2853 является копией списка Увар. 690, так как в обеих рукописях текст памятника обрван на слова Сказания о Данииле Переяславском “наутрия же бури преставши иной”. В списке Увар. 690, который датируется 30–40-ми годами XVII в.¹⁶, на этих словах обрывается рукопись и они оказываются последними на странице, а в списке 60-х годов XVII в. Титов. 2853¹⁷ эти последние слова – в середине страницы. Списки 30-40-х годов XVII в. Увар. 864¹⁸ и Титов. 2900¹⁹ идентичны по составу. Они содержат текст Сокращенной редакции с начала до Жития митрополита Алексия включительно. Списаны ли они один с другого или восходят к общему протографу, установить не удастся, но связь их очевидна. Пятый список, Барс. 1850, содержащий фрагменты Сокращенной редакции, имеет выходную запись, в которой сообщается, что рукопись была написана в 1644 г. в Тобольске²⁰. Это позволяет предположить, что и редакция была составлена там же, что весьма вероятно, так как мы знаем о существовании в Тобольске Степенной книги. Опись Тобольского архиерейского дома 1651 г. числит там рукопись Степенной книги “александрейские большие бумаги”, т.е. форматом в развернутый лист²¹. Ни одного списка такого формата нам не известно. Как предполагает Е.К. Ромодановская, существенная часть библиотеки тобольских архиереев сгорела в 1700 г.²²

Обратим внимание на упоминание в описи 1651 г. наряду со Степенной книгой списка Хронографа. В конце XIX – начале XX в. две древние рукописи, Хронограф и Степенная книга, появились в собрании томского старообрядца Т.А. Нифантова, а после его смерти в 1923 г. вместе с принадлежавши-

¹⁵ См. например: РГБ. Ф. 304 (Тр.-Серг.). 679 (сборник 2-й четверти XVII в.), Л. 216–282 об. – Житие княгини Ольги из Степенной книги; Л. 326–467 об. – Житие князя Владимира из Степенной книги.

¹⁶ Филигранны: кувшин одноручный с полумесяцем, кувшин двуручный, кисть винограда.

¹⁷ Филигрань: голова шута с контрамаркой “BP” – вид: Дианова Т.В. Филигранны XVII–XVIII вв. “Голова шута”: каталог. М., 1997. № 471 (1660 г.); № 478 (1659 г.)

¹⁸ Филигранны: лилия в гербовом щите под короной – вид: Филигранны XVII века по рукописным источникам ГИМ: каталог / сост. Т.В. Дианова, Л.М. Костюхина. М., 1988. № 918 (1640 г.); № 925 (1642 г.); кувшин одноручный с литерами “OC” – тип: Филигрань “Кувшин”... № 271 (1636–1638 гг.) (в альбоме – другие литеры); кувшин двуручный с литерами “F/GG” – не отожд.

¹⁹ Филигранны: кувшин двуручный с литерами “MIP” – вид: Филигрань “Кувшин”... № 511 (1636–1637 гг.) (в альбоме – контрамарка ID); кувшин одноручный с литерами “P/LM” – вид: Там же, № 290 (1636–1640 гг.), № 291 (1638–1640 гг.), № 292 (1644 г.) (в альбоме – другие контрамарки); кувшин двуручный с литерами “PT” – вид: Там же, № 525 (1636–1637 гг.), № 526 (1674 г.) (в альбоме – другие контрамарки); ворота в виноградник с литерами “AD” – вид: Филигранны XVII века... № 1184 (1645 г.) (в альбоме – литеры “BO”); лилия в гербовом щите под короной с литерами “MD”(?) – вид: Там же, № 291 (1654 г.); гербовый щит с литерами “IDM” – не отожд.

²⁰ По нижнему полю Л. 1–9 скорописью XVII в.: “Сия книга Степенная царьского родословия попа Афонасия Иванова Сальманова родом воложинина, писана в Тобольске 152 году”.

²¹ См.: Ромодановская Е.К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в. (истоки русской сибирской литературы) / отв. ред. Л.А. Дмитриев. Новосибирск, 1973. С. 13.

²² Там же.

ми ему старообрядческими рукописями XIX–XX вв. поступили в Томский краеведческий музей, где и хранятся донныне²³. Список Степенной книги из собрания Нифантова – один из древнейших в рукописной традиции Степенной книги. Он был введен в научный оборот Н.Н. Покровским и получил название Томского²⁴. Написан он не на тетрадах, а на отдельных половинках листов, так что формат этого фолианта могли определить и как “александрійский”²⁵. И все же в основу Сокращенной редакции был положен текст не Томского, а Чудовского извода Краткой редакции. В этом убеждает, в частности, отсутствие в тексте Сокращенной редакции вставки о наличии лет святительства митрополита Феопента, которая появилась в Томском списке и присутствует во всех его копиях: “Сий Феопент пас церковь Божию лет 12”²⁶. Видимо, Сокращенная редакция была составлена не в Tobольске, где всего лишь переписали один из ее списков, так как опись Tobольского архиерейского дома знает только один список Степенной книги, а это, по всей вероятности, Томский список. Предполагать в первой половине XVII в. в Tobольске наличие еще одного списка Степенной маловероятно.

В Сокращенной редакции значительно переработано начало Степенной книги. Вместо житий княгини Ольги и князя Владимира мы читаем здесь рассказ Хронографа о сотворении мира и библейской истории. Далее изложена канва русских событий, извлеченная из житий Владимира и Ольги. Отметим, что точно так же изменил начало канонического текста Степенной и автор Временника.

Серединой XVII в. датируются две попытки отредактировать текст Степенной книги. Первая из них выразилась в приписках на полях рукописи середины XVI в. – черновика Степенной книги – так называемого Волковского списка (РГАДА. Ф. 181. Собр. МГАМИД, № 185). Лакуны в рукописи XVI в. были восполнены на бумаге середины XVII в. двумя почерками. Этими же почерками на полях по всему тексту сделаны приписки, уточняющие датировку описываемых в основном тексте событий, сообщающие дополнительные подробности и пр. Источником приписок, как выяснено, послужила летопись, близкая к Лаврентьевской²⁷. Другая попытка середины XVII в. переработать текст Степенной книги обнаружена О.В. Панченко в конвое Азбуковника (РНБ. Собр. Соловецкого монастыря, № 18/18), эта рукопись была составлена известным агиографом XVII в. соловецким монахом Сергием Шелониным²⁸. На Л. 606–636 помещены выписки из Степенной книги и

²³ Бахтина О.Н. Крестьянская старообрядческая библиотека Нифантовых // Русская книга в дореволюционной Сибири. Фонды редких книг и рукописей сибирских библиотек: сб. науч. трудов. Новосибирск, 1988. С. 115.

²⁴ См. о нем: Покровский Н.Н. Томский список Степенной книги царского родословия и некоторые проблемы ранней истории памятника // Общественное сознание и литература XVI–XX вв.: сб. науч. тр. Новосибирск, 2001. С. 3–43.

²⁵ Правда, он содержит запись рубежа XVII–XVIII вв. о принадлежности околичному А.П. Протасову.

²⁶ ОР РНБ. Собр. А.А. Титова, № 2853. Л. 74 об.; Сиренов А.В. О Волковском списке Степенной книги // Опыт по источниковедению. Древнерусская книжность. СПб., 2001. Вып. 4. С. 278.

²⁷ Приписки опубликованы: Сиренов А.В. Архетип Степенной книги и историографическая деятельность Собакиных // Псков в российской и европейской истории: к 1100-летию летописного упоминания. М., 2003. Т. 2. С. 335–341. В статье высказано предположение, что создание приписок связано с историографической деятельностью В.Н. Собакина. В настоящее время нам представляется это маловероятным. Рукопись, по-видимому, попала к В.Н. Собакину уже с приписками. Где, кем и с какой целью они делались – неизвестно.

²⁸ За указание на этот текст приношу глубокую благодарность О.В. Панченко. О рукописи см.: Левочкин А.Н. Азбуковник – вклад Сергия Шелонина в Соловецкую библиотеку // Духовная культура: история и тенденция развития. 1–5 июня 1992 г.: тез. докл. Сыктывкар, 1992. Ч. 2. С. 111–112.

других исторических произведений. Текст выписок разделен на степени, т.е. сохранена структура Степенной книги. Уникальным является продолжение текста Степенной: степень XVIII посвящена Федору Ивановичу, что, правда, встречается и в других списках Степенной XVII в., степень XIX – Василию Шуйскому (при этом подчеркнуто его происхождение от Ярослава Всеволодовича), степень XX – Михаилу Федоровичу (он назван племянником Федора Ивановича), степень XXI – Алексею Михайловичу (он назван внуком Федора Ивановича). Таким образом, Сергей Шелонин предпринял попытку продолжить Степенную книгу до современности и “приверстать” к роду московских князей не только Василия Шуйского, но и Романовых. При этом ему пришлось объявить незаконным правления Бориса Годунова, его сына Федора и Лжедмитрия I.

Наиболее известной переработкой Степенной книги является Латухинская Степенная. Канонический текст Степенной книги в ней сокращен, переработан и существенно дополнен по ряду других источников. Кроме того, только в этой редакции изменена концепция Степенной книги – чтобы связать династию Рюриковичей с Романовыми, счет по степеням (поколениям) продолжается только до Василия III, а с Ивана Грозного начинается негенеалогический счет по царствам, в который вписываются и Борис Годунов, и Василий Шуйский, и Романовы.

Латухинская Степенная введена в научный оборот Н.М. Карамзиным, который получил список этого произведения от балахнинского купца Латухина. Случайное название, данное памятнику Карамзиным, утвердилось в историографии. Имя автора Латухинской Степенной определил С.Ф. Платонов, прочитав акростих, с которого начинается текст. С.Ф. Платонов отождествил автора с настоятелем Макарьева Желтоводского монастыря Тихоном, так как в Латухинской Степенной истории этого монастыря уделяется большое внимание, а перечень настоятелей доведен до предшественника Тихона²⁹. Историю текста Латухинской Степенной исследовал ученик Платонова П.Г. Васенко³⁰. Он обнаружил еще пять списков памятника (кроме Карамзинского) и выделил три редакции его текста. Согласно исследованию Васенко, первоначальной является Пространная редакция. К ней восходит Краткая редакция, к которой относится и Карамзинский список. Основное отличие Краткой редакции от Пространной – в сокращении глав, посвященных русским святым. Эти повествования заменены ссылками на соответствующие статьи печатного Пролога. Кроме того, в списках Краткой редакции текст продолжен до начала XVIII в.

Третья редакция, Особая краткая, представляет собой также сокращение Пространной редакции. Она дошла в единственном списке из личного собрания патриарха Адриана. Васенко высказал вполне вероятное предположение, что эта редакция была составлена Тихоном, который с 1695 г. являлся патриаршим казначеем, для самого патриарха. Особую краткую редакцию отличает равномерное сокращение текста Пространной редакции. Следующим этапом в изучении Латухинской Степенной стала статья Л.Л. Муравьевой. Исследовательнице удалось увеличить число известных списков памятника

²⁹ Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913. С. 405–408.

³⁰ Васенко П.Г. Заметки к Латухинской Степенной книге. СПб., 1902; *Он же*. Синодальный список Латухинской Степенной книги // Изв. ОРЯС. СПб., 1904. Т. 10, кн. 2. С. 294–302; *Он же*. Академический список Латухинской Степенной книги // Докл. АН СССР. Сер. В. Л., 1929, № 15. С. 280–282.

до 12³¹. Среди обнаруженных списков оказалась рукопись из Нижегородской областной библиотеки, которая, согласно записи на ней, написана в Желтоводском монастыре. По филиграмм рукопись датируется 70–80-ми годами XVII в., т.е. является старейшим списком Латухинской Степенной. Она содержит текст Пространной редакции, и все эти обстоятельства позволили Муравьевой предположить, что в Нижегородском списке до нас дошла непосредственная копия автографа Тихона или даже сам автограф. В связи с открытием Л.Л. Муравьевой Нижегородского списка и предположением, что этот список является архетипом Латухинской Степенной, весьма важно замечание В.И. Корецкого: “Анализ приписок на полях Нижегородского списка, проделанный нами, подтвердил предположение Л.Л. Муравьевой. Приписки свидетельствуют о продолжавшейся работе Тихона над Степенной книгой”³².

Обратим внимание на существование в рукописной традиции Латухинской Степенной фрагментов текста, написанных в XVIII в. Так, список ОР БАН, 17.15.1 представляет собой фрагмент конца XVIII в. (степени VIII–XV), а список ОР РГБ (Ф. 178. Музейн., № 741/2) содержит лишь небольшую выписку, всего 14 глав из царства Ивана Грозного, на 24 листах сборника историко-юридического содержания. Список ОР РГБ (Ф. 178. Музейн., № 2900), 40-х годов XVIII в.³³, содержит выписки: вирши, оглавление, фрагмент текста с царства Бориса Годунова до царства Федора Алексеевича и дополнения до начала XVIII в. В списке ОР РГБ (Ф. 178. Музейн., № 1665, середины XVIII в. читается только начало произведения, до княжения Ярослава Мудрого. В сборнике РГБ (Ф. 310. Ундольск., № 806), датируемом 40-ми годами XVIII в., фрагмент Латухинской Степенной следует после Степенной книги редакции Ивана Юрьева и перед компиляцией из татищевского перевода 1738 г. трех глав “Истории” Ф. Страленберга и сочинений П.Н. Крекшина. В списке 1737 г. (ОР РНБ. Михайловск., Q. 533) помещены только вирши, которыми открывается текст Латухинской Степенной. Наконец, в списке РГАДА (Ф. 199. Миллер, № 46/8) и его копии ОР РГБ (Ф. 256. Румянц., № 416) читаем выписки из двух списков Латухинской Степенной книги, принадлежавших В. Урусову и А.П. Вольнскому, с пометами В.Н. Татищева³⁴. Эти выписки касаются царствования Ивана Грозного и Смутного времени. На наш взгляд, фрагменты Латухинской Степенной, выписанные в XVIII в., подчас в сокращении или переработке, мало говорят о происхождении этого памятника³⁵.

³¹ На несколько новых списков XVIII в. или, точнее, фрагментов текста указал А.П. Богданов: ОР РНБ. Погод. 1559. Л. 35–45 об.; ОР ГИМ. Востряков, 852, РГБ, Ф. 218 (ОР) Пост. 1967, № 46; РО ИРЛИ. Новые поступления. Оп. 23, № 171. См.: *Богданов А.П.* Летописец 1686 г. и патриарший летописный скрипторий // Книжные центры Древней Руси. XVII век: разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 81.

³² *Корецкий В.И.* История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. М., 1986. С. 123. Примеч. 69.

³³ На это указывает филигрань Мануфактур-коллегии, см.: *Муравьева А.А.* О списках Латухинской Степенной книги // АЕ за 1964 год. М., 1965. С. 87. Однако рукопись была написана до 1746 г., так как эту дату содержит читательская запись на обороте верхней крышки переплета.

³⁴ См. о них: *Валк С.Н.* О составе рукописей седьмого тома “Истории Российской” В.Н. Татищева // *Татищев В.Н.* История Российская. Л., 1968. Т. 7. С. 38; опубликованные С.Н. Валком фрагменты выписок с правкой Татищева см.: Там же. С. 186–196.

³⁵ Нам известен единственный фрагмент Латухинской Степенной, датирующийся концом XVII в. См.: РГАДА. Ф. 181 (Собр. МГАМИД). № 366. Л. 652–684. Фрагмент, принадлежащий РО ИРЛИ (Оп. 23. № 171. 60-е годы XVIII в.), по определению Богданова, близок к Пискаревскому списку Латухинской Степенной (эти сведения написаны на карточке, вложенной в рукопись) и, к тому же, бывовал в Ярославле и, вероятно, происходит из Желтоводского монастыря. Из Желтоводского монастыря, можно думать, происходит и фрагмент Латухинской Степенной первой половины XVIII в. См.: ОР РНБ. Собр. М.П. Погодина, № 1559.

Для изучения истории текста Латухинской Степенной в XVII в. следует обратить внимание на списки, содержащие полный текст рассматриваемого произведения. Л.Л. Муравьевой таковых известно девять. Нами обнаружен еще один – РНБ. НСРК. Ф. 133 (старый шифр: РНБ, НСРК 1927, 209. Ф). Это рукопись 60-х годов XVIII в.³⁶, форматом in folio, на 798 листах, написана скорописью XVIII в., содержит полный текст Пространной редакции. На корешке вытеснено “Степенная книга”. На обороте верхней крышки переплета почерком XVIII или XIX в. написано “№ 578”, что указывает на происхождение данной рукописи из какого-то книжного собрания, где она находилась еще до поступления в 1927 г. в Публичную библиотеку.

Итак, известно 10 полных списков Пространной, Краткой и Особой краткой редакций Латухинской Степенной. Пространная редакция представлена древнейшим Нижегородским списком и двумя рукописями середины XVIII в.: F. IV. 221 и НСРК F. 133. Краткая редакция дошла в списках начала – середины XVIII в.: ОР РГБ. Ф. 228 (Пискарев), № 179 (Пискаревский список), F. IV. 597, Костромского историко-архитектурного музея, № 645 и Национальной библиотеки Украины (Собр. Киевской духовной академии, № 188). Особая краткая редакция известна в единственном списке начала XVIII в. ОР ГИМ (Синод., № 293 – Синодальный список). Обратим внимание на то, что древнейшие списки Пространной и Краткой редакций, Нижегородский и Пискаревский, происходят из Макарьева Желтоводского монастыря. На нижнем поле начальных листов Нижегородского списка читаем запись: “монастыря Желтоводского св[ятаго] в Нижегородском уезде на Волге реке, того монастыря, писана в той же обители во сто восемьдесят седмом году”³⁷. Заставки Нижегородского списка по своему стилю близки к заставкам актов, созданных в Макарьевом монастыре во второй половине XVII в.³⁸ Пискаревский список имеет запись по нижнему полю: “Книга Степенная святого Троицкого Макарьева Желтоводского монастыря”. Таким образом, два древнейших списка хранились в Макарьевом монастыре. Обратим внимание и на бытование более поздних списков: рукопись F. IV. 597 в начале XIX в. принадлежала жителю г. Балахны купцу Латухину, а Костромской список имеет запись с датой 1735 г., о принадлежности нижегородскому купцу Андрею Павловичу Щетинникову³⁹. Представляется верным следующее замечание исследователей: “как показывает рукописная традиция, центром распространения Латухинской Степенной оставался в XVII и даже в нач. XVIII в. Макарьев Желтоводский монастырь”⁴⁰. Поэтому обратимся непосредственно к Нижегородскому и Пискаревскому спискам.

Нижегородский список дошел до нас не полностью: отсутствуют первые и последние листы. Так, последняя тетрадь (№ 140 по сигнатуре на нижнем поле первого листа тетради – л. 1161) содержит только четыре

³⁶ Филигрань основного блока: герб Ярославля с контрамаркой “ЯМАЗ” (большие и средние буквы) – вид: A History of russian handpapermills and their watermarks by Z.V. Uchastkina. Hilversum, 1962 (далее – Учastкина), № 25 (1760–1764 гг.). На верхнем поле Л. 798 об. почерком XVIII в. карандашом написана дата “1769”, в которой можно видеть указание на год написания рукописи.

³⁷ Муравьева А.А. Указ. соч. С. 90.

³⁸ Имеются в виду акты, хранящиеся в Государственном архиве Нижегородской области в фонде Макарьева монастыря. Ознакомьтесь с их оформлением у автора была возможность при участии в конференции “Города Поволжья в Средние века: между Европой и Азией”, за что искренне благодарен Б.М. Пудалову.

³⁹ Муравьева А.А. Указ. соч. С. 91.

⁴⁰ Буланин Д.М., Ромодановская Е.К. Тихон Макарьевский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.), ч. 4. С. 37.

листа. Отметим, что другие тетради рукописи – кватернионы. Кроме того, по корешку переплета видно, что в конце рукописи вырвано несколько тетрадей. Поэтому нынешнее окончание Нижегородского списка смертью Михаила Федоровича не может быть признано изначальным. До какого времени доходил его текст судить трудно. В монастыре с начала XVIII в. находился еще и Пискаревский список с дополнениями до 1628 г. При изготовлении списка Пространной редакции, т.е. копии Нижегородского, могли часть дополнений переписать с Пискаревского списка. Этим, на наш взгляд, объясняется нестабильный состав дополнений в разных списках Латухинской Степенной.

Обращает на себя внимание и еще одна особенность Нижегородского списка, отмеченная В.И. Корецким. На полях рукописи помещены приписки, сделанные основным почерком, но более небрежно (основной текст написан крайне тщательно и каллиграфично). Приведем некоторые из них: “и первый град Москву созда, а Кучка, боярина московскаго, казнил на непокорение в лето 6666. Дочь же Кучкову, прекрасну сушу, взя за Андрея князя, сына своего, а братию ея повеле ему же до возраста их снабдети, но последи от них князь Андрей и убиен бысть” (Л. 171 об.); “и на татарах дань имал”; “княжил всего 35 лет”, “а за сестру их, жену же великаго князя Андреа, повеле Всеволод князь убити, она бо наусти братию свою мужа своего погубити, и ея повесиша на вратах и разстреляша. Но инии пишут, яко еще князь Михаил казнил тех убийц” (Л. 196 об.); “в лето 6691 великий князь Всеволод Юриевич ходил на болгары и, преиде черемисан, поплени грады Тукчик, Собекуд и Телмат и Торцарск и возвратися оттуду здрав” (Л. 203 об.), “в лето 7000 взяли турки Неопакт” (Л. 617); “в то же лето приговорил государь с митрополитом и со всеми бояры в полках быти княжатам и детем боярским с воеводами без мест, ходити для вмещения, а в том отечеству их уничижения не будет, которые будут впред в боярех или в воеводах, и он считается по своему отечеству” (Л. 748 об.); “того же году Васильгорд переставлен, убавлено его снизу, а на горе учинен” (Л. 796 об.) и др. Обратим внимание на смысловую законченность фрагментов текста в приведенных приписках, что позволяет видеть в них не восполнение пропусков, а содержательную редакторскую правку. Эти приписки оказались учтенными в списках Пространной и Краткой редакции, т.е. редакторская правка Нижегородского списка учтена во всей рукописной традиции. Данное обстоятельство, а также древность Нижегородского списка по сравнению с остальными позволяют видеть в нем архетип Латухинской Степенной.

Пискаревский список по филиграням датируется первой третью XVIII в. По наблюдениям Васенко, Краткая редакция была составлена не ранее 1696 г., а по мнению Муравьевой – не ранее 1705 г. В Пискаревском списке можно выделить, по крайней мере, три этапа работы над текстом. Первый – написание основного текста в 10-х или в начале 20-х годов XVIII в.⁴¹ Основной текст заканчивается на Л. 498 об. известием 1696 г. о взятии русскими войсками Азова. Следующий этап – приписка известий о смерти и погребении Петра I, короновании и смерти Екатерины I и воцарении Петра II. Запись о смерти Петра и начало записи о короновании Екатерины уместились на Л. 498 об., продолжение текста написано на вставном Л. 505⁴². Третий этап –

⁴¹ Филиграния: Герб Амстердама с литерами “IA” – вид: филигрань “Герб Амстердама” / сост. Т.В. Дианова. М., 1999, № 336 (1725 г.); с литерами “AP” – вид: Там же, № 323 (1701–1724 гг.); с контрамаркой “MC” – вид: Там же, № 406 (1721 г.).

⁴² Филигрань: два круга, увенчанные крестом – не оговорено.

вставка тетради в конце рукописи после Л. 498 (Л. 499, 499 а–е⁴³) и двух листов в оглавлении (Л. 5–6)⁴⁴. Таким образом, текст о царствовании Екатерины I и Петра II оказался отделен от известия о смерти Петра I чистой тетрадью (поэтому этот текст сейчас и помещен на Л. 505). Начальные строки о воцарении Екатерины, которые читались на Л. 498 об., были заклеены и по заклейке сделана запись о погребении Петра I. На следующем Л. 499 повторен текст о царствовании Екатерины I и Петра II, т.е. тот же, что и на Л. 505, но перед каждым царствованием прибавлены заголовки “Царство 11 в России”, “Царство 12 в России”. Эти же заголовки вписаны в оглавление на вставном Л. 5. Видимо, необходимость написать заголовки и повлекла за собой вставки листов и переписку конечного текста. Кроме рассмотренных вставок на этом этапе или позже между Л. 499е и 505 вставлена тетрадь из четырех листов⁴⁵. В ней убористым почерком написаны известия 1701 г. о смерти патриарха Адриана, числе церквей в России (под 1702 г.), 1702–1703 гг. – о победах в Северной войне, Дорожник (указание расстояний от Москвы до иностранных держав и русских городов в алфавитном порядке), фрагмент из сочинения Афанасия Холмогорского “Описание трех путей из России в Швецию” с заголовком “Путь к Стекольне”, 1705 г. – посещение Москвы турецким послом, 1724 г. – кончина Петра I.

Таким образом, в Пискаревском списке можно видеть архетип Краткой редакции, поскольку во всех известных списках Краткой редакции отражены те особенности текста, которые появились в Пискаревском списке в результате неоднократного редактирования. Заслуживает внимания и следующее наблюдение: почти все приписки Пискаревского списка сделаны тем же почерком, что и основной текст. Исключение составляет приписка, помещенная на Л. 499 после известия о воцарении Петра II в мае 1727 г. Она повествует о коронации Петра II 25 февраля 1728 г. Следовательно, составитель Пискаревского списка, он же, видимо, и автор Краткой редакции, между маем 1727 и февралем 1728 г. утратил доступ к созданному им Пискаревскому списку.

Обратившись к почерку Пискаревского списка отметим, что он схож с почерком Нижегородского списка и в большей мере – с почерком единственного списка Особой краткой редакции Синодального. Вполне возможно, что все три рукописи написаны одним лицом, и это лицо – Тихон Макарьевский. Отметим, что данное предположение еще нуждается в серьезной аргументации. Относительно Синодального списка авторство Тихона, который с 1695 по 1705 г. был патриаршим казначеем, предложил еще П.Г. Васенко. Поскольку последнее известие рукописи, взятие Азова, относится к 1696 г., исследователь считал возможным датировать Особую краткую редакцию этим временем. Такой датировке противоречит самое последнее известие рукописи. Со следующего листа, после упоминания о взятии Азова, в Синодальном списке помещено описание пожара в Нижнем Новгороде в 1715 г. (Л. 587–588 об.), которое написано тем же почерком и на той же бумаге, что и основной текст. Следовательно, Синодальный список не мог быть создан ранее 1715 г. Васенко признавал, что рассказ о пожаре 1715 г. написан тем же по-

⁴³ Филигрань: герб Амстердама без постамента с контрамаркой “PGL” – вид: Там же, № 343 (1730 г.) (в альбоме – с постаментом).

⁴⁴ Филигрань: якорь – вид: Участкина, № 6 (1723 г.); № 7 (1723 г.); № 8 (1724 г.)

⁴⁵ Филигранные: герб Амстердама с постаментом, львы в фас – не отожд.; с постаментом, львы в фас, с контрамаркой “VCM” (?) – не отожд.; с литерами “CVH” (лигатура) и контрамаркой “Beauw” (?) – вид: филигрань “герб Амстердама”... № 387 (1711–1714 гг.).

черком, что и основной текст, считал его поздней припиской⁴⁶. Главным аргументом более ранней, чем 1715 г., датировки рукописи исследователь считал запись на Л. I: “Сей летописец ис патриаршей спальни из сундука под №”. Отсюда – предположение Васенко, что Особая краткая редакция составлена Тихоном специально для патриарха Адриана, который умер в 1701 г. Полагаем, что патриаршая спальня, как и все патриаршее хозяйство, продолжала существовать и при местоблюстителе Стефане Яворском. Видимо, Синодальный список был составлен все же не раньше, но и не намного позже 1715 г. – об этом свидетельствуют филигранные рукописи⁴⁷. Полагаем, что создание Синодального списка, т.е. Особой краткой редакции на основе Нижегородского списка, во второй половине 10-годов XVIII в. не случайно.

В 1716–1718 гг. появилась переработка Степенной книги, которая была составлена подьячим Посольской канцелярии Иваном Юрьевичем Юрьевым и получила распространение в рукописной традиции. Д.О. Серов назвал ее Юрьевской Степенной⁴⁸, хотя со Степенной книгой ее роднит только то, что Степенная явилась главным источником Юрьевской. Д.О. Серов выявил черновые материалы этой редакции, а также проследил судьбу белого “подносного списка”, который из Петербурга вместе с рукописями казенного А.П. Волинского попал в Москву, а в 1746 г. при участии И.Ю. Юрьева был снова запрошен в Петербург⁴⁹. С Синодальным списком Латухинской Степенной Юрьевскую Степенную связывает дата создания. Д.О. Серов установил, что Юрьев составил свой исторический труд по прямому указанию Петра I⁵⁰. Вполне возможно, что создание Синодального списка стоит в одном ряду с составлением Юрьевской Степенной.

Итак, вскоре после 1715 г. в патриаршее хозяйство поступил главный исторический труд Тихона, а через некоторое время в Желтоводском монастыре была составлена еще одна редакция его произведения. Отметим, что в дополнениях Пискаревского списка на поле Л. 500 основным почерком сделана запись: “Писано в Казенном патриаршем приказе”. Если верно наше предположение об идентичности почерком Нижегородского, Синодального и Пискаревского списков, то их создание следует приписывать Тихону. Самым поздним, видимо, является Пискаревский список⁵¹, приписки основным почер-

⁴⁶ Васенко П.Г. Синодальный список Латухинской Степенной книги. С. 295.

⁴⁷ Герб Амстердама: с литерами “CVH” (лигатура) и контрамаркой “TV” – вид: Филигрань “Герб Амстердама” / сост. Т.В. Дианова. М., 1999, № 387 (1711–1719 гг.); № 389 (1711–1721 гг.); № 433 (1739 г.) (в альбоме – другие контрамарки); с контрамаркой “LI” – не отожд.; с литерами “CVH” (лигатура) и контрамаркой “BEAVVAIS” – вид: Там же, № 387 (1711–1719 гг.).

⁴⁸ Серов Д.О. Юрьевская Степенная и ее автор // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1978. С. 115–127; *Он же*. Степенная книга редакции Ивана Юрьева (1716–1718 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1991.

⁴⁹ Серов Д.О. Судьба списка Юрьевской Степенной книги из библиотеки Петра I во второй четверти XVIII в. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Российской Академии наук. 1990. СПб., 1994. С. 182–187. При этом копировались и другие, черновые и неисправные списки, что доказывает популярность Юрьевской Степенной в XVIII в. Первой половиной – серединой XVIII в. датируются и те списки Юрьевской Степенной, которые нам удалось разыскать: ОР ГИМ. Вахрамеев, 757; ОР РГБ. Ф. 178 (Музейное собр.), № 3583; Там же. Ф. 310 (Собр. В.М. Ундольского), № 806. Л. 1–141 об.; Национальная библиотека Франции. Slav. № 4.

⁵⁰ Серов Д.О. Юрьевская Степенная книга и ее автор // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1978. С. 115, 126.

⁵¹ Рукопись имеет поздний переплет, который, к тому же, принадлежал до этого другому кодексу. Об этом свидетельствует его несколько меньший размер, а также вытесненное на корешке несоответствующее содержанию рукописи название “Летопись свягата Димитрия” (последние два слова стерты). Наблюдения над отверстиями для переплетных нитей в сгибах тетрадей показывают, что до нынешнего переплета рукопись была переплетена всего один раз. По-видимому, отмеченные нами вставки были помещены в еще непереpletенную рукопись. Важно, что рукопись долгое время существовала без переплета.

ком к которому доходят до 1727 г. Можно предположить, что Тихон работал над Краткой редакцией до своей смерти в 1727 г., так как запись о коронации в 1728 г. Петра II сделана другим почерком.

Предложенная реконструкция творческой биографии Тихона Макарьевского не противоречит тому, что нам о нем известно. Мы знаем, что в 1675–1677 гг. он был архимандритом Макарьева Желтоводского монастыря, в 1677–1678 гг. создал Пространную редакцию Латухинской Степенной (Нижегородский список), в 1679 г. вложил его в монастырь. С 1680 до 1691 г. Тихон был келарем Сторожевского монастыря, в 1695 г. он сменил умершего Паисия Сийского и стал патриаршим казначеем, каковым являлся до 1707 г. После смерти патриарха Адриана Тихон был его душеприказчиком. Существует в литературе и точная дата смерти Тихона: 30 апреля 1707 г., однако ее источник не указан⁵². Можно предположить, что эта дата неверная. Нижегородский краевед Н.И. Храмцовский ссылается на надпись на “воздвизальном” кресте Вознесенской церкви в Нижнем Новгороде. Согласно этой надписи, церковь построена в 1715 г. на средства Тихона, который был ее прихожанином до своего пострижения в монахи⁵³. Перед нами не только ценное свидетельство о происхождении Тихона, но, возможно, и доказательство того, что в 1715 г. он был еще жив и принимал активное участие в общественной жизни Нижнего Новгорода.

Исследование Латухинской Степенной еще далеко не завершено. Сейчас мы не можем составить представление даже о всех списках этого памятника. Например, неизвестна судьба списков Латухинской Степенной из собраний В. Урусова и А.П. Волынского, о существовании которых мы знаем по выпискам в татищевских рукописях РГАДА (Ф. 199, № 46/8 и Румянц. 416), где перед фрагментами Латухинской Степенной обозначено “Выписано из Степенной князя Василья Урусова со изъятием избыточественных речений”⁵⁴, “Выписано из Степенной Волынского”⁵⁵. Можно предполагать наличие списка этого произведения и в библиотеке владимирского Рождественского монастыря в первой половине XVIII в., на основе которого создана рассматриваемая ниже Трегубовская Степенная. Таким образом, не исключено, что существуют еще не введенные в научный оборот списки Латухинской Степенной.

На основе Латухинской Степенной в первой половине XVIII в. была составлена так называемая Трегубовская Степенная, которая существует в единственном списке (Национальная библиотека Украины. Собр. Киевской духовной академии, № 187 П). Она была обнаружена еще П.Г. Васенко⁵⁶, который и дал этому произведению такое название, хотя оно не совсем соответствует содержанию. Трегубовская Степенная представляет собой историко-генеалогический трактат, который завершает художественно выполненная генеалогическая схема дворянского рода Трегубовых⁵⁷. Несмотря на действительно древнее происхождение (впервые суздальские дворяне Трегубовы

⁵² Никишов Г.А. Тихон Макарьевский // Музыкальная энциклопедия. М., 1981. Т. 5. Стб. 537.

⁵³ Храмцовский Н.И. Краткий очерк и описание Нижнего Новгорода. Нижний Новгород, 1859. Ч. 2. С. 77. Храмцовский пишет, что новопостроенная церковь сильно пострадала от пожара 1715 г. Отметим, что описанием этого пожара завершается текст Синодального списка.

⁵⁴ Татищев В.Н. История Российская. Л., 1968. Т. 7. С. 186.

⁵⁵ ОР РГБ. Ф. 256 (Собр. Н.П. Румянцев), № 416. Л. 252.

⁵⁶ Васенко П.Г. Трегубовская “Степенная” // Изв. Отд. русского языка и словесности имп. Академии наук. СПб., 1907. Т. 12, кн. 2. С. 360–367.

⁵⁷ О рукописи см. подробнее: Васенко П.Г. Трегубовская “Степенная”; Сиренов А.В. О предполагаемом авторе Трегубовской “Степенной” // Историография и источниковедение отечественной истории: сб. науч. статей и сообщ. СПб., 2003. Вып. 3. С. 267–273.

упоминаются в начале XVI в.), представители этого рода пытались с помощью легенд удревить свой род. Согласно Трегубовской Степенной, род Трегубовых берет начало от выходцев из “Наручацкие Орды” двух братьев Салтана и Яндугана Трегубовичей, которые в 1228 г. поступили на службу к великому князю Константину Всеволодовичу.

Рукопись содержит четыре независимых друг от друга текста: 1) историческое повествование, составленное, как определил Васенко, на основе Латухинской Степенной (л. 2–128 об.); 2) список Нижегородского летописца (Л. 129–145); 3) генеалогическая схема, сопровождаемая генеалогической росписью рода Трегубовых (л. 173–198); 4) выписки из десятиен по Суздалью 7081–7157 гг., касающиеся службы представителей рода Трегубовых (Л. 199–213).

Вопрос об авторстве Трегубовской Степенной был поднят еще Васенко, который обратил внимание на владельческую запись скорописью XVII в. на обороте верхней крышки переплета: “Сия книга стольника Гура Андреева сына Трегубова”⁵⁸. Исследователь предположил, что упоминаемый в записи Гур Трегубов был автором или заказчиком этого произведения, а само произведение написано в начале XVIII в.⁵⁹ Знакомство с водяными знаками рукописи привело нас к выводу, что к моменту ее написания (30–50-е годы XVIII в.) Гура Трегубова уже не было в живых, а запись о принадлежности ему рукописи является фальсификатом. То обстоятельство, что в Трегубовской Степенной присутствуют ссылки на список Степенной книги, хранящийся в Рождественском монастыре Владимира, позволило предположить, что к созданию этого произведения имел отношение казначей Рождественского монастыря Александр Трегубов⁶⁰. Сейчас появились основания пересмотреть данное предположение. Дело в том, что в тексте Трегубовской Степенной содержится косвенное указание на автора. В родословии Трегубовых кратко охарактеризованы многие представители этого рода. И только об одном из них сказано более подробно. Это Михаил Евдокимович Трегубов. Характеризуя его деятельность, автор генеалогической росписи приводит целиком несколько документов, посвященных его военной службе при Петре I. О Михаиле Евдокимовиче из этой характеристики известно, что он проживал во Владимире, т.е. теоретически мог пользоваться библиотекой Рождественского монастыря. Предположение о его авторстве подтверждает и обращение к родословной схеме на Л. 181 об., которая сопровождает роспись. У Михаила Евдокимовича, согласно схеме, было два брата – Иван и Федор, и дочь Мария. У Ивана было двое сыновей – Михаил и Степан. Из приписок скорописью XVIII в. узнаем, что у Степана были дочери Екатерина и Татьяна, муж которой – Василий Николаевич Зубов, а их сына звали Николай. В связи с этими приписками имеет значение запись на л. 1 о даре рукописи в 1772 г. прапорщиком Василием Зубовым секунд-майору Михаилу Егоровичу Трегубову, а также комментарий рукой В.Н. Зубова относительно записи на л. 214: “Рука дяди коллежского советника Михаила Ивановича Трегубова. Василей Зубов”. Отсюда видим, что рукопись оказалась последовательно сначала у Михаила Ивановича (племянника Михаила Евдокимовича), а потом у В.Н. Зубова (зятя другого племянника, Степана Ивановича). Наиболее вероятным представляется написание Трегубовской Степенной Михаилом Евдокимовичем и бытование ее в семье его брата, Ивана. С 1772 г. рукопись пе-

⁵⁸ Ниже она откомментирована почерком XIX в.: “Гур стольник при царе Алексее Михайловиче”, что согласуется с данными помещенной здесь родословной росписи.

⁵⁹ Васенко П.Г. Трегубовская “Степенная”. С. 366–367.

⁶⁰ Сиренов А.В. О предполагаемом авторе... С. 270–271.

реходит к представителю другой ветви Трегубовых – Михаилу Егоровичу, который спустя 20 лет, в 1792 г., использует ее при составлении родословной, поданной в Герольдию⁶¹.

Материал Трегубовской Степенной был использован лишь частично. Так, согласно родословной, родоначальником Трегубовых был упоминаемый в “Истории” М.М. Щербатова царевич Даньяр, а согласно Трегубовской Степенной – братья Трегуб и Яндуган Салтанеевичи. Правда приехали и тот, и другие “из Кабарды”. Из дела Департамента Герольдии мы узнаем, что в 1792 г. подателю родословной было 64 года, т.е. родился он в 1728 г. В Трегубовской Степенной сам Михаил Егорович обозначен, но его сын Иван приписан уже позднейшим почерком⁶². Трегубовская Степенная является своеобразным памятником историко-генеалогической мысли русского провинциального дворянства XVIII в. и, пожалуй, последней по времени редакцией Степенной книги. От структуры Степенной книги здесь остались только указания на степени в первой части. При этом термин “степень” уже утратил свое генеалогическое значение, примером может служить один из заголовков Трегубовской Степенной: “Степень об утвари царской”. Можно думать, что подражание Степенной книге составителю Трегубовской Степенной было нужно для придания авторитетности своему сочинению.

В связи с Трегубовской Степенной уместно обратиться к так называемой Хрущовской Степенной (РГАДА. Ф. 181. МГАМИД, 26), которая представляет собой список Степенной книги младшего извода редакции Ионы Думина, написанный в середине XVII в., с вставками на бумаге конца XVII в. Одна вставка содержит уникальное известие о Земском собрании 1549 г., вторая – интерполяцию в текст Степенной книги легендарных известий о деятельности И.А. Чевкина-Дурново. Его считал предком окольный Семен Семенович Колтовской (владелец Хрущовского списка в конце XVII в.) и родственником – казненный в 1740 г. Андрей Федорович Хрущов (последний владелец рукописи). С.Ф. Платонов, П.Г. Васенко, В.Н. Автократов и другие исследователи полагают, что вставки были сделаны в 90-е годы XVII в. Колтовским, а С.О. Шмидт – в XVIII в. Хрущовым⁶³. Сторонники отнесения вставок к XVII в. выдвигают такой весомый аргумент, как датировка по филиграммам. Действительно, бумага вставок датируется 90-ми годами XVII в. Но в данном вопросе, когда речь идет о фальсификате, едва ли можно опираться на дату изготовления бумаги. Обратим внимание на сходство приемов фальсификатора Хрущовского списка и составителя Трегубовской Степенной, в обоих случаях в текст Степенной книги вставлены легендарные известия генеалогического характера⁶⁴. Отметим, что третий подобный случай, когда в текст

⁶¹ РГИА. Ф. 1343 (Департамент Герольдии). Оп. 3, № 2552.

⁶² Из приписок тем же поздним почерком узнаем, что рукопись, по крайней мере, до 1874 г., находилась в этой семье. Последним представителем рода Трегубовых, оставившим на ней свои записи, был правнук Михаила Егоровича, Модест Александрович Трегубов.

⁶³ Подробно о всех точках зрения см.: Шмидт С.О. У истоков российского абсолютизма: исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996. С. 193–201.

⁶⁴ Отметим и еще одну деталь, которая сближает оба памятника. Составитель Трегубовской Степенной в качестве источника использовал местную грамоту 1367/68 г. нижегородского князя Дмитрия Константиновича, являющуюся, как полагают некоторые исследователи, фальсификатом более позднего времени. См.: АСЭИ. М., 1964. Т. 3. С. 337. На нее есть ссылка в материалах Палаты родословных дел – в родословной росписи Молвяниновых и Племянниковых 1686–1688 гг. (Антонов А.В. Родословные росписи конца XVII в. М., 1996. С. 234), но наиболее ранний ее список происходит из бумаг А.П. Вольнского, в окружение которого входил и Хрущов. Конечно, интерес к этому фальсификату М.Е. Трегубова и А.П. Вольнского, скорее всего, является случайным совпадением, но его можно рассматривать и как примет времени – эпохи зарождения исторической науки в России.

Степенной книги вставляли известия более позднего происхождения, также относится к XVIII в. Д.Н. Альшиц и С.О. Шмидт обнаружили два списка выписки из Степенной книги кабинет-секретаря барона И.А. Черкасова, где читается повествование о пожаре и народном волнении в Москве в 1547 г.⁶⁵ В источнике этой выписки, списке Степенной книги, который, по-видимому, принадлежал И.А. Черкасову⁶⁶ (ныне РНБ, ОЛДП F.53), такого рассказа нет. Полагаем, что вопрос о времени вставок в Хрущовский список еще далек от своего разрешения и требует специального исследования.

Сложность в рассмотрении переработок Степенной книги, возникших в XVIII в. заключается в том, что в это время трудно провести границу между редакторским изменением текста и началом его научного изучения. Иллюстрацией этого положения может служить работа адъюнкта Академии наук И.-В. Паузе над текстом Степенной книги. Известен академический отчет Паузе за 1732 г., в котором он пишет о своих занятиях редактированием и комментированием Степенной книги⁶⁷. Нам удалось обнаружить результат такой работы Паузе. В рукописи РГАДА (Ф. 181. МГАМИД, 1306. Л. 1–133) читается перевод Степенной книги на латинский язык, причем текст памятника в значительной степени сокращен⁶⁸. Судя по разъяснениям, которые Паузе давал относительно текста Степенной Г.Ф. Миллеру⁶⁹, свою основную задачу он видел в адекватном восприятии текста Степенной, чему в значительной мере препятствовало недостаточное знание древнерусского и церковнославянского языков.

В историографии XVII–XVIII вв. Степенная книга занимала видное место. Помимо заимствований, многочисленных списков и включений из нее в своды по всемирной и русской истории, Степенную книгу редактировали. Не все редакции оказались в равной степени удачными. Пожалуй, только Латухинскую Степенную во всех трех ее редакциях можно с полным правом считать завершенной переработкой канонического текста Степенной книги. Остальные известные нам редакции XVII в. являются скорее незавершенными попытками отредактировать канонический текст Степенной, а в XVIII в. составляли произведения, которые только условно можно назвать Степенной книгой. В XVIII в. к Степенной книге относились как древнему памятнику, источнику исторических сведений или образцу высокого литературного стиля⁷⁰. В связи с этим наиболее актуальным представляется изучение замечательно-го памятника отечественной историографии XVII–XVIII вв. – Латухинской Степенной, в которой ярко отразились изменившиеся по сравнению с эпохой Ивана Грозного взгляды человека XVII в. на отечественную историю. Однако на первом этапе желательно изучить историю текста Латухинской Степенной и издать текст памятника⁷¹.

⁶⁵ Альшиц Д.Н. Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования // Тр. Отд. рукописей Гос. публ. биб-ки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1957. Т. 1. С. 139–140; Шмидт С.О. Указ. соч. С. 73–74.

⁶⁶ На Л. 919 – запись о принадлежности рукописи единственному сыну И.А. Черкасова, А.И. Черкасову.

⁶⁷ См. об этом: Винтер Э. И.-В. Паус о своей деятельности в качестве филолога и историка (1732) // XVIII век. М.; Л., 1959. Т. 4. С. 313–322. Известно, что по заданию Академии наук попытку перевести Степенную книгу на латынь предпринимал в 1735 г. и Иван Горлицкий. См.: Материалы для истории имп. Академии наук. СПб., 1886. Т. 2. С. 799; Там же. СПб., 1889. Т. 5. С. 544.

⁶⁸ Авторство Паузе указано в оглавлении на Л. 1.

⁶⁹ РГАДА. Ф. 199 (Г.Ф. Миллер). Портфель 21, № 8. Л. 1–8.

⁷⁰ О переработках Степенной книги историками XVIII в. см.: Серов Д.О. Юрьевская Степенная книга... С. 127.

⁷¹ На необходимость издания Латухинской Степенной указывалось еще в XIX в. См.: Выписка из протоколов заседаний Археографической комиссии // Летопись занятий Археографической комиссии за 1888–1894 гг. СПб., 1903. Вып. 11, отд. 4. С. 42–43, 46–47.

ЗАБЫТОЕ МНЕНИЕ О СТЕПЕННОЙ КНИГЕ

(Из неопубликованного наследия М.Я. Диева)*

К числу важнейших задач историографии относится установление истоков тех мнений, которые более или менее широко распространены в науке. Историка всегда неизбежно будет интересовать ответ на вопрос о том, когда и кем впервые было высказано то или иное суждение по интересующему его вопросу. Немаловажное значение имеет и исследование самого изучения важнейших источников русской истории. К их числу, несомненно, принадлежит один из крупнейших памятников исторической мысли средневековой Руси – Книга Степенная царского родословия.

После появления обобщающей работы П.Г. Васенко о Степенной книге (далее СК) в историографии утвердилось мнение о ее создании книжником Андреем (впоследствии митрополит Афанасий) по поручению митрополита Макария в 1560–1563 гг.¹ При рассмотрении исследования П.Г. Васенко в контексте изучения СК в историографии XVIII–XX вв. внимание автора настоящей работы привлек вопрос об аргументах и работах предшественников ученого, на основе которых он выдвинул гипотезу, прочно утвердившуюся в науке. Материал, обнаруженный в ходе предпринятых поисков, позволяет по-новому оценить не только историю изучения СК, но и представляет известный интерес для изучения механизма передачи информации в отечественной историографии.

Вкратце напомним основные положения работы П.Г. Васенко относительно датировки и авторства СК. Историк, справедливо подвергнув критике мнение большинства своих предшественников (В.Н. Татищева, Г.Ф. Миллера, И.Н. Жданова и др.) о происхождении СК в домакарьевское время², провел тщательное изучение текста памятника и выдвинул самую аргументированную на сегодняшний день гипотезу относительно авторства СК и времени ее написания. Изложим основные аргументы П.Г. Васенко.

Как уже было отмечено в историографии³, в вопросе об авторстве СК П.Г. Васенко присоединился к высказанному А. Свирелиным предположению о создании Жития Даниила Переяславского и всей СК благовецким протопопом и духовником царя Ивана IV Андреем⁴. Свое мнение А. Свире-

* Автор настоящей статьи выражает самую искреннюю признательность А.В. Сирену за высказанные замечания.

¹ *Васенко П.Г.* “Книга Степенная царского родословия” и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904. Ч. 1. С. 168–217.

² Подробнее о литературе, посвященной СК, см.: *Васенко П.Г.* Указ. соч. С. 1–55; *Иконников В.С.* Опыт русской историографии. Киев, 1908. Т. 2, кн. 2. С. 1308–1323; *Кусков В.В.* Степенная книга как литературный памятник XVI века: дис. ... канд. филол. наук. М., 1952. С. 3–60; *Неберекутина Е.В.* Митрополит Афанасий и проблема авторства Степенной книги // От Нестора до Фонвизина: новые методы определения авторства. М., 1994. С. 126–133; *Сиренов А.В.* Житие князя Владимира и составление Степенной книги // АЕ за 2001 год. М., 2002. С. 83–89.

³ *Сиренов А.В.* Указ. соч. С. 88.

⁴ *Свирелин А.* О начале и устройении Переславского Данилова монастыря (при жизни преподобного Даниила). М., 1863. 78–85.

лин основывал на близости текстов Жития Даниила Переяславского и помещенного в 16-ую степень Сказания об этом святом. Он указал на пророчество Даниила, который предсказал автору Жития быть царским духовником через 10 лет после смерти переяславского святого. К исследованию А. Свирелин привлек и запись на Чудовском списке СК (1560-е годы): “Книга Чудова монастыря, собрана смиреннымъ Афанасиемъ, митрополитомъ всея Руси”⁵. Также историк указал на фразу из похвалы митрополиту Ионе в СК, о том, что автор СК, наряду с митрополитом Макарием, просил “не презрять и нас грешных”⁶.

Разделив точку зрения А. Свирелина об авторстве Жития Даниила Переяславского и СК Андрея-Афанасия, П.Г. Васенко подкрепил ее еще одним весомым доводом. Он отметил⁷, что при описании посещения Владимира-на-Клязьме Иваном IV в СК следует рассказ об исцелении от мощей Александра Невского, написанный от первого лица⁸. Шумиловский том Лицевого свода указывает имя исцеленного – им был Андрей-Афанасий⁹. Как предположил историк, написанное Андреем-Афанасием Житие Даниила Переяславского понравилось митрополиту Макарию, который и поручил протопопу московского Благовещенского собора составить СК¹⁰. Кроме того, число аргументов в пользу авторства Андрея-Афанасия П.Г. Васенко дополнил материалом записи на Чудовском списке СК о его “собрании” этим книжником – как полагал исследователь, данная запись была сделана самим Афанасием¹¹.

Время появления СК П.Г. Васенко датировал 1555–1563 гг.¹² Обратившись к тексту памятника, исследователь счел возможным сузить эту датировку. Он отметил, что в произведении содержатся известия о событиях до 1560 г. включительно. На этом основании историк предположил, что именно в том году началось создание текста памятника. Дату окончания работ над произведением исследователь определял на основании того, что СК упоминает четырех сыновей Ивана IV (Дмитрия, Ивана, Федора, Василия; последний родился в марте 1563 г.); в памятнике есть указание на русско-литовское перемирие до 1562 г.; в рассказе от первого лица об исцелении от мощей Александра Невского в Шумиловском томе Лицевого свода Андрей уже фигурирует под монашеским именем Афанасий; явно монахом написано и Чудо о явлении Даниила Переяславского некоему пресвитеру под Казанью в 1552 г. (Андрей был пострижен около 1562 г.); 18 глава 17-й степени указывает на взятие Полоцка (15 февраля 1563 г.); в произведении нет сообщения о смерти митрополита Макария, умершего 31 декабря 1563 г. Таким образом, согласно мнению П.Г. Васенко, создание СК датировалось 1560–1563 гг.¹³ (окончание работы над памятником историк относил к марту–декабрю 1563 г.¹⁴).

Как указал в своем исследовании Жития Даниила Переяславского С.И. Смирнов¹⁵, сходный с П.Г. Васенко взгляд на датировку и авторство па-

⁵ ОР ГИМ. Собр. Чудова монастыря, № 56/358. Л. 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9.

⁶ ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 21, ч. 2. С. 525.

⁷ Васенко П.Г. Указ. соч. С. 202–204.

⁸ ПСРЛ. Т. 21, ч. 2. С. 569–570.

⁹ ПСРЛ. М., 2000. Т. 12. С. 230.

¹⁰ Васенко П.Г. Указ. соч. С. 211–212.

¹¹ Там же. С. 204.

¹² Там же. С. 213.

¹³ Там же. С. 214–217.

¹⁴ То есть периоду между рождением царевича Василия и смертью митрополита Макария.

¹⁵ См.: Смирнов С.И. Житие преподобного Даниила, переяславского чудотворца, Повесть о обретении мощей и чуда его. М., 1908. С. XV. Примеч. 1.

мятника был высказан ранее известным костромским собирателем древностей М.Я. Диевым (1794–1866 гг.)¹⁶ в его статье “Афанасий”, которая помещена в неопубликованном продолжении труда Евгения (Болховитинова)¹⁷ “Продолжение и дополнение исторического словаря о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. Т. 1” (середина XIX в.). П.Г. Васенко было известно о данном труде со слов Н.К. Никольского. Однако занятый другими делами, исследователь СК не смог ознакомиться с “Дополнениями” М.Я. Диева. Характеризуя место его работы в историографии памятника, П.Г. Васенко отметил, что, оставаясь неопубликованными, “Дополнения” М.Я. Диева “не были известны исследователям и не оказали влияния на решение вопроса о составителе Степенной”¹⁸. Рассмотрение процесса изучения СК побуждает не согласиться с подобной оценкой значения “Дополнений” М.Я. Диева в историографии произведения.

Как уже было отмечено выше, мнение П.Г. Васенко об авторстве Андрея-Афанасия в значительной степени было основано на результатах изысканий А. Свирелина. Последний, установив текстуальную близость Жития Даниила Переяславского и Сказания об этом святом в СК, оба произведения атрибутировал Андрею-Афанасию. Важным доводом в пользу авторства Андрея-Афанасия для А. Свирелина была запись на полях Чудовского списка СК о его “собрании” Афанасием. Однако, как он сам указал¹⁹, об этой записи ему стало известно от М.Я. Диева²⁰, который уже гораздо раньше считал автором СК Андрея-Афанасия. Таким образом, мнение М.Я. Диева было высказано до появления работы А. Свирелина, который присоединился к точке зрения костромского краеведа. Вряд ли можно отрицать влияние труда М.Я. Диева на изыскания А. Свирелина, а это, в свою очередь, дает основания полагать, что труд М.Я. Диева, даже оставаясь неопубликованным, был известен исследователям СК, тем самым оказывая влияние на ее изучение²¹.

Положения работы М.Я. Диева относительно авторства и датировки СК представлены в небольшой словарной статье “Афанасий”, помещенной в “Дополнениях”²². После обнаружения И.М. Снегиревым Чудовского списка СК²³, М.Я. Диев ввел в историографию памятника материал записи на Чудов-

¹⁶ Подробнее о биографии М.Я. Диева и его трудах см.: *Титов А.А.* Ученый протоирей костромской епархии о. Михаил Яковлевич Диев и его рукописи // Библиографические записки. 1892. Кн. 2. С. 98–99, 104–105; *Розов Н.Н.* М.Я. Диев – костромской краевед и собиратель рукописей первой половины XIX в. // Проблемы источниковедческого изучения рукописных и старопечатных фондов: сб. науч. тр. Л., 1980. Вып. 2. С. 101–108.

¹⁷ См.: *Евгений (Болховитинов)*. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. 2-е. изд. СПб., 1827. Т. 1–2.

¹⁸ *Васенко П.Г.* Указ. соч. С. 24.

¹⁹ *Свирелин А.* Указ. соч. С. 85. Примеч. “а”.

²⁰ Текст примечания А. Свирелина не дает возможности ответить на вопрос о том, был ли он знаком с трудом М.Я. Диева или узнал о его мнении в устной беседе.

²¹ Во всяком случае, несомненно, что “Дополнения” были известны Н.К. Никольскому (именно он сообщил о них П.Г. Васенко; последний в своей работе выражает М.К. Никольскому благодарность за замечания. См.: *Васенко П.Г.* Указ. соч. С. III), С.И. Смирнову, а также А.В. Горскому и А.А. Титову, в чьих собраниях хранятся списки этого труда. Не исключено, что с данным трудом был знаком и А. Свирелин.

²² К настоящему исследованию привлечен список “Дополнений” из Собрания А. В. Горского (ОР РГБ. Ф. 79, № 3. Л. 43 об. – 47). Данный список знал С.И. Смирнов (Указ. соч. С. XV. Примеч. 1). Известны и другие списки “Дополнений” М.Я. Диева. См.: *Титов А.А.* Охранный каталог славяно-русских рукописей. Сергиев Посад, 1892. Вып. 5. С. 45 (№ 3969).

²³ *Снегирев И.М.* Памятники московской древности, с присовокуплением очерка монументальной истории Москвы с древнейших видов и планов древней столицы. М., 1842–1845. Однако, как показывают материалы многолетней переписки М.Я. Диева с И.М. Снегиревым, первый узнал о находке ранее. См. письмо И.М. Снегирева М.Я. Диеву от 15.02.1843 г.: «Е[вгению (Болховитинову)]. – А.У.]

ском списке, связав ее содержание с вопросом об авторстве СК²⁴. Как указал исследователь, наличие в записи определения “смиранный” свидетельствует о ее написании непосредственно Афанасием. К аргументам в пользу авторства переяславца Андрея-Афанасия М.Я. Диев отнес и особое внимание создателя СК к переяславской черковной истории (в частности, к биографии Даниила). Обратил внимание М.Я. Диев и на указание автора СК на пребывание во Владимирском Рождественском монастыре у мощей благоверного князя Александра Невского (хотя в отличии от П.Г. Васенко и не связал это указание с отрывком из Шумиловского тома Лицевого свода, в котором свидетель исцеления назван по имени).

Интересное замечание сделал М.Я. Диев относительно даты смерти Афанасия, указав на время “около 1570 г.” Трудно сказать, на какие источники опирался исследователь в этом вопросе. Во всяком случае, в его собрании отсутствуют какие-либо документы на этот счет²⁵. Данные источников об Афанасии после оставления им митрополичьей кафедры крайне скудны: известно лишь, что в 1567 г. он поновлял икону Владимирской Богоматери²⁶, в 1568 г. Афанасий упомянут в предисловии к московской Псалтири²⁷ и, как указал Б.М. Клосс²⁸, его имя внесено в Троицкий синодик 1575 г.²⁹ Однако само по себе предположение М.Я. Диева любопытно – возможно последующее специальное исследование этого сюжета даст возможность ответить на вопрос о том, на каких источниках было основано данное указание историка.

Ценные наблюдения сделал М.Я. Диев и по вопросу о датировке СК. Отметив, что памятник повествует о взятии Казани, учреждении казанской кафедры и перенесении образа Николы Великорецкого, исследователь предложил рассматривать 1555 г. как нижнюю границу времени его составления. Обратив внимание на то, что СК в целом сообщает о событиях по 1560 г. включительно, а также зафиксировав отсутствие указания на смерть митрополита Макария в тексте произведения, М.Я. Диев 1563 г. определил как время, позднее которого памятник не мог быть написан. Большое значение для

многое было еще неизвестно, что недавно только открыто свету; конечно, за это нельзя его винить. Степенную книгу, напр[имер], приписывают Макарию, а я в Чудове [монастыре. – А.У.] нашел рукопись XVI века, на коей написано по листам: “Книга Чудова монастыря собрана смиренным Афанасием, митр[ополитом] всерос[сийским]”». См.: Письма о[тца] Михаила Диева к И.М. Снегиреву / пред. А.А. Титова М., 1909. С. 59.

²⁴ Так, М.Я. Диев (письмо от 21.03.1843 г.), отвечая на письмо И.М. Снегирева от 15.02.1843 г. прямо указывает на то, что запись на Чудовском списке СК говорит об авторстве Андрея-Афанасия. См.: “Почтенное письмо Ваше от 15 февраля чрезвычайно меня обрадовало, особенно душевно Вам благодарен за сообщение библиографических Ваших наблюдений, преимущественно о Степенной. К доказательству, помещенным в Словаре блаженной памяти митрополита Евгения, к ученым трудам коего глубокое благоговенье всегда пребудет постоянным во мне чувством, я присовокупил в продолжение Словаря новые, что Степенной сочинителем был не митрополит Макарий, а другой кто-либо. Как приятно узнать, кто именно был ее составителем” (Письма о[тца] Михаила Диева к И.М. Снегиреву... С. 6). И.М. Снегирев разделит точку зрения М.Я. Диева относительно авторства Андрея-Афанасия. См.: *Снегирев И.М.* Успенский собор в Москве. М., 1856. С. 17.

²⁵ См. описания рукописей М.Я. Диева: *Титов А.А.* Охранный каталог славяно-русских рукописей. Вып. 5. С. 42–52; *Лопарев Х.* Описание рукописей императорского Общества любителей древней письменности. СПб., 1892. Ч. 1. С. 127–132; *Краткий отчет о новых поступлениях 1950–1951 гг. / под ред. В.Г. Геймана Л., 1953 (Труды ГПБ. Отд. рукописей). С. 45–49.*

²⁶ ПСРЛ. М., 1964. Т. 29. С. 355.

²⁷ См.: *Гусева А.А.* Издания кирилловского шрифта второй половины XVI века: свод. каталог. М., 2003. Кн. 1. С. 333. № 42.

²⁸ *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 263.

²⁹ ОР РГБ. Ф. 304. III, № 25. Л. 12 об.

историографии памятника имеет предположение М.Я. Диева о позднем характере 17-й степени³⁰.

Как видим, в основе взгляда на Андрея-Афанасия как автора СК и 1563 г. как времени окончания работ над памятником, взгляда, который в наиболее последовательном и аргументированном виде представлен в фундаментальном труде П.Г. Васенко, лежат полузабытые, до сих пор неизданные “Дополнения” М.Я. Диева. Вряд ли можно упрекать П.Г. Васенко за то, что он не был знаком с неопубликованной работой М.Я. Диева и невольно повторил ее основные положения без ссылки на него. Гораздо важнее другое – уже в середине XIX в. в историографии было высказано основательное мнение о создании СК в 1555–1563 гг. и авторстве Андрея-Афанасия. Таким образом, настоящий обзор не дает оснований согласиться с мнением П.Г. Васенко о том, что работа М.Я. Диева не оказала влияния на изучение СК. Все сказанное выше дает основания пополнить список исследователей, внесших заметный вклад в изучение СК, именем костромского собирателя древностей М.Я. Диева, мнение которого получило подкрепление в начале XX в.

Приложение

Словарная статья “Афанасий” из “Продолжения и дополнения исторического словаря о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви. Т. 1” М.Я. Диева. Орфография и пунктуация издаваемого текста соответствует правилам современного русского языка. Дополненный издателем текст дан в квадратных скобках, пояснения к тексту – под строкой. Комментарии помещены после публикации.

Афанасий, митрополит всея России, родом из Переславля Залесского. Л. 43 об. Сначала был священником при переславском соборе, потом протоиереем московского Благовещенского собора и духовником у государя Иоанна Васильевича IV. Вступив в иночество, два года был в московском Чудове монастыре. По кончине митрополита Макария 1564 года избран 24 февраля, а 5 марта посвящен в сан митрополита. 1566 года отошел на покой в Чудов монастырь, где и скончался около 1570 года. Некоторые думают, что до митрополитства Афанасий был архимандритом в московском Новоспасском монастыре, куда и после митрополитства будто бы сошел на покой¹. Но до избрания Афанасия в митрополиты в начале 1564 года у Спаса на Новом был архимандритом не Афанасий, а Галактион, упоминаемый в сем сани еще в 1561 году, и который из Новоспасского архимандрита посвящен в Ростов 8 апреля 1565 года, когда Афанасий был уже митрополитом. Почтенный изыскатель Иван Михайлович Снегирев в московском Чудове монастыре нашел экземпляр Степенной книги, писанный в XVI столетии. Там же по листам написано: “Книга Чудова монастыря, собрана смиренным Афанасием митрополитом всея России”. Из выражения “смиренный”, по-видимому, употребленного самим митрополитом Афанасием, заметно, что этот экземпляр Л. 44 об. подписан самим сочинителем. Сочинитель Степенной книги скрыл свое имя, но в ней виден сочинитель переяславец и духовник царский. Со всякой подробностью [в] част[и] II[-ой] стр. 218–233 описал происшествия и настоятелей переяславского Горитского монастыря, также переяславского Троицкого, построенного на убо-

³⁰ Данное предположение М.Я. Диева подтверждают результаты новейшего исследования древнейших списков памятника. См.: *Покровский Н.Н.* Томский список Степенной книги царского родословия и некоторые вопросы ранней текстологии памятника // *Общественное сознание и литература XVI–XX вв.* Новосибирск, 2001. С. 3–45.

¹ Подчеркнуто М.Я. Диевым.

гом месте, и жизнь Даниила, переславского чудотворца. [Автор Жития Даниила Переяславского] пользовался особенным расположением сего преподобного, ему предрекшего переселение из Переславля в Москву. В III[-ой] части на стр. 232² сочинитель о себе говорит: “Подвижесе царь сам ити на Казань, бысть же у царя пресвитер, иже некогда имея духовный совет к преподобному Даниилу Переславскому”. На странице же 157 о себе рассказывает, что когда царь, отправляясь под Казань, был во Владимирском Рождественском монастыре у мощей благоверного князя Александра Невского, “лучися бытии ту у гроба и мне грешнейшему”. Обе части Степенной составлены, заметно, одним автором, под руководством митрополита всея России Макария. Именно, в I[-ой] части на странице 76 сочинитель о себе говорит, что Степенную он составляет по благословению и повелению митрополита Макария. Во II[-ой] части на странице 97 автор молит Иону, нового чудотворца московского, “о правящем престол митрополии архиепископе всея России Макарии”; потом и о себе: “не презри и нас” – новое доказательство, что Макарий не сам составляет Степенную.

Л. 45

Во II[-ой] части заметны два приема к составлению Степенной: в первый прием она кончена шестнадцатой степенью, потом автор к ней присовокупил семнадцатую, с 235 по 298 страницу. На конце шестнадцатой степени вкратце описывает поход царя под Казань, там явление преподобного Даниила Переславского ему, духовнику царскому, потом распространение в Казани христианства и крещение двух царей казанских. Но эти факты со всей подробностью описал в степени 17. Впрочем, 16 степень, даже 15, составлены после 1555 года; ибо в 15 степени, на странице 93, упоминается о взятии Астраханского царства, и о принесении в Москву иконы Николая Великорецкого, а в 16 степени, стр. 234, о казанской архиепископии, событиях того 1555 года. В последней же 17 степени исторические сведения не простираются далее 1563 года. Следовательно, Степенная

Л. 45 об.

окончена совершенно, когда 1*Афанасий1* иночествовал в Чудовле монастыре, и незадолго до кончины митрополита Макария, ибо об одной ничего не упоминает. Достоин замечания, что о митрополите Афанасии во всей Степенной ни слова, а в заглавии 17 степени пояснено, что она помещает происшествия при двух митрополитах Иоасафе и Макарии. Хотя во II[-ой] части, в 14 степени одни и те же лица и происшествия описаны в двух местах, но Степенная, противу всех доселе изданных летописей и временники имеет преимущество называться историческим произведением. Все известные доселе наши летописи сходны между собой и почти слово в слово описывают исторические события. Например, Никоновская³ с Царственной⁴ и Древ[ним] Летописцем, изданным 1775 года в 2[-х] частях⁵, столь единогласны, что трудно разрешить, которая из них с которой списана; равно и в прочих летописях целые эпохи помещены слово в слово. Нежели где в которой летописи и временнике примечается разность, то малая и то в выражениях, замененных или собирателем, или переписчиком, но пересказ одинаков. Сочинитель же Степенной книги большую часть происшествий, заметно, 2*изразил2* сам от себя и избегал выписки. Впрочем, во многом, даже II в не столь необходимых местах удержал выражения прежних летописей, а и где слово в слово поместил несколько периодов вместе. Во второй части сходные места.

Л. 46

а) Сказание о Царьграде в Степенной с 50 по 69 страницу оканчивается словами: “Русский же родъ... седьмьмхолмого примут с преже законми его и в нем воцарятся”. Это в Никоновской летописи, том V⁶, с стр. 222 по 261. Но там далее идет Сказание о Царьграде, именно до 277 страницы, чего самого нет в Степенной книге. Еще в Степенной по этой же статье противу Никоновской летописи нет Сказания о царях Константина града православных и еретиках, помещенного с 227 по 231 страницу. Зато в Степенной помещены в этом Сказании на 50 странице краткое известие о начале Византии и с 54 по 56 страницу Изъявление о турецких царях – обоих этих статей нет в Никоновской летописи. Но и Степенная и Никоновская в самом надписании статьи Сказание о Царьграде добросовестно

1*-1* В ркп. первоначально читалось “Антоний”. Затем это слово было зачеркнуто и над строкой иным цветом чернил написано “Афанасий”. Как указал А.В. Сиренов, аналогичная правка содержится и в Титовском списке “Дополнений”.

2*-2* Так в ркп.

объявляют, что они это Сказание заняли у древнего писания. Нельзя думать, чтобы это Сказание о Царьграде занято из Степенной в Никоновскую или из оной в Степенную: Никоновская не любила ^{3*}израллжаться^{3*} своими словами, а в ней после Сказания о царях константиноградских целая страница написана против Степенной книги иначе, а заметно, что и Степенная и Никоновская сведения о Царьграде почерпали не из одного источника. Никоновская почти ровесница Степенной: в первой события оканчиваются 1577 годом, тоже и в росписи иерархов, помещенной на конце 1[-го] тома, где последними записаны митрополиты всея России Кирилл и Антоний, посвященный в митрополиты около 1572 года. Сведения о Царьграде гораздо прежде Степенной и Никоновской отрывками усматриваются в разных сборниках первой половины XVI века, особенно в сборнике Нифонта Кормилицына, принадлежащем графу Ф.А. Толстому, отд. II. № 254⁷.

в) С Русским Временником, по изданию 1820. [Ч.] II⁸. с 326 по 337 страницу об избавлении от крымского хана Магмед-Гирея, начинается со статьи под надписанием “Знамение в соборной церкви”. Только в статье “Великий князь поиде на Волох” в Русском Временнике прибавлено то, что государь ожидал войска и от Твери. Это доказывает, что Русский Временник Сказание о крымском хане занял не из Степенной.

с) С Русским же Временником [Ч.] II. с 365 по 380 страницу: Сказание вкратце о преподобном Данииле Переяславском, только во Временнике сокращено. Л. 47

д) С Царственной книгой царя Иоанна Васильевича с 273 по 276 страницу три статьи под заглавиями: О видении святых апостол; О видении святого Николая; О видении преподобного Даниила.

Будучи с царем в походе против Казани, оный описал Афанасий подробно, наполнив повесть о сем не столько военными, сколько религиозными подробностями, как то чудословиями о снах и предсказаниях, предшествующих взятию татарского царства. В покоренной Казани Афанасий освятил соборный храм Благовещения, но в Степенной об этом говорит скромно: “Вскоре церковь поставлена бысть и освящена”^{4*}.

ОР РГБ. Ф. 79. № 3. Л. 43 об. – 47. Список.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ И.М. Снегирев (см.: *Снегирев И.М.* Новоспасский монастырь. М., 1843. С. 91; данную работу И.М. Снегирев послал М.Я. Диеву для замечаний, см. письмо И.М. Снегирева от 6.05.1843 г. М.Я. Диеву, публ.: Письма [отца] Михаила Диева к И.М. Снегиреву... С. 60) вслед за иеромонахом Амвросием (см.: *Амвросий.* История российской иерархии, собранная новгородской семинарии префектом, философии учителем, соборным иеромонахом Амвросием. М., 1807. Ч. 1. С. 58) помещает Афанасия в число настоятелей Новоспасского монастыря. В своем письме И.М. Снегиреву от 23.05.1843 г. М.Я. Диев, приведя аргументы, изложенные в публикуемой статье, указал на ошибочность подобного взгляда и предложил во втором издании работы учесть это замечание. Во втором издании своей книги И.М. Снегирев учел его замечание и, приведя аргументы М.Я. Диева, высказал сомнения в возможности настоятельства Афанасия в Новоспасском монастыре. См.: *Снегирев И.М.* Новоспасский ставропигиальный монастырь в Москве. М., 1863. С. 71.

² В издании Г.Ф. Миллера, которым пользовался М.Я. Диев (см.: Книга Степенная царского родословия, содержащая историю российскую с начала оная до времен Государя Царя и Великого князя Иоанна Васильевича, сочиненная трудами преосвященных митрополитов Киприана и Макария, а напечатанная под смотрением коллежского советника, и Императорской Академии Наук, також и разных Иностранных Академий, и Вольного экономического и Российскаго Вольного же Собрания члена Герарда Фридерика Миллера. М., 1775. Ч. II) данная фраза читается на С. 233.

³ Русская летопись по Никонову списку. СПб., 1767–1792. Ч. 1–8.

⁴ Царственная книга, то есть летописец царствования царя Иоанна Васильевича, от 7042 году до 7061, напечатан с письменного, которой сыскан в Москве в Патриаршей библиотеке. СПб., 1769.

⁵ См.: Древняго летописца часть первая, содержащая в себе повесть происшествий, бывших в России при владении четырнадцати великих князей, сперва владимирских, потом московских, чрез сто двад-

^{3*-3*} Так в ркп.

^{4*} Как отметил А.В. Сиренов, в Титовском списке в конце статьи “Афанасий” приписано: “Афанасий дополнил Степенную, об этом г. Снегирев в Памятн[иках] московск[ой] стари[ны], 147”.

цать пять лет, начиная с 6762/1254 года до 6887/1379, то есть от времен княжения великого князя Александра Ярославича Невского до победы великим князем Дмитрием Ивановичем, прозванным потом Донским, одержанной над татарами у реки Вожи в Рязанской земле, в годе выше сего на последи упомянутом, изданная по высочайшему повелению преславным сего 1774 года июля 10 дня заключенным с турками миром возвелившимся, покровительницы и защитницы мус. СПб., 1774; Древняго летописца часть вторая, содержащая в себе повесть происшествий, бывших в России с 6887/1379 по 6932/1424 год, то есть последние лета княжения великого князя Дмитрия Ивановича Донского и владение великого князя Василья Дмитриевича. СПб., 1775.

⁶ Русская летопись по Никонову списку. СПб., 1789. Ч. 5.

⁷ Досугное М.Я. Диеву описание сборника см.: *Строев П.М., Калайдович К.Ф.* обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке тайного советника, сенатора, двора его императорского величества действительного камергера и кавалера графа Федора Андреевича Толстова. С палеографическими таблицами почерков с XI по XVIII век. М., 1825. С. 412–419. Современный шифр рукописи: РНБ. Q. XVII. 15. См.: *Уо Д.* Славянские рукописи собрания Ф.А. Толстого (материалы и истории собрания и указатели старых и нового шифров). Л., 1980. С. 27.

⁸ Софийский временник, или Русская летопись с 862 по 1534 год / изд. П.М. Строева. М., 1820–1821. Ч. I–II.

**Н.Г. УСТРЯЛОВ КАК ПУБЛИКАТОР ИСТОЧНИКОВ
ПО ИСТОРИИ РОССИИ XVI–XVIII ВЕКОВ***

При всем разнообразии восприятий и интерпретаций новой истории Петра Великого, о которых шла речь в предыдущей статье, современники в большей или меньшей степени сходились в оценке ее источниковой, архивно-документальной основы. Произведение высококлассного ремесленника, историка-собиранья, публикатора, издателя, стоящего много выше уровня историка-писателя, сочинителя и художника, – таковым было преобладающее мнение критики.

Впрочем, что бы ни толковали о “Петре”, Устрялов оставался лучшим знатоком эпохи преобразований, ее событий, людей, источников. Готовый признать главным, возможно единственным достоинством своего “слабого труда” одни лишь документы и сведения, извлеченные из недоступных никому другому государственных архивов, он ожидал все же чего-то большего; воспроизведенный им стереотип авторского самоумаления, литературный анахронизм¹, скорее скрывал, чем выражал его самооценку.

Совсем иного рода рефлексия просматривается в рассуждениях Устрялова по поводу “святой обязанности”, “святого долга” историка. Ключевым понятием, моральным императивом здесь выступает “истина”. В стремлении “к точному и правдивому изображению” Петра, к тому, чтобы любое высказывание о нем являлось “строгой истиною”, Устрялов впрямую, со знанием дела брал за образец самого Преобразователя². Как нельзя более подходя для хрестоматийной иллюстрации “истории ножниц и клея”, основа, сверхзадача заявленной Устряловым программы исторического построения содержала в себе знаково чистое “положительное”, позитивистское начало: “Я старался изобразить Петра, – писал Устрялов, – в таком виде, как он был на самом деле, не скрывая его слабостей, не приписывая ему небывалых достоинств [...] и притом так, чтобы ни одного слова не было сказано наугад, чтобы каждое

* Окончание. Начало см.: АЕ за 1999 год. М., 2000. С. 113–125; АЕ за 2000 год. М., 2001. С. 179–194; АЕ за 2001 год. М., 2002. С. 159–180; АЕ за 2002 год. М., 2004. С. 103–116.

¹ См.: Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 1. [С. II]. (Далее: ИЦПВ.) Ср. выражение “недостойный труд последнего раба” в подзаголовке сочинения П.Н. Крѣкшина о Петре I и далее в посвящении: “Аз раб того благочестивого императора [...] по долгу рабства и любви должен блаженные дела его прославлять, а не образом истории писать дерзаю. Не буде то в дерзновение моему худоумию, яко недостойн отрешити и ремень сапога его [...]” (Записки новгородского дворянина Петра Никифоровича Крѣкшина // Записки русских людей: события времен Петра Великого / [публ., предисл., примеч., указ. И.П. Сахарова]. СПб., 1841. Не нум. с.).

² “Он, неумолимо строгий к себе и другим в деле истины, служил мне руководителем” (Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 1. С. LXXVIII). См. на это саркастический комментарий Б.И. Сыромятникова: *Сыромятников Б.И.* “Регулярное” государство Петра Первого и его идеология. М.; Л., 1943. Ч. 1. С. 192. Примеч. 409. Еще в середине 1840-х годов, разбираясь в петровской редакции “Истории Свейской войны”, Устрялов пришел к убеждению, что “самая строгая истина руководила пером нашего венценосного историка” (Устрялов Н.Г. Об исторических трудах Петра Великого // Годичный акт в Имп. С.-Петербур. ун-те... СПб., 1845. С. 56. См. также: С. 42–43, 49–50). Говоря об исторической истине как таковой, он имел в виду “истину, возможную для человека” (Там же. С. 41).

из них подтверждалось свидетельством неоспоримым, по крайней мере вероятным”³.

Методология Устрялова определялась единственно элементарными постулатами исторической критики: выяснить и затем рассказать, как все происходило в действительности. Именно к этому всецело и сводился весь пафос декларации о необходимых условиях получения положительного знания и введения его затем в историческое повествование: “Самое тщательное изучение фактов при помощи архивов, разборчивая проверка современных сказаний, нелицеприятное беспристрастие, добросовестное изложение всех подробностей исторических, какие только встречались мне не в выдумках компиляторов, а в материалах достоверных, вот мои правила непреложные! Могут найти в моем сочинении недосмотры, неосновательные выводы, недостатки искусства, плана, слога, все что угодно: но в безотчетной доверчивости к современным сказаниям, не исключая самого Петра, тем менее, в умышленном искажении истины каким бы то ни было образом не упрекнет меня никто”⁴.

Симптоматично само по себе появление в словаре историка концепта “факт”, “факт исторический”, которого Н.М. Карамзин не знал или избегал; в то же время система “изложения фактов” в ИЦПВ (хронологическая последовательность, опора на документы, проверка ими известий современников, указания на погрешности (“догадки и выдумки”) позднейших авторов) близка к карамзинскому “бытописанию”.

Требование важнейшей из базовых установок ИЦПВ покончить с баснословием о Петре означало принципиальный отказ от всякого рода известий, источники которых “более чем сомнительны”. Устрялов обещал по-шлёщеровски “безжалостно” разрушать всевозможные читательские “верования” и мифы, перепроверив “все, что было об нем [Петре. – А.Б.] написано, подлинными документами”⁵.

Рассматривая наиболее значимые сюжеты истории изучения жизни Петра Великого в XVIII – первой половине XIX вв.⁶, Устрялов отделил авторов, опиравшихся на архивные документы, от компиляторов⁷, тем самым дав первый (и последний) в нашей историографии опыт классификации литературы в соответствии с критерием непосредственного отношения, доступа сочинителей к “главным историческим материалам”, – подлинникам. Однако показать кардинальное отличие между двумя линиями бытописательства ему не удалось; чрезмерно увлекаемый духом критицизма, и в той и в другой он видел только “бесчисленные ошибки, выдумки, пропуски, исключения, непол-

³ Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 1. С. LXXVII–LXXVIII. Ср.: “Я старался, насколько позволяли источники, восстанавливать жизнь Петра [...] изображать ее так, как она протекала в действительности [...]” (*Богословский М.М. Петр I: Материалы для биографии*. М., 1940. Т. 1. С. 10).

⁴ Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 1. С. LXXVIII. Как раз именно в этом через полтора столетия он и будет изобличен. См.: *Бушкович П. Историк и власть: дело царевича Алексея (1716–1718) и Н.Г. Устрялов (1845–1859) // Американская русистика. Вехи историографии последних лет: императорский период: антология / сост. М. Дэвис-Фокс. Самара, 2000. С. 80–120; Бачинин А.Н. Был ли Устрялов фальсификатором истории Петра Великого? // Образ науки в университетском образовании: материалы XVII науч. конф. РГГУ / отв. ред. В.А. Муравьев. М., 2005. С. 73–77.*

⁵ Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 1. С. LXXVI–LXXVII.

⁶ Подробный разбор мнений современников и потомков о Петре Устрялов обещал дать в последнем томе ИЦПВ. См.: Там же. Т. 3. С. 400. Примеч. 6.

⁷ К первым Устрялов отнес Ф. Прокоповича, Г. Гюйссена, А.В. Макарова, Петра I, П.П. Шафирова, Вольтера, П.Н. Крёкшина, И.И. Голикова, Я. Схелтему, ко вторым – иноземных авторов (Рабенера (Рабенера), Ж. Руссе де Мисси, А. Катифоро, Д. Моттли, Мовильона, Д. Феодози, Г.А. фон Галема, Ф.-П. Сегора, Б. Бергмана) и Н.А. Полевого. В “жалких” сочинениях компиляторов, не отличавших “вымыслов от фактов исторических”, Устрялов не нашел ничего, заслуживающего серьезного внимания. См.: Там же. Т. 1. С. XLVII–XLVIII, XLIX–L.

ноты, излишние прикрасы, преувеличения, неверные взгляды, ложные умствования” и пр. “Трудолюбивый, но бездарный и безграмотный” П.Н. Крёкшин принес более вреда, чем пользы⁸. Устрялов выставляет этого “новгородского баснописца” (В.Н. Татищев) в самом неприглядном виде⁹ и будет неустанно преследовать его на протяжении всей своей “Истории”. Оценку И.И. Голикова Устрялов снизил до значения неразборчивого публикатора-любителя, ибо у него “редкий документ напечатан без ошибок более или менее грубых [...]”¹⁰ Главный агиограф Петра и археограф его правления удостоился лишь снисходительного одобрения за обнародование рассказов о царе и документов из частных архивов (впрочем, “без всякого разбора”), спасением их от забвения и гибели. Такое пренебрежительное отношение к труду своего непосредственного предшественника вытекало из общего взгляда Устрялова на характер разработки отечественной истории и археографии в XVIII в. как периода совершенной архаики и примитива¹¹. Между тем “Деяния Петра Великого...” служили Устрялову такой же настольной книгой, какой была “История” кн. М.М. Щербатова для Н.М. Карамзина.

Исключение представлял единственный автор. Архивные разыскания привели Устрялова к открытию: “Гистория Свейской войны” – “труд самого Петра”, Петр был “историком своего царствования”, историком гениальным¹². Выразительными цитатами Устрялов охарактеризовал понятия об истории, форму и суть работы монарха, определил время самого замысла ее и количество редакций¹³. После этого, разумеется, он обязан был упрекнуть в

⁸ Комментарии к сведениям, приведенным Устряловым о рукописях Крёкшина (Там же. С. XLII. Сн. 25), см.: Шмурло Е.Ф. Петр Великий в оценке современников и потомства // ЖМНП. 1911. № 12. С. 244–248. Примеч. 26; С. 252–255. Примеч. г) и д). “Восстановить с желаемой точностью, что именно было сделано Крёкшиным по истории Петра Великого, – резюмировал Шмурло, – представляется довольно затруднительным” (Там же. С. 244. Примеч. 26). Сахаровская публикация записок Крёкшина (см. примеч. 1), по замечанию Устрялова, “с исключением многих мест”, необходимых для “правильного воззрения на автора”, соответствует первой и второй частям первого тома “Краткого описания...”

⁹ “Невежество [...] суеверие, вымыслы, встречаются на каждой странице: он *слагал* предсказания, выдумывал речи, изобретал факты. Трудно вообразить, чтобы можно было так бессовестно обманывать современников и потомство, как обманывал Крёкшин, с клятвою уверяя людей простодушных, например, Голикова, что все рассказываемое им – сушая правда, вопреки свидетельствам неоспоримым. Все его сочинение есть не что иное, как цепь выдумок, перемешанных с немногими сказаниями историческими” (*Устрялов Н.Г.* ИЦПВ. Т. 1. С. XLIII). Любопытно в этой связи одно рассуждение М.М. Богословского (о начале обучения Петра грамоте, по-Крёкшину – 12 марта 1677 г.): “Крёкшин, конечно, писатель недостоверный; его рассказ полон небылиц и выдумок. Но как можно выдумывать и сочинять такую точную дату [...]? Именно ее определенность и точность сообщают ей характер вероятности” (*Богословский М.М.* Указ. соч. Т. 1. С. 34).

¹⁰ *Устрялов Н.Г.* ИЦПВ. Т. 1. С. XLVI–XLVII. Называя И.И. Голикова последним историком Петра, имевшим доступ в государственные архивы, Устрялов не упомянул об архивных занятиях А.С. Пушкина, зная о них наверняка. Перепечатанным К.А. Полевым (“с немаловажными исключениями”) “Деяния Петра Великого” и “Дополнения к Деяниям Петра Великого” Устрялов предпечел первые их издания.

¹¹ См.: *Устрялов Н.Г.* О системе прагматической русской истории // *Устрялов Н.Г.* Русская история. СПб., 1855. Ч. 2. С. 411–412.

¹² С.Л. Пештич слегка искажил эту фразу, когда писал, что Устрялов “объявил Петра автором” “Гистории”. Сам Пештич назвал Петра «главным или ответственным редактором и одним из основных авторов “Гистории”» (*Пештич С.Л.* Русская историография XVIII в. Л., 1961. Ч. 1. С. 173). Ср.: *Майкова Т.С.* История создания “Гистории Свейской войны” // *Гистория Свейской войны* (подневная записка Петра Великого) / сост. Т.С. Майкова; под общ. ред. А.А. Преображенского. М., 2004. Вып. 1. С. 25.

¹³ “И в области истории, – писал Устрялов, – Петр возвысился над современными понятиями о предмете и содержании ее [...] Гений его пробудил в нем историческую идею [...] незнакому его веку, доступную и понятную только нашему времени” (*Устрялов Н.Г.* Об исторических трудах Петра Великого. С. 49–50). О бесосновательном пересмотре С.Л. Пештичем устряловской оценки труда Г. Гюйсена (*Пештич С.Л.* Указ. соч. С. 127–138) см.: *Майкова Т.С.* История создания “Гистории Свейской войны”. С. 23, 31).

чудовищной небрежности Щербатова, издавшего “Гисторию” под таким названием, из-за которого она осталась в свое время незамеченной¹⁴.

Общий итог развития петровской историографии к середине XIX в. Устрялов определил состоянием “какого-то хаоса, где ум любознательный, жаждущий истины, теряется в сомнениях, догадках, противоречиях”¹⁵. Наличную историографическую ситуацию Устрялов напрямую связывал с состоянием разработки источников, аннотированному обозрению которых отводилась большая часть Введения. Никакой, однако, новости в теоретическом отношении это обозрение не содержало. Отсутствовала и хотя бы внятно артикулированная типология, если не считать за таковую двучастное по “роду” деление источников (в колонтитуле и оглавлении – “материалы”) на печатные и рукописные. Из разных мест текста можно понять, что “роды” состояли из “разрядов” (“сказания”, акты) и “отделений” (акты дипломатические, дела следственные, переписка и т.д.)

Основной упор был сделан на источниковедческой оценке опубликованных сочинений – сначала отечественных (С.А. Медведев, А.А. Матвеев, И.А. Желябужский, И.И. Неплюев, Ф.И. Соймонов, А.К. Нартов, Я.Я. Штелин, И. Кирилов, И.Т. Посошков), затем иноземных авторов (Э. Кемпфер, Г.А. Шлейзинг, Ф. Де ла Нёвиль, И.Г. Корб, Д. Перри, А. Гордон, Г. Брюс, Х.В. Вебер, Г.Ф. Бассевич, Ф.В. Берхгольц, Ф.И. фон Страленберг)¹⁶. Государственные акты, дающие “обильные средства к пояснению и внутреннего устройства России, и самых событий”¹⁷ бегло упоминались в ряду главных исторических источников с отсылкой на “Полное собрание законов Российской империи”. Относительно надежности рассеянной по разным изданиям корреспонденции Петра¹⁸ Устрялов держался невысокого мнения, указав принадлежность текстологически наиболее качественных публикаций Миллеру¹⁹

¹⁴ Журнал, или Поденная записка... Петра Великого... Напечатан с обретающихся в кабинетском архиве списков, правленных собственною рукою е.и. величества: в 2 ч. СПб., 1770–1772. (Далее: ЖПЗ.) Т.С. Майкова объяснила данное М.М. Щербатовым заглавие книги не небрежностью князя, а тем обстоятельством, что именно под таким, только более пространным названием, по указанию Петра “написать... просто запискою, а не прямо Гисторию”, собирався печатать книгу А.В. Макаров. См.: Майкова Т.С. Археографические принципы издания “Гистории Свейской войны” // Гистория Свейской войны. С. 46. Нарекания Устрялова вызвало полное отсутствие в издании ЖПЗ должного археографического подхода, соответствующего ценности данного памятника: Щербатов не дал никаких пояснений относительно того, “в чем состояли эти исправления, кто занимался собранием материалов, откуда они заимствованы и в какой степени заслуживают доверия” (Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 1. С. XXXIV–XXXVI).

¹⁵ Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 1. С. LXXVI–LXXVII.

¹⁶ Там же. С. LI–LXXV. Устрялов обладал несомненным мастерством в умении давать лаконичные, меткие и запоминающиеся характеристики личности авторов и их сочинений.

¹⁷ Там же. С. LXXV.

¹⁸ Письма Петра Великого, писанные к ген.-фельдмаршалу... гр. Борису Петровичу Шереметеву, по большей части собственною государевою рукою, а иные с подлинников, хранящихся в Имп. Кабинетской архиве, списанные, сколько оных нашлось у ...гр. Петра Борисовича Шереметева... М., 1774. Письма к государю императору Петру Великому от ген.-фельдмаршала... гр. Б.П. Шереметева. М., 1778–1779: в 4 ч.; Собрание писем императора Петра I к разным лицам с ответами на оные / изд. В.Н. Берх. СПб., 1829–1830: в 4 ч.

¹⁹ Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 1. С. LXXV. В изданной переписке Б.П. Шереметева с Петром Миллер исключил несколько писем, “важных по содержанию, но не очень лестных” для Шереметева, другие по той же причине напечатал с купюрами. Сверив изданные тем же Миллером письма Петра к Шереметеву с подлинниками из канцелярии Военного министерства, Устрялов нашел, что они напечатаны “вообще исправно” (Там же. Т. 4, ч. 1. С. 108–109. Сн. 2). Издания И.И. Голикова и В.Н. Берха “наполнены всякого рода погрешностями”, множеством “ошибок, пропусков и исключений”. Письма Петра из второго Азовского похода Голиков отнес к первому, и наоборот, и др. (Там же. Т. 1. С. LXXVI. Сн. 90; С. LXXX. Сн. 92). В письме Апраксина к царю от 5 апреля 1703 г. Берх опустил начало и конец (Там же. Т. 4, ч. 2. С. 273–274. № 184. Сн. 482); другое письмо Апрак-

и необходимость осмотрительности в работе с подготовленными частными лицами документальными публикациями. Из числа наиболее скудно представленных в печати видов источников Устрялов выделил дипломатические акты²⁰ и следственные дела. Изданные источники во всей своей совокупности, заключал автор ИЦПВ, “далеко не проясняют идеи царствования Петрова”²¹.

В обзорные группы “источников рукописных” Устрялов включил архивные комплексы и отдельные рукописи: документы Кабинета Петра Великого (ГАМИД)²², дипломатические дела МГАМИД (протоколы конференций с иноземными послами в России; наказания, инструкции, повеления правительства нашим послам, министрам и резидентам при разных дворах; донесения и статьи списки; государственные грамоты, трактаты и конвенции, декларации и т.д.; дела шведские, австрийские, турецкие, английские, польские, голландские, французские, венецианские)²³; розыски по делу Ф.Л. Шакловитого 1689–1692 гг.²⁴, о стрелецком бунте 1698 г. (ГАМИД) и царевича Алексея Петровича (секретное отделение ГАМИД: делопроизводство Верховного суда с допросными пунктами рукой Петра; показания всех привлеченных к делу лиц; докладные выписки с пометами Петра; министерские и сенатские приговоры²⁵); рукопись генерал-лейтенанта Л.-Н. Аларта “История Северной войны”

сина к Петру от 11 августа (а не 21-го) напечатал без окончания, и др. (Там же. С. 286–287. № 209. Сн. 514–515). Публикаторы “Писем и бумаг Петра Великого” (ПБПВ) датировали это письмо более осторожно (отправлено “в половине августа”) (ПБПВ. Т. 2. С. 650–651. Примеч. к № 578). В свою очередь В.Н. Берх в “Предупреждении” (1727 г.) к сборнику переписки Петра отмечал низкое качество публикаций петровского эпистолярного XVIII в. (Туманский, Голиков и др.), бессистемных, переполненных грубыми ошибками и искажениями. См.: *Берх В.Н.* Указ. соч. С. II. Переписка Ф.А. Головина с Б.П. Шереметевым также издана с “немаловажными ошибками” атрибуции и неверной пунктуацией. См.: Переписка фельдмаршала Ф.А. Головина и Б.П. Шереметева в 1705 и 1707 гг. / изд. Н. Головин. М., 1851; *Устрялов Н.Г.* ИЦПВ. Т. 4, ч. 1. С. 494. Сн. 25.

²⁰ Отметим единичный случай использования зарубежного издания архивных документов – выборочную перепечатку полдюжины десятка депеш из Москвы за 1700, 1701, 1705 и 1706 гг.: голландского резидента Х. ван дер Гульста и депешу Я. де Би 1718 г. по сборнику дипломатической переписки, опубликованному в Гааге. См.: *Устрялов Н.Г.* ИЦПВ. Т. 4, ч. 2. Прил. VII. С. 662–672 (на фр. языке); Т. 6. С. 549–567. № 190. Сн. 275 (без ссылки на источник публикации). См. также перепечатку письма графа К. Вреде от 24 ноября 1700 г. по шведской публикации (Dela Gardiska archiv. Lund, 1840). См.: Там же. Т. 4, ч. 2. С. 178–182. № 50. Шесть документов женевского архива Ф.Я. Лефорты (1690-х годов) скорее всего перепечатаны им из книги М. де Басвилля “*Precis historique sur la vie et les exploits de Francois Le Fort / Par M. De Bassville*” (A Geneva, 1784). См.: *Устрялов Н.Г.* ИЦПВ. Т. 2. Прил. IV. С. 441–447; 319–320. Примеч. 1.

²¹ *Устрялов Н.Г.* ИЦПВ. Т. 1. С. L–LI. Напомним, одушевлявшей Петра идеей Устрялов считал преобразование “полуазиатской России в государство, цветущее промыслами, науками, с необходимым политическим весом в Европе [...] вот истина, которая ярко светится на всех памятниках его времени!” (Там же. С. XXX).

²² 67 книг in folio 1-го отделения (материалы для истории Петра, собранные при его жизни и собственноручные черновые бумаги царя, из которых были известны по публикациям И.И. Голикова только рескрипты кн. Ф.Ю. Ромодановскому и А.Ю. Кривету) и 76 книг 2-го отделения (входящая корреспонденция на имя Петра “от Меншикова и Шереметева до последнего истопника”).

²³ Кроме дипломатических документов упомянуты также письма к Петру герцога К.-Е. фон Кроа, военно-судное дело фельдмаршала-лейтенанта Гольца и др., собрание подлинных рескриптов и писем Петра (14 книг in folio), напечатанных в большинстве своем Голиковым. Краткий обзор архива Р. фон Паткуля см.: Там же. Т. 4, ч. 1. С. 155. Сн. 2; С. 154–155.

²⁴ Свитки “дела” Шакловитого были изъяты их архива Оружейной палаты и переданы в Археографическую комиссию по высочайшему повелению в 1843 г. См.: *Бухерт В.Г.* Д.Н. Блудов и археографические проекты 40-50-х годов XIX в. // АЕ за 1993 год. М., 1995. С. 129. В Приложениях напечатаны несколько разрозненных актов из “дела” Шакловитого, относящиеся преимущественно к В.В. Голицыну. См.: *Устрялов Н.Г.* ИЦПВ. Т. 1. Прил. VII; Т. 2. Прил. V–VIII. Описание свитков см.: *Устрялов Н.Г.* ИЦПВ. Т. 2. С. 338–341. Примеч. 14.

²⁵ Кроме того, письма кн. А.Д. Меншикова и кронпринцессы Шарлотты (2-е отделение Кабинета), донесения П.А. Толстого и А. Румянцева (ГАМИД), документы Венского тайного государственного архива (ВТГА).

на немецком языке (ГАМИД, Кабинетский архив)²⁶, донесения О.-А. Плейера (ВТГА); дневник генерал-поручика П. Гордона (Военное министерство)²⁷. Целый ряд документальных публикаций и рукописей (Библиотека Академии наук, Меншиковского архива и др., в том числе им опубликованные), с которыми работал Устрялов, в обзор по каким-то причинам не вошли²⁸.

Напечатав множество документов и материалов из фондов МГАМИД (особое собрание рескриптов Петра, дела дипломатические и приказные, дрезденский архив Р. фон Паткуля и др.), Устрялов оставил без разъяснения, каким образом они попадали в его распоряжение²⁹. Ни воспоминания историка, ни переписка М.А. Оболенского и П.И. Иванова не содержат на этот счет никаких данных³⁰. Можно предположить, что документы копировались московскими архивистами по неофициальным просьбам Устрялова, косвенным подтверждением чему служат, с одной стороны, письмо последнего к И.Д. Беляеву, с другой, – напечатанные в Приложениях переписка кн. В.В. Голицына и сведенная в таблицы “Ведомость” о бывших в Крымском походе (1689 г.) войсках (из книг Московского стола архива старых дел)³¹.

Хотя архивные разыскания Устрялова в Петербурге были сосредоточены в Государственном архиве Министерства иностранных дел³², им одним

²⁶ Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 1. С. XXXV–XXXVI и сн. 91. Часть рукописи в переводе напечатана в начале 1820-х годов Ф.В. Булгарин. См. об этом: *Галларт Л.Н.* Подробное описание осады города Нарвы и сражения под сим городом в 1700 году... // Сев. архив. 1822, № 1. С. 3–28; № 2. С. 117–143. (По наблюдению Устрялова “все почти имена изуродованы”, “целые фразы искажены”.) Устрялов не без основания заметил, что “целые страницы” Аларта целиком вошли в ЖПЗ. Последним о рукописи Аларта писал С.Л. Пештич, заметив, что оно остается также мало известным, как и во времена Устрялова. См.: *Пештич С.Л.* Указ. соч. С. 151. Сн. 91.

²⁷ Впервые записки П. Гордона 1684–1685 гг. в переводе с английского подлинника и под собственным наблюдением напечатал Ф.О. Туманский в “Российском магазине” в 1793–1794 гг. Немецкий перевод см.: *Tagebuch des Generalen Patrick Gordon, während seiner Kriegsdienste unter den Schweden und Polen vom Jahre 1655 bis 1661, und seines Aufenthaltes in Russland vom Jahre 1661 bis 1699 / zu ersten Male vollst. veröff. durch Fürst M.A. Obolenski u. Dr. Phil. M.C. Posselt.* [Moscau], 1849–1852. Bd. 1–3. См.: *Устрялов Н.Г.* Разбор соч. Посселята... *Tagebuch des Generals Patrick Gordon...* М., 1849–1852 // 22-е присуждение учрежденных... П.Н. Демидовым наград. СПб., 1853. С. 61–66. См. также современное издание: *Гордон П.* Дневник. 1635–1659 / пер. с англ., послесл. Д.Г. Федосов, М.Р. Рыженков. М., 2000; *Он же.* Дневник. 1659–1667. М., 2002.

²⁸ См., например: *Устрялов Н.Г.* ИЦПВ. Т. 1. С. 139. Сн. 2; С. 270–271. Примеч. 38; Т. 2. Прил. IX, XIII, XIV и др. (Рукописи Библиотеки Академии наук, петровские “Журналы”, донесения И. Гвариянта и протоколы конференций министров (ВТГА). В примечаниях к некоторым главам давался краткий аннотированный перечень использованных источников.

²⁹ Напомним, что целенаправленными и систематическими архивными исследованиями Устрялов занимался исключительно в Петербурге, лишь раз на короткое время посетив Москву. См.: *Бачинин А.Н.* Н.Г. Устрялов как публикатор источников по истории России XVI–XVIII веков // АЕ за 2002 год. М., 2004. С. 108–109. См. также: *Устрялов Н.Г.* ИЦПВ. Т. 6. С. VI–VII.

³⁰ В 1847 г. для Устрялова по документам МГАМИД была составлена выписка о Лефорте; в 1852 г. Устрялов просил выслать копии с “подлинных рескриптов и писем Петра Великого”; в 1861 г. – “план русского лагеря под Нарвою и взятия его 25 ноября 1700 года, с описанием на шведском языке”. (См.: *Бухерт В.Г., Шохин Л.И.* Обзор переписки М.А. Оболенского с историком Я.И. Берендиновым, Н.Г. Устряловым и А. Хыждеу // АЕ за 1999 год. М., 2000. С. 284.)

³¹ См.: *Шохин Л.И.* Московский архив Министерства юстиции и русская историческая наука. М., 1999. С. 65 (письмо Н.Г. Устрялова И.Д. Беляеву от 1 ноября 1847 г.); *Устрялов Н.Г.* ИЦПВ. Т. 1. Прил. IX. С. 356–382; Прил. XI. С. 385–389; 218. Сн. 7. См. также краткие извлечения без легенд из разборных книг архива старых дел, книг Московского стола Разрядного архива (Там же. С. 294–297. Примеч. 71–74, 78, 82, 83 и др.; Т. 2. С. 375–376. Примеч. 61; С. 377–381. Примеч. 63), Оружейной палаты. Возможно, благодаря особому статусу и с санкции начальства, Устрялов со временем получил возможность делать запросы в МГАМИД на подлинники (оригиналы), однако никаких следов официальной переписки по этому поводу также не сохранилось.

³² См.: РГАДА. Ф. 31 (Текущие дела Госархива). Оп. 1. Д. 94. Л. 12–13 об., 15, 16, 18–24 об. Последние записи о выдаче Устрялову дел (для дополнительных выписок из протокола допросов царевича Алексея 26 июня 1718 г.) относятся к середине февраля 1859 г. Заметим, что среди впервые опубликованных документов ГАМИД не все были выявлены Устряловым. О находке 40 писем адмирала

дело не ограничивалось. Помимо ГАМИД Устрялов обследовал Библиотеки Академии наук, Военно-топографического и Гидрографического депо, канцелярии Военного и Морского министерств, Адмиралтейства, архив Правительствующего Сената, собрание Археографической комиссии. Несколько рукописей Устрялову предоставили М.А. Оболенский (список “Созерцания краткого” С.А. Медведева), М.П. Погодин (два списка “Истории...” С. Романова – собственный и из библиотеки И.Н. Царского, сборник № 474), воронежские краеведы Н.И. Второв и К. Александров-Дольник (повидимому, копии розыскных дел из местного архива), полковник Генштаба А.А. Искрицкий (из фамильного архива), неназванные владельцы “собрания подлинных документов” и частного архива³³. В Венском тайном государственном архиве (далее – ВТГА) Устрялов делал лишь “выписки” из депеш О.-А. Плейера, а сами их копии “числом до 180”, наряду с копиями донесений И. фон Гварриента, документов графа Шёнборна, других высших имперских чинов, церемониального протокола пребывания Петра в Вене в 1698 г. и пр., снимали чиновники архива³⁴. Остается непонятной глухая ссылка Устрялова на безрезультатные архивные поиски в Париже, которые он, похоже, и не предпринимал³⁵.

Отбирая ту или иную архивную рукопись для публикации, Устрялов не давал специальных пояснений относительно основания собственных действий³⁶ или хотя бы ее общей мотивировки; каждая из таких рукописей представлялись ему “драгоценностью”, “сокровищем неопценимым”. Об этом при-

Ф.Я. Лефорта 1696–1698 гг. “господину капитану и командёру” ему сообщили сотрудники архива. Устрялов занимался только их описанием и сверкой списков с подлинниками. См.: ОР РНБ. Ф. 568 (П.П. Пекарский), № 530. Письмо Н.Г. Устрялова П.П. Пекарскому от 3 июля 1863 г.; *Устрялов Н.Г.* Воспоминания о моей жизни // Древняя и новая Россия. 1880. № 8. (Далее: Воспоминания.) С. 681.

³³ См.: *Устрялов Н.Г.* ИЦПВ. Т. 1. С. 271–272. Примеч. 39; С. 281–282. Примеч. 56; Т. 2. С. 369. Примеч. 48; Т. 4, ч. 2. Прил. II. С. 188–191. № 63; С. 202–204. № 88; С. 228–229. № 113; Т. 6. С. 514. № 175, 176. Сн. 247–248; *Устрялов Н.Г.* Воспоминания. С. 660. В 1863 г. Устрялов обращался к адмиралу А.С. Меншикову, правнуку светлейшего князя, за возможными разъяснениями относительно “темных преданий о роде его и первоначальном возвышении”, но безуспешно. Семейный архив князя сгорел полвека назад в московском пожаре 1812 г. См.: *Устрялов Н.Г.* ИЦПВ. Т. 4, ч. 1. С. 218. Два документа, извлеченных в МГАМИД академиком И.Х. Гамелем, М.Г. Устрялов перепечатал из “Хроники российской армии” полковника А.В. Висковатого. См.: Там же. Т. 2. Прил. XVII. С. 560. Сн. 176, 177.

³⁴ Устрялов сообщает, что лично снял не более 50 копий; все остальные на 760 листах in folio были выполнены архивными служащими “за ничтожную плату” (*Устрялов Н.Г.* ИЦПВ. Т. 1. С. LXXXIII–LXXXIV; *Устрялов Н.Г.* Воспоминания. С. 634).

³⁵ Устрялов провел в Париже всего две недели исключительно в качестве туриста, находя затем утешение в подробных “выписках”, сделанных ранее в Парижском архиве А.И. Тургеневым. См.: *Устрялов Н.Г.* Воспоминания. С. 633; *Он же.* ИЦПВ. Т. 1. С. XXXIII. См. также: Б.Ф. Обзорные известия о России в век Петра Великого, извлеченных... А.И. Тургеневым из разных актов и донесений французских посланников и агентов при Русском дворе // ЖМНП. 1843. № 1. С. 1–29; № 3. С. 145–183; 1844. № 2. С. 85–129. Это тем более странно, что Тургенев обнаружил в Парижском архиве целых 19 книг in folio дипломатической корреспонденции из России, а редакция ЖМНП поместила только краткие “извлечения из выписок”. “Почтенный собиратель при обилии сих источников, – разъяснял публикатор, – не мог выписывать их вполне, ограничиваясь тем, что казалось ему важнее при первом взгляде; он обозначал донесения, которые представлялись особенно достопримечательными и вносил в свои заметки только главное содержание замечательных актов” (Б.Ф. Указ. соч. 1843. № 1. С. 3, 7). С.В. Ефимов заблуждается, когда пишет о многолетней работе Устрялова в архивах Франции и Нидерландов. См.: *Ефимов С.В.* Политический процесс по делу царевича Алексея: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997. С. 4. Еще М.И. Семевский не мог понять, был ли Устрялов “в Голландии, что вывез из Франции, почему миновал Англию?” (*Семевский М.И.* Царевич Алексей Петрович... // Русское слово. 1860. № 1. С. 15).

³⁶ Первый опыт создания таких правил появился лишь спустя сто лет. См.: *Майкова Т.С.* Проект инструкции для подготовки к изданию “Писем и бумаг Петра Великого” // Проблемы источниковедения. М., 1961. Т. 9. С. 439–463. См. также: ПБПВ. СПб., 1887. Т. 1. С. III–IV, XIV–XV.

ходится судить на основании изучения состава самих публикаций, отчасти по краткой в некоторых подстрочных примечаниях информации³⁷. Публикации подлежало все, написанное Петром или от его имени, документы, в составлении (редактировании) которых он принимал участие, в первую очередь его неизданная переписка по подлинникам или современным спискам; письма (донесения) Петру и переписка его сотрудников (напечатанные кем-либо прежде документы, как правило, опускались, за исключением тех, в которых имелись разного рода погрешности в передаче текста, датировке и пр.); актовый материал военно-служебного и дипломатического характера, документы истории “несчастной распри” царевича Алексея с отцом, донесения иностранных резидентов. В пределах определенной группировки выбор и способ воспроизведения каждого отдельно взятого документа обуславливается личным рассмотрением археографа.

Как уже говорилось, репутацией кабинетного историка-архивиста, эрудита-фактографа, собирателя и публикатора документов эпохи Петра Великого Устрялов всего более обязан “Приложениям” – подборке источников для биографии Петра, истории его правления и времени. Концепция и нарратив ИЦПВ вообще плохо воспринимались, для критики конца 1850-х годов они принадлежали уже к минувшему времени.

Объем и значение “Приложений” с каждым новым томом “Истории” существенно возрастали. В первом томе они заняли около трети, во втором – уже более половины, в третьем – три пятых, вновь более половины в шестом томе, наконец, в четвертом томе им отведена отдельная книга; в общей сложности на четыре тома приходится более 1500 страниц документов. Пятый том готовился к изданию также в двух частях. Соотношение объемов текста сочинения и документальных приложений, из которых сохранилось, согласно нумерации, только первое, часть второго и шестое (последнее), составляет 1 : 2³⁸. Обратная тенденция наблюдается в отношении затекстовых “Примечаний”: 96 – в первом томе, 71 – во втором, 18 – в третьем, в четвертом, пятом и шестом³⁹ томах их нет вообще: метод Карамзина⁴⁰ целиком исчерпал себя. Давление контекста и материала, похоже, заставили историка почувствовать пределы, за которые ему оказалось невозможным переступить.

Сравним описание смерти патриарха Адриана и документ из “Приложений” (дословное совпадение авторского текста с текстом документа выделено курсивом):

³⁷ Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 2. Прил. II. С. 401. Сн. 7.

³⁸ См.: ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2, № 1440 на 352 л.; № 1443. Прил. I. Письма Петра Великого к кн. А.Д. Меншикову. 1707–1711; № 1441. Прил. II. Письма и донесения царю и министрам его. Ч. 1. 1707; № 1442. Ч. 2. 1708–1711. На № 146 за л. 30 обрыв, далее следует № 350; № 1444. Прил. VI. Донесения Плейера царю, 1707–[1710]. Все указанные приложения вместе – на 687 л. На последнем листе № 1444 собственной пагинации (Л. 193) карандашом выставлен номер 1142, по-видимому, общей нумерации страниц тома. Если это так, то соотношение меняется на 1 : 3. Ср.: Клокман Ю.Р. Неизданный том “Истории царствования Петра Великого” Н.Г. Устрялова // Полтава: к 250-летию Полтавского сражения. М., 1959. С. 311–322.

³⁹ За исключением доказательства подложности письма капитана Румянцева об обстоятельствах смерти царевича Алексея, напечатанного вслед за этим письмом. Характерна в этом отношении реакция М.И. Семецкого, полная недоумения по поводу оставленного без комментариев манифеста о царевиче: ведь даже историк-баснописец XVIII в. Ле Клерк счел нужным остановиться и разобрать этот важнейший документ. См.: *Семевский М.И.* Указ. соч. С. 28.

⁴⁰ Об археографическом значении “Примечаний” в “Истории государства Российского” Н.М. Карамзина см.: *Шмидт С.О.* “Примечания” в книгах “Истории государства Российского” Н.М. Карамзина – века в развитии исторической науки и книжной культуры // *Вспомогательные исторические дисциплины: специальные функции и гуманитарные перспективы: тез. докл. и сообщ. XIII науч. конф. в честь Елены Ивановны Каменцевой.* М., 2001. С. 33–35; *Козлов В.П.* Российская археография конца XVIII – первой четверти XIX века. М., 1999. С. 117–165 (особенно с. 137).

Недели за три ходил он на Перерву в монастырь Св. Николая Чудотворца для освящения новой церкви²; за острою стужею его едва довели, уже больного. По освящении церкви, на возвратном пути в Донской монастырь, он так изнемог, что все думали умереть дорогою; с трудом привезли его в село Голенищево³. Старцы никого к нему не подпускали. Здесь 13 октября ударил его паралич; он лежал трое суток без памяти и без языка, мало взглядывая левым глазом и шевеля левою рукою.

“27 сентября он ходил на Перерву в монастырь Николая Чудотворца; за острою стужею его едва довели. Пробыл там 9 дней больной; освятил новую церковь; на возвратном пути в Донской монастырь так изнемог, что все думали – делу конец; с трудом привезли в село Голенищево. Я хотел его видеть, но старцы никого к нему не допускали. 13 октября ударил его паралич. Он лежал без памяти и без языка; мало взглядывал одним левым глазом и помавал левою рукою”.

² Перервинский мужской монастырь, заштатный, лежит на берегу Москвы-реки, близ села Коломенского, в 7 1/2 верстах от столицы.

²⁸¹ Каб. дела. Отд. II. Кн. 1. По содержанию 1700 года.

[Т. 4, ч. 2. Прил. II. С. 161–162]

³ Село Голенищево, ныне Троицкое, за Воробьевыми горами на речке Сетуни, в 3 верстах от Москвы, было загородным двором патриархов.

[Т. 4, ч. 1. С. 535]

Как видно, Устрялов буквально пересказывает напечатанный (в изложении, но без этой оговорки) текст, сопровождая повествование справочными сведениями. В том же, четвертом томе, только одно письмо Р. фон Паткуля царю из тюрьмы Зонненштейн заняло 14 страниц текста и затем целиком (с некоторыми изменениями) продублировано в “Приложении”. Подобные вещи принято комментировать рассуждениями о том, как документ совершенно “овладел” историком и властно “повел” его за собой⁴¹.

Нельзя, однако, из этого делать вывод о полной беспомощности автора, его рабском подчинении сырому новонайденному материалу. Более того, пересказ источника для первых трех и четвертого тома ИЦПВ является скорее исключением. В рамках доступного ему пониманию метода и заданных им возможностей Устрялов давал читателю простейшие образцы исторической критики разного рода баснословий и подлогов. Здесь и опровержение мнимых пророчеств Симеона Полоцкого и Димитрия Ростовского о рождении Петра из сказаний П.Н. Крёкшина, и доказательства подложности опубликованного Я.Я. Штелином письма профессора И. Гревия к бывшему послу Ни-

⁴¹ Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 4, ч. 1. С. 426–440; Т. 4, ч. 2. Прил. II. С. 363–373, № 341 (в “современном” переводе). Факты уже не пересказа, а постоянного дублирования или почти дословной перепечатки документов приводили критиков двух последних томов “Истории” в полное недоумение. Помещенные в “Приложения” шестого тома 108 продублированных (номеров) документов из 202-х, Пекарский объяснял невозможностью “втиснуть в текст или по ничтожности их, или же потому, что заключают в себе разные отрывочные известия [...]” (см.: Пекарский П.П. Сведения о жизни и смерти царевича Алексея Петровича // Добролюбов Н.А. Полн. собр. соч.: в 6 т. М., 1937. Т. 4. С. 195; Аристов Н.Я. Библиотека для чтения. 1864. № 6. С. 4).

дерландов при Московском дворе Н. Гейнзию⁴², и основательные подозрения в подложности дневника капитана Г. Брюса, книги Н.П. Вильбоа и пр.⁴³ Устрялов первым представил “историко-критические” доказательства подложности письма Петра к Сенату из Прутского лагеря 1711 г., так называемого “письма Румянцева” о подробностях смерти царевича Алексея. Исчерпывающий обзор литературы об этих подделках с источниковедческими комментариями В.П. Козлова избавляют от необходимости останавливаться на них⁴⁴.

Стихия Устрялова – область выверенных со “строжайшею точностью” положительных (достоверных) знаний, эмпирически точные, документально верифицируемые “факты истории”, деталь, подробность, “мелочи”, скрупулезное их исследование, вплоть до определения даже не часа, минуты события⁴⁵. Этому по большей части и служили историко-критические “Примечания”, по необходимости вбирая в себя область археографической составляющей бытования источника. Здесь Устрялов исправлял Голикова и Бергмана, повторявших известие Крёкшина о крещении Петра патриархом; Полевого, считавшего днем крещения Петра 28 июня⁴⁶, Берха, допустившего ошибку на семь дней в дате смерти царицы (А.С. Грушецкой)⁴⁷ и т.д.; выяснял имя кор-

⁴² Предсказание само по себе “до такой степени смешно и нелепо в подробностях, – отмечал Устрялов, – что нельзя не удивляться непостижимому легкомыслию, с которым поддались обману все почти историки, писавшие после Штелина”. На пророчество Симеона с очевидными признаками подлинности “историк здравомыслящий взглянул бы [...] с улыбкою, как на уловку хитрой лести или как мечту восторженного поэта [...]” (*Устрялов Н.Г.* ИЦПВ. Т. 1. С. 3; 253. Примеч. 7). Устрялов ссылается на акты МГАМИД о посольстве Н. Гейнзия в Москву (Дела голландские, св. 13) и на два его письма 1671 г. из книги Коля “*Introductio in historiam et rem litterariam Slavorum*” (Altonaviae, 1729). Письмо Гревия Устрялов квалифицирует как “выдумку” Штелина, обещая уличить его “в другом важнейшем подлоге”. Возражения на доказательства подложности письма И. Гревия см.: *Погодин М.П.* Два слова за Штелина // *Он же.* Семнадцать первых лет... исследования. С. 229–231. См. также: *Шмурло Е.Ф.* Указ. соч. // ЖМНП. 1911. № 12. С. 255. Примеч. 26, е.

⁴³ *Устрялов Н.Г.* ИЦПВ. Т. 1. С. LXVII–LXXI и сн. 82; Т. 4. С. 136. Сн. 10.

⁴⁴ См.: *Устрялов Н.Г.* Рассказ Штелина о письме Петра Великого к Сенату с берегов Прута // Месяцеслов на 1859 год. СПб., [1858]. С. 370–375. Статья впоследствии вошла в 5-й том ИЦПВ. “Мнимое письмо А. Румянцева к Д.И. Титову, 27 июля 1718 года, о смерти царевича” (Т. 6. С. 619–626. № 202); *Козлов В.П.* “Вид истины имеет” // *Он же.* Тайны фальсификации: анализ подделок исторических источников XVIII–XIX веков. М., 1994. С. 51–62; *Он же.* “Поведаю вам страшныя сия тайны и буду изменник и предатель всепресветлого державца моего” // Там же. С. 186–198.

⁴⁵ Сопоставляя известия А. Майерберга о московском счете дневных часов с восхода Солнца (30 мая 1672 г. – в 3 час. 18 мин.) и разрядной записи о времени рождения Петра (“за полтретья часа до дня”, см.: *Туманский Ф.О.* Собрание разных записок и сочинений... о жизни и деяниях... Петра Великого. СПб., 1787. Ч. 5. С. 118), Устрялов исчисляет момент появления на свет Петра: 3.18–2.30 = 48, т.е. “минут через 50 по полуночи” (*Устрялов Н.Г.* ИЦПВ. Т. 1. С. 259–260. Примеч. 14). Р.А. Симонов нашел такой способ, а с ним и результат вычисления некорректным, поскольку Устрялов оперировал несопоставимыми данными о начале суток и времени восхода Солнца, не учитывая специфики счета часов в тогдашней России. См.: *Симонов Р.А.* Когда родился Петр I (к вопросу о русском суточном счете часов) // ВИД. СПб., 1990. Т. XXI. С. 159. Согласно показанию первой разрядной записи с особенностями московского суточного счета времени, Симонов определяет рождение Петра “в час или в полтора часа ночи (по современному счету)” (Там же. С. 161). Далее, на основании данных гороскопа Петра, время еще более уточняется: “правильнее будет считать, что Петр родился около часа ночи” (Там же. С. 167). Погодин, опиравшийся на обе разрядные записи, писал о рождении Петра: “перед рассветом” (*Погодин М.П.* Семнадцать первых лет... С. 6), М.М. Богословский – “в исходе первого часа по полуночи” (Указ. соч. Т. 1. С. 14). В тексте Устрялов выразился менее определенно: “в первом часу по полуночи” (Т. 1. С. 7). См. также возражения на мнение Устрялова о недостоверности составления гороскопа Петра И. Гревием (Т. 1. С. 253); *Погодин М.П.* Семнадцать первых лет... С. 231; *Робинсон А.Н.* Симеон Полоцкий – астролог // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 177–184; *Прилужников В.И., Симонов Р.А.* Гороскоп Петра I // ТОДРЛ. Л., 1990. С. 82–100.

⁴⁶ См.: *Устрялов Н.Г.* ИЦПВ. Т. 1. С. 260. Примеч. 15.

⁴⁷ Там же. С. 266. Примеч. 28.

милицы Петра⁴⁸, родословие Н.К. Нарышкиной⁴⁹ и кн. В.В. Голицына, происхождение Ф.Я. Лефорта⁵⁰, Екатерины Алексеевны⁵¹, кн. А.Д. Меншикова⁵², боялся ли Петр в детстве воды, время обретения им ботика и какой работы был этот ботик – английской, голландской или московской⁵³, возникновение гвардии⁵⁴ и пр. Если же в его руках не находилось документов, положительно свидетельствующих о том или ином факте, Устрялов следовал классическому постулату: лучше не сказать ничего, чем сказать неправду⁵⁵.

Состав публикаций в “Приложениях” определялся целью “Истории”. Перечислим важнейшие из них: подборка документов по истории создания “Истории Свейской войны”⁵⁶; письма и записки Петра 1689–1706 гг.⁵⁷, корреспонденция царя и его приближенных лиц и др. (1698–1706 гг.)⁵⁸; документы о начале кораблестроения и флота⁵⁹; “Юрнaлы” 1695–1706 гг.⁶⁰; донесения иностранных послов и резидентов О.-А. Плейера⁶¹, И. фон Гвариента⁶², Х. ван дер Гульста⁶³; о сочинении И. Корба “Дневник московского путешествия”⁶⁴; материалы следствия по делу Ф.Л. Шакловитого и В.В. Голицына⁶⁵; документы, относящиеся к политической деятельности гетмана И.С. Мазепы⁶⁶; разнообразные “Ведомости и списки”⁶⁷ преимущественно военно-статистического и служебного характера; подборка фамильных документов о Лефорте, о приеме царского посольства в Риге (1697 г.), о принятии на службу герцога К.-Е. фон Круи⁶⁸; аттестат Петра 1698 г.⁶⁹ и др.

⁴⁸ Там же. Т. 1. С. 289–290. Примеч. 65.

⁴⁹ Там же. С. 254–257. Примеч. 9.

⁵⁰ Там же. Т. 2. С. 5–30.

⁵¹ Там же. Т. 4, ч. 1. С. 127–153.

⁵² Там же. С. 207–218.

⁵³ Поскольку, полагает Устрялов, “единственный авторитет в этом случае” Ф.И. фон Страленберг, а ему, как следует из донесений В.Н. Татищева, “верить на слово” нельзя, “скорее надобно предположить”, что с детских лет вода была “любимой стихией” Петра. См.: Там же. Т. 3. С. 331–336. Примеч. 10.

⁵⁴ Там же. Т. 3. С. 327–331. Примеч. 9.

⁵⁵ “Какою именно болезнию умер царь Алексей Михайлович мы не знаем”, – писал Устрялов, добавляя совершенно по-карамзински: “Любопытные могут прочесть [...] выдуманные Крёкшиным прощальные речи умирающего царя к царице и детям” (Там же. Т. 1. С. 262. Примеч. 21). Другой вариант: “С какими чувствами смотрел Петр на страшное зрелище (бунт стрельцов. – А.Б.), на гибель дедов, на слезы и отчаяние матери, на преступные действия сестры, готовой все принести в жертву своему властолюбию? Ужас ли наполнял его сердце или данная ему Богом сила души подкрепляла десятилетнего отрока? Мы достоверно не знаем” (Там же. С. 45).

⁵⁶ Там же. Т. 1. Прил. I. С. 315–316; Прил. II. С. 316–322; Прил. III. С. 322–325; Прил. IV. С. 325–328; Т. 4, ч. 2. Прил. III. С. 451–464.

⁵⁷ Там же. Т. 2. Прил. II. С. 401–434, № 68; Т. 3. Прил. I. С. 419–461 (72 №); Прил. III. С. 466–467; Т. 4, ч. 2. Прил. I. С. 1–144 (173 №).

⁵⁸ Там же. Т. 3. Прил. VII. С. 471–563 (88 №); Т. 4, ч. 2. Прил. II. С. 145–450 (458 №).

⁵⁹ Там же. Т. 2. Прил. XII. С. 491–493; Прил. XV. С. 497–526; Прил. I. С. 397–401; Т. 3. Прил. VI. С. 470–471.

⁶⁰ Там же. Т. 2. Прил. XVI. С. 532–557; Т. 3. Прил. IX. С. 589–620; Т. 4, ч. 2. Прил. V. С. 506–538 (“слово в слово с современного списка”).

⁶¹ Там же. Т. 2. Прил. XVIII. С. 568–582 (от 4 янв. 1696 г.); Т. 3. Прил. XI. С. 632–652. (7 №); Т. 4, ч. 2. Прил. VI. (50 №); Т. 6. № 5. С. 306 (от 15 июля 1706 г.); два донесения 1713 г. и три 1714 г. (С. 317–318, № 26); три донесения 1715 г. (С. 327, 342–346, № 38, 45); одно 1717 г. (С. 370–372, № 67); два донесения 1718 г. (С. 540–545, № 187).

⁶² Там же. Т. 3. Прил. X. С. 621–631 (3 №).

⁶³ Там же. Т. 4, ч. 2. Прил. VII. С. 662–672 (14 №).

⁶⁴ Там же. Т. 1. Прил. V. С. 328–329.

⁶⁵ Там же. Т. 2. Прил. V–VIII.

⁶⁶ Там же. Т. 1. Прил. VIII. С. 356; Т. 2. Прил. X. С. 478–485.

⁶⁷ Там же. Т. 1. Прил. XII. С. 390–399; Т. 2. Прил. XVII. С. 557–567; Т. 3. Прил. VIII. С. 563–589 (9 №); Т. 4, ч. 2. Прил. IV. С. 464–505 (15 №).

⁶⁸ Там же. Т. 2. Прил. IV. С. 441–447; Т. 3. Прил. II. С. 462–466 (10 №); Прил. V. С. 468–470 (2 №).

⁶⁹ Там же. Т. 3. Прил. IV. С. 468.

“Приложения” группировались по разделам (от одного до нескольких десятков публикаций) и только в двух случаях предварялись в подстрочных примечаниях сверхлаконичной информацией о месте хранения и способе воспроизведения текста документов⁷⁰. В остальном Устрялов был или еще более краток (переписка царя дана “с подлинных писем и рескриптов до сих пор нигде не напечатанных [...] хранящихся в Государственном архиве”, документы о службе Лефортова в России “хранятся между фамильными бумагами в Жене-ве у адвоката Лефортова”⁷¹ и т.п.), или ограничивался сообщением одних поисковых данных⁷². Пожалуй, единственным исключением из правила стала публикация писем Ф. Лефортова к Петру с полноценной характеристикой их содержания, особенностей языка и правописания, рассеявшая миф о фаворите молодого царя как исторической личности⁷³. В довольно хаотичной структуре “Приложений” трудно усмотреть четко выдержанный системообразующий принцип. Здесь довлеет эклектика, смешение номинативного и предметно-хронологического подходов.

Как показывает анализ, в устряловских публикациях применялись следующие приемы передачи текста и содержания документов: 1) дословное воспроизведение; 2) воспроизведение “буква в букву” (транскрипция); 3) извлечение; 4) регесты (пересказ или изложение) – частичный, единичный или групповой (с цитациями и без них); 5) таблицы; 6) факсимиле (включая чертежи)⁷⁴.

Лучшим способом выявить качество передачи текста эпистолярная и, пожалуй, в целом публикаторской работы Устрялова, является обращение к

⁷⁰ “Списаны с подлинников, хранящихся в государственных архивах в Санкт-Петербурге и Москве. Все, что писано рукою царя, отмечено знаком « »”. (Там же. Т. 3. Прил. I: “Царские указы, рескрипты, и записки”. С. 419. Ст. 1); “одни из них помещены вполне, другие в извлечении с сохранением необходимых подробностей, самых особенностей языка. В актах на языках иностранных соблюдена орфография подлинника. Переводы с них современные”. См.: Прил. VII: “Письма и донесения царю и министрам его, переписка разных лиц, акты дипломатические и другие документы”. С. 471. Ст. 106. См. также выделенные в отдельное “Приложение” два цифирных письма царевны Софии кн. В.В. Голицыну, без ключа, прочесть которые, по словам их публикатора, “стоило немалого труда”, списанные “буква в букву с подлинников, поступивших в Государственный архив из ведомства камерцалмейстера Морсочникова”. Приводится надпись на обертке писем (почерком “времен Петра Великого”) и поясняется курсив (Там же. Т. 1. Прил. X. С. 382–383. Ст. 53).

⁷¹ Там же. Т. 2. С. 401. Ст. 7; С. 441. Ст. 102.

⁷² Сведения о том, что все письма царя из обоих Азовских походов написаны рукой Шафировова, кроме текста обращения и подписи, находим в легенде. См.: Там же. Т. 2. С. 409. № 22. Ст. 39. Письмо Петра к кн. Ф.Ю. Ромодановскому от 19 мая 1695 г.

⁷³ По словам Устрялова, из писем Лефортова со всей очевидностью следует, что это был “нежно любимый друг царя, преданный ему со всею пылкостью души, веселый, разгульный товарищ, но далекий от того, что ему приписывают: не образователь и не руководитель нашего Петра”. Ср. характеристику писем Лефортова (“шутливо-бессодержательные, но свидетельствующие о теплом чувстве к Петру, о преданности ему и о минутах искренней печали в разлуке, вполне отражающие их неглубокомысленного, ветреного, но доброго сердцем и верного в дружбе автора”) и их обильные цитации в труде Богословского (*Богословский М.М.* Указ. соч. М., 1941. Т. 2. С. 312–314, 318, 336–337, 349, 355, 356), в том числе по каким-то причинам не вошедших в ПБПВ (*Устрялов Н.Г.* ИЦПВ. Т. 4, ч. 1. № 23–25, 27–32, 35, 36).

⁷⁴ Факсимильное воспроизведение трех писем Алексея Петровича, Шарлотты, А. Лопухиной (фрагмент), Ефросиньи (фрагмент), см.: *Устрялов Н.Г.* ИЦПВ. Т. 6. Ненумер. лист в конце тома; письмо Петра к матери, шифрованное письмо царевны Софии кн. В.В. Голицыну, листы учебной тетради Петра, пять писем Петра к А.А. Винюсу и три к кн. Ф.Ю. Ромодановскому, чертежи, рисунки и надписи Петра, фрагменты писем и подписи деятелей петровского царствования и пр. См.: Карты, планы и снимки к первым трем томам Истории... Н. Устрялова. СПб., 1858. № 1 (дважды), 2, 2 (паг. 2), 5, 6 (3), 7, 5 (паг. 2), 6 (паг. 2), 1 (паг. 2), 7 (паг. 2); Карты, планы и снимки к 4-му тому Истории... Н. Устрялова СПб., 1864. № 14, 16 (1–10), 26. Соответствующие транскрипции см.: Там же. Ср. источники содержания документов в “Истории государства Российского”: *Козлов В.П.* Российская археография конца XVIII – первой четверти XIX века. М., 1999. С. 146.

наиболее авторитетному корпусу петровских документов – первым четырем томам “Писем и бумаг императора Петра Великого”⁷⁵. Издатели ПБПВ зафиксировали одно неверное прочтение фамилии иностранца⁷⁶ (корректурная ошибка? – А.Б.); одно неверное указание места хранения документа⁷⁷ (опечатка, корректурная ошибка? – А.Б.); одно необоснованное суждение о характере аутентичности не дошедшего до нас письма Петра и дате его отправления⁷⁸; одна ошибка в определении характера аутентичности письма Петра⁷⁹; одна спорная и две ошибочных датировки документа⁸⁰; ошибка в передаче текста⁸¹ и неверное прочтение⁸²; неоговоренная (очевидная) конъектура слова в пробеле текста и вставка отсутствующей в оригинале подписи⁸³. На деле этих погрешностей в ИЦПВ гораздо больше, нежели они выявили или на которые посчитали нужным указать. Ряд ошибок Устрялова заметил М.М. Богословский⁸⁴; самая серьезная из них относится к

⁷⁵ См.: ПБПВ. СПб., 1887. Т. 1 (1688–1701). Ук.: С. XVIII–XIX, XLVII; СПб., 1889. Т. 2. (1702–1703); Ук.: С. XX, LII–LIII; СПб., 1893. Т. 3. (1704–1705); Ук.: С. XX–XXI, LV; СПб., 1900. Т. 4, ч. 2 (1706); Ук.: С. XXXVI.

⁷⁶ В письме Петра к А.Ю. Кревету от 17 июля 1695 г. вместо некоего “де Вилде” (в публикации ПБПВ: “ди-Вилде”) прочтено “Дивилсе” (ПБПВ. Т. 1. С. 40, 522. Примеч. к № 49. Ср.: Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 2. С. 416).

⁷⁷ При публикации письма А.А. Вейде Петру (Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 3. С. 497–498. № 34) Устрялов сослался на кн. 53 2-го отделения Кабинета Петра, но там этого письма не оказалось. См.: ПБПВ. Т. 1. С. 778. Примеч. к № 276.

⁷⁸ Предположение Устрялова о том, что предшествующее опубликованному ответу А.А. Вейде письмо Петра было “собственноручным” и послано 29 июня 1699 г. (Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 3. С. 278), “ни на чем не основано” (ПБПВ. Т. 1. С. 778–779. Примеч. к № 276).

⁷⁹ Письмо Петра к А.Ю. Кревету от 21 или 22 мая 1695 г. подлинное, а “не собственноручное, как полагал Устрялов” (ПБПВ. Т. 1. С. 509. Примеч. к № 39; Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 2. С. 410–411. № 24).

⁸⁰ Лист ученической тетради Петра с правилом вычисления полета, пущенной из мортиры бомбы, с почерком, по мнению Устрялова, несколько более твердым, чем в предыдущем, отнесен им на этом основании ко времени кенигсбергских штудий молодого царя под руководством подполковника Г. Штейтнера фон Штернфелда, т.е. к 1697 г. См.: Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 2. С. 441. Сн. 101; Т. 3. С. 33–34. Издатели ПБПВ не усмотрели никаких отличий ни в почерке, ни в бумаге от двух подобных отрывков из тетрадей Петра 1688 г. См.: ПБПВ. Т. 1. С. 486. Примеч. к № 3. Последние, по наблюдению Устрялова, “писанные рукою нетвердую, очевидно, непривычную, без всякого соблюдения правил тогдашнего правописания, часто без отделения одной речи от другой, с беспрепятственным повторением буквы ъ в середине слов, со множеством описок, недописок и всякого рода ошибок”, свидетельствуют о небрежном воспитании Петра, который на 16-м году “едва умел выводить с очевидным трудом буквы”. Эти фрагменты Устрялов верно отнес ко времени занятий Петра с Тиммерманом (после 15 мая 1688 г.) См.: Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 2. С. 19; Прил. III. С. 434–440. В то же время не совсем понятно, на каком основании датированные издателями ПБПВ докладные статьи, посланные Ф.А. Головиным царю в Воронеж концом февраля – началом марта 1700 г. (ПБПВ. Т. 1. С. 334–338. № 296), Устрялов правильно отнес к 25 февраля 1700 г. См.: Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 3. Прил. I. С. 450–453. № 61; Богословский М.М. Указ. соч. М., 1948. Т. 4. С. 356. Примеч. 3. Письмо Ф.М. Апраксина к Петру из Воронежа относится к 7 августа 1704, а не 1703 г. См.: Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 4, ч. 2. Прил. II. С. 285. № 208; ПБПВ. Т. 2. С. 693. Примеч. к № 607.

⁸¹ В подлиннике письма царя к А.Д. Меншикову от 14 сентября 1704 г. нет подписи “Piter”, вставленной в публикацию. См.: Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 4, ч. 2. Прил. II. С. 70. № 103; ПБПВ. Т. 3. С. 687. Примеч. к № 718.

⁸² В письме царя Ф.М. Апраксину от 14 сентября 1704 г. вместо “определить устье Еи” прочел “ей” (Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 4, ч. 2. Прил. II. С. 70. № 104; ПБПВ. Т. 3. С. 157; С. 689. Примеч. к № 720).

⁸³ В копии письма царя к кн. А.Д. Меншикову от 20 марта 1706 г. нет подписи “Piter” (Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 4, ч. 2. С. 113–114. № 146; ПБПВ. Т. 4, ч. I. С. 181).

⁸⁴ Запись “Юрнала” 1698 г. о послане “а в Трешкоуте поехали” (Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 3. С. 118) следует читать “в трех skutax” (Богословский М.М. Указ. соч. 1941. Т. 2. С. 425. Сн. 4). Плейер в депеше от 7 марта 1700 г. (Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 3. С. 649–652) относил отъезд Петра в Воронеж к 11 февраля. Издатели ПБПВ вслед за Устряловым (С. 363) приняли дату Плейера (Т. 1. С. 788, 789). Подробное обоснование даты 18 февраля см.: Богословский М.М. Указ. соч. Т. 4. С. 341. Примеч. 2. См. также указания Богословского на неподтвержденные никакими источниками данные Устрялова: Там же. Т. 1. С. 35. Сн. 2; С. 259. Сн. 1; С. 330. Сн. 2; С. 342. Сн. 2; Т. 2. С. 96. Сн. 2; С. 425. Сн. 3, и др.

таблице с выкладками и подсчетом числа мятежных стрельцов, казненных осенью 1698 г.⁸⁵

Все отмеченные выше археографами погрешности соответствуют действительности и не подлежат сомнению. Возражение вызывает одно надуманное замечание С.Л. Пештича о вставке, якобы изменившей смысл текста “Указа об отсылке ведомостей и журналов Свейской войны [...]” 1711 г. В последнем содержится ссылка на доношение переводчика Посольского приказа В.Г. Шиллинга, где тот в свою очередь ссылался на указ Петра, согласно которому “велено ему Историю [...] той войны до нынешняго времени сочинить [...]”. “Судя по документу, приведенному Устряловым (курсив мой. – А.Б.), – писал С.Л. Пештич, – Петр поручил составление истории Посольскому приказу, который для выполнения этого дела определил Шиллинга”. И Устрялов же в текст петровского указа произвольно вставил слово “ему”, т.е. Шиллингу. В результате такого произвольного истолкования документа (курсив мой. – А.Б.) выходило, что Петр поручил составление “Истории Свейской войны” не авторитетному учреждению, а малоизвестному переводчику Посольского приказа. Во-первых, комментатор, очевидно, противоречил самому себе; во-вторых, слово “ему” – не вставка, а отмеченное Устряловым разночтение опубликованного указа с предшествующим этому указу доношением Шиллинга⁸⁶.

Обратимся к публикации двух писем Петра без обозначения адресата и даты, написанных тайными (симпатическими) чернилами, в качестве репрезентата дословного воспроизведения текста⁸⁷. Тексты переданы под одним номером без сохранения авторского правописания по орфографии середины XIX в. с исправлениями без каких-либо оговорок (две эмендации, четыре вставки пропущенных букв), с мелкими погрешностями (вместо “в сем” напечатано “в чем”, вместо “Буде” – “И буде”, “я писал” – “и писал”) и без указания на состояние сохранности второго письма (конец утрачен). В первом письме курсивное выделение фрагмента, означающее перемену чернил на обычные остается непонятным, поскольку материал письма вообще не указан. Второе письмо предваряет пояснение (“тайными чернилами”); последней строке предпослана курсивная вставка публикатора в текст с указанием на изменение материала письма (“внизу обыкновенными чернилами”). Данные об адресате и времени написания писем предположительно определены и указаны в подстрочном примечании, однако в заголовок, содержащий указание на их подлинность, не внесены. (“*Две собственноручные записки, без*

⁸⁵ См.: Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 3. Табл. на С. 405–407. Примеч. 13. Таблица составлена по данным подлинной ведомости о числе казненных в сентябре и октябре 1698 г. М.М. Богословский выявил по меньшей мере еще три ведомости, относящихся к розыску и казням осени 1698 г., данные которых не совпадают с поименным списком казненных. Кроме того, подсчет Устрялова оказался “очень неточен”. К числу казненных 13 октября 98 стрельцов поименного списка Устрялов добавил еще неизвестно откуда заимствованные сведения о 43-х стрельцах, казненных в тот же день “в разных местах”, получив в итоге цифру 141. См.: Там же. С. 406. В таблице числа казненных не показан день 19 октября, а в тексте он дан с указанием цифры 106 казненных (Там же. С. 236), снова “совершенно неизвестно, откуда взятой”. Исчисленные Богословским и, “кажется, близкие к истине цифры” дают разницу в числе казненных на 174 человека (799 вместо 973 по подсчету Устрялова) от общего числа (1021, а не 1180) привлеченных к розыску лиц. См.: Богословский М.М. Указ. соч. 1946. Т. 3. С. 92. Примеч. 2; С. 118. Примеч. 4.

⁸⁶ Пештич С.Л. Указ. соч. С. 125. Сн. 12; Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 1. Прил. I. С. 315. Сн. 2, 3. См. также: Майкова Т.С. История создания “Истории Свейской войны”. С. 22.

⁸⁷ Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 3. С. 419. № 1. Ср.: ПБПВ. Т. 1. С. 143. № 145, 146. Примеч. на С. 614–615, 615–617.

означения времени”; “По всей вероятности в начале первого путешествия за границу в 1697 г., к Виниусу”). Без комментария оставлены упоминания Петра о “генерале” (А.М. Головине) и “Алексашке” (А.Д. Меншикове), но в подстрочнике пояснено слово “материя” (“тайные чернила”). Аналогичный способ применялся и для передачи текста современных переводов иноязычных текстов.

Обращения, подписи и мелкая редакторская правка рукой Петра выделялись парными кавычками⁸⁸, но не всегда с должной тщательностью. В написанном Б.П. Шереметевым с поправками Петра “Концепте капитуляции крепости Нотебурга” (МГАМИД, без даты) последние Устрялов обозначил не все, нарушив, к тому же, структуру документа (пункт 4-й напечатал 1-м) и ничем не обосновав поставленную в заголовке дату 11 октября 1702 г.⁸⁹

Рассыпанные в подстрочных примечаниях многочисленные исправления чтений Голикова производят впечатление, не всегда, впрочем, оправданное. В письме Петра к Ф.М. Апраксину от 26 сентября 1703 г. Устрялов прочел: “[...] никто не хочет прямо трудиться, только скользь. Жаль, что вам нанесли печаль [...]” со сноской на неверное чтение Голиковым (“только сколь зело жаль”). Такое чтение издателям ПБПВ показалось сомнительным и они напечатали: “Никто не хочет прямо трудитца, толко сколь зело жаль, что вам нанесли печаль...”, т.е. приняли чтение Голикова⁹⁰. Погрешности в передаче текста писем Петра к кн. А.Д. Меншикову из коллекции МГАМИД обуславливались дефектами самих источников текста. Устрялов механически воспроизводил их – и только⁹¹.

Способ воспроизведения текста “буква в букву” Устрялов применял к иноязычным документам и в нескольких случаях к текстам, написанным по-русски.

Значительное число документов в ИЦПВ передано в сокращении, не обязательно однако с указанием на то в легенде (“обширное письмо [...] Ограничиваюсь извлечением”, или: “извлекаю главное”; “извлечем наиболее те, где рассуждает сам царевич” (о выписках Алексея Петровича из сочинения

⁸⁸ Во множестве случаев техника типографского набора, допускавшая те же кавычки на вертикали левого края страницы сильно затрудняет соответствующее чтение.

⁸⁹ Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 4, ч. 2. С. 37–38. № 48. Ср.: ПБПВ. Т. 2. С. 87–90. № 458. Примеч. на С. 410–411.

⁹⁰ Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 4, ч. 2. С. 62–63 и сн. 131. № 91. Ср.: ПБПВ. Т. 2. С. 251. № 589. Примеч. на С. 659. Хотя Устрялов привел поисковые данные, публикаторы воспроизвели текст по другим изданиям (не отметив, что письмо, по-видимому, утеряно); обоснование датировки дано со ссылкой на того же Устрялова.

⁹¹ В списке МГАМИД письма царя к А.Д. Меншикову от 28 июля 1706 г. в дате полученного от Меншикова письма была сделана описка (июля 20 вместо 26), которую повторил Устрялов (ПБПВ. Т. 4, ч. 2. С. 317. Примеч. к № 1296 на С. 984; Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 4, ч. 2. С. 122–123. № 160), не обозначив, кроме того, пробел в тексте. Письмо царя к А.Д. Меншикову от 17 июля 1706 г. Устрялов напечатал постскриптумом к другому письму (от 26 июля 1706 г.), следуя за списком, в котором она была ошибочно помещена. См.: ПБПВ. Т. 4, ч. 2. С. 302. Примеч. к № 1282 на С. 963; Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 4, ч. 2. С. 121. № 157. В другом письме царя к А.Д. Меншикову от 17 июля 1706 г. вслед за копистом Устрялов ошибочно напечатал приписку к письму от 28 июля 1707 г. См.: ПБПВ. Т. 4, ч. 2. С. 314. Примеч. к № 1293 на С. 979; Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 4, ч. 2. С. 122. № 159; С. 123, № 160. См. также обусловленную состоянием копии публикацию письма (без легенды) царя к А.Д. Меншикову от 15 января 1706 г., в котором, кроме того, Устрялов без оговорок исправил число месяца, находящееся в списке (с 15 на 13-е). См.: ПБПВ. Т. 4, ч. 2. С. 16–17. Примеч. к № 1032 на С. 535–536; Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 4, ч. 2. С. 111–112, № 143.

Ц. Барония); “Список Преображенского полку солдатам...” 1704 г. (из 377 имен напечатаны 13, как “наиболее замечательные”)⁹².

Та или иная необходимость часто вынуждала Устрялова прибегать к регестам с цитациями или в кавычках, или без них: *Любим Судейкин царю из обозу под Ригою, 12 сентября 1700 г. сообщает царю разные вести: “...”; “Собственноручная записка государя, без числа, о разных предметах между прочим, о посылке в Сибирь для ведения Камчатки, следовательно, в конце 1718 г.: написать о войне, как началась и о нравах и случаях, как и кем делана”; “Иван Юрьев (секретарь коллегии иностранных дел) в июне 1722 года уведомляет кабинет-секретаря Макарова, что [...] [затем]: “[...]” и [далее]; “Он же по письму Макарова требовал у обер-секретаря Познякова ведомости [...]”*⁹³. Неоднократно встречается пересказ однородной группы документов с закавыченными цитатами, а также передача части иноязычного документа на языке оригинала с последующим пересказом остальной части⁹⁴.

Обратимся к так называемым “кратким” или “сокращенным изложениям” документов.

1. Замечания Петра на проект наказа П.П. Шафирова А.А. Матвееву и поправки в этом проекте (от 30 октября 1706 г.). В кратком абзаце Устрялов аннотировал доношение П.П. Шафирова к Петру от 12 ноября 1706 г. об отправке наказа, после чего с подзаголовком *Выписка из наказа* (курсив Устрялова. – А.Б.), дал текст в кавычках без указания времени его составления, каких-либо “замечаний” и “поправок” царя и на предшествующие публикации (а они были), который издатели ПБПВ невнятно назвали “кратким изложением” этого наказа. Хотя последние располагали подлинником, а Устрялов воспроизводил текст по списку кабинетского архива, публикацию вполне можно отнести к вопиющему археографическому браку.

2. Дезавуируя публикацию В.Н. Берха докладных пунктов вице-адмирала К.И. Крюйса от 4 (правильно – 5) декабря 1706 г. с резолюциями Петра (с исключением двух первых, 5-я помещена в тексте самого донесения отдельным пунктом), Устрялов напечатал 8 пунктов с резолюциями на 1, 2 и 6-й (дав параллельные их тексты – по терминологии издателей ПБПВ – в “сокращенном изложении”), в то время как подлинник содержит 10 пунктов с резолюциями царя на первые восемь. В обоих случаях ни о каких сделанных им сокращениях или изложениях текстов Устрялов не сообщил⁹⁵.

[Резолюция Петра на 6-й пункт донесения К.И. Крюйса]

ИЦПВ

ПБПВ

О сем указать стараться г. шаубенахту.

О сем указано и старатца надлежит господину шаудбенахту, понеже его в том служба и честь состоит.

⁹² Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 4, ч. 2. Прил. IV. С. 493. № 13. Сн. 19. Есть варианты и более пространных обоснований сокращений, однако внутри самого текста. В публикации розыска о непристойных словах о государе 1701 г. читаем: “Показания прочих свидетелей частью сходны с этим, частью же более уклончивы: не видал, не слышал” (Там же. № 63. С. 190).

⁹³ Там же. Т. 1. Прил. II. С. 316–322.

⁹⁴ См.: “Приезд в Москву и отпуск шведских полномочных послов [...] для размена с обеих сторон подтвержденных грамот на заключенные в Кардисе, на Плюсе и в Москве мирные трактаты в 1699 году” (Там же. Т. 4, ч. 2. С. 524–529. № 51); “Протокол тайного совета в Варшаве 8 августа 1699 года” (Там же. Т. 3. Прил. VII. С. 502–504, № 39); и др.

⁹⁵ ПБПВ. Т. 4, ч. 2. С. 411–424. Примеч. к № 1401 на С. 1145; Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 4, ч. 2. С. 441 (сн. 782)–443. № 446; ПБПВ. Т. 4, ч. 2. С. 470–475. Примеч. к № 1450 на С. 1227; Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 1. С. LXXX. Сн. 92; Т. 4, ч. 2. С. 137–138. Сн. 243. № 172. Ср.: Берх В.Н. Указ. соч. Ч. 2. № 60.

Текст давался с подновлением (исправлением) языка документа по нормам правописания середины XIX в. – без каких-либо оговорок. Нарушалась самая структура текста (в том числе разбивка на абзацы), не говоря уже о различиях в пунктуации. (Там, где Устрялов ставил точку, издатели ПБПВ ставили запятую, вместо запятой – двоеточие и т.д.)

3. В “Собственноручные поправки Петра Великого в “Гистории Свейской войны”, представленной кабинет-секретарем Макаровым в 1722 г.”⁹⁶, вошло 60 фрагментов текста разной величины (от одного слова дополнения или исправления до нескольких абзацев, иногда с сокращениями) из 22 эпизодов “Гистории” (от стрелецкого бунта 1698 г. до польской кампании 1706 г.). Текст А.В. Макарова дан курсивом. Вычеркнутый Петром и опущенный в ЖПЗ текст Макарова⁹⁷, разночтения⁹⁸ и погрешности ЖПЗ⁹⁹ приведены в подстрочных примечаниях. Специальными исследованиями этого значительного по объему и непростого в текстологическом отношении памятника никто не занимался, полтора века публикация Устрялова оставалась не верифицированной. Только в самые последние годы было установлено, что границы собственноручного текста Петра в “Гистории” даны Устряловым “часто с ошибками”, а большинство указанных отрывков представляют собой или контаминации, или произвольные компиляты. Дополнительные данные сличения опубликованной в ИЦПВ “записки” генерала Г.В. Шлиппенбаха 1719 г. с подлинником позволили Т.С. Майковой объяснить все эти факты “крайней небрежностью” Устрялова¹⁰⁰.

Информационно-поисковые сведения о напечатанном документе, его тексте и содержании заключали в себе: 1) дату (или, возможно, точное ее определение) и способ датировки; 2) наименование и краткое содержание документа; 3) адресант, адресат или то лицо, к кому документ имел отношение; 4) место написания (отправления); 5) аутентичность с ее атрибутами (наличие подписи, скрепы, помет); 6) местонахождение, в том числе прежнее; 7) формат (столбец, тетрадь); 8) сохранность (дефекты или “исправность”); 9) способ воспроизведения; 10) предшествующие публикации; 11) различие почерков (материал и способ письма) с пояснением их выделения; 12) правописание оригинала при эмендации; 13) исправленные погрешности прежних публикаторов; 14) пояснения по содержанию.

Вполне устоявшиеся в серьезных изданиях к середине XIX в. элементы заголовка и легенды с системным, т.е. определенным, последовательным набором информации в ИЦПВ воспроизводились спорадическим образом. Наряду с условно принятыми нормами, здесь можно встретить такой заголовок: “Два письма боярина Т.Н. Стрешнева государю от 2 и 10 октября [1696 г.] с надписью на обоих: Господин первый Бомбардир Петр Алексеевич”. Некоторые

⁹⁶ Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 4, ч. 2. Прил. III. С. 451–464 (без легенд, в сопровождении ссылок в конце абзацев на соответствующие страницы и строки первой части ЖПЗ).

⁹⁷ Там же. С. 453. Сн. 3; С. 464. Сн. 14.

⁹⁸ Там же. С. 453. Сн. 4, 5; С. 458. Сн. 8; С. 459. Сн. 94; С. 461. Сн. 10–12.

⁹⁹ Там же. С. 456. Сн. 6; С. 462. Сн. 13.

¹⁰⁰ Текст “записки” Шлиппенбаха о военных действиях в Лифляндии в 1701 г. (Там же. Т. 4, ч. 2. Прил. II. С. 221–224. № 106) передан “с огромным количеством отступлений от подлинника (сокращения без оговорок, модернизация языка и т.п.)” (Майкова Т.С. Археографические принципы... С. 48. Сн. 18). См. также «Примеры поправок Петра Великого в “Гистории Свейской войны”, составленной кабинет-секретарем Макаровым, хранящейся в кабинетных делах под № 2». Текст разбит на две колонки, в которых под литерами “a b c d” приведены четыре фрагмента “Гистории” с редакциями Макарова и Петра. Для связи частей текста в круглых скобках курсивом даны пояснения. См.: Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 1. Прил. II. С. 319–322. № 7.

письма сопровождалась совершенно дилетантскими вставками: *В первом: [...] Во втором: [...].* Затем: *Он же, Стрешнев, 27 февраля* (так. – А.Б.) с “заводов” на имя “Господина Капитана”¹⁰¹. Здесь под одним номером даны три, а не два письма, без всякой легенды и с нарушением хронологии. По-видимому, тот или иной заголовок Устрялов зачастую просто брал без обработки из архивной описи. Указанию на разновидность печатаемого документа принципиального значения он не придавал, что заметно уже из перечней приложений (“Реляция о маневрах 1691 года”¹⁰² и др.); даже в случаях самоназвания документа “доношением” в заголовок вносилась подновленная “донесение” или “записка”. С другой стороны, можно встретить заголовок, состоящий только из даты и обозначения разновидности документа (“Мемориал 5/15 октября 1699 года”¹⁰³). Полноценные характеристики содержания документов содержатся лишь в перечне публикаций 6-го и во второй части 4-го томов. Смысл некоторых из них, впрочем, непонятен¹⁰⁴.

Зато в заголовках публикаций пространных депеш иностранных дипломатов при русском дворе Устрялов с максимальной полнотой перечислял разнообразные информационные поводы всех следующих одного за другим сообщений, по сути аннотируя содержание документа¹⁰⁵. Прием аннотирования здесь до некоторой степени оправдан, поскольку тексты воспроизводились на языке оригинала (немецкой готикой “буква в букву”) без перевода¹⁰⁶. Заголовок регестов не отличался от полных публикаций: “*Собственноручная записка государя, без числа, о разных предметах, между прочим, о посылке в Сибирь для ведения Камчатки, следовательно, в конце 1718 г.*”; “*Собственноручная записка государя, без числа, должно быть перед Персидским походом*”¹⁰⁷.

Документы, в легендах к которым читаем: “адресат не означен, по всей вероятности [...]”, или автора которых оказалось невозможно определить, сравнительно немногочисленны¹⁰⁸. Превосходным образчиком атрибуции может служить письмо неизвестного автора к Пётру от 11 сентября без обозначения года. На основании подписи-аббревиатуры из трех букв установлены его принадлежность А. Монс и искомый год (1703, в заголовке указан в скобках)¹⁰⁹.

Совершенно очевидно, что при подготовке публикации большую часть времени Устрялова отнимала датировка документов. В легендах сплошь и рядом читаем: “в подлиннике год не означен, должно быть [...]”, “год не озна-

¹⁰¹ Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 2. С. 422. № 44.

¹⁰² Там же. Прил. XI. С. 486.

¹⁰³ См.: Там же. Т. 3. С. 512. № 46. Сн. 166.

¹⁰⁴ См. письмо кн. П. Голицына “о новизнах про Софию” (Там же. Т. 4, ч. 2. С. 197. № 76. В перечне, кроме того, отсутствует дата и адресат.

¹⁰⁵ См.: Донесение Плейера “О сожжении в Москве шведского объявления против Паткуля, о страшном опустошении Лифляндии, о ходатайстве Паткуля, о Фитингофовой, об устройстве комиссарата и провиантского управления на немецкий манер, о числе русских войск, о всеобщей ненависти к шведам, об открытии железной руды в Сибири, об аресте персидского посланника, об интригах Ротвейля, о сочинении Корба, 25 мая 1702 года” (Там же. Т. 4, ч. 2. Прил. VI. С. 579, № 18). Подобные заголовки составлены и к публикациям донесений Х. ван дер Гульста.

¹⁰⁶ М.И. Семевский по этому поводу замечал: ученым перевод не требуется, но если книга предназначалась “для всего читающего русского люда, как думал и думает сам Устрялов, – то перевод необходим” (Семевский М.И. Указ. соч. С. 62).

¹⁰⁷ Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 3. Прил. V. С. 468–469, без даты и легенды; Т. 1. Прил. II. С. 315. № 1; С. 315–316. № 2.

¹⁰⁸ См.: Там же. Т. 4, ч. 2. № 66–68.

¹⁰⁹ Там же. Т. 4, ч. 2. С. 291. № 218. Сн. 527, 528 (с отметкой лапками границ собственноручного текста).

чен, но, без сомнения [...]”, “года не означено; по содержанию [...]”, “месяц не означен, очевидно [...]”, “без числа, должно быть [...]”, “без означения времени”, “без означения времени и места [...]”, “без означения месяца” (в заголовке, однако, появляется: “[...] мая–августа”). Устрялов здесь исправлял Голикова, устанавливал даты недатированных им документов, главным образом по содержанию и пометам, находил возможным датировать по почерку¹¹⁰. В ряде случаев публикации даны без даты¹¹¹.

Отсутствие легенды, безусловно, является показателем ненадежности, низкого качества публикации. Однако за этим может сознательно скрываться и нежелательная для публикатора по разным причинам информация о месте хранения и форме введения источника в оборот. Примером последнего служит опубликованное Устряловым сочинение Г. Бутенанта (Б. фон Розенбуша) о майских событиях 1682 г. в Москве (“*Warhaftige Relation der traurigen Tragedie in der Stadt Moscau...*”)¹¹². Реляция датского резидента была упомянута в обзоре источников по истории первого стрелецкого бунта с точной постраничной ссылкой на ее публикацию в “*Theatrum Europaeum*” 1691 г.¹¹³, но воспроизводилась по тексту неизвестной рукописи без легенды. Один из рецензентов ИЦПВ сокрушался по поводу напрасно затраченных историком усилий и времени на поиски списка реляции и раритетного сборника, в то время как Публичная библиотека располагала тремя экземплярами ее современных изданий¹¹⁴. На самом деле Устрялов приложил минимум усилий и времени. Сдавая в типографию рукопись “Истории”, он просто приплёл к ней список немецкого текста “Правдивого известия” из коллекции Археографической комиссии, а после набора книги возвратил его на место¹¹⁵.

Установленная дата документа в заголовок публикации либо не вносилась, либо (реже) печаталась одинаковым шрифтом с остальными его частями (кур-

¹¹⁰ Письмо Петра к сестре царевне Наталии “почерком времени второго Азовского похода, в чем удостоверяет и содержание” (Там же. Т. 2. С. 428. № 58. Сн. 72).

¹¹¹ Два письма царевны Софьи кн. В.В. Голицыну. См.: Там же. Т. 1. Прил. X. С. 382–383. Приблизительная дата (“время второго Крымского похода”) определена в подстрочной сноске к тексту другого документа. См.: Там же. Прил. VII. С. 346. Сн. 25. “Записка о Ругодевском походе” – в легенде: “без подписи и без года, но современная” (Там же. Т. 4, ч. 2. Прил. II. С. 149. № 11. Сн. 258. См. также док. № 15, 16, 43 и др.).

¹¹² См.: Там же. Т. 1. Прил. VI. С. 330–346; С. 330. Сн. 21. В справочнике “История дореволюционной России...” под редакцией П.А. Зайончковского (М., 1976. Т. 1. С. 96. № 229) содержится ошибочное указание на то, что реляция Устрялов перепечатал из “*Theatrum Europaeum*”.

¹¹³ Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 1. С. 271. Примеч. 38. Поскольку перевод (в извлечении) “Правдивого известия” по “*Theatrum Europaeum*” напечатал еще в середине 1830-х годов В.Н. Берх (*Берх В.Н.* Царствование царя Феодора Алексеевича и история первого стрелецкого бунта. СПб., 1835. Ч. 2. С. 56–63), но исключено, что и устряловская ссылка на публикацию 1691 г. была заимствована у него же.

¹¹⁴ См.: [Минцлов С.Р.] Несколько библиографических заметок... // ОЗ. 1858. № 6. С. 537–538. Рецензент, кроме того, заметил, что фон Розенбушу принадлежит не вся, а только вторая часть реляции. Устрялов, однако, писал об авторстве Г. Бутенанта с оговоркой: “по всей вероятности” (*Устрялов Н.Г.* ИЦПВ. Т. 1. С. LIII. Сн. 48; С. 271. Примеч. 38).

¹¹⁵ См.: Лавров А.С. Донесения датского комиссара Генриха Бутенанта о стрелецком восстании 1682 г. // ВИД. СПб., 2000. Т. XXVII. С. 192. Примеч. 10. См. также: Протоколы заседаний Археографической комиссии. СПб., 1885. Вып. 1. С. 354. Устряловский перевод второй части “*Relation der traurigen...*” см.: Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 1. С. 276–279. Примеч. 53. Донесение Г. Бутенанта отчасти в пересказе, отчасти в переводе дано М.П. Погодиным по публикации Устрялова. См.: *Погодин М.П.* Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого. М., 1875. С. 38–56. Однако в справочнике “История дореволюционной России...” говорится, что Погодин (Там же. Прил. С. 52–56) использовал без указания автора перевод В.Н. Берха с собственными исправлениями. По мнению А.С. Лаврова, “именно этот крайне неточный перевод используется до сих пор историками, что сказывается на их выводах” (*Лавров А.С.* Указ. соч. С. 193, 198–199).

сив), либо заключалась в скобки, либо как-то еще¹¹⁶. В перечне напечатанных документов единообразие формы и структуры заголовка более или менее соблюдалось, но определенные публикатором данные никак не выделялись.

Итак, мы имели возможность видеть, как указание на характер аутентичности источника текста иногда попадало в заголовок публикации (документы, собственноручно написанные Петром) наравне с указанием на отсутствие в нем даты или места написания и даже поисковыми данными. Информационно-справочные данные об атрибутике документа и его содержании, таким образом, не имели своего строго фиксированного места расположения¹¹⁷.

Легенда содержала указания на место хранения (при достаточном количестве глухих ссылок), иногда на аутентичность воспроизводимого документа (“черновой собственноручный отпуск”, “отпуск рукою Паткуля”, “современный список без скрепы”, “записка без подписи, по всем признакам подлинная”, “записка без подписи, но должно быть официальная” и пр.), характер почерка (“времен Петра Великого”), пометы (часто в сокращении и не всегда) и надписи, датировки (недатированных документов или исправленные), предшествующие публикации (опять же не всегда) с краткой оценкой их качества или без нее¹¹⁸.

Ошибочные чтения в старых публикациях и редкие пояснения по содержанию документа (толкования), помещались в подстрочных примечаниях¹¹⁹.

К сказанному следует добавить, что несколько утраченных подлинных писем Петра в ПБПВ републиковано по текстам ИЦПВ¹²⁰ или по копиям, сделанным Устряловым¹²¹. В тех случаях, когда архивный оригинал представ-

¹¹⁶ “Адриана патриарха извещение в октябре 1688 или 1699 года”. В легенде: “Столбец современный без подписи и без года [...] Год определить трудно [...]” (Там же. Т. 3. С. 511. № 45. Сн. 165).

¹¹⁷ Изредка, вероятно, по недосмотру при корректуре, встречаются публикации вообще без легенды как таковой. См.: Там же. Т. 3. Прил. V. С. 468–470; Прил. VII. С. 511. № 44; Т. 4, ч. 2. С. 197. № 75, 76; С. 449–450. № 458 и др.

¹¹⁸ Варианты: “сокращенно”, “сокращенно и с ошибками”, “в сокращении и без всякого смысла”, “с ошибками и пропусками”, “без конца”, “с пропусками”, “с переменами”, “с пропусками и ошибками”, “с переменами и пропусками”, “не вполне и с ошибками”, “неверно и не вполне”, “неверная дата”, “не тот год”, и т.д., кое-где с указанием на пропуски выносными знаками « ».

¹¹⁹ В некоторых публикациях легенда присоединялась к заголовку, вынесенному на отдельный, титульный лист. См.: Там же. Т. 1. Прил. IX. С. [385]. Вставлено курсивом в текст (“*Последняя строка вырвана*”), вынесено в самостоятельные подстрочные примечания.

¹²⁰ Письма царя к кн. Ф.Ю. Ромодановскому. См.: ПБПВ. Т. 1. С. 88; С. 589. Примеч. к № 106 (от 15 июля 1696 г.). Ср.: Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 2. С. 431; ПБПВ. Т. 1. С. 145; С. 617. Примеч. к № 148 (от 8 апреля 1697 г.). Ср.: Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 3. С. 421; ПБПВ. Т. 2. С. 248; С. 657. Примеч. к № 586 (от 3 сентября 1703 г.). Ср.: Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 4, ч. 2. С. 61. № 89. Приписка в письме Ф.А. Головина к Ф.Ю. Ромодановскому от 6 июня 1704 г. См.: ПБПВ. Т. 3. С. 76; С. 632. Примеч. к № 661. Ср.: Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 4, ч. 2. С. 309. № 249.

¹²¹ ПБПВ. Т. 1. С. 73–74; С. 577. Примеч. к № 95 (письмо к А.А. Виниусу от 11 июня 1696 г.). В ряде случаев на основании снятых Устряловым копий писем установлены место и время их написания. См.: Там же. С. 500. Примеч. к № 28; Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 2. С. 407–408. “Второго листка от письма в архиве нет, но когда им пользовался Устрялов, – замечал А.Ф. Бычков, – листок еще был”. См. также: ПБПВ. Т. 1. С. 590–591. Примеч. к № 108; Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 2. С. 430 и др. Спустя пять лет после смерти Устрялова директор ГАМИД сообщил сыну историка о том, что в архиве “не оказалось *многих* (курсив мой. – А.Б.) документов и автографов”, имевших отношение к ИЦПВ, и обратился с просьбой вернуть их по принадлежности. Ф.Н. Устрялов подтвердил наличие “некоторого числа” рукописей петровского времени в отцовских “бумагах” без указаний на их принадлежность. На этом основании, замечал Устрялов, “я мог вполне добросовестно располагать ими как моею собственностью, прешедшую ко мне по наследству”. Если же упомянутые документы были “зайствованы” отцом, вероятность чего Устрялов не исключал, то они оставались у него “единственно по болезни или забывчивости”; чтобы “очистить” свое имя “от всякой тени нарекания”, сын историка соглашался вернуть документы в архив. См.: РГАДА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 94. Л. 25–25 об. Письмо от 24 января 1875 г. Когда и сколько рукописей Ф.Н. Устрялов возвратил в ГАМИД и возвратил ли их вообще, неизвестно.

лял сокращенную редакцию документа, издатели ПБПВ в качестве источника текста отдавали предпочтение публикации ИЦПВ¹²². Информация о тех или иных текстах, событиях или лицах, упомянутых в царской переписке, вкупе с извлечениями из нее, введенные в оборот Устряловым, нашли свое применение в комментариях ПЕПВ¹²³.

Изучение археографии ИЦПВ дает двойственные результаты. Сделанное Устряловым по любым меркам значительно и говорит само за себя; многие его публикации, наблюдения, соображения и замечания прошли проверку временем, что показала разработка петровской корреспонденции А.Ф. Бычковым, в существенной мере опиравшейся на Приложения ИЦПВ. Но при созданных для Устрялова правительством почти идеальных условиях, собственном и накопленном его предшественниками публикаторском опыте, с одной стороны, и затраченном на “Историю” времени – с другой, здесь нет ничего особенно выдающегося, из ряда вон выходящего. Внешние обстоятельства всячески облегчали дело нашему археографу, при всем при том оно было исполнено отнюдь не с той степенью продуманности, тщательности, “шлифовки”, как того можно было ожидать и как того заслуживали тексты. Устрялов не всегда и строго следовал им же самим (“по умолчанию”) принятым нормам. Едва ли разнообразные публикаторские вольности сверхпедантичного по натуре Устрялова объяснимы пресловутой *небрежностью* старого мастера, позволявшего себе не замечать их. Последние можно связать разве только с избытком сырого материала, чрезмерное давление которого заставляло забывать о канонах археографического ремесла; потому и качество публикаций ИЦПВ, взятых во всем их объеме, нельзя признать полноценным, а самый труд отнести к академическому формату. Требования классического издания научного типа здесь смешались с произвольными установками на утилизацию исторических документов средствами археографии.

Устряловская история Петра в документах, долженствующих озарить жизнь Преобразователя “лучами чистой истины”, значительна, но небезупречна даже для своего времени. Оценку можно было бы несколько смягчить, поскольку конечная цель Устрялова в конце определялась все-таки не археографией как таковой. Однако существенность материала, с которым ему пришлось работать именно в качестве издателя, предписывает судить о нем как об археографе-практике средней руки, во всяком случае, не первого ранга.

¹²² См.: Устрялов Н.Г. ИЦПВ. Т. 4, ч. 2. С. 15–18. № 18; ПБПВ. Т. 1. С. 435–439; С. 849. Примеч. к № 365 (договор в Биржах с Августом II от 26 февраля 1701 г.).

¹²³ См.: ПБПВ. Т. 1. С. 784–785. Примеч. к № 283; С. 845. Примеч. к № 349; С. 860. Примеч. к № 379; С. 862–863. Примеч. к № 382; С. 875. Примеч. к № 395; С. 882. Примеч. к № 397; и др.

В.Г. Бухерт

**ПУШКИНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНИЯ,
ПОПУЛЯРИЗАЦИИ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОХРАНЫ
СТАРОГО ПЕТЕРБУРГА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ
(1924–1925)**

Мысль о создании “Пушкинского кружка” (Пушкинского отделения) Общества изучения, популяризации и художественной охраны Старого Петербурга и его окрестностей (далее – Общество “Старый Петербург”) возникла осенью 1924 г. в ходе переговоров членов Общества с руководством Пушкинского Дома, в ведении которого находилась последняя квартира А.С. Пушкина (Мойка, 12). Квартира была расселена, но не “национализирована”, и имелось опасение, что она вновь может отойти под заселение частными лицами. К тому же, у Пушкинского Дома не было средств на ее содержание¹.

1 октября 1924 г. квартира была занята Обществом “Старый Петербург”², а 10 октября Пушкинский Дом официально обратился к Обществу с просьбой принять ее в свое ведение³. 12 октября было утверждено представленное Обществу С.Н. Жарновским “Положение о Пушкинском кружке”, ставившее перед ним следующие задачи: реставрация квартиры А.С. Пушкина в первоначальном ее виде, устройство в ней музея быта 1830-х годов, “приближающегося по типу к обстановке квартиры Пушкина”, организация научной работы с целью изучения жизни и творчества Пушкина⁴.

21 октября 1924 г. состоялось первое общее собрание членов кружка, на котором был избран состав Президиума. Председателем и, по совместительству, “хранителем” квартиры Пушкина стал С.Н. Жарновский, его заместителем – М.Д. Беляев, секретарем – А.А. Платонов, членами – С.А. Галяшкин и Е.В. Рейхард, членами кружка – 37 человек (в том числе Н.А. Котляревский и Б.Л. Модзалевский)⁵. Сообщение о передаче квартиры Пушкина в ведение Общества “Старый Петербург” появилось в “Красной газете” только 23 декабря⁶.

В 1924 г. квартира имела “жалкий вид” и уже при поверхностных осмотрах ее стало ясно, что полная реставрация в тех условиях была почти невозможна, удалось бы лишь частично восстановить планировку квартиры, а затем “только общими чертами в отделке квартиры восстановить дух эпохи”⁷. Составлением первоначального плана квартиры занялись Н.Е. Лансере⁸ и А.А. Платонов⁹. Добытых Пушкинским отделением средств хватило лишь на

¹ РГАЛИ. Ф. 2134 (“Пушкинский кружок” при Обществе “Старый Петербург”). Оп. 1. Д. 4. Л. 29–30.

² Там же. Л. 38.

³ Там же. Д. 1. Л. 2.

⁴ Там же. Д. 4. Л. 32.

⁵ Там же. Д. 2. Л. 5–6.

⁶ См.: Красная газета (веч. вып.). 1924. 23 дек.

⁷ Платонов А.А. Последняя квартира Пушкина // Беляев М.Д., Платонов А.А. Последняя квартира Пушкина в ее прошлом и настоящем. 1837–1927. Л., 1927. С. 10.

⁸ Лансере Николай Евгеньевич (1879–1942) – историк архитектуры, художник.

⁹ Беляев М.Д. Квартира, где умер Пушкин. Л., 1930. С. 37.

частичное восстановление кабинета, где скончался поэт¹⁰. По соглашению с Музейным отделом Главнауки был разработан план устройства в квартире музея¹¹. Вследствие выхода из состава Президиума его двух членов и председателя, 24 марта 1925 г. состоялись пере выборы (председателем стал С.Ф. Платонов, его заместителем – Б.Л. Модзалевский, секретарем – Н.В. Измайлов, членами – М.Д. Беляев и А.А. Платонов, на последних возлагались обязанности “хранителей” квартиры Пушкина)¹². В соответствии с “Положением о Пушкинском отделении” от 25 марта 1925 г. был официально закреплён статус Пушкинского кружка как отделения Общества “Старый Петербург”, который он фактически имел с самого начала своей деятельности, Президиум был переименован в Правление.

Научную деятельность члены Пушкинского отделения пытались совместить с решением задачи восстановления квартиры. Ежедневно, по понедельникам в 8 часов вечера на квартире поэта устраивались заседания Пушкинского отделения с чтением научных докладов. Заседания были открытыми, с приглашением публики, среди которой устраивался сбор средств на восстановление квартиры. Начало было положено П.Е. Рейнботом, выступившим 1 декабря 1924 г. с докладом “Пушкин в петербургский период его жизни (1831–1837)”, правда, не на квартире поэта, а в Клубе инженеров на “Пушкинском литературно-музыкальном вечере”¹³. Всего же в 1924–1925 гг. было прочитано 35 докладов на 34 заседаниях, три из которых были приурочены к отдельным событиям. 10 февраля 1925 г. под председательством А.Ф. Кони состоялось заседание, посвященное 88-й годовщине смерти поэта¹⁴. К этому времени кабинет Пушкина был отремонтирован и квартира “уже начала свое существование как памятная учреждение”, а история дома на Мойке стала с этого дня “неразрывно связанной с жизнью музея”¹⁵. Два других специальных заседания были посвящены памяти Н.А. Котляревского (18 мая) и 126-й годовщине со дня рождения Пушкина (8 июня). Об участии А.Ф. Кони в первом из них ничего не известно, можно лишь предположить, что его очерк “Памяти Н.А. Котляревского”¹⁶ писался для выступления на заседании Пушкинского отделения. Что же касается другого заседания, то Кони был приглашен на нем выступить, но по состоянию здоровья вынужден был отказаться¹⁷. Из выступавших на заседаниях отметим прежде всего С.Ф. Платонова, сделавшего 8 июня 1925 г. доклад “Пушкин и Петр Великий”, а также Б.Л. Модзалевского, П.Е. Щеголева, Е.Н. Щепкину. Чаще других выступали П.М. Устимович (5 докладов), Н.В. Измайлов, П.Е. Рейнбот (по 4 доклада) и А.П. Семенов-Тянь-Шанский¹⁸ (3 доклада) (см. Приложение 1). Материалы докладов легли в основу опубликованных работ А.К. Гладкого, Н.В. Яковлева, П.М. Устимовича¹⁹.

¹⁰ Платонов А.А. Указ. соч. С. 16.

¹¹ Беляев М.Д. Указ. соч. С. 40. Музей был открыт в 1926 г.

¹² РГАЛИ. Ф. 2134. От. 1. Д. 4. Л. 32.

¹³ Там же. Л. 40.

¹⁴ Фотография этого заседания была опубликована. См.: Ленинград. 1925. № 6. С. 5.

¹⁵ Абрамович С.Л., Голлер Н.И. 250 лет жизни дома на Мойке // Памятники культуры: новые открытия. 1977. М., 1977. С. 352.

¹⁶ Кони А.Ф. Собр. соч. М., 1969. Т. 7. С. 403–407.

¹⁷ См.: Письма С.Ф. Платонова А.Ф. Кони / подг. В.Г. Бухерт // АЕ за 1995 год. М., 1997. С. 352.

¹⁸ Семенов-Тянь-Шанский Андрей Петрович (1866–1941) – зоолог и энтомолог, президент Русского энтомологического общества (1914–1931).

¹⁹ Гладкий А.К. Забытый уголок Пушкина // Познай свой край. Псков, 1925, № 2. С. 74–79; Яковлев Н.В. Из розысканий о литературных источниках в творчестве Пушкина // Пушкин в мировой литературе. Л., 1926. С. 113–159; Устимович П.М. Там, где жил Пушкин // Красная панорама. 1926, № 6. С. 10–11; Он же. Пушкин и его няня // Там же. 1926, № 28. С. 4–5; Он же. Михайловское, Тригорское и могила Пушкина. Л., 1927.

19 ноября 1925 г. Правление Академии наук СССР принимает постановление о передаче квартиры на Мойке Пушкинскому Дому, в лице которого ответственность за судьбу квартиры поэта взяла на себя сама Академия²⁰. Это решение было оглашено на собрании Пушкинского отделения 21 ноября 1925 г., причем С.Ф. Платонов, как директор Пушкинского Дома, заявил, что квартира по-прежнему будет предоставляться для нужд Пушкинского отделения²¹ (последнее из его заседаний состоялось 22 декабря 1925 г.). В дальнейшем была предпринята попытка на основе Пушкинского отделения создать литературную секцию Общества “Старый Петербург”, 25 января 1926 г. состоялось ее учредительное собрание, а на 17 февраля был намечен доклад председателя секции С.А. Галяшкина²² “Пушкин и Нащокин”²³. Собрания хранителей памяти Пушкина на его квартире, как и деятельность Пушкинского отделения по созданию музея, – важная страница в летописи культурной и научной жизни Ленинграда середины 1920-х годов.

Приложение 1

Доклады, сделанные на заседаниях Пушкинского отделения Общества изучения, популяризации и художественной охраны Старого Петербурга и его окрестностей

1924 г.

- 1 декабря. П.Е. Рейнбот. “Пушкин в петербургский период его жизни (1831–1837)”.
 22 декабря. Н.В. Измайлов. “Петербург в поэзии Пушкина”.
 29 декабря. А.А. Платонов. “Пушкин в кружке Олениных и мыза Приютино”.

1925 г.

- 5 января. П.Е. Рейнбот. “Последнее новоселье”.
 12 января. М.Н. Мотовилова. “Анна Алексеевна Оленина”.
 19 января. А.П. Семенов-Тянь-Шанский. “Самая красивая страница в биографии Пушкина (Пушкин и Елена Николаевна Раевская)”.
 26 января. П.М. Устимович. “Пушкин и Анна Алексеевна Оленина”.
 2 февраля. Н.Н. Кузнецов. “Южная любовь Пушкина”.
 10 февраля. Заседание, посвященное 88-й годовщине смерти А.С. Пушкина (под председательством А.Ф. Кони).
 Н.А. Котляревский. Вступительное слово.
 П.Е. Щеголев. “О смерти Пушкина”.
 16 февраля. П.Е. Рейнбот. “Смерть и похороны Пушкина”.
 23 февраля. С.А. Галяшкин. «По поводу стихотворения: “Ты видел деву на скале”».
 2 марта. Н.В. Измайлов. “Роль с. Михайловского в жизни и творчестве Пушкина”.
 9 марта. Н.В. Яковлев. “Пушкин и Кольридж”, “Перевод Пушкина из Водсворта”.

²⁰ РГАЛИ. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

²¹ Там же. Д. 2. Л. 40. Неверно, таким образом, утверждение, что квартира была в распоряжении Пушкинского отделения до октября 1925 г. См.: Платонов А.А. Указ. соч. С. 10.

²² Галяшкин Сергей Александрович (1869–?) – художник.

²³ РГАЛИ. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 2. Л. 48.

- 16 марта. П.М. Устимович. “Село Михайловское в прошлом и настоящем”.
- 23 марта. П.Е. Рейнбот. “Пушкин в Петербурге”.
- 30 марта. А.А. Гизетти. “К вопросу об отражении пушкинских образов в позднейшей русской литературе (1. Герман и его духовные потомки)”.
- 6 апреля. А.К. Гладкий. “Забытый уголок Пушкина: с. Михалево Порховского у. Псковской губ.”
- 13 апреля. А.А. Гизетти. “К вопросу об отражении пушкинских образов в позднейшей русской литературе (2. Гринев как тип интеллигента переходной эпохи)”.
- 27 апреля. П.М. Устимович. “Арина Родионовна – няня Пушкина”.
- 11 мая. Н.В. Измайлов. “Пушкин и князь В.Ф. Одоевский”.
- 18 мая. Заседание, посвященное памяти Н.А. Котляревского.
С.Ф. Платонов. Вступительное слово.
Речи Я.Л. Барскова и Б.М. Энгельгардта.
- 8 июня. Заседание, посвященное 126-й годовщине со дня рождения А.С. Пушкина.
С.Ф. Платонов. “Пушкин и Петр Великий”.
Б.Л. Модзалевский. “Пушкин и его друзья в письмах баронессы Софьи Михайловны Дельвиг”.
- 22 сентября. П.Н. Елагин. “Два месяца в селе Михайловском”.
- 29 сентября. Н.В. Яковлев. «Пушкин и Соути (источник “Родрига”»).
- 6 октября. Е.Н. Щепкина. “Любовь на пороге XIX века (письма Андрея Тургенева)”.
- 13 октября. Н.В. Измайлов. “О Михайловском собрании рукописей Пушкина”.
- 20 октября. А.П. Семенов-Тянь-Шанский. «Столетие двух перлов лирики Пушкина: “Я помню чудное мгновенье” и “Все в жертву памяти твоей” (1825–1925)».
- 27 октября. М.Д. Беляев. “От ареста до ссылки (декабрист В.П. Ивашев в 1826–1827 гг.)”.
- 3 ноября. М.Д. Беляев. “От ареста до ссылки (декабрист В.П. Ивашев в 1826–1827 гг.)” (окончание).
- 10 ноября. А.П. Семенов-Тянь-Шанский. «Значение для биографии Пушкина его стихотворения “Воспоминание” (1828 г.)».
- 17 ноября. А.Н. Свириной. “О вкладах пушкинских в Троицкую Лавру XVI–XVII вв.”
Е.Н. Щепкина. “Очерки хозяйств и состояний некоторых декабристов и их семей”.
- 24 ноября. П.М. Устимович. “Квартира Пушкина в Царском Селе в 1831 г.”
- 8 декабря. П.М. Устимович. “Русская Сафо (Елизавета Кульман 1808–1825 гг.)”.
- 22 декабря. Б.Л. Модзалевский. “Декабрист Пуцин – друг Пушкина”.

Приложение 2

А.Ф. Кони – С.Ф. Платонову

25 мая 1925 г.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович.

10го февраля сего года, когда в 88^ю годовщину смерти Пушкина в его бывшей квартире у Певческого моста устроены были поминки по нем, был возбужден вопрос о таком же и там же собрании в 126 годовщину рождения великого поэта. При этом я выразил готовность сказать слово о трагическом элементе в жизни Пушкина. Ничего определенного по этому поводу еще, сколько мне известно, не постановлено. Между тем 8ое июня приближается, а я вследствие сильного переутомления нахожусь в болезненном состоянии и, по совету врачей, должен был прекратить свои лекции в Институте техники речи и отказаться от речи о Толстом при открытии нового помещения для музея его имени. Поэтому я опасаясь, что могу оказаться не в силах по состоянию моего здоровья (побуждающего меня диктовать настоящее письмо, а не писать самому) сделать мой доклад или заблаговременно предупредить о его затруднительности. В виду

положения, занимаемого Вами в Обществе “Старого Петербурга”, считаю необходимым просить Вас, вследствие вышеизложенного, разрешить мне не делать этого доклада 8го июня, предоставляя себя в Ваше распоряжение или осенью этого года, начиная с половины сентября, или 10го февраля будущего года, в день 89-летия кончины Пушкина, в надежде, что судьба допустит меня дотянуть нить жизни до этого дня, когда мне исполнится 82 года. Позвольте ожидать Вашего ответа и примите уверение в моем глубоком к Вам почтении.

Искренно преданный Вам

А. Кони

Я хотел поговорить об этом с Вами на поминках по Н.А. Котляревском у Певческого моста, добравшись туда с большим усилием по нездоровью, но мог прослушать только первую речь и, чувствуя себя нехорошо, поспешил удалиться.

РГАЛИ. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 13. Л. 19–20. Подлинник, подпись – автограф.

А.Ю. Дубинский

**ДАнные архИвов духовных учебных заведений
по генеалогии православного духовенства
XIX – начала XX века**

Возрождающийся интерес к отечественной генеалогии не мог не затронуть и духовное сословие, из которого в XIX–XX вв. вышло множество выдающихся ученых, деятелей искусства, философов.

С генеалогией священнослужителей сталкивается и краевед, поскольку изучение любой местности (по крайней мере, центральной России) приведет исследователя к истории местных храмов, а от нее – к истории клира.

О выходцах из духовного сословия сохранившихся сведений, как правило, недостаточно. Это неудивительно, поскольку в годы советской власти происхождение из семьи “служителя культа” было, пожалуй, самым невыгодным в смысле перспектив на получение образования и продвижения по службе. В отличие от дворян родословные исследования о семьях духовенства крайне незначительны. Основным источником, к которому в своем поиске обращаются исследователи, – это метрические книги, отчасти исповедные ведомости, материалы ревизий и, наконец, клировые ведомости, являющиеся фактически аналогом послужных списков¹. В архивах они сгруппированы по территориальному принципу, и их можно найти в фондах уездных духовных правлений, благочиний (или сороков для Москвы), а также в фонде духовной консистории. Поиск клирика по месту службы оказывается малоэффективен в силу того, что в пределах епархии служебные перемещения были весьма распространенным явлением (по крайней мере, начиная со второй половины XIX столетия), так что тот и иной священник или дьякон мог за свою жизнь сменить несколько церквей. В связи с этим предлагается подход, который может оказаться более эффективным при меньших затратах времени.

Прежде всего заметим, что с XIX в. стать церковно- или священнослужителем в России можно было не иначе как получив специальное духовное образование, которое давалось только в духовных академиях, семинариях и училищах². В училищах будущий клирик получал начальное, а в семинарии и академии – соответственно среднее и высшее духовное образование. Случаи в России после реформы духовной школы в 1810-х годах, когда без окончания хотя бы нескольких классов духовного училища человек был допущен к отпращиванию треб или богослужений, автору не известны.

Такая многоуровневая система с некоторыми поправками сложилась в годы правления Александра I. В каждой епархии, согласно проекту устава о духовных учебных заведениях, была учреждена семинария. В ее подчинении

¹ Краткий обзор этих источников в фондах ГАТО см.: *Матисон А.В.* Генеалогия православного приходского духовенства России XVIII – начала XX веков: история рода Мощанских. М., 2000. С. 5–11.

² Доклад Комитета о усовершенствовании Духовных училищ, и начертание правил о образовании сих училищ и содержании Духовенства при церквах служащего, с приложением Именных высочайших указов по сему предмету последовавших. СПб., 1808. Ч. I, п. 27.

находились подведомственные уездные училища, число которых не должно было превышать десяти на епархию.

Если подросток не закончил училище или закончил его, но не удостоен был перевода в семинарию, то в дальнейшем ему было затруднительно приобрести священнический сан, которого достигали, в первую очередь, полноправные семинарские выпускники. А наиболее одаренные воспитанники (один–три из выпуска) направлялись в академии, коих в России позапрошлого столетия было всего четыре – Санкт-Петербургская, Киевская, Московская и Казанская.

Формально за каждым из уездных училищ был закреплен свой территориальный округ (два–три уезда), зачастую родители отдавали своего ребенка в училище по своему усмотрению. В отношении семинарии выбор практически отсутствовал – за редким исключением все воспитанники училищ прибывали в свою епархиальную семинарию. Таким образом, мы видим, что через семинарию проходили практически все священники и дьяконы (те, кто осваивал полный курс), а также немалая доля клириков рангом ниже – тех, кто на разных этапах оставлял обучение в бурсе. То есть духовные учебные заведения являлись некой узловой точкой, через которую проходило все сословие епархии.

Переходы по службе из епархии в епархию были весьма нечастым явлением (в противоположность перемещениям внутри нее), так что многие семьи духовенства на протяжении нескольких поколений оставались в одной епархии. Получается, что географическая привязка при поиске человека может быть достаточно грубой – на уровне епархии, что для европейской России фактически эквивалентно губернии.

Кроме того, архивы семинарий в некоторой степени отличаются от архивов светских учебных заведений тем, что семинарская канцелярия редко заводила отдельные личные дела на семинаристов. Тем не менее сведения об их происхождении достаточно скрупулезно фиксировались в специальных тетрадях, в которых был представлен весь ученический состав семинарии. В первой половине XIX в. они назывались “именными ведомостями”. В них указывалось, кто отец семинариста и где служит, также приводились возраст ученика, дата его поступления в семинарию, сведения об успехах, прилежании и поведении. На основании последних трех показателей семинариста причисляли к одному из трех так называемых разрядов³, что также отражено в ведомости. Затем указывалось, куда выбыл (переведен) семинарист, и наконец, на каком содержании находится семинарист (казенном, родительском и пр.).

Недостатком именных ведомостей является то, что они представляли собой не алфавитные, а именно разрядные списки, где на первых местах стояли лучшие ученики, а в конце – наоборот, самые слабые.

Списки в алфавитном порядке появились уже ближе к концу XIX столетия, и получили название дел “С метрическими сведениями воспитанников”. Здесь, помимо всего прочего, указано учебное заведение, которое заканчивалось воспитанником до его поступления в семинарию.

Возможно, более логично в таком случае обратиться к фондам духовных училищ, так как через них должен был пройти практически всякий клирик. Однако в отношении Московской епархии реализовать эту идею пока не

³ В первый разряд зачислялись отличники – у них были наилучшие перспективы на получение хорошего прихода, а также в продвижении по службе. Основная масса воспитанников выпускалась по второму разряду. Третий разряд – наиболее слабые ученики – был самым малочисленным и зачастую вовсе отсутствовал в семинарском выпуске.

представляется возможным по причине отсутствия полноценно сохранившихся архивных фондов духовных училищ. Так, фонды Дмитровского и Перервинского училищ насчитывают всего несколько десятков дел, а фонд Заиконоспасского училища – около 300. Дел, в которых можно почерпнуть генеалогическую информацию, гораздо меньше. Примерно такая же ситуация сложилась в архивах Тверской и Владимирской областей (за исключением лишь богатого собрания документов по истории Бежецкого духовного училища за XIX – начало XX вв.). Впрочем, именные ведомости училищ до середины 1860-х годов подшивались иногда к документам епархиальных семинарий.

Возвращаясь к Московской епархии, отметим ее отличие от остальных регионов, состоявшее в том, что здесь в XIX в. были сразу две семинарии – Московская и Вифанская. Первая располагалась собственно в Первопрестольной, а вторая – недалеко от Троице-Сергиевой лавры. Во второй половине XIX столетия подведомственными Московской семинарии были Заиконоспасское, Донское, Перервинское и Коломенское училища, в которые поступали учиться уроженцы собственно Москвы, а также юноши из Богородского, Бронницкого, Московского, Коломенского, Серпуховского и Подольского уездов Московской губернии. В Вифанской же семинарии учились, напротив, преимущественно выходцы из юго-западных, западных и северо-западных уездов – Верейского, Можайского, Звенигородского, Волоколамского, Клинского и Дмитровского, а также из Александровского и Переславского уездов Владимирской губернии. Это объясняется территориальным положением московской Вифании – на самой границе с Владимирской губернией. Получалось, что переславцам и александровцам было несравненно дольше добираться до своей “законной” Владимирской семинарии, чем до Вифанской. Вообще, в этой семинарии была весьма высока доля так называемых иноепархиальных слушателей (Тверь, Смоленск, Ярославль и т.д.). Подведомственны Вифанской семинарии были также Звенигородское, Дмитровское и Волоколамское училища.

В Центральном историческом архиве г. Москвы хранятся фонды Московской (№ 234) и Вифанской (№ 427) духовных семинарий. Часть дел этих семинарий отложилась в ОР РГБ (Ф. 762, 763).

Для поиска минимальных персональных сведений о человеке в первую очередь необходимо предварительно изучить книги, издававшиеся к юбилею семинарий. Среди таковых следует отметить фундаментальное исследование Н.В. Малицкого, который собрал информацию о выпускниках Владимирской семинарии за полтора столетия, вплоть до 1900 г.⁴ К 75-летней годовщине своего образования был выпущен “Краткий исторический очерк Московской духовной семинарии”, подготовленный Н.И. Кедровым, где, помимо сведений по истории учебного заведения, имеются списки преподавателей, наставников и выпускников с 1814 по 1889 г.⁵ В 1897 г. Вифанская семинария также публиковала “Списки начальников, наставников и воспитанников Спасо-Вифанской духовной семинарии” к празднованию 100-летнего юбилея со дня ее основания⁶. В обоих изданиях публикуемые списки опять-таки разрядные,

⁴ Малицкий Н.В. История Владимирской духовной семинарии. Владимир, 1900. Т. 1–3.

⁵ Кедров Н.И. Московская духовная семинария. 1814–1889: крат. ист. очерк с прил. списков начальников, наставников и воспитанников. М., 1889.

⁶ Списки начальников, наставников и воспитанников Спасо-Вифанской духовной семинарии с 1800 по 1897 г. Троице-Сергиева лавра, 1898.

а не алфавитные. О некоторых выпускниках имеется информация о дальнейшем жизненном пути, а также приводятся опубликованные ими печатные труды⁷.

Справочники, выпущенные автором этой статьи⁸, уже хронологически перекрывают список выпускников Вифанской семинарии. На сегодняшний день нет указателя воспитанников Московской семинарии в период с 1889 по 1900 г., однако, можно надеяться, что соответствующий список фамилий будет издан в ближайшее время.

⁷ Эта тенденция прослеживается практически во всех изданиях учебных заведений, публиковавших фамилии своих воспитанников – создается впечатление, что было желание показать до какого уровня доросли питомцы того или иного училища или семинарии. См. также: Историческая записка о Переславль-Залесском духовном училище. Владимир, 1888; *Смирнов М.И.* Владимирские уроженцы – воспитанники Вифанской духовной семинарии, 1797–1897. Владимир, 1898.

⁸ *Дубинский А.Ю.* Московская духовная семинария: алфавитный список выпускников 1901–1917 гг.: генеал. справ. М., 1998; *Он же.* Вифанская духовная семинария: алфавит. список выпускников 1901–1917 годов: крат. генеал. справ. М., 1999; *Он же.* Вифанская духовная семинария: алфавит. список выпускников 1881–1900 гг.: крат. генеал. справ. М., 2002.

Н.М. Баженова, Н.К. Леликова, М.П. Лепехин

**ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ, ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
И ПОДГОТОВКА КОММЕНТИРОВАННОГО ИЗДАНИЯ
“ИСТОРИЯ РУССКОЙ БИБЛИОГРАФИИ” Н.В. ЗДОБНОВА***

“История русской библиографии” Н.В. Здобнова – основной его труд – является и одним из немногих обобщающих исследований по истории отечественной библиографии. И хотя многие его предшественники и современники занимались изучением аналогичной проблематики (Здобнов в качестве своих предшественников называет К.Н. Дерунова, А.И. Малейна, А.Г. Фомина¹; параллельно со Здобновым эту же тему исследовали Н.Н. Аблов и И.Н. Кобленц), однако завершенных и опубликованных монографических работ по истории русской библиографии XI–XIX вв., кроме работы Здобнова, у нас нет. Его труд – единственный.

Н.В. Здобнов изучал историю библиографии в 1920–1930-е годы, и первым серьезным результатом следует считать “Синхронистические таблицы русской библиографии”, к работе над которыми он приступил еще в самом начале своей библиографической деятельности в Томске. Ученый составил их в качестве пособия к лекциям по истории русской библиографии, которые он предполагал читать на курсах книговедения при историко-филологическом факультете Томского университета. Но открытие курсов не состоялось, и, как писал Здобнов, “Таблицы” нашли другое применение: они “пошли по рукам” среди лиц, интересовавшихся историей русской библиографии.

К печати “Таблицы” были подготовлены в 1922 г. Первую попытку их издать предприняло Русское библиографическое общество при Московском университете в 1924 г., затем Книжная палата в 1929 г., но из-за трудностей набора они в то время так и не были напечатаны и вышли в свет лишь в 1962 г.² В них представлен материал об изданных в России с 1700 по 1928 г. библиографических трудах разных видов и типов, сведения о работах по истории, теории и “технике” (имеется в виду методика) библиографии, о библиографических журналах, фактические данные, касающиеся библиографических учреждений и организаций. “Синхронистические таблицы”, как и появившиеся в Москве в 1934–1935 гг. три издания курса лекций Здобнова “Библиографическое источниковедение”, послужили основой для написания “Истории русской библиографии”.

* См. об этом: *Леонов В.П., Баженова Н.М., Леликова Н.К., Лепехин М.П.* Новая версия классического труда // Библиография. М., 2004. № 6. С. 18–25.

¹ *Дерунов К.Н.* Жизненные задачи библиографии // Библиогр. изв. М., 1913, № 1. С. 8–25; № 2. С. 89–120; *Малейн А.И.* Исторический очерк развития библиографии и современное состояние ее на Западе и в СССР // Библиогр. дело. М.; Л., 1927. С. 24–42; *Фомин А.Г.* Библиография: программа. Л., 1926. 61 с.; *Он же.* Курс русской библиографии, читанный на Высших курсах библиотечковедения в 1928 г. Л., 1928. 174 л. (Архив РНБ. Ф. 12. Т. 332).

² *Здобнов Н.В.* Синхронистические таблицы русской библиографии 1700–1928 со списком важнейших библиографических трудов: материалы для истории русской библиографии / под ред. Б.С. Боднарского. М., 1962. 192 с.

В 1920–1930-е годы Здобнов опубликовал несколько статей по этой проблематике: по истории рекомендательной и критической библиографии, официальной библиографической регистрации, книжной статистики, которую рассматривал в составе библиографии, отчасти солидаризируясь с “расширительной” точкой зрения Б.С. Боднарского, считавшего библиографию наукой, охватывающей весь комплекс книжных дисциплин. В этот период вышли из печати и его очерки, посвященные библиографической деятельности А.С. Пушкина, Н.А. Добролюбова, В.И. Межова и др.

По свидетельству М.В. Машковой, накапливавшийся материал (доклады, лекции, очерки, статьи) постепенно привел Здобнова к мысли об отдельном издании книги очерков по истории русской библиографии XIX – начала XX вв. (до Октябрьской революции). Ее первоначальное название – “Библиография как орудие классовой борьбы”. Книга была закончена в 1934 г., но не издана³. В 1939–1940 гг. вышло два издания конспекта курса лекций Здобнова по истории русской библиографии в Московском государственном библиотечном институте (МГБИ). А в 1940 г. он представил на обсуждение в качестве докторской диссертации монографию “История библиографии в СССР. От древнего периода до Великой Октябрьской социалистической революции”.

Но даже предварительное обсуждение показало, что замысел автора оказался более узким, чем название книги, так как Здобнов не затрагивал вопросов истории библиографии других народов СССР (украинской, белорусской, грузинской, армянской и др.). Несомненно, это была история русской библиографии, и в дальнейшем книга получила привычное для нас название – “История русской библиографии. От древнего периода до начала XX века”. По XX в. (до Октябрьской революции) Здобнов предполагал написать отдельную книгу, но замысел свой не осуществил. Диссертация обсуждалась 27 февраля 1941 г. на кафедре библиографии МГБИ и в целом была высоко оценена специалистами. В протоколе заседания кафедры зафиксировано: «Труд Н.В. Здобнова “История русской библиографии” является новым и капитальным исследованием в этой области, подобного которому не было до сих пор ни в советской, ни в мировой библиографической литературе»⁴.

Такая оценка подтверждается и письменными отзывами. П.Н. Берков писал: “Обширная работа Н.В. Здобнова подводит итоги многолетним работам автора по изучению истории русской библиографии. Она представляет результат как самостоятельных разысканий автора по забытым и неиспользованным печатным и неопубликованным архивным источникам, так и критической переработки огромной литературы вопроса, которую Н.В. Здобнов знает с исключительной глубиной и обстоятельностью. Книга дает много больше того, что обещает ее заглавие: здесь немало страниц отведено истории книги, истории журналистики, истории цензуры, наконец, истории русской науки в самом широком смысле слова. При этом подобный материал не производит впечатление инородного, балластного, отягощающего изложение. Педагогический и исследовательский такт подсказывает автору ту границу, которая делает из его книги стройную и продуманную историю именно библиографии”⁵.

³ См. об этом: *Машкова М.В.* Н.В. Здобнов (1888–1942): очерк жизни и деятельности. М., 1959. С. 86.

⁴ БАН. Отдел библиотековедения. Ф. 1 (Н.В. Здобнов). Оп. 2. Ед. хр. 79. Л. 61. См. также: *Ажеева Е.Ю.* Н.В. Здобнов как историк русской библиографии: теорет.-методол. аспекты. М., 1994. С. 190.

⁵ БАН. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 79. Л. 37.

Того же мнения был и М.К. Азадовский: “Это, в сущности, первый опыт охвата всей библиографической работы в России в строго историческом плане, разумея под последним не простую хронологическую последовательность, а определенное понимание исторического процесса развития науки в связи с историей общественной мысли в целом”⁶.

Правда, наряду с положительными отзывами, были высказаны и критические замечания по целому ряду вопросов, касающихся и “историографического метода”, и оценок, данных Здобновым некоторым деятелям отечественной библиографии (Н.М. Лисовскому, Г.Н. Геннади и др.). Рецензенты указывали и на некоторые фактические ошибки, отмечая при этом колоссальный труд, который проделал автор и при котором избежать ошибок вряд ли удалось бы. Отдельные критики высказали целиком негативное отношение к работе. В частности, отзыв Н.Н. Аблова был написан 16 апреля 1941 г. на рукопись, поступившую во Всесоюзную книжную палату для издания. К нему, известному своими исследованиями в этой области, обратились с предложением стать редактором этой книги. Резкие оценки Аблова во многом определялись разницей подходов к библиографии, иными методологическими установками. Утверждение Е.Ю. Ажеевой, что «вся масса замечаний нужна была Аблову, чтобы доказать ошибочность “примитивно-хронологического метода”, примененного, по его убеждению, Здобновым»⁷, вряд ли состоятельно.

Аблов, добросовестно изучив труд Здобнова, высказал многочисленные замечания и предложения, в том числе и вполне справедливые, в частности, использовать названную ранее серьезную работу А.Г. Фомина “Библиография: программа”. В ней в разделе “III. История русской библиографии” Фомин приводил основной круг библиографических источников, событий и явлений, которые он предполагал рассмотреть в подготавливаемой им к печати работе по истории отечественной библиографии. Однако она так и не была написана, но подбор материала для нее значительно шире, чем в труде Здобнова.

Аблов считал также необходимым вместо “примитивно-хронологического метода” использовать метод сравнительно-исторический, который, по его убеждению, позволил бы автору сопоставить явления истории библиографии с однородными явлениями в других дисциплинах, например, в истории русской литературы, а с другой стороны, отметить факты зарубежного, в первую очередь западноевропейского, влияния. Отсутствие подобного материала действительно является недостатком работы Здобнова, но это в известной степени объясняется особенностями исторической методологии 1930-х годов – эпохи, в которую создавалась “История”.

Аблов касается и ставшего впоследствии чуть ли не классическим вопроса о “критической библиографии”. Он вполне обоснованно пишет: “Общие положения Н.В. Здобнова, расширяющего в своей истории старое понимание критической библиографии, в чем он следует известным взглядам Добролюбова и пониманию П.Л. Лаврова и других, можно вполне разделять; рассмотрение истории на общем фоне исторического развития страны и развития общественной мысли является, несомненно, достоинством работы Здобнова. Здесь лишь надо отметить, что следует определять границы между критической библиографией и литературной критикой, чего не делали ни Добролю-

⁶ Там же. Л. 2 об.

⁷ Ажеева Е.Ю. Указ. соч. С. 81–82.

бов, ни Лавров; но что в какой-то мере должен сделать историк библиографии”⁸. Пространный (38 машиноп. с.) отзыв Аблова позволяет внести и ряд фактических уточнений в книгу Здобнова; большая часть их заслуживает пристального изучения, так как дает возможность выявить слабые места “Истории...”

В то же время очевидно, что современники не могли дать исторически объективную оценку “Истории русской библиографии”. Права Э.К. Беспалова в том, что “и сам труд Н.В. Здобнова, и его оценка современниками – это уже история”⁹. Попытки оценить эту работу предпринимались и после выхода в свет трех ее изданий. Одна из первых таких попыток содержится в названной книге М.В. Машковой, где “Истории русской библиографии” посвящена отдельная глава. Несмотря на научную добросовестность, теплое отношение к Здобнову и несомненный талант автора этой книги, эпоха, в которую она создавалась, не давала возможности сказать все, что хотел автор (известно, что книга была подвергнута достаточно “жесткому” редактированию), кроме того, Машковой были недоступны многие источники, которые теперь могут использовать современные исследователи.

В 1997 г. в Москве появилась книга Е.И. Коган “Николай Здобнов. Жизненный путь книговеда”, написанная по материалам его архива. В ней введены в научный оборот многие неизвестные сведения, расширена биография ученого, но как чисто биографическая, она в меньшей степени, чем монография Машковой, позволяет проникнуть в творческую лабораторию известного библиографа.

Специальное исследование о деятельности Здобнова как историка библиографии было выпущено только в 1994 г. Е.Ю. Ажеевой. Поскольку автор поставил задачу “показать теоретико-методологические аспекты работы Здобнова над историко-библиографическим материалом”¹⁰, главное внимание в книге уделено “историографическому методу”. В меньшей степени она касается фактографической основы монографии Здобнова и истории ее бытования (использования) после выхода в свет. Конечно, одно исследование, пусть и достаточно добросовестное и серьезное, не исчерпывает всех вопросов такого своеобразного явления, как “История русской библиографии” Здобнова, сложной по проблематике, по подбору и подаче материала. Во многом характер его работы определялся историческими особенностями эпохи 1930-х годов.

Этот труд, как известно, при жизни автора не был издан. Выходу книги помешала война, а в июле 1941 г. Здобнов был арестован, и в 1942 г. погиб при невыясненных обстоятельствах.

“История русской библиографии” впервые вышла в 1940-х годах. Почему в те годы удалось опубликовать рукопись репрессированного автора, до сих пор остается загадкой. Здесь возможны лишь предположения, хотя достоверно известно, что сотрудники МГБИ неоднократно обращались в различные инстанции с просьбой “ускорить издание” этой книги. В письме в ЦК ВКП(б) (дата не указана) на имя Г.Ф. Александра говорится: «Московский государственный библиотечный институт им. В.М. Молотова крайне заинтересован в том, чтобы в возможно краткий срок был выпущен из печати труд Н.В. Здобнова “История русской библиографии”, получивший весьма поло-

⁸ ОР РГБ. Ф. 573 (Б.С. Боднарский). К. 53. Д. 1. Л. 2.

⁹ Беспалова Э.К. Предисловие // Ажеева Е.Ю. Указ. соч. С. 2.

¹⁰ Ажеева Е.Ю. Указ. соч. С. 3.

жительную оценку в отзывах специалистов. На неоднократные запросы Института о времени выхода названного труда принявшая на себя его издание Всесоюзная книжная палата неизменно сообщала о том, что скорый выход труда обеспечен. И тем не менее до сих пор ожидаемого труда мы не видим, тогда как именно в настоящее время в преддверии нового учебного года он особенно нужен Институту ввиду полного отсутствия у нас работ по истории отечественной библиографии, в которой определилась бы самостоятельная роль и значение русской библиографической школы»¹¹. Далее Институт просил воздействовать в этом плане на Книжную палату. Письмо подписал директор Института К. Бельский, а за ученого секретаря – Б.С. Боднарский. Подобное письмо было послано и в Библиотечное управление Наркомпроса РСФСР. К письмам прилагались фрагменты отзывов профессоров Н.Л. Рубинштейна и М.К. Азадовского. Можно предположить, что письма инициировались Б.С. Боднарским, который очень внимательно относился к работе Н.В. Здобнова на всех этапах ее подготовки и высоко ее оценивал. У Е.И. Коган есть сведения о том, что печатание книги проходило под контролем ЦК ВКП(б), она же сообщает и о той роли, которую сыграл в этом деле директор издательства “Всесоюзная книжная палата” Н.М. Иппа. Что послужило побудительным мотивом, достоверно неизвестно, но издательство выпустило “Историю русской библиографии от древнего периода до начала XX в.” Н.В. Здобнова под редакцией Н.Л. Рубинштейна (М., 1944. Т. 1; 1947. Т. 2).

Затем монография переиздавалась дважды: в 1951 г. – Издательством АН СССР (под ред. К.В. Сивкова) и в 1955 г. – Госкультпросветиздатом (под ред. Б.С. Боднарского). Текст первого издания более близок к авторскому тексту, чем второго и третьего, но, тем не менее, вряд ли и он может считаться безусловно авторским. В архиве Н.В. Здобнова, приобретенном в 1992 г. Библиотекой РАН у его сына, Р.Н. Здобнова, сохранились (правда, не полностью) рукописный и машинописный варианты “Истории русской библиографии”. Сопоставление рукописи и текста первого издания позволяет сделать вывод, что хотя редактор Н.Л. Рубинштейн старался относиться к авторскому тексту достаточно уважительно, в первом издании видны некоторые нарушения авторской воли. Одной из причин такого подхода могло стать стремление сделать текст Здобнова “проходимым” для советской цензуры. Анализ указанных текстов позволил установить, что редактором перегруппированы и частично написаны заново вводные параграфы, характеризующие определенные исторические периоды; зачастую по-иному группировался материал и основного текста “Истории...” – в первом издании дана другая, чем в авторской рукописи, последовательность параграфов, иногда материал целыми блоками изымался и перемещался из одного параграфа в другой, образовывались новые параграфы. Довольно часто подобные перестановки были связаны с тем, что редактор иначе, чем автор, представлял периодизацию русской библиографии.

Вопросы периодизации русской библиографии остаются актуальными и поныне. В свое время рецензенты работы Н.В. Здобнова (П.Н. Берков, Б.П. Козьмин) предлагали в истории библиографии придерживаться той периодизации, которую использовал В.И. Ленин применительно к русскому освободительному движению: декабристы и Герцен, революционные демократы, рабочее революционное движение и т.д. К счастью, ни Здобнов, ни его редакторы по этому пути не пошли. Различия в периодизации Здобнова и его

¹¹ БАН. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 79. Л. 65.

первого редактора – Рубинштейна заключались в следующем: например, периодизация XVIII в. у Здобнова: библиография первой четверти века, т.е. Петровская эпоха; библиография 1720–1760-х годов и с 1760-х – до конца века, т.е. по сути Екатерининское время. Рубинштейн разделил этот век на первую и вторую половины. Возможно, такая периодизация казалась ему более правильной, более отвечающей требованиям времени, но это неизбежно повлекло за собой перегруппировку авторского текста.

Анализ указанных текстов “Истории...” дает возможность выявить также и фрагменты, которые непосредственно вставлены в авторский текст, но были написаны Здобновым позже, после завершения рукописи. Насколько такие вставки являются выражением авторской воли, сказать трудно, так как не найден последний вариант машинописного текста “Истории...” со всеми этими вставками.

В настоящее время в Библиотеке РАН реализуется проект переиздания “Истории русской библиографии” в том виде, как ее написал автор, – без всякого редакторского вмешательства, используя рукопись самого Здобнова, – и с подробным комментарием. Правда, сама идея издания “Истории...” неоднозначно воспринимается в кругах библиографической общественности. Существует мнение, что книга Здобнова настолько несовершенна, настолько идеологизирована, так далеко по своей методологии отстоит от нашей эпохи, что ее переиздание является бесполезным, ненужным, даже вредным, и лучше написать новую историю русской библиографии. В частности, подобная точка зрения высказана Е.А. Динерштейном в рецензии на книгу Е.И. Коган о Н.В. Здобнове: «Ее [Коган] восторги перед дерзким желанием сотрудников Библиотеки Российской академии наук переиздать “Историю русской библиографии”, соотнеся все три издания с сохранившейся частью автографа, выглядят искусственно, поскольку она понимает, что эта “гигантская работа” потребует “не один том комментариев”. Не лучше ли было бы эти гигантские усилия направить на создание нового коллективного труда? Ведь за прошедшие полвека не так уж мало наработано в области истории русской библиографии»¹².

Любой автор или авторский коллектив, приступающий к написанию “коллективного труда по истории русской библиографии”, должен будет в первую очередь обратиться к книге Здобнова – повторить уже известные исторические сюжеты, дать оценку деятельности уже известных исторических лиц, критически отнестись ко всему, созданному Здобновым. Неплохо было бы узнать, наконец, что же действительно и в какой форме хотел поведать потомкам наш выдающийся предшественник, как он понимал и общий процесс истории, и ее отдельные сюжеты. Предпринимаемое в настоящее время Библиотекой РАН издание “Истории...” не может рассматриваться как очередное, переработанное и дополненное, четвертое издание монографии, так как принципы, положенные в основу работы, отличаются от тех, которые реализованы в первых трех изданиях. Данный проект – это и публикация монографии Здобнова, и ее критическое осмысление с позиций современного уровня развития библиографии. Его цель – дать объективный анализ труда видного отечественного историка и представить “послездобновское” развитие истории отечественной библиографии, дать новую интерпретацию известных классических сюжетов с точки зрения современного уровня науки.

¹² Динерштейн Е.А. “Иметь полный взгляд на вещи...” // Библиография. М., 1998, № 2. С. 140–141.

Монография готовится к публикации по сохранившемуся в архиве Здобнова в БАН машинописному и рукописному вариантам текста “Истории...”, переведенным в компьютерную форму. Комментарий создает творческий коллектив исследователей – сотрудников БАН, РНБ, Санкт-Петербургского университета культуры и искусств.

В настоящее время подготовлены два вида комментариев к рукописи “Истории русской библиографии” – реальный (содержательный) и текстологический. Первоначально задачу создания текстологического комментария участники проекта перед собой не ставили. Она возникла перед ними неожиданно и сразу изменила концепцию предполагавшегося исследования. Вначале рабочая группа рассчитывала содержательно откомментировать рукопись, сравнив ее с тремя изданиями книги, т.е. дать только реальный комментарий к опубликованному тексту “Истории...”, уже продолжительное время вызывавшему критические замечания исследователей. В качестве основы для реального комментария предполагалось использовать сохранившуюся машинопись. Когда же выяснилось, что отыскать машинописный вариант второй части книги (вторая половина XIX в.) невозможно (он не обнаружен в архивных материалах Н.В. Здобнова, хранящихся в БАН, РНБ, РГБ, Российской книжной палате (РКП) и других архивохранилищах страны), встал вопрос об использовании в этом качестве самой рукописи, переданной в БАН вместе со всем архивом Н.В. Здобнова. И тут оказалось, что рукописный текст свидетельствует о тщательной работе автора над стилем: он содержит обильную правку – уточнения, комментарии, вымарывания отдельных фрагментов, вводит в оборот новые имена и даты, впоследствии исключенные из текста, детализирует описываемые события, содержит иные суждения, чем те, которые присутствуют в опубликованном варианте текста.

Это поставило перед участниками проекта качественно новую задачу: установить отличие рукописного текста книги от имеющихся опубликованных вариантов текста, т.е. расшифровать авторскую правку рукописного варианта, а фактически – реконструировать авторскую концепцию “Истории русской библиографии”. Решение для коллектива исполнителей оказалось непростым и было принято не сразу. Тем не менее, оценив свои силы и возможные сроки исполнения, они пошли по новому пути. Это значительно усложнило задачу проекта, но и сделало его более интересным с исследовательской точки зрения. Впервые представилась возможность выяснить, что в концепции изданной “Истории русской библиографии” идет собственно от автора и сознательно было им отобрано из исходного материала в соответствии с решаемой задачей, а что является результатом позднейшей правки, привнесений и изъятий. Подготовку текстологического комментария осуществили Н.М. Баженова (БАН) и Н.К. Леликова (РНБ).

Для решения этой задачи понадобилось ввести в компьютер текст второй части рукописи полностью, вместе с расшифровкой авторской правки, и откомментировать информационно значимые отклонения имеющейся правки от белого текста. Авторская машинопись текста первой части книги по той же технологии была сверена с рукописью и имевшейся в ней авторской правкой. Возник текстологический комментарий к “Истории русской библиографии”, который придал рукописному тексту необходимую полноту и завершенность, позволив не только дать современную оценку фактологии книги, но и представить подлинную авторскую концепцию истории становления библиографии в России.

В результате в готовящемся к публикации тексте книги оказалось три вида комментариев: комментарий исследовательского коллектива – реальный – ко всему тексту; текстологический – к рукописи и машинописи и авторский комментарий (комментарий самого Н.В. Здобнова к собственному тексту в основном в виде библиографических примечаний – сносок). Необходимо было продумать порядок размещения и способ обозначения всех трех видов ссылок. Была найдена простая и удобная система, учитывающая все противопоставления. Авторский комментарий, которого в тексте немного, обозначен римскими цифрами и размещен в подстрочнике постранично, как и положено авторскому тексту. Реальный комментарий исследовательского коллектива обозначен арабскими цифрами; тоже арабскими цифрами, но с одним предпосланным нулем (например, 01, 02, 03 и т.д.) обозначен текстологический комментарий к рукописи и к машинописи. Система ссылок получилась немного усложненной, но вполне логичной. Размещение исследовательского комментария решено следующим образом: реальный комментарий в соответствии с существующей научной традицией помещен в конце книги; текстологический комментарий следует непосредственно за параграфом, к которому он относится. Это позволяет читателю оценивать комментаторскую проработку каждого параграфа, а в конечном счете – степень расхождения взглядов современных исследователей на изложенный материал и позиции автора. Таким образом, помещение текстологического комментария непосредственно за комментируемым параграфом позволяет представить авторский текст если не монолитно, то вполне компактно и удобно для восприятия. При этом отчетливо вырисовывается авторская концепция в подаче материала, что и является сверхзадачей исследовательского коллектива.

Как уже упоминалось, видов авторской правки в тексте рукописи достаточно много, и перед внесением в текстологический комментарий она была тщательно отобрана. Критериями отбора послужили ценность дополнительной информации с точки зрения фактологии книги и с точки зрения более глубокого понимания отношения автора к описываемым фактам и событиям. Но и здесь не все оказалось просто. Сначала к ценной информации была отнесена только вербально или словесно выраженная информация, однако затем это было подвергнуто корректировке. В настоящее время текстологический комментарий включает два вида информационно значимых элементов текста – вербально выраженные единицы и линейные знаки. К вербально выраженным единицам относятся вычеркнутые или вымаранные автором слова, предложения и фрагменты текста. К линейным знакам отнесены авторские подчеркивания, которые, как правило, в печатном тексте книги не нашли отражения (хотя в тексте содержатся и такие подчеркивания, которые послужили издателям знаком того, что слово или предложение следует, по желанию автора, выделить курсивом), а также вертикальные отчеркивания фрагментов текста (абзац или несколько абзацев).

Так, подчеркивания, которые встречаются по всему тексту и не сразу оцениваются как связанные друг с другом, – знак того, что для автора выделенные слова являются важными смысловыми узлами, с помощью которых он, работая над книгой и собирая ее из обширнейшего предварительного фактического материала, выстраивал по четкой логической схеме. Например, в первом параграфе красным карандашом подчеркнута: “переводной [книгой] – [Владимир] Мономах – Нестор – к числу первых русских писателей – “Слово о полку Игореве” – библиография”. Эти слова являются ключевыми для авторской концепции появления библиографии: она, т.е. библиография в

ее эмбриональной форме, возникает в Киевской Руси сразу же после появления там русской книги (сначала переводной, а потом и оригинальной) – при этом первыми русскими писателями автор считает Владимира Мономаха и летописца Нестора, а одним из первых памятников русской литературы – “Слово о полку Игореве”.

Интересно, что отчеркнутые два абзаца параграфа также теснейшим образом связаны друг с другом: в первом говорится о высоком уровне русского книжного искусства этого периода, а во втором – о приходе на Русь из Византии зачаточных форм библиографии. Характерно, что первый отчеркнутый абзац, который в беловом тексте отделен от второго рассказом об эволюции русской книги, первоначально ставился автором непосредственно перед вторым абзацем, но потом был с этого места убран. Так же гармонично подчеркивания и отчеркивания сочетаются и в последующих параграфах. Это убедило комментаторов в том, что линейные знаки составляют ключ к пониманию того, что волновало автора в данном повествовании, какие акценты были для него важны, что составляло глубинную суть его концепции.

Анализ авторской правки дал много ценных сведений и об эрудиции автора, и об огромной подготовительной работе, проделанной им, и о тщательном отборе им фактов для книги, и о стремлении дать этим фактам как можно более верную оценку, и о том, за счет какого материала предполагалось расширить книгу, в частности, в ее персональной части. Сквозь всю эту информацию проступает и личность автора: это ученый с активной жизненной позицией, эмоциональный до страстности, не признающий полутонов и одновременно лиричный, тонко чувствующий человек.

Что же до уточнения фактологии, то рукопись позволила установить – иногда принципиальные – отличия не только от изданных трех вариантов текста “Истории русской библиографии”, но и от машинописи. Так, выявлены случаи, когда в рукописи стоят верные даты, а в машинописи они исправлены. Примеров такой правки довольно много. Становится очевидным, что многие обвинения, безоговорочно адресовавшиеся ранее Н.В. Здобнову в том, что его книга содержит много неточностей, должны теперь либо поменять адресата, либо найти объяснения в каких-либо дополнительных фактах, пока еще не известных ученым. Какие обстоятельства стали причиной изменений текста в машинописи, судить будущим исследователям. Ясно одно – “История русской библиографии” хранит еще немало загадок, и одним из путей к получению ответов на них станет тщательное изучение текстологического комментария и биографий автора книги и его издателей.

Как уже было отмечено, при подготовке текста “Истории...” составители старались максимально следовать воле автора, не внося никакой правки в рукопись (кроме синтаксической), за исключением тех случаев, когда это были явные опiski. Для того чтобы подобный подход не наносил ущерба фактологии труда, кроме текстологического, создан и комментарий реальный.

Несомненно, текст Здобнова нуждается в тщательном комментировании и сообщаемых сведений фактического характера, и концептуальных положений, так как несмотря на то, что материал по истории русской библиографии собирался автором на протяжении двух десятилетий, рукописный вариант текста производит впечатление в отдельных фрагментах не вполне законченного: не выверены цитаты (которые, видимо, воспроизводились Здобновым либо по памяти, либо по сохранившимся в подготовительных материалах черновым выпискам), нет более или менее обстоятельного обоснования статистических выводов, нередки повторы, а кроме того, встречаются спорные,

с точки зрения современного уровня науки, высказывания автора. Так, характеристики общественно-политического характера, не являющиеся прямыми цитатами, зачастую представляют собой свободный пересказ общих мест из обобщающих трудов Г.В. Плеханова и Р.В. Иванова-Разумника по истории русской общественной мысли. Ряд сообщенных Здобновым фактов и сделанных им выводов могут быть оспорены – в особенности это касается (с фактографической стороны) эпохи до середины XVIII в., а с концептуальной – например, творческого наследия революционных демократов и их вклада в развитие библиографии.

В первых трех изданиях “Истории...” исправления вносились редакторами в авторский текст без каких-либо оговорок. В готовящемся издании неуклонно соблюдается принцип разделения авторского текста и реального комментария. В последнем приводятся уточнения сообщаемых Здобновым данных, в случае необходимости – источники, откуда он брал материал, сведения об упоминаемых им деятелях, указания на современную литературу вопроса. При этом специальное выявление источников сообщаемых Здобновым сведений и выявление различного рода заимствований не является главной целью комментаторов. Архивные материалы и литература вопроса указываются лишь в той степени полноты, которая необходима для комментирования.

Не является целью комментаторов и самостоятельное исследование по каждой из затронутых Здобновым тем (хотя, как правило, комментирование осуществляют специалисты по проблематике, затронутой Здобновым). Однако в тех случаях, когда концептуальные положения авторского текста входят в противоречие с установившимися в современной науке представлениями об описываемых фактах или событиях, это отражено в комментарии. При этом точка зрения Здобнова оспаривается и уточняется с максимально возможной тактичностью, так как примечания ни в коем случае не воспринимаются комментаторами в качестве полемической трибуны с автором.

Но даже при столь строго определенных требованиях к комментарию он уже превысил по объему основной текст книги Здобнова. А приводимый в новом издании иллюстративный материал в количественном отношении значительно превышает иконографический ряд издания 1955 г.

Если над текстологическим комментарием работа велась силами двух сотрудников, то над реальным комментарием трудится достаточно большой и слаженный коллектив специалистов: сотрудники БАН – М.Г. Бокан, Н.Н. Елкина, М.П. Лепехин, А.А. Романова, Е.А. Савельева; сотрудники РНБ – Н.А. Гринченко, Н.К. Леликова, М.А. Мамонтов, Н.Г. Патрушева, И.И. Фролова; преподаватели Санкт-Петербургского университета культуры и искусств – Е.Н. Буринская и Н.В. Пономарева. Большой вклад в эту работу внесли ветераны – известный историк библиографии Л.М. Равич и бывший сотрудник РНБ, крупнейший в России специалист в области отраслевой библиографии Е.В. Иениш. Руководитель проекта – директор БАН, доктор педагогических наук, профессор В.П. Леонов.

Успешная реализация данного проекта позволит не только впервые дать полное представление о творческой лаборатории Н.В. Здобнова, но и представить развитие отечественной библиографии с XI до начала XX в., фиксируя современное состояние историко-библиографических исследований. Надеемся, что подготовленное издание послужит фундаментом для написания нового основательного труда по истории русской библиографии.

О.В. Пожидаева

**В.А. ПОЖИДАЕВ – ПОДВИЖНИК МУЗЕЙНОГО ДЕЛА
В МУРМАНСКОМ КРАЕ**

14 мая 1999 г. ушел из жизни краевед, историк, публицист, заслуженный работник культуры Российской Федерации, директор Мурманского областного краеведческого музея Владимир Александрович Пожидаев. До сих пор сложно представить, что его нет. Человек продолжает жить в своих делах, в памяти тех, кто с ним жил и работал. Долгое время, уже после смерти, на его имя приходили сначала письма-обращения, письма-просьбы, потом – письма-воспоминания из разных уголков России с пожеланием не судить за “слог”, так как пишут “не специально, от души”. Вот фрагмент одного из них, от бывшего председателя Советского комитета Северного Калотта¹ А.С. Дубровина, проживающего ныне в Твери: “Для меня Владимир Александрович был и остается редкостным человеком на земле, с кем мне приходилось общаться за свою насыщенную встречами с людьми жизнь [...] Я видел его одержимость в работе, его любовь к людям труда и ненависть к лодырям и лентяям. Был свидетелем многочисленных экскурсий, которые он вел с высокими гостями Мурманска, и ни разу не поймал себя на мысли, что я это от него уже слышал. Всегда в его рассказах была новизна, нестандартность. Примечательен факт, когда по совету коллег-дипломатов в Мурманск прилетел посол Франции в СССР с супругой с одной целью – познакомиться с В.А. Пожидаевым и послушать его при осмотре областного краеведческого музея”².

Коротко о своей жизни Владимир Александрович рассказал в одной из автобиографий от 25 марта 1992 г.: «Родился в 1937 г. в Курской области. Родители, Александр Петрович и Надежда Антоновна, всю жизнь крестьянствовали [...] Среднее образование получил в Старом Осколе. Там же год учился в пединституте. Получалось. Но круто изменил выбор. Уехал на строительство Сталинградской ГЭС. До призыва в армию работал слесарем, плотником, бетонщиком. Служить пришлось в радиотехнических частях Киевской ПВО [...] Демобилизовался в Мурманск. Ходил учеником матроса и матросом на морском буксире, радистом и начальником судовой р/станции на танкере, торпедовозе. Заочно с 1960 г. учился на философском факультете в ЛГУ им. Жданова. Диплом с отличием. Рекомендован в аспирантуру. Не воспользовался. В 1963 г. приглашен на работу в Мурманский обком комсомола. За восемь лет “вырос” от инструктора до первого секретаря. В 1971 г. с репутацией неудобного товарища направлен на перековку в АОН при ЦК КПСС. За годы аспирантуры стал еще более неудобным. Диссертацию по-

¹ Комитет стран Северного Калотта занимался вопросами сотрудничества стран Северной Европы и Европейского Севера России (в 1960-е годы – Мурманской области). “Calotte” – шапка (фр.), т.е. северная часть Европы. С 1993 г. организация расширилась и стала называться Баренцев Евро-Арктический регион (БЕАР).

² Этот и другие документы выявлены автором в Архиве Мурманского краеведческого музея (далее – МОКМ). Автор благодарит сотрудников музея за помощь. Архив не обработан, поэтому далее при цитировании указаны только названия и даты документов.

В.А. Пожидаев

святил обоснованию несоциалистического характера “развитого социализма”. Коллеги вспоминали, как все были удивлены, когда он вернулся из Москвы без диплома кандидата философских наук. Поговаривали, что Пожидаев был единственным за все годы существования Академии выпускником, не получившим кандидатского диплома. На вопрос “почему?” отвечал: «В моей диссертации у развитого социализма противоречий оказалось гораздо больше, чем принято считать. А приводить их число к общему “знаменателю” я отказался». И добавлял: “Пусть моя кандидатская станет моим вкладом в ленинский коммунистический субботник”³.

Возвратимся к указанной “Автобиографии” и дадим слово Владимиру Александровичу: “С сентября 1982 г. работаю директором музея (точнее и.о. директора. – *О.П.*). Кажется, кое-что успел. Прилично организовал фондовое хозяйство. Обновили экспозиции. Даже тайное желание – обустроить музеями все города и районы области – сбылось: открыто семь филиалов. Сейчас главная забота – это сохранить от погрома прошлое

Кольского края, история которого уязвима тем, что она в основном советская. В последние годы отдал должное публицистике. Выступал за сохранение традиций русской духовной культуры, против глумления над жизнью и трудом старших поколений. Потерпел поражение от объединенных сил новой бюрократии и церкви в борьбе за сохранение музея поморской культуры в Коле.

До 50 лет проработал без бюллетеня. А вот на 55 три месяца не дотянул...”

Пятнадцать лет жизни было отдано музейному делу.

Ноябрь 1982 г. В.А. Пожидаев назначен директором Мурманского областного краеведческого музея.

Февраль 1983 г. Открыта новая экспозиция “Цветные камни Кольского полуострова” в мончегорском филиале музея на базе двух коллекций, полученных от Отдела технологии строительных материалов Института химии Карельского филиала АН СССР. С 15 июля 1987 г. на этой основе возник самостоятельный отдел краеведческого музея с тем же названием, а с 1 марта 1996 г. в г. Мончегорске был создан единый историко-краеведческий отдел с сектором “Цветные камни Кольского полуострова”.

За этими датами стоит кропотливая работа, в которой важна и материальная, и правовая, и научная сторона дела, о чем свидетельствуют многочисленные письма и приказы В.А. Пожидаева. Вот фрагмент одного из его писем к администрации г. Мончегорска от 27 сентября 1988 г., хранящегося в

³ Памяти товарища // Мурманский вестник. 1999. 18 мая.

Архиве МОКМ: «По поручению горисполкома коллекцию (речь идет о камнях с выставки “Стройматериалы-71”. – О.П.) приняли зав. отделом культуры Ковинев В.А. и геолог Дав В.Н. [...] При этом был допущен ряд ошибок и правовых вольностей. Образцы переданы без паспортного описания и без оформления установленных документов о личной материальной ответственности. Коллекция была приобретена на средства Областного краеведческого музея (1411 руб. 12 коп.), но (случай уникальный) не принята в его фонды с последующей передачей на временное хранение Мончегорскому горисполкому. Наоборот, она принята непосредственно горисполкомом с последующей, через 8 месяцев (14.05.79 г.), формальной проводкой по книге временного хранения в музее. Прежний владелец был утрачен, новый не узаконен, тем самым гарантия подлинности образцов лишилась правового обеспечения. Контроль теперь мог касаться только их количества и голой номенклатуры. В таком состоянии коллекция хранилась в случайных помещениях до декабря 1982 г., когда была наконец принята в государственные фонды».

А вот другое, неофициальное, письмо от 22 сентября 1995 г. к главному инженеру комбината “Североникель” Василию Михайловичу Худякову, одному из тех, кто из уважения к истории Кольского края и личности Пожидаева не дал погибнуть маленькому провинциальному музею в непростое для страны время: “Уважаемый Василий Михайлович! Примите искреннюю признательность за постоянное внимание к нуждам музея истории Мончегорска. Это особенно ценно в наше корыстное время. Хотелось бы надеяться, что никакие волки комбинат не съедят. А будет комбинат с Худяковым – будет и музей. С пожеланием успехов верному мончегорцу директор Мурманского областного краеведческого музея В.А. Пожидаев”.

Июль–ноябрь 1983–1986 гг. Мурманский областной краеведческий музей закрыт на капитальный ремонт для посетителей, но работа продолжалась: отремонтированы и перепланированы помещения, реконструированы прежние экспозиции, построена новая – по истории края с 1946 по 1986 г., значительно расширена площадь фондохранилищ, создана экспозиция открытого фондохранилища, подготовлены многочисленные передвижные выставки, продолжается научно-исследовательская и издательская деятельность.

Декабрь 1984 г. Открыта экспозиция “Быт, хозяйство и культура поморов Кольского севера конца XIX – начала XX в.” в Благовещенском соборе г. Колы. Судьба этого филиала музея оказалась непростой, о чем рассказал В.А. Пожидаев в своей статье в газете “Полярная правда” в декабре 1990 г., в период тяжбы музея с церковью:

«Областной Совет народных депутатов принял решение о возвращении кольского храма Благовещенья в распоряжение православной церкви [...] Хочется спросить: кого выдворяете? Вспомните, сколько веков Благовещенскому приходу? Где большинство паствы его? Оно упокоилось на старом кольском кладбище. А дух ушедших поколений прихожан здесь, в музее: это ведь храм Соборной Поморской Души. Как же вы, живые, именем Христа идете на это душегубство? [...]

К сожалению, без лукавого не обошлось. И агитаторов он послал, и социологов, и журналистов. И голос совести у многих усыпил.

Подумаем вместе, что мы решили разрушить. Да, разрушить, потому что можно построить другой музей, но этого, такого, уже не будет. Итак:

1. Храм получил общесоюзную и даже мировую известность как знаменитый и делающий честь нашей области очаг духовной культуры. Большое внимание в экспозиции уделено цивилизаторской роли Православия. По сути музей сделался преемником нравственных обязанностей Благовещенского храма и достойно их исполняет, расширив свой “приход” от Японии до Канады. За 6 лет существования он вошел в музейные справочники, от-

мечен в документальных фильмах, в публикациях прессы, через него проходят почти все туристические маршруты Заполярья.

2. Музей стал домом старейшей святыни Кольского края – Поклонного Креста 1635 г. Здесь православная вера говорит с человеком из глубины веков своим собственным, а не вульгарно-атеистическим языком. Более того, прошлое церкви восстановлено таким, каким оно было в живой жизни: икона и лампада рядом с ручной мельницей, псалтырь рядом с ткацким станком, модель храма рядом с косой-горбушей и лаптями, кладбищенские кресты рядом с резными наличниками.

Кольский музей – это ведь и музей истории православия на Мурмане. В этом нет ему замены [...]

5. Экстремистские требования закрыть музей в пользу церкви невежественны по мотивам, и дискредитируют христианскую этику по сути: пропаганда и агитация среди верующих (в основном женщин) велась и ведется в худших политических традициях разжигания страстей и погромных настроений. Добрые отношения, которые сложились в нашем крае между органами местной власти и руководителями церкви, фактически провоцируются на конфликты [...]

6. Удовлетворение духовных потребностей верующих жителей Колы можно обеспечить десятком других способов. Мы уверены, что истинный путь к Христу не может лежать через разрушение памятника христианскому прошлому края. Призывать к этому могут лишь фарисействующие лицемеры, а поддерживать их – невежественные конъюнктурщики от политики [...] Посидите в музее, и вы увидите, что многие православные приходят сюда, как в храм, и молятся перед Поклонным Крестом и перед иконами – им ничто не мешает общаться с Богом, если место ему есть в душе человека. Они не нуждаются в посредничестве сомнительных проповедников христианства.

7. Соседствующий с макаронной фабрикой, окруженный высотными домами, Благовещенский храм уже не возносится над Колой к небу, на его кресты уже можно смотреть сверху вниз, из окна своей кухни [...]

Почему бы не построить новый храм на возвышении, на левом берегу устья Туломы, где он будет украшать окрестность и, открытый вдаль, звать к себе всех ищущих дорогу в жизни?

Эти размышления были предложены в середине лета тем, кто решил судьбу храма. Цель – спасти от самообмана людей, которые искренне верят в однозначную правоту раскулачивания музея, которые не видят политического, антикоммунистического и тонкого антирусского подтекста происходящего.

Кстати, восстановил сброшенные 30 лет назад кресты на храме Иван Герасимович Колола. Коммунист, первый секретарь райкома КПСС. Не дожидаясь закона о свободе совести. Он просто имел совесть»⁴.

К сожалению, экспозицию с серьезными изменениями пришлось перенести в головной музей.

Март 1986 г. Открыта экспозиция “История Полярных олимпиад”.

С апреля 1988 г. по инициативе В.А. Пожидаева, на базе музея регулярно (два раза в год) проводятся научные конференции. С 1999 г. в их работе принимают участие сотрудники музеев Мурманской области, а с 2000 г. конференции стали международными. В одном из интервью Владимир Александрович заметил, что “музей призван быть прежде всего научно-исследовательским, а потом уже культурно-просветительским учреждением. К сожалению, долгие годы было наоборот”⁵.

Май 1988 г. Открыт отдел истории Печенгского района в пос. Никель.

Январь 1990 г. Открыт отдел истории и природы Ковдорского района в г. Ковдоре.

Декабрь 1990 г. В с. Ловозеро открыта экспозиция “Культура и быт малых народностей Кольского Севера” на базе бывшего районного Дома куль-

⁴ Пожидаев В.А. Не без лукавого // Полярн. правда. 1990. 26 дек.

⁵ Остановись, мгновенье, ты – в музее! Интервью с директором Областного краеведческого музея В.А. Пожидаевым // Полярн. правда. 1996. 2 апр.

туры, который после капитального ремонта был передан под музей. В Архиве МОКМ сохранились письма, приказы с чертежами по перепланировке, выполненные рукой Владимира Александровича, его интересовало все – от художественных работ по оформлению залов до древесно-волоконного полотна, которого не хватило для потолка.

Январь 1992 г. Открыт Историко-этнографический музей терских поморов с правами отдела Областного краеведческого музея в пос. Умба. Ремонт здания бывшего сельского Дома культуры, где располагался с 1988 г. созданный энтузиастами Музей поморского быта, провели в течение года при поддержке и участии В.А. Пожидаева. И на первый взгляд кажется странным, что будущая заведующая Терским отделом Областного краеведческого музея Л.В. Панова о проблемах ремонта пишет Владимиру Александровичу как близкому человеку: “В конце мая я завезла все необходимые для ремонта материалы [...] Печки думаю обшить обожженной доской (или рейкой?) [...] Владимир Александрович! У нас страшные стены и пол, я без Вашего совета боюсь что-либо делать, но время торопит... Я понимаю, что Вы очень заняты [...] и все-таки я обращаюсь к Вам: если можете, выберите, пожалуйста, денек... Я боюсь дров наломать, а сидеть и ждать не умею, да и не могу смотреть на всю эту убогость”. Писали так, поскольку знали: обязательно найдет время и будет решать проблемы. И решал, причем в очень непростое для страны, а значит, и для области время.

В 1989–1992 гг. была организована новая масштабная экспозиция “Мурманская область в период 1945–1992 гг.”⁶

Июнь 1996 г. Открыта выставка, посвященная 300-летию Российского флота.

С 1996 г. ведутся работы по подготовке экспозиции на атомном ледоколе “Ленин”. Еще 4 апреля 1989 г. Минморфлот СССР и Минсудпром СССР рассмотрели варианты дальнейшего использования атомного ледокола “Ленин”, в том числе возможность и целесообразность создания на его основе филиала музея Арктики. Учитывая особую роль ледокола в развитии отечественного судостроения и освоении Арктики, представлялось оправданным сохранить его для истории в качестве музея “со всеми атрибутами морского судна” и местом стоянки в Ленинграде или в Мурманске. Уже 2 февраля 1990 г. В.А. Пожидаев высказал свои предложения по записке министра морского флота СССР Ю.М. Вольмера и Министра судостроительной промышленности СССР И.В. Коксанова «О сохранении атомного ледокола “Ленин”» от 2 и 19 января 1990 г. и направил их на имя заместителя председателя Совета Министров СССР И.С. Белоусова

«1. По сути самой записки.

– 20 млн рублей на переоборудование атомохода в музей являются сознательным преувеличением, делающим проблему сохранения а/л “Ленин” второстепенной по сравнению с проблемой миллионов.

– “Со всеми атрибутами морского судна” как раз не обязательно. Есть опыт “Фрама”, “К-23”...

– “Не ранее 1995 г.” – это в дополнение к 20-ти миллионам. Музейное использование атомохода возможно сразу после выгрузки топлива и генеральной уборки: ведь принимал же он 30 лет сонмы гостей, будучи с ядерной начинкой. А “комплексные исследования” велись на борту ледокола всегда. И если их терпели в годы работы, то еще проще это решается теперь.

⁶ Мурманский областной краеведческий музей / сост. и автор текста И. Смирнова. Мурманск, 2001. С. 6.

– Вопрос экспедируется вверх, в Совет Министров СССР. Кто-то из министров или оба они против сохранения “Ленина”. “Предэскизная проработка”, “за счет средств, специально выделенных СМ СССР” – все это аргументы за упокой. Канитель. Фарисейство.

2. Предлагаю после хорошей гидроизоляции корпуса замкнуть атомоход на видном участке берега (Кольского залива или Невы – вопрос отдельный) и с 1991 г. пустить посетительной. А музейную экспозицию делать потом. Главный экспонат – сам корабль с естественной (как было!) начинкой интерьеров”.

И работы начались. Приказы, письма, обращения в Комитет по культуре и искусству администрации Мурманской области и к главе администрации области, договоры подряда – свидетельства трудностей, поражений и побед.

Вот отрывок из письма В.А. Пожидаева в Комитет по культуре и искусству администрации Мурманской области Г.Н. Алексееву «О средствах на создание экспозиции по истории морского флота России на а/л “Ленин”» от 10 апреля 1996 г.:

«После детального осмотра ледокола с капитаном Б.М. Соколовым (05.04.96 г.) пришли к заключению, что под экспозицию достаточно трех вестибюлей, столовой команды, кают-компания с курительным и музыкальным салонами, несколько кают и коридоров. Есть смысл сохранить для гостей 10–12 одноместных кают, оставить как реликвии салон капитана, мостик, музей по истории самого атомохода и ряд служебных помещений. На переоборудование интерьеров средства не нужны.

Экспозиционные площади в основном вертикальные. Это стены и переборки из благородных сортов дерева, требующие соответствующего оборудования. А именно: легких рамок из анодированной бронзы (меди). На портреты флотоводцев и кораблей таких рамок надо свыше 100 штук. Это не менее 1 млн рублей. Или делать их из хорошего дерева. Но деревянные будут дороже.

Второе. Карты морских пароходов, знаменитых морских сражений придется рисовать размером, примерно, 60х80 кв. см. Это 15–16 работ стоимостью 300–500 тыс. рублей.

Далее, модели кораблей по 5–10 млн рублей каждая. Их желательно приобрести 40–50 штук. Это до 500 млн рублей. Оплата труда художника (шрифтовые работы, дизайн)... В целом нужны средства до 550 млн рублей.

Желательно иметь также письменное распоряжение (для руководства М[урманского] М[орского] П[ароходства], администрации г. Мурманска и нам) по созданию морского музея на “Ленине”. К работе можно приступить немедленно.

Директор музея В.А. Пожидаев».

С 1 июля 1996 г. в связи с организацией на ледоколе Музея истории российского флота в штатном расписании головного музея по распоряжению директора появились должности заведующего и научного сотрудника отдела истории российского флота.

Шла напряженная подготовка к празднованию 300-летия Российского флота. И снова отчеты о проделанном, просьбы о материальной поддержке. 12 сентября 1996 г. В.А. обращается к главе администрации Мурманской области Е.Б. Комарову.

«Уважаемый Евгений Борисович!

Пишу очередное напоминание о средствах на экспозицию по истории российского флота на а/л “Ленин”. Это последнее напоминание, т.к. сеять, чтобы выросло что-либо к 300-летию, уже поздно. Но мне нужно расплатиться с уже имеющимися долгами и обязательствами, которые сделаны от имени администрации.

Первое – полтораста живописных полотен от художников Сергиенко и Мошкова, которые уже смонтированы на ледоколе. Их закупочная цена 47 млн рублей. Они оформлены через наши фонды и стали собственностью музея [...]

Второе: на выставку, открытую в музее к 300-летию флота, получены такие экспонаты, как модели парусных кораблей петровской поры и 15 медной чеканки изображений по той же теме. Владелец моделей, отставной офицер-североморец, попросил вместо 70 млн рублей оказать ему услугу в получении (по закону) или ссуды на жилье в подмосковном

районе, или квартиры в Мурманске. Я тоже в расчете на помощь администрации подписал соответствующие обязательства... Чувствую, что и тут светит мне уже моральное банкротство. То есть я втянулся в ряды невольных обманщиков [...]

Закуплена у автора полная коллекция оригинальных медалей на тему “Российские адмиралы за 300 лет истории флота”. Также 2 миллиона [...]

На вспомогательные нужды израсходовано... до 1,5 млн рублей. Здесь и помощь О.П. Найденова (речь идет о губернаторе Мурманской области. – *О.П.*), и др. “источники”, вплоть до собственной зарплаты и пенсии (например, рабочим 35-го завода, изготовившим латунные рейки для крепления изоматериала на переборках ледокола под оргстекло [...]) Ладно бы зарплата шла (гвозди-шурупы, ткань и прочее можно ради дела и за свои кормовые приобрести), а то ведь, знаете, что уже третий месяц не получаем. Добрая половина сотрудников уходила в отпуск с пустыми руками [...]

Четко просматривается крен музея в лопухи, в небытие. Скоро и самопожертвование будет бесполезно. А на этом фоне “законное” воровство 9 млрд рублей с госбюджетного счета Северным морским банком: капитал, накопленный мертвый труд против труда живого, с помощью суда в самую засушливую финансовую пору отнял у десятков тысяч госслужащих последний глоток воды... Такой должна быть демократия: народ – это не те, что в банке, а те, кто работает бесплатно сегодня.

Директор музея В.А. Пожидаев».

Сегодня работы на атомоходе продолжаются. 15 марта 2000 г. было принято официальное решение утвердить место постановки атомного ледокола “Ленин” в Ленинском административном округе, в акватории Мурманского морского вокзала, в районе плавпирса № 3 на вечную стоянку. Официальное открытие комплекса (музея и информационного центра по радиационной безопасности) планируется 7 ноября 2005 г.

С 1999 г. в МОКМ осуществляется проект “Евро-Арктический ковчег”. Его цель – создать в музее культурный выставочно-информационный центр сотрудничества стран БЕАР и городов-побратимов.

В сентябре 2000 г. администрация города-героя Мурманска приняла постановление “Об увековечении памяти Владимира Александровича Пожидаева”. В октябре 2000 г. на здании Мурманского областного краеведческого музея была установлена мемориальная доска с портретом и надписью: “В этом здании в 1982–1998 годах работал известный публицист, краевед, историк Владимир Александрович Пожидаев”. А в газете “Полярная правда” была напечатана статья “Противоречивый Пожидаев”, где есть такие слова: «К нему относились по-разному. Кто-то Пожидаева чуть ли не боготворил, кто-то глубоко уважал, кто-то его люто ненавидел... Последних было не так много, но крови ему попортили предостаточно [...] Он стойко переносил личные невзгоды. Но не смог перенести невзгоды, обрушившиеся на Отечество. Обогнав “старое” время, он не смог понять и принять “новое”... Пожалуй, именно это и укоротило его яркую жизнь»⁷.

⁷ Бакшевников Н. Противоречивый Пожидаев // Полярн. правда. 2000. 16 окт.

Ю.П. Смирнов

80-ЛЕТИЕ В.Д. ДИМИТРИЕВА

Члену Археографической комиссии РАН, доктору исторических наук, профессору, академику Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики, члену Союза журналистов России Василию Дмитриевичу Дмитриеву 11 января 2004 г. исполнилось 80 лет. Он родился в д. Новое Сюрбеево Цивильского района Чувашской Республики в крестьянской семье. Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, где В.Д. Дмитриев работает заведующим кафедрой источниковедения и архивоведения, и Администрация Цивильского района провели во Дворце культуры г. Цивильска торжественное заседание, посвященное юбилею чувашского историка. С докладом о его жизни и деятельности выступила проректор университета А.В. Арсентьева. Юбилея приветствовали представители вузов и научных учреждений, школ, государственных органов, творческих и общественных организаций региона, односельчане. Районная администрация вручила Василию Дмитриевичу диплом № 1 о присвоении ему звания Почетного гражданина Цивильского района.

Видный исследователь средневековой и новой истории народов Восточной Европы Андреас Каппелер (Венский университет), автор замечательной объемной монографии “Первые национальности России” (на нем. яз. Köln; Wien, 1982), в историографическом труде “История народов Среднего Поволжья с X до второй половины XIX в. в советской литературе” (на нем. яз. см. в кн.: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Wiesbaden, 1978. № 26. Н. 1. S. 70–104; Н. 2. S. 222–257) отмечает, что “в изучении указанной проблематики В.Д. Дмитриев своими многочисленными ценными работами стал выдающейся фигурой среди специалистов Среднего Поволжья”.

Стремление к познанию неизвестного и отменное трудолюбие были свойственны ему с юношеских лет: отличник учебы, редактор школьной стенгазеты в 8-м классе, председатель ученического комитета школы в 9 и 10-х классах, заместитель руководителя школьного литературного кружка и издатель рукописного журнала, переписывался с чувашскими писателями и учеными, печатал корреспонденции в районной газете. Окончив Чурачикскую среднюю школу в 1940 г., 16-летний Василий поступил на исторический факультет Чувашского государственного педагогического института (ЧГПИ), где до призыва в армию учился на отлично, а весной 1942 г. был избран секретарем комитета ВЛКСМ института.

В августе 1942 г. В.Д. Дмитриев был призван в Красную Армию. По окончании 1-го Ростовского артиллерийского училища с присвоением звания “младший лейтенант” с октября 1943 по октябрь 1944 г. воевал в качестве командира взвода управления и огневого взвода 33-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригады (ИПТАБ) на II Украинском и I Прибалтийском фронтах на Украине, в Литве и Латвии. После ранения и лечения в госпиталях в феврале 1944 г. был направлен командиром огневого взвода в 1-ю гвардейскую ИПТАБ, в составе которой воевал в Восточной Пруссии. На фронте получил

орден Красной Звезды. В 1944 г. был принят в члены ВКП(б). В послевоенное время награжден орденом “Отечественной войны I степени”, юбилейными военными медалями. Гвардии лейтенант В.Д. Дмитриев был демобилизован из армии в августе 1946 г.

В 1946–1948 гг. он продолжил учебу на истфаке Чувашского ГПИ, одновременно работал старшим лаборантом кафедры истории, был сталинским стипендиатом. В студенческом машинописном журнале опубликовал первую работу “Дореволюционное прошлое г. Чебоксары”, которая через несколько лет была издана в виде брошюры.

Окончив институт и получив диплом с отличием, В.Д. Дмитриев был принят младшим научным сотрудником сектора истории Чувашского НИИ языка, литературы и истории при Совете Министров Чувашской АССР, где им были написаны и изданы три статьи и одна брошюра по истории Чувашии периода Гражданской войны, голода 1921–1922 гг., социально-экономического развития республики в годы первой пятилетки.

С декабря 1951 по июнь 1955 г. В.Д. Дмитриев очно и заочно (полтора года работал преподавателем в ЧГПИ) обучался в аспирантуре МГУ. В ЦГАДА выявил множество документов по истории Чувашии XVIII в. Написал кандидатскую диссертацию “Социально-экономическое развитие Чувашии в первой половине XVIII века” и защитил ее досрочно в мае 1955 г. В 1968 г. в Ленинградском университете защитил докторскую диссертацию по теме “История Чувашии периода феодализма”. В 1970 г. ему присвоено ученое звание профессора, а в 1992 г. избран академиком Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики (НАНИ ЧР), где в 1992–2003 гг. работал академиком-секретарем Отделения гуманитарных наук. Его учителями были академик М.Н. Тихомиров, профессор П.П. Епифанов, В.В. Мавродин, А.А. Зимин, Н.И. Павленко, С.О. Шмидт, близкими коллегами стали С.М. Каштанов и А.А. Преображенский.

В сентябре 1955 г. В.Д. Дмитриев был назначен заместителем директора – ученым секретарем Чувашского НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров ЧАССР (ЧНИИ ЯЛИЭ). С августа 1968 по октябрь 1988 г. он работал директором этого института, сумев добиться строительства нового здания института (1971–1972), увеличения штата с 19 до 70 единиц, подготовки 54 кандидатов и 6 докторов наук. За 20 лет было выпущено 400 томов фундаментальных исследований (всего за 70 лет институтом издано 700 томов), проведено более сотни научных экспедиций и свыше 200 конференций. А. Каппелер писал, что Чувашский НИИ по количеству и качеству публикаций сыграл ведущую роль среди республик Среднего Поволжья. В 1980 г. институт был награжден орденом “Знак Почета”.

Из-за отсутствия в Чебоксарах другого специалиста по русской палеографии, исторической хронологии, русской метрологии и нумизматике, сфрагистике и геральдике, археографии, архивоведению, исторической географии, источниковедению отечественной истории, теории и методологии истории В.Д. Дмитриеву в 1967–1988 гг. пришлось преподавать эти дисциплины в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова (ЧГУ), работая в нем профессором по совместительству. В конце октября 1988 г. он был принят по конкурсу заведующим кафедрой истории СССР (с 1990-х годов – отечественной истории) университета. В 2000 г. Василий Дмитриевич организовал и возглавил кафедру источниковедения и архивоведения, выпускающую историков-архивистов. Огромную помощь кафедре оказал Московский исто-

рико-архивный институт РГГУ, выделив 4500 экз. сверхкомплектной учебной литературы по архивоведению и документоведению.

В.Д. Дмитриев, работая заведующим кафедрой, вел те же вышеперечисленные дисциплины, руководил дипломниками и аспирантами. Только за последние три года четыре его аспиранта стали кандидатами наук. Он помог башкиру И.Г. Акманову, марийцам А.Г. Иванову и Г.Н. Айплатову, мордвину Н.В. Заварюхину, удмуртке М.В. Гришкиной, чувашу Б.Л. Алексееву в подготовке и защите докторских диссертаций. С 1968 по настоящее время Василий Дмитриевич является членом Археографической комиссии РАН, в 1970–1980-х годах, в течение 8 лет был членом специализированного совета по защите кандидатских диссертаций по всеобщей и отечественной истории при Горьковском университете, в 1993–1998 гг. – председателем диссертационного совета по защите кандидатских диссертаций по отечественной истории ЧГУ, а в 1999–2000 гг. – председателем диссертационного совета по защите докторских диссертаций в том же университете. 20 лет он возглавлял Ученый совет ЧНИИ ЯЛИЭ и около 40 лет был его членом, более 20 лет – членом Ученого совета ЧГУ, долгое время состоял членом ученых советов ЦГА ЧАССР, Краеведческого музея ЧАССР, членом редколлегий чувашских журналов “Ялав” (“Знамя”), “Тăван Атăл” (“Родная Волга”), в 1993–2003 гг. – являлся главным редактором гуманитарной серии “Известий НАНИ ЧР”, с 1995 г. – заместителем главного редактора журнала “Вестник Чувашского университета”. В 1950–1980-е годы активно участвовал в руководстве и деятельности Чувашского отделения ВООПИК, Чувашской республиканской организации общества “Знание”.

В.Д. Дмитриева, человека исполнительного, во вред научному творчеству, всегда перегружали общественной работой. В 50–60-е годы XX в. он занимал более 10 общественных должностей, с 1968 по 1990 г. – свыше 20. Так, с 1970 до 1991 г. он – член обкома КПСС, член его идеологической и ряда других комиссий; с 1969 по 1975 г. – депутат Чебоксарского городского совета, с 1975 по 1990 г. – депутат Верховного Совета Чувашской АССР и председатель его постоянной комиссии по народному образованию, науке и культуре; с 1956 по 1991 г. – член Чувашского республиканского комитета защиты мира; с 1970 по 1990 г. – ответственный секретарь Чувашского отделения Общества советско-венгерской дружбы; с 1976 по 1991 г. – член Советского комитета солидарности стран Африки и Азии и т.д. Был делегатом XXIV съезда КПСС. С 1991 г. В.Д. Дмитриев – беспартийный.

С 1952 г. основной проблематикой исследований В.Д. Дмитриева стала история чувашского народа и края, отчасти народов Среднего Поволжья. За 56 лет научно-исследовательской деятельности им опубликовано 23 книги, 14 брошюр, 260 научных статей в сборниках и журналах, более 270 статей по истории в газетах*. В трудах ученого об этногенезе чувашского народа можно выделить четыре этапа:

Центральноазиатский – в составе племен хунну и державы Хунну (хан Модэ и его преемники) выделились огурские (болгаро-суварские) кочевые племена, занимавшие западные пределы державы; под напором китайцев и из-за ухудшения природно-климатических условий в начале нашей эры они двинулись в западном направлении и во II–III вв. появились на нижней Волге и Северном Кавказе;

* Список основных печатных трудов В.Д. Дмитриева см. наст. изд. С. 447–450.

Северокавказский – болгары (оногуры – 10 огурских племен) и сувары, жившие со II–III вв. по соседству с ираноязычными сарматскими и аланскими племенами, в IV–V вв. оказались вовлеченными в гуннское нашествие, постепенно переходили от кочевого образа жизни к оседлости, занимались не только скотоводством, но и земледелием, восприняли от сарматов и алан немало хозяйственных и культурно-бытовых навыков; вождь Кубрат в 30-е годы VII в. объединил болгарские племена в государственное образование Великая Болгария, просуществовавшее до середины 60-х годов VII в.; сын Кубрата Аспарух повел часть болгарских племен на Дунай и основал там Болгарское государство; в 70-е годы VII в. серебряные болгары переселились в Волго-Камье; в VII в. на востоке Северного Кавказа возникло Суварское государство Алп-Илитвера, вошедшее в состав Хазарского каганата, в 40-е годы VIII в. значительная часть сувар переселилась в Волго-Камье; переселение болгар и сувар в Среднее Поволжье продолжалось вплоть до X в.;

Волжско-камский – в VIII–IX вв. в Среднем Поволжье образовался Болгарский союз племен, охватывавший не только болгаро-суварские, но и финно-угорские племена; в конце IX в., при болгарском царе Алмаса (Алмуше), союз племен перерос в государство Волжская Болгария; здесь путем объединения болгаро-суварских племен и ассимиляции ими части финно-угров, главным образом марийцев, в X – начале XIII в. образовалась единая болгарская (древнечувашская) народность, которая в составе Золотой Орды продержалась до середины XIV в.;

Казанский – во второй половине XIV – начале XV в. произошло полное опустошение Болгарской земли, занимавшей территорию нынешних Самарской, Ульяновской, восточной части Пензенской областей, закамской и юго-западной (правобережной) частей Татарстана и юго-восточной части Чувашии. С лица земли были стерты 32 болгарских города и около 2 тыс. селений; оставшееся в живых в основном сельское болгаро-чувашское население (“худые болгары” Казанского летописца) перебежало в среду марийского и удмуртского населения Приказанья и Заказанья и в среду марийцев центральной и северной частей нынешней Чувашии; в Казанском ханстве из “худых болгар”, частично смешавшихся с марийцами, образовалась современная чувашская народность.

В.Д. Дмитриевым изучены стадии первобытнообщинного строя в Среднем Поволжье, история Волжской Болгарии, Болгарской земли Золотой Орды, положение чувашского народа в Казанском ханстве. Им раскрыты причины и предпосылки мирного, “по челобитью”, вхождения чувашей в 1551 г. в состав Российского государства.

Глубокому исследованию подвергнуты В.Д. Дмитриевым неразработанные вопросы истории Чувашии второй половины XVI–XVIII вв. Ученый доказал, что поскольку русские с XIII–XIV вв. территорию восточнее Суры считали землей горных черемис, даже после занятия этой территории чувашами во второй половине XIV – начале XV в., в русских письменных источниках XVI – начала XVIII в. чувашаи ошибочно назывались “горными черемисами”. В его трудах всесторонне показаны экономика, общественные отношения, социальные движения в Чувашии во второй половине XVI–XVII вв.: положительные результаты хозяйствования народа в условиях прекратившихся разорительных войн и грабительских нападений кочевых орд, расширение территории, занимаемой чувашами, рост земледельческой культуры, увеличение площади обрабатываемых земель, характер хозяйства, возникновение и рост городов, втягивание экономики края в систему возникавшего всероссийского

рынка, помещичье-монастырская и вольная колонизация, положение социальных групп местного и пришлого населения (феодалов из чувашей, ясачных чувашей, русских феодалов и владельческих крестьян), политика царского правительства в Чувашии (а также в Среднем Поволжье в целом), система управления, роль вооруженных сил, социальный протест ясачного и владельческого крестьянства, его участие в народных движениях в Смутное время, в борьбе против польской и шведской интервенции, в восстании С.Т. Разина.

Исследователем сделан вывод, что общественные и политические отношения во второй половине XVI – XVII вв. на бывшей территории Казанского ханства представляли собой сложный синтез общественно-политического уклада ханского времени с развитыми феодальными отношениями Российского государства.

Особо отметим, что В.Д. Дмитриевым впервые разработан и разрешен ряд проблем с привлечением большого числа источников. *Во-первых*, им тщательно исследована проблема ясачного обложения и ясачного землевладения в Среднем Поволжье (Казанском крае), показана несостоятельность утверждения о том, что ясак в Среднем Поволжье – дань, взимаемая с нерусских народов пушшиной, и что сущность ясака как фиксированной ренты-налога, собираемого с определенной площади пашни и других угодий, функционирование ясака как единицы обложения, практика взимания других податей с ясака, деление целого ясака на доли (до 1/8), порядок взимания ясачных сборов и т.д.

Во-вторых, на огромном фактическом материале впервые разработан вопрос о повторном заселении чувашами во второй половине XVI–XVII вв. южной и юго-восточной Чувашии и Симбирского уезда, с середины XIV – начала XV в. превратившихся в “дикое поле” кочевья ногайских орд.

В-третьих, доказав ошибочность получивших распространение мнений об искусственном создании сложных общин в Среднем Поволжье царскими чиновниками, с одной стороны, и о происхождении их непосредственно от родовых общин, с другой, исследователь на основе анализа большого фактического материала впервые обосновал положение о происхождении сложных общин в XVI–XVIII вв. вследствие того, что на закрепленной за ясачной общиной территории возникали выделявшиеся от материнского селения выселки, которые из-за консервативности порядков управления в стране и живучести родовых пережитков у поволжских народов не превращались в самостоятельные сельские общины.

В-четвертых, ученый доказал, что г. Чебоксары возник в XIII в. как болгаро-чувашский город Веда-Суар – Шупашкар – Чебоксар, который существовал до 1555 г., затем на его месте была воздвигнута русская крепость. Он монографически изучил историю города до конца XVII в., тщательно исследовал проблему возникновения других городов края во второй половине XVI в. и их историю XVII–XVIII вв.

В-пятых, вновь изучив и опубликовав тексты шести царских наказов воеводам Казанского края XVII в., использовав другие источники, обстоятельно исследовал политику царского правительства в многонациональном крае.

Истории Чувашии XVIII в. В.Д. Дмитриевым посвящена крупная монография, несколько статей и публикаций. Монография, написанная на базе источников многих архивов нашей страны, охватывает весь комплекс вопросов истории народов Чувашского края: территория, состав и динамика населения, структура и эволюция землевладения, сельскохозяйственное производство,

помещичье и монастырское хозяйство, крепостническая эксплуатация и положение русских владельческих крестьян края, хозяйственное положение и угнетение чувашских государственных крестьян, ремесло и промыслы, первые мануфактуры, развитие торговли и экономических связей Чувашии с все-российским рынками, городами, социально-экономическое положение и повинности посадского населения, аппарат управления и Православная церковь, злоупотребления и произвол чиновников, участие крестьян края в восстании Е.И. Пугачева, быт и культура чувашского народа.

В трудах по истории Чувашии конца XVIII – первой половины XIX в. В.Д. Дмитриевым показано хозяйственное и социально-экономическое положение края, кризис крепостнических отношений, перевод значительной части чувашских государственных крестьян в удел, восстание чувашских и горномарийских крестьян 1842 г. против перевода их в положение удельных.

К истории Чувашии второй половины XIX – начала XX в. относятся труды ученого о развитии просвещения чувашского народа, о выдающемся чувашском просветителе И.Я. Яковлеве как поборнике национального подъема чувашей и сближения народов.

В.Д. Дмитриев первый из национальных историков России выполнил исследование исторических преданий чувашей об их древней жизни, болгарском времени, монголо-татарском иге, Казанском ханстве, мирном вхождении Чувашии в состав России, возникновении новых чувашских поселений в XVI–XVIII вв., о жизненных условиях чувашей во второй половине XVI–XVIII вв., расселении чувашей в Среднем Поволжье и Приуралье, народных движениях 1670–1671 и 1773–1775 гг. и их предводителях С.Т. Разине и Е.И. Пугачеве, о положении чувашского народа в первой половине XIX в., сделаны выводы о соответствии содержания преданий историческим фактам.

Ряд работ В.Д. Дмитриева посвящен исследованию вопросов этнографии и истории культуры чувашского народа: старинному чувашскому лунно-солнечному календарю, метрологии, мерам веса, площади и сыпучих тел батмана, религии и семейным отношениям сувар VII в., этапам христианизации чувашей с середины XVII в. до 1861 г., чувашской песне конца XVII в., первой чувашской грамматике 1769 г., численности чувашей в России в XVIII–XIX вв., чувашскому стихотворению 1837 г. “Мы чувашами родились”, общению чувашей с русскими и влиянию русской культуры на чувашскую в конце XIX – начале XX в.

В нескольких статьях исследователь рассматривает историографию истории чувашского и других средневожских народов древнего и средневекового периодов. Им изданы книги и статьи о жизни и научной деятельности историков и этнографов Н.Я. Бичурина, С.М. Михайлова, Н.В. Никольского, М.П. Петрова (Тинехпи), И.Д. Кузнецова, археолога В.Ф. Каховского, математика и механика С.Ф. Сайкина, экономистов Л.П. Куракова и В.И. Идельменова, опубликовано немало рецензий на книги по истории Чувашии и народов Среднего Поволжья.

В.Д. Дмитриев проявил себя и в археографической деятельности. Им выявлены и опубликованы с комментариями уникальные акты времени Казанского ханства, документы по истории народов Среднего Поволжья XVI–XVII вв., ценнейшая уставная грамота Ивана IV 1574 г., определяющая порядок воеводского управления населением Казанской земли и его повинности, царские указы казанским, чебоксарскому и царевкокшайскому воеводам 1613 (два), 1628, 1649, 1677 и 1686 гг. Документы о заселении юго-восточной Чувашии в XVII в., Ядринской приказной избы конца XVII – начала

XVIII в., по истории г. Чебоксары XVII – XVIII вв., о жизни и деятельности Н.Я. Бичурина, русско-чувакские лексические словари XVIII в., ряд этнографических описаний чувашей XVIII – первой половины XIX вв., “Собрание сочинений” первого чувашского этнографа, историка и писателя С.М. Михайлова, обзор личного архива И.Я. Яковлева и др.

В последние годы В.Д. Дмитриев работает над двухтомной монографией “История чувашского народа и края XIV–XVII веков”.

За успехи и многолетнюю плодотворную деятельность в исследовательской, преподавательской, научно-организаторской сферах В.Д. Дмитриев удостоен почетных званий Заслуженного деятеля науки Чувашской АССР (1974) и РСФСР (1980), награжден орденом Трудового Красного Знамени, орденом Дружбы, медалями “За доблестный труд”, “Почетный работник высшего образования России”, почетными грамотами Президиума Верховного Совета РСФСР и ЧАССР (трижды), почетной грамотой Госсовета ЧР, золотой медалью им. И.Я. Яковлева НАНИ ЧР, почетными грамотами многих общественных организаций. В.Д. Дмитриев – дважды лауреат Государственной премии Чувашской Республики в области науки и техники, лауреат премии ЧГУ в области науки и техники, премии им. С.В. Эльгера Чувашского отделения Союза журналистов России, Национальной премии им. И.Я. Яковлева и др.

В.П. Пушков

ЗАПЛАНИРОВАННОЕ ЧУДО ПОИСКА, ИЛИ ВОСПИТАНИЕ АРХЕОГРАФИЕЙ

(К юбилею И.В. Поздеевой)

Юбилей известного ученого – лучшее время, чтобы напомнить о его вкладе в науку, обозначить вехи творческого пути, подытожить сделанное. Тем более значительно совпадение такой даты с годовщинами основных этапов становления научной школы ученого. Полевая археография, связанная с работой среди населения, постоянными перемещениями и бытовыми неудобствами, думается, является наиболее демократичной наукой, которая привлекает к себе незаурядных личностей, выдвигая из их среды крупных ученых, становящихся во главе известных научных школ (В.И. Малышев, Н.Н. Покровский, А.А. Амосов, Р.Г. Пихоя и др.). Это в полной мере относится и к Ирине Васильевне Поздеевой – крупнейшему “путешествующему археографу” (выражение П.М. Строева), возродившей московскую университетскую школу полевой археографии.

В 2005 г., в год славного 250-летнего юбилея МГУ им. М.В. Ломоносова, исполняется 40 лет университетской полевой археографии (с 1966 г.) и полвека, как И.В. Поздеева получила университетский диплом историка (1955). А год ее рождения (1 февраля 1934 г.) знаменательно совпал с восстановлением самостоятельного исторического факультета в составе МГУ и 100-летием со дня учреждения Археографической комиссии (1834).

Ведущий археограф России С.О. Шмидт, отмечая “значение личного начала”, подчеркивает “неукротимую энергию и широту научных интересов” И.В. Поздеевой – “зачинателя, энтузиаста и руководителя” университетской школы полевой археографии, развивающей славные университетские традиции единства научно-учебных, исследовательских, просветительских и общественных связей¹.

Родители Ирины Васильевны окончили Пермский университет, были врачами. Отец – Василий Николаевич Поздеев – выходец из многодетной семьи сельского дьячка, работал с 11 лет и еще до революции получил экстерном звание фармацевта. Став на сторону Советской власти, с войсками М.В. Фрунзе он прошел через всю Сибирь, дважды чудом избежал расстрела со стороны белых, однако в партии никогда не был. Мать – Милица Михайловна Смородинцева – после блестящего окончания вуза, откуда ее, впрочем, несколько раз “вычищали” как “поповскую дочь”, много сделала для борьбы с таким тяжелым заболеванием, как сибирская язва.

В 1931 г. родители поженились и переехали в г. Волоколамск, куда отец был назначен главным железнодорожным врачом. Семья Ирины Васильевны вместе со всем народом перенесла фактически все трагедии XX в. О гражданском мужестве и смелости В.Н. Поздеева говорит тот факт, что он

¹ Шмидт С.О. Московский университет 1960–1990-х годов и развитие археографической культуры России // *Он же. История Москвы и проблемы москвоведения*. М., 2004. С. 338.

не побоялся принять на работу в железнодорожную больницу нескольких “жен врагов народа”. В начале 1937 г. в Волоколамск погостить приехали родители М.М. Смородинцевой. Отец матери – Михаил Николаевич – был талантливым человеком, из многодетной семьи пермского крестьянина-бедняка, самостоятельно проложившим себе путь до широко образованного и настолько уважаемого священника, что даже местный комбед в нарушение всех инструкций не реквизирует его имущества, оказал и материальную поддержку в голодные годы. Позднее дом священника в Мотовилихе (г. Пермь) с прекрасной юридической и художественной библиотекой стал центром притяжения местной интеллигенции и бедняков, нуждавшихся в квалифицированной и бесплатной юридической помощи.

В 1937 г. был арестован сначала М.Н. Смородинцев, а затем и В.Н. Поздеев, обвиненный в том, что помогал семьям “врагов народа” и разрешил бабушке крестить его детей. О смерти деда в 1943 г., которого семья долго и безуспешно искала по тюрьмам и лагерям, в конце 1950-х годов сообщили официально. И только несколько лет назад из ответа на очередной запрос выяснилось, что М.М. Смородинцев как участник никогда не существовавшего заговора был расстрелян еще 1 сентября 1937 г. На руках матери, 30-летнего детского врача, остались двое маленьких детей, их бабушка и прабабушка. Сейчас трудно даже представить, как жила семья, которую выселили из государственной квартиры, а мать – единственную кормилицу – год не брали на работу. В конце 1938 г. семья переехала в Детгородок – бывший (и нынешний) Иосифо-Волоколамский монастырь. В его помещениях располагались три Детских дома, заведующей больницей которых и стала М.М. Смородинцева.

Относительно наладившуюся жизнь семьи разрушила война. Из-за “нерасторопности” местных властей врач Смородинцева, до последней минуты эвакуировавшая больных, раненых из детдома, осталась с семьей на временно оккупированной территории. Семье пришлось пережить страшное время осени–начала зимы 1941 г. Вчерашняя первоклассница Ирина навсегда запомнила картины постоянных бомбежек, когда бомбы разрывались буквально у стен дома, ночных пожаров, бесконечные колонны пленных красноармейцев на Волоколамском шоссе, унижительное обращение немецких солдат с населением. Едва ли можно забыть монастырскую башню (бывшее картофелехранилище детдомов, которое и спасло людей от голода), где два месяца жило все население Детгородка (50 семей), и печку-буржуйку, на которой один раз в сутки каждая семья могла сварить картошку; ежедневную гибель людей, замерзшие трупы, выкинутые немцами из окон дома вещи семьи, которые были обнаружены лишь весной 1942 г., когда стал таять снег; занятия в Детгородковской средней школе, начатые в 1942 г., в неотапливаемом, с забитыми досками окнами классе (в одном помещении М.И. Соколова учила и второй, и четвертый классы), и незабываемую листовку “Таня” (о Зое Космодемьянской), которую в этом классе показывали. Учителя Детгородковской школы помогли Ирине развить природные задатки, особенно благодарна она любимому учителю истории Алексею Ивановичу Соколову, заложившему основы логического мышления и широкого гуманитарного кругозора. Школа привила любовь к спорту и хорошие навыки общественной работы (Ирина была секретарем комсомольской организации). Окончив школу с серебряной медалью, после некоторых колебаний между мехматом и истфаком девушка выбрала последний (кстати, из-за 16-летнего возраста для допуска к собеседованию в приемной комиссии пришлось получить специальное разрешение министерства).

Годы студенчества (1950–1955) дали Ирине Поздеевой блестящее классическое образование – под руководством любимого преподавателя К.К. Зельина девушка посвятила себя изучению внутренней и внешней политики Афин IV в. до н.э., причем в ее дипломное исследование по этой теме была включена и глава по античной археологии. Работая с первого курса в археологических экспедициях В.Д. Блаватского, она фактически параллельно училась и на кафедре археологии, одновременно защитила диплом по античной истории и выступила с докладом о самостоятельных раскопках (1954–1955 гг.) в Анапе (античной Горгииппии) на Всесоюзной археологической конференции. Помимо научного руководителя К.К. Зельина, поражавшего на семинарских занятиях своей эрудицией, лаконичностью и точностью формулировок, оставшегося учителем и другом И.В. Поздеевой (а затем ее семьи) до последнего дня жизни, ее любимыми преподавателями были такие известные профессора, как А.В. Арциховский, М.О. Косвен, А.И. Неусыхин, Б.А. Рыбаков, С.Д. Сказкин (ставший затем и ее официальным оппонентом на защите кандидатской диссертации), С.П. Толстов.

Получив диплом с отличием, молодой специалист успешно сдает экзамены в аспирантуру, а в 1957 г. приступает к работе в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ (ОРКиР НБ МГУ) и преподает латынь в Ветеринарном институте. В полной мере организаторский талант молодого ученого проявился в подготовке научных и культурных программ к Московскому международному фестивалю молодежи и студентов 1957 г. В качестве лектора ЦК ВЛКСМ она регулярно забиралась в самую отдаленную глубинку, туда, куда никогда не появлялись профессиональные лекторы, и не понаслышке знала трагические судьбы голодной послевоенной деревни.

Работая в университетской библиотеке, И.В. Поздеева продолжала занятия археологией и раскопки античной Горгииппии, выступала с докладами на всесоюзных археологических конференциях. Но жизнь распорядилась по-своему. Опубликовав несколько статей по античной истории, успешно защитив в 1962 г. кандидатскую диссертацию на тему “Внутренняя и внешняя политика Афин в 403–387 гг. до н.э.” (научный руководитель О.И. Савостьянова), И.В. Поздеева принимает трудное решение о резкой смене научных интересов, чему в немалой степени способствовал доклад ленинградского ученого А.Х. Горфункеля о полевой археографии на конференции молодых специалистов в НБ МГУ, опыт и рекомендации Н.Н. Покровского, занятия со старым другом и блестящим специалистом по истории Русской православной церкви и церковной культуры А.И. Роговым. Многолетняя дружба Ирины Васильевны и С.С. Аверинцева привела к тому, что он, уже знаменитый ученый прочитал ряд лекций специально для будущих археографов ее семинара. Однако главным были и остаются память о собственном деде и детстве в Иосифо-Волоколамском монастыре.

Опыт археологических экспедиций, энтузиазм вкупе со строгим логическим расчетом, организационный талант молодого ученого привели к “запланированному чуду поиска” уже первых археографических экспедиций Московского университета. В 1966–1970 гг. вместе с И.В. Поздеевой в полевых работах участвовала сотрудник библиотеки И.Д. Кашкарова, внесшая неоценимый вклад в успех первых лет. Было решено начинать работу с г. Ржева недалеко от Москвы, где еще с дореволюционного времени проживало значительное и богатое старообрядческое население. Хотя первоначально эта поездка показалась ее участникам безуспешной, так как они не увидели в городе фактически ни одного довоенного дома, удалось быстро установить, что

много книг и икон в начале войны были закопаны в землю, а после освобождения города вернулись в “красные углы” новых домов или были свезены в старообрядческую церковь, чуть ли не единственное уцелевшее во время боев кирпичное строение. Успех этой поездки для двух ее участниц был неожиданным и полным!

В следующие два года они обследовали Городецкий, Арзамасский и Ковернинский районы Горьковской (ныне Нижегородской) области, ряд районов Куйбышевской (ныне Самарской) и Саратовской областей. В результате трехлетних полевых работ (в ходе которых пришлось преодолевать не только бытовые неудобства, десятки километров проходить пешком, но также уметь нейтрализовать прямое противодействие властей: (“Я этих библией столько сжег, а ты теперь говоришь, что это ценность”) в ОРКиР НБ МГУ поступило, помимо 131 рукописи, 146 старопечатных книг, в том числе 82 книги XVI–XVII вв.² Таким образом, первые шаги на пути возрождения университетской археографии оказались более чем успешными. Немалую помощь в организации нового начинания оказала тогдашний директор Научной библиотеки А.М. Харькова, а ректор МГУ академик И.Г. Петровский отметил И.В. Поздееву и И.Д. Кашкарову первой в жизни денежной премией.

К середине 1970-х годов достижения нового центра отечественной полевой археографии были признаны Археографической комиссией АН СССР “чрезвычайно значительными”. Отмечалось, что с 1966 по 1974 г. под руководством И.В. Поздеевой Московский университет провел 17 экспедиций в 16 районах страны, организуя с 1970 г. широкие комплексные исследования. Заметно опережая все другие организации по темпам работы, археографы МГУ в короткие сроки собрали почти четверть (23%) от всех старопечатных книг, поступивших на государственное хранение в это время, в том числе более 40% древнейших, т.е. изданий XVI в.³ Напомним, что в 1950–1960-е годы приобретение старопечатных книг “вообще не входило в основную задачу экспедиций”⁴.

Для профессионального археолога и историка после “открытия” в 1970 г. старообрядческой Ветки стало очевидно, что полевые работы должны иметь иной, исследовательский характер. Осуществить эту задачу помог В.Л. Янин, ныне академик, поддержавший просьбу И.В. Поздеевой о создании в МГУ для проведения археографических исследований нового научного подразделения. В результате в 1971 г. в структуре кафедры источниковедения истфака приказом ректора МГУ академика И.Г. Петровского была создана Археографическая группа в составе И.В. Поздеевой, Т.А. Кругловой и М.М. Леренман. С 1991 г. – Археографическая лаборатория, которая в 2002 г. стала самостоятельным подразделением на истфаке.

Группа более чем успешно начала выполнять завет классика отечественной полевой археографии П.М. Строева, в 1823 г. сказавшего в своем докладе на заседании Общества истории и древностей российских при Московском университете, что “целая Россия должна превратиться в одну библиотеку, нам доступную. Не сотнями известных рукописей мы должны ограничивать

² См.: Поздеева И.В., Кашкарова И.Д. Книги XVI–XVII вв. кирилловской печати, поступившие в Научную библиотеку им. А.М. Горького МГУ в 1966–1968 гг. // Рукописная и печатная книга в фондах Научной библиотеки Московского университета. М., 1973. Вып. 1. С. 44.

³ Тверская Д.И. О некоторых итогах развития полевой археографии на территории СССР в послевоенный период // ИСССР. 1976. № 1. С. 115.

⁴ Там же. С. 109.

свои занятия, но бесчисленным множеством их”⁵. Однако выявление и спасение источников – это пусть и самый трудный, но лишь первый шаг в многоплановой работе археографов, поэтому П.М. Строев четко сформулировал задачи не только полевой, но и тесно связанной с ней описательной (камеральной) археографии: “Найти, извлечь, привести в известность письменные памятники, рассеянные на обширном пространстве”⁶, без чего “тысячи книг, несомненно, погибнут от нерадения и невежества”⁷. Далее он говорил о необходимости “общей систематической росписи книг, которая станет ключом к общему книгохранилищу целой России”.

На всех этапах работы И.В. Поздееву и ее учеников отличали глубокое уважение к людям – носителям традиционной культуры, которые, нередко рискуя своей свободой, в продолжении целой трети тысячелетия спасали древнюю книгу – основу древлеправославной веры. В своих трудах археографы Московского университета постоянно благодарят их “за великодушную помощь и сознательную добрую волю, без которых большинство описанных книг осталось бы неизвестными или погибли”⁸. Решающим для успеха было умение вызвать доверие людей, которые уже в нескольких поколениях были гонимы за веру, за верность древним книгам.

Десять лет напряженной и целеустремленной работы возглавляемого И.В. Поздеевой небольшого коллектива единомышленников “путешествующих археографов” не замедлили дать важные результаты, которые были доложены на первых Федоровских чтениях 1976 г.⁹ Большинство книг из собрания ОРКиР НБ МГУ (489 из 917) были уже “экспедиционными” (в том числе 106 экземпляров 57 изданий XVI в. и 395 – XVII в.)¹⁰. Такая ситуация давала все основания констатировать “значительную репрезентативность” университетского собрания “по отношению к печатной части русской книжности XVII в.”¹¹ Благодаря такому фундаментальному вкладу археографов, Московский университет с тех пор стал одним из ведущих центров по изучению старопечатной книги.

На этой огромной источниковой базе с помощью новейших достижений источниковедения (теория массовых исторических источников академика И.Д. Ковальченко) И.В. Поздеева осуществляет качественный прорыв в исследовании, пожалуй, одного из самых важных, с точки зрения источниковедения, вопросов русской книжности XVII в. – записей на книгах, в том числе и как источника, неопровержимо доказывающего широкую географию бытования книги в XVII в.¹² В 1980–1981 гг. теоретические положения археографов были практически применены в двух научных описаниях¹³. Первый каталог, подготовленный И.В. Поздеевой, И.Д. Кашкаровой и М.М. Леренман,

⁵ Строев П.М. О средствах удобнейших... // Труды и летописи ОИДР. М., 1828. Ч. IV, кн. 1. С. 283; См. об этом: Поздеева И.В. Полевая археография // Историческая наука в Московском университете. 1755–2004. М., 2004. С. 262.

⁶ Строев П.М. Указ. соч. С. 283–284.

⁷ Там же. С. 285–286.

⁸ Поздеева И.В., Кашкарова И.Д. Указ. соч. С. 45.

⁹ Поздеева И.В. Записи на старопечатных книгах кирилловского шрифта как исторический источник // Федоровские чтения, 1976. М., 1978. С. 39–54.

¹⁰ Там же. С. 42. Примеч. 6.

¹¹ Там же. С. 42.

¹² Там же. С. 46.

¹³ Поздеева И.В., Кашкарова И.Д., Леренман М.М. Каталог книг кириллической печати XV – XVII вв. НБ МГУ. М., 1980; Коллекция старопечатных книг XVI–XVII вв. из собрания М.И. Чуванова: каталог / сост. И.В. Поздеева. М., 1981.

показал действительно обширную историко-культурную информацию, полученную в результате работы по новой методике.

Важным теоретическим источниковедческим достижением доклада Поздеевой на первых Федоровских чтениях являлся тезис об экземпляре как связующем звене времен¹⁴, который позже выльется в лапидарную формулу – “книга как факт и фактор истории”. В указанном выше каталоге также впервые была поставлена и выполнена задача сопровождения их аннотированными указателями, которые при большом объеме материала получают самостоятельное значение¹⁵. Отмеченные положения статьи И.В. Поздеевой (а ранее Каталога старопечатных изданий, собранных и описанных А.Х. Горфункелем¹⁶), фактически означали складывание качественно нового этапа в изучении истории русской книжности – перехода к поэкземплярному изучению старопечатных изданий как информативных исторических источников, к подходу, который впоследствии получил самое широкое признание.

Статью о методике описания экземпляров кириллических старопечатных изданий И.В. Поздеева выпустила в свет в 1976 г. На фоне анализа опубликованных описаний выдвигался диалектический тезис: “Методика описания экземпляра старопечатной книги кириллического шрифта должна вытекать из представления о двойственном характере этих памятников, остающихся онтологически тиражированными печатными изданиями, но своей индивидуальной неповторимой исторической судьбой сближающихся с книгой рукописной”¹⁷. Далее подробно характеризовались четыре основных необходимых раздела описания: сведения о сохранности экземпляра, переплете; записях и пометах на книге, а также информация об источниках поступления данного экземпляра в библиотеку; история бытования книги и сведения о ее владельцах¹⁸.

В последующую четверть века вышли четыре издания методического пособия И.В. Поздеевой¹⁹. В вышеуказанном Каталоге МГУ (см. сн. 13) именно по этой методике выполнены поэкземплярные описания 680 книг XVI–XVII вв., в том числе 528 экземпляров с записями. Всего выявлено 637 записей XVII в., в которых названо 715 имен – из них 430 принадлежат светским и 285 – духовным лицам. Из 715 имен как о владельцах книг можно говорить о 348 русских людях, причем 232 человека из них имеют точную сословную идентификацию. Среди владельцев книг оказались все категории работников Печатного двора и других книжных профессий²⁰.

За этими, казалось бы, сухими цифрами стояли судьбы не только книг, но и тысяч людей, которые, по выражению А.И. Герцена, передавали книгу как эстафету от уходящего поколения к новому. Благодаря продуманной системе многомерных аннотированных указателей персонифицируется людская череда, сохранившая древнюю книгу, что превращает указатели в принципиально новый тип массового исторического источника, обладающего огромным исследовательским потенциалом. Но помимо чисто научной стороны дела, велико и нравственно-этическое значение этого источника – прерывая

¹⁴ См.: Поздеева И.В. Записи на старопечатных книгах... С. 48.

¹⁵ Там же. С. 54.

¹⁶ Каталог книг кирилловской печати XVI–XVII вв. / сост. А.Х. Горфункель. Л., 1970.

¹⁷ Поздеева И.В. Методика описания экземпляров старопечатных изданий кирилловского шрифта // Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976. С. 126–127.

¹⁸ Там же. С. 129–130.

¹⁹ Поздеева И.В. Научное описание экземпляра старопечатных изданий кириллического шрифта: метод. рекомендации. М., 1985; см. также сн. 29.

²⁰ Там же. С. 50.

движение книги в пространстве–времени, исследователь обязан “очеловечить” эту траекторию, сделав имена владельцев книг достоянием не только специалистов, но также краеведов и потомков авторов записей. Такое “воспитание археографией” (выражение С.О. Шмидта) напоминает о единстве корней провинции и центра, понимание которого особенно актуально в переломные этапы истории.

Столкнувшись на Брянщине в полевые сезоны 1970 и 1971 гг. с наследием чрезвычайно богатой традиционной культуры староверов, И.В. Поздеева окончательно убеждается в необходимости комплексного выявления в аналогичных районах элементов традиционной культуры и их фиксации как среды бытования книжных памятников. Она предложила разделить все интересующие археографов территории на три категории²¹. Такое археографическое районирование проводили по результатам сплошной археографической разведки страны, которая, в конечном счете, должна была привести к построению “археографической” карты. Подчеркивалось, что цель разведки состояла не столько в получении, сколько в обнаружении и фиксации всех сохранившихся элементов традиционной культуры, в том числе книг.

Обеспеченный комплексными работами системный подход позволял ставить и решать новые для полевой археографии задачи и, прежде всего, создание региональных книжных собраний и коллекций. Такие собрания в районах “первой категории”, как было доказано экспедициями МГУ в Верхокамье и Ветке, могут быть репрезентативны относительно истории местной культуры и книжности. Было доказано, что у полевой археографии есть свой объект, цели и метод. Все эти практические результаты и теоретические новации были изложены на Первой Всесоюзной конференции по полевой археографии, организованной Археографической комиссией АН СССР в 1976 г. в Москве²².

Блестящим практическим подтверждением научной актуальности комплексного подхода стало продолжающееся более трети века систематическое изучение Верхокамья – уникального района древнего расселения староверов-беспоповцев (с конца XVII в.), открытого археографами МГУ в ходе сплошной археографической разведки в 1972 г. в Верецагинском районе Пермской области и определенного как район I категории сохранности традиционной русской культуры. По результатам многолетних полевых работ университетским археографам удалось создать, к сожалению, пока уникальный поливидовый архив Верхокамья XVII–XX вв., который, репрезентативно моделируя все многообразие традиционной культуры, стал основным объектом исследований, поскольку начиная с 1980-х годов, эта культура практически деградировала под натиском масштабных перемен. Ядром поливидового архива является Верхокамское книжное собрание, а его системность обеспечивают фонды материальной культуры, фотографий и слайдов, аудио-, видеозаписей, полевых дневников и переписки.

Необходимо подчеркнуть создание в экспедициях МГУ уже в 1974 г. также новых типов полевой документации, которые оказались адекватными комплексному подходу. Это описание выявленных, но не полученных памят-

²¹ Поздеева И.В. Комплексные археографические экспедиции // ВИ. 1972. № 5. С. 103–115; Она же. Задачи и особенности работы экспедиций, собирающих памятники кириллической книжности (из опыта работы археографов Московского государственного университета) // АЕ за 1977 год. М., 1978. С. 56–61.

²² Поздеева И.В. Задачи и методы комплексных археографических экспедиций // Проблемы полевой археографии. М., 1979. С. 48, 51, 54, 62.

ников, что дало возможность проследить движение книг за многие годы, а также тщательное ведение отрядных дневников. С учетом особенностей каждого региона существенно расширялись и археографические разделы вопросников, куда включались, кроме вопросов по истории народонаселения и старообрядчества, сведения об обучении церковнославянской грамоте, местных центрах книгописания, переписчиках, переплетчиках и владельцах книг. Позднее многоплановое исследование духовной культуры региона было дополнено фиксацией и изучением традиционного крестьянского хозяйства (руководитель В.П. Пушков).

Научные труды И.В. Поздеевой внесли решающий вклад в переоценку социокультурной функции Московского печатного двора (МПД), причем существенное значение в этом пересмотре принадлежит именно полевым исследованиям, доказавшим ведущую роль печатной книги в отечественной культуре позднего Средневековья. До 1980-х годов в советской историографии фактически полностью господствовала концепция, сформулированная крупнейшим специалистом по истории западного книгопечатания Н.П. Киселевым, полагавшим, что “из московских изданий XVII в. значение имели только 1,5% светских печатных книг, 14% относились к книгам для церковного чтения, тогда как 85% изданий обслуживали лишь узко церковный культ”²³. И хотя в 1970-е годы известный источниковед и историк культуры А.И. Рогов поставил вопрос о большом вкладе московской типографии в развитие отечественного просвещения XVII в.²⁴, общее отношение историографии к этой проблеме не изменилось.

Это и заставило университетских археографов обратить особое внимание на изучение подлинных источников о московском книгопечатании. В результате в науку были введены два ценнейших комплекса источников, теснейшим образом связанных между собой. Это архив МПД (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1–3), который дал возможность доказательно и значительно расширить известный ранее репертуар изданий²⁵. Так, например, И.В. Поздеевой удалось установить, что на Московском печатном дворе чаще всего и самыми большими тиражами выпускали книги для обучения. В 1615–1652 гг. они издавались 75 раз общим тиражом 105 294 экз.²⁶ Впервые достоверно были установлены тиражи, себестоимость и цены большинства изданий типографии, изучены десятки тысяч фактов покупки в лавке МПД нововышедших книг. Для целого ряда изданий 1630–1660 гг. архив позволил установить первоначальную судьбу 95–98% тиражей, сословие и место жительства тысяч покупателей этих книг. Ведущими специалистами было подчеркнуто, что, основываясь на своих многолетних исследованиях²⁷, И.В. Поздеева представила новый взгляд на роль московского книгопечатания в общественно-политической и культурной жизни и что интереснейшая часть ее работы – значительное расшире-

²³ Киселев Н.П. О московском книгопечатании XVII в. // Книга: Исследования и материалы. М., 1960. Сб. 2. С. 15–16.

²⁴ Рогов А.И. Школа и просвещение // Очерки русской культуры XVII в. М., 1979. С. 142.

²⁵ Поздеева И.В. Новые материалы для описания изданий Московского печатного двора: первая половина XVII в.: в помощь составителям Сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов, метод. рекомендации. М., 1986.

²⁶ Поздеева И.В. Историко-культурное значение деятельности Московского печатного двора в первой половине XVII в. // Поздеева И.В., Пушков В.П., Дадькин А.В. Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры, 1618–1652 гг. М., 2001. С. 9–49.

²⁷ См. например: Поздеева И.В. Московское книгопечатание первой половины XVII в. // ВИ. 1990. № 10. С. 147–158; Она же. Исторические судьбы дониконовской московской печати // Книга: исследования и материалы. 1994. Сб. 67. С. 94–119.

ние и подробный анализ репертуара (283 изданий) Московского печатного двора²⁸.

Второй комплекс источников был организован самими археографами на основе разработанной И.В. Поздеевой уникальной методики поэкземплярного описания старопечатной книги как массового исторического источника²⁹. И.В. Поздеева обобщила исследования по истории Московского печатного двора и результаты многолетних полевых работ в своей докторской диссертации 1993 г. “Роль московского книгопечатания первой половины XVII в. в истории русской культуры (XVII–XX вв.)”. О большой актуальности научных проектов И.В. Поздеевой свидетельствует постоянная поддержка исследований Археографической лаборатории со стороны РГНФ и других фондов.

Перерастание археографических поисков в комплексные экспедиции актуализировало вопрос о подготовке кадров. Осуществить эту задачу также позволило создание при кафедре источниковедения и историографии отечественной истории Археографической группы. 30 лет работы археографов в творческой атмосфере кафедры во многом способствовали превращению полевой археографии в изучение живой традиционной культуры, инструментом сохранения и воспроизводства которой является книга. Много ценных советов и идей Археографическая группа получила за это время от ведущих ученых и профессоров факультета – И.Д. Ковальченко, А.В. Муравьева, В.Л. Янина, Л.В. Милова, Ю.С. Кукушкина. Благодаря профессору филфака МГУ В.В. Кускову, с 1972 г. в археографических экспедициях начали работать и студенты-филологи. Некоторые из них стали известными исследователями русской книжности и традиционной культуры. Много лет в экспедициях участвовали доктора наук Е.М. Юхименко, В.В. Калугин, С.В. Минеева, а также Н.А. Кобяк, Т.В. Черторицкая и др. В Археографическую группу пришли Е.А. Агеева и д.и.н. Е.Б. Смилянская, ставшие опытными руководителями полевых исследований. Многие бывшие студенты продолжают работать и руководить полевыми отрядами спустя годы после получения дипломов (например, И.С. Куликова).

Поскольку наличие учеников считается одним из основных признаков фундаментальности научной школы, то можно говорить о широком признании заслуг университетских археографов уже в первые десятилетия их деятельности. Для участников полевых работ И.В. Поздеева подготовила и уже в 1972 г. начала читать целостную систему спецкурсов, в том числе: “Календарь и хронология Русской православной церкви (XVI–XVII вв.)”, “История древнерусской книги (рукописи и ранняя печать)”, “Основные термины и понятия древнерусской книги: Догматическое богословие”, “Литургическое богословие” и др. Велика заслуга руководства исторического факультета (декан – акад. Ю.С. Кукушкин), разрешившего систематическое чтение этих курсов в годы, когда, очевидно, ни в одном другом вузе это просто не было возможно.

²⁸ См. об этом: *Кукушкина М.В.* Новые материалы для описания изданий Московского печатного двора // *ВИ.* 1988. № 11. С. 175–176; *Самарин А.Ю.* Комплексное исследование по истории московского книгопечатания первой половины XVII в. // *Книга: исследование и материалы.* М., 2002. Сб. 80. С. 455.

²⁹ *Поздеева И.В.* Современные методы описания старопечатных изданий // *Новые информационные технологии в образовании.* М., 1990. Вып. 3. С. 56; *Она же.* Методика описания экземпляра старопечатных изданий кириллического шрифта. С. 123–132; *Она же.* Записи на старопечатных книгах ... С. 39–54; *Она же.* Ранняя кириллическая книга: ист.-культ. значение поэкземплярного описания // *Solanus International Journal for Russian and East European Bibliographic, Library & Publishing studies.* L., 1996. V. 10. P. 131–169.

Наиболее детально разработанными были спецкурсы, посвященные основным типам древнерусской книги, правилам и методам ее описания. В первые годы подготовки университетского археографов важную роль сыграли лекции А.И. Рогова, Н.Н. Покровского, О.А. Князевской. С начала 1970-х годов вокруг Археографической группы стал складываться факультативный коллектив самых разнообразных специалистов, энтузиастов полевых исследований. Так, с 1972 г. верным соратником во всех начинаниях и практических делах И.В. Поздеевой была Е.М. Сморгунова. С 1973 г. С.Е. Никитина начала систематическое собирание фольклора в старообрядческих регионах. Разработкой музыковедческих проблем традиционной народной культуры занимались М.Б. Чернышева, а литургического пения – М.В. Богомолова, Л.А. Игошев, М.В. Макаровская.

Первые результаты комплексного изучения традиционной культуры учеными МГУ были опубликованы в новаторской для тех лет книге “Русские письменные и устные традиции и духовная культура (по материалам археографических экспедиций МГУ 1966–1980 гг.)” (М., 1982). На это издание живо откликнулся академик Д.С. Лихачев, неизменная поддержка которого во многом позволила университетской археографии и лично И.В. Поздеевой выстоять в самые сложные периоды:

«Дорогая Ирина Васильевна! Вчера получил Вашу книгу “Русские письменные и устные традиции и духовная культура” и сразу же пишу свои впечатления. Это как раз то, что я считал необходимым и внушал Владимиру Ивановичу Малышеву. Необходимо изучать духовную культуру крестьянства в ее единстве. Вы как раз осуществляете эту простую истину и осуществляете, как я заметил при первом просмотре книги, на высоком научном, современном уровне... А вообще Вы с Вашим коллективом делаете замечательное дело. Я восторгаюсь Вашей энергией... Передайте мою большую, искреннюю благодарность Вашему коллективу за присланную книгу. Такие книги достать невозможно, если не пришлют авторы.

Мою благодарность передайте и Издательству Московского университета. Я понимаю, что издать такую книгу не просто, понять ее значение – надо иметь высокую культуру (что, впрочем, и полагается иметь университетскому издательству).

Искренне Ваш, Д. Лихачев. 24.VI.82»
(Хранится в архиве Археографической лаборатории МГУ)

С 1992 г. Археографическая лаборатория осуществляет под редакцией И.В. Поздеевой неперіодическое издание “Мир старообрядчества” (М., 1992–2000. Вып. 1–5), ставшее, по мнению ведущего сибирского историка акад. Н.Н. Покровского, заметным явлением в историографии. В пяти выпусках сборника опубликованы десятки исследований сотрудников лаборатории, авторов сложившегося вокруг нее факультативного исследовательского коллектива, состоявшего из участников экспедиций и ученых из других научных и учебных центров. В первом (1992) и пятом (2000) выпусках “Мира старообрядчества” приводится библиография научных публикаций (255 работ по истории комплексных археографических исследований Московского университета за 1966–1988 гг.), а к концу 2002 г. число печатных работ, посвященных этой тематике, превысило 300. В сборнике опубликованы труды ученых из 20 городов России и шести стран дальнего и ближнего зарубежья практически по всем основным направлениям комплексного изучения традиционной культуры.

«И все-таки... – как писал о третьем выпуске издания академик Н.Н. Покровский, – для авторов сборника главным явлением, определяющим и интегрирующим самые разные социально-культурные и экономические формы

жизни старообрядческих общин, остается книга, традиционный текст... Подробный анализ содержания, структуры и форм, в которых в последние два века происходило сохранение и обновление в старообрядческой среде древнерусских книжных традиций, сделан в монографическом исследовании И.В. Поздеевой... Работа... базируется на всем массиве книжных источников, как рукописных, так и печатных, собранных или изученных в одном из важнейших регионов многолетних комплексных экспедиций (1972–1995) Московского университета – Верхокамье. Пожалуй, впервые после знаменитой работы В.И. Малышева (*Усть-Цилемские сборники. Сыктывкар, 1956*) столь тщательно и всесторонне проанализировано весьма репрезентативное территориальное книжное собрание как источник по воспроизводству и эволюции древних традиций в разных сферах духовной культуры и истории крупного старообрядческого крестьянского региона”³⁰.

С конца 1980-х годов комплексная полевая археографическая студенческая практика на истфаке МГУ стала существенным звеном в подготовке профессиональных археографов. Работая в экспедициях вместе с опытными специалистами, студенты не только приобретают навыки профессионального мастерства, но, подолгу общаясь с жителями старинных селений, получают и большой гражданский опыт, понимание единства исторического процесса, о чем говорят записи в их полевых дневниках. К 2005 г. через полевую студенческую археографическую практику прошло около 200 человек. Это новое поколение университетских археографов уникальной школы И.В. Поздеевой, единственной в России, объединившей историков книги, книговедов и специалистов различных гуманитарных направлений, осуществляющих полевое комплексное исследование традиционной культуры. На конференции “Федоровские чтения” 2003 г. авторитетнейший специалист в области раннеславяно-русского книгопечатания Е.Л. Немировский подчеркнул, что в России, фактически, сохранилась только одна школа, готовящая современных исследователей кириллической печатной книги – школа И.В. Поздеевой на истфаке МГУ.

Еще на заре перестройки И.В. Поздеева опубликовала статью, открывшую новые горизонты источниковедения в такой, казалось бы, застывшей области, как церковные богослужебные книги³¹. Эта небольшая по объему работа, за которой, однако, стоит многолетний опыт изучения православной литургической литературы, стала одним из заметных достижений отечественной исторической мысли в преддверии тысячелетия Русского православия. Основной и всесторонне аргументированный вывод исследователя заключается в констатации отражения в богослужебных текстах важных событий внутренней и внешней политики, а также глубокого влияния текстов ежедневных молитв, тиражированных тысячами экземпляров в литургических изданиях Московского печатного двора XVII в., на все слои русского православного общества³². Крайне важно, что ученый подчеркивает соборность церковной службы, во время которой православный человек воспри-

³⁰ Покровский Н.Н. Книга, традиция, культура // Мир старообрядчества. М., 1996. Вып. 3: Книга. Традиция. Культура. С. 4–5.

³¹ Поздеева И.В. Русские литургические тексты как источник изучения русской государственной идеологии XVII в. (к постановке вопроса) // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 24–37. (Поскольку московские журналы не осмеливались напечатать эту статью, то с помощью Н.Н.Покровского она вышла в Новосибирске, хотя и спустя пять лет после написания.)

³² Там же. С. 36.

нимает литургические тексты (службы, молебны, поминовения) в комплексе церковной архитектуры и живописи, пения, освещения, вплоть до церковных запахов³³.

Продолжением исследований, обусловленных интересом к проблемам социальной психологии и истории повседневности, которые через ряд лет получили широкую популярность в науке в проблематике ментальности и исторической антропологии, стали статьи И.В. Поздеевой “Литургический текст как исторический источник”³⁴, “Слово богослужения и этноконфессиональное сознание русского народа”³⁵.

Судьбы этих статей иллюстрируют известный тезис о том, что всякое фундаментальное исследование найдет свое прикладное применение. И вряд ли в то время И.В. Поздеева думала, что через несколько лет ясно и понятно описанная ею структура церковной службы и система богослужбных книг станет серьезнейшим вкладом в возрождающееся содружество православия и науки. Многочисленные читатели этой работы может быть впервые узнали, что главные литургические памятники – и прежде всего Псалтырь и Часовник – были не только важнейшими литургическими и учебными книгами, но и источником знаний о сущности веры, “моральных и этических норм, образов; огромно их влияние на письменные памятники и авторов русского средневековья”³⁶. Вместе с тем призыв автора более активно использовать литургические тексты как массовый исторический источник по формированию национально-государственной идеологии и менталитета народа сопровождается указанием на необходимость их археографического описания и источниковедческого исследования, что И.В. Поздеева и сделала в своих последующих работах. По справедливому замечанию С.О. Шмидта, спасение и изучение тысяч церковных книг говорит о вкладе археографов в возрождающуюся культуру православия в ее нравственно-этическом значении³⁷.

Одним из главных результатов работы археографов МГУ под руководством И.В. Поздеевой стало, как правило, оперативное издание научных описаний большинства найденных памятников ранней кириллической печати³⁸ и древнейшей части собранного рукописного наследия³⁹. Особое научное значение, несомненно, имела подготовка и издание (предпринятое по инициативе И.В. Поздеевой) тщательно выполненного ее ученицами и использующего самую трудоемкую новейшую методику описания рукописей Верхокамского собрания ОРКиР Научной библиотеки МГУ⁴⁰.

Всего же археографами МГУ под руководством и при непосредственном участии И.В. Поздеевой собрано почти 4 тыс. книжных памятников, введено в научный оборот около 500 собранных ими рукописных книг XV–XVII вв., в том числе Пролог 1454 г., лицевые молдавские и украинские книги, редчай-

³³ Там же. С. 33.

³⁴ ВИ. 2000. № 6. С. 112–120.

³⁵ Традиции и современность (научный православный журнал). 2003. № 2. С. 29–46.

³⁶ Поздеева И.В. Русские литургические тексты... С. 34.

³⁷ См.: Шмидт С.О. Указ. соч. С. 339.

³⁸ Поздеева И.В., Кашикарлова И.Д., Леренман М.М. Каталог книг кириллической печати XV–XVII вв.; Поздеева И.В., Ерофеева В.И., Шитова Г.М. Кириллические издания XVI в. – 1641 г. Находки археографических экспедиций 1971–1993 гг., поступившие в Научную библиотеку Московского университета им. М.В. Ломоносова. М., 2000.

³⁹ Славяно-русские рукописи XVI–XVII веков Научной библиотеки МГУ (поступления 1964–1978 годов) / Н.А. Кобяк, И.В. Поздеева. М., 1981; и др.

⁴⁰ Рукописи Верхокамья XV–XX вв. М., 1994 / [сост.] Е.А. Агеева, Н.А. Кобяк, Т.А. Круглова, Е.Б. Смилянская.

ший список Святцев конца XVI в. в 64° долю листа, ранние Азбуковники, Хронографы, Летописцы, а также многочисленные сборники, содержащие сотни списков памятников русской литературы, крюковые тексты, замечательные по красоте орнаментов и палеографии; списки Писания, жития русских святых, все типы литургических книг и многое другое. В каталогах МГУ уже опубликованы описания почти 800 найденных старопечатных книг XVI–XVII вв. Среди них пять экземпляров дофедоровских (“анонимных”) изданий, 15 экземпляров изданий Ивана Федорова (в том числе шесть экземпляров знаменитой Библии 1581 г.), а также десятки московских ранних изданий, как отсутствующих в библиографиях, так и известных в одном-двух экземплярах.

Большой опыт университетских археографов в изучении древнерусской книжности пришелся как нельзя кстати в бурном процессе историко-культурной самоидентификации российских регионов, активно идущем в последние десятилетия. На местах, как правило, в силу исторически сложившегося пренебрежения к церковным книгам, не было специалистов в области квалифицированного описания рукописной и старопечатной книги. Понимая эти трудности, И.В. Поздеева выступила с инициативой организации Всероссийских школ повышения квалификации сотрудников, работающих с кириллической книгой.

Первая школа-семинар была организована по линии Минвуза России на базе Научной библиотеки Тверского государственного университета и проходила в г. Бологое в апреле 1994 г. Три последующие школы (Тверь – ноябрь 1999 г., апрель 2001 г.; Кострома – ноябрь 2002 г.) способствовали существенному повышению квалификации специалистов и преодолению ведомственных барьеров между хранителями древнего книжного наследия. По мнению специалистов, такие школы повышения квалификации были признаны существенной частью подготовки работников библиотек, архивов и музеев на местах⁴¹. В их работе приняли участие более 200 специалистов из 45 городов России, представивших почти 100 организаций-хранителей древних книг. Слушатели школ постоянно высказывают общее желание превратить эти семинары в ежегодные, с выдачей им соответствующего документа.

Археографическая и педагогическая работа университетских специалистов под руководством И.В. Поздеевой явилась заметным вкладом в осуществление принятой в 2000 г. Национальной программы сохранения отечественных библиотечных фондов. Одна из ее подпрограмм “Книжные памятники Российской Федерации” вылилась в многолетнее сотрудничество Московского университета с организациями-хранителями в регионах, выявление, изучение книжных кириллических памятников и публикацию их научных описаний.

Опыт начатых еще в 1996 г. в Тверской области работ стал основой научной программы “Московский университет им. М.В. Ломоносова – российской провинции. Региональные описания книжных памятников” (руководители – декан истфака МГУ член-корр. РАН С.П. Карпов и зав. Археографической лабораторией д.и.н. И.В. Поздеева). В данное время в контексте этого проекта реализуются три подпрограммы: “Книжность Древней Твери”, “Книжные памятники Прикамья” и “Книжные памятники Ростово-Ярославской земли”.

⁴¹ Воробьева Е.В. Школы-семинары повышения квалификации сотрудников библиотек, музеев и архивов, работающих с книжными памятниками // ОА. 2001. № 4. С. 56–57.

В ходе большой организационно-координационной работы с руководством областных учреждений удалось выработать и осуществить единые принципы этих работ: обязательное участие в них всех книгохранилищ региона; подготовка местных кадров археографов; участие в работе студентов истфака МГУ; описание всех типов кириллической книги – от древнейших до памятников конца XVIII в.

Хорошо продуманный и спланированный проект не замедлил дать первые важные результаты. Так, в 2002–2004 гг. при материальной поддержке РГНФ, местных музеев и областных администраций, взявших на себя работу по публикации итогов исследования, вышли из печати три фундаментальных каталога, подготовленных по инициативе и под научным руководством и редакцией И.В. Поздеевой как местными специалистами, так и сотрудниками Археографической лаборатории при самом активном участии студентов и аспирантов истфака МГУ. В ходе их подготовки была найдена новая современная и перспективная форма совместного научного творчества центра и регионов, успешно реализующая масштабные исследовательские проекты. Первая книга издана в 2002 г. в Твери – “Кириллические издания в хранилищах Тверской земли (XVI в. – 1725 г.)”⁴²; в 2003 г. вышло описание старопечатных книг Пермского края, а в 2004 г. – Ростово-Ярославской земли⁴³. Эти три издания вводят в научный оборот 1283 книги, 86 из которых датируются XV и XVI вв. В каталогах воспроизводятся тысячи записей на книгах, представляющих новую и нередко уникальную информацию для историков, книговедов, краеведов, историков культуры.

Важной отличительной особенностью всех трех книг является разветвленная система аннотированных указателей (более 10-ти в каждой), структурирующая и делающая легко доступной громадный объем самой разнообразной информации. Наличие информации в электронной форме позволяет перейти от решения чисто справочных задач к структурному (в том числе математико-статистическому) моделированию социокоммуникативной функции русской книжности в период позднего средневековья. Электронная версия системы указателей легко трансформируется в базу данных, размерность (число полей) которой равно количеству указателей. В этом плане такие “полуфабрикаты” можно рассматривать как принципиально новый и потенциально очень информативный тип массового исторического источника, “неожиданному” появлению которого способствовала изначальная фундаментальность проекта и “жесткость” формата отдельного поэкземплярного описания.

Словом, здесь уместно вспомнить название одной из статей И.В. Поздеевой “Запланированное чудо поиска”⁴⁴. В таком подходе еще раз проявилась системная интуиция И.В. Поздеевой, которая позволяет соединить в одно органическое целое исследование традиционной культуры и книги как ее основы; традиционно консервативное археографическое описание и новейшие информационные технологии. Возможно, в этом сказалась проявившаяся со

⁴² Авторы вступительных статей и составители каталога: Г.С. Гадалова (Научная библиотека Тверского государственного университета), Е.В. Перелевская (Тверской государственный объединенный музей) и Т.В. Цветкова (Государственный архив Тверской области).

⁴³ Кириллические издания XVI–XVII вв. в хранилищах Пермской области: каталог / под ред. д.и.н. И.В. Поздеевой. Пермь, 2003; Кириллические издания Ростово-Ярославской земли (1493–1652): каталог / под ред. И.В. Поздеевой. Ярославль; Ростов, 2004.

⁴⁴ Поздеева И.В. Запланированное чудо поиска (о жизни Иова Львовского) // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 176–183.

школьных лет любовь Ирины Васильевны к математике (в том числе рекомендации К.К. Зельина обязательно заниматься высшей математикой) и серьезные занятия в 1960-е годы по специальной программе “Мехмат для гуманитариев”.

Научные разработки И.В. Поздеевой и ее школы хорошо известны за рубежом. Она регулярно выступает с докладами на международных форумах⁴⁵, приглашается для описания коллекций крупнейших библиотек мира, ее труды изданы на иностранных языках. Так, в своей первой обширной зарубежной публикации “Древнерусское наследие в истории традиционной русской культуры русского старообрядчества (первый период – аккумуляция)”⁴⁶, где на огромном эмпирическом материале, введенном в научный оборот благодаря экспедициям и исследованиям университетских археографов, дана убедительная периодизация традиционной культуры через призму эволюции книжности в районах комплексного расселения староверов. В этой статье зарубежный читатель впервые получил представление об уникальном Верхокамском книжном собрании – комплексном источнике, позволяющем изучить судьбы древнерусской литературной традиции в крестьянской книжной культуре, которое рассматривается автором как конкретно-историческая местная форма бытования поморской старообрядческой традиции, сложившейся и бытовавшей в Верхокамье с конца XVII и до начала XIX в.⁴⁷

И.В. Поздеева неоднократно приглашалась для консультаций в зарубежные книгохранилища, располагающие значительными коллекциями рукописных и старопечатных книг. Именно ей было сделано предложение описать одну из богатейших в США коллекцию старопечатных кириллических книг, хранящихся в отделе Славянских и Балтийских фондов Нью-Йорской Публичной библиотеки. Об актуальности и высоком научном уровне описания в Предисловии к его предварительной публикации пишут известные американские ученые – шеф-куратор отдела доктор Эдвард Казинец и главный библиотекарь Роберт Дэвис⁴⁸. В этой книге до зарубежного читателя впервые был доведен важный теоретический тезис: “Каждый экземпляр книги, изданный 200–400 лет назад, является не только фактом культуры того времени, когда она вышла в свет, но так или иначе ее фактором на протяжении всего периода своего существования”⁴⁹. И.В. Поздеева – постоянный участник таких представительных международных форумов, как Хиландарский конгресс, но прежде всего, конференций по истории старообрядчества в Молдове, Польше, Российской Федерации, Румынии, Украине.

Научно-исследовательская и преподавательская деятельность И.В. Поздеевой неразрывно связаны с ее общественной работой. Как уже отмечалось, в 1957 г. она вместе с В.И. Бовыкиным и Л.Н. Краснопевцевым была включена в оргкомитет по организации встречи историков, археографов и искусствоведов на Международном московском фестивале молодежи и студентов, подготовила вместе с НБ МГУ и смонтировала уникальную выставку по ис-

⁴⁵ См., например, сборники “Культура русских липован (русских старообрядцев) в национальном и международном контексте” (Бухарест, 1996, 1998, 2001).

⁴⁶ Sprache, Literatur und Geschichte der Altgläubigen. Heidelberg, 1988. S. 224–263.

⁴⁷ Idem. S. 239.

⁴⁸ Church slavonic, glagolitic, and petrine civil script printed books in the New York public Library: A preliminary catalog described by Irina V. Posdeeva. Moscow State University, catalogued by Zora Z. Kipel. N.Y., 1996. P. VII–IX.

⁴⁹ Idem. P. 2.

ториографии советского времени и редчайшим документам из ЦГАДА, о взаимоотношениях России и зарубежных стран, развернутую в главном корпусе Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина (ныне Московский государственный педагогический университет). Высокое чувство гражданского долга И.В. Поздеевой проявилось в инициативе и организации в 1985 и 1990 гг. к 40-летию Победы в Великой Отечественной войне и к 45-летию окончания Второй мировой войны выставок редчайших книжных изданий военного времени – “Книга сражается” – из личных собраний книголюбов Союза и других фондов, развернутых в ДК ЗИЛ и во Всесоюзной государственной библиотеке иностранной литературы. Как завет организаторам юбилейных торжеств в год 60-летия Великой Победы звучат ее слова из каталога выставки 1985 г.: “Книга тех огненных дней – активный незаменимый и вдохновенный участник борьбы. С первой и до последней минуты войны она – воин и рабочий, верный друг и умный советчик. Книга учила нелегкому делу войны, утверждала веру, вселяла надежду”⁵⁰.

К 30-летию полевых исследований университетских археографов под руководством И.В. Поздеевой в Актовом зале Старого здания Московского университета на Моховой открыли выставку полевых находок “Живые традиции”, на которой были представлены уникальные рукописи, старопечатные книги, предметы быта, фотографии из обследованных старообрядческих регионов. При активном участии И.В. Поздеевой была создана интереснейшая экспозиция “Вера и книги Древней Твери. 14–17 вв.” по истории древнерусской книжности Тверской земли (1999), выставка традиционной русской книги в Биробиджане (2004) и целый ряд других. В день 250-летия МГУ, в Татьянин день 2005 г., ценнейшие старопечатные книги, рукописи, иконы и предметы староверов заняли достойное место на юбилейной экспозиции в новом помещении университетского музея в новом здании фундаментальной библиотеки МГУ на Воробьевых горах.

Как член правления Российского общества историков-архивистов, И.В. Поздеева с первого дня его создания много сделала для упорядочения хранения рукописных и старопечатных книг в архивном фонде страны. В качестве руководителя подсекции “Редкая книга” Центральной библиотечной информационной комиссии Министерства просвещения РФ ею ведется большая работа по пропаганде древнерусской книжности. Занимая более 20 лет эти выборные должности, она много сделала для сокращения ведомственной разобщенности в деле фиксации старопечатной книжности.

Археографическая лаборатория истфака МГУ – первый научный коллектив, начавший археографическое исследование фондов Русской православной церкви. Заметным вкладом в сотрудничество университета с РПЦ стало издание по благословию Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и ректора МДА архиепископа Евгения Предварительного списка древних книжных фондов Московских духовных школ, в котором учтено 94 рукописи XV–XVII вв., 546 экземпляров изданий XVI и XVII вв.⁵¹ Для этого была подготовлена специальная методика краткого, но информативного описания книг, позволяющая вводить в научный оборот неизвестные памятники нашей

⁵⁰ Поздеева И.В. Книга сражается: каталог выставки книг, плакатов, графики времени Великой Отечественной войны из личных собраний коллекционеров Москвы, Подмосковья и Ленинграда. М., 1987. С. 11.

⁵¹ Бесценное духовное наследие. Кириллические рукописи XV–XVII вв. и печатные книги XVI–XVII вв. библиотеки Московской Духовной академии и семинарии: предварит. список / сост. И.В. Поздеева, А.В. Дадыкин. М., 2000.

истории и культуры. Эту задачу Археографическая лаборатория МГУ под руководством И.В. Поздеевой успешно решает, стремясь максимально исполнить завет академика Д.С. Лихачева, который писал в приветствии секции кириллической традиции Первой Всесоюзной конференции по полевой археографии: “Всею душою с Вами и от всего сердца приветствую Ваш благородный труд. БЛАГОРОДНЫЙ – потому, что с археографии начинаются все науки, изучающие русскую культуру. БЛАГОРОДНЫЙ – потому, что он сохраняет будущим поколениям самое ценное в любой культуре, а в русской особенно, – книги, рукописи, – СЛОВО. БЛАГОРОДНЫЙ – потому, что он наименее благодарный внешне, но очень важный для всех нас гуманитариев... По праву первородства археография стоит впереди исторической науки, литературоведения и языкознания...”⁵²

⁵² Цит. по: Проблемы полевой археографии. М., 1979. С. 133.

Т.И. Хорхордина

**А.Д. СТЕПАНСКИЙ – ИСТОРИК,
АРХИВОВЕД, АРХЕОГРАФ
(К 70-летию со дня рождения)**

Доктору исторических наук профессору Александру Давидовичу Степанскому исполнилось 70 лет. Его новаторские глубокие исследования в области истории государственных учреждений и общественных организаций, археологии и архивоведения заняли достойное место в золотом фонде отечественной науки. За годы педагогической деятельности в Историко-архивном институте РГГУ он воспитал целую плеяду учеников, которую с полным правом можно назвать школой Степанского. Юбилейная дата – достаточный повод для того, чтобы подвести некоторые промежуточные итоги. Промежуточные – поскольку юбиляр находится в расцвете научных сил, о чем говорят недавно изданные и готовые к публикации его труды, а также плодотворная работа в ИАИ РГГУ.

А.Д. Степанский родился 15 октября 1934 г. в Москве. Его отец изучал русский язык и литературу путем самообразования и знал их блестяще. Мама училась в классической женской гимназии, которая находилась под попечением графов Бобринских. Она всю жизнь проработала корректором в газетах (“Крестьянская газета”, “Правда”, “Известия”) и в книжных издательствах. Детские годы А.Д. Степанский провел на Серпуховке, филиал Малого театра стал для него почти вторым домом. Он с удовольствием играл в школьном драмкружке. Отсюда – артистизм и даже некоторое эстетство его личности. Кстати, средняя школа, в которой учился юбиляр, гордится такими выпускниками разных лет, как Андрей Тарковский, о. Александр Мень и Андрей Вознесенский. Среднюю школу А.Д. Степанский окончил с золотой медалью, МГИАИ – с красным дипломом. Здесь талантливого и трудолюбивого студента взял под свое крыло доцент (впоследствии профессор) Н.П. Ерошкин. На втором курсе Александр Степанский сделал семинарский доклад по истории деятельности Государственного совета в годы первой российской революции. Доклад вырос в дипломную работу, которая заняла первое место на городском студенческом конкурсе.

После окончания института А.Д. Степанский почти 10 лет работал в архивных учреждениях – ЦГА РСФСР, ГАУ РСФСР, ЦГАНХ СССР, занимаясь вопросами комплектования и экспертизы ценности документов. Параллельно учился в заочной аспирантуре, в 1965 г. получил степень кандидата исторических наук. В 1966 г. молодой ученый был приглашен в МГИАИ преподавать на кафедре истории государственных учреждений. Успешно руководил подготовкой дипломных работ, многие выпускники МГИАИ сохраняют благодарную память о его поддержке при осуществлении первых шагов в самостоятельной профессиональной и научной жизни. В 1982 г. защитил докторскую диссертацию на тему “Общественные организации России на рубеже XIX–XX вв.” С 1983 г. – профессор. С 1990-х годов активно разрабатывает тематику, связанную с жизнью и деятельностью еврейской интеллигенции в

России, являясь одним из первопроходцев в современной России. Список научных трудов дает представление о круге разносторонних научных интересов юбиляра¹. Казалось бы, все давалось А.Д. Степанскому легко. Но это впечатление обманчиво.

Научное сообщество в наши дни переживает смену идей и теорий, служивших эталоном мышления в прошлом. Происходит болезненный процесс, связанный с кризисом общенаучной парадигмы и, соответственно – с ломкой многих теоретических концепций в отдельных (конкретных) областях научного знания. Проще всего на таких крутых виражах продолжать двигаться по инерции. Можно впасть в раскаяние, сжечь былые святыни. И только подлинный ученый действует в эти переломные годы спокойно и уверенно, следуя примеру первопроходцев науки в прошлом, сознавая родственную, спасительную связь с предыдущими поколениями искателей истины. Это всегда трудно. Но именно так и поступает ученый и педагог Александр Давидович Степанский.

По большому счету, каждое его исследование в разных областях исторической науки – это именно те маленькие, но направленные точно в цель капли, которые долбят и разрушают мертвый камень. Непреклонная, всепобеждающая мягкость в отстаивании своих принципиальных взглядов – отличительная черта научного творчества Александра Давидовича. Он восхитительно несовременен, если судить по меркам нынешних распрей и междоусобиц, почти никогда никого не обвиняет и не отбивается, просто излагает аргументы – и за, и против, стремясь охватить при анализе все факты.

Означает ли это, что ученый А.Д. Степанский не подвержен сомнениям? Отнюдь. Многим совмещение веры в свою правоту с чувством сомнения может показаться неразрешимым логическим противоречием. Но только не для ученых той редкой разновидности, к которой относится А.Д. Степанский.

Автор настоящей статьи давно и пристально следит за всем, что публикует Александр Давидович. Смею надеяться, что достаточно полно изучила научное наследие ученого, попыталась структурировать весь обозримый археографический фонд его исследований, чтобы попытаться определить место и роль А.Д. Степанского в истории научно-общественной мысли России. Специфика разносторонней личности ученого позволяет проанализировать три взаимосвязанных сюжета: юбиляр как историк, археограф и архивовед.

О А.Д. Степанском как историке – начну с его заметки в журнале “Советские архивы”², в рубрике “Письмо в редакцию”. Он выставил на публичный позор двух кумиров тогдашней публики – В. Пикуля и его собрата по цеху “исторической прозы” Г. Шеина, процитировав образцы небрежности и легковесности в их бестселлерах. В 1969 г. назвать примером “примитивной вульгаризации” характеристику русского полицейского ведомства как “руководящего органа Российской империи”, а попытку связать деятельность царской полиции с германской разведкой “утверждениями столь же ошеломительными, сколь и бездоказательными” – это был *поступок*. В нем отразилась вся суть его последующей неустанной борьбы за историческую правду. Характерно, что внешне неприметная заметка заканчивалась обобщающим пассажем, автор которого явно метил не только – и даже не столько – в пря-

¹ См.: Список печатных трудов А.Д. Степанского // АЕ за 1994 год. М., 1996.

² *Степанский А.Д.* Против безответственности в освещении исторических фактов // СА. 1969. № 6. С. 125–126.

мых адресатов реплики, а гораздо выше: ‘Здесь мы сталкиваемся с проявлениями безответственности и дилетантизма, равно нетерпимыми и в науке, и в художественной литературе’.

После начала развала административно-командной системы в стране А.Д. Степанский вместе с Т.П. Коржихиной выступил с исследованием “Из истории общественных организаций”, в котором содержался каскад новых сведений и фактов по истории становления и развития научной мысли в дореволюционной России (“Историки спорят: 13 бесед”. М., 1989). Будучи в 1992 г. в научной командировке в Нью-Йорке, А.Д. Степанский ознакомился с архивным фондом одного из лидеров кадетской партии известного юриста М.М. Винавера (1862–1926) и впервые в России ввел в научный оборот его статью³.

Интерес вызвала и вступительная статья ученого к изданию воспоминаний друга юности В.И. Вернадского – историка Александра Александровича Корнилова (1862–1925). Рукопись была случайно обнаружена внутри обшивки кресла, на котором сидел академик Вернадский в своем рабочем кабинете. Только это спасло листки воспоминаний от изъятия во время обыска в годы террора⁴. Данью благодарной памяти П.Н. Милюкову стала статья А.Д. Степанского “Документы П.Н. Милюкова в Доме-музее Марины Цветаевой” в сборнике “П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат” (М., 2000). Отметим также его высокопрофессиональные рецензии на сборник “Протоколы зарубежных групп Конституционно-демократической партии” (ИА. 1996. № 5/6) и на книгу “Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX в.” (ВИ. 1997. № 6).

Исповедальной по своей сути и насыщенной ценными наблюдениями является статья “Уроки П.А. Зайончковского”⁵. В ней А.Д. Степанский продолжал углублять любимую тему – преемственность традиций в науке – выдающийся историк П.А. Зайончковский был учителем Н.П. Ерошкина, который, в свою очередь, выпестовал Александра Давидовича. Он публикует и ряд благодарных воспоминаний о своих предшественниках и коллегах. Особо следует отметить его активное участие в заседании, посвященном 100-летию со дня рождения Анны Сергеевны Рословой (1904–1977), директора МГИАИ в 1950–1962 гг. Трогательно прозвучали его слова о том, что «будучи студентами, мы недооценивали Рослову, склонны были иронизировать над “матушкой”, над ее не особо интеллигентным видом, отсутствием серьезных научных заслуг[...] И только потом мы поняли, что все хорошее, за что мы полюбили институт, существовало не вопреки, а во многом благодаря А.С. Рословой»⁶. В конечном счете, здесь ценили преподавателей и студентов по их способностям и деловым качествам. Вопреки идеологическим установкам, которым, конечно, отдавалась неизбежная ритуальная дань, здесь учили, что “история – точная наука, учили методам установления исторической правды”.

Традициям своего “золотого века” Историко-архивный институт остается верен по сей день, как и профессор А.Д. Степанский, воспитывая новые поколения дипломников и кандидатов наук в составе РГГУ. Духом верности

³ Винавер М.М. Большевик и русское еврейство (из архива М.М. Винавера) / подг. А.Д. Степанский // Вестн. Еврейского университета в Москве. 1996. № 1(11). С. 196–200. См. о нем: Степанский А.Д. Максим Моисеевич Винавер // Российский либерализм: идеи и люди. М., 2004. С. 423–431.

⁴ Корнилов А.А. Воспоминания / вступ. ст. А.Д. Степанского // ВИ. 1994. № 2. С. 143–159.

⁵ Степанский А.Д. Уроки П.А. Зайончковского // ВА. 2000. № 2. С. 198–207.

⁶ Степанский А.Д. Памяти Анны Сергеевны Рословой: заседание в ИАИ РГГУ // ВА. 2004. № 3/4. С. 344–345.

традициям наполнены страницы его статьи о Н.П. Ерошкине и Б.Г. Литваке⁷, и участие в качестве одного из редакторов и составителей сборника документов по истории создания Университета им. А.Л. Шанявского “...Начинание на благо и возрождение России” (М., 2004). Даже такой беглый обзор неопровержимо свидетельствует о верности историка Степанского системе идеалов, раз и навсегда определенной им для себя еще в начале научного пути.

Спектр вопросов, впервые обозначенный в кандидатской (“Государственный совет России в период 1905–1907 гг.”), затем – в докторской диссертации (“Общественные организации России на рубеже XIX–XX вв.”) и в ряде выше-названных работ по истории научно-общественной мысли, был особенно востребован в годы перестройки и во многом определяет характер сегодняшних российских реалий. Это – главная удача ученого, его стопроцентное попадание в невидимую для других мишень, – хотя вряд ли он изначально преследовал какие-то иные цели, кроме строго научных. По существу, он во многом заложил основу изучения сложных процессов взаимодействия научных и общественных организаций с властью в процессе демократизации государственного строя и растущего уважения к праву научной мысли на свободное саморазвитие по собственным законам.

Теперь о юбиларе как об архивоведе.

В моем личном архиве есть несколько копий документов из личного фонда В.Н. Автокротова в ГАРФ. Первый из них – выписка из протокола расширенного заседания теоретического семинара МГИАИ “Ленинская методология документоведения и архивоведения” от 3 марта 1972 г. По существу, повестка дня свелась к коллективному суду над С.О. Шмидтом, В.Н. Автокротовым и примкнувшим к ним А.Д. Степанским в связи с публикацией статьи В.Н. Автокротова “К вопросу о методологии архивоведения”⁸. В работе семинара, как указано в протоколе, участвовали “профессора, доценты, преподаватели и аспиранты пяти кафедр (документоведения и организации государственного делопроизводства, теории и практики архивного дела, истории и организации архивного дела, археографии и научно-технических архивов), а также специально приглашенные научные сотрудники ГАУ при СМ СССР и РСФСР, ВНИИДАД, госархивов г. Москвы и др. Тон задал проректор по научной работе профессор М.С. Селезнев, который указал, что в свете последних постановлений ЦК и партийных решений по идеологическим вопросам настало время подвергнуть работу «“Археографического ежегодника” широкому обсуждению в связи с тем, что в издании под редакцией С.О. Шмидта не освещается “героическая борьба народов СССР под руководством Коммунистической партии по созданию основ коммунизма”. Конкретно же от участников требовалось обсудить (читай – “осудить”) опубликованную в АЕ теоретическую статью В.Н. Автокротова.

Прозвучали обвинения в адрес С.О. Шмидта и В.Н. Автокротова в защите вредных тезисов о том, что “методика безразлична к мировоззренческим позициям метода, который она обслуживает”, отрицании “качественного различия методики советского архивоведения от буржуазного” и переносе “некоторых положений из информатики в область архивоведения”, а в целом в апологетике “бесклассовости” (цитирую выступления дословно) и т.д. Все

⁷ Степанский А.Д. Николай Петрович Ерошкин и его ученики // ВА. 2004. № 6. С. 293–305; *Он же*. “Завещание” Бориса Григорьевича Литвака // ВА. 2003. № 2. С. 335–338. См. также: АЕ за 2002 год. М., 2004. С. 257–258.

⁸ См.: АЕ за 1969 год. М., 1971.

16(!) выступавших подчеркивали “определяющую роль марксистско-ленинской методологии в отношении методики работы с источником”. А.Д. Степанский был единственным, кто поддержал С.О. Шмидта и В.Н. Автократова. Как зафиксировано в протоколе, “А.Д. Степанский не согласился с данной на заседании оценкой статьи. Он считает, что статья написана с учетом логики научного познания и посвящена мало разработанной проблеме, поэтому ее опубликование в АЕ было своевременным и целесообразным”. Занимаясь изучением научного наследия и жизненного пути классика современного архивоведения В.Н. Автократова, могу с полной ответственностью утверждать, что в те годы каждая такая поддержка была для него на “вес золота”. И еще одно – во многом не соглашаясь с ученым, в решающую минуту А.Д. Степанский встал рядом с ним.

В архивоведении, как и в исторической науке, Александр Давидович сохранял честность и достоинство. Об этом свидетельствует и другой документ – рукописные тезисы выступления А.Д. Степанского при обсуждении одного из первых вариантов докторской диссертации В.Н. Автократова “Теоретические проблемы советского архивоведения”. В начале 1980-х годов первый вариант диссертации подвергся сокрушительной критике со стороны “зубров” архивоведения. Диссертант был вынужден убирать целые главы из исследования, сужать хронологические рамки темы, разбавлять текст идеологически выверенными цитатами, которые ему зачастую подсказывал все тот же Селезнев. Автократов на обсуждениях его текста в МГИАИ был близок к отчаянию.

И среди тех, кто поддержал его тогда, был А.Д. Степанский. В своем личном архиве Владимир Николаевич, среди самых ценных для него бумаг, в отдельной папке, хранил листочек, исписанный с обеих сторон характерным “клинописным” почерком А.Д. Степанского – те самые тезисы выступления Александра Давидовича на одном из первых обсуждений докторской диссертации Автократова⁹. Вот первый абзац тезисов: “Считаю, что работ, подобных диссертации В.Н. Автократова, до сих пор не было не только в советском, но и в мировом архивоведении”. К числу важнейших ее достоинств он отнес тот факт, что она “дает нам пищу для споров и размышлений на долгие годы, дает толчок к дальнейшему развитию архивоведческой мысли”. Далее он категорически отверг попытку оспорить некоторые положения теории экспертизы ценности документов в трактовке Автократова, которые были обоснованы “ссылками на марксистско-ленинское учение”, обвинив оппонентов и в незнании практического опыта “колоссальной и кропотливой работы, которая ведется советскими архивистами”. “Поэтому, – заключил Степанский, – В.Н. Автократову нет надобности пересматривать свои взгляды по данному вопросу” (Л. 28). Его замечания по существу вопроса носили конструктивный характер.

Во время всех последующих обсуждений, несмотря на явную враждебность догматиков, Степанский упорно стоял на своем. “Мы обсуждаем рукопись, посвященную только теоретическим проблемам. Этот факт сам по себе грандиозен”, – говорил он на расширенном заседании спецкафедр МГИАИ в июне 1981 г. Читатели могут по достоинству оценить мужественную позицию, которую занял архивовед Степанский в обстановке тех лет.

В последние годы А.Д. Степанский опубликовал несколько архивоведческих статей, которые, с моей точки зрения, продолжают его постоянную на-

⁹ ГАРФ. Ф. 1018 (В.Н. Автократов). Оп. 1. Д. 128. (Далее ссылки на листы дела см. в тексте.)

целенность на устранение из науки дилетантизма. В статье “К вопросу о системе и структуре архивоведческих дисциплин”¹⁰, а позже в нескольких документах под общим названием “О перспективах развития кафедры архивоведения и археографии”, которые, к сожалению, остались на стадии текстов “для внутреннего пользования” и хранятся в архиве кафедры истории и организации архивного дела ИАИ РГГУ, он развил высказанную им еще в начале преподавательской деятельности идею о необходимости переориентировать процесс подготовки историков-архивистов в ИАИ РГГУ на “технологические аспекты” их будущей профессии. Мне кажется не особенно удачным термин “технологическое архивоведение”, но отдаю должное напряженным поискам эффективных путей для самоидентификации архивиста в наши дни.

А.Д. Степанский предлагает исходить из того, что “архив – это прежде всего опись (или описи)”. Предваряя все возможные спекулятивные рассуждения вокруг этой дефиниции, он разъясняет: “Именно наличие описей является тем необходимым и достаточным условием, которое позволяет считать некое собрание документов архивным комплексом... Поэтому не стоит считать описи только по ведомству научно-справочного аппарата”. Следуя этому базисному положению, он предлагает такую “эвристическую цепочку” и иерархическую схему технологий, которую следовало бы положить в основу обучения будущих специалистов в области архивного дела: классификация и описание; экспертиза ценности; учет и хранение; создание “вторичных” (по отношению к описям) информационно-поисковых систем; формы и методы использования архивных документов с обязательным выделением автоматизированных и других архивных технологий в предмет особого рассмотрения.

Автор выступает прежде всего как историк-пользователь, которому нужен упорядоченный массив архивных источников. И в этом контексте он своевременно охарактеризовал “проблемное поле” современного архивоведения. Его идеи становятся предметом дискуссий и размышлений, и в этом состоит их ценность. Они требуют решения – и нельзя исключить того, что Степанский в оценке перспектив развития архивоведения на комплексной основе окажется прав.

Будем также надеяться, что орган Российского общества историков-архивистов “Вестник архивиста”, который преобразился после прихода в него в 1997 г. А.Д. Степанского в качестве главного редактора, продолжит поиски ответа на поставленные им вопросы. Журнал стал центром притяжения для творчески мыслящих специалистов, довольно высок уровень публикаций и широк круг авторов, которые стремятся поделиться друг с другом опытом, знаниями, а главное – радостью от маленьких и больших личных открытий. Ученый и общественный деятель А.Д. Степанский по-прежнему остается в центре архивной жизни, играя объединяющую и стабилизирующую роль.

И, наконец, о А.Д. Степанском как археографе.

Приход Александра Давидовича в область археографии был неизбежен. Он объективно обусловлен его отношением к исторической науке, чувством личной ответственности за все, что происходит вокруг. Научная работа в этой области была вызвана прежде всего необходимостью разобраться в сложной проблематике соотношения археографии и исторического исследования. Нужно было изучить парадоксальную ситуацию, когда многочислен-

¹⁰ Степанский А.Д. К вопросу о системе и структуре архивоведческих дисциплин // ВА. 1997. № 6. С. 73–79.

ные издания “исследований в документах” приводили к “окаменению исторических концепций”, когда “рожки партийности” (термин Б.Г. Литвака) торчали из процедуры отбора документов к печати, из комментариев, предисловий, вообще, из всех операций, дозирующих “выгодную и невыгодную” информацию. Требовалось осмыслить накопленный за 200 с лишним лет опыт публикационной деятельности, покончить с извращениями археографической этики в советское время. Вера в восстановление традиций издания документов на новой основе, с использованием новой техники и методологии, в спасительную силу документа сейчас, в свете противоречивого опыта документальных изданий разного вида и характера последних лет, кажется несколько наивной. Но тогда, в середине 1980-х годов, это был тот “якорь”, который, казалось, мог спасти “корабль науки” от разрушительной “болтанки”, характерной для периода слома старой системы догм и традиционных установок. Наступил период “бури и натиска”, ныне используются для его характеристики термины “археографический бум” и даже “археографическая революция”.

Вот почему кажется столь знаменательным появление на посту заведующего кафедрой археографии МГИАИ А.Д. Степанского именно в 1986 г. С первых же шагов он мощно заявил о себе. Ядром его системы археографических взглядов, с моей точки зрения, является небольшая, но емкая статья “Археографическая база и археографический фонд исторической науки”¹¹. Отметим, что главным теоретиком-археографом многие годы считался оппонент В.Н. Автократова М.С. Селезнев, отстаивавший в своих работах принципиальное отличие “советского архивоведения от буржуазного”. Исходный тезис А.Д. Степанского был, с этой точки зрения, крамольным: с 1767 г. в России “накоплен огромный массив изданий, составляющий самостоятельную и весьма существенную часть нашего культурного наследия” (С. 41). Все публикации, весь археографический опыт назван “частью культурного наследия” России.

Далее автор обосновывает целесообразность введения нового понятия “археографическая база исторической науки” как “совокупности ретроспективных публикаций разного уровня и качества” – наряду с традиционными “архивная база” и “источниковая база”. Именно ее анализ Степанский считает основной задачей археографии. Характеризуя особенности обстановки тех дней, он относит к числу ее характерных признаков освоение «археографической “целины”, когда нужно разрабатывать тактику освоения документальных комплексов, ранее неведомых не только публикатору, но и исследователю» (С.43). На этой основе автор делает вывод о необходимости различать понятия “археографическая база” и “археографический фонд”, который, с его точки зрения, представляет собой “часть печатного фонда и прежде всего фонда научно-исторической литературы” (С. 44).

В рамках своего концептуального понимания нововведенных категорий он пересмотрел содержательную сторону преподавания археографии в ИАИ РГГУ. Не все археографы согласны с его “новеллами”. Более того, взгляды Степанского на предмет и объект археографии, на ее задачи и даже на структуру археографии как научно-учебной дисциплины до сих пор дискутируются. Кажется, одним из первых с возражениями выступил В.Н. Автократов, который посчитал утверждение А.Д. Степанского о том, что опубликованный по всем правилам науки архивный документ представляет собой “новую ре-

¹¹ Степанский А.Д. Археографическая база и археографический фонд исторической науки // СА. 1991. № 1. С. 41–44.

альность”, спорным. С точки зрения Автократова, это “момент полемический”, поскольку допускает “свободу рук археографов”. Но для нас главное – показать, что Степанский и в археографии оказался в гуще борьбы за уважение самооценности документа и понимание археографической деятельности как явления культуры. Мне кажется, что вся дальнейшая исследовательская деятельность Степанского-археографа покоится на этой основе. Эти идеи, по существу, он развивает в исследованиях “К 225-летию русской археографии”, “Археография: термин, объект, предмет”, “Археографическая революция”¹² и др. В результате археография как самостоятельная историческая дисциплина включается в качестве важной составной части в процесс самопознания человека и общества и поэтому становится особенно востребованной на нынешнем этапе очередной смены общепринятых догм и традиционных моделей науки.

Передо мной – только что изданная в РГГУ работа А.Д. Степанского “Археография отечественной истории XX века” (М., 2004). Это лучшее доказательство того, что юбиляр находится в полном расцвете творческих сил и готов к продолжению фундаментальных исследований в области археографии.

В новой работе ученого содержится серьезная заявка на реализацию задуманного им комплексного труда, в котором будут сочетаться история археографической деятельности и теория публикации исторических источников. Речь идет о фундаментальной истории археографической мысли – от XVIII столетия до наших дней, в создание которой важный вклад внес В.П. Козлов. В представленном издании впервые исследуется комплекс археографических проблем прошлого века в целом – без искусственного деления на “дореволюционный” и “советский” периоды. Действительно, в деятельности всех выдающихся археографов есть некий инвариант, культурная доминанта, которая может быть выделена в качестве закономерностей, определяющих вектор развития археографической мысли. В рамках одного учебного пособия реализовать этот замысел трудно. Может быть поэтому изданный труд зачастую напоминает справочник, превращается в перечень имен и названий. А между тем целостная история археографической мысли полна драматических и даже трагических судеб, многие имена настоящих ученых все еще остаются за рамками общенаучных знаний, вне культурного ландшафта России. Но начало положено.

Мы вправе рассчитывать на то, что к следующей юбилейной дате можно будет вернуться к этой теме, чтобы подвести некоторые итоги. Впрочем, наверняка они опять будут промежуточными.

¹² *Степанский А.Д.* К 225-летию русской археографии // *ОА.* 1992. № 6. С. 16–24; *Он же.* Археография: термин, объект, предмет // *ОА.* 1996. № 3. С. 16–25; *Он же.* Археографическая революция // *Архивный фонд РФ: феномен, мифы и реальность.* М., 2001. С. 125–126.

С.О. Шмидт

**М.А. УСМАНОВ – ЧЛЕН АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ
КОМИССИИ РАН**

(К 70-летию со дня рождения)*

На первой из международных конференций “Великий Волжский путь” в 2001 г. всем было заметно, каким уважением пользуется Миркасым Абдулахатович Усманов среди ученых разных стран и разных поколений, как велик его опыт эрудированного знатока и широкой проблематики востоковедения, и истории России в целом и сколь беспримерна осведомленность в источниковой базе и литературе по истории и культуре татарского народа, и о взаимодействиях татар с другими народами.

Поражала многообразием и его, так сказать, заранее запрограммированная работа в дни конференции, – научные доклады о “Великом Волжском пути и Великой Булгарии” и о явлениях культуры и общественного сознания сравнительно недавнего времени – “Татарские просветители в Поволжье и в Приуралье XIX – начала XX в.” (Доклад этот во многом опирался на результаты плодотворной деятельности археографических экспедиций последних десятилетий, инициированных и направляемых М.А. Усмановым.) М.А. Усманов же руководил работой секции более чем тысячелетнего хронологического диапазона “Великий Волжский путь: история формирования и развития”, где знакомили с результатами изучения источников разных типов – вещественных и изобразительных (как в трудах археологов) и словесных (причем и письменных, и фольклора, и устных). М.А. Усманов председательствовал и на организованных по его почину живо проходивших “Встречах с интересными людьми” и компетентно заключал их своим “Словом” – а тематика “Встреч” опять-таки от раскопок археологов в России и за рубежом до проблематики социологии современной жизни. И, как обычно бывает в кулуарах научных конференций, еще не регламентированные уже временем беседы, консультации, споры на палубе и в гостининых теплохода во все дни маршрута “Казань–Астрахань–Казань” – и тоже многообразной тематики...

Приятно, что в формировании этого международного авторитета знаменитого казанского ученого определенное значение имели его труды, вышедшие в изданиях Археографической комиссии РАН, и его действенная роль в начинаниях Археографической комиссии.

Когда в конце 1968 г. постановлением Президиума Академии наук СССР впервые был утвержден расширенный в несколько раз состав Археографической комиссии как научно-проблемного совета по археографии, архивоведению и смежным историко-филологическим дисциплинам, в члены ее был рекомендован и М.А. Усманов¹. В то время персональный состав членов научно-проблемных советов Академии наук перед рассмотрением на заседании

* Идентичный текст сдан в сборник в честь М.А. Усманова, подготовленный в Казани. Хронику чествования М.А. Усманова в Казанском государственном университете см. наст. изд. С. 545–547.

¹ Информацию о составе АК см.: АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 433–434.

Бюро Отделения истории согласовывался в Отделе науки ЦК КПСС, и меня, ставшего незадолго до того председателем Археографической комиссии, просили обосновывать представление в члены АК еще недостаточно маститых ученых. 34-летний кандидат исторических наук (только через пять лет после того получивший ученое звание доцента), один из самых молодых по возрасту кандидатов в члены АК, уже тогда казался высокоавторитетным специалистом по изучению письменных памятников на восточных языках истории Поволжья и Приуралья досоветского периода.

Не решаюсь доверяться памяти, когда нередко явления разных лет и ситуаций объединяются воедино для самоуβεждения в основательности умственной конструкции, и частности запечатлеваются сильнее, чем имевшее определяющее значение и для того времени и для будущего; и потому в дальнейшем тексте опираюсь преимущественно на то, что отражено в изданиях АК.

Приезжая в Москву, М.А. Усманов, как правило, бывал и в Археографической комиссии, присутствовал на ее заседаниях. У него быстро установились близкие отношения с сотрудниками АК и с лицами, связанными с нею совместной деятельностью по описанию и публикации документальных памятников. Наиболее тесные и взаимно плодотворные контакты установились с теми, кто занят был тогда разработкой методики полевой археографии; особенно обогащал его опыт организации комплексных экспедиций, когда необходимы знания и историка, и филолога, и искусствоведа. Существенно полезным для выявлявших и исследовавших памятники русскоязычной культуры оказался и опыт самого М.А. Усманова по собиранию и изучению рукописей XIX–XX вв. со списками памятников более раннего времени, его наблюдения о роли шакирдов и “тетрадах шакирдов” в сохранении исторической памяти, в формировании народной письменной культуры.

Уже тогда стало очевидно, что знающий многие тюркские языки М.А. Усманов является и востоковедом, и источниковедом широкого профиля, и продолжает традиции классиков востоковедения, изучающих историю и культуру народов Востока на основе всестороннего историко-филологического анализа и собственно исторических, и литературных памятников в рукописях, дошедших до нашего времени. Для М.А. Усманова особое значение имеет не только происхождение рукописи (авторство, время и обстоятельства создания ее), но и история бытования рукописи, использования ее последующими поколениями. Тем самым даже текстологические штудии становятся сферой изучения истории культуры и общественного сознания на протяжении столетий.

В феврале 1972 г. на Южноуральской конференции по археографии, источниковедению и архивоведению в Уфе М.А. Усманов выступил с двумя докладами – по тематике и источниковедению истории периода Средневековья и о полевой археографии, в обоих случаях обосновывая важность комплексного подхода в работе исследователя. Доклады были переработаны в статьи для книги материалов конференции.

Статья “Актуальность комплексного изучения актовых источников Джучиева Улуса XIV–XVI вв.”² – об истории, и о перспективе изучения актов и Золотой Орды, и самостоятельных государственно-политических образований, возникших на ее обломках – Большой Орды, Ногайской Орды, Астраханского, Казанского, Крымского, Сибирского, Казахского, Узбекского и

² См.: Южноуральский археографический сборник. Уфа, 1973. Вып. 1. С. 151–159.

других ханств (некоторые из них в современной им русской терминологии назывались “царствами”). В статье дается характеристика и всего комплекса источников, и отдельных “подвидов” их с отличительными особенностями (что не всегда учитывалось ранее историками России той же эпохи). Статья сразу же стала использоваться в учебных курсах источниковедения.

Доклад показался столь обогащающим наши знания об эпохе создания этих актов и о методике изучения подобных исторических источников, что М.А. Усманову сразу же было предложено подготовить статью многопланового характера – и источниковедческого, и археографического (на стыке исторических и филологических наук), и, конечно, историографического для “Археографического ежегодника”. Большая статья “Официальные акты ханств Восточной Европы XIV–XVI вв. и их изучение”, насыщенная историографическими данными, была напечатана в АЕ за 1974 год³.

В заключительной части статьи обосновываются принципы издания корпуса актов (и в переводе их на русский язык тоже) и задачи комплексного источниковедческого изучения самих текстов, предусматривающие с “максимально большей возможностью” извлечение информации и для исторических, и для филологических исследований. “Комплексное изучение, – утверждает автор, – предполагает, кроме текстологической, филологической и историко-сравнительной критики текстов, проведение исследований и в специально источниковедческом плане – в плане дипломатики, а также в археографо-палеографическом, сфрагистическом и терминологическом ракурсах”. Данные аспекты изучения ярлыков и посланий (особенно сфрагистический), отмечает М.А. Усманов, – наиболее слабо разработаны. Между тем, именно это обуславливает полноту введения этих официальных актов в научный оборот, т.е. оценки их не только с внешней стороны, но и раскрытие их внутреннего содержания и установление соответствия его “реальной исторической действительности”⁴.

В АЕ за 1978 год напечатана близкая по тематике статья ученого “О новых ярлыках ханств Джучиева Улуса XIV–XVI вв.”⁵ Там есть характеристика состояния изученности всех зафиксированных в научной литературе жалованных актов различных ханств Джучиева Улуса и обоснование отнесения их к определенным подвидам, также как и определение разновидностей достоверительных знаков печатей. В статье формулируются задачи не только ярлыковедения, но и изучения особенностей развития каллиграфии, способов написания документов и хранения их в канцелярии, и важнейшее заключение: “...создана прочная база для изучения жалованных ярлыков в плане дипломатики”⁶.

Статьи, напечатанные в АЕ, оказались полезными при оформлении М.А. Усмановым докторской диссертации “Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв.”, защищенной в 1981 г. Показательно, что для защиты была представлена книга, изданная в Казани в 1979 г., ответственным редактором которой был приглашен С.М. Каштанов, ставший впоследствии заместителем председателя АК, а с весны 2002 г., по моему предложению – председателем АК (Шмидт с мая 2003 г. – почетный председатель АК). Диссертация М.А. Усманова признана высоким достижением отечественного источниковедения, большим вкладом в представления мировой науки о методике дип-

³ АЕ за 1974 год. М., 1975. С. 117–135.

⁴ Там же. С. 135.

⁵ АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 46–51.

⁶ Там же. С. 51.

ломатики и возможности использования источниковедческого плана трудов для конструирования построений общеисторического характера.

Наблюдения и выводы М.А. Усманова имеют немалое самостоятельное значение и для исследования прошлого России в те столетия, системы ее государственного управления и делопроизводства. Ментальность россиян, конечно, во многом предопределялась их принадлежностью к христианам; и в системе управления – в сферах и светской, и церковной – многое было воспринято от византийского цезаризма (что выявлено было на рубеже XIX и XX вв. в трудах М.А. Дьяконова, В.И. Саввы и других ученых). Но из-за тесного и непрерывного взаимодействия с народами Востока, а затем и утвердившегося на время иноземного ига, образовалась амальгама из унаследованного от далеких предков воздействия, привнесенного из Византии и от балканских народов православия, и усвояемого от народов Востока.

И потому-то непривычные для них черты “восточного деспотизма” отмечали оказавшиеся в России авторы “путешественных записок” и трактатов XVI–XVII вв. Иван Пересветов (или тот, кто прикрылся его именем) предлагал следовать образцу поведения турецкого султана. Не стоит забывать и то, что главный реформатор в России конца 1540–1550-х годов А.Ф. Адашев провел до того год в султанской империи (куда сопровождал посольство отца). Показательно, что не только в памятниках фольклора, но и в дипломатической документации (а в XVII в. и у Котошихина), принятие Иваном IV титула “царя” объяснялось овладением им короной Казанского “царства”. Выявление в российском абсолютизме даже в XVIII – начале XX вв. черт “восточного деспотизма” прослеживается в российской публицистике, начиная, по крайней мере, со времени Белинского. Востоковеды еще в XIX в. указывали на важность сравнительного рассмотрения норм управления и делопроизводства Российского государства и тех государственно-политических образований, которые М.А. Усманов объединяет для XIV–XVI вв. под наименованием Джучиева Улуса. Таким образом, работы М.А. Усманова оказываются важными и для тех, кто исследует формирование системы управления и делопроизводства в период становления в России централизованного государства.

Другая статья М.А. Усманова в том же уфимском издании 1973 г. явственно демонстрирует амплитуду научных интересов и исследовательских приемов автора, а также и результативность его педагогической и научно-организаторской деятельности. Она посвящена совсем иной тематике, имеет заголовок “Методика организации сбора восточных рукописей среди населения Поволжья и Приуралья”⁷ и в основном информирует об итогах и перспективах работы археографических экспедиций, проводимых с 1963 г. Казанским государственным университетом. Организатором и руководителем этих начинаний был М.А. Усманов; и именно таким путем формировалась его школа полевой археографии. В статье немало практических советов, полезных при собирании памятников культуры на всех языках, формулируются принципиального значения соображения о роли полевой археографии в изучении культуры прошлых веков: “Наша задача заключается прежде всего в том, чтобы спасти от дальнейшего исчезновения и гибели еще сохранившиеся материалы, хотя, вероятно, они представляют лишь фрагменты того, что существовало в прошлом. Однако и по фрагментам можно получить определенное представление о целом; полнота и качество этого представления зависят от количества и разнообразия собранного материала. Это последнее со-

⁷ Южноуральский археографический сборник. Вып. 1. С. 170–175.

ображение стало одним из исходных принципов в работе наших археографических экспедиций: собрать все то, что доступно еще сегодня археографам”⁸.

В 1975 г. видный музеевед и историк Дина Исааковна Тверская, координировавшая в АК организацию деятельности археографических экспедиций, подготовила обобщающую работу “О некоторых итогах развития полевой археографии на территории СССР в послевоенный период”, напечатанную посмертно⁹ как статья в журнале “История СССР”. В статье много таблиц, учитывающих и сделанное в Татарии, и сведения специально об экспедициях Казанского университета: “Значительный размах приобрели экспедиции историко-филологического факультета Казанского университета (здесь дана сноска на печатные труды М.А. Усманава. – С.Ш.). В течение 1963–1974 гг. они собрали среди татарского населения Татарской АССР, Астраханской, Волгоградской, Горьковской, Оренбургской, Пермской, Рязанской областей 491 рукопись, 7 личных архивных фондов, 286 книг XIX – начала XX в., 1059 номеров литературных журналов и большое число экземпляров газет (15-ти наименований) начала XX в. В ближайшие годы университет планирует продолжить археографическое обследование своей республики, татарских районов Пермской, Рязанской, Астраханской областей, а также выйти в Кировскую, Свердловскую, Тюменскую области и Удмуртскую АССР”¹⁰.

В декабре 1976 г. М.А. Усманов принял действенное участие во Всесоюзной конференции по полевой археографии, причем не только в работе секции восточных рукописей, но и в пленарных заседаниях, и там, где имел место обмен опытом организации комплексных полевых экспедиций и изучения памятников в среде их бытования. М.А. Усманову впервые было дано слово в прениях по пленарным докладам. Он предложил рассмотреть вопрос об организации Секции восточной археографии АК, а во время полевых экспедиций особое внимание уделять выявлению материалов по восточной эпиграфике и эпиграфике¹¹. В статье об итогах конференции отмечена “продуманная методика полевых археографических исследований” в Казанском университете¹².

С организацией в АК Секции восточной археографии, с центром в Ленинграде, которую возглавил академик А.Н. Кононов, М.А. Усманов сразу же деятельно включился в ее работу (сосредоточенную, правда, главным образом лишь на проблематике описания и публикации рукописей). В мае 1981 г. на заседании Центральной координационной комиссии по изучению памятников восточной письменности рассматривался подготовленный М.А. Усмановым, совместно с Е.А. Давидович и О.Д. Чехович, проект Каталога документальных источников арабской графики (одобренный уже до того участниками “Бартольдских чтений 1981 г.”), о чем помещена информация в АЕ за 1981 год¹³.

13 января 1981 г. М.А. Усманов выступил на открытом заседании АК с сообщением “Археографические экспедиции Казанского государственного университета (о предварительных итогах и перспективах)”. Доклад этот (со-

⁸ Там же. С. 172.

⁹ О Д.И. Тверской см.: АЕ за 1975 год. М., 1976. С. 354–358, 370–371.

¹⁰ ИСССР. 1976. № 1. С. 122.

¹¹ Проблемы полевой археографии: материалы конференции 1976 г. М., 1979. С. 122–123.

¹² См. об этом: Курносов А.А., Черных В.А., Шмидт С.О. О состоянии и задачах советской полевой археографии: к итогам Первой Всесоюзной конференции по полевой археографии // АЕ за 1977 год. М., 1978. С. 11.

¹³ АЕ за 1981 год. М., 1982. С. 360–361.

держание которого достаточно обстоятельно изложено в отделе “Хроника” АЕ) вызвал значительный интерес и занимающихся изучением памятников на русском языке. Отмечалось (в выступлении И.В. Поздеевой – руководителя археографических экспедиций Московского университета) то, что археографами КГУ “собран громадный по объему материал”, позволивший вскрыть и “значительный пласт народной демократической литературы”. Констатировано было и то, что “единая методика в полевой археографии сохраняется независимо от языковой принадлежности памятников письменности”, особенно если “руководствуются принципами комплексного собирания”.

Доклад побуждал снова к разговору о “необходимости быстрее, но планомерной полевой работы, так как речь идет об уже умершей письменной традиции”. Новаторство руководимых М.А. Усмановым экспедиций состояло в том, что они сумели организовать работу по выявлению и собиранию памятников письменности давнего происхождения (в подлинниках и более поздних списках), и одновременно документов нового времени и произведений устного народного творчества и широко привлечь к этому студенческую молодежь. Тем самым, доклад М.А. Усманова продемонстрировал и создание уже школы археографов из выпускников и студентов КГУ¹⁴.

О результатах работ, руководимых М.А. Усмановым или организованных по его почину археографических экспедиций, помещены материалы (на основании отчетов, поступавших в АК) в разделе “Хроника” АЕ за соответствующие годы (за 1978–1990 г.¹⁵). В АЕ за 1988 год есть информация о научной конференции на историческом факультете Казанского университета, посвященной 25-летию археографических экспедиций университета. Участники были информированы М.А. Усмановым о результатах работы сотрудников кафедры истории СССР Р.А. Шайхиева, Н.А. Глазова, З.С. Миннуллина, а также выпускников и студентов КГУ, собравших в Татарии и в других регионах страны более 9 тыс. рукописей и старопечатных книг на различных тюркских языках.

Поскольку целью трехдневной конференции (22–24 ноября 1988 г.) было не только подведение итогов деятельности университетских археографов, но и обмен опытом и постановка новых задач для археографов всего Поволжья, с докладами выступили специалисты из Москвы, Ленинграда, Перми, из различных регионов Европы и Азии, где коренное население говорит на восточных языках¹⁶. Конференция подтвердила устоявшееся уже к тому представление о Казанском университете как об одном из главных средоточий археографической работы в стране.

М.А. Усманов и сам попытался обобщить опыт свой и коллег по Казанскому университету в области археографии и представить картину развития археографии в Татарии, начиная с традиций, восходящих еще к рубежу XVIII–XIX вв., и особенно детально рассказать о современном этапе этого развития в книге “По следам рукописей. Записки археографа”. Книга издана в Казани в 1984 г. на татарском языке. Узнав об этом, сразу же заказали об-

¹⁴ Там же. С. 347–348.

¹⁵ АЕ за 1978 год. С. 355; АЕ за 1982 год. М., 1983. С. 293; АЕ за 1983 год. М., 1985. С. 341–342; АЕ за 1984 год. М., 1986. С. 324; АЕ за 1985 год. М., 1987. С. 331–332; АЕ за 1986 год. М., 1987. С. 316; АЕ за 1987 год. М., 1988. С. 322; АЕ за 1988 год. М., 1989. С. 328; АЕ за 1989 год. М., 1990. С. 324; АЕ за 1990 год. М., 1992. С. 306–307.

¹⁶ *Мустафина Д.А.* Археографическая конференция в Казанском университете // АЕ за 1988 год. С. 330–331.

зор издания для АЕ и напечатали его¹⁷. Судя по этому обзору, книга, несомненно, привлекательна и полезна не только для собственно археографов, но и интересующихся более широкой проблематикой истории и культуры народов Поволжья и Приуралья, методикой выявления и изучения исторических источников.

Обзор Б.Х. Кармышевой и Р.А. Шайхиева завершился пожеланием подготовить новое издание книги, “включив при этом еще не привлеченные материалы” и одновременно “сделать ее русский вариант, ибо произведения, раскрывающие увлекательный труд ученых по поиску и изучению памятников культуры, в частности, о судьбах старинных рукописей и книг, всегда вызывают интерес и у широкого читателя всей страны”. Добавим, что это, несомненно, важно было бы и для специалистов.

И хочется надеяться на то, что М.А. Усманов найдет время и силы одарить нас новым дополненным изданием книги, и непременно в переводе на русский язык. Это существенно обогатит представления всероссийского читателя об истории и культуре Татарстана, а также и о современном уровне развития гуманитарных знаний. И особенно важно теперь, когда столько внимания уделено празднованию 1000-летия основания Казани.

¹⁷ Кармышева Б.Х., Шайхиев Р.А. О книге М.А. Усманова “По следам рукописей. Записки археографа” // АЕ за 1985 год. С. 293–296.

**К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ
АКАДЕМИКА М.М. БОГОСЛОВСКОГО
(Совместное заседание АК и АРАН)**

С.О. Шмидт

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Это второе, организованное Археографической комиссией, научное заседание, посвященное жизни и творчеству академика Михаила Михайловича Богословского. Предыдущее состоялось пять лет назад, в 1999 г., и было приурочено к годовщинам 70-летия со времени кончины М.М. Богословского и А.Е. Преснякова; тексты выступлений опубликованы в АЕ за 2000 год. На первом заседании, в честь памяти Богословского преимущественное внимание уделялось архивным материалам: дневнику историка и воспоминаниям о Богословском под свежим впечатлением от его кончины. В программе нынешнего заседания – доклады и сообщения тоже о впервые вводимых в научный обиход архивных материалах и об исследовательских достижениях ученого и педагога, причем это – соображения современных знатоков такой проблематики.

За прошедшие пять лет еще в большей мере утвердились во мнении о неосновательности насаждавшегося несколько десятилетий представления о “кризисе” в российской исторической науке на рубеже XIX и XX вв. как о движении вниз по наклонной плоскости. Состояние это, если продолжать называть его “кризисом”, отражало характерную для наук того времени (и не только гуманитарных) смену методологических парадигм и обогащение научно-исследовательской методик, становящейся все более междисциплинарной. В мировом сообществе историков российская наука воспринималась как передовая, обильная научными результатами – потому-то очередной Международный конгресс решено было провести в 1918 г. в Петербурге. К этому событию планировалось подготовить книгу по истории России на английском языке, и руководитель этой работы А.С. Лаппо-Данилевский предложил именно М.М. Богословскому написать раздел об эпохе Петра Великого.

Основным критерием для негативных суждений советских историографов было неприятие российской профессурой учения марксизма, которое выдавалось тогда за высшее и единственно верное истолкование хода исторического процесса и в целом, и в частности. Влиятельнейший в ту пору методолог историографии покойный профессор МГУ А.М. Сахаров на Всесоюзной конференции преподавателей историографии 1973 г. так сформулировал “центральную задачу курса историографии”: “Раскрытие превосходства марксистско-ленинской исторической науки над всеми разновидностями идеалистической и вульгарно-материалистической историографии в процессе

познания исторического развития общества”¹. Сейчас, когда кончился период господства моноидеологии и политического диктата, внимание историографов к изучению развития отечественной исторической науки начала XX в. сразу же усилилось и в столицах, и в провинциальных научно-учебных центрах; общим достоянием становится и неопубликованная часть научного наследия историков первых десятилетий прошлого века.

Это явственно ощутимо и при подходе к научному наследию М.М. Богословского: читатель наконец сможет ознакомиться с подлинным (освобожденным от конъюнктурной правки при первом издании в 1940-е годы) текстом классического труда “Петр Великий”². Подготовленный к печати А.В. Мельниковым первый том сопровождается большой его статьей «К истории рукописи труда академика М.М. Богословского “Петр Великий: Материалы для биографии” (предварительные археографические наблюдения)». Обнаружена и подготовленная к печати М.М. Богословским опись имущества архимандрита Новоиерусалимского монастыря конца XVII в., предваренная статьей ученого – материал опубликован А.В. Мельниковым под названием “Патриарх Никон и его время” в сборнике трудов ГИМ (вып. 139); это обогащает наши знания и об археографической культуре историка. Обращается внимание на отзывы Богословского на кандидатские сочинения его учеников по Московской духовной академии. Это важно для формирования представления о Богословском как профессоре-наставнике и имеет самостоятельное историографическое значение. Существенно конкретизировались с изучением проектов середины 1920-х годов о принципах музейной экспозиции исследования и собирания материалов по истории быта в Историческом музее и исследовательской работы в архивах наши представления об усилиях ученого сохранять научные традиции в работе хранилищ памятников истории и культуры и о том, как был весом авторитет именно Богословского в среде московских историков. Обширная его переписка с Платоновым, которая готовится А.В. Мельниковым к печати в составе второго тома издания “Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками”, содержит многообразную информацию о деятельности Богословского в Академии наук.

М.М. Богословский был выдающимся общественным деятелем. И не столько даже по положению своему в различных организациях, сколько благодаря и ответственному и глубоко неравнодушному отношению к своим обязанностям. Сообщение Е.В. Неберекутиной знакомит нас с работой ученого в ЦЕКУБУ. С нетерпением ожидаем и выхода в свет исследуемых ею в ГИМ дневниковых записей Богословского.

В период, когда Петр Первый воспринимался как предтеча имперских намерений Сталина, фундаментальный труд Богословского, где детально воспроизведен допетербургский период жизни первого российского императора, был более других сочинений ученого востребован не только широкой общественностью, но и историками-профессионалами. И потому, когда стала директивной установка “разоблачать” идеалистические воззрения и политические взгляды классиков отечественной исторической науки начала XX в. и появились недостойные пера их авторов статьи о А.А. Шахматове, А.С. Лаппо-

¹ Сахаров А.М. О построении и содержании курса историографии истории СССР // Вопросы историографии в высшей школе (Всесоюзная конференция преподавателей историографии истории СССР и всеобщей истории университетов и педагогических институтов. Смоленск, 31 января – 3 февраля 1973 г.). Смоленск, 1975. С. 48.

² Книга вышла в свет в издательстве “Наука” в июне 2005 г. при материальной поддержке Правительства Москвы.

Данилевском, А.Е. Преснякове, М.М. Богословского характеризовали только как биографа Петра I. В негативного стиля рецензии на сборник статей “Петр Великий” (Л., 1947), напечатанной в журнале “Вопросы истории” (1948. № 4. С. 112), Б.Б. Кафенгауза упрекнули в том, что в статье “Эпоха Петра Великого в освещении советской исторической науки” он не указал «на принципиальные ошибки, содержащиеся в книгах М.М. Богословского и в предисловии к 1-му тому “Петр I”, где автор откровенно высказывает реакционные взгляды». А соображения Богословского в Предисловии к его исследованию, о том, что легче строить широкие обобщения, чем достоверно изложить факты, охарактеризованы были как “выпад против советской исторической науки, которая базируется на теории марксизма-ленинизма и требует, чтобы историки не только собирали факты, критически их проверяли, но и обязательно делали из них соответствующие обобщения и выводы”.

М.М. Богословский

Ныне, с возрастающим во всем мире вниманием к проблематике истории повседневности, локальной истории, микроистории, социальной психологии начинают все в большей мере осознавать новаторство и величие предшествовавших монографий историка “Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в.” и “Областная реформа Петра Великого”. И хочется напомнить о том, что Н.Л. Рубинштейн уже в книге 1941 г., и по сей день остающейся лучшим обобщающим трудом по русской историографии, сумел – даже при навязывании идеологических клише – выделить это. Он писал: «В труде “Земское самоуправление” автор к изучению института идет от непосредственного изучения земской жизни и конкретных общественных отношений, а самое учреждение рассматривает в его действии, в его отношениях к обществу. В известной мере это та же задача, которую поставил себе Ключевский в “Боярской думе”. Но “Боярская дума” превратилась в общую историю древней Руси, только взятую под определенным углом зрения, и поэтому поставленная автором задача разрешилась общей схемой. Богословский поставил свою тему в определенные рамки, и поэтому ему в значительной мере удалось дать действительное воспроизведение конкретных отношений реальной жизни». Особо отмечается и “тщательно воспроизводимая бытовая обстановка эпохи Петра”, “яркая и убедительная картина последовательной ломки старых привычек и обычаев, отмирание старого быта и утверждение новых нравов” в изданном уже к тому времени первом томе “Материалов для биографии” Петра I³.

Как теперь убеждаемся, прослеживая характер использования историографического наследия о России до XVIII в., “общая схема” Ключевского ос-

³ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 498–499.

талась достоянием преимущественно тех, кто изучает развитие исторических концепций, общественного сознания, публицистики. Это – блистательный экспонат Музея истории отечественной науки, но ссылки на ее фактологическое содержание не встречаем в конкретных трудах о государственном строе и обществе Российского государства XVI–XVII вв. Двухтомная же монография Богословского – в фундаменте конкретных знаний социокультурной истории XVII и даже XVIII вв., а методика исследовательских подходов и формы описания исторических явлений остаются в основе многообразных по тематике исследований, особенно регионального профиля. И понятно, почему именно Богословского просили на заре “золотого десятилетия” нашего краеведения выступить с определяющим дальнейшие направления работы обобщающе постановочного типа докладом на Первой Всероссийской конференции краеведов. Современное отношение – и в хорошем смысле слова в какой-то степени даже утилитарное – к творческому наследию Богословского отражено в самой тематике докладов конференции. Труды Богословского – в арсенале действующей современной науки.

Думается, что это объясняется во многом свойственной натуре М.М. Богословского – и человека, и ученого – источниковедческой основательностью суждений – и в большом и в малом планах, и высоконравственным подходом к своему труду. Это отражено в емкой характеристике предшествующей историографии в кратком авторском “Предисловии” к его многотомному исследованию: “О Петре Великом написано, конечно, очень много. Два недостатка в этой огромной литературе всегда мне бросались в глаза: в области фактов – их не всегда критически твердо установленная достоверность, в области общих суждений – их не всегда достаточная обоснованность. Развиваясь под влиянием общих философских систем, наша историография иногда делала слишком поспешные и не опиравшиеся на факты обобщения, опережавшие разыскание и критику фактического материала. Мне хотелось собрать факты, достоверные факты, которые будучи собраны в достаточном количестве, своим неоднократным повторением ведут к надежному общим суждениям...”⁴ Это – кредо (а, по существу, и декларация) и историка, и собственно историографа!

И именно такие представления ученый старался внушать своим ученикам в высших учебных заведениях и младшим коллегам и в дореволюционные, и в советские годы. М.М. Богословский уделял особое внимание источниковедческим соображениям в лекциях (в специальных курсах) и, подобно П.Г. Виноградову в конце XIX в., выделялся мастерством руководства студенческими семинарами. Об этих “замечательных просеминарских занятиях” вспоминал в год 200-летия Московского университета академик М.Н. Тихомиров, знаменательно заметив: “Вероятно, тогда-то зародился у меня повышенный интерес к источниковедению, который я проявлял всю жизнь”⁵.

В то же время основательность подхода к историческому источнику, умение выявить и оценить многообразные детали обихода давних лет помогали ему, по утверждению С.В. Бахрушина, “мыслить яркими художественными образами”. Тут выражалась и особенность его природы одновременно и “ученого академика, строящего грандиозные схемы мировых процессов”, и “художника, с любовью реконструирующего быт давно ушедшей эпохи”⁶ (подч. – Авт.).

⁴ Богословский М.М. Петр I: Материалы для биографии. М., 1940. Т. 1. С. 10.

⁵ Тихомиров М.Н. Дорога в историческую науку // Новое о прошлом нашей страны: памяти академика М.Н. Тихомирова. М., 1967. С. 7.

⁶ Мельников А.В. М.М. Богословский в воспоминаниях современников // АЕ за 2000 год. М., 2001. С. 280–281.

Все углубляющийся интерес к повседневности сказывается и на проблематике, и на стилистике историографических работ недавних лет; и теперь во многом предопределяет их источниковую базу. И будущую книгу о жизни и творчестве М.М. Богословского можно будет уже рассматривать в контексте исследований и документальных публикаций, освещающих биографии и других историков-сверстников (П.Н. Милюкова, С.Ф. Платонова, А.С. Лаппо-Данилевского, А.А. Кизеветтера, А.Е. Преснякова) и более молодых (Б.А. Романова, С.Н. Валка, М.Н. Тихомирова).

Как явствует из многообразной документации, к Михаилу Михайловичу Богословскому относились и с особым уважением, и с большой душевной симпатией. Вероятно, и потому, что ему свойственны были и уважение к другим, и самоуважение, и доброжелательное отношение к молодежи, и столь нечасто наблюдаемое отсутствие амбициозности.

Выявляются и взаимосвязи ученого и со средой московской интеллигенции второй половины XIX в, и позднее с академической средой, с теми молодыми учеными, которые старались сохранить и развивать российские культурные традиции. Сведение воедино материалов о М.М. Богословском и его окружении – и семейном, и ином, – можно полагать, обогатит наши представления не только о развитии научных знаний и просветительской и педагогической работе его эпохи, но и об общественном сознании тех лет, о микроклимате повседневной жизни московской (да и не только) научной интеллигенции, о бытовом укладе и умонастроении в предреволюционные десятилетия, и в условиях существования при советском строе.

В.А. Муравьев

М.М. БОГОСЛОВСКИЙ: ВЫБОР ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМ

Михаил Михайлович Богословский – в некотором смысле научная загадка. При внешней, на первый взгляд, простоте и даже, кажется, лишенной либеральной многогранности его научных текстов, при несколько “старомодном” для его времени консерватизме суждений, при их полной отстраненности от набиравших силу у историков в начале XX в. политических и идеологических подтекстов, его тексты столь же далеки от непритязательности и прямолинейности. Известен его портрет, данный в воспоминаниях А.А. Кизеветтера, удивительно точно передающий не только облик, но внутренний мир историка: “Богословский говорил басом, имел вид степенного и положительного человека, ступал твердо, его телодвижения были медленны, но вески. На первый взгляд его можно было принять за человека, тяжелого во всех отношениях. Но достаточно было сойтись с ним поближе и познакомиться с его произведениями, как вы с удовольствием находили в нем человека изящного и острого ума и ярко выраженной талантливости. К либеральным идеям он относился с немалым скептицизмом и был упорен в отстаивании своих мнений”¹.

Близок к этому портрету в своем мнении о М.М. Богословском и С.Ф. Платонов: “Люди, мало знавшие внутреннюю жизнь М[ихаила] М[ихай-

¹ *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий: воспоминания, 1881–1914. М., 1997. С. 49.

ловича], могли наблюдать в нем только постоянную сдержанность, даже некоторую замкнутость, спокойный и медлительный, он не любил многословия и суеты”². К наблюдению А.А. Кизеветтера, человека М.М. Богословскому довольно близкого (оба ученики В.О. Ключевского, А.А. Кизеветтер был всего годом и курсом старше, в магистратуре и приват-доцентуре Московского университета; эта разница со временем совершенно исчезла, осталась разница темпераментов, склонностей, характеров), прибавим наблюдение историографическое, сделанное уже из нашего времени. М.М. Богословский говорил и писал очень ясно, неторопливо, просто; редко удивлял внешней новизной и хлесткой остротой суждений (но бывало и такое – вспомним хотя бы его остроумную характеристику указных порядков Петра Великого³ или его высказывание о С.Б. Веселовском, который, по словам М.М. Богословского, смотрел на XVIII век сквозь узенькое оконце приказной хоромины XVII в.⁴); взятые по отдельности его суждения вполне могли состоять в ранге банальностей, даже трюизмов. Но, в присущей М.М. Богословскому неспешной совокупности, в большом контексте они формировали привлекающий своей обстоятельностью, корректностью и системностью взгляд на любой предмет, к которому он обращался. Быть может, продолжение этого парадокса – обращение крайне осторожного, неторопливого, предельно осмотрительного историка именно к беспокойной проблеме реформ, которые стали одной из главных проблем его творчества вообще.

Многих историков, современников М.М. Богословского, обратившихся к истории государственных и социальных реформ, к истории социальной борьбы (следующей по мере развития либеральной историографии крупной проблеме после решавшейся в середине XIX в. проблемы правовой эволюции и социальной структуры общества), влекли к этим проблемам общественные или даже напрямую политические интересы и потребности, либеральные надежды. Таковы каждый по-своему П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер, Н.П. Павлов-Сильванский, Д.М. Петрушевский, Е.В. Тарле, А.А. Корнилов и др. М.М. Богословский пришел к проблеме несколько иным путем; в качестве побудительных выступили и иные факторы.

Формально Богословский обратился к проблеме петровских реформ после занятий на последнем курсе университета (и по его окончании) писцовыми книгами. Эти занятия не только стали великолепной школой самостоятельной научной работы, но и навели впервые на проблему реформ Ивана Грозного⁵. Затем, примерно с 1894 г., М.М. Богословский обращается к петровской реформе. Впервые эта тема в его творчестве зазвучала весной 1898 г. в одной из двух пробных лекций в ходе подготовки к магистерскому званию (“Значение реформы Петра Великого в истории русского дворянства”⁶) и в приват-до-

² Цит. по: *Богословский М.М.* Историография, мемуаристика, эпистолярная (Научное наследие). М., 1987. С. 9 (впервые введено в научный оборот составителем сборника Л.А. Черной).

³ “Подданный не только обязан был нести установленную указами службу государству, он должен был жить не иначе, как в жилище, построенном по указному чертежу, носить указное платье и обувь, предаваться указным увеселениям, указным порядком и в указанных местах лечиться, в указанных гробах хорониться и указным образом лежать на кладбище, предварительно очистив душу покаянием в указанные сроки” (*Богословский М.М.* Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–27 гг. М., 1902. С. 12–13).

⁴ См. об этом: *Черепнин Л.В.* Отечественные историки XVIII–XX вв.: сб. ст., выст., восп. М., 1984. С. 115.

⁵ *Богословский М.М.* Несколько слов об одном проекте реформ XVI века // Древности: труды Археологической комиссии Московского археологического общества. М., 1896. Т. I, вып. 1. С. 1–12.

⁶ См.: *Богословский М.М.* Историография, мемуаристика, эпистолярная... С. 4.

центском курсе 1898/99 академического года “Реформы Петра Великого в русской исторической литературе”⁷. Первым большим итогом работы М.М. Богословского по этой проблеме стала его магистерская диссертация “Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–27 гг.”, защищенная в 1902 г. С этого времени практически ежегодно до самой смерти историка в 1929 г. выходят его статьи, доклады, книги по этой проблеме, в том числе “Петр Великий и его реформа” (М., 1920), собираются пять томов “Материалов для биографии Петра Великого” от рождения до Константинопольского мира с Турцией 1700 г. (изданных в 1940–1948 гг. под названием “Петр I: Материалы для биографии” и готовящихся к научному изданию в настоящее время). Одновременно М.М. Богословский, обращаясь к последующим “реформистским” сюжетам, пишет о конституционном движении 1730 г. (не о “заговоре Верховного тайного совета”!), о губернской реформе Екатерины II, о реформе духовного образования при Александре I, о реформе государственных крестьян при Николае I⁸. Даже на “Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке” он смотрит “от реформы до реформы”: 7 января 1906 г. в письме А.С. Лаппо-Данилевскому ученый сообщает о своем намечаемом труде, который первоначально именовался “Земские учреждения древнерусского Севера”: “Моя цель – проследить по документам *практики* (курсив мой. – В.М.) деятельность так называемых земских учреждений Ивана Грозного в поморских местностях, где они хорошо сохранились и действовали даже еще в XVIII в.”⁹

Но почему же у М.М. Богословского, как было выше сказано, иной путь и, видимо, иной характер интереса к проблеме реформ? Ответ, кажется, дал сам ученый в работе “Областная реформа Петра Великого”. “При изучении реформы учреждений, – писал он, – приходится иметь дело с двумя задачами. Из них первая состоит в выяснении идей реформы и их генезиса. Вторая заключается в том, чтобы выяснить встречу идей с действительною жизнью и проследить последствия этой встречи”¹⁰. Так вот, оказывается и здесь, и в последующем Богословского интересует, главным образом, вторая задача, решаемая на фактическом, архивном материале, на уровне исследования исторического факта, и мало занимает первая, основанная на философских и общесоциологических спекуляциях, на вторжении в прошлое от уровня и понижения реформаторских задач современности, от ее либеральных надежд и разочарований. Вполне деликатно, но не без глубоко скрытой иронии он пишет, что обстоятельный очерк генезиса и подготовки областной реформы 1719 г. был также дан в труде П.Н. Милюкова (имелась в виду его магистерская диссертация “Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого”, получившая неоднозначные и полемические оценки в русской научной печати именно в теоретической части). Свою же задачу М.М. Богословский формулировал скромно – изучить реформу со стороны соприкосновения ее с действительностью, проследить взаимодействие планов реформатора с жизнью, показать не то, чем *должны были быть* учреждения,

⁷ Там же.

⁸ *Богословский М.М.* Конституционное движение 1730 г. М., 1906; 2-е изд. Пг., 1918; *Он же.* Учреждение об управлении губерний и жалованные грамоты Екатерины II // Три века. Россия от Смуты до нашего времени: ист. сб. М., 1913. Т. IV. С. 239–250; *Он же.* Реформа духовной школы при Александре I и основание Московской духовной академии // *Богословский вестн.* 1917. Окт.–дек. С. 356–384; *Он же.* *Богословский М.М.* Государственные крестьяне при Николае I // *История России в XIX в.* СПб., 1907. Т. 1. Гл. XVII. С. 236–260.

⁹ *Богословский М.М.* Историография, мемуаристика, эпистолярная... С. 139.

¹⁰ *Богословский М.М.* Областная реформа Петра Великого... С. IV.

но чем они действительно были¹¹. Проблема упиралась в рамки строгой науки, строгого в подлинном смысле позитивистского исследования и описания.

Другой мотив, который с очевидностью влек М.М. Богословского к реформам – это выявление содержания исторического движения, его качества. Именно Богословский едва ли не ранее других в своем поколении предъявил серьезнейший упрек Н.М. Карамзину – в его известной исторической формуле процветания, бедствия и спасения России¹² “нет никакого поступательного движения, ни в смысле прогресса, ни в смысле эволюции”¹³. Характерно, что Н.М. Карамзину (а в подтексте – современникам) был противопоставлен С.М. Соловьев, значение которого в складывании исторических взглядов М.М. Богословского, кажется, недооценено.

Еще один мотив, вовлекавший М.М. Богословского в исследование реформ, состоял в выяснении сложных отношений реформ и общества. Этот мотив несколько отделил его от политизированных историков-либералов П.Н. Милюкова и А.А. Кизеветтера, но его взгляды стали близки взглядам Н.П. Павлова-Сильванского. Видимо, не без ранее возникших симпатий к последнему он написал на редкость доброжелательную статью “Памяти [Н.П.] Павлова-Сильванского”¹⁴, как предполагают ее публикаторы, для несостоявшегося выступления в Обществе истории и древностей российских в конце 1908 или начале 1909 г. В ней М.М. Богословский, почти ничем не помянув главную тему творчества Н.П. Павлова-Сильванского – спорную и далеко не всеми принявшуюся тогда даже в качестве основания для суждений пробы в записках современников Петра Великого” (1897) указал на самые характерные и близкие ему черты метода Н.П. Павлова-Сильванского. Дело в том, что для традиции русской либеральной историографии XIX столетия в исследовании реформ был характерен подход к ним либо из представления о разрыве между вынужденно опережающим обществом государством и косным, слабым обществом, либо от представления о назревающем конфликте между прогрессирующим обществом и коснеющим государством. И в том и в ином случае, когда дело касалось петровских реформ, на первый план исследования выходили или исключительно прогрессивная деятельность самого царя-реформатора (“общество оставалось в стороне; оно рассматривалось как инертная косная масса, в значительной степени враждебная движению вперед, указанному Петром, во всяком случае глубоко к нему безучастная и пассивная”¹⁵), или неосмысленность и случайный характер действий власти (“Петр – только усердный читатель этих проектов [имеются в виду проекты преобразований, подававшиеся Петру I современниками. – В.М.] и слепой исполнитель того, что ему подскажут, мало даже о чем и смысловый в государственных делах”; “Петр – не более как пассивный механический исполнитель, бессознательно плывший по тому прогрессивному течению, которое обнаружилось в русском обществе первой четверти XVIII в.”¹⁶). М.М. Бого-

¹¹ См.: Там же.

¹² Имеется в виду известное положение Н.М. Карамзина “Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия и спаслась мудрым самодержавием”, сформулированное в “Записке о древней и новой России”.

¹³ Богословский М.М. Научное значение [работ] С.М. Соловьева // *Он же. Историография, мемуаристика, эпистолярная...* С. 13.

¹⁴ Богословский М.М. Памяти [Н.П.] Павлова-Сильванского // Там же. С. 94–98.

¹⁵ Там же. С. 94.

¹⁶ Там же. С. 95–96; в последнем случае прямо имелась в виду книга П.Н. Милюкова “Государственное хозяйство России в первую четверть XVIII в. и реформа Петра Великого” (СПб., 1892).

словскому определенно импонировало, что Н.П. Павлов-Сильванский “исправил эту крайность” путем осторожного, в высшей степени тщательного анализа проектов и сравнения их с законодательством, что он, “исследуя проекты и собирая данные о личности их авторов, тем самым дает широкую, наглядную и вместе с тем документальную характеристику современного Петру общества”¹⁷. Ценность этого труда Н.П. Павлова-Сильванского для М.М. Богословского – в его строгой документированности, доказательности; она одна лишь может вскрыть роль, которую действительно играло русское общество в реформе Петра I.

Самое же существенное отличие подхода М.М. Богословского и Н.П. Павлова-Сильванского к проблеме реформ заключалось в том, идя от знаменитого соловьевского “Петр есть вождь в деле, не ему одному принадлежащему”, они искали в реформе не две (“государство” и “общество”), но три стороны – государственность с ее историческим наследием и задачами, реформатора (реформаторов)¹⁸ с его проектами реформ, и интерпретируемый в постсоловьевском ключе народ (не “общество”!). Успех или неуспех реформ был поставлен в зависимость от гармонии этих трех составляющих. Оставалось выяснить на фактическом материале, существовала ли и в какой степени эта гармония.

Определенную роль в выборе темы для первого фундаментального исследования реформы играли причины методологического порядка. М.М. Богословский, прошедший классическую позитивистскую школу Московского университета, испытывал притяжение к проблемам, четко очерченным, имеющим определенные границы, исторически исчерпанным, поставленным на широчайшую доказательную основу. Провинциальная реформа 1719–1727 гг. представляла в этом отношении благодатный случай: “учреждения, тогда введенные, действовали недолго и затем были отменены, она представляет из себя некоторое целое, законченное явление, начало, продолжение и конец которого вполне доступны наблюдению и которое может быть предметом отдельного законченного рассказа”. Но даже и в этом случае он высказывал опасение, весьма характерное для позитивистской позиции: “Однако, такая кратковременность явления служит причиной и некоторой опасности для исследователя, не давая ему *повторений однородного факта для постройки общих выводов* (курсив мой. – В.М.)”¹⁹. Столь же классически позитивистским становилось и обоснование метода: “автор более всего боялся излишней догматичности изложения и старался следить за всеми переменами, которым подвергались учреждения, как бы ни были микроскопичны те хронологические грани, в пределах которых эти перемены совершались”²⁰. И именно “микроскопическое”, основанное на огромной архивной работе наблюдение перемен и их судеб приводили М.М. Богословского не к умозрительному, а к безукоризненно выстроенному и доказанному, драматическому выводу о том, что окружающие условия подтачивали построенную по западноевропейскому образцу административную систему, заставляли ее быстро таять, приспосабливаться к жизни, терять прежние и принимать новые формы, до неузнаваемости непохожие на свои иностранные прообразы и приближаться к старому дореформенному строю.

¹⁷ Там же. С. 96.

¹⁸ “То прогрессивное направление, по которому шел Петр Великий, оказалось одним из течений, очень заметных в этой стихии русского общества, и в своей реформаторской деятельности царь оказался далеко не столь одиноким, каким его изображали прежде” (Там же. С.94).

¹⁹ Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого... С. III.

²⁰ Там же. С. III–IV.

М.М. Богословский с великим и скромным достоинством и честью представлял науку своего времени, не жертвуя ею в угоду никаким вненаучным соображениям. Разумеется как человек своего времени, он размышлял, оценивал современность и прошлое, высказывался, писал именно так, как мог это делать ученый его социального круга, российской либеральной интеллигенции начала XX в. Тенденциозность ли это? Да, если иметь в виду социальную позицию ученого – но без этой социальной позиции нет ни самого ученого, ни единого его слова и мысли, невозможно само их существование. Но какая же это тогда тенденциозность? Нет, если иметь в виду под тенденциозностью умышленно предвзятый подход к материалу и его обработке, жертву идеологии и политике за счет науки.

Е.Н. Швейковская

М.М. БОГОСЛОВСКИЙ – ИСТОРИК РУССКОГО СЕВЕРА

М.М. Богословский (1867–1929) – один из выдающихся российских историков рубежа XIX–XX вв. Во время учебы (1886–1890) на историко-филологическом факультете Московского университета на его становление оказали сильное влияние крупные представители исторической науки: В.И. Герье, П.Г. Виноградов и В.О. Ключевский. В последний университетский год (1889) Богословский работал над конкурсным сочинением по новой для того времени теме, предложенной В.О. Ключевским: “Писцовые книги, их происхождение, состав и значение в ряду источников истории Московского государства XV, XVI и XVII вв.” Отдавая себе отчет в разнородности содержащихся в книгах данных, вступавший на научное поприще ученый сосредоточился на рассмотрении состава и численности населения, его занятий, видов земель, форм хозяйства, повинностей крестьян, административного деления и т.п. Он работал тогда, по его поздним воспоминаниям, с большим энтузиазмом, в “энергичном, бодром, полном радостной тревоги настроении”. Он открыл для себя совсем не героический памятник, а наоборот такой, в котором “выступает народная масса, тысячи и десятки тысяч простых, рядовых, обыкновенных людей, посадских и крестьян, имена которых она спасла от исторической безвестности, бережно сохранила...” Писцовая книга, подводя читателя “к общественным низам, к тем мощным таинственным силам, которые слагают основы исторического процесса...”, “рисует ту обстановку, в которой протекала жизнь и деятельность бесчисленных тружеников, создававших своею скромною, тяжелою работою обширное строение Московского государства. Занятие таким материалом могло произвести переворот в историческом мировоззрении и поставить его на прочное основание”¹.

Следует сказать, что историки обратились к массовым сведениям писцовых книг в последней четверти XIX в., когда в познании сословий российского общества обозначился переход от исчерпавшего себя юридического направления к социально-экономическому. В то время, когда Богословский работал над выпускным исследованием, вышла книга Н.Д. Чечулина “Города

¹ *Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная (Научное наследие). М., 1987. С. 42–43; Черепнин Л.В. Академик М.М. Богословский // Отечественные историки XVIII–XX вв.: сб. статей, выст., восп. М. 1984. С. 99–100.*

Московского государства в XVI в.” (СПб., 1889). Ключевский написал на нее отзыв, опубликованный в 1892 г., в котором он высказал положения, позволяющие понять причины, побудившие его дать способному ученику “мало тронутый источник” – писцовые книги. В своем отзыве историк отметил неразработанность этих книг как источника и отсутствие установившихся, общепризнанных приемов их изучения. Именно это обстоятельство требовало, по мнению Ключевского, повышенного внимания к методике извлечения данных из писцовых книг и к их обработке. Из текста отзыва с очевидностью вытекает важнейший методический прием – целостное изучение источника и критика его сведений, верифицируемых как по самому источнику, так и по другим документам. Современнно звучит и следующее суждение Ключевского: “Писцовая книга – очень хороший исторический свидетель, который может много и правдиво рассказать, но ее *надобно спрашивать* (курсив мой. – Е.Ш.) только о том, о чем она может рассказать; иначе ее показания не разъяснят, а запутают дело”².

Последующее изучение на рубеже XIX–XX вв. писцовых книг, включая и источниковедение, связано, прежде всего, с именем А.С. Лаппо-Данилевского, монография которого вышла в 1890 г. В 1890 – начале 1900-х годов крупные русские историки П.Н. Миллюков, И.Н. Миклашевский, М.А. Дьяконов, Н.А. Рожков, Ю.В. Готье, С.Б. Веселовский неоднозначно оценивали информацию писцовых книг. Ученые дискутировали по вопросу о достоверности главных показателей книг: число людей во дворах, реальность размеров пахотных и сенокосных угодий, окладные единицы, а также обсуждали сущностное содержание принципов, положенных в основу их показателей³.

Время показало, что на исходе XIX столетия В.О. Ключевский прозорливо направил молодой исследовательский талант Богословского на изучение столь многогранного источника, как писцовые книги. Во второй половине XX в. редкая работа по социально-экономической истории России XVI–XVII вв. обходилась без обращения к их данным.

При соискании места приват-доцента в 1898 г. по кафедре русской истории историко-филологического факультета МГУ Богословский прочел две пробные лекции. Выбор тем для них важен не только сам по себе, но и существенен для последующего творчества историка. Одна лекция – “Русская Правда как исторический источник” – рассматривает ее как правовой кодекс и памятник политической, экономической и социальной истории, и лекции был присущ компаративный характер. «Сопоставляя между собой правды германские и русскую, автор подчеркивает характерные для всех них черты: они неполны, не охватывают собою всего действующего права и не являются “сводом законов”. Это были главным образом только судебники, т.е. уло-

² Ключевский В.О. Соч. М., 1959. Т. VIII. С. 184–185, 187, 195–196. В 1900 г. он в качестве официального оппонента выступал на магистерском диспуте Н.А. Рожкова, исследующего тему “Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.”, и также высказался о необходимости критического подхода к материалам писцового дела. См.: Там же. С. 369–373.

³ Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890; Миллюков П.Н. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892; Миклашевский И.Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. М., 1894. Ч. 1: Заселение и сельское хозяйство южной окраины. XVII век; Дьяконов М.А. Очерки истории сельского населения в Московском государстве (XVI–XVII вв.). СПб., 1898; Рожков Н.А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. М., 1899; Готье Ю.В. Замосковский край в XVII в. Очерки по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906; 2-е изд. М., 1937; Веселовский С.Б. Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и пососного обложения Московского государства. М., 1915–1916. Т. 1–2; и др.

жения о взысканиях за разные преступления и правонарушения и уставы судопроизводства”, – писал акад. Л.В. Черепнин, в сфере научных интересов которого памятник находился в 1960-е годы⁴.

Другая лекция – “Значение Реформы Петра Великого в истории русского дворянства” – связана с познанием нововведений царя-реформатора, которые прямо сказались на трансформации дворянства, способствовали формированию его сословного самосознания. Свой первый курс лекций в 1898/99 г. Богословский посвятил также реформам Петра I, как и первую монографию (магистерскую диссертацию) – “Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–27 гг.” (М., 1902). В ней он изучил реорганизацию местного управления в условиях становления абсолютной верховной власти. Эпохальные преобразования Петра стали магистральным направлением в творчестве ученого до конца жизни. Однако многолетний труд по созданию подробной и основательно документированной научной биографии Петра Великого – государственного деятеля – ученому завершить не удалось. Через много лет его подготовила к изданию ученица Богословского Н.А. Бакланова⁵.

В 1911 г. М.М. Богословский стал преемником В.О. Ключевского по кафедре русской истории, которую возглавлял до 1925 г. Он занял ее в сложный период и вспоминал, что “сохранил для московской кафедры традиции главы нашей школы В.О.Ключевского, сберег их в чистоте и этим имею право гордиться”⁶.

После изучения областной реформы Петра I Богословский обратился к другой большой теме – земского представительства как стадии в развитии политического строя России XVI–XVII вв., дольше всего просуществовавшем на Русском Севере. Он поставил задачу “изучить местное земское самоуправление в Московском государстве с его фактической, действительной стороны, показать, как учредительные грамоты XVI века осуществлялись в жизни”, причем на основе неизданного материала или как мы теперь говорим – архивных источников⁷. Как раз по северному региону сохранилась разнообразная и обширная документация земских изб, в основном XVII в., целиком утраченная по центральным и северо-западным уездам с поместно-вотчинным землевладением. В них к тому же земское самоуправление в последней трети XVI в. заменили губные старосты и городовые приказчики.

В 1974 г. академик Л.В. Черепнин опубликовал обширную статью “Академик М.М. Богословский”⁸, которая должна была стать главой планируемой монографии с рабочим названием “Школа В.О. Ключевского в русской историографии”⁹. В ней он емко оценил основные проблемы, поднятые в труде, выделив взаимоотношения государства и земства. Они в середине XVI – середине XVII вв. выражались конструкцией, где “государственный строй с земским собором на вершине и самоуправляющимися уездами и волостями в основании проникнут началом земского самоуправления”¹⁰, что отвечало самодержавно-земскому периоду в развитии Московского государства. Черепнин

⁴ Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 105. См.: Он же: Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 128–278; Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969. С. 36–93.

⁵ См.: Петр I: Материалы для биографии. М., 1940–1948. Т. 1–5.

⁶ Цит. по: Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 111.

⁷ Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. 1. С. III.

⁸ ИЗ. 1974. Т.93.

⁹ Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 333.

¹⁰ Богословский М.М. Земское самоуправление... М., 1912. Т. 2. С. 260.

в соответствии с идеологическими установками 1970-х годов вынужденно полагал, что “характеристика отдает явной идеализацией, провозглашая тезис о союзе самодержавия с земскими (т.е. народными) силами”¹¹. Он логически связал ретроспективный переход от рассмотрения “самодержавно-бюрократической монархии” времени Петра Великого к раскрытию понятия “самодержавно-земская монархия” XVII в. Ученый писал: “В труде этом в какой-то мере можно видеть тематически (история крестьянства) и источниковедчески (писцовые и переписные книги) продолжение университетского конкурсного сочинения”¹².

Вторит ученому Т.И. Халина, поставившая целью разобраться, чем ценен для науки М.М. Богословский. По ее мнению, “замысел нового исследования вполне мог возникнуть в процессе работы над проблемой абсолютизма и его генезиса. В своих предшествующих популярных очерках Богословский так или иначе уже обращался к вопросам земского управления и самоуправления, взаимоотношения государя и “земли”, эволюции “самодержавно-земской” монархии и т.п. Кроме того, в его научно-исследовательском арсенале еще со студенческих лет хранился неиспользованный запас уже обработанного документального материала – писцовых книг XV–XVII вв.”¹³ Несколькo удивляет в суждении Халиной уверенность о привлечении имевшегося “неиспользованного запаса” данных писцовых книг. Она высоко оценивает названную выше работу Л.В. Черепнина о Богословском и пользуется по ее собственным словам “его ценными наблюдениями и собранными материалами”¹⁴. Черепнин же совершенно ясно и четко указывает, какие из писцовых книг исследовал Богословский, осознававший “невозможность рассмотрения всех сохранившихся книг” и применявший выборочный метод¹⁵. Ни одна из этих писцовых книг не имела отношения к территории Севера России. Безусловно, работа над конкурсным сочинением, открывшая Богословскому многоуровневую информацию писцовых книг, не прошла даром. Ученый, исследуя вторую масштабную тему, конечно, не мог обойти высоко оцененного и им самим, и историографией того времени источника.

Решусь высказать следующее предположение касательно выбора Богословским проблемы для изучения. Обнаружение им в архивном судном деле 1641 г. ссылки на две статьи Судебника 1589 г. подтолкнуло его к изучению памятника, тем более, что имевшиеся мнения С.К. Богоявленского и М.Ф. Владимирского-Буданова о его значении и происхождении были прямо противоположны. Богословский написал о Судебнике две специальные статьи. Одна была опубликована в 1905 г., а другая много позже, в 1915 г. Ученый рассмотрел также Уставную грамоту Устьянским волостям 1539 г.¹⁶ Ясно, что в 1904–1905 гг., перед публикацией первой статьи, ученый работал в архиве над документами фонда “Приказные дела” (среди которых и обнаружил упоминание о Судебнике 1589 г.). Вероятно, он собирал уже материал о земском самоуправлении на Севере, а изыскания о действии норм Судебника могли укрепить ученого в верности избранной темы.

¹¹ Черепнин Л.В. Указ. соч. С 110.

¹² Там же. С. 108–109.

¹³ Халина Т.И. В науке приятно быть и простым чернорабочим: Михаил Михайлович Богословский // Историки России. XVIII–XX века. М., 1996. С. 668.

¹⁴ Там же. С. 659.

¹⁵ См.: Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 99.

¹⁶ Богословский М.М. К вопросу о Судебнике 1589 г. // ЖМНП. 1905. Дек.; Еще к вопросу о Судебнике 1589 г. // Там же. 1915. Дек.; ЧОИДР. М., 1907. Кн. 1. Отд. IV. Смесь.

В корректировке нуждается и другое высказывание Т.И. Халиной. Она полагает, что “идеологическая зашоренность советской историографии” (что само по себе верно) мешала “квалифицированной оценке” творчества М.М. Богословского и привела к тому, что его капитальные труды «попали “на полку забвения” и не были в полной мере востребованы советской исторической наукой»¹⁷. В этом суждении проступает неполная историографическая осведомленность автора.

Ученики Богословского Н.М. Дружинин, А.А. Новосельский, В.К. Яцунский, Н.А. Бакланова, упоминаемые Т.И. Халиной, продолжили и развили ряд направлений в отечественной истории, заложенные их наставником. Достаточно назвать фундаментальный двухтомный (как и у учителя) труд Дружинина “Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева” (М., 1946, 1958. Т. 1, 2.). В нем по объекту исследования, глубокой проработке источникового материала, широте регионального охвата, ряду поднимаемых вопросов (государственное управление и “крестьянское самоуправление”, рост населения деревни по районам, категории внутри разряда государственных крестьян, их правовое положение и т.п.) видна связь со штудиями Богословского как о земском самоуправлении на Русском Севере в XVII в., так и о преобразованиях в местном управлении начала XVIII в. Н.М. Дружинин, как известно, обосновал в этом труде концепцию “государственного феодализма”, получившую широкое признание.

А.А. Новосельский – знаток собраний архива древних актов, в том числе документов XVII в., открыл важные источники. Среди них: коллективные дворянские челобитные, отдаточные книги, документы хозяйства стольника А.И. Безобразова, представляющие собой частновотчинный архив. Ученый сосредоточил силы на исследовании проблемы колонизации, понимаемой именно как земледельческое освоение. М.М. Богословский внес большой вклад в изучение этой проблемы для Северного региона. Его ученик стал “исследователем колонизации южной окраины страны”¹⁸. Неоценимо введение Новосельским в науку “нетронутых” архивных документов о корпоративном устройстве провинциального города – дворянского выбора. Замечу, что последняя тема стала усиленно разрабатываться в отечественной историографии с конца 1970-х годов.

Историко-географические изыскания, проведенные Богословским для установления областного и административного деления Поморья, несомненно, нашли отклик и в творчестве В.К. Яцунского, который стоял у истоков становления исторической географии.

Нельзя сказать, что труд М.М. Богословского о земском самоуправлении был предан забвению. Он находится в постоянном научном обороте с 1950-х годов, определено. Его использовали комментаторы Судебника 1589 г. в академическом издании трех Судебников¹⁹, историки, в том числе сибиреведы, а также этнологи и археологи на протяжении 1960–2001 гг. во многих монографиях и статьях историко-географической и социально-экономической и иной тематики²⁰.

¹⁷ Халина Т.И. Указ. соч. С. 659.

¹⁸ Павленко Н.И. О научном наследии А.А. Новосельского // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVII вв.: сб. статей, посвящ. памяти А.А. Новосельского. М., 1975. С. 6–7.

¹⁹ Судебники XV–XVI веков. М.; Л., 1952.

²⁰ Витов М.В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. М., 1962; Власова И.В. Сельское расселение в Устюжском крае в XVIII – первой четверти XX в. М., 1976; Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984; Мака-

Организация в 1967 г. Вологодского проблемного объединения по аграрной истории Европейского Севера СССР и в 1969 г. бюро Северного отделения Археографической комиссии АН СССР под председательством П.А. Колесникова способствовала активному изучению истории Севера и вовлечению в эти штудии данной книги М.М. Богословского. Инициативы Северного отделения Археографической комиссии были направлены, прежде всего, на публикацию писцовых и переписных книг по северным уездам, продолжавшуюся на протяжении более чем 20 лет, т.е. именно тех источников, разработка которых Богословским легла в основу многих глав первого тома: об административном делении обширнейшего северного региона и географической локализации его уездов и волостей, о демографии поморского населения. Колесников, автор исследований о северной деревне на протяжении XVI–XIX вв., высоко оценивал исследование Богословского. Он писал: “Невозможно изучать историю обширного Севера, не пользуясь фактическим материалом этой книги. В ней мы находим историко-географический очерк Поморья XVII в. и карту края, сведения о различных категориях населения и северных уездов и городов... Главное внимание исследователь уделил изучению самоуправления крестьянских и городских миров Севера, пытаясь показать процесс разложения самоуправления не только под влиянием фискальной политики правительства, но и под влиянием внутреннего развития экономической и общественной жизни края”. Позже в монографии 1976 г. ученый, приведя необходимые по тому времени “критические замечания” о преимущественном внимании Богословского к юридическо-правовой стороне самоуправления из-за его принадлежности к либерально-буржуазному направлению историографии рубежа XIX–XX вв., высказался о значении труда Богословского. Непосредственно за этим формально-критическим пассажем следовало: “Внимательный советский (выделено мной. – Е.Ш.) исследователь найдет в книге конкретный материал о северной крестьянской общине, о соотношении подворного и общинного землепользования, о влиянии внутреннего развития экономической и общественной жизни края на самоуправление и формы классовой борьбы”²¹. Попутно замечу, что страницы труда Богословского о социальной розни в посадской и сельской среде написаны сочно и ярко.

Н.Е. Носов в монографии “Становление сословно-представительных учреждений в России”, посвященной как раз земской реформе Ивана Грозного и хронологически предварающей труд Богословского, в специальной главе

ров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. М., 1997. Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001. См. также: Устюгов Н.В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957; Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. М., 1964; Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969; Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М., 1972; Покровский Н.Н. Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV – начала XVI в. Новосибирск, 1973; Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX века. Вологда, 1976; Бакланова Е.Н. Крестьянский двор и община на Русском Севере. Конец XVII – начало XVIII в. М., 1976; Копанев А.И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. Он же. Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984; Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991; Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне России. Поморье в XVII веке. М., 1997; Вершинин Е.В. Воеводское управление Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998; и др.

²¹ Колесников П.А. История Европейского Севера СССР феодальной и капиталистической эпох в до-революционной и советской историографии // Вопросы аграрной истории. Вологда, 1968. С. 479; Он же. Северная деревня... С. 15.

рассматривает проведение земской реформы на черносозном Севере. Он оценивает работу своего предшественника как “капитальное исследование”. В нем “приводится исключительно богатый материал не только по вопросам местного управления, но и по экономическому быту всего Поморья в XVII в. ...” Носов, как известно, был привержен точке зрения о вызревании на Севере предбуржуазных отношений с XVI в., поэтому он продолжает: “Даже при общем знакомстве с его (Богословского. – *Е.Ш.*) наблюдениями наглядно видно, что характеризуемый им процесс социального расслоения черносозной деревни XVII в. начался (и автор это неоднократно и специально подчеркивает) в большинстве районов Поморья еще в XVI в. и протекал там, видимо, в очень схожих формах с экономическими процессами, характерными для Двинского края”²².

В.А. Александров и Н.Н. Покровский, авторы монографии о власти и обществе в Сибири XVII в., говорят о “ставшем классическим” исследовании М.М. Богословского. Такую квалификацию заслуживает работа, активно востребованная учеными. Соавторы пишут: «В этой фундаментальной работе М.М. Богословский всеобъемлюще охарактеризовал жизнь крестьянских миров с их сложной структурой, системой выборных органов и многообразием повседневных общественных, хозяйственных и бытовых функций. Он теоретически обосновал понятие сословно-представительной монархии, назвав Московское государство периода середины XVI – середины XVII в. самодержавно-земским и считая, что далее оно превращается в самодержавно-бюрократическое, коль скоро “правительственным орудием, через которое действует в государстве верховная власть, все заметнее становится бюрократия”. М.М. Богословский четко обрисовал этот новый элемент управления, воплотившийся на местах в системе воеводской власти, и следствия его развития для судеб мирского начала. Его заключения интересны еще и потому, что он имел основание считать самоуправление на Севере пустившим глубокие корни, наиболее долговечным и прочным”²³. Соавторы привлекают достижения труда Богословского, выясняя сложную задачу об имеющейся (или должной быть) степени соответствия сословно-представительной монархии и централизации государства. Они убедились в действенной жизненности общерусских закономерностей в Сибири, где взаимоотношения миров у разных сословных категорий “с местной и центральной властью подчинялись единым для России принципам сословно-представительной монархии”²⁴.

Приведенные высказывания ученых единодушны в глубокой и высокой оценке произведения Богословского о земском самоуправлении на Севере, хотя каждое из них соответствует ракурсу исследования того или иного автора. Еще раз отмечу, что, несмотря на отсутствие целостного историографического разбора, труд Богословского о земском самоуправлении находится в постоянном научном использовании, особенно усилившемся в 1970–1990 гг.

Остановлюсь на некоторых вопросах этой фундаментальной книги. Богословский впервые в отечественной историографии обстоятельно показал состояние административно-территориального деления Севера XVII в., которое органично складывалось в предыдущие века. “Административная карта Поморья в XVII в. – это причудливый узор, выведенный историей, создавшей ме-

²² Носов Н.Е. Указ. соч. С. 284–285.

²³ Александров В.А., Покровский Н.Н. Указ соч. С. 15.

²⁴ Там же. С. 352.

стные разнообразия, а не геометрический чертеж, построенный законодателем, руководившимся началом единства и стиравшим все местные особенности”²⁵. Ученый рассмотрел территориальное деление на двух уровнях – уездном и волостном, выявил обусловленность расселения природными факторами, привязанность поселений к рекам и озерам. Неоценима проделанная Богословским работа по локализации волостей по всему Поморью. Составленным им списком пользовались В.А. Кучкин для установления владений Ростовского княжества в Подвинье и Н.Е. Носов – для ретроспективного выяснения территорий поморских “земель” в XV–XVI вв. Археолог Н.А. Макаров привлекал наблюдения М.М. Богословского при изучении древнерусской колонизации и расселения в Белозерье, Посухонье²⁶.

Книга содержит подробные количественные данные, извлеченные из источников, о составе и численности населения по всем уездам Поморья. Историк охарактеризовал северную деревню так, словно ввел читателя в нее. Он показал, что деревня рационально сочетала место обитания и сельскохозяйственный угодья. При этом он основывался на глубокой проработке сведений писцовых книг и делопроизводственных материалов Устюжской и Новгородской четвертей. Наблюдения и выводы ученого были восприняты историографией, как современной ему, так и позднейшей. Они имели большое значение для дисциплин, оформившихся во второй половине XX в. в самостоятельные – исторической географии, включая топонимику, и демографии.

Богословский уделил достаточное внимание мало исследованному на то время вопросу о сущности землевладения насельников Севера. Для ответа на него и, главное, понимания, какая земля называлась черной, историк обратился, прежде всего, к общественным группам, на которых лежали обязанности по отношению к государству. Таковы черные люди, они – “разновидность тяглых людей, это тяглецы, жившие и трудившиеся на государственной земле, посадские люди или государственные крестьяне”. В противоположность им беломестец – человек нетяглый, служилый, “обладающий правом собственности на землю”. Белая земля, свободная от тягла, во-первых, и “составлявшая предмет частной собственности”, во-вторых; «“обелить”, – поясняет ученый, – столько же значит освободить от тягла, сколько утвердить в праве собственности»²⁷. Обращаясь к значению термина “черный” в Древней Руси, Богословский говорит: “Чернь – это то же, что мир, весь мир в смысле общества. Черная земля – это земля, не составляющая ничьей частной собственности, ничья, общая мирская”²⁸.

Историк поставил также вопрос о праве черных крестьян в XVII в. на занимаемую ими землю. Он предостерегал исследователей от заблуждения в оценке этого права, к которой могут привести сохранившиеся документы, ведь крестьяне – “владельцы черной земли совершают на свои участки все акты распоряжения...” Поэтому создается впечатление, что владельцам принадлежит право собственности на их участки. Ученый показал по документам бытование сделок купли-продажи, соотнес их с наследованием земли, проследил отношение правительства и его практическую деятельность касательно распоряжения крестьян черной землей. Он пришел к заключению, что достаточно ясен “взгляд правительства XVII в. на черную землю, как на землю,

²⁵ Богословский М.М. Земское самоуправление... Т. 1. С. 9.

²⁶ Кучкин В.А. Указ. соч. С. 267–279; Носов Н.Е. Указ. соч. С. 512–521; Макаров Н.А. Колонизация северных окраин... С. 47.

²⁷ Богословский М.М. Земское самоуправление... Т. 1. С. 50–51.

²⁸ Там же. С. 52.

находящуюся в собственности государства и лишь во владении крестьян”²⁹. Подводя итог всему исследованию, Богословский оценил положение северных крестьян следующим образом: “Кажется, состояние черных крестьян в XVII в. можно обозначить как состояние крестьян, живущих на черной государственной земле, прикрепленных к волостным обществам и обязанных самоуправляться в интересах государственного казначейства. Так, по крайней мере, смотрели на них в правительственных сферах XVII в.”³⁰ В трактовке землевладения черносошных крестьян ученый проявил свойственную ему сдержанность в выражениях: “кажется состояние... крестьян... можно обозначить”, “так... смотрели на них в правительственных сферах” или “правительство видело”. Полагаю, конкретный материал, которым он оперирует, гораздо многообразнее только правовых отношений крестьян и правительства.

Вопрос о сущности землевладения черносошных крестьян, который столь обстоятельно охарактеризовал Богословский, приобрел особую актуальность, и даже дискуссионность в отечественной историографии 1960–1970-х годов. Полемику вели ленинградские и московские ученые в связи с двумя крупными проблемами социально-экономической истории России: во-первых, эволюция феодальной земельной собственности в XIV–XV вв., а во-вторых, вызревание раннебуржуазных отношений с XVI в. Одни – И.И. Смирнов, Н.Е. Носов, А.И. Копанев, Ю.Г. Алексеев и другие полагали, что черносошные крестьяне Центра и Севера были собственниками своих участков земли, ибо свободно ими распоряжались при номинальной власти великого князя. Другие ученые – Л.В. Черепнин, Н.Н. Покровский, А.Д. Горский, А.М. Сахаров считали черносошное землевладение одной из разновидностей феодальной собственности, когда крестьянин был владельцем своей земли с правом распоряжения при верховной собственности великого князя. По третьему мнению – А.Л. Шапиро, П.А. Колесникова – черносошное землевладение – разделенная собственность крестьянской общины и государства (класса феодалов) в целом. Продолжавшаяся длительное время дискуссия была отмечена несколькими значительными вехами. Специалисты противоположных точек зрения на состоявшейся в 1978 г. XVII сессии Симпозиума по изучению проблем аграрной истории обсуждали вопрос о соотношении государственной и сеньориальной форм собственности на Руси и в странах Западной Европы в XIV–XVI вв., о формах феодальной собственности в России на протяжении XV–XVII вв.³¹ Спустя 10 лет, в 1988 г., та же проблема звучала в сравнительно-историческом аспекте с преимущественным вниманием к типологическим вариантам феодальной собственности, степени ее эволюции³². Последним по времени появления откликом на означенную тему стала книга “Собственность в России: средневековье и раннее новое время” (М., 2001). В ней коллектив авторов, не во всем единомышленников, предложил свое видение проблемы собственности, главным образом, на землю за длительный период IX–XVIII вв. В центре внимания находится выяснение формирования, соотношения и трансформации разных форм собственности, а также складывание представлений о ней в общественном сознании и правовой мысли в доиндустриальной России, где государственная форма собствен-

²⁹ Там же. С 53–61.

³⁰ Там же. Т. 2. С. 310.

³¹ Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпоху // Материалы XVII сессии Симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Ростов н/Д, 1980.

³² Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии: проблемы гос. собственности и гос. эксплуатации. М., 1988.

ности была широко представлена (во времени и пространстве). В ее орбите как раз и находились черносошные земли Севера, а прерогативы государства выражались во властных и управленческих функциях по отношению к жившим на них крестьянам. Богословский пронизательно уловил существовавшее положение вещей.

Не менее актуален вопрос, поднятый Богословским, – это место и роль земского самоуправления в системе государственной власти. Он изучен через призму развивающейся в XVII в. чиновничьей бюрократии. “Механизм бюрократического управления представляет собой иерархически построенную систему должностных лиц, основанную на подчинении низших высшим и всю проникнутую недоверием высших к подчиненным”. При подобном способе управления “приказный” проходит ступени возвышения благодаря своим личным достоинствам и дарованиям. Достигнув самого верха, он склонен переоценивать свои способности, и “отсюда та самоуверенность и сомнение, та привычка считать себя единственным обладателем знания и умения, то высокомерие к остальному обществу, которые отличают приказного дельца. Он имеет исключительное право на знание, он готов считать себя всеведущим. Общество, над которым он так высоко взлетел, кажется ему темной массой, которую он призван руководить с своего высокого верха, куда голос общества до него не долетает”³³. Такова оценка бюрократа, которую дал ученый, и она проистекает из глубокого знания функционирования местного управления XVII – начала XVIII в.

Местное управление возглавляли воеводы. Причины введения воеводской власти Богословский видел в необходимости обеспечения государственных потребностей порядка, безопасности, своевременного и полного поступления налогов в казну. Воеводы в северные города назначались теми приказами, которым административно подчинялся тот или иной уезд. При назначении они получали в четверти наказ, в котором фиксировались их обязанности. “Содержание поморских воеводских наказов проникнуто двумя основными чертами: узко-фискальным стремлением и бюрократическим недоверием”. Из наказа ясна и подконтрольность воевод четверти. Наказы воеводам, распоряжения и всякого рода запросы, посылаемые им из четверти, ответные отписи и запросы самих воевод характеризуют двухстороннюю связь центрального и местного аппаратов управления, а также руководящую и контрольную роль четверти по отношению к местной администрации. Ученый отмечает большую обстоятельность наказов воеводам, прямо-таки их дотошность. Действия воеводы в той или иной ситуации достаточно строго регламентировались, а его переписка с четвертью свидетельствовали, что воевода за разрешением сколько-нибудь серьезного вопроса обращался в центр.

Богословский подытоживает свои рассуждения о воеводском управлении, главная задача которого “сквозит в каждой статье наказов. Не благосостояние местности, не общее благо населения имеют в виду все эти многочисленные, иногда нескладно выраженные и по несколько раз в одном и том же наказе повторенные предписания, а исключительно только интересы фиска, казенную прибыль, своевременное поступление сборов, отсутствие или, по крайней мере, наименьшие размеры недоимок. Параллельно с этим узко-фискальным взглядом на деятельность местной администрации в наказах повсюду виден чисто бюрократический дух недоверия высших органов власти к низшим, начальствующим к подчиненным. Подчиненный лишен всякой самосто-

Богословский М.М. Земское самоуправление... Т. 2. С. 261, 262.

тельности, связан по рукам и ногам, шагу не может ступить без разрешения высшей инстанции”³⁴. Историк не скрыл своего явно негативного отношения к воеводской администрации, находившейся под мелочным надзором и опекой четверти. Он полагал, что отсутствие у воевод свободы действий и их постоянная обязанность сноситься с четвертью имели своей оборотной стороной как раз злоупотребления властью³⁵.

Думаю, данная оценка ученым местного управления проистекает из достаточно определенной разграниченности задач и функций учреждений XVIII–XIX вв. Если обратиться к резолюциям на документах дьяков в четвертях, то они сплошь и рядом не решают рассматриваемого вопроса, многократно возвращаются к нему, а нередко выносят его на рассмотрение Боярской думы. И в этом – не только крючкотворство и алчное мздоимство всемогущих дьяков (хотя игнорировать это обстоятельство нельзя). Думаю, нужно задаться вопросом, были ли подобные черты особенностью только российского приказного аппарата? Выработанная приказной практикой формула – “и о том, что ты, государь, укажешь” – наверное, не есть свидетельство некомпетентности руководителей четвертей.

Богословский обратил внимание на сходство обязанностей – финансовых, судебных и полицейских, исполнявшихся как воеводским аппаратом, так и органами земского самоуправления. Действительно, сосуществование на Севере двух разных по характеру управленческих структур вело к известному параллелизму. Ученый обратил внимание на полную самостоятельность миров в проведении выборов, в которые воеводы не могли вмешиваться. Вместе с тем он писал о двойственности характера выборных земских властей: “Оставаясь земскими по своему происхождению путем выборов, они становились государственными по источнику своих полномочий, даваемых им государственной властью, и по тем целям, во имя которых они должны были действовать”³⁶. В этой мысли ученого, как мне кажется, превалирует государственное начало, которое подчиняет выборное. Он не считал северную волость общиной и потому в его трактовке земское самоуправление отделено от землеводства.

Община же представляла собой замкнутую социальную систему, что всецело относится и к черносошной ее форме. Должностные лица такой общины самостоятельны в своих действиях, периодически сменялись, их выбор не зависел от государственного вмешательства. Мирской аппарат, как традиционная управленческая структура общины, действовал в согласии с обычаем и решал разнообразные земельные, тягло-финансовые и другие насущные дела. Дальнейшие исследования развили направление, основание которого заложил Богословский, и показали, что государственное местное управление не могло обойтись без земского звена³⁷.

Я остановилась лишь на нескольких из ряда важных проблем, поднятых в двухтомной монографии Богословского. Она была первым в российской историографии столь масштабным трудом, по истории такого крупного и отличного от поместно-вотчинного Центра региона, какой представлял собой Поморье. Безусловной ценностью книги стало введение в исследование новых по тому времени источников, содержащих массовый материал – писцо-

³⁴ Там же. С. 271–275.

³⁵ Там же. С. 268.

³⁶ Там же. Т. 1. С. 321.

³⁷ См. об этом: Швейковская Е.Н. Указ. соч. С. 232–246; Александров В.А., Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 171.

вых и переписных книг XVII в., разнохарактерных документов делопроизводства двух крупнейших приказов-четвертей Новгородской и Устюжской, а также местных приказных и земских изб.

Что же кажется важным в сочинении Богословского с точки зрения современного познания исторического процесса? Оно вполне вписывается в современное направление трудов по локальной истории. Главное в нем не регионально-территориальный принцип, а анализ реальных социальных структур локального уровня, характеристика конкретных общностей и лиц. Региональное общество предстает из него как целостность. В этом вижу непреходящее значение фундаментального труда Богословского.

Е.В. Неберекутина

“ЗАСТУПНИК РОДА ИСТОРИЧЕСКОГО”

**(Деятельность М.М. Богословского
в Экспертной комиссии ЦЕКУБУ)**

В последние годы научное наследие М.М. Богословского становится все более востребованным. И это понятно, работы столь крупного талантливому ученого, созданные на основе огромного фактического материала, не могут не привлекать внимания исследователей. Но хотелось бы воздать должное памяти М.М. Богословского не только как ученого, но и как человека.

Лучшие черты характера Михаила Михайловича, отмечавшиеся людьми, близко его знавшими, его обязательность, добросовестность, честность и принципиальность, отзывчивость и чуткость¹ зримо проявились и, можно сказать, воплотились в конкретных делах в те трудные 1920-е годы, когда он состоял членом Экспертной комиссии при Центральной комиссии по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ). ЦЕКУБУ была создана при Совете Народных Комиссаров (СНК) в конце 1921 г. и действовала до 1931 г., когда ее сменила Комиссия содействия ученым (КСУ), значительно сузившая круг поддерживаемых ученых (до 1,5–2 тыс. человек).

История образования и деятельности этого весьма своеобразного учреждения первых лет советской власти еще ждет своего исследователя. В данной статье обозначим только основные вехи его создания.

Тяжелое положение интеллигенции после Октябрьской революции хорошо известно, ведь она сразу попала в разряд “классово-чуждых” элементов. Даже новая власть признавала, что положение научных работников в 1918–1921 гг. было значительно хуже положения рабочих. В провинции же оно было просто отчаянным. Это было время, “когда ценность одного фунта черного хлеба почти не поддавалась никакому учету, так как она подчас становилась равносильной ценности самой жизни”².

В конце 1919 г. эта проблема впервые стала предметом обсуждения в Совнарком, результатом чего явилось постановление³, по которому специа-

¹ См.: Мельников А.В. М.М. Богословский в воспоминаниях современников // АЕ за 2000 год. М., 2001. С. 280–300.

² Халатов А. Предисловие // Пять лет работы ЦЕКУБУ при СНК РСФСР. 1921–1926. М., 1927. С. 3.

³ Декрет Совета Народных Комиссаров об улучшении положения научных специалистов принят 23 декабря 1919 г. с пометой “Не публиковать”. См.: Декреты Советской власти. М., 1974. Т. 7. С. 427–428.

листы освобождались от всякого рода повинностей (трудовой, военной и т.д.) и усиливалось их довольствие. Вводились так называемые академические пайки⁴, первоначально в количестве 500 (250 – по Москве и 250 – по Петрограду), а для провинции пайков и не предусматривалось.

Для исполнения постановления от 23 декабря 1919 г. была учреждена особая Комиссия под председательством М.Н. Покровского⁵, вошедшего в нее от Наркомпроса. В состав комиссии были введены представители ВСНХ (Л.Я. Карпов⁶), Наркомпрода (В.Н. Яковлева⁷, замененная вскоре А.Б. Халатовым⁸) и Наркомздрава (Н.А. Семашко⁹), а также А.М. Горький. Постепенно Комиссия стала расширять круг лиц, получающих академический паек. Так, в ноябре 1921 г. в Москве было выдано 3900 основных и 2 тыс. семейных пайков, в Петрограде – 3700 основных и 2 тыс. семейных, в провинции – 901 основной паек. При этом в число лиц, получающих академический паек, были включены и деятели литературы и искусства¹⁰. Следующим шагом в деле нормализации обеспечения научных работников было создание в начале 1920 г. в Москве и Петрограде пока под эгидой профсоюзов и Наркомпроса комиссий по улучшению быта ученых (МосКУБУ и ПетроКУБУ). Выдающую роль в создании и деятельности Петроградской КУБУ сыграл ее председатель А.М. Горький, а также непреходящий секретарь Российской Академии наук С.Ф. Ольденбург¹¹. В Московской КУБУ, возникшей немного позднее, большую работу проводили представители Моссовета Л.Б. Каменев и Н.А. Семашко, а также С.А. Чаплыгин¹² (от группы старших преподавателей высших учебных заведений).

⁴ По академическому пайку выдавалось: муки – 35 ф., мяса – 15 ф., рыбы – 5 ф., крупы – 12 ф., гороха – 6 ф., сахара – 2,5 ф., жиров – 4 ф., соли – 2 ф., мыла – 1 ф., табака – 0,75 ф., кофе – 0,5 ф. и 5 коробков спичек. См.: Шесть месяцев работы Центральной комиссии по улучшению быта ученых при СНК (ЦЕКУБУ): крат. отчет. М., 1922. С. 5.

⁵ Покровский Михаил Николаевич (1868–1932) – историк, академик (1929), партийный и государственный деятель. Председатель Моссовета (ноябрь 1917 – июнь 1918 г.). С мая 1918 г. до конца жизни – зам. наркома просвещения РСФСР. Заведовал Академическим центром и возглавлял Государственный ученый совет, стоял во главе Социалистической академии и целого ряда институтов и печатных органов.

⁶ Карпов Лев Яковлевич (1879–1921) – химик-технолог, революционный и государственный деятель, один из основателей советской химической промышленности. По его инициативе в 1918 г. была организована Центральная химическая лаборатория ВСНХ (ныне Физико-химический институт им. Л.Я. Карпова).

⁷ Яковлева Варвара Николаевна (1884–1941) – партийный и государственный деятель. С 1917 г. – в ВСНХ, ВЧК, Наркомпроде. В 1920–1922 гг. – секретарь МК, Сиббюро ЦК РКП(б). В 1929–1937 гг. – нарком финансов РСФСР.

⁸ Халатов Арташес (Артемий) Баградович (1896–1938) – партийный и государственный деятель. В 1918–1923 гг. – член продовольственного отдела Моссовета, комиссар Московского областного продовольственного комитета, член коллегии Наркомпрода РСФСР, председатель комиссии СНК по рабочему снабжению. С 1921 по 1931 г. – председатель ЦЕКУБУ. В 1927–1932 гг. – председатель правления Госиздата и ОГИЗа РСФСР.

⁹ Семашко Николай Александрович (1874–1949) – врач, академик АМН (1944) и АПН РСФСР (1945), партийный и государственный деятель. В 1918–1930 гг. – нарком здравоохранения РСФСР.

¹⁰ Шесть месяцев работы ЦЕКУБУ... С. 6.

¹¹ Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934) – востоковед-индолог, академик (1900), приват-доцент (с 1889 г.), профессор (с 1894 г.) Петербургского ун-та, министр народного просвещения (июль–сентябрь 1917 г.), непреходящий секретарь АН (1904–1929), директор Института востоковедения АН СССР (1930–1934).

¹² Чаплыгин Сергей Алексеевич (1869–1942) – математик, один из основоположников гидроаэродинамики, академик (1929); чл.-корр. (1924), профессор Московского ун-та (1903–1911), директор Московских высших женских курсов (1905–1918), в 1918 г. совместно с Н.Е. Жуковским участвовал в создании Центрального аэрогидродинамического ин-та (ЦАГИ), с 1921 г. – член коллегии, в 1928–1931 гг. – его директор.

Меры эти, конечно, не могли решить проблемы не только работы, но и просто выживания ученых. Положение осложнялось тем, что многие высшие учебные заведения были или закрыты, или реорганизованы, и часть сотрудников, потерявших работу, лишилась и обеспечения. За несколько послереволюционных лет (с 1918 по 1922 г.) российская наука понесла тяжелейшие утраты. Когда печатный орган ПетроКУБУ опубликовал далеко не полный список ученых, умерших за этот период, в нем оказалась 351 фамилия¹³. А.М. Горький предостерегал: «Если... процесс вымирания ученых будет продолжаться с такой быстротой, наша страна может совершенно лишиться мозга»¹⁴.

С особенной силой наболевшие вопросы прозвучали на Всероссийской конференции высших учебных заведений, созванной в июле 1921 г. Коллегия Наркомпроса, проведенная по итогам этой конференции, признала необходимым «прийти на помощь работникам ВУЗ и оказать им всемерную поддержку»¹⁵, для чего «1) приступить в срочном порядке к организации Кооператива работников ВУЗ с привлечением к работам профессуры и студенчества¹⁶; 2) использовать связи с границей»¹⁷. Материалы этой конференции, многочисленные заявления и обращения выдающихся деятелей российской науки и культуры сделали очевидной острую необходимость коренным образом пересмотреть отношение власти к нуждам научных работников.

Переход к нэпу также неблагоприятно сказался на положении ученых, так как вслед за его введением последовал резкий скачок цен на все товары при сохранении старых окладов работникам. Именно в этот момент Л.Д. Троцкий писал В.И. Ленину: «Владимир Ильич, по-видимому, ученым нашим действительно грозит вымирание под флагом “нового курса”. Надо выделить группу действительных ученых и обеспечить их академическим пайком и повышенным окладом. Если перемрут, придется долго восстанавливать “преемственность”»¹⁸. И вот, наконец, под давлением всех этих обстоятельств 10 ноября 1921 г. Совнарком образовал Постоянную комиссию для всероссийского обследования и улучшения быта ученых, более известную как Центральная комиссия по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ). В ее состав вошли: М.Н. Покровский и В.П. Волгин¹⁹ (от Наркомпроса), Я.И. Гиндин²⁰ (от ВСНХ), А.А. Новицкий²¹ (от Наркомфина) и Ф.В. Кипарисов²²

¹³ Наука и ее работники. Пг., 1921. № 3. С. 34–38; 1922. № 2. С. 45–50; 1922. № 5. С. 37–40.

¹⁴ Горький М. Что такое наука? // Наука и ее работники. Пг., 1920. № 1. С. 5.

¹⁵ Протокол № 39 (437) от 11 августа 1921 г. см.: ОПИ ГИМ. Ф. 54 (Наркомпрос). Ед. хр. 10. Л. 134.

¹⁶ Эта мера была вызвана тем, что первоначально распределением пайков занимались технические служащие университетов, институтов и других организаций, которые часто просто обворовывали профессорско-преподавательский состав. Об этом, например, см.: *Стратонов В.* Потеря Московским университетом свободы // Московский университет. 1755–1930: юбил. сб. Париж, 1930. С. 289.

¹⁷ Вопрос о восстановлении связей с границей стоял очень остро ввиду прекращения закупок научного оборудования, различных реактивов и новой научной литературы.

¹⁸ Москва. Совнарком / публ. И.А. Ревякиной и И.Н. Селезневой // *Вестн. РАН.* 1994. № 12. С. 1103.

¹⁹ Волгин Вячеслав Петрович (1879–1962) – историк, общественный деятель, академик (1930), в 1921–1923 гг. – председатель Совета по высшей школе Наркомпроса.

²⁰ Гиндин (наст. фамилия Гинзбург) Яков Исаакович (1892–1938), – партийный и хозяйственный работник. В 1918–1921 гг. – зав. отделом Наркомата труда, с 1922 г. – на руководящей работе в ВСНХ, Наркомснабе, органах Рабоче-крестьянской инспекции, член Малого Совнаркома.

²¹ Новицкий А.А. (1894–?) – хозяйственный работник. С 1918 г. – зав. губернскими финансовыми отделами в Петрограде и Киеве, с 1921 г. – начальник бюджетного управления РСФСР, секретарь золотвалютной комиссии, член Малого Совнаркома, представитель Наркомфина в СТО.

²² Кипарисов Федор Васильевич (1896–1936) – профсоюзный и партийный деятель, по образованию филолог-классик. После октября 1917 г. занимал ряд важных должностей в аппарате ЦК РКП(б), профсоюзах и Наркомпросе. С 1928 г. – зам. председателя ГАИМК, с 1934 г. (после смерти Н.Я. Марра) – и.о. председателя, профессор Ленинградского историко-лингвистического ин-та, директор Института книговедения (1932–1933), председатель Комитета по планированию археологических работ сектора науки Наркомпроса.

(от ЦК Союза работников просвещения). Ранее созданные Московская и Петроградская комиссии поступали в подчинение ЦЕКУБУ²³.

В течение месяца Комиссия провела колоссальную работу и внесла в Совнарком свои предложения. Результатом явилось постановление СНК от 6 декабря 1921 г. Этим постановлением с 1922 г. вводилось дополнительное академическое обеспечение для 7 тыс. научных работников и состояло из: а) академического пайка, получаемого всеми зарегистрированными ЦЕКУБУ научными работниками, кроме того, на каждого нетрудоспособного члена семьи выдавалось еще половинная доля пайка (но не более чем на 3-х человек); б) предметов широкого потребления, одежды и обуви; в) денежной части, выдаваемой в дополнение к должностным окладам. Размер денежных выплат находился в зависимости от квалификационного разряда научных работников и составлял (в пересчете на довоенные рубли) для I разряда 5 руб., для II – 7 руб. 50 коп., для III – 12 руб. 50 коп., для IV – 25 руб., для V – 50 руб. В мае 1922 г. он был увеличен для первых четырех разрядов в 4, и для пятого – в три раза²⁴. Для научных работников ЦЕКУБУ установила V разрядов в порядке восходящей квалификации: I – начинающие молодые ученые, имеющие хотя бы одну самостоятельную работу; II – преподаватели и научные работники вузов и научных учреждений, имеющие научные и научно-учебные труды; III – крупные ученые с большим стажем и значительным количеством научных работ, могущие руководить подготовкой специалистов; IV – выдающиеся ученые, являющиеся представителями крупных научных направлений и школ и могущие назвать самостоятельных научных сотрудников, как своих учеников; V – выдающиеся ученые мирового значения. В ноябре 1925 г. разряды были заменены на три группы. К первой (А) группе были отнесены высококвалифицированные ученые; ко второй (Б) – основная масса научных работников, к третьей (В) – начинающие ученые²⁵. Тем самым ЦЕКУБУ определила основания для отнесения научных работников к той или иной категории. А для практического решения этой задачи была создана Экспертная комиссия, приступившая к работе 18 февраля 1922 г. В нее вошли: председатель – зам. наркома просвещения М.Н. Покровский, зам. председателя – член ГУСа²⁶ В.Н. Волгин (позже О.Ю. Шмидт). Членами Комиссии стали: от Российской Академии наук А.П. Павлов²⁷ (позже А.Н. Северцов²⁸) и М.М. Богословский, от ВСНХ – М.Я. Лапиров-Скобло²⁹, от Наркомздрава – В.М. Броннер³⁰, от Наркомпроса –

²³ Шесть месяцев работы ЦЕКУБУ... С. 8.

²⁴ Там же. С. 10–11.

²⁵ Пять лет работы ЦЕКУБУ... С. 11–12.

²⁶ Государственный ученый совет (ГУС) был образован декретом СНК от 4 марта 1919 г. как руководящий методический центр Наркомпроса РСФСР. Утверждал учебные планы, программы и учебные пособия для школ всех уровней, а также преподавателей вузов. Существовал до 1932 г.

²⁷ Павлов Алексей Петрович (1854–1929) – геолог, палеонтолог, профессор Московского ун-та (с 1886 г.), академик (1916; чл.-корр. 1905).

²⁸ Северцов Алексей Николаевич (1866–1936) – биолог, основоположник эволюционной морфологии животных, профессор Московского ун-та (1911–1930), академик АН СССР (1920) и АН УССР (1925).

²⁹ Лапиров-Скобло М.Я. (1888–1947) – крупный специалист в области электротехники, доктор технических наук, профессор (1924). С 1918 г. управляющий делами и член коллегии научно-технического отдела ВСНХ, сотрудник Государственной комиссии по электрификации России. Один из организаторов Всесоюзного электротехнического ин-та. В 1932–1937 гг. – директор Центрального НИИ связи.

³⁰ Броннер Вольф Моисеевич (1876–1937) – врач, общественный деятель. С 1918 г. занимал ответственные посты в Наркомздраве. С 1924 г. – член коллегии Главпрофобра РСФСР и председатель медицинской методической комиссии. В 1921 г. по его инициативе основан Государственный венерологический институт (в 1932–1937 гг. – директор этого института, который с 1926 г. носил его имя). В 1931–1935 гг. – зав. кафедрой Центрального ин-та усовершенствования врачей.

И.И. Гливенко³¹ позже Н.Л. Мещеряков³²), от Социалистической академии – А.Д. Удальцов³³.

За время с февраля 1922 по апрель 1926 г. Экспертная комиссия рассмотрела 22 тыс. анкет и 2300 заявлений о пересмотре квалификации, а также была установлена примерная квалификация свыше 500 умерших научных работников, семьями которых были возбуждены ходатайства о назначении персональных пенсий. Кроме того, Экспертная комиссия рассматривала работы, выставляемые на получение премий (Положение о них было утверждено СНК 3 января 1922 г.). За 1922–1926 гг. было премировано 257 работ, из них 44 – гуманитарного профиля (члены Экспертной комиссии не имели права выставлять на премии свои ученые работы)³⁴.

За сухими цифрами статистики стоят судьбы живых людей. Материалы фонда М.М. Богословского, хранящегося в Отделе письменных источников ГИМ (Ф. 442), дают возможность ближе прикоснуться ко многим из этих судеб. Только в сохранившихся письмах к М.М. Богословскому можно насчитать до сотни обращений с просьбами помочь получить пенсию или перевестись в более высшую научную категорию. Обращались к нему и лично, и через знакомых, почти треть обращений шла через С.Ф. Платонова³⁵, с которым у М.М. Богословского были теплые дружеские отношения, полное взаимопонимание и откровенность. В частности, через С.Ф. Платонова к М.М. Богословскому обращались с просьбами о помощи при назначении пенсий, практически, все вдовы петроградских ученых. 11 июня 1924 г. С.Ф. Платонов, как бы извиняясь, писал М.М. Богословскому: “О Вашем участии в Экспертной комиссии узнали, кажется, все Питерские вдовы ученых и часто просят меня Вам о них писать”³⁶.

Всех людей, в судьбе которых М.М. Богословский принял участие, в рамках данной статьи назвать невозможно. Вот только некоторые имена: О.Н. Азаревич, дочь Н.В. Калачова³⁷, внучки С.М. Соловьева³⁸ и

³¹ Гливенко Иван Иванович (1868–1931) – филолог, литературовед, профессор Харьковского, затем Московского ун-тов. С 1918 г. занимал ответственные посты в Наркомпросе, в 1921–1923 гг. – зав. Главнаукой Наркомпроса.

³² Мещеряков Николай Леонидович (1865–1942) – деятель революционного движения, публицист, чл.-корр. АН СССР (1939). С 1918 г. занимал ответственные посты в Наркомпросе, в 1920–1924 гг. – председатель редколлегии Госиздата, в 1924–1932 гг. – зам. главного редактора БСЭ, в 1927–1938 гг. – главный редактор 1–2-го изданий МСЭ.

³³ Удальцов Александр Дмитриевич (1883–1958) – историк, чл.-корр. АН СССР (1939).

³⁴ Пять лет работы ЦЕКУБУ... С. 11, 13.

³⁵ Платонов Сергей Федорович (1860–1933) – историк, академик АН (1920; чл.-корр. 1909), профессор Петербургского ун-та, директор Женского педагогического ин-та (1903–1916), председатель Археографической комиссии АН (1918–1929), директор Пушкинского Дома (1925–1929), директор БАН (1925–1928).

³⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 442. Ед. хр. 54. Л. 132. Далее при ссылках на этот фонд указываются только единицы хранения и листы.

³⁷ Письма дочери академика Н.В. Калачова (1819–1885) Ольги Николаевны Азаревич к Богословскому за 1924–1926 гг. см.: Ед. хр. 44. Л. 1–15. Выписку из протокола заседания Академии наук от 29 марта 1924 г. с решением о направлении ходатайства О.Н. Азаревич М.М. Богословскому для представления в ЦЕКУБУ см.: Ед. хр. 40. Л. 4. В фонде ЦЕКУБУ, хранящемся в ГАРФ (Ф. Р-4737), имеется заявление О.Н. Азаревич с просьбой о назначении пособия от 8 марта 1926 г. с пометами М.М. Богословского и М.К. Любавского: “Верность изложенного выше подтверждаю и ходатайство О.Н. Азаревич всемерно поддерживаю. Академик М. Богословский.” “Правильность изложенного выше подтверждаю и ходатайство О.Н. Азаревич усердно поддерживаю. Проф[ессор] М. Любавский”. Цит. по: “Любовь к архиву... была безгранична”. Документы ГАРФ об оказании материальной помощи дочери Н.В. Калачова. 1926 г. / вступ. статья, подгот. текста и коммент. Н.С. Зелова // ОА. 2004. № 4. С. 115.

³⁸ За содействием “умирающим с голода” дочерям историка-византиста П.В. Безобразова (1859–1918), зятя С.М. Соловьева, обращался к М.М. Богословскому С.Ф. Платонов в письме от 18 сентября 1923 г. См.: Ед. хр. 54. Л. 146.

П.М. Строева³⁹, вдова Д.И. Иловайского⁴⁰, Н.П. Лихачев⁴¹, С.В. Рождественский⁴², В.Ф. Ржиги⁴³, П.Н. Мрочек-Дроздовский⁴⁴, А.С. Орлов⁴⁵, А.В. Орешников⁴⁶, И.Я. Яковлев⁴⁷ и многие-многие другие.

Учитывая тот факт, что число тогда зарегистрированных ЦЕКУБУ научных работников, имеющих право претендовать на продовольственные пайки и денежное обеспечение, всегда было ограниченным, можно было бы ожидать известной конкуренции среди ученых. Однако автору данной статьи ни разу не пришлось при изучении материалов фонда М.М. Богословского столкнуться с подобным явлением. Наоборот, довольно частыми являются обращения с просьбами не за себя лично, а за кого-то другого, с подчеркиванием чужих заслуг.

Характерны в этом отношении строки из письма М.М. Покровского⁴⁸ с просьбой поддержать ходатайство о переводе Н.Ф. Дератани⁴⁹ в IV категорию: “Дорогой Михаил Михайлович, в ближайшем заседании Экспертной комиссии В.П. Волгин будет докладывать ходатайство мое и Н.И. Новосадского⁵⁰ о переводе Н.Ф. Дератани в 4-ую категорию. Очень прошу Вас поддержать нас. Из моей бумаги и из списка трудов Дератани Вы увидите, как много работал он в самое тяжелое время и в самых трудных материальных

³⁹ Просьба С.Ф. Ольденбурга поддержать ходатайство Академии наук о назначении пенсии внучке историка и археографа П.М. Строева (1796–1876) Елене Николаевне Строевой содержится в письме от 30 октября 1925 г. См.: Ед. хр. 40. Л. 9–10.

⁴⁰ Докладная записка Александры Александровны Иловайской, вдовы историка Д.И. Иловайского (1832–1920), на имя М.Н. Покровского приложена к письму неуставленного лица М.М. Богословскому. См.: Ед. хр. 63. Л. 98–100.

⁴¹ Письма историка Николая Петровича Лихачева (1862–1936) М.М. Богословскому от 20 сентября 1924 г. и б/д см.: Ед. хр. 50. Л. 100–102.

⁴² О бедственном положении историка Сергея Васильевича Рождественского (1868–1934) писал М.М. Богословскому С.Ф. Платонов 2 ноября 1924 г. См.: Ед. хр. 54. Л. 157–158.

⁴³ Просьба поддержать в ЦЕКУБУ кандидатуру филолога Вячеслава Федоровича Ржиги (1883–1960), “талантливое и серьезное ученого”, содержится в письме С.Ф. Платонова М.М. Богословскому от 4 января 1925 г. См.: Ед. хр. 55. Л. 4.

⁴⁴ Письма историка права Петра Николаевича Мрочек-Дроздовского (1848–1930) к М.М. Богословскому от 5 июня 1923 г. и б/д см.: Ед. хр. 51. Л. 121–122. Относительно дат жизни Мрочек-Дроздовского в справочной литературе имеются существенные расхождения. В Советской исторической энциклопедии (М., 1966. Т. 9. С. 755) указаны 1848–1919 гг.; в составленном М. Артамоновым “Московском некрополе” (М., 1995. С. 123) – 1832–1930 гг.; в Большой энциклопедии под редакцией С.Н. Южакова (СПб., 1903. Т. 13. С. 478) указана дата рождения – 1848 г. Учитывая вышеизложенное, наиболее вероятными датами жизни П.Н. Мрочек-Дроздовского можно считать 1848–1930 гг.

⁴⁵ Письмо литературоведа и историка литературы Александра Сергеевича Орлова (1871–1947) М.М. Богословскому от 18 ноября 1924 г. с приложением ходатайства о нем М.Н. Сперанского и С.К. Шамбинаго см.: Ед. хр. 52. Л. 58–61. О тяжелейшем положении А.С. Орлова свидетельствует и запись в дневнике А.В. Орешникова от 28 мая 1918 г.: “В музей заходил А.С. Орлов, просил како-нибудь занятия ради куса хлеба! Вот наступают ужасы! Ведь это приват-доцент и бывший управляющий Синодальной типографией!” (цит. по: *Орешников А.В. Жизнь и надежды* / подгот. публ. Н.Л. Зубовой // И за строкой воспоминаний большая жизнь... Мемуары, дневники, письма: к 125-летию ГИМ. М., 1997. С. 100).

⁴⁶ Ходатайство в Квалификационную комиссию о переводе нумизмата Алексея Васильевича Орешникова (1855–1933) из 3-й в 4-ю категорию за подписями С.Ф. Платонова, М.Н. Сперанского, М.М. Богословского, С.В. Бахрушина и Ю.В. Сергиевского см.: Ед. хр. 40. Л. 52–53.

⁴⁷ Содействовать переводу чувашского педагога-просветителя, историка и писателя Ивана Яковлевича Яковлева (1848–1930) из 3-й в 4-ю категорию М.М. Богословского просил историк Алексей Иванович Яковлев (сын И.Я. Яковлева). См.: Ед. хр. 62. Л. 94.

⁴⁸ Покровский Михаил Михайлович (1868/69–1942) – филолог и литературовед, профессор Московского ун-та (1894–1930), академик (1929).

⁴⁹ Дератани Николай Федорович (1884–1958) – филолог, историк литературы, приват-доцент (с 1916 г.), позже профессор Московского ун-та и МГПИ им. В.И. Ленина.

⁵⁰ Новосадский Николай Иванович (1859–1941) – филолог, доктор греческой словесности, профессор Московского ун-та, чл.-корр. АН (1917).

условиях”⁵¹. Такого же характера и обращение С.Ф. Ольденбурга к М.М. Богословскому о содействии А.А. Корнилову⁵²: “Многоуважаемый Михаил Михайлович! По указанию С.Ф. Платонова позволяю себе обратиться к Вам по следующему делу. А.А. Корнилов, работы которого по русской истории известны Вам, как и Серг[ею] Федор[овичу], находится в III категории КУБУ, которая, как Вы знаете, лишена академического обеспечения. Александр Александрович, который может еще вести научную кабинетную работу, не может, по состоянию здоровья, ездить читать лекции. Для него поэтому имеет громадное значение попасть в IV категорию, о чем он и подал сюда заявление. Серг[ей] Фед[орович] полагает, что право на это он имел бы. Большая просьба к Вам поддержать Вашим авторитетом это ходатайство, которое отсюда перейдет к Вам. Глубоко этим обяжете искренно Вас уважающего Сергея Ольденбурга”⁵³.

Душевное благородство этих людей проявлялось и в том, что они старались щадить чужое самолюбие, предупреждая нежелательные ситуации. Показательно в этом смысле следующее обращение к М.М. Богословскому того же С.Ф. Ольденбурга: “Глубокоуважаемый Михаил Михайлович. Уже давно поставлен вопрос о переводе в IV категорию Б.Л. Модзалевского⁵⁴, который вполне отвечает требованиям, предъявляемым для зачисления в эту категорию. В настоящее время, в связи с проведением в IV категорию Н.К. Козмина⁵⁵, научные заслуги которого, по моему мнению, не выше заслуг Б.Л. Модзалевского, указанный вопрос приобретает особое значение, и я считал бы необходимым настаивать на зачислении Б.Л. Модзалевского в указанную категорию как заслуженного научного работника и члена-корреспондента с 1918 года. Позвольте рассчитывать, что Вы, глубокоуважаемый Михаил Михайлович, разделите мою точку зрения и не откажете в Вашем содействии к положительному разрешению этого вопроса. Искренно Вас уважающий Сергей Ольденбург”⁵⁶.

Обращению С.Ф. Ольденбурга предшествовало обсуждение вопроса о переводе Б.Л. Модзалевского в более высокую категорию в Академии наук и Пушкинском Доме, как об этом свидетельствует письмо С.Ф. Платонова от 24 сентября 1925 г.: “Дорогой Михаил Михайлович! После разговора с С.Ф. Ольденбургом пишу Вам о Модзалевском... Дело в том, что Модзалевский мечтает о IV категории. Мы думаем, что он ее вполне заслуживает, и Оль[енбург] просит Вас выяснить, что надо в данную минуту сделать со стороны Академии, чтобы поддержать его ходатайство. При некоторой непрактичности Модз[алевского] нельзя, я думаю, с его слов точно установить, сделано ли им все, что требуется для обстановки его ходатайства. Поэтому Вы, быть может, справитесь и об этом: все ли документы в Москве налицо?”⁵⁷

⁵¹ Ед. хр. 53. Л. 111.

⁵² Корнилов Александр Александрович (1862–1925) – историк, профессор Петербургского Политехнического ин-та (1909–1923). В середине 1917 г. тяжело заболел, после чего передвигался с большим трудом. О бедственном положении семьи Корнилова после Октябрьской революции подробнее см.: *Левандовский А.А.* Последний общий курс русской истории и его автор // *Корнилов А.А.* Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 15–16.

⁵³ Письмо Ольденбурга Богословскому от 24 октября 1924 г. см.: Ед. хр. 52. Л. 53.

⁵⁴ Модзалевский Борис Львович (1874–1928) – литературовед, библиограф, чл.-корр. АН (1918), один из основателей Пушкинского Дома и его старший хранитель (1919–1928).

⁵⁵ Козмин Николай Кирович (1873–1942) – историк литературы, чл.-корр. АН (1925), профессор Петербургского ун-та.

⁵⁶ Письмо Ольденбурга Богословскому от 12 ноября 1925 г. см.: Ед. хр. 40. Л. 11.

⁵⁷ Там же. Ед. хр. 55. Л. 45.

Хочется отметить и тот факт, что М.М. Богословский никому не отказывал, откликался на все просьбы, не считаясь ни со временем, ни со здоровьем. Часто действовал, не дожидаясь таких просьб. Например, вдова профессора Казанского университета Д.А. Корсакова⁵⁸ писала: “Многоуважаемый Михаил Михайлович! Очень-очень благодарна Вам за Ваше доброе, сердечное отношение. К.Д.⁵⁹ сообщил мне, что Вы сделали доклад о квалификации Д[митрия] А[лександровича] еще до получения посланных мною документов: это очень тронуло меня”⁶⁰.

Точно так же именно М.М. Богословский выступил инициатором перевода Н.И. Кареева⁶¹ в высшую, V, категорию. Большую роль сыграла в этом деле и расширенная квалифицированная записка В.П. Бузескула⁶² о трудах Н.И. Кареева. Отвечая на вопрос М.М. Богословского В.П. Бузескул писал: “Глубокоуважаемый Михаил Михайлович!

Насколько мне известно, Н.И. Кареев при квалификации, в отношении дополнительного академического обеспечения, отнесен к 4ой категории. По моему убеждению, он, несомненно, заслуживает того, чтобы его отнести к 5ой категории. Как близко стоящий по специальности, хорошо зная труды Н.И. Кареева и их значение в исторической науке, я считаю своим долгом представить мотивированную записку об этих трудах, которую и прилагаю при этом письме⁶³, прося Вас возбудить вопрос о перечислении Н.И. Кареева из 4ой категории в 5^ю.

Искренно уважающий Вас и преданный В. Бузескул.

Не откажите уведомить о получении письма и о результате”⁶⁴.

Вопрос о переводе Н.И. Кареева в высшую категорию решил положительно, и уже 31 октября 1925 г. он прислал М.М. Богословскому письмо с выражением искренней признательности: “Глубокоуважаемый Михаил Михайлович!.. Не знаю как мне Вас благодарить за Вашу инициативу, за Ваши хлопоты, увенчавшиеся успехом, как я это узнал из полученного мною сегодня письма от Владислава Петровича⁶⁵. Вы сделали то, чего в течение пяти лет не догадывались сделать мои петербургские коллеги, да еще вдобавок привлекли к делу своих московских товарищей, как я это тоже узнал, благодаря Владиславу Петровичу. Ежегодно, получая из здешнего КУБУ анкетный бланк, я выражал свое желание быть перечисленным в пятую категорию, пользуясь графой, где нужно было отметить, к какой категории я прошу себя причислить, но это оставалось *vox clamantis in deserto*⁶⁶. В этом году я решил это свое желание мотивировать в особой записке, которая подверглась здесь очень сложному обсуждению с созывом какого-то собрания человек в 30–40, где происходили даже длинные дебаты. Туда были приглашены С.Ф. Платонов, Н.П. Лихачев и

⁵⁸ Корсаков Дмитрий Александрович (1843–1920) – историк, профессор Казанского ун-та (с 1881 г.), чл.-корр. АН (1905).

⁵⁹ Лицо не установлено.

⁶⁰ Письмо Корсаковой Богословскому от 2/15 февраля 1925 г. см.: Ед. хр. 48. Л. 87.

⁶¹ Кареев Николай Иванович (1850–1931) – историк, профессор Варшавского (1879–1885) и Петербургского (1885–1899, 1906–1923) ун-тов, чл.-корр. (1910), почетный член (1929) АН.

⁶² Бузескул Владислав Петрович (1858–1931) – историк, профессор Харьковского ун-та (с 1890 г.), академик (1922).

⁶³ Записка эта в фонде М.М. Богословского отсутствует, так как была отправлена в ЦЕКУБУ.

⁶⁴ Письмо Бузескула Богословскому от 22 сентября 1925 г. см.: Ед. хр. 45. Л. 125–126. На первом листе письма имеется помета М.М. Богословского: “Писал о провед[ении] Кар[еева] 22 окт.”

⁶⁵ Имеется в виду В.П. Бузескул.

⁶⁶ Глас вопиющего в пустыне (лат.).

А.Е. Пресняков⁶⁷, доказывавшие мое право на зачисление. Вопрос решался голосованием и решился в мою пользу *nemine contradicente*⁶⁸. Но тут все-таки был мой почин, а в Москве, я знаю, Вы возбуждали вопрос и *proprio motu*⁶⁹. Вот за что Вам от меня и особая благодарность, сердечное спасибо за доброе, товарищеское отношение, доказанное не словом, а делом... Душевно преданный Н. Кареев”⁷⁰.

Иногда просьбы о помощи не были непосредственно связаны с ЦЕКУБУ, как в случае с М.В. Нечкиной⁷¹. После окончания Казанского университета (1921) она была оставлена для подготовки магистерской диссертации. В этот период, начав свою работу по изучению жизни и трудов В.О. Ключевского, она впервые обратилась к М.М. Богословскому за консультацией: “Многоуважаемый Михаил Михайлович! Простите меня, что я беспокою Вас этим письмом. В своей работе над изучением русской истории я встретилась с рядом вопросов, на которые не могу ответить сама и поэтому решаюсь затруднить ими Вас⁷², зная от Ваших учеников, что Вы никогда не отказываете в помощи начинающим самостоятельную работу... Ни на один из интересующих меня вопросов я не могу получить ответа в Казани. Вообще всякий, кто захочет заниматься в Казани историей – и в особенности русской – будет обречен на полное духовное одиночество. Научного общения между историками нет, да и историки, вполне искренне интересующиеся историей, почти отсутствуют. Все это дало мне смелость, Михаил Михайлович, обратиться к Вашему авторитету и Вашей любезности...”⁷³

В мае 1923 г. М.В. Нечкина приехала в Москву, надеясь выступить с докладом на тему “В.О. Ключевский и его место в развитии русской исторической мысли” в Историческом обществе при Московском университете. Доклад, однако, не состоялся в связи со смертью отца М.В. Нечкиной, и в этот трудный для нее момент она вновь обратилась к М.М. Богословскому, так объясняя свою ситуацию: “Многоуважаемый Михаил Михайлович! Меня постигло ужасное несчастье – умер мой папа. Я должна была спешно выехать из Москвы в Казань и поэтому не смогла прочесть доклада... После того, что случилось, я оказываюсь единственной опорой семьи в материальном смысле (наша семья состоит из шести человек). Поэтому мое зачисление в качестве сотрудника в Исследовательский институт⁷⁴ приобретает для меня особо важное значение. От этого зависит вся возможность продолжения научной работы. Все это заставляет меня ходатайствовать и о зачислении меня в штат, что,

⁶⁷ Пресняков Александр Евгеньевич (1870–1929) – историк, профессор Женского педагогического института (с 1896 г.), Высших женских курсов (1908–1917), приват-доцент (1907), профессор (1918) Петербургского ун-та, чл.-корр. (1920) АН, преподаватель Института красной профессуры (со второй половины 1920-х годов).

⁶⁸ Без чьих-либо возражений (лат.).

⁶⁹ По собственному почину (лат.).

⁷⁰ Ед. хр. 63. Л. 179–180.

⁷¹ Нечкина Милица Васильевна (1899–1985) – историк, академик АПН (1947) и АН СССР (1958). Научный сотрудник Института истории ФОН–РАНИОН (1924–1927), преподаватель 1-го МГУ (1924–1926), профессор Московского ун-та (1934–1954) и Академии общественных наук (1946–1968), научный сотрудник Института истории АН СССР (1936–1985).

⁷² В основном, М.В. Нечкину интересовала судьба архива В.О. Ключевского и возможность с ним ознакомиться.

⁷³ Письмо Нечкиной Богословскому от 2 сентября 1922 г. см.: Ед. хр. 52. Л. 5–6. Ответ Богословского Нечкиной от 10 октября 1922 г. опубликован, см.: *Богословский М.М.* Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987. С. 142.

⁷⁴ Имеется в виду Институт истории при Факультете общественных наук 1-го МГУ, образованный в 1921 г. (с 1926 г. – Институт истории РАНИОН). Богословский состоял в нем действительным членом по русской истории.

кажется, очень трудно. Я решаюсь беспокоить Вас, уважаемый Михаил Михайлович, просьбой поддержать мое ходатайство. Рассчитывая на то, что письмо мое попадет к Вам в понедельник, я прилагаю заявление мое в Институт и *curriculum vitae*⁷⁵. Вы уже говорили со мной об этом, и я запомнила, что то и другое нужно подать ко вторнику... Простите, если что написала не так – завтра хороню папу. Уважающая Вас М. Нечкина”⁷⁶.

М.М. Богословский не отказал в поддержке начинающему ученому, тем более что ее рекомендовал хорошо ему известный Н.Н. Фирсов⁷⁷. И в 1923/24 учебном году М.В. Нечкина уже состояла сотрудницей II разряда (как тогда называли аспирантов) института и смогла перебраться в Москву.

Бескорыстная самоотверженная помощь М.М. Богословского всем нуждающимся была хорошо известна широкому кругу историков, не случайно поэтому одно из писем М.Д. Приселкова⁷⁸ начиналось словами: “Глубокоуважаемый Михаил Михайлович! Обращаюсь к Вам вновь, как к заступнику рода исторического!”⁷⁹

Обратиться к М.М. Богословскому М.Д. Приселкова вынудило тяжелое материальное положение. Но даже крайняя нужда не могла поколебать моральных принципов и человеческого достоинства ученого, которые сквозят в каждой строчке его письма:

«Глубокоуважаемый Михаил Михайлович,

За увольнением меня из Факультета языка и материальной культуры⁸⁰ я потерял полный профессорский оклад. Теперь в Русском музее получены ставки на предстоящий год: из них явствует, что я, как заведующий И[сторико]-Б[ытовым] Отделом, буду получать не 160 р., а 125 р. Так вдруг оказалось, что вместо 270 р. (160 + 110), кот[орые] я еще получал в октябре, я буду получать 125 р.

Сегодня С.В. Рождественский дружески предложил мне провести меня на “золотое обеспечение”, как старшего по степени из неполучающих русских историков Ленинграда. Но когда Сергей Вас[ильевич] стал мне рассказывать, как для этого придется меня аттестовать, мне стало неловко: сам бы я никогда не признал себя при этих требованиях заслуживающим обеспечения! На это С[ергей] В[асильевич] указал мне лиц, уже получающих у нас обеспечение, с которыми я, действительно, как кажется, мог бы поспорить в квалификации!

Тогда, в обстановке неожиданной бюджетной тесноты, решился я предварительно обратиться к Вам, рассчитывая на Вашу великую снисходительность, с просьбою указать мне, стоит ли мне начинать здесь это дело и, если есть какая-нибудь надежда, помочь мне своей авторитетной поддержкой... Соблазн получения обеспечения и страх пред унижительностью отказа – вот причина, почему я беспокою Вас и буду ожидать Вашего указания.

Искренне Вас уважающий М. Приселков»⁸¹

⁷⁵ Автобиография (лат.).

⁷⁶ Письмо Нечкиной Богословскому от 8 июня 1923 г. см.: Ед. хр. 52. Л. 12–13.

⁷⁷ Фирсов Николай Николаевич (1864–1934) – историк, профессор Казанского ун-та (с 1902 г.; приват-доц. с 1891 г.), Московского археологического ин-та (1914–1919), Восточно-педагогического ин-та в Казани (1923–1930), председатель Общества археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те (1894–1898), председатель Научного общества татароведения в Казани (1923–1929). Его письмо Богословскому (от 14 мая 1923 г.) с рекомендацией Нечкиной см.: Ед. хр. 60. Л. 126–127.

⁷⁸ Приселков Михаил Дмитриевич (1881–1941) – историк, приват-доцент (1907), профессор (1918–1927, 1936–1941), декан исторического ф-та (1939–1940) Петербургского (затем Ленинградского) ун-та, заведующий Историко-бытовым отделом Русского музея (в 1920-е годы).

⁷⁹ Письмо Приселкова Богословскому от 8 сентября 1928 г. см.: Ед. хр. 53. Л. 218.

⁸⁰ Ленинградского ун-та.

⁸¹ Письмо Приселкова Богословскому от 7 декабря 1927 г. см.: Ед. хр. 53. Л. 214–215.

Большинство русских ученых, начинавших свою деятельность до 1917 г., имели сложную, подчас трагическую судьбу. Один из них – П.Г. Васенко⁸², в послереволюционные годы подвергшийся откровенной травле за свою работу о Степенной книге, только потому, что в ее названии фигурировали слова о царском родословии⁸³. Уместно подчеркнуть здесь, что исследование это до сих пор остается непревзойденным образцом изучения Степенной книги по широте охвата и глубине наблюдений и выводов.

В 1922 г. П.Г. Васенко не утверждали в должности профессора Педагогического института. С.Ф. Платонов с возмущением называл это “невежественной жестокостью” и просил М.М. Богословского поговорить с М.Н. Покровским⁸⁴. И хотя многие верили, что голос М.М. Богословского в Экспертной комиссии обязательно будет услышан, на самом деле, к сожалению, это происходило далеко не всегда. В ноябре 1924 г. М.М. Богословский так писал об этом С.Ф. Платонову: “Дела о повышении историков держит в своих руках М.Н. П[окровский], и ожидать тут чего-нибудь положительного едва ли возможно. Всегда я склонен гораздо более к минусу, чем к плюсу. Я, насколько могу, возражаю, но при голосовании остаюсь в ничтожном меньшинстве, а по большей части даже в единственном числе”⁸⁵.

Видимо, в 1922 г. для П.Г. Васенко ничего не удалось сделать. В ноябре 1924 г. теперь уже он сам обратился к М.М. Богословскому с просьбой о помощи, поскольку находился в трудном положении: зарплата библиотекаря Академии наук составляла 50 руб. 53 коп., а его семья состояла из восьми нетрудоспособных человек, в том числе пятерых детей в возрасте от 4 до 15 лет⁸⁶. С.Ф. Платонов, принимавший самое горячее участие в судьбе П.Г. Васенко, неоднократно упоминал о нем в письмах к М.М. Богословскому. В тот же период он писал: «Бедный Пл. Гр. Васенко очень боится лишения “дождя золотого”: а я боюсь здесь и упоминать о нем: пожалуй, заставь о нем вспомнить, и его снова лишат службы, которую он получил»⁸⁷. Одновременно С.Ф. Платонов послал М.М. Богословскому для передачи в ЦЕКУБУ самый благожелательный отзыв о П.Г. Васенко, характеризуя его как одного из талантливейших археографов: “П.Г. Васенко... отличается большою склонностью и выдающеюся способностью к критике текстов. На его наблюдения и заключения в этой области можно положиться; его критические приемы очень тонки и точны... Как археограф-исследователь и археограф-издатель, Пл. Гр. Васенко стоит на одном из самых первых мест среди этого рода наших ученых. Он в высшей мере заслуживает поддержки не только по своему ученому таланту и большой активности в последние годы, но и по исключительно трудному материальному положению”⁸⁸. Но даже столь лестная характеристика не помогла улучшить материальное положение ученого (отзыв С.Ф. Платонова так и остался у М.М. Богословского). В начале 1925 г.

⁸² Васенко Платон Григорьевич (1874–1934) – историк, археограф, член Археографической комиссии, профессор Женского педагогического ин-та (1910–1922), сотрудник экономической секции Петроградского отделения Центрархива (до мая 1923 г.), сотрудник БАН (уволен в декабре 1929 г.)

⁸³ *Васенко П.Г.* “Книга Степенная царского родословия” и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904. Ч. 1.

⁸⁴ Письмо Платонова Богословскому от 6 июня 1922 г. см.: Ед. хр. 54. Л. 48.

⁸⁵ Цит. по: *Платонов С.Ф.* Неизданный некролог М.М. Богословскому / подгот. к печати А.В. Мельников // АЕ за 1998 год. М., 1999. С. 395.

⁸⁶ Письмо Васенко Богословскому от 21 ноября 1924 г. см.: Ед. хр. 46. Л. 12–13.

⁸⁷ Письмо Платонова Богословскому от 24 ноября 1924 г. см.: Ед. хр. 54. Л. 167.

⁸⁸ Ед. хр. 40. Л. 39.

на П.Г. Васенко обрушилось новое горе: он похоронил жену. В этот момент ему, правда, Ленинградская КУБУ предоставила пособие⁸⁹.

Перевода в высшую категорию и, соответственно, увеличения денежного обеспечения П.Г. Васенко дождался только в 1927 г. и откликнулся на это известие словами благодарности М.М. Богословскому:

“Глубокоуважаемый и дорогой Михаил Михайлович!

Сейчас узнал для меня радостнейшее известие о переводе моем в высшую категорию и о том, что Вы прислали об этом сообщение Сергею Федоровичу Платонову. Спешу поблагодарить Вас от всего сердца и всей души за доброе ко мне отношение, за ценнейшее содействие, одним словом за все, за все. Благодарю Вас и за всю мою многочисленную семью... Благодарность всем, подписавшим записку обо мне. Еще раз огромное, глубокое спасибо.

Любящий, благодарный и преданный Платон Васенко”⁹⁰

К великому сожалению, злключения П.Г. Васенко на этом не кончились. Он был арестован по “Академическому делу”, получил 10 лет и в 1931 г. выслан на Урал, а позже оказался и на Соловках. По одним сведениям он умер в 1934 г.⁹¹, по другим – в 1941 г.⁹²

Вызывает глубочайшее уважение сила духа этих людей, в невероятных условиях продолжавших заниматься наукой, в служении ей видевших весь смысл своей жизни, рассматривавших улучшение своего материального положения только как средство, дающее возможность плодотворно трудиться. Ярким примером этому служит судьба историка Н.Д. Чечулина⁹³.

Н.Д. Чечулин после отставки с поста попечителя Виленского учебного округа (май 1917 г.) жил в своей д. Борисоглебск Череповецкой губернии. Имение его (общее с братом) в декабре того же года было национализировано, но с ноября 1918 г. ему разрешили жить в небольшом собственном доме⁹⁴, кроме того, он получил охранную грамоту за подписью А.В. Луначарского⁹⁵ на “библиотеку и коллекцию гравюр высокой научной и художественной ценности”⁹⁶. Однако в начале 1920-х годов над ним нависла угроза выселения. Предотвратить выселение могло только распоряжение из Москвы. Поэтому Н.Д. Чечулин обратился за помощью к М.М. Богословскому, не без основания рассчитывая на его “безграничную доброту и готовность стоять за того, кто в защите нуждается”⁹⁷. Он просил, чтобы Михаил Михайлович поддержал его ходатайство о разрешении ему проживать на старом месте “до окончания ученых работ”, что для Н.Д. Чечулина было равносильно “до самой

⁸⁹ Из письма Платонова Богословскому от 15/28 января 1925 г. см.: Ед. хр. 55. Л. 9.

⁹⁰ Письмо Васенко Богословскому от 15 апреля 1927 г. см.: Ед. хр. 46. Л. 25.

⁹¹ Вернадский Г.В. Русская историография. М., 1998. С. 287. Точной даты и обстоятельств смерти Васенко Вернадский, однако, не знал, поскольку писал: “По всей вероятности, он (Васенко. – Е.Н.) был замучен большевиками в тюрьме и ссылке в 1934 г. одновременно с Рождественским”; Академик С.Ф. Платонов: переписка с историками. М., 2003. Т. 1: Письма С.Ф. Платонова, 1883–1930 / сост. В.Г. Бухерт. С. 313.

⁹² Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. М., 2001 / сост. Л.Г. Дубинская и А.М. Дубровский. С. 193.

⁹³ Чечулин Николай Дмитриевич (1863–1927) – историк, служащий Имп. Публичной библиотеки (1896–1915; с 1914 г. – помощник директора), попечитель Виленского учебного округа (1915–1917), член Археографической комиссии, чл.-корр. АН (1921).

⁹⁴ Письмо Чечулина Богословскому от 22 мая 1922 г. см.: Ед. хр. 61. Л. 35.

⁹⁵ Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933) – государственный деятель, писатель, критик, искусствовед, академик (1930), нарком просвещения (1917–1929).

⁹⁶ Копия охранной грамоты приведена в недатированном письме Чечулина Богословскому. См.: Ед. хр. 61. Л. 31.

⁹⁷ Строки из того же недатированного письма Чечулина Богословскому см.: Ед. хр. 61. Л. 30 об.

смерти или до удара”, который лишил бы его возможности работать⁹⁸. В этот момент он трудился над исследованием “Литература общественных знаний в России XVIII в.”⁹⁹ Что значила для него возможность заниматься любимым делом, видно из его письма М.М. Богословскому, которое хотелось бы привести почти полностью:

«Многоуважаемый и дорогой Михаил Михайлович.

Бесконечно Вам благодарен и за то, что Вы для меня сделали, и за милое письмо, которым меня об этом известили. С[ергей] Ф[едорович]¹⁰⁰ уже написал мне о Вашем письме к нему, но, тем не менее, Ваше письмо не утратило для меня ни малейшей части своей прелести. Итак, буду иметь хотя бы то, что в римском праве называлось “alimentum”¹⁰¹ и что теперь вернее назвать “на околение”. Перевод на пенсию, вероятно, даст мне меньше, чем IV разряд, – ну да это в моих глазах уже очень мало значит, раз я все-таки буду обеспечен, и что не придется свалиться целиком на шею брата-доктора, который и сам уже 57 л[ет], и так много мне помог за эти годы до [19]22, что мне тем досаднее бы и стыднее было его отягощать еще.

Что касается умирания, то мне это можно даже и по Вашему письму: Вы говорите “ну, разве можно умирать, не окончив вполне... работы!” – но, ведь я ее кончил, теперь переписываю; на это потребуется, правда, не менее еще 8–9 месяцев; за это же время кончу начатый мною между делом “Словарь к стихотворениям Пушкина”¹⁰² – право, интересные выясняются наблюдения! Между прочим, сообщу Вам одно, мне кажется, вряд ли не наименее существеннейшее: слова у него все удивительно простые, прямо прозаические – и получается такая бесконечная прелесть языка, такая ни с чем несравнимая поэтичность, яркость, этот блеск, этот аромат! – потому, конечно, что самые образы, к[ото]рыми он мыслил, были прекрасны в полном смысле. Эта работа, частью и механическая, служит для меня отдыхом между другими, своими, и неизмеримо менее изящными работами. Вы очень мило пишете, что можно, без серьезной критики, зазнаться и возомнить о себе больше чем значишь. Не только критики, но и просто общения с людьми значительными совершенно лишен, но, право, уверяю Вас, я же мною о себе много, напротив, читая постоянно что-ниб[удь] существенное – Ранке¹⁰³, Моммзена¹⁰⁴, Маколей¹⁰⁵, Канта¹⁰⁶, Локка¹⁰⁷, не говоря о многом другом менее крупном, я развиваю в себе скромность в самооценке и теперь, когда вот мне дадут, м[ожет] б[ыть], какую-то пенсию за ученые труды – считаю себя менее значительного величиною, чем считал л[ет] 25–30 тому назад. Вот еще чего мне страшно не достает – это возможности видеть великое в искусстве; здесь есть у меня только часть моей коллекции гравюр – это хотя и прекрасно, но minimum искусства, – но и она в таком виде убрана, что не всякий год раз ее пересматриваю. Да что о нашем брате говорить! Кто теперь не страдает, что хорошее не в загоне!?

До свидания, дорогой Михаил Михайлович. Берегитесь: если удастся выбраться в Москву хотя бы на 3 денька, замучу Вас и чтением своей книги, и разговорами! Право, кажется, не в силах буду удержаться, хотя и буду понимать, что мучить так невозможно – словно вурдалак.

До свидания. Всего лучшего! Весь Ваш Н. Чечулин»¹⁰⁸.

⁹⁸ Там же. Л. 31.

⁹⁹ Работа не опубликована, сведения о ней содержатся в двух недатированных письмах Чечулина Богословскому. См.: Ед. хр. 61. Л. 31 об., 44 об. В некрологе Чечулина, написанном Платоновым, отмечено, что рукопись этой работы находится в Бытовом отделе Русского музея. См.: *Платонов С.Ф. Н.Д. Чечулин. Некролог* (читан академиком С.Ф. Платоновым в заседании Отделения исторических наук и филологии 2 марта 1927 г.) // Изв. АН СССР. 1927 Сер. IV. № 3/4. С. 164–166.

¹⁰⁰ Имеется в виду С.Ф. Платонов.

¹⁰¹ Содержание, иждивение (лат.).

¹⁰² Работа не опубликована.

¹⁰³ Ранке Леопольд фон (1795–1886) – немецкий историк.

¹⁰⁴ Моммзен Теодор (1817–1903) – немецкий историк.

¹⁰⁵ Маколей Томас Бабингтон (1800–1859) – английский историк, публицист и политический деятель.

¹⁰⁶ Кант Иммануил (1724–1804) – немецкий философ.

¹⁰⁷ Локк Джон (1632–1704) – английский философ.

¹⁰⁸ Недатированное письмо Чечулина Богословскому см.: Ед. хр. 61. Л. 44–45.

Пенсии, однако, Н.Д. Чечулин так и не дождался, 14 февраля 1927 г. он скончался от гангрены ноги и последовавшей закупорки мозговой артерии¹⁰⁹.

ЦЕКУБУ занималась не только продовольственным, денежным и пенсионным обеспечением научных работников. Жилищный вопрос также находился в ее компетенции. По постановлению Совнаркома от 16 января 1922 г. всем научным работникам, зарегистрированным в ЦЕКУБУ, было предоставлено право на одну дополнительную комнату для научных занятий сверх общегражданской нормы¹¹⁰. Местные власти не очень охотно исполняли это постановление. Довольно часто на этой почве возникали споры, при разрешении которых Комиссия представляла интересы научных сотрудников в суде. В 1925 г. в такой ситуации оказался П.С. Шереметев¹¹¹, представитель одной из знаменитейших фамилий дореволюционной России. После октября 1917 г. на его долю выпало много испытаний: смерть близких¹¹², конфискация имений и коллекций, заключение под стражу в декабре 1918 г.¹¹³ Арест этот, правда, продолжался недолго. Сыграла, видимо, свою роль виза А.В. Луначарского на ходатайстве Петроградского Археографического института на имя наркома просвещения о выдаче Шереметевым охранных грамот от 15 сентября 1918 г.: “Означенные... граждане С.Д. и П.С. Шереметевы мне известны как надежные работники, и прошу все революционные власти оказывать им всякое содействие¹¹⁴. На какое-то время жизнь наладилась: П.С. Шереметев стал сначала хранителем (с мая 1918 г.), а затем (с 1921 г.) и заведующим музеем¹¹⁵ в бывшем своем имении Остафьево¹¹⁶. В Москве у него имелась маленькая комната, в которой он хранил небольшую часть своей библиотеки, оставшуюся в его распоряжении после реализации известного декрета СНК от 26 ноября 1918 г. “О порядке реквизиции библиотек, книжных магазинов и складов и книг вообще”¹¹⁷.

¹⁰⁹ См. письмо С.Д. Чечулина (брата Н.Д. Чечулина) Богословскому от 28 февраля 1927 г.: Ед. хр. 61. Л. 78 об.

¹¹⁰ Шесть месяцев работы ЦЕКУБУ... С. 30.

¹¹¹ Шереметев Павел Сергеевич (1871–1943) – граф, историк, художник, член Государственного совета (с 1916 г.), Звенигородский уездный предводитель дворянства, хранитель художественно-исторических ценностей (с мая 1918 г.), заведующий (1921–1927), научный сотрудник (1927–1928) Музея дворянского быта в Остафьево, член Общества изучения русской усадьбы (с 1923 г.), член Пушкинской комиссии (с 1927 г.)

¹¹² Его отец, граф Сергей Дмитриевич Шереметев (1844–1918), известный историк и общественный деятель, умер в день ареста, 17 декабря 1918 г. Погиб и арестованный одновременно с ним его зять, Александр Петрович Сабуров (1870–1919). Подробнее об этом см.: “Считаю долгом совести...” Письмо А.П. Сабурова С.Д. Шереметеву. 1905 г. / публ. Л.И. Шохина // Ист. архив. 1994. № 3. С. 212.

¹¹³ Это явствует из Протокола заседания № 50 Президиума Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса от 5 декабря 1918 г., в котором записано: «Слушали: Извещение П.С. Шереметева об его аресте с просьбой принять меры охраны и наложить печати в имении “Остафьево”. Постановили: Наложить печати в имении “Остафьево”. См.: ОПИ ГИМ. Ф. 54 (Наркомпрос). Ед. хр. 11. Л. 72.

¹¹⁴ Цит. по: *Свалова О.М.* Последний владелец Остафьева // *Остафьевский сборник*. М., 1993. Вып. 1. С. 7–8.

¹¹⁵ *Снытко Н.* Остафьево // *Наше наследие*. 1988. № 6. С. 145; *Володина Т.Д.* “В Остафьево” – рукописный сборник П.С. Шереметева // *Остафьевский сборник*. М., 1993. Вып. 1. С. 18.

¹¹⁶ Усадьбой Остафьево Подольского уезда Московской губернии с 1792 г. владели князья Вяземские. В 1898 г. ее купил С.Д. Шереметев, муж внучки поэта П.А. Вяземского. С 1899 г. дом был открыт для бесплатного посещения, с 1903 г. вся усадьба вместе с соседним Никульским была объявлена заповедной. С 1918 по 1930 г. в Остафьево располагался Музей дворянского быта. В 1988 г. Остафьево стало филиалом Московского Государственного музея А.С. Пушкина, с 1994 г. – самостоятельным музеем под названием “Русский Парнас”. См.: *Российская музейная энциклопедия*. М., 2001. Т. 2. С. 60–61.

¹¹⁷ Декреты Советской власти. М., 1968. Т. 4. С.70–71.

Сохранилось два письма П.С. Шереметева М.М. Богословскому по поводу оставления в его владении комнаты и библиотеки. В письме от 22 июня 1925 г. Павел Сергеевич излагал суть дела:

“В доме на Воздвиженке, 8 у меня уцелела комната, темная, без окон, которую мне домовое управление предоставило в прошлом году, куда я с великим трудом перенес свою библиотеку из прежнего помещения в том же доме. Книги преимущественно по *Русской истории*, ист[ории] литературы, географии, искусству. Библиотека признана научной Отделом научных библиотек и составлен об этом акт, на котором Луначарский сделал помету с просьбой к ЦКУБУ принять меры к охране этой библиотеки. В ней до 3500 томов. Сюда я приезжаю из Остафьева заниматься, делать справки, ночью, раз пять в месяц. Ныне домовое управление подало в суд об отобрании у меня этой темной комнаты. Дело отложено. В акте [Отдела] научных библиотек указано, что библиотекой моей пользуются и другие ученые. Моя просьба к Вам заключается в том, чтобы Вы подтвердили верность этого утверждения. Я не знал, что Вы на даче и решил сегодня на суде заявить, что Вы можете подтвердить вышеуказанное...

Следующее заседание суда... будет 4 июля в субботу в 12 часов дня. Если Вы будете в Москве, очень Вы помогли бы мне, не отказав подтвердить это лично на суде; если же это Вам не удобно, может быть, напишете в письме...

P.S. Ю.М. Соколов¹¹⁸, выступавший от ЦКУБУ сегодня в суде мне сказал, что можно просить и других ученых, не заявленных в протоколе¹¹⁹.

Безусловно, М.М. Богословский выполнил просьбу П.С. Шереметева. И уже через месяц он получил короткое радостное письмо с известием о победе последнего:

“Искренне уважаемый Михаил Михайлович.

Приношу Вам глубокую благодарность за любезное и отзывчивое письмо Ваше. Оно с печатью ЦКУБУ было передано в суд и сделало свое дело. Я выиграл. При свидании передам Вам дальнейшие мои предположения о библиотеке для закрепления позиций. М.К. Любавский¹²⁰ и Ю.В. Готье¹²¹ также очень поддержали.

Всего лучшего. П. Ш[ереметев]”¹²².

Победа П.С. Шереметева была, однако, непрочной. В конце 1920-х годов произошло ужесточение политики в отношении “бывших” социальных групп: дворян, духовенства, буржуазии. Именно тогда П.С. Шереметев был лишен гражданских прав, снят с должности заведующего музеем-усадьбой Остафьево, выселен оттуда в Напрудную башню Новодевичьего монастыря¹²³. Последние годы жил в нищете, очень нуждался. В той ситуации, в которой он оказался, любая поддержка была ценна. В дневнике А.В. Орешникова сохра-

¹¹⁸ Соколов Юрий Матвеевич (1889–1941) – фольклорист, этнограф, академик АН СССР (1939). Преподаватель и профессор ряда высших учебных заведений, в том числе Московской консерватории (1913–1924), Московского городского ун-та им. Шанявского (1916–1920), Тверского педагогического ин-та (1919–1930), Московского университета (1919–1941), зам. зав. отделом научных библиотек Наркомпроса (1918–1922), помощник библиотекаря (1914–1921), зав. библиотекой Исторического музея (1922–1929).

¹¹⁹ Ед. хр. 62. Л. 36.

¹²⁰ Любавский Матвей Кузьмич (1860–1936) – историк, профессор (с 1901 г.), декан историко-филологического факультета (1908–1911), ректор (1911–1917) Московского ун-та, академик (1929; чл.-корр. 1917).

¹²¹ Готье Юрий Владимирович (1873–1943) – историк, академик (1939; чл.-корр. – 1922 г.). С 1898 г. – секретарь, сотрудник Отделения русских древностей, затем зам. директора Румянцевского музея. Преподаватель Высших женских курсов (1902–1918), приват-доцент (1903–1915), профессор (1915–1930, 1939–1941) Московского ун-та, профессор Константиновского межевого ин-та (1907–1917), с 1933 г. – преподаватель Историко-архивного ин-та, с 1934 г. – профессор Московского ин-та истории, философии и литературы им. Н.Г. Чернышевского.

¹²² Письмо Шереметева Богословскому от 28 июля 1925 г. см.: Ед. хр. 62. Л. 37.

¹²³ Подробнее об этом см.: *Снытко Н.* Остафьево // Наше наследие. 1988. № 6. С. 145–146; *Володина Т.Д.* “В Остафьево” – рукописный сборник П.С. Шереметева // Остафьевский сборник. М., 1993. Вып. 1. С. 18–20, 27–28.

нилось известие о том, что в мае 1929 г., уже после смерти М.М. Богословского, его вдова, Елизавета Петровна Богословская, передала П.С. Шереметеву отрез синего сукна, полученного М.М. Богословским из ЦЕКУБУ. 7 мая 1929 г. А.В. Орешников записал в своем дневнике: “Вчера на Пушкинском вечере я виделся с П.С. Шереметевым, которого спросил, получил ли он мое письмо, где я извещал его, что материя из ЦЕКУБУ лежит у меня... Сегодня он был у меня, и я вручил ему материю, данную мне Е.П. Богословской; П[авел] С[ергеевич] был очень тронут таким подарком”¹²⁴. Так Михаил Михайлович в последний раз помог нуждающемуся.

Итак, при всех сложностях и недостатках Центральная комиссия по улучшению быта ученых сыграла, безусловно, положительную роль в деле сохранения научных сил России. И в значительной степени этому способствовало то, что среди ее членов были такие люди, как М.М. Богословский, для которого служение Родине и науке в любых возможных проявлениях были делом всей его жизни.

Н.М. Осипова

ЛИЧНЫЙ ФОНД М.М. БОГОСЛОВСКОГО В АРХИВЕ РАН

Архив РАН хранит документы по истории науки не только нашей страны, но и мирового научного сообщества. Среди его фондов личного происхождения фонд № 636 академика Михаила Михайловича Богословского занимает достойное место. Документы поступили в Архив АН СССР от вдовы историка Е.П. Богословской в ноябре 1956 г. и были обработаны работником Архива Л.К. Кувановой в 1958 г. В настоящее время 195 дел фонда за 1895–1973 гг. расформированы по пяти описям.

К описи № 1 “Научные труды” отнесены 108 ед. хр. за 1898–1946 гг., представляющие собой рукописи трудов и рабочие материалы по истории абсолютизма в России, местного управления в XVII–XVIII вв., истории дворянства и законодательства, которые распределены по разделам. Раздел “Петр I” включает в себя 41 ед. хр., начиная с лекции в Московском университете “Значение реформы Петра Великого в истории русского дворянства” (1898). Значительное место в разделе занимают рукопись монографии “Петр I” (1915–1925), в том числе текст, не вошедший в издание 1946 г., и материалы к биографии Петра I. Здесь же несомненный интерес вызывает блок трудов по теме “Русское общество и наука при Петре Великом”, относящийся к 1925 г., когда отмечали 200-летний юбилей Академии наук СССР, а также статьи, посвященные реформам Петра I в 1699–1700 гг.

Материалы работы над докторской диссертацией и книгой “Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в., а также доклады и статьи по этой доминирующей в научной деятельности М.М. Богословского теме в 1903–1911 гг. образуют следующий раздел описи, состоящий из 11 ед. хр.

Также в опись включены исследования о Русской Правде, Псковской Судной грамоте, Судебнике царя Федора Ивановича 1589 г., копии и литографии общих курсов лекций по истории России XVI–XIX вв. и семинаров по от-

¹²⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 136. Оп. 2. Ед. хр. 14. Л. 83. За предоставление сведений из дневника А.В. Орешникова автор искренне признательна ныне покойной Н.Л. Зубовой.

дельным периодам отечественной истории, прочитанных в 1903–1920 гг. в период работы М.М. Богословского в Московском университете, на Московских высших женских курсах и в Московской духовной академии, статьи по конституционному движению в России в 1730 г., материалы о трудах М.М. Богословского.

Опись № 2 “Биографические материалы” из 26 ед. хр. за 1910–1973-е годы включает личные и служебные документы за 1923–1927 гг. (в 1920-е годы М.М. Богословский состоял членом Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук, Московской секции Государственной академии истории материальной культуры, Центральной комиссии по улучшению быта ученых). Среди них мандат сотрудника Государственного Исторического музея, заявление, пропуск, расчетная книжка, список научных работ, биография (1927 г.). В опись входят воспоминания М.М. Богословского о П.Г. Виноградове, В.О. Ключевском, Н.А. Рожкове, Москве XIX в. (1927–1928), воспоминания о М.М. Богословском историка Н.М. Дружинина и литературоведа О.И. Поповой, воспоминания о семье Богословских (1949–1973), материалы о смерти М.М. Богословского (некролог академика С.Ф. Платонова, фотоснимки могилы). В описи также находятся фотографии М.М. Богословского, М.С. и М.М. Богословских (родителей), историков В.О. Ключевского, Н.П. Лихачева, других лиц (1910–1920-е годы).

Опись № 3 “Материалы по деятельности” (24 ед. хр. за 1920–1929 гг.) дает представление о научно-организационной деятельности М.М. Богословского в АН СССР за 1920–1929 гг. (переписка, удостоверения, отчеты, протоколы совещаний по рассмотрению издательского плана АН СССР и заседания подкомиссии Археографической комиссии АН СССР по подготовке, издания “Русской Правды”, отзывы о научных трудах ученых) и в Государственном Историческом музее за 1925–1927 гг. (положение и проект устава Государственного Исторического музея, отчеты о деятельности, выписки из протоколов заседаний, доклад комиссии по вопросам экспозиции, материалы по организации выставки XVI–XVII вв.).

В описи № 4 “Переписки” находятся 32 единицы хранения за 1895–1929 гг. – письма М.М. Богословскому от историков (А.И. Андреева, П.Г. Виноградова, М.В. Довнар-Запольского, Д.Н. Егорова, С.А. Жебелева, В.М. Истрина, Н.И. Новосадского, С.Ф. Платонова, С.В. Рождественского и других лиц, письма М.М. Богословского к родственникам и другим лицам.

Опись № 5 “Материалы других лиц”, состоящая из 5 ед. хр. за 1927–1929 гг., содержит автобиографию и список научных трудов С.Б. Веселовского (1928), монографию А.П. Приклонского “Иван Грозный” (1928), некролог, подписанный Д.Н. Егоровым (1927) и др. В то же время в описях № 1 и 3 заслуживают внимания документы других лиц: записка академика Н.М. Никольского о проекте Устава АН СССР (1926), сообщение академика С.Ф. Платонова в Президиум АН СССР о задачах и характере деятельности Пушкинского Дома (1926), отзывы о трудах М.М. Богословского академика М.К. Любавского (1910) и академика В.И. Пичеты (1946), оттиск статьи члена-корреспондента М.Ф. Владимирского-Буданова “Судебник 1589 года. Его значение и источники” (1902).

Необходимо отметить, что документы фонда активно используются исследователями и сотрудниками Архива. Так, в 1987 г. Архив подготовил издание “Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная (Научное наследие)”, куда вошли неопубликованные документы М.М. Богословского, хранящиеся в Архиве, в частности его интересные и красочные воспоминания о Москве XIX в.

ТИХОМИРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2004 ГОДА

“ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИОГРАФИИ КРАЕВЕДЕНИЯ”

С.О. Шмидт

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Тема нынешних Тихомировских чтений – “Источники по историографии краеведения”. Проводимые ежегодно, начиная с 1968 г., Тихомировские чтения посвящаются обычно актуальной проблематике развития археографии и смежных с ней специальных исторических дисциплин или жизни и творчества академика Михаила Николаевича Тихомирова и других видных ученых, оставивших заметный след в этих сферах научных знаний, преподавания и памятникоохранительной деятельности. Если научные конференции готовятся совместно с другими научными учреждениями, вузами, хранилищами памятников истории и культуры – архивами, музеями, библиотеками, многое предопределяется профилем работы соорганизаторов.

Тематика нынешних чтений, проводимых в Историко-архивном институте РГГУ, совместно с Центром исторического краеведения и москвоведения РГГУ, а, по существу, с возглавляемой В.Ф. Козловым кафедрой региональной истории и краеведения, профессором которой стал руководитель этого Центра Шмидт, отвечает сразу всем этим критериям: проблематика краеведения в целом и истории краеведения вызывает ныне повышенный интерес и в Москве и Петербурге, и в российской провинции, и за рубежами нашей страны. Историко-архивный институт уже несколько десятилетий признается очагом действенной работы в области историографии, и, в частности, источниковедения историографии, а теперь уже и в области краеведения и особенно методики преподавания краеведения в вузах, и истории краеведения.

Внимание к такой проблематике – в русле творческих интересов М.Н. Тихомирова, причем на протяжении всей научной биографии историка. И это следует особо подчеркнуть, и, пожалуй, именно в Историко-архивном институте, где некоторые, увлеченные теоретизированием преподаватели пренебрежительно провозглашают занятия краеведением как бы наукой второго сорта, не требующей особых исследовательских усилий (что свидетельствует и о недостаточной осведомленности в области отечественной историографии и о тенденциях развития современной науки и в России, и за рубежом).

Слово “краеведение” с начала XX в. стало общеупотребительным. Но это слово – термин широкого охвата; толкование его и в языке, и в просторечии неоднозначно. Это – многоуровневое понятие, характеризующее и научные знания, и научно-популяризаторскую и общественно-просветительскую деятельность, включая и учебную, и памятникведческую.

Общеизвестно, что уточнение тех или иных определений – необходимая предпосылка взаимопонимания, и в то же время, что всякое определение (дефиниция) условно, и обычно является недостаточно полным или слишком обобщенным, а подчас и словесным выражением представления времени возникновения понятий (так название раздела математики геометрия, в котором изучаются пространственные отношения и формы в целом в их многообразии, напоминает лишь об относящемся к измерению земли – “гео”). Определение, как давно отмечено, одновременно и самая короткая, и самая содержательная характеристика понятия.

Слово “краеведение” восходит к одному из давних значений слова “край” – страна, местность, к значению, принятому в классической художественной литературе. И существенно то, что изначальный смысл слова “ведение” подразумевает не только знание о чем-то, но и путь познания, поиска.

Проблематика всех сфер краеведения – прошлое и настоящее какого-либо “края” (чаще всего своего – по месту рождения, жительства), т.е. определенной местности (от небольшого поселения, даже улицы, монастыря, фабрики, учебного заведения и т.д. до крупного региона) и во всем многообразии и в частностях. Причем к подобной деятельности привлечены обычно не только ученые специалисты, но и лица значительно более широкого круга, преимущественно из местных жителей. По определению академика Д.С. Лихачева, краеведение – “самый массовый вид науки”.

В словарях русского языка обычно отмечается, что краеведение – это “совокупность знаний” (географических, исторических и др.). Это отражает представления о предмете и задачах краеведения в век зарождения научной мысли в России, в период организации в XVIII в. “академических экспедиций” для изучения регионов России. В наши дни уже выделились и отрасли научного краеведения (географическое, историческое или чаще историко-культурное, экономическое или историко-экономическое, литературное и др.) и опирающейся на научные знания сферы краеведческой работы (школьное, библиографическое и др.).

Основная тематика нашей конференции – источники по истории исторического, а также историко-культурного, историко-экономического краеведения в сферах научных знаний, преподавания, информативно-просветительской деятельности – это неотделимо от рассмотрения роли краеведения в формировании общественного сознания (и прежде всего в воспитании историей) и методики научной работы. Ведь сведения и размышления о близком, доступном в окружающем – своем “крае” – в основе становления представлений и о природе и об обществе, и об общем и особенном, и о взаимосвязи времен и о социокультурной традиции, а затем и о значении и возможностях научного междисциплинарного подхода к познанию явлений и настоящего, и прошлого. Понятно, что особое внимание уделяется определению места историографии краеведения в отечественной историографии в целом, особенностям источниковой базы историографии краеведения, степени ее изученности, а также включенности в труды более широкой историографической тематики. Так как не имеется однозначного словарного определения “историографии”, должно указать, что под “историографией” подразумевается в моем выступлении в первую очередь “наука о развитии исторического знания”, хотя в программе заседания и рассмотрение “историографии” как совокупности трудов (представлений) по истории изучения какого-либо явления (в нашем случае – краеведения). Но задача историографа – не только изучение развития исторической мысли, тем более исторических концепций (интерес к чему

еще сравнительно недавно преобладал в общего типа трудах по историографии и даже в учебных программах).

Задачу историографа, думается (что нашло отражение в работах прежних лет, объединенных в моей книге 1997 г. “Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии”), можно сформулировать так: изучение истории накопления исторических знаний и, соответственно, предопределяющей это во многом истории освоения исторических источников; изучение развития методики источниковедчески-исторического исследования; история развития научной исторической мысли, т.е. осмысления – в целом или в частностях – исторического процесса (это включает характерные черты проблематики исторических трудов, истолкование исторических явлений, смену методологических направлений); история создания и бытования исторических трудов и биографии их авторов; влияние явлений общественной жизни и культуры на их творчество; история научных учреждений, учебных заведений, общественных и иных объединений, занятых разработкой вопросов истории; история хранилищ памятников истории и культуры – музеев, архивов, библиотек и других; история развития исторического образования и распространения исторических знаний, воздействия исторической мысли на общественное сознание (следовательно, и на творчество авторов произведений художественной литературы и искусств и на восприятие этих произведений). В этих статьях отражены и представления об историографических источниках. Специфической особенностью источниковой базы по историографии именно краеведения является, пожалуй, большой удельный вес источников по истории музейного и архивного дела, научно-популярных работ, опубликованных в ненаучной направленности изданиях – в журналах, газетах, даже листовках и плакатах.

На огромном пространстве России, в отдельных регионах страны, явно заметны различия естественно-географических условий, социокультурных особенностей, традиционных представлений об исторических памятниках. И потому для размышлений в области широкой проблематики (исторической, историко-философской, историко-социологической) характерно сопоставительное рассмотрение не только России и зарубежья (“Россия и Запад”, “Россия и Восток”), но и особенностей развития отдельных территорий страны.

Нередко углубленно знакомилась с явлениями местной истории, ставя задачу исследовать явления всероссийского масштаба, или определить информационный потенциал отдельных разновидностей исторических источников для выяснения общих черт их. Возможность освоения таких данных представлялась серьезным ученым обязательным условием для выводов обобщающего типа. Академик М.М. Богословский в докладе об областной истории России на I Всероссийской конференции краеведов сформулировал это так: “Когда приходится писать на какие-нибудь общие темы по русской истории и когда чувствуешь под собою почву в этих местных исследованиях, то идешь уверенным шагом. Когда же нет предварительных местных исследований, задача общего историка является гораздо более сложной; тут нет такой уверенности, которую дают ему предварительные местные изыскания”¹. Имеются в виду не обязательно труды местных историков, а прежде всего “научные работы по истории отдельных областей”: к таким ученый относит и упоминает

¹ Богословский М.М. Областная история, ее научное обоснование и современные задачи // Вопросы краеведения: сб. докл., сделанных на Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края в Москве в декабре 1921 года, созданной Академическим центром. Нижний Новгород, 1923. С. 123.

мые выше свою книгу “Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в.”, монографию московского историка Ю.В. Готье “Замосковский край в XVII в.” и другие исследования ученых из университетских городов по “местной” тематике.

Следовательно, краеведческими трудами признавались отнюдь не только работы местных жителей: “история краеведения”, – это и история познания своего края аборигенами (что относится и к сфере истории местной культуры), и история изучения этого края всеми, кто занимался такой проблематикой. Все это предопределяло тесные взаимосвязи и взаимовлияние занятий историей “местной” (локальной, областной) и общероссийской. Изначально характерна местная тематика и для исследователей биографий ученых Петербурга и Москвы: в XVIII в. к высшим достижениям собственно краеведения можно отнести и труды по истории Приуралья и Поволжья жившего в Оренбургском крае П.И. Рычкова (ставшего с 1759 г. первым членом-корреспондентом Академии наук) и петербургских академиков Г.-Ф.Миллера по истории Сибири и С.П. Крашенинникова о Камчатке.

Напомним снова и о М.Н. Тихомирове – первая небольшая книга выпускника Московского университета о восстании в Пскове в 1650 г. Он был и автором первой в 1920-е годы книги по истории небольшого города (Дмитрова, где до того основал краеведческий музей). А монографии уже ставшего знаменитым Тихомирова являются в значительной степени объединением в одной книге микромонографий об отдельных городах (“Древнерусские города”) или регионах (“Россия в XVI столетии”), М.Н. Тихомиров действительно участвовал и в организации краеведческой работы в Московском и Самарском краях, затем в самой Москве опубликовал немало трудов краеведческой тематики, и потому были все основания озаглавить статью о нем в книге 1991 г. “Краеведы Москвы” – “И краевед, и академик”. Краеведческой тематики и изданная перед арестом последняя небольшая книга академика С.Ф. Платонова “Далекое прошлое Пушкинского уголка”. А сам лидер академической исторической науки С.Ф. Платонов так характеризовал в 1929 г. широкоизвестного переславского краеведа М.И. Смирнова: “В лице М.И. Смирнова мы имеем образцового по методу и научным приемам русского историка и прежде всего исключительного знатока прошлого Переславского края”². Тем самым в представлении виднейших исследователей приемы работы и научные выводы выдающихся краеведов, т.е. тех, кто сосредоточен даже лишь на краеведческой тематике, могут оцениваться как достижения “образцового... историка”. Это же наблюдение относится и к оценке источниковедческих трудов краеведов, приемов атрибутирования, установления авторства и датировки ими исторических источников.

Уже в XVIII в. краеведческие данные (и историко-экономические и естественно-географические) выявлялись и обрабатывались по методическим рекомендациям Академии наук, а “академические экспедиции” возглавляли академики. В XIX – начале XX в. по апробированным в столице рекомендациям работали на местах статистики. Издаваемый ими материал послужил фактологической основой для обобщений и предсказаний ученых и публицистов, политиков (старшие поколения осваивали это, знакомясь с трудом В.И. Ленина “Развитие капитализма в России”) – о научном и собственно источниковедческом значении сделанного статистиками имеются специальные

² С.Ф. Платонов об историках: приветствие А.Я. Ефименко (1910), отзыв о научной работе М.И. Смирнова (1929) (подг. С.О. Шмидт) // АЕ за 1993 год. М., 1994. С. 341.

работы профессора ИАИ В.К. Яцунского, выпускников, а затем и преподавателей ИАИ Б.Г. Литвака, Ю.Я. Рыбакова. Академик А.С. Лаппо-Данилевский составлял в предреволюционные годы программы выявления, изучения и публикации источников силами сотрудников и активистов губернских ученых архивных комиссий.

Еще в годы Гражданской войны краеведческой проблематике стали уделять особое внимание сотрудники и академических учреждений, и университетские профессора. В этой сфере первоначально в большей мере допускалось придерживаться привычных академических традиций научного творчества и организации научной работы, чем в вузах, где преподавание общественных наук стремительно реформировалось (или, точнее сказать, вулгаризировалось) под началом М.Н. Покровского. Возглавил краеведческую работу в стране непререкаемый секретарь Академии наук академик С.Ф. Ольденбург. В краеведческую деятельность включились виднейшие по положению ученые-академики и профессора, а она стала школой науки для тех, кого позднее изберут академиками. Статью о краеведении С.Ф. Ольденбурга сочли необходимым поместить в юбилейном сборнике 1927 г. о работе Академии наук в первое послереволюционное десятилетие. Никогда – ни ранее, ни позднее – не было столь тесной и плодотворной взаимосвязи краеведения и “большой науки”.

Тогда занялись планомерно детальным исследованием повседневности во всем ее многообразии и изменений в быту и в общественном сознании, в материальной и духовной культуре, происходивших после 1917 г.; старались – как отмечал С.В. Бахрушин – соединить архивные изыскания с обследованием местности изучаемых исторических явлений. И все это находило отражение во многих периодических и иных центральных и местных изданиях (специально изучаемых выпускниками ИАИ С.Б. Филимоновым³ и В.Ф. Козловым). Новаторские исследования, междисциплинарные по научной методике, и очень результативная собирательская работа, существенно обогащавшая наши музеи, явственно захирела после разгрома историко-культурного и историко-экономического краеведения на рубеже 1920–1930-х годов. Тогда виднейших краеведов подвергли репрессиям, связав это преследование с фальсифицированным “делом историков” С.Ф. Платонова, М.М. Богословского (осуждавшегося уже посмертно) и других. Прекратили научную деятельность и в большинстве краеведческих общественных объединений на местах; порушили многие музейные экспозиции; краеведческие издания спрятали в спецхран, и уцелевшие ученые, составлявшие в позднейшие годы свои списки научных трудов, опасались упоминать об участии в таких репрессированных изданиях – эти печатные труды 1917– начала 1930-х годов введены в обиход библиографии С.Б. Филимоновым в его статьях в Археографических ежегодниках за 1985 и 1999 годы об использовании краеведческих изданий тех лет при составлении персональных указателей трудов видных советских ученых (не только историков, но и филологов, географов и др.).

Настолько старались вытравить память об этом “золотом десятилетии” нашего краеведения, когда оно воспринималось и как заметное явление общественной жизни, что статьи о краеведении не решались включать в словник энциклопедических словарей, начиная с первого издания Большой советской энциклопедии. В посвященном развитию исторической науки в первые десятилетия советской власти IV томе академических “Очерков истории ис-

³ См.: *Филимонов С.Б. Краеведение и документальные памятники (1917–1929 гг.)*. М., 1989.

торической науки в СССР”, изданном в 1966 г., т.е. через 10 лет после XX съезда КПСС, Г.Д. Алексеева в очерке “Научные общества и музеи”, со-общая о краеведческих обществах и о “бурном росте краеведческой работы” в первые годы Советской власти, ограничилась двумя абзацами и не упомянула о новациях и в тематике, и в методике краеведческих научных трудов⁴.

Именно, организационной, просветительской (учебной, музейной) сторо-нам деятельности краеведов уделяли преимущественное внимание и в первых работах по истории советского краеведения раннего периода, начавшихся по-являться со второй половины 1960-х годов, когда с краеведением во многом сомкнулось и памятниковедение. Не рассматривали и роль краеведческих на-чинаний в истории интеллигенции, в процессе приобщения ее в той или иной форме к культурному строительству, объявленному социалистическим.

Не сразу уловили новый подход к изучению истории краеведения “золо-того десятилетия” в контексте развития научных знаний, культуры, роли ин-теллигенции в общественной жизни и изменениях в мироощущении самой ин-теллигенции и зарубежные советологи. На международной конференции 1994 г. “Россия в XX веке: судьбы исторической науки” тема моего доклада “Краеведение в культуре России первой трети XX столетия”⁵ была восприня-та как новинка.

Но с тех пор интерес к истории, и прежде всего к научным достижениям нашего краеведения, настолько возрос, что в мае 2000 г. в парижском универ-ситете Сорбонна, по инициативе ее руководства (проректора специалиста по истории и культуре Восточной Европы Ф. Конта) собралась Международная конференция, посвященная опыту работы российских краеведов, – “Краеве-дение в России (1890–1990). Истоки, кризис, возрождение”. Как раз в 1990 г. 27 апреля, за десять лет до того, состоялся Учредительный съезд Союза кра-еведов России, возрождавший начала координации научно-просветительской и общественной деятельности краеведов.

Конечно, широкоаспектен интерес к изучению местной истории в огром-ном многонациональном и многоконфессиональном государстве, с такими различиями естественно-географических и социокультурных особенностей отдельных его регионов и даже малых территорий. Но особо привлекал ор-ганизаторов конференции опыт работы краеведов на местах в послереволю-ционное десятилетие, методически направляемый Академией наук, когда краеведы, не слишком еще теоретизируя, поставили перед собой задачи, ко-торые ныне связывают с научным направлением “новая локальная история”. Они разрабатывали научно-перспективную новую методику с широким ис-пользованием и приемов “устной истории”, и совмещением традиционных приемов собственно исторической науки и этнологии, социологии, психоло-гии, языкознания.

С превалярованием в мировой науке с конца XX в. внимания к конкрети-ке социокультурной истории (и при том на стыке наук) зарубежные ученые заинтересованно обратились к опыту российских краеведов 1920-х годов. По-казательно, что один из докладов нашей делегации (из 15 человек) был посвя-щен роли периодических краеведческих изданий в изучении местной истории и культуры (доклад В.Ф. Козлова). Материалы конференции опубликованы как очередной том международно-известного издания “Cahiers Slaves”⁶.

⁴ См.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966. Т. IV. С. 255–256.

⁵ См.: Россия в XX веке: судьбы исторической науки. М., 1996. С. 496–505.

⁶ Les Études regionales en Russie (1890–1990): Origines, crise, renaissance. P., 2002 (Cahiers Slaves. № 6: Civilisation russe).

Таким образом, направленность и методика работы наших краеведов “золотого десятилетия”, т.е. 70–85 лет назад, в определенной мере предвосхищала воспринятое ныне некоторыми нашими соотечественниками как зарубежные новации. В буквальном смысле подтверждается мудрость наблюдения, что “новое – это основательно забытое старое”. И приходится сожалеть, что подобная форма забывчивости обнаруживается у некоторых преподавателей вуза, задача которого способствовать сохранению историографической памяти и воспитанию уважения к ней у молодежи.

Это еще раз подтверждает и неосведомленность в нашей историографии, и необходимость включения знаний и об изучении явлений “местной (локальной, региональной) истории”, и о работе историков на местах в обобщающего типа трудах по историографии, особенно в учебных пособиях. И уж во всяком случае в большей мере опираться на историографическое наследие местной тематики (труды по местной истории об исторических источниках местного происхождения) в преподавании и историографии, и источниковедении в местных вузах.

Следует устранить представление будто бы краеведение сводится к напоминанию о местных “достопамятностях” – памятниках истории и культуры, памятных местных событиях, местных знаменитостях, что это витрина антикварного магазина местной истории. И в то же время осознавать, что обращение к подобной тематике – традиционная, связывающая интересы разных поколений, важная часть занятий краеведением и популяризации знаний о нашей истории и культуре, причем и о новом, и новейшем периодах отечественной истории (о героизме и страданиях времен Великой Отечественной войны, о сталинских репрессиях и т.д.). Более того, именно эта тематика наиболее привлекательна для приезжих. Очень велико и ее значение в воспитании исторического (и в целом общественного) сознания любви к Малой Родине. И поскольку “любовь к отеческим гробам, любовь к родному пепелищу”, как убежденно писал Пушкин, – свойство здоровой человеческой натуры, необходимо стараться, чтобы знания о местных достопамятностях (даже в сознательно примитивной, рассчитанной на усвоение малоподготовленными к исторической информации форме), опирались на научные современные представления.

А это обязывает ученых больше внимания уделять научной популяризации. Пренебрежение к такого рода творчеству, знак не только неразумной кичливости, но и неумения, неспособности к доходчивости изложения. Академик М.Н. Тихомиров, уже будучи исследователем, труды которого получили мировое признание, счел необходимым публично указать на то, что задача ученого “заключается в популяризации науки, а вовсе не в том, чтобы эту науку сделать достоянием лишь немногих” и “историк не просто исследователь, выпускающий из лаборатории нужный продукт. Историк – это и писатель. Иначе ему нечего братья за такой труд”⁷.

В общего характера работах по отечественной историографии – и, к сожалению, прежде всего в учебных пособиях – недостаточно отмечается то, что значение исторической науки определяется не только сохраняющейся научной ценностью созданного историками, но и характером его воздействия на современников – тем в какой мере историк становится властителем умов, как влияют труды историков на развитие литературы, искусств, формирование общественного сознания.

⁷ Тихомиров М.Н. Русская культура X–XVIII вв. М., 1968. С. 348; Новое о прошлом нашей страны (памяти академика М.Н. Тихомирова). М., 1967. С. 17.

Отечественная историческая наука стала ощутимо привлекательней для общества лишь тогда, когда широкий читатель смог познакомиться с томами “Истории государства Российского” Н.М. Карамзина, сопровождаемыми и высшего по тому времени уровня научными примечаниями для особо любознательных и для заинтересованных ученых. Доступность изложения, язык, достойный нашей классической художественной литературы – характерная черта написанного всеми по настоящему выдающимися отечественными историками. И даже самые известные и видные по положению выступали в печати с небольшими научно-популярными сочинениями – в послевоенные годы Н.Н. Воронин, Д.С. Лихачев, Б.А. Рыбаков, А.П. Окладников, М.В. Нечкина, в наши дни – А.П. Деревянко, Н.Н. Покровский, Ю.А. Поляков, В.Л. Янин. Показательно, что многие из популярных сочинений названных авторов можно отнести к собственно краеведческой (т.е. “местной”) тематике. В трудах этих – обычно образцы и источниковедческого анализа, и приемов атрибутирования и “достопамятностей” из “антиквариата” местной истории.

Такие труды являются вкладом и в широкоперспективное развитие археологии, источниковедения, палеографии и других специальных дисциплин и их отраслей (дипломатики, мемуаристики и т.д.). Думается, на примере изучения прежде всего более знакомых местных памятников истории и культуры и событий, и лиц местной истории и следует обучать студентов исследовательским приемам. Это – демонстрация, к тому же, уважительного интереса к явлениям местной истории и ее памятникам не только местных ученых и любителей; и в то же время внимания исследователей столиц и других научных центров к выводам и наблюдениям местных краеведов.

До сих пор еще в общих лекционных курсах историографии подчас ограничиваются характеристикой свершаемого в столицах и в некоторых университетских городах; почти не отражается и взаимосвязь этих крупных научных центров с периферией. Отсутствуют данные о состоянии историко-культурного краеведения в целом по стране и об особенностях его истории и направленности в отдельных местностях (и – что особенно важно – в крае, где находится вуз). А краеведение ведь не только играло повсеместно значительную роль в развитии культуры и общественного сознания, но и в расширении понятий о собственно историческом научном знании и методике выявления и использования источников такого знания. Краеведческой проблематике следовало бы отводить больше места и в занятиях по истории культуры и об основах культурологии.

После революции краеведение первое время признавали “массовым историко-культурным движением” и даже важной сферой культурно-просветительской политики. С начала 1930-х годов такие представления старались вычеркнуть даже из памяти, и стали полагать, что краеведение – это область лишь школьного обучения (так как без выработки навыков познания близкого невозможно освоить умение познавать и все остальное) и в некоторой степени допустим краеведческий подход в музейных экспозициях, рассчитанных обычно на самое непритворное массовое восприятие. И прежние экспозиции, знакомящие прежде всего с особенностями социокультурного развития края, были заменены стандартизированными с жестким отражением “классового” (т.е. вульгарно-социологического и одностороннего) взгляда на исторические явления и оценки. Из исторических “достопамятностей” самостоятельную ценность сохраняли, по существу, относящиеся к разделу археологических памятников, а для нового времени к тому, что близко к фольклорной

тематике, особенно в национальных республиках. Все преимущественно сводили к пропаганде местных революционных, трудовых, позднее и боевых традиций, при строгом цензурированном отборе имен и событий, допустимых к употреблению в исторической памяти. Особенно изощрялись в выявлении данных о пребывании в данной местности (даже кратковременном) лиц, известных всей стране. Повседневность воспринималась (точнее сказать, преподносилась) безличностно в этнологическом плане.

В конце XX в. такой безличности в изображении и стандартизации в толковании постепенно стали противопоставлять новации (используя и возрождающиеся приемы краеведения “золотого десятилетия”). Быстрота перемен ощутима и в местных изданиях, и на научных конференциях, еще больше в преобразенных музейных экспозициях. Вернулась тяга к традиционным прежде генеалогическим (а также к просопографическим) изысканиям – и главное – возможность заниматься этим без опасений в случае обнаружения в фамильном древе эмигрантов или тех, кого еще не так давно клеймили как “врагов народа”. Эти новые интересы и возможности прослеживаются четко в пристрастиях школьников, участвующих в конкурсах исторических работ исследовательского характера (лучшие из которых публикуются).

К краеведению постепенно возвращается общественно-культурное и воспитательное значение, существенно обогащается его содержательная наполненность. Краеведение начинает занимать и все более достойное место в программах не только школьного, но и вузовского обучения. Кафедры краеведения и региональной истории создаются не только в вузах педагогической направленности, но и в классических университетах. Краеведческая работа начинает снова обретать статус уважаемой общественно-культурной деятельности, интересующей не только ученых, педагогов и любознательных коллекционеров информации о достопамятностях, но и более широкую общественность, а теперь уже и властные структуры. И именно личная плодотворная и успешная краеведческая деятельность должностных лиц обеспечила им положение лидеров местной культуры и признание их особых заслуг и за пределами “края”, как в Твери М.А. Ильина (многолетнего всероссийски известного и своими печатными трудами руководителя архивной службы)⁸, так и генерал-полковника в отставке Ю.М. Бошняка, ставшего энергичным и просвещенным директором Музея.

Несмотря на распад Советского Союза, удерживаются связи по интересам с периферией и Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и Союза краеведов России. Это отвечает возрастающим потребностям на местах. Но практически реализовать организацию конференций и семинаров краеведов, собирающихся из разных местностей, издавать материалы этих заседаний удастся лишь при помощи властных структур, общественных фондов, просвещенных коммерсантов.

Безусловным показателем понимания и научного, и общественного значения краеведения является издание многих региональных энциклопедий, требовавшее, как правило, сплочения местных специалистов и больших материальных вложений. Издания эти могут рассматриваться как результат и многообразной работы краеведов недавних лет, и творческого освоения историографического наследия (прежде всего, обращения к изданному и к за-

⁸ См. кн.: Прежде всего историк. О Марке Александровиче Ильине – историке, архивисте, краеведе, руководителе архивной службы Тверской области (1919–1999). Тверь, 2003.

готовкам к печати еще в 1920-е годы). Международный научно-практический семинар 2003 г. о проблемах создания региональных энциклопедий можно считать определенной вехой в развитии и краеведения и его историографии⁹.

Особенно ценна и перспективна для развития краеведения инициатива председателя Совета Федерации и лидера “Партии жизни” С.М. Миронова, который помог провести Всероссийский семинар краеведов в Зарайске 30 января 2004 г. и издать подготовленный на этой основе сборник статей “Краеведение в России: История. Современное состояние. Перспективы”.

Сейчас наблюдается буквально вал трудов – особенно подготовленных к печати в провинциальных издательствах – и по истории краеведения, о его роли в развитии научных знаний, культуры, общественной жизни. В 1992 г. вышла из печати (в Твери) моя небольшая книга “Краеведение и документальные памятники” (в основе ее – глава, предназначавшаяся для включения в планируемое к переизданию учебное пособие о документальных памятниках). Там была предпринята попытка первого обобщения данных по проблематике, выпавшей из поля зрения и историографов и историков общественных отношений. Особое внимание уделялось данным о “золотом десятилетии” нашего краеведения и разгрому краеведения в злое время “великого перелома” 1929–1930 гг., когда это стало одной из первых акций укрепляющего сталинского тоталитаризма¹⁰. К радости моей, можно констатировать, что работа эта через 13 лет кажется уже далекой от полноты в плане историографической информации о современных направлениях научной работы краеведов и тем более о библиографических данных. Причем не только об изучении культуры российской провинции (чему были посвящены организованные нами же конференции и издания) и краеведения в разных регионах, но и об особенностях краеведения в Москве и Петербурге. Там литература существенно обогатилась и было подготовлено особенно много изданий в преддверии юбилейных торжеств. (Могу об этом рассуждать с достаточной компетентностью, так как возглавляю и экспертный совет изданий по москвоведению, и жюри по присуждению Анциферовских премий за труды по петербурговедению.)

Совершенно неосновательно мнение, будто после потока изданий прошлого столетия к 850-летию Москвы комплекс москвоведческих изданий последующих годов можно определять как “ручеек”. Количество изданий, конечно, существенно уменьшилось, но за счет подарочных роскошных, однако, невысокой научной новизны, и выброшенной тогда на книжный рынок макулатуры (впрочем, иногда привлекательной своим внешним оформлением), рассчитанной на самый неприхотливый вкус. Мне уже в 1997 г. довелось публично высказываться о такого вида изданиях и устно, и в печати – в журнале “Книжный клуб”, в “Литературной газете”. Ныне, при подготовке “Московской энциклопедии” в нескольких книгах, можем убедиться насколько расширилась база печатных материалов по москвоведению в прошлое десятилетие, особенно по сравнению со временем, когда готовили к печати, вышедшую в 1997 г. однотомную энциклопедию “Москва”, где мне довелось быть главным редактором.

⁹ Проблемы создания региональных энциклопедий: материалы межд. науч.-практ. семинара (Санкт-Петербург, 14–16 октября 2003 г.). СПб., 2004.

¹⁰ Шмидт С.О. Краеведение и документальные памятники. Тверь, 1992. С. 21–70.

Организуемые по почину кафедры региональной истории и краеведения Историко-архивного института РГГУ ежемесячные представления новейшей краеведческой литературы убеждают в том, что интенсивность творческой деятельности и москвоведов, и краеведов России в целом не ослабевают. Обнаруживается и то, что краеведческая тематика и методика стыкуются все в большей мере с разными отраслями знаний, и такие труды воспринимаются как база (если даже не полигон) междисциплинарных научных разработок.

В плане собственно историографической проблематики особенно существенно показательное для недавних лет обилие работ о краеведах XVIII – XIX – первой трети XX столетий, переиздание их трудов, публикация ранее ненапечатанного. Подготовлено много учебных пособий по краеведению для высшей и особенно средней школы, популярных изданий, доступных даже самым юным и в то же время не безынтересных и для бабушек, и для дедушек. И действительно, есть основания для употребления при характеристике краеведческих изданий рубежа наших веков выражения “краеведческий бум”.

Это отражает такие все более утверждающиеся в нашей общественной жизни и в нашем мироощущении явления, как демократизация общественной деятельности, усиление роли провинции, освобождение в развитии культуры от столичного диктата, возможность обращения к тематике, ранее недозволенной, нравственное устремление к восстановлению исторической правды.

В сфере научной мысли и ее восприятия это предопределено не только современными обстоятельствами истории нашей страны, но и возрастающей во всем мире в среде и ученых, и потребителей их продукции, тягой к познанию социокультурной истории, и особенно повседневности, сменившей преобладающий прежде интерес к государственно-политической, социально-экономической истории, к широкой проблематике истории культуры и ее межконтинентальных и иных глобальных взаимосвязей. И для ученых специалистов, и тем более для историков-любителей ныне особенно привлекательны локальная история, микроистория, просопография с генеалогией, и конечно, как и прежде “достопамятности” (внимание к которым все усиливается с распространением массовой “индустрии” историко-культурного туризма). Корневые бытовые традиции кажутся особенно драгоценными со стремительным вторжением и в наши малые мирки новейших технологий, сокрушающих привычные нормы жизненного обихода, со стрессовыми изменениями темпов нашего бытия, с продолжающимся расширяться представлением о доступном нашему обозрению и в пространстве, и во времени.

Создалась уже такая основательная база многообразных историографических источников краеведческой проблематики, и на поприще изучения истории краеведения проявило себя столько исследователей и молодого поколения, что можно планировать подготовку работы и академического типа по истории краеведения в России, и подходить к этому в широком контексте и отчизноведения, и культурологии, и науковедения.

Накопился материал и для трудов по историографии краеведения как обзорных или обобщающего типа в масштабах всей России (и, конечно, с выявлением развития исторического знания, т.е. историографии, в целом), так и региональной тематики. Важным предварительным условием является составление региональной тематики библиографий. Желательно, чтобы учитывались и публикации “малых” форм в журналах широкого профиля, в га-

зетах, буклеты выставок и т.д. К участию в предварительной подготовке таких начинаний, несомненно, должны быть привлечены и местные научные учреждения, вузы, хранилища памятников истории и культуры – архивы, библиотеки, музеи, общественные объединения. И важно не только обеспечить консультациями ветеранов краеведения, но не в меньшей мере умение заинтересовать этим молодежь.

Тематика нынешнего заседания – в русле современных тенденций развития и краеведения, и историографии, и источниковедения; оно, хочется думать, будет способствовать дальнейшей работе в этих направлениях.

В.Ю. Афиани

РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КРАЕВЕДЕНИЯ И КОМПЛЕКСНАЯ ПРОГРАММА “КУЛЬТУРА РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ XVIII–XX вв.”

В апреле 1991 г. в Москве состоялась первая научная конференция “Русская провинция. Культура XVIII–XX вв.” Так началась реализация всероссийской комплексной программы “Культура российской провинции”¹. Первые конференции приветствовал академик Д.С. Лихачев. Руководителем программы все годы беспрерывно был С.О. Шмидт.

Программа выросла из семинара по истории провинциальной культуры, примером для которого, в какой-то мере, послужил знаменитый семинар Н.К. Пиксанова. Идея семинара возникла у С.О. Шмидта, В.Ю. Афиани, А.А. Сундиевой и ряда других участников II Всесоюзной конференции по историческому краеведению в апреле 1989 г. в Пензе. Семинар работал в 1989–1990-е годы в стенах Института культурологии Министерства культуры РФ.

Первоначальная цель программы – воссоздание “целостной картины культурной жизни русской провинции во всем многообразии ее проявлений и взаимосвязей”, выявление общего и особенного в культуре провинции, региональных отличий и породивших их причин. Полтора десятка лет – достаточный срок для подведения некоторых итогов работы. За прошедшие годы изучение истории культуры российской провинции стало одним из ведущих направлений научных исследований и предметом многочисленных публикаций в отечественной периодической печати.

Осознание значения культуры российской провинции в истории русской культуры прошло несколько этапов. Еще историк литературы и краевед Н.К. Пиксанов называл русскую культуру “одной из самых провинциальных культур Европы”, имея ввиду особую роль географического, территориального, пространственного фактора для России². Хорошо известно, какое значение “необъятным русским пространствам” в истории и культуре России придавал философ Н.А. Бердяев³. Категория “пространства” для истории русской провинции является, конечно, определяющей. В последнее

¹ Русская провинция. Культура XVIII–XX вв.: сб. ст. по материалам первой республ. научн. конф. по изучению провинц. к-ры. М., 1993.

² Пиксанов Н.К. Областные культурные гнезда. М.; Л., 1928.

³ Бердяев Н.А. О власти пространства над русской душой // *Он же. Судьба России*. М., 1990.

время, видимо, не без влияния работ знаменитого французского историка Фернана Броделя такой подход получил распространение и в исторических исследованиях⁴.

В 1920-е годы проблемы культуры глубоко разрабатывались в трудах классиков краеведения, но широкое исследование истории культуры российской провинции началось только в 1990-е годы.

Программа “Культура российской провинции XVIII–XX вв.” с самого начала задумывалась как комплексная, междисциплинарная. Одна из главных ставившихся задач программы – попытаться преодолеть сложившееся жесткое отраслевое разделение изучения культуры. Необходимо было объединить исследователей, занимающихся смежными проблемами, поэтому для участия в конференции приглашались историки, историки культуры, филологи, искусствоведы, литературоведы, краеведы и т.д. Общее число активных участников конференций достигло 350 человек из 35 городов России, а также ближнего и дальнего зарубежья: из Симферополя (Украина, Крым), Фрайбурга (ФРГ), Парижа (Франция). Шире всех остальных городов представлены Москва и Пенза, активно выступали исследователи из Воронежа, Саратова, Самары, Санкт-Петербурга, Омска, Тамбова, Тулы. Недостаточно полно оказались представленными научно-исследовательские центры Белгорода, Владимира, Курска, Орла и таких регионов, как Север России, Сибирь и Урал.

В сборниках докладов и сообщений конференций опубликовано более 230 докладов. Они составили целую библиотечку по истории культуры российской провинции и краеведению и вошли в научный оборот.

После первой конференции 1991 г., посвященной комплексу проблем истории провинциальной культуры, планировалось проведение серии специализированных конференций по культуuroобразующим центрам (локусам): городу, усадьбе, селу, монастырю, поэтому Вторая конференция в Ельце в мае 1992 г. имела тематику по проблемам культуры малых городов России⁵. Однако в этот период начало активно развиваться изучение малых городов, русской усадьбы, стали выделяться самостоятельные направления, появились свои центры, такие, как возрожденное “Общество изучения русской усадьбы”, Исследования в рамках программы сосредоточились на комплексном рассмотрении проблем, на изучении истории культуры в тесной связи с краеведением. Третья Всероссийская научная конференция в июне 1995 г. в Пензе была посвящена изучению “реалий культурной жизни” российской провинции⁶. С этого времени Пенза стала традиционным местом конференций, сво-

⁴ Бродель Ф. Что такое Франция? Пространство и история. М., 1994. Т. 1. Термин “пространство” в последнее время стал модным, в выходящих работах подчеркивается значение проблемы “культуры и пространства”, и “необъятность” этой темы. См.: *Свирида И.И.* Культура и пространство: аспекты изучения // Культура и пространство. Славянский мир. М., 2004. С. 5. К сожалению, авторы этого интересного сборника статей недостаточно знакомы со многими близкими по тематике работами отечественных авторов, посвященными аналогичным проблемам, в частности, опубликованным в материалах конференций по истории культуры российской провинции.

⁵ Материалы Второй конференции в Ельце в полном объеме не опубликованы. Частично изданы: *Провинциальный город: культурные традиции, история и современность.* М., 2000. Материалы Третьей конференции см.: *Русская провинция. Культура XVIII–XX вв.: реалии культурной жизни: материалы III Всерос. науч. конф. Пенза, 25–29 июня 1995 г.: тезисы.* Пенза, 1995; *Российская провинция XVIII–XX веков: реалии культурной жизни: материалы III Всерос. науч. конф. Пенза, 25–29 июня 1995 г.* Пенза, 1996. Кн. 1–2; Четвертая конференция в июне 2000 г. была специально посвящена краеведческим проблемам. См.: *Отечественная культура и развитие краеведения: материалы IV Всерос. науч. конф. Пенза, 26–27 июня 2000 г.* М., 2001.

⁶ См. об этом: *Российская провинция XVIII – XIX вв.: реалии культурной жизни: материалы III Всерос. науч. конф. Пенза, 25–29 июня 1995 г.* Пенза, 1996. Кн. 1–2.

его рода центром исследований культуры российской провинции. Четвертая конференция в июне 2000 г. прошла под девизом изучения взаимосвязи отечественной культуры и краеведения⁷. Пятая конференция, состоявшаяся также в Пензе в июне 2001 г., была сосредоточена на тематике научного наследия В.О. Ключевского и проблемах изучения российской провинциальной культуры и историографии⁸.

Одним из важных направлений дискуссий на конференциях стали теоретические и методические вопросы изучения истории культуры. Постоянно привлекают внимание проблемы современного понимания краеведения, его задач, методов, места в тех сложных процессах, которые происходят в нашей стране и в мире, в области познания и культуры, соотношения краеведения и других близких ему научных дисциплин и подходов.

Теоретический характер, прежде всего, имеют выступления С.О. Шмидта. В каждом своем вступительном слове он подводит итоги исследований предшествующего периода, высказывает свою точку зрения по дискуссионным проблемам (термины “провинциальная культура”, “культура и цивилизация”, взаимосвязи понятий “провинциальный”, “региональный”, “местный”, “локальный”), характеризует актуальные области и направления исследований⁹.

Очевидно, что история культуры русской провинции является частью истории отечественной культуры. Но стоит заметить, что эта тема не стала заметной в специальных работах по истории культуры XVIII–XX вв., в том числе по истории художественной культуры¹⁰.

По традиции, заложенной в начале XX в., изучение истории культуры российской провинции тесно связано с краеведением и без большого преувеличения можно сказать, – вышло из него одновременно с утверждением самого термина “краеведение”¹¹. Достаточно вспомнить тематику исследований

⁷ Отечественная культура и развитие краеведения: тез. докл. Всерос. науч. конф. Пенза, 26–27 июня 2000. Пенза, 2000; Отечественная культура и развитие краеведения: материалы IV Всерос. науч. конф. Пенза, 26–27 июня 2000. Пенза, 2001. См. также: *А.Н. Акиншин* “Отечественная культура и развитие краеведения” (Всерос. науч. конф. в Пензе) // АЕ за 2000. М., 2001. С. 481.

⁸ Материалы конференции находятся в печати. Об этой конференции см.: *Лохина Т.В., Мельников А.В.* Всероссийская научная конференция “В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии. Пенза, 25–26 июня 2001 г.” // Археографический ежегодник за 2001 год. М., 2002. С. 453–455.

⁹ Отдельные исследователи продолжают выражать свои сомнения относительно обоснованности использования термина “провинциальный”. Э.А. Шулепова высказывала свою точку зрения на идентичность понятий “провинциальный” и “региональный”, отдав предпочтение последнему. В качестве аргумента дается ссылка на зарубежную традицию, что там якобы “плохо воспринимаются” тексты российских исследователей, использующих термин “провинциальный”, в зарубежной научной литературе также работает термин “региональный”, “локальный” (*Шулепова Э.А.* Региональная культура как исследовательская проблема // *Российская провинция XVIII–XX веков: материалы Всероссийской конференции*. Кн. 1. С. 184). Это не совпадает с представлениями большей части участников конференций. Прежде всего, обедняется понятийный инструментарий, где можно найти свое место и “провинциальному”, и “региональному”, и “локальному”, и многим другим терминам и понятиям, которые еще предстоит осмыслить.

¹⁰ Исключения составляют работы по истории декоративно-прикладного и народного искусства. См. например: *Василенко М.В.* Русская народная резьба и роспись по дереву XVIII – XIX вв. М., 1960; *Разина Т.М.* Прикладное искусство в русской культуре XVIII – XIX вв. М., 2003.

¹¹ *Шмидт С.О.* “Золотое десятилетие” советского краеведения // *Отечество: краевед. альманах*. М., 1990. Вып. 1. С. 12; *Он же.* Краеведение и документальные памятники. Тверь, 1992. В XIX в. существовало в сфере образования “родиноведение” или “отчизноведение”. См.: *Шмидт С.О.* История, современное состояние и перспективы развития краеведения // *Краеведение в России: история, современное состояние и перспективы развития: материалы Всероссийского семинара краеведов “Любовь к малой родине – источник любви к Отчизне”*. Зарайск, 30 января 2004 г. М., 2004. С. 12.

классиков “золотого десятилетия” краеведения – имена Н.П. Анциферова, И.М. Гревса, Н.К. Пиксанова и др. Изучение истории культуры российской провинции сближает интерес к повседневной жизни людей того или иного города или населенного пункта, их истории, обычаев и нравов, к повседневной культуре, к деятельности провинциальных подвижников культуры.

Мировая наука все больше проявляет интерес к историческим событиям, к жизни человека на микроуровне. В зарубежной историографии опыт исследования микроистории значительно более длителен. Об этом свидетельствует хотя бы уже упоминавшийся труд Ф. Броделя. В отечественной историографии долгое время эти темы оставались в сфере преимущественно краеведческого интереса.

Краеведению и истории культуры российской провинции близко такое развивающееся с недавних пор направление исторических исследований, как “локальная история”. Этот термин распространен в современной западноевропейской историографии. В европейских странах местная, локальная история – составная часть общей истории страны. Но к “локальной истории” относят не только историю отдельных территорий страны, историю города, села, но и историю отдельной страны, народа. По мнению сторонников этого направления, в ней “сочетаются демографический, социокультурный, экономико-статистический, правовой, политический, историко-географический подходы стереотипов поведения в социокультурном, бытовом, природно-географическом и геополитическом контекстах обживаемого им пространства, важной стороной исследования локальной истории является изучение истории изменения форм, структур и функций самого локального пространства”¹². Очевидно, что полного совпадения с предметом и задачами краеведения здесь нет.

В конце XX в. у краеведения появился другой серьезный конкурент – набирающая вес и влияние региональная история. Во-многом она близка “локальной истории”. Регионоведение (регионоведение, регионалистику) или “историческое регионоведение”¹³, “культурный регионализм” иногда противопоставляют краеведению¹⁴. Но очевидно, что это, при всей их близости, существенно отличающиеся друг от друга явления. В.В. Кондрашин (Пенза) на одной из конференций по программе отмечал две точки зрения, представленные в литературе¹⁵. По одной из них, краеведение поставляет регионоведению эмпирический материал, на котором делаются обобщения и выводы.

¹² Колесникова М.Е. Социокультурное пространство локальной истории Ставрополя: источниковедение и историография // Вестн. Ставроп. гос. ун-та. Ставрополь, 2002. Вып. 30. С. 19–29; См. также: Румянцев М.Ф. Локальная история в актуальном социокультурном пространстве // Ставрополь – врата Кавказа: история, экономика, культура, политика: материалы регион. науч. конф., посвящ. 225-летию г. Ставрополя. Ставрополь, 2002. С. 28–34; Маловичко С.И., Бульгина Т.А. Современная историческая наука и изучение локальной истории // Новая локальная история. Ставрополь, 2003. Вып. 1: Новая локальная история: методы, источники, столичная и провинциальная историография: материалы Первой всерос. науч. Интернет-конференции. Ставрополь, 23 мая 2003 г.

¹³ В зарубежной литературе, например, в Нидерландах, где активно развиваются региональные исторические исследования, на этот счет также имеются разные точки зрения. См.: *Gerard Trienekens. Teoretische en methodologische aspecten van den local en regionale geschiedenis* // F. van Besouw et. Balans en perspectief. Groningen, 1987; *Pim Kooij. Hoe Provinciaal is de Regio?* Groningen, 1990.

¹⁴ Истомина Э.Г. Краеведение и историческая география культуры (к постановке проблем) // Современное состояние и перспективы развития краеведения в регионах России: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. 10–11 дек. 1998 г. Москва, М., 1999. С. 53.

¹⁵ Кондрашин В.В. Плюсы и минусы современного исторического краеведения в России // Отечественная культура и развитие краеведения: материалы IV Всерос. науч. конф. Пенза, 26–27 июня 2000 г. М., 2001. С. 112.

При таком подходе краеведение становится делом одних любителей родного края. Другая точка зрения – регионоведение и есть краеведение, занятие им – дело специалистов-профессионалов. В таком подходе краеведение замещается регионоведением. Сам исследователь солидаризируется с пониманием краеведения как науки и общественного движения. Он обращает внимание на бурные процессы профессионализации в изучении местной истории, защиту диссертаций, издание местных энциклопедий и справочников и др., считая ведущей тенденцией современного краеведения, превращение его в “большую науку”¹⁶. В.А. Муравьев посвятил свое выступление проблемам дисциплинарных границ между краеведением и “регионалистикой”.

С.О. Шмидт считает, что регионоведение – это “сфера междисциплинарной научной деятельности, комплекс более широких (и в то же время менее конкретизированных) знаний... регионоведение обязательно включает познание современного состояния региона, освоение данных и политологии, и экономической географии”, которая признается важной для познания не только настоящего и прошлого, но и прогнозирования будущего¹⁷. Регионоведению интересуют территория региона во всем ее разнообразии, экономический и географический аспект представляется более важным, чем культурно-исторический. Краеведение может “подпитывать” регионоведение информацией. Историю русской культуры можно изучать на примере Московского региона, но невозможно изучение культуры провинции на примере московского или Санкт-Петербургского регионов.

Свой подход к этой проблеме отстаивают и историко-географы. Обосновывается изучение культуры как явления территориального, “испытывающего многоплановое воздействие географического фактора”, – “географии культуры”, ставится задача “вскрыть сложные системные связи и взаимодействия территории (целого) и культуры”, дать характеристику ее “пространственной организации”, анализ “включенности культуры в территорию (целостную социоприродную реальность) и в территориальные процессы”¹⁸. Такой подход представляется плодотворным, дополняющим традиционные историко-культурные исследования.

О возможности еще одного направления развития исследований культуры российской провинции – “провинциологии” – поставил вопрос И.Л. Беленький¹⁹. Его статьи, как всегда оригинальные в постановке вопросов и фундаментально информационно насыщенные, свидетельствуют о том, что на более углубленном уровне в области терминологии, разработки понятийного аппарата предстоит еще большая работа.

При разработке комплексной программы “Культура российской провинции” главными задачами были сформулированы следующие: исследование механизма формирования и функционирования культуры провинции и ее местных особенностей; характер взаимосвязей культуры провинции с культу-

¹⁶ Там же. С.116.

¹⁷ Шмидт С.О. История, современное состояние и перспективы развития краеведения // Краеведение в России: история, современное состояние, перспективы развития: материалы Всерос. семинара краеведов. М., 2004. С. 12–13.

¹⁸ Истомина Э.Г. Указ. соч. С. 53. См. также: Дружинин А.Г., Суций С.Я. Очерки географии русской культуры. Ростов-н/Д, 1994.

¹⁹ Беленький И.Л. “Провинция” как предмет знания и переживания, возможна ли “провинциология” // Российская провинция XVIII–XX веков: реалии культурной жизни. Пенза, 1996, С. 34–54; Он же. Возможна ли “провинциология” (несколько дополнительных замечаний) // Отечественная культура и развитие краеведения... С. 45–47.

рой столиц в контексте общерусской культуры, европеизированной (“столичной”) и традиционной (“народной”, “крестьянской” и т.п.), комплексное изучение культурообразующих центров провинции (город, село, усадьба, монастырь), места и роли в культурных процессах очагов культуры (театров, музеев, библиотек, архивов, периодической печати) и интеллектуальных сообществ, природной и историко-культурной среды, культуры повседневной жизни, межкультурных контактов, роли провинциальной интеллигенции, религии. Ставились задачи разработки терминологических вопросов, определения хронологических границ программы, ее целей и задач. Важными направлениями были признаны: историография и источниковедение, библиография. Предусматривалась и возможность использования научных исследований для практических целей: научной экспертизы современных культурных проектов, прогнозирования социальных культурных процессов. (Была сделана даже попытка применить на практике теоретические соображения для “возрождения” малого города Ельца.)

Оказалось, что отойти от уже апробированных подходов нелегко. Привычнее рассматривать обособленно отдельные явления: художественную литературу и искусство, театр и музыку, духовную и материальную культуру. Комплексность достигается, прежде всего, за счет объединения в сборниках текстов выступлений на конференциях ученых-специалистов в разных областях знания.

В изучении культуры провинции до сих пор мало используются новые подходы, например, количественные методы, утвердившиеся в других направлениях исследований. Хотя еще на первой конференции Т.Н. Кандаурова предприняла попытку проанализировать возможность и перспективы использования этих методов для исследования провинциальной культуры. Она отмечала, что “наличие обобщенного статистического материала в виде баз данных позволит одновременно провести и анализ динамики культурно-исторического процесса в российской провинции и определить тенденции преемственности [...]”²⁰. Позднее этот вопрос затрагивался и в публикации о местной периодической печати как явлении провинциальной культуры и источнике для исследования различных сторон культуры с применением количественных методов. Здесь еще большие перспективы для работы. Использование количественных методов важно тем, что полученные статистические данные позволят отслеживать социокультурные процессы в динамике, с фактами в руках. Это и одно из противоядий против распространившегося эссеизма и неглубокого философствования.

Об общих типологических особенностях культуры провинции, ее роли в культуре России, в русской культуре, о теориях “двух культур”, ходе и проблемах европеизации русской культуры и ментальности говорилось и в выступлении автора настоящей статьи на первой конференции. Свои представления о программе изучения провинциальной культуры, проблеме “востребованности” культурных ценностей высказал И.М. Иннюшкин. На материале русской литературы А.И. Княжицкий рассматривал культурную оппозицию “столицы–провинции”. К этой же теме обращались С.В. Савинков, А.А. Фаустов, она затрагивалась в выступлениях И.М. Быховской, Н.И. Резанова. Ти-

²⁰ Кандаурова Т.Н. Методы количественного анализа в изучении провинциальной культуры // Русская провинция. Культура XVIII–XX веков: сб. статей по материалам Первой республ. науч. конф. по изучению провинциальной культуры. М., 1993. С. 114; Афиани В.Ю. Периодическая печать как источник по истории культуры российской провинции: проблемы изучения, итоги и перспективы // Там же. С. 113.

пологические признаки “культурных гнезд” на материале Пензенского края анализировались К.Д. Вишневым.

Факторы и черты культурно-психологического своеобразия, типы пространственной локализации субкультур проанализированы в выступлении В.М. Петрова. Его выводы дают дополнительные аргументы в пользу сохранения и развития культурной самобытности. Новейшие попытки восстановить “управляемость”, “вертикаль власти”, и, особенно, “единое информационное пространство”, по его мнению, таят в себе большую опасность новой тотальной и агрессивной нивелировки региональной специфики.

Кстати сказать, многие участники конференций не ограничивались исследованием тех или иных сторон истории провинциальной культуры, а затрагивали и практические, актуальные вопросы развития современной культуры в провинции и современные процессы. Результаты оригинального и обстоятельного социолого-искусствоведческого исследования о современных процессах изложил Ю.У. Фохт-Бабушкин. В.А. Дворянов в анализе истории провинции как современной научной проблемы, привлекая данные о взглядах на сходные проблемы в зарубежной историографии, полемизировал со статьями И.Л. Беленького и Г.С. Лялиной. (Однако иногда в дискуссиях неожиданно ощущались уже позабытые приемы так называемой вульгарно-социологической школы.)

Осмыслению понятия “культурная среда провинции” посвятила свое выступление на первой конференции Л.В. Кошман. Рассматривая особенности культуры Нижегородского Поволжья в XVIII–XIX вв., М.Е. Каулен пришла к выводам об особой роли народной культуры, в том числе старообрядческой, в культуре региона, преобладание “традиционности” над западноевропейскими инновациями. Л.И. Сизинцева напомнила о забытой концепции социолога П.А. Сорокина о циклической смене двух типов культуры – “идеациональной” (религиозной) и “чувственной” (светской). Это, прежде всего, краеведческие работы по направлениям.

Пространственно-временные характеристики провинциальной культуры анализировались в выступлениях В.Ю. Афиани, Л.И. Сизинцевой, Ю.Л. Троицкого, Д.Г. Шеварова.

Ландшафт, природное и историко-культурное наследие – это сравнительно новое направление исследований в нашей науке в целом. Роль историко-культурного наследия в ландшафте страны исследовал Ю.А. Веденин. Он обосновывал концепцию “живой (уникальной) исторической территории”, предусматривавшую возрождение традиционных форм деятельности как формы и способа сохранения ремесел и материальной культуры историко-культурной ценности и для создания новых провинциальных центров культуры. О роли исторического ландшафта как среды формирования культуры в прошлом и настоящем говорилось в выступлении Э.Л. Базаровой.

Вопросы типологии русского города XVIII–XIX вв., его связи с сельской округой и влияние на ее жизнь затронула Л.В. Кошман. Она поддержала мнения о “провинциальной культуре” как включающей и городскую, и народную крестьянскую (традиционную) культуру. На проблемах изучения функционирования традиции в малых городах остановилась в своем выступлении Г.С. Лялина. Усиление центровых тенденций в отношениях между Москвой и подмосковными городами в 1920-х годах отметила Л.В. Иванова. Принцип целостности подходов к изучению провинциального города подчеркивала Т.О. Размустова, отметившая общие моменты в идеях и подходе зарубежных и отечественных культурологов рубежа XIX–XX вв. О. Шпенг-

лера, М. Вебера, с одной стороны, и Н.П. Анциферова и И.М. Гревса, с другой. Т.Н. Кандаурова обосновывала часто используемое в литературе, но недостаточно разработанное понятие “культурный потенциал провинциального города”.

Конкретно-историческое изучение городской провинциальной культуры интересует многих исследователей. С такими сообщениями выступали А.Н. Акиньшин, Э.Л. Базарова, Л.Н. Вдовина, В.А. Гуркин, Л.В. Иванова, Т.Н. Кандаурова, Г.П. Климова, Л.В. Кошман, В.Ш. Кривонос, М.П. Крылов, О.Г. Ласунский, Г.С. Лялина, Н.А. Сахно, Т.О. Размустова, В.Р. Тарловская, И.В. Филипенко, Е.Н. Чернавская. Выступления А.Н. Акиньшина и О.Г. Ласунского привлекали внимание к историко-генеалогическому аспекту изучения городской провинциальной культуры. О своеобразии культуры отдельных городов, архитектурной среды, городского ландшафта говорилось в выступлениях Э.Л. Базарова, Г.П. Климовой, Е.Н. Чернавской.

Сельская провинциальная культура также освещалась во многих выступлениях на конференциях. Особенности нравственно-этических представлений крестьян, крестьянского менталитета на материале волостных судов затрагивались С.И. Добреньким, о старообрядчестве как основе формирования культурно бытовых традиций с. Поим – А.И. Самойленко. Об исследовании современной историко-культурной среды в с. Воскресеновка рассказал В.Н. Гуськов. Отдельные стороны истории сельской культуры рассматривались Н.Л. Васильевым, Е.В. Воейковым, Е.А. Цыгановой, О.В. Яговым. Более общий характер имеют наблюдения М.Е. Каулен в статье “Жизнь традиции. Нижегородское Поволжье”, отмечавшей типологические отличия традиционной (народной) культуры (которую не вполне правомерно относят исключительно к крестьянской) от городской, их тесные взаимосвязи.

Изучение такой важной проблемы, как роль монастырей в истории культуры провинции, в том числе бытовой культуры, представлено еще слабо, главным образом, в статьях Ю.А. Мизиса и П.П. Рощевской.

Методические соображения о роли и месте интеллигенции в истории провинциальной культуры высказывала А.А. Сундиева. О роли интеллигенции в развитии культурных процессов в провинции рассказывалось на примере двух групп провинциальной интеллигенции: художественной (А.Н. Еремеева, А.В. Тюстин), научно-технической (Е.А. Воронцова). А.Н. Акиньшин и О.Г. Ласунский одними из первых затронули вопрос о роли в культурных процессах такой забытой группы интеллигенции, как преподаватели семинарий – “семинарские просветители”. Это направление поддержано выступлениями В.А. Бедринских, В.А. Дворяновым и др. Интересные факты о деятельности сельской интеллигенции Угодско-Заводской волости Малоярославского уезда Калужской области выявил А.И. Ульянов, а вологодской крестьянской интеллигенции посвящена статья П.А. Колесникова и С.А. Тихомирова. Вопрос о трагической судьбе Российской провинциальной интеллигенции после Октябрьской революции затронут в статье В.В. Канищева.

Примечательно возрастающее внимание к земству и его роли в культуре провинции (В.А. Ковригина, А.И. Морозов).

История провинциальной печати, дискуссий в ней рассматривалась в выступлениях К. Бауц и А.А. Сундиевой. В этом ряду стоит как всегда интересная методически по собранному фактическому материалу статья О.Г. Ласунского об интеллигентских кружках в провинциальном городе.

Образование, высшая школа – одна из популярных тем выступлений, привлекающих исследователей разных поколений (Л.Н. Вдовина, В.А. Власов, З.В. Гришина, А.Е. Иванов, Ю.Ю. Иерусалимский, Т.Н. Кандаурова, В.П. Пушкин, Л.В. Пушкин, Е.И. Садовникова, И.В. Шильников). В.Т. Ермакова, вслед за Л.В. Кошман, попыталась оценить образовательный, культурный потенциал России, российской провинции и сравнить с уровнем культуры Европы, задаваясь сакраментальным вопросом “Была ли Россия культурной провинцией Европы?” Отмечая известные различия в уровне грамотности, количестве учебных заведений, библиотек и т.п. между Россией и Европой, она справедливо делает вывод о мифологическом характере “культурной отсталости” дореволюционной России, активно использовавшийся большевиками, основанный на смешивании понятий культуры и цивилизации и некорректности сопоставления всего населения России, включая национальные окраины с европейскими государствами без их заморских владений.

Из “средоточий культуры”, как был назван раздел в первом сборнике, особенно обстоятельно представлено изучение таких важных центров культуры, как музеи. Эта тема рассматривалась подробно, с разных сторон, в том числе в теоретическом плане. В то же время, библиотекам, игравшим активную роль в культуре провинциального города, посвящено значительно меньше выступлений, так же как и театру, архивным и статистическим комиссиям, университетам и школам и т.п.

Еще на первой конференции О.Г. Ласунский, А.В. Севастьянова и другие говорили о необходимости изучения не только вертикальных (столица–провинция), но и горизонтальных (межрегиональных) связей, а также изучения международных контактов регионов. Продолжая эту мысль, предложил бы одну из будущих конференций посвятить обсуждению проблем международных контактов русской провинции, регионов проблемам изучения региональной культуры в странах Европы – своего рода обмен опытом в международном плане. Уверен, что такой проект был бы интересен, полезен и его реализация возможна. В этом убеждает в последнее время уже, можно сказать, систематическое участие в работе конференций зарубежных исследователей и сам факт организации конференции по Истории российского краеведения во Франции. Кстати сказать, информация о нашей программе распространялась и в других странах Европы²¹.

О том, что 15 лет назад идея программы была весьма своевременной, свидетельствуют многие факты, в том числе, широкое распространение исследований, посвященных этим или близким проблемам в отечественной науке в последние 10–15 лет. Раньше других определилось такое важное направление исследований, частично совпадающее с проблематикой программы, как изучение крестьянства. Еще в апреле 1989 г. было основано добровольное научное и культурно-просветительное общество “Энциклопедия российских деревень”, поставившее задачу изучения историко-культурного наследия российского крестьянства. Общество изучения русской усадьбы регулярно проводит заседания, конференции, издает сборники “Русская усадьба”. Организуются конференции, посвященные проблемам истории и культуры малых городов

²¹ Afiani V. Some results from the study of culture of the Russian provinces and prospects for future research in the context of integral History // Where the twain meet again. New results of the Dutch Russian project on regional development 1780–1917 / ed. P. Kooij, R. Paping // *Historia Agriculturae*. 2004. № 34. S. 293–296.

России. Эта проблематика стала темой конференций и семинаров, которые проводились в Орле, Пскове, Самаре, Твери, Ельце и ряде других городов. Изданы материалы этих конференций²².

Учитывая развивающуюся инфраструктуру центров, занимающихся изучением проблем, близких нашей программе, возможно, в будущем нужно было бы подумать о более тесной координации их работы, взаимосвязях между собой. Может быть это задача Союза краеведов России?

Когда начала разрабатываться программа, вопросы “что такое культура русской провинции”, “русская провинциальная культура”, “ее место в культуре России” и т.д. звучали иначе, чем сегодня. Тогда даже высказывались опасения: стоит ли использовать понятие “провинциальной культуры”, не будет ли оно восприниматься только в одном из своих смыслов – как оценочное, поймут ли нас неспециалисты, к которым мы также должны обращаться?

Можно констатировать, что не без наших усилий в современной науке и в средствах массовой информации, на телевидении, т.е. в общественном сознании, закрепилось понятие “культуры русской провинции”, “провинциальной культуры”. Сильно продвинулось и изучение этого феномена. Несмотря на ряд упоминавшихся лакун и недостаточно исследованных проблем, мне кажется, что мы уже подошли к определенному рубежу. И может быть, следовало бы попытаться подвести итоги пройденному, обобщить накопленный материал, подумать о перспективах подготовки коллективной монографии “Культура российской провинции”.

На первой конференции высказывались предложения по учреждению информационного бюллетеня “Вестника провинциальной культуры”, а в перспективе газеты или альманаха. Вряд ли эти идеи удастся реализовать в этом виде. Многое за эти годы изменилось. Но сейчас, на новом этапе развития программы, может быть, следовало бы вернуться к ранее высказывавшимся предложениям, в частности, о создании банка данных, в первую очередь, библиографии, а также периодическом издании. Сейчас с помощью Интернета

²² См. например: Мифы провинциальной культуры. Самара, 1992; Русская провинция и мировая культура. Ярославль, 1993. Из сообщений на конференции можно отметить следующие: М.Г. Ваняшев. “Русская провинция как трагическое пространство культуры: Чехов – Сологуб – Блок – Платонов”; Т.С. Золотникова. “География души и география пространства: творческая личность и ее провинция в мировой культуре. А.П. Чехов”; В.С. Вахрушев. “Большой, как солнце Балашов”, образ провинции как духовный автопортрет Б. Пастернака”; С.Е. Бирюков. “Релятивная провинция”. См.: Российская провинция: история, культура, наука. Саранск, 1998; Малые города России: проблемы истории и возрождения: Материалы науч.-метод. конф. 16–17 октября 1998 г., Переяславль-Залесский. М.; Переяславль-Залесский, 1998; Региональные факторы развития культуры: информ. аспект. Краснодар, 1999; Русская провинция: миф – текст – реальность / сост. А.Ф. Белоусов и Т.В. Цивьян. М.; СПб., 2000. Этот интересный сборник рецензент В. Шукин в “Новом Литературном обозрении” без всякого на то основания именует “первым сборником статей и публикаций о культурном феномене русской провинции” (Интернет-магазин “Новое литературное обозрение”. info@nlo.magazine.ru). Из статей следует отметить: Л.О. Зайонц. “Провинция” как термин”; Т.В. и П.А. Клубковы. “Русский провинциальный город и стереотипы провинциальности”; В.А. Кошелева. О литературной провинции и литературной “провинциальности” Нового времени; а также еще одну работу, см.: Т.В. и П.А. Клубковы. “Провинциализмы и провинциальный словарь”. В мае 2000 г. в Калуге была проведена конференция “Культура российской провинции: век XX – XXI веку”. (В предисловии к сборнику материалов конференции отмечается, что она проводилась в рамках программы, но Совет программы в ее подготовке участия не принимал.) См.: 1-я Всероссийская научно-практическая конференция “Российская провинция и Московский университет”. Ноябрь, 2000 г. Псков, 2000; 2-я Всероссийская научно-практическая конференция “Российская провинция и Московский университет”. 17–18 мая 2001 г. Орел, 2001. В июне 2002 г. в Европейском университете в Санкт-Петербурге на научно-практическом семинаре “Источниковедческие и методологические проблемы биографических исследований” подробно обсуждались вопросы подготовки региональных справочников и энциклопедий. См.: АЕ за 2002 год. М., 2004. С. 450–453.

эти предложения будет легче реализовать. Нужно подумать и о создании сайта “Российская провинция. Культура XVIII–XX веков” в Интернете. На сайте можно было бы представить и материалы наших конференций, тираж их невелик²³. Кстати сказать, следовало бы вернуться к подготовленному членами Совета программы и группой исследователей развернутому тексту программы, так и оставшемуся неопубликованным. Что-то может стоило бы в ней пересмотреть с учетом накопленного опыта и разместить в Интернете. Жаль, что она остается известной лишь узкому кругу ее авторов.

В.Ф. Козлов

КРАЕВЕДЫ О ЦЕЛЯХ И ЗАДАЧАХ КРАЕВЕДЕНИЯ

(по страницам центральной краеведческой периодики 1920-х годов)

Феномен отечественного краеведения сегодня все больше привлекает внимание ученых, краеведов-любителей, широкую общественность. В последние полтора-два десятилетия появилась обширная историография по этой теме. В 1990-е годы произошел настоящий краеведческий взрыв, когда почти одновременно появились десятки краеведческих периодических изданий, возродились общества, проводились международные, общероссийские, областные, районные, городские и даже сельские конференции по истории края. С 1990 г. существует Союз краеведов России (председатель академик Российской академии образования С.О. Шмидт), координирующий современное краеведческое движение.

Бурный процесс возрождения краеведения поставил перед исторической наукой целый ряд вопросов. Не секрет, что активная просветительская и издательская деятельность местных краеведов-любителей встревожила ученых-профессионалов, вузовских историков, к сожалению, очень мало делавших для изучения своего края. В выступлениях на научных конференциях и в публикациях ученые нередко задают вопросы: не заменит ли историческое краеведение большую науку, почему “большая” история уклонилась от изучения конкретно-исторических реалий регионов, а историки-профессионалы, справедливо критикуя краеведов-любителей за ошибки в их сочинениях зачастую не замечают несомненные и даже выдающиеся заслуги краеведческого движения в изучении страны в целом? В последние годы стали подниматься и теоретические вопросы: чем вообще отличается историческое краеведение (региональная, локальная история) от “большой” истории, чем все же является краеведение – наукой, научным направлением, методом, общественным движением или всем этим вместе? Совсем недавно сами краеведы и представители властей стали говорить и о роли и месте краеведения в образовательной, социокультурной жизни общества. И вообще, в чем же смысл, цель и задачи краеведения?

Современный период развития краеведения в значительной мере похож на аналогичный период 80-летней давности. Именно в 1920-е годы, по метко-

²³ На то обстоятельство, что материалы конференций по Программе до сих пор не представлены в Интернете, недавно справедливо указала М.П. Мохначева в первой статье, посвященной обзору краеведческой тематике в “сети”: *Мохначева М.П.* Интернет-образы российской провинциальной культуры XVIII–XIX вв. и задачи научного краеведения // Краеведение в России: “история, современное состояние, перспективы развития. М., 2004. С. 62.

му выражению С.О. Шмидта, ставшему “золотым десятилетием” краеведения¹, поднимались все вышеназванные проблемы, не потерявшие актуальность и сегодня.

Действительно в XX в. краеведение пережило два неожиданных взлета – и оба в тяжелейшие послереволюционные годы – в 1920-е и в 1990-е. Раскрепощенная энергия масс в значительной мере стихийно направлялась на познание края. В начале 1920-х годов это движение интуитивно почувствовали ведущие отечественные ученые-географы, историки, творческая интеллигенция. Успех краеведческому движению был обеспечен и государственной поддержкой, особенно руководством Российской академии наук, Наркомата просвещения РСФСР. Объединенными усилиями научной общественности, академических учреждений, Наркомпроса был создан руководящий и координационный орган движения – Центральное бюро краеведения (ЦБК), печатные органы – журнал “Краеведение” (1923–1929) и “Известия Центрального бюро краеведения” (1925–1930) (далее – Известия ЦБК), регулярно проводились всероссийские и всесоюзные краеведческие конференции (с 1921 по 1930 г. состоялось четыре таких форума). Краеведение стало важнейшим государственным и общественным явлением советской жизни, удачно связавшим традиции и новации в изучении края. Новому явлению в новой жизни общества нужно было дать обоснование, определить предмет, природу, цель, задачи, приемлемые организационные формы краеведения, обозначить его место в политической, экономической, социальной жизни. Главной трибуной для обсуждения этих проблем стали в первую очередь центральные краеведческие издания – “Краеведение” и “Известия ЦБК”, печатавшие теоретические и практические статьи краеведов-ученых, руководителей ЦБК и губернских и уездных обществ, краеведов-любителей. На страницах центральной периодики помещались материалы: выступления, статьи государственных деятелей, высказывавших свое видение краеведения в контексте государственной и социокультурной жизни страны. Выявление, систематизация, анализ всех этих материалов о целях и задачах краеведения важно не только для истории этого явления в 1920-е годы, но и имеет большое значение для современности.

Попробуем обозначить, и по мере возможности, проанализировать основные высказывания о цели и задачах краеведения на страницах вышеуказанных изданий. Журнал “Краеведение” стал издаваться в 1923 г., уже после первой Всероссийской конференции (1921 г.²) и создания Центрального бюро краеведения (1922 г.). Именно выступления многих известных деятелей науки и культуры на Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края (декабрь 1921 г.) определили вплоть до середины 1920-х годов главные направления в развитии краеведения. В своей речи на открытии конференции нарком просвещения А.В. Луначарский главный акцент сделал на необходимости краеведения для нужд и пользы, прежде всего, государства: “Необходимо для выяснения естественных богатств страны призвать к этому изучению и популяризации этого изучения, к суммировке полученных данных для надобностей государства и народных масс. Это могут выпол-

¹ Шмидт С.О. Краеведение – дело, значение которого не может быть преувеличено // Памятники Отечества. 1989, № 1. С. 14.

² Дневник Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края, созываемой Академическим центром Наркомпроса в Москве 10–20 декабря 1921 г. М., 1921. № 1–4. С. 1–64. Часть выступлений на конференции опубликована С.Б. Филимоновым. См.: У истоков советского краеведения // Памятники Отечества. 1989, № 1. С. 19–22.

нить на девять десятых местные научные общества краеведения, которые вы здесь представляете”.

Еще более прагматичным и еще более “государственным” было выступление председателя президиума конференции М.Н. Покровского, который поставил перед краеведением главным образом хозяйственные задачи – “изучение естественно-исторических богатств и... создание сети, которая бы позволяла распределять силы из центра по всему пространству”. По мнению Покровского, “в основу должно лечь изучение естественных богатств местного края”. Забегая вперед, скажем, что высказанные этими двумя деятелями Наркомпроса мысли об утилитарных функциях краеведения, направлении последнего на службу государству, приобретут в конце 1920-х годов гипертрофированный характер, что приведет к печальным последствиям.

Для нас гораздо интереснее более конкретное выступление на конференции В.В. Богданова “Задачи краеведения и история краеведения в России”, в котором ясно сказано, что “краеведные работы в конечном итоге должны сыграть в науке очень большую роль... и изучение края поставлено сейчас в России как одна из коренных задач русской науки, русской экономики”. Докладчик считал возможным поставить перед краеведением три собственно строго научных задачи: “изучение территории края”, “изучение предметов и явлений на данной территории в их географическом распространении”, “учет предметов и явлений на территории края по классифицирующим группам”. Когда эти три принципа краеведения будут соблюдены, тогда по мнению В.В. Богданова, “можно подходить к конечной цели краеведения – к анализу изучаемых предметов и явлений... Отсюда определяются и методы краеведных работ: от наблюдений, через классификацию и описание предметов и явлений – к логическим обобщениям, а именно, либо к логическим построениям отдельных систем, либо к сложному логическому синтезу”. Отдельно коснулся докладчик и задач краеведения в области культурно-просветительской – “краеведение необходимо приблизить к школе и к внешкольному образованию, затем – сделать его достижения основой научного понимания природы и жизни человека и, наконец, связать задачи познания края с практическими общественно-экономическими вопросами жизни”.

Как видим, В.В. Богданов рассматривал краеведение как отрасль академической науки, как своеобразную научную дисциплину, “изучающую явления и предметы на данной территории в их географическом распространении”, выдвинул основной лозунг для краеведов: “Учитесь наблюдать, наблюдайте, описывайте и собирайте предметы!” Удивительно, но эти слова необычайно актуальны и сегодня. В числе важнейших задач краеведения В.В. Богданов ставил собирание материала к культурно-историческим очеркам отдельных городов и областей России.

Другие выступающие на I конференции ставили перед краеведением важные научные и социальные задачи: спасение памятников искусства и старины (А.В. Бакушинский), собирание этнографических материалов (Б.А. Куфтин), организация и проведение экскурсий (А.Я. Закс), внедрение краеведческого метода в школу (С.Д. Яхонтов), выявление и собирание фольклорных материалов (Ю.М. Соколов) и др.

На I конференции прозвучала и тема ответственности местного историка и краеведа за общие судьбы России, только что преодолевшей гражданскую войну и потерявшей часть территории. Академик М.М. Богословский в докладе о задачах областной истории России пожелал, “чтобы мы заинтересовались местной историей и, культивируя местный патриотизм, не довели

бы его до сепаратизма, чтобы мы, напротив, любя своей родной край и посвящая силы изысканию прошлых его судеб, любили также и родину в ее целом, в ее высшем и общем понятии и не упускали бы мысли о ее благоденствии, величии и славе”³. Подобные мотивы были и в выступлении историка и архивиста С.Н. Чернова из Саратова, заявившего, что “с точки зрения государственной политики, создание единства национально-государственного чувства в стране может быть проведено через краеведческую работу. Эта задача такая же важная, как и изучение естественных богатств”. Позже такие патриотические задачи перед краеведением в Советской России никто не ставил. Размышления краеведов на I конференции о путях развития, набравшего тогда силу краеведческого движения, неоднократно позже печатал журнал “Краеведение”.

Местные краеведы еще до I конференции также пытались самостоятельно дать определение краеведению, очертить его границы, и что важно, обозначить его социальную роль. Казанский краевед Б.Н. Вишневецкий в 1921 г. писал: “Под краеведением или родиноведением обычно разумеют всякого рода наблюдения и исследования, произведенные на территории родного края, в целях выяснения и подробного освещения того, что имеет отношение к природе и производительным силам края, населению и его бытовым свойствам, историческим, этнографическим, экономическим и иным особенностям как и в прошлом, так и в настоящем”⁴.

Другой известный краевед Н.В. Ильинский в своей статье об истории и значении родиноведения размышляет о социальной функции краеведения и важности его для провинциальной жизни: “...под понятием краеведения по нашему следует разуметь просто местную географию, описание природы, истории, быта и культуры родного края”... Краеведение будит среди народных масс любознательность, расширяет их кругозор, разрешает, наконец, научные и практические задачи своей местности... Кроме приведенного общественно-экономического значения родиноведения, стоит вспомнить и его моральную ценность: элементарное чувство родины, цель, смысл и содержание жизни в захолустьях”⁵.

Ту же самую мысль высказал еще один известный провинциальный краевед В.П. Бирюков из Шадринска. Его понимание краеведения полно романтизма и искренней любви к своей малой родине: “Привитая в детстве любовь к родному краю является могучей двигательной силой, которая заставляет не просто видеть его в розовой дымке, но и стремиться любовно обнять этот угол со всеми его достоинствами и недостатками. Это любовь в конце концов подталкивает человека изучать свою родину, узнавать ее слабые и сильные стороны и научиться пользоваться ими для своих тех или иных житейских целей”⁶.

В 1923 г. и особенно с 1924 г. на страницах журнала “Краеведение” стали появляться теоретические статьи, в которых авторы пытались осмыслить феномен краеведения, определить его научные и социальные задачи. Среди этих материалов выделяется постановочная статья Н. Владимировского “К по-

³ У истоков советского краеведения // Памятники Отечества. 1989. № 1. С. 22.

⁴ См.: Вишневецкий Б.Н. Краеведение, его задачи и культурное значение. Казань, 1921. Цит. по: Владимировский Н. К пониманию краеведческого движения // Краеведение. 1924. № 3. С. 217.

⁵ См.: Ильинский Н.В. Родиноведение, его история и значение (применительно к Тотемскому уезду). Тотыма, 1921. Цит. по: Владимировский Н. Указ. соч. С. 217–218.

⁶ См.: Бирюков В.П. Очерки краеведческой работы. Шадринск, 1923. Цит. по: Владимировский Н. Указ. соч. С. 218.

ниманию краеведческого движения”, в которой уже содержится историографическая часть, проанализированы высказывания о краеведении отечественных и зарубежных исследователей. Цитируя Б.Н. Вишневого, Н.В. Ильинского, В.П. Бирюкова, автор пишет, что для этих провинциальных работников “дело краеведения есть нечто гораздо большее, они как-то неразрывно слиты с ним, черпая оттуда радость, смысл и оправдание своей собственной жизни”. Н. Владимирский ссылается здесь и на известного финского краеведа А.М. Тальгрена, который находит в краеведении такой источник творческой силы, что видит в нем средство к спасению и подъему из нищеты. Автор статьи верно подметил, что работники центра и местные краеведы по-разному принимают смысл и цель краеведения. “Первые, – пишет Н. Владимирский, – давно оторвавшиеся от своего родного угла, привыкшие к оперированию над голыми фактами и отвлеченными схемами, или же совершенно равнодушны к краеведению, или же понимают его как род географической дисциплины, как только часть своей общей схемы – источник статистического материала регистрируемых фактов”⁷. Кстати, эта разница в понимании сути краеведения центром и провинцией, историками, пишущими на местные темы, и провинциальными краеведами-практиками существует и ныне. Сам Н. Владимирский краеведение понимал и как “метод познания окружающего мира, и как мощную образовательную и научную силу. Задача краеведения состоит в понимании всего мира во всей его сложной совокупности, рождающемся из надлежащего углубления в местный материал, находящийся под руками и доступный начинающему любителю... И в процессе подобной работы осуществляется непрерывный и радостный переход от личности провинциального кустаря в области интеллектуальной до личности квалифицированного специалиста и человека глубокой сознательности.

Вот почему краеведение тесно и глубоко связано с педагогикой в самом широком смысле этого слова. Совершенно ясно, что в настоящий момент краеведческое движение есть в значительной степени дорога самовоспитания и самообучения, а одновременно и организующая сила, порождающая ряд учреждений и объединений”⁸.

Н. Владимирский, вслед за другими краеведами “золотого десятилетия”, пытается найти и объяснить истоки краеведения. Он утверждает, что краеведческая работа зародилась не в центре, а “главным образом, в провинции и ее соками питается и в настоящее время”. Уверенно отвечает он и на поставленный самому себе вопрос: откуда же вытекала краеведческая работа провинции? – “Из потребности народного самосознания и самовыявления, из ощущения яркой органической связи между тобой и всем, тебя окружающим. Все это вместе взятое непреодолимо влечет к творчеству и сообщает удивительные силы. Краеведение есть результат народной самодеятельности и самосознания, кровно связанный с местным ландшафтом в самом широком смысле этого слова. Оно в самой своей сущности в значительной степени противопоставляется “официальной науке, замкнувшейся в административные рамки и цеховые условности”⁹.

Как видим, автор, выводя краеведение из народного самосознания и творчества, приходит к выводу о противоречиях и даже противопоставлении краеведения большой (официальной) науке. Все же признаем, что такую точку зрения большинство современников не поддерживало.

⁷ Владимирский Н. Указ. соч. С. 217–218.

⁸ Там же. С. 220, 221.

⁹ Там же. С. 219.

Вслед за статьей Н. Владимирского, во втором номере “Краеведения” за 1923 г. появляется статья известного теоретика краеведения, в то время автора популярного учебного пособия по изучению местного края А.И. Дзенс-Литовского. Автор, предлагая свое понимание термина “краеведение”, пытается определить его место в ряду различных отраслей знаний, т.е. рассматривает краеведение как своеобразное научное направление. “В широком смысле под краеведением понимается систематическое и полное изучение всех элементов, составляющих жизнь природы и жизнь человека определенной местности (края), как в ее прошлом, так и в настоящем, со всесторонностью и полнотой методов исследования и определяющих точек зрения. Краеведение, понимаемое в широком смысле слова, по своему материалу совпадает со многими естественно-географическими и историко-гуманитарными науками, – но это только по-видимому. Отличие краеведения в том, что оно изучает не вообще предметы и явления, а особенности их, которые обуславливаются местонахождением их в границах определенного края, определенного района, со всеми местными особенностями наблюдаемых объектов и явлений. Для него важно выделить типичное, характерное, установить закон. Таким образом, краеведение является своеобразной научной отраслью, научным движением, со своими целями и задачами...”

Для краеведения в высшей степени важно установить органическую связь того или иного факта с местным краем, его районами – проектировать в пространстве, создать одну цельную картину взаимоотношений и связей”¹⁰.

Важной проблемой становления краеведения как научного направления было его организационное оформление. Параграфом первым утвержденного в марте 1923 г. Положения ЦБК при РАН на ЦБК возлагалось “руководство, координация и содействие обществам, кружкам, музеям, архивам, библиотекам и другим организациям краеведения и отдельным лицам в их научной работе...” Научные задачи ставили перед собой и обычные общества краеведения: “Общество краеведения имеет целью всестороннее изучение местного края, содействие своим членам в их научной деятельности и широкое распространение сведений о местном крае”¹¹. Многие краеведы видели именно в местном краеведческом обществе главный научный центр региона. Пожалуй, лучше других эту мысль изложил известный сибирский краевед А.Я. Тугаринов в статье “Современность и пути краеведческой работы”: “Ведь в конечном итоге каждый областной губернский краеведческий коллектив должен стать местным исследовательским центром по всем отраслям знания, консультантом по вопросам теории и практики местного хозяйственного, экономического и культурного строительства, фактически объединить научную работу в своем районе. Здесь должна работать коллективная мысль всех местных исследователей, координироваться, взаимно оплодотворяться; из соединенных усилий участников, представителей разнообразнейших дисциплин, организаций, институтов должно в конце концов создаться то сильное, авторитетное объединение, которое сконцентрирует все знания о крае, сумеет представить их к запросам жизни. А теоретику научной мысли дать материалы для его обобщения”¹².

¹⁰ Дзенс-Литовский А.И. К вопросу о предмете и методе курса “краеведения” // Краеведение. 1923. № 2. С. 112–118.

¹¹ Проект нормального устава обществ краеведения // Дневник Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края. М., 1921. № 2. С. 17.

¹² Тугаринов А.Я. Современность и пути краеведческой работы // Краеведение. 1924. № 3. С. 229.

К середине 1920-х годов стали видны впечатляющие результаты краеведческого движения и большой научный потенциал как краеведческих обществ, так и отдельных местных энтузиастов. На страницах “Краеведения” стали появляться теоретические и методические статьи известных ученых, сочувствующих краеведению и предложивших конкретную программу провинциальным исследователям. Особенно велик вклад в теорию и практику краеведения “золотого десятилетия” таких ученых, как И.М. Гревса, Н.П. Анциферова, С.В. Бахрушина, которые в своих статьях подняли краеведение до научной дисциплины.

В декабре 1923 г. И.М. Гревс пишет статью “Город как предмет краеведения”, которая в 1924 г. публикуется на страницах журнала “Краеведение”¹³. Автор призвал читателей-краеведов к изучению целокупной культуры данной местности, объяснив, что “это и есть объект истории в целом... необходимый элемент для познания страны (родиноведения): культура, мир человека, развитие его в личности и обществе, во всех сферах жизни внешней и внутренней, в деятельности и ее плодах, в сознании и его мотивах”. И.М. Гревс рекомендует краеведам методику изучения города как самого сильного воплощения культуры. Как опытный педагог, автор доходчиво дает характеристику города и главное – рекомендации (из десяти пунктов) как последовательно (от рождения, роста и до современного состояния) следует изучать город. В заключение статьи Гревс пишет: “Необходимо собирание, классификация и сохранение всех наличных материалов, относящихся к истории и культуре города”. Для этого надо, по мнению автора, охранять все виды памятников, коллекционировать старые и современные предметы, сохранять архивы, составлять библиографии, изучать мемуары, записывать воспоминания и т.п. Таким образом, благодаря статье И.М. Гревса, краеведы получили программу краеведческого изучения города. Через два года журнал “Краеведение” вновь предоставляет трибуну И.М. Гревсу, который более подробно ставит задачи перед историком-краеведом. В опубликованной в 1926 г. статье “История в краеведении”¹⁴ Гревс пишет о краеведении как “особом методическом направлении”. Большое внимание историк уделяет комплексному характеру этого явления.

“Краеведение неуклонно стремится к синтезу, подлинному единству восстанавливающего и толкующего предмет образа. Оно должно начертать полный и цельный портрет края, отображающий все его тело и весь дух в их организации и в их общей жизни. Нельзя при этом забывать или отмечать ни одной черты, ибо они все постоянно взаимодействуют, не могут обходиться друг без друга. Разрывая их, отбрасывая некоторые, мы получим бледный, скудный, а главное – неверный, несхожий и потому часто уродливый снимок”. И.М. Гревс призывает “собратьев-краеведов” изучать “историю рядом с современностью”, а также к “познанию духовной культуры наряду с материальной”. Последнее было очень важно, так как с середины 1920-х годов появились призывы изучать только материальную культуру. Гревс был противником деления коллег на специалистов и любителей: “Не должно возникать столкновения или оппозиции между специалистами в разных областях и добросовестными любителями отдельных отраслей наук, должно утверждаться сотрудничество и дружеское единение всех ветвей знания и работников в разных сферах”.

¹³ Гревс И.М. Город как предмет краеведения // Там же. С. 245–258.

¹⁴ Гревс И.М. История в краеведении // Там же. 1926. № 4. С. 487–508.

Велико и практическое значение работы ленинградского профессора, предложившего реальный и понятный практический план краоведам-историкам. Рекомендации эти разбросаны по всей статье и мы предлагаем их подборку:

“...на краеведе-историке в рамках вырабатывающегося общего плана областных историй будут ближе всего лежать, в общем правиле, многочисленные, необходимые и почетные частные задачи...”

Забота об охране памятников старины, произведений архитектуры, построенных на родной почве: церквей и монастырей, стен и городищ, художественных зданий, технических и бытовых сооружений, кладбищ, старых домов в городах и в деревне, недопущение их разрушения, поддержка, изучение, фотографирование и зарисовка...

Не менее настоятельно коллекционирование отовсюду всякого рода малых предметов искусства и быта, быстро исчезающих... Это – составление и пополнение фондов для местных музеев, которые с пользой устраиваются не в одних губернских центрах, но и в уездных, даже волостных.

... На первый план в них [местных работников] выступает еще долг собирания (часто спасения!) архивного материала – целых скоплений рукописей и деловых документов государственных (от прежних времен), общественных, церковных, частных, семейных, писем, записок, оставшихся неопубликованными, и их обрывков или отдельных бумаг и т.д.

... Можно было бы продолжить перечисление заданий, какие сами собою напрашиваются нуждами исторического краеведения повсеместно. Приходят на ум, например, опросы старожиллов, фактов по их рассказам, такое же собиранье былей и преданий в народе. Нельзя ограничиваться таким хранением и накоплением различного материала. Требуется немедленная его классификация, усиленная обработка, опубликование. Вредно и опасно, когда он залеживается под спудом. Вообще краеведе-историку принадлежит не одна служебная роль; он не должен идти только на поводу у специалиста, довольствуясь функцией орудия для целей, ставящихся другими. Он признан осуществлять и самостоятельные монографические задачи по истории края”.

Как видим, И.М. Гревс не ставит вопрос о признании краеведения как науки, довольно осторожно определяет круг его задач, но все же не склонен ограничить краеведение только вспомогательными научными функциями.

Более решительными и даже, в какой-то мере, радикальными в признании за краеведением одинаковых с другими отраслями научного знания, были местные краеведы. В этом смысле интересно мнение, высказанное на страницах “Краеведения” известного краеведа из г. Рыбинска А.А. Золотарева. Автор прямо называет свою явно дискуссионную статью “Наука ли краеведение или только метод?” и сам же старается доказать, что краеведение – это наука. Статья А.А. Золотарева – яркая, полемичная, весьма смелая, считаем необходимым процитировать значительные ее фрагменты, с авторской системой доказательств:

«...краеведение ... будет признано подлинной наукою, ибо кто говорит “краеведческий метод” и говорит с полным и продуманным убеждением, должен будет сказать так же решительно и безоговорочно, что краеведение по существу своему есть наука.

... Метод – это хитрость следопыта в буквальном значении этого слова. И хитрость эта – в умении различать отдельные признаки исследуемого явления, разлагать явление на составные части (анализ) и в умении из отдельных разрозненных частей складывать целое, в умении по оставленному следу и исследуемой дороге найти искомую цель (синтез).

Эти знаменитые анализ и синтез, от которых не уйдет ни одна наука, и без применения которых было бы непоследовательно говорить о каком угодно методе и, в частности, о краеведческом методе. Ведь и краеведение в своей исследовательской работе широко использует и выделение отдельных сторон краевой жизни, в частности, исследует и давным-давно исследует естественно-производительные силы края. С другой стороны, исследуя природу, историю, экономику, краеведение пытается – и порою очень успешно – делать целостные описания, набрасывать общую картину жизни исследуемого края...

Объект ее [науки краеведения] очень ясный: край – понятие отнюдь не только субъективное, административное и хозяйственное, но коренящееся гораздо глубже самого человека и его языка в природе нашей планеты...

Возражают против краеведения как науки, что у краеведения нет закономерного объяснения исследуемых явлений, что оно, если и наука, то второго сорта (“провинциальная наука”), что краеведение сплошь описательно, мечтательно, сердечно и субъективно. Все это очень верно и все это тем ярче подтверждает оспариваемый тезис о том, что краеведение – наука, такая же, как и остальные, ибо разве другие науки – теперь вне подозрений – не проходили этой стадии описания, разве целый цикл общественно-экономических наук в силах оторваться и сейчас от мечтательности и страстности...

...краеведы-исследователи немедленно должны выделить часть своих сил на разработку основных начал краеведения как науки; должны прежде всего выяснить, что такое край, емкость и пределы этого основного для краеведения понятия, затем классифицировать эти микрогеографические отдельности и, наконец, найти ряд закономерностей в распадении географического целого нашей планеты на многообразные небольшие части, органически и целостно связанные как внутри себя, так и между собою»¹⁵.

Странно, но эта заметная апологетическая статья не вызвала заметной дискуссии, хотя вопрос о краеведении ставился на VI сессии ЦБК. Уклонились от этой темы и известные ученые.

В декабре 1927 г. в помещении 2-го Московского университета была открыта III Всероссийская конференция по краеведению. Начальник Главнауки, известный партийный и советский деятель Ф.Н. Петров в приветственном слове отметил, что работа конференции совпадает с 10-летием Октябрьской революцией и проведением XV съезда ВКП(б). Все это, а также меняющаяся политическая обстановка в стране, повлияли и на некоторые речи выступавших. Докладчик заявил с трибуны, что “ни одна общественная форма так не близки Октябрьской революции, как краеведное движение”, а тезисы другого видного выступавшего, Н.Ф. Преображенского, определяли краеведение “как одну из составных частей советского строительства”¹⁶. И в других документах конференции цель краеведения все чаще связывалась с вопросами социалистического строительства. В то же время никто пока не отрицал и того, что краеведение должно опираться на науку.

Все чаще краеведение стало рассматриваться как движение. Это действительно отвечало реальности – в середине 1920-х годов “армия краеведов” (по некоторым подсчетам) насчитывала почти 60 тыс. человек. М.В. Муратов в 1925 г. написал специально статью “Краеведение как движение”, а Н. Владимирский в рецензии на нее в журнале “Краеведение” дает и определение этому “движению”: «И пора уже раз и навсегда условиться относительно того, чтобы считать краеведение не только “краевой географией” или “изучением хозяйственно-производительных сил края” – все это, конечно, входит в понятие “краеведение”, но в общем и целом – оно представляет собою культурно-общественное движение, на почве изучения своего края, с целью использовать практические возможности, таящиеся в нем, движение, объединяющее людей часто из народной массы, которые путем самовоспитания выходят на широкую дорогу учиться культурной жизни страны»¹⁷.

Это было, конечно же, так, хотя провозглашение краеведения как “движения” таило в условиях советской идеологии и определенную опасность. Движение как любое массовое явление, конечно же, постепенно разрушало “научный” характер краеведения, делало из него простой “придаток” социа-

¹⁵ Золотарев А.А. Наука ли краеведение или только метод? // Краеведение. 1926. № 3. С. 329–331.

¹⁶ Бюллетень III Всероссийской конференции по краеведению. 1927. № 6. С. 161.

¹⁷ Краеведение. 1926. № 3. С. 125.

листического строительства. Эту тенденцию подхватил известный краевед, исследователь деревни М.Я. Феноменов, который в 1926 г. писал: “Под краеведением я все время разумею комплексное антропогеографическое изучение известного района, в целях организации хозяйственного и культурного строительства в этом районе”.

“Краеведческое движение, которое широко разлилось по пространству нашего Союза, – отмечал М.Я. Феноменов, – является результатом пробуждения самосознания среди широких масс трудового населения. Люди труда, которые раньше далеко стояли и от вопросов научного изучения, и от вопросов общественного строительства, теперь хотят познать свой край, познать для того, чтобы построить в нем новую, лучшую жизнь. Недаром краеведение является гордостью нашей республики и предметом попечения и забот со стороны органов Советской власти... Краеведение, как движение молодое, еще бродит, ищет путей, ищет новых форм”¹⁸. Заметим, что М.Я. Феноменов одним из первых тогда предсказал недалекое будущее полного огосударствления краеведения.

Определение краеведения как движения стали все чаще употреблять и рядовые краеведы и функционеры. В конце 1927 г. председатель ЦБК академик С.Ф. Ольденбург также, говоря о краеведческом движении, предостерег коллег от недооценки научной составляющей краеведения. На страницах “Известий ЦБК” он писал: “...краеведение есть массовое научно-культурное движение и несмотря на весьма важную роль краеведения и краеведов в деле изучения естественных производительных сил и в поднятии хозяйственной жизни страны, задача краеведения показать всему Союзу, что все производство, что вся работа, которая вообще делается у нас, только тогда даст блестящие плоды, когда будет опираться на науку...”¹⁹

Итог двухлетним попыткам определить черты краеведения как движения подвел на III Краеведческой конференции председатель Главнауки Ф.Н. Петров в докладе с весьма характерным названием “Краеведение и социалистическое строительство”: “Краеведение, в своей сущности, есть коллективное массовое движение, оно является плотью от плоти тех идей, которые дала Октябрьская революция, и я думаю, что вот это глубокое идейное содержание, которое имеется в краеведении, глубоко революционное и смелое стремление, которое мы имеем в нашем краеведческом движении, это большое массовое сплочение коллективов научных, коллективов трудовых, коллективов просвещенцев, дает нам полное право думать, что наше краеведение в следующей нашей конференции еще более интенсивно вырастет, глубже и полнее разрешит задачи внутреннего содержания своей работы, еще плотнее и глубже увяжется с нашим социалистическим строительством, еще более поможет нашей стране строить те новые формы человеческой жизни, которые Октябрьская революция написала на своем знамени”²⁰.

Уже в духе III конференции и партийного съезда ЦБК ставит перед краеведением две задачи: “III Всероссийская конференция по краеведению в основном наметила две очередные главнейшие задачи: не уменьшая размаха работы, не сокращая областей исследования – поставить задачей выявить опыт работы и улучшить качество работы, а второй задачей основной было наме-

¹⁸ Феноменов М.Я. Задачи губернского общества изучения местного края в деле плановой организации краеведной работы // Краеведение. 1926. № 2. С. 1, 2.

¹⁹ Изв. ЦБК. 1927. № 10. С. 351.

²⁰ Петров Ф.Н. Краеведение и социалистическое строительство (доклад на III Краеведческой конференции) // Изв. ЦБК. 1928. № 1. С. 17.

чено – привлечь к краеведной работе широчайшие слои самого населения трудящихся, способствуя не только популяризации задач краеведения и результатов достижения в краеведной работе, но и вовлекая самих трудящихся в активную работу самой краеведной исследовательской и обследовательской деятельности. Каждый трудящийся должен знать свой край и каждый должен принимать участие в изучении и собирании материала своего края”. Эти основные две задачи красной нитью проходили в работе всех секций и поллучили то или иное отражение в принятых резолюциях по всем докладам III Всероссийской конференции по краеведению²¹.

Один из руководителей ЦБК А.Ф. Вангенгейм вслед за С.Ф. Ольденбургом вновь попытался уравновесить столь прагматичный подход и, в своем определении краеведческой работы вновь подчеркнул значение в ней научного фактора: “Краеведческая работа, по существу, является научно-исследовательской работой, проводимой над материалом данной территории, в целях поднятия хозяйственного и культурного уровня этого края и выполняемой с привлечением широких масс трудящихся”²².

1928-й год стал решающим годом в судьбе отечественного краеведения. Решения III Всероссийской конференции по краеведению, политизация общественных наук, изменения в социокультурной жизни страны решительным образом сказались на понимании цели, значения краеведения. Тем не менее на страницах “Краеведения” продолжались публикации теоретических и методических материалов известных старых краеведов.

Своеобразным ответом на стойкую тенденцию к однобокому развитию краеведения, направлению усилий краеведов на производственное краеведение стала опубликованная на страницах “Краеведения” рецензия И.М. Гревса на книгу Н.К. Пиксанова “Областные культурные гнезда”. И.М. Гревс констатирует рост интереса к краеведению в СССР и за рубежом: “Склонность к краеведческим исследованиям является своеобразной печатью умственных вкусов и стремлений последних лет и у нас и на Западе. Но у нас она признается особенно характерною. Повсеместно становятся причастны краеведению, рядом с учеными из центров, все более значительное количество областных научных работников и немалое число серьезных любителей; его начинают обслуживать и множащиеся представители из широких кругов”. Далее автор довольно остро критикует новое “производственное” направление в краеведении, которое он называет утилитарным, призывая не забывать провозглашенного им же изучения духовной культуры. Приводим эти высказывания и их аргументацию, тем более, что это, пожалуй, одному из последних на страницах “Краеведения” свободных изложений своего отличного от руководства ЦБК мнения:

«Заметным отличием нынешнего краеведения выдвигается утилитарная тенденция: не только знать, но и немедленно приложить плоды знания к практике жизни. При этом, как бывает в новых увлечениях, обнаруживаются крайности. “Польза делу” часто ограничивается понятиями “производства” и “производительных сил”, которые и рекомендуется изучать; другие области отесняются. Между тем, чтобы служить благу края, надо его знать как целое. Отдельные элементы поясняют другие в общем синтезе, а оторванные друг от друга – теряют реальность и выразительность.

Подразумеваемая производительные силы природы, упускают из вида, что среди них одна из значительнейших – человек, и изучение его отступает на второй план. Да и сама природа рассматривается только под знаком ее хозяйственного использования, и от такого су-

²¹ От редакции // Изв. ЦБК. 1928. № 1. С. 1.

²² Вангенгейм А.Ф. Об увязке краеведческих организаций с научно-исследовательскими учреждениями // Изв. ЦБК. 1928. № 2. С. 3.

жения взгляда многое существенное в ней затемняется. Подчеркивая процессы, создающие материальные блага, отбрасывают явления производства духовных; от того закрываются важные стороны в изображении культуры, и картина остается недописанной.

Еще одна односторонность: утилитарное краеведение, поглощаясь наблюдением современности, теряет перспективу времен: в прошлом покоятся живые корни настоящего; только в свете истории будет оно понятно. Все связано в мире природы и в мире человека органически; все должно познаваться во взаимодействии и в динамике. Только тогда теория науки будет содействовать практике жизни во всех ее подробностях.

Краеведение в западных странах, признавая практические задания также своей целью, понимает опасность однобокого изучения и обрабатывает все объекты в существе и бытии края. И у нас указанная односторонность (сужение кругозора) есть явление временное, вызванное наличием очередных, спешных задач и пока еще недостаточностью сил организованных работников... книга проф. Н.К. Пиксанова, являясь ярким показателем роста краеведческого движения в нашей науке, литературе и жизни, вместе с тем звучит убежденным призывом не забывать исторического изучения духовной культуры»²³.

Получилась не столько рецензия, сколько яркое выступление ученого-краеведа, несогласного с разрушительными тенденциями в краеведении. Недавно стало известно и о реакции Н.К. Пиксанова, благодарившего в письме Гревса “за блестящий, такой щедрый отзыв” и, писавшего, что “не менее дорого и то, как вы относитесь к самой научной проблеме областных культурных гнезд...”²⁴

В 1928 г. печатный орган ЦБК представил свои страницы и другим видным ученым-краеведам. Н.П. Анциферов публикует здесь свою, ставшую классической, работу “Краеведный путь в исторической науке (историко-культурные ландшафты)”, в которой предложил краеведам и вообще исследователям “локальный метод”, т.е. “изучение тех мест, которые были носителями историко-культурных явлений... изучение истории на местах...” Автор, вслед за публикациями И.М. Гревса за 1924–1926 гг., призывает комплексно и с применением локального метода изучать край: “Краеведные организации, многочисленными нитями связанные со своим краем, должны включить в программу своих работ поместное изучение истории по архивному материалу и по остаткам как памятников материальной культуры, часть которых сохранилась на своих исконных местах, так и пережитков, бытующих в современности. Изучение прошлого края невысказано без раскрытия многообразных нитей, связующих его с жизнью всей страны. Краеведные организации должны преследовать задачу синтетического знания своего края с его историческими перспективами, с выяснением его значения в общей жизни родины. Можно надеяться и на то, что историческая наука разовьет наметившиеся в ней тенденции областного изучения народного прошлого с применением локального метода. Изучение историко-культурных ландшафтов, как существеннейшая задача исследователя, займет почетное место в работах историка, опирающегося на труды краеведов”²⁵.

С практическими рекомендациями историкам-краеведам в журнале “Краеведение” выступил и С.В. Бахрушин, в будущем член-корреспондент РАН. Правда, внимательное прочтение статьи приводит к мысли, что ученый все же склонен разделять задачи для “общего историка” и “краеведа-историка”, снижая планку требований для последнего: “Часто приходится слышать мне-

²³ Гревс И.М. Очередная задача краевого культуроведения // Краеведение. 1928. № 6. С. 368–376.

²⁴ Человек с открытым сердцем: автобиограф. и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860–1941) / автор-сост. О.Б. Вахромеева. СПб., 2004. С. 322.

²⁵ Анциферов Н.П. Краеведный путь в исторической науке (историко-культурные ландшафты) // Краеведы. 1928. № 6. С. 321–338.

ние, что краеведы мало подготовлены к научной работе в области истории... Не подлежит сомнению, что всякая серьезная краеведная работа, какой бы отрасли она не касалась, не может вестись без той или иной научной подготовки, и история в этом отношении не составляет исключения. Опыт показывает, что кадры научно подготовленных работников имеются у нас на местах в различных отраслях краеведения, в том числе и в краевой истории. Надо только помнить, что задачи краеведа-историка менее сложны, чем задачи общего историка; как краевед, наблюдающий и фиксирующий современные явления, он должен в первую очередь регистрировать исторические факты и историко-географические наблюдения. В зависимости от степени подготовки, у одного работа выльется, может быть, в законченное исследование, у другого ограничится добросовестно исполненным собиранием материалов; в обоих случаях работа будет полезна и даст много нового и свежего”²⁶.

Заканчивалось “золотое десятилетие” краеведения. Рождалось новое краеведение, апологеты которого отрицали традиции, преемственность, роль науки и руководствовались в основном партийными решениями. В декабрьском номере “Известий ЦБК”, упоминавшийся выше рыбинский краевед А.А. Золотарев, с ностальгией вспоминал: “Мы все работники действующей армии краеведения очень хорошо помним свою первую именную конференцию 1921 г., когда amor intellectualis – любовная страсть к знанию была провозглашена нам сверху, как всеобщее знамя широкого научного движения, охватившего буйно и бурно всю страну от Академии наук до волостных, тогда еще очень редких и потому шумно приветствуемых низовых научных организацией”²⁷.

1929-й год стал последним в жизни старого краеведения и журнала “Краеведение” и “Известий ЦБК”. Окончательную точку в развитии свободного краеведения сыграли решения IV Всероссийской конференции по краеведению (март 1930 г.). Появилось новое “советское рабоче-крестьянское массовое краеведение”, имевшее совсем мало общего с академическим, научным краеведением. Советское краеведение служило практическим целям социалистического строительства. Но и это явление просуществовало до 1937–1938 гг., когда апологеты нового краеведения были репрессированы.

К.Е. Новохатский

ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ ПО РАЗВИТИЮ КРАЕВЕДЕНИЯ В УКРАИНЕ

Украинское краеведение, безусловно, имеет те же идеологические основы, что и российское. У украинского и российского краеведения общие корни, переплетенная история, часто одни и те же деятели. Например, объект моих еще юношеских исследований В.В. Пассек¹ – предтеча современных украинских краеведов и один из первых москвоведов. Или вот еще современный пример: симферопольский исследователь С.Б. Филимонов успешно раз-

²⁶ Бахрушин С.В. Задачи исторического изучения края // Там же. № 3. С. 140.

²⁷ Золотарев А.А. Новые пути краеведческого движения // Изв. ЦБК. 1928. № 10. С. 6.

¹ Новохатский К.Е. “...Прошедшее в настоящем...” Вадим Васильевич Пассек. 1808–1842 // Краеведы Москвы. М., 1991. Вып. 1. С. 61–76.

рабатывает историю краеведческих организаций России и Крыма². У нас во многом схожая организационная основа, структура этого движения, формы работы. Общие, очевидно, и проблемы, а также перекрещивающаяся источниковая база. Поэтому краеведов из Белгорода, Воронежа, Курска можно встретить в украинских архивах, а моих соотечественников – в российских архивах.

И тип энтузиаста-краеведа, патриота украинца или россиянина – это по сути один тип. Только у одного малая Родина, к примеру, Галич, у другого – Тарханы. И эти настоящие серьезные коллеги ближе друг другу, чем к некоторым своим землякам, дилетантской (хотя и искренней) мифологизацией прошлого своей малой Родины дискредитирующим все движение.

В этой связи небезынтересно не только выявить общее в нашей деятельности, но можно попытаться обозначить и особенное.

Возрождение задуманного в предвоенные годы краеведения в Украине началось в 1960-е годы с реализации проекта “Истории городов и сел Украинской ССР”, в 1980-е годы завершившегося изданием на двух языках 26 томов по всем регионам. Новый импульс в краеведческом движении в Украине наблюдался с конца 1980-х и особенно с начала 1990-х годов, когда краеведение стало одним из существенных слагаемых национально-культурного возрождения в суверенном государстве. Организующим и консолидирующим началом явилась деятельность созданной, точнее воссозданной в 1990 г. Всеукраинского союза (спилки) краеведов (ВУСК). Как отмечалось на III съезде этого союза в октябре 2003 г., за годы независимости проведено более 400 конференций, симпозиумов, “круглых столов” краеведческой тематики, как правило, с изданием их материалов³. Традиционной и наиболее массовой формой реализации результатов краеведческих исследований является написание и публикация статей, очерков и даже монографий, подготовка и издание энциклопедических справочников, сборников документов, путеводителей, краеведческих атласов, карт и т.п.

Другим направлением краеведческой работы и воплощения ее результатов является создание и развитие музеев, организация музейных и библиотечных собраний и экспозиций, пополнение архивных фондов. Как единственную иллюстрацию к этой массовой деятельности приведем следующий факт: Михаил Иванович Сикорский, один из современных патриархов музееведения и краеведения, открыл в Национальном историко-этнографическом заповеднике “Переяслав” уже 26-й музей (трипольская культура)⁴.

Следующее направление – краеведческое образование: школьные музеи, кружки, учебные программы и учебные пособия, специальности и специализации в вузах, и вообще вовлечение преподавателей высшей школы в краеведческую исследовательскую и организаторскую деятельность. В настоящее время не считается свыше 300 защищенных диссертаций по исторической регионалистике, причем часть из них – докторские.

Такая важная и масштабная формирующая историко-культурная, патристическая и, в конечном счете, добровоспитательная общественная роль кра-

² Библиографию краеведческих работ С.Б. Филимонова см.: *Филимонов С.Б.* Хранители исторической памяти Крыма. О наследии Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887–1931). 2-е изд., перераб., доп. Симферополь, 2004. С. 31–46.

³ III з'їзд Всеукраїнської спілки краєзнавців (29–30 жовтня 2003 року): матеріали та док. Київ, 2004. С. 94.

⁴ Там же. С. 39.

еведческого движения не могла не быть учтенной и отмеченной в политике государственного строительства и, в частности, в государственной политике в гуманитарной сфере. Одним из проявлений этого является награждение подвижников краеведческого движения государственными наградами; орденами “За заслуги”, званиями “Заслуженный деятель науки и техники”, “Заслуженный работник культуры”, “Заслуженный работник образования”. За последние годы такие награды получили около 50 человек.

В еще более выраженной форме это проявилось в принятии за последние четыре года нескольких государственных актов, направленных на развитие краеведения в Украине. Речь идет о распоряжении Президента Украины от 19 октября 2000 г. об обеспечении комплексного развития малых городов Украины, где среди прочего впервые сформулирована задача на основе новейших исследований подготовить и переиздать “Историю городов и сел Украины”⁵. Президентским указом от 11 декабря 2000 г. предусматривались меры по подготовке и выпуску многотомного энциклопедического издания “Свод памятников истории и культуры Украины”⁶. 23 января 2001 г. вышел указ Президента Украины “О мерах по поддержке краеведческого движения в Украине”, где, в частности, правительству поручалось разработать и утвердить государственную программу развития краеведческого движения до 2010 г. с ее бюджетным финансированием и рассмотреть вопрос о возможности отнесения ВУСК к творческим союзам⁷. Там же были заложены уже некоторые позиции будущей программы: разработка и включение в учебные программы и планы всех видов учебных заведений тем по краеведению; создание научных центров региональных исследований по краеведению; организация краеведческих туристских маршрутов и т.д.

В этом же контексте следует упомянуть еще о двух президентских указах: от 13 марта 2002 г. “О создании летописи народной памяти”, где группе ведомств поручалось “организовать работу научных молодежных студенческих историко-культурных, историко-этнографических, фольклорных, археологических, лингвистических экспедиций” с привлечением профильных профессионалов “для изучения, записи, систематизации объектов духовного и культурного наследия”⁸. Национальная академия наук, Минкультуры, Миннауки, Госкомархив по результатам этих экспедиций должны были организовать проведение конференций, чтений, выставок, вечеров и прочих мероприятий и передать собранные материалы в государственные музеи, заповедники, архивы. Местным органам власти, Госкоминформу предлагалось развернуть публикаторскую работу по изданию сборников народных песен, записей праздников и обычаев, воспоминаний, справочников, путеводителей и прочей краеведческой литературы. Перед правительством ставилась задача активизировать работу по включению объектов культурного наследия Украины в Список всемирного наследия, изданию Свода памятников истории и культуры Украины.

Ровно через неделю, 20 марта 2002 г., был издан еще один указ Президента Украины “О мероприятиях в связи с 70-й годовщиной голодомора в Украине”, в котором определялся целый комплекс краеведческих акций: архивные выставки, конференции, лекции, уроки, публикации, установка памятных знаков, памятников, а главное – привлечение молодежи к сбору до-

⁵ Там же. С. 110–111.

⁶ Вісник... 2000. Вип. 4. С. 6–7.

⁷ III з’їзд... С. 112.

⁸ Вісник... 2002. Вип. 1. С. 28–29.

кументов, свидетельств очевидцев голодомора и пополнение ими музейных фондов⁹.

Во исполнение президентского поручения в июне 2002 г. правительством была утверждена долгосрочная программа развития краеведения¹⁰. Предусматривалось комплексное и системное решение этой задачи. Конечной целью определялось формирование у граждан ответственности за сохранение и приумножение духовных сокровищ. В комплексе конкретных мер в программе предусмотрено совершенствование научно-методической базы краеведения, написание и издание основательных работ по истории украинского краеведения, разработка краеведческой терминологии, составление библиографии краеведения, повышение обоснованности и объективности исследований и т.п.

Кроме этих “внутренних” научно-организационных мер по укреплению движения, повышению его научного уровня предусмотрены меры по расширению, вовлечению прежде всего молодежи. Это и упомянутая разработка учебных программ и курсов “Краеведение”, открытие профильных кафедр в гуманитарных вузах, внедрение краеведческой проблематики в систему повышения квалификации учителей и работников учреждений культуры, в школьные олимпиады по истории и географии, в научно-исследовательскую деятельность Малой академии наук с учреждением специальных дипломов.

В плане подготовительных мер к переизданию “Истории городов и сел” заложено создание банка данных об истории населенных пунктов, создание и пополнение архивных каталогов этой тематики, формирование сети научно-методических подразделений на местах. Кроме этой многотомной энциклопедии запланировано издание энциклопедических справочников “Исторические города Украины”, “Музеи и заповедники Украины”, биографического справочника, посвященного научной и культурной элите, в том числе и краеведам.

В составе Национальной академии наук создан межведомственный координационный совет по краеведению. В соответствии с этой Программой основана общенациональная премия по краеведению им. Д. Яворницкого, серия местных премий: М. Максимовича и И. Шульги – на Черкащине, Ф. Шевченко и Е. Сицинского – на Хмельниччине, И. Крипякевича – в Прикарпатье, “За возрождение Волыни” и др.¹¹

В рамках этой Программы реализуются проекты “Реабилитированные историей”, “Книга памяти”, возрождения украинского казачества, памяти исчезнувших населенных пунктов, готовятся местные энциклопедии краеведения (“Прилуччина”, “Лисянщина” и др.). Программа предусматривала издание журнала “Краеведение”. На Хмельниччине начато издание 26 томов по истории местного самоуправления¹². Активно развиваются такие аспекты краеведения, как создание и возрождение местной символики (гербов и знамен), генеалогические исследования, наблюдается новый всплеск интереса к истории предприятий, торговых домов. Возрождается участие церкви в краеведческом движении.

Конечно, не все из намеченного реализуется так, как хотелось бы. Но даже сам факт рассмотрения и принятия таких проектов и программ на высшем государственном уровне имеет важное стимулирующее значение.

⁹ Там же. С. 30-31.

¹⁰ Там же. Вип. 2. С. 13-23.

¹¹ III з’їзд... С. 33, 51, 53, 60, 73.

¹² В настоящее время издано пять книг: по Хмельницкой области, а также по Белогорскому, Виньковецкому, Летичевскому и Ярмоликцкому районам.

Одним из несомненных проявлений результативности краеведческой деятельности в формировании историзма в общественном сознании, гражданственности и патриотизма в широких слоях населения, на наш взгляд, явилось участие краеведов, студенческой и рабочей молодежи со всей Украины в событиях конца 2004 г. в Киеве, связанных с выборами Президента Украины. Разъезжаясь по домам, они везли материалы, символику, атрибутику “оранжевой революции” в свои местные краеведческие музеи.

Показательно, что обитатели палаточного городка на Крещатике со всей Украины были не только делателями истории, но вместе с архивными и музейными работниками собрали огромное количество документов, генерированных “Майданом”¹³.

Более того, принципиально важным, как нам представляется (и это должно стать одним из перспективных путей развития краеведческой идеи), является не только выявление, сбор и фиксация сведений о прошлом, но и активная, повсеместная и целенаправленная деятельность по закреплению информации о сегодняшнем дне¹⁴ – в форме хроник или современных летописей, в форме собирания неординарных документов современности. Настоящий краевед – это не только потребитель источников, но и создатель их для своих преемников. Сейчас в Украине разрабатываются такие проекты с обязательным участием местных архивистов, гарантирующих сохранение созданных источников.

М.П. Мохначева

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТНОЙ ПЕРИОДИКИ XVIII – СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Более 50 лет курс источниковедения студенты МГИАИ – ИАИ РГГУ начинали осваивать по учебным пособиям М.Н. Тихомирова. Сегодня в библиотеке Историко-архивного института имеются 133 экземпляра его книги “Источниковедение истории СССР. Вып. 1: С древнейших времен до конца XVIII века” (М., 1962), рекомендованного Министерством высшего и среднего специального образования РСФСР в качестве учебного пособия для университетов¹. Как известно, текст этого пособия был написан Тихомировым на осно-

¹³ См. рубрики: “Збережімо документи з історії сьогодення!” и “Із зібраного архівістами” на сайте Госкомархива України – <http://www.archives.gov.ua/>

¹⁴ *Новохатський К.Є.* Краєзнавство, літописання й архіви: можливі перспективи // *Студії з архівної справи та документознавства.* 2003. Т. 10. С. 5–6.

¹ Большая часть книг уже мало пригодна для пользования: почти каждая страница испещрена пометами и подчеркиваниями в тексте и на полях разноцветными чернилами, карандашами, шариковыми ручками, многие страницы зачитаны до дыр. Эти книги, каждая и совокупно, представляют несомненный интерес для источниковеда, они позволяют отследить процесс развития студенческой культуры пользования учебной литературой и, что особенно важно в учебно-методическом отношении, изучать особенности студенческого восприятия и понимания источниковедческого текста. Эта своеобразная “коллекция” книг вполне может стать самостоятельным комплексом источников для статьи или дипломной работы. Жаль, если она будет утрачена после списания с баланса библиотеки РГГУ по причине физической непригодности. О значении курса источниковедения Тихомирова говорит и такой факт: в начале 1990-х годов сотрудники филиала библиотеки РГГУ в ИАИ сделали более десятка ксерокопий книги 1962 г., переплели их, стараясь возместить физические непригодные и утраченные экземпляры и таким образом обеспечить каждого студента этим пособи-

ве первого систематического курса источниковедения, изданного им в 1940 г. в качестве учебника для вузов². В 1934 г. Михаил Николаевич начал преподавательскую работу на историческом факультете МГУ, длившуюся почти 30 лет, тогда же, в 1930-е годы, работал по совместительству в МГИАИ в качестве преподавателя по кафедре истории СССР³.

В предисловии к изданию 1962 г. Тихомиров указывает, что в учебном пособии освещены далеко не все источники по отечественной истории: “в виду их обилия” даже перечислить все крайне сложно, поэтому “из их числа выбраны только наиболее значительные”. В конце предисловия указано также, что главы “Публицистические сочинения XVIII в.”, “Газеты и журналы”, “Мемуарная литература” написаны М.Т. Белявским с использованием текста М.Н. Тихомирова.

Итак, периодическая печать выделена Тихомировым в числе “важных исторических источников”, появившихся в XVIII в., а написание специальной главы о газетах и журналах XVIII в. поручено М.Т. Белявскому. Почему? “Рукописное наследие академика М.Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР: научное описание”, подготовленное И.П. Старовойтовой под редакцией Б.В. Левшина и С.О. Шмидта, объясняет участие М.Т. Белявского в написании указанных глав⁴. Ранние статьи Белявского, его кандидатская диссертация “М.В. Ломоносов и основание Московского университета” (1952) и особенно докторская диссертация “Крестьянский вопрос в России накануне восстания Пугачева” (1962) выгодно отличались тем, что были выполнены с привлечением значительного корпуса источников, включая публицистику, периодику и мемуарику. “Можно сказать определенно, – указывал М.Н. Тихомиров, – что М.Т. Белявский поднял и ввел в науку большие залежи источников по истории крестьянского вопроса” – “кардинального вопроса в истории России на протяжении многих веков”⁵.

В главе “Газеты и журналы” тезис о периодике как “важном историческом источнике” подкреплен наблюдениями о его информационном потенциале, появлении по мере развития самой периодики, ее газетной и журнальной форм, содержательно новой и разнообразной информации по истории Рос-

ем. Сегодня в качестве обязательного для изучения курса источниковедения студенты РГГУ получают в учебном фонде библиотеки учебное пособие для гуманитарных специальностей “Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории” (М., 1998; переизд. – 2002 г.), подготовленное преподавателями ИАИ РГГУ (И.Н. Данилевским, В.В. Кабановым, О.М. Медушевской, М.Ф. Румянцевой). Однако сами студенты продолжают спрашивать в библиотеке и охотно берут на абонемент учебное пособие М.Н. Тихомирова 1962 г.

² В фондах библиотеки РГГУ хранятся пять экземпляров книги М.Н. Тихомирова “Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII века: курс источниковедения истории СССР. Том 1” (М., 1940). Два из них находятся в филиале библиотеки в ИАИ, два – в Отделе редких книг, один – в книгохранилище в качестве контрольного экземпляра.

³ ЦМAM. Ф. Р-535. Оп. 1. Д. 117. Л. 17. См. также: Московский ордена “Знак почета” государственного историко-архивный институт: 1930–1980. Пермь, 1984. С. 11, 12, 120, 289.

⁴ См.: Рукописное наследие академика М.Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР: научное описание / сост. И.П. Старовойтовой. М., 1974. № 298, 304, 358, 377, 742, 1328 (отзывы Тихомирова о статьях Белявского, его кандидатской и докторской диссертации, их переписка). В написании отдельных параграфов учебного пособия 1962 г. участвовали А.Н. Мальцев, Н.Н. Улащик, В.М. Кабузан, Л.В. Миллов, А.В. Муравьев, о чем М.Н. Тихомиров сообщает в предисловии. В рецензировании текста этой книги помимо названных участвовали и другие преподаватели и научные сотрудники истфака МГУ: А.В. Арциховский, А.Д. Горский, Н.Б. Голикова, А.К. Леонтьева, Г.А. Новицкий, П.Г. Рындзюнский. Описание рукописного наследия Тихомирова в Архиве АН СССР проливает свет на его служебные и личные отношения с большинством из них и именно в тот период, когда готовились к печати учебник 1940 г. и учебное пособие 1962 г.

⁵ Рукописное наследие... С. 172.

сии и Западной Европы. Так, в отношении первой российской газеты “Ведомости” (1702–1727) Тихомиров–Белявский дают развернутую справку об исторических материалах на ее страницах. Наряду с освещением хода Северной войны центральное место в газете занимали сообщения и материалы, “связанные с развитием русской промышленности и торговли”, “о строительстве новых фабрик и заводов, о строительстве флота и спуске кораблей, о прибытии в русские порты иностранных кораблей и развитии внешней торговли, об открытии полезных ископаемых”. Газета сама являлась “свидетельством сдвигов в области культуры”: редакция “помещала материалы и сообщения о строительстве школ, изданиях книг, составлении географических карт, создании кунсткамеры”⁶. Особенностью “Санкт-Петербургских ведомостей” (1728–1917) как газеты-преемницы “Ведомостей” было то, что на протяжении всего XVIII столетия “она сохранила характер информационного издания, статей в подлинном смысле этого слова она не печатала”. Для историка наиболее интересный материал содержат “Прибавления”, значительно превышающие размер газеты⁷. Здесь сообщалось “о продаже имений, крепостных, о выходе книг, о вексельном курсе, подрядах, торгах и других событиях” повседневной жизни России. “Московские ведомости”, издававшиеся с 1756 г. Московским университетом, еще более выгодно отличались информационными сообщениями о культурной жизни в России и за границей: «Подбор и содержание материала говорят о наличии в “Московских ведомостях” некоторой “просветительной” линии. С особой силой эта линия выступает в 1779–1789 гг., когда ее редактором-издателем сделался Н.И. Новиков»⁸.

Среди “наиболее важных” научных журналов в пособии отмечены такие издания, как “Труды Вольного экономического общества”, “Ежемесячные сочинения”, издававшиеся Академией наук по предложению Ломоносова, а также журналы А.Т. Болотова “Сельский житель” (1778–1779) и “Экономический магазин” (1780–1789). О значении научных и научно-популярных изданий Академии наук (их названия менялись: “Новые комментарии”, “Труды”, “Новые труды”, “Академические известия” и др.), а также журнальных изданий Российской академии и Вольного Российского собрания при Московском университете сказано: “В этих изданиях печатались научные исследования ученых по всем отраслям науки, а также исторические и литературные памятники, относящиеся к истории России XIV–XVII вв.”⁹

Сведения о литературных и сатирических журналах XVIII в. уложились на полутора страницах. Здесь названы журналы Н.И. Новикова “Трутенъ” (1769–1770) и “Живописецъ” (1772–1773), Ф. Эмина “Адская почта” (1789) и “Зритель” (1792). Для изучения консервативного направления общественно-политической мысли Тихомиров–Белявский рекомендовали журнал “Всякая всячина” (1769), издававшийся Екатериной II, масонские журналы, выходившие в последней четверти XVIII в., а также журналы Н.М. Карамзина.

В конце каждого из трех разделов главы “Газеты и журналы” студентам в качестве “новейшей исторической литературы” был рекомендован спра-

⁶ Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР. М., 1962. Вып. 1: С древнейших времен до конца XVIII века: уч. пособие. С. 464, 465.

⁷ В 1728–1742 гг. выходили «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в “Ведомостях”».

⁸ Тихомиров М.Н. Источниковедение... С. 466.

⁹ Там же. С. 467.

вочник “Русская периодическая печать (1702–1894)” (М., 1959) под редакцией А.Г. Дементьева, А.В. Западова, М.С. Черепанова¹⁰.

Вышедший в 1950 г. в издательстве ЛГУ первый том “Очерков по истории русской журналистики и критики”, охватывавший период со времени возникновения журналистики до 40-х годов XIX в. и содержащий интереснейшую источниковедческую информацию о газетной и журнальной периодике, Тихомиров–Белявский не включили в список рекомендуемой литературы. Почему? Причин несколько, и они очевидны. Неравноценность отдельных глав и неточности, допущенные некоторыми авторами “Очерков”, на что обратил внимание Западов, – далеко не единственная причина. Более важной в научном (историческом) и учебно-методическом отношении была та, что границы объекта исследования – журналистики и печати – понимались и трактовались в тот период очень широко, без учета дисциплинарных границ истории литературы и журналистики, литературоведения и текстологии. Тогда проблема социальных и когнитивных форм репрезентации знания по истории журналистики решалась с помощью ленинской периодизации истории, положенной в основу всех без исключения академических изданий и вузовских курсов отечественной истории, сводившей факты и закономерности развития литературного процесса и периодической печати к истории национально-освободительного движения в России, дворянскому, буржуазно-демократическому и пролетарскому этапам общественно-политической борьбы. “Очерки по истории русской журналистики и критики” не были исключением¹¹, как и первые специальные и учебные издания общего типа по истории русской журналистики XVIII–XIX вв., появившиеся уже после выхода в свет учебного пособия Тихомирова¹². Очевидно, поэтому глава “Газеты и журналы”, самая маленькая в этом пособии по числу отведенных на нее страниц, заканчивается следующей фразой: “Хотя пресса XVIII в. представляла собой ценный исторический источник, она изучена весьма недостаточно, да и то лишь в плане истории литературы”¹³.

¹⁰ Он появился вслед за справочником М.С. Черепанова и Е.М. Фингерита “Русская периодическая печать (1895 – октябрь 1917 г.)” (М., 1957). С этих изданий ведет свою историю аннотированная библиография отечественной газетной и журнальной периодики.

¹¹ У “Очерков по истории русской журналистики и критики” была трудная судьба. Коллектив кафедры истории русской литературы Ленинградского университета подготовил и сдал в Учебно-педагогическое издательство первый том “Очерков” в 1941 г. Одновременно велась работа над вторым томом, посвященном истории журналистики и критики 50–90-х годов XIX в. Авторами первого тома были П.Н. Берков, Н.И. Мордовченко, А.Г. Дементьев и другие члены кафедры. Отдельные главы написаны приглашенными специалистами – В.Н. Орловым, Н.Л. Степановым. В редколлекцию первого тома вошли Г.А. Гуковский, В.Е. Евгеньев-Максимов, Н.К. Пиксанов и И.Г. Ямпольский. Война задержала выход книги на девять лет. В 1950 г. текст первого тома был заново отредактирован. Второй том “Очерков по истории русской журналистики и критики” вышел в свет через 15 лет, в 1965 г., под общей редакцией В.Г. Березиной, Н.П. Емельянова, Н.И. Соколова, Н.И. Тотубалина. В 1948 г. кафедра журналистики Высшей партийной школы при ЦК КПСС издала стенограммы лекций по истории русской журналистики, прочитанных В.Д. Кузьминой, Б.Д. Дациком, Б.П. Козьминым, Д.И. Заславским и выдержанных в духе теории и истории классовой борьбы и ее литературно-публицистического освещения. На этих лекциях выросло не одно поколение советских журналистов, работников печати, историков и литературоведов.

¹² Пособия А.В. Западова “Русская журналистика XVIII века” (М., 1964), В.Г. Березиной “Русская журналистика первой четверти XIX века” и “Русская журналистика второй четверти XIX века (1826–1839 годы)” (Л., 1965), В.А. Алексеева “История русской журналистики (1860–1880-е гг.)” (Л., 1963), Б.И. Есина “Русская журналистика 70–80-х гг. XIX в.” (М., 1963) предшествовали появлению второго (исправленного и дополненного) издания книги “История русской журналистики XVIII–XIX веков. Под редакцией проф. А.В. Западова” (М., 1966), рекомендованного Министерством высшего и среднего специального образования СССР в качестве учебника для студентов государственных университетов и полиграфических институтов.

¹³ Цит. по: Тихомиров М.Н. Источниковедение... С. 469.

В учебнике “Источниковедение истории СССР” (М., 1973), изданном под редакцией И.Д. Ковальченко, главы о газетной и журнальной периодике XVIII–XIX вв. написаны С.С. Дмитриевым, крупнейшим специалистом в этой области. И сегодня его статья-очерк “Источниковедение русской исторической журналистики (постановка темы и проблематика)” (1975) является лучшим научно-методическим руководством по источниковедению отечественной периодики.

“В целом для периода 1772/73–1862 гг., – пишет С.С. Дмитриев, – историческая тематика и печатание исторических источников еще не вполне стали преимущественным делом специально исторических повременных изданий. Публикация исторических источников, научных и научно-популярных статей по истории, рецензирование исторических трудов и материалов в течение всего этого периода были широко представлены в общей периодике широкого профиля, главным образом, в литературно-общественных журналах”. Среди “устойчивых разновидностей исторической печати” второй половины XIX в. ученый выделяет «издания, посвященные истории отдельных регионов и народов России (например, “Киевская старина”, “Сибирский архив”, “Еврейская старина”»¹⁴.

По мнению Дмитриева со ссылкой на статью Н.А. Белозерской “Исторический журнал XVIII века” (1898), «начало специальным историческим повременным изданиям на русском языке положил Н.И. Новиков своей “Древней российской вивлиофикой”. В издании Ф.О. Туманского “Российский магазин” есть основания видеть первый русский исторический журнал»¹⁵.

¹⁴ Дмитриев С.С. Источниковедение русской исторической журналистики (постановка темы и проблематика) // Источниковедение отечественной истории: сб. статей за 1975 г. М., 1975. С. 284–285. С.С. Дмитриев был соавтором М.Н. Тихомирова в написании учебника “История СССР. Т. 1: С древнейших времен до 1861 г.” В фонде Тихомирова в Архиве АН СССР хранятся машинописные экземпляры с правкой первой и второй редакций второго (переработанного) издания этого учебника. Михаил Николаевич бережно хранил в своем архиве рукописные и машинописные отзывы и замечания преподавателей, аспирантов МГУ и других лиц об этом учебнике, а также письма Дмитриева к нему (Рукописное наследие академика М.Н. Тихомирова... № 137, 138, № 687, № 1427: 7 писем, 12 марта 1947 г. – 27 декабря 1963 г.).

¹⁵ Дмитриев С.С. Источниковедение русской исторической журналистики... С. 283. На наш взгляд, первым историческим журналом в России, подчеркнем, в подлинно научном и устойчивом смысле понятия профессиональной деятельности, был “Русский архив” П.И. Бартенева. См.: Мохначева М.П. Журналистика и историческая наука: в 2 кн. М., 1998. Кн. 1: Журналистика в контексте наукотворчества в России XVIII–XIX вв. Раздел IV: В поисках “первого исторического журнала”: проблема типогенеза исторической журналистики. С. 214–282; М., 1999. Кн. 2: Журналистика и историографическая традиция в России 30–70-х гг. XIX в. С. 443, 455, 461, 465, 467–468. С этим мнением согласны рецензенты первой и второй книг этой монографии: Г.П. Присенко, С.И. Михальченко, А.И. Рейтблат, И.А. Корноухова, Л.Д. Дергачева, Б.Г. Литвак, К.Б. Умбрашко, а также Gary Marker (Dept. of History State University of New York, at Stony Brook) и другие авторы. По мнению А.Б. Каменского, «утверждение это неоспорно, ибо журналы и иные периодические издания исторического содержания, начиная с немецкоязычного “Sammlung Russischer Geschichte” первой половины XVIII в., издавались и ранее». См.: Сводный указатель к Русскому архиву П.И. Бартенева / сост. д.и.н., проф. А.Б. Каменский, А.Ю. Каменская. М., 2001. Предис. С. 9. Разрешить этот спор, длящийся уже более 100 лет, целесообразно в контексте истории европейской историографической традиции и научно-отраслевой периодики. Хейден Уайт, следя за развитием языка науки в XVIII–XIX вв., который тогда и сейчас “предлагает множество путей конструирования объекта и закрепления его в образе или понятии”, считает что “историка располагают выбором модальностей преобразования”, однако для определения времени появления национальной исторической периодики необходимо учитывать не только характер содержания какого-либо периодического издания, но и то, когда появляется профессия историка (профессиональное образование), а также специальные общества “по редактированию и публикации исторических документов” (профессии научного редактора и издателя научно-отраслевого органа печати). «В Берлинском университете в 1810 году и в Сорбонне в 1812 году были основаны кафедры истории. Чуть позже, – отмечает Уайт, – были учреждены общества по редактированию и публикации исторических документов:

Книга Б.И. Есина “Русская газета и газетное дело в России: Задачи и теоретико-методологические принципы изучения” (М., 1981 г.) развивает и дополняет методы источниковедческого анализа газетной периодики, основные приемы текстологии и герменевтики данного вида источников. Следует заметить, что главное внимание автора обращено на газетные издания середины–второй половины XIX в., преимущественно общественно-политические органы печати.

Определение периодической печати, предложенное М.Ф. Румянцевой в учебном пособии для гуманитарных специальностей “Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории” (М.: РГГУ, 1998), крайне неудачно. Автор избирательно и небрежно трактует информационный потенциал, содержание и функции данного вида исторических источников. Вот это определение: “*Периодическая печать – вид исторических источников, представленный долговременными изданиями периодического характера, функциями которых являются организация (структурирование) общественного мнения, осуществление идеологического воздействия государства, информационного обслуживания экономической деятельности в сфере частного предпринимательства, установление обратной связи в системе управления*”. И далее: “*Периодическая печать делится на три разновидности: газеты, журналы, повременные издания научных обществ*” (курсив мой. – М.М.)¹⁶.

Такому толкованию периодической печати как вида исторических источников можно задать целый ряд вполне правомерных вопросов. Почему, например, автор закрепляет за периодикой функцию информационного обслуживания исключительно экономической деятельности общества и исключительно в сфере частного предпринимательства? Почему акцентируется внимание на повременных изданиях только научных обществ? Ведь они – далеко не единственный вид общественных организаций и государственных структур в России XVIII–XIX вв., имевших свои периодические и повременные издания. Почему об отраслевой газетной и журнальной периодике, появившейся в середине–второй половине XIX в., и вовсе ничего не сказано? Трудно согласиться с предлагаемой студентам интерпретацией этимологии слов “газета”, “журнал” и их употребления на протяжении XVIII–XIX вв., особенно в делопроизводственных документах цензурных органов. Утверждение о том, что газета как разновидность периодической печати “наиболее полно воплощает модель вида в целом” нуждается в развернутом обосновании. В любом случае оно является слабым утешением по поводу того, что в данном учебном пособии “становление и развитие газет будет рассмотрено

общество “Monumenta Germaniae Historica” в 1819 году, “Ecole des Chartes” в 1821 году. Правительственные дотации этим обществам – стимулировавшиеся симпатиями той эпохи к национализму – стали поступать вскоре, в 1830-х годах. Во второй половине века были основаны главные национальные журналы по истории: в 1859 году “Historische Zeitschrift”, в 1878 году – “Revue historique”, в 1884 году – “Rivista storica italiana” и в 1886 году – “English Historical Review”. Профессия становилась все более академической. Профессура формировала научные круги для содействия и развития социально-ответственной историографии» (см.: Уайт Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века / пер. с англ.; под ред. Е.Г. Трубиной и В.В. Харитоновна. Екатеринбург, 2002. С. 10, 165–166). В целом эти наблюдения близки и по времени, и по содержанию тому, что совершалось в российской науке. Наконец, в решении вопроса далеко не последнюю роль играет историзм понимания изучаемой эпохи в сочетании с проблемой социокультурной, профессиональной самоидентификации личности “человека ученого”, “сочинителя” и “писателя истории”, историографа, историка.

¹⁶ Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории... С. 451.

подробно”, а журнальной периодике не найдется места ни в тексте главы, ни в примечаниях¹⁷.

Работы последнего 30-летия, посвященные источниковедческому анализу газетной и журнальной периодики (большая заслуга в этом направлении принадлежит выпускникам МГИАИ–ИАИ РГГУ: В.Ю. Афиани, А.Д. Зайцеву, В.П. Козлову, а также Е.В. Бронниковой, В.Ф. Козлову, Е.И. Лагутиной, Л.А. Молчанову, О.А. Вальковой и другим авторам), существенно раздвинули границы понимания роли газетной и журнальной периодики в общественной, политической, культурной, научной жизни России. В этом продвижении мы обязаны нашим учителям и, прежде всего, И.А. Кудрявцеву, С.О. Шмидту, М.Н. Черноморскому, Е.В. Луцкому, Т.М. Кириченко и другим ученым Историко-архивного института. Они ориентировали студентов на комплексное изучение российской периодики, связывая такой подход с необходимостью совершенствования приемов и методов выявления, изучения и использования в работе историографа исторических и историографических источников, нового эмпирического материала о закономерностях их происхождения и развития.

Именно такое понимание задач поступательного развития истории как науки воспитывал в своих учениках М.Н. Тихомиров. Материалы архивного фонда ученого свидетельствуют о том, что историко-краеведческая и историко-научная проблематика входили в число приоритетных направлений его исследовательской и научно-организаторской деятельности. Об интересе Тихомирова к газетной периодике как историческому и историографическому источнику свидетельствуют собранные им выписки из “Владимирских губернских ведомостей” “Вологодских”, “Вятских”, “Калужских”, “Костромских”, “Московских”, “Нижегородских”, “Пермских”, “Смоленских”, “Тверских”, “Ярославских”. К этой работе он привлекал своих учеников и аспирантов, в частности Ш.Ф. Мухамедьярова и В.И. Сергеева¹⁸.

О роли газетной периодики в истории исторической науки, об исторических и историографических материалах “Части неофициальной” газеты “Губернские ведомости” мне приходилось не раз выступать с докладами и сообщениями на научных и научно-практических конференциях в 1980–1990-е годы. Эти материалы опубликованы¹⁹. В рамках данного сообщения целесообразно

¹⁷ Там же. С. 252, 500–502. В списке рекомендуемой литературы к главе “Периодическая печать” студентам предложены указанная выше статья С.С. Дмитриева, работы Б.И. Есина (1963, 1971, 1981, 1982), посвященные газетному делу в России, а также исследование Ф.М. Лурье «Хранители прошлого: журнал “Былое”: история, редакторы, издатели» (Л., 1990). Новейшие источниковедческие работы о периодической печати в России XVIII–XIX вв. здесь отсутствуют.

¹⁸ Рукописное наследие... С. 27 (№ 175). Среди многочисленной корреспонденции ученого сохранились письма и телеграммы Мухамедьярова и Сергеева (№ 1626, 1748).

¹⁹ Мохначева М.П. Проблемы регионистики в “исторических о губерниях сведениях” (по материалам “Губернских ведомостей”) // Байкальская историческая школа: проблемы национальной истории: тез. докл. и сообщ. науч. конф., посвящ. памяти М.А. Гудошникова и Ф.А. Кудрявцева. 27–30 июня 1994 г. Иркутск, 1994. Ч. 1. С. 60–62; Она же. Истории Отечества по страницам неофициальной части “Вятских губернских ведомостей” // История и культура Волго-Вятского края (к 90-летию Вятской ученой архивной комиссии): тез. докл. и сообщ. межрегион. науч. конф. Киров, 18–19 окт. 1994 г. Киров, 1994. С. 157–160; Она же. Описания Вологодской губернии и губернских городов в официальной периодике XIX в. // Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии: матер. Всеросс. науч. конф., посвящ. 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Вологда, 1995. С. 277–279; Она же. Параметры историко-статистических и экономических описаний городов, сел и деревень в “Воронежских губернских ведомостях” // Материалы для изучения сельских поселений России: докл. и сообщ. III науч.-практ. конф. “Центрально-Черноземная деревня: история и современность”. Воронеж, декабрь 1994, М., 1995. Ч. II. С. 80–82; Она же. Из истории цензурирования “Новгородских губернских ведомостей” (по материалам РГИА) // Прошлое Новгорода

разно обозначить разновидности историографических и историко-краеведческих материалов газетной периодики, большая часть которых является первоисточниками по истории провинциальной историографии и истории краеведческой деятельности столичных и местных любителей истории, замечательных подвижников науки истории XVIII–XIX вв.

О краеведческих и историко-краеведческих материалах на страницах газеты “Санкт-Петербургские ведомости” сегодня уже можно писать серьезное исследование – книгу или диссертацию. Благодаря кропотливой работе сотрудников Библиотеки Академии наук СССР по составлению указателя содержания газеты, историки получили в свое распоряжение богатейший, практически не освоенный материал²⁰.

Информационный потенциал газеты за 1728–1731 гг. ошеломляет уже при первом знакомстве с тематико-видовым указателем содержания (по странам и регионам), потрясает широтой знаний и научно-практических интересов современников. Региональный и алфавитный указатели географических и этнических названий Российской империи содержат сведения по 14 губерниям: Архангелогородской, Астраханской, Белгородской, Воронежской, Казанской, Киевской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Петербургской, Ревельской, Рижской, Сибирской, Смоленской; всего более 150 названий.

В топографическом указателе по Петербургу и его окрестностям представлена газетная информация о районах города и его предместьях (частях, островах, слободах, кварталах, усадьбах и дачах); о проездах (улицах, линиях, проспектах и площадях, набережных, трактах и дорогах, а также о переулках); о водных артериях, переправах и причалах (реках, каналах, мостах, перевозах, пристанях); о верфях и мельницах; зданиях культового, гражданского и военного назначения; церквях, монастырях, некрополях, о дворцах, садах и парках; фабриках и заводах; магазинах и складах; трактирах, питейных домах и кабаках.

Именные указатели (сословно-профессиональный и алфавитный) в числе прочих содержат сведения о “лицах интеллигентных профессий” – академиков, профессорах, адъюнктах, учителях и учащихся, художниках, скульпторах, архитекторах, врачах и ветеринарах, аптекарях, инженерах, чьи имена

и Новгородской земли: тез. докл. и сообщ. науч. конф., Новгород, 14–16 ноября 1995 г. Новгород, 1995. С. 110–113; *Она же*. Историко-этнографические описания народов Поволжья в “Астраханских губернских ведомостях” // Проблемы взаимодействия национальных культур: сб. тез. регион. науч. конф. Астрахань, 1995. Ч. 1. С. 19–21; *Она же*. Историко-статистические и этнографические описания народов Русского Севера на страницах “Архангельских губернских ведомостей” // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Запада России: сб. тез. V Межвузовской конф. Брянск, апрель 1996 г. М.; Брянск, 1996. С. 14–16; *Она же*. Неофициальная часть губернских ведомостей: познавательные возможности сравнительного источниковедения // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании: тез. докл. и сообщ. науч. конф. Москва. ИАИ, 29–31 января 1996. М., 1996. С. 233–236; *Она же*. “Тульские губернские ведомости” в первое тридцатилетие издания // Тула историческая: прошлое и настоящее: тез. докл. Науч.-практ. конф., посвящ. 850-летию г. Тулы. Тула, 1996. С. 62–64; *Она же*. Журнальная периодика в кругу чтения подписчиков губернских публичных библиотек (по материалам “Вятских губернских ведомостей”) // Интеллигенция, провинция, отечество: проблемы истории, культуры, политики: тез. докл. Межгосудар. науч.-теоретич. конф. Иваново, 24–25 сентября 1996 г. Иваново, 1996. С. 119–121; *Она же*. Вопросы краеведения на страницах неофициальной части “Тверских губернских ведомостей” // Четвертые культурологические чтения “Вопросы истории культуры и краеведения”: сб. ст. М., 1999. С. 20–23; и др.

²⁰ См.: Газета “Санкт-Петербургские ведомости” XVIII века: указатели к содержанию 1728–1731 гг. Л., 1987; То же: указатели к содержанию 1774 г. Л., 1987. Это первые издания серии, в их подготовке принимали участие А.Ю. Соловьев, Н.С. Трофимова, Л.А. Чуркина, М.И. Фундаминский (отв. составитель) и А.И. Копанев (отв. редактор).

встречаются на страницах газеты. В указателе за 1728–1731 гг. значатся имена 27 “интеллектуалов”. Это президенты Петербургской академии наук Л.Л. Блюментрост (Блументрост) и Британской королевской академии наук Г. Слоун (Слоан), академики и профессора Г.З. Байер, И.А. Бекенштейн, Д. Бернулли; датский астроном, профессор в Копенгагене П. Герребов; доктор медицины в Лейпциге И.Х. Гебенштрейт; профессора И.Г. Дювернуа, И.Г. Лейман, Ф.Х. Майер (Мейер); академические библиотекари В. Киприанов и И.Д. Шумахер; механик А.К. Нартов и др. В именном алфавитном указателе за эти годы зарегистрировано 564 русских и зарубежных граждан, оказавшихся по тем или иным причинам в России, постоянно или какое-то время живших в Петербурге.

Для сравнения: в именном сословно-профессиональном указателе газеты “Санкт-Петербургские ведомости” за 1774 г. зарегистрировано 127 “лиц интеллигентных профессий”, в том числе 9 академиков и профессоров (Г.И. Козлов, С.К. Котельников, Н.Г. Курганов, Э. Лаксман, Н.Г. Леклерк, И.Г. Рейхель, Я. Штелин, И.А. Эйлер и Л. Эйлер); 21 учитель (содержатель) школы; юрист (адвокат Дивилье); 23 художника и скульптора, 9 архитекторов, 18 музыкантов и актеров, 42 врача и ветеринара; 3 аптекаря; инженер (горный специалист Карбаньер). В именном алфавитном указателе за тот же 1774 г. значатся 2256 россиян и иностранных граждан, о которых сообщает газета.

Не менее любопытна информация указателей видов хозяйственно-культурной деятельности и товаров, а также учреждений, общероссийских, столичных и провинциальных, названия которых встречаются в “Санкт-Петербургских ведомостях”.

Можно с полной уверенностью сказать, что подготовка аналогичного справочника о содержании газеты “Московские ведомости” за XVIII в. будет не менее впечатляющей по составу ее информационных ресурсов, позволит приобщить к изучению с помощью библиометрической обработки “россыпь” самых разнообразных сведений по истории повседневной жизни обеих российских столиц и страны в целом. В “Московских ведомостях” опубликована масса самых разнообразных материалов, включая библиографические сведения по истории Москвы, губернских и уездных городов России. В 1783–1784 гг. в качестве приложения к каждому номеру газеты Н.И. Новиков издавал “Прибавления”, на которые не случайно обратили внимание М.Н. Тихомиров и М.Т. Белявский. Именно здесь, на страницах этой газеты, Новиков оттачивал структуру и стиль таких жанров “историописания”, исторических и историографических, как “рассуждение” (“рассуждение о торговле вообще и о торговле разных народов”) и “описание” (“описание знатнейших городов в свете”, включая российские). В 1802–1805 гг. в газете публиковались специальные приложения “Новости русской литературы”, где наряду с литературными новинками помещались сведения об исторических и историко-краеведческих материалах, вышедших в составе газетной и журнальной периодики, а также отдельными книжными изданиями. В 1830-е годы библиографические материалы нередко занимали целые страницы газеты, здесь же печатались краткие аннотации новых книг российских и зарубежных авторов и рецензии на них.

Интереснейший материал критико-литературного плана собран в книге В.Д. Рак “Русские литературные сборники и периодические издания второй половины XVIII века: иностранные источники, состав, техника компиляции” (СПб., 1998). Проблема обратной связи периодики (газетной и журнальной

историографии) с ее “пользователями” в числе прочих затрагивается в книге А.Ю. Самарина “Читатель в России во второй половине XVIII века (по спискам подписчиков)” (М., 2000). Это одно из последних исследований по социальной психологии интересующей нас темы.

В начале XIX в. основную массу новых органов печати составляли журналы. Поэтому факт появления в Астрахани первой еженедельной газеты “Восточные известия” вдвойне знаменателен. Газета издавалась в 1813–1816 гг. тетрадным (журнальным) способом издателем И.А. фон Вейсгопфеном, о котором, увы, почти ничего не известно. Каждый номер открывался страничкой официальных сообщений, за которой следовала литературная страница. Здесь помещались литературные сочинения в прозе и стихах местных авторов, а также географические, этнографические и исторические описания Астраханской и близлежащих губерний, подготовленные специально для этого издания местными любителями старины. Наиболее значимыми в научном отношении были “Краткие замечания о Хиве, ее народонаселении, управлении и промышленности” (1815, № 9–12), “Описание Российской торговли в Персию производимой” (1815, № 37–42). Следует заметить, что в 1816 г. газета выходила на русском и армянском языках. Этот факт чрезвычайно важен для истории культуры края, а также в плане развития местной историографической традиции.

В том же 1813 г. в Петербурге стала выходить газета “Русский инвалид, или Военные ведомости”, издававшаяся до октября 1917 г., сыгравшая заметную роль в появлении отраслевой печати, в частности “Военного журнала, издаваемого обществом военных любителей при Главном штабе под руководством начальника оного генерала Сипягина” (СПб., 1817–1819).

Нельзя не сказать хотя бы несколько слов о первой в истории российской периодики еженедельной критической и литературной газете “Рецензент”, издававшейся В.Н. Олиным в Петербурге на протяжении 1821 г. Вышло 26 номеров, где наряду с литературной критикой печатались любопытнейшие критические материалы по истории и этнографии, а также биографические очерки. В 1825 г. в Петербурге стала выходить газета “Северная пчела”, единственная частная газета, которая имела право публиковать политическую информацию, включая историко-политические статьи. Правда, таковых вплоть до 1864 г., последнего года издания газеты, было крайне мало. Издателями-редакторами газеты были Ф.В. Булгарин, с 1831 г. – Ф.В. Булгарин и Н.И. Греч, с 1860 г. – П.С. Усов.

В 1827 г. по распоряжению генерал-губернатора М.С. Воронцова и под его непосредственным покровительством в Одессе вышла первая местная газета – “Одесский вестник”. В течение первого года издания она печаталась на русском и французском языках, затем только на русском. Газета просуществовала вплоть до 1893 г. В 1857 г. перешла в ведение Ришельевского лицея, профессора М.И. Богданович и А.И. Георгиевский были назначены редакторами и сумели превратить ее в серьезную научную газету. Среди неофициальных материалов, опубликованных в газете во второй четверти XIX в., следует отметить статьи “О древностях Аккермана и Овидиополя”, “О торговых сношениях России с Францией”, “О фарфоровом заводе Гарднера”. В качестве приложения к газете выходили “Листки, издаваемые Обществом сельского хозяйства Южной России” (1832–1840) и др.

В 1832 г. аналогичное издание появилось в Тифлисе. Это была газета “Тифлисские ведомости”. Однако ее издатели Санковский, Зубарев и Горде-ев смогли подготовить лишь шесть номеров, после чего газета закрылась.

Более успешным оказался издательский проект официальной газеты “Литовский вестник”, выходившей в 1834–1840 гг., с 1841 г. – “Виленский вестник”. С 1838 по 1861 г. в Варшаве на русском и польском языках издавалась “Официальная газета Царства Польского”.

Для изучения истории научно-литературной полемики несомненный интерес представляют петербургские газеты начала 1830-х годов: “Литературная газета” (1830–1831), “Северный Меркурий” (1830–1832), а также «Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”» (1831–1839). Редактором-издателем первой был А.А. Дельвиг (№ 1–64), затем – О.М. Сомов (№ 65–100). Вторую издавал М.А. Бестужев-Рюмин, вышло 230 номеров (4 тома) этой газеты. Третью выпускали в свет А.Ф. Воейков и А. Плюшар, редактировал А.Ф. Воейков, затем, в 1837–1839 гг., – А.А. Краевский. В 1840 г. «Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”» были преобразованы в “Литературную газету. Вестник наук, искусств, литературы, новостей, театра и мод” (1840–1849). История этой газеты связана с именем В.Г. Белинского. Он опубликовал здесь “Очерки Бородинского сражения”, рецензию на “Очерки русского народа” Н.А. Полевого, вел постоянный раздел “Журналистика”, где среди прочих материалов помещались краткие историко-литературные справки, а также сведения по истории отечественной и зарубежной журналистики и печати.

1830 год отмечен еще одним знаковым событием в истории российской журналистики. В Петербурге стала выходить первая еженедельная промышленная газета “Северный муравей”, рассчитанная на промышленников и коммерсантов. Наряду с материалами по истории местной промысловой деятельности, первых промышленных предприятий и производств, здесь публиковались также материалы историко-научного характера, в частности сведения о содержании новых книг по науке и технике. В 1832–1835 гг. в Петербурге выходил еженедельник “Купец” (вышло 33 номера), где также можно найти статьи по истории коммерции и отдельных отраслей русской промышленности.

Перечень газетных изданий, появившихся в 1830–1850-е годы и публиковавших исторические, краеведческие, историко-научные, историографические материалы, можно продолжить. Главной тенденцией тех лет было движение газетного дела по пути создания отраслевой системы печати. В Петербурге стали выходить первая “Земледельческая газета” (1834–1905, 1913–1917) и первая “Художественная газета” (1836–1841). В 1838–1839 гг. в качестве приложения к “Журналу общепольных сведений” в Петербурге издавался также “Листок промышленности, ремесел, искусств и фабрик”. Название этой газеты говорит само за себя.

И все же главным событием в истории местной печати, благодаря ей и истории краеведения и провинциальной историографии, явилось появление “Части неофициальной” газеты “Губернские ведомости”²¹. “Ярославские губернские ведомости” выходили с 1831 г., в 1838–1839 гг. были созданы еще 40 газет, их издавали почти во всех европейских губерниях России, а также в украинских и литовских. По типу губернских ведомостей в 1838–1864 гг. в Тифлисе печатался “Закавказский вестник”. С 1843 г. вышли в свет “Ковенские ведомости”. В 1850-е годы на европейской территории страны стали издавать еще пять газет “Губернские ведомости”: “Ставропольские” (1850),

²¹ См.: Мохначева М.П. Журналистика и историческая наука: в 2 кн. М., 1999. Кн. 2: Журналистика и историографическая традиция в России 30–70-х гг. XIX в. Раздел I: “История или известование?” (губернские ведомости в контексте источниковедения историографии). С. 12–88.

“Курляндские” в Митаве (1852), “Самарские” (1852), “Лифляндские” в Риге (1853 г., с 1866 г. – на русском и немецком языках). С 1857 г. “Губернские ведомости” стали выходить в Сибири. Появились “Иркутские”, “Томские”, “Тобольские”, “Енисейские” (издавались в Красноярске) “губернские ведомости”. В 1860 – начале 1870-х годов к ним прибавилось еще 18 “губернских”, “войсковых”, “областных” газет. Таким образом, к концу 1870-х годов в российской провинции выходили уже 76 газет “Губернские ведомости”.

Примечательно, что наиболее значимыми для истории краеведения и провинциальной историографии первой половины XIX в. оказались именно те “Губернские ведомости”, которые интересовали М.Н. Тихомирова, и из которых он делал многочисленные выписки. Изучая указатели содержания “Губернских ведомостей”, составленные сотрудниками редакции, чаще всего самими редакторами, ученый обнаружил связь газетных историко-краеведческих материалов, публикаций исторических и историографических текстов, с первыми попытками “местнографии”, относящимися к XVIII в. Это наблюдение было сделано уже тогда, когда он, будучи членом Общества изучения Московской губернии, собирал материал для исторического очерка “Город Дмитров” (1925), переизданного в 1958 г. по просьбе Дмитровского краеведческого музея.

Позже Тихомиров не раз обращался к газетным и журнальным материалам по истории русских городов. Например, когда работал над статьей “Села и деревни Дмитровского края в XV–XVII веках” (1928), собирал материал для сообщения “К истории села Ольявидово” (1928), готовил тексты для туристских маршрутов под названием “Описание окрестностей Звенигорода Московской губернии” и “Описание г. Коломны и его окрестностей” (1928–1930). Тихомиров обращался к газетным и журнальным историко-краеведческим публикациям, когда работал над монографией “Древнерусские города” (1956), готовил доклады: “Великий Новгород в мировой культуре” (1956), “О начале г. Каменец-Подольского” (1962). И даже тогда, когда ему приходилось отвечать на письма советских, партийных и общественных организаций с просьбами уточнить дату основания того или иного города – “Об основании Торжка” (1957), “О происхождении г. Ельца” (1958) – он обращался к своим выпискам и вырезкам из газет и журналов.

Назовем основные виды историографических и историко-краеведческих публикаций на страницах губернских ведомостей.

Первую группу образуют биографические и некроложные материалы о местных, губернских, уездных, церковных историках. Вторую – программы историко-географического, этнографического, статистического, экономического обследования сел и городов края. Третью – методические рекомендации по составлению описаний такого рода. Четвертую – публикации лучших конкурсных сочинений исторического и краеведческого содержания, выполненных учащимися местных гимназий, училищ и университетов, а также корреспондентов губернских ведомостей, среди которых были крестьяне. Пятую – обобщающие, публиковавшиеся из номера в номер общеисторические и краеведческие “рассуждения”, “описания”, “очерки”, “истории”, “путешествия”. Шестую – рецензии на исторические сочинения столичных и местных историков. Наконец, седьмую группу образуют первые очерки по истории исторического краеведения, их появление приходится на 1840–1850-е годы. Это время, когда уже были составлены и опубликованы первые местные истории, и читателя начинала интересовать история истории (“местнография”) и первые “писатели” местной истории, “уездные” и церковные историки.

Изучение этих памятников провинциальной газетной и журнальной историографии еще только начинается. Первые шаги в этом направлении выявили тысячи имен неизвестных науке местных историков, профессионалов и любителей²².

Гигантский по масштабу, почти не освоенный массив исторических и историографических источников на страницах газет и журналов расписан первым русским библиографом-профессионалом В.И. Межовым (1830–1894). В 1858 г. он приступил к росписи статей всех периодических изданий, поступавших в Публичную библиотеку, где служил в 1851–1856 гг. (с 1853 г. – в должности регистратора). В конце 1860 – начале 1870-х годов Межов привлек к составлению росписи русских периодических изданий первой половины XIX в. группу сотрудников. Это был первый в истории российской библиографии опыт коллективной работы, заслуживающий специального исследования. В 1882–1889 гг. Межов получал ежегодную субсидию от казны в размере 1 тыс. руб., большую часть которой потратил на оплату труда своих сотрудников. К 1887 г. было расписано около 150 тыс. статей из 300 периодических изданий, которые, как пишет Б.И. Юрьев, автор последней по времени энциклопедической статьи о Межове, лишь “частично использованы при составлении ряда отраслевых библиографий (большая часть уникальной карто-теки Межова погибла после его смерти)”²³.

Неоценима заслуга Межова в разработке и изучении краеведения, составлении краеведческой библиографии. По данным Межова за 173 г. (с 1703 по 1876 г.) в стране было издано свыше 200 тыс. статей “по истории России вообще и истории составных ее частей”. В 1860–1870-е годы Межов по поручению и при поддержке туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана составил 416 томов “Туркестанского сборника”, содержащие в числе прочих историко-краеведческие материалы по Средней Азии. В 1878–1888 гг. он издал три тома указателя к этому сборнику, а уже в начале 1890-х годов на средства И.М. Сибирякова вышел трехтомный указатель “Сибирская библиография” (СПб., 1891–1892). Одновременно на средства Главного штаба была издана трехтомная “Библиография Азии” (СПб., 1891–1894).

Работать с таким масштабом общеисторической, историко-краеведческой, историографической информации в газетной и журнальной периодике крайне сложно, непосильно для одного исследователя. До настоящего времени историки лишь выборочно прикасаются к этому комплексу источников, обычно в рамках тематической или биографической проблематики исследований, реже – при изучении социологических аспектов исторической науки (научные группы, типы научной коммуникации – научные и научно-педагогические школы, общества, редакции отраслевых изданий и др.). Метод библиометрии, введенный в науковедение английским ученым А. Причардом (1967), позволяет по-новому взглянуть на социологические и когнитивные формы репрезентации исторического и историко-краеведческого знания в XVIII–XIX вв.

Первые работы в области библиометрии научно-отраслевой периодики позволили Д. Прайсу выделить два аспекта в использовании газетной и журнальной информации: *практический* – поиск исторической информации и ее традиционное изучение и *стратегический* – слежение за развитием научного

²² Там же. С. 481–482.

²³ Отечественная история: история России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. М., 2000. Т. 3. С. 525.

знания и его трансформацией. Д. Прайс с помощью практической библиометрии обосновал мысль о том, что научная статья как единица “текста-источника” (это же можно сказать о рецензии, как, впрочем, и о любом другом типе научно-исследовательских материалов, опубликованных в газете, журнале, сборнике) отнюдь не является неизменной единицей информации, она – “меняющаяся часть социальной ткани науки”²⁴. И это, пожалуй, главное ее свойство, позволяющее адекватно отследить не только социальные отношения в науке, но и динамику когнитивных процессов – диалогизм науки на всех уровнях (личностном, групповом, социетальном, межгосударственном, международном).

Исторические публикации (документальные и исследовательские) на страницах газетной и журнальной периодики позволяют предметно изучать специфику “письма” (историописания) общероссийских и местных историй в тот или иной период, обращая внимание на такие факторы историографического процесса, как “продуктивность” ученого, научная эффективность общественно-политических и научно-отраслевых газетных и журнальных публикаций; научный потенциал “местнографии” и его роль в истории отечественной и зарубежной историографии, популярные и малоизучаемые области истории, краеведения, родоноведения; государственный, социальный, научный заказ на разработку той или иной проблематики; научно-отраслевая, науковедческая, социокоммуникативная значимость полученных результатов и др.

Наконец, еще одно перспективное исследовательское направление. Все крупнейшие европейские библиотеки стремились приобрести годовые подборки российских газет, включая губернские ведомости, а также журнальную периодику. Редакции ряда общероссийских и даже местных газет и журналов XIX в. имели своих корреспондентов за рубежом²⁵. Образ российской исторической науки, ее идейного взаимообмена с европейской научной мыслью будет заведомо искаженным, если не учитывать и не изучать исторические и историко-краеведческие материалы в российской газетной и журнальной периодике. Это хорошо понимают зарубежные историки. Американские ученые отдают предпочтение стратегической библиометрии российской исторической науки. С 1973 г. Институт научной информации США формирует базу данных о развитии социальных наук – Social Science Citation Index, в которую в числе прочих вводятся библиографические сведения о документальных и исследовательских публикациях на страницах европейской отраслевой периодики, включая российскую. Здесь представлены газетные и журнальные публикации по археологии, антропологии, этнографии, демографии, географии, истории географических и административно-территориальных регионов той или иной страны, истории национального образования, экономике и многие другие. К 1985 г. в этой базе данных насчитывалось более 1,7 млн документов-источников и более 18 млн ссылок, содержащихся в них²⁶. К сожалению, эта база данных за редким исключением недоступна для российских ученых. Европейские ученые предпочитают традиционный путь изучения исторической науки и краеведения. Об интересе французских историков, филологов, литературоведов к истории и современному состоянию исторического краеведения в России красноречиво свидетельствует международ-

²⁴ См.: *Маршакова-Шайкевич И.В.* Вклад России в развитие науки: библиометр. анализ. М., 1995. С. 7, 9.

²⁵ См.: *Мохначева М.П.* Журналистика и историческая наука... С. 88, 373–374.

²⁶ *Маршакова-Шайкевич И.В.* Указ. соч. С. 13.

ная конференция “Краеведение в России 1890–1990: истоки, проблемы, возрождение”, проведенная в Париже в мае 2000 г. по инициативе проректора Сорбонны IV профессора Ф. Конта с участием представительной делегации российских историков-краеведов во главе с С.О. Шмидтом. Все доклады и выступления российских ученых на этой конференции переведены на французский язык и опубликованы в сборнике “Les etudes regionales en Russie (1890–1990): origines, crise, renaissance” (Paris-Sorbonne, 2002).

Г.П. Присенко

ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ТУЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX – 30-х ГОДОВ XX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ ЕЕ ПРЕДМЕТА*

Тульская историография с ее традиционным вниманием к методике исследования провинциальной истории, позволяет отдельно рассмотреть тему документальной части ее источниковой базы.

Впервые тульские историки внятно сформулировали к ней свое отношение в обобщающих сочинениях монографического характера по истории края и в ряде критических статей, им посвященных. Они появились в первой половине XIX в. главным образом под влиянием “Истории государства Российского” Н.М. Карамзина. “Примечания” к сочинению Н.М. Карамзина сделали очевидным для провинциальных историков необходимость документального или иного подтверждения собственных исторических построений. Кроме того, они показали возможность публикации источников по истории края в контексте местных обобщающих сочинений в качестве приложений. В настоящее время это рассматривается во многом благодаря исследованиям С.О. Шмидта, на уровне значительного историографического факта¹.

Источники таких разработок определялись авторским пониманием предмета своих исследований. В тот период оно было не только двойственным, но и противоположным по сути. Одни считали, что история края – не политическая, а частная, показывающая “быт” граждан. Такое понимание предмета местной истории сосредотачивало внимание авторов прежде всего на своеобразии края, на том, что отличало его в целой истории государства. Другой вариант понимания предмета местной истории возник позднее и заключался в том, что история края – это прежде всего часть общей истории государства.

Выразителем первого взгляда был самый талантливый тульский историк И.П. Сахаров (1807–1863). Находясь во власти “Истории государства Российского” Н.М. Карамзина, И.П. Сахаров считал, что в отличие от нее, провинциальная история не может быть политической, потому что политика не зависит от действий местных жителей. Следовательно, местная история может быть только частной, а ее источниковая база в основном – документальной. И.П. Сахаров писал о том, что тульские древности надо изучать “по наличным памятникам в архивах, но не в новых книгах”; тем более, что “в обширных пределах нашего отечества архивы составляют богатейшие рудники”².

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ, № 05-01-71101а/ц.

¹ Шмидт С.О. “История государства Российского” в культуре дореволюционной России // Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1988. Кн. 4. С. 34–35.

² Сахаров И.П. Мои воспоминания // РА. 1876. № 6. С. 900; Он же. Известия о нескольких древних и донныне бывших неизвестными грамотах. Статья 1 // Моск. телеграф. 1830. № 8. С. 420.

В 1832 г. И.П. Сахаров реализовал свое понимание предмета местной истории и ее источниковой базы в сочинении “Общественное образование Тульской губернии”. Оно состояло из двух частей: истории края с древнейших времен до начала XVIII века и собрания документальных источников этой истории, которые И.П. Сахаров выявил в тульских архивах. Все они относились к XVII в.: списки писцовых книг Тульского посада 1625, 1629, 1685 гг.; Тульская разрядная книга 1680 г.; уставные и жалованные грамоты тульским кирпичникам, монастырям; царские грамоты и памяти тульским воеводам, писцам, губным старостам.

Но в свет вышла, т.е. превратилась в “новую книгу”, только вторая, археографическая часть его сочинения³. Изложение же местной истории, за исключением небольших отрывков, остается в рукописи до настоящего времени⁴.

И.П. Сахаров посчитал причиной неудачи свое неверное понимание предмета местной истории: “события губернии имели начало из другого источника, а не из действий самобытной жизни горожан”, “гораздо более можно найти источников для полной истории русского народа, нежели для жителей одного или нескольких городов. Частные характеры исчезают вместе с жизнью гражданина и только едва заметные очерки доходят до потомства”⁵.

Выразителями второго взгляда на предмет местной истории как части общей истории государства были тульский покровитель И.П. Сахарова И.Ф. Афремов (1794–1866), тульский критик И.П. Сахарова Н.Ф. Андреев (1795–1864) и сам И.П. Сахаров 40–50-х годов XIX в.

В отзыве на “Историю общественного образования Тульской губернии”, опубликованном Н.Ф. Андреевым в “Москвитяине”, было затронуто принципиальное для провинциальной историографии положение о предмете местной истории и об источниках ее исследования. Н.Ф. Андреев отказал делопроизводственным документам, царским грамотам (в частности, местным должностным лицам) в статусе высокоинформативного вида источников местной истории: “Изданы только грамоты. Грамоты, не имеющие никакого исторического достоинства”. Причина такой оценки сахаровской археографии определялась пониманием Н.Ф. Андреевым предмета местной истории. Он был убежден, что “события, случавшиеся в одной какой-либо провинции колоссальной России, начинались и оканчивались вследствие общего порядка вещей, общего движения и государственных обстоятельств, которыми наполняются целые страны русской истории. Следовательно, история каждой губернии сливается с историей нашего отечества, как ночь с днем”⁶.

Таким образом, подход к местной истории как к процессу развития общества, в целом самодостаточному, Н.Ф. Андреевым полностью отвергался. Виды источников, опубликованные тульскими авторами первой половины XIX в. – акты, делопроизводственные материалы и статистические источники, могли, по мнению местных исследователей, составить главный информационный фундамент для показа этого самодостаточного развития. Однако Н.Ф. Андреев прав, считая, что российская общая политическая история чрезвычайно влияла на ход местных событий, но он все же абсолютизировал это влияние. Для понимания местной истории, как целиком определяемой политической волей центра, опубликованные тульскими исследователями в

³ Сахаров И.П. История общественного образования Тульской губернии. М., 1832. Ч. 1.

⁴ ОР РГБ. Ф. 268 (И.П. Сахаров). К. 1. Ед. хр. 1 (1832 г.); Сахаров И.П. Общественное образование Тульской губернии // Современник. 1837. № 7.

⁵ ОР РГБ. Ф. 268. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 33.

⁶ Андреев Н.Ф. Прогулка по Туле и путешествие по ее окрестностям // Москвитяин. 1843. № 2. С. 607.

первой половине XIX в. виды источников были явно недостаточны прежде всего из-за их неполитического характера.

Позднее И.П. Сахаров придет к пониманию некоего баланса между политикой центра и общественным развитием провинции в изображении истории края. В разряд высокоинформативных источников местной истории он введет фундаментальные исторические сочинения по истории России в целом – историографические источники. Но находясь на пути к этому пониманию, он удрученно замечал, что “гораздо более можно найти источников для полной истории русского народа, нежели для жителей одного или нескольких городов”⁷.

Какова же источниковая база местной истории как части общей истории государства? На этот вопрос ответил “поздний” И.П. Сахаров, работая над рукописью “Достопамятности города Тулы и его губернии” в начале 50-х годов XIX в.⁸ Им был обозначен ряд высокоинформативных, с его точки зрения, источников местной истории, в котором документальные материалы находились на последнем месте, а на первом – историографические, т.е. “новые книги”. Это сочинения по общерусской истории и прежде всего “История государства Российского” Н.М. Карамзина, топографические описания Тульского края XVIII – начала XIX вв., большая часть которых опубликована⁹; акты удельного периода, помещенные Н.И. Новиковым на страницах “Древней Российской вивлиофики”.

Перемена взглядов не является случайной. Не поражением “раннего” И.П. Сахарова и торжеством его критика Н.Ф. Андреева объясняется такой подход к источниковой базе исследований по истории края. Любая провинциальная историография, не имевшая в основе собственного летописания, должна была, на наш взгляд, пройти период выделения фактов местной истории из общероссийских исследований и уяснения их. Поэтому документальная часть источниковой базы тульской историографии первой половины XIX в. занимала в итоге самое скромное место.

Вместе с тем особенностью тульской историографии этого периода стало и то, что эта самая документальная база быстро превратилась с помощью подготовки и издания сборников документов в совершенно самостоятельный не столько археографический, сколько историографический факт¹⁰. Не следует забывать и о том, что издательская работа тульских историков, и прежде всего И.П. Сахарова, в конце 20-х – начале 30-х годов XIX в. впервые пробудила местную идею создания губернского исторического архива. Будучи уверенным, что в нашем отечестве архивы составляют богатейшие рудники, И.П. Сахаров призывал собрать все древнейшие акты Тульской губернии в одно место, создав местный исторический архив для облегчения работы исто-

⁷ ОР РГБ. Ф. 268. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 8.

⁸ Сахаров И.П. Достопамятности города Тулы и его губернии // Труды Тульской губернской ученой архивной комиссии. Тула, 1915. Кн. 1.

⁹ Бакмейстер Л.И. Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. Т. 1: Московская губерния в 4 ч. СПб., 1772. Ч. 3: Тульская провинция; Дильтей Ф.Г. Собрание нужных вещей для сочинения новой географии о Российской империи трудами Ф.Г. Дильтея обоих прав доктора и профессора. СПб., 1781. Ч. 1: О Тульском наместничестве; [Левшин В.А.] Исторические, статистические и камеральные известия, относящиеся до Тульской губернии // Политический, статистический и географический журнал, или Современная история света. 1807. Ч. 1. Кн. 1, 2; Ч. 2. Кн. 1, 2, 3; Ч. 3. Кн. 1; Ч. 4. Кн. 1, 2, 3.

¹⁰ Сахаров И.П. История общественного образования Тульской губернии; Белёвская вивлиофика, издаваемая Николаем Елагиным. Собрание древних памятников об истории города Белёва и Белёвского уезда. М., 1858. Т. 1–2.

риков и для спасения многих документов от гибели. В “Истории общественного образования Тульской губернии” он писал: “Памятники тульской древности так рассеяны по архивам, что в одном их встречаешь, а в другом – ничего. Так погиб архив венёвский, так исчез анастасовский (архивы монастырей Тульской епархии. – *Г.П.*). Местное начальство могло бы доставить значительные пособия русской истории собиранием древних актов в одно место. Этим самым они будут целее, а любопытствующие всегда найдут нужные материалы”¹¹.

Призыв И.П. Сахарова о создании тульского исторического архива вызвал поддержку даже у его постоянного оппонента Н.Ф. Андреева, который писал: “Пламенное желание его говорить о старине, спасая каждый лоскуток письменного ее бытия, заслуживал похвалу и даже благодарность”¹². Сам же Н.Ф. Андреев был шокирован “печальной пустотой” тульских церковных архивов. Он их воспринимал через сырые, темные подвалы, где нет каталогов, но “валяется великое множество не разобранных тяжбленных дел доброго старого времени. А любопытного, исторического – ни одной рукописи”¹³.

Во второй половине XIX – начале XX в. обобщающих сочинений по истории Тульского края не появилось. Но, в отличие от предшествовавшего времени, можно уже судить о развитии тульской провинциальной инфраструктуры исторического характера. В ее границах заметно увеличилось число тульских историков с выделением лидеров в разных областях исторического знания. Практически все они были объединены в научные общества исторического характера: Тульское историко-археологическое товарищество (1898–1917), Губернская ученая архивная комиссия (1914–1917), Комитет для составления историко-статистического описания Тульской епархии (1858–1917), Тульское отделение Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины (1911–1917), а также Тульский губернский статистический комитет (1835–1917). Каждое из них имело периодическое издание для публикации исторических исследований и материалов¹⁴; историки активно помещали свои работы на страницах Тульских губернских и епархиальных ведомостей. В этот же период появились первые музеи Тульского края – Палата древностей (1884), Музей оружия (1873) в Туле, Белёвский земский научно-образовательный и художественный музей им. П.В. Жуковского (1910).

Вторую половину XIX – начало XX в. отличает разнообразие тематики тульских исторических исследований с заметными результатами в каждой из них: экономическая история края¹⁵, история церквей и монастырей Тульской епархии¹⁶, описание достопримечательностей¹⁷, археологическое изучение

¹¹ Сахаров И.П. История общественного образования Тульской губернии. С. 201.

¹² Андреев Н.Ф. Прогулка по Туле и путешествие по ее окрестностям... С. 606.

¹³ Андреев Н.Ф. О тульском Успенском кафедральном соборе // Тульские губернские ведомости. 1854. № 8.

¹⁴ Тульская старина. Тула, 1899–1911. № 1–22; Труды Тульской губернской ученой архивной комиссии. Тула, 1915. Кн. 1–2; Памятные книжки Тульской губернии; Памятники искусства Тульской губернии: материалы: год 1-й. М., 1912. Вып. 1–2; Год 2-й. М., 1913. Вып. 1–2; Год 3-й. М., 1914. Вып. 1–2.

¹⁵ Зыбин С.А. История Тульского императора Петра Великого оружейного завода. М., 1912; Смилов В.И. Материалы для описания города Тулы (санитарный и экономический очерк). Тула, 1880.

¹⁶ Материалы для историко-статистического описания Тульской епархии. Тула, 1884; Святые храмы города Тулы: ист.-стат. описание. Тула, 1888; Малицкий И.П. Приходы и церкви Тульской епархии. Тула, 1895.

¹⁷ Памятники искусства Тульской губернии: материалы. М., 1912–1914.

края¹⁸, топонимика¹⁹, генеалогия²⁰, история сел²¹, история тульской провинциальной исторической мысли²². Работы в указанных областях, за исключением практической археологии, основывались на местных документальных источниках, сосредоточенных в архивах губернских светских и церковных учреждений. Кроме того, тульские историки впервые стали привлекать для своих исследований документы московских архивов, прежде всего МАМЮ. Член Тульской губернской ученой архивной комиссии Н.Е. Северный (1837–1919), шесть лет прослуживший в Канцелярии МАМЮ, писал о ценности документов этого архива для провинциальных исследований: “В МАМЮ хранится масса неизданных писцовых книг XVII века, относящихся к различным местностям теперешней Тульской губернии... В московские архивы переданы делопроизводства всех тульских городских учреждений до 1800 года... Конкретно 15 821 дело с 1700 года по 1800 год... Никто из занимавшихся тульской историей не занимался делопроизводством для научных, исторических целей, за исключением документов воеводских канцелярий”²³. В начале XX в. Губернская ученая архивная комиссия показала научный потенциал МАМЮ для изучения провинциальной истории, особенно таких ее аспектов, как взаимоотношения центральной власти и местной администрации, истории провинциальных городов и сел.

Во второй половине XIX в., как и в первой половине XIX в., принципиальным для провинциальной историографии оставалось положение о предмете местной истории и источниках ее исследования. В этот период сообщество тульских историков сблизило два взгляда на предмет местной истории, которые обозначились в первой половине XIX в., и расширили представления о нем. Область их рассуждений включала следующее: местная история должна иметь научный характер или быть максимально к нему приближенной; исторические сочинения должны быть четко географически локализованы, поскольку все своеобразие местной истории зависит от географии; исторические сочинения должны быть не только фактографичны, но и философичны, чтобы не только показать явление, но и объяснить его причину, которая часто кроется “где-либо” (глубоко. – Г.П.). Кроме того, провинциальная история должна быть представлена как достопримечательность и с точки зрения самой этой провинциальной истории, и с точки зрения истории Российского государства. Масштаб описываемых событий или явлений значения не имел.

Достаточно конкретным воплощением указанных положений являлись исследования А.И. Миловидова о селах Тульской губернии²⁴. Казалось бы,

¹⁸ Список работ Н.И. Троицкого (1851–1920) см.: Тульская историческая краеведческая библиография XVIII – начала XX веков // *Присенко Г.П.* Проникновение в былое. Тула, 1984. С. 139–141.

¹⁹ *Саваренский Ф.П.* О географических названиях Тульской губернии в связи с почвенными данными // Труды Тульской губернской ученой архивной комиссии. Тула, 1915. Кн. 1.

²⁰ *Яблочков М.Т.* Дворянское сословие Тульской губернии. Тула, 1898–1905. Т. 1–9; *Чернопятков В.И.* Дворянское сословие Тульской губернии. М., 1908–1912. Т. 1–12.

²¹ Список работ А.И. Миловидова см.: Тульская историческая краеведческая библиография XVIII – начала XX веков // *Присенко Г.П.* Проникновение в былое. С. 132.

²² *Северный Н.Е.* Мои занятия по историческому изучению Тульского края как материал для решения вопроса о задачах научной деятельности Тульской ученой архивной комиссии в связи с развитием тульской историографии. Главным образом в XIX столетии // Труды Тульской губернской ученой архивной комиссии. Кн. 1.

²³ Там же. С. 330.

²⁴ *Миловидов А.И.* Достопримечательные села Тульской губернии // Тульские епархиальные ведомости. 1893. № 11, 14–16; *Он же.* Приложения к статье “Село Гремячее” // Там же. 1894. № 24; *Он же.* Село Гремячее (бывший город-крепость) и гремячевские церкви до Петра Великого // Там же. 1894. № 6, 8, 9, 18; *Он же.* Село Иван-Озеро // Там же. 1892. № 11, 13–16.

предмет изучения А.И. Миловидова достаточно “провинциален” – маленькие села, но автор показал одновременную “достопамятность” их и с точки зрения истории Тульского края, и с точки зрения истории Российского государства в целом. События, связанные с историей небольших населенных мест, он изложил в широком контексте истории Большой засечной черты Московского государства XVII в. и реформаторской деятельности Петра I в первой четверти XVIII в. Такой методологический подход к изучению края, по мнению автора, единственно возможен и может быть обеспечен соответствующей источниковой базой. Для этого следует проводить выявление документов одновременно как в центральных архивах, так и в местных. А.И. Миловидов не скрывал “экспериментального характера” своего исследования маленьких сел Тульского края и считал результат удачным. По сути А.И. Миловидов реализовал подход к изучению края, предложенный тульским историком Н.Ф. Андреевым, когда тот писал, что “история каждой губернии сливается с историей нашего отечества, как ночь с днем”.

Широкое понимание предмета местной истории влекло за собой широкую источниковую базу, которая во второй половине XIX – начале XX в. включала обширную документальную часть. Сказался опыт интенсивного использования документов в многочисленных исследованиях отдельных тем. Об этом же свидетельствуют два ярких факта тульской историографии этого периода. Во второй половине XIX в. были опубликованы пять сборников документов с разными целями: для использования в конкретных разработках, как побудительное начало к исследованиям²⁵, как способ сохранения погибающих документов²⁶ (в конце XIX в. исследователи столкнулись с фактом почти полной, а иногда и совсем полной утраты документов уездных учреждений). В 1898 г. Н.Е. Северный опубликовал “Указатель источников, относящихся к истории тульского края”²⁷, содержащий 233 статьи. Однако ни во второй половине XIX в., ни в начале XX в., даже при наличии Ученой архивной комиссии, исторический архив в Тульской губернии так и не был образован.

В годы “золотого десятилетия” советского краеведения (1918–1927) основные методологические проблемы тульской историографии, связанные с пониманием ее предмета и источниковой базы, развивались довольно свободно. В 1923 г. в Туле была издана обобщающая работа профессора А.П. Рудакова (1886–1940) “Очерки по истории Тулы и Тульского края”. Выпускник исторического факультета Московского университета, по всей видимости, слушатель лекций В.О. Ключевского, возможный однокашник М.Н. Покровского, А.П. Рудаков, предложил свой, кардинально отличный от предшествующей традиции, взгляд на предмет обобщающего сочинения по истории края. В любом контексте: либо местных особенностей, либо общности истории местной и общегосударственной, в XIX в. это был исторический факт. Под влиянием концепции отечественной истории В.О. Ключевского А.П. Рудаков показал историю Тульского края с древнейших времен до 1865 г. как развиваю-

²⁵ Материалы для историко-статистического описания Тульской епархии. Тула, 1888. Т. 1; Тула. Материалы для истории города XVI–XVIII столетий. М., 1884; Белёв. Материалы для истории города XVII–XVIII столетий. М., 1885.

²⁶ Арсеньев Ю.В. К древнейшей истории тульских железных заводов. СПб, 1888; *Он же*. Тульская старина: сб. древних актов по истории Тульского края в XVII в. I: Каширские акты о ратной службе и военных повинностях поместного сословия. Тула, 1899.

²⁷ Северный Н.Е. Указатель источников, относящихся к истории тульского края // Памятная книжка Тульской губернии на 1898 год. Тула, 1898.

щийся исторический процесс. Главное внимание при этом уделялось социально-экономической составляющей.

Источниковая база данного исследования – историографические источники, в определенной степени напоминает начальный период тульской историографии – первую половину XIX в. В 20-е годы XX в. при внедрении новой методики описания истории, в том числе провинциальной, как и в начальной стадии ее развития в качестве источников используются сочинения предшественников. К началу 20-х годов XX в. в этих сочинениях уже отображена фактическая история, в том числе и на основе документальных материалов. А.П. Рудаков смог интерпретировать их в русле исторического процесса.

Следует напомнить о существовании в 20-е годы XX в. настоящего революционного источниковедческого проекта, который мог значительно изменить методику как краеведческих, так и общенаучных исторических исследований. Это так называемый локальный метод изучения истории, возникший в Обществе по изучению Московской области. Сторонники метода, в том числе и А.П. Рудаков, считали возможным одновременное исследование истории края и отечественной истории в целом на основе разработки документальных источников, хранящихся в провинциальных архивах. При этом предполагалось договориться об общих темах исследования, единстве источников, единстве методики их анализа. Результат мог бы быть сопоставим с концепциями, разработанными на основе источников сводного характера, хранящихся в центральных архивах. Для Тулы это было актуально с 1922 г. – времени образования Губернского исторического архива. Но цели проекта оказались пагубными в условиях идеологической централизации конца 20-х годов XX в.

Думается, идея “локального метода” изучения отечественной истории, в том варианте, в каком она была задумана, еще может вернуться в новейшую историографию, тем более при наличии современных компьютерных технологий. Хотя уже сейчас обнаруживается тенденция развития “новой локальной истории”, область изучения которой – локальные сообщества в качестве субъектов исторического процесса (социокультурный контекст местной истории), а основа – междисциплинарный анализ местных источников как целостного корпуса источников локальной истории (метод компаративного источниковедения)²⁸. У современных тульских историков это вызывает значительный интерес²⁹.

В целом документальная часть источниковой базы тульской историографии XIX – 30-х годов XX в. практически полностью определялась пониманием предмета провинциальных исторических исследований. Это детерминирует характеризовать подход к разработке сочинений по истории Тульского края как научный, а тульскую историографию рассматривать как внеакадемическое пространство отечественной исторической науки.

²⁸ Маловичко С.И., Булыгина Т.А. Современная историческая наука и изучение локальной истории // Новая локальная история. Ставрополь, 2003. Вып. 1: Новая локальная история: методы, источники, столичная и провинциальная историография: материалы первой Всерос. науч. Интернет-конф. Ставрополь, 23 мая 2003. С. 14–22.

²⁹ Соломатина Т.С. Тульские оружейники и сословная история России XVII века // Тульский краеведческий альманах. Тула, 2004. Вып. 2. С. 20–27.

**РАПОРТЫ АРХИЕРЕЕВ В СИНОД О СОСТАВЛЕНИИ
ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКИХ ОПИСАНИЙ ЕПАРХИЙ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИОГРАФИИ ЦЕРКОВНОГО КРАЕВЕДЕНИЯ РОССИИ**

Среди церковно-краеведческих источников дореволюционной эпохи одними из наиболее ценных являются историко-статистические описания епархий Русской православной церкви. Эти издания имеют первостепенное значение для изучения русской церковной истории. Кроме того, в них заключено немало других, общеисторических по содержанию, сведений о самых разных сторонах жизни различных регионов страны.

Составление описаний в большинстве епархий началось после принятия в 1850 г. особого определения Синода на этот счет. Непосредственно их подготовкой за определенное вознаграждение должны были заниматься преподаватели местных духовных академий и семинарий или другие лица духовного ведомства, имеющие интерес к историческим исследованиям. На основе составленных ими описаний планировалось подготовить специальный курс истории Русской православной церкви.

После принятия синодального определения работа над описаниями с различной степенью интенсивности была начата почти во всех епархиях. Важно отметить, что при этом было начато целенаправленное обследование церковных архивов (прежде всего духовных консисторий), в результате чего было выявлено немало ценных исторических документов. В течение 1850–1860-х годов в большинстве епархий был собран, обработан и частично подготовлен к публикации значительный массив ценных материалов по региональной церковной истории, большая часть которых осталась, к сожалению, неопубликованной.

Работа по составлению епархиальных описаний представляет важную веху в развитии церковного краеведения, региональной истории и археографии. Масштабы разработанного и поддержанного Синодом проекта впечатляют: впервые в истории России было задумано подготовить по единому плану подробное научное описание всех ее регионов в церковно-историческом отношении.

Однако об истории составления епархиальных описаний известно пока сравнительно немного. Это связано, в частности, с тем, что в самих описаниях их составители крайне редко помещали сведения о том, как эти описания создавались. И в этой ситуации особое значение имеют рапорты архиереев, которые должны были ежегодно отчитываться перед Синодом о ходе работы над описаниями своих епархий.

В Российском государственном историческом архиве в фонде 802 (Духовно-учебное управление Синода) сохранилось 39 дел, каждое из которых содержит рапорты архиереев о составлении описания той или иной епархии. В одном деле представлены сведения о подготовке описаний сразу двух епархий – Варшавской и Волынской. Не удалось обнаружить подобные дела только по 10 епархиям: Екатеринославской, Курской, Нижегородской, Рязанской, Самарской, Саратовской, Таврической, Томской, Тульской и Херсонской. Еще по двум епархиям (Московской и Псковской) дела имеются, но самих рапортов в них нет. Там присутствуют лишь справки о том, что определения Синода о составлении описаний высланы местным архиереям.

Рапорты содержат информацию о лицах, которым было поручено составление описаний епархий, об организации работы над ними, о составе и характере материалов, собранных составителями, об источниках, использованных при составлении описаний. Материалы этих дел до сих пор остаются практически не изученными и не введенными в научный оборот.

Самые ранние рапорты относятся к концу 1850 г., а последний по времени рапорт – петербургского митрополита Исидора (Никольского) – датирован апрелем 1868 г. Большинство документов относится к первой половине 1850-х годов, когда работа над описаниями только начиналась. Во второй половине 1850-х годов число рапортов, поступавших в Синод, резко сократилось. Это было связано с тем, что после смерти в конце 1856 г. разработчика программы А.И. Карасевского, являвшегося в 1855–1856 гг. обер-прокурором Синода, составление епархиальных описаний затормозилось. Новое синодальное руководство к этой идее постепенно охладело, что, в свою очередь, привело к ослаблению контроля за ходом подготовки описаний со стороны епархиальных властей на местах. В 1861 г. Синод постановил вернуть все присланные материалы обратно, чтобы напечатать их отдельными книгами или в духовных периодических изданиях, а в 1868 г. вообще устранился от какого-либо дальнейшего участия в этом деле, полностью передоверив составление описаний местным духовным властям. Архиереям было предложено более не присылать в Синод никаких рапортов на этот счет, дабы не утруждать высшие церковные власти “ненужною перепискою”.

Хотя архиереи и должны были присылать свои донесения в Синод ежегодно, на деле это требование почти никто из них не выполнял. Аккуратностью отличались лишь единицы. Это вятский (ранее подольский) архиерей Елпидифор (Венедиктов), кишиневский Иринарх (Попов), минский Михаил (Голубович), орловский Смарагд (Крыжановский), черниговский Павел (Подливский). Некоторые архиереи (например, вологодский, иркутский, киевский, литовский, тверской, тобольский) вообще направили в Синод только по одному рапорту, в которых сообщали о начале работы над описаниями своих епархий, на чем и успокоились.

Рапорты разных архиереев значительно варьируются между собой как по составу, так и по степени подробности сообщаемых сведений. Наиболее информативны донесения астраханского архиерея Евгения (Баженова), кишиневского Иринарха (Попова), литовского Иосифа (Семашко), олонецкого Аркадия (Федорова), оренбургского Иосифа (Богословского), подольского Елпидифора (Венедиктова), полоцкого Василия (Лушинского), полтавского Нафанаила (Савченко), петербургского Никанора (Клементьевского), черниговского Павла (Подливского), экзарха Грузии, а позднее новгородского и петербургского митрополита Исидора (Никольского). Эти документы представляют наибольшую ценность с точки зрения источниковедения историографии церковного краеведения.

Рапорты позволяют установить авторов ряда описаний или их отдельных составных частей, уточнить время создания того или иного описания, содержат сведения о наградах и поощрениях, полученных составителями.

В рапорте олонецкого архиерея Аркадия (Федорова) от 23 января 1852 г. содержатся сведения о составлении первого известного на сегодняшний день епархиального описания, материалы для которого еще в начале 1830-х годов начал собирать тогдашний олонецкий архиерей Игнатий (Семенов). В 1832 г. он получил от причтов материалы по 135 приходам, оставшиеся неопубликованными. В том же рапорте приводится пространный перечень исторических

документов, обнаруженных в разное время в местных церковных и монастырских архивах Олонецкой епархии. Среди них упоминаются некая рукопись, находившаяся в Палтогском приходе Вытегорского уезда, в которой описано состояние прихода после Литовского разорения; “весьма ветхая” летопись на холсте 1604 г., найденная в кладбищенской часовне Ухтозерского прихода того же уезда; царские жалованные грамоты XVI–XVII гг. Александр-Ошевенскому монастырю; “чрезвычайно важные для истории Российской церкви и истории Русской, вообще древние записки в Спасском Каргопольском монастыре о нашествии поляков и литовцев на Каргополь”¹.

Рапорты владимирского архиерея Иустина (Михайлова) позволили установить авторство двухтомного рукописного описания Владимирской епархии, оставшегося неопубликованным. Этот огромный труд общим объемом свыше 700 листов, первый том которого содержит собственно описание епархии, а второй – тексты различных исторических документов из церковных и монастырских архивов, составил иеромонах Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря Иоасаф (Гапонов), отбывавший в нем ссылку².

Документы, имеющиеся в деле о составлении описания Полоцкой епархии, позволяют не только реконструировать ход работы над ним (это описание также осталось неопубликованным), но и сообщают уникальную информацию о судьбе древнего полоцкого архива, увезенного из города во время Ливонской войны Иваном Грозным. Следы этого архива обнаружились в Смоленске, однако, несмотря на усилия составителя полоцкого описания К.А. Говорского, найти его не удалось. Причиной этого явилось, в частности, противодействие поискам исследователя со стороны местных церковных властей³.

Благодаря рапортам пензенских и кишиневских архиереев, удалось датировать несколько хранящихся в РГИА рукописей (некоторые с точностью до дня), которые являются составными частями неопубликованных описаний Кишиневской и Пензенской епархий⁴.

Рапорт харьковского архиерея Филарета (Гумилевского) свидетельствует о том, что работа по созданию описания Харьковской епархии была начата им по собственной инициативе еще за два года до принятия определения Синода о составлении епархиальных описаний⁵.

В рапортах ярославских архиереев Евгения (Казанцева) и Нила (Исаковича) сообщается, что составление описания епархии было поручено профессору Ярославской семинарии и Демидовского лицея протоиерею И.Д. Троицкому. В течение нескольких лет он собирал различные историко-статистические материалы по Ярославской епархии. А в 1861 г. вышел в свет “Историко-статистический обзор Ростовско-Ярославской епархии”, составленный секретарем Ярославской духовной консистории А.П. Крыловым. Почти не приходится сомневаться, что в нем были так или иначе использованы материалы, собранные Троицким, однако его имя в книге не упомянуто. И лишь благодаря архиерейским рапортам, можно установить его роль в деле составления

¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 80. Л. 2–11.

² Там же. Д. 61. Л. 2–2 об. Подробнее об этом см.: *Раздорский А.И.* Церковно-историческое и статистическое описание Владимирской епархии 1853 в. иеромонаха Иоасафа (В.С. Гапонова) // Уваровские чтения-V: материалы науч. конф., посвящ. 1140-летию г. Муром. Муром, 2003. С. 161–169.

³ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 86. Л. 2–43 об. Подробнее об этом см.: *Раздорский А.И.* Историко-статистическое описание Полоцкой епархии Ксенофонта Говорского и судьба древнего Полоцкого архива // АЕ за 2002 год. М., 2004. С. 117–126.

⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 72. Л. 2–25 об.; Д. 83. Л. 3–14.

⁵ Там же. Д. 96. Л. 1.

описания Ярославской епархии⁶. В рапорте смоленского архиерея Антония (Амфитеатрова) содержатся сведения о поощрении, которое получил составитель описания Смоленской епархии Н. Трофимовский. По ходатайству архиерея ему был выплачен единовременный годовой оклад в размере 286 руб. и выражено благословение Синода⁷.

Приведенные примеры наглядно демонстрируют важность архиерейских рапортов для историографии церковного краеведения⁸.

М.П. Мироненко

АРХИВЫ КРАЕВЕДОВ В “КАТАЛОГЕ ЛИЧНЫХ АРХИВНЫХ ФОНДОВ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ”

В Каталоге, включающем описания архивов ученых с XVIII по конец XX в.¹, краеведение представлено чрезвычайно широко. Сохранившиеся архивные материалы свидетельствуют: помимо того, что краеведением в той или иной степени занимались почти все известные ученые (особенно в ранние этапы развития науки), в России всегда существовало множество исследователей, чьим основным занятием было изучение своего города и более широко – края. Именно краеведение было той формой, в которой чаще всего проходило занятие историей, этнографией, географией, статистикой, археологией у местных чиновников, помещиков, врачей, педагогов. В их архивах отложились рукописи исследований, многие из которых остались неопубликованными. Описание их в Каталоге в ряде случаев является единственным печатным указанием на их существование. Ввиду обширности темы (словник Каталога включает около 3,5 тыс. имен) остановлюсь главным образом на краеведении XVIII и XIX вв.

Среди краеведов XVIII в. – собиратель рукописей, помещик И.П. Анненков, составивший описание Курска, которое не было опубликовано, но было использовано Г.-Ф. Миллером в его трудах (оно сохранилось в портфелях Миллера в РГАДА); офицер, впоследствии вице-губернатор Костромы И.К. Васьков, историк Костромского края, автор “Топографического, статистического и исторического описания Костромского наместничества” (Архив СПб ИИ РАН); служивший в Дерптском городском магистрате юрист Ф.-К.Гадебуш, историк Прибалтийского края, собиратель книг и рукописей по этой тематике, автор биобиблиографического словаря “Livländische Bibliothek” (ГИА Эстонии, ГИА Латвии, ОР РНБ). Материалы известного историка, библиотекаря, архивариуса Библиотеки Академии наук А.И. Богданова, автора “Исторического, географического и топографического описания Санкт-Петербурга” с многочисленными списками этого исследования имеются в различных фондах (СПб ФА РАН, ОР РНБ, ОР БАН, ОР ГИМ, ОПИ ГИМ). В РГАДА и Архиве СПб ИИ РАН хранятся рукописи историка

⁶ Там же. Д. 98. Л. 4–12 об.

⁷ Там же. Д. 92. Л. 9–9 об., 18–18 об., 20.

⁸ В настоящее время автор статьи завершает работу по подготовке сводного каталога и указателя содержания историко-статистических описаний Русской православной церкви. В приложении к нему будет помещен реферативный обзор документальных материалов о составлении епархиальных описаний, имеющихся в 802 фонде РГИА (общий объем приложения – 5 авт. л.).

¹ Каталог личных архивных фондов отечественных историков. М., 2001. Вып. 1: XVIII век.

Русского Севера, автора многочисленных работ по описанию Архангельска, Двинской земли, собирателя ценнейшей коллекции материалов по истории Северных областей В.В. Крестинина. Архивные материалы историка, экономиста, географа, этнографа, первого члена-корреспондента Академии наук П.И. Рычкова, автора трудов по истории Оренбургской губернии, Урала, Поволжья находятся в СПб. ФА РАН, РГАДА, ОР РГБ, ОР РНБ, Архиве СПб. ИИ РАН, АВПРИ, ГА Оренбургской области. В архиве писателя, издателя журналов, историка Москвы и Петербурга В.Г. Рубана (ОР РНБ, РГАДА) размещаются главным образом его поэтические произведения и переписка.

Архивы историков-краеведов XIX в., как правило, сохранились в целом гораздо лучше и полнее. Среди них наряду с обширными фондами известных ученых (И.Д. Беляев, А.Ф. Малиновский, И.Е. Забелин, И.П. Сахаров, И.М. Снегирев, А.С. и П.С. Уваровы и многие других) – материалы археолога, историка Киева М.Ф. Берлинского (ГА Киевской области); историка г. Шуи В.А.Борисова (Архив СПб. ИИ РАН); пермского краеведа, по происхождению крепостного, получившего вольную в 1819 г. Ф.А. Волегова (ГА Пермской области); чиновника Н.И. Второва, этнографа, статистика, исследователя Воронежского края (РГАЛИ, ОР РНБ); алтайского краеведа, этнографа, фольклориста С.И. Гуляева (ГА Алтайского края); врача, основателя рижской психиатрической больницы О.В. Гуна, краеведа Прибалтийских земель (ГИА Латвии); нерчинского купца и краеведа М.А. Зензинова, одного из первых собирателей декабристских материалов (ОР РГБ, ГА Читинской области); тверского чиновника В.А. Преображенского, историка народного быта и сельского хозяйства Тверского края (ГА Тверской области); симбирского краеведа, статистика, историка И.И. Пушкарева (ГА Ульяновской области) и др. В XX в. многократно возросло значение краеведения и масштабы занятия им, несмотря на тяжелую судьбу, постигшую отечественное краеведение и его представителей в 1920–1930-е годы. Об этом говорит и огромное число архивных фондов краеведов советской эпохи. Главным образом они отложились в местных и региональных хранилищах. Среди фондообразователей помимо профессиональных историков, филологов, музейных работников много преподавателей вузов, школьных учителей, врачей, партийных работников.

Состав, объем, сохранность архивных фондов краеведов различны. Наибольший интерес представляют рукописи их исследований, особенно неопубликованных, и подготовительных материалов к ним, а также коллекции документов. Важны также биографические материалы (аттестаты о службе, формулярные списки, указы о награждениях), переписка, нередко – имущественно-хозяйственные документы. В Каталоге приводятся библиография трудов ученого (либо указание на печатные списки трудов) и биографическая справка. Собранные воедино в Каталоге сведения об архивах историков и краеведов не только создают целостное представление об их научном наследии, но и рисуют впечатляющую картину отечественной исторической науки, в развитии которой принимали участие практически все слои населения.

К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П.П. ДУБРОВСКОГО

ХРОНИКА НАУЧНОГО ЗАСЕДАНИЯ «ПЕТР ДУБРОВСКИЙ – ОСНОВАТЕЛЬ И ПЕРВЫЙ ХРАНИТЕЛЬ “ДЕПО МАНУСКРИПТОВ” ИМПЕРАТОРСКОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ» (РНБ, 7 декабря 2004 г.)

7 декабря 2004 г. в Конференц-зале Российской национальной библиотеки состоялось научное заседание «Петр Дубровский – основатель и первый хранитель “Депю манускриптов” Императорской публичной библиотеки» к 250-летию со дня рождения. Организаторами конференции выступили Российская национальная библиотека, Археографическая комиссия РАН, Фонд А.М. Горчакова (Историко-архивный департамент Министерства иностранных дел). На первой странице пригласительного билета был воспроизведен недавно атрибутированный в коллекции Государственного Эрмитажа гравированный портрет П.П. Дубровского (см. с. 272).

Заседание открылось выступлением генерального директора РНБ *В.Н. Зайцева* “Петр Дубровский – библиотекарь Императорской Публичной библиотеки”. Он рассказал о начальных этапах истории Библиотеки и создании первого структурно оформленного подразделения Библиотеки – “Депю манускриптов”. Докладчик особо подчеркнул, что именно в те годы, когда Петр Дубровский руководил рукописным отделением, закладывались “образ и содержание” Библиотеки. В первом библиотечном законе – “Положении об управлении Императорской Публичной библиотекой” (1810) и в “Начертании подробных правил для управления Императорской Публичной библиотекой” (1812) были сформулированы два непреложных правила – сохранение рукописного наследия при соблюдении неременного условия “приема посетителей и доставления им всех нужных сведений”.

В выступлении почетного председателя АК РАН *С.О. Шмидта* были охарактеризованы жизненный путь П.П. Дубровского, значение его деятельности для становления специальных исторических дисциплин в России, и историческая роль “Депю манускриптов”, основанного Дубровским¹.

Чрезвычайный и полномочный посол России, представитель МИД в С.-Петербурге *В.А. Лопатников* в докладе “П.П. Дубровский – дипломат” охарактеризовал особенности политической ситуации в Европе в последнюю треть XVIII в., условия, в которых приходилось работать служащим посольских миссий во Франции и Германии.

Использовать свое пребывание за пределами Отечества для изучения, сбора, коллекционирования памятников культуры других народов и госу-

¹ Выступление С.О. Шмидта легло в основу статьи “К юбилею П.П. Дубровского...”. См. наст. изд. С. 276–355.

Неизвестный гравёр конца XVIII в. Портрет П.П. ДУБРОВСКОГО
Пунктир. 9 × 7,5 (овал); 14 × 11 (лист). Гос. Эрмитаж (инв. №: ЭРГ-13264)
Надпись по овалу: "Pierre Doubrowsky"

дарств – уходящая в глубь веков традиция российских дипломатов. Наиболее образованные люди России проявляли живейший интерес к памятникам письменности. Они собирали, приобретали рукописи и редкие книги, занимались их описанием и изучением. Российскими дипломатами собраны многие коллекции греческих, западноевропейских, древнерусских и восточных рукописей.

Одним из таких увлеченных собирателей был Петр Петрович Дубровский. Как дипломат он не принадлежал к людям, от решений которых зависели судьбы народов. Ему повезло в собирательской деятельности. По счастливому стечению обстоятельств в его руки попали уникальные архивные материалы, которые, несмотря на риск, ему удалось вывезти в Россию. Собрание стало основой для создания "Депо манускриптов" – рукописного отдела Императорской Публичной библиотеки.

Выдающимся его современником был Николай Петрович Румянцев – министр иностранных дел, коммерции, ставший государственным канцлером

России. Его возможности собирателя были несравненно выше. Благодаря своим энциклопедическим знаниям, эрудиции и уму, он руководил плеядой самых видных ученых того времени, с помощью которых собрал уникальнейшую коллекцию документов по русской истории. Румянцев вместе со своими сподвижниками подготовил и издал на свои средства “Собрание государственных грамот и договоров”, куда были включены важнейшие документы Древней Руси, что способствовало развитию дипломатики как науки.

Вклады Дубровского и Румянцева в историю науки не сопоставимы, но каждый из них заслужил добрую память потомков.

Доклад заведующей сектором западных фондов ОР РНБ *Н.А. Елагиной* назывался «“Богатейшее сокровище веков” – 200 лет в Санкт-Петербурге»².

В докладе заведующей сектором восточных фондов ОР РНБ *О.В. Васильевой* и *Франсиса Ришара*, заведующего отделом искусства ислама Музея Лувр (Париж) “*Orientalia* Петра Дубровского” прослежена судьба нескольких восточных рукописей из собрания П.П. Дубровского. Сопоставление данных старой инвентарной описи собрания П.П. Дубровского, печатного каталога Б.А. Дорна (*Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque Impériale Publique de St. Pétersbourg* / [ed. par B. Dorn]. SPb., 1852) и инвентарей аббатства Сен-Жермен-де-Пре, хранящихся в Национальной библиотеке Франции, позволило исследователям установить принадлежность 147 рукописей собранию Дубровского, которые позднее вошли в состав других восточных коллекций³.

Исполняющая обязанности заведующего сектором древнерусских фондов ОР РНБ *Е.В. Крушельницкая* выступила с докладом “От древней Минеи до автографа Державина”⁴, старший научный сотрудник ОР РНБ *И.Н. Лебедева* – с докладом “Греческие рукописи коллекции П.П. Дубровского”⁵.

М.П. Мироненко (АК РАН) рассказала об использовании материалов ОР РНБ при подготовке Каталога личных архивных фондов отечественных историков. Они занимают важнейшее место в корпусе источников по истории российской исторической науки. Это прославленное хранилище содержит архивы более 300 российских историков. Надо отметить, что в этом с ним не может соперничать ни одно другое архивохранилище (для сравнения приведем следующие цифры: в РГИА хранится 88 фондов историков, в РГБ – 260, в ИРЛИ – 258, ААН – около 200). Особенно важна роль материалов рукописного отдела РНБ для раннего периода русской историографии – XVIII и XIX вв. Следует сказать, что собственно личных фондов историков XVIII в. немного – всего шесть (в том числе два семейных – А.Т. Болотова и историка флота, составителя морских карт и атласов И.Л. Голенищева-Кутузова). Среди них два крупнейших фонда – знаменитое собрание П.П. Дубровского и фонд историка искусства, гравера, управляющего Академией изящных искусств при Академии наук Я.Я. Штелина. Интересны меньшие по объему фонды историка, поэта, переводчика М.Н. Муравьева (отца декабристов) и известного автора историко-геогра-

² Этот доклад – в основе статьи «“Богатейшее сокровище веков” – 200 лет в Санкт-Петербурге (западноевропейские рукописи коллекции П.П. Дубровского)”. См. наст. изд. С. 373–381.

³ Доклад – в основе статьи авторов “*Orientalia* Петра Дубровского, дипломата и коллекционера”, опубликованной в журнале “Восточная коллекция” (2005. № 1).

⁴ Доклад – в основе статьи “Русские рукописи из коллекции П.П. Дубровского”. См. наст. изд. С. 356–369.

⁵ Доклад – в основе статьи “Греческие рукописи в собрании П.П. Дубровского”. См. наст. изд. С. 370–373.

фических работ, журналиста и издателя альманаха “Старина и новизна” В.Г. Рубана.

Исходя из того, что архивы ученых XVIII в. в массе довольно плохо сохранились и в своей значительной части не дошли до нас в виде целостных фондов, составители включали в первый том все выявленные рукописи историков в составе других фондов. Из 74 историков, вошедших в этот том, в ОР РНБ хранятся материалы 46 из них. В их числе – Н.Н. Бантыш-Каменский, барон Г. Гюйсен, воспитатель царевича Алексея Михайловича, автор одного из первых жизнеописаний Петра I, список которого хранится в ОР РНБ, И.П. Елагин (автографы черновиков исторического сочинения “Опыт повествования о России”), путешественник и просветитель Ф.В. Каржавин (дневник путешествия по Америке, биография В.И. Баженова), С.П. Крашенинников, автор и собиратель сказаний о Петре I П.Н. Крёкшин, китаевед Лоренц Ланг, государственный деятель, дипломат, автор истории стрелецкого бунта А.А. Матвеев (дневник посольства во Францию 1705–1706 гг.), Г.-Ф. Миллер, В.Н. Татищев, А.Л. Шлёцер, М.М. Щербатов (автограф “Краткой повести о бывших в России самозванцах” и др.).

Среди 170 включенных в “Каталог” историков первой половины XIX в. 65 имеют личные фонды в ОР РНБ. Это историк литературы, библиограф Ф.П. Аделунг, статистик, археолог, этнограф А.И. Артемьев, Д.Н. Блудов, О.М. Бодянский, С.Н. Глинка, К.Ф. Калайдович, Н.М. Карамзин, М.А. Корф, славист И.Н. Лобойко, археолог, собиратель рукописей, книги и филигрanei Н.М. Михайловский, историк права К.А. Неволин, А.Н. Оленин, исследователь истории Академии наук П.П. Пекарский, М.П. Погодин, врач, историк медицины В.М. Рихтер, юрист, историк Кормчей книги Г.А. Розенкамф, П.П. Свињин, И.М. Снегирев, П.М. Строев, фольклорист, собиратель русских сказок И.П. Сахаров, основоположник истории караимского народа А.С. Фиркович и др. В ОР РНБ хранятся свыше 140 личных архивных фондов историков второй половины XIX – начала XX в. Число историков XX в. намного меньше – около 90. Для этого времени материалы ОР РНБ уже не преобладают, поскольку большое значение приобретают вновь созданные государственные, а также региональные (областные и республиканские) хранилища. Однако и среди них имеются такие ценнейшие фонды, как архивы Н.П. Анциферова, М.К. Азадовского, Г.С. Габаева, Э.Ф. Голлербаха, С.Ф. Платонова, С.А. Рейсера и др.

Отдел рукописей РНБ с полным правом можно назвать одним из основных хранилищ материалов по истории русской исторической науки.

А.В. Мельников (АК РАН) сообщил о работах АК по изучению и публикации научного и эпистолярного наследия С.Ф. Платонова, во многом базирующихся на документальных богатствах ОР РНБ. Фонд С.Ф. Платонова по праву считается одной из жемчужин Отдела рукописей. Колоссальный по объему и богатству содержания, имеющий добротное и удобное в использовании описание, составленное В.А. Колобковым, он и один из наиболее востребованных исследователями фондов. Показательно, что в значительной мере на его основе написаны три (из которых одна докторская) диссертации, посвященные жизни и творчеству самого С.Ф. Платонова, не говоря уже о привлечении материалов архива историка в многообразных историографических исследованиях близкого хронологического диапазона.

В Археографической комиссии в настоящее время можно отметить, пожалуй, три основных направления, связанных с изучением научного наследия

и творческой деятельности С.Ф. Платонова. Основным является ведущаяся в творческом содействии с РНБ и Отделом рукописей подготовка шеститомного собрания сочинений историка. Первый том, включающий впервые публикуемое кандидатское студенческое сочинение о московских земских соборах XVI–XVII вв., студенческий реферат с разбором книги Н.П. Загоскина о Боярской думе и магистерскую диссертацию о памятниках письменности Смутного времени, полностью подготовлен к печати.

Второе направление – изучение и публикация эпистолярного наследия историка. В 2003 г. выпущен первый том из задуманного двухтомного издания “Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками”. Каждый, кто работал с фондом 585 ОР РНБ, обращал внимание на изумительный по широте круг корреспондентов С.Ф. Платонова и полноту сохранности комплекса адресованных ему писем. В первом томе издания помещены 624 письма самого С.Ф. Платонова 1883–1930 гг. к более чем сотне адресатов, выявленные в 21 архивохранилище нескольких городов (преимущественно Москвы и Санкт-Петербурга). В значительной мере использованы при публикации личные фонды историков, общественных деятелей и деятелей культуры, хранящиеся в Отделе рукописей: Ф. 124 (П.Л. Ваксель), Ф. 211 (А.Г. Горнфельд), Ф. 213 (П.А. Горчинский), Ф. 253 (А.А. Дмитриевский), Ф. 254 (О.А. Добиаш-Рождественская), Ф. 273 (И.В. Егоров), Ф. 326 (Е.П. Казанович), Ф. 354 (Д.Ф. Кобеко), Ф. 585 (С.Ф. Платонов), Ф. 615 (Н.И. Привалов), Ф. 665 (А.И. Савельев), Ф. 601 (Половцовы), Ф. 816 (Н.Ф. Финдейзен), Ф. 838 (Н.Д. Чечулин), Ф. 874 (С.Н. Шубинский). Во втором томе издания предполагается поместить три обоюдных переписки С.Ф. Платонова с Московскими историками П.Н. Милюковым, А.И. Яковлевым, М.М. Богословским. Их письма, адресованные С.Ф. Платонову, за минимальными исключениями, сосредоточены в фонде 585 ОР РНБ.

Третье направление – это публикации на страницах “Археографического ежегодника” архивных материалов о жизни и творчестве историка (его труды, переписка, материалы о нем и т.п.). Сейчас после проведенной Археографической комиссией научной конференции, приуроченной к 70-летию со времени кончины С.Ф. Платонова, подготовлен объемный том “Приложения к Археографическому ежегоднику за 2003 год” со статьями о С.Ф. Платонове многих авторов из Москвы, Петербурга, Нижневартовска, Омска, Самары, Киева, с рядом впервые публикуемых трудов историка и наиболее обширной его биобиблиографией.

Вся эта работа не могла бы иметь прочной основы без бережно сохраняемого архива С.Ф. Платонова и исключительного доброжелательства сотрудников Отдела рукописей РНБ.

Заведующая ОР РНБ *М.Ю. Любимова* в заключительном слове подчеркнула, что, несмотря на значительное количество научных статей, посвященных П.П. Дубровскому, и публикаций ряда документов, связанных с его дипломатической деятельностью и службой в Императорской Публичной библиотеке, воссоздание творческой биографии П.П. Дубровского во всех ее аспектах, остается насущной задачей. Выявление документальных источников о деятельности этого выдающегося коллекционера с исчерпывающей полнотой, их изучение и публикация позволят реконструировать не только многогранную личность Дубровского, но и откроют новые возможности для изучения раннего этапа развития Императорской Публичной библиотеки и первого ее отделения “Депо манускриптов” во всех деталях и драматических коллизиях.

Вполне вероятно, что разнообразие коллекции Дубровского (в ней наряду с западноевропейскими рукописными книгами и документами представлены восточные, греческие и славянские рукописные книги) утвердило главного директора императорских библиотек А.С. Строганова в его намерении – в будущем пополнять фонды нового отделения отечественными рукописями, находящимися в монастырских и других архивах. Во-первых, писал он императору Александру I, – “истлевающие манускрипты”, “в неизвестности погребенные”, “попечительным за ними присмотром будут сохранены от разрушения”, во-вторых, – “с какою удобностью может тогда историк приступить к начертанию отечественной истории”, между тем как раздробленные ныне источники, затрудняя собрание их, “останавливают его в столь похвальном и полезном подвиге”. В течение двух веков осуществлялся этот план А.С. Строганова, и в настоящее время Отдел рукописей РНБ – одно из крупнейших хранилищ особо ценных рукописных документов в мире (более 450 000 ед. хр.). Представленные здесь собрания древнерусских, западноевропейских, греческих, восточных рукописных книг, собрания актов и грамот, собрания рукописных карт получили мировую известность. Без широкого использования хранящихся здесь документов из личных фондов отечественных государственных, военных, общественных деятелей, ученых, писателей, музыкантов, художников, деятелей театра и кинематографа вряд ли возможно какое-либо серьезное научное исследование по отечественной истории.

В.Ч.

С.О. Шмидт

**К ЮБИЛЕЮ П.П. ДУБРОВСКОГО:
ДИПЛОМАТ-КОЛЛЕКЦИОНЕР В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА**

Коллекция рукописей Петра Петровича Дубровского, поразительная по историко-культурной ценности памятников и многообразию их разновидностей и тематики, лежит в основании Депо манускриптов, ставшего ныне всемирно известным Отделом рукописей Российской национальной библиотеки (в ту пору именовавшейся Императорской Публичной). И знаменательно, что обе годовщины – 250-летие со дня рождения Дубровского и 200-летие Депо манускриптов – праздники культуры одного сезона ученой и просветительской деятельности.

Свершенное Дубровским действительно поражало в России (а до того за рубежом) наиболее образованных и дальновидных современников – Карамзина и Шишкова, отца и сына Строгановых, историка-статистика Шторха, историка и книговеда Аделунга и других, вызывает глубокую признательность и на заре нашего третьего тысячелетия.

Собирательскую деятельность Дубровский начал, видимо, совсем юным еще в России, но обретшая такую ценность коллекция создавалась в период дипломатической службы Дубровского за границей. Большой знаток собраний рукописей и в своем Отечестве, и в европейских странах и сам страстный

и неутомимый коллекционер раритетов духовной и материальной культуры граф А.С. Строганов имел основания писать, обращаясь к императору Александру I: “Такого числа редкостей в руках частного человека никогда не находилось”.

Самое удивительное то, что это все собрано усилиями человека небогатого. И заслуживает особого уважения, даже поклонения стремление Дубровского использовать такое огромное богатство не для укрепления личного материального благополучия, а для обогащения сокровищницы культуры России. Не будет преувеличением характеризовать Дубровского как великого собирателя. Его фигура – первая в ряду, чьи коллекции памятников истории и культуры были “завещаны Отечеству” (как выразился его знаменитый сверстник, давно уже прославленный меценат и государственный деятель граф Н.П. Румянцев). Деятельность Дубровского – у истоков и нашего книговедения, архивного и музейного дела, развития специальных историко-филологических научных дисциплин, популяризации знаний.

В жизни Дубровского очень интересны первый ее период – годы пребывания за границей, и второй, – когда он много сделал, работая в Публичной библиотеке. Между тем биография Дубровского остается слабоизученной, а значение его многообразной деятельности для развития культуры России явно недооцененным.

В предварявшем многотомное издание “Азбучном указателе имен русских деятелей для Русского биографического словаря” (1887 г.) имеются данные о Дубровском с указанием дат его рождения и кончины (9 декабря 1754 г. – 9 января 1816 г.¹), но статьи о нем в соответствующем томе Словаря (Дабелов–Дядьковский), вышедшем в 1905 г., не оказалось, – видимо, не нашлось автора, считавшего себя в должной мере знакомым с материалами биографии Дубровского. В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона помещена маленькая заметка о Дубровском с неверной датой смерти (1806 г.), возможно, это опечатка. Однако в статье “Библиотека” (вероятно, автор А.И. Браудо) в разделе о Публичной библиотеке написано обстоятельно и достойно и о Дубровском, и о собирании рукописей, и о “сокровищах этих коллекций”². В Большой энциклопедии под редакцией С.Н. Южакова дословно воспроизведена первая часть статьи в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона с той же неверной датой смерти (и опущена часть с указанием литературы о Дубровском). В Словаре братьев Гранат нет статьи о Дубровском.

В малой осведомленности о биографии Дубровского убеждаемся при обращении к трудам петроградских историков первых послереволюционных лет – в тексте лекционного курса профессора О.А. Добиаш-Рождественской “История архивов романской Европы при старом порядке”, читанном слушателям Архивных курсов при Петроградском Археологическом институте в 1918 г., указывается, что во время Великой французской революции выкраденные рукописи из архива аббатства Сен-Жермен в Париже “проданы русскому послу Дубровскому”³ (курсив мой. – С.Ш.). А в статье историка более молодого поколения П.А. Садикова (известного впоследствии своими исследованиями истории опричнины) – определение, свидетельствующее о незна-

¹ Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1887. Т. 60: Азбучный указатель имен русских деятелей для Русского биографического словаря. Ч. I: А–Л. С. 221.

² Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1891. Т. 6. С. 791.

³ Архивные курсы. Лекции читанные в 1918 г. Пг., 1920. Т. I: История архивного дела классической древности, в Западной Европе и на мусульманском Востоке. С. 137.

нии им, кто такой Дубровский в истории нашей культуры. Там передается сообщение о документе 1798 г. о попытке заведения в Париже в начале 1790-х годов “вольной русской типографии”, “инициаторами” создания которой были “переводчик русского посольства некий Дубровский” и “гражданин Очер”, (курсив мной. – С.Ш.), при этом объясняя, кто такой Очер, автор счел необходимым привести: “знатный русский юноша граф Пав. А. Строганов, тогда увлекавшийся революционными идеями”⁴, а о Дубровском – ни слова.

С тех пор о Дубровском и манускриптах его собрания появилась значительная литература – особо выделяются богатые информацией труды сотрудников Публичной библиотеки Т.В. Луизовой⁵, в последние десятилетия – прежде всего Т.П. Вороновой (одна из ее статей «П.П. Дубровский – первый хранитель “Депо манускриптов” Публичной библиотеки» помещена в Археологическом ежегоднике за 1980 год; в той же книге – статья И.Н. Курбатовой «175 лет “Депо манускриптов”» Дубровского, где приведены сведения и о собрании Дубровского⁶. Попытка охарактеризовать не только коллекционерскую деятельность Дубровского, но и жизнь и творчество его в контексте истории и общественных воззрений и развития историко-филологических знаний во Франции и России предпринята в более широкого плана статье академика М.П. Алексеева 1960 г., предваряющей публикацию писем иностранных писателей XVIII–XIX вв. В статье и микромонография о Дубровском (объемом более полутора печатных листов), и отдельные наблюдения, в частности, о взаимоотношениях его с Ж.-Ж. Руссо⁷.

Попытка обобщения данных и о Дубровском, и о литературе, ему посвященной, в статье О.Д. Голубевой в первом томе биографического словаря “Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры”, вышедшем еще в 1995 г., а затем в первом выпуске “Каталога личных архивных фондов отечественных историков”, подготовленном Археологической комиссией и изданном в 2001 г.⁸ В статье О.Д. Голубевой удивляет отсутствие некоторых относящихся к Дубровскому материалов, даже указания на работы М.П. Алексеева. В советских энциклопедиях исторической тематики – в Советской исторической энциклопедии и в энциклопедии “Отечественная история: история России с древнейших времен до 1917 года” – статей о Дубровском нет. Такие статьи помещены лишь в однотомных книговедческих энциклопедиях “Книговедение” (1982 г.) и “Книга” (1999 г. – автор Т.П. Воронова). Трудно объяснить, чем могла руководствоваться Н.М. Полунина, не поместив сведения о Дубровском в новый биографический словарь “Кто есть кто в коллекционировании старой России”, изданный в 2003 г., тем более что его коллекция включала много иллюминированных манускриптов, которые можно признавать и памятниками изобразительного искусства.

⁴ Несколько материалов для истории мер правительства императора Павла I против проникновения в Россию идей Великой французской революции / сообщ. П.А. Садиков // Дела и дни. Пг., 1920. Кн. 1. С. 392.

⁵ В машинописи кандидатской диссертации Т.В. Луизовой 1950 г. «Латинское письмо 11–12 вв. Проблема возникновения так называемого “готического письма”» на с. 232–270 – приложение “П.П. Дубровский и его коллекция”. См.: История Средних веков: библиогр. указ. лит.-ры, изданной в СССР. Т. I: 1918–1957. М., 1968. С. 122, № 1917.

⁶ Курбатова И.Н. 175 лет “Депо манускриптов” // АЕ за 1980 год. М., 1981. С. 56.

⁷ Алексеев М.П. Из истории русских рукописных собраний // Неизданные письма иностранных писателей XVIII–XIX веков из ленинградских рукописных собраний / под. ред. М.П. Алексеева. М.; Л., 1960. С. 36–62, 127–129 и др.

⁸ Каталог личных архивных фондов отечественных историков. М., 2001. Вып. I: XVIII век. С. 90–93.

В энциклопедии “Три века Санкт-Петербурга” в первой книге “Деятельный век”, изданной в 2003 г., помещена статья о Дубровском, написанная О.Д. Голубевой, но удивительно и даже прискорбно, что о Дубровском, столь щедро одарившем Петербург своей коллекцией и разработкой приемов хранения и описания манускриптов в Публичной библиотеке, нет статьи в только что великолепно изданной однотомной энциклопедии “Санкт-Петербург”.

Составление более или менее основательного жизнеописания Дубровского требует серьезных дополнительных архивных изысканий и просмотра многих изданий, в том числе редких. Однако, опираясь на известное уже по литературе (и документальным публикациям, и исследовательским работам), в той или иной мере относящейся к жизни и деятельности Дубровского (в выявлении ее мне большую помощь оказывают коллеги и ученики, более всех А.В. Мельников и А.В. Топычканов), позволительно поделиться некоторыми соображениями или, точнее выражаясь, предположениями и догадками об этом и о возможных направлениях дальнейшей работы. Причем в контексте социокультурных особенностей России второй половины XVIII в. – первых десятилетий XIX в. и иных явлений эпохи и биографий других лиц (с соответствующими характеристиками и этих лиц, и их взаимоотношений).

* * *

Дубровский вступил на самостоятельный жизненный путь в тот, начинавшийся со времен Елизаветы Петровны и Шуваловых, период “просвещенного абсолютизма”, когда некоторым незнатным самородкам удавалось публично проявить свой талант (академикам-естествоиспытателям, преподавателям высших учебных заведений – светских и церковных, в сферах литературно-издательской, изобразительных искусств, музыки), а среди родовитой знати выделились подлинные меценаты (Строгановы, Голицыны, Шереметевы, Мусин-Пушкин, Румянцев и др.).

В годы молодости Дубровского формирующее воздействие на вкусы и моду “круга большого света” (определение Пушкина в стихотворении 1819 г. “Всеволожскому”) имели и склонность императрицы Екатерины II к собиранию библиотеки и коллекции произведений искусства, к занятиям литературой и историей, покровительство ее виднейшим зарубежным мыслителям, переписка с европейскими властителями умов в мире культуры тех лет. Это способствовало и (если употребить общераспространенное ныне выражение) имиджу россиян в зарубежье.

Дубровский принадлежал к среде российских дипломатов, которая в те годы воспринималась как среда интеллектуальной элиты, оказывающей к тому же заметное плодотворное воздействие на развитие литературы и просвещения. Это было явственно продемонстрировано на выставке 1992 г. “Русская литература и российская дипломатия 18 – первой четверти 19 в.”, организованной в Москве Музеем А.С. Пушкина (в его выставочном зале) и Архивом внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел. Можно было убедиться в том, что многие литераторы (в их числе и самые знаменитые) в ту пору были причастны к службе в дипломатическом ведомстве или в Архиве Коллегии иностранных дел: в перечне имен классиков российской литературы нового времени первое – князя А.Д. Кантемира, поэта и политического мыслителя. Он был профессиональным дипломатом, послом в Англии, во Франции. В ряду служащих Коллегии иностранных дел были В.К. Тредиаковский, И.И. Хемницер, Д.И. Фонвизин, И.Ф. Богданович, Я.Б. Княжнин, В.Г. Рубан,

Н.А. Львов, не говоря уже о современниках А.С. Пушкина, единственным местом службы которого была эта же Коллегия⁹.

Депеши дипломатов отличались литературным мастерством – тогда еще не выработался характерный для дипломатической переписки сухой официальный стиль¹⁰. Г.В. Чичерин – советский нарком иностранных дел, в молодые годы, занимаясь составлением истории Министерства иностранных дел, писал об учившемся вместе с А.С. Пушкиным в Царскосельском лицее князе А.М. Горчакове, признаваемом ныне крупнейшим русским дипломатом: “Всю жизнь он сохранял литературные наклонности и тонкий вкус; можно почти сказать, что он оставался литератором в душе; он с любовью отделял отдельные свои депеши, как истый беллетрист, ценящий красоту человеческого слова и любующийся изящными его оборотами”¹¹.

Становится все очевиднее и заметное место российских дипломатов тех десятилетий в международной интеллектуальной аристократической среде и значение их деятельности для формирования за рубежом представлений о культуре россиян. Рассмотрение в таком плане жизни и творчества Дубровского, можно полагать, обещает немалые научные открытия.

В биографии Дубровского есть многое, сближающее с жизненными путями известных его современников. Образование выходец из среды небогатых украинских шляхтичей получил в Киево-Могилянской академии. Там формировались значительные корневые традиции нашей культуры второй половины XVII–XVIII в. И выпускники, и профессора ее сыграли заметную роль в развитии культуры обеих столиц – и Москвы, и Петербурга. Там были и превосходная библиотека, и собрание рукописей, и кажется основательным предположение, что “возможно, уже в эти юношеские годы, в стенах старинного учебного заведения” у Дубровского “впервые зародился интерес к собиранию рукописей и исторических документов, что впоследствии стало страстью и делом всей его жизни”¹².

Благодаря незаурядным способностям, раннему овладению иностранными языками, знакомству с делопроизводственной практикой (с 1773 г. он служил копиистом в Синоде), Дубровский смог оказаться за границей и приобщиться к сфере деятельности Коллегии иностранных дел. С 1777 г. – он в Париже при Российской церкви, служащий посольской канцелярии, а с 1780 г. – служащий Коллегии иностранных дел. Посол князь И.С. Барятинский, ходатайствуя о его назначении, писал: “Молодой человек имеет достоинства, прилежен к наукам, а особливо к чужестранным языкам, поведения похвального и добропорядочного, и имеет чистую и хорошую руку к переписыванию на бело”¹³. С 8 февраля 1783 г. Дубровский в должности актуариуса, т.е. регист-

⁹ Шмидт С.О. Русские литераторы и российская дипломатия // Международная жизнь. 1992. № 10. С. 111–117. (То же на английском языке: International Affairs. 1992. № 11. P. 115–122.) Расширенный вариант напечатан в кн.: Шмидт С.О. Общественное самосознание российского благородного сословия. XVII – первая треть XIX века. М., 2002. С. 231–253.

¹⁰ Турилова С.Л., Бовыкин Д.Ю. И.М. Симолин – русский посланник в революционном Париже // Россия и Франция: XVIII–XX века. М., 2001. Вып. 4. С. 62.

¹¹ Г.В. Чичерин о А.С. Пушкине и А.М. Горчакове / подг. публ. И.Ф. Ковалев // СА. 1974. № 5. С. 87. См. также: Лопатников В.А. Поэзия и публицистика в судьбе канцлера Горчакова // Дипломаты-писатели; писатели-дипломаты. СПб., 2001. С. 173–187.

¹² Елагина Н.А. Золотые россыпи: Петр Дубровский и его коллекция // Невский библиофил: альманах. СПб., 2003. Вып. 8. С. 27; Она же. Петр Дубровский и его коллекция // Петр Дубровский (1754–1816) и его коллекция. СПб., 2004. С. 4 (буклет, изданный РНБ к заседанию в декабре 2004 г.).

¹³ Цит. по: Дзюба О. Українці в європейських містах: адаптація до життя в нових соціумах (XVIII ст.) // Соціум: альманах соціальної історії. 2003. Вип. 3. С. 59.

ратора и хранителя посольской документации, отвечавшего и за материальное обеспечение хода делопроизводства; по Генеральному регламенту 1720 г., “некоторая часть дел ему придается”. Согласно “Генеральной росписи чинам, находящимся при Государственной коллегии иностранных дел”, где указана эта “дата определения в коллегию” и “в настоящий чин”, годовое жалованье Дубровскому было установлено в 400 рублей¹⁴.

Он был и переводчиком, и секретарем посольства. И.М. Симолин – новый полномочный министр России во Франции (в историографии его часто называют “послом”), в реляции, отправленной императрице Екатерине II в декабре 1785 г. (т.е. в первый год своей службы во Франции), с похвалой отзывался об исполнении актариусом Дубровским своих служебных обязанностей¹⁵. Возможно, ему импонировал и литературный стиль Дубровского, ибо – как отмечают знатоки дипломатической документации – донесения Симолина помимо информативности отличались живым литературным языком¹⁶.

Дубровского командировали “с важными депешами” в Петербург, из столицы Российской империи и из Парижа в другие государства. Он выполнял дипломатические поручения в Испании, Португалии, Австрии, в германских государствах.

После удаления российской миссии из Франции в 1792 г. и спасения им “секретных бумаг и шифров, которые привез в целости в Брюссель”, служил в Голландии (откуда был посылаем в Англию), в Гамбурге. Он сумел вывезти из Гааги во время французского наступления “архивы посольские, провезши их сквозь неприятельские армии в Гамбург”. Когда русская армия находилась в Голландии, был направлен туда “для секретной переписки и реляций”, а затем он вернулся снова к послу С.Р. Воронцову в Лондон, откуда был вызван в Петербург в 1800 г., где волею Ф.В. Ростопчина переведен в Герольдмейстерскую контору и (как отмечено им в своем Послужном списке в 1811 г.) “вся сия служба и потери, зделанные по оной, обратились в ничто, и под предлогом реформы, зделанной в Государственной коллегии иностранных дел, якобы за излишеством, причислен к Герольдии для помещения к другим делам”¹⁷.

О дипломатической службе Дубровского выявлено пока еще мало деталей, но совершенно очевидно, что он был востребованным чиновником и пользовавшимся особым доверием. И, видимо, не только во Франции, где в первые революционные годы он играл важную роль и именно у него был ключ к зашифрованной переписке; о службе в Голландии в 1792–1795 гг. посланник там С. Колычев писал, что П. Дубровский служил “усердно и с пользою” и “сверх же того вел себя как должно и пристойно благородному человеку”¹⁸.

Понятно, что такого рода деятельность, и прежде всего командировки столь широкого территориального охвата, не могли состояться без ведома (или даже рекомендации) управляющего Коллегией иностранных дел

¹⁴ *Александренко В.Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Варшава, 1897. Т. 2: Материалы. С. 403.

¹⁵ *Желтикова С.О., Турилова С.Л.* Состав российского дипломатического представительства во Франции в XVIII веке (по материалам Архива внешней политики Российской империи) // Россия и Франция: XVIII–XX века. М., 2000. Вып. 3. С. 87.

¹⁶ *Турилова С.Л., Бовыкин Д.Ю.* Указ. соч. С. 62.

¹⁷ Послужной список П.П. Дубровского / подг. М.Г. Логутова. См.: наст. изд. С. 388–389. (Далее: Послужной список.) К сожалению, в вып. I Каталога личных фондов отечественных историков на с. 81 ошибочно написано, что он “вернулся в Россию в 1793 г.”

¹⁸ Послужной список... С. 391.

А.А. Безбородко. И, вероятно, не обошлось без поддержки – и тогда и позднее – и других выходцев с Украины, ставших высокопоставленными чиновниками – П.В. Завадовского (он был опекуном сына Екатерины II и Г.Г. Орлова А.Г. Бобринского, к которому был фактически приставлен – во всяком случае в плане реализации “культурной программы” Дубровский в период пребывания бастарда в Париже), Д.П. Трощинского, сверстника и соученика по Киево-Могиланской академии. (Небезынтересно то, что этот видный савонник конца XVIII – первых десятилетий XIX в. был и собирателем богатой библиотеки.)

Очевидна взаимосвязь его с выучениками Киево-Могиланской академии, занятыми на поприще литературы, науки, безусловно, с видными тогда архиереями и их окружением. В Париже Дубровскому оказался близок Павел Васильевич Криницкий. Он – из дворян Черниговской губернии, получивший образование в Киево-Могиланской академии, в 1783–1791 гг. был священником Российской церкви в Париже. Небезлюбопытно высказывание Симолина о нем: “Со времени здешней революции право человека, вступив ему в голову, закружило его до такой степени, что он более не приходит ко мне на требование по церковным делам, ни повиноваться не хочет; на возражения же мои отвечает, что он позовет меня к суду в здешний [трибунал]”¹⁹. Карамзин, характеризуя, видимо, его ораторски-проповедническое мастерство, писал: “Русский Артист с великим талантом”²⁰. Они вместе осматривали Париж и его окрестности. Затем в Петербурге Криницкий стал законоучителем в Академии художеств, позднее духовником императрицы Марии Федоровны и царской фамилии, членом Синода²¹. Не при его ли участии была доведена до вдовствующей императрицы информация о намерении Дубровского по возвращении на службу в Петербург продать свою коллекцию и об опасности приобретения ее англичанами?

Видимо, Дубровский и со специально познавательными целями посещал разные местности Франции, а также другие страны, и составлял (тогда или после того) “путешественные записки” о тех краях, где удалось побывать, подбирая при этом соответствующий изобразительный материал. Для нашей темы особенно важно то, что Дубровский и там продолжал свою коллекционерскую деятельность – П.П. Свиньин в 1818 г. писал о манускриптах, привезенных Дубровским из Италии, Испании, Португалии²². О рукописи испанского происхождения – иллюминированном кодексе XIV в. из Лериды имеется статья А.Д. Люблинской²³.

И поэтому-то, вероятно, именно ему было предложено знакомить с Францией прибывших туда цесаревича Павла Петровича и его супругу Марию Федоровну – показательна терминология составленного самим Дубровским его Послужного списка: “В 1782 г. во время бытности их императорских высочеств в Париже под именем графа и графини Северных, имел сверх должности особенное препоручение *по ученой части*” (курсив мой. – С.Ш.)²⁴. При-

¹⁹ Французская революция 1789 г. в донесениях русского посла в Париже И.М. Симолина // ЛН. М., 1937. Т. 29/30. С. 440.

²⁰ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 293.

²¹ Криницкий П.В. // РБС. СПб., 1903. Т. “Кнаппе-Кюхельбекер”. С. 444. (Автор С.Г.Р.)

²² Свиньин П. Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей. СПб., 1818. Т. 3. С. 160, 162.

²³ Люблинская А.Д. Об одной испанской рукописи // Культура Испании. Л., 1940. С. 267–290; Алексеев М.П. Русская культура и романский мир. С. 86–87.

²⁴ Послужной список... С. 388.

влечение внимания к культурно-просветительской программе было в тех условиях, видимо, не так просто, так как по словам француза-современника, принимавшие высоких гостей видели главную задачу в ином: “Пребывание этого принца во Франции дало нам случай внушить ему вкус к роскоши и к нашим модам. Сопровождавшие принца русские придворные старались следовать его примеру...”²⁵

Существенно то, что выбор Дубровского для такого “препоручения”, можно полагать, сделан посланником в Париже князем И.С. Барятинским, который еще в 1763 г. был назначен состоять при малолетнем наследнике престола и часть дня был его собеседником (“веселым, но не серьезным”, по определению автора статьи о Барятинском). Барятинский и позднее пользовался расположением наследника: во время пребывания в Париже Павел остановился в его доме и подарил ему портрет с надписью: “Souvenir d’amitie” (“В память дружбы”)²⁶. Введение именно Дубровского в этот интимный круг – свидетельство и его привлекательного нрава, и “ученой” подготовленности для исполнения роли “гида” высочайших особ. (Напомним, что позднее, когда Мария Федоровна, уже вдовствующая императрица, надумала ознакомиться с Москвой, то путеводитель для нее в 1817 г. написал Н.М. Карамзин – “Записку о московских достопамятностях”.)

Т.П. Воронова, приводя свидетельства общения “незнатного посольского чиновника с великосветским русским обществом, обосновавшимся в предреволюционные годы во Франции”, называет имена князя Голицына, княгини Шаховской, графини Разумовской, князя Щербатова. По ее предположению им мог быть знаменитый историк, публицист и государственный деятель Михаил Михайлович Щербатов, ежегодно ездивший на курорт в Спа, в Бельгию.

Богаты информацией записи Алексея Григорьевича Бобринского – сына Екатерины II и Г.Г. Орлова. Вероятно, Дубровскому было даже дано деликатное поручение отвлекать молодого человека от кутежей (что волновало мать): Дубровский вместе с Бобринским посещает букинистов, слушает музыку в соборе Парижской Богоматери, совершает прогулки по Парижу, обедает и ужинает, принимает царственного отпрыска у себя. Дубровскому Бобринский, уезжая из Парижа, оставляет на сохранение часть приобретенных им книг. В сохранившемся ответном письме Дубровского от мая 1789 г. имеются важные для адресата рекомендации по урегулированию денежных дел²⁷. Существует версия, основывающаяся на документах вдовы умершего в 1813 г. Бобринского, будто Дубровскому уже при Павле I, когда он ездил в Англию, Бобринский выделил 6 тыс. руб. для получения бумаг о так называемых “английских деньгах”, т.е. огромной сумме, переведенной императрицей Екатериной II для своего бастарда в 1790 г. в английский банк²⁸.

Установились у Дубровского знакомства и с покидавшими родину французскими аристократами, намеренными ехать в Россию, – герцогом А.Э. Ришелье дю Плесси (впоследствии знаменитым одесским “дюком”), графом

²⁵ Цит. по: Черкасов П.П. Русско-французский торговый договор 1787 года // Россия и Франция: XVIII–XIX века. М., 2001. Вып. 4. С. 33.

²⁶ Н.П.С. Барятинский, кн. Иван Сергеевич // РБС. СПб., 1900. Т: “Алексинский–Бестужев-Рюмин”. С. 546 (автор, видимо, Н.П. Павлов-Сильванский).

²⁷ Воронова Т.П. Письма П.П. Дубровского к А.Г. Бобринскому и А.Р. Воронцову // Источники по истории отечественной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг [Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина]. Л., 1983. С. 122–123.

²⁸ Петрова М.В. История с наследством графа А.Г. Бобринского: версия // Москва. 2002. № 6. С. 2.

А. Ланжероном, ставшим в России видным генералом и сановником, и др.²⁹ Осенью 1790 г. Екатерина II дала распоряжение Симолину выявлять “недовольных настоящим положением французов” и приглашать их в Россию³⁰. Не оформлял ли именно Дубровский документацию, нужную этим эмигрантам для въезда в Россию?

Особенно существенно то, что Дубровский еще застал в Париже графа Александра Сергеевича Строганова, проживавшего там в 1771–1779 гг. Именно А.С. Строганов сыграл исключительную роль позже в судьбе и Дубровского, и его коллекции манускриптов.

А.С. Строганов – сын влиятельнейшего вельможи елизаветинского времени и одного из богатейших россиян, самым рождением своим предназначен был для получения высших наград и почетнейших должностей. Но у него не было склонности к требующей многих усилий регулярной государственной или военной деятельности и – что еще важнее – не было политических амбиций, да по существу и интереса к политике вообще – ни к внешней, ни к внутренней. Отсутствовала и карьеристская жилка, тем более стремление указывать на свои заслуги. Строганова отличала независимость взглядов: и это импонировало и Екатерине II (он был ее постоянным партнером в карточной игре – в бостон, и не раз сопровождал ее в поездках), и Павлу I, и Александру I, советовавшегося с ним по делам благотворительности³¹. Строганов был человек “большого света”, любивший двор, любимый при дворе, тем более, что, развлекая “разнообразием и остроумием разговора... не вмешивался в политику”³². Гостеприимный хозяин, Строганов принимал у себя, как многолетний губернский предводитель дворянства, “весь Петербург”. Таких светских людей именовали в XVIII в. “куртизанами”, но Строганов при этом ответственно относился к своим служебно-должностным обязанностям со вниманием к подчиненным, поддерживая их творческие замыслы.

У Строганова были врожденные способности и к иностранным языкам, рисованию, музицированию; изящное остроумие делало его не только почетным, но и по-настоящему желанным гостем салонов и в Петербурге, и в Париже. Привлекали его любознательность и отнюдь не поверхностная образованность (даже в области “натуральной истории”, как обозначали тогда представление об естествознании), подлинная любовь к искусству и, конечно же, природная доброта, благородство, убежденность в том, что долг рожденного аристократом быть “предстателем” (как выразится позднее придерживавшийся схожих взглядов Пушкин³³) за общество, заботиться о его просвещении. Напомним, что в “Век Просвещения” жила вера в “нравственное совершенствование людей” путем просвещения – такой идеей были одержимы не только не раз повторявшие это Карамзин и Жуковский, но в середине XIX в. и Грановский.

При этом у образованного на западноевропейский лад Строганова, близкого и к Вольтеру, и к Руссо, крепка была корневая российская православная традиционность в представлениях и об основах воспитания, и о достоинстве личного поведения. Строганов оставался прежде всего россиянином, но дума-

²⁹ Воронова Т.П. Письма П.П. Дубровского к А.Г. Бобринскому и А.Р. Воронцову. С. 127–128.

³⁰ Турилова С.Л., Бовыкин Д.Ю. Указ. соч. С. 66.

³¹ Знаменитые россияне XVIII–XIX веков: биографии и портреты. По изданию великого князя Николая Михайловича “Русские портреты XVIII и XIX столетий”. СПб., 1996. С. 463.

³² Там же.

³³ Шмидт С.О. Общественное самосознание noblesse russe в XVI – первой трети XIX века // *Он же. Общественное самосознание российского благородного сословия*. С. 101–120.

ющим о том, чтобы Россия не уступала в сфере развития культуры и общественного сознания другим современным великим державам. Осознавая в воспитании ума роль понимания взаимосвязи настоящего и прошлого, Строганов полагал, что историко-культурное наследие россиян не в меньшей мере достойно изучения, чем зарубежное. (Возможно, что не без влияния внушавших гордость фамильных преданий – предки его, начиная с XVI в., больше чем кто-либо способствовали проникновению российской цивилизации на ранее не освоенные земли, а затем действительно осуществляли программу Петра I по обновлению промышленного производства.)

Строганов был убежден в том, что культурное строительство – важная сфера государственного строительства, и в этом не менее, чем на иных поприщах, проявляется “дух патриотический”³⁴. Такое понимание восходило к эпохе Петра Великого, обрело лозунговый характер к середине XVIII в., когда стали всем очевидны в 1750-е годы черты политики “просвещенного абсолютизма”, рекламировалось и за рубежом Екатериной II – как верно отметил В.Ф. Ходасевич, в XVIII в. “всякая культурная деятельность... являлась прямым участием в созидании государства”³⁵.

Уже во время первой поездки за границу в 1752–1757 гг. 19-летним гвардии сержантом Строганов в Германии, Италии, Швейцарии, Франции пристрастился к ознакомлению с картинными галереями, библиотеками, естественнонаучными кабинетами (где беседовал с учеными “натуралистами”, т.е. естествоиспытателями и широкого плана, и более узкой специализации – минералогами и др.), он непременно посещал распродажи художественных раритетов и иных “курьезностей” (пополняя тем самым и семейное собрание).

К концу 1770-х годов А.С. Строганов – едва ли не самый крупный тогда российский коллекционер, в определенной мере задававший тон начинаниям более молодых российских магнатов, прославившихся позднее и своей собирательской деятельностью (А.И. Мусина-Пушкина, Н.Б. Юсупова, Н.П. Румянцев и др.). Строганов еще за рубежом задумал создать в своем роскошном петербургском особняке (начатом постройкой при его отце, подобно царским дворцам, при участии самого Растрелли) музей и библиотеку. Впоследствии его библиотека, богатая ценными рукописями, считалась одним из лучших книжных собраний России. Особо ценный раздел – “сочинения, замечательные своими гравюрами” (как отмечено в каталоге библиотеки, составленном в 1807 г.)³⁶. В 1770-е годы Строганов совершает покупки на аукционах самых знаменитых коллекций и, “как и другие коллекционеры”, “практикует дары и обмены со своими коллегами” по собирательству³⁷.

³⁴ Выражение из преамбулы обращения к императрице Екатерине II с планом создания Публичной Российской библиотеки в Санкт-Петербурге, составленного в 1766 г. в доме А.С. Строганова. См.: *Грин Ц.И., Третьяк А.М.* Публичная библиотека глазами современников (1795–1917): хрестоматия. СПб., 1998. С. 29. (Далее: *Грин Ц.И., Третьяк А.М.* Хрестоматия.)

³⁵ *Ходасевич В.Ф.* Державин. М., 1988. С. 248.

³⁶ *Сомов В.А.* О библиотеке графа А.С. Строганова // Книга в России: Век просвещения. Л., 1990. С. 125–127.

³⁷ Подробнее см.: Наше наследие. (Далее: НН). 2001. № 59/60. С. 28–59. Раздел: “К 300-летию Петербурга. Пространство Русского музея. Граф А.С. Строганов: просвещенная любовь к отечеству” (*Кузнецов С.* Вольный каменщик Петрополя. С. 29–31; *Он же.* Из фамильной хроники Строгановых. С. 32–33; *Он же.* Дворец и его архитекторы. С. 34–45; *Неверов О.* Коллекция графа А.С. Строганова. С. 47–54; *Любимцев С.* Русский музей в Строгановском дворце: проблемы будущей экспозиции. С. 55; *Кузнецов С.* Казанский собор. С. 56–59).

В какой мере был вовлечен Дубровский в коллекционерский азарт Строганова, выяснить не удастся, так как “архив графа еще в XIX веке загадочно исчез”³⁸. Но думается, что у неумоимо любознательного и доброжелательного по натуре Строганова было много сближающего с начинающим дипломатом, импонировавшим ему своей увлеченностью собирательством и образованностью. Строганов был своим в кругу аристократической и интеллигентской элиты Парижа, и если Дубровский оказался вхож в его дом, то это стало для него и школой наблюдения над вершинами парижской жизни “Века Просвещения”. Эти первые впечатления не могли не повлиять на отношение Строганова к Дубровскому в те годы, когда просвещенный вельможа стал и директором Императорской Публичной библиотеки.

Позже Дубровский общался с его сыном Павлом, оказавшимся вновь в Париже в первые революционные годы, тот был неразлучен со своим наставником Жильбером Роммом, предложившим ввести во Франции революционный календарь. В программе образования нежно любимого сына Павла (Попо) А.С. Строганов почитал главнейшим естественное совмещение нравственного воспитания с всесторонним обучением, при этом отнюдь не только книжным, но и визуально воспринимаемым, позволяющим лично ощутить воздействие и культурного, и природного наследия; и запланировал обучение сына во время путешествия, причем сначала по просторам Российской империи. Вместе с выучеником Академии художеств архитектором Андреем Воронихиным они проехали по России до Белого моря на севере, Черного моря – на юге и по далекому сибирскому Зауралью³⁹. В то же время А.С. Строганов нанял художника-пейзажиста, чтобы представить на акварельных листах сыну то, “чего он сам не видел”. Ж. Ромму он сообщал: “Я собираю все это для пользы Попо и ему это посвящаю”. Показательно для широкой просветительской направленности мыслей А.С. Строганова написанное сыну: «Я старался и стараюсь собирать предметы, достойные твоего любознания под названием “Путешествующего живописца по России”. Может быть, со временем, я сделаю это собрание известным свету, дабы чрез то *частную твою пользу обратить в общую*» (курсив мой. – С.Ш.)⁴⁰. Лишь после того предполагалось организовать путешествие по странам Западной Европы. Не использовал ли этот опыт В.А. Жуковский, назначенный наставником цесаревича (будущего Александра II)⁴¹, планируя ход его обучения и ознакомления с миром, начинавшегося с обозрения России, включая и Сибирь?

В Париже Строганов-младший, следуя примеру Ромма, стал принимать участие в общественно-политической жизни Франции, вступил в революционный клуб, сделался библиотекарем клуба “Друзей народа”, начал именоваться “гражданин Очер” – Paul Otcher (по названию одного из многочисленных владений)⁴². Это взволновало не только отца, но и саму Екатерину II, и Строганов-старший послал вызволять сына из Парижа его двоюродного

³⁸ НН. 2001. № 59/60. С. 50, 52.

³⁹ Там же. С. 33.

⁴⁰ Там же. С. 53.

⁴¹ Шмидт С.О. Подвиг наставничества. В.А. Жуковский – наставник наследника российского престола // *Он же*. Общественное самосознание российского благородного сословия. С. 254–299.

⁴² Николай Михайлович, великий князь. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). Историческое исследование эпохи императора Александра I. СПб., 1903. Т. I. С. 65–72; Далин В.М. Первый русский якобинец // *Он же*. Люди и идеи: из истории революционного и социалистического движения во Франции. М., 1970. С. 9–21; Меттерних Т. Строгановы: история рода. СПб., 2003. С. 125–146. Глава “Революция”.

брата Н.Н. Новосильцева (они вместе позже оказались членами “Негласного комитета” императора Александра I в период, когда коллекция Дубровского была доставлена в Петербург).

Интерес к архитектурно-художественным достопамятностям сближал Дубровского с А.Н. Ворониным, сопровождавшим П.А. Строганова, ставшим затем знаменитым архитектором, тем более что он был – в отличие от Павла Строганова – моложе Дубровского всего на пять лет. В 1805–1806 гг. именно по проекту Воронихина будут сооружены в Депо манускриптов специальные шкафы⁴³. Это следует иметь в виду и потому, что с годами управляющий Публичной библиотекой А.С. Строганов все свои силы отдавал руководству строительством Казанского собора, возводимого по проекту Воронихина.

Дубровский стал формировать свою коллекцию примерно в 1774–1775 гг. Так, он пишет о “поднесенных” им в 1805 г. “драгоценных рукописях, собранных в 30-летнее время”⁴⁴. Следовательно, коллекционерская деятельность Дубровского началась еще в России и могла уже опираться на опыт российских собирателей рукописей.

В Париже среди первых его обретений был полученный от Ж.-Ж. Руссо украшенный миниатюрами пергаменный кодекс XV в. с сочинениями Тита Ливия. В записи на французском языке, сделанной Дубровским на первом листе рукописи, указано: “Эта книга Тита Ливия была дана мне знаменитым Жан-Жаком Руссо во время его последнего и короткого пребывания в Париже”⁴⁵ и сочинено двустихие на латинском языке. Если доверять записи, Дубровский очень скоро по прибытии во Францию сумел познакомиться со столь известным человеком, так как Руссо скончался уже 28 июня 1778 г., и, безусловно, вошел он в доверие и к его вдове, передавшей ему некоторые автографы самого Руссо и других авторов, хранившихся у него. Любопытно, что Руссо до того, как стать “знаменитым”, был домашним секретарем и переписчиком нот, а в 1743–1744 гг. – секретарем французского посла в Венеции⁴⁶. Такие моменты биографии молодых лет также могли сближать прославленного мыслителя с русским молодым человеком.

Дубровский, можно полагать, изначально имел широкую программу коллекционирования – рукописи разного времени, на разных языках, многих разновидностей. В его коллекции (вероятно, еще до революции во Франции) оказались и средневековые кодексы с памятниками истории и литературы (в их числе и иллюминированные), делопроизводственные документы, письма царствующих особ и государственных деятелей, автографы писателей и ученых⁴⁷. Большую ценность представляла коллекция рукописей на греческом языке⁴⁸; собирались и древнерусские рукописи. В Петербурге начала XIX в. говорили и даже писали о том (очевидно, опираясь на рассказанное самим Дубровским),

⁴³ Ландер И.Г. Строганов А.С. // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: биограф. словарь. СПб., 1995. Т. 1. С. 513. (Далее: Сотрудники РНБ.)

⁴⁴ Послужной список... С. 390.

⁴⁵ Цит. по: Луизова Т.В. Собрание рукописей П.П. Дубровского в Государственной публичной библиотеке имени М.Е. Салтыкова-Щедрина // ВИ. 1952. № 8. С. 151; Алексеев М.П. Из истории русских рукописных собраний. С. 127.

⁴⁶ Верцман И.Е. Руссо Жан-Жак // Краткая литературная энциклопедия. М., 1971. Т. 6. С. 543.

⁴⁷ Алексеев М.П. Из истории русских рукописных собраний. С. 36–62. Бернадская Е.В., Воронова Т.П. Каталог писем и других материалов западноевропейских ученых и писателей XVI–XVIII вв. из собрания П.П. Дубровского. Л., 1963.

⁴⁸ См.: Фонкич Б.Л. П.П. Дубровский и начало коллекционирования греческих рукописей в России // ВВ. М., 1992. Т. 53. С. 124–129.

что там и рукописи, принадлежавшие Анне Ярославне, ставшей, как было многим известно, королевой Франции в 1049 г. Дубровский – по точному определению А.Д. Люблинской – “был страстным и компетентным коллекционером рукописей”⁴⁹.

Документальную часть коллекции Дубровского, относящуюся в основном к истории Франции XV–XVIII вв., французские ученые называют “золотыми россыпями”. Об этом читаем в Предисловии к каталогу “Сборники документов коллекции П.П. Дубровского”, составленному Т.П. Вороновой и Т.В. Луизовой, изданному тиражом в 200 экземпляров ротاپринтным способом в Ленинграде в 1979 г. и почему-то не попавшему в пристатейную библиографию о Дубровском в справочниках “Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры” и “Каталог личных архивных фондов отечественных историков”.

Показательны и особенно важны для характеристики степени подготовки Дубровского к работе хранителя рукописей государственного хранилища выявленные исследователями данные о сделанных рукой Дубровского аннотациях на древних рукописных книгах, “из которых видно, – как пишет Т.В. Луизова, – что он понимал историческую значимость рукописи, умел найти соответствующую литературу и с ее помощью датировать рукопись, а иногда и восстановить ее историю” и свидетельства работы по ее изучению еще в XVII–XVIII вв. Поступавшие к нему в разрозненном виде письма исторических деятелей Дубровский умел распределять по авторской принадлежности, проявляя и знание палеографии, и способность проверять подлинность подписей, особенности почерков и оформления документов, что позволяло “установить авторство” документов, не имевших подписей⁵⁰.

Коллекция Дубровского казалась интересной и ученым, и любителям еще до 1789 г. В известии “О славном собрании рукописей г-на Дубровского”, напечатанном в 1805 г. в столичном журнале “Северный вестник” отмечается, что с ней знакомились и королевские особы, а они в революционные годы не решались приезжать в Париж. Там читаем, что “коллекция... прирастала ежедневно” и “скоро сделалась она известною в Париже, и знатнейшие лица стали посещать ее с удовольствием. Так, например, император Иосиф II, прусский принц Генрих, король шведский Густав и другие знаменитые лица еще во Франции приходили у г. Дубровского осматривать сии драгоценные пергаменты, привлекавшие любопытство всех просвещенных людей. Известные писатели Вольтер, Лагарп, Ж.-Ж. Руссо, с которыми имел он ученые сношения и связи, отзывались о сей коллекции с похвалою. Многие ученые древнознатели (как-то: аббат Рив и проч.) писали на многие манускрипты ее свои диссертации...”⁵¹; источником такой информации был, очевидно, рассказ самого Дубровского; и нетрудно выявить и элемент рекламы, но напечатать неправдоподобные сведения по прошествии всего 16 лет после начала Французской революции, когда живы были многие очевидцы событий, вряд ли допустимо. Следовало бы поискать данные о коллекции Дубровского в зарубежных изданиях тех лет, в частности, в сочинениях Ж.-Ж. Рива (Rive), скончавшегося в 1791 г. и почитавшегося и знаменитым библиографом, и знатоком средневековых рукописей и рукописного антиквариата. М.П. Алексеев полагает, что коллекционер мог лично знать Рива и

⁴⁹ Люблинская А.Д. Бастильский архив в Ленинграде: аннотированный каталог. Л., 1988. С. 8.

⁵⁰ Луизова Т.В. Указ. соч. С. 151.

⁵¹ Цит. по: Грин Ц.И., Третьяк А.М. Хрестоматия. С. 56.

“во всяком случае имел в руках его издания, выходявшие тиражом в 25, 50, 80 экземпляров”, а Рив был осведомлен о рукописях его коллекции⁵². Быть может, он помогал и формированию ее?

Можно предполагать и раннее знакомство Дубровского с У. Бекфордом (Beckford), которому он позднее продал часть своего собрания греческих рукописей. Бекфорд – сын лондонского лорд-мэра, славился огромным богатством (унаследованным от отца), эксцентричностью и был известен как путешественник, коллекционер и писатель. Он построил дворец в Португалии (где мог гостить у него Дубровский), в первые революционные годы жил во Франции. Известным писателем стал после романа-сказки “Ватек”, написанного первоначально на французском языке, изданного в 1787 г. и оказавшего заметное влияние на Байрона⁵³. Алексеев полагает, что “собираТЕЛЬские пути во Франции английского богача-мецената и русского посольского чиновника из псаломщиков, несомненно, нередко пересекались”.

Вероятно, как это принято в среде коллекционеров, Дубровский занимался обменом, продажей, перепродажей манускриптов, инкунабул. Во всяком случае разговоры об этом вели позднее, уже при Александре I, в Петербурге. Это отражено в написанных злобно, завистливо и с болезненно ущербным самомнением автобиографических записках (датируемых 1807 г.), служившего в Библиотеке М.И. Антоновского. Он писал о “помещении в оную библиотеку какого-то Домбровского (так написано. – С.Ш.), проживавшего в Европе, как известно, продажею повсюду рукописей монастырей французских”⁵⁴. Совершенно очевидно, что небогатому человеку, сумевшему собрать столь дорогую по цене коллекцию, должны были быть присущи и ловкачество и дар убеждения, незаурядный коммерческий талант, вероятно, и авантюрная жилка – известно, что позднее, в 1790 г., стремясь (по заданию Екатерины II) заполучить рукописи Руссо, он объявил его наследнице о существовании в Петербурге “Общества Ж.-Ж. Руссо” (“la Société de J.-J. Rousseau”)^{54а}. А.Д. Ивановский, историк, литератор, книговед, работавший в 1851–1869 гг. в Публичной библиотеке, характеризуя в 1869 г. “патриотический подвиг Дубровского”, заметил: “Все свое умеренное состояние, какое у него могло быть сбережено от скромного жалованья, он принес в жертву для своих приобретений; но не состоянием купил он драгоценности – для этого нужно было иметь шереметевские богатства, – а рвением, неусыпной деятельностью и находчивостью, какими он был оживлен в своих любимых поисках”⁵⁵.

Доставление “депеш” в другие государства, можно думать, способствовало не только ознакомлению Дубровского с этими местностями и их достопамятностями, с музеями и библиотеками, с антиквариями, но и установлению определенных взаимоотношений с российскими послами в этих государствах и их окружением. А среди них были и образованные вельможи, дома которых становились средоточием дипломатов – послов других государств и видных местных государственно-политических деятелей, а также и знаменитостей из мира культуры. Некоторые еще за рубежом имели славу меценатов, притом

⁵² Алексеев М.П. Из истории русских рукописных собраний. С. 48–50.

⁵³ Там же. С. 47–48.

⁵⁴ Записки Михаила Ивановича Антоновского // РА. 1885. Кн. 1. № 2. С. 171.

^{54а} Correspondance complète de Jean Jacques Rousseau (édition ... R.A. Leigh). Oxford, 1987. Т. XLVI (1789–1791). P. 250, 253.

⁵⁵ Ивановский А.Д. Археологические исследования государственного канцлера Н.П. Румянцева... Киев, 1869. С. 38–40. Цит. по: Грин Ц.И., Третьяк А.М. Хрестоматия. С. 59.

в период моды российских аристократов на собирание и письменных (рукописных и печатных) раритетов, и создание личных библиотек с зарубежной (преимущественно французской) литературой “Века Просвещения”⁵⁶. Дубровский, пристрастившийся к коллекционированию и приобретший потому обширные знакомства в кругу собирателей манускриптов и старинных изданий, стал консультантом и комиссионером российских вельмож, увлекавшихся созданием библиотек с редкостями и прошлых веков, и современными малотиражными изданиями. Это, вероятно, приносило Дубровскому и дополнительные средства, которые можно было употребить для покупки рукописей. Т.П. Воронова пишет, что Дубровский “постоянно выполнял поручения по покупке книг для А.Р. Воронцова и А.А. Бобринского, возможно, что и для Екатерины II”⁵⁷. Допустимо думать, что он был комиссионером и А.С. Строганова, и даже знаменитого М.М. Щербатова (если именно об этом князе Щербатове упоминается в его письме), неутомимого книголюба, оставившего библиотеку в 15 тыс. томов⁵⁸.

М.П. Алексеев полагал, что “Дубровский как покупатель-комиссионер предоставлен был собственной инициативе”, и делает заключение: “Таким образом, уже в конце 70-х и 80-е годы Дубровский занимался в Париже приобретением книг и рукописей”⁵⁹. Сохранилось письмо А.А. Безбородко, фактического главы Коллегии иностранных дел от 7 октября 1788 г., отправленное в Париж И.М. Симолину. Там сообщалось, что императрица получила письмо (копия которого прилагалась) от шевалье де Сент-Мара, желавшего послать ей какие-то рукописи. Екатерина II, в связи с этим, повелела сообщить, что, “не желая безденежно принять упоминаемые в том письме манускрипты, охотно согласится заплатить за оные, если господин Сент-Мар резонабельную за них назначит цену; а потому и соизволяет, чтобы Вы, милостивый государь мой, вступили с ним в соглашение, и, буди по собственному удостоверению найдете, что цена назначится сносная и соразмерна достоинству вещи, то и заплатить можете, выслав на имя мое вексель и доставя купленные манускрипты с первым курьером. В противном же случае не оставьте только уведомить меня о причинах, по коих Вы покупку сию оставите без действия”⁶⁰. (Наиболее вероятным консультантом посла в выполнении такого рода поручения мог быть находившийся в служебном подчинении ему Дубровский.)

Неутомимым библиофилом был и граф А.Р. Воронцов. Он, в отличие от некоторых других полностью офранцузенных аристократов, выписывал и много русских изданий – среди них и “Московский журнал”⁶¹, где в “Письмах русского путешественника” Н.М. Карамзина мог прочесть и о Дубровском, и о своем брате С.Р. Воронцове (посол в Англии). Дубровский покупал для А.Р. Воронцова книги, пересылая их в петербургскую таможенную, о чем служивший там А.Н. Радищев не раз писал покровительствующему ему санов-

⁵⁶ *Sotom V. Les aristocrates russes acheteurs de livres en France pendant la Révolution // Le livre voyageur: Constitution et dissémination des collections livresques dans l'Europe modern (1450–1830). P., 2000. P. 227–249.*

⁵⁷ *Воронова Т.П. Личная библиотека П.П. Дубровского // 3-я Всесоюзная научная конференция “Книга в России до середины XIX века”, Ленинград, 2–4 декабря 1985 г.: тез. докл. Л., 1895. С. 127.*

⁵⁸ *Фурсенко В. Щербатов М.М. // РБС. СПб., 1912. Т: “Шапов-Юшневский”. С. 124.*

⁵⁹ *Алексеев М.П. Из истории русских рукописных собраний. С. 36.*

⁶⁰ *Архив СПб ИИ РАН. Ф. 266. Оп. 1. № 116/2. Л. 274 (Успенский А.И. Материалы для истории царской библиотеки в России в XVII–XVIII веках. Корректурa книги). (Эти сведения сообщены А.В. Силеновым).*

⁶¹ *Самарин А.Ю. Читатель в России во второй половине XVIII века (по спискам подписчиков). М., 2000. С. 232.*

нику⁶². В первые годы Французской революции не без участия Дубровского были подобраны многообразные издания для знаменитой позднее и в кругу ученых коллекции Воронцова – книги, брошюры, газеты, листовки, афиши революционных лет⁶³. А.Р. Воронцов был влиятельнейшим человеком, и – по словам французского посла де Сегюра – “уязвлял самолюбие самого Потемкина своим весом при дворе”⁶⁴.

Возможно, что покровительство Дубровскому со стороны Барятинского, Строгановых и Воронцовых определялось и характером взаимоотношений внутри масонского сообщества. Масоном был и дипломат С.А. Колычев, советник посольства в Париже в 1774–1775 гг., позднее чрезвычайный и полномочный министр в Гааге, начальник Дубровского, высоко оценивавший в официальных “аттестациях” его деятельность⁶⁵.

Не ранее 1786 г. Дубровского направили к Екатерине II с собственными Ея Величества делами в Петербург, откуда в 1788 г. “отправлен с депешами в Вену, Ратисбон, Минхен и Франкфурт, что на Мейне”⁶⁶. Можно предполагать, что он делился в столичном обществе не только впечатлениями о Франции в канун революции, но и рассказывал о своей собирательской деятельности. И русские его знакомые, сочли должным пополнить коллекцию своими сочинениями: 1 февраля 1788 г. датированы дары ему рукописей В.Г. Рубана (“Краткое описание о Малой России...”) и К.А. Кондратовича (Сборник стихов и эпиграмм)⁶⁷. Показательно, что оба дарителя выученики Киево-Могилянской академии, и Рубан передал в коллекцию из своих сочинений то, которое относится к украинской тематике. Можно полагать, что Дубровский оставался особо тесно взаимосвязанным с украинской интеллектуальной элитой⁶⁸, которая как будто составляла в столице своеобразное землячество.

Видимо, уже в ту пору у Дубровского завязались связи с литераторами, укрепившиеся еще более после сближения с Н.М. Карамзиным. Пребывая за границей, он печатает свои труды в российских изданиях – в журнале “Прохладные часы, или Аптека, врачующая от уныния, составленная из медикаментов старины и новизны, то есть: философических, критических, рифмовторных, пастушских и аллегорических веществословий”, выходившем в Москве под редакцией А.Г. Решетникова ежемесячно в 1793 г.⁶⁹, Дубровский печатал (в части второй) перевод из сочинений Вольтера “О славе. Разговор с китайцем”⁷⁰.

Существенно обогащаться собрание Дубровского стало буквально с первого же дня революции, когда сметливый коллекционер сумел заполучить некоторые документы из архива разрушенной народом Бастилии. Об этом

⁶² Радцишев А.Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 3. С. 325, 326.

⁶³ Малеев А.И. Литература времени Великой Французской революции в собраниях Академии наук СССР // Изв. АН СССР. Сер. 7. Отд. обществ. наук. 1934. № 2. С. 119–130; Воронова Т.П. Письма П.П. Дубровского к А.Г. Бобринскому и А.Р. Воронцову. С. 122–130.

⁶⁴ Цит. по: Черкасов П.П. Указ. соч. С. 47.

⁶⁵ См.: Серков А.И. Русское масонство 1731–2000: энциклопедический словарь. М., 2001. С. 89 (об И.С. Барятинском); с. 200 (об А.Р. Воронцове); с. 317 (о П.П. Дубровском); с. 412 (о С.Н. Колычеве); с. 773–774 (об А.С. и П.А. Строгановых).

⁶⁶ Послужной список... С. 389.

⁶⁷ Даты указаны в статье Е.В. Крушельницкой в настоящем издании (С. 362, 367).

⁶⁸ См.: Дзюба О. Українці в культурному житті Росії (XVIII ст.): причини міграції // Россия–Україна: історія взаємостосунків. М., 1997.

⁶⁹ О журнале см.: Русская периодическая печать (1702–1894): справочник. М., 1959. С. 90.

⁷⁰ См. об этом: Алексеев М.П. Пушкин и Китай // Он же. Пушкин и мировая литература. Л., 1987. С. 320.

напомнил академик Е.В. Тарле в статье в газете “Правда”, помещенной к 150-летию Великой французской революции, а Н.Я. Эйдельман именно с этого начинает повествование во второй главе книги, вышедшей уже к 200-летию революции в 1989 г. “Мгновенье славы настает... Год 1789-й”. О собирании рукописей Дубровским в период революции писал и И.Л. Андроников, отметивший, что именно его коллекция положила начало работы нынешнего Отдела рукописей Публичной библиотеки⁷¹.

А.Д. Люблинская, составившая аннотированный каталог рукописей из Бастилии, оказавшихся у Дубровского и опубликовавшая статью об архиве Бастилии, полагает, что 14 июля 1789 г. “архив дал несравненно больше, чем здание тюрьмы. Бумаги разбрасывались по всем помещениям и двору, многие попадали во рвы, грязь и огонь или были разорваны. Все желающие прятали их к себе в карманы. Любители, среди которых был замечен Бомарше, увозили полные кареты. Разошедшиеся по рукам документы сделались предметом торговли, расхищение бастильских бумаг продолжалось два дня”.

Отмечая, что бастильские документы, хранящиеся в Публичной библиотеке, “самое крупное собрание бумаг, из числа тех, что исчезли 14–15 июля 1789 г.”, А.Д. Люблинская делится своими соображениями о том, как они попали к П.П. Дубровскому: “Побывал ли он сам в эти дни в Бастилии? Весьма вероятно, ибо трудно себе представить, чтобы 14–15 июля Дубровский не присутствовал там, где можно было достать рукописи, притом столь интересные, как бастильские. Но вряд ли именно тогда он сумел выискать такие редкостные вещи, как полицейское дело Вольтера, толстый том мемуаров самого знаменитого из бастильских узников Латюда или французского резидента в России д’Альона 1745 г. Вероятно, все это он приобрел позднее”⁷².

Дубровский использовал возможности приобретения раритетов, находившихся ранее в собраниях аристократов (прежде всего эмигрировавших или осужденных) и выкраденных из монастырских собраний – волна подобных краж пришлась и на время пребывания в Париже “русского путешественника” Карамзина. И потому коллекция Дубровского представляет особую ценность и для представления о расхищенных библиотеках, о составе их, системе хранения и инвентаризации⁷³.

У Дубровского установились связи с лицами, занимавшими высокое положение в революционных объединениях и государственных учреждениях, и не только с Ж. Роммом. Ж.-Ж. Рив тоже был фанатиком революции и даже парализованный оставался грозой аристократов, диктуя – как рассказывал К. Демулен – целые пачки приказов об их аресте⁷⁴. Связи с “сановниками” первых революционных лет могли облегчать Дубровскому его коллекционерскую работу, даже помогать в его “криминальной” деятельности, а также сохранению собираемых сокровищ. Особенного внимания требуют контакты Дубровского с Д’Ормессоном, который был почти его ровесником (старше на год). Принадлежащий к известной семье аноблированных бюрократов Anne-Louis-Fransais de Paule Je Fevre d’Ormesson de Noyseau был с юных лет

⁷¹ Андроников И. Хранители правды // Встречи с прошлым. М., 1983. Вып. 1. С. 14.

⁷² Люблинская А.Д. От составителя // Она же. Бастильский архив в Ленинграде: аннот. каталог. С. 6, 8–9.

⁷³ Добиаш-Рожественская О.А. История корбинской мастерской письма в годы 651–830 по ленинградским кодексам. Л., 1934. См. об этом: Люблинская А.Д. Ольга Антоновна Добиаш-Рожественская // Портреты историков. Время и судьбы. М.; Иерусалим, 2000. Т. 2: Всеобщая история. С. 62; Шишмарев В.Ф. Следы библиотеки Рене Анжуйского в рукописных собраниях Публичной библиотеки // Средневековье в рукописях публичной библиотеки. Л., 1927. Вып. 2. С. 143–192.

⁷⁴ Алексеев М.П. Из истории русских рукописных собраний. С. 48.

советником Парижского парламента. В 1789 г. – он депутат Генерального собрания от парижского дворянства. Эллинист по своей научной подготовке, член Академии надписей, Д'Ормессон был библиотекарем короля Людовика XVI, возглавлял с декабря 1789 по август 1792 г. Национальную библиотеку Франции, был членом Комиссии по общественным памятникам (“La Commission des monuments publics”)⁷⁵. У него Дубровский оставил часть своей коллекции, когда вынужден был в мае 1792 г. выехать из Франции. В 1793 г. Д'Ормессона, по убеждениям гораздо более консервативного, чем Ромм, арестовали, а в 1794 г. гильотинировали.

Д'Ормессона, как и многих образованных людей, страшила начавшаяся вакханалия уничтожения документации, фиксировавшей ранее феодальные привилегии (в их числе и папских булл): эти манускрипты были объявлены “papiers dangereux” (т.е. опасными бумагами) и их публично сжигали на кострах и в деревнях, и в городах, и в самом Париже⁷⁶. 12 марта 1792 г. (т.е., когда Дубровский еще находился в Париже) “в присутствии и с одобрения властей на Вандомской площади была предана огню прекрасная коллекция оригинальных документов из архива наиболее известных дворянских родов Франции”. В книге Е.В. Старостина, откуда приведена цитата, немало других примеров вандализма и характеристика Жюлем Мишле организованной позднее представительной архивной комиссии как “революционного трибунала пергаменов”⁷⁷.

Первоначально архивы государственных учреждений, да и монастырские тоже, не трогали. Но затем, в 1792–1793 гг. декретировалось уничтожение и части документов государственных хранилищ. Е.В. Старостин справедливо замечает: “Более того, отдельные представители привилегированных сословий поощряли эту слепую ярость плембса”⁷⁸. В исследовании его демонстрируется, как пример, написанное (или подписанное) министром юстиции Гара (D.Y. Garat) (правда, уже в феврале 1793 г.) по поводу возражения лилльского архивиста, получившего распоряжение уничтожить архив Счетной палаты: “Я не вижу в Счетной палате ничего, что имело бы смысл сохранить... все старые готические письма, бумаги у вас, как и повсюду, вряд ли представляют собой нечто другое, чем феодальные титулы, подчинявшие слабого сильному, или же политические постановления, почти всегда противоречащие разуму, человечности и справедливости. Было бы полезнее заменить весь этот хлам Декларацией прав человека: это лучший из всех возможных документов”, и затем следует угроза чиновнику в случае невыполнения распоряжения. Старостин замечает далее: “Будущий сенатор и граф империи не замедлил, однако, после падения якобинцев отказаться от Декларации и своих слов...”⁷⁹ Но показательным то, что беспринципный политикан был до 1789 г. (который он встретил 40-летним) профессором истории, а по окончании терора читал как профессор курс нравственных и политических наук⁸⁰.

Может быть, именно благодаря таким предписанным варварским акциям попавшие в коллекцию Дубровского документы из архива Парижской Счетной палаты дошли в обезображенном виде: в большинстве своем это лишь

⁷⁵ Bibliothèque nationale de France. Personalités dirigeantes de la bibliothèque de 1719 à nos jours. P., 2004. P. 4–5.

⁷⁶ Архивные курсы: лекции, читанные в 1918 году. Т. 1. С. 136–137 (лекции О.А. Добиаш-Рождественской).

⁷⁷ Старостин Е.В. Зарубежное архивоведение: проблемы истории, теории и методологии. М., 1997. С. 69, 75.

⁷⁸ Там же. С. 69.

⁷⁹ Там же. С. 73–74.

⁸⁰ Гара Д.-Ж. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1892. Т. 15. С. 108.

фрагменты многометровых свитков, сшитых из нескольких листов пергамента⁸¹. Не подобрал ли их Дубровский в момент уничтожения массива такой документации?

Рукописи из парижского аббатства Сен-Жермен-де-Пре оказались у Дубровского, видимо, вскоре после пожара и крупной кражи в хранилище аббатства в 1791 г.⁸² Вероятно, часть поступила уже без переплетов, так как в Депо манускриптов заказывали переплеты для некоторых манускриптов и такого происхождения. Кажется основательным предположение, что знаменитые уже тогда, описанные палеографом Монфоконом, греческие рукописи попали к Дубровскому при посредничестве Д'Ормессона, который, – как пишет И.Н. Лебедева, – “мог способствовать и посредничать приобретению рукописей Дубровским, чтобы спасти их от возможной гибели в тревожные дни революции. От него же Дубровский мог получить и сведения об истории рукописей”⁸³.

Н.М. Бубнов – близкий С.Ф. Платонову выпускник Петербургского университета, затем многолетний профессор Киевского университета, а в годы эмиграции зарубежных высших учебных заведений писал в 1888 г. в предисловии к своей магистерской диссертации: “Рукописи эти потеряны для Франции, но спасены для науки, так как вряд ли можно сомневаться, что, если бы Дубровский не исторг их своевременно от ужасов террора, многих из них теперь уже не существовало бы”⁸⁴.

Точных данных о времени, когда Дубровский покинул Париж, нет. Обычно пишут, что в 1792 г., но в статье “Северного вестника” 1805 г. отмечено, что он оставался в Париже, “не взирая на происки завистливого Робеспьера, который имел на него личные неудовольствия, захватил и опечатал было его пожитки”⁸⁵. Согласно послужному списку и характеристике деятельности Дубровского в Голландии, он оказался там не позднее июля 1792 г., т.е. до времени массовых казней в Париже. Но аресты и преследования аристократов (вероятно, и тех, с которыми был связан Дубровский) начались ранее (уже упоминалось о действиях Рива, умершего в 1791 г.), а влияние Робеспьера возрастало все более, начиная с 1790 г. Следует иметь в виду и то, что в начале XIX в. именно Робеспьер казался символом революционного террора для читателей российских журналов.

Покидая Францию, Дубровский не имел возможности вывезти ни коллекцию манускриптов (во всяком случае полностью), ни библиотеку. Позднее (в 1812 г. в письмах к А.Н. Оленину) появились сведения о “перевозке книг из Парижа в Гамбург”⁸⁶, т.е. только тогда, когда стал там служить Дубровский, следовательно, не ранее 1795 г. Некоторые рукописи и самая большая часть библиотеки оставалась в Париже и после прибытия знаменитого ныне собрания в Петербург. Библиотека по-прежнему находилась в Париже еще в 1812 г., когда 7 апреля того года Дубровский писал (Оленину): “Что касается до коллекции книг, остающихся по днесь в Париже, под надзором датского

⁸¹ Воронова Т.П. Нормандские финансовые документы XVI в. Из коллекции П.П. Дубровского в Государственной Публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974. С. 321–322.

⁸² Воронова Т.П. П.П. Дубровский и Сен-Жерменские рукописи // Книги, архивы, автографы. М., 1973. С. 101–104.

⁸³ Лебедева И.Н. Греческие рукописи в собрании П.П. Дубровского. См. наст. изд. С. 372.

⁸⁴ Бубнов Н.М. Сборник писем Герберта как исторический источник (983–987): критическая монография по рукописям. СПб., 1888. Ч. 1. С. 339.

⁸⁵ Алексеев М.П. Из истории русских рукописных собраний. С. 43.

⁸⁶ РА. 1878. Кн. 2. № 8. С. 438, 439.

посланника, как я не имею подробных о ней сведений, из чего она состоит ныне... не будучи уверен, в целостности ли она, или уже повреждена гнильностью и что в ней расхищено во время Робеспьера”⁸⁷.

* * *

В 1790 г. в Париже оказался Н.М. Карамзин. В “Письмах русского путешественника”, в письме 110-м, имеющем помету “Париж. Мая...”, рассказ о Дубровском и о его коллекции. Фамилия его обозначена так: “Г[осподин] У*”. По словам “путешественника” они встречались нередко (“вижусь нередко”). Там читаем: “У* не богат, но умел собрать прекрасную библиотеку и множество редких манускриптов на разных языках”. Упоминает Карамзин и об оригинальных письмах французских и английских королей, кардинала Ришелье, и приобретении в день разграбления “Бастильского архива” “целой кипы бумаг”, в том числе “Журнала” одного из заключенных времени Людовика XIV. Дубровский полагал, что его писал “тайный арестант, известный под именем Железной маски”, и писатель цитирует изложение Вольтером одной из легенд об этом загадочном узнике. Карамзин отмечает и то, что Дубровский “знаком со всеми здешними библиотекарями и через них покупает редкости за безделку, особливо в нынешнее смутное время”⁸⁸.

В комментариях Ю.М. Лотмана к изданию “Писем русского путешественника” в академической серии “Литературные памятники” указано, что знакомство Карамзина с Дубровским “исключительно интересно”, потому что он лично знал “Руссо и многих деятелей французской культуры” и “известен факт сношений Дубровского с Радищевым”. Однако “положение Дубровского и его собрания до возвращения в 1800 г. в Россию было весьма деликатным, и Карамзин, видимо, имел основания тщательно замаскировать его имя”⁸⁹. Думается, что имело значение и то, что не во всех случаях должно было знать о способах поступления к Дубровскому некоторых манускриптов его коллекции.

Мало о ком из находившихся за границей россиян Карамзин писал столь подробно и уважительно. Дубровский по своему служебному положению должен был общаться с россиянами, обретавшимися в городе (и даже государстве) его пребывания, и иметь знакомство с теми иностранцами, которые посещали российские посольства. Это могло облегчить общение “русского путешественника” Карамзина с теми и другими. Из дневниковой записи “единоземца и соученика Шиллера” (определение Карамзина. – С. III.) барона В. фон Вольцогена, с которым Карамзин особенно сблизился в Париже, узнаем, что 25 апреля Вольцоген провел “вечер у Дубровского с Карамзиным”⁹⁰.

Разносторонне образованный Дубровский воспринимался как источник информации о местных памятниках культуры и достопримечательностях. “Я люблю остатки древностей; люблю знаки минувших столетий”, – заметил Карамзин в письме 90-м из Лиона, датированном мартом 1790 г. В Париж он прибыл в конце марта, а письмо 96-е, датированное 2 апреля, начинается восклицанием: “Я в Париже! Эта мысль производит в душе моей какое-то особенное, быстрое, неизъяснимое, приятное движение...”⁹¹

⁸⁷ Там же. С. 439.

⁸⁸ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 275–276.

⁸⁹ Там же. С. 661.

⁹⁰ Серман И.З. Литературное дело Карамзина. М., 2005. С. 288, 299, 300. См. также: Леман У. Н.М. Карамзин и В. фон Вольцоген // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры: к 70-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР П.Н. Беркова. М.; Л., 1966. С. 267–271.

⁹¹ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 203, 217.

Дубровский, охарактеризованный М.Ю. Лотманом как “человек исключительно интересной биографии”, с опытом дипломата, выполнявшего “многие деликатные поручения”⁹², мог поведать Карамзину и о политических обстоятельствах при российском императорском дворе, и о взаимоотношениях Екатерины II с ее сыном, и о поведении самого цесаревича, к 1790-м годам замкнутого в кругу гатчинского обихода. Конечно, интересными казались и рассказы Дубровского о путешествиях в Испании, Португалии и Южной Франции. Вероятно, “русского путешественника” познакомили и с сочинениями Дубровского об этих “путешествиях” и подобранными им иллюстрациями к их изданию. Едва ли не Дубровский помогал Карамзину в коллекционировании различных современных документальных материалов, переводы которых (или сведения о которых) публиковались им затем в русских журналах по возвращении в Россию.

Общение с Дубровским, ознакомление с его собранием рукописей и библиотекой, рассказы об этих раритетах имели, думается, немалое и пока остающееся неизученным воздействие в процессе “сотворения” в Карамзине “историографа”. Карамзин едва ли не впервые увидел такое изобилие ценных рукописей и вкусил непосредственное прикосновение к столь многообразному комплексу документальных исторических памятников и изданий, важных для их атрибутирования и описания.

Н.М. Карамзин был близок окружению Н.И. Новикова, когда готовилось второе, значительно расширенное издание многотомной “Древней Российской Вивлиофики”. “В атмосфере исторических трудов и изданий Новикова, – как отмечалось уже, – закладывались основы исторических трудов Карамзина...”⁹³ Однако данных о непосредственном участии Карамзина в этой возглавляемой Новиковым работе пока не выявлено. И допустимо полагать, что именно приобщение к собранию манускриптов Дубровского являлось для Карамзина школой и архивоведения, и источниковедения (если пользоваться термином, закрепившимся в языке русской науки лишь с 1870-х годов⁹⁴), и оценки научного потенциала писем выдающихся исторических деятелей и “кипы бумаг” менее известных лиц из разных хранилищ, особенно монастырских. Это, видимо, начальный этап формирования представлений об архивной источниковой базе работы историка. Первичные впечатления расширялись и закреплялись затем в России при знакомстве с собранием А.И. Мусина-Пушкина и других коллекционеров. И понятно, что, приступая к обязанностям Историографа, – уже в начале XIX в. – Карамзин выхлопотал право знакомства с документами, хранящимися в казне монастырей, не удовлетворяясь тем, что было сосредоточено в Архиве Коллегии иностранных дел и в известных ему государственных и частных хранилищах.

В “Письме” 103-м – примеры источниковедческого рассуждения Карамзина: мнение Вольтера будто бы “Железная маска” – близнец Людовика XIV, “скрытый от света Кардиналом Ришелье для того, чтобы ему не вздумалось когда-нибудь спорить о короне с братом своим”, характеризуется им как “гипотеза не совсем вероятная!”

В плане нашей темы особенно интересно указание на историческую (точнее сказать, даже историко-источниковедческую) тематику разговоров Ка-

⁹² Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 170.

⁹³ Дербов Л.А. Общественно-политические и исторические взгляды Н.И. Новикова. Саратов, 1974. С. 344.

⁹⁴ Топычканов А.В. К истории раннего бытования слова “источниковедение” // АЕ за 2003 год. М., 2004. С. 149–153.

рамзина и Дубровского и то, что Карамзин пожелал источниковедчески обосновать несходство их мнений: "...не совсем вероятно, чтобы журнал заключенного, которым земляк мой дорожит до крайности, был в самом деле писан Железною Маскою. У него одно доказательство: заключенный в разных темах упоминает о шоколаде, который к нему по утрам носили; при Лудовике XIV пили шоколад одни знатные; а как в это время (сколько известно) никто из важных людей, кроме человека с Железною Маскою не содержался в Бастилии, то надобно, чтобы журнал был его". Впрочем "Автор сих дневных записок, Железная Маска или другой кто, не говорит ничего примечания достойного; одне жалобы на скуку, на жестокость заключения, в несвязных словах, без орфографии – и все тут"⁹⁵. Это – попытка определить ценность дневника как исторического источника, но и деликатный намек на дилетантизм исторических суждений симпатичного писателю коллекционера.

Именно в то время сформулированы (в письме из Парижа от мая 1790 г.) соображения о необходимости создания россиянином "Российской истории", не уступающей образцовым сочинениям знаменитых зарубежных историков и древности, и новейшего времени: и произведение это должно быть "привлекательное, сильное, достойное внимания не только Русских, но и чужестранцов"⁹⁶. Карамзин изначально воспринимал российскую историю как часть всемирной и убежден был в том, что время правления выдающихся российских государей – "важнейшие эпохи" не только "в нашей истории", но "даже в истории человечества"⁹⁷.

Мысли о том, как должно писать исторические сочинения, имеются и в обобщающего характера наблюдениях в конце книги, в письме 151-м, озаглавленном "Литература". Там и о достойных подражания произведениях историков XVIII в.: "...Робертсон, Юм, Гиббон влияли в Историю привлекательность любопытнейшего романа, умным расположением действий, живописью приключений и характеров, мыслями и слогом. После Фукидида и Тацита ничто не может сравниться с Историческим Триумвиратом Британии"⁹⁸. Здесь выявляются уже глубокие наблюдения Карамзина над читательским восприятием и его превосходный (и одновременно возвышенный) вкус, обесценившие позже – уже в годы пушкинской молодости – столь грандиозный успех томам его "Истории государства Российского".

Можно полагать даже, что Дубровский в эти дни, когда перед писателем Карамзиным уже вырисовывался образ специальных занятий отечественной историей, выступал и в роли если не наставника, то осведомителя при ознакомлении с зарубежной историографией. Карамзин проявлял неослабевающий интерес не только к новейшей научной и научно-популярной литературе, но и к откликам на эти издания специалистов – показательно письмо 28-е из Женевы о впечатлении, произведенном изданием "Путешествия юного Анахарсиса в Греции" Ж.-Ж. Бартеlemi в 1788 г. и на ученых, и на широкую публику во Франции, и за ее рубежами (в Швейцарии, Германии), о "славе Анахарсиса"⁹⁹.

Исторические сочинения тогда признавались еще относящимися к сфере словесности, которая по определению авторитетнейшего на рубеже XVIII и XIX в. теоретика литературы француза Ж.Ф. Лагарпа (кстати, знакомивший-

⁹⁵ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 276.

⁹⁶ Там же. С. 252–253.

⁹⁷ См. об этом: Шмидт С.О. "История государства Российского" Н.М. Карамзина в контексте истории мировой культуры // *Он же*. Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 257–270.

⁹⁸ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 369.

⁹⁹ Там же. С. 61–62.

ся с коллекцией Дубровского)¹⁰⁰ в его “Лицее, или Курсе древней и новой литературы”: “есть общее наименование сочинений, писанных стихом и прозой” и “в пространном своем значении объемлет” и “историю, философию, нравственность”¹⁰¹. Дубровский был осведомленным знатоком историографии, причем в самом широком понимании значения этого научного термина – и исторических сочинений, и документальных публикаций, и информации о выявленных в хранилищах, но еще неопубликованных исторических источниках (особенно, если полагать, что именно Дубровский является автором обзора мировой историографии – от античности до конца XVIII в. – и за рубежом, и в России, напечатанного без подписи в 1802 г. в журнале “Корифей или ключ литературы”)¹⁰².

Думается, что Дубровский если и не знакомил Карамзина со своими сочинениями, то говорил о них. А одно из них по теме своей было особенно близко размышлениям Карамзина именно тех дней и, быть может, даже побуждало к дальнейшему развитию своих мыслей. И многократно цитируемые соображения “русского путешественника” о “героях” российской истории (в письме 103-м) вызваны не только знакомством с Левеком, автором “Российской истории, которая хотя и имеет много недостатков, однако ж лучше всех других”¹⁰³, но и с тем сочинением, над которым работал Дубровский – с “Российским Плютархом”. Попытка сопоставления “Российского Плютарха” была прямо в русле идей и самого Карамзина, и многих его современников, начиная с поколения писателя Сумарокова, особенно драматургов, поэтов и живописцев¹⁰⁴. Ее можно рассматривать и как прямое следование завету Ломоносова, утверждавшего в своей книге “Древняя Российская история...”: “...всяк, кто увидит в российских преданиях равные дела и героев, греческим и римским подобных, унижать нас перед оными причины иметь не будет, но только вину полагать должен на бывший наш недостаток в искусстве, каковым греческие и латинские писатели своих героев в полной славе предали вечности”¹⁰⁵. Показательно, что рассуждения о том, как надо писать “хорошую Российскую историю” Карамзин сопровождает словами о “характере древних наших героев”: “У нас был свой Карл Великий: Владимир – свой Лудовик XI: Царь Иоанн – свой Кромвель: Годунов – и еще такой Государь, которому нигде не было подобных: Петр Великий...”¹⁰⁶

Быть может, Карамзин поддерживал намерение Дубровского (или даже внушил саму эту мысль?) издать свои сочинения. И Дубровский осмелился уже в октябре того же года обратиться с письмом ко всемогущему тогда Г.А. Потемкину о помощи в организации в Париже типографии для печатания своих сочинений на русском языке. Начинается письмо после обращения так: «Два года тому, как я упражняюсь в сочинении книги под названием “Российский Плютарх”, или Жизнь славных мужей России, с начала 9-го столетия до нынешних времен, и другой, содержащей путешествия мои в Испании, Португалии и полуденных провинциях Франции, с приложением разных

¹⁰⁰ Грин Ц.И., Третьяк А.М. Хрестоматия. С. 56.

¹⁰¹ Цит. по: Словесность. Рассуждение о словесности // Лицей, Периодическое издание Ивана Мартынова. СПб., 1806. Ч. I, кн. I. С. 26.

¹⁰² Корифей или ключ литературы. СПб., 1802. С. 17–199.

¹⁰³ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 252.

¹⁰⁴ Моисеева Г.Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980.

¹⁰⁵ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 170; Шмидт С.О. “История государства Российского” Н.М. Карамзина в контексте истории мировой культуры // Он же. Путь историка. С. 261.

¹⁰⁶ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 253.

видов, планов, изображением редких растений, животных, с описанием древних развалин и достопамятных медалей, рукописцев, картин и проч. Сие огромное сочинение ввело меня в великие убытки, тем более, что будучи отдален от России, принужден завезть здесь российских слов типографию...» Дубровский потратил на это дело “около двух тысяч рублей”, но он видит себя “только на половине дороги”, и потому-то вынужден просить “помощи для довершения сего дела, которое будет первой производ российских букв в этих краях”. И указывается по-французски адрес “ея имп. Величества полномочного посла в Париже” И.М. Симолина¹⁰⁷.

Обращаясь к столь высокопоставленному вельможе, Дубровский рассчитывал даже на то, что его удостоит “своею отзывкою или какими примечаниями”. Понятно и нам, и тем более это понимал, конечно, и сам Дубровский, что с письмом малочиновного дипломата мог познакомить столь важного сановника лишь кто-то из лиц его близкого окружения. Вероятнее всего, Дубровский рассчитывал на помощь (быть может, даже заранее оговоренную) В.Г. Рубана, который был многолетним секретарем Г.А. Потемкина. Могла быть и надежда на содействие ранее возвышенного Г.А. Потемкиным П.В. Завадовского.

Поскольку готовившиеся тогда Дубровским издания не выявлены библиографами, можно полагать, что Потемкин не поддержал писателя-дипломата или склонен был помочь ему, но распоряжение больного уже Потемкина не успели или не сумели реализовать, тем более что общественно-культурные сношения императорской России с Францией поспешно свертывались.

Возможно, у Дубровского были не только невиннопознавательные намерения, когда он проектировал создание за рубежом первой русской вольной типографии. При Павле I, старавшемся всячески оградить русское общество от проникновения в него “зловредных умствований” революционно настроенных французов, циркулировали слухи, что Дубровский и гражданин Очер (т.е. П.А. Строганов) собирались в этой типографии опубликовать в переводе на русский язык “Декларацию прав человека и гражданина” – программный документ Французской революции, принятый Учредительным собранием в августе 1789 г., и в газете “Gazette Nationale ou le Moniteur Universel” будто появилось объявление о печатании Декларации “для просвещения северных варваров” на “языке гипербореев”¹⁰⁸. Однако, по основательному утверждению Т.П. Вороновой, русскую типографию в Париже тех лет не сумели создать¹⁰⁹.

Небезынтересно в этой связи то, что Карамзин, отправляясь из Женевы во Францию, запасся рекомендательным письмом женеваца Кунклера к Ж. Ромму и П.А. Строганову. Там содержалась и просьба “поделиться своими мыслями о работе Национального собрания, об успехах революции и о том, чего достигнет новый режим”¹¹⁰. Ю.М. Лотман полагает, что Карамзин посетил не только Национальное собрание и слышал выступления знаменитых тогда политических ораторов (что нашло отражение и в “Письмах”), но

¹⁰⁷ См.: *Оболенский М.А.* Русская типография в Париже в 1790-х годах // Библиографические записки. 1858. Т. 1, № 5. С. 155–156.

¹⁰⁸ *Садиков П.А.* Указ. соч. С. 392; *Алексеев М.П.* Из истории русских рукописных собраний. С. 39.

¹⁰⁹ *Воронова Т.П.* К вопросу о русской типографии в Париже в 1790-х гг. // Книга в России в эпоху Просвещения. Л., 1988. С. 67–73.

¹¹⁰ *Шаркова И.С.* Фонд Жильбера Ромма // Рукописные источники по истории Западной Европы в архиве ЛОИИ СССР. Л., 1982. С. 175.

и основанный Роммом клуб “Друзей закона” и даже якобинский клуб и мог познакомиться там с Робеспьером¹¹¹.

Упомянутые в письме к Потемкину произведения Дубровского и заготовки к ним не выявлены в архивах, и поэтому мы не можем даже предполагать, в каком стиле написаны его сочинения широко распространенного тогда жанра “путешественных записок”¹¹².

Пребывание в Италии, где он путешествовал, осматривая достопримечательности и преимущественно картинные галереи, описал и знакомец Дубровского дипломат С.А. Колычев, переведенный в 1779 г. из Парижа советником посольства в Неаполь¹¹³.

Напоминали ли они ученого типа труды российских академиков об отдельных регионах Российской империи, где совмещались данные и о настоящем (социоэкономическая характеристика), и об истории края, и об уцелевших достопамятностях, и особенно о том, что относилось к “натуральной истории”, т.е. о природных явлениях; или литературно-художественного типа сочинения (иногда даже и с моралистским уклоном), с элементами, свойственными путеводителям, как это более принято было в Западной Европе, особенно во Франции. Но если Карамзину была представлена возможность ознакомления с ними, то это могло оказаться полезным для него при подготовке к печати своих “Писем русского путешественника”. Обитавший в мировом центре литературной жизни – в Париже, Дубровский был, естественно, в большей мере осведомлен о новейших европейских сочинениях сходной направленности, чем впервые оказавшийся за рубежом московский литератор.

Остается неясным, почему Дубровский не напечатал названные в письме Потемкину сочинения, утвердившись на жительство в России. Если после более полного ознакомления с исторической и художественной литературой России тех лет, Дубровский мог посчитать почему-либо “Плютарха” неподходящим для издания, то “путешествия в Испании, Португалии...” отвечали как раз тогда потребностям достаточно широкого читателя. По авторитетному мнению академика М.П. Алексеева, “хотя в Испании в конце XVIII в. неоднократно ездили русские путешественники, но сколько знаем, ни один из них не оставил ни печатных, ни письменных известий о своих поездках”. И как раз к этой фразе в сноске – пространная информация о Дубровском и изложение части его письма к Потемкину¹¹⁴. Тем более что в России широкое распространение получили переводы “Дон-Кихота” Сервантеса (с французских изданий), и, по словам мемуариста, этот “образцовый” западноевропейский роман находился “в каждой деревенской библиотеке”¹¹⁵, т.е. в книжных шкафах в имениях, где с юных лет приобщались к литературе и люди поколения Карамзина (что отражено в его повести “Рыцарь нашего времени”), будущие декабристы, чуть позже пушкинская Татьяна Ларина... Знакомы были и с произведениями других испанских писателей. Бомаршанское восприятие Испании за десятилетия до того князем Н.Б. Юсуповым постарался передать А.С. Пушкин, обращаясь к престарелому вельможе уже в 1830 г. А о Португалии, как будто, знали еще меньше.

¹¹¹ Цит. по: Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 667.

¹¹² См.: Афиани В.Ю. “Открываемая Россия”: путешествие как метод краеведческого изучения // Историческое краеведение: по материалам Всесоюзной конференции по историческому краеведению. Пенза, 1993. С. 189–200.

¹¹³ Колычев С.А. // РБС. СПб., 1903. Т: “Кнаппе–Кюхельбекер”. С. 83.

¹¹⁴ Алексеев М.П. Очерк истории испано-русских литературных отношений XVI–XIX вв. // Он же. Русская литература и романский мир. С. 86–87.

¹¹⁵ Там же. С. 69.

Издание этого сочинения Дубровского, да еще и сопровождаемое разнообразными иллюстрациями, несомненно, вызвало бы интерес, упрочило бы положение Дубровского в обществе, принесло бы и материальный доход. Можно думать, что этих сочинений не оказалось у Дубровского по прибытии его на родину. Видимо, отбирая для своего багажа самое важное для себя, Дубровский предпочел взять с собой ценные старинные манускрипты.

При всех обстоятельствах письмо Дубровского Потемкину – несомненное свидетельство тесного соприкосновения умственных интересов Дубровского и более молодого Карамзина (он моложе дипломата на 12 лет), и именно летом 1790 г.

Спутником и собеседником Карамзина в Париже изображен Дубровский в главе романа-хроники Б.В. Заболотских “Н.М. Карамзин. Российский Тацит”, изданном в 2000 г. Первая глава имеет название “Русский в Париже”¹¹⁶. Дубровский сопровождает “Карамзина в его прогулках по Парижу”, демонстрирует свою коллекцию. В следующей главе “Доверенное лицо” опять много о Дубровском; по существу ему и посвящена эта глава. Карамзин знакомится с сочинениями самого Дубровского, и ему приписывается “спасительное решение” обратиться с письмом к Потемкину, которое они вместе составили. Писатель опирался в своем изложении не только на “Письма русского путешественника”, но и на документальные публикации о Дубровском, хотя подчас и с вольной интерпретацией. Книга с таким достойным изображением Дубровского издана тиражом в 5000 экземпляров, и хочется надеяться, что сведения о нашем герое достаточно легко воспринимаются широким читателем.

Вполне естественно думать, что взаимоотношения Карамзина и Дубровского продолжились и нашли отражение в переписке, Дубровский мог выступать в роли консультанта при занятиях Карамзина историей. Однако удостоверить это документально нельзя, так как личный архив Карамзина погиб в московском пожаре 1812 г., а из относящегося к личному архиву Дубровского выявлены пока лишь некоторые документы скорее делопроизводственного характера. (Возможно, впрочем, что-либо обнаружится при более детальном установлении имен авторов в редактируемых Карамзиным и другими изданиях.)

Известно, что именно Карамзин первым оповестил мир об открытии рукописи со “Словом о полку Игореве”. Об этом и в его подписанном инициалами N.N. письме о русской литературе (“Lettre au Spectateur sur la literature russe”), опубликованном в 1797 г. в октябрьском номере гамбургского журнала “Spectateur du Nord”¹¹⁷. Дубровский тогда был секретарем русской легации в Гамбурге. Не при его ли посредничестве была напечатана эта статья? Информация гамбургского издания становилась широко известной и потому, что там русским резидентом оставался назначенный еще Екатериной II барон Мельхиор Гримм, много лет оповещавший о новостях политики и культуры самых знаменитых и влиятельных лиц международной элиты.

С “Письмами русского путешественника” были знакомы в России рубежа XVIII–XIX вв. все образованные люди; сочинение это не раз переиздавалось, и более осведомленные читатели догадывались, что под именем “Г. У.” автор

¹¹⁶ Заболотских Б. Н.М. Карамзин. Российский Тацит: роман-хроника. М., 2000. С. 9–19.

¹¹⁷ См. об этом: Дмитриев Л.А. Карамзин Николай Михайлович // Энциклопедия “Слова о полку Игореве”. СПб., 1995. Т. 3: К-О. С. 14, 18.

подразумевал Дубровского. Не мог этого не знать и граф Ф.В. Ростопчин, особо приближенный к императору Павлу I и игравший в ведомстве иностранных дел ведущую роль – тем более, что побывал Париже в 1787 г.¹¹⁸ (правда, Дубровский в то время был в Петербурге, но в “Русском Париже”, конечно же, знали о коллекции Дубровского). Поэтому вряд ли полным является объяснение мемуариста (А.Д. Бестужева-Рюмина), будто Ростопчин исключил Дубровского из службы в Коллегии “единственно потому, что он не был никому знаком из приближенных к графу”¹¹⁹. Честолюбец-временщик действительно предпочитал иметь в своем ведомстве чиновников лично знакомых и искательных, а А.Д. Бестужев-Рюмин имел основание ненавидеть Ростопчина, который, будучи в 1812 г. московским генерал-губернатором, обвинил его в измене Родине: тогда при приближении неприятельских войск не успели вывезти архив Вотчинного департамента; и Бестужев-Рюмин – высокопоставленный чиновник Департамента – сумел сохранить его, но вынужден был стать членом “муниципального совета, учрежденного Наполеоном для управления Москвой”¹²⁰.

Более вероятно искать причины исключения из службы в Коллегии иностранных дел и перевода Дубровского в 1800 г. в Герольдию, а затем, когда Ростопчин (по словам Бестужева-Рюмина) “оболгал его перед государем”, и высылки из столицы, в образе поведения самого Дубровского и в его общественных и философских воззрениях. Он оставался человеком “Века Просвещения”, оказавшегося чреватым революцией и тем более подозрительным, поскольку ему в 1798 г. приписывали попытку организовать в начале 1790-х годов издание в Париже свободолобивой литературы на русском языке. Дубровский мыслил, видимо, категориями идеологии “просвещенного абсолютизма”, когда едва ли не идеалом “просвещенного” монарха представлялась Екатерина II. У Дубровского завязались доверительные отношения с видными вельможами ее времени. Более того, он прилагал немало усилий для сохранения во всей Европе памяти об Екатерине Великой – он был организатором литературного конкурса в Гамбурге в 1797 г. на лучшую оду на французском языке на смерть российской императрицы; и Т.П. Воронова, думается, права, полагая, что “возможно, именно эта активная деятельность послужила причиной немилости к нему Павла I”¹²¹.

* * *

Вероятно, именно вельможи прежних времен, вернувшиеся во власть с воцарением Александра I, а также украинцы, назначенные руководителями организованных тогда министерств (П.В. Завадовский, Д.П. Трощинский, племянник А.А. Безбородко В.П. Кочубей), сделали возможным возвращение П.П. Дубровского в столицу. Мог использовать свое влияние при Дворе и знакомец П.П. Дубровского по Парижу священнослужитель П.В. Криницкий. А затем, когда то, что уцелело из коллекции Дубровского оказалось в Петербурге, они способствовали и ознакомлению “публики” с этим уникальным собранием рукописей.

¹¹⁸ Ельницкий А. Ростопчин Федор Васильевич // РБС. Пг., 1918. Т: “Романов-Рясовский”. С. 238.

¹¹⁹ Записки А.Д. Бестужева-Рюмина о 1812-м годе // РА. 1910. Кн. 2. № 5. С. 81.

¹²⁰ Бестужев-Рюмин А.Д. // РБС. СПб., 1990. Т: “Алексинский-Бестужев”. С. 769; Бестужевы и Бестужевы-Рюмины // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1891. Т. 6. С. 625–626.

¹²¹ Воронова Т.П. П.П. Дубровский – организатор литературного конкурса в Гамбурге (1797 г.) // Книга в России: Век Просвещения. 1990. С. 83.

Сообщение о том, что А.С. Строганов “еще в 1800 г.” ознакомился в столице с собранием П.П. Дубровского¹²², требует пояснения и проверки. Дубровский, возвратившись в Россию, имел возможность привести с собой лишь немногие из манускриптов. Если это и произошло, Строганов действительно мог увидеть их. О формирующейся коллекции могло у него составиться представление еще перед возвращением из Парижа в 1779 г. Однако более вероятно предположить, что Строганова информировали о коллекции Дубровского его сын П.А. Строганов и А.Н. Воронихин, общавшиеся с Дубровским в Париже в период особо интенсивного обогащения ее, а быть может, и С.А. Колычев.

Т.П. Воронова констатирует в статье 1980 г.: нам мало известно о последовавших после возвращения Дубровского на родину почти пяти годах его жизни, за исключением, пожалуй, того, что в 1804–1805 гг. на своей квартире в Петербурге он организовал что-то вроде “музея”, куда приглашал любителей старины и искусства¹²³. Но до того он вынужден был продать англичанам часть коллекции рукописей на греческом языке.

Можно полагать, однако, что Дубровский, оставаясь чиновником Герольдии, подвизался и на литературно-ученом поприще (что было ему важно и для поддержания привычного ранее материального положения). Имея, как знаем, склонность к литературной работе и опыт в таких занятиях, он мог выступать и как переводчик, и готовить статьи для журналов, начавших выходить в те годы общественного подъема и либеральных упований. Журналы издавались тогда преимущественно молодыми людьми, и, почтенный рядом с ними по возрасту, Дубровский мог печатать статьи без своего имени, что в ту пору это считалось общепринятым. Показательно, и кажется обнадеживающим в плане нашей тематики, что в составленном С.А. Венгеровым указателе источников для словаря русских писателей Дубровский определен как “*писатель и переводчик*”¹²⁴ (курсив мой. – С.Ш.).

Коллекция манускриптов Дубровского – точнее сказать, значительная ее часть, была доставлена из Гамбурга в Петербург в 1804 г. (но не в конце его, как ошибочно пишет М.П. Алексеев¹²⁵). Она сразу же вызвала большой интерес у знатоков истории и памятников письменности и у просвещенных вельмож. Обычай публичной демонстрации частных коллекций и даже доступа к ним ученых и в Петербурге, и в Москве не казался удивительным – практиковали это и упоминавшийся уже граф А.С. Строганов, и граф А.И. Мусин-Пушкин, профессора Московского университета.

Прежние знакомые Дубровского сами оказались в числе посетителей его квартиры-музея и рекомендовали это сделать другим. Там побывали Евгений Болховитинов, видный коллекционер и библиофил П.К. Сухтелен, А.Н. Оленин.

Для исследователей “представляет большой интерес”, подчеркивает М.П. Алексеев, недостаточно учитываемая писавшими об истории рукописей из коллекции информация в обстоятельных статьях Ф. Аделунга, помещенных еще в 1804 г. в пяти номерах йенской газеты “*Intelligenzblatt der Allgemeinen Litteratur-Zeitung*”, озаглавленных “Краткое известие об одном в высшей степени замечательном собрании древнейших и редчайших рукописей, нахо-

¹²² Ландер И.Г. Строганов А.С. // Сotрудники РНБ. Т. 1. С. 513.

¹²³ См.: Воронова Т.П. П.П. Дубровский – первый хранитель. С. 123.

¹²⁴ Венгеров С.А. Источники словаря русских писателей. СПб., 1910. Т. 2. С. 322.

¹²⁵ Алексеев М.П. Из истории русских рукописных собраний. С. 41.

дящихся в настоящее время в частной библиотеке в С.-Петербурге”¹²⁶. Виднейший тогда библиограф Ф.П. Аделунг, почитаемый и поныне как автор первого исследования по книжной статистике России и пространного свода сведений о записках иностранцев о России, знакомился с манускриптами, еще когда они находились на квартире Дубровского; и его сведения сохраняют свое значение первоисточника потому, что основаны, несомненно, на рассказах и объяснениях самого собирателя¹²⁷.

О коллекции сообщали и петербургские, и московские журналы. М.П. Алексеев детально и сопоставительно рассматривал эти публикации, отмечал, что текст в разных журналах идентичен¹²⁸. И потому допустимо полагать, что автор этих информационных статей отражал не только свои впечатления от коллекции и запомнившееся из пояснений Дубровского, но Дубровским был подготовлен и текст, который ныне назвали бы пресс-релизом (или даже он сам был автором этих статей). Вопрос этот не легкоразрешимый: статьи в “Северном Вестнике” и “Вестнике Европы” подписаны “Г****”. Согласно “Словарю псевдонимов”, так подписывался широко известный и уже сановный А.С. Шишков¹²⁹. Но стал ли бы он писать, да еще специально, для московского “Вестника Европы”, основанного Карамзиным?

В журналах можно почерпнуть важное из биографии Дубровского и о судьбе его коллекции, и, конечно, о том, что полагал желательным сообщить сам Дубровский любопытствующим. Узнаем, что “частые командировки по разным посольствам, неожиданные выезды по причине разрыва политических связей, и другие неприятности, ему случавшиеся... нанесли его коллекции незаменимый урон”, что “с прискорбием принужден он был оторвать лучшую из нее греческую партию, которой едва ли осталась равная в Патриаршей библиотеке в Москве, и выпустить ее в чужие края”¹³⁰. Писали и о том, что “Дубровский собирал рукописи особливо с тем намерением, чтобы подарить всю коллекцию городу Киеву, в котором он родился, и через то поддержать славу древнейшего нашего училища, но разные обстоятельства не дозволили исполниться его желанию”¹³¹. (Быть может, до образования Публичной библиотеки у Дубровского было именно такое намерение, естественно поддерживаемое и другими выпускниками Киево-Могилянской академии.) М.П. Алексеев справедливо указывает на то, что “все эти обстоятельства были хорошо известны в Петербурге тем лицам, которые хлопотали о ее (коллекции. – С.Ш.) приобретении”¹³².

Читателей особенно интересовало относящееся к древней истории России. И там сообщали не только о древнерусских (или выдававшихся за таковые) рукописях, но и том, что коллекционер “старался сколько можно обогатить свою Историю доказательствами, коих у нас недоставало”. М.П. Алексеев полагает, что под “Историей” может подразумеваться “Российский Плутарх” и – что кажется более вероятным – какой-то труд, составлением которого Дубровский был занят уже в Петербурге, поскольку именно об этом, видимо, сообщается в “Вестнике Европы”: «Я слышал, – рассказывает автор

¹²⁶ Там же. С. 45.

¹²⁷ Там же. С. 46.

¹²⁸ Там же. С. 42.

¹²⁹ Масапов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1956. Т. 1. С. 260.

¹³⁰ Алексеев М.П. Из истории русских рукописных собраний. С. 44.

¹³¹ Там же. С. 60.

¹³² Там же. С. 44.

статьи, – что этот ученый муж, беспрестанно упражняясь в изысканиях, в трудном разборе рукописей, требующем времени и прилежания, занимается еще сочинением “истории о древности Российских писъмен”, которая без сомнения сделает его известным не только как любителя древностей, но и как *литератора и писателя*»¹³³ (курсив мой. – С.Ш.). Для дальнейшего изложения особенно важно отметить, что характеризовали Дубровского именно так в издании, рассчитанном и на интересующихся теми, кто пишет о российских древностях.

Сам Дубровский называл свою коллекцию “музеем”, и на каждой рукописи написал (еще, возможно, до того): “*Ex Museo Petri Dubrowski*”. Эта надпись воспроизведена на обложке великолепного издания типа буклета, подготовленного в 2004 г. РНБ “Петр Дубровский (1754–1816) и его коллекция”. Обозначение “Музей рукописей г. Дубровского” употребительно было тогда и в прессе. М.П. Алексеев приводит обширную цитату из “Северного вестника” за 1805 г.: “Все знатные люди, министры и литераторы, собираются ежедневно в убогие стены видеть богатейшее сокровище, которое, конечно, достойно обитать в чертогах; и мне кажется, что вокруг сих шкапов, посреди сих пергаментовых старых тетрадей основывается у нас ученая кафедра, из которой исходит богатый источник археологии (тогда так обозначали науку о древностях вообще, не только о памятниках материальной культуры. – С.Ш.), доселе нам неизвестной”. И далее: “История наша приняла бы совсем другой вид, если бы учредилось у нас хранилище древних рукописей, которые бы отверсто было изысканиям ученых людей”. Высказывается и сожаление по поводу того, что “в России есть столько неизвестных углов, где они валяются в пыли и забвении”, так как столь мало еще вкус к древности у нас распространился”. Автор полагает, что “музей рукописей, которого нам недоставало, окажет важнейшее влияние на современное просвещение”. Указывается на то, что “общие усилия, поревнование хорошим примерам путешественников-наблюдающих, и возбужденная склонность к изысканиям своих отечественных древностей могут оказать величайшую услугу словесности нашей и довести ее до такого совершенства, как во Франции”. И затем особенно важное и конкретное: “Известно ученому свету, что с того времени как Людовик XIV завел *Депю манускриптов*, литература ее оказала быстрые успехи во всех частях учения”¹³⁴ (курсив мой. – С.Ш.). Как убедимся позже, здесь изложена программа деятельности, которую стремились реализовать в том же 1805 г.

Уже в феврале 1804 г. Дубровский ознакомил с несколькими рукописями своей коллекции (иллюминированными манускриптами и с письмами французского короля Генриха IV) вдовствующую императрицу Марию Федоровну (напомним, что он был ей известен еще со времени пребывания наследника престола и ее в Париже под именем графов Северных). Секретарь императрицы в связи с этим писал, характеризуя Дубровского как “увлеченного владельца” (“*Le propriétaire passionné*”), что коллекционер намеревается предложить Александру I “план особого хранилища рукописей, в котором его коллекция будет одним из прекрасных украшений”¹³⁵.

Быть может, именно об этой демонстрации манускриптов вспоминал Николай I (или была еще организована экспозиция и в Эрмитаже, в следую-

¹³³ Там же. С. 59.

¹³⁴ Там же. С. 42.

¹³⁵ Воронова Т.П. Первые страницы истории “Депю манускриптов” // Рукописные памятники / РНБ. СПб., 1996. Вып. 1: Публикации и исследования. С. 17.

щем 1805 г.?). 22 декабря 1851 г. император пригласил на обед М.А. Корфа, ставшего в 1849 г. директором Публичной библиотеки с оставлением и в прежних должностях. В связи с посещением библиотеки наследником Александром Николаевичем с супругой, отметивших, по словам отца, что Корф сделал из библиотеки просто чудеса, Николай I, повелевший до того передать некоторые иллюминированные рукописи из Библиотеки в Эрмитаж, вспоминал: “Виноват еще и в том, что отнял у тебя твои хорошенькие рукописи, с которыми свиделся, впрочем, в Эрмитаже, как с старыми знакомыми: представь, что они мне памятливы, почти совестно сказать, еще с 1805 года, когда их привез Дубровский! Правда, что в тогдашние мои лета они немного доставляли мне удовольствия”¹³⁶.

Можно думать, что ознакомлением с рукописями коллекции лиц царской фамилии Дубровский обязан инициативе ученых из Академии наук, занятых по приглашению (т.е. фактически по выбору) вдовствующей императрицы образованием ее младших детей, – А.К. Шторха и Ф.П. Аделунга.

Аделунг еще в 1804 г., как упоминалось, уже обстоятельно описал коллекцию в немецком издании без упоминания имени владельца в заголовке. Затем, уже с наименованием коллекционера, обзор собрания манускриптов был опубликован и в официального типа издании на немецком языке – “*Nachricht von der Dubrowskischen Manuscripten-Sammlung Petersburg*”. Сочинение ученого напечатали в 1805–1806 гг. в книгах выходившего и в Петербурге, и в Лейпциге и предназначенного прежде всего для заграницы журнала “*Russland unter Alexander dem Ersten: Eine historische Zeitschrift*”. В издании этом публиковали официальную документацию и обзоры сделанного в России и в сфере административной деятельности, и особенно просвещения.

Редактором его был всемирно знаменитый академик Шторх, многотомный труд которого – историко-статическое описание России конца XVIII в., демонстрирующий достижения ее в государственно-политическом, экономическом и умственном отношениях, – был переведен с немецкого на русский и на другие иностранные языки. Шторх был с 1799 г. наставником великих княжон и чтецом Марии Федоровны (позднее ему доверили и преподавание младшим великим князьям, Николаю и Михаилу)¹³⁷. А Аделунг в ноябре 1803 г. определен был в наставники этих великих князей¹³⁸. И понятно, что рукописи коллекции Дубровского показывали мальчику Николаю, сопровождаемому своим наставником.

Передачей коллекции Дубровского государству и основанием в Императорской Публичной библиотеке по его инициативе Депо манускриптов в наибольшей мере обязаны просвещенному покровительству Строгановых, о которых потому-то с особыми подробностями речь шла выше. И в напечатанном в “Северном вестнике” за 1805 г. “Письме к издателю” именно это и подчеркивается: “Какая слава для России – иметь столь попечительного, великодушного, любящего науки государя! Какое счастье для нас – находить таких меценатов, таких истинных любителей и заступников учености, как почтеннейший граф А.С. Строганов”¹³⁹. В 1800 г. он стал главным директором Императорских библиотек (занимая и другие высокие должности – президента Академии художеств и пр.). Это назначение соответствовало давним интересам, а быть может, и намерениям Строганова: собравшиеся именно в его

¹³⁶ Корф М.А. Записки. М., 2003. С. 566.

¹³⁷ Сомов А. Шторх А.К. // РБС. СПб., 1911. Т. “Шебанов–Шютц”. С. 429–431.

¹³⁸ Келлен Ф. Аделунг Ф.П. // РБС. СПб., 1896. Т. “Аарон–Император Александр II”. С. 71–72.

¹³⁹ Цит. по: Грин Ц.И., Третьяк А.М. Хрестоматия. С. 55.

доме в 1766 г. составили обращение к императрице Екатерине II с “планом публичной библиотеки в Санкт-Петербурге, состоящей единственно из российских духовных и светских книг”¹⁴⁰; и он сам же охарактеризовал его как “полезный прожект” (в письме 1768 г., предназначенном для ознакомления с ним Екатерины II)¹⁴¹.

Согласно этому “прожектору”, предполагалось “собрание в библиотеку всех книг и тетрадок российских, светских и духовных, печатных и писанных”, а также печатание “древних летописцев и разных других манускриптов, достойных любопытства”¹⁴². В какой-то мере прообразом Публичной библиотеки была своеобразная “общественная библиотека” в Строгановском дворце, “которой, как свидетельствует уникальный журнал посетителей 1780-х годов, пользовались императрица, М.И. и Р.И. Воронцовы, Е.Р. Дашкова, Н.И. Панин, историк Г.Ф. Миллер, писатель Сумароков и другие известные лица”¹⁴³.

Строганов, сразу же после назначения на новую должность, имея “всемерное попечение о скорейшем устройстве” Императорских библиотек, сформулировал деловые предложения о “соединении” их и о “Правилах чинам, служащим при Библиотеке”. При этом он считал необходимым установление в этой объединенной библиотеке единой системы, “устроенной по принятой в публичных знатнейших европейских библиотеках классификации,” и чтобы это собрание памятников письменности “в непродолжительном времени” можно было выставить “для публичного употребления”¹⁴⁴. Строганов убедил Павла I сохранить именно для Библиотеки здание, строительство которого в 1798 г. было прервано. Как пришлось констатировать позднее А.Н. Оленину, благодаря хлопотам и настойчивости Строганова Императорская Публичная библиотека “сохранила свое бытие”¹⁴⁵.

Строганов был убежден в важности ознакомления и с его личными лекциями. Показательно и то, что “просвещенной публике” музей в его петербургском дворце раз в неделю был открыт для посетителей; в саду пригородной дачи открыли библиотеку для публичного чтения¹⁴⁶.

В инициированном великим князем Николаем Михайловичем издании в 1905–1909 гг. “Русские портреты XVIII и XIX столетий” помещен очерк о портретируемых (тексты эти, “прекрасно, умно и талантливо” составленные, особенно “пленили” Л.Н. Толстого¹⁴⁷). Там читаем: “Строганов был русским меценатом в полном смысле этого слова: покровительствовал русским талантам как в искусстве, так и в литературе: Державин, Бортнянский, Богданович, Крылов пользовались его покровительством... Веселый и приветливый, он отличался юмором и умением вести интересные беседы; в своих действиях он был благороден”¹⁴⁸.

Среди просвещенных сановников второй половины XVIII – начала XIX в., личные качества и деяния которых оценивались бы столь однозначно положительно, можно назвать, пожалуй, лишь двоих. Это – отказавшийся от

¹⁴⁰ Там же. С. 29.

¹⁴¹ Там же. С. 36.

¹⁴² Там же. С. 30.

¹⁴³ *Сомов В.А.* О библиотеке графа Строганова. С. 126.

¹⁴⁴ Цит. по: *Грин Ц.И., Третьяк А.М.* Хрестоматия. С. 51–52.

¹⁴⁵ Там же. С. 27 (вступительная статья Ц.И. Грин).

¹⁴⁶ *Ландер И.Г.* Строганов А.С. // *Сотрудники РНБ.* Т. 1. С. 511.

¹⁴⁷ См.: *Шмидт С.О.* К изданию сборника трудов БАН памяти великого князя Николая Михайловича // *АЕ* за 1992 год. М., 1994. С. 271.

¹⁴⁸ *Знаменитые россияне XVIII–XIX веков.* С. 463.

графского титула Иван Иванович Шувалов, кому во многом обязаны образованием и Московского университета, и Академии художеств, и Александр Сергеевич Строганов. Строганова вскоре после его кончины оценивали однозначно и в личных письмах, и в предназначенном для публикации. Поэт К.Н. Батюшков в письме 1811 г. к другу и тоже поэту Н.И. Гнедичу образно охарактеризовал Строганова: “Был русский вельможа, остряк, чудака, но все это было приправлено редким великодушным сердцем”¹⁴⁹. В 1814 г. в ставшей сразу знаменитой “Прогулке в Академию художеств”, Батюшков так напишет о “незабвенных чертах нашего мецената”, “нежного и попечительного отца”: “Полезные советы, лестное одобрение знатока, *редкое добродушие, истинный признак великой и прекрасной души*, желание быть полезным каждому из нас, пламенная, но просвещенная любовь к отечеству, любовь ко всему, что может возвысить его славу и сияние...” (курсив мой. – С.Ш.)¹⁵⁰. А вот что писал сам Строганов: “Человек, действительно одушевленный любовью к добру, делает добро во все часы своей жизни, хотя бы оставался одинок, и хотя часто бывает, что о нем вовсе не знают; никакие человеческие учреждения не могут ни оскорбить, ни подкрепить в его характере этой благословенной склонности”¹⁵¹. И в центре плафона в огромном зале его дворца предписано было изобразить Минерву, поражающую Властолюбие, Зависть, Злость и Лесть¹⁵². П.А. Плетнев, опираясь на суждения близких ему людей, прежде всего И.А. Крылова и Н.И. Гнедича, писал еще при жизни великого баснописца об А.С. Строганове: “Ни почести, ни богатства, ни даже лета не изменили в нем прекрасного характера и возвышенно-чистых правил, которыми он всегда руководствовался в жизни”¹⁵³.

Признававшийся человеком высоких моральных достоинств, сын его Павел Александрович, достаточно близкий знакомый Дубровского по Парижу первых революционных лет, стал тогда особо приближенным к императору Александру I членом его “Негласного комитета”. Документация, убеждающая в особой роли Строгановых в судьбах и Дубровского, и Публичной библиотеки, когда зародился нынешний Отдел рукописей, опубликована и изучена Т.П. Вороновой, опиравшейся на архивные материалы РНБ. Усилиями Строгановых вопросы о передаче в Публичную библиотеку коллекции Дубровского, создания “Депо манускриптов”, о награждении и новой службе Дубровского были решены Александром I в конце января 1805 г.

В препровождающем Записку А.С. Строганова о коллекции Дубровского письме к П.А. Строганову, о содержании которого полагалось доложить императору (или даже ознакомить Александра с этим текстом), подчеркивается, что “драгоценности коллекции манускриптов” были Дубровским “собираемы для своего Отечества”¹⁵⁴. А в самой “всеподданнейшей просьбе” приводится сложившееся тогда мнение и о ценности коллекции, и об истории ее собирания: “Во время 20-ти летнего его пребывания в чужих краях он посвящал свободное от должности время на собрание Манускриптов по части древней истории и словесности. Неусыпное старание, пожертвование имущества и воспользование благоприятных случаев доставили ему в краткое время те нецененные древния рукописи, которые в Сент-Жерменском и в славном

¹⁴⁹ Цит. по: Строганов А.С. // РБС. СПб., 1909. Т. “Смеловский–Суворина”. С. 488.

¹⁵⁰ Батюшков К.Н. Опыты в стихах и прозе. М., 1978. С. 91.

¹⁵¹ Цит. по: НН. № 59/60. С. 29.

¹⁵² Там же. С. 37.

¹⁵³ Цит. по: Грин Ц.И., Третьяк А.М. Хрестоматия. С. 61.

¹⁵⁴ Цит. по: Воронова Т.П. Первые страницы истории “Депо манускриптов”. С. 12.

Корбийском аббатствах собирались целыми веками и навсегда бы оставались в обладании Франции, ежели бы бывшие там народные беспокойства не предали их в руки Дубровского. Единая многочисленность сей коллекции возбуждает уже всеобщее удивление...”¹⁵⁵

В написанной через несколько дней докладной записке А.С. Строганова Александру I о манускриптах Дубровского, где сообщается о результатах “личного обозрения” коллекции и “сличения с описаниями и копиями... в сочинениях” знаменитых “испытателей древности”, есть такое суждение, относящееся и к представлениям о создании этой коллекции: “Вообще сказать можно, что такого числа редкостей в руках частного человека никогда не находилось. Для собрания оных потребно было двадцатилетнее неусыпное рвение, благоприятные случаи, пребывание в Риме, Мадриде, Париже, и, напоследок, сама революция Франции, которая во время ужасных мятежей отверзла тайные хранилища”¹⁵⁶.

Благородный и доброжелательный А.С. Строганов почел возможным в первом же обращении к государю так написать: “...Но в самое то время, как Дубровский возвратился из чужих краев в Отечество свое, с тою лестною уверенностию, что он не только с ревностию исполнил священный долг службы, но еще обогатил Отечество свое неоцененными сокровищами древности, он получает известие, что лишился должности и вместе с нею способ к пристойному прожитию. В сем тягостном положении он находится уже близь пяти лет, и ежели б не ревностное желание, чтоб сия коллекция осталась внутри отечества его не удерживало, те выгодныя предложения Англичан, поныне ему делаемые, всеконечно соделали бы их обладателями оной” и далее о “столь достохвальном усердии к отечеству и произтекающем от онаго упорстве уступить свою коллекцию какому-либо иностранному Государству...”¹⁵⁷

Рескрипт императора о создании Депо Манускриптов и определении его хранителем Дубровского датируется 27 февраля 1805 г. Там сказано, что учреждению Депо манускриптов положено “начало посвящаемым надворным советником Дубровским в пользу Отечества драгоценным собранием”, и что это “особенное отделение” Библиотеки должно “находиться *единственно* под началом главного директора” (курсив мой. – С. III.). За четыре дня до этого указом императора Дубровский был восстановлен в Коллегии иностранных дел с чином надворного советника с 1 апреля 1801 г.; с получением из сумм этого ведомства компенсации в 15 тыс. рублей. Управление делами Министерства оставалось за канцлером и министром иностранных дел А.Р. Воронцовым, хотя с начала 1804 г. и номинально, поскольку он уволился в бессрочный отпуск, однако, уехав в свое имение, взял для деловой переписки несколько чиновников¹⁵⁸. Следовательно, такое распоряжение, видимо, согласовывалось и с ним; и от Воронцова могла поступить к Александру I дополнительная, положительная для Дубровского информация.

Дубровский передал государю (т.е. государству) свои сокровища на условиях предоставления ему права быть и впредь главным хранителем их и государственного обеспечения квартирой рядом с хранилищем и жалованьем. Конечно, патриотическому настрою Дубровского сопутствовало и естествен-

¹⁵⁵ Цит. по: Там же. С. 13.

¹⁵⁶ Цит. по: Там же. С. 17.

¹⁵⁷ Цит. по: Там же. С. 14.

¹⁵⁸ Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи 1802–1917: биобиблиогр. словарь. 2-е изд. СПб., 2002. С. 154.

ное для коллекционера по призванию души желание пожизненно находиться близ собранного им. И не Дубровский ли зачинатель в России благотворной традиции подобных же действий и предложений других коллекционеров-дарителей? Дубровский, несомненно, гордился тем, что именно его коллекцией положено начало деятельности Отделения рукописей в библиотеке и ему доверено благоустройство его и планирование работы. По существу, Дубровский в своем служении Отечеству начинал на шестом десятке от рода новую жизнь и, можно думать, ощущал себя очастливленным своим будущим, сразу же показав какими деловыми навыками, энергией и неутомимостью он еще обладает.

Степень научной подготовленности Дубровского к работе хранителя рукописей в Публичной библиотеке достойно охарактеризована в книге по ее истории, изданной в 1963 г. Текст этот следует привести полностью: «П.П. Дубровский был не только коллекционером, но и исследователем: многочисленные его пометы на рукописях, превращавшиеся подчас в развернутые аннотации, свидетельствуют о том, что он хорошо разобрался в содержании своих рукописей, умел их датировать, определять автора, а подчас и восстановить историю того или иного документа. Письма и документы с подписями королей, ученых, дипломатов, а иногда и неизвестных мелких чиновников, поступавшие к нему, как правило, поодиночке или в разрозненном виде, Дубровский подбирал по авторам, затем объединял по тематическому признаку в хронологическом порядке (например: “Письма деятелей XVI в.”, “Документы счетных палат”, “Донесения интендантов Сегье” и т.п.). Отдельно подбирались и классифицировались рукописные книги, которые были распределены по языкам. Поэтому собрание Дубровского имело основание стать ядром рукописных фондов Публичной библиотеки не только по своему содержанию, но и по своей структуре, по принципам организации материалов»¹⁵⁹ (курсив мой. – С.Ш.). Такие заключения сделаны на основании начавшегося в советские годы более интенсивного исследования рукописей из коллекции Дубровского и системы их описания и изучения коллекционером. И это особенно существенно, так как в прежних книгах по истории Библиотеки и ее Рукописного отдела о научной квалификации Дубровского судили лишь по тенденциозным отзывам А.Н. Оленина и подобранной в угоду этому негативному для Дубровского мнению документации библиотечного архива.

Дубровский изначально руководствовался лучшими зарубежными образцами, мечтал создать хранилище рукописей высшего современного уровня, даже по внешнему оформлению помещений его. Дубровский продолжал лично заниматься описанием, каталогизацией и системой размещения рукописей – в 1809 г. он рекомендовал выпускнику Московского университета, желающему стать служащим Публичной библиотеки в Петербурге, “осмотреть Университетскую библиотеку и применить к порядку ее распределения или классировке”, отмечая: “Сим предметом, по части манускриптов, я сам теперь занимаюсь...”¹⁶⁰ (курсив мой. – С.Ш.).

Дубровский особенно старался успешно реализовать программу материального обеспечения хранения в Библиотеке манускриптов. Для них заказывались переплеты (притом разные для рукописей неодинаковой “ценности”), особые шкафы. К этому был привлечен тогда уже ставший знаменитым ар-

¹⁵⁹ История государственной ордена Трудового Красного Знамени Публичной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1963. С. 19. Гл. 3: Начальный период собирания рукописных фондов.

¹⁶⁰ Письмо П.П. Дубровского Н.Ф. Грамматину 1809 г. / подг. публ. А.В. Мельников, см. наст. изд. С. 396.

хитектор А.Н. Воронихин, занимавшийся до того оборудованием помещений библиотек во дворце А.С. Строганова¹⁶¹. В докладной записке от июня 1805 г. А.С. Строганов обосновывает важность “единовременного пожалования” на эти расходы, с точным указанием требуемой суммы. Совершенно очевидно, что докладная записка императору о приведении в устройство “учрежденно-го при Императорской библиотеке Депо манускриптов” в деловой своей части подготовлена Дубровским. В докладной записке Строганова сформулированы и музейно-просветительские задачи, и соображения о дальнейшем пополнении “Депо” рукописями. “Депо”, подобно всей библиотеке, предназначение которой приносить “общественную пользу”, должно быть открыто “для просвещенной публики”, и потому “отведенные... в Императорской библиотеке комнаты требуют исправления и некоторых переделок”.

Сразу же уведомляют императора и о широко задуманном проекте сосредоточения там рукописей, находящихся пока в других “архивах” и оставшихся невостребованными при занятиях отечественной историей. Обоснование этой программы показательны не только для представления о замысленном Дубровским при поддержке Строгановых, но и об уровне научно-исторического сознания в России тех лет.

Намерения П.П. Дубровского были близки представлениям самого А.С. Строганова, выраженным публично в сделанном по его предложению дополнении к уставу Академии художеств, утвержденном 22 октября 1802 г.: Академия впредь должна была ежегодно задавать “программы” для живописи и скульптуры по тематике “отечественной истории”, дабы “предать бессмертию славу великих людей, заслуживших благодарность отечества, и воспламенять сердца и разум к последованию по стопам соотечичей наших”. Темой можно было избирать и деяния “великих мужей российских” и “знаменитое происшествие, которое имело влияние на благо государства”¹⁶². Н.М. Карамзин сразу же откликнулся напечатанием в редактируемом им журнале “Вестник Европы” (1802. № 24) статьи “О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств. Письмо к господину NN”.

Показательно самое уже начало письма, где развиваются мысли, сформулированные еще в 103-м письме “русского путешественника” из Парижа в период тесного общения автора с Дубровским: “Мысль задавать художникам предметы из отечественной истории достойна вашего патриотизма и есть лучший способ оживить для нас ее великие характеры и случаи, особливо пока мы еще не имеем красноречивых историков, которые могли бы поднять из гроба знаменитых предков наших и явить тени их в лучезарном венце славы. Таланту русскому всего ближе и любезнее прославлять русское – в то счастливое время, когда монарх и самое провидение зовут нас к истинному народному величию. Должно приучить россиян к уважению собственного: должно показать, что оно может быть предметом вдохновений артиста и сильных действий искусства на сердце...” И далее: “Я не верю той любви к отечеству, которая презирает его летописи или не занимается ими: надобно знать, что любишь; а чтобы знать настоящее, должно иметь сведения о прошедшем”.

Восхваляя Академию за то, что в стенах ее уже написаны три картины, которые “представляют нам важные эпохи российской истории” (“Взятие Ка-

¹⁶¹ Ландер И.Г. Строганов А.С. // Сотрудники РНБ. Т. 1. С. 511.

¹⁶² Карамзин Н.М. Соч.: в 2 т. Л., 1984. Т. 2. С. 402.

зани”, “Избрание Михаила Феодоровича” и “Полтавское сражение”), Карамзин благодарит А.С. Строганова за “честь доверенности” – приглашение подсказать темы других картин и скульптур исторического содержания: “Зная совершенно историю нашу, имея вкус просвещенный и любовь к художествам... вы еще хотите советоваться с другими в рассуждении дальнейшего выбора предметов для живописцев и ваятелей”¹⁶³. Карамзин не только называет исторические темы, но и пишет о своем видении изображаемых событий, в частности, “басни о смерти Олеговой”. Полагают, что “возможно, рассказ Карамзина послужил... источником” Пушкину, когда он сочинял в 1822 г. “Песнь о вещем Олеге”¹⁶⁴.

Любопытно в плане именно нашей темы предложение изобразить, как Ярослав Мудрый благословляет дочь свою Анну на брак, отдавая ее “послам французским”. Карамзин особенно подробно обосновывает “всю историческую достоверность” такого “замужества Анны”, хотя “некоторые из критиков российской истории не хотят верить, чтобы Генрих I, король французский, был женат на Ярославовой дочери Анне, потому что летописи наши молчат о сем браке”. Возражая им по четырем пунктам, после указания на то, “что наши летописи весьма неполны”, отмечает, что “все французские (хроники. – С.Ш.) согласно называют супругу Генриха русскою принцессою Анною, дочерью Ярослава (имена, которые без сего случая едва ли могли бы им быть известны)”¹⁶⁵, – не информация ли, полученная от Дубровского, в основе этого утверждения? В конце статьи-“письма” Карамзин призывает установить “статую Минина” в Нижнем Новгороде, к мнению его прислушались: уже в 1803–1804 гг. общественностью был объявлен сбор средств, и профессор Академии художеств И.С. Мартос приступил в 1804 г. к работе над памятником (который установят в Москве в 1818 г.).

Сопоставим эти данные с датами других событий: Карамзин в ту пору и самый видный писатель России (Державин был глубоко почитаем как поэт, но воспринимался как классик ушедшего уже XVIII столетия), и руководитель издания самого читаемого тогда журнала “Вестник Европы”, публикует в своем журнале “Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице” и обретшую сразу большую популярность повесть “Марфа Посадница, или Покорение Новгорода”. 13 декабря 1803 г. он был назначен Историографом для написания многотомной “Истории государства Российского”. В 1804 г. возникает Общество истории и древностей российских при Московском университете; в 1806 г. преобразуется в музей Оружейная палата в Кремле – Музей был открыт в 1813 г., но уже в 1807 г. вышла книга А.Ф. Малиновского “Историческое описание древнего Российского музея, под названием Мастерская и Оружейная палаты, в Москве обретающегося” – первое иллюстрированное издание, посвященное музею¹⁶⁶. Все более ощутимым становится значение и для познания прошлого, и для развития современной культуры издание в 1800 г. “Слова о полку Игореве”, подготовленное учеными из кружка графа А.И. Мусина-Пушкина¹⁶⁷.

¹⁶³ Там же. С. 154, 155.

¹⁶⁴ Там же. С. 402.

¹⁶⁵ Там же. С. 159–160.

¹⁶⁶ См. об этом: *Смирнова Е.И.* Оружейная палата. XIX век // Сокровищница России: страницы исторической биографии музеев Московского Кремля. М., 2002. С. 31.

¹⁶⁷ *Шмидт С.О.* Первое издание “Слова о полку Игореве” в развитии культуры России // 200 лет первому изданию “Слова о полку Игореве”: материалы юбилейных чтений по истории и культуре древней и новой России (Ярославль–Рыбинск, 27–29 августа 2000 г.). Ярославль, 2001. С. 11–22. Перезд. в кн.: *Шмидт С.О.* История Москвы и проблемы москвоведения. М., 2004. С. 110–121.

Все интенсивнее разворачивается собирательская деятельность комиссионеров, обогащающих коллекцию старины графа Н.П. Румянцева; расширяется тематика трудов об источниках по “местнографии” Е. Болховитинова и других знатоков церковной и гражданской истории и ее памятников (их с XX в. называют краеведами); стараются уже систематизировать сведения и о тех, кто изучал историю и культуру России. В 1806 г. напечатана работа А.Н. Оленина о Тмутараканском камне. Премьера патристической пьесы В.А. Озерова “Дмитрий Донской” в январе 1807 г. превращается в общенациональное событие. Это – взаимосвязанные явления общественной жизни, показательные для тенденций культурной политики времени, которое Пушкин определил как “дней Александровых прекрасное начало”.

Понятно, что подписанная А.С. Строгановым докладная записка о приведении в устройство “Учрежденного при Императорской библиотеке Депо манускриптов” от июня 1805 г. в значительной мере является заготовкой Дубровского. И текст этой докладной записки представляет интерес для ознакомления со стилистикой написанных Дубровским служебных документов с характерным вкраплением фразеологии, типичной для историко-философских сочинений Века Просвещения. Так, в этой небольшого объема записке, подготовленной для самых высших инстанций, элементы рассуждений достаточно широкоохватного плана: “Древность и драгоценность рукописей, ныне сей Депо составляющих (т.е. рукописей коллекции самого Дубровского и, возможно, передаваемой туда коллекции Залуских. – С.Ш.), всеконечно представляют просвещенному посетителю достаточное число предметов к удовлетворению его любопытства и к обогащению его полезными и новыми историческими сведениями; но, между тем, польза сия была бы гораздо ощутительнее, ежели б сие хранилище вмещало в себе также все в монастырских и других архивах имеющиеся рукописи, объясняющие отечественную Историю нашу, или имеющие связь с оною. Сии в неизвестности погребенныя и в углу какого-либо монастыря истлевающие Манускрипты принесут не малую пользу в сем Депо и попечительным за ними присмотром будут сохранены от разрушения. С какою удобностью может тогда Историк приступить к начертанию отечественной истории, между тем, как раздробленные ныне источники, затрудняя собирание их, останавливают его в столь похвальном и полезном подвиге”.

И сразу вслед за этим следует очень существенное в плане данного небольшого исследования о Дубровском обращение с просьбой: “А по сему самому я приемлю смелость испросить Всемиловитвейшее Вашего императорского Величества позволение, дабы по приведении в порядок как поднесенных, так равно и тех рукописей, кои находятся ныне в Императорской библиотеке, войти к вашему Императорскому Величеству с *всеподданнейшим докладом*, каким образом укомплектовать сей Депо отечественными рукописями” (курсив мой. – С.Ш.)¹⁶⁸.

Напомним, что, приступив к обязанностям руководителя работы в Библиотеке, Строганов еще в докладе императору Павлу I 1800 г. обозначает важность “сочинения обстоятельной, верной и наилучшей истории Российской”¹⁶⁹. И в Депо манускриптов уже в 1806 г. передали обнаруженную в Зимнем дворце в 1805 г. среди оставшихся после кончины Екатерины II докумен-

¹⁶⁸ Цит. по: Воронова Т.П. Первые страницы истории “Депо манускриптов”. С. 20–21.

¹⁶⁹ Ландер И.Г. Строганов А.С. // Сотрудники РНБ. Т. 1. С. 512.

тальных памятников древнейшую из датированных славяно-русских рукописных книг Остромирово Евангелие 1056–1057 гг.¹⁷⁰

Определяя программу деятельности Депо манускриптов и пропагандируя идею концентрации там погибающих в монастырях древних рукописей, А.С. Строганов мог опираться и на информацию, полученную от других вельможных коллекционеров – прежде всего графа А.И. Мусина-Пушкина и графа Н.Н. Румянцева, имевших клиентуру собирателей памятников старины, и на мнения ученых – знатоков российских древностей.

Однако перед тем, как перейти к рассмотрению вопроса о содержании и составителях доклада об обогащении Депо манускриптов древними рукописями, следует отметить, что Дубровский изначально собирал не только памятники старины, но и написанное современниками, и уже в первое время своего пребывания в Париже стал обладателем и иллюминированного кодекса XV в., и рукописей Жан-Жака Руссо. Сразу же он осознал научное значение собрания написанного современными ему россиянами, причем не только тех, кто имел широкую известность – и потому Дубровский может быть признан одним из зачинателей коллекционирования в России автографов писателей-современников.

И это было быстро высоко оценено: писатель А. Писарев, передавая автографы Фонвизина (черновики писем и начало одной из комедий) и Княжнина, писал, что именно так “самая их тленность переживет век”¹⁷¹. Г.Р. Державин тогда же с дарственными надписями передал Дубровскому две рукописи: собрание стихотворений с иллюстрациями, сделанными А.Н. Олениным, поднесенное ранее, в 1795 г., императрице Екатерине II, и вариант трагедии “Темный”, где написал: “Подарен сей *черновой манускрипт* Петру Петровичу Дубровскому 1811 года, генваря 11 дня. Г. Державин” (курсив мой. – С.Ш.)¹⁷². Тем самым демонстрировалась важность сохранения для автора материалов творческой лаборатории. Все это предопределяло тенденцию пополнения Депо манускриптов рукописями и российских авторов новейшего времени, и современников.

В связи с подготовкой “всеподданнейшего доклада, каким образом укомплектовать... Депо отечественными рукописями” (на что испрашивалось разрешение в докладной записке А.С. Строганова императору) был составлен “План Путешествия по России для собирания древностей, представленный 1-го ноября 1805 г.” (как означено в заголовке рукописи)¹⁷³. Этот текст был передан, можно полагать, А.С. Строганову (или в его секретариат) для использования при подготовке “всеподданнейшего” доклада.

Текст “Плана” опубликован в 1902 г. В.А. Билбасовым¹⁷⁴ по рукописи из архива адмирала Н.С. Мордвинова (1754–1845), видного государственного деятеля и экономиста. А.В. Сиренов, знакомившийся по моей просьбе с рукописью, выявил значительную небрежность в издании ее текста и отсутствие некоторых примечаний. По получении ксерокса убедился в вольном обращении с рукописным текстом, начиная с передачи заголовка и невключения в изда-

¹⁷⁰ Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984. С. 34.

¹⁷¹ Демин А.С. Корпус драматических сочинений Г.Р. Державина: издания и рукописи // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998–1999 гг. СПб., 2003. С. 11.

¹⁷² Цит. по: Воронова Т.П. Первые страницы истории “Депо манускриптов”. С. 20.

¹⁷³ РГИА. Ф. 994 (Мордвиновы). Оп. 2. Д. 460. Лист, современный тексту без нумерации, предваряющий рукописный текст.

¹⁷⁴ План путешествия по России для собирания древностей // Архив графов Мордвиновых. СПб., 1902. Т. 3. С. 588–614. (Напечатано под № 898 в V разделе тома, озаглавленном “Археологические изыскания”.) См.: РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 460. Л. 1 об.

ние листа с “Содержанием”. Не напечатаны концовка и примечания, важные для установления авторства времени написания основного текста и добавлений к нему. Не оговорено то, что некоторые примечания (об исторических лицах и другие) внесены в издание уже при публикации.

Рукопись издана так небрежно и неквалифицированно, что возникает вопрос: не следует ли сверить соответствие архивным подлинникам в других трудах В.А. Бильбасова. Но, скорее всего, занявшийся публицистикой и отошедший от занятий историей с 1890-х годов Бильбасов поручил подготовить издание тому, кто не был достаточно осведомлен о практике археографической работы.

Поэтому в дальнейшем изложении цитаты приводятся по ксероксу рукописи. Целесообразно ознакомить и с полным заголовком (он приведен чуть выше), и с тем, что написано на обороте первого листа и не включено в издание. Заголовок этого листа – “Содержание”. Слово это подчеркнуто волнистой линией. А далее, абзацами, заголовки разделов: “I. О пользе манускриптов Руских”; “II. О пользе вообще всех Древностей, в России находящихся”; “III. Изыскание Древностей, необходимее всего для России”; “IV. Где ныне находятся Руския Древности?: А. – в России, Б. – в чужих краях”; “V. Каким образом собрать их?”; “Проект-инструкция, и прч.”

В основном тексте рукописи есть отличия от заголовков разделов в оглавлении (т.е. на листе, имеющем заголовок “Содержание”): заголовок I раздела – “О пользе Манускриптов, или Древних рукописей” (л. 2), заголовок II раздела – “О пользе вообще всех Древностей или антиков” (л. 7 об.), заголовок III раздела – “Изыскание Древностей необходимее всего в России” (л. 11 об.), V раздела – “Каким образом собрать их, чтобы составить всеобщий музей Древностей Русских” (л. 30). Текст наименования и заголовочное слово “Содержание” на I листе рукописи написаны более крупным и каллиграфически отделанным почерком. Вероятно, уже после составления текста рукописи – для “представления” 1 ноября 1805 г.

В самом конце рукописи имеется такой текст (не напечатанный издателями) – “Примеч. Проект повестки и Указа составляются до приведения в действие сего плана” (л. 38) (курсив в рукописи. – С.Ш.). А в конце подраздела с заголовком на полях рукописи “Проект” читаем: “Примеч. Прочия подробности сего путешествия и нужные к оному дополнения могут быть сделаны удобнее в то время, когда одобриться самое намерение” (л. 33 об.) (курсив в рукописи. – С.Ш.).

Очевидно, что План (так и будем далее называть рукопись) – это только предварительные материалы к докладу Строганова или части его. Это – текст на 38 листах с оборотами большого, принятого в официальной документации, формата. На полях некоторых листов отмечена нумерация “тетрадей”: “т. 1-я” – на листе с заголовком “Плана”; “т. 2-я” – на л. 9; “т. 3-я” – на л. 7; “т. 4-я” – на л. 25; “т. 5-я” – на л. 33. (Впрочем, это может быть указанием на переписку из “тетрадей”.) Текст занимает лишь правую половину листов; на левой – чистой – стороне: заголовки разделов, примечания, а также некоторые заголовки “подразделов” для удобства при обращении к тексту: при описании “путей” обследования “главнейшие в них пункты” (л. 25, 26, 29). На л. 8 в разделе II, где перечисляются вещественные памятники, на полях отмечено: “Искусственные изделия” и ниже возле соответствующего текста: “1. Орудия военныя”; “2. Уборы конские”; “3. Орудия стеноломныя”; “4. Снаряды возничныя”; “5. Домашния утвари”; “Церковныя утвари”; на следующем листе: “Одежда древняя” (л. 8 об.), и т.п.

После рассуждений более общего характера (существенных, впрочем, для понимания круга исторических познаний и общественно-политических воззрений автора) такое резюме, выраженное в свободной стилистической форме (близкой даже к разговорному жанру): “Скажу короче: 1-е, нам надобно поторопиться отыскать свои Древности, пока они совсем неразпропали. Теперь дано уже о сем некоторое понятие; внимание на сию часть пробудилось; частные люди будут стараться захватить их в свои руки; и тогда от сих тщеславных любителей ни за какие деньги получить их невозможно будет. Второе: без помощи Древностей мы не будем никогда иметь настоящей истории. Долго ли нам переписывать одного Нестора и Никона” (л. 17–17 об.). Тут не только наблюдения причастного к антикварной деятельности, но опять-таки прямое воздействие восприятия написанного (а быть может, и сказанного?) Карамзиным – как раз в цитированном уже 106-м письме из Парижа такие слова: “Можно выбрать, одушевить, раскрасить; и читатель удивится, как из *Нестора, Никона* и проч. могло вытти нечто привлекательное, сильное, достойное внимания не только Руских, но и чужестранцев” (курсив мой. – С.Ш.)¹⁷⁵. И у Карамзина, и Дубровского “Нестор” и “Никон” – это обозначение принятых наименований древнерусских летописей.

Задачей “путешествий” (экспедиций) мыслилось выявление, фиксирование, а если удастся, и изучение и собирание всех памятников древности. Ныне, руководствуясь уже современными представлениями о предмете и наименовании отраслей исторической науки, можно, вслед за В.П. Козловым¹⁷⁶, характеризовать изложенное в “Плане” как “план археолого-археографического исследования”. В “Плане” предпринята попытка обоснования главных маршрутов (четырех в Российской империи и зарубежных) и составления “итинирера их, или путевого хода”. Может быть, Дубровскому пригодился не только опыт знакомства с зарубежными итинерариями (путеводителями) по “историческим местам”, но и составление своих “путешественных записок” по юго-западной Европе и использования при этом справочных, а также – если употребить современную терминологию – рекламных сочинений.

В.П. Козлов, насколько известно, первым отметил значение “Плана” в истории развития отечественной исторической мысли и особенно в истории развития специальных исторических дисциплин в начале XIX в. еще в книге 1988 г. «Кружок А.И. Мусина-Пушкина и “Слово о полку Игореве”». Затем он вернулся к этим соображениям в книге 1999 г., на страницы ее и даются ссылки в этой работе: “План Дубровского, – отмечает В.П. Козлов, – представлял собой тщательно и всесторонне продуманный замысел комплексного изучения всевозможных древностей на территории Российской империи. Он был пронизан идеями их централизованного разыскания и хранения (вплоть до изъятия таких древностей из хранилищ церковного ведомства) и использования в интересах патриотического воспитания и просвещения. Столь всеобъемлющий план разыскания древностей в России не выдвигался, вплоть до знаменитого проекта археографического обследования России П.М. Строева”¹⁷⁷.

Думается, однако, что “План” Строева был менее “всеобъемлющим”, чем “План” Дубровского, поскольку там внимание было уделено собственно археографической работе (причем в широком понимании задач археогра-

¹⁷⁵ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 252.

¹⁷⁶ Козлов В.П. Российская археография конца XVIII – первой четверти XIX века. М., 1999. С. 69.

¹⁷⁷ Там же. С. 69–70.

фии – как науки о выявлении, собирании, описании, публикации документальных памятников). “План” же Дубровского сам Козлов называет планом “археолого-археографического обследования” (курсив мой. – С.Ш.). II раздел целиком посвящен задачам археологической работы, а III в какой-то мере также и задачам работы этнографов (причем по истории и русского, и других народов нашей страны). Текст II раздела начинается со слов: “Не одне рукописи составляет богатство Древностей России”; и указывает на то, что другие “антики” (от фр.: *antique* – древний) более важны “к познанию обычаев и рукоделий” (л. 7 об.) древних народов. Дается и классификация тех исторических источников, которые ныне относим к типу “вещественных”. Дубровский среди памятников истории и культуры, подлежащих фиксированию и изучению в экспедициях, рукописи выделяет особо, когда пишет: “Древние Русские Антики и рукописи отыскать можно путешествиями” (курсив мой. – С.Ш.) (л. 30 об.).

Уже из заголовка V раздела “Плана” явствует, что поставлена задача создания “всеобщего Музея древностей русских” (л. 31). Обосновывается мысль и о “присоединении Музея древностей русских к Делу манускриптов” (л. 17), даже провозглашается: “Музей древностей славянских и, следовательно, русских составил бы великую редкость в Европе...” (л. 11) (курсив в рукописи. – С.Ш.). Тем самым “План” может восприниматься и как ранний (и к тому же, кажется, не учтенный историками музейного дела) проект образования исторического музея в России.

Строев не мог не знать о результатах и даже о ходе работы участников “археографического путешествия” К.М. Бороздина, А.И. Ермолаева и их спутников, начавшегося в 1809 г., а они, как утверждает В.П. Козлов, «совершенно очевидно... руководствовались именно этим “Планом”»¹⁷⁸. Можно предполагать, что Строев, разрабатывая в деталях свой проект, знакомился с “Планом” 1805 г. Следовало бы детально сопоставить и написанное предварительно Строевым и реализованное его экспедицией с тем, что упоминается в этом “Плане” и рекомендовано при выборе маршрутов. Быть может, что-либо отложилось в личном архиве Строева?

В.П. Козлов имел основание констатировать: «В проекте Дубровского, таким образом, собирание, копирование и “обнародование” исторических источников впервые выделяется в некую самостоятельную область приложения творческих усилий» (курсив мой. – С.Ш.)¹⁷⁹. По существу, это широкая программа памятниковознания (теперь в научном обиходе принят термин “памятниковедение”) и государственной деятельности в этом направлении. Тем самым опыт, накопленный академическими экспедициями по изучению природного наследия России, предлагалось использовать при изучении нашего культурного наследия (в том числе и находящегося за рубежом).

К.М. Бороздин, направленность экспедиции которого в 1809 г. была по существу предначертана еще в “Плане” 1805 г., замечает в первом “письме” своего путевого дневника, напоминая об академических экспедициях XVIII в. и называя славные имена их руководителей (и именуя при этом авторов ученых описаний “знаменитыми писателями”): “Много было в России путешествий... Однакож могу заметить здесь, что главный и единственный предмет их был всегда естественная история и ея отрасли. Древностей они или совсем не описывали, или описывали их только поверхностным образом, и то мимо-

¹⁷⁸ Там же. С. 70.

¹⁷⁹ Там же. С. 258.

ходом. Следовательно, путешествие мое есть в России почти первое в своем роде”¹⁸⁰.

Пафос этого “Плана”, литературно отделанного и одновременно конкретно-деловитого, обнаруживается особенно явственно в отношении автора к рукописям, к их собиранию и сохранению. И уже с первых же фраз читаем: “Польза древних рукописей признана повсеместно. Ученые люди знают их цену, любители – их достоинство. Государи всех народов и времен полагали за тщеславие хранить у себя сии драгоценные остатки, как единственные залоги прошедшего” (л. 2). И далее, в заключительной части первого раздела: “...изъяснив пользу, происходящую от приобретения рукописей, должно заметить, что собирание их не основывается на одном любопытстве или удовольствии тщетном. Охота к собиранию эстампов, минералов, медалей не равняется с сею. Собирание рукописей древних есть *Государственная необходимость образованного народа*. Ни один не пренебрегал ею в просвещенные веки” (л. 6 об.–7) (курсив мой. – С.Ш.). И самые последние слова в разделе: “Приобретения сии не могут цениться деньгами” (л. 7).

Предназначение “Плана” стать лишь предварительным материалом для подготовки и доклада государю и проекта, рассчитанного на выделение определенных средств, видимо, обусловило своеобразие стиля этого сочинения: если “Проект” и “Инструкция” по характеру своему – деловые бумаги, с указанием даже денег, необходимых на расходы по организации археологов-археографической экспедиции, то предыдущие разделы, и особенно первый – это научно-информационный, и даже литературно-публицистический текст. Быть может, составитель “Плана” имел намерение после ознакомления с этим сочинением Строгановых и одобрения ими его предложений оповестить о своих соображениях, о задачах и плане “Путешествия по России для собирания древностей” и более широкую публику?

В.А. Бильбасов в первом же примечании к публикации этой рукописи замечает: “Кто мог быть автором этого плана? Мы можем указать в виде догадки, только на Петра Дубровского, подробности о котором сообщены кн. М. Оболенским в Библиограф. записках, I, 155”¹⁸¹. Вероятно, Бильбасов не был осведомлен о том, что сведения о Дубровском и в изданиях последующих лет – в трудах А.Д. Ивановского, напечатанных в Киеве (хотя Бильбасов и преподавал в 1866–1871 гг. в Киевском университете¹⁸², а статья Ивановского “Несколько слов о киевском уроженце Петре Дубровском, замечательном собирателе книг и рукописей”, напечатана в 1869 г. в “Киевлянине”), А.А. Васильчикова – в бартеневском “Русском архиве” и др.

В.П. Козлов в своей книге придерживается того же мнения, употребляет определения “проект Дубровского”, “план Дубровского”, но в то же время и осторожен в суждениях об авторстве “Плана” и оговаривает: “Этот План мы приписываем Дубровскому условно, поскольку прямых доказательств о том, что он разработан им, у нас, нет”¹⁸³. Однако, ссылаясь в примечаниях к книге на публикацию “Плана”, неизменно ставит перед заголовком публикации в квадратных скобках: “Дубровский П.П.”

¹⁸⁰ Путешествие по России 1809 г.: 10 писем К.М. Бороздина к А.Н. Оленину / подг. к печ. А.И. Алексеев // Источник. 1999. № 5. См. также: Тимофеев Л.В. В кругу друзей и муз: Дом А.Н. Оленина. Л., 1983. С. 74.

¹⁸¹ Архив графов Мордвиновых. Т. 3. С. 588. Примеч. 1.

¹⁸² Подольская И.И. Бильбасов В.А. // Русские писатели. 1800–1917: биограф. словарь. М., 1989. Т. 1. С. 268.

¹⁸³ Козлов В.П. Указ. соч. С. 380.

Но автограф ли это именно Дубровского? Уверенности в этом нет, так как выявляется и сходное с известными его автографами эпистолярии и непохожее. Следует при этом иметь в виду, что документы, предназначенные для публичного ознакомления, тем более направляемые в высшие инстанции, различаются обычно и по почерку, и по уровню чистописания, и по соблюдению правил внешнего оформления от частной переписки. Тем более это могло быть показательно для Дубровского, выделявшегося – как отмечали еще в начале его дипломатической карьеры – каллиграфическим мастерством. Это явственно заметно при сличении почерка его писем, направленных из Парижа А.Р. Воронцову, и наспех написанного письма к А.А. Бобринскому.

Показательно наличие и в “Плане”, и в письмах российского периода жизни Дубровского своеобразной особенности – ставить зачастую вместо запятой двоеточие (что заметил А.В. Мельников). Он же обратил внимание на помету внизу последнего листа “Плана”: “Ноябрь 13-го числа 1805 г. в С.П.-бурге” (л. 38). Не перевод ли это с общепринятого в России календаря для удобства долго прожившего за границей Дубровского и занимавшегося там, по служебному положению, прежде всего оформлением документов, на привычный ему новый календарный стиль, и потому вместо указанного в заголовке “Плана” “1 ноября” в помете – “13 ноября”?

Удостовериться окончательно в авторстве “Плана” можно будет лишь после выявления другого экземпляра этого текста или его вариантов, или какой-либо служебной документации (архивной или печатной) со сведениями об авторстве интересующей нас Записки – “Плана”.

Сочинение “Плана”, а тем более статей в журналах, на которые составитель ссылается как на авторские, требовали специальных знаний, особенно статья об историографии в журнале “Корифей” – ведь это, по существу, – первое в России историографическое сочинение обзорного типа и такой библиографической насыщенности. Статья эта – показатель эрудиции ее автора, а эрудиция обретается опытом многих лет работы и формируется путем постоянного ознакомления с новой литературой.

Можно полагать, что Дубровский, видимо, имел подборку трудов историков и главное – справочных изданий с информацией и об этом в своей личной библиотеке. Т.П. Воронова отметила, что “самая важная часть”, вывезенных им из Франции книг, это – “справочные издания, биографические, толковые и языковые словари, исторические и географические справочники, труды по палеографии и дипломатике”¹⁸⁴. “План” – свидетельство основательно выработанной культуры научного труда. “План” рассматривает пути развития отечественной археографии (да и отечественной исторической науки в целом) в контексте достижений специальных историко-филологических дисциплин в Западной Европе и обнаруживает познания автора и во всемирной истории, и в историографии, и основательную осведомленность (едва ли не визуальную) о зарубежных хранилищах манускриптов, музеях.

В основном тексте “Плана” – немало специфических ассоциаций, восходящих к французским впечатлениям (о картинах Давида, “диссертациях” французов и др.). Авторство подтверждается словами самого “Плана”, особенно указаниями на то, что побудило обосновать программу “путешествия” для пополнения источниковой базы трудов по отечественной истории: «Сии уважения заставили меня напоминать о путешествии еще с 1802 года (к этому месту примечание: “В 1-й и 2-й книге Корифея и в журнале Лицей и

¹⁸⁴ Воронова Т.П. Личная библиотека П.П. Дубровского. С. 127.

пр.” – л. б); но по открытии Депо манускриптов, мысль сия зделалась для меня столь занимательною, что я осмелился представить Правительству сей лист, полагая, что многие другие любители сделают то же; и что общее сличение мнений о сем предмете тем скорее побудит его в действие» (л. б об.).

Напомним, что именно в 1802 г. – как указывалось выше – в Академии художеств (т.е. А.С. Строгановым) рекомендовались программы по темам отечественной истории, и Н.М. Карамзин напечатал статью о том, что могло бы стать в этой связи “предметом художеств”. Первые разделы “Плана” сразу же обращают мысль к Карамзину, с которым Дубровский рассуждал в Париже о перспективах изучения отечественной истории. Сходство подходов к выделению и классификации вещественных источников обнаруживается при сравнении с вводной справкой “Об источниках Российской истории до XVII века”, предваряющей основной текст первого тома “Истории государства Российского”.

“План” – не только в русле умонастроений Карамзина, в то время уже полностью отдавшегося написанию истории России и ставшего официальным Историографом, но там выделены текстуальные воздействия рассуждений Карамзина о том, что следует признавать “хорошей историей” в “Письмах русского путешественника” (и как раз в письмах из Парижа). На л. 4 есть примечание, объясняющее какой должна быть “история”: “Т.е. хорошей истории, такой как Гиббонова, такой как Прусская г. Миллера, итальянская Гвичарлини и проч.” Характерное для литературной стилистики Карамзина – наименование летописей (“Нестор” – по имени летописца, “Никон” – по имени владельца в XVII в. патриарха Никона), как уже отмечалось.

Особенно существенно то, что в “Плане” же – предложения не вообще о собирании рукописей и изготовлении рисунков “древностей”, а именно для Депо манускриптов. В 1805 г. такие намерения мог осмелиться публично выражать только руководитель этого отделения Библиотеки.

Странным может показаться примечание на л. 33 (не воспроизведенное в издании): “Проект сей, как поданный начальнику онаго Депо, клонился к тому, чтобы рукописями приумножить Депо, впрочем, как повелено будет”. Не свидетельствует ли это о каком-то проекте, представленном кем-то Дубровскому? Может быть, и так; но допустимо и другое объяснение появления такого примечания как раз в этом месте “Плана”. Примечание помещено на полях рядом с основным текстом, где упоминается именно Депо манускриптов: “Миссионерам”, т.е. посылаемым для выявления и сбора древностей, после осмотра “монастырей, библиотек, ризниц, берегов рек и проч.” рекомендовалось “найденные вещи”, описав, “отсылать... при своем рапорте и реестре начальнику депо”, которому “поданы” эти документы о рукописях и сами рукописи, и дано право дальнейшего распоряжения ими.

Можно, казалось бы, предположить, что автором “Плана-записки” был Константин Матвеевич Бороздин, возглавивший затем экспедицию 1809 г. Письма его к А.Н. Оленину (путевой дневник) известны пока только по копии, так что почерковедческие наблюдения здесь не применимы. Но в первом же письме о том, что сбилось его “давнившее... желание путешествовать по России”, формулировка: путешествие “первое в своем роде”, фраза: “Государь Император с благоволением принял *мое намерение*, взял под свое высокое покровительство...” (курсив мой. – С.Ш.)¹⁸⁵. Тут речь могла идти и об идее самого плана “путешествия”, и стремлении его осуществить, и только лишь о

¹⁸⁵ Источник. 1999. № 5.

намерении реализовать имеющийся план. Вряд ли текст *всего* “Плана путешествия по России для собирания древностей” мог быть написан Бороздиным: слишком разнится стиль его “писем” Оленину, характерный для автора, воспринявшего многое из новейшей литературы рубежа XVIII–XIX столетий, и основной текст “Плана”, близкий к тому, как принято было писать еще в XVIII в. Да и вряд ли Бороздин в возрасте 21 года мог уже составить столь эрудированные сочинения, как помещенные в изданиях 1802 г. (о чем упоминается в примечании на л. б).

В то же время очень маловероятно, чтобы Дубровский, получивший в заведование только что образованное Депо манускриптов и столь привязанный к своей коллекции, к которой проявляли тогда такой интерес нуждавшиеся в его разъяснениях, хотел бы сам тогда отправиться в длительное путешествие. Да и работу в Депо не на кого было оставить в период его отсутствия. К тому же Дубровский был уже в возрасте. И вероятно, что он изначально замыслил привлечь более молодых знатоков-энтузиастов к осуществлению предложенного им “Плана”. И таким представлялся как раз Бороздин, уже в 1805 г. подвизавшийся и как исторический писатель¹⁸⁶.

Более того, Бороздину, имеющему опыт службы в правительственных учреждениях, могло быть предложено (или он сам предложил свои услуги) принять участие в составлении “Плана”, точнее его последней части “Проекта-инструкции” с соответствующими финансовыми расчетами и программой конкретных действий (и тогда находим объяснение и только что упомянутому примечанию на л. 33). И если это так, то Бороздин является в определенной мере соавтором “Плана”. Причем Бороздин мог консультироваться с Ермолаевым, имевшим уже определенный опыт участия в “археографическом путешествии” 1802 г. Впрочем, к Ермолаеву мог обратиться сразу же и Дубровский. Не исключено, что при составлении этих материалов для А.С. Строганова пользовались консультациями и других лиц.

Кто бы не оказался автором (или авторами) “Плана”, следует не упускать из виду, что готовился он в недрах Публичной библиотеки и отражал мнение руководителя Депо манускриптов, представившего этот текст вышестоящим лицам для использования при подготовке доклада самому императору. И главное в том, что “План” выглядит попыткой конкретизировать и развить те положения, которые были в докладной записке А.С. Строганова императору в начале лета 1805 г. А доклад этот опирался на подготовительный материал, представленный Дубровским, и, если можно так выразиться, Строганов намеренно составил его “под Дубровского”, рассчитывая именно на его эрудицию, служебную ответственность, энергию и преданность делу. И потому допустимо, как это и делает В.П. Козлов, – называть его “Проектом Дубровского”. А при окончательном подтверждении именно его авторства, “План” становится и первостепенной важности источником для суждений о Дубровском и как об историке и историографе, археографе, организаторе науки, “просветителе” в широком понимании этого определения на рубеже XVIII–XIX вв.

При всех обстоятельствах “План” 1805 г. – показатель изначальной роли именно Депо манускриптов в становлении специальных историко-филологических дисциплин и, особенно, полевой археографии.

“План” может быть оценен как самый ранний из известных нам столь важных по значению памятников истории отечественной археографической

¹⁸⁶ Штейн В. Бороздин К.М. // РБС. СПб., 1908. Т. “Бетанкур–Бякстер”. С. 276–279.

культуры. Об этом должно подробно говорить и в учебных пособиях, и в историографических трудах. И потому желательны поиски в архивах других экземпляров этого текста и материалов, к нему относящихся, и новая и более добротная публикация “Плана”, затерявшегося в малоизвестном и малотиражном издании столетней давности.

А.В. Сиренов заметил, что основной текст и примечания писаны одной рукой, но примечания – более мелким почерком и иногда другими чернилами. Это обнаруживается даже по ксерокопии, где выявляется и то, что использованные для некоторых примечаний чернила были более яркими. И в основном тексте и особенно в примечаниях имеются указания на то, что написано или задумано было автором ранее и в какой форме оказались осуществленными его замыслы после 1805 г., а также объяснение тому, почему в 1805 г. было написано так, а не иначе.

На л. 6 об. к словам о том, что и другие любители “могут представить план археографического путешествия”, примечание: “в сем я и не ошибся, ибо в мае 1809 г. отправлены два чиновника для сего путешествия”.

К напоминанию о формах реализации программы Академии художеств 1802 г., рекомендующей темы отечественной истории (“может ли Академия удачно кончить свою программу из Нестора, когда у него нет пред глазами ни костюмов, ни *орнаментов* приличных; и неужели ему с кистью в руках должно будет бежать в оружейную московскую, или путешествовать по России, чтобы составить Картину?”) (курсив в тексте. – С.Ш.) (л. 15 об.–16), на л. 16 есть запись: “Это было писано 1805 г. Теперь облегчена несколько сия трудность, если создание Музея русских древностей, находящихся в Москве, будет совершено”.

На л. 23, где рекомендации, как вести работу в Москве, два примечания, напоминающие, что “План” был составлен в 1805 г.: после характеристики Оружейной палаты (“составляющая величайший и драгоценнейший Музей русских древностей, над которым должно более всего поработать”) под звездочкой объяснение: “Все сие теперь уже описывает, но сей план писан 1805 г.” А к словам: “Посланной Путешествовать (так в тексте. – С.Ш.) должен привезти из Москвы богатой портфель рисунков для Депо манускриптов. Потом, образовав сию часть, продолжать свой путь” примечание: “Так было говорено 1805 г., как выше сказано”.

На л. 33 к итоговой цифре денег на экспедицию (“итого 22 т.”) примечание: “Отправленным 2-м чиновником дано 5 тыс. рублей, полагая оныя ежегодно”, т.е. не ранее 1809 г. К словам “Депо манускриптов”, над которыми затертое слово: “а сам отсылает оныя при своем рапорте и реестре Начальнику”. (Оба примечания более яркими чернилами и более мелким почерком.)

Изложенные в “Плане” замыслы не были осуществлены при непосредственном участии Дубровского. Человек сравнительно скромного достатка и невысокого служебного положения не мог тогда рассчитывать на реализацию своих “проектов” без покровительства влиятельных персон. А как раз в 1805 г. удаляется от Двора младший Строганов, через которого его отец, А.С. Строганов, обычно получал поддержку Александра I своим планам относительно императорской Публичной библиотеки. Да и сам стареющий А.С. Строганов всецело посвящает себя постройке Казанского собора (по проекту Воронихина)¹⁸⁷ и, по существу, отходит от дел библиотеки.

¹⁸⁷ Строганов А.С. // РБС. Т: “Смеловский–Суворина”. С. 487.

С 1808 г. помощником Строганова по управлению библиотекой утвердили А.Н. Оленина с оставлением этого видного уже тогда сановника “в прочих должностях”, и он “фактически стал директором и единолично направлял всю деятельность Библиотеки”¹⁸⁸. А с Олениным у Дубровского взаимоотношения не сложились. Дубровский, имевший, видимо, прямой ход к Строгановым, и – согласно указу самого императора – подчинявшийся лично старшему Строганову, не сумел или не захотел установить должный контакт с Олениным.

* * *

А.Н. Оленин, как сообщает О.Д. Голубева, участвовал в переговорах о покупке собрания Дубровского и об определении условий службы Дубровского в Библиотеке¹⁸⁹. Возможно, это относилось к сфере его деятельности по должности в высших государственных учреждениях, но тогда реального влияния на ход дел это не могло иметь. Дубровскому открыто покровительствовали и Строгановы, и лица, близкие к царской фамилии. В 1804–1805 гг. был его звездный час; и Оленин считал полезным для себя выглядеть помогающим Дубровскому, тем более, что это облегчало путь к большему сближению со Строгановыми. Не исключено, что в ту пору Оленин склонен был даже фамильярничать с Дубровским. Дубровский был старше его на 9 лет, но стоял значительно ниже в иерархии, обусловленной Табелью о рангах. Следы таких отношений прослеживаются в издательском письме больному и отставленному от дел Дубровскому в 1812 г. – в сравнении с де-Куси.

Можно предполагать, что Дубровский, готовя свой “План путешествия для собирания древности”, недостаточно советовался или даже вовсе не советовался с Олениным, который мнил себя авторитетом в этой области знания и – главное – старался внушить такое представление о себе в светском обществе, или – что еще хуже – не отметил должным образом значение советов Оленина.

Но совершенно очевидно, что Оленин был знаком с “Планом” 1805 г. – или уже тогда, или став фактически во главе управления Библиотекой, мог узнать об этом и от А.С. Строганова (и даже получить его рекомендации), и от Ермолаева с Бороздиным. И он ориентировался на “План” 1805 г., обращаясь в высшие инстанции с проектом организации “Путешествия”.

Оленин, сметливый и в то же время образованный высокопоставленный чиновник, сообразил, что, приняв бразды командования библиотекой, он сможет, стараясь осуществить этот план, показать себя инициативным руководителем вверенного ему учреждения, заслужить похвалу императора и получить материальную поддержку начинанию, где даже финансовые расчеты были сделаны еще более трех лет назад.

Дубровский не был вовлечен в организацию этого дела, точнее сказать, даже отставлен от него. Переписка участников “путешествия” 1809–1811 гг. велась с Олениным, который, видимо, заинтересован был в том, чтобы в экспедиции участвовали люди, верные прежде всего ему. С 1800 г. в доме Олениных жил А.И. Ермолаев, в 1802 г. совершил с ним “археографическую поездку по России”, а К.М. Бороздин, двумя годами моложе Ермолаева, был сыном

¹⁸⁸ Голубева О.Д. А.Н. Оленин. СПб., 1997. С. 28.

¹⁸⁹ Голубева О.Д. Оленин А.Н. // Сотрудники РНБ. Т. 1. С. 394.

псковского помещика сенатора М.К. Бороздина, в доме которого двухлетний сын землемера Ермолаев нашел “родственные попечения”¹⁹⁰.

Такое отношение к Дубровскому Оленин мог оправдывать и тем, что в кругу знакомых его, занятых изучением российских древностей, не слишком высоко ценили компетентность Дубровского в этой области знаний. И поводом к тому было свершаемое, точнее сказать, говоренное Дубровским в период, когда общественность проявляла наибольший интерес к его коллекции, т.е. еще до образования Депо манускриптов. Так как в России тогда еще не появился серьезный интерес к памятникам старинной зарубежной письменности, и в то же время усиливалось внимание и демонстрировалось уважение к родной старине, Дубровский подчеркивал научное значение собранных им манускриптов для изучения отечественной истории. И, не имея специальной подготовки (а, быть может, не без рекламных целей?), сообщал данные, настораживающие специалистов по древнерусской письменности, но казавшиеся особо привлекательными доверчивой публике.

М.П. Алексеев проследил это по публикациям российских журналов 1805 г., привлек документы и последующих лет. Он сообщает, что посетившие “музей” Дубровского “видные тогдашние русские любители древностей” (Е. Болховитинов, “А.Н. Оленин и члены его кружка”) “довольно критически отнеслись к его учености и прежде всего к его познаниям и домыслам в области древней русской истории”¹⁹¹. М.П. Алексеев привел распространяемые сведения о якобы приобретенной Дубровским “домашней библиотеке” Анны Ярославны, где находились и церковные книги, и “древлянские рукописи”, писанные “руническими буквами”.

Понятно, что соображения Дубровского об особой древности древнерусской книжности, о богатстве “библиотеки”, привезенной во Францию дочерью Ярослава Мудрого, о раннем развитии рифмованного стихосложения могли прельстить тех, кому дорого прежде всего первородство именно своих далеких предков в событиях государственно-политической истории и в развитии культуры (а такое болезненное стремление проявляется и в наши дни), и, конечно, склонных к подделке рукописей, удреняя их, подобно Сулакадзеву.

Но тех, кто занят серьезным изучением памятников Древней Руси, это только настораживало и заставляло усомниться в учености коллекционера. Е. Болховитинов писал позднее, в 1815 г., Г.Р. Державину: “г. Дубровский много нам привез в Россию, но ничего не доказал, и ему перестали уже верить”. И затем суждения о недоказанности датировки упоминаемых им источников временем Анны Ярославны. А далее следует жестокое заключение исследователя: “Таким образом, авторитет Дубровского как ученого палеографа и виднейшего ценителя исторических документов у нас постепенно падал, благодаря его фантастическим догадкам и действительно слабому знакомству с русской исторической наукой. Попытки же его объявить, что привезенные им манускрипты важны прежде всего как источники для древнерусской культуры, – какими бы мотивами он при этом не руководствовался, – в конце концов неизбежно должны были привести к ослаблению любопытства к его собранию в пору сильнейшего увлечения находками древнерусских рукописей и преимущественного интереса к их изучению в русском обществе. Иностраные манускрипты Дубровского были оценены по достоинству, по-

¹⁹⁰ Грин Ц.И., Третьяк А.М. Хрестоматия. С. 135 (цитата из некролога А.И. Ермолаева).

¹⁹¹ Цит. по: Алексеев М.П. Из истории русских рукописных собраний. С. 58.

мимо привлечения их к истолкованию древнейшей русской истории, – лишь позднее”¹⁹².

Приведем финальную часть пространных рассуждений в обоснование положения об изначальном недоверии к учености Дубровского в области древнерусской письменности и истории: «Еще по поводу назначения Дубровского хранителем “Депю” А.Н. Оленин, между прочим, писал», что «“познания его по части палеографической и вообще по ученой части совсем не соответствуют драгоценности поднесенных им рукописей и сведениям необходимо нужным по званию его хранителя” (Депю. – С.Ш.). Этот суровый отзыв *несомненно* имел достаточные основания»¹⁹³ (курсив мой. – С.Ш.).

Надо отметить, что М.П. Алексеев неточен в своих утверждениях: Оленин высказался не “по поводу назначения Дубровского хранителем” – в ту пору, напротив, он старался казаться одним из тех “меценатов”, “благодаря ходатайству” которых “участь музея рукописей г. Дубровского решена” (как писали в “Северном вестнике”, помяная о полутора годах “сомнений, что сокровище сие уйдет в чужие края”¹⁹⁴). Писал Оленин в 1812 г. не “между прочим”, а обосновывая свое стремление отстранить Дубровского с должности хранителя основанного по его инициативе Депю манускриптов. И позволил себе Оленин столь пренебрежительно охарактеризовать квалификацию Дубровского “по части палеографической и вообще по ученой части” применительно не к древнерусским манускриптам, а ко всем рукописям его коллекции. М.П. Алексеев понимал, что основной массив коллекции – рукописи зарубежные, и знал о том, что специалисты по изучению средневековых зарубежных рукописей (прежде всего на латинском и старофранцузском языках) полагали, что сделанные коллекционером описания манускриптов и наблюдения об их истории соответствовали уровню научных знаний той поры. И потому-то, отметив, что “как собиратель и истолкователь замечательных иностранных манускриптов, вращавшийся среди ученых архивистов Западной Европы, Дубровский, конечно, обладал некоторыми сведениями”, акцентировал внимание на том, что “познания его в области русской и славянской старины не могли идти ни в какое сравнение с теми, какие уже накоплены были русской исторической наукой предшествующих десятилетий”¹⁹⁵.

В самом деле в известиях о наличии в коллекции Дубровского рукописей из “домашней библиотеки” Анны Ярославны немало странного, даже подозрительного и не в пользу коллекционера (точнее, памяти о нем). Карамзин, достаточно пространно знакомивший читателей “Писем русского путешественника” с судьбой дочери великого князя киевского, ставшей королевой Франции, ничего не сообщает об этом, описывая коллекцию Дубровского. Если “домашняя библиотека” княжны оказалась у Дубровского после их встречи в Париже, то почему нет упоминания ни об одной из этих рукописей во II томе “Истории государства Российского”? Существенно то, что данные сведения о древнерусских рукописях не приводятся в обстоятельной статье Ф. Аделунга для немецко-язычного журнала, издаваемого Г. Шторхом¹⁹⁶, а ведь это было бы особенно интересно и для напоминания о давности политических и культурных взаимосвязей Древней Руси и государств Западной Европы.

¹⁹² Цит. по: Там же. С. 61–62.

¹⁹³ Там же. С. 58.

¹⁹⁴ Там же. С. 44.

¹⁹⁵ Там же. С. 59.

¹⁹⁶ Там же. С. 59–60.

Несомненно, однако, что сведения о наличии в коллекции манускриптов, важных для познания древнего периода именно отечественной истории придавали ей особую ценность в глазах не только широкой публики, но и в высших сферах. И это явственно прослеживается при сравнении содержания двух докладных записок А.С. Строганова Александру I. В первой, более пространной, где о “многочисленности” и “древности” рукописей, о “влиянии их на историю народов и на историю просвещения” и о том, что “они в глазах просвещенного света действительно почитаются неоцененными сокровищами” и потому желательно “учредить” Депо манускриптов и “определить” Дубровского “хранителем оных”, упоминаются рукописи лишь иностранного происхождения¹⁹⁷. Доклад об этом был 20 января 1805 г. А в записке о награждении Дубровского, о чем докладывалось через семь дней, 27 января, больше всего – о “российских манускриптах”: “Находящиеся в оной коллекции Российские манускрипты, составлявшие некогда библиотеку великой княжны Анны Ярославовны – супруги короля французского Генриха I, имеют величайшую драгоценность в отношении к отечественной нашей истории”¹⁹⁸. Комментируя этот текст, Т.П. Воронова замечает: «Легенда о наличии у П.П. Дубровского славянских рукописей “домашней библиотеки” Анны Ярославны обязана своим распространением, по-видимому, самому коллекционеру, стремящемуся заинтересовать при помощи прессы публику и правительство в покупке своего собрания»¹⁹⁹ (и дается ссылка на журнал “Вестник Европы”).

Источник подобной информации, действительно, очевиден. И не это ли припомнил Дубровскому Е. Болховитинов еще в 1819 г., когда писал В.Г. Анастасевичу: “Покойный Дубровский был между антиквариями не последний шарлатан”²⁰⁰. Но не исключено, что Дубровский, не имевший первоначально опыта в изучении древнерусских рукописей до времени нашествия кочевников, мог повторять и сказанное теми, от кого поступили в его коллекцию эти памятники письменности, и сам же потом, ознакомившись с переданным в Депо в 1806 г. Остромировым евангелием 1056–1057 гг., убедился в более позднем происхождении рукописей, относимых прежде к “библиотеке” Анны Ярославны, выехавшей из Киева до того времени.

Показательно, что ни Дубровский, ни кто иной из причастных к собиранию и описанию манускриптов, ничего не напечатали о рукописях “библиотеки” королевы Франции – известно об этом только из журнальных статей 1805 г., не подписанных учеными именами. “Молитвенник” Анны Ярославны демонстрировали первым посетителям Депо манускриптов. Но в конце 1811 г. рукопись находилась на квартире Дубровского. 26 декабря А.Н. Оленин просил П.П. Дубровского “известить письменно” его, почему отсутствуют среди “поверяемых ныне всех вообще манускриптов” три “известные манускрипта”, “которые в Депо многими посетителями были видены”, и первым упоминается “так называемый молитвенник великой княжны Анны Ярославовны”. 28 декабря Дубровский в объяснительной записке сообщает, “что Манускрипты сии, хотя и действительно были показываны мною в Депо многим посторонним посетителям и даже некоторым чиновникам Библиотеки, но они не принадлежали к коллекции рукописей, приобретенной от меня

¹⁹⁷ См. об этом: *Воронова Т.П.* Первые страницы истории “Депо манускриптов”. С. 13.

¹⁹⁸ Там же. С. 17.

¹⁹⁹ Там же. С. 18.

²⁰⁰ Письма митрополита Киевского Евгения Болховитинова к В.Г. Анастасевичу / сообщ. Н. Полетаев // РА. 1889. № 6. С. 196–197.

в Императорскую публичную библиотеку в 1805 году; и по сей причине не внесены и в каталог уступленных мною тогда рукописей, каковой представлен был в том же году государю императору”²⁰¹.

Не осознавая ли уже неосновательность своих предположений (а также и не нуждаясь уже в дополнительной рекламе коллекции, перешедшей в государственное хранилище), Дубровский не перевел туда эту рукопись, где ее надлежало описать (а следовательно, и попытаться датировать)? Оленин в донесении министру о “проверке рукописей” от 5 марта 1812 г. приводит объяснение Дубровского: “а как ныне возникает сомнение о подлинности так называемого Молитвенника Анны Ярославны, то он не желает драгоценную свою коллекцию искажать сомнительными рукописями”²⁰². Остромирово евангелие и по сей день остается древнейшей славяно-русской рукописью в ОР РНБ. Какие манускрипты признали затем рукописями, которые считали в 1805 г. принадлежавшими Анне Ярославне, не выявлено – в именном указателе “Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР XI–XIII вв.”, имени ее нет.

Оленин тем более склонен был опираться на суждения о некомпетентности Дубровского в том, что относили к предмету древнерусской “палеографии, что возымел уже намерение устранить Дубровского из Библиотеки, а объяснять это в преддверии Отечественной войны 1812 г. удобнее всего было необходимостью заменить знатока французской письменности специалистом прежде всего по славяно-русским памятникам письменности.

Оленин желал отдалить Дубровского от собранной и изучаемой им коллекции манускриптов, которая воспринималась в ту пору как самая привлекательная часть библиотечного собрания, вызывавшая интерес в петербургском свете, где деятельность Дубровского поощрялась и ценилась. При этом Депо представляло собой как бы государство в государстве, ибо хранитель Депо занимал независимое положение в Библиотеке, подчиняясь единственно “главному директору”, т.е. А.С. Строганову. Дубровский, проявляя себя как ученый знаток собранных сокровищ, доказывал содействие творческой литературной деятельности даже Г.Р. Державина, транскрибировав для него песнь в честь девы Марии из поэмы XIII в. французского поэта по рукописи своего собрания. Публикация Державина помещена в шестой книге за 1812 г. издания “Чтение в Беседе любителей русского слова”. По авторитетному суждению академика М.П. Алексеева, “в русской литературной истории это был первый случай опубликования по древней рукописи средневекового французского текста с русским переводом”²⁰³. Можно думать, что Дубровский присутствовал на заседании “Беседы”, когда Державин знакомил всех со своим сочинением, а собирались тогда в особняке Державина. Быть может, именно тогда или и в благодарность за важный для поэта транскрибированный старофранцузский текст Державин и одарил Дубровского своими автографами.

Показательно, что Г.Р. Державин, передавая свои рукописи в Библиотеку, надписал Дубровскому, а не Оленину украшенную собственноручными рисунками Оленина переплетенную в красный сафьян рукопись своих стихотворений, поднесенных в 1795 г. Екатерине II и возвращенную ему после кончины императрицы. А ведь поэт в 1804 г. посвятил ему стихотворение, где

²⁰¹ Архив СПб ИИ РАН. Русская секция “2”. Кол. 238. Оп. 2. Ед. хр. 251/2. Л. 20 об., 21–22.

²⁰² Архив РНБ. 1812 г. № 10 (данные эти выявлены А.В. Сиреновым).

²⁰³ *Алексеев М.П.* Из истории русских рукописных собраний. С. 56–57; *Воронова Т.П.* П.П. Дубровский – первый хранитель... С. 126.

употребил определение: “Моей поэзии изограф”²⁰⁴. В своих “Записках” он позднее отметил, что “просил приятеля своего Алексея Николаевича Оленина нарисовать ко всякой поэмке приличные картинки (виньеты)”. Но там же указание (и одновременно и напоминание): “В 1810 или 1811 году подарил их с своею надписью в библиотеку г. Дубровскому, где и теперь они должны находиться”²⁰⁵. Именно эти “виньеты”, стилизованные под античную классику, принесли Оленину славу искусного и тонкого “изографа”-иллюстратора, стремившегося, подобно Н.А. Львову, “дополнить то карандашом, что словами стихотворец не мог или не хотел сказать”²⁰⁶. Да к тому же оставил надпись: “Сей манускрипт, как *охотнику до подобных редкостей*, подарен самим автором Петру Петровичу Дубровскому в Петербурге 1811 году генваря 11 числа и подписан собственною моею рукою Гавриил Державин”²⁰⁷. Не следует упускать из виду, что Державина признавали не только первым поэтом России, но он был и почитаемым высоким сановником; и потому его представления о “редкостях”, и оценка их собирателя и хранителя имели немалое значение для формирования общественного мнения (курсив мой. – С.Ш.).

Едва ли не главной помехой в действиях Оленина по отношению к Дубровскому оставалось покровительство Дубровскому А.С. Строганова. И, когда обстоятельства изменились, Оленин поспешно и без стеснения стал осуществлять свое намерение.

После кончины 27 сентября 1811 г. А.С. Строганова, бывшего главным директором императорских библиотек, Библиотека была передана в ведомство Министерства народного просвещения, должность главного директора упразднили, и Оленин был назначен 13 октября просто директором Библиотеки. Но еще 4 октября 1811 г. он обратился к министру народного просвещения с просьбой дать наставление о том, “как сохранить в надлежащей целости и порядке *все части*” Библиотеки (курсив мой. – С.Ш.), поскольку Дубровский был подчинен ранее непосредственно главному директору. Здесь же – жалобы на возникновение пожаров в его квартире, примыкавшей к помещению Депо манускриптов, был поставлен вопрос о допустимости вообще проживания кого-либо в самом здании хранилища рукописей и печатных материалов. В этом плане беспокоейство лица, ответственного за Библиотеку, понятно и оправдано. (Оленин и позднее, опасаясь частых тогда пожаров, обращал внимание правительства на этот вопрос, а в самой Библиотеке следили за исправностью противопожарных средств, запрещено было курить, раздувать самовар, использовать свечи без “фонаря”²⁰⁸.)

Но этим дело отнюдь не ограничилось. Поскольку хранитель Депо манускриптов оказался теперь в подчинении директору Библиотеки, Оленин сразу же приступил к организации проверки работы Депо манускриптов, а тем самым, и степени добросовестности и научной квалификации его хранителя. Издавна особо приближенный и обитавший в доме Олениных помощник хранителя Депо А.И. Ермолаев, помогавший Оленину в составлении его печатных трудов, подал рапорт о недостатках в системе описания манускриптов и в порядке их расположения, что не позволяет ему нести ответственность за хранение рукописей.

²⁰⁴ Державин Г.Р. Соч. Л., 1987. С. 183.

²⁰⁵ Державин Г.Р. Записки. М., 2000. С. 182, 184.

²⁰⁶ Цит. по: Евсеева М.К. Оленин А.Н. // Русские писатели. 1800–1917: биограф. словарь. М., 1999. Т. 4. С. 419–420.

²⁰⁷ Цит. по: Императорская Публичная библиотека за сто лет. 1814–1914. СПб., 1914. С. 25.

²⁰⁸ Великие люди-библиотекари: от А до Я / сост. Е.И. Полтавская. М., 2005 (Школьная библиотека). С. 77 (очерк “Алексей Николаевич Оленин”).

Решено было “имеющимся в Депо рукописям” сделать “строгую поверку” (курсив мой. – С.Ш.), и “директор нарядил 7 чиновников из числа библиотечкарей и их помощников для скорейшего проведения сей поверки в действие” (это – цитаты из “Записки о хранителе Депо манускриптов г. коллежском советнике Дубровском”, адресованной позднее министру народного просвещения). Проверка “продолжалась... непрерывно даже и в праздничные дни”, три с половиной месяца, с 14 ноября 1811 по 3 марта 1812 г.²⁰⁹; к ней был привлечен чуть ли не весь штат библиотечкарей, но недосдач среди переданных в Депо рукописей (прежде всего коллекции Залуских) не удалось выявить²¹⁰.

В архиве Библиотеки сохранилась немалого объема документация, отражающая организацию процесса выживания Дубровского из Библиотеки, в том числе и сведения, дискредитирующие личное поведение Дубровского и его близких. Очевидно именно такой подбор документов желательно было Оленину оставить в делопроизводственном архиве подведомственного ему учреждения, а следовательно, и для будущих составителей истории Библиотеки, стараясь предопределить однозначно высокую оценку сделанного Олениным.

И, судя по юбилейному изданию, подготовленному к 100-летию Библиотеки, Оленин преуспел в этом. Во Введении к книге, озаглавленному “Начало Императорской Публичной Библиотеки и работы в ней до ее открытия” XII разделу дано название “Беспорядки в Депо манускриптов: увольнение Дубровского”. Об этом в разделе парадного издания – почти шесть страниц большого формата²¹¹, тогда как сведения о Дубровском и передаче его Коллекции Библиотеке занимают менее двух страниц²¹². Указание в предисловии на то, что книга составлена “главным образом по данным архива Библиотеки”, не может быть объяснением игнорирования иного плана (неблагоприятного для директора Библиотеки) публикаций архивных материалов в “Русском архиве”. Схожие представления о Дубровском и состоянии работы в подведомственном ему Депо внушается и в статье Т.К. Ухмыловой, компилятивной по источниковой базе и примитивно-вульгаризаторской по своей общественной направленности. (Статья эта предваряет изданную в 1940 г. книгу о Рукописном отделе Библиотеки.) Там мы читаем, что “щедро награжденный” за свою коллекцию Дубровский “как хранитель оказался не на высоте положения”, и его “как не сумевшего обеспечить правильное хранение рукописных богатств решено было уволить”. Но тут же и о том, что “хаотическое ведение тянулось на протяжении десятков лет” (курсив мой. – С.Ш.) и даже при “выдающемся академике-филологе” А.Х. Востокове, который “был плохим организатором и руководителем”²¹³. В восприятии Дубровского М.П. Алексеевым в статье 1960 г. – тоже следы подобной историографической тенденции. Книга по истории Библиотеки, обнаруживающая иной и гораздо более обоснованный подход к оценке деятельности Дубровского, издана была уже позднее, в 1963 г.

Дубровский наивно верил в незыблемость утвержденного Александром I решения 1805 г. о неотторжимости передававшего в Императорскую библи-

²⁰⁹ О собирателе рукописей Дубровском / сообщ. А.А. Васильчиковым // РА. 1878. Кн. 2. № 8. С. 440.

²¹⁰ Воронова Т.П. П.П. Дубровский – первый хранитель... С. 129.

²¹¹ Императорская Публичная библиотека за сто лет. С. 64–69.

²¹² Там же. С. 22–23.

²¹³ Ухмылова Т. Прошлое Рукописного отдела: краткий очерк // Краткий отчет Рукописного отдела за 1914–1938 гг. со вступительным историческим очерком / под ред. Т.К. Ухмыловой и В.Г. Геймана. Л., 1940. С. 21–22.

Стихи

на ^{призр.} ~~посещение~~ ~~в~~ Импе-
 раторского величества
 Государыни Императрицы
 Елисаветы Алексеевны
 Императорскую Публичную
 Библиотеку.

Св. Ураи Промудрости Готови, Готови,
 Искусный филиалъ Имъ Величавъ
 возрелъ
 Микерви лишь одной неоставало въ
 и се Елисаветиъ авса ви ^{къ} ~~в~~ ^{силь} ~~силь~~.

12го Января 1812. г. Петръ Дубровский

Автограф П.П. Дубровского

отеку коллекцию манускриптов и самой этой коллекции. Пытался как-то на-
 помнить о себе в высших сферах. Сохранился автограф (видимо, черновой)
 стихотворения, сочиненного им в связи с посещением Библиотеки супругой
 Александра I, обнаруженный недавно в необработанном фонде П.П. Дубров-
 ского²¹⁴ и, вероятнее всего, находившийся прежде в личном архиве автора.
 В стихах этих не обнаруживается особых художественных достоинств, но яв-
 ственна типология принятых тогда милых одических стихотворений “по слу-

²¹⁴ Признателен за предоставление копии документа Н.А. Елагиной.

чаю” (“изготовлением” которых занимался, можно думать, Дубровский и прежде). Текст этого листа приводится полностью. Заголовок такой: “Стихи на нечаянное посещение (заменено надписанным сверху словом “приезд”. – С.Ш.) Ея Императорского величества Государыни Императрицы Елисаветы Алексеевны в Императорскую Публичную Библиотеку”:

Сей Храм Премудрости готов и совершен,
Чистейший фимиам уж в алтаре возжень:
Минервы лишь одной недоставало в нем
И се Елисавет явися в виде сем.

12 генв. 1812 году Петр Дубровский²¹⁵

Император Александр I посетил Библиотеку 2 января. Императрица могла его сопровождать или приехать позднее (“нечаянный приезд”?). Быть может, этот неприветливый экспромт был сочинен в день ее посещения? Ясно, что Елизавета Алексеевна знакомилась и с Депо рукописей, так как это было хранилище и особо ценных, и выигрышных для демонстрации памятников письменности, и помещение, отличающееся особым изяществом мебели и внутреннего убранства. Быть может, Дубровский рассчитывал (или даже сумел) передать чистовой экземпляр через супругу П.А. Строганова Софью Владимировну Строганову, ближайшую подругу императрицы Елисаветы Алексеевны²¹⁶. В стихотворении – сравнение с Минервой, изображенной на плафоне главного зала строгановского особняка. Там – как отмечалось уже – богиня поражает Властолюбие, Зависть, Злость и Лессть: а проявление именно этих свойств человеческой природы были особенно ощутимо Дубровским в те тяжкие для него дни.

Пережитое в те месяцы и столь оскорбительное для его достоинства, видимо, так повлияло на Дубровского, что он заболел – в письме Оленину от 17 марта 1812 г. печальная констатация: “...болезнь моя привела меня в такое расслабление, что я сомневаюсь получить выздоровление”²¹⁷. 5 апреля заболевшего Дубровского отстранили от должности, учрежденной именно для него, которую он занимал семь лет.

Быть может “План путешествия по России для собирания древностей” оказался в личном архиве Н.С. Мордвинова, потому что надеялись найти у него защиту преследуемого и унижаемого Олениным Дубровского, и в доказательство высокого профессионального уровня работы и неизменной заботы о будущем возглавляемого Дубровским Депо представили “План” 1805 г. с дополнениями-примечаниями, относящимися к сделанному другими и им в последующие годы.

Примечания, по-видимому, первоначально не предназначавшиеся для чужого глаза, выглядели и показателями непрекращающегося внимания составителя “Плана” к поднятым там вопросам фиксирования изменений, происшедших после 1805 г. и, следовательно, готовности вернуться к этому снова, с учетом новых обстоятельств. Некоторые могли быть, однако, предназначены для прочтения Олениным, когда тот старался убедить других в недостаточной научной квалификации Дубровского в области изучения русских древностей. Показательно примечание на л. 25 об. к упоминанию о древнем камне с надписью, найденном в 1792 г. близ г. Орши. В примечании – указание на труд Оленина “Письмо к графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушки-

²¹⁵ ОР РНБ. Ф. (П.П. Дубровский).

²¹⁶ Строганова С.В. // РБС. Т: “Смеловский–Суворина”. С. 477.

²¹⁷ РА. 1878. Кн. 2. № 8. С. 438.

ну о камне Тмутараканском”, найденном на о. Тамани в 1792 г., изданной в 1806 г., и которым Оленин особенно гордился, так как именно это сочинение создало ему репутацию “ученого”. Там как бы заискивающе-хвалебная характеристика, по стилю отличающаяся от других примечаний в тексте “Плана”: предлагается “изъяснить обстоятельнее сию надпись, сделать слепок и рисунок” и к этому добавлено примечание: “Такой как Его Пр-во Г-н Оленин издал о Тмутараканском камне и которой служит образцом для других любителей Древности в изданиях новых Древностей”.

Адмирал Мордвинов, из всех высокопоставленных сановников тех лет, воспринимался в петербургском обществе как человек особо порядочный, независимый в суждениях, готовый заступиться за несправедливо обижаемых. Известно высокоуважительное отношение к нему Пушкина, который писал в 1824 г., что Мордвинов “заключает в себе одном всю русскую оппозицию”. Мордвинов позже, единственный из членов Государственного совета, поддержал предложение об отмене “кнута и плети” как средства наказания, а во время суда над декабристами был единственным членом следственной комиссии, отказавшимся подписать смертный приговор. Пушкин выразил свою оценку личности деятельности Мордвинова в стихотворном послании к нему 1826 г.²¹⁸ В начале 1812 г. Мордвинов, назначенный еще в 1810 г. членом Государственного совета, занимал и влиятельную должность председателя его департамента государственной экономики. Но как раз 2 апреля 1812 г. Мордвинов был уволен от занимаемой должности, оставив членство в Государственном совете²¹⁹, и вскоре уехал из столицы.

Быстрота, с которой Оленину удалось осуществить свое намерение избавиться от Дубровского, становится объяснимой при рассмотрении других событий в Библиотеке в первые месяцы 1812 г. 2 января император Александр I посетил Библиотеку и дал разрешение на открытие ее (отложенное затем в связи с начавшейся войной); и Оленин обрел больше уверенности в своих действиях, определявших положение его подчиненных.

Вскоре Оленин возбудил ходатайство перед министром народного просвещения о назначении на должность помощника директора Библиотеки С.С. Уварова, занимавшего тогда пост попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, впоследствии президента Академии наук и многолетнего министра народного просвещения, памятного не только своей формулой “православие, самодержавие, народность”, но и преследованием Пушкина в последние годы его жизненного пути. 2 марта 1812 г. Уваров – по определению О.Д. Голубевой – “ближайший приятель Оленина”²²⁰ – был утвержден в этой должности.

Думается, что Оленин не только желал заручиться благоволением министра графа А.К. Разумовского, на дочери которого, засидевшейся, но очень богатой невесте, Уваров женился в 1811 г., но у Оленина с Уваровым было и сходство натур. Это выражалось в стремлении к личному соучастию в творческой деятельности в сфере науки, литературы, искусства, но и в свойственном им представлении о поведении сановника, основывающемся на понятии о субординации на чиновной и придворной лестницах, и о predetermined оценке людей и в то же время якобы благородном осчастлививании своим вельможным меценатством приближаемых к себе тружеников из этих сфер

²¹⁸ См. об этом: *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд. Л., 1989. С. 269–270 (статья “Мордвинов Н.С.”).

²¹⁹ *Шилов Д.Н.* Указ. соч. С. 485.

²²⁰ *Голубева О.Д.* А.Н. Оленин. С. 30.

культуры. Об этом, как и об искательстве пред вышестоящими и пристрастии к заискиванию, характерных для обоих сановников²²¹, немало отзывов современников. И вряд ли допустимо повторять вслед за автором текста об Оленине в издании “Русские портреты XVIII и XIX столетий” смягчающую оценку личности его. Там можно прочесть: «Широко образованный, с глубокой и искренней любовью к искусству, Оленин заботился о деятелях на поприще искусств и являлся для них меценатом в лучшем значении этого слова, помогая им и делом, и советом. Горячая, бескорыстная преданность интересам отечественных наук и искусств заставляет забывать о тех чертах его характера, на которые указывают некоторые его современники, а именно его “ласкательстве” и заискивании перед сильными, о его граничивших с хитростью дипломатических уловках, скрытности и крайней осторожности в обращении и суждениях»²²².

И как Уваров прикажет в 1834 г. – вопреки распоряжению императора Николая I – цензуровать сочинения Пушкина “на общем основании”²²³, так и Оленин – и тоже вопреки распоряжению императора Александра I – старался подчинить себе создателя и хранителя Депо манускриптов “на общем основании”.

Очень вероятно, что отстранение Дубровского от работ в библиотеке произошло не без содействия Уварова. Возможно даже, что это первое общее дело Оленина и только что ставшего его помощником по управлению библиотекой, которому предназначено было разделить с директором “попечение о пользе сего книгохранилища”²²⁴. Уже 17 марта Дубровского вынудили писать Оленину ответ на “запрос” о содержании докладной записки об увольнении его от должности и ходатайствовать о достойном вознаграждении его и обеспечении частично получаемого им “пенсии” двух “престарелых... родных сестер”, “кои никакого состояния не имеют и в крайней находятся бедности”, “дабы” они “не могли иметь особенных беспокойств в приискании суммы нужной для предания тела моего земле”²²⁵.

В составленной затем “Записке о хранителе Депо манускриптов г. коллежском советнике Дубровском” отмечается, что переданная им “коллекция редких и весьма драгоценных рукописей... составляет действительно любопытнейшее отделение” Библиотеки. Но затем – уничижительная характеристика: “Отдавая всю справедливость умению г. Дубровского в собрании столь драгоценных рукописей и похваляя в полной мере поднесение оных в пользу отечества, нельзя однако ж умолчать, что познания его по части палеографической и вообще по ученой части совсем не соответствуют драгоценности поднесенных им рукописей и сведениям, необходимо нужным по званию его хранителя Депо манускриптов, в чем и главное начальство Императорской Публичной Библиотеки неоднократно, по личному испытанию, имело уже случай удостовериться”. И далее претензия на то, чтобы показать свое благородство: «Хотя же г. Дубровский поистине и не имеет права требовать отличного награждения по службе его при Депо манускриптов, но поскольку коллекция “им поднесенная” составляет “истинное и драгоценнейшее украшение” Библиотеки, Оленин ходатайствует о награждении Дубровского орде-

²²¹ Кубасов И. Оленин А.Н. // РБС. СПб., 1905. Т: “Оболяянинов–Очкин”. С. 218.

²²² Знаменитые россияне XVIII–XIX веков. С. 769–770.

²²³ Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. М., 1999. Т. 4. С. 173–174 (данные из дневниковых записей А.В. Никитенко).

²²⁴ Голубева О.Д. Уваров С.С. // Сотрудники РНБ. Т. 1. С. 525–526.

²²⁵ РА. 1878. Кн. 2. № 8. С. 438.

ном, пенсией и поддерживает его просьбу о награждении “следующим чином статского советника”».

Документ этот извлечен был издателем из личного архива кн. Н.В. Репнина, доставшегося ему от прадеда министра А.К. Разумовского. И что еще показательнее – там же, как сообщает публикатор, «сохранилась редакция той же записки под заглавием “Проект докладной записки о хранителе Депо манускриптов г.к.с. Дубровском”, где пропущено все касающееся до неспособности Дубровского и добавлено, что Дубровский изъявил министру желание, “по слабости здоровья”, получить от службы при библиотеке отставку с награждением за все убытки»²²⁶.

Уведомляя Дубровского 5 апреля о царском пожаловании орденом, чином и пенсией (к тому же, явно недостаточной с отнятием казенной квартиры), Оленин фамильярно, а по существу, издевательски, писал: «Теперь можно спросить Петра Петровича Дубровского: “Es-tu content Cousy?” (“Доволен ли ты, Куси?”), неужели он скажет: “Cousi-cousi” (“Так себе, не особенно”»». (Де-Куси – феодал, имеющий владения на территории средневекового расширявшегося Парижа, не склонен был подчиняться укрепляющейся и всеми уже признанной власти французского короля и, к тому же, еще демонстративно восклицал: “Я не король, не принц, не герцог, даже не граф, я – сир де-Куси!”)²²⁷

Дубровский еще надеялся на то, что его не вовсе отстранят от своей коллекции и главного дела его жизни. И в обращении к Оленину от 7 апреля, где выражена и “благодарность” ему за “начальническое благораспоряжение”, Дубровский написал, что, принужденный расстаться с должностью хранителя Депо манускриптов, “пожалованной государем императором”, он смеет думать, что “обещание мое в то самое время (когда было императорское пожалование. – С.Ш.), а притом и пристрастие полагают на меня обязанность не разлучаться с собранною мною и пожертвованною коллекцией по конец жизни. Ободряясь моим пристрастием и усердием, льщу себя надеждою, что с продолжением моей службы рвение мое и попечительство будут приносить подобныя полезности. Почему неблагоугодно ли будет в[ашему] пр[евосходительству] учредить отставку мою таким образом, чтобы я, как первый основатель Депо манускриптов, считался навсегда при нем почетным хранителем, чему есть многие примеры в Германии и Англии, сделанные в честь основателей? Притом же я буду всегда нужен для объяснения исторических многих манускриптов, которые другому известны быть не могут”²²⁸.

Оленин безжалостно отказал в его просьбе, дискредитировав Дубровского в глазах министра, в ведении которого оказалась Библиотека. Оленин не согласился пойти навстречу желанию “первого основателя Депо”, отстранив вовсе его от Библиотеки и лишив Библиотеку и ее посетителей возможности получать консультации о рукописях от их собирателя и лучшего знатока. Обращению к Оленину в середине апреля показывают, что Дубровский был и физически и морально совершенно сломлен и, называя Оленина своим “благодетелем”, униженно помышлял лишь о материальном обеспечении старости²²⁹.

Т.П. Воронова, изучавшая составленные Дубровским описания рукописей, выявляющие его умение не только разбираться в содержании рукописи, но и датировать, определять автора, а иногда и восстанавливать историю опи-

²²⁶ Там же. С. 440, 441.

²²⁷ Цит. по: Воронова Т.П. П.П. Дубровский – первый хранитель... С. 128.

²²⁸ РА. 1878. Кн. 2. № 8. С. 438.

²²⁹ Архив РНБ. 1805 г. Д. 40. Л. 61–62; 63–64 (документы скопированы для меня А.В. Сиреновым).

сываемого памятника письменности, утверждает, “что данная Олениным характеристика представляется... не только не верной, но и субъективной”²³⁰; а И.Н. Лебедева, суммируя наблюдения над записями Дубровского, характеризующими греческие манускрипты, пришла к заключению, что Дубровский фиксировал сведения, полученные от продавцов или посредников, а затем продолжал самостоятельно собирать сведения, так как таких данных в самой рукописи не имеется²³¹.

А.А. Васильчиков, видный коллекционер, генеалог, археограф, опубликовавший явно дискредитирующие не Дубровского, а Оленина документы, дал, тем самым, и моральную оценку поведению Оленина. А Васильчиков, с 1866 г. церемониймейстер Двора, позже ставший гофмейстером и директором императорского Эрмитажа²³², конечно, был хорошо осведомлен о принципах карьеристской интриги, о методах устранения и унижения вельможами неугодных им лиц.

Дубровского в буквальном смысле слова отторгнули от родного ему Депо манускриптов. При этом еще и ославили, объясняя это – говоря современным языком – профессиональной непригодностью для такой службы. Возможно, что и болезнь Дубровского – следствие преследования Олениным и ему прислуживавших. Видимо, последние годы жизни Дубровского, скончавшегося 9 января 1816 г., были трагическими (разве, что он из-за характера болезни не осознавал происходящего). И уж, безусловно, то, что это – недостойные страницы в истории управления Публичной библиотекой. И восстановить должно не только честь Дубровского, но и Библиотеки, не сводя (как это подчас делается) ее биографию в те годы преимущественно к биографии Оленина.

* * *

Как можно было уже удостовериться, судьба Дубровского на последнем этапе его жизни во многом была predetermined особенностями его взаимоотношений с Олениным и некоторыми чертами природы нового управляющего Публичной библиотекой. Потому следует попытаться выяснить, каковы были причины и поводы так развивающихся взаимоотношений, обращаясь при этом и к данным, которые изучают преимущественно психологи.

Вышколенного при дворах уже трех императоров в системе правил придворного и чиновно-служебного обихода, Оленина, думается, раздражали и независимое положение Дубровского в Библиотеке (а может быть, и Петербургском обществе) и нетерпимая в чиновно-иерархической среде (а следовательно, и Олениным) свобода в манере поведения. “Французская” легкость в суждениях, неположенная лицам, находящимся в Табели о рангах ниже 4-го класса, выражалась у Дубровского и в иронизировании над общепринятыми правилами светского служебного обихода: так, отвечая в марте 1809 г. на письмо незнакомого ему лично 23-летнего соискателя на службу в Депо манускриптов Н.Ф. Грамматина (Грамотина), впоследствии известного как филолога, переводчика и комментатора “Слова о полку Игореве”²³³, Дубровский

²³⁰ Воронова Т.П. П.П. Дубровский – первый хранитель... С. 127.

²³¹ Лебедева И.Н. Греческие рукописи в собрании П.П. Дубровского. См. наст. изд. С. 371.

²³² Васильчиков А.А. // Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914 гг.). М., 1915. Т. II: Биографический словарь членов Общества. С. 60.

²³³ О нем см.: Творогов О.В. Грамматин Н.Ф. // Энциклопедия “Слова о полку Игореве”. СПб., 1994. Т. 2. С. 55–56; Прокурин О.А. Грамотин // Русские писатели. 1800–1917. М., 1992. Т. 2. С. 10–12.

позволяет себе замечание такого рода, объясняя неудобство хлопот о нем в июле месяце: "...все тогда бывают за городом, и в таком уединении министры и вельможи, от которых зависит наша участь, с трудом к себе допускают..."²³⁴

Эта фраза – и явное свидетельство того, что Дубровский не из числа званных в Приютино, пригородное имение Олениных, куда в теплые месяцы перемещался и их салон. Оленин имел тенденцию окружать себя и в служебной обстановке людьми, ему обязанными и вхожими в его салон, где, наряду с аристократами, постоянно собирались и литераторы, и лица, причастные к Академии художеств. Невысокого звания Дубровский, в отличие от хозяев Приютино, обладал реальным знанием того, что представляли собой знаменитые парижские салоны XVIII в., традициям которых старались подражать в Западной Европе и в России уже XIX в. Еще бóльшими казались неудобства, проистекающие от возраста Дубровского, обуславливающего проявление вовсе нежеланной уважительности: он был на 9 лет старше Оленина, на 14 лет старше Крылова, на 21 год – Ермолаева, на 30 лет – Гнедича. А Оленину также хотелось, чтобы и Библиотека воспринималась как его "дом"; и потому он сам вмешивался во все дела (или, во всяком случае, имитировал подобную деятельность) и устраивал туда служащими (с денежным окладом и без оклада) тех, кто составлял в глазах света "оленинский кружок" – и от того-то в дни дежурств видных литераторов в Библиотеке собирались нередко те же лица, что и вечерами в доме Олениных.

На взгляд Оленина малоприятными были самостоятельность Дубровского в предложении проектов и деловитом оформлении таких начинаний, нежелание признавать это совместным деянием со славолюбивым Олениным, тем более подписывать свои научные труды его именем, как это приходилось делать проживавшему у Олениных А.И. Ермолаеву²³⁵. К.Ф. Калайдович писал об этом, понимая напечатанное под именем Оленина в 1814 г.²³⁶ "Рассуждение об издании полного собрания деесписателей", В.П. Козлов в примечаниях к своей монографии возле фамилии Оленина в квадратных скобках справедливо называет имя Ермолаева²³⁷, а в основном тексте неизменно употребляет такое наименование: проект "издания летописей А.Н. Оленина и А.И. Ермолаева"^{237а}.

Возможно, что Дубровский допустил неосторожность, оценивая оленинские труды, считавшиеся научными, поскольку разносторонняя образованность Оленина – как написано в статье о нем в биографическом словаре русских писателей – "в большинстве случаев" не выходила "за дилетантский уровень"²³⁸. Ф.Ф. Вигель, в отличие от многих своих знакомых, писавший, что в Оленине "можно было найти тонкий ум, веселый нрав и доброе сердце" и о том, что он "никогда не изменяет чести", в то же время констатирует: "Он прослужил целый век и приобрел много познаний, правда, весьма поверхностных, но которые в его время и в его кругу заставили видеть в нем ученого и делового человека... по пословице, всегда гонялся он за всеми зайцами вдруг; но, не по пословице, настигая их: у которого оторвет лоскут уха, у которого клочок шерсти, и сими трофеями любил он украшать не только кабинет свой, а отчасти и гостиную. Он имел притязания на звание литерато-

²³⁴ Письмо П.П. Дубровского Н.Ф. Грамматину, подготовленное к печати А.В. Мельниковым, см. наст. изд. С. 396.

²³⁵ Голубева О.Д. Ермолаев А.И. // Сотрудники РНБ. Т. 1. С. 213–214.

²³⁶ Записки важные и мелочные К.Ф. Калайдовича // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым. М., 1861. Т. 3. С. 94.

²³⁷ Козлов В.П. Указ. соч. С. 374.

^{237а} Там же. С. 17 и др.

²³⁸ Цит. по: Евсеева М.К. Указ. соч. С. 421.

ра, артиста, археолога; даже те люди, кои видели неосновательность сих приязней, любя его, всегда готовы были признавать их правыми”²³⁹.

Вице-президент Академии художеств, скульптор и медальер граф Ф.П. Толстой, всеми признаваемый человеком высокого благородства, неустанно заботившийся о том, чтобы у даровитых выходцев из социальных низов была возможность получать высшее художественное образование, вспоминая Оленина, рассуждал: “При всем его образовании, познаниях, любви к искусству, несмотря на полный авторитет, который он умел приобрести до того, что каждое его слово в высших кругах общества было законом, Оленин своим управлением сделал для Академии более вреда, нежели пользы. Алексей Николаевич был слишком самонадеян в своих познаниях и слишком много верил в непогрешимость своих взглядов и убеждений”²⁴⁰.

Оленин в своей потребности в рекламировании личных достижений в области искусств и науки и значения своей меценатской деятельности переходил грани приличия. Даже в статье 1828 г. памяти А.И. Ермолаева, подписанной его инициалами и широко известной как его сочинение, он не удержался от необычного для некролога самовосхваления: “Нынешний член Государственного совета тайный советник Алексей Николаевич Оленин, заметив в молодом Ермолаеве отличные качества ума и сердца, принял его под свое покровительство и определил в 1800 г. в службу в канцелярии Правительствующего Сената. А.И. Ермолаев до самой кончины своей пользовался благосклонным расположением сего ревностного покровителя талантов, которого дом, как и сердце, всегда ему были отверсты. Живя 30 лет сряду в кругу его семейства, он, наравне с членами оною, разделял его попечения. Редкий пример, с одной стороны, доброты, а с другой – чувства признательности”²⁴¹.

И в то же время Оленин не удосужился принять меры к изданию трудов ученого палеографа, о необходимости чего сам же писал в том же некрологе. И московский профессор И.М. Снегирев имел основания сетовать: “Жалко, что труды Ермолаева сгибли и пропали с его кончиною. Дивлюсь политике гг. Малиновского и Оленина, которая под спудом таит свои светильники, какими могли бы они озарить мрак отечественной древности”²⁴².

Оленин по-разному проявлял свое отношение к разным людям, и с разной степенью откровенности демонстрировал их, хотя наблюдательные замечали то, что Оленину хотелось утаить. И потому-то столь неоднозначны оценки личности Оленина современниками. М.И. Семевский, сам придерживавшийся мнения, что Оленин “чуждый ласкательства и принижения, но одинаково любезный и обязательный”, счел нужным особо отметить: “Разноречивые толки о его личности составляют камень преткновения для будущего биографа: приязненные или враждебные отзывы о нем до того односторонние, что из них трудно выработать верную характеристику этого... деятеля”²⁴³.

Благоприятный имидж Оленину создавали прикормленные им литераторы и художники и явственно заметная забота о талантливых деятелях из их среды. Обеспечив возможность литературного творчества знаменитых Крылова и Гнедича, устроив им жалование служащих Библиотеки и “не принуж-

²³⁹ Вигель Ф.Ф. Записки. М., 1892. Т. 4. С. 145. См. также: Грин Ц.И., Третьяк А.М. Хрестоматия. С. 193.

²⁴⁰ Цит. по: Голубева О.Д. А.Н. Оленин. С. 92.

²⁴¹ Грин Ц.И., Третьяк А.М. Хрестоматия. С. 133.

²⁴² Цит. по: Там же. С. 129.

²⁴³ Цит. по: Предисловие к сообщ. Н.И. Стояновского “Алексей Николаевич Оленин: 1. Переписка с гр. Аракчеевым. 1816–1833 гг. и 2. Ссылка Лабзина в 1822 г. // Русская старина. 1875. Окт. С. 280.

дая” – по словам самого же Крылова – к исполнению собственно библиотечных обязанностей, Оленин и сам сумел прослыть “меценатом”, и Библиотека выглядела как очаг развития нашей литературы: на заказной знаменитой картине Г.Г. Чернецова “Парад на Царицыном лугу” начала 1830-х годов, двое в группе отобранных для изображения писателей – служащие Библиотеки – Крылов и Гнедич (двое других – наставник наследника российского престола Жуковский и Пушкин). Но об Оленине как о “милом человеке” и о значении его усилий для развития литературы и искусств писали и В.Ф. Одоевский, и С.Т. Аксаков.

Резко отрицательны отзывы об Оленине таких видных деятелей противоположных общественно-политических убеждений, как Н.И. Тургенев и М.А. Корф; причем Тургенев знал его лишь в Александровскую эпоху, а Корф ближе узнал в годы правления Николая I. Декабрист Тургенев акцентирует внимание на нравственных моментах и мере естественности в поведении, а умелый правительственный функционер Корф – на уровне деловитости. Так, Тургенев записал в дневнике: “В маленьком теле – маленькая душа”, “тарабарщик”, “шут”²⁴⁴, а Корф дал сразу после кончины Оленина в 1843 г. его развернутую характеристику в Дневнике, явно рассчитанном на посмертную публикацию.

18 апреля 1843 г. Корф пишет: “Умер вчера один из ничтожнейших людей нашей администрации, умевший или успевший между тем стяжать себе не только все почести и величия гражданские, но и некоторую репутацию, даже некоторую популярность. Имя этой ничтожности – Алексей Николаевич Оленин, лилипут и ростом, и всеми высшими дарованиями административными”. Он никогда не “утомлялся” в получении наград (денежных, должностей, орденов), за 15 лет пребывания государственным секретарем, когда он в 1812 г. сменил Сперанского, “доказал вполне совершенную свою бездарность». Далее: “Как член Государственного совета, Оленин всегда был совершенною, полною, отчаянною ничтожностью; другие члены, если не говорят в Совете, то рассуждают, однако, о делах вне Совета, и видно, что они в них, сколько могли, вникли или, по крайней мере, старались вникнуть. Оленин, напротив, никогда не говорил и не только не думал ни об одном деле, но ни одного даже и не слушал. Вообще, кроме некоторой приятности в легком разговоре, некоторой начитанности и большой памяти на старые анекдоты и коммеражы, он был человек в высшей степени отрицательный, с какими-то опрокинутыми суждениями и понятиями о вещах, без энергии, без рассудительности, даже без здравого смысла. И этот человек, повторяю, сумел составить себе нечто вроде репутации”. Отмечается, что Оленин “умел делать карандашом легонько эскизы”; “выдавал себя за знатока и мецената в художествах”. Характеризуется его неумелое управление и Академией художеств, и Библиотекой: “...о Публичной библиотеке – этом драгоценном и при всем том лишенном чрез дурную администрацию всякого общепользнего направления или употребления хранилище – довольно будет сказать, что в 30-летнее управление Оленина не успели составить ей каталогов, которых она и теперь не имеет”²⁴⁵.

В записи 20 апреля Корф снова возвращается к той же теме, в связи с панегириками покойному в “Северной пчеле” и других газетах: “Я писал уже, что Оленин, при всей своей ничтожности, успел стяжать себе некоторую ре-

²⁴⁴ Голубева О.Д. А.Н. Оленин. С. 118.

²⁴⁵ Корф М.А. Дневник. Год 1843-й. М., 2004. С. 183–186.

путацию”. И после цитаты из некролога такое заключение: «В этом наборе слов все – или преувеличение, или ложь (кроме, разве, семейных и христианских добродетелей покойного): и писавший эти строки, я думаю, сам вместо “слез искренней признательности” внутренне смеялся над своим хитросплетенным панегириком»²⁴⁶.

О.Д. Голубева считает, что “самым беспощадным критиком Оленина” был Корф, и в его характеристике “переплелись вымысел, гипербола и реальность”, отмечая при этом, что “единственно бесспорное замечание” – о каталогах, в которых, по словам Корфа, “забыли безделицу – означить места, где стоят внесенные в каталог книги”, т.е. суждение Корфа, особенно существенное в плане нашей темы – об Оленине как руководителе Библиотеки. Мнение автора Дневника об Оленине О.Д. Голубевой объясняется наивно, примитивно и фактологически неосновательно – лишь “элементарной завистью к успехам Оленина, который много лет был гос. секретарем”, завистью и к “открытому дому Оленина, его авторитету и популярности среди просвещенного общества”, а также и “проявлением баронского чванства по отношению к простому дворянину”²⁴⁷.

Корф действительно был человеком недобрый, лицеприятным, резким в оценках людей, даже завистливым (составители Хрестоматии о Библиотеке совершенно правильно поступили, включив в книгу и негативные отзывы и его современников, и более молодого А.Ф. Кони о написанном бароном Корфом²⁴⁸). Он был сервилитом в исторических сочинениях по истории времени новейших царствований (и в этом плане больше, чем кто-либо другой может считаться предтечей официозных историков при сталинском режиме). Но “успехи” Корфа на государственной службе были большими, в отличие от Оленина в его годы: с апреля 1843 г. он, 42-летний, был уже и членом Государственного совета (Оленин им стал в 64 года); и с наименьшей разоблачительной злобностью он характеризует в том Дневнике и лиц титулованных, да и мать Оленина родилась княжной (о чем Корф упоминает), и Оленин не мог казаться барону “простым дворянином”.

В записях Корфа проявилось коренное различие натур обоих и их отношения к формам и результатам своей служебной деятельности. Умный, активный и бесконечно трудолюбивый Корф, предельно организованный, четкий в своей работе, стремящийся быстрее добиться ее ощутимых результатов и, конечно, необходимых для его славолубия высоких оценок, был нетерпим к сановникам типа Оленина, вполне удовлетворяющимся высокими должностями и внешней показухой. Он томился, если был “поставлен в бездейственную праздность”²⁴⁹, ибо “занятия” – как писал сам Корф – “*составляют основной и любимый элемент моей жизни*” (курсив мой. – С.Ш.)²⁵⁰. Его идеал государственного деятеля – М.М. Сперанский, помощником которого он был по возвращении этого выдающегося государственного реформатора и юриста в столицу. Корф мог сопоставлять систему и результативность в исполнении Сперанским и Олениным одних и тех же должностных обязанностей. Правда, Корф сам наблюдал Оленина уже тогда, когда его тревожила мысль лишь о том, как сохранить достигнутое им привилегированное поло-

²⁴⁶ Там же. С. 192–193.

²⁴⁷ Голубева О.Д. Оленин А.Н. С. 155–156.

²⁴⁸ Грин Ц.И., Третьяк А.М. Хрестоматия. С. 362–368.

²⁴⁹ Ружицкая И.Б. Очевидец, или Один год из жизни члена Государственного Совета Российской империи // Корф М.А. Дневник. Год 1843-й. С. 10.

²⁵⁰ Корф М.А. Дневник. Год 1843-й. С. 196.

жение. Не случайно М.И. Семевский определяет Оленина как “государственного деятеля царствования Александра I”²⁵¹, а у Корфа впечатления об Оленине – это годы правления Николая I.

Соображения же об Оленине как директоре Библиотеки отражают особое внимание Корфа уже тогда к этой должности. В записи 23 апреля, на следующий день после похорон Оленина (с информации о которых и начинается она), Корф замечает о должности директора Публичной библиотеки: “Место это, признаюсь, льстило бы и мне, и очень согласовывалось бы с моими вкусами; думаю, что мне и не отказали бы в нем, но *одно* решительно оставивало меня его искать: это – подчиненность Уварову, душевно мною презираемому” (курсив автора)²⁵². Можно думать, что презрение к Уварову переносилось Корфом и на приятельствующего с ним Оленина, к чему добавлялась и память об очернении Олениным после его падения почитаемого им Сперанского (от которого, кстати, мог немало узнать и об Оленине).

В пушкиноведении подчеркивается отсутствие близости между Пушкиным и Корфом в их лицейские годы, несходство их натур и жизненных устремлений, представлений о моральных и общественных ценностях. Тем более показательно единодушие в характеристике Оленина, о котором в черновике VIII – петербургской главе “Евгения Онегина” – такие слова: “пролаз, нулек на ножках”²⁵³.

Наблюдения современников помогают представить черты, свойственные натуре Оленина и возможные приемы его поведения в обществе и действий на государственной службе.

Мог воспользоваться Оленин тогда и особенностями политической ситуации – падением М.М. Сперанского, в годы возвышающегося влияния которого обласкан был Дубровский, и акцентировать внимание, демонстрируя свое отечестволюбие накануне Отечественной войны с наполеоновской Францией, указывая на якобы французофильство Дубровского и полезность замены менее подготовленного к описанию и изучению памятников русской письменности Дубровского на специалиста прежде всего по такой проблематике. И не этим ли объясняется слишком бесстрастное, правда, высказывание О.Д. Голубевой об Оленине: “Формирование нового штата не всегда проходило гладко. С известными трудностями Оленин заменил хранителя Депо манускриптов П.П. Дубровского – специалиста по французской истории – на А.И. Ермолаева – знатока палеографии и русской истории”²⁵⁴.

Утверждать, что именно эти обстоятельства или совокупность подобных обстоятельств привели к исключению Дубровского из службы в Библиотеке и к удалению от своего детища, конечно, нельзя. Более того, не одна лишь человеческая несовместимость была причиной происшедшего. И дело не столько в Дубровском.

* * *

Препятствием к взаимопониманию Дубровского и Оленина, вероятно, стало и различие в общественных взглядах, в направленности просветительских намерений и predeterminedенной этим манере жизненного поведения. Это обуславливалось в какой-то мере и различием социокультурных предпосы-

²⁵¹ Семевский М.И. Указ. соч. С. 280.

²⁵² Корф М.А. Дневник. Год 1843-й. С. 196.

²⁵³ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 17 т. М., 1995. Т. 6. С. 514.

²⁵⁴ Голубева О.Д. А.Н. Оленин. С. 32. См. также: Она же. Хранители мудрости. М., 1988. С. 12–13.

лок в воспитании и в становлении личности. Дубровский – небогатый шляхтич, воспитанник сравнительно демократичной Киево-Могилянской академии, где желающие могли освоить и навыки серьезных занятий с использованием прежде всего книжности. Оленин же – из придворно-аристократической петербургско-московской среды: мать – из рода князей Волконских; отец дослужился до чина полковника лейб-гвардии, а настоящим отцом злоязычный М.А. Корф называет – очевидно, повторяя ходячее мнение, – церемониймейстера екатерининского двора, от которого Оленин унаследовал мальчишеский рост²⁵⁵. Тогда повторяли каламбур, обыгрывавший его фамилию – “O, le pain!” (“O, карлик!”)²⁵⁶. И в привилегированном Пажеском корпусе главное было овладеть знанием условностей придворной жизни и ценными в высшем свете навыками образованности. Разным был и превалирующий интерес к явлениям зарубежной культуры Века Просвещения: Оленин более всего воспринимал ее в немецком варианте, попав 17-летним в дрезденскую артиллерийскую школу; для Дубровского же за граница началась примерно в те же годы сразу с Парижа. Оленин усвоил четкопоказной стиль военной и государственной службы в Германии, где особенно стремились к совершенствованию техники малополезных военных парадов и выработанных камералистами внешних правил делопроизводства. Дубровский же застал время, когда фрондирование и политизированное философствование были приняты в самых аристократических парижских салонах. Оленин формировал свои вкусовые пристрастия под впечатлением знакомства с суждениями Винкельмана об античности, подражательства в немецкой живописи и, увлекаясь изобразительным искусством, в сфере которого проявился его талант рисовальщика, а затем и гравера.

И по мировоззрению, и по манере общения с людьми, и по предпочтениям в культуре зарубежья Дубровскому был гораздо ближе А.С. Строганов, вызывавший, к тому же, уважение принадлежностью к поколению его родителей. Дубровского подкупали просветительский склад натуры Строганова, общественный темперамент, нравственные устремления, представление о службе как служении. Это выявлялось и в понятиях о воспитании: родители Оленина к сыну были “холодны” и – как он сам писал – строго придерживались принципа “всяк сверчок знай свой шесток”, без элементов либерализма и филантропических затей²⁵⁷. Строганов же верил в великую общественную силу воспитания и сам был нежным заботливым отцом, а затем и дедом. Это нашло отражение и в жизненной позиции их сыновей – и в отношении П.А. Строганова к единственному сыну, гибель которого в битве с войсками Наполеона в 1814 г. совершенно подкосила его силы, лишила всякого вкуса к жизни²⁵⁸. Строганов призывал вступившего на престол Александра I к освобождению крестьян. Сына же Оленина убили в 1854 г. свои же крепостные. “Дурное обращение Оленина с людьми его” и “обременительные повинности” названы причинами расправы со своим барином и во “всеподданнейшем отчете” III Отделения²⁵⁹; Н.А. Добролюбов посвятил этому событию юношескую поэму 1855 г. “На смерть помещика Оленина, убитого крестьянами за жестокие обращения”²⁶⁰.

²⁵⁵ Корф М.А. Дневник. Год 1843-й. С. 183.

²⁵⁶ Голубева О.Д. А.Н. Оленин. С. 150.

²⁵⁷ Там же. С. 9.

²⁵⁸ Меттерних Т. Указ. соч. С. 214–220.

²⁵⁹ Голубева О.Д. А.Н. Оленин. С. 157–158.

²⁶⁰ Добролюбов Н.А. Полн. собр. соч. Л., 1969. Т. 1. С. 43–56.

Строгановы – и отец и особенно сын – не склонны были подделываться под моду в своих суждениях, обнаруживая независимость взглядов, даже расходясь во мнении с государем. Оленин же вел себя совсем иначе. Как четко сформулировала И.Н. Медведева, исследовательница жизни и творчества близкого к Лениным Н.И. Гнедича, Оленин был “либерал в модном, дозволенном духе и реформатор постольку, поскольку нововведения были предусмотрены начальством”²⁶¹. Известны написанные им письма с обоснованием вреда от получения крепостными художественного образования в Академии художеств: “...человек, по моему мнению, крепостной и должен иметь ту степень воспитания и познания, которая сообразна с его состоянием, тогда он будет полезен, в противном же случае – вреден для помещика, для сотоварищей и, следовательно, для общества”²⁶². (И писал Оленин об этом никому иному, как Аракчееву.)

И о декабристах (а некоторых из них он не раз принимал в своем доме и был близок с их родителями) в декабре 1825 г. писал как о “подлецах”, об их выступлении, как о “злодействе”²⁶³. Оленин прежде всего старался уловить и выражать придворные или во всяком случае принятые в ту именно пору в высшем свете взгляды.

Говоря современным языком, Оленин был человеком “тусовки”, в какой-то мере даже “Репетиловым” в сановном чине. Движение к вершинам лестницы Табели о рангах было его главной целью, доставляло наслаждение – с каким ликованием, когда ему пожаловали чин действительного тайного советника, Оленин писал в 1830 г. писателю М.Н. Загоскину в Москву о своем новом “длинноописуемом и долгопроизносимом чине”²⁶⁴. А.С. Строганов был по зову души общественным деятелем и, тем самым, в какой-то мере и государственным деятелем, Оленин же, как метко определил В.О. Ключевский, “государственным дельцом”²⁶⁵.

Становится все очевиднее, что действия Оленина были направлены и на умаление значения сделанного Строгановым и его сотрудниками и укрепление представления о том, будто началом работы Библиотеки в наибольшей мере обязаны именно Ленину, сумевшему навести там порядок и выступившему с новаторскими идеями, которые и осуществил на практике. А Дубровский – глава “действительно любопытнейшего отделения Императорской Публичной библиотеки” (определение самого Оленина²⁶⁶) казался воплощением результативности намерения Строганова и строгановской традиции.

Однако критиковать Строганова, упоминая его имя, было невозможно, и это выражалось внешне обтекаемой фразеологией, продемонстрировать же неквалифицированную или даже недобросовестную работу его ставленника Дубровского было значительно проще и безопаснее.

В этом же плане показательным, что озлобленно и завистливо писавший о Дубровском М.И. Антоновский, отстраненный Строгановым в 1803 г. от всех дел в Библиотеке, но продолжавший получать жалованье, а затем по объявлению государственного секретаря М.М. Сперанского в 1810 г. отчисленный с назначением пенсии на один год, как раз в 1812 г. по ходатайству Оленина

²⁶¹ Медведева И.Н. Н.И. Гнедич // Гнедич Н.И. Стихотворения. 2-е изд. Л., 1956. С. 21–22; Голубева О.Д. А.Н. Оленин. С. 122.

²⁶² Голубева О.Д. А.Н. Оленин. С. 106–107.

²⁶³ Там же. С. 122.

²⁶⁴ Цит. по: Там же. С. 25.

²⁶⁵ Ключевский В.О. Алексей Николаевич Оленин // Он же. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 130.

²⁶⁶ РА. 1878. Кн. 2. № 8. С. 440.

получил пожизненную пенсию²⁶⁷. (В то же время очевидно, что Оленин, которому Строгановым было уже доверено управление Библиотекой в 1810 г., не хотел (или не сумел) ходатайствовать за этого опытнейшего служащего Библиотеки²⁶⁸).

Оленин настойчиво и последовательно старался внушить и власть держащим, и широкой общественности мысль, что при назначении директором Библиотеки он “нашел сие книгохранилище в таком положении, которое непременно требовало *совсем иного устройства как по хозяйственной его части, так и по ученой*” (курсив мой. – С.Ш.). Это он счел возможным публично заявить уже в первом отчете об управлении Библиотекой, изданном в 1813 г.

Между тем ограничиваясь даже только документацией, приведенной в хрестоматии “Публичная библиотека глазами современников (1795–1917)”, умело и любовно составленной Ц.И. Грин и А.М. Третьяк, нетрудно убедиться в том, что основы, на которые опирались в дальнейшей деятельности, были заложены при Строганове, а зачастую и по личному почину его. Причем система этих основных положений была детализирована. Уже в октябре 1810 г. в рескрипте Александра I по докладу Строганова указывается, что “Библиотека приведена в надлежащее устройство и порядок”, и, “желая ускорить открытием ее на пользу общую”, император утвердил “Положение” об образе ее управления и содержания²⁶⁹.

Безусловно то, что Оленин по своей новой должности участвовал (и, вероятнее всего, активно) в подготовке этого документа. Но гораздо существеннее то, – как написано во вступительной статье к этому разделу Хрестоматии – что «в его составлении принял участие самый крупный реформатор александровского времени М.М. Сперанский. Именно он отстаивал существование Библиотеки при Министерстве народного просвещения, способствовал сохранению в ее официальном наименовании определения – “Публичная библиотека”». Но далее читаем о поддержке им стремления Оленина «воплотить в “Положении” о Библиотеке идеи, выдвинутые Екатериной II»²⁷⁰. А ведь это именно те идеи, которые были впервые сформулированы в “Плане Публичной Российской библиотеки”, составленном в доме Строганова еще в 1766 г. В чем состоит новация именно Оленина, непонятно.

Строганов ставил задачи собирания отечественных изданий и рукописей отечественного происхождения, и широкого доступа к книгам библиотеки общественности. Строганов проявлял себя и как меценат, помогая и молодым литераторам, и художникам. Державин обращался к нему: “...муз днесь любитель!.. их всех покровитель!”²⁷¹ Близкий к Пушкину П.А. Плетнев, напоминая об этом и о “дружеских пособиях” его И.А. Крылову и другим, и о

²⁶⁷ Шилов Л.А. Антоновский М.И. // Сотрудники РНБ. Т. 1. С. 57, 58.

²⁶⁸ О работе М.И. Антоновского в библиотеке см.: Моричева М.Д. Библиотека Залуских и Российская национальная библиотека. СПб., 2001. С. 23.

* Отметим при этом, что Антоновский – литератор и историк – при всем своем невыносимом характере, действительно много сделал, руководя всеми “первоначальными работами по организации книжного фонда, его разбору по содержанию, языкам и формату”, «разработал» оригинальную схему классификации фонда, на самом рубеже XVIII и XIX столетий, не говоря уже о составлении и публикации именно им сочинений Суворова, и о том, что ему принадлежит выбор названия “Наука побеждать”. См.: Лопатин В.А. Суворов в своих письмах // Суворов А.В. Письма. М., 1986. С. 420, 766–767.

²⁶⁹ Грин Ц.И., Третьяк А.М. Хрестоматия. С. 77.

²⁷⁰ Грин Ц.И. Вступительная статья к разделу “Новый храм просвещения в Петербурге” // Грин Ц.И., Третьяк А.М. Хрестоматия. С. 64.

²⁷¹ Цит. по: Грин Ц.И., Третьяк А.М. Хрестоматия. С. 59.

том, что юный Н.И. Гнедич, “открыт был Строгановым”, явно целил в Оленина, приписывавшего эти заслуги только себе, и не удержался от высказывания: “Преемник его по Академии художеств А.Н. Оленин, которого он удостоивал дружбы своей, конечно, много от него заимствовал в постоянном стремлении своем ко всему, что касалось до литературы и художеств” (курсив мой. – С.Ш.)²⁷².

А.С. Строганов скончался за четыре месяца до посещения уже отстроенного здания Библиотеки Александром I, когда решено было организовать празднество ее открытия. После составления “Плана” 1766 г. Строганов прожил еще 45 лет, и именно ему, ставшему в 1800 г. во главе императорских библиотек, Публичная библиотека обязана не только сохранением ее “бытия” – как формулировал Оленин – но и первоначальным устройством, заслугу которого Оленин пытался приписать только себе.

Оленин был действительно очень заметной, а затем и очень влиятельной фигурой в системе организации развития и искусств, и литературы, и даже исторических наук (особенно специальных исторических дисциплин), но не отличался способностью к подлинному новаторству и широтой самостоятельных замыслов. И это полагал нужным особо отметить В.О. Ключевский.

В.О. Ключевский в тексте речи (или статьи?), подготовленной, видимо, в 1893 г., т.е. к годовщине 50-летия со времени кончины Оленина, понимая, что в сказанном и написанном по такому поводу подразумевается одический стиль, дал, естественно, высокую оценку вкладу Оленина в развитие культуры России первой половины XIX в.: “Оленин – это целые полвека в истории нашего просвещения и нашей историографии, особенно археологической ее ветви... Прекрасно образованный человек, страстный любитель искусства и литературы, талантливый рисовальщик, с тонким чувством изящного и огромной начитанностью, любитель отечественной старины и покровитель нарождающихся отечественных талантов”²⁷³. Но лукавый историк (которого Шаляпин приметливо воспринимал похожим на пушкинского Василия Шуйского из “Бориса Годунова”), конечно, не случайно определяет Оленина не как “государственного деятеля”, а называет его “государственным дельцом” и пишет: “Оленин не давал направления просвещению и историографии, но в продолжении 50 лет – до 1843 г. – трудно вспомнить в ходе русского просвещения крупное дело или крупного дельца, не припоминая и Оленина” (курсив мой. – С.Ш.)²⁷⁴. Едва ли это написано не под свежим впечатлением издания в 1891–1893 гг. “Записок” Ф.Ф. Вигеля. И как это соответствует пародийной характеристике Оленина еще 1810-х годов, отраженной в словах Н.И. Тургенева в протоколах общества “Арзамас”, где отмечено разнообразие занимаемых им постов и присущее ему умение “всегда и везде находить себе место”²⁷⁵.

По прошествии более чем столетия со времени, когда размышлял Ключевский, становится ощутимо то, что тогда еще нельзя было осознать в оценке творимого лично Олениным для роста нашей культуры. Он способствовал распространению интереса не только к археологическим знаниям, но и пониманию значения вещественных источников для познания истории и развития приемов той методике, которую ныне называем комплексным источниковедением. Он утверждал необходимость изучения и воспроизведения ис-

²⁷² Там же. С. 61 (статья П.А. Плетнева “Граф Александр Сергеевич Строганов”).

²⁷³ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 130.

²⁷⁴ Там же.

²⁷⁵ Цит. по: Евсеева М.К. Указ. соч. С. 422.

торических реалий в произведениях художников. Регулярные собрания в его доме, которые обычно определяют как “салон”, становились школой творческого единения литераторов и художников”²⁷⁶. “Дом Оленина – по выражению В.Э. Вацура – любимое местонахождение Крылова”²⁷⁷. Там обсуждался по частям текст перевода Н.И. Гнедичем гомеровской “Илиады”, апробировались выступления на публичных собраниях в Библиотеке. Гостеприимное пригородное Приютино оказалось в какой-то мере прообразом “домов творчества” XX столетия. Без инициативного участия Оленина не обеспечена была бы материальная база творческой работы знаменитых тогда писателей. Это объяснялось во многом тем, что самому Оленину была душевно близка такая деятельность, в ней он мог беспрепятственно проявлять и свои дарования, и вкусы.

Но подлинным книголюбом, тем более приверженным к книговедению, Оленин не был. Показательно в этом плане, что Оленин – в отличие от большинства подлинных книголюбов – не позаботился, даже достигнув очень почтенного возраста, о посмертной судьбе своей Библиотеки.

Однако Оленин особо дорожил должностью директора Библиотеки, с годами ощущал, видимо, все большую привязанность к ней, старался – особенно в первые десятилетия – не только демонстрировать, но и на деле проявлять активность. Он гордился и внешним убранством Библиотеки и еще более тем, что ее служащими становились всем известные писатели, общение с которыми, к тому же, сближало Библиотеку и его знаменитый на весь Петербург салон. Но у него не обнаруживалось до вступления в должность навыков руководителя Библиотеки, т.е. в 45 лет (Оленин родился в 1763 г.), особой склонности к книговедению и овладению знаниями о постановке библиотечного дела, хотя еще 12-летним составил – на французском языке – каталог личной библиотеки²⁷⁸.

Конечно, как человек европейски образованный и приученный к систематике в организации работы, он занялся освоением международного опыта. Но так и не осознал, что престиж Библиотеки определяется не численностью ее книжного фонда, даже не значимостью рукописных богатств, а степенью доступности этого всего потребителям (т.е. читателям) и особенно уровнем профессионализма сотрудников Библиотеки, их творческой заинтересованностью именно в библиотечной работе. Это, а не соблюдение установленного порядка в хранилищах и читальных залах, тем более не декларирование достижений в отчетности, может только и быть показателем эффективности библиотечной работы. Поверить в реальную основательность подобных демонстраций могли лишь не искушенные в этом деле. И на их мнение Оленин прежде всего и рассчитывал, внушая мысль о непрерывном прогрессе в организации работы Библиотеки и своих особых заслугах на этом поприще.

И в недавней литературе об Оленине бросается в глаза введение в научный обиход новых – и благоприятных для него – данных о других сферах его историко-культурной деятельности, но и бездоказательность утверждений, характеризующих Оленина как “великого” библиотекаря. Это нетрудно установить, опираясь на написанное как раз О.Д. Голубевой, утверждающей, что “главное достижение Оленина, прославившее его имя в истории, – создание

²⁷⁶ См. об этом: Тимофеев Л.В. Указ. соч.

²⁷⁷ Вацура В.Э. Из истории литературного быта пушкинской эпохи. Глава 1: Петербургский салон // Он же. Избр. труды. М., 2004. С. 237.

²⁷⁸ Мартынов И.Ф. О библиотеке екатерининского паж: каталог книг Алексея Оленина, 1775 г. // Памятники культуры. Новые открытия: ежегодник 1977. М., 1977. С. 155–159.

национальной библиотеки России”²⁷⁹ – в ее книге “А.Н. Оленин” из серии “Деятели Российской национальной библиотеки”, вышедшей в 1997 г. (Далее ссылки на это издание приводятся в скобках.)

О.Д. Голубева – как отмечалось уже – признает бесспорность замечания Корфа о каталогах, даже приводит цитаты из книги, изданной к 100-летию Библиотеки: «К концу правления Оленина расстановка книг пришла в такое состояние, что “требуемое... почти никогда не отыскивалось, даже если библиотекари знали или помнили, что оно точно должно тут быть. Получить спрашиваемую книгу принадлежало к редким изъятиям; общее правило состояло в отказе»» (с. 59).

О.Д. Голубева указывает, что с самого начала у Оленина не было твердой точки зрения на назначение и роль каталога (с. 60). “Колебания отразились в его частых распоряжениях, бесконечных уточнениях... Принимались различные решения, порой противоречащие ранее принятым... Оленин не сумел понять, оценить и истолковать прогрессивное предложение почетного библиотекаря В.Г. Анастасевича о введении вместо письменных каталогов тетрадного типа карточный” (так в тексте. – С.Ш.) (с. 62).

“При Оленине был написан 31 том систематического каталога”, он «каждую субботу “по утру” на общем собрании проверял работу по переписыванию карточек в тетрадные каталоги». И далее: “Ради экономии времени на создание каталогов”, он отказался и от печатания годовых отчетов, и от “торжественных ежегодных праздников” (с. 63), (а праздники сводились – добавим – не к демонстрации работы Библиотеки, а художественного творчества служивших там писателей). “Отсутствие у Оленина устоявшихся взглядов на каталогизацию отрицательно сказывалось на создании каталогов” (с. 65).

«Он переоценил роль... локальной памяти библиотекарей, не сумел решить вопрос о шифре. А главное его упущение состояло в том, что он рассматривал каталог как “инвентарь книжного имущества”, игнорировал роль каталога для отыскивания книг в библиотеке и раскрытия читателю фондов» (с. 67). “Подготовленные письменные каталоги оказались почти бесполезными и для читателей”, ибо, «как остроумно и точно выразился Евгений Болховитинов в письме к Анастасевичу, каталоги эти составлялись “не для употребления и пользы публики, но для послушания начальству”, с чем в душе не мог бы не согласиться и Оленин» (с. 67).

«С первого года работы Библиотеки Оленин жестко проводил линию предназначения Библиотеки только для “ищущих истинного просвещения”. Распоряжением от 29 августа 1814 г. Оленин запретил чтение романов, так как, по его мнению, они служат “к развращению нравов”» (с. 74). «А несколькими днями ранее, 24 августа 1814 г. Оленин запретил выдавать для чтения текущие политические газеты, “поелику же оных всегда можно найти во всех кофейных клубах и других местах”» (с. 75).

«В 1836 г., – пишет О.Д. Голубева, – он повторяет свое распоряжение “площадных повестей, гадательных книг, романов, журналов, и других тому подобных бесполезных и большей частью вредных для юношества сочинений, без особого разрешения начальства сей Библиотеки никому не выдавать”» (с. 80).

«Во времена Оленина Библиотека довольно часто и надолго закрывалась в связи с “починками” и строительством нового корпуса. В общей сложности она была закрыта 6 лет!» (с. 82); “в 1830-х гг. жизнь Библиотеки почти замер-

²⁷⁹ Там же. С. 5.

ла” (с. 83). Приводятся и слова, хорошо знавшего жизнь в Библиотеке, бывшего ее сотрудника писателя М.И. Загоскина, передающего в 1826 г. представления столичного общества о Библиотеке и ее значении: “Я знаю многих постоянных жителей Петербурга, не имеющих никакого понятия о здешней Публичной Библиотеке, я даже уверен, найдутся и такие, которые не знают, что прекрасное здание, примыкающее с одной стороны к Малому Театру, а с другой – составляющее угол против Гостиного Двора, есть то драгоценное книгохранилище, богатству которого позавидует всякий иностранец”. Загоскин отметил уменьшение числа читателей (с. 83).

«Оленин и Ермолаев представили пробный лист 1-го тома собрания русских дееписателей из Лаврентьевского списка “летописи”... Однако, как писал А.Ф. Бычков, “после отпечатания в ноябре 1815 года двух листов текста, образцовых, должно сказать, по точности и fac-simile различных почерков, которыми писана рукопись, дело остановилось и не было более продолжаемо, вероятно за разнородными занятиями Оленина”» (курсив мой. – С.Ш.) (с. 137–138).

“В марте 1812 г. Оленин учредил при Библиотеке особое общество для составления сокращенного славяно-русского словаря”. В этом “просматривается стремление Оленина превратить Библиотеку в серьезное учреждение”, но “замысел... не был осуществлен” (курсив мой. – С.Ш.) (с. 140–141).

“В последние годы его административная активность в значительной степени была проформой. Фактически он мало занимался делами” (с. 147).

В свете воспринимаемого из приведенных цитат положения О.Д. Голубевой, будто бы Оленин – “отличный организатор” и “пытался сделать из Библиотеки главный научный институт” (с. 146), представляются противоречащими ей же написанному. Думается, это убеждает в том, что нет серьезных резонов признавать Оленина “фактическим основателем Публичной библиотеки”, как это сформулировано и в статье Ц.И. Грин²⁸⁰. Действительно, “история Библиотеки не знает другого такого длительного правления”. Но если именно это побуждает особенно высоко оценивать его деятельность, то тогда придется признать самым выдающимся российским министром иностранных дел его современника К.В. Нессельроде, виновного в позоре Крымской войны. Их сближали и общность монархически-крепостнических общественных взглядов (такие примеры приведены в книге О.Д. Голубевой), и убеждение в том, как выразился Оленин в 1823 г., что “весьма трудно или лучше сказать невозможно с надлежащим успехом управлять местами без явного монаршего благоволения к усердию управляющих оными”²⁸¹.

Правление Оленина в Библиотеке началось не только с расправы с Дубровским, но и посягательством на авторитет А.С. Строганова, которому Библиотека обязана и идеей своего возникновения, и эффективной подготовкой к ее открытию для “публики”. Заслуги Строганова Оленин пытался присвоить себе и, десятилетиями насаждая такую мысль, уверил в этом и некоторых историков первой в России Публичной библиотеки и библиотекovedов.

Должно восстановить историческую правду. На книжных полках, если располагать книги серии “Деятели Российской национальной библиотеки” в хронологической последовательности их деятельности, первым в этом ряду следует отнести место книгам об А.С. Строганове и П.П. Дубровском, сыгравшим наиболее значительную роль в период становления Библиотеки. Уже

²⁸⁰ Грин Ц.И., Третьяк А.М. Хрестоматия. С. 76.

²⁸¹ Голубева О.Д. А.Н. Оленин. С. 112.

П.А. Плетнев провозгласил право оценивать “благородную прекрасную деятельность” Строганова так же, как и другого “русского мецената”²⁸² Ивана Ивановича Шувалова. Недавно изданы монографические исследования о славных меценатах более младшего возраста – графах А.И. Мусине-Пушкине и Н.П. Румянцеве. Хочется думать, что скоро сможем познакомиться и с книгой о графе А.С. Строганове, и публикация статей в журнале “Наше наследие” на грани XX и XXI веков – это лишь начальный этап подготовки такой книги.

* * *

О роли Дубровского в создании Депо манускриптов и вообще о Дубровском не принято было в России публиковать что-либо при жизни Оленина, скончавшегося в 1843 г. В литературе о собрании Дубровского, приведенной в статье о Дубровском в Словаре деятелей Публичной библиотеки, после прижизненных для Дубровского статей 1805–1807 гг., указаны лишь очерк М.Н. Загоскина 1828 г., а затем литература уже второй половины XIX в. То же обнаруживаем и в библиографических данных в статье о Дубровском в Каталоге личных архивных фондов. Очерк Загоскина “Одно утро в императорской С.-Петербургской публичной библиотеке” напечатан в разделе “Проза” московского журнала “Атеней” в 1828 г. “Атеней” публиковал, не считая переводов, сочинения в основном московских авторов²⁸³.

Загоскин переехал в Москву в начале 1820-х годов. До того он в 1818–1820 гг. служил в Публичной библиотеке. “Во уважение известных занятий... в российской словесности”, Оленин в 1817 г. принял его в почетные библиотекари; в августе 1818 г. его взяли в штат Библиотеки, где он служил вместе с И.А. Крыловым и проявил себя деятельным сотрудником. Загоскин – пишет О.Д. Голубева – «был вхож в салон Оленина, участвовал во всех его начинаниях. Комедию “Добрый малый” посвятил Оленину». После переезда в Москву связей с Библиотекой не терял. Переписывался с Гнедичем, Олениным, Лобановым, интересовался библиотечными событиями...» За полезные для Библиотеки труды “был оставлен в звании почетного библиотекаря”²⁸⁴.

Очерк в “Атенеи”, судя по взаимоотношениям автора с Олениным, написан, можно думать, по согласованию с директором библиотеки (если даже не по его и просьбе). Это – очерк – как верно отмечено, – “пропагандирующий сокровища” Библиотеки, о “прекрасном здании” и “о драгоценном книгохранилище, богатству которого позавидует всякий иностранец”. И соответствующего стиля концовка: о намерении снова посетить Публичную библиотеку, для вторичного осмотра сего знаменитого книгохранилища, которое “по богатству своему, есть одно из важнейших в Европе, и едва ли не первое по примерному порядку и внутреннему устройству, коими оно обязано неусыпному попечению начальства и неутомимым трудам и усердию своих сотрудников”²⁸⁵. Основная тема очерка – впечатление образованного россиянина, поклоняющегося только иноземному, от первого посещения им Библиотеки, куда привел его автор, так сказать, в патриотически-воспитательных целях. Там пришлось упомянуть и о Дубровском, точнее – его собрании рукописей:

²⁸² Грин Ц.И., Третьяк А.М. Хрестоматия. С. 59.

²⁸³ Русская периодическая печать (1702–1894). С. 199–201 (о журнале “Атеней”).

²⁸⁴ Голубева О.Д. Загоскин М.Н. // Сотрудники РНБ. Т. 1. С. 216–217.

²⁸⁵ Атенеи. 1828. Ч. 1, № 1. С. 63.

“Осмотрев отделение Русских книг, мы отправились в хранилище рукописей, – оно заключает в себе не менее 12-ти тысяч манускриптов; важнейшее приобретение, сделанное по части библиотеки, состоит в драгоценном собрании рукописей, вывезенных из Парижа Дубровским”²⁸⁶. И далее об ощущении героя очерка при знакомстве с автографами Генриха IV французского, Людовика XIV, Марии Стюарт и английской королевы Елизаветы, Екатерины Медичи, кардиналов Ришелье и Мазарини, Вольтера, Руссо, с пергаменным уникалом французской каллиграфии XVII в. Жари, рисунками китайских художников – о некоторых манускриптах более подробно – письме и молитвеннике Марии Стюарт, ученической тетради Людовика XVI, ненапечатанной рукописи Вольтера²⁸⁷.

Между тем достаточно пространно было написано и о Дубровском, и о его собрании в книге еще 1818 г. Эти данные как будто пока остаются вне внимания изучающих биографию Дубровского и его собрание манускриптов.

В 1818 г. в Петербурге была издана книга третья сочинения П.П. Свинына “Санкт-Петербург и его окрестности”. Там и гравюра с изображением библиотеки и несколько страниц именно о Дубровском и собранных им рукописях. В книге – параллельный текст на русском и французском языках²⁸⁸.

Павел Петрович Свинын – писатель, историк, путешественник, собиратель древностей, издатель петербургского альманаха “Отечественные записки” (1818–1819), а затем журнала под таким названием в 1820–1830 гг., где были опубликованы хвалебные отзывы о “Евгении Онегине” и о “прелестных” стихах Пушкина, а с 1827 г. – знакомец Пушкина²⁸⁹. К Свиныну, человеку очень любознательному, неутомимому путешественнику и коллекционеру, убежденному пропагандисту исторических и памятниковедческих знаний и сведений о “самородках”-писателях, изобретателях и др., у современников было неоднозначное отношение – и в аристократических кругах скорее ироническое из-за его “склонности к сенсационным вымыслам и черты сервизма”²⁹⁰. Это же отразилось и в научной литературе – негативная оценка личности и деятельности Свинына, опирающаяся особенно на данные о его проживании помещиком в Костромской губернии, в книге В.Н. Бочкова²⁹¹. Хотя “Свинын был, конечно, не ученый, а дилетант, журналист, с излишней доверчивостью воспринимавший любую попадавшуюся информацию”, однако он немало сделал “для оживления краеведения в нашей стране, для популяризации наших исторических памятников” отмечает А.А. Формозов. Он приводит и показательное мнение Н.В. Гоголя – писателя, отличавшегося острой наблюдательностью и склонностью к насмешкам, и позднее занявшегося преподаванием истории, в письме матери 1830 г., рекомендовавшего прочесть статью Свинына о Полтаве: “Я хотя и природный жилец Полтавы, много, однако ж, нашел для меня нового и неизвестного”²⁹². Думается, что наиболее основательна и справедлива в оценке творчества Свинына и его зна-

²⁸⁶ Там же. С. 60.

²⁸⁷ Там же. С. 61–62.

²⁸⁸ Свинын П. Указ. соч. СПб., 1818. Кн. 3. С. 156–163 (С. 156, 158, 160, 162 – на рус. яз.; С. 157, 159, 161, 163 – на фр. яз.).

²⁸⁹ Черейский Л.А. Указ. соч. С. 389–390.

²⁹⁰ Там же. С. 389.

²⁹¹ Бочков В.И. “Скажи, которая Татьяна?!”: образцы и прототипы в русской литературе. М., 1990. С. 48–106.

²⁹² Цит. по: Формозов А.А. А.С. Пушкин и древности: наблюдения археолога. М., 1979. С. 84–87, 82.

чения для просвещения знанием об истории статья В.Ю. Афиани о П.П. Свиныне как московском краеведе²⁹³. Там информация и о путевых записках его и о зарубежье, и о России, о целенаправленном желании ознакомить с Россией и с ее достопримечательностями иностранцев, о создании им частного “Русского музея”, сыгравшего немалую роль в закреплении общественного представления о необходимости иметь в России национальный музей.

Свинын, адресовавший еще до того свои сочинения о зарубежье (прежде всего Северной Америке) россиянам, а о России – иностранцам, этот свой труд предназначал одновременно и для россиян, и для пребывающих в Россию иностранцев, и опирался уже на опыт составления своих прежних сочинений и восприятия их читателями. Об этом читаем и в начальных строках обращения “К читателю”: “В бытность мою в Америке и Англии, я издал краткие записки о С.Петербурге и Москве. Сочинение сие было принято с таким любопытством, что успех превзошел мои ожидания”²⁹⁴.

Автор умело выбрал сюжет о Публичной библиотеке – истории ее создания и строительстве великолепного здания в центре города, ее устройстве, ее книжном и рукописных изданиях. И начинается он с дифирамба Оленину: “При нем, утвердительно можно сказать, Библиотека получила новую жизнь и то благоустройство и великолепие, в коем она представляется”²⁹⁵.

Но человек, далекий от светского круга Оленина, он осмелился и однозначно положительно и достаточно пространно написать о Дубровском, об оценке его деятельности еще за рубежом, о собрании им своей коллекции манускриптов, отмечая самые ценные среди них. Думается, что страстному коллекционеру Свиныну импонировал коллекционерский азарт Дубровского; вызвали особое уважение и его познания в рукописном наследии. Свинын мог почерпнуть данные об отношении к коллекции Дубровского в Париже и из напечатанного в 1805 г. Но, вероятнее всего, и успел встретиться с самим Дубровским, получив от него информацию о собирании рукописей в других странах: так о поездке в Италию нет упоминания в Послужном списке – она могла быть и частной инициативой служащего посольства. Перечень манускриптов позволяет составить представление о выработанной Дубровским программе экскурсии в Депо манускриптов. В то же время заметно, что автор не уточнял свои первоначальные записи: “собственноручные письма... об открытии Америки” мог писать не Филипп II – современник Ивана Грозного, а Фердинанд, который и был супругом Изабеллы.

Приводим этот текст полностью:

“Главное богатство хранилища рукописей составляет музей Г. Дубровского, приобретенный к сей библиотеке щедростию Государя Императора в 1805 году²⁹⁶. г. Дубровский, с давняго времени служа в Дипломатическом корпусе, находился при разных посольствах Российскаго Двора и прожил вне своего отечества 26 лет. В течение сего времени он с неуспынным прилежанием, и к частию, с необыкновенною удачею собирал древния рукописи и составил коллекцию, заключающую в себе памятники 13 веков.

Г. Дубровский неоднократно для сего предмета принимал путешествия по разным краям Европы, старался осведомляться о местах, где хранились лучшия рукописи, и, будучи еще во Франции, заслужил имя любителя древности. Коллекция его была известною

²⁹³ Афиани В.Ю. “Русский путешественник” Павел Петрович Свинын (1787–1839) // Краеведы Москвы. М., 1991. Вып. 1. С. 45–59.

²⁹⁴ Свинын П. Указ. соч. СПб., 1816. Кн. 1. С. 2.

²⁹⁵ Там же. С. 150.

²⁹⁶ “Его Величество Царскою рукою наградил г. Дубровского за драгоценное собрание сие: кроме чинов, орденов и единовременных выдач денег, имел он под конец 7000 руб. ассигнациями пенсии, из коих три тысячи, по смерти его, оставлены двум сестрам его” (примеч. – П.П. Свинына).

в Париже; знатнейшие особы и знаменитые путешественники посещали ее, ученые мужи (Аб. Рив и проч.) писали диссертации на некоторые из его манускриптов; славные писатели отзывались о них с похвалою. Когда Революция расторгла все части правительства во Франции, в то время открылось обширнейшее поле Русскому собирателю манускриптов. Народные мятежи отворили двери тайных хранилищ, в которых находились сии драгоценности. *Бастилья* была разрушена, архивы ее разграблены неистовою чернью, монастыри уничтожены, смиренные старцы, блюстители библиотек изгнаны – все досталось в руки Якобинцев, которые, попирая ногами самые священные монументы их древней славы, старались истреблять их и продавали за ничто. В сию то необыкновенную эпоху, увлекаемый своею страстию г. Дубровский употребил все средства, чтоб сии сокровища, непокупаемая никакими сокровищами – сие достояние Государства, достать в свои руки. Среди общего смятения, ему удалось купить знатную часть тайных и редких бумаг, хранившихся в Бастилии, между которыми находятся оригинальные письма многих Королей и других особ знаменитых. Таким же образом достал он *редкое собрание из библиотеки Сен. Жерменской*, которая почиталась одним из первых хранилищ рукописей. В ней было более 80 тысяч писанных книг, который несчастным образом сделались жертвою пламени; но некоторые из лучших и драгоценнейших манускриптов²⁹⁷ достались г. Дубровскому²⁹⁸.

Краткость принятого нами плана не позволяет рассмотреть всех любопытных рукописей сего редкого собрания, но можем смело сказать, что в нем заключаются не только некоторые источники для Истории нашей, но драгоценные перлы письмен и словесности многих народов – древних, средних и новейших. Наименуем, по крайней мере, отличнейшие из них.

После упомянутого Сент-Жерменского Кодекса, т.е. послания Апостола Павла, непосредственно следует рукопись, названная по красоте своей, *серебряною книгою*. Из Римских онциальных манускриптов отличается рукопись V века. Между собранием Галльских рукописей замечательна одна того же века, содержащая в себе X книгу творений Св. Августина *о граде Божиим*. В числе Греческих рукописей находится очень древний отрывок на пергаменте, писанный почерком, называемым *style lapidaire*. В собрании древних Трубадуров французских замечательный, великолепный роман *о Трое*, который живописец Давид назвал меньшим братом Траяновой колонны и манускрипт, сочиненный, писанный и разрисованный рукою Короля Сицилии и Иерусалима *Ренне Данжу* – для прекрасной *Иоанны де Лаваль*. – Из коллекции рукописей Лудовика XII, творения Св. Иеронима слышат прекраснейшим манускриптом в целой Европе по превосходству живописи, в нем находящейся. Между новейшими рукописями можно поставить за образец красоты письма книгу единственного красноречивца *Жарри*, которого никто еще не мог превзойти в чистописании. Из нея *Дидот* почерпал образчики для своих пунсонов. – Из числа рукописей, приобретенных г. Дубровским в Италии, *Плутарх* почитается оригинальным. Из собранных им в Испании и Португалии – *Коран*, писанный *Куфическими буквами* и принадлежавший, по древнему преданию, *Фатиме*, дочери Пророка Магомета. В собрании рукописей, сделанных им в Брабанте, Голландии и Германии, примечается *свиток* на древнем еврейском языке в 2 арш. и 10 вер. длины и множество подлинных писем знаменитых Нидерландских писателей, как-то: *Эразма, Паберахия* и проч. Между манускриптами, найденными в Бастилии, со стороны словесности достойны примечания портфель *Волтера*, захваченная у него полицмейстером, когда взят он был в Бастилию по приказанию регента, содержащий многие отрывки собственной руки его, нигде еще не напечатанные и между прочим переписка *Волтера* о запрещении некоторых мест из Семирамиды. *Связка бумаг*, захваченных у Жан-Жака Руссо полициею, и проч.

Особенно внимания заслуживает богатое собрание разных своеручных *бумаг* многих коронованных особ и знаменитых лиц, кои хотя и сошли со сцены мира, но мы любим видеть их и в самых тленных останках, как будто усматривая в них часть самих их. Замечательнейшие из них собственноручные письма Испанского Короля Филиппа II и супруги его Изабеллы (об открытии Америки). Письма Екатерины Медицис – Генриха IV –

²⁹⁷ “Их описание и образчики (fac-simile) напечатаны в трактате Дипломатическом, в Греческой *Палеографии* и в творении *Мабиллиона, de re Diplomatica*” (примеч. – П.П. Свиньина).

²⁹⁸ “В том числе послание Апостола Павла на Греческом и Латинском языках, за которое Англичане предлагали 60 тыс. ливр.” (примеч. – П.П. Свиньина).

Лудовика XIV – Маргариты Медицис – Англинской Королевы Елисаветы – Шотландской Королевы Марии Стюарт. (Сии последняя чрезвычайно любопытны и совсем неизвестны.) Фельдмаршалов: Бризака, Виара, Тюреня – Колберта, Кардинала Ришелье, Кардинала Мазареня, Сюлли, Боссюета, Монтаня и проч.”

К написанному Свиньиным Оленин мог позволить себе относиться пренебрежительно. Но весной 1827 г. в Париже напечатали книгу Ф. Ансело (Ancelet) “Шесть месяцев в России. Письма к Ксавье Сентину, сочиненные в 1826 году в пору коронавания его Императорского величества”. Франсуа Ансело, модный в Париже поэт и драматург, впоследствии член Академии, вместе с супругой Виржини Ансело, славящейся хозяйкой одного из самых влиятельных в Париже салонов (характеризуемого позднее как “передняя” парижской академии²⁹⁹), сопровождал французскую делегацию, прибывшую во главе с маршалом Мармоном, герцогом Рагузским, в Россию на коронацию Николая I.

Автор по своим политическим убеждениям, если так допустимо выразиться, монархист-либерал, изобразил общественную атмосферу в обеих столицах в не во всем благоприятном свете для только что воцарившегося императора. Там передается впечатление в первые месяцы после восстания декабристов и мнения, вероятно, почерпнутые из разговоров в свете и особенно с литераторами. Написано и о декабристах, и об их казни, приводится перевод стихотворения Рылеева, как и ходившего в списках пушкинского стихотворения “Кинжал”, причем со словами сожаления о том, что “познакомиться с ним... не довелось”, так как “неосторожные шаги отправили в изгнание в одну из отдаленных областей г. Пушкина, молодого поэта большого таланта”³⁰⁰.

Выражено удивление по поводу того, что казнь декабристов – “кровавая катастрофа, случившаяся почти накануне церемонии коронации”, не омрачила праздника, хотя “в России почти нет семьи, где не оплакивали бы ее жертв”. Между тем Ансело “увидел, что родители, братья, сестры и матери осужденных принимают самое живое участие в этих блестящих балах, роскошных трапезах и пышных собраниях”. «У некоторых из этих аристократов, – рассуждает наблюдательный иностранец, – естественные чувства были заглушены самолюбивыми притязаниями и привычкой к раболепству; другие, пресмыкающиеся перед властью, опасались, что проявление печали будет истолковано как “бунт” и о показательном для “деспотичного государства” “подобном забвении родственных чувств”»³⁰¹.

Описывая торжественные похороны Карамзина, он замечает, “что заслуженные почести... относились... не столько к знаменитому писателю, сколько к личному советнику императора” и официальному Историографу, и резюмирует: “В стране, где глава правительства – все, нет иной славы, кроме исходящей от него или санкционированной им посредством чинов...”³⁰²

В книге немало информации о достопамятностях Петербурга и Москвы, но в основном поверхностной и вторичной, взятой из доступных автору путеводителей. Включено и письмо (XX) от июня 1826 г. об Императорской Публичной библиотеке и Дубровском и его собрании манускриптов. Понятно, что Ансело исходил и из того, что французскому читателю любопытно будет

²⁹⁹ Сперанская Н.М. Указ. соч. С. 7.

³⁰⁰ Ансело Ф. Указ. соч. С. 42.

³⁰¹ Там же. С. 162–163.

³⁰² Там же. С. 50.

узнать о богатой коллекции манускриптов, создававшейся в конце XVIII в. именно в Париже; тем более что вычитал в сочинении Свиньина о внимании к ней парижан той поры и могли еще быть живы видевшие эти рукописи до отъезда Дубровского из Франции или помнившие предания об этом собрании рукописей и историю его пополнения в первые революционные годы. Не исключено, что Ансело знакомился и с переводом “Писем русского путешественника” Карамзина, особенно убедившись в том, что значит имя Карамзина для просвещенных россиян, а также и для высшего света – еще в 1800 г. в Лейпциге появился немецкий перевод “Писем”; некоторые парижские письма напечатали в переводе на французский язык³⁰³.

Естественно, что книга Ансело, вскоре переизданная во Франции и в других государствах, вызвала повышенный интерес у читателей обеих столиц и у россиян, проживавших тогда за рубежом. Среди отозвавшихся в печати – князь П.А. Вяземский. Книгу приобрел для своей библиотеки А.С. Пушкин³⁰⁴.

Откликнулся в 21-м номере журнала “Московский телеграф” за 1827 г. и Свиньин гневной статьей «Легкий способ составлять в Париже книги о России. (Еще несколько слов о книге “Six mois en Russie”)». Он уличал Ансело в плагиате из сочинения “Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей” путем сопоставления текстов обоих изданий³⁰⁵. Свиньин был знаком с Ансело, пользовавшимся его собранием рукописей; они переписывались³⁰⁶. Плагиат очевиден и в XX письме, озаглавленном в издании книги с русским переводом “Императорская библиотека. Дубровский”. Но Ансело передал и свои ощущения от знакомств с Библиотекой – он был так поражен ценностью собранных Дубровским манускриптов, что уверился в том, что Дубровский непременно “богач”³⁰⁷. Этот текст, впервые изданный в русском переводе, тоже стоит привести целиком в части, относящейся к Дубровскому и его коллекции:

“Екатерина II, исполненная честолюбивых устремлений, лелеяла надежду украсить свое царствование, богатое смелыми предприятиями и кровавыми триумфами, еще и славой литературной. Не довольствуясь великими событиями, которые ее гений оставлял в наследство потомству, она хотела завоевать славу и на поприще науки: основать в Петербурге публичное книгохранилище, где читатели всех сословий могли бы вопрошать вековую мудрость и брать уроки у прошлого...

В 1805 году щедростью императора Александра к сокровищам библиотеки была добавлена коллекция рукописей г. Дубровского. Этот богач, подвизавшийся на дипломатическом поприще, провел за пределами России двадцать шесть лет и был одним из самых неутомимых библиофилов Европы. Он собрал литературные памятники за тринадцать столетий, а Французская революция, разрушив монастыри и замки и разогнав владельцев и хранителей библиотек, открыла широчайшее поле для его деятельности. Ему удалось приобрести за бесценно ценнейшие рукописи, хранившиеся в Бастилии, в том числе автографы многих королей и самых знаменитых людей Франции. Библиотека Сен-Жерменского аббатства содержала более восьмидесяти тысяч рукописей. В дни беспорядков и варварства почти все они сгорели, однако г. Дубровский, которого не останавливали никакое препятствие и никакая опасность, сумел спасти самые любопытные, такие, как послание апостола Павла по-гречески и по-латыни (англичане предлагали за него шестьдесят тысяч франков, но тщетно).

³⁰³ Марченко Н.А. История текста русского путешественника // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. С. 611.

³⁰⁴ Сперанская Н.М. Указ. соч. С. 12–13. Отклики на книгу помещены в указанном издании сочинений Ф. Ансело (С. 182–224).

³⁰⁵ См. об этом: Сперанская Н.М. Указ. соч. С. 14–15.

³⁰⁶ Алексеев М.П. Русская культура и романский мир. С. 306–307; ЛН. Т. 16/18. С. 600–602.

³⁰⁷ Ансело Ф. Указ. соч. С. 74.

Я не назову тебе, мой дорогой Ксавье, всех манускриптов, составляющих коллекцию этого неутомимого собирателя, ограничусь лишь упоминанием рукописи Жарри, у которого, как говорят, наш знаменитый Дидо позаимствовал модели своих пуансонов, считающегося подлинным экземпляром Плутарха, куфического Корана, принадлежавшего, если верить древней традиции, дочери пророка Магомета Фатиме, портфеля, отобранного у Вольтера во время его заключения в Бастилии и содержащего никогда не публиковавшиеся письма, бумаги, обнаруженные полицией у Ж.-Ж. Руссо, подлинные письма Филиппа II, короля испанского, Изабеллы (об открытии Америки), Екатерины Медичи, Генриха IV, Людовика XIV, Елизаветы, Марии Стюарт и т.д.; нескольких малабарских рукописей иглой на пальмовых листьях и, наконец, священной книги браминов на санскритском языке, описывающей превращения Вишну”...³⁰⁸

В письме ХХ особо выделены заслуги именно Дубровского, о котором написано достаточно подробно. Названы, правда, и сотрудники “драгоценного вместилища литературной славы” И.А. Крылов, Н.И. Греч, М.Е. Лобанов³⁰⁹, однако директор Библиотеки Оленин не упомянут. Вероятно, потому-то и надумали и сочли полезным напечатать очерк Загоскина, уже тогда видного писателя.

“Атеней” – московское издание, независимое от личных вкусов и пристрастий петербургских салонов (а салон Олениных славился как сборище литераторов и царил в нем И.А. Крылов), но там старались сообщать новости и столичной жизни и выражать суждения об изданиях, особенно заинтересовавших в ту пору петербургский свет. И в очерке о Публичной библиотеке после книги Ансело нельзя уже было обойтись без упоминания имени Дубровского.

* * *

Не исключено, что Пушкин, выбирая фамилию героям романа зимой 1832/33 г., имел в виду и возникновение аллюзий о взаимоотношениях Оленина и нашего Дубровского. Там (в черновике) даже соответствующая деталь в биографии Троекурова при описании его давнего знакомства со старшим Дубровским – в рукописи вместо слов “Обстоятельства разлучили их надолго” были зачеркнутые слова “Славный 1762 год разлучил их надолго. Троекуров, родственник княгини Дашковой, пошел в гору...”³¹⁰ Всем известно было, что десятилетним Оленина привезли в столицу к родственнице Е.Р. Дашковой, там на него обратила внимание Екатерина, и по ее повелению мальчишка записали в Пажеский корпус³¹¹. И этот текст, характеризующий литературоведами как “анахронизм” (ибо тогда Троекурову в момент тяжбы было 80 лет)³¹², подчеркивает намерение автора.

У Пушкина имелось немало поводов для антипатии к Оленину, в доме которого он был гостем не раз еще до высылки из столицы, и воспринимался как “свой человек” по возвращении из ссылки. Его оскорбляли не только отказ Олениных, когда он сватался к их дочери Анне в 1828 г., но и толки об этом в петербургском свете, и даже в его ближнем окружении. Допустимо предположить, зная Оленина, что причиной отказа жениху была не только репутация политически неблагонадежного и атеиста (как обычно объясняют пушкиноведа³¹³), но и отсутствие влюбленности у юной Олениной (как гово-

³⁰⁸ Там же. С. 73–74.

³⁰⁹ Там же. С. 75.

³¹⁰ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 17 т. М., 1995. Т. 8. С. 755.

³¹¹ Кубасов И. Оленин А.Н. // РБС. Т: “Обольянинов-Очков”. С. 215; Евсеева М.К. Указ. соч. С. 419.

³¹² Кубиков И.И. Общественный смысл повести “Дубровский” // Пушкин: сборник второй / под ред. Н.К. Пиксанова. М.; Л., 1930. С. 96–97.

³¹³ Черейский Л.А. Указ. соч. С. 306 (статьи “Оленин А.Н.”, “Оленина А.А.”, “Оленина Е.М.”); Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин: биография писателя // Он же. Пушкин. СПб., 1997. С. 139.

рили в обществе). Оленина настораживала и могущая стать заметной невыигрышная для Оленина несоизмеримость масштаба их фигур в глазах того же “света” (несмотря на сановное величие Оленина и малый чин Пушкина) и недостаточно почтительное отношение к нему самого прославленного поэта России. Это грозило затмить значимость Оленина даже в его салоне, так как дом Олениных – как отметил В.А. Жуковский еще 1815 г. – “есть место собрания авторов, которых он хочет быть диктатором”³¹⁴.

До Пушкина могли дойти разговоры о преследовании Дубровского Олениным и независимости поведения Дубровского. Пушкин был близок со служащими Библиотеки, наверно, имел понятие об оленинской системе управления, и чем он руководствовался при подборе кадров (пушкинской знакомец Ф.Ф. Вигель вспоминал о том, что Оленин открывшиеся вакансии “роздал поэтам и приближенным своим”³¹⁵). Пушкин, видимо, знал в подробностях историю выживания со службы из Библиотеки близкого лицейского друга поэта А.А. Дельвига, который как раз в это именно время, в 1825 г., посетил опального поэта в Михайловском³¹⁶. Негативное отношение к Оленину проследжено А.А. Ахматовой в прозаическом фрагменте 1828 г. “Уединенный домик на Васильевском”³¹⁷. Неприязню к Оленину объясняют нежелание Пушкина представлять Публичной библиотеке, возглавляемой им, экземпляры изданий своих сочинений³¹⁸.

О Дубровском и созданной им коллекции Пушкин не мог не знать как читатель “Писем русского путешественника”. К тому же Карамзин поведал одно из преданий о “Железной маске”, а личность и судьба этого узника Бастилии Пушкина интересовала и до написания статьи “О железной маске” в 1836 г. для журнала “Современник”. В личной библиотеке Пушкина находился номер журнала “Атеней” за 1828 г. с очерком М.Н. Загоскина о Публичной библиотеке, где назван Дубровский и рассказано о его собрании³¹⁹. Поскольку в библиотеке Пушкина сохранялись и разрозненные книжки “Отечественных записок”, издаваемых П. Свиньиным³²⁰, можно думать, что Пушкин знакомился с написанным Свиньиным о достопамятностях Петербурга, тем более, что очерк о Публичной библиотеке появился в печати в период, когда юный поэт с жадностью впитывал новое и о высшем свете, и о новостях литературы. В личной библиотеке была и книга Ансело.

Вряд ли Пушкин проявил нелюбопытство к хранимому в Депо манускриптов, особенно, когда принял решение отдавать силы занятиям историей и архивным изысканиям. Не под впечатлением ли именно этой коллекции он воскликнул: “Мы с любопытством рассматриваем автографы...” (в рукописном варианте даже вслед за словами “с любопытством” читаем: “с суеверным уважением”). Состав коллекции Дубровского, состоящей отнюдь не только из кодексов, документов официальной переписки, рукописей художественных и научных произведений, мог предопределить рассуждения Пушкина, из которого выхвачена цитата. Приведем полностью этот текст из рецензии на издание переписки Вольтера с президентом Броссом 1836 г.: “Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства. Мы с любопытством рассматриваем автографы, хотя бы они были не что иное, как отрывок

³¹⁴ Цит. по: *Евсеева М.К.* Указ. соч. С. 419.

³¹⁵ Цит. по: *Голубева О.Д.* А.Н. Оленин. С. 129.

³¹⁶ *Голубева О.Д.* Дельвиг А.А. // *Сотрудники РНБ.* Т. 1. С. 182–183.

³¹⁷ *Ахматова А.* Собр. соч.: в 6 т. М., 2002. Т. 6. С. 158–183.

³¹⁸ *Черейский Л.А.* Указ. соч. С. 306 (статья “Оленин А.Н.”).

³¹⁹ *Модзалевский Б.Л.* Библиотека А.С. Пушкина (библиогр. описание). СПб., 1910. С. 125.

³²⁰ Там же. С. 129–130.

из расходной тетради или записка к портному об отсрочке платежа. Нас невольно поражает мысль, что рука, начертавшая эти смиренные цифры, тем же самым почерком и, может быть, тем же самым пером написала и великие творения, предмет наших изучений и восторгов”³²¹.

Впервые достойно и достаточно подробно написал о П.П. Дубровском А.Д. Ивановский в 1869 г. Написанное им справедливо озаглавлено в Хрестоматии о Публичной библиотеке: “Патриотический подвиг Дубровского”³²².

Ныне, по прошествии почти двух столетий, становится все яснее, что Дубровский не только выдающийся по образованности, умелый и поразительно удачливый коллекционер, но заметный в те годы историк и литератор, человек большого организаторского дара, опережавший в своих научных замыслах многих современников. Представляется допустимым сравнительное рассмотрение деятельности двух сверстников, родившихся в 1754 г. – графа Николая Петровича Румянцева и Петра Петровича Дубровского. При небольших материальных возможностях и, не обладая высоким служебным положением, хоть в какой-то мере сравнимым с местом богача и сына фельдмаршала на лестницах государственной и придворной службы, Дубровский был одержим сходными с ним намерениями и столь же целенаправлен в доступных ему способах их осуществления, и в своих патриотических устремлениях. И показательно, что именно их коллекции – у истоков образования отделов рукописных собраний обеих главных публичных библиотек нынешней России.

Е.В. Крушельницкая

РУССКИЕ РУКОПИСИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ П.П. ДУБРОВСКОГО

Русская часть знаменитой коллекции Петра Петровича Дубровского, ставшей основой формирования фондов Отдела рукописей Российской национальной (прежде Императорской, затем Государственной Публичной) библиотеки, насчитывает 50 единиц хранения, в числе которых древнерусские рукописные книги, одна сербская, а также рукописи XVIII – начала XIX в. на русском языке. Все эти рукописи еще в XIX в. были включены в состав Основного собрания рукописной книги (ОСРК. Ф. 550) и распределены по тематическим и форматным разделам этого фонда. Основным признаком для выявления рукописей, входивших некогда в коллекцию Дубровского, служит имеющаяся на листах почти каждой из них запись рукой владельца: “Ex Museo Petri Dubrowsky”. Задачу реконструкции этой части коллекции значительно облегчает сохранившийся старый рукописный инвентарь (РНБ. Разн. Ф. XVIII.193), учитывающий именно 50 рукописей.

Отдельные древнерусские рукописные книги из числа собранных Дубровским привлекали внимание многих ученых, стали предметом специального исследования и были опубликованы. Однако в целом эта часть коллекции Дубровского до сих пор не имеет ни полного тематического обзора, ни каких бы то ни было наблюдений об истории своего формирования. Данная статья преследует цель отчасти восполнить этот пробел.

³²¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 17 т. М., 1996. Т. 12. С. 75, 364.

³²² Цит. по: Грин Ц.И., Третьяк А.М. Хрестоматия. С. 56–59.

Не столь значительная, по сравнению с западноевропейской и восточной, русская часть коллекции Дубровского имеет широкие хронологические рамки, охватывающие девять столетий, – с XI в., древнейшего периода русской письменности, до начала XIX в., рукописей современников Дубровского.

Две самые древние рукописи написаны на пергамене. Одна – известный как “Минея Дубровского” фрагмент Служебной Минеи за июнь второй половины XI в. (Ф.п. I.36)¹. Вторая – сербская рукопись XIV в., содержащая Иерусалимский церковный устав (Ф.п. I.26)². В более позднее время эта книга находилась на Афоне, в лавре св. Афанасия, о чем свидетельствуют записи на греческом языке на ее листах. Книга имеет переплет, который Дубровский заказывал для наиболее древних рукописей своей коллекции, – доски, обтянутые зеленым бархатом, украшенным тиснением растительного орнамента, с плетеными капталами под цвет материала покрытия, с форзацами из золотой парчи.

Русскую часть коллекции Дубровского отличает поразительное тематическое разнообразие: здесь можно найти произведения всех основных жанров древней и новой литературы, разные типы рукописных книг – богослужебные и четьи.

Священное писание представлено рукописью первой половины XV в. с текстом книг Ветхого завета (Q.I.2)³; история канонического права – сочинением о семи Вселенских соборах в рукописи XVI в. (F.I.315)⁴, богослужение – замечательным иллюстрированным Акафистом Богородице, поднесен-

¹ Описание рукописи см.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984. № 22. С. 64–65. К указанной в каталоге библиографии добавим работу М.А. Моминой, в которой уточняется датировка рукописи (*Момина М.А. Проблема правки славянских гимнографических книг на Руси в XI в. // ТОДРЛ. Т. 45. С. 200–219*), и издание текста рукописи М.Ф. Мурьяновым (*Das Dubrovskij-Menäum. Edition der Handschrift F.p.I.36 (RNB) besorgt und kommentiert von M.F. Murjanov. Überarbeit und mit deutschen Übersetzversehen von Hans Rothe und Arnd Wöhler. Herausgegeben von Hans Rothe. Westdeutscher Verlag, 1999*).

² Рукопись содержит 267 листов, между л. 126 и 127 – утрата. Основной писец писал мелким уставом; на некоторых листах его подменяет другой писец с более крупным и четким почерком; на л. 201 об. – 203 об. – крупный устав третьего писца. На л. 1 контурная заставка-плетенка (сурик, синяя краска). Заголовки, подзаголовки и инициалы – суриком, крупные заголовки и инициалы – на голубом фоне. В Последовании церковного пения под 28 октября упомянут сербский архиепископ Арсений. Записи: на л. 235 об. – “Помяни, Господи, и помилуй Агнесу и Равула и чады ми Филиппа и Югона и Равулка, да упокой, Господи, Андрика царева да родью ми Георгеа, да Ирину, да Настасью, да чады ми Росбьрта да Адель, да братью ми Владимира да Георгеа, Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй”; записи – на греческом языке разными почерками (приведены в переводе на русский язык): на л. 2 об. – “Типикон с Богом святым”; на л. 259 об. – “Типикон и Синодик божественной лавры св. Афанасия”; на л. 121 – неразборчиво, вероятно, какое-то имя собственное; владельческая запись Дубровского на л. 1 и 265 об. – “Ex Museo Petri Dubrowsky”. На л. 140 и 265 нижнее поле срезано, скорее всего, вместе с имевшимися на этих листах записями.

³ Рукопись первой половины XV в. на 252 листах (филиграни: Лев – типа Лихачев 524 (1423 г.), 566 (1424 г.); Птица – типа Лихачев 946 (1429 г.); и др.), написана полууставом одной руки. Заголовки и инициалы – киноарные, на л. 1 об. тонкий киноарный орнаментированный инициал. Записи: скрепа по начальным листам скорописью – “Книга глаголемая Четыре Царства попа Григорья Емельянова сына Вылюдьева, а подписал тое книгу он, ильинский поп Григорьище многогрешный, своєю рукою лета 7169 (1661) году” (то же повторено на первом и последнем листах скорописью); на л. 1 об. л. 250 – “Ex Museo Petri Dubrowsky”. Переплет ИПБ – картон, оклеенный мраморной коричневой бумагой, корешок и уголки их коричневого сафьяна. Рукопись ветхая.

⁴ Рукопись на 28 листах, написана полууставом одной руки. Окончание утрачено. Заголовки и инициалы – красной краской, крупные орнаментированные инициалы. Записи: на л. 1 – “Ex Museo Petri Dubrowsky”. Переплет, скорее всего, не исконный, но не позднее XVII в. – доски в коже с тиснением, с двумя застежками (оборваны).

ным царице и великой княгине Прасковье Федоровне Карионом Истоминым в 1695 г. (F.I.142)⁵.

Весьма разнообразен репертуар четых дидактических книг. Это сборник “Великое Зерцало” конца XVII в. (F.I.298)⁶, сборник житий и слов из Пролога второй половины XVII в. (Q.I.403)⁷, две старообрядческие рукописи начала XVIII в., написанные скорописью одной руки, – первая содержит Слово Ефрема Сирина о покаянии и молитву (O.I.85)⁸, а во второй читается, наряду с эсхатологическими статьями, важный и довольно редкий памятник идеологии старообрядчества – Беседа беспоповца Феодосия Васильева с православным (этот диспут состоялся в 1708 г.) (O.I.86)⁹. Интересны два сборничка XVIII в. в восьмушку с характерным набором текстов для монашеского ке-

⁵ В рукописи 65 + III чистых листа (судя по нумерации цифирью, утрачено 6 листов в разных местах рукописи). Текст написан крупным полууставом одной руки. Рукопись украшена большими золотыми фигурными инициалами с антропоморфными и зооморфными элементами, четырьмя барочными заставками в красках, с изображениями в медальонах Христа, Богоматери, апостолов, а также одной заставкой и множеством концовок в виде больших алых соцветий. В рукописи 25 миниатюр, выполненных в иконописной манере красками, золотом. Большинство миниатюр во весь лист. На л. 55 вырезан фрагмент изображения. На л. 22 (на нем первая миниатюра цикла) на чистой стороне сохранились фрагменты красной сургучной печати, бумага в этих местах порвана; этот лист вклеен в рукопись. На нескольких миниатюрах изображены предстоящие царственные особы. Миниатюры имеют стихотворные надписи, сочиненные Карионом Истоминым (как сказано на л. 1 в названии рукописи: “Потщася в сие и около икон стихотвори описанием в царствующем граде Москве худший их царскаго пресветлаго величества богомолец иеромонах Карион Истомин, типографии справщик”). На л. 20 об. – подпись-автограф Кариона Истомина: “Ничтожный вашего царскаго пресветлаго величества богомолец и рабичище Карион иеромонах Истомин на землю припадает, типографии справщик”. Тем же почерком на л. 21 об.: – “Писмена красна строк читати кому кто писа дадут знати”. Рукопись содержит сочиненное Карионом Истоминым Приветствие царице и великой княгине Прасковье Федоровне (супруге царя и великого князя Иоанна Алексеевича) и Последование Канона Акафисту Богородице (этот канон после 6-й песни включает сам Акафист). На л. 1, 2, 65 – “Ex Museo Petri Dubrowsky”. Переплет – доски в коже, с тисненой рамкой дорожником по периметру, с двумя застежками (утрачены).

⁶ Рукопись на 731 листах, написана скорописью нескольких почерков. Окончание утрачено. На л. 1 большая гравированная заставка-рамка. Записи: на л. 1 и 731 об. – “Ex Museo Petri Dubrowsky”. Переплет XVIII в. – доски в коже с тиснением, с двумя застежками (утрачены). Рукопись ветхая.

⁷ Рукопись на 231 листах, написана скорописью одной руки (?). На л. 1 гравированная заставка-рамка (готовый фронтиспис), в которую вписано заглавие и начало первого произведения. Записи: на обороте второго переплетного листа скорописным четким почерком: “Милостивому государю Петру Петровичу Дубровскому в знак особеннаго почтения к трудам его в собрании древних рукописей приносит сию рукопись, доставшуюся мне после деда моего, г-на Решетова, июня 7 дня 1809 года Александр Александров Рыков”; на л. 237 – владельческая запись карандашом о посещении 19 декабря 1742 г. императрицей (имя не указано; очевидно, Елизаветой Петровной) Смольного института; на л. 1 – “Ex Museo Petri Dubrowsky”. Переплет XVIII в. – картон, обтянутый тонкой коричневой кожей, с тиснением дорожником по периметру крышек.

⁸ Рукопись состоит из одной тетради в бумажной обложке (русская бумага с филигранью “Герб Амстердама”), содержит “Наказание о покаянии” (нач.: “Давец всех благих и источник исцелений...”) и молитву покаянную Господу. На обороте последнего чистого листа мелко – “1709”. Эклибриса П.П. Дубровского нет.

⁹ Рукопись на 153 листах, написана скорописью (той же рукой, что и рукопись O.I.85). На л. 1 – заставка пером, чернилами. Помимо “Беседы беспоповца Феодосия Васильева с православным” (список учтен: Дружинин В.Г. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912. С. 73), содержит Слово Ефрема Сирина о покаянии и о будущем суде (нач.: “Придете, любимици...”). Записи: скрепа по начальным листам – “Сия книга вопросы и ответы многогрешнаго Семена Сидорова сына, бывшего земского в вотчине Апраксиной и Окуновой, писано своеручно о пришествии последнего Антихриста и о церковных догматах, чтущии да разумеют”; на внутренней стороне верхней крышки переплета крупной скорописью – “О церковных догматах и о пришествии Антихриста”; на л. 1 и 138 – “Ex Museo Petri Dubrowsky”. Переплет – картон, обтянутый тонкой коричневой кожей, с тисненой рамкой дорожником по периметру.

лейного чтения и правила (О.І.87 и О.І.95)¹⁰. Оба сборника написаны западно-русской скорописью, вероятнее всего, одним человеком и составляют своеобразный монашеский “двухтомник”. Силлабическая поэзия представлена в коллекции сборником конца XVII в., включающим произведение Симеона Полоцкого (Q.XVII.14)¹¹.

Имеется в коллекции Дубровского и рукописный памятник такого традиционного жанра русской литературы, как паломничество. Это Путешествие Николая Радзивилла (1549–1616) в Палестину и Египет (1582–1584). Рукопись (Q.IV.49) датируется 70-ми годами XVII в. и содержит текст основной редакции памятника¹². Как показывает исследование И.В. Федоровой, список наиболее близок протографу русского перевода памятника с польского издания 1628 г. Близость проявляется в способе организации текста, т.е. в расположении его на листах, в соответствии рубрик¹³. Рукопись отличается изысканным художественным оформлением, украшена заголовками и инициалами, выполненными золотом, золотой заставкой тонкого рисунка. Мелкие инициалы изящно-искривленной формы написаны кинноварью.

Количественно в русской части коллекции выделяется тематический раздел истории, что неудивительно, если учесть род профессиональной деятельности Дубровского. К этому разделу следует отнести шесть исторических и хронографических сборников-фолиантов XVII–XVIII вв. Среди них находится давно известный как “Летопись Дубровского” сборник F.IV.238, содержащий целый комплекс исторических произведений. В их числе родословия русских и литовских князей, чин поставления на великое княжение, списки с митрополичьих грамот и ханских ярлыков, ряд исторических сказаний (повести о Константинополе), “Хождение” игумена Даниила, но главное – Новгородская летопись, являющаяся самым обширным новгородским летописным сводом XVI в. (доведен до 1539 г., времени архиепископа новгородского Макария) и

¹⁰ Рукопись О.І.87 имеет 91 лист, содержит поучения Иоанна Лествичника. Записи: на л. 1 – “Ex Museo Petri Dubrowsky”; на обороте чистого переплетного листа, последнего в рукописи – “Петр Дубровский” (перевернуто). Переплет – картон, оклеенный красно-желто-синей бумагой, корешок кожаный. Обрез выкрашен в красный цвет.

Сборник О.І.95 имеет 61 лист (бумага та же, что и в рукописи О.І.87), содержит: Оглавление; Слово Нила Пустынного “о еже тщливо противитися страstem” и другие Слова; Иоанна Дамаскина Сказание “за колико поклонов псалтирь поется”; Слово отца Памвы “Почтение к ученику своему”; Правило монашеского жития; Правило келейное ночное; Правило келейное двойное; Устав св. отец в молчании живущим инокам; Предание некоего великого старца о келейном правиле; Каталог псалмов. Экслибриса П.П. Дубровского нет. Переплет идентичен переплету рукописи О.І.87.

¹¹ В сборнике 53 + I лист, написан он скорописью одной руки. Заголовки суриком. Сборник содержит: “Глас последний царя Алексея Михайловича” – сочинение Симеона Полоцкого, написанное в 1676 г.; “Сетование души о гресех своих и о утешении грешника, о восстании от падения его временного” – сочинение в форме диалога, силлабические стихи; Повесть об Удоне епископе Магдебургском (из Великого Зеркала). Записи: на л. I надпись-“аннотация” – “Глас победный (вместо “последний”) Алексея Михайловича. Сочинение Симеона Полоцкого”; на обороте последнего листа читательская затертая запись – “Сию службу Тихфинской Богоматери читал...”; на л. 1 – “Ex Museo Petri Dubrowsky”. Переплет ИПБ – картон в темной мраморной бумаге.

¹² В рукописи 183 листа, написана мелким аккуратным полууставом одной руки. На л. 1, 183 об. – “Ex Museo Petri Dubrowsky”. Переплет исконный – картон, обтянутый тонкой коричневой кожей, украшенной золотым тиснением (рамка по периметру и ромбовидный средин на обеих крышках).

¹³ Федорова И.В. “Путешествие в Святую землю и Египет князя Николая Радзивилла” в русской литературе XVII – нач. XVIII в.: автореф. дис. ... канд. фил. наук. СПб., 2000. И.В. Федорова выявила еще один близкий к протографу перевода список Путешествия Николая Радзивилла (ГИМ, Синод. 529) – рукопись из библиотеки Евфимия Чудовского, содержащая его правку. Однако эта рукопись не с золотыми, а с кинноварными заголовками и инициалами, и не имеет заставки (для нее оставлено место).

дошедшая только в одном этом списке¹⁴. Другие рукописи из этой части коллекции Дубровского также представляют ценный материал для изучения русского исторического повествования. Это летописный сборник F.IV.237 начала XVII в.¹⁵, исторический сборник F.IV.249¹⁶ второй половины XVII в., три хронографические сборника второй половины – конца XVII в. (F.IV.243¹⁷,

¹⁴ Отдельные статьи этого сборника были изданы, см.: ПСРЛ. СПб., 1907. Т. 17. Стб. 205–218, 413–416; ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 471–536; ПСРЛ. Л., 1929. Т. 4, ч. 1, вып. 3. С. 537–574. Издание текста рукописи в полном объеме вышло в 2004 г., см.: ПСРЛ. М., 2004. Т. 43. В предисловии к этому изданию содержится подробное описание рукописи с воспроизведением водяных знаков. Автор предисловия О.Л. Новикова пришла к убедительным выводам, что рукопись происходит из скриптория Чудова монастыря.

¹⁵ Фолиант на 1442 листах (филиграни – кувшинчики разных типов, среди них кувшинчик одноручный под полумесяцем с буквами “PO” на кузове – типа: Филигрань “Кувшин” XVII в. / сост. Т.В. Дианова М., 1989. № 268 (1609 г.); на переплетных листах знак “Лилия” с контрамаркой “ID” – типа: Дианова Т.В., Костюхина Л.М. Водяные знаки рукописей России XVII в. М., 1980. № 912 (1653 г.)). Текст написан скорописью разных почерков. Рукопись содержит: перечни епископов коломенских, князей русских, епископов, митрополитов русских (последний 46-й – Антоний), перечень епископов; Летописец патриарха Никифора Константинопольского; Летописец Русский (кончается 1577 г.); “Повесть о житии и царстве и преставлении царя и великого князя Феодора Ивановича”, написанную патриархом московским Иовом; Новый летописец в 420-ти главах (по оглавлению и тексту их 422, последняя – о рождении царевны Анны Михайловны в 7138 (1630) г.). Записи: скрепа по начальным листам – “Сия книга графа Александра Сергеевича Строганова”. Переплет середины XVII в. – доски в светло-коричневой коже с тиснением, с двумя застежками (обе утрачены, сохранились большие металлические пробои, украшенные гравировкой тонкой работы).

¹⁶ Сборник содержит хронограф с болгарскими, сербскими и русскими событиями (последние кончаются 7121 (1613) г.), с прибавлением хронографических выписок и исторических статей (летописец времени царствования Алексея Михайловича, повествующий о Степане Разине и казачьих бунтах, о взятии Астрахани, патриаршестве Никона, перенесении мощей митрополита Филиппа; предпоследняя статья – об усмирении Соловецкого бунта, о взятии монастыря и наказании “старцев упрямых, церковных раскольников, и всех засевших там мятежников, в осаде сидевших 9 лет”; последняя статья – о смерти Алексея Михайловича в ночь на 30 января 1676 г.). Рукопись второй половины XVII в. (филигрань: “Лилия” с контрамаркой “SH” (под крестом) I и буквами “WR” под шитом – типа: Дианова Т.В., Костюхина Л.М. Указ. соч. № 961 (70-е годы XVII в.) на 815 листах, написанная полууставом и скорописью разных почерков. Украшена двумя заставками старопечатного стиля (чернила, краски), инициалами с орнаментацией разных типов (оформление рукописи не единообразное). Переплет – доски, обтянутые сиреневым бархатом, обрез украшен золотым тиснением. На л. 1, 47, 815 об. – “Ex Museo Petri Dubrowsky”.

¹⁷ По характеристике О.В. Творогова (*Творогов О.В. Русский хронограф и задачи его изучения // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970. С. 51–52*), это хронографический сборник с отдельными вставками из Хронографа 1617 г. и Хронографа 1620 г. (в рассказе о Смутном времени), изложение кончается 7153 (1645) г. – о преставлении царя и великого князя Михаила Федоровича и о крестном целовании царю Алексею Михайловичу, о помазании его на царство. Рукопись второй половины XVII в. имеет 857 листов, 1 литерный (л. 218а) и 4 чистых переплетных листа (филигрань на переплетных листах: Голова шута с контрамаркой “PB” – типа: Дианова Т.В., Костюхина Л.М. Указ. соч. № 458 (1673–1676 гг.)). Текст написан крупным полууставом одной руки. Переплет исконный (доски в коже с тиснением), плохой сохранности, обе крышки расколты, корешок сильно поврежден. По обрзу – тиснение золотом. К листам рукописи приклеены закладки с пометами скорописным почерком XVII в., пометы этим же почерком встречаются и на полях рукописи (судя по почерку, они сделаны владельцем рукописи – стольником Иваном Никитичем Глебовым, отмечавшим и комментировавшим, прежде всего, важные моменты военной истории России, например: “Зри о взятии немецкаго города, сам князь ходил Иван”; “Зри о взятии города Корелу...”). На начальных листах рукописи скрепы – “Книга сия Гранограф Ивана Никитича”; “Сия книга Гранограф столъника Ивана Никитича Глебова”. На л. 857 запись: “Прадет Моисей Федорович Глебов был воеводоу в Великом Нове городе зъ князь Дмитреем Михайловичем Пожарским. Во Пскове был воеводоу с князь Васильем Ахамугутовичем Черкасским. У города Архангелского был с князь Петром Ивановичем Пронским, от ту (?) жа был у Соли Камской воеводоу. А брат ево Семен Федорович сидел в каменном дел приказе. И Моисей Федорович сидел в каменном приказе и делал церковь при себе на Троецком подворье. А в Полше был с Ростовским митрополитом Филаретом Никитичем Богдан Матвеевич Глебов, и был ясенlichem. И все выше объявленныя прадеды мои были у вышеписанных дел в царство великого государя царя Михаила Федоровича. И Моисей Федорович по желанию своему был пострижен в Пофнугъеве монастыре, и имя ему во иноцех Макарей, и тело его погребено в той же обители”. На л. 1, 13, 857 об. – “Ex Museo Petri Dubrowsky”.

F.IV.244¹⁸, F.IV.248¹⁹). Судя по записям, в более раннее время некоторые рукописи принадлежали знатным владельцам, таким, как граф Александр Сергеевич Строганов, стольник Иван Никитич Глебов, который не только снабдил рукопись пометами и специально сделанными наклеенными закладками с собственными замечаниями, но и оставил подробную запись о деятельности своих предков в Смутное время.

В сборничке в восьмушку О.XVII.³²⁰ середины XVII в. читается Родословная книга (начинается родом Астраханских царей, затем следуют роды русских князей и дворян) и Александрия.

Сборник преимущественно исторического состава Q.IV.23²¹ середины XVIII в. содержит: “Феатрон, или Позор исторический”, переведенное с латинского языка в 1720 г. и изданное в Санкт-Петербурге в 1724 г. сочинение Стратеммана в переводе Г. Бужинского, которое считается первым в России учебником по истории; далее следует большое антираскольническое сочинение, в котором рассматриваются разные аспекты догматики и церковной практики (озаглавлено: “О раскольниках”; при заглавии указан 1745 г.); в конце помещен краткий летописец от Ноя до 1746 г. (последнее событие: “1746 году заключен вечной мир с персидским шахом Надыром и между Оттоманскою Портою”). Характер письма на последних листах (разная интенсивность чернил) и приготовленные к письму несколько чистых листов в конце (очерчена рамка по сторонам) свидетельствуют о том, что летописец дополнял автором рукописи, являвшимся современником событий. Он редактировал текст (часть одного листа вырезана, таким образом был удален фрагмент текста), однако он не продолжил свои записи по каким-то причинам.

Еще одной исторической рукописью, содержание которой доходит до середины XVIII в., является произведение историка и издателя Василия Григо-

¹⁸ Хронографический сборник (по характеристике О.В. Творогова, текст Хронографа 1617 г. до л. 239 об., далее – Русский временник), русские события оканчиваются 7041 (1533) г.; в конце присоединены несколько статей, среди них – Житие Даниила Переславского. Рукопись конца XVII в. (филиграни – “Герб Амстердама” различных типов, один из них – типа: *Дианова Т.В.* Филиграни XVII–XVIII вв. “Герб города Амстердама”. М., 1998. № 126 (1697–1700 гг.)) на 1044 листах, написанных скорописью разных почерков. Заголовки и буквицы – киноварью. Переплет исконный, начала XVIII в. – доски в коже с тиснением, с двумя застежками (оборваны). На внутренних сторонах крышек переплета – читательские записи о местонахождении некоторых статей. На л. 9 – “Ex Museo Petri Dubrowsky”.

¹⁹ Хронографический сборник (по характеристике О.В. Творогова, составлен из частей Хронографа 1512 г. и Хронографа 1617 г.), русские события оканчиваются 6582 (1074) г. Рукопись конца XVII в. в числе филигранных: “Герб Семи провинций” с контрамаркой “CDC” – типа: *Дианова Т.В., Костюхина Л.М.* Указ. соч. № 881 (1693 г. – до 1697 г.), № 882 (1696 г.) на 303 листах, написанных скорописью одной руки. Киноварные орнаментированные инициалы. Переплет исконный, начала XVIII в. – доски в коже с тиснением, с двумя застежками (одна утрачена). Обрез выкрашен в красный цвет. При переплете использованы для подклейки фрагменты листов с текстом покаянного содержания (о душе). На л. 1 – “Ex Museo Petri Dubrowsky”.

²⁰ Рукопись середины XVII в. (филигрань: “Рог изобилия”) – типа: *Дианова Т.В., Костюхин Л.М.* Указ. соч. № 1132, 1133 (1638 г.) на 506 листах (+ II переплетных), написана разными почерками: в начале крупный полуустав, далее (с л. 72) скоропись нескольких почерков. Имеются две заставки чернилами и киноварью старопечатного стиля, одна концовка с изображением руки, держащей светильник; орнаментированные киноварные инициалы. Записи: на л. I – “Сия книга князь Антиоха Федоровича Волконского”, на л. II – “Сия книга столника князь Федора Дмитриевича Волконского года 1 ..6 марта ... день ... челобитье (?)” (обе эти записи зачеркнуты круглыми линиями); на л. II об. – “Описание Астраханских царей и прочих”; на л. I на верхнем поле рукой Дубровского – “Родословие Астраханских царей и князей”; на л. I на нижнем поле – “Ex Museo Petri Dubrowsky”. Переплет исконный – доски в коже с тиснением, обе застежки утрачены.

²¹ Рукопись имеет 256 листов, написана скорописным почерком одной руки. Текст взят в чернильную рамку по сторонам. Переплет исконный – картон, обтянутый тонкой светло-коричневой кожей, с двумя ремешками завязками (оборваны). На л. 1 – “Ex Museo Petri Dubrowsky”.

рьевича Рубана (1742–1795), описывающее историю Малороссии со времени князя Владимира по 1740 г. (F.IV.56)²². Сочинение издано по этой рукописи в 1777 г., а в 1788 г. она подарена Дубровскому самим автором, о чем есть запись в книге.

К этому же тематическому разделу коллекции следует, вероятно, отнести и весьма интересный, не привлекавший еще специального внимания исследователей, иллюстрированный историко-теологический сборник в трех томах (F.I.318/1, 2, 3)²³, созданный отставным комиссаром Василием Афанасьевым (автор-составитель указал свое имя в Предисловии к читателю). Написанные одним человеком (крупным полууставом), три фолианта содержат компилятивный текст, основанный на обширном круге источников. Прежде всего это сочинения по Священной истории (“Деяния церковные и гражданские” кардинала Барония, отпечатанные в Москве в 1719 г., уже упоминавшаяся книга “Феатрон, или Позор исторический”, чрезвычайно распространенный в рукописной традиции Летописец Дмитрия Ростовского), русские исторические источники, в том числе рукописные (Хронограф), а также традиционный репертуар церковной учительной литературы (сочинения Василия Великого, Иоанна Дамаскина, Григория Богослова, Учительное евангелие Транквиллиона, дидактические сборники, такие, как “Маргарит”).

Трехтомный сборник имеет роскошное художественное оформление. Это оригинальное написание заголовков в подражание вязи посредством заполнения промежутков между буквами мотивами “вьющегося” орнамента; а также насыщенная растительными и сюжетными элементами орнаментация инициалов, эклектичная стилистически и, вместе с тем, необычайно оригинальная по фантазии. Но главное – иллюстрирующие текст десятки вклеенных листов западноевропейской гравюры XVII в. (разные серии иллюстрированной Библии, просветительская книга “Morale”; есть гравюры в “черной” манере, многие гравюры раскрашены), а также несколько акварелей, выполненных русскими художниками в 80-х годов XVIII в. Имя одного из них – Иван Ларионов – читается на акварельных рисунках по образцам гравюр на темы пророчества Даниила из Библии Пискатора (эти акварели имеют даты 1785 и 1786 гг.). Акварельные рисунки снабжены виршевыми подписями, сделанными крупными буквами красной краской. Автор-составитель сборника, Василий Афанасьев, был современником П.П. Дубровского и, вероятно, имел много общего с ним в своей биографии. Во всяком случае, содержание авторских отступлений-комментариев в тексте, мало искусных в литературном отноше-

²² Рубан В.Г. Краткая малороссийская летопись (“Краткое описание о Малой России, как она после самодержавия Владимира была под польским владением и как не скоро после того по изгнании из оной ялах гетманом Зиновьем Богданом Хмельницким подведена под высокодержавную руку государя царя великого князя Алексея Михайловича в 1654 году, какие потом были козацкие гетманы и действия украинские по 1740 год”). Рукопись на 206 листах, написана крупным аккуратным скорописным почерком одной руки. Переплет ИПБ – картон, оклеенный красной мраморной бумагой, корешок и уголки – из красного сафьяна. На л. 2 – запись крупной скорописью: “По сей рукописи печатана и издана книга в 1777 году под названием Российской летописи, с дополнением, сочиненным с 1734 по 1776 год, и напечатана им купно с землеписанием Малыя России, изданной вместе от Василья Рубана, коллежского советника, которой сию рукопись подарил Петру Петровичу Дубровскому, Коллегии иностранных дел переводчику при российском министерском после, находящемся в Париже, и подписал своею рукою в Петербурге февраля 1 дня 1788 году. В. Рубанъ”. Экслибрис Дубровского на листах этой рукописи нет.

²³ В первом томе (F.I.318/1, 422 листа) содержатся повести об ангелах, во втором (F.I.318/2, 387 листов) – Страсти Христовы, в третьем (F.I.318/3, 348 листов) – о воскресении Христа и об апостолах. Все три тома написаны на бумаге с разными видами знака “Дилия”, имеют одинаковые переплеты – картон, обтянутый тонкой светло-коричневой кожей с тиснением. Все тома имеют экслибрис П.П. Дубровского – “Ex Museo Petri Dubrowsky”.

нии, но любопытных по содержанию, позволяет предположить, что Василий Афанасьев служил в русской армии, вел походную жизнь, много ездил по свету²⁴. Как и Дубровский, это был незаурядный человек, интересовавшийся историей, собравший во время своих странствий ценную коллекцию гравюр. Выйдя в отставку, он посвятил свой досуг литературным занятиям, опираясь в этом на традиции древнерусских книжников, в основе творческого метода которых лежал принцип компиляции, ссылка на авторитетный источник. Этот замечательный рукописный трехтомник из коллекции Дубровского представляет большой историко-культурный интерес как образец сочетания традиционных принципов творчества с его индивидуализацией, обусловленной требованиями новой эпохи.

Следующий важный и представительный раздел русской части коллекции Дубровского, непосредственно связанный с его профессией (а он, как известно, был переводчиком), – это рукописи переводных сочинений. И здесь обращает на себя внимание широта интересов коллекционера, в собрании которого находим произведения самых разных жанров.

Рукопись Q.I.10 начала XIX в. содержит перевод Псалтири с еврейского языка, сделанный московским архиепископом Амвросием (Зертис-Каменским)²⁵. Предисловие к переводу в этой рукописи является интересным образцом проведенного в XVIII в. научного исследования одного из важнейших текстов Священного писания. В Предисловии освещены научные проблемы, касающиеся структуры и истории Псалтири, ее музыкального сопровождения, истории перевода Священного писания и печатных его изданий. Организация текста перевода в рукописи функциональна: в основном столбце написан текст Псалтири, а на специально оставленной полосе при боковых полях тем же почерком, но более мелко – комментарии к содержанию. Рукопись этого фундаментального филологического труда в коллекции Дубровского свидетельствует о его интересе к современным редакциям и переводам древнего текста.

Рукопись середины XVIII в. (F.III.2)²⁶ содержит перевод философского трактата Раймунда Люллия (1235–1315), поэта, миссионера, философа, оригинального представителя средневекового миросозерцания. Убежденный в разумности христианства, Люллий разработал целую философскую систему разумной связи, проникающей во все сферы бытия и познания. В трактатах

²⁴ Предположительно эту личность можно идентифицировать с Василием Афанасьевичем Афанасьевым, статским советником и кавалером орденов св. Анны 2-й степени и св. Владимира 4-й степени, который родился 20 декабря 1753 г., умер 4 декабря 1811 г. и был похоронен на Волковом православном кладбище в Санкт-Петербурге. См.: Петербургский Некрополь. СПб., 1912. Т. 1. С. 112.

²⁵ Рукопись на 180 листах, филигрань: “Про патрия” – типа: *Churchill W.A. Watermarks in paper in Holland, England, France, etc., in the XVII and XVIII centuries and their interconnection.* Amsterdam, 1935. № 151 (1799 г.), написана аккуратным скорописным почерком одной руки. Весь текст взят в чернильную рамку. Переплет – картон, оклеенный желтой мраморной бумагой, с корешком из кожи с золотым узорным тиснением. Обрез выкрашен в красный цвет. На л. 1 и 180 – “*Ex Museo Petri Dubrowsky*”. На л. 18 об.–19 указано, что перевод выполнен архиепископом Амвросием “при пособии” архимандрита Донского монастыря Варлаама Лашцевского и что работа продолжалась пять лет. Здесь же Амвросий Московский назван “покойным страдальцем” (16 сентября 1771 г. он был убит во время чумного бунта за то, что, пытаясь ограничить распространение эпидемии, запретил крестные ходы и массовые моления). Варлаам Лашцевский, ректор Заиконоспасской академии, умер 28 июля 1774 г. Сопоставление этих дат с датировкой рукописи показывает, что она не является авторской, представляет собой весьма тщательно выполненный список перевода.

²⁶ Рукопись на 524 листах, написана полууставом одной руки. Заголовки кинovarью. Крупные орнаментированные инициалы, один инициал тонкого рисунка старопечатного стиля. Переплет исконный – доски в коричневой коже с тиснением (узорная рамка по периметру и ромбовидный малый средник на обеих крышках). На л. 1 и 524 об. – “*Ex Museo Petri Dubrowsky*”.

Люллий представлял логический механизм своей философии в символических схемах, используя геометрические фигуры, всевозможные таблицы, изображения в виде древа. Сочинения Люллия, популярные в Европе в XV в., распространялись в рукописях, изданы они были в Майнце только в 1721–1742 гг. Рукопись, приобретенная Дубровским, называется “Предисловие философии, великая и предивная наука Раймунда Люллия”. Она чрезвычайно интересна своим оформлением: содержит множество схем в виде кругов, некоторые из них прикреплены к листу рукописи на булавке, так, чтобы вращая круг, можно было менять соответствия философских категорий, указанных в таких своеобразных таблицах. Две схемы в виде древа выполнены в красках. Рукопись украшена роскошной заставкой-рамкой и большим инициалом цветочного орнамента.

В рукописи второй половины XVIII в. (Q.III.9)²⁷ содержится трактат об этике под названием “Наука счастливым быть” (разделы этого трактата таковы: “О должности верных подданных”, “О обхождении”, “О разговорах”, “О молчании и скромности”, “О ругательстве и оболгании”, “О нраве и склонности”, “О бесчестии и мщении”, “О дружестве и недружбе”, “О бережливости и расходах” и т.п.). Перевод с немецкого печатного издания 1759 г. на русский язык был выполнен Сергеем Волчковым.

Еще один трактат – об этике, представленный в коллекции Дубровского в рукописи середины XVIII в. (Q.III.19)²⁸, имеет название “Цвет добродетелей”. Его автором является Амвросий Гродениг, как указано в рукописи, книгохранитель собора Святого Марка. Трактат был напечатан в Венеции в 1675 г., переведен с греческого на русский язык Стефаном Писаревым, переводчиком Государственной коллегии иностранных дел, в Санкт-Петербурге в 1733 г. Основу трактата составляют изречения, причем извлеченные не только из Священного писания, но и из античной литературы (выписки из сочинений Сократа, Сенеки, Аристотеля, Платона).

Не исключено, что единственный экземпляр перевода с французского языка сочинения “Политические и нравоучительные фавулы, или Поведение знатных и милых людей” содержит рукопись F.XV.2⁹. Перевод сделан в 1741 г. сержантом шляхетского кадетского корпуса Степаном Решетовым. Как видно по записи на рукописи, она была одобрена к напечатанию, однако издание это не вышло в свет³⁰.

Интересна история имеющейся в коллекции Дубровского рукописи перевода с латинского языка Панегирика Траяну, сочиненного Плинием

²⁷ В рукописи 95 листов и л. I переплетный, текст написан крупным скорописным почерком одной руки, взят в чернильную рамку по сторонам. Переплет исконный – картон, оклеенный темной бумагой крапом, корешок и уголки кожаные. Запись полууставом на л. I – “Сия книга Карпа Дам...” Экслибриса Дубровского нет.

²⁸ Рукопись имеет 96 листов, написана аккуратной скорописью одной руки. На некоторых листах текст взят в чернильную рамку по сторонам. На внутренней стороне нижней крышки переплета читательские записи с датами 1753, 1755. На л. 1 – “Ex Museo Petri Dubrowsky”. Переплет исконный – картон, обтянутый тонкой кожей, с тисненой рамкой по периметру.

²⁹ Рукопись XVIII в., имеет 72 листа. Записи: на л. 1 – “По желанию г. ассессора Степана Решетова сей книги напечатать в типографии тысячу экземпляров на... (неразборчиво) бумаге в большую октаву. Подполковник Чертков. Подполковник Св... (неразборчиво)”; здесь же рукой П.П. Дубровского – “Originalis”, “Ex Museo Petri Dubrowsky”; на л. 1 об. – скорописным почерком, отличающимся от основного почерка рукописи, – “Милостивому государю Петру Петровичу Дубровскому в знак особенного почтения к трудам его в собрании рукописей талантливых мужей приносит сию рукопись деда моего по матери, г-на Решетова, Александр Александров Рыков 1809 года июня 7 дня”. Переплет исконный – картон, обтянутый тонкой коричневой кожей.

³⁰ Опубликована другая работа Степана Федоровича Решетова – перевод с французского языка “Истории о персидском шахе Тахмас Кули хане” (СПб., 1762).

(F.XV.3)³¹. Перевод выполнен в 1771 г. в Санкт-Петербурге Андреем Нартовым, сыном известного деятеля времен Петра Великого Андрея Константиновича Нартова (1683–1756). В 1773 г. этот подлинник перевода был передан самим переводчиком в библиотеку князя Александра Алексеевича Вяземского (1727–1793), другого выдающегося государственного деятеля, но екатеринских времен. На последнем, чистом листе рукописи имеется читательская запись, скорее всего, сделанная самим А.А. Вяземским. Необходимо отметить, что записи аналогичного содержания тем же почерком есть и в других рукописях коллекции Дубровского: Q.XIV.26, F.XIV.19, Q.VI.5.

В рукописи конца XVIII в. в коллекции Дубровского находится еще один перевод, под названием “Рассуждение о путешествии в Грецию”, выполненный неизвестным автором с французской книги “Voyage du C Choiseul-Gouffier” (F.IV.54)³².

Завершает раздел переводных сочинений в русской части коллекции Дубровского рукопись второй половины XVIII в. (Q.IX.17)³³, содержащая трактат по военному делу барона Рейнгольда Иоганна Мейендорфа (умер в 1776 г.), генерала-поручика и рижского вице-губернатора, кавалера ордена св. Александра Невского. Это сочинение 1763 г. было переведено с немецкого языка коллежским секретарем Яковом Хорошкевичем и издано в Санкт-Петербурге в 1777 г.

Ряд русских рукописей в коллекции Дубровского свидетельствуют о том, что он проявлял интерес к творчеству иерархов Русской церкви, связанных с Киево-Могилянской Духовной академией, выпускником которой он был. Здесь можно еще раз упомянуть список перевода Псалтири с еврейского языка, важнейший из переводов, выполненных с греческого, латинского и еврейского языков Амвросием Зертис-Каменским, также окончившим эту Академию. Есть в коллекции Дубровского церковно-догматический сборник, открывающийся сочинением Дмитрия Ростовского (F.I.181)³⁴. К этому же раз-

³¹ Рукопись содержит 60 листов, написанных аккуратным почерком одной руки. На титульном листе: “Плиния Консула Римского слово похвальное императору Траяну, говоренное в Капитолии. Перевод Андрея Нартова, статского советника и берг коллегии монетнаго департамента члена, члена волного экономического общества и Лепцигскаго ученаго собрания свободных наук и художеств. В Санкт-Петербурге 1771 года. В библиотеку его сиятельства князя Александра Алексеевича Вяземского сей подлинник перевода Плиниева панегирика сообщен от переводчика онаго 1773 года февраля 10 дня”; под этим текстом – “Ex Museo Petri Dubrowsky” (надпись сделана чернилами с добавлением сахара, в результате – блестит; на следующем листе экслибрис повторен обычными чернилами). На последнем чистом листе рукописи неровным почерком, скорее всего, принадлежавшим А.А. Вяземскому, читательская запись – “Сего разсудительнаго и великаго духа государя панегирик читал 1776 году в июле месседе”. Переплет рукописи картонный, корешок из кожи.

³² Рукопись имеет 20 листов (филигрань: “Про патрия” с контрамаркой “Jmwsj”) (Ярославская мануфактура внуков Саввы Яхонтова) – типа: *Клепиков С.А.* Филигранны на бумаге русского производства XVIII – начала XX века. М., 1978. № 1167 (1793 г.). На л. 1 – “Ex Museo Petri Dubrowsky”. Переплет ИППБ – картон, оклеенный красной мраморной бумагой, корешок и уголки – из красного сафьяна.

³³ Рукопись имеет 155 листов, написана скорописным почерком одной руки. Текст взят со всех сторон в чернильную рамку. На л. 1 – “Ex Museo Petri Dubrowsky”. Переплет картонный, корешок – из кожи.

³⁴ Рукопись первой половины XVIII в. (не ранее 1718 г.), имеет 23 листа, написана каллиграфическим полууставом одной руки (текст на л. 22–23 – в два столбца). Инициалы и заголовки – киноварные. Текст взят в двойную рамку по сторонам. Содержание: Рассуждение о ехаристии Дмитрия Ростовского; сочинение “О соединении церкви великороссийской с костелом латинским” (в конце рукой переписчика: “Писано в дому Сарбонском 20-го дня июня лета 1717-го”); Список с грамоты, посланной в Париж “на рукописание Сорбонских профессоров о примирении церквей” (в конце рукой переписчика: “Писано при Санкт-Петербурге лета Господня 1718-го в месяце септември Великия и Малья и Белья Россия церковей православных епископи”); “Разговор о Христе Филиппа Христиана и Феодосия Жидовина от Суида, греческого автора в Лексиконе”. Запись на л. 1 скорописью XVIII в.: “Сия книга писана собственую рукою с-го Дмитрия митрополита Ростовскаго”. Рукопись не является автографом Дмитрия Ростовского, содержит только одно его сочинение (первая статья) и написана уже после его смерти (умер в 1709 г.). На л. 1, 22, 23 об. – “Ex Museo Petri Dubrowsky”. Переплет исконный – картон, обтянутый коричневой кожей, украшенной золотым тиснением (узорная рамка, овальный средник малого размера).

делу коллекции относится рукопись Q.I.302³⁵ с богословским трактатом еще одного выпускника Академии, бывшего также в течение восьми лет и ее наставником, Иоанна Максимовича (1651–1715), митрополита Тобольского и Сибирского, канонизованного в 1916 г. Сюда же отнесем и рукопись F.I.191³⁶ с сочинением “Возражение на лютеранский пасквиль” выпускника Академии, ростовского митрополита Арсения Мацеевича (1697–1772), недавно причисленного к лику святых Русской православной церковью.

Широта кругозора и разнообразие интересов Дубровского проявляется и в том, что в его коллекции находятся несколько современных ему рукописей, касающихся самых разных сторон российской жизни того времени. Это и описание целебных минеральных вод под Царицыным (Q.VI.5)³⁷, и доклад о естественнонаучных редкостях – костях мамонта, найденных в овраге близ Свижска и переданных в Кунсткамеру (F.V.5)³⁸. Последняя рукопись замечательна еще и тем, что является дарственным автографом сочинителя надворному советнику Василию Ипатовичу Полянскому (1742–1800), который дружил с Вольтером и имел большую библиотеку. Здесь же упомянем рукопись с текстами поздравительных и торжественных речей, произнесенных в 1761 и 1762 гг. (Q.XV.30)³⁹. Не случайно присутствие в коллекции П.П. Дубровско-

³⁵ Рукопись имеет 148 листов, написана аккуратным скорописным почерком одной руки. Текст “Богословия” предваряется посвящениями царю Петру Алексеевичу и митрополиту Стефану Яворскому и силлабическими стихами “Слоги к читателям”. Перед началом “Богословия” помещено раскрашенное изображение Св. Троицы (новозаветной) в барочном стиле. В самом начале рукописи вклеен гравированный лист, по размеру несколько больший размера книги и поэтому подогнутый снизу. На одной стороне этого гравированного листа – Успение, над которым Св. Троица и царская корона на престоле, по сторонам апостолы Петр и Иоанн Богослов; на обороте гравированного листа – двуглавый орел. Рукопись украшена заставками в красках. Переплет – картон, оклеенный коричневой мраморной бумагой, корешок кожаный, украшен тиснением. Обрез выкрашен в красный цвет. На обороте гравированного листа и на обороте листа с посвящением Петру – “Ex Museo Petri Dubrowsky”.

³⁶ Рукопись конца XVIII в., имеет 209 + 1 лист (не считая чистые листы в конце), написана скорописью одной руки. Название: «Возражение на пасквиль лютеранский, нареченный Молоток, на книгу “Камень веры”, который молоток показался быти восковой, тако воск от лица огня, сиречь, от слова Божия, и самая истинныя исцезнувший». В начале – статья об авторе (изложение от 3-го лица). На л. 1, 208 об. – “Ex Museo Petri Dubrowsky”. Переплет исконный – картон, оклеенный светло-коричневой крапчатой бумагой, корешок и уголки – из коричневой кожи.

³⁷ “Описание Екатерининских целительных вод в Астраханской губернии, между города Царицына и селения евангелического братства Сарепты, собранное на месте в августе и сентябре 1780 года Михаилом Веревкиным”. Список. 80-х годов XVIII в. с печатного издания, выпущенного в Москве университетской типографией. Содержит историю обнаружения минерального источника, описание местности, перечень исцелений с именами больных, режим принятия вод и грязей. Рукопись на 26 листах, написана писарским скорописным почерком одной руки. Переплет ИПБ – картон, оклеенный красной мраморной бумагой, корешок и уголки из коленкора, на верхней крышке – сафьянная наклейка с названием рукописи и ее шифром. Владельческие записи – неразборчивым почерком: на л. 1 – “Списана с печатнава”; на последнем листе – “О сих полезнейших водах по сему повествованию читал 1780 году в декабре месяце”. Экслибриса Дубровского нет.

³⁸ *Канин Ф.* Сочинение о естественных редкостях, найденных в Казанской губернии. Автограф перевода с немецкого языка. Рукопись последней четверти XVIII в. на 18 листах, написана скорописным почерком одной руки. Доклад был прочитан при публичном собрании на день Коронации в Казанских гимназиях 24 сентября 1777 г. Приложено два чертежа (изображены найденные клыки и кости мамонта, план местности с чертежом оврага, где они были найдены в 1775 г.). В тексте имеются рассуждения о геологических периодах в истории Земли. Запись на форзаце (тем же почерком, что и текст): “Милостивому государю моему Василью Ипатовичу его высокоблагородию Полянскому. От сочинителя на немецком языке Ф. Канина”. На л. 1 – “Ex Museo Petri Dubrowsky”. Переплет ИПБ – картон, оклеенный мраморной коричневой бумагой, корешок и уголки – из кожи, красная сафьянная наклейка с названием и шифром рукописи.

³⁹ Рукопись второй половины XVIII в. на 9 листах, написана скорописным почерком одной руки. Содержит приветственные и поздравительные речи (речи в дни коронации Екатерины, поздравительные речи на Рождество Христово, на Воскресение Христово и др.). Переплет ИПБ – картон, оклеенный желтой мраморной бумагой, корешок и уголки – из коленкора, наклейка красного сафьяна с названием и шифром рукописи (выполненных тисненым золотом). Экслибриса Дубровского нет.

го, который, безусловно, интересовался политическими и экономическими вопросами своего времени, рукописи, содержащей литературное произведение в жанре просветительского диалога – “Разговор о государственном хозяйстве” (Q.П.6)⁴⁰. В коллекции также находится любопытный и, кажется, не привлекавший еще внимания историков, социально-экономический трактат, составленный неизвестным автором в 1761 г. и предназначенный для некоего князя Александра Ивановича М. (Мещерского?), собиравшегося в путешествие по Крыму (F.П.69)⁴¹. Автор дает смелую характеристику кризиса управления в России, проводит анализ экономического потенциала южных территорий. Особый интерес этот документ имеет еще и потому, что фиксирует историческую ситуацию в Крыму накануне его присоединения к России и заключения затем известного торгового договора России и Франции.

Последняя тематическая рубрика, которая выделяется в русской части коллекции П.П. Дубровского, – это литературные произведения и письма русских писателей и поэтов, их автографы, подаренные П.П. Дубровскому ими самими или их потомками. История формирования этой части коллекции легко восстанавливается по записям в рукописях. Две рукописи-автографа эпиграмм и стихов Кирияка Андреевича Кондратовича подарены П.П. Дубровскому сыном поэта, Григорием Кондратовичем, в 1788 г., еще при жизни автора (F.XIV.17⁴², Q.XIV.16⁴³). Автографы произведений Я.Б. Княжнина (F.XV.15)⁴⁴ и Д.И. Фонвизина (F.XV.25)⁴⁵ передал П.П. Дубровскому писатель

⁴⁰ Рукопись второй половины XVIII в. на 29 листах, написана скорописным почерком одной руки. На л. 1 – “Ex Museo Petri Dubrowsky”. Переплет ИПБ – картон, оклеенный красной мраморной бумагой, уголки и корешок – из коленжора, на верхней крышке – сафьянная красная наклейка с тисненым золотом, названием рукописи и ее шифром.

⁴¹ Рассуждения о торговле хлебом, об откупах и пр. 1761 г. В рукописи 16 + 1 (вклеенный) лист. Текст написан крупным скорописным почерком одной руки. Две тетради в бумажной обложке. На л. 1 – “Ex Museo Petri Dubrowsky”. На вклеенном листе – выписка из русской газеты, приобретенной в Ост-Индии 20 декабря. Выписка названа автором (который, очевидно, сопровождал князя в его путешествии) “катехизисом нынешнего времени” и содержит едкие характеристики парламентаризма и судебной практики с применением адвокатуры.

⁴² Кондратович К.А. Эпиграммы и стихи. Черновой автограф. В рукописи 300 листов. Подарена П.П. Дубровскому в 1788 г., о чем есть запись дарителя: “Сия рукопись, содержащая в себе эпиграммы и прочее, сочинены и писаны собственною рукою родителя моего, находящегося при императорской Академии наук при переводах иностранных языков надворным советником Кирияка Андреевича Кондратовича, которой сию рукопись отдает Петру Петровичу господину Дубровскому, находящемуся при российском министерском poste в Париже, но подписать за старостию, слабостию и слепотою своеручно не мог, сын его Григорий Кондратович в Санкт-Петербурге 1788-го года февраля 1 дня”. На л. 1 – “Ex Museo Petri Dubrowsky”. Переплет ИПБ – картон, оклеенный зеленой мраморной бумагой, корешок – из зеленой кожи.

⁴³ Кондратович К.А. Эпиграммы. Черновой автограф. В рукописи 16 листов, переплет аналогичный рукописи F.XIV.17.

⁴⁴ Княжнин Я.Б. Риторика. Черновой автограф (с правкой). 70–80-е годы XVIII в. В рукописи 21 лист. На обложке – надпись А.А. Писарева о том, что Яков Борисович Княжнин родился в 1742 г. во Пскове, знал латинский, французский, немецкий и итальянский языки, был членом имп. Российской Академии, писал для театра. Перечислены названия его трагедий, комедий, оперных либретто. Указано, что Княжнин умер в Санкт-Петербурге в 1791 г. 43-х лет от роду и что первое издание собрания его сочинений вышло в Санкт-Петербурге в 1787 г., второе – в 1802 г. В заключение сказано: “Отрывок сей писан был для преподавания уроков воспитанникам императорского Шляхетского сухопутного корпуса, что ныне Первой Кадетской корпус”. Экслибриса П.П. Дубровского нет.

⁴⁵ Фонвизин Д.И. Письма и бумаги. Черновой автограф. 11 листов в бумажной обложке и сопроводительное письмо А.А. Писарева объединены в переплет из вишневой кожи. Имеется следующая аннотация А.А. Писарева: «Денис Иванович Фонвизин родился в Москве в 17[45] году; вступил в военную службу солдатом в гвардию Семеновской полк в 1754 г.; перейдя в статскую службу, ездил путешествовать по Европе и был употреблен правителем иностранных дел при министре графе Никите Ивановиче Панине. Фонвизин писал комедии, которые по справедливости почитаются превосходнейшими на отечественном нашем языке, оные суть “Недоросль” и “Бригадир”. Письма сии

и переводчик Александр Александрович Писарев (1780–1848). Еще одна рукопись Фонвизина в коллекции Дубровского, содержащая перевод французской комедии Луи де Буасси, не имеет записей (Q.XIV.20)⁴⁶. Г.Р. Державин (1743–1816) сам преподнес в дар П.П. Дубровскому две рукописи: одна является черновым автографом трагедии “Василий Темный” (F.XIV.10)⁴⁷, другая представляет собой составленный самим автором сборник поэтических сочинений (F.XIV.16)⁴⁸.

Об этой уникальной рукописи стоит сказать подробнее. Ее художественное оформление выполнено А.А. Олениным в стиле французской книги XVIII в. При каждом стихотворении находится аллегорическая виньета (часто их две – заставка и концовка), в ряде случаев – медальон с портретом (графини М.Л. Румянцевой; графа А.А. Безбородко, А.И. Бибилова; основателя университета и Академии художеств И.И. Шувалова). Техника исполнения изысканных виньет разнообразна: сепия, акварель, тушь и перо. Некоторые виньеты выполнены в стиле античной вазописи, античного барельефа, камеи. В конце поэтического сборника имеется оглавление, содержащее не только перечень произведений, но и толкование изображенных аллегорий, часто эти пояснения стихотворные. Интересна аллегория к первому произведению, изображающая Екатерину в образе богоподобной царицы, которая с эфирной высоты взирает на киргиз-кайсацкого мурзу, в чьем образе представлен Державин, посвящающий свою лиру Фелице.евой рукой, опираясь на полсвета, Екатерина в правой руке держит руль к управлению обширной страной. Под ее стопами орел раздирает ехидну, озабоченную ненавистью и злобой. Виньета-концовка к этому стихотворению изображает российского орла, который под шитом Екатерины Великой рассыпает милость и щедрость из рога изобилия. Рукопись была поднесена

писаны отчасти из чужих краев. Фонвизин умер в 17[92] году. Оставил после себя много сочинений, по большей части в прозе, из которых напечатаны только “Недоросль”, “Бригадир” и одна повесть “Калисфен”. (А. Писарев)».

Есть и сопроводительное письмо А.А. Писарева: “Милостивый государь, мой Петр Петрович! Препровождаю к Вам при сем письме обещанныя мною рукописи для Вашего музея: первая есть отрывок Риторики, писанный рукой Якова Борисовича Княжнина и отчасти напечатанный в полных его сочинениях второго издания; другая – подлинныя письма Дениса Ивановича Фонвизина, писанные из чужих краев и нигде еще не напечатанные, и начало одной его комедии. Вот почерк рук двух знаменитых наших писателей: трагика и комика. Они Вам, милостивый государь, одолжены будут, что и самая их тленность переживет века. С истинным моим почтением, честь имею пребыть готовый к услугам Александр Писарев. 10 февраля 1811 года. Санкт-Петербург”. На обороте: “PS. Первая рукопись получена от сына Княжнина, вторая от племянников Фонвизина”. Эскилибриса П.П. Дубровского нет.

⁴⁶ Фонвизин Д.И. Обманчивая наружность, или Человек нынешнего света. Комедия. Отрывок (без конца). 4 листа. Автограф. 1760-е годы. Переплет – картон, обтянутый вишневою кожей. Эскилибриса П.П. Дубровского нет. Рукопись содержит один из ранних переводов Д.И. Фонвизина, видимо, оставшийся незаконченным. Текст издан: Сочинения, письма и избранные переводы Д.И. Фонвизина. СПб., 1866. С. 560–564.

⁴⁷ Рукопись содержит 39 листов. Запись рукой Г.Р. Державина: “Подарен сей черной манускрипт Петру Петровичу Дубровскому 1811 года генваря 11 дня. Г. Державин”. Эскилибриса П.П. Дубровского нет.

⁴⁸ В сборнике 289 листов. Весь он написан одним человеком, аккуратным писарским скорописным почерком. Переплет – картон, обтянутый красным сафьяном, с золотым тиснением узорной рамки по периметру крышек и на корешке. Обрез золоченый. Надписи рукой Г.Р. Державина: на л. 2 – “Поднесена была сия книга автором лично в Петербурге императрице Екатерине Второй, 1795-го году ноября (дописано над строкой), которая по прочтении ею и оставалась у Ее величества в кабинете по самую ее кончину, а по восшествии на престол императора Павла I отдана обратно автору. Г. Державин”; на л. 1 – “Сей манускрипт как охотнику до подобных редкостей подарен самим автором Петру Петровичу Дубровскому в Петербурге 1811 году генваря 11 числа и подписан собственною моею рукою. Гавриил Державин”. Эскилибриса П.П. Дубровского нет.

автором лично императрице Екатерине II 6 ноября 1795 г., а в 1811 г. (после ее кончины) – П.П. Дубровскому.

Если рукописи этого последнего раздела русской части собрания, объединяющего литературные автографы поэтов XVIII в., содержат информацию о времени передачи их коллекционеру и о дарителе, то история поступления к П.П. Дубровскому большинства других русских рукописей остается неизвестной. Выявляются лишь небольшие взаимосвязанные комплексы, полученные П.П. Дубровским из одного источника.

Три рукописи имеют аннотации, написанные крупным скорописным, архаичным для XVIII в. почерком, очевидно, принадлежавшим прежде их владельцу. Это сборник церковно-полемических сочинений F.I.181 (который этот человек ошибочно, или умышленно, обозначил как автограф Дмитрия Ростовского), два старообрядческих сборничка (O.I.85 и O.I.86) и исторический сборник Q.XVII.3.

Четыре рукописи, вероятно, находились прежде в библиотеке князя Александра Алексеевича Вяземского. Это устанавливается по наличию читательских записей, сделанных одним человеком, причем тон их позволяет увидеть в нем знатного вельможу. Это следующие рукописи: перевод Панегирика Траяну (F.XV.3), описание минеральных вод под Царицыным (Q.VI.5), два литературных произведения неизвестных авторов XVIII в. – стихотворение “Бессмертие души” и молитва (F.XIV.19)⁴⁹ и драма “Избавление” в одном действии (Q.XIV.26)⁵⁰.

Две рукописи, как следует по записям на их листах, подарены П.П. Дубровскому “в знак особенного почтения к трудам его в собрании рукописей талантливых мужей” Александром Александровичем Рыковым в 1809 г. – это принадлежавший его деду по матери, Степану Федоровичу Решетову, агиографический сборник Q.I.403 и выполненный Решетовым перевод политических и нравоучительных фабул (F.XV.2).

Таковы итоги предварительных наблюдений, касающиеся всех 50 рукописей русской части коллекции П.П. Дубровского, но не претендующие на роль полного археографического их описания. В заключение этого краткого обзора необходимо подчеркнуть, что, несмотря на очевидный случайный характер формирования “русской части” собрания, в ней оказались и уникальные памятники средневековой книжности, и представляющие несомненный интерес рукописи (в том числе авторские) современных П.П. Дубровскому произведений самой разной тематики. Даже краткий обзор позволяет заметить, что для П.П. Дубровского как коллекционера был важен не только фактор древности того или иного памятника, но и содержание, сама история рукописи. Это свидетельствует о необычайной широте кругозора П.П. Дубровского, действительно незаурядной личности той эпохи, определяет исключительное историко-культурное значение собранной им коллекции.

⁴⁹ Рукопись конца XVIII в. на 5 листах, написана аккуратным скорописным почерком одной руки. В конце читательская запись: “Сия душеспособительное разумное припаче мудрое сочинение читал, и сачинителю великое мое благодарение, а пача Бог ему воздаст за правое ево расположение, 1797 году в ноябре месяце”. Переплет ИПБ – картон, оклеенный зеленой мраморной бумагой, корешок – из зеленого дермантина, на верхней крышке – наклейка с тисненой золотом надписью названия рукописи и шифра. Экслибриса П.П. Дубровского нет.

⁵⁰ Рукопись 70–80-х годов XVIII в. на 16 листах (бумага та же, что и в рукописи Q.VI.5, филигрань: Буквы “КФ” и “ПХ”), написана скорописным почерком одной руки. Как сообщается в рукописи, представление пьесы состоялось 19 мая 1780 г. В конце запись (тем же почерком, что и читательские записи в рукописях F.XIV.19, F.XV.3, Q.VI.5): “Читали”. Переплет ИПБ – картон, оклеенный желтой мраморной бумагой, корешок и уголки – из желтого дермантина, на верхней крышке наклейка с надписями тисненым золотом – название рукописи и ее шифр. Экслибриса П.П. Дубровского нет.

ГРЕЧЕСКИЕ РУКОПИСИ В СОБРАНИИ П.П. ДУБРОВСКОГО

В истории нашей страны греческие рукописи в течение, по крайней мере, семи столетий, с XI по XVII в., были органически связаны с разными сферами общественной и культурной жизни, а с XVI в. – особенно тесно с книгопечатанием. Достаточно напомнить об экспедиции Арсения Суханова, посланной в середине XVII в. патриархом Никоном на Афон за греческими рукописными книгами для нужд Русской церкви и школы¹. При Петре I внимание к греческим рукописям заметно ослабевает. В самом конце XVIII в. оно снова появляется в России, но уже как к предмету научного и библиофильского интереса. С конца XVIII в. ученые и дипломаты, деятели церкви и писатели стали собирать греческие рукописи, и их коллекции составили фонды библиотек и музеев. Пионером в этом отношении явился Петр Петрович Дубровский. В настоящее время мы можем говорить о 25 греческих рукописях, которые были переданы им в Депо манускриптов², но есть данные, свидетельствующие о том, что первоначально у Дубровского их было намного больше. В 1805 г. были опубликованы статьи двух авторов – А.С. Шишкова и Ф.П. Аделунга – о рукописном собрании Дубровского. В одной статье А.С. Шишков писал, что у П.П. Дубровского было огромное собрание греческих рукописей, составлявшее лучшую часть его коллекции³. В другой – он сообщал, что греческую коллекцию (“которой едва ли осталась равная в Патриаршей библиотеке в Москве”) ее собиратель “с прискорбием вынужден был... отпустить в чужие края”⁴. В статье Ф.П. Аделунга говорилось о том, что некоторое время тому назад Дубровский свое богатейшее собрание греческих рукописей продал жившему в Лиссабоне богатому англичанину Бекфорду⁵. Б.Л. Фонкич, автор статьи о греческих рукописях собрания П.П. Дубровского, пытался отыскать хоть какие-нибудь сведения о Бекфорде и этой покупке. Он узнал, что архив Вильяма Бекфорда находится в Оксфорде в Бодлейанской библиотеке, но доступа к нему нет. В опубликованных же дневниках Бекфорда имя Дубровского не упоминается⁶.

В 1840 г. в Санкт-Петербурге был издан каталог греческих рукописей Имп. Публичной библиотеки, составленный швейцарцем Э.Г. Муральтом⁷, зачисленным в библиотеку в октябре 1838 г. “в помощь по рукописям” А.Х. Востокову. В каталоге описано 48 рукописей, указаны их прежние владельцы, если их удалось установить. Для 19 рукописей прежним владельцем установлен П.П. Дубровский. В 1864 г. был издан второй каталог греческих рукописей ИПБ, также подготовленный Муральтом⁸. В нем к 19 рукописям,

¹ Белокуров А.С. Арсений Суханов. М., 1891. Ч. 1. С. 326–345.

² О греческих рукописях в собрании П.П. Дубровского см.: Фонкич Б.Л. П.П. Дубровский и начало коллекционирования греческих рукописей в России // ВВ. М., 1992. Т. 53. С. 124–139.

³ Г*** [Шишков А.С.]. Известие о славном собрании рукописей г-на Дубровского // Сев. вестн. СПб., 1805. Ч. 5. С. 221.

⁴ Г*** [Шишков А.С.]. О Музее г-на Дубровского: письмо к издателю // Вестн. Европы. СПб., 1805. Ч. 20, № 5. С. 53.

⁵ Adeling F. Nachricht von der Dubrowskijschen Manuscriptensammlung in St. Petersburg // Russland unter Alexander dem Ersten. St. Petersburg; Leipzig, 1805. Bd. 6. S. 260.

⁶ Фонкич Б.Л. Указ. соч. С. 132.

⁷ Catalogus codicum Bibliothecae Imperialis Publicae Graecorum... scripsit E. de Muralt. Petropoli, 1840.

⁸ Catalogue des manuscrits grecs de Bibliothèque Impériale Publique. St.-Petersburg, 1864.

принадлежавшим Дубровскому, были добавлены еще две. В 1980-е годы Б.Л. Фонкич издал все документы, связанные с передачей Дубровским рукописей в Депо манускриптов. По его подсчетам в ИПБ от Дубровского поступило 25 греческих рукописей, из которых две в том же 1805 г. были подарены библиотеке Московского университета. Остаются, таким образом, 23 рукописи.

В настоящее время с началом работы над каталогизацией всего фонда греческих рукописей РНБ и подготовкой их “Предварительного списка” еще раз были проанализированы документы и изучены сами рукописи. В итоге окончательная цифра – 25 рукописей из собрания Дубровского.

Где, когда и при каких обстоятельствах приобрел Дубровский свои греческие рукописи? Кое-что он сам сообщает об этом. Сохранились два документа на французском языке от 1803 и 1804 гг., которые в переводе на русский язык называются: 1) “Извлечение из Большого каталога г-на Дубровского касательно рукописей, прибывших из Парижа в Гамбург через министра Дании в 1800 и полученных в мае 1803” (РНБ. Франц. F.XVIII.42); 2) “Извлечение из Большого каталога рукописей, которые находятся здесь, остальные еще за границей” 16 октября 1804 г. (РНБ. Франц. F.XVIII.41). Второе “Извлечение” – это документ, по которому Дубровский передал рукописи в учрежденное Депо манускриптов. В нем перечислено 14 греческих рукописей со следующим замечанием: “...это осталось у меня от собрания греческих рукописей (другие полностью остались за границей)”⁹. Лишь об одной из них собиратель указывает источник ее приобретения – “от президента Ормессона”. Д’Ормессон де Нуазо – президент Парижского парламента, королевский библиотекарь, комиссар по охране общественных памятников в 1790 г., известный ученый-эллинист, член Академии надписей. Дубровский был в дружеских отношениях с ним и именно на попечение д’Ормессона оставил ту часть коллекции, которую не смог вывезти из Парижа.

О происхождении трех рукописей Дубровский сообщает: для одной – это аббатство Сен-Дени; другой – Корби; третьей – монастырь Экса в Провансе.

На некоторых рукописях на первом чистом листе Дубровский сделал записи, характеризующие кодекс. Следует отметить, что Дубровский хорошо понимал, что он приобрел, ибо сведения о рукописях он получал от их продавцов или посредников. Дубровский, купив ту или иную рукопись, продолжал самостоятельно собирать о ней сведения. Многие греческие рукописи парижских коллекций были хорошо известны, описаны и воспроизведены в каталогах и других изданиях, в частности Б. де Монфоконом, основателем научной дисциплины “греческая палеография” и создателем самого термина “палеография”. Дубровский после перечисления 10 из 14 рукописей в “Извлечении” 1804 г. (Р. 8) добавляет: «Все эти рукописи описаны в “Греческой палеографии” и “Библиотеке Коалена”» (имеются в виду труды Монфокона).

Все греческие рукописи собрания Дубровского приобретены во Франции. Среди них находятся: 10 целых кодексов (один в двух томах), 1 свиток, 4 грамоты и 10 фрагментов кодексов. Фрагменты частично приобретены Дубровским, частично выклеены из его рукописей им самим, либо после его кончины. Во всяком случае уже в каталоге 1840 г. эти фрагменты уже имеют самостоятельные шифры. Семь рукописей относятся к 994–1424 гг., а грамоты – к концу XVII в. На 13 рукописях есть владельческие записи Дубровского, сделанные по-латыни: “Ex Museo Petri Dubrowsky”.

⁹ РНБ. Франц. F.XVIII.41. Р. 6.

Исследователи рукописного собрания Дубровского давно отмечали его существенную особенность: это – рукописные комплексы, входившие некогда в монастырские, государственные и частные библиотеки.

Большинство греческих рукописей, а именно 17, происходят из Сен-Жерменского аббатства, центрального книгохранилища Франции, 13 из них составляют часть бывшей коллекции канцлера Франции Пьера Сегье, переданной в 1739 г. в аббатство внуком Сегье герцогом Куаленом. На чистых листах некоторых из этих рукописей есть краткие их описания, сделанные Б. де Монфоконом. Листы также пронумерованы им, видимо, при подготовке каталога. На рукописях есть автографы самого Сегье и других, еще не установленных лиц. Рукопись, происходившая из аббатства Сен-Дени, принадлежала Монфокону. О происхождении других рукописей конкретно нельзя ничего сказать.

Когда и как приобрел Дубровский сенжерменские рукописи? Скорее всего, после 1791 г., когда из аббатства Сен-Жермен исчезло большое количество документов. В 1795 г. оставшиеся фонды аббатства были переданы в Королевскую библиотеку. Ее президент д'Ормессон мог способствовать и посредничать приобретению рукописей Дубровским, чтобы спасти их от возможной гибели в тревожные дни революции. От него же Дубровский мог получить и сведения об истории рукописей. В 1794 г. д'Ормессон был казнен как противник революции.

Несколько слов о переплетах рукописей: только у двух из них они первоначальные, 6 рукописей имеют новые переплеты, заказанные уже Дубровским (бархат разного цвета).

По содержанию греческие рукописи Дубровского – обычное собрание традиционных текстов: Священное писание, агиография, богословие. Особенностью же этого собрания является то, что некоторые рукописи созданы были на территории Франции. Самые замечательные из них три. В “Извлечении” 1804 г. Дубровский считал ценной рукопись, известную как *Codex Sangermanensis* (Греч. 20) – двуязычный греко-латинский кодекс, содержащий Послания апостола Павла. Дубровский датировал ее IV в. и местом ее создания считал знаменитое древнее аббатство Корби. Неизвестно, что дало основание Дубровскому так датировать кодекс; исследователи рукописи датировали ее IX веком¹⁰. О.А. Добиаш-Рождественская не считала кодекс корбийским по особенностям его палеографии и кодикологии, предложила оставить вопрос о происхождении рукописи открытым¹¹, хотя рукопись упоминается в двух старых корбийских каталогах XI и XII вв. Установлено, что Сен-Жерменский кодекс скопирован с еще более знаменитой рукописи VI в. – *Codex Clagomontanus*.

Второй по значению Дубровский называет “фрагмент рукописи, написанный св. Памфилом Кесарийским, бесценной из-за ее древности”¹². Собиранье сообщает, что она была спасена при пожаре знаменитой Кесарийской библиотеки в Палестине и через 150 лет после пожара была доставлена Карлом Великим в церковь одного из монастырей г. Экса в Провансе, где хранилась в течение тысячи лет. Во время революции рукопись была

¹⁰ *Dobiaš-Roždestvenskaia O.* Histoire de l'atelier graphique de Corbie de 651 à 830 reflétée dans les corbeïenses Leninopolitani. Leningrad, 1934. P. 102–103. Тут же указана и библиография рукописи. Описание греческой части рукописи см.: *Гранстрем Е.Э.* Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ // ВВ. М., 1959. Т. 16. С. 238, № 86.

¹¹ *Dobiaš-Roždestvenskaia O.* Ibid. P. 103.

¹² РНБ. Франц. F.XVIII.41. P. 7.

перевезена в Париж и тем самым спасена во второй раз президентом д'Ормессоном, "от которого я ее и получил"¹³. Дубровский рассказывает фантастическую историю, но в ней есть доля истины. Рукопись, о которой идет речь (Греч. 14), – это один лист, фрагмент знаменитого Коаленева кодекса VI в., содержащего Деяния апостольские (так называемый Codex H), написанный очень крупным унциалом. Долгое время вся она хранилась на Афоне в Лавре св. Афанасия, а затем ее фрагменты разошлись по разным библиотекам мира. Кроме РНБ, они хранятся также в Москве и Киеве¹⁴. На одном из фрагментов рукописи есть запись о том, что рукопись исправлялась по кодексу из Кесарийской библиотеки – автографу св. Памфила, знаменитого ученого-богослова, принявшего мученическую смерть в 309 г. Он имел богатейшую библиотеку, главным образом библейских рукописей¹⁵. Приписки об исправлении библейских текстов по автографам св. Памфила есть и на других греческих рукописях, в том числе и на Синайском кодексе¹⁶.

Третья рукопись (Греч. 113)¹⁷ написана во Франции в Медульоне (Прованс) в 1292 г. и содержит (в переводе с латинского языка) богословские трактаты Раймунда Медульонского – известного церковного деятеля Франции последней трети XIII в.¹⁸ Ничего из написанного им на латыни не сохранилось, и единственное, что дает представление о его творчестве, – это греческая рукопись из собрания Дубровского, список, прижизненный автору. Рукопись сохранила первоначальный переплет, украшенный гербом канцлера Сегье.

Н.А. Елагина

“БОГАТЕЙШЕЕ СОКРОВИЩЕ ВЕКОВ” – 200 ЛЕТ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

(Западноевропейские рукописи коллекции П.П. Дубровского)

Коллекция рукописей П.П. Дубровского была доставлена в Санкт-Петербург в 1804 г., и сразу же восторженные отзывы о ней появились в русской и зарубежной печати. “В высшей степени замечательным собранием древнейших и редчайших рукописей” назвал коллекцию П.П. Дубровского Ф.П. Аделунг, составивший ее первое печатное описание¹. О высоком достоинстве коллекции свидетельствовало и краткое обозрение входящих в ее состав наиболее драгоценных памятников письменности, помещенное в журнале “Северный вестник”².

¹³ Там же.

¹⁴ Описание рукописи см.: Гранстрем Е.Э. Указ. соч. С. 224, № 25.

¹⁵ О св. Памфиле см.: Энциклопедический словарь Брокгауза–Ефрона. СПб., 1897. Т. 22а. С. 673–674.

¹⁶ Devreese R. Introduction à l'étude des manuscrits grecs. P., 1954. P. 121–123.

¹⁷ Описание рукописи см.: Гранстрем Е.Э. Указ. соч. // ВВ. М., 1964. Т. 24. С. 176–178, № 450.

¹⁸ О Раймунде Медульонском см.: Histoire littéraire de la France. P., 1842. Т. 20. P. 252–256.

¹ Adelong F. Kurze Nachrichten von einer äusserst merkwürdigen Sammlung der ältesten und seltensten Handschriften, welche sich gegenwärtig in einer Privat-Bibliothek in St. Petersburg befinden // Intelligenzblatt der allgemeinen Literatur-Zeitung vom Jahre 1804. Jena, 1804. № 78. Kol. 621–624; № 80. Kol. 641–646; № 82. Kol. 657–660; № 83. Kol. 666–670.

² Известие о славном собрании рукописей г-на Дубровского // Северн. вестн. СПб., 1805. Ч. V, № 2. С. 210–229; Ч. VI, № 4. С. 85–98; № 5. С. 207–222.

“Наши соотечественники, почтенные любители древностей, знатнейшие особы, министры, вельможи, художники и литераторы с удовольствием посещают скромное жилище г-на Дубровского и осматривают богатейшее сокровище веков, которое, конечно, достойно занимать место в великолепных чертогах”³, – писал тогда же в “Вестнике Европы” А.С. Шишков.

С 1804 г. при активном содействии гр. А.С. Строганова велись переговоры о передаче коллекции в Императорскую Публичную библиотеку (ныне Российская национальная библиотека). Они завершились 27 февраля 1805 г. Этой датой помечен рескрипт императора Александра I об учреждении при Императорской библиотеке особого отделения “Депо манускриптов”. В рескрипте давалось поручение Строганову принять от Дубровского его драгоценное собрание и определить собирателя, “соответственно его желанию и способностям”, хранителем сего Депо⁴.

“С этих пор, собственно, и началось изучение коллекции Дубровского, которое далеко еще нельзя считать законченным”. Это утверждение хранителей западных фондов Отдела рукописей РНБ Е.В. Бернадской и Т.П. Вороновой, посвятивших описанию и исследованию различных частей собрания многие годы своей жизни, справедливо и сегодня⁵. Уже в первых описях и обзорах коллекции сообщалось, что она содержит западноевропейские, восточные, греческие и древнерусские рукописи. Однако, поскольку манускрипты на латинском, французском и других языках стран Западной Европы безусловно преобладали в количественном отношении, а также, как правило, в первую очередь обращали на себя внимание любителей древностей, коллекция нередко воспринималась как исключительно западноевропейская по своему характеру.

В истории изучения западных рукописей собрания Дубровского можно выделить два основных этапа. Первый охватывает период с 1805 до начала 1920-х годов. В течение более 100 лет материалы коллекции привлекают внимание главным образом иностранных ученых и литераторов. Рукописные книги и документы, привезенные Дубровским в Петербург, получают широкую известность за пределами России благодаря печатным каталогам Бертрана, Тибо, Стерка, Лаборда, публикациям Говена де Траншера, Ла Феррье-ра и др.⁶

Русские писатели и историки XIX в. обращаются к замечательной коллекции лишь эпизодически. Нельзя не вспомнить Г.Р. Державина, с помощью П.П. Дубровского транскрибировавшего и сделавшего стихотворный перевод на русский язык одной из песен, входящих в состав сборника Готье де Куэнси (1177–1236) “Жизнь и чудеса Богоматери”⁷. Издавая этот образчик ста-

³ ВЕ. 1805. Ч. XX, № 5. С. 54.

⁴ ПСЗ. Т. 28, № 21640.

⁵ См.: Каталог писем и других материалов западноевропейских ученых и писателей XVI–XVIII вв. из собрания П.П. Дубровского / сост. Е.В. Бернадская и Т.П. Воронова; под ред. акад. М.П. Алексеева. Л., 1963. С. 13.

⁶ *Bertrand G.* Catalogue des manuscrits français de la Bibliothèque de Saint-Petersbourg. P., 1874; *Staerk A.* Les manuscrits latins du Ve au XIIIe siècle conservés à la Bibliothèque Impériale de Saint-Petersbourg. St.-Petersbourg, 1910. Т. 1–2; *Thibaut J.-B.* Monuments de la Notation Exphonétique et Neumatique de l’Eglise Latine. St.-Petersbourg, 1912; *Laborde A. de.* Les principaux manuscrits à peintures conservés dans l’ancienne Bibliothèque Impériale Publique de Saint-Petersbourg. P., 1936–1938 (описание рукописей составлено в 1913 г.). P. 1–2; *La Ferrière H. de.* Deux années de missions à Saint-Petersbourg. Manuscrits, lettres et documents historiques sortis de France en 1789. P., 1867; *Hovyn de Tranchère J.* Les dessous de l’histoire. Curiosités judiciaires, administratives, politiques et littéraires. P.; Bordeaux, 1886. Т. 1–2.

⁷ ОР РНБ. Fr. F.v.XIV.9. Gautier de Coinci. La Vie et les Miracles de Notre Dame. Конец XIII в. Франция (Суассон?).

рофранцузской поэзии, Державин не преминул отметить: “Взята из библиотеки г-на Дубровского”⁸. Рукописные материалы несравненной коллекции использовал кн. А.Я. Лобанов-Ростовский, готовя публикацию документов, связанных с жизнью Марии Стюарт⁹. Однако самым внимательным и неутомимым исследователем уникальных памятников письменности, несомненно, был сам коллекционер. Собственноручные заметки Дубровского – иногда краткие, иногда развернутые аннотации, в которых приводятся сведения об авторе и содержании рукописи, вероятном времени ее создания и последующей истории, – сопровождают многие кодексы его собрания.

Новый этап в изучении коллекции начался в 1922 г., когда работу над западным рукописным фондом Публичной библиотеки возглавила О.А. Добиаш-Рождественская (1874–1939), выдающийся ученый-медиевист, член-корреспондент АН СССР, создатель русской школы латинской палеографии. Великолепные рукописные памятники собрания Дубровского не только составили основу фундаментальных трудов Добиаш-Рождественской в области палеографии и источниковедения, но и явились той уникальной источниковой базой, которая позволила ей подготовить талантливых учеников¹⁰. С этого времени изучение западноевропейских рукописей, хранящихся в России, перестает быть прерогативой иностранных специалистов. Наравне с ними в работу активно включаются российские ученые – палеографы, археографы, историки, филологи, искусствоведы.

Продолжателями традиций, заложенных О.А. Добиаш-Рождественской, в Публичной библиотеке стали А.Д. Люблинская, В.С. Люблинский, Т.В. Луизова, Т.П. Воронова, Е.В. Бернадская и др. Как и ранее, в центре внимания ученых оставались рукописи из собрания Дубровского. Наряду с исследованиями средневековых памятников, подготовкой обзоров и публикаций документов XIII–XVIII вв., систематически велась начатая еще Добиаш-Рождественской важнейшая работа по научному описанию отдельных частей коллекции¹¹. Начиная с 1960 г., увидел свет целый ряд печатных каталогов, которые ввели в научный оборот значительные комплексы материалов из драгоценного собрания¹². Одновременно все более глубоко изучались биогра-

⁸ Державин Г.Р. Рассуждение о лирической поэзии или об оде // Чтение в беседе любителей русского слова. СПб., 1812. Кн. VI. С. 19–20.

⁹ Labanoff A. Lettres, instructions et mémoires de Marie Stuart. Londres, 1844–1845. Т. 1–7.

¹⁰ Об О.А. Добиаш-Рождественской и ее вкладе в историческую науку см.: Добиаш-Рождественская О.А. Культура западноевропейского средневековья / сост. Б.С. Каганович; отв. ред. член-корр. АН СССР В.И. Рутенбург. М., 1987; Ершова В.М. О.А. Добиаш-Рождественская. Л., 1988; Добиаш-Рождественская О.А. История письма в средние века. 3-е изд., доп. / автор послесл. и коммент. к.и.н. Л.И. Киселева. М., 1987.

¹¹ Рукописи коллекции Дубровского представлены в каталоге: Добиаш-Рождественская О.А. Древнейшие латинские рукописи Публичной библиотеки. Ч. 1: Рукописи V–VII веков // Средневековье в рукописях Публичной библиотеки. Л., 1929. Вып. 3. Вторая часть каталога вышла в свет в 1965 г., через 26 лет после смерти автора; в 1991 г. она была переиздана в переводе на французский язык, см. ниже примеч. 12.

¹² Люблинская А.Д. Документы из Бастильского архива: аннот. каталог. Л., 1960 (ротатор); Каталог писем и других материалов западноевропейских ученых и писателей XVI–XVIII вв. из собрания П.П. Дубровского / сост. Е.В. Бернадская и Т.П. Воронова; под ред. акад. М.П. Алексеева. Л., 1963; Добиаш-Рождественская О.А. Древнейшие латинские рукописи (VIII – начало IX в.): каталог. Ч. 2 / подгот. к печати Е.В. Бернадской, Т.П. Вороновой; под ред. А.Д. Люблинской. Л., 1965 (ротатор); Сборники документов коллекции П.П. Дубровского: каталог / сост. Т.П. Воронова, Т.В. Луизова; ред. Т.П. Воронова. Л., 1979; Грамоты аббатства Сент-Антуан XIII–XVIII вв.: каталог / сост. Е.В. Бернадская; ред. В.И. Мажуга. Л., 1979; Итальянские гуманисты в собрании рукописей ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина: каталог / сост. Е.В. Бернадская; научн. ред. А.Х. Горфункель. Л., 1981; Люблинская А.Д. Бастильский архив в Ленинграде: аннот. каталог / ред. Т.П. Воронова. Л., 1988; Dobiáš-Roždestvenskaja O.A., Bakhtine W.W. Les anciens manuscrits latins de la Bibliothèque

фия коллекционера, история его собирательской деятельности и состав коллекции¹³.

В обзоре, опубликованном в “Северном вестнике”, говорилось, что коллекцию Дубровского составляют приблизительно 400 рукописных книг и 8 тыс. документов¹⁴. Т.В. Луизова уточнила эти данные, указав, что число книг только на западноевропейских языках приближается к 700, тогда как общее число документов достигает примерно 15 тыс. При этом она подчеркнула, что приведенные ею цифры в силу ряда причин можно рассматривать только как приблизительные¹⁵.

За 200 лет, прошедшие с момента поступления в Публичную библиотеку, документальная часть коллекции Дубровского не утратила своей целостности и ныне представляет собой отдельный фонд, включающий два собрания: автографов и пергаменных грамот. Сейчас, когда обработка этого фонда почти полностью завершена, можно с уверенностью говорить о том, что число документов, названное Т.В. Луизовой, соответствует действительности. Иначе сложилась судьба принадлежавших Дубровскому рукописных книг. Еще в середине XIX в. они были объединены с рукописями других коллекций и вошли в состав новых собраний, сформированных по языковому принципу¹⁶. Более точно подсчитать число западноевропейских рукописей коллекции Дубровского можно будет лишь после завершения реинвентаризации всех собраний рукописных книг, которые входят в состав западного фонда Отдела рукописей РНБ.

Коллекция западноевропейских рукописей Дубровского является одной из самых больших в России. Однако по своим количественным характеристикам она, безусловно, несопоставима с сотнями тысяч рукописей, сосредоточенных в крупнейших книгохранилищах стран Западной Европы. По сравнению с этими фондами рукописи Дубровского не более чем капля в море. И все же вот уже 200 лет как они неизменно востребованы учеными разных стран. Очевидно, что количественные данные не дают представления о подлинной исторической ценности собрания. Понять его значение для мировой культуры можно лишь в общем контексте богатейшего рукописного наследия Западной Европы.

Наиболее ценной, как и наиболее изученной частью замечательной коллекции, являются входящие в ее состав средневековые кодексы. Рассмотрением этих манускриптов хотелось бы ограничиться в настоящей статье.

С 1950-х годов, в рамках всестороннего изучения древнейших памятников письменности, стали появляться фундаментальные работы, основанные на

publique Saltykov-Schedrin de Leningrad, VIIIe – début IXe siècle. P., 1991; Каталог писем государственных и политических деятелей Франции XV века из собрания П.П. Дубровского / сост. Т.П. Воронова; научн. ред. Ю.П. Малинин. СПб., 1993; *Киселева Л.И.* Латинские рукописи XIII века (Описание рукописей Российской национальной библиотеки). СПб., 2005.

¹³ См.: *Луизова Т.В.* Собрание рукописей П.П. Дубровского в Государственной публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина // *ВИ. М.*, 1952. № 8. С. 150–154; *Воронова Т.П.* П.П. Дубровский и Сен-Жерменские рукописи // *Книги. Архивы. Автографы: обзоры, сообщения, публикации.* М., 1973. С. 101–114; *Она же.* П.П. Дубровский – первый хранитель “Депо манускриптов” Публичной библиотеки // *АЕ* за 1980 г. М., 1981. С. 123–130; *Она же.* Первые описи собрания П.П. Дубровского // *Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности: материалы Всес. конф.* / под ред. М.В. Кукушкиной, С.О. Шмидта. Л., 1981. С. 167–172.

¹⁴ Эти же цифры приводит и сам коллекционер в составленном им еще до передачи в ИПБ обзоре коллекции, который он называет “Extrait du Catalogue général des manuscrits qui sont ici, le reste est encore dans l’Etranger” (ОР РНБ. Fr. F.XVIII.41. Л. 2, 13).

¹⁵ *Луизова Т.В.* Указ. соч. С. 151. В настоящее время в западных фондах ОР РНБ хранится около 6 тыс. рукописных книг и 70 тыс. документов.

¹⁶ В результате реорганизации рукописных фондов, осуществленной в середине XIX в., были сформированы отдельные собрания для латинских, французских, немецких и других западных рукописей, а также русских, греческих и восточных рукописей.

материалах, выявленных в различных книгохранилищах мира. К таким работам принадлежит особое издание “Codices Latini Antiquiores”, в котором отражены все сохранившиеся до наших дней памятники письменности латинского алфавита с IV до начала IX в. и воспроизведены отдельные листы каждого из них. Россия представлена в этом огромном труде почти исключительно рукописями РНБ¹⁷. Из учтенных в нем 38 кодексов 36 принадлежат к коллекции Дубровского. В их числе сборник сочинений Блаженного Августина, созданный в V в. еще при жизни автора в Гиппоне (Северная Африка), где Августин был посвящен в епископы¹⁸; знаменитый кодекс VI в. с произведениями Псевдо-Руфина, Фульгенция, Оригена и Иеронима, изготовленный в Италии, возможно, в Вивариуме, монастыре, основанном Кассиодором¹⁹; несколько рукописей VII–VIII вв., которые вышли из скриптория древнего северофранцузского монастыря Корби, основанного королевой франков Батильдой.

В 2004 г. увидел свет второй том Сводного каталога латинских рукописей IX в., автором которого является выдающийся немецкий ученый Бернгард Бишофф²⁰. В начале 1970-х годов, стремясь избежать лакуны в своем труде, Бишофф специально приезжал в Ленинград, чтобы ознакомиться с хранящимися здесь латинскими рукописями. Почти все из выявленных им и включенных в каталог 40 манускриптов происходят из коллекции Дубровского. Они содержат тексты Священного писания, сочинения отцов церкви, жития святых, памятники исторического и юридического характера, произведения античных авторов. Каждая из этих рукописей неоднократно привлекала к себе внимание исследователей. Остановимся только на одной из них – великолепном Четвероевангелии, созданном во Франции в конце VIII–IX вв.²¹ Материалом для кодекса послужил пурпурный пергамен. Текст написан серебряными чернилами мелким и четким письмом, которое называют каролингским минускулом. Заглавия, инципиты и эксплициты, инициалы выписаны золотыми чернилами капитальным квадратным и унциальным типами письма. В начале каждого Евангелия помещена миниатюра с изображением евангелиста и его символа. Рукопись относится к лучшим образцам книг эпохи Каролингского возрождения. По мнению Л.И. Киселевой, на художественное оформление этого кодекса могла оказать влияние книгописная мастерская Ахена, изготовившая на рубеже VIII–IX столетий роскошное пурпурное Евангелие для коронации императора Карла Великого²². Книги, изготовленные с применением пурпура, золота и серебра, и в средние века были огромной редкостью, поскольку стоили очень дорого. В наши дни их относят к числу замечательных сокровищ мирового культурного наследия.

Немалый интерес с точки зрения художественного оформления представляют также и некоторые другие ранние латинские рукописи коллекции Дубровского. Так около 10 рукописных книг из его собрания были использованы Э.Г. Циммерманом в работе, посвященной докаролингской миниатюре²³. Три кодекса нашли отражение в издании “Островные рукописи VI–IX вв.:

¹⁷ Lowe E.A. Codices Latini Antiquiores. Oxford, 1966. Pt. XI.

¹⁸ ОР РНБ. Lat. Q.v.1.3. Augustinus Aurelius. Opera.

¹⁹ Там же. Lat. Q.v.1.6–10. Pseudo-Rufini, Fulgentii, Origenis, Hieronymi opuscula.

²⁰ Bischoff B. Katalog der festländischen Handschriften des neunten Jahrhunderts. Wiesbaden, 2004. Teil II.

²¹ ОР РНБ. Lat. Q.v.1.26. Quatuor Evangelia cum prologis s. Hieronymi.

²² Искусство западноевропейской рукописной книги V–XVI вв.: каталог / науч. ред. Г.В. Вилинбахов, Л.И. Киселева. СПб., 2005. С. 80–81.

²³ Zimmermann E.H. Vorkarolingische Miniaturen. Berlin, 1916.

обзор иллюминированных рукописей Британских островов”²⁴. Два из них особенно широко известны. Это так называемое “Островное Евангелие” VIII в.²⁵ и второй по старшинству, после Кембриджского, список сочинения монаха из нортумбрийского монастыря Ярроу Беды Почтенного (672–735) “Церковная история английского народа”²⁶. Последняя рукопись была создана в Ярроу около 746 г., всего через 10 лет после смерти автора, первого историка Англии. Оба петербургских кодекса неизменно упоминаются во всех современных исследованиях по англо-саксонскому искусству. “Островное Евангелие” отличается необыкновенной красотой орнамента, в котором изящная плетенка сочетается с изображениями фантастических животных. Во многом напоминающий драгоценные эмали орнамент украшает аркады, обрамляющие таблицы библейских канонических текстов, и начальные листы каждого Евангелия²⁷. Рукопись, содержащая “Церковную историю английского народа”, знаменует собой начало нового этапа в развитии средневекового книжного искусства. В ней впервые в истории западноевропейской рукописной книги появляется такой декоративный элемент, как историзованный инициал²⁸.

“Ленинградский Беда”, как часто называли эту рукопись в научной литературе, имеет еще одну отличительную особенность. На л. 107 кодекса содержится гимн Кедмона – небольшой стихотворный текст на древнеанглийском языке. Это самый ранний из сохранившихся списков произведения англо-саксонского поэта VII в. Рукописи, содержащие англо-саксонские тексты, относительно немногочисленны и потому представляют особую ценность для истории мировой культуры. Среди известных в мире подобных рукописей две происходят из коллекции Дубровского²⁹.

Не меньше, чем древние кодексы, привлекают к себе внимание ученых и издателей привезенные Дубровским в Россию рукописи XIII – первой половины XVI в. В большинстве своем это иллюминированные рукописные книги французского происхождения. Многие из них предназначались для французских королев, членов королевской фамилии, могущественных владетельных señоров. Для работы над такими книгами обычно приглашались лучшие художники своего времени. Далеко не все миниатюристы, создававшие иллюстрации к рукописям, приобретенным Дубровским, в настоящее время идентифицированы. Однако мы можем назвать имена некоторых из них. Это Жан Ле Нуар, Жак Маси, Жан Бурдишон, Робине Тестар, а также художники, которых называют условно Мастер Эдуарда IV, Мастер Маргариты Йоркской, Мастер Карла Французского. Каждый из них оставил заметный след в истории средневековой книжной живописи.

Рукописи с миниатюрами из собрания Дубровского неоднократно экспонировались на престижных международных выставках во Франции, Германии, Португалии. Наиболее представительной явилась выставка “Когда живопись была в книгах” (“Quand la peinture était dans les livres”), организованная Национальной библиотекой Франции в конце 1993 – начале 1994 г. Экспозицию со-

²⁴ Alexander J.J.G. *Insular Manuscripts 6th to the 9th century: A Survey of Manuscripts Illuminated in the British Isles*. L., 1978.

²⁵ OP РНБ. Lat. F.v.I.8. *Quatuor Evangelia cum prologis s. Hieronymi*.

²⁶ Там же. Lat. Q.v.I.18. *Beda Venerabilis. Historia ecclesiastica gentis anglorum*.

²⁷ Рукопись издана в электронной форме (CD-ROM). См.: *Островное Евангелие VIII в. из собрания Российской национальной библиотеки* / науч. ред. Н.А. Елагина. СПб., 2001.

²⁸ Обе рукописи описаны в изданиях: *Воронова Т.П.* и др. *Западноевропейская книжная миниатюра VIII–XVI вв.* / Российская национальная библиотека. Бурнемут; СПб., 1996. С. 226–229; ил. 282–286; *Искусство западноевропейской рукописной книги...* С. 74–77; ил. 6–9.

²⁹ См.: *Ker N.R. Catalogue of Manuscripts Containing Anglo-Saxon*. Oxford, 1990 (№ 122, 415).

ставили 240 лучших рукописных книг из созданных во Франции между 1440 и 1520 г., ныне хранящиеся в библиотеках, музеях и частных коллекциях различных стран мира. В их число вошли две рукописи из собрания Дубровского. Одна из них содержит перевод на французский язык сочинений Псевдо-Сенеки и Цицерона и украшена миниатюрами кисти Мастера Карла Французского. Вторая рукопись представляет собой сборник стихотворных посланий придворных поэтов Людовика XII и Анны Бретонской. Автором великолепных иллюстраций к этой книге был Жан Бурдишон, получивший официальное звание придворного художника еще при Людовике XI в 1481 г.³⁰

Только за последние десять лет зарубежными издательствами были подготовлены факсимильные издания восьми средневековых иллюминированных рукописей из коллекции Дубровского, что убедительно свидетельствует об их высочайшей художественной и исторической ценности. В основу изданий легли рукописный “Бестиарий” конца XII в. английского происхождения³¹; три рукописи XIV столетия – “Книга сокровищ” Брунетто Латини³², “Бревиарий любви” Матфре Эрменго де Безье³³ и “Роман о Трое” Бенуа де Сент-Мора³⁴, созданные соответственно во Франции, Испании и Италии; четыре французских рукописных книги XV в. – “Часовник Людовика Орлеанского”³⁵, “Сомюрская джостра”³⁶, “Реньо и Жаннетон”³⁷, “Книга о простейших лекарственных средствах”³⁸.

Последнюю рукопись нередко называют “Травником Карла Ангулемского”. Она была создана в конце XV в. для Карла Орлеанского графа Ангулемского, отца французского короля Франциска I. Великолепный альбом иллюстраций к “Травнику” принадлежит кисти талантливого художника Робине Тестара, в течение многих лет состоявшего на службе при Ангулемском дворе. Интересно отметить, что в Национальной библиотеке Франции хранится более поздняя рукопись, являющаяся копией (ее иллюстрации можно назвать “факсимильной копией”) петербургского травника, который послужил для нее оригинальной моделью³⁹.

О ценности иллюминированных рукописей Дубровского говорит и еще один факт. В 1930-е годы шесть французских кодексов из его собрания были проданы через “Антиквариат”. Судьбу трех из них удалось проследить. В настоящее время они хранятся в Королевской библиотеке в Гааге, в Национальной библиотеке Франции и в Музее Гетти в США⁴⁰.

³⁰ ОР РНБ. Fr. F.v.III.1 и Fr. F.v. XIV.8. См.: *Avril F., Reynaud N. Les Manuscrits à peinture en France, 1440–1520. P., 1993. P. 162–163 (№ 82), 303–305 (№ 168).*

³¹ ОР РНБ. Lat. Q.v.V.1. Факсимильное издание: *Bestiario de San Petersburgo / науч. коммент. О. Bleskina, Т. Docampo, G. Solera. [Madrid]: AyN Ediciones, 2003. Т. 1–2.*

³² ОР РНБ. Fr. F.v.III.4. Факсимильное издание: *Brunetto Latini. Li Livres dou Tresor / науч. коммент. Л.И. Киселева и др. Barcelona: M. Moleiro Editor, S.A., 1999–2000. Т. 1–2.*

³³ ОР РНБ. Esp. F.v.XIV.1. Факсимильное издание: *Breviari d'Amor / науч. коммент. Л.И. Киселева и др. [Madrid]: AyN Ediciones, 2003–2005. Т. 1–2.*

³⁴ ОР РНБ. Fr. F.v.XIV.3. Факсимильное издание: *El Códice de la Guerra de Troya / науч. коммент. Н.А. Елагина и др. [Madrid]: AyN Ediciones, 2003–2004. Т. 1–2.*

³⁵ ОР РНБ. Lat. O.v.I.126. Факсимильное издание: *Libro de Horas de Luis de Orleans / науч. коммент. A.D. Rodriguez. C.M. Carsia. Barcelona: M. Moleiro Editor. S.A., 2001–2002. Т. 1–2.*

³⁶ ОР РНБ. Fr. F.XIV.4. Факсимильное издание: *Das Turnierbuch für René d'Anjou (Le Pas de Saumur / науч. коммент. Н.А. Елагина, Т.П. Воронова, Д.О. Цыпкин, Ю.П. Малинин. Graz: ADEVA, 1998. Т. 1–2.*

³⁷ ОР РНБ. Fr. Q.XIV.1. Факсимильное издание: *Amours de René d'Anjou / науч. коммент. Н.А. Елагина и др. [Madrid]: AyN Ediciones, 2002–2005. Т. 1–2.*

³⁸ ОР РНБ. Fr. F.v.VI.1. Факсимильное издание: *Libro de los Medicamentos Simples / науч. коммент. Н.А. Елагина и др. Barcelona: M. Moleiro Editor, S.A., 2000–2001. Т. 1–2.*

³⁹ Paris. BNF, ms. fr. 12322.

⁴⁰ Den Haag. Koniglijke Bibliotheek; Paris. BNF, n.a.f. 23686; Malibu. J. Paul Getty Museum, ms. 27.

Если рассматривать средневековые французские рукописи коллекции Дубровского с точки зрения их текстов, то нельзя не признать, что часто приобретенные им списки литературных или исторических произведений являются лучшими (наиболее полными либо наиболее ранними) из дошедших до наших дней. Следует отметить также наличие в его замечательном собрании ряда сочинений, не получивших в свое время широкого распространения и известных по единственным в мире спискам, ныне хранящимся в РНБ. К их числу может быть отнесено произведение неустановленного автора “Похвала святому Иоанну Евангелисту”, сохранившееся лишь в одной рукописи XIV в.⁴¹ До сих пор поиски какого-либо другого списка этого сочинения, предпринятые сотрудниками Института истории текстов в Париже, не увенчались успехом. По единственным спискам из коллекции Дубровского известны также два стихотворных произведения, созданные в середине XV в. при дворе короля Рене (1409–1480) в Анжу-Провансе. Одно из них – небольшая рифмованная хроника анонимного автора, посвященная описанию рыцарского праздника, организованного королем Рене в Сомюре летом 1446 г. Второе – знаменитая пастораль “Реньо и Жаннетон”, повествующая о любви короля Рене и его второй жены Жанны де Лаваль, авторство которой в течение долгого времени приписывалось Рене Анжуйскому. Обе рукописи, содержащие уникальные тексты и украшенные многочисленными рисунками, выполненными пером и акварелью, недавно были изданы факсимильно⁴².

Первая рукопись считалась давно утраченной, когда в начале XX в. ее неожиданно обнаружил в Петербурге выдающийся французский исследователь Поль Дюррье. Его открытие стало сенсацией в ученых кругах Парижа, особенно для историков и биографов короля Рене, которые знали о существовании рукописи с описанием турнира в Сомюре по книге Вюльсона де ла Коломьбера “Подлинный театр чести и рыцарства”, где приводились небольшие фрагменты из хроники⁴³. Полная транскрипция этого любопытного текста впервые была опубликована в 1998 г. в томе комментариев к факсимильному изданию кодекса.

Интерес к пасторали “Реньо и Жаннетон” был исключительно велик уже в XIX в. В то время историки литературы видели в рукописи, хранящейся в Петербурге, не просто единственный известный список сочинения короля Рене, а бесценный оригинал поэмы, переписанной и проиллюстрированной самим автором. По настоятельной просьбе Шампольона для Национальной библиотеки в Париже была сделана копия этого манускрипта, использованная французскими учеными для двух изданий текста – 1845 и 1910 гг. На протяжении более чем полутора столетий к петербургской рукописи неоднократно обращались литературоведы и искусствоведы. В начале XX в. впервые были высказаны сомнения по вопросу об авторстве пасторальной поэмы. Постепенно ученые все больше склонялись к мысли о том, что она является произведением не Рене Анжуйского, а неизвестного автора из его ближайшего окружения. Вызывала споры и атрибуция иллюстраций к пасторали. Как убедительно доказали современные исследования в области кодикологии, рукопись была изготовлена в XV в., уже после смерти короля Рене, а значит не только не мог-

⁴¹ ОР РНБ. Fr. O.v.I.1. Les Louanges de saint Jehan l'Evangeliste.

⁴² См. выше примеч. 36 и 37.

⁴³ Vulson de la Colombière M. Le vray Théâtre d'honneur et de chevalerie. P., 1648. Подробнее об этой рукописи см.: *Елагина Н.А.* “Сомюрская джостра”. Французская рукопись XV в. из собрания Российской национальной библиотеки // *Западноевропейская культура в рукописях и книгах Российской национальной библиотеки* / под ред. Л.И. Киселевой. СПб., 2001. С. 207–221.

ла быть создана его рукой, но и никогда ему не принадлежала. Так оказалась развенчанной легенда, связанная с одной из рукописных книг коллекции Дубровского, что, однако, не умалило значение этого уникального литературного памятника для истории средневековой культуры⁴⁴.

Некоторые рукописи приобретались Дубровским уже овеванные легендой, как это было с пасторалью “Реньо и Жаннетон” или “Часовником Марии Стюарт”. Иногда, как кажется, легенду создавал сам коллекционер. По мнению Т.П. Вороновой, прекрасного знатока истории собрания П.П. Дубровского, именно так распространились в Петербурге слухи о наличии у собирателя славянских рукописей из “домашней библиотеки” Анны Ярославны, дочери киевского князя Ярослава Мудрого (978–1054) и супруги короля Франции Генриха I (1031–1060)⁴⁵.

Вероятно, легенды о книгах возникали в разных обстоятельствах и в разное время, но, по-видимому, всегда имели под собой определенную фактологическую основу.

Авторы работ, посвященных истории Марии Стюарт, описывая казнь шотландской королевы, часто упоминают, что она взошла на эшафот, держа в руках молитвенник. Принимая во внимание, что знаменитый “Часовник” из собрания Дубровского сохранил многочисленные собственноручные пометы несчастной королевы, в том числе и относящиеся ко времени ее заключения, можно было с долей вероятности говорить о том, что именно эта книга и находилась в ее руках в момент казни. Веские основания имелись и для того, чтобы приписать авторство пасторали и иллюстраций к ней Рене Анжуйскому, чье дарование как писателя не нуждалось в дополнительном подтверждении и который с давних времен традиционно слыл талантливым художником.

Присутствие в коллекции Дубровского фрагмента Минеи XI в.⁴⁶ вполне могло породить легенду об имеющихся у него рукописях из “домашней библиотеки” Анны Ярославны, выглядевшую тем более убедительно, если фрагмент действительно был приобретен во Франции.

Реальная ценность рукописей, привезенных Дубровским в Петербург, заслуженная высокая репутация его собрания не только придавали достоверность уже сложившимся легендам, но и служили основанием для возникновения новых. Так, в начале XX столетия некий аббат Ж. Бонне, работавший над изучением французского рукописного фонда Публичной библиотеки, увидел в одной из рукописей XVII в., содержащей стихотворные парафразы псалмов, неизвестное произведение Жана Расина и даже опубликовал поэтические тексты, приписав авторство великому французскому писателю и тем самым создав еще одну легенду о драгоценной коллекции⁴⁷.

Давая характеристику древним рукописям своего собрания, Дубровский отмечал, что они могут сравниться с манускриптами четырех крупнейших библиотек Европы: Ватиканской, Императорской в Вене, Королевских во Франции и Англии, а в чем-то даже их превзойти⁴⁸. Время доказало справед-

⁴⁴ Об этой рукописи см.: *Елагина Н.А.* “История любви Рене Анжуйского, короля Неаполя и Сицилии”. Пастораль XV века из коллекции П.П. Дубровского // *История в рукописях – рукописи в истории: сб. науч. тр. / Российская национальная библиотека (в печати).*

⁴⁵ См.: *Воронова Т.П.* Первые страницы истории “Депю манускриптов”: публ. // *Рукописные памятники.* СПб., 1996. Вып. 1. С. 17–18.

⁴⁶ ОР РНБ. Ф.п.1.36. “Минея Дубровского”.

⁴⁷ ОР РНБ. Fr. Ql. 2; *Bonnet J.* Oeuvres inconnues de Jean Racine découvertes à la Bibliothèque Impériale de St.-Petersbourg par l'abbé J. Bonnet. Poèmes sacrés. Auch, 1911.

⁴⁸ См.: *Extrait du Catalogue général des manuscrits...* ОР РНБ. Fr.F.XVIII.41. Л. 2 об.

ливость этого суждения по отношению ко всей средневековой части коллекции. На страницах фундаментальных научных исследований, в сводных каталогах, в экспозициях престижных международных выставок рукописи Дубровского с полным правом встают в один ряд с ценнейшими кодексами самых прославленных книгохранилищ мира.

Т.П. Воронова

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС 1797 г. В ГАМБУРГЕ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ЕКАТЕРИНЕ II

(По материалам архива П.П. Дубровского)*

В иностранном фонде (“*Rossica*”) РНБ хранится стихотворный сборник на французском языке под названием “Литературный памятник, посвященный августейшей Екатерине II, императрице всея Руси”¹. На титульном листе не указаны ни издатель, ни место издания. Сборник начинается со стихотворного посвящения императору Павлу I и включает пять од на смерть Екатерины II. У сборника – общий гравированный титульный лист, но каждая ода имеет еще свой титульный лист – печатный, на обороте его в центре помещен девиз или эпиграф, под которым принимал участие в конкурсе автор, получивший премию. В четырех случаях из пяти – это строка из Вергилия или Горация.

Автор посвящения и первой оды – Ж.-Б. Август Леребур (*J.B. Aug’uste Le Rebours*), бывший генеральный адвокат Рижской Счетной палаты. Текст его стихотворных произведений занимает почти четверть сборника – 22 страницы. Начало и конец оды Леребура обрамляют гравированные виньетка и концовка. На виньетке, символизирующей смерть Екатерины II, изображена ночь с почти исчезнувшей луной, четыре спящих амура (путти) со скорбными лицами; на концовке, символизирующей восшествие на престол Павла I, восходящее солнце и разбуженные им радостные амур.

Вторая ода принадлежит французскому офицеру на русской службе – Ларше-Самсону (*Larcher-Samson* – анаграмма от имени *Charles Masson*). Она занимает с. 23–32. На виньетке изображена группа путти, сплетающая гирлянду из лавра и мирта на открытой книге – “Своде законов”. Сверху – эмблема вечности. Концовки нет.

Третья ода аббата Фитта (*Fitte*) находится на с. 33–48. На виньетке к этой оде изображена богиня Славы, трубящая в трубы. Внизу четыре амура, славящие императрицу.

Четвертая ода (с. 49–68) – г-на Берто из Гарлема (*Bertaut de Haarlem*). На виньетке изображен амур, которому три других протягивают голубя, пылающее сердце и лиру. Концовки нет.

Пятая ода (с. 69–80) – мадмуазель Марии-Каролины Мюррей (*Murray*) из Мюнстера. Виньетка и концовка – те же, что к первой оде Леребура.

* Тезисы этой работы под названием “П.П. Дубровский – организатор литературного конкурса в Гамбурге (1797 г.)” опубликованы: Книга в России: Век Просвещения: 4-я Всесоюз. науч. конф. “Книга в России: Век Просвещения”. Ленинград, 11–13 дек. 1990 г.: тез. докл. Л., 1990. С. 82–83.

¹ Monument littéraire, consacré aux mânes de l’Auguste Catherine II. Impératrice de toutes les Russies. S.l., 1798. 80 p.

В конце каждой оды приведены примечания авторов и некоторые варианты строк. Примечания, в основном, носят исторический характер и касаются тех или иных фактов из царствования Екатерины II, упоминаемых в одах.

Экземпляр РНБ – в переплете из картона в мраморной бумаге, уголки и корешок – коричневой кожи, на корешке вытиснено название. В рукописной описи библиотеки Дубровского числится экземпляр сборника “*Monument littéraire...*” “in-folio без переплета в бумажной политурке с 4-мя завязками зеленой ленточки”². Возможно, что описываемый экземпляр, переплетенный в ИПБ, принадлежал Дубровскому. Тем более что на обороте верхней крышки переплета имеется карандашная помета: “*Tiré à 30 exemplaires. Hambourg. Rédigé par Dubrowsky*”.

Эта запись, сделанная, по-видимому, А.Ф. Бычковым³, не случайно связывает издание сборника с именем первого хранителя “Депю манускриптов” ИПБ П.П. Дубровского, собрание которого в 1805 г. поступило в библиотеку. В собрании наряду с редчайшими западными, восточными, греческими и славянскими рукописями, сохранились некоторые бумаги из его личного архива. Среди последних 310 документов, переплетенных в толстый том, подробно освещающих историю создания “Литературного памятника...” и активное участие в нем П.П. Дубровского⁴.

В январе 1797 г. в лейденской, а затем в гамбургской газетах было напечатано обращение ко всем литераторам Европы принять участие в литературном конкурсе и написать на французском языке оду на смерть Екатерины II; за лучшую оду – награда – золотая медаль и 25 дукатов; двум следующим – по серебряной позолоченной. Авторы должны были присылать оды под девизами, не указывая имя, а только адрес. Для рассмотрения 64-х присланных к 1 мая 1797 г. сочинений была составлена конкурсная комиссия из 12 писателей и ученых, как местных (Ф. Клопшток, Ф. Якоби, Лихтенштейн, М. Клаудиус, И. Реймарус, Х. Эбелинг), так и иностранных (А. Ривароль, Ж. Бодюс, Л. Мезонфор, Ж.-Ж. Менюре, д’Ожар, Ш. Шендоле)⁵. На торжественном собрании 2 мая 1797 г., в день рождения императрицы, комиссия огласила премированные оды: были признаны достойными почетного отзыва две из них: одна – Марии-Каролины Мюррей из Мюнстера и вторая – г-на Берто из Гарлема; серебряными медалями были награждены сочинения аббата Фитта, профессора литературы из Мюнстера и бывшего майора русской службы Шарля Массона, подлинное имя которого было скрыто под псевдонимом Ларше-Самсон. Золотою медалью, т.е. первой премией, комиссия удостоила поэтическое произведение Жан-Батиста Леребура, бывшего адвоката Счетной палаты Парижа, сына французского эмигранта, казненного в 1797 г.⁶ Кроме медалей, назначенных в награду авторам и рецензентам,

² ОР РНБ. Fr. XVIII. 21. Л. 1 об.

³ На заседании Отделения русской и славянской археологии 19 мая 1878 г. А.Ф. Бычков прочитал записку о литературном конкурсе в Гамбурге в 1797 г., “составленную на основании подлинных документов, имеющихся у него в руках”. Он отметил: “Награжденные оды напечатаны чрезвычайно роскошно, в числе 32 экземпляров, и составляют библиографическую редкость”. См.: Изв. Имп. Рус. археол. об-ва. 1884. Т. X, вып. 1. С. 85–87.

⁴ ОР РНБ. Ф. 971. Авт. 147. 338 л.

⁵ “*Membres qui doivent composer le Lycée*”. Savants Nationaux: Klopstock Friedrich-Gottlieb, 1724–1805; Jacobi Friedrich-Heinrich, 1743–1819; Lichtenstein; Claudius Mattias, 1740–1815; Reimarus Johann-Albert-Heinrich, 1729–1814; Ebeling Christophe-Daniel, 1741–1817.

Savants Etrangers: Rivarol Antoine, dit comte de, 1753–1801; Baudouin Jean-Louis-Amable de, 1761–1822; Maisonfort Louis Dubois-Descours, marquis de la, 1763–1827; Menuret de Chambaud Jean-Jacques, 1733–1815; d’Augeard; Chênédollé Charles-Julien Lioult de, 1769–1833. См.: ОР РНБ. Ф. 971. Авт. 147. Л. 235.

⁶ ОР РНБ. Ф. 971. Авт. 147. Л. 238.

было решено отчеканить еще некоторое число их – в бронзе и серебре для любителей по подписке. Список лиц, желающих приобрести эти медали, включал 21 фамилию с указанием внесенной суммы⁷.

Среди бумаг Дубровского сохранился печатный текст, озаглавленный «Объяснение виньеток и заставок, которые будут служить типографским украшением для “Собрания од”, признанных достойными премии и двух медалей» (“Explication des vignettes et cul-de-lampes qui serviront d’ornement typographiques au Recueil des odes qui seront jugées dignes du Prix et des deux Accessit”). В конце текста дано примечание, в котором сообщается, что награжденные оды будут изданы в 30 экземплярах с посвящением императору Павлу I. Кроме того, три экземпляра дополнительно должны были быть изготовлены особо роскошным способом – на пурпурном пергамене золотыми буквами. Они предназначались, согласно этому примечанию, императору, императрице и кому-нибудь из “принцев крови” (des Princes du Sang). Имя не указано, возможно имелся в виду Платон Зубов⁸.

Издательство, взявшееся за публикацию сборника од, называлось “Фош и компания” (Fauche et comp.). Возглавлял его Пьер-Франсуа Фош, сын известного швейцарского издателя из Нешателя (Neuchâtel) и брат не менее известного писателя и издателя Луи Фош-Бореля, открывшего несколько позднее в Брауншвейге филиал фирмы. Он же написал в мемуарах, изданных в 1829 г., что “издательство брата в Гамбурге сделалось в течение немногих лет одним из самых значительных в Германии”⁹. Неудивительно поэтому, что Дубровский обратился именно в эту фирму. Сохранились издательские счета, адресованные ему Пьером-Франсуа Фошем. Первый счет датирован 23 августа 1797 г., последний – 7 августа 1798 г.¹⁰

Вся организационная работа по проведению конкурса осуществлялась Дубровским, в то время он был секретарем русской легации в Гамбурге. Участники конкурса присылали оды на его имя в русское посольство, он вел с ними переписку, в его обязанности входили деловые переговоры с типографами и граверами, сбор денежных средств для проведения конкурса и т.п.

Материалы из архива Дубровского позволяют в деталях представить историю создания сборника. Вот что он пишет в предисловии к изданию, которое не было напечатано, но незаконченный текст которого сохранился в его бумагах: “Проект воздвигнуть (литературный памятник) был задуман в Гамбурге одним любителем словесности, который поручил воплощение идеи богатому иностранному негодянту, огорченному смертью августейшей Екатерины. Этот негодянт составил в ее царствование солидное состояние и искал способ, как выразить свою признательность подходящим случаем образом”¹¹.

⁷ Liste des personnes qui ont bien voulu contribuer à l’exécution de la médaille sur la mort de l’illustre Catherine Seconde. См.: ОР РНБ. Ф. 971. Авт. 147. Л. 4 об.–6.

⁸ ОР РНБ. Авт. 147. Л. 4: “Ces Odes... seront imprimées avec tout le luxe typographique, sur le plus beau papier velin, de format grand in Quarto, et avec les caractères provenans du cabinet de M^e la Marquise de Pompadour et de celui du Maréchal Duc de Richelieu. Les vignettes et cul-de-lampes seront gravés par les meilleurs Artistes de Londres et de Berlin. Cet Ouvrage sera dédié à Sa Majesté Paul I. L’Edition entière n’aura que trente trois Exemplaires en tout, y compris ceux de l’Empereur, de l’Impératrice et des Princes du Sang...”

⁹ Mémoires de Fauche-Borel. P., 1829. Vol. 1. P. 29.

¹⁰ ОР РНБ. Ф. 971. Авт. 147. Л. 302, 306–307, 329–330.

¹¹ “Le Projet de son élévation a été conçu à Hambourg et donné par un Ami des lettres à un riche Négociant Etranger, qui affligé de la mort de l’Auguste Catherine, au règne de laquelle il est redevable sa fortune, cherchait un moyen de manifester sa reconnaissance d’une manière convenable au sujet” (ОР РНБ. Ф. 971. Авт. 147. Л. 333).

Итак, “любитель (друг) словесности”. Дубровский ни разу не называет имя. Можно было бы предположить, что речь идет о бароне Мельхиоре Гримме, который незадолго до смерти Екатерины II был ею назначен резидентом в Гамбург. Но, по-видимому, это не так. Что касается “иностранного негоцианта”, то это Ромэн Буше (Romain Bouchez, lapidaire), огранщик драгоценных камней. Любопытно, что сам Гримм – осторожный дипломат – не упомянул об участии в этом мероприятии даже в специальной записке, посвященной своей верной службе Екатерине II¹². Однако причастность его к литературному конкурсу в Гамбурге в 1797 г. подтверждается бумагами Дубровского, в которых имеется список лиц, подписавшихся на медаль и внесших деньги, где имя Гримма фигурирует среди других достаточно известных русских дипломатов, таких как бывший посол России во Франции И.М. Симолин, полномочный министр в Гааге С.А. Колычев, поверенный в делах в Голландии А.А. Яковлев, поверенный в делах в Регенсбурге А. Струве, советник посольства в Голландии М.С. Новиков, полномочный посол в Дании А.И. Крюденер и др.

Не исключено, что “любителем словесности”, подавшим идею организации литературного конкурса, мог быть поверенный в делах в Голландии Александр Алексеевич Яковлев (дядя Герцена). В письме к нему от 28 апреля 1797 г., копия которого сохранилась в архиве, П.П. Дубровский написал: “...вы являетесь одним из первых зачинателей памятника”¹³.

В тексте предисловия к сборнику Дубровский перечисляет, какие затруднения были на пути осуществления издания. Прежде всего его пришлось печатать в городе, лишенном хороших мастеров и художников, не было гравера (поэтому вместо 10 гравированных виньеток было выполнено только 5), медали чеканились в Брауншвейге, гравюры – в Берлине, пергамент выписывался из Венеции и Парижа, золотой порошок – из Амстердама, веленевая бумага – из Лондона; а когда все материалы прибыли, их пришлось отдать в руки неопытных исполнителей.

Но самой большой неприятностью была, конечно, негативная реакция нового императора. Впервые о ней Дубровский узнал из письма барона Николая от 26 апреля 1797 г. В постскрипуме, как бы между прочим, барон писал: “Я не верю в сущности, что г-н Буше получит большую благодарность за свой подарок и полагаю, что будет лучше не осуществлять задуманный проект”¹⁴. Однако было уже поздно отменить конкурс. Хотя купец Буше, по-видимому, узнал о недовольстве императора и, не предупредив Дубровского, покинул Гамбург, оставив его практически без средств, на помощь пришли русские дипломаты, в частности, А.А. Яковлев, И.В. Васильев (советник в Копенгагене), И.М. Муравьев-Апостол (полномочный министр в Гамбурге) и отчасти Платон Зубов, который, кроме того, дал большую сумму для напечатания для него роскошного экземпляра на пурпурном пергамене золотыми буквами, неоднократно подчеркивая, что хочет иметь экземпляр, идентичный тому, что будет поднесен Павлу I¹⁵.

Известно, как Павел I относился к памяти своей матери и ее фаворитам. Поэтому вряд ли сообщения из Гамбурга о предполагаемом конкурсе и изда-

¹² Историческая записка о происхождении и последствиях моей (барона Фридриха Мельхиора Гримма) преданности Имп. Екатерине II, до кончины Ее Величества / сообщ. А.У. Бекон // Сборник Рус. ист. об-ва. СПб., 1868. Т. 2. С. 324–393.

¹³ “Vous êtes l’un des premiers moteurs de l’entreprise du monument” (ОР РНБ. Ф. 971. Авт. 147. Л. 239).

¹⁴ “P.S. Je ne crois pas au fond que Mr Boucher s’attirera de grands remerciements par sa galanterie, et je crois qu’il fera tout aussi bien de ne pas faire la démarche projetée” (ОР РНБ. Ф. 971. Авт. 147. Л. 231 об.).

¹⁵ ОР РНБ. Ф. 971. Авт. 147. Л. 320, 329–330.

нии од, посвященных памяти Екатерины II, могли его радовать. Более того, вторую премию – серебряную медаль – получил автор, чье имя было особенно неприятно Павлу I. Этим автором был Шарль Массон, издавший в 1800 г. “Секретные мемуары”, посвященные последним годам царствования Екатерины II, ее фаворитам и наследнику Павлу¹⁶. Книга, получившая широкое распространение на Западе и переведенная на многие языки, была запрещена в России. Шарль Массон, скрывшийся за псевдонимом Ларше-Самсон, сразу же после смерти Екатерины II в 1796 г. был выслан Павлом I из России вместе со своим старшим братом. Уроженец Женевы, он приехал в конце 1786 г. в Петербург, по рекомендации Лагарпа поступил преподавателем в артиллерийско-инженерный кадетский корпус, позже стал воспитателем и учителем сыновей генерал-аншефа Салтыкова, а в 1795 г. был назначен секретарем вел. кн. Александра Павловича. Из его мемуаров не совсем ясно, чем он вызвал к себе неприязнь Павла I. Во всяком случае он выслан был весьма поспешно¹⁷.

Объясняя Дубровскому упорное нежелание открыть свое подлинное имя, он ссылается на свое опасение навлечь на организателей конкурса гнев императора, что, в сущности, и случилось, но не только из-за Массона. Свою серебряную медаль Массон смог получить лишь через год после ее присуждения, после неоднократных напоминаний. Хотя ода и была напечатана под псевдонимом, в Петербурге имя автора было сразу же раскрыто. Вот что он писал Дубровскому 18 августа 1798 г. из Байрейта после получения долгожданной медали: “Мое настоящее имя Шарль Массон. Совсем недавно майор в России и секретарь вел. кн. Александра, я не хотел подписывать имя изгнанника, ибо, когда я чествовал Екатерину, я был разлучен с моей русской женой, с моими детьми, с моими друзьями, со страной, которая стала мне родиной, и выслан, не зная причин, как опасный государственный преступник. Подписать своим именем значило повлечь негодование сына на весь памятник, посвященный матери; я оказал бы плохую услугу обществу и литераторам, которые имели смелость наградить оду, в которой нет ни слова в честь того, кто возглавил Россию после ее кончины... Недостатки оды, – продолжал Массон, – объясняются тем, что я составлял ее в почтовой кибитке, сидя между двумя жандармами, что, впрочем, и придает ей особый интерес”¹⁸.

Несколько слов о составе архива. Прежде всего это 45 рукописных текстов од, остальные были по просьбе авторов возвращены им. Намерение Дубровского опубликовать их во второй части “Памятника...” не могло осуществиться из-за отсутствия средств. В основном участники конкурса, т.е. авторы од – французские эмигранты. Значительную часть архива составляют письма участвующих в конкурсе авторов к Дубровскому – их 61. Затем – списки членов конкурсной комиссии и подписавшихся на медаль, письма и счета издателя Пьера-Франсуа Фоша, копии писем Дубровского к Платону Зубову, Алек-

¹⁶ Mémoires secrets sur la Russie, et particulièrement sur la fin du règne de Catherine II et sur celui de Paul I. P., 1800–1802. Vol. 1–3.

¹⁷ Подробно об этой высылке рассказывается в сообщении Д.Д. Рябинина “Высылка из России братьев Массонов. Рассказ из времен имп. Павла. 1796” (Русская старина. 1876. Т. 15, № 3, 6. С. 548–585).

¹⁸ ОР РНБ. Ф. 971. Авт. 147. Л. 331–332: “...Larcher Samson n'est que le renversement de mon vrai nom Charles Masson. Naguères Major en Russie et secrétaire des commandemens du Gr. D. Al. je ne voulos point signer ce nom proscriit au moment même où je célébrais Catherine, j'étais enlevé à ma femme qui est Russe, à mes enfans, à mes amis, à un pays qui était devenu ma patrie et transporté sans savoir pourquoi, comme un criminel d'état dangereux. Me signer sous mon véritable nom eut attiré davantage l'indignation du fils sur tout monument élevé à la mère, et j'eus rendu un tres mauvais service à la société et aux gens de lettres qui ont eu le courage de couronner une ode, où il n'y a pas un bien d'en... en l'honneur de celui qui devait consoler la Russie de sa perte”.

сею Орлову, кн. Голицыной в Мюнстер, А.А. Яковлеву, упомянутое предисловие к сборнику, посвящение имп. Павлу I от имени издателей и что особенно любопытно – такое же посвящение Александру¹⁹. Тексты обоих посвящений идентичны, кроме одного пассажа, где вместо сына упоминается как наследник Екатерины II внук императрицы!²⁰

Особо следует отметить письма и заметки аббата Мари (l'abbé Marie), духовника принцессы Елизаветы, сестры Людовика XVI²¹. В благодарность, что Дубровский опубликовал его эпитафию Елизавете²², он согласился безвозмездно помогать ему в проведении конкурса; составлял проекты приглашительных писем, подбирал надписи для медалей, а также сюжеты для виньеток и концовок, давал практические советы Дубровскому. Так, например, в письме от 24 марта 1797 г. относительно медали и подписи на ней, он напоминает, что подобная надпись (“post mortem”) была на статуе Людовика XIV в Монпелье, разрушенной во время революции, поэтому он рекомендует отказаться от нее (“cette statue n'existe plus depuis notre infernale et vandaliq̄ue révolution”). Затем он высказывается против соединения для I премии в медалях имен матери (Екатерины II) и сына (Павла I): “Mon avis seroit donc de mettre absolument de côté le nouvel Empereur et de ne s'occuper que de sa très illustre mère. Il aura son tour, quand il l'aura mérité”. Он был также против пышного праздника с концертом и обедом, что требовало больших средств²³. Однако в данном случае Дубровский не последовал его совету: праздник состоялся, о чем и сообщила гамбургская газета, экземпляр которой сохранился в архиве Дубровского²⁴. Сохранился также французский текст заметки, написанный собственноручно Дубровским, в которой подробно описываются конкурс и связанные с ним торжества, перечисляются награжденные лица и наиболее почетные участники²⁵. Вступительную речь произнес граф де Ривароль. Отрывок из нее (начало) Дубровский привел в своей заметке. Там же сообщалось, что речь вскоре будет напечатана, что подтверждает счет издателя Фоша, отпавленного Дубровскому 26 сентября 1797 г.²⁶

Нет сомнения, что активное участие Дубровского в конкурсе памяти Екатерины II не было не замечено мстительным и завистливым к славе матери Павлом I. По возвращении в 1800 г. в Россию Дубровский был без объявления причин уволен из Коллегии иностранных дел и восстановлен только в 1804 г. при Александре I, после передачи своей коллекции в Императорскую Публичную библиотеку.

¹⁹ Там же. Л. 257–258, 319–325, 335–336.

²⁰ Там же. Л. 336–336 об.

²¹ Там же. Л. 1–2, 213–215, 217, 220, 223–229.

²² Нам известен единственный печатный экземпляр этой эпитафии, который вклеен в 1-й том французского молитвенника из собр. П.П. Дубровского, принадлежавшего принцессе Елизавете и ею же выполненного особым способом (Livre des prières – Fr. Q. I. 46). Она подарила его аббату Мари, который в свою очередь преподнес молитвенник Дубровскому. Эпитафия озаглавлена: “Invocation à madame Elizabeth soeur de Louis XVI roi de France”, Hambourg, 1794. 4 p. На обороте титульного листа следующая запись: “N.B.: Cette Invocation est extraite d'une Elégie manuscrite, sur les crimes et les malheurs de la France”. В конце текста (Р. 4): “Par M. l'Abbé Marie”. На двух листах, вклеенных Дубровским в молитвенник, Дубровский описал историю своего приобретения, закончив ее словами: “L'abbé Marie écrit son Epitaphe, cy-jointe, que j'ai imprimé de ma main à Hambourg”.

²³ “Au lieu d'employer à un grand festin, et à un concert assez inutile, beaucoup d'argent, portez tous les frais sur l'exécution d'un monument qui vous fasse honneur et qui reste...” (ОР РНБ. Ф. 971. Авт. 147. Л. 225–226).

²⁴ Staats – und Gelehrte Zeitung des Hamburgischen unpartheyischen Correspondenten. 6 mai 1797, № 72 (Там же. Л. 260–263).

²⁵ Там же. Л. 252.

²⁶ Там же. Л. 307.

“ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК” П.П. ДУБРОВСКОГО

В Архиве Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге хранится “Дело управления Императорской Публичной библиотеки о службе надворного советника Дубровского. Начато: 27 февраля 1805 г. Окончено: 14 марта 1830 г. На 94 листах” (Ф. 1. Оп. 1. 1805 г. Дело № 40). Это личное дело хранителя рукописей П.П. Дубровского (1754–1816), который находился на этой должности с 1805 по 1812 г.

На первых четырех листах “Дела” записаны копии с двух указов и двух рескриптов императора Александра I, датированных 27 февраля 1805 г. В указе товарищу министра иностранных дел кн. А.Ю. Чарторыйскому содержится повеление “единовременно выдать из сумм сей коллегии” 15 000 руб. надворному советнику Дубровскому (Л. 1). Указом Кабинету император назначает Дубровскому, “определенному из ведомства иностранной коллегии к Императорской библиотеке хранителем манускриптов”, пожизненную пенсию в 3000 руб., “да по занимаемому им ныне месту жалования” в 1200 руб. (Л. 2). В рескрипте “об учреждении при Императорской библиотеке особенного депо манускриптов” директору библиотеки гр. А.С. Строганову повелевается принять посвящаемое “надворным советником Дубровским в пользу отечества драгоценное собрание манускриптов, в течение тридцати лет им составленное”, и “соответственно желанию его и способностям определить его хранителем сего депо” (Л. 2а). Наконец, четвертым из подписанных императором документов надворному советнику Дубровскому “в воздаяние отличного и ревностного служения [...] при разных миссиях и особенных жертвований на пользу службы [...] учиненных”, жалуются орден св. Анны второго класса (Л. 3).

Последние два листа в личном деле П.П. Дубровского занимает копия письма, написанного директором Императорской Публичной библиотеки А.Н. Олениным министру иностранных дел гр. К.В. Нессельроде от 14 марта 1830 г., в котором Оленин отвечает на запрос французского посла в России герцога де Мортемара о жизни и деятельности П.П. Дубровского (Л. 93–94).

Собственноручно составленный П.П. Дубровским в 1812 г. “Послужной список” занимает л. 30–35 об. его личного дела. Он написан ровным, четким и красивым почерком человека, привыкшего много писать и переписывать. Собственно “Список” (Л. 30–31) представляет сложенный пополам лист бумаги размером 41,5 × 33 см. На л. 30 – заголовок, сделанный рукой Петра Петровича: “Послужной список находящагося в Императорской Публичной библиотеке хранителем Депо манускриптов коллежского советника и кавалера Петра Дубровского”. По форме “Список” представляет ответы на вопросы, записанные в 9 разграфленных столбцах. В настоящей публикации названия столбцов набраны курсивом. К “Послужному списку” П.П. Дубровский приложил переписанные им копии 13 документов, касающихся его службы за границей в 1788–1800 гг. Каждому из документов присвоена литера кириллического алфавита, на которые Петр Петрович ссылается в тексте своего “Списка”. На нижнем поле почти во всю ширину листа проставлена подпись: “Коллежский советник и кавалер Петр Дубровский”. При публикации по мере возможности сохранена орфография подлинника.

М.Г. Логутова

**Послужной список
находящегося в Императорской Публичной библиотеке
хранителем Депо манускриптов коллежского советника
и кавалера Петра Дубровского**

Чин, имя, отчество, фамилия и должность им отправляемая, и сколько от роду лет.

Коллежский советник Петр Петров сын Дубровский. Хранитель Депо манускриптов особенно учрежденного при ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной библиотеки. От роду имеет пятьдесят семь лет.

Из какого звания происходит.

Из дворян Киевской губернии.

Сколько имеет во владении мужеска пола душ людей и крестьян, в которых уездах и как имя на селения.

Ни одной.

Когда в службу вступил, и в одной какими чинами, в каких должностях и где происходил, также не было каких отличных по службе деяний, и не был ли особенно кроме чинов чем награжден и в какое время.

По окончании наук на собственном иждивении¹ в Киевской Академии в 1772-м², вступил в службу при Святейшем Правительствующем Синоде в 1773-м годе в декабре м[еся]це копейстом, в 1777-м произведен в подканцеляристы: желая же довершить свои учения в иностранных университетах, испросил место церковника при Российской церкви в Париже, где сверх того продолжал службу при Посольской канцелярии Полномочного министра и кавалера князя Ивана Сергеевича Барятинского³, за что по представлению Его Сиятельства определен в 1780-м в Государствен[ную] коллегию иностранных дел и в той же Миссии⁴ студентом⁵. В 1782-м во время бытности ИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ВЫСОЧЕСТВ в Париже под именем графа и графини Северных⁶, имел сверх должности особенное препоручение по ученой части. В 1783 годе феврале 8-го пожалован в актуариусы и отправлял должность секретаря посольства при бывшем тогда, для особенных государственных дел во Франции, чрезвычайном посланнике графе Моркове⁷. В 1786-м годе феврала 12-го произведен в переводчики и был посылан по требованию корреспондента Блаженныя и вечно достойныя памяти, ГОСУДАРЬНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРЫЯ, с собственными ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА делами в Петербург, откуда в 1788-м годе отправлен с депешами в Вену, Ратисбон⁸, Минхен и Франкфурт, что на Мейне; а по возвращении в Париж немедленно послан в Гишпанию с важными депешами, а оттуда того же гола в Португалию (пашпорт лит. А). Во время же Революции Французской, по причине отсудствия Советника и Секретаря Посольства отправлял их должность один. По отъезде же и самого Министра [Ивана Матвеевича Симолина]⁹ оставался при Поверенном в делах [Михаиле Семеновиче Новикове]¹⁰ также один Секретарем Посольства. При удалении во все той [же] Миссии из Франции имел препоручение от него, Поверенного в делах, спасти секретные бумаги и шифры, которые и провез в целости в Брюссель, оставя все свое имение в Париже, коего знатная часть была разграблена, остальная же и теперь там пропадает за невозможность вывезти ее морем. Из Брюсселя приехал вместе с г-м поверенным в делах в Гагу, где и оставался при Миссии по 1795-й год и был послан в Англию в 1794-м годе с депешами к Его Сиятель[ству] графу Воронцову¹¹ (лит. Б); а по завоевании Голландии французами, и когда уже неприятель со всех сторон запирает путь, спас архивы посольские, провезши их сквозь неприятельские армии в Гамбург, причем потерял собственное имущество (аттестат лит. В). При Миссии Нижнего Саксонского Округа находился по 1800-й год и был посылан от министра барона Гросса¹² секретно в Голландию для отзыва оставшагося там Совет[ника] Посоль[ства] Новикова, с которым и возвратился безопасно в Гамбург. 1799. 24 сентября произведен в коллеж[ские] ассесоры и тогда же был отправлен к Главнокоманд[ующему] Российс[кой] армиею в Голландии¹³ для секрет[ной] перепис[ки] и реляций. По отбытии оной на острова Жерзи и Гернези, по требованию министра графа Воронцова приехал из тех островов в Лондон, а оттуда по высочайшей воле в Петербург (пашпорт графа Воронцова лит. Г). Но вся сия служба и потери сделанные по оной обратились в ничто, и под предлогом реформы зделанн[ой] в Государ[ственной] кол[легии] иност[ранных] дел, якобы за излишеством, причислен к Героль-

дии для помещения к другим делам (аттестат гр. Ростопчина¹⁴ под лит. Д). Но по ВЫСОЧАЙШЕЙ милости щастливо царствующего МОНАРХА в 1805-м годе фев[раля] 23 по прежнему определен в Государственную коллегияу иностранных дел с чином надворного советника и с старшинством (копия с Указа [лит.] Е). Того же года и месяца 27-го числа, при высочайшем рескрипте (литера Ж) получил орден с[вятой] Анны второго класса, и зделан хранителем новоучрежден[ного] ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ депо, основанного на поднесенных мною драгоценных рукописей собранных в 30ти-летнее время (Рескрипт лит. S). Того же дни пожалована мне пенсия по смерть (литер. З) и единовременно сумма денег за потери по службе и раззорительное удаление от оной (лит. Т). В 1807 годе августа 31 произведен в коллежские советники в котором чине пятый уже год нахожусь. Того же года, по докладу Правительствующего Сената ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ пожалован орден С[вято]го Владимира 4-й степени в присутствии кавалерской думы в Георгиевском Зимнего дворца зале (отношение Васил[лия] Ст[епановича] Попова¹⁵, литера И) и под лит. К., патент на чин.

В походах против неприятеля и в сражениях был или нет и когда именно.

Был в походе и на сражениях, как явствует прилагаемый при сем от Главнокомандующего армию генерал-лейтенанта и кавалера Есена I-го аттестат, в копии.

Копия с аттестата (лит. Л).

Даю сей аттестат находившемуся по высочайшему повелению при Армии ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, бывшей в Голландии [в 1799 г.], для секретных переписок, реляций и переводов, Российского посольства в Гамбурге секретарю, Петру Дубровскому, в том, что он во все время служения своего при Армии, вел себя как должно благородному человеку, и дела не токмо по части своей службы исправлял во все время похода исправно, но и другие возложенные по армии должности исполнял с усердием и отличною радетельностию. Сверх того находился при мне и в самое время сражений, за что заслуживает МОНАРШЕГО благоволения, от верховного же начальства особенного внимания.

С.П.б. 4 ген[варя] 1800 подлин[ный] подписал генерал-лейтенант Эссен первый (место печати)

Не был ли в штрафах и под судом, и если был, то за что имяно, когда и чем дело кончено.

Не бывал никогда.

В продолжению статской службы способен и к повышению чина достоин, или нет и за чем.

Не был ли в отставке с награждением чина или без онаго, и когда.

Не был.

Женат ли, имеет ли детей, кого имяно. Коликих лет, и где они находятся.

Нет.

КОЛЛЕЖСКИЙ СОВЕТНИК И КАВАЛЕР ПЕТР ДУБРОВСКИЙ

Лит. А. Копия с Паспорта в Гишпанию и Португалию.

Nous Iwan de Simolin, Cons[eilleur] privé de S[a] M[ajesté] I[mpéria]le de toutes les Russies, Son Ministre Plénipotent[iaire] près S[a] M[ajesté] Très Chrétienne, Chevalier de l'Ordre de S[ain]t Alexandre Newsky etc. Prions tous ceux, qui sont à prier de laisser Sûrement et Librement passer le Porteur du présent Mr. de Doubrowsky, officier au Service de Russie, allant à Madrid et à Lisbonne Chargé de Depeches, en foy de quoy etc. Signé Simolin.

Paris 26 May/6 Avril 1788. et plus bas le Sceau des armes du Ministre.

Лит. Б. Копия с Паспорта из Голландии в Лондон.

Nous Etienne de Kalitcheff¹⁶, Chambellan actuel de S[a] M[ajesté] I[mpéria]le de toutes les Russies, Son Envoyé Extraord[inai]re et Ministre Plénipotent[iaire] auprès des États Généraux des Provinces Unies des Pays Bas, Chevalier de l'Ordre etc.

Prions tous ceux qui sont à prier de laisser librement et sûrement passer Mr. Doubrowsky, Séc[re]t[aire] Interprète attaché à la Mission de S[a] M[ajesté] I[mpéria]le de toutes les Russies allant à Londres sans lui etc. La Haye 29. Avril 1794. Signé de Kalitcheff. et plus bas le Sceau des armes du Ministre.

Копия с Паспорта из Лондона в Гагу.

Nous soussigné Lieuten[ant] Général des armées de S[a] M[ajesté] I[mpéria]le de toutes les Russies, Son Envoyé Extraord[inai]re et Ministre Plénipotent[iaire] près S[a] M[ajesté] le Roy de la Grande Brétagne etc. Savoir faisons à tous ceux et chaqu'un, que le Porteur des présentes

Mr. Doubrowsky, attaché au Service de Russie va d'ici en Hollande etc. à Londres le 9. Septembre 1794. Signé S: Clom]te de Woronzow. et plus bas le Sceau de ses armes.

Лит. В. Копия с атестата, данного по случаю спасения Государственных Посольских архив.

Я, нижеподписавшийся ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА действительный тайный советник, действительный камергер, орденов С[вято]го Александра Невского, С[вято]го Владимира большого креста 2-й степени и пр. и проч. свидетельствую, что бывший секретарь Посольства Петр Дубровский в бытность мою чрезвычайным посланником и полномочным министром в Голландии, находился при Миссии с 1792-го году июля месяца по 1795й год, и во все сие время употреблен был в делах до службы государственной касающихся, и все препоручения исправлял усердно и с пользою. Сверх же того вел себя как должно и пристойно благородному человеку: во время же завоевания той Республики французами, и когда обстоятельства требовали удалиться Российской Миссии от той земли, возложено было мною на него Дубровского препоручение спасти архив; и он несмотря на опасности, когда уже французские войска со всех сторон запирали путь, вывез архив во всей целости в Гамбург, и должен был немало в таком пути пожертвовать своим иждивением, и для спасения той архивы пренебречь собственные свои вещи, за что по справедливости заслуживает должной награды. С.П.б. декабря. 21 дня 1804 года.

Подлинный подписал Степан Калычев, а пониже печать его герба.

Лит. Г. Копия с паспорта из Лондона в Петербург.

Объявляю чрез сие всем и каждому, кому о том ведать надлежит, что показатель сего коллежский ассессор Петр Дубровский отправляется отсель в Санкт-Петербург сухим путем по точному высочайшему повелению Его ИМПЕРАТОРСКОГО величества, того ради прошу и проч. и проч. Лондон 8/19 декабря 1799-го года. Подлинный подписал
(ме[ст]о печ[ати]) Граф С. Воронцов

Лит. Д. Копия с Атестата г-на действительн[ого] тайного советника и кавалера графа Раstopчина.

Удовлетворяя прозьбе г-на Дубровского, бывшего секретарем Посольства во Франции, свидетельствую сим, что он во время бывшей реформы в иностранном департаменте с 1800 году отправлен был с прочими чиновниками для определения в Герольдию, единственно для приведения в штатное положение Коллегии иностранных дел, не дав ни малейшей причины к неудовольствию начальствующих ни против себя, ни против своего служения. – Подлинный подписал, действительный тайный советник и кавалер граф Раstopчин.

Лит. Е. Копия с Указа Правительствующему Сенату С.П.б. февраля 23. 1805 года.

Счисляющегося при Герольдии коллежского ассессора Петра Дубровского, в воздаяние отличного усердия и трудов им подъятых на пользу службы, всемилостивейше жалуем в надворные советники со старшинством 1801-го года апреля 2-го дня, повелевая определить его по прежнему в ведомство Государственной коллегии иностранных дел.

На подлинном подписано собственною Его Императорского Величества рукою тако:
Александр

а ниже контрсигнировал князь Адам Чарторьский и потом с подлинным верно статский советник

А. Бестужев.

Лит. Ж. Копия с Высочайшего Рескрипта от 27-го февраля 1805-го года за собственноручным ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА подписанием.

Господин надворный советник Дубровский в воздаяние отличного и ревностного служения вашего при разных миссиях и особенных пожертвований на пользу службы вами учиненных и похвальными атестатами начальства засвидетельствованных, всемилостивейше жалуем вас Кавалером ордена С[вя]т[ы]я Анны второго класса, коего знаки при сем препровождаю, повелеваем носить узаконенным порядком. Пребываем в прочем вам благосклонны.

На подлинном подписано тако: Александр.

А ниже печать ИМПЕРАТОРСКОГО ордена С[вя]т[ы]я Анны.

Лит. С. Копия с Высочайшего Рескрипта Графу Александру Сергеевичу Строганову¹⁷ от 27-го фев[раля] 1805-го года.

Граф Александр Сергеевич. Согласно представлению Вашему об учреждении при Императорской библиотеке особенного депо манускриптов, положив оному начало посвящаемым надворным советником Дубровским в пользу Отечества драгоценным собранием

манускриптов в течение тридцати лет им составленным, поручаю Вам принять от него означенное собрание и соответственно желанию его и способностям определить его хранителем сего дела, которое и должно по важности своей составлять особенное отделение ИМПЕРАТОРСКОЙ библиотеки и находится единственно под начальством главного директора. Пребываю в прочем Вам благосклонным.

На подлинном подписано собственною
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА
рукою тако: АЛЕКСАНДР

а ниже с подписанным верно Статский Советник А. Бестужев.

**Лит. 3. Копия с Высочайшего ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Всемилостивейшего Указа данного Кабинету 27 фев[раля] 1805-го году.*

Надворному Советнику Дубровскому, определенному из Ведомства Иностран[ной] Коллегии к ИМПЕРАТОРСКОЙ Библиотеке хранителем манускриптов повелеваю производить по смете в пансион по три тысячи рублей, да по занимаемому им ныне месту жалованья по тысяче двести рублей в год.

Императорского Величества рукою АЛЕКСАНДР*

Лит. 1. Копия с Рескрипта Высочайшего Г-ну Товарищу Министра Иностранных дел от 27 фев[раля] 1805.

Князь Чарторьский¹⁸.

Надворному советнику Дубровскому, определенному из ведомства Иностранной Коллегии к ИМПЕРАТОРСКОЙ библиотеке хранителем манускриптов повелеваю выдать одновременно из сумм сей коллегии пятнадцать тысяч рублей.

Пребываю в прочем вам благосклонным.

Подлинный подписан собственною

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою АЛЕКСАНДР

А ниже с подлинным верно статский совет[ник] А. Бестужев.

Лит. И. Копия с отношения его высокопревосходительства Василия Степановича Попова.

Милостивый Государь мой Петр Петрович.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ благоугодно было истекшего сентября 22-го дня за отличную службу ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ пожаловать Вас Кавалером Ордена С[вято]го равноапостольного Князя Владимира четвертой степени, коего знаки по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению, в собрании кавалерской Думы, мною уже Вам вручены; а в следствие того препровождая у сего Статут одного Ордена, имею честь Вас уведомить, что когда ВЫСОЧАЙШАЯ Вам Грамота удостоена будет ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА подписания, то она во свое время будет к Вам доставлена. Я же с отличным почтением пребываю.

Ваш и проч: Подлинный подписан тако

Василий Попов.

Лит. К. Копия с Патента на последний чин.

Божиею милостию мы АЛЕКСАНДР ПЕРВЫЙ ИМПЕРАТОР и САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОССИЙСКИЙ и прочая и прочая и прочая.

Известно и ведомо да будет каждому, что Мы Петра Дубровского, который НАМ Надворным Советником служил, за оказанную его к службе НАШЕЙ ревность и прилежность в НАШИ Коллежские Советники тысяча осьмьсот седьмого года августа тридцат первого дня всемилостивейше пожаловали и учредили: тоже Мы сим жалуем и учреждаем: и прочая и прочая и прочая

Дан в Санктпетербурге фев[раля] 22 дня 1810 года.

Подлинный подписан собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою тако АЛЕКСАНДР.

А ниже контрсигнировал Министр Граф Николай Румянцов¹⁹.

Лит. Л. Аттестат от Главнокомандующего Армиию.

Даю сей Аттестат находящемуся по Высочайшему повелению при армии Его ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, бывшей в Голландии, для секретных переписок и переводов, Российского посольства в Гамбурге секретарю Петру Дубровскому, в том, что он во все время служения своего при армии вел себя как должно благородному человеку, и дела

- Вписано по левому полю (л. 35) поперек основного текста.

не токмо по части своей службы отправлял во все время похода исправно, но и другие возложенные по армии должности исполнял с усердием и отличною радетельностью: сверх того находился при мне и в самое время сражений, за что заслуживает МОНАРШЕГО благоволения, от верховного же начальства особенного внимания.

С.П.Б. 4 гевн[аря] 1800 года. Подлинный подписал генерал-лейтенант Эссен первый.

Архив РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1805 г. Д. 40. Л. 30–35 об.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Самые бедные ученики Киево-Могилянской духовной академии жили в Сиротском доме, где им предоставляли кровать и стол. П.П. Дубровский относился к большей части учащихся, живших “на собственном иждивении”, т.е. на квартирах.
- 2 Все, что известно о полученном П.П. Дубровским образовании, сводится к этой строке. В середине XVIII в. в Киево-Могилянскую академию принимали мальчиков в возрасте 7–15 лет. Главной дисциплиной был латинский язык, которому обучали четыре года. “Обученные латинскому языку, ученики переводимы были в высшие школы (т.е. классы) поэзии и риторику (Серебрянников В. Киевская Академия с половины XVIII века до преобразования ее в 1819 году. Киев, 1897. С. 139). Затем последовательно изучали философию и богословие, каждый курс – по два года. Латинский язык, поэтика, риторика, философия и богословие были обязательными (ординарными) дисциплинами. Факультативно изучались греческий, немецкий, французский и польский языки. В высших классах учили также еврейский язык. В число экстраординарных предметов входили арифметика, география и история, преподавание которых велось на усмотрение учителей. Предметы и методы преподавания оставались схоластическими. Образование могло считаться законченным уже после курса риторики. К моменту окончания академии П.П. Дубровскому было 18 лет. Об объеме полученных им знаний в стенах Киево-Могилянской академии можно было бы говорить с большей определенностью, зная, в каком возрасте он туда поступил. Если ему было 12 лет, то к 18 годам он должен был закончить ее курсом риторики. Если он поступил в академию в 10 лет, то он мог прослушать лекции по философии. Лекции по богословию прослушивались только в том случае, если при поступлении ученику было не более 8 лет. В любом случае Петр Петрович получил основательное знание древних и новых языков, прежде всего латыни, что оказало существенную помощь в его дипломатической и коллекционерской деятельности. Можно также полагать, что преимущественный интерес П.П. Дубровского к западноевропейской средневековой книжности шел от общей ориентации Киево-Могилянской академии на средневековую модель университетского образования.
- 3 Барятинский Иван Сергеевич (1740–1811) – князь, государственный деятель, в 1773–1785 гг. – посланник в Париже.
- 4 Во второй половине XVIII в. Россия была представлена во Франции дипломатической миссией.
- 5 Студентом, т.е. стажером.
- 6 Вел. кн. Павел Петрович и вел. кн. Мария Федоровна.
- 7 Морков Аркадий Иванович (1747–1827) – граф, российский дипломат, чрезвычайный посланник во Франции.
- 8 Ратисбон, т.е. Регенсбург.
- 9 Симолин Иван Матвеевич (1720–1800) – российский дипломат, полномочный министр во Франции в 1785–1792 гг.
- 10 Новиков Михаил Семенович – российский дипломат, советник посольства в Париже, после отъезда из Парижа И.М. Симолина с 7 февраля по 6 июня 1792 г. – поверенный в делах.
- 11 Воронцов Семен Романович (1744–1832) – граф, российский дипломат, в 1785–1806 гг. – посол в Лондоне.
- 12 Гросс Федор Иванович – барон, российский посланник при Нижне-Саксонском округе с 1793 г.
- 13 Русскими войсками в Саксонии в 1799 г. командовал генерал-лейтенант Иван Николаевич Эссен I (1769–1813).
- 14 Ростопчин Федор Васильевич (1763–1826) – граф, государственный деятель, кабинет-министр по иностранным делам в 1798–1800 гг.
- 15 Попов Василий Степанович (1743–1822) – государственный деятель, действительный статский советник.
- 16 Колычев Степан Алексеевич (1746–1805) – российский дипломат, действительный статский советник.
- 17 Строганов Александр Сергеевич (1733–1811) – граф, государственный деятель, меценат, президент Академии художеств и директор Императорской Публичной библиотеки.
- 18 Чарторыйский Адам Юрий (1770–1861) – князь, государственный деятель, товарищ министра иностранных дел России в 1803–1807 гг.
- 19 Румянцев Николай Петрович (1754–1826) – граф, государственный деятель, канцлер (с 1809 г.).

ПИСЬМО П.П. ДУБРОВСКОГО Н.Ф. ГРАММАТИНУ 1809 г.

Публикуемое ответное письмо П.П. Дубровского от 10 марта 1809 г. написано в Санкт-Петербурге и адресовано поэту, филологу и историку древнерусской литературы Николаю Федоровичу Грамматину (1786–1827)¹. Оно сохранилось в составе его небольшого личного фонда в ОР РГБ². Это – автограф черными чернилами, на двух с небольшим страницах почтовой бумаги, с незначительными исправлениями в тексте. В центре левого поля первой страницы письма, предположительно, рукой Н.Ф. Грамматина проставлено: “№ 1”³.

Упоминаемое Дубровским письмо Грамматина от 25 февраля 1809 г. не обнаружено. О содержании его в какой-то мере можно судить по ответу Дубровского. Из биографии Грамматина известно, что 1809 г. завершился для него переезд из Москвы в Петербург и поступлением на государственную службу⁴. Вероятно, пользуясь чей-то рекомендацией, он заранее обратился к Дубровскому с просьбой о приискании места. Из письма Дубровского не совсем ясно, вел ли речь Грамматин только о возможной службе в Публичной библиотеке, или рассчитывал на Дубровского как человека, способного оказать протекцию и в какой-либо иной сфере деятельности.

Дубровский, положительно воспринявший просьбу гораздо младшего по возрасту и не знакомого ему лично корреспондента, любезно предлагал свое содействие в устройстве Грамматина как в Библиотеку, так и, в частности, в Депо манускриптов. Он сообщал о необходимом для сотрудника Библиотеки минимуме знания языков, главным образом, латинского и немецкого, и библиографической подготовке. Советовал внимательнее присмотреться к классификации библиотеки Московского университета, полагая возможным привлечь Грамматина к этому в Публичной библиотеке по “части манускриптов”. И Библиотека в лице Грамматина, приобретшего основательную филологическую подготовку, владевшего несколькими европейскими языками и латынью, думается, вполне могла бы рассчитывать на достойную научную силу.

Дубровский торопил корреспондента возможно быстрым приездом, мудро предостерегая, что оказаться в Петербурге летом для устройства своих дел – значило попасть в положение, когда “все... бывают за городом, и в таком уединении министры и вельможи, от которых зависит наша участь, с трудом к себе допускают”, а, кроме того, к концу мая штат сотрудников Депо манускриптов должен был быть укомплектован.

Отсутствие возможности у Грамматина оказаться в Петербурге раньше июля месяца, вероятно, надо ставить в связь с подготовкой им диссертации “Рассуждение о древней русской словесности”, принесшей 17 мая 1809 г. ее автору степень магистра. В столицу Грамматин прибыл, скорее всего, в

¹ О нем, к примеру, см.: *Проскурин О.А.* Грамматин (Грамотин) Николай Федорович // Русские писатели, 1800–1917: биогр. словарь. М., 1992. Т. 2: Г-К. С. 10–11; *Творогов О.В.* Грамматин Николай Федорович // Энциклопедия “Слова о полку Игореве”. СПб., 1994. Т. 2. С. 55–56; *Ельницкий А.Е.* Грамматин Николай Федорович // РБС. М., 2001. Т: Гоголь–Гюне. С. 399–401.

² ОР РГБ. Ф. 398 (Н.Ф. Грамматин). К. 1. Ед. хр. 16. Л. 1–2.

³ Такая практика нумерации писем корреспондентов обнаруживается и на других посланиях, адресованных Н.Ф. Грамматину.

⁴ *Ельницкий А.Е.* Указ. соч. С. 400.

конце июня⁵. И трудно представить, что могла бы не состояться его встреча с Дубровским. Но когда точно и при каких обстоятельствах она произошла – предстоит еще выяснить.

Возможно, что и к отзывам подобной встречи, или разговоров о рукописях, которые Грамматин вел в ближайшее после приезда в Петербург время в кругу антиквариетов и коллекционеров, относятся сведения ответного письма М.Т. Каченовского Н.Ф. Грамматину от 18 августа 1809 г. Из письма Грамматина Каченовский узнал, что тому еще предстояли какие-то “хлопоты, сопряженные с исканием должности”, и, между прочим, благодарит Грамматина “за приятное о манускриптах уведомление”, сетуя, что последний “ничего не сказал о рунических буквах”, так как ему “хотелось бы знать, как там (в Петербурге, в Публичной библиотеке? – А.М.) разумеют о сей чудесной грамате”⁶.

Устроиться на службу в Публичную библиотеку Грамматину не удалось (или же он не искал уже такого случая?) и он, хотя и не сразу, занял место чиновника в Экспедиции о государственных доходах (в которой должности и состоял до 1810 г.).

Кроме публикуемого письма Н.Ф. Грамматину, в ОР РГБ в составе фонда М.П. Погодина выявлен небольшой текст (или выписка?) неустановленного автора, содержащий сведения о П.П. Дубровском и его коллекции. Текст писан черными чернилами на сложенном пополам листке бумаги не ранее 1805 г.⁸, так как в нем упомянуто о приобретении коллекции Дубровского казной. Складывается впечатление, что он принадлежит человеку, не знакомому с Дубровским лично (о нем говорится в третьем лице – “некто Дубровской”), а представление о его коллекции – скорее имевшем по слухам. Между тем, обращает на себя внимание интерес автора преимущественно к древнерусской части коллекции. Любопытно упоминание в ее составе таких мифических документов, как рукописи “об разных тогдашних обстоятельствах”, писанные рукою священника, состоявшего при Анне Ярославне, переписка ее с отцом, другие древнерусские рукописи того времени, которые не называются. Причем известно, что и самим Дубровским по каким-то причинам утверждалось мнение о наличии в его коллекции рукописей, якобы принадлежавших Анне Ярославне⁹.

⁵ В письме знакомого Грамматина, Афанасия Тухачевского, от 18 июля 1809 г., отправленном в Петербург и полученном адресатом 28 июля, упомянуто “последнее” письмо его корреспондента от 22 июня, по-видимому, написанное уже в Петербурге См.: ОР РГБ. Ф. 398. К. 1. Ед. хр. 44. Л. 19.

⁶ Письма М.Т. Каченовского к Н.Ф. Грамматину / сообщ. В.А. Борисов // Библиографические записки. 1859. Т. 2, № 8. С. 225.

⁷ А. Тухачевский в упомянутом выше письме Грамматину, между прочим, говорит: “Николай Александрович Шванвич пишет ка мне, что ты определяешься в Экспедицию Государственного казначея, а ты об этом ничего не упоминаешь, а я удивляюсь, от чего ты лишился прежнее своею места, которое было по желанию твоему, пожаласта, мой друг, уведоь на первой почте, я нетерпеливо буду ожидать – знать твою судьбу, куда ты будешь определен...” (ОР РГБ. Ф. 398. К. 1 Ед. хр. 44. Л. 19 об.). Под местом, которого, по словам Тухачевского, “лишился” Грамматин скорее возможно предполагать службу в Московском университете, в штате которого Грамматин продолжал состоять и по отъезде в Петербург (Каченовский писал Грамматину, чтобы он сам просил об отставке, иначе он мог бы быть уволен без прошения, см.: Письма М.Т. Каченовского к Н.Ф. Грамматину... С. 225). Конечно, научная деятельность гуманитарной направленности была для Грамматина внутренне предпочтительнее, что и показала его краткосрочность службы чиновником Экспедиции.

⁸ Проставленная, вероятно, позднее вверху листа простым карандашом дата “1790 год”, очевидно, ошибочно указывает на изложенные в документе события 1789 г.

⁹ Первые страницы истории “Депо манускриптов” / публ. Т.П. Вороновой // Рукописные памятники. СПб., 1996. Вып. 1: Публикации и исследования. С. 17–18.

Документ приводится полностью, с сохранением некоторых особенностей орфографии и пунктуации: “В бывший в Париже бунт, находился там некто Дубровской, российской дворянин; и во время взятия бунтовщиками Бастилии, находившаяся там многия редкия рукописи, наглым народом выброшены, а иныя и сожжены; между прочими бывшия там рукописи вышеписанной Г: Дубровской купил у бунтовщиков весьма дешево. Онаыя были писаны рукою того священника, которой был отпущен из России с российской княжною Анною Ярославною во Францию в замужество за Генриха I-го, об разных тогдашних обстоятельствах, и переписка Анны Ярославны с отцем и другия российския тогдашние рукописи, кои купили в казну за 17 000 р[у]б[лей]”¹⁰.

А.В. Мельников

П.П. Дубровский – Н.Ф. Грамматину

Санктпетербург 10-го марта 1809

Милостивый государь мой.

Письмо ваше от 25: февр[аля]: получил я в свое время и с нетерпением ожидаю лично с вами познакомиться. Жалею очень, что удовольствие сие не прежде иметь буду как в июле месяце. Сие время, мне кажется, не совсем способное ни для пути вашего, ни для пристройки себя к должности: все тогда бывают за городом, и в таком уединении министры и вельможи, от которых зависит наша участь, с трудом к себе допускают; почему советую вам пользоваться без отлагательства случаем, не теряя времени в расчетах и нерешимости.

Если хотите определить себя к Императорской библиотеке, то надобно знать, хотя несколько*, латинский и немецкий языки, которые в сем месте фундаментальные^{2*}, прочие же знания останутся для вашей пользы и упражнения, для которого будет довольно праздного времени; библиографические познания также нелишние; и для сего можете на досуге осмотреть Университетскую библиотеку и применить к порядку ея распределения или классировке. Сим предметом, по части манускриптов, я сам теперь занимаюсь, и мог бы вас употребить в дело и рекомендовать в способности к занятию места при Депо манускриптов: однако ж, не позже мая месяца; ибо тогда все будет в порядке и^{3*} служащие записаны в штат, в которой трудно^{4*} попасть сверх комплекта.

Честь имею пребывать с особенным уважением.

Ваш милостиваго государя моего
всепокорнопопослушный слуга
Петр Дубровский

ОР РГБ. Ф. 398 (Н.Ф. Грамматин). К. 1. Ед. хр. 16. Л. 1–2. Автограф.

¹⁰ ОР РГБ. Ф. 231 / III (М.П. Погодин). К. 20. Ед. хр. 11. Л. 1.

* Далее зачеркнуто предположительно: по

^{2*} Так в тексте.

^{3*} Далее в тексте повторен союз и, после которого зачеркнуто начало слова: положен[ные?]

^{4*} Далее зачеркнуто начало слова: бу[дет]

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Наше заседание, состоявшееся благодаря почину Российской национальной библиотеки, имеют все основания признать серьезной научной конференцией. Было убедительно показано значение совершенного Дубровским – и для развития научных знаний, и для становления Публичной библиотеки как выдающегося центра исследовательской работы. Справедливо отмечались масштабный научно-информационный потенциал созданного Дубровским собрания манускриптов и огромная культурная и материальная ценность этой коллекции.

Отечественные ученые занялись серьезным изучением рукописей европейского происхождения из коллекции Дубровского лишь с конца XIX в. Расширение фронта работы по исследованию старофранцузских рукописей (особенно иллюминированных), начатое трудами О.А. Добиаш-Рождественской, а также В.Ф. Шишмарева, относится уже к послереволюционному периоду. Тогда же стал осваиваться и Бастильский архив. И это – заслуга прежде всего сотрудников Библиотеки А.Д. Люблинской, Т.В. Луизовой, Т.П. Вороновой и др. Этим славным традициям следуют и в наши дни; и теперь с такой же интенсивностью исследуются и славяно-русские, и византийские, и восточноязычные памятники письменности. Всем нам, особенно тем, кто приглашен к участию в заседании со стороны, очевидно сколь плодотворны результаты исследований и как высок уровень методики междисциплинарной по существу научной работы ученых, деятельность которых во многом определяет сегодня представление не только об Отделе рукописей, но и о Библиотеке в целом. Как ответственный редактор “Археографического ежегодника”, предвкушаю с каким благодарным интересом станут знакомиться с тем разделом нашего издания, где более или менее пространные статьи, в основе которых материал сегодняшних выступлений о Дубровском и рукописях его собрания.

Очень существенно, что дань памяти Дубровского так достойно воздается в помещении именно Публичной библиотеки и преимущественно стараниями ее сотрудников, так как в некоторых изданиях по истории Библиотеки значение содеянного Дубровским явно недооценивалась, да и личность его предстает в неприглядном виде. В юбилейном издании “Императорская Публичная библиотека за сто лет. 1814–1914” неприлично много внимания уделено выживанию Олениным Дубровского из Библиотеки, точнее даже сказать оправданию действий Оленина. При этом одностороннем подходе опираются лишь на документацию делопроизводственного архива Библиотеки, формировавшуюся при Оленине, игнорируя иные документы, опубликованные в “Русском архиве” и других изданиях. В том же духе охарактеризована деятельность Дубровского и в написанном в вульгарно-социологическом стиле компилятивном “вступительном историческом очерке” Т.К. Ухмыловой “Прошлое и настоящее Рукописного отдела”, предваряющем такое ценное издание, как “Краткий отчет Рукописного отдела за 1914–1938 гг.” (Л., 1940).

Полагаю, что для утверждения представления о том, что сделал Дубровский для обогащения Публичной библиотеки и о его вкладе в развитие нашей археографической культуры следовало бы поместить изображение Дубровского в Конференц-зале Библиотеки. И теперь, когда в Государственном Эрмитаже атрибутирован гравированный портрет Дубровского, стоило бы воспроизвести именно его, и, пожалуй, отдельно от ряда схожих по исполнению картин, подле стола Президиума, напротив входной двери.

Желательно приложить усилия и к тому, чтобы издать сборник опубликованных и ненапечатанных трудов Тамары Павловны Вороновой о Дубровском отдельной книгой, и выпустить книжечку о Дубровском в серии “Деятели Российской национальной библиотеки”.

В Археографической комиссии намерены подготовить к печати сборник документальных материалов о деятельности Дубровского и снова опубликовать труды научного профиля, которые есть основание считать его произведениями. Помогать в такой работе согласился хорошо известный в Библиотеке молодой петербургский ученый А.В. Сиренов, уже прежде выявлявший по заданию Комиссии архивные материалы для издания сочинений академика С.Ф. Платонова и имеющий опыт археографической работы, высоко оцененный заместителем председателя Комиссии академиком Н.Н. Покровским, с которым он сотрудничает, готовя академическое издание Степенной книги, с учетом всех выявленных списков этого памятника XVI в., долго бытовавшего в сфере рукописной книжности.

Сейчас особо ощутима значимость для будущего изначальных установок Дубровского на то, чтобы Депо манускриптов стало центром собирания памятников и отечественной письменности, и местом изучения находящегося там рукописного наследия. И знаменательно, что как бы сомкнулись два юбилея – 250-летие со дня рождения Дубровского и 200-летие со времени начала работы Отдела рукописей Публичной библиотеки. И теперь мы с полным правом можем утверждать, что Отдел рукописей – заметный и всемирно признанный очаг развития археографии и специальных историко-филологических дисциплин. И немало высоких достижений отечественной науки в этих сферах научной работы всеми связываются именно с деятельностью Отдела рукописей и его сотрудников.

Здесь формировались основы отечественной археографической культуры. И позднее, когда образовались и другие крупные хранилища в библиотеках и музеях, Отдел рукописей Публичной библиотеки сохраняет свое значение выдающегося центра научной и методической работы всей России. Владельцы собраний рукописных памятников, обитавшие в других городах, предпочитали, чтобы любовно созданные ими коллекции оказались в Публичной библиотеке. (Напомним только наиболее известные имена – москвича М.П. Погодина и А.А. Титова из Ростова Великого.) А ученые Москвы и других городов, так же как и зарубежные ученые, всегда работали в читальных залах этой Библиотеки.

И понятно, что у Археографической комиссии – и императорской, и возрожденной по почину академика М.Н. Тихомирова – были тесные взаимосвязи с Отделом рукописей Публичной библиотеки, и роль сотрудников этого Отдела в осуществлении начинаний Археографической комиссии неизменно велика.

Если говорить только об образованной в 1956 г. Археографической комиссии, то очень результативно участие сотрудников Отдела в работе по подготовке таких всероссийского масштаба ее изданий, как Каталог славяно-русских рукописных книг и Каталог личных архивных фондов отечественных историков. О первом Каталоге имеется уже литература на нескольких языках, но хочется особо отметить роль сотрудников Публичной библиотеки и в описании памятников письменности, и в создании первых книг Каталога и методических рекомендаций по описанию славяно-русских рукописей. Особенно весом вклад ушедших уже от нас Н.Н. Розова, О.П. Лихачевой, В.М. Загребина. Они и их коллеги по Отделу – действенные участники и организуемых Ко-

миссией научных конференций, и авторы статей в изданиях Комиссии. А работа по составлению Каталога рукописей на древнегреческом языке – это инициатива Е.Э. Гранстрем, Каталога рукописей на латинском языке – А.Д. Люблинской и ее сотрудников.

Ныне общая работа объединяет и в изучении творческого населения историка С.Ф. Платонова. Любопытно, что о систематизации и описании материалов именно фонда Платонова, незадолго до того поступившего в Библиотеку, написано в методической статье Г.В. Никольской “Некоторые вопросы систематизации частных фондов” в № 1 журнала “Архивное дело” за 1940 год; а воспоминания самой Никольской об И.А. Бычкове напечатаны в “Археографическом ежегоднике за 2000 год”.

Лично для меня содружество с Библиотекой имело и имеет особое значение: еще на заре моей научной биографии – в гостеприимном читальном зале готовилась первая моя большая документальная публикация рукописи описи Царского архива XVI в., затем вышедшая в книге 1960 г. Разной тематики рукописные материалы использовались мною в научных трудах и последующих лет. Ныне руковожу подготовкой первого собрания научных трудов С.Ф. Платонова в шести томах (оно выходит в издательстве “Наука” под грифом и Публичной библиотеки, и Археографической комиссии) и томов издания “Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками”.

Глубоко признателен за то, что мне доверили написать предисловие к изданным Библиотекой книге памяти А.Д. и В.С. Люблинских “Западноевропейская культура в рукописях и книгах Российской национальной библиотеки” и монографии В.А. Колобкова “Митрополит Филипп и становление Московского самодержавия: опричнина Ивана Грозного”, а теперь побудили заняться новой для меня, но оказавшейся столь перспективной темой “П.П. Дубровский и историческая наука”.

Мы – сотрудники Археографической комиссии очень признательны руководителям Публичной библиотеки и ее Отдела рукописей за приглашение принять участие в этом совместном научном заседании и подготовить выступления о плановых работах Комиссии, ведущихся совместно с сотрудниками Отдела, и основывающихся во многом на документальных материалах РНБ.

В обычае Археографической комиссии, помимо ежегодных Тихомировских чтений в мае–июне, проводятся пленарные заседания или даже научные конференции, рассчитанные на несколько дней, например, в декабре; и эти материалы публикуются в Археографических ежегодниках. Нередко такие заседания – и весной, и в декабре – бывают совместными с хранилищами – архивами, библиотеками, музеями, научно-исследовательскими учреждениями, вузами.

Традиционными стали и совместные заседания с петербуржцами, причем и в Москве, и в Петербурге. Так, в Петербурге состоялись в 2000 г. и Тихомировские чтения к 25-летию со дня кончины Сигизмунда Натановича Валка. Археографическая комиссия организует в Москве научные конференции и заседания, посвященные жизни и творчеству ученых Ленинграда–Петербурга, – С.Н. Валка, А.С. Лаппо-Данилевского, В.Д. Лихачевой, А.Е. Преснякова, Д.С. Лихачева. В 2003 г. была проведена первая академическая конференция памяти С.Ф. Платонова к 70-летию со времени его смерти. Ее материалы – в основе специального приложения к “Археографическому ежегоднику за 2003 год”, готовящегося к изданию в виде книги. Это – свидетельство неразрывных творческих взаимосвязей ученых-гуманитариев обеих культурных столиц России. У истоков их, как выясняется, и взаимоотношения Дубровского и Карамзина.

II. ОБЗОРЫ, ОПИСАНИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ

Л.И. Шохин

С.Д. ШЕРЕМЕТЕВ О С.Ю. ВИТТЕ (по страницам дневника)

Граф Сергей Дмитриевич Шереметев (1844–1918) – егермейстер Императорского двора с 1892 г., обер-егермейстер с 1904 г., член Особого совещания по дворянскому вопросу (1897) и Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (1902), член Государственного Совета (с 1900 г.), где он входил в группу правых. Возвышение Шереметева до первой ступени Табеля о рангах совпало с карьерным взлетом Сергея Юльевича Витте (1849–1915). Их знакомство сначала носило служебный характер, со временем стало личным. Это отражено в дневниках С.Д. Шереметева за 1899–1915 гг., хранящихся в РГАДА. Часть дневника (за 1901 г.) отложилась в фонде Шереметевых в РГИА, в Петербурге. Взаимоотношения Шереметева с Витте развивались по восходящей линии до Портсмутского мира 1905 г., положившего конец русско-японской войне. За этот договор Витте пожаловали графский титул. Но вскоре Первая революция в России привела к разрыву между нашими героями после издания составленного Витте Манифеста 17 октября 1905 г.

Последующие дневники Шереметева содержат негативные отзывы о Витте вплоть до его кончины. Рассматриваемые записи представляют интересный исторический источник, зафиксированным по горячим следам, после очередной встречи с Витте, дают новые штрихи к характеристике одного из выдающихся государственных деятелей начала XX в. Не случайно С.Д. Шереметев как историк (председатель Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III, председатель Комитета попечительства о русской иконописи и др.) записывал все свои беседы с Витте.

“6 марта 1899. Особое совещание о дворянстве. Витте говорил хорошо и умно. Видимо, чувствует силу”¹, – записал Сергей Дмитриевич. Шереметев и Витте уважительно относились друг к другу, однако принадлежали как бы к разным мирам и не всегда находили взаимопонимание. 5 мая 1900 г. С.Д. Шереметева назначили членом Государственного Совета. «Витте поздравил молча, но с сочувственной мимикой. Разговор о покупке Дмитрием имения². Витте заинтересовался подробностями и выгодностью. Я сказал ему, что при

¹ РГАДА. Ф. 1287 (Шереметевы). Оп. 1. Д. 5045. Л. 47. Далее сноски на дела и листы этого фонда в тексте.

² Старший сын С.Д. Шереметева, граф Д.С. Шереметев (1869–1943), друг Николая II и его флигель-адъютант, купил имение Гавронцы под Полтавой.

некоторых покупках нужно считаться с “нравственными процентами”. Он посмотрел на меня удивленно и ничего не сказал» (Д. 5046. Л. 74). 24 декабря 1900 г. Шереметев был с визитом у Витте: «Очень любезен. Только что вернулся из Гатчины³. Спросил, почему Димка Голицын⁴ не ген[ерал-] адъютант и находил, что таких людей выдвигать надо. Выражал беспокойство насчет Сипягина⁵ и подчеркнул, что он с ним на “ты”. Говорил ему о деле кредита. Любезно согласился, чем меня очень одолжил. Зашел и к его жене⁶. Разговор о Куропаткине⁷, которого она не выносит. Рассказывала о его выходках с А.И. Пушкиным⁸ в Крыму» (Л. 177).

25 января 1903 г. в доме Шереметевых на Фонтанке произошел пожар, который вскоре удалось потушить без большого ущерба. Шереметев писал в дневнике, что на следующий день «еще одевался утром, когда мне доложили: “Министр финансов Витте!” Я сильно испугался неожиданностью явления – подумал: “Что случилось”?.. Наскоро оделся и вышел в большой кабинет, где уже находился Витте. Он, улыбаясь, сказал, что его прислала Матильда Ивановна узнать, что случилось и какой был пожар накануне; спросил о подробностях и тотчас откланялся» (Д. 5048. Л. 16).

Шереметева смущало охлаждение между Сипягиным и Витте, и “без того у С[ипягина] много врагов, но известный отпор Витте нужен, никто его так не сдерживает, как Сипягин” (Д. 5047. Л. 38). 2 апреля 1902 г. по поводу убийства Сипягина Шереметев в дневнике отмечает, что “Витте в слезах”, “чета Витте непритворно скорбит” (Л. 40, 41 об). 16 апреля 1902 г. М.И. Витте сказала Шереметеву, что императрица Мария Федоровна, “пригласила их 17-го и это необычно. Я сказал ей, что слышал от императрицы похвалы С[ергею] Ю[льевичу], что знал его умным, но вижу его и сердечным. Она много говорила, об инциденте глупом, церемониймейстерском, о глупой выходке Гендрикова⁹” (Л. 51). 26 июля 1902 г. С.Д. Шереметев говорил с Н.А. Зверевым¹⁰ “о Сипягине и Витте. Зверев удивлялся дружбе Сипягина с Витте. Я ему сказал, что когда-нибудь расскажу, как я эту дружбу понимаю, но это не теперь” (Л. 85)¹¹. 17 декабря 1902 г. Шереметев обедал у Витте и “не мог отделаться от тяжелого впечатления; неустойчивость, генералин¹², самонадеянность; мне было тяжело”. Особенно неприятно показалось Шереметеву, что Витте “вос-

³ Гатчина – резиденция императора Александра III, после его смерти в 1894 г. там жила вдовствующая императрица Мария Федоровна (1847–1928).

⁴ Голицын Д.Б. (1851–1920) – князь, флигель-адъютант Александра III, генерал-майор свиты, был женат на графине Е.В. Муסיной-Пушкиной (1863–1944) – племяннице С.Д. Шереметева, впоследствии генерал-адъютант. Голицыны проживали в Гатчине при “старом дворе”.

⁵ Сипягин Д.С. (1853–1902) – товарищ министра внутренних дел с 1894 г., министр внутренних дел с 1900 г., женился на свояченице графа С.Д. Шереметева, княжне А.П. Вяземской (1851–1928), домашние называли ее “Ара”, он был убит эсером С.В. Болмашевым.

⁶ Витте М.И. – жена С.Ю. Витте. Упоминается также дочь, В.С. Витте, в 1904 г. вышла замуж за дипломата К.М. Нарышкина, получившего назначение послом в Вюртемберг.

⁷ Куропаткин А.Н. (1848–1925) – военный министр (1898–1904), главнокомандующий на Дальнем Востоке в 1904–1905 гг.

⁸ Мусин-Пушкин А.И. (1827–1904) – граф, генерал-лейтенант, генерал-адъютант, командующий войсками Одесского военного округа (1890–1904).

⁹ Гендриков В.А. (1857–1912) – граф, обер-церемониймейстер с 1900 г.

¹⁰ Зверев Н.А. (1850–1917) – профессор философии Московского университета, сенатор, начальник Главного управления по делам печати (1902–1904), член Государственного Совета с 1909 г., казначей Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III.

¹¹ См. в Приложении “Из записной книжки Шереметева, о Сипягине и Витте”.

¹² “Генералином” на французский манер С.Д. Шереметев называл зазнайство и фанаберию, ему эта черта в людях всегда была отвратительна.

хвалял” священника Григория Петрова¹³ – “новомодного и пресомнительного” (Л. 152). По-видимому, Витте как истинный политик старался всюду зондировать почву и готов был воспользоваться всеми средствами, чтобы упрочить свое положение, а Шереметеву такой подход совершенно чужд.

На новогоднем выходе в Зимнем дворце 1 января 1903 г. Витте с Шереметевым “целовался, очень был сердечен” (Д. 5048. Л. 2). Открывая новое здание Комитета иконописи в Петербурге, на Надежденской улице, 7 января 1903 г., Шереметев провозгласил тост за Витте, “сочувствию которого мы много обязаны”, – и просил передать это самому Витте (Л. 4).

4 февраля 1903 г. Шереметев “ожидал к обеду жену Витте, но неожиданно получил письмо дочери, что Матильда Ив[ановна] заболела сильно после завтрака. Боли до крика. Положение опасное. Сразу мне пришли в голову дурные мысли, и я поспешил к Витте... Встретила дочь, а потом принял и он. Узнал о действительно опасном положении, но болезнь не новая. Несколько докторов призвано. Опасаются необходимости операции. Очень жаль, что так все случилось” (Л. 20). Как видно, С.Д. Шереметев тепло относился к М.И. Витте, несмотря на ее еврейскую национальность. Уже одно это характеризует Сергея Дмитриевича как человека широких взглядов, простого в обращении и вовсе не “черносотенца”.

6 апреля 1903 г. Витте говорил с Шереметевым о Плеве¹⁴, Сергей Дмитриевич заметил напряженность между Витте и Плеве “у них явные нелады” (Л. 53). 8 ноября 1903 г. в здании Министерства финансов под председательством Витте состоялось очередное заседание Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Как записал Шереметев, “заседание было любопытно игрою между Витте и Плеве” (Л. 114). На совещании 27 декабря “Витте много говорил. Впечатление, что совещанию уже не придается прежнее значение” (Л. 139). 27 ноября 1903 г. чета Витте обедала у Шереметевых. «После обеда говорил об журнале “Освобождение”»: Витте был остроумен, но несколько раздражителен... Витте не мог не задеть Плеве, которого ненавидит и презирает» (Л. 121). О довольно тесных связях между Шереметевым и Витте свидетельствует тот факт, что Шереметев представил ему своего друга А.К. Варженевского¹⁵, который 29 декабря 1903 г. “был час у Витте” (Л. 140). 4 января 1904 г. Шереметев “обедал с Арой у Витте. После обеда дочь их тотчас же ушла, чтобы готовиться к балу, мы же остались. Как всегда, разговор Витте очень интересен, своеобразен и поучителен в известном смысле. Все тот же сюжет – неизбежная гнетущая безысходность...” (Д. 5049. Л. 2 об.). 27 февраля 1904 г. Шереметев приехал к Витте “и сидел с час, [Витте] читал мне письмо очень интересное одного ссыльного с характеристикой царств[ования] Александра III в сравнении с нынешним. Очень письмо интересно и поучительно, но и грустно, что подобные люди ныне не в авантаже...” (Л. 30–31).

Потеряв пост министра финансов, Витте хотел стать министром внутренних дел вместо убитого В.К. Плеве. В Петергофе Шереметев говорил об этом

¹³ *Петров Г.С.* (1868–1925) – петербургский священник, настоятель церкви и законоучитель при Михайловской артиллерийской академии (1893–1903), профессор богословия в Политехническом институте, проповедник и публицист, депутат II Государственной думы от кадет (1907), лишен сана Синодом за политическую деятельность.

¹⁴ *Плеве В.К.* (1846–1904) – товарищ министра внутренних дел (1884–1894), государственный секретарь с 1894 г., министр внутренних дел (1902–1904), убит эсером Е. Сазоновым.

¹⁵ *Варженевский А.К.* (1855–?) – избирался предводителем дворянства Можайского уезда на восемь трехлетних сроков подряд. С.Д. Шереметев рекомендовал его Николаю II в члены Государственного Совета, и он был назначен в 1916 г.

с вдовствующей императрицей Марией Федоровной. Сергей Дмитриевич считал достойным кандидатом в министры внутренних дел своего дальнего родственника А.Г. Булыгина¹⁶, “но она его не называла, – писал в дневнике Сергей Дмитриевич, – а мне не хотелось начинать, т[ак] к[ак] прямого вопроса от нее не было” (Л. 75). 28 ноября 1904 г. Шереметев нанес визит министру юстиции Н.В. Муравьеву¹⁷. “Я коснулся Витте, – писал об этом Шереметев, – желая выяснить отношения их, всегда бывшие натянутыми. Муравьев стал неожиданно восхвалять дарования Витте, признавая его, при всех его недостатках, единственным человеком для данного времени ради его госуд[арственного] ума и силы дарований. Сказал, что Гос[ударь] к нему холоден, что это дело рук Плеве, режим которого порицал” (Л. 130–130 об). В тот же день Шереметев посетил больного К.П. Победоносцева¹⁸. “Гов[орил] о Витте и Муравьеве, кот[орых] видел, о том, что Витте не сочувствует Мирскому¹⁹, но Победоносцев продолжал к столпу относ[иться] скептически, указывая на то, что они в засед[аниях] К[омитета] М[инистров] очень долго между собою шептались. Причина недостаточная” (Л. 130 об).

3 декабря 1904 г. Шереметев был у Витте. “Уехал от него – прямо к Победоносцеву. Хотелось сразу прослушать и связать обоих. Побед[оносцев] принял любезно и рассказал о заседании [Государственного Совета. – Л.Ш.] почти то же, что Витте, добавив, что началось в 11 и после перерыва для завтрака продолжалось еще до третьего часа. Он устал, однако же, доволен и говорит, что редакция поручена Витте, но будет просмотрена всеми – реформы только намечаются и во главе крестьянская. Поб[едоносцев] очень хвалил речь Муравьева” (Л. 136). 5 декабря 1904 г. на заседании Государственного Совета в Царском Селе Сергей Дмитриевич наблюдал за маневрами Витте, старавшегося избавиться от князя П.Д. Святополк-Мирского и освободить место для себя или своего ставленника. “Чувствуется его приближение: мысль эта все-таки тревожна, так как он на посту М.В.Д. все-таки не на своем по духу и преданиям, и с ним как бы не вышла деятельность лихорадочная. Чему еще будем свидетелями, Бог один знает, и куда мы дойдем?” (Л. 137 об.). 27 декабря 1904 г. Шереметев находился дома. «Во время разговора доложили: “М.И. Витте”. Катя²⁰ приняла ее в желтой гостиной; сидела довольно долго. Жаловалась на меня – почему не бываю; не знала, что был болен. Гов[орила], что Победоносцев заваливает ее мужа письмами. Последнее – признак хороший; значит, есть борьба...» 29 декабря Шереметев оставил визитные карточки чете Витте, “их не застал” (Л. 146–147).

2 февраля 1905 г. Шереметев поехал к Витте, “застал Матильду – бледна, больна, говорила, что выписала дочь, т[ак] к[ак] в Берлине сама быть не может, чтобы не оставить мужа одного. Его закидывают угрожающими письмами, по ее словам. Когда взошли другие гости, дамы, я удалился на прерванном разговоре” (Д. 5050. Л. 17). 9 февраля Шереметев рассказал Булыгину о недавней беседе с Витте. “Булыгин улыбался, но, конечно, не принимал это за чистую монету, но он разумно смотрит на положение и на людей. Видимо, до-

¹⁶ Булыгин А.Г. (1851–1919) – предводитель дворянства Зарайского уезда, министр внутренних дел с января по октябрь 1905 г., гофмейстер, статс-секретарь.

¹⁷ Муравьев Н.В. (1850–1908) – министр юстиции (1894–1905), посол в Италии (1905–1908).

¹⁸ Победоносцев К.П. (1827–1907) – обер-прокурор Синода (1880–1905), сенатор, член Государственного Совета, статс-секретарь.

¹⁹ Святополк-Мирский П.Д. (1857–1914) – князь, министр внутренних дел с 26 августа 1904 г. по 18 января 1905 г., был женат на графине Е.А. Бобринской (1864–?), родственнице С.Д. Шереметева.

²⁰ Шереметева Е.П. (1847–1929) – урожденная княжна Вяземская, вышла замуж за графа С.Д. Шереметева в 1868 г., кавалерственная дама с 1910 г., статс-дама с 1912 г.

волен отзывом Гос[ударя], о кот[ором] меня переспросил. Говорил об отдельных разговорах с ним до Ком[итета] Мин[истров] и как члены изумились, когда, поняли, что его положение твердое. Это хороший признак...” (Л. 22).

Таким образом, Шереметев постепенно охладевал к Витте, видя невозможность всех сплотить вокруг трона и примирить между собой, его отношение к Витте эволюционировало от сочувствия к враждебности. Задумываясь о ходе войны с Японией, Шереметев не соглашался с Витте, который «гов[орил] о необходимости прекратить войну во что бы то ни стало при условии – “ни пяди Русской земли, ни рубля контрибуции”». Эту песню он поет давно и не хочет слышать возражений, и это опять более чем странно, ибо он как бы не хочет принять в расчет того ропота, кот[орый] неизбежен при таком ответственном и поспешном действии. Это было бы на руку нашим врагам внешним и внутренним» (Л. 23). 16 марта 1905 г. флигель-адъютант Д.С. Шереметев вернулся с дежурства из Царского Села и рассказал отцу, что В.Н. Ламздорф²¹ говорил о мире. В дневнике отмечается: «Видимо, пропаганда Витте о мире действует. И Воронцов²², по-видимому, туда же. Вдруг у нас все оказалось плохо и ни в какой успех не верят! Ничего подобного не бывало... “Мир и представительство” – вот девиз Витте и сопр» (Л. 35–36). 18 марта Шереметев был у Победоносцева, негодовавшего на митрополита Петербургского Антония²³, пытавшегося ликвидировать должность обер-прокурора и возродить патриаршество, «вообще рассказал много любопытного о союзе Антония с Витте и о прочем (Победоносцев о Витте: “Взлетел на крышу и сыт на всех!”) Как всегда критика блистательна, но если спросишь, что же делать? Молчание или “поправиться”» (Л. 35 об.–36). 29 марта Булыгин сказал Шереметеву, “что звезда Витте совсем меркнет, что он сам отрешен и даже иногда действует неумно. Это агитатор. Действительно, желательно его обезвредить, даже необходимо...” (Л. 40).

2 апреля Шереметевы и чета Витте были в Александро-Невской лавре, но не поздоровались (Л. 41). Видно, Шереметев не записал в дневнике конкретные обстоятельства разрыва с Витте, к которому потерял интерес; но все вышеизложенное вело к такому концу. Военные неудачи на Дальнем Востоке (если у Шереметева были кое-какие иллюзии, связанные с воспоминаниями об успехах российских моряков на Черном море во время войны с Турцией 1877–1878 гг., то после Цусимы что же осталось?), рост революционного движения в разных частях империи, забастовки, восстания (Сергея Дмитриевича больше всего поразили мятежи в воинских частях и на флоте) – заметно изменили отношение к войне и побуждали желать скорейшего мира, ради сохранения существующего строя. В то время Шереметев уже в основном утратил влияние при Дворе, с рождения цесаревича Алексея возросло значение императрицы Александры Федоровны и ее приближенных. Сергей Дмитриевич уединился в своем имении Михайловское в Подольском уезде, откуда изредка наезжал в Москву и в Петербург.

22 июля 1905 г. в дневнике записано: “Одно назначение Витте на переговоры ободряет. По крайней мере, знаешь, что не дурак и захочет отличиться...” (Л. 82). 17 августа Шереметев узнал о подписании Портсмутского мир-

²¹ Ламздорф В.Н. (1844–1907) – граф, министр иностранных дел (1900–1906).

²² Воронцов-Дашков И.И. (1837–1916) – граф, министр Императорского двора (1881–1897), наместник на Кавказе с 17 февраля 1905 г. Граф Д.С. Шереметев женился на его дочери, Ирине Илларионовне Воронцовой (1872–1959).

²³ Антоний (А.В. Вадковский) (1846–1912) – митрополит Петербургский и Ладужский, первенствующий член Синода с 1900 г.

ного договора, “и хотя и нерадостно, но успокоительно, что, несмотря на уступку пол[овины] Сахалина, все же дипломатическая победа... а в общем неисчислимо благо. Витте свой долг исполнил хорошо” (Л. 89). К тому же, как оказалось, “уступка исходила от самого хозяина после продолжительного разговора с американским послом” (Л. 91). 22 августа Шереметеву даже стало обидно за поднятую в газетах кампанию против “графа Полусахалинского”: «Ругают Витте на все лады, и это мне противно. Вот уж можно сказать: “Что ни скажут, все не то»» (Л. 94). 13 октября мир ратифицировали к радости Шереметева: Все же благодарить надо Бога, что мир заключен. Возможно ли при таких условиях продолжать войну?” (Л. 112). Витте осуществив первый пункт своей программы – прекращение войны, сразу же перешел ко второму (введение конституции), и тут Шереметев не мог быть с ним солидарен насчет быстроты и объема производимых перемен.

Отказ считаться с общественным мнением, присущий Александру III, Сергей Дмитриевич считал единственно правильной принципиальной позицией и осуждал Святополка-Мирского и Витте за искание популярности ценой политических уступок. Взять назад написанный Витте Манифест 17 октября 1905 г. оказалось невозможным, но прогноз Шереметева, относительно самого Витте сбывается: его личный триумф быстро сменился опалой.

19 апреля 1906 г. Сергей Дмитриевич прочитал в газетах об отставке Витте с должности председателя Совета министров и отметил в дневнике: “Боисься верить” (Д. 5051. Л. 49). 6 мая 1906 г. они встретились на царском приеме в Петергофе. «Витте был и возбуждал любопытство многих. Держался непринужденно, с веселым даже обликом... Здесь я очутился насупротив Витте, сидящего с кем-то. Нельзя было не заметить его, и я быстро подошел к нему, сказав громко: “Здравствуйте, Сергей Юльевич!” Он встал, слегка улыбнулся и молча крепко пожал руку» (Л. 54 об.–55). 8 декабря 1906 г. Шереметев не пошел к Дубасовым²⁴, так как ему не хотелось обедать с Витте (Л. 134). Шереметев ценил адмирала Ф.В. Дубасова, подавившего Декабрьское восстание в Москве в 1905 г., но не одобрял его дружбу с Витте. Впоследствии С.Д. Шереметев сблизился с П.Н. Дурново²⁵, который разошелся с Витте и “сдержал революцию”. 24 февраля 1907 г. Шереметев и Дурново присутствовали на заседании Государственного Совета. “Издали заметил в левой стороне Витте, – писал Шереметев. – Витте постарел, бледен и осунулся” (Д. 5052. Л. 27). 21 марта 1907 г. Сергей Дмитриевич вновь приезжал в Государственный Совет. “Наткнулся нечаянно в буфете с Витте, сидящим с Горемыкиным²⁶. Он встал и мы молча дали друг другу руку” (Л. 44–45). На аудиенции в Царском Селе 3 мая 1907 г. неожиданно зашла речь о Витте. Николай II спросил о председателе Государственного Совета: «А что скажете об Акимове²⁷? Я тотчас же разразился в похвалах как человеку и как прекрасному председателю, причем вошел в подробности, кот[орые] он слушал с оживлением и до-

²⁴ Дубасов Ф.В. (1845–1912) – адмирал, руководил карательными экспедициями в Черниговской, Полтавской, Курской губерниях в 1905 г., московский генерал-губернатор с ноября 1905 по апрель 1906 г., был женат на А.С. Сипягиной.

²⁵ Дурново П.Н. (1845–1915) – товарищ министра внутренних дел (1900–1905), министр внутренних дел с октября 1905 по апрель 1906 г., член Государственного Совета с 1905 г., председатель группы правых в Государственном Совете с 1906 г.

²⁶ Горемыкин И.Л. (1839–1917) – сенатор, министр внутренних дел (1895–1899), член Государственного Совета с 1899 г., председатель Особого совещания о мерах к укреплению крестьянского землевладения (1905), председатель Совета министров с 21 апреля по 8 июля 1906 г., в 1914–1916 гг.

²⁷ Акимов М.Г. (1847–1914) – министр юстиции с декабря 1905 по апрель 1906 г., член Государственного Совета с апреля 1906 г., председатель Государственного Совета с апреля 1907 г.

бавил: “Это не то, что известный Граф?” Тогда я опять распространился в крайнем неумении последнего в председательствовании и о истеричности его чужих речей. Государь смеялся» (Л. 62). 7 февраля 1908 г. С.Д. Шереметев был у А.Н. Нарышкиной²⁸ по ее вызову... Говорила о чете Витте, почему к ним не езжу, что они очень этим огорчены. Я сказал, что не разделяю мнения о его измене, но что ехать для разговора о прошлом не могу и не вижу причины, да и рана, слишком еще свежа... (Д. 5053. Л. 24).

Витте надеялся, что его опять призовут к власти, но время шло, а он оставался председателем Комитета финансов, бодрое настроение сменилось унынием. 18 апреля 1908 г. в Царском Селе давали обед по случаю прибытия шведского короля Густава V, “Витте держал себя вызывательно в стороне” (Л. 60). 7 мая 1909 г. Шереметев застал Витте за обедом у А.Н. Нарышкиной: “Мрачен и скоро ушел” (Д. 5054. Л. 65). 24 апреля 1910 г. Шереметев оказался за одним столом с Витте за завтраком в Царском Селе. “Витте почти все время сурово молчал и молча смотрел на Царский стол...” (Д. 5055. Л. 69). Еще худшее впечатление произвел он на заседании Государственного Совета 12 мая 1910 г. “Витте без всякого достоинства себя держит. Он себя пережил” (Там же. Л. 80 об). В дневнике отмечалось, что позднее Витте пытался вновь попасть в правительство путем интриг с помощью вошедшего в силу Г. Распутина. 15 января 1914 г. в Государственном Совете обсуждали питейный вопрос. «Чувствуется главный интерес не в самом вопросе, а в исходе борьбы Витте с Коковцевым²⁹. Была речь Витте с свойственными ему ужимками и выходками, причем он даже закричал на всю залу: “Караул!”, – и остался этим очень доволен. Мне так опротивело видеть группы вокруг него из его же ненавистников, что я сел в карету и уехал домой» (Д. 5059. Л. 12–13).

29 января 1914 г. Шереметев возмущался интригами против Коковцева со стороны Н.А. Маклакова³⁰ и князя В.П. Мещерского³¹. “Эта старая гадина теперь процветает как никогда. С ними в компании Витте, и все они не чуждаются Распутина... Россия теперь в их руках!” (Л. 20–21). 4 февраля 1914 г. к Шереметеву заехал министр иностранных дел С.Д. Сазонов³². “О Витте говорил, что непорядочный человек и еще в Италии нападал в разговоре с ним на Столыпина³³, что ему как свойственнику было неприятно слышать, ибо он глубоко уважал Петра Аркадьевича. Мне понравилась эта откровенность” (Л. 27).

Во время Первой мировой войны Шереметев даже склонен был считать Витте изменником и на его кончину реагировал без всякого сожаления: “28 февраля 1915 г. Сенсация – смерть Витте. Чего стоит измена Мясоедова³⁴

²⁸ Нарышкина А.Н. (ур. Чичерина) (1839–1919) – вдова обер-гофмаршала Э.Д. Нарышкина (1813–1902), кавалерственная дама, статс-дама.

²⁹ Коковцев В.Н. (1853–1943) – товарищ министра финансов (1898–1902), министр финансов с февраля 1904 по октябрь 1905 г., член Государственного Совета с октября 1905 г., вновь министр финансов с апреля 1906 г., одновременно председатель Совета министров с сентября 1911 г.

³⁰ Маклаков Н.А. (1871–1918) – министр внутренних дел (1913–1915), член Государственного Совета с января 1915 г.

³¹ Мещерский В.П. (1839–1914) – князь, камер-юнкер, публицист, издатель еженедельника “Гражданин” (1872–1914).

³² Сазонов С.Д. (1861–1927) – министр иностранных дел (1910–1916), член Государственного Совета с 1913 г., был женат на сестре жены П.А. Столыпина.

³³ Столыпин П.А. (1862–1911) – министр внутренних дел и председатель Совета министров с 1906 г., член Государственного Совета.

³⁴ Мясоедов С.Н. (1865–1915) – жандармский полковник, начальник армейской контрразведки, казнен по обвинению в шпионаже в пользу Германии.

с тов[арищи], взрыв Брестского склада снарядов. Теперь объясняется, какая панама!” (Д. 5060. Л. 30). Однако граф С.Д. Шереметев не сожалел, что способствовал приему при Дворе и в светском обществе жены Витте, у которой были с этим трудности. Вот одно из последних писем графини М.И. Витте Шереметеву. “Красная Пахра, 28 мая 1916. Многоуважаемый граф. Большое Вам спасибо за Ваше доброе отношение ко мне. Буду счастлива видеть Вас [в] среду у себя. Мой привет графине. Искренно Вас уважающая М. Витте” (Д. 5133. Л. 165).

Приложение

Из записной книжки С.Д. Шереметева о Д.С. Сипягине и С.Ю.Витте

1903 г.

Политика Министерства финансов за все время настоящего царствования заслуживает особого внимания и не раз подвергалась строгой и даже ожесточенной критике. Когда голоса критикующих исходили от людей, знающих финансовую науку и говорящих *eu connaissance de cause**, тогда эта критика, должна иметь значение. Когда же готовые и взятые напрокат фразы повторяются дилетантами, то понятно пренебрежение к таковым для ответа и оправдания. А ведь последний разряд особенно многочисленен. Мы не будем здесь касаться вопросов специальных, финансовых, для которых нужна специальная подготовка. Буду говорить лишь как посторонний наблюдатель, ревниво следящий за всем, что может служить уклонением от пути*прошлого царствования.

Первые такие уклонения начались чуть ли не в 1895 году признанием Фердинанда Кобургского¹, а затем некоторым новым оттенком в деятельности Крестьянского банка. На это уклонение было своевременно обращено внимание. Осторожные люди видели в новой постановке вопроса о приобретении крестьянами дворянских земель симптом тревожный на неправильную точку отправления. К этому числу принадлежал Д.С. Сипягин. Помню, что возникающий ропот указывал на состав министерства, в котором действительно тогда приютились все беспокойные и алые элементы земские, находившие в министерстве финансов убежище. К таковым принадлежал старый редактор газеты “Земство” Скалон² и подобные ему. Впечатление получалось действительно такое, что в Министерстве финансов сосредоточены именно эти, некогда бывшие земские силы, политика коих находила себе применение в нововведениях по Крестьянскому банку. Из постановки вопроса возможно было людям темным, а и не только темным, вывести заключение, что правительство всячески поощряет принципиально переход земель из дворянских рук в крестьянские; что для него в будущем представляется идеалом “единое господствующее крестьянское общинное землевладение!” Так оно казалось непосвященным в тайны этих дел. Впервые нота тревожного недоверия пронеслась в связи с политикой Министерства финансов.

Назначение Горемыкина при личных его столкновениях с м[инистром] ф[инансов] привело к явлению совершенно неправильному и недопустимому. М[инистр] ф[инансов] обнародовал полемическую записку в ответ на полемическую же записку м[инистра] в[нутренних] д[ел]. Вопрос шел о направлении внутренней политики. Свои личные взгляды, свою личную ссору оба министра путем своих записок, ими лично распространяемых, проводили в публику, которая прежде всего видела крупные разногласия во взглядах в самом же правительстве, т.е. видело то, что не должно видеть. Как же не поднять голову там, где представилась возможность клином войти в это пререкание. Запаальчивость и страстность чувствовались с двух сторон, и сыр-бор загорелся...

Помню, как Д.С. Сипягин скорбел об этой неуместной полемике, столь вредно влиявшей на общее настроение относительно правительственных лиц. Эта полемика – начало

* Со знанием дела (фр.).

всему последующему злу, потому что министерство Горемыкина открыло все шлюзы, а Министерство финансов задумало круто^{2*} остановить течение. Две крайности породили смуту в умах и разбередили ту рану, которая долго не заживала после 1 марта 1881 г.³ Теперь искусственно все было вновь взбудоражено. Одно министерство, заигрывая, обещало все. Другое, видя опасность (и невзирая на свое же тенденциозное начало), резко повернуло в противоположную сторону.

Если бы возникшее недоразумение было бы задушено быстро, и произнесено было бы вовремя веское решающее слово, то брожение успокоилось бы. Но верховная власть молчала упорно и долго; она же создала ряд неизбежно возникавших вопросов, просачиваясь наружу. С одной стороны, М.В.Д. обличило свою неправдивость, свое легкомыслие, свое философическое *laissez faire*^{3*}. С другой, М.Ф., переменявши курс, явило образец неустойчивости и случайности, смотря по причуде или воображению своего даровитейшего и крупнейшего представителя^{4*}. Вокруг всего этого звучала пущенная неслучайно нота о мнимых домогательствах Сипягина. Стали не скрывать опасения видеть его м[инистром] в[нутренних] д[ел], и интрига внедрилась во всю эту разногласицу; интрига, всегда уже имевшая основания надеяться на успех. Так со времен Ходыньских⁴ центр тяжести переместился. Политика Сипягина с назначением м[инистром] в[нутренних] д[ел] состояла в сближении для общей государственной цели с м[инистром] ф[инансов], т.е. с даровитейшим министром своего времени. Всегда лучше иметь дарование с собою, а не против себя. Это сближение, которому желающие придавали то значение, которое им было приятно, конечно, соединило обоих в одну общую вражду самого страстного и ожесточенного характера на почве несомненной уже слабости центра, с одной стороны, и явного заговора, с другой. А так как Витте в своей записке коснулся вопроса земского, и среди многих справедливых замечаний поддался на некоторые крайние взгляды, носившие личный, раздражительный характер, то очевидно, что и “союзника” его, Сипягина, искренно или прикидываясь, но стали считать решительным врагом земства! Верили ли этому или нет – не все ли равно, а впечатление такое получалось, или вернее оно ими давалось умышленно, и построение это попало на почву самую благоприятную – Шиповскую.

Личная вражда, которая обозначилась еще гораздо ранее на почве “Волоколамской”, выборной, когда, выбор предводителем Сипягина задержал движение в этом направлении Д. Шипова⁵. Отсюда начало непримиримой к нему вражды последнего, никогда не прощившего его успеха. Раз что попали в эту точку, что де Сипягин – ожесточенный враг земства и потому в союзе с Витте, то с нее уже сходить не было расчета. И пошла писать! Все страстно стремилось не допускать Сипягина в М.В.Д. Во всем этом московский воевода⁶ вполне содействовал врагам его и проводил в М.В.Д. Николая В. Муравьева, своего сердечного друга! Словом сказать, интриги разрослись до размеров грандиозных, а сверху продолжалось все то же помалчиванье, та же непреодолимая неподвижность.

Многие уверяли, что Сипягин был послушным орудием Витте; и многие, звавшие, что это не так, все же это говорили для публики, чтобы усилить подобное мнение, весьма для них выгодное. Нормировка земства (предельность обложения) вызвала рев озлобления. В ней видели доказательства правоты того вреда, что Сипягин враг земства и стремится его уничтожить. И не только среди земства, но и в высших учреждениях Империи, в Государственном Совете большинство либеральных сановников, коими он наполнен, кричало азартно против ненавистного им человека!

Для меня это все-таки психологическая загадка. Все это озлобление, которое при всей искусственности своего создания сумело однако же подавить то общее доброе мнение, которое до того преобладало о Сипягине как о деятеле замечательном, полном терпимости, беспристрастным, убежденным, благородном. Думается, что в государстве Русском не привыкли еще пока не ориентироваться с мнением верховным^{5*}. Это же мнение не раздавалось вовсе. Доходило лишь до слуха нашего что-то случайное, отрывочное, неопределенное. Гладили по головке того, и другого, и третьего, и все они шли врознь, и все-таки все получали выражение того же сочувствия! Таким путем нервы раздражались и достигались полнейшее недоразумение.

РГАДА. Ф. 1287 (Шереметевы). Оп. 1. Д. 5234. Л. 262–267. Машинопись с авторской правкой.

^{2*} Зачеркнуто: *вовсе*.

^{3*} Предоставление событий их естественному ходу (фр.).

^{4*} Зачеркнуто: *С.Ю. Вумме*.

^{5*} Зачеркнуто: *центра*.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Принц Фердинанд Кобургский (1861–1948) был избран князем Болгарии после русско-турецкой войны 1877–1878 гг., затем провозгласил себя царем, но Александр III его не признавал. Под именем Фердинанда I правил Болгарией в 1886–1918 гг.
- ² Скалон В.Ю. (1846–1907) – председатель Московской уездной земской управы (1874–1883), издатель газеты “Земство”.
- ³ Убийство народовольцами Александра II 1 марта 1881 г.
- ⁴ Давка на Ходынке во время коронации Николая II в 1896 г.
- ⁵ Шипов Д.Н. (1851–1920) – председатель Волоколамской уездной земской управы (1891–1899) и Московской губернской земской управы (1900–1904), один из создателей партии “Союз 17 октября”.
- ⁶ Великий князь Сергей Александрович (1857–1905) – московский генерал-губернатор с 1891 г., брат Александра III.

В.Г. Бухерт

МОСКОВСКАЯ СЕКЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ (1919–1929)

Одним из ведущих центров развития исторической науки в СССР в 1920–1930-е годы была Государственная (до 1926 г. – Российская) академия истории материальной культуры (ГАИМК), находившаяся в Ленинграде и имевшая свой филиал в Москве. Обзор хранящихся в ОПИ ГИМ документов Московской секции ГАИМК был сделан М.В. Катагощиной¹, утверждавшей, что представительство РАИМК в Москве “впервые заявляет о себе в 1922 г.”, но было официально оформлено лишь в апреле 1924 г.² На самом деле, уже в уставе учрежденной 18 апреля 1919 г. Российской академии истории материальной культуры упоминается ее Московская секция и констатируется, что члены, ученые и научные сотрудники, ассистенты РАИМК, пребывающие в Москве, образуют Советские Московские секции, которое является “органом связи” с РАИМК³. Первое заседание Совета Московской секции РАИМК состоялось 28 августа 1919 г. Возглавлял секцию (в 1919–1921 гг.) В.В. Богданов⁴, являвшийся одновременно заместителем товарища председателя РАИМК. Очевидно В.В. Богдановым в 1919 г. составлен план научно-исследовательской деятельности секции в области этнологии⁵. Ученым секретарем (1919–1922) был Н.Б. Бакланов⁶. В соответствии с “Инструкцией” Московской секции РАИМК⁷ в ее составе предусматривались три отделения: этнологическое, археологическое, историко-художественное и две постоянных комиссии (по изучению древностей Центральной России, карт и древних путей), пользующихся “в научно-административном отношении” правами отделений. В первой из названных комиссий состояли: С.В. Бахрушин, К.В. Базилевич,

¹ Катагощина М.В. Документы Московской секции ГАИМК (1922–1930) // Письменные источники в собрании ГИМ: материалы по истории науки и культуры / ТГИМ. М., 1993. Вып. 84. С. 88–95.

² Там же. С. 88.

³ См.: Устав Российской академии истории материальной культуры. Пг., 1919. С. 27.

⁴ Богданов Владимир Владимирович (1868–1949) – этнограф, ученый секретарь ОЛЕАЭ (с 1906 г.), заведующий Отделом русской этнографии Центрального музея народоведения в Москве (1924–1929), директор Музея Центрально-промышленной области (с 1920 г.).

⁵ Богданов В.В. Обзор деятельности Комиссии по этнологии // “К десятилетию Октября”: сб. М., 1928. Вып. 1. С. 11.

⁶ Бакланов Николай Борисович (1881–?) – историк.

⁷ Утверждена Советом Московской секции 11 марта 1921 г.

Г.А. Новицкий, Л.А. Фейгина; во второй: М.М. Богословский, С.К. Богоявленский, И.А. Голубцов, А.А. Новосельский. 20 мая 1921 г. они были избраны в научные сотрудники РАИМК⁸, а 18 августа того же года новым председателем Московской секции стал Ю.В. Готье⁹.

В секции были заслушаны доклады С.В. Бахрушина “Ремесленное ученичество в XVII в.” и А.А. Новосельского “Государев Рыбный двор на Белоозере”¹⁰. К 1 января 1922 г. в секции числилось 32 научных сотрудника¹¹. Из-за прекращения финансирования она была фактически упразднена с 1 июля 1922 г.¹²

Начало возобновлению деятельности Московской секции положило Общее собрание ее членов (впоследствии получившее название Пленума), состоявшееся 14 февраля 1924 г.¹³ На следующем собрании 28 февраля был утвержден руководящий состав (президиумы) четырех комиссий: по археологии, по истории быта, по истории искусства и по этнологии¹⁴, пятая комиссия – по музееведению – учреждена на заседании 13 марта 1924 г., состоявшемся с участием прибывшего в Москву председателя РАИМК Н.Я. Марра. На том же заседании приняли проект “Положения” и “Инструкции” Московской секции¹⁵.

Структура Московской секции ГАИМК выглядела следующим образом: председатель (Д.Н. Егоров)¹⁶, заместитель председателя (Ю.В. Готье) и ученый секретарь (Н.Д. Протасов)¹⁷ составляли президиум, который вместе с президиумами секций (председатели, заместители председателя, секретари) образовывали Совет, осуществлявший согласование научной деятельности Московской секции с деятельностью ГАИМК в целом. Вопросы внутренней деятельности Московской секции решались на заседании пленума всех ее членов, на которых утверждался состав комиссий, заслушивались отчеты об их деятельности. В течение каждого года происходило несколько заседаний Совета и Пленума, где, наряду с решением текущих вопросов, делались доклады: Н.Г. Машковцева “Ближайшие практические задачи Российской академии истории материальной культуры” (заседание Пленума 27 марта 1924 г.)¹⁸, Д.Н. Егорова “Об участии в торжествах 200-летнего юбилея Академии наук в Ленинграде и Москве” и Н.Д. Протасова “Современное положение Херсонеса Таврического” (заседание Пленума 24 сентября 1925 г.)¹⁹.

При Московской секции функционировала “Научно-техническая лаборатория по изучению древних тканей”, инициатором создания которой являлся В.К. Клейн²⁰. На первоначальной стадии вопрос обсуждался в Комиссии по истории быта, принявшей 6 февраля 1925 г. решение образовать подкомис-

⁸ РАИМК. Ф. 2 (ГАИМК). Оп. 1. 1921 г. Д. 62. Л. 18–18 об.

⁹ Там же. Л. 31 об.

¹⁰ Там же. 1922 г. Д. 45. Л. 7 об.

¹¹ Там же. 1921 г. Д. 62. Л. 59.

¹² Там же. 1922 г. Д. 47. Л. 4.

¹³ Там же. Журнал этого заседания в фонде Московской секции ГАИМК не сохранился.

¹⁴ Там же. Д. 90. Л. 10–10 об.

¹⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 540 (Московская секция ГАИМК). Оп. 1. Д. 90. Л. 11–12.

¹⁶ Егоров Дмитрий Николаевич (1878–1931) – историк-медиевист, профессор Московского университета (1917–1925), член-корреспондент (с 1928 г.) АН.

¹⁷ Протасов Николай Дмитриевич (1886–1940) – искусствовед, профессор Московской духовной академии (1917–1919).

¹⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 540. Оп. 1. Д. 90. Л. 14

¹⁹ Там же. Л. 29–29 об.

²⁰ Клейн Владимир Карлович (1883–1935) – историк, заведующий отделом шитья и ткани Оружейной палаты (1925–1930).

сию “по изучению вопросов шитья и тканей”²¹. Решение о создании лаборатории было принято на заседании Совета Московской секции 27 марта 1925 г.²²

24 февраля 1928 г. по инициативе Московской секции состоялось экстренное заседание ее Совета с Центральными государственными реставрационными мастерскими и другими организациями в связи с решениями Моссовета о сломе церкви Параскевы Пятницы в Охотном ряду. В докладе П.Д. Барановского подчеркивалось, что соседство трех сооружений (домов князя В.В. Голицына, боярина Троекурова и церкви Параскевы Пятницы) “даст нигде не повторяемый ансамбль первостепенного историко-культурного значения и утрата их была бы совершенно невознаградимой потерей”²³. Было принято решение просить Моссовет отменить свое постановление.

Среди других важных дел, которыми приходилось заниматься руководством Московской секции, стоял вопрос о библиотеке и архиве Московского археологического общества (МАО). Распоряжением НКВД РСФСР от 27 июня 1923 г. МАО было ликвидировано²⁴. Представитель Главнауки Наркомпроса РСФСР Б.Е. Сыроечковский принял имущество МАО, включая библиотеку, насчитывающую 11 993 названия книг²⁵. 25 мая 1925 г. последовало обращение Московской секции к заведующему Главнаукой Ф.Н. Петрову с просьбой передать ей не только библиотеку, но и само здание, которое занимало МАО по Берсеневской набережной (д. 18), имелось в виду тем самым приобрести “постоянное свое место для собраний общих и секционных”²⁶.

Распоряжением Главнауки от 27 ноября 1925 г. была образована “Комиссия по передаче библиотеки бывшего Московского археологического общества Государственной Публичной библиотеке им. В.И. Ленина” под председательством П.З. Зенковича²⁷. На ее заседании 1 декабря 1925 г. Ю.М. Соколов поднял вопрос о передаче библиотеки МАО Историческому музею, “которому она в 1917–1919 гг. принадлежала как филиал и должна бы по своему характеру принадлежать и теперь”, а так как к Историческому музею перешли библиотеки А.С. и П.С. Уваровых, “она составляла бы продолжение этих библиотек”²⁸. И.Э. Грабарь²⁹ обратился с просьбой передать Центральным государственным реставрационным мастерским входящий в состав библиотеки МАО “архивный материал” по реставрации, изучению и охране памятников искусства и старины³⁰. Комиссия, однако, отклонила обе просьбы. На следующем заседании 4 декабря В.А. Городцов³¹ заявил, что Московское археологическое общество в действительности существует, “но лишь в виду неподходящего состава членов не было до сих пор зарегистрировано, что и будет сделано в ближайшем времени”³². В связи с чем Комиссия решила оставить библиотеку МАО в прежнем помещении на правах филиала Государственной Публичной библиотеки им. В.И. Ленина.

²¹ ОПИ ГИМ. Ф.540. Оп. 1. Д. 120. Л. 18 об.

²² Там же. Д. 89. Л. 32.

²³ Там же. Л. 60.

²⁴ ГАРФ. Ф. А-2307 (Главнаука). Оп. 8. Д. 242. Л. 9.

²⁵ Там же. Л. 13.

²⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 540. Оп. 1. Д. 39. Л. 3–3 об.

²⁷ ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 10. Д. 262. Л. 8.

²⁸ Там же. Л. 2–2 об.

²⁹ Грабарь Игорь Эммануилович (1871–1960) – живописец и искусствовед, академик (1943) АН.

³⁰ ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 10. Д. 262. Л. 2 об.

³¹ Городцов Василий Алексеевич (1860–1945) – археолог, профессор МГУ (1918–1944).

³² ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 10. Д. 262. Л. 4–4 об.

17 января 1929 г. ГАИМК поручила Московской секции принять архив МОА, который все эти годы продолжал храниться в здании на Берсеневской набережной³³. 3 мая 1929 г. туда отправился секретарь Комиссии по археологии А.А. Захаров, однако выполнить поставленную перед ним задачу – принять архив МАО – он не смог, о чем сообщал 4 мая председателю Московской секции Д.Н. Егорову: “Все, что осталось после вывоза изданий М[осковского] а[рхеологического] общ[ества] в Ленинград, свалено в полном беспорядке во временном сарае”, не имеется ни рабочей силы, ни помещения, куда бы “срочно можно было если не вывезти, то переложить находящееся в сарае”³⁴.

Главным источником сведений о деятельности Московской секции являются не журналы заседаний ее Совета и Пленума, а протоколы заседаний комиссий, где и велась основная работа, заключающаяся в том, что на заседаниях заслушивались доклады как членов Московской секции, так и приглашенных лиц об их научной и практической деятельности. Возможностей вести самостоятельную научную работу (например, археологические раскопки) у Московской секции из-за отсутствия средств не было, однако, по устному соглашению с президиумом РАИМК, Московская секция была уполномочена давать разрешения на раскопки в Центральной области “не носящие общегосударственного значения”³⁵.

Археология была, пожалуй, ведущим направлением в деятельности Московской секции, что видно хотя бы из того, что заместителем председателя Московской секции являлся председатель ее археологической комиссии (Ю.В. Готье). Всего же комиссий, как уже упоминалось, было пять: по археологии, по истории быта, по истории искусства, по этнологии и по музееведению. Протоколы заседаний комиссий дошли до нас в разной степени сохранности (это касается в первую очередь протоколов Комиссии по музееведению), от некоторых заседаний остались только повестки. Тем не менее есть возможность достаточно полно реконструировать деятельность большинства комиссий.

Заседания комиссий, делившиеся на обычные и “объединенные”, проводились с участием двух-трех комиссий, изредка совместно с другими научными организациями: Историко-этнологическим отделением, Комиссией по изучению восточных культур юга России, Крыма и Кавказа и Комиссией по изучению татарской культуры Всесоюзной научной ассоциации востоковедения при ЦИК СССР, Отделением археологии Научно-исследовательского института археологии и искусствоведения, Историко-бытовой секцией Общества изучения Московской губернии и др.

На заседаниях Комиссии по археологии обсуждались результаты археологических работ в разных регионах страны: в Центральной России (В.А. Городцов), Поволжье (П.С. Рыков), Крыму (И.Н. Бороздин, К.Э. Гриневич, Н.Л. Эрнст), на Украине (Ф.И. Шмит³⁶, Н.В. Сибилев), на Северном Кавказе (Л.П. Семенов, Е.Г. Пчелина, Н.Б. Бакланов, А.С. Башкиров), в Армении (Е.А. Байбуртян).

³³ ОПИ ГИМ. Ф. 540. Оп. 1. Д. 39. Л. 11.

³⁴ Там же. Л. 13.

³⁵ Там же. Д. 92. Л. 4.

³⁶ Шмит Федор Иванович (1877–1937) – искусствовед, ученый секретарь Русского археологического института в Константинополе (1908–1912), профессор Харьковского университета (1912–1921), директор Российского института истории искусств (1925–1933), академик АН УССР (с 1921 г.).

28 сентября 1927 г. с докладом “Наблюдение над некоторыми вопросами поздней истории Египта” выступил В.В. Струве, упомянем также доклад А.В. Арциховского “Русская торговля IX–XII вв.”, сделанный 14 марта 1928 г. В выступлениях Ю.В. Готье и А.А. Спицына достижения практической археологии ставились в контекст более широкой исторической проблематики. На заседаниях Комиссии по археологии многократно выступал ее секретарь А.А. Захаров.

Активное и непосредственное участие в заседаниях комиссий председателей и секретарей (помимо исполнения ими своих выборных обязанностей) было вообще характерной чертой. Председатель Комиссии по истории быта М.М. Богословский четырежды выступал на ее заседаниях, представляя на обсуждение фрагменты своего главного труда о Петре I. Столь же часто в этой комиссии выступал лишь А.В. Орешников³⁷ (см. Прил. 2). Некоторые из ученых, состоявших в Московской секции ГАИМК, принимали участие также и в работе Общества истории и древностей российских при Московском университете (Н.А. Бакланова, С.В. Бахрушин, М.М. Богословский, С.К. Богоявленский, Ю.В. Готье, Н.М. Каринский, И.И. Полосин, К.В. Сивков, Б.М. Соколов, К.А. Стратонитский)³⁸.

В работе Комиссии по этнологии ведущую роль играли сотрудники Музея народоведения³⁹: В.В. Богданов, Б.А. Куфтин, Н.И. Лебедева, М.Т. Маркелов, Б.М. Соколов, С.П. Толстов. Особую активность проявил Куфтин, сделавший на заседаниях комиссий Московской секции 14 докладов.

Из участников заседаний Комиссии по истории искусства отметим В.И. Авдиева, выступившего 25 мая 1928 г. с докладом «Рисунки на египетских папирусах с текстами “Книги мертвых”», а 23 ноября того же года – с докладом “Книга Воррингера и проблема взаимоотношений египетского и современного искусства”. 8 июня 1928 г. обсуждался доклад Н.Р. Левинсона “Архитектурный ансамбль русских монастырей XVI–XVII вв.”

Из-за неполноты сохранившихся в фонде Московской секции протоколов Комиссии по музееведению сделать общий обзор ее деятельности не представляется возможным.

Некоторый параллелизм в работе Московской секции и Научно-исследовательского института археологии и искусствознания должен был наводить на мысль о возможности реорганизации этих учреждений и все же ликвидация Московской секции похоже стала для ее руководства неожиданностью. Распоряжением ГАИМК с 20 ноября 1929 г. были уволены директор Института археологической технологии академик А.Е. Ферсман, председатель Московской секции (Ю.В. Готье), ученый секретарь (Н.Д. Протасов), секретари комиссий (А.А. Захаров, А.Н. Топорнин), В.К. Клейн, А.В. Орешников⁴⁰ и др.

На состоявшемся 25 ноября 1929 г. совещании сотрудников Московской секции было принято решение обратиться в ГАИМК, чтобы выяснить: “Продолжает ли существовать Московская секция как таковая, так как об ее ликвидации не упомянуто, а перечислены лишь лица, снятые с штатного содержания?” Если она ликвидирована, то почему “не было заботы и указаний” о

³⁷ Орешников Алексей Васильевич (1855–1933) – нумизмат, член-корреспондент (с 1928 г.) АН.

³⁸ См.: Бухерт В.Г. Общество истории и древностей российских при Московском университете в 1917–1929 гг. // АЕ за 2002 год. М., 2004. С. 149–165.

³⁹ См.: Ипполитова А.Б. История Музея народов СССР в Москве // Этнографическое обозрение 2001. № 2. С. 144–160.

⁴⁰ ОПИ ГИМ.Ф. 540. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.

передаче дел Московской секции, об охране и сдаче ее имущества⁴¹. В ответ было получено сообщение за подписью председателя ГАИМК Н.Я. Марра о том, что по постановлению Президиума Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук от 23 апреля 1929 г. “существование Московской секции Академии в ее настоящем виде прекращается”⁴². День получения этого известия (30 ноября 1929 г.) стал днем фактической ликвидации Московской секции ГАИМК.

Публикуемые в Приложениях к статье данные о составе Московской секции ГАИМК и о докладах, сделанных на заседаниях комиссий за весь период их существования, представляют интерес как для изучения истории организации науки, так и для реконструкции творческих биографий многих научных деятелей. Список докладов, сделанных в Комиссии по этнологии с 1924 по май 1926 г. и за 1927 г., ранее был опубликован⁴³:

Приложение I

Состав Совета Московской секции РАИМК (с 1926 г. – ГАИМК)
в 1924–1929 гг.

Президиум Московской секции

<i>Председатель</i>	<i>Зам. председателя</i>	<i>Ученый секретарь</i>
Д.Н. Егоров	Ю.В. Готье (с 1925 г.)	Н.Д. Протасов

Президиумы комиссий

<i>Комиссии</i>	<i>Председатель</i>	<i>Зам. председателя</i>	<i>Секретарь</i>
По археологии	В.А. Городцов Ю.В. Готье (с 1924 г.)	И.Н. Бороздин	А.А. Захаров
По истории быта	Ю.В. Готье М.М. Богословский (в 1924–1928 гг.) С.В. Бахрушин (с 1928 г.)	Н.Д. Протасов С.В. Бахрушин (с 1924 г.)	Ю.В. Сергиевский Н.А. Бакланова (с 1924 г.)
По истории искусства	Н.И. Романов Н.М. Щекотов (в 1924–1925 гг.) Б.П. Денике (с 1925 г.)	Н.М. Щекотов Б.П. Денике (в 1924–1925 гг.)	Б.П. Денике А.П. Мюллер (с 1924 г.) В.Н. Лазарев (с 1927 г.)
По этнологии	В.В. Богданов	Б.А. Куфтин	Б.М. Соколов Н.И. Лебедева (с 1925 г.)
По музееведению	Г.Л. Малицкий	Н.Г. Машковцев	А.Н. Топорнин

⁴¹ Там же. Л. 5.

⁴² Там же. Л. 6.

⁴³ См.: Этнография. 1926. № 1/2. С. 265–267; 1928. № 1. С. 125.

Доклады, сделанные в Московской секции ГАИМК
в 1924–1929 гг.

Комиссия по археологии

1924 г.

- 3 апреля (объединенное заседание с Комиссией по истории быта) Л.А. Моисеев. “О работах в Херсонесе”
- 30 апреля Б.Л. Богаевский. “Африканское искусство и культура негров”
- 16 мая В.П. Пожидаев. “О горско-кабардинских таврах, или родовых знаках собственности”.
- 3 июля (объединенное заседание с Комиссиями по истории быта и истории искусства) Ф.В. Гогель. «План работы музея “Ars Asiatica”»
- 16 октября Ю.В. Готье. “Варяжский вопрос в археологическом освещении”
М.М. Семенчик. “О раскопках в селе Медведском и городе Ромны летом 1924 г.”
- 30 октября И.Н. Бороздин . “Предварительный отчет об археологической работе в Крыму летом 1924 г.” Н.Б. Бакланов . “Предварительный отчет об археологических работах в Дагестане летом 1924 г.”
- 14 ноября Б.А. Куфтин. “Неолитическая стоянка на св. Озере Егорьевского уезда в связи с историей озера”
- 27 ноября Ф.И. Шмит. “Об археолого-исследовательской работе на Украине”
- 5 декабря Б.С. Жуков. “Неолитическая стоянка в Лялове Московской губ.”

1925 г.

- 2 января П.С. Рыков. “Об археологическом обследовании окрестностей села Герцог (Суслы тож) летом 1924 г.”
- 12 января Б.Л. Богаевский. “О работе Комиссии по изучению Эгейской и Трипольской культур”
- 28 января (объединенное заседание с Комиссиями по истории быта и по истории искусства) И.В. Моргилевский. “Архитектурное обследование киевского Софийского собора за последние годы”
- 29 января А.С. Башкиров. “Рельефы Дагестана”
- 12 февраля В.К. Шилейко. “Богаз-кейские фрагменты из собрания Н.П. Лихачева”
- 27 февраля Б.С. Жуков. “Неолитическая стоянка в Лялове Московской губ.” (продолжение)
- 19 марта А.А. Захаров. “Алтайские древности из собрания Российского исторического музея”

- 2 апреля Т.Н. Бороздина-Козьмина. “Глиняные сосуды и чаши доисторического Египта из собрания В.С. Голенищева в Музее изящных искусств”
- 30 апреля Е.Н. Басова. “Гончарство малокультурных народов”
- 14 мая Б.Н. Граков. “Некоторые амфорные горла с клеймами из собрания Российского исторического музея”
- 21 мая Д.Н. Эдинг. “Раскопки Сарского городца возле Ростова”
- 15 октября Ю.В. Готье. “Из области алано-хазарских отношений”
- 20 ноября Н.И. Новосадский. “Неизданные македонские надписи”
- 26 ноября А.С. Башкиров. “Археологическое обследование Абхазии летом 1925 г.”
- 10 декабря А.А. Фомин. “О результатах обозрения современного состояния Судакской крепости”
- 18 декабря Л.П. Семенов. “О поездке летом 1925 г. по Осетии и Ингушетии”
- 1926 г.**
- 8 января П.С. Рыков. “Результаты археологических исследований в Саратовской губернии в 1925 г.”
- 28 января Н.Л. Эрнст. “Раскопка кургана у Симферополя в 1925 г.”
- Точная дата заседания отсутствует И.Н. Бороздин. “Значение археологии для социологии”
- 1 апреля А.А. Захаров. “О новейших археологических работах на Переднем Востоке”
- 22 апреля Д.Н. Эдинг. “Раскопки городца на Саре летом 1925 г.”
- 14 мая (объединенное заседание с Комиссией по истории искусства) В.Д. Блаватский. “Чернофигурная ойнохоя Государственного Исторического музея”
- 17 сентября В.Ф. Смолин. “Судьбы Болгарских развалин”
- 24 сентября Л.А. Мацулевич. “К вопросу об античной традиции в византийском искусстве”
- 7 октября Е.Н. Басова. “Происхождение и развитие глиняных скульптурных игрушек”
- 14 октября К.А. Стратонитский. “Предварительное сообщение о вновь открытой стоянке возле дер. Языково Кашинского у. Тверской губ.”
- 18 октября К.Э. Гриневич. “Об археологических раскопках в Херсонесе в 1926 г.”
- 21 октября Б.Н. Граков. “Археологические раскопки 1925 г. в Автономной Области немцев Поволжья”
- 4 ноября Ю.В. Готье. “О Керченской археологической конференции”
Н.В. Сибилев. “О работах по исследованию стоянок каменного века в Изюмском у.” (доклад прочитан секретарем А.А. Захаровым)
- 18 ноября И.Н. Бороздин. “Обзор археологических открытий на юге СССР летом 1926 г.”
- 1 декабря И.Л. Снегирев. “Об археологическом обследовании Таманского полуострова летом 1926 г.”
- 15 декабря А.А. Захаров. “Несколько замечаний по поводу кавказских древностей”
Е.Г. Пчелина. “Раскопки Сагурамского могильника”

- 29 декабря П.С. Рыков. “Археологические раскопки и разведки летом 1926 г. в Нижнем Поволжье”
Н.Л. Эрнст. «О раскопках скифского городища “Неаполис” у Симферополя в 1926 году и о раскопках византийских склепов у дер. Скеля в Байдарской долине» (доклад прочитан секретарем А.А. Захаровым)
- 1927 г.**
- 19 января (объединенное заседание с Комиссиями по истории быта и по истории искусства) Б.Н. Засыпкин. “Тюрко-татарские архитектурные памятники Крыма”
- 31 января В.А. Городцов. “Археологические раскопки летом 1926 г. в Старой Рязани”
В.М. Зуммер. “Художественные памятники Азербайджана”
В.М. Зуммер. “Стили восточной миниатюры”
- 2 февраля (объединенное заседание с Комиссией по истории искусства) В.А. Городцов. “Археологические раскопки летом 1926 г. в Старой Рязани”
В.М. Зуммер. “Художественные памятники Азербайджана”
В.М. Зуммер. “Стили восточной миниатюры”
- 12 февраля А.А. Спицын. “Южнорусский неолит”
- 16 февраля А.А. Спицын. “Культура антов”
- 9 марта О.А. Гракова. “Раскопки в Пензенской губернии летом 1926 г.”
В.Д. Блаватский. “Чернофигурный киаф из собрания Государственного музея изящных искусств”
- 23 марта Б.Л. Богаевский. “Неандертальский человек Палестины и значение этой находки”
- 30 марта Н.В. Сибилев. “Отчет о зондажных раскопках 1926 г. в Изюмском округе”
Б.Н. Граков. “Яблоновская группа скифских курганов”
- 28 апреля А.А. Миллер. “Археологические исследования в Придонье и на Северном Кавказе в 1923–1926 гг.”
- 10 мая Б.С. Жуков. “Доисторические культуры Поветлужья в связи с проблемами соответственных древних культур северной и центральной России”
С.П. Толстов. “Этнокультурные районы Нижегородского Заволжья по этнографическим данным”
П.И. Зенкович. “Расовые типы современного русского населения Нижегородского Заволжья”
- 12 мая Л.П. Семенов. “Археологическое обследование Ингушетии летом 1926 г.”
- 18 мая М.М. Кобылина. “Изображения некоторых египетско-эллинистических божеств”
Л.А. Динцес. “Резной орнамент Трипольской культуры”
- 27 мая А.В. Збруева. “Стоянка на реке Чукче близ селения Красной Горы”
М.Е. Фосс. “Раскопки на Летнем берегу Белого моря у р. Галдареи в 1926 г.”
- 28 сентября В.В. Струве. “Наблюдение над некоторыми вопросами поздней истории Египта”
- 12 октября Ю.В. Готье. “Херсонесская археологическая конференция”
А.А. Захаров. “О командировке в Керчь в июле-августе 1927 г.”
В.Д. Блаватский. “Чернофигурный фрагмент с изображением Персея из собрания Государственного музея изящных искусств”.

- 26 октября Е.Г. Пчелина. “Археологические древности Северной Осетии и меры, должествующие быть принятыми для их охраны” А.С. Башкиров. “Археологическое обследование Дагестана летом 1927 года”
- 16 ноября А.А. Фомин. “Итоги обследования древностей Судака за 1925–1927 гг.”
Ю.В. Готье. “Археологические разведки в башне св. Георгия в Судакской крепости в 1927 г.”
- 30 ноября М.Е. Фосс. “О раскопках курганов при станции Петушки Нижегородской ж.д. Орехово-Зуевского у. Московской губ.”
Э.Я. Лайд. “Археологическая работа в Эстонии за последние годы”
- 14 декабря Н.В. Сибилев. “Археологические разведки 1927 г. в Донской области и на Валдайской возвышенности” (доклад прочитан секретарем А.А. Захаровым)
- 21 декабря А.А. Спицын. “Бронзовый век Восточной Европы”
Е.А. Байбуртян “Археологическая работа в Армении за последние два года (1926–1927)”
- 28 декабря Н.Л. Эрнст. “Эски-Кермен и пещерные города Крыма”
- 1928 г.**
- 4 января Н.Л. Эрнст. “Неаполис Скифский”
- 16 января Н.А. Захаров. “Археологические исследования на Северо-Западном Кавказе”
Е.Н. Басова. “Символография доисторического гончарства (сосуд из Таганрогского музея с неизвестными знаками)”
- 1 февраля А.Я. Брюсов. “Доисторические промышленники и их стоянки на Летнем берегу Белого моря”
- 7 февраля М.Е. Арсакова. “Раскопки стоянки и курганов в Белозерском у. Череповецкого округа в 1927 г.”
- 15 февраля В.П. Левашова. “Раскопки курганов Барабинского и Омского округов в 1926–1927 гг.”
М.Е. Фосс. “О плане археологических работ летом 1928 г. по исследованию неолитических стоянок оз. Лач и Кенозера Вологодской губ.”
- 29 февраля (объединенное заседание с Комиссией по этнологии) Е.Г. Пчелина. “Дом и усадьба нагорной полосы Юго-Осетии”
- 1 марта П.С. Рыков. “Раскопки летом 1927 г. в области Нижнего Поволжья”
- 7 марта В.Н. Худадов. “Армяне и киммерийцы”
- 14 марта А.В. Арциховский. “Русская торговля IX–XII вв.”
- 28 марта О.А. Кривцова-Гракова. “Андроновская культура в Тургайской области по раскопкам Соколова”
- 3 апреля Ю.Ю. Марти. “Результаты археологических работ Керченского музея летом 1927 года”
- 25 апреля Н.П. Милонов. “Славянские древности г. Пронска”
- 26 сентября С.А. Теплоухов. “Карасукская культура”
Е.Г. Пчелина. “Предварительный отчет об археологических раскопках в Северной Осетии летом 1928 года”
- 10 октября Т.И. Арне. “Китайская чашка из Владимирской губ.”
А.Н. Лявданский. “Археологические работы в Белоруссии и Смоленской губ. за 1926–1927 гг.”

- 24 октября И.Н. Бороздин. “Очерк жизни и научной деятельности Б.В. Фармаковского”
А.А. Захаров. “О работах Б.В. Фармаковского в области классической археологии и искусства”
- 14 ноября А.А. Захаров. “Несколько замечаний о бронзовых статуэтках с Кавказа”
А.А. Захаров. “Каппадокийская керамика Эрмитажа”
- 19 декабря Е.А. Байбуртян. “Предварительное сообщение о раскопках в Эйляре (Армения) летом 1928 г.”

1929 г.

- 2 января В.П. Пожидаев. “Кавказская тамга и славянская глаголица”
- 9 января Л.П. Семенов. “Археологическая работа в Ингушетии и Северной Осетии летом 1928 года”
Б.Н. Граков. “Два скифских кургана, раскопанных летом 1928 г. в Оренбургской губ.”
- 23 января В.Г. Карцов. “Раскопки летом 1928 г. в Красноярском округе”
- 30 января Н.А. Захаров. “Тамга Тиверия Юлия Евпатора и других боспорских царей”
- 7 февраля В.П. Левашова. “Чиняевское городище на озере Чаны Барабинского округа по раскопкам 1928 года”
- 13 февраля П.С. Рыков. “Археологические исследования в области Нижнего Поволжья летом 1928 года”
- 20 февраля Н.Л. Эрнст. “О новых неолитических находках в Крыму”
Ю.В. Готье. “О деятельности Судакской экспедиции ГАИМК летом 1928 г.”
- 27 февраля Н.Д. Протасов. “Раскопки в Судаке летом 1928 года”
- 6 марта А.А. Фомин. “Археологические обследования в Судаке летом 1928 года”
- 14 марта (объединенное заседание с Комиссией по истории искусства) Л.П. Харко. “Работа археологической экспедиции Государственного музея изящных искусств на Таманском полуострове в 1928 г.”
- 20 марта Л.А. Евтюхова. “Юрьевецкое городище Вознесенской губ.”
О.А. Кривцова-Гракова. “О раскопках близ деревни Быстри Юрьево-Польского у.”
- 27 марта С.В. Киселев. “Раскопки в Минусинском крае в 1928 году”
- 3 апреля А.А. Марущенко. “Памятники Дьяковско-Городецкой и Костеносной культур на Самарской Луке”
- 6 апреля А.С. Башкиров. “Археологическое обследование Билярска летом 1928 года”
- 13 апреля А.С. Башкиров. “Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1928 г.”
- 17 апреля Н.П. Милонов. “Пронские городища и славянские селища по р. Проне (экспедиция Рязанского областного музея)”
- 8 мая Д.Н. Эдинг. “Археологическое обследование Горбуновского торфяника в 1926–1928 гг.”
- 13 мая А.И. Полканов. “К вопросу о конце Тьмутараканского княжества”
- 22 мая В.В. Гольмстен. “Археологические работы в Самарской губ. 1920–1928 гг.”
- 5 июня С.Г. Матвеев. “Чудское городище Идна-Кар”

Комиссия по истории быта

1924 г.

- 3 апреля (объединенное заседание с Комиссией по археологии) Л.А. Моисеев. "О работах в Херсонесе"
- 3 июня (объединенное заседание с Комиссиями по археологии и по истории искусства) Ф.В. Гогель. «План работы Музея "Ars Asiatica"»
- 26 августа Л.П. Семенов. "Экспедиция в Горную Осетию для обследования памятников быта и старины"
- 11 сентября (объединенное заседание с Комиссией по истории искусства) Н.Д. Протасов. "К вопросу об охране фресок Звенигородского Успенского собора (на Городке)"

1925 г.

- 28 января (объединенное заседание с Комиссиями по археологии и по истории искусства) И.В. Моргилевский. "Архитектурное обследование киевского Софийского собора за последние годы"
- 6 февраля М.М. Богословский. "Святки в Москве в 1698–99 гг."
- 20 февраля Н.А. Бакланова. "Постройка Нового гостиного двора в Москве в 1660–65 гг."
- 6 марта (объединенное заседание с Комиссией по истории искусства) А.П. Мюллер. "Быт иностранных художников в России в XVIII веке"
- 3 апреля С.В. Бахрушин. "Частные слободы в Сибири XVII века"
- 10 апреля И.И. Полосин. "Игра в цари"
- 8 мая И.В. Чекан. "Каменские железные заводы в начале XVIII века"
- 15 мая Н.Б. Бакланов. "Записки архиктора В.А. Бахарева"
- 29 мая Е.И. Заозерская. "На китайской границе в конце XVII века"
Г.А. Новицкий. "Сафьянное и кожевенное дело в Московском государстве в конце XVII века"
- 2 октября Н.Б. Бакланов. "Записки архитектора В.А. Бахарева" (продолжение)
- 16 октября М.М. Богословский. "Керченский поход 1699 года"
П.А. Незнамов. "Карты Керченского похода 1699 года"
- 30 октября К.А. Стратонитский. "Резное дело в Кашинском уезде в XVIII и XIX вв."

- 13 ноября С.К. Богоявленский. “Планы части Москвы первой половины XVII века”
- 27 ноября (объединенное заседание с Комиссией по истории искусства) П.П. Никольский. “Скит патриарха Никона в Воскресенском монастыре”
- 11 декабря С.В. Бахрушин. “Игра в зернь в XVII веке”
- 21 декабря (объединенное заседание с Комиссией по истории искусства) О.А. Добиаш-Рождественская. “Livres d’Heures XV в. с бытовой и художественной стороны”

1926 г.

- 19 марта А.Б. Салтыков. “Веерные мастера Морозовы во второй половине XVIII века”
- 16 апреля А.В. Орешников. “Молдавская посуда Оружейной палаты”
- 14 мая А.В. Орешников. “Серебряная чашка из Микулина городища”
- 21 мая И.И. Коган. “Дом декабриста Оболенского в Москве”
- 15 октября А.В. Орешников. “Перстень Алексея митрополита”
- 29 октября М.М. Богословский. “Прием шведских послов в Москве в 1699 году”
- 12 ноября В.А. Дударева. “Город Касимов в его художественной старине”
- 10 декабря В.А. Дударева. “Город Касимов в его художественной старине” (продолжение)

1927 г.

- 19 января (объединенное заседание с Комиссиями по археологии и по истории искусства) Б.Н. Засыпкин. “Тюрко-татарские архитектурные памятники Крыма”
- 28 января В.И. Троицкий. “Московские серебряники в XVII в.”
- 18 февраля В.И. Троицкий. “Московские серебряники в XVII в.” (продолжение)
- 4 марта Н.П. Виноградов. “Барашовская слобода в Москве”
- 1 апреля Л.И. Иванова-Якунина. “Веера Государственного Исторического музея и других собраний”
- 15 апреля И.В. Чекан. “Русский посол за границей в начале XVIII в. (внешняя обстановка и образ жизни)”
- 28 октября Н.А. Бакланова. “Стекланный завод Койетов в д. Духанино в XVII в.”
- 9 декабря К.В. Сивков. “Крестьяне украинских вотчин князей Куракиных в конце XVIII века”
- 30 декабря Н.М. Каринский. “Из истории быта и языка нескольких селений Вятской губ.”

1928 г.

- 20 января Г.А. Новицкий. “Эволюция интерьера XVIII в.”

- 10 февраля В.Н. Никольский. "Мастера замочки Оружейной палаты в XVII веке"
Бакланова Н.А. "Московский печатный двор в половине XVIII века"
- 17 февраля Л.В. Кафка. "Перстни Камско-Волжской Болгарии собрания Государственного Исторического музея"
- 23 марта А.Н. Сперанский. "К вопросу о подмастерьях каменных дел XVII в."
- 25 апреля А.В. Орешников. "Значение нумизматики как вспомогательной дисциплины истории"
В.А. Дударева. "Несколько заметок о разрушенной даче Преображенской больницы"
- 11 мая В.А. Дударева. "Архив семьи Сырейшиковых"
- 18 мая Н.М. Каринский. "Русская надпись XVI в. с именем Марка сына палача"
- 14 сентября М.М. Богословский. "Культурные новшества в России в начале XVIII века"
- 21 сентября Е.В. Георгиевская-Дружинина. "Годуновское шитье"
- 30 ноября А.С. Самойло. "Строения Воскресенского монастыря (Новый Иерусалим) по описи о пожаре 1762 г."
- 7 декабря П.Н. Столпянский. "Петербург Петровской эпохи"
- 28 декабря Н.И. Привалова. "Делопроизводство касимовских кабаков и кружечных дворов в XVII веке"

1929 г.

- 11 января И.И. Коган. "Московские шелковые фабрики первой половины XVIII века"
- 23 января М.А. Полиевктов. "Пути сообщения России с Грузией в XVI и XVII веках"
- 24 января П.Н. Столпянский. "Петербург Елизаветинской эпохи"
- 8 февраля В.И. Троицкий. "Московская Кадашевская слобода в XVII веке"
- 22 марта Г.А. Рязжский. "Быт сибирского города в середине XIX века"
- 19 апреля Г.А. Рязжский. "Быт сибирского города в середине XIX века" (продолжение)

Комиссия по этнологии

1924 г.

- 21 апреля Б.М. Соколов. "Среди национальных меньшинств Саратовской губ."
- 19 мая Б.А. Куфтин. "Языческие обряды мордвы Петровского у. Саратовской губ."
Б.А. Куфтин. "Женский костюм мордвы эрзи Темниковского у. Тамбовской губ."
- 9 сентября Д.К. Зеленин. "Весенний обряд с пассивной ролью жреца"
В.В. Богданов. "К изучению вольники"
- 30 октября Б.А. Куфтин. "Основные задачи и методы изучения народной плетеной обуви и ее коллекционирование"
В.В. Богданов. "Изучение и музейное коллекционирование челнов-однодеревков"

* В документе ошибочно указана Саратовская губ.

- 11 ноября В.В. Богданов. “Беседы по основным и детальным вопросам материальной культуры с привлечением музейного материала”
- 4 декабря Н.И. Лебедева. “Предварительный отчет о коллекции обрядовых печений, собранных в Рязанской губ.”
Б.А. Куфтин. “Продолжение плана работ по этнологии и палеоэтнологии, разработанного Этнологическим отделением Московской секции Академии в 1919 году”
- 20 декабря А.Г. Данилин. “Из этнологических работ по костюму и жилищу в Рязанской губ.”
Б.А. Куфтин. “Гончары и гончарное производство в Воскресенском у. Московской губ.”

1925 г.

- 9 января Н.П. Топорков. “Украинский дом местечка и села”
- 6 февраля М.Т. Маркелов. “Похоронный обряд у волжских финнов”
- 5 марта В.В. Богданов. “Предстоящие летние работы Московского областного музея по этнологии и палеоэтнологии”
П.П. Свешников. “Работы по изучению материальной культуры в Воскресенском у. Московской губ.”
- 8 апреля Б.А. Куфтин. “Культурно-исторические типы жилища крымских татар”
- 5 мая В.В. Богданов. “Некоторые очередные вопросы по коллекционированию предметов материальной культуры”
- 26 мая Б.А. Куфтин. “К предстоящим полевым работам Музея Центрально-Промышленной области по этнологии и палеоэтнологии”
- 23 сентября В.В. Богданов. “Калужское Полесье и Рязанское (Мещерское) Полесье по данным этнологических экспедиций Московского областного музея”
- 19 ноября Н.И. Лебедева. “Народный костюм Брянского Полесья”
Е.Н. Елеонская. “Из новой иностранной литературы о рождественских обычаях”
- 16 декабря Б.А. Куфтин. “Жилище крымских татар”
Е.Н. Елеонская. “К алеутским коллекциям Центрального музея народоведения”
- 30 декабря Е.М. Шилинг. “Из материалов, собранных осенью 1925 г. в Абхазии”
Е.Н. Елеонская. “Южновеликорусские головные уборы”

1926 г.

- 20 января А.Г. Данилин. “По Костромской и Нижегородской губ.”
А.Я. Тугаринов. “Остатки самоедов на Саянах”
- 3 февраля Б.А. Куфтин. “Касимовские татары”
Ю.А. Самарин. “Материальная культура Буковины и Подолии по материалам киевских музеев”
- 17 марта В.В. Богданов. “Из новейшей эстонской этнологической литературы”
Б.А. Куфтин. “Ламаистский пантеон по коллекциям Центрального музея народоведения”
- 7 апреля Г.С. Маслова. “Итоги этнологических рекогносцировок в Тверской губ. летом 1925 г.”
Н.И. Лебедева. “Одноворцы Рязанского края”
- 21 апреля С.П. Толстов. “Жилище Ветлужского края”

- 19 мая Б.В. Миллер. "Поездка в Талыши в 1925 г."
П.П. Свешников. "К вопросу изучения говоров северо-восточной части Московской губ. в связи с изучением материальной культуры"
- 15 октября Ю.А. Самарин. "Гончарство в Подолии"
- 20 ноября А.М. Попова. "Быт забайкальских семейских"

1927 г.

- 11 января Е.Н. Елеонская. "Отчеты о летней командировке в Козельский у. Калужской губ."
Г.С. Маслова. "Этнологические материалы, собранные в Спасо-Клепиковском у. Рязанской губ."
- 26 января В.П. Никольская. "Игрушка как предмет этнологического изучения"
- 9 февраля А.Г. Данилин. "Приспособления для сушки хлеба в снопах восточных славян и их соседей"
- 2 марта Н.Ф. Яковлев. "Культура черкесов по данным языка"
- 13 апреля В.В. Богданов. "Рукавицы в эстонском быту и в искусстве"
Н.И. Лебедев. "Народный костюм Смоленской губ. по материалам, собранным летом 1926 года и по материалам Тенишевского музея"
- 18 мая Б.А. Куфтин. "Результаты изучения Осетии в экспедиции 1926 г."
- 11 ноября Г.С. Маслова. "Жилище и одежда Муромского края"
- 29 декабря В.В. Богданов. "Новейшая литература и ближайшие задачи изучения финно-угорской этнологии"

1928 г.

- 20 января С.П. Толстов. "Одежда и жилище будаков Лукояновского у. Нижегородской губ."
- 3 февраля Б.А. Куфтин. "Пращевый лук"
- 24 февраля М.Т. Маркелов. "Одежда мари: рубаха"
- 29 февраля Е.Г. Пчелина. "Дом и усадьба нагорной полосы Юго-Осетии"
(объединенное заседание с Комиссией по археологии)
- 9 марта Н.И. Лебедева. "Народное жилище по верховьям рек Оки и Десны"
- 21 марта Б.А. Куфтин. "К изучению плана избы Дмитровского у. Московской губ."
В.М. Колобов. "Из области изучения материальной культуры Московского края"
В.М. Колобов. "К вопросу изучения пастушьего промысла"
- 30 марта В.Т. Маркелов. "Вышивки мари"
- 6 апреля Искандер Цитайшвили Лазури. "Материальная культура Лазистана"
- 14 декабря Е.Н. Елеонская. "Рыболовство на Валдайском озере"
- 28 декабря А.Г. Данилин. "Материальная культура алтайцев и телеутов"

1929 г.

- 4 января А.А. Ходасов. "Прядение, ткачество у чуваш"
А.Г. Данилин. "Современный бурханизм на Алтае"

1 февраля	А.А. Ходасов. "Прядильные растения и их обработка у восточных славян" Н.И. Лебедева. "Элементы материальной культуры в Новгородском и Великолуцком округах Северо-Западной области"
22 февраля	Г.С. Маслова. "Одежды Ефремовского у. Тульской губ." Н.И. Лебедева. "Вопросы изучения Тульской губ."
29 марта	А.А. Ходасов. "Земледельческие орудия у чуваш"
26 апреля	Г.С. Маслова. "Материальная культура Осташковского у. Тверской губ."
17 мая	М.А. Коноплянцев. "Охота Северо-Двинской губ. на р. Уфтюге"

Комиссия по истории искусства

1924 г.

3 июля (объединенное заседание с Комиссиями по археологии и по истории быта)	Ф.В. Гогель. «План работы музея "Ars Asiatica"»
11 сентября (объединенное заседание с Комиссией по истории быта)	Н.Д. Протасов. "К вопросу об охране фресок Звенигородского Успенского собора (на Городке)"
9 декабря	Е.В. Гольдингер. "Регистрация европейских мастеров по материалам Музейного отдела"

1925 г.

28 января (объединенное заседание с комиссиями по археологии и по истории быта)	И.В. Моргилевский. "Архитектурное обследование киевского Софийского собора за последние годы"
18 февраля	В.В. Згура. "Мавзолей в Суханове"
27 февраля	А.И. Некрасов. "Данные о ракурсах в древнерусской иконе"
6 марта (объединенное заседание с Комиссией по истории быта)	А.П. Мюллер. "Быт иностранных художников в России в XVIII веке"
19 марта	В.Д. Блаватский. "Краснофигурный лекиф с изображением крылатой женской фигуры в собрании Государственного музея изящных искусств"
9 апреля	А.А. Сидоров. "Итальянские копии с Дюрера в XVII веке"
24 апреля	Б.Н. Засыпкин. "Архитектура Узгена" Б.П. Денике. "Орнамент памятников Узгена"
14 мая	М.М. Денисова. "Успенский собор в Дмитрове"
22 мая	А.Н. Свирин. "Памятники еврейско-португальской торевтики XVI века"

- 29 мая М.И. Фабрикант. "Эпизод из истории западноевропейского портрета эпохи Возрождения"
- 27 ноября (объединенное заседание с Комиссией по истории быта) П.П. Никольский. "Скит патриарха Никона в Воскресенском монастыре"
- 21 декабря (объединенное заседание с Комиссией по истории быта) О.А. Добиаш-Рождественская. "Livres d' Heures XV в. с бытовой и художественной стороны"
- 30 декабря Б.Д. Блаватский. "Две чернофигурные амфоры Государственного музея изящных искусств"

1926 г.

- 28 января Н.И. Брунов. "Фенари-Исса и отношение ее к византийскому искусству"
- 4 февраля А.А. Сидоров. "Рисунки Пьетро да Кортона в московских собраниях"
- 22 февраля (объединенное заседание с Комиссией по музееведению) А.П. Мюллер. "Рисовальная бумага в России в XVIII и XIX вв. как средство датировки художественных памятников"
- 10 марта А.Н. Лужецкая. "Английская архитектура второй половины XVIII века и ее представители в России"
- 8 апреля Б.Н. Засыпкин. "Ремонтно-реставрационные работы в Самарканде"
- 15 апреля И.К. Мрочковский. "О фактуре стен самаркандских памятников"
- 14 мая (объединенное заседание с Комиссией по археологии) В.Д. Блаватский. "Чернофигурная ойнохоя Государственного Исторического музея"

1927 г.

- 19 января (объединенное заседание с Комиссией по археологии) Б.Н. Засыпкин. "Тюрко-татарские архитектурные памятники Крыма"
- 2 февраля (объединенное заседание с Комиссией по археологии) В.М. Зуммер. "Художественные памятники Азербайджана"
- 18 февраля В.М. Зуммер. "Стили восточной миниатюры"
- 25 февраля И.К. Мрочковский. "Живопись Биби-Ханым"
- Н.Р. Левинсон. "Барочные кованые решетки Москвы середины XVIII века"
- 15 марта Л.П. Харко. "Античная скульптура в собрании Ханенко в Киеве"
- 6 мая В.Д. Блаватский. "Амфора Полигнота Государственного музея изящных искусств"
- Н.М. Лосева. "Аттический краснофигурный кратер эпохи Перикла"

10 июня А.Н. Лужецкая. “Томас Гейнсборо и портреты его работы в лондонских галереях”

1928 г.

21 февраля Н.П. Кивокурцев . “Ионийская амфора Государственного музея изящных искусств”

6 марта Н.М. Лосева. “Белые лекифы из собраний Государственного музея изящных искусств”

16 марта С.В. Разумовская. “Терракоты б[ывшего] собрания Ханенко в Киеве”

30 марта А.Н. Лужецкая. “Различные виды портрета в английской живописи XVIII века”

11 мая В.Н. Лазарев. “О луккских иконах XVIII века”

25 мая В.И. Авдиев. “Рисунки на египетских папирусах с текстами” Книги мертвых”

1 июня М.М. Денисова. Памятник архитектуры XVI века Московской области” (Борисоглебский собор в г. Дмитрове)”

8 июня Н.Р. Левинсон. “Архитектурный ансамбль русских монастырей XVI–XVII вв.”

23 ноября В.И. Авдиев. “Книга Воррингера и проблема взаимоотношений египетского и современного искусства”

14 декабря Н.Н. Черемухина. “Ваза и фреска в Кноссе эпохи расцвета”

1929 г.

18 января П.Б. Юргенсон. “Древнейшие русские потиры”

25 января А.Н. Лужецкая. “Новые материалы об архитекторе Казакове”

1 марта К.М. Малицкая. “Испанское искусство XVII в.”

14 марта (объединенное заседание с Комиссией по археологии) Л.П. Харко. “Работа археологической экспедиции Государственного музея изящных искусств на Таманском полуострове в 1928 г.”

12 апреля^{2*} М.З. Мсерианц. “Картины Пьер-Франческо Фиорентино в Эрмитаже и Киеве”

17 мая В.Н. Лазарев. “Византийская миниатюра Македонской династии”

24 мая В.В. Павлов. “Социологическое обоснование египетского рельефа в эпоху Нового царства”

^{2*} От этого и последующих заседаний сохранились только повестки.

УНИКАЛЬНЫЙ СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ О ХОЛОКОСТЕ 1941 г. В ЛИТВЕ

Эта небольшая книжка¹ по объему уступает многим работам в отечественной и зарубежной литературе последнего десятилетия о геноциде еврейского народа (Холокост – англ., Шоа – иврит, Катастрофа – рус. яз.) в Европе в годы Второй мировой войны². Но по своему содержанию, археографическим особенностям и публицистической страстности впечатляет. Поэтому считаем необходимым представить ее российскому читателю. По жанру сборник – своеобразная научно-популярная тематическая публикация документов и материалов об уничтожении евреев Литвы в первые месяцы после 22 июня 1941 г. Название “Гараж” – символ зверского убийства невинных людей – связано с трагедией 27 июня 1941 г. в г. Каунасе, где местные националисты в гараже монополии “Lietūkis” забили насмерть случайно схваченных евреев на глазах у многочисленной толпы. Один из немецких военных сфотографировал кровавую бойню (снимок на обложке книги). Сборник посвящен 60-летию со дня начала Холокоста в Литве. Он состоит из введения, основной части – публикации источников об убийстве евреев в Литве, материалов об отношении современного общества к Холокосту и приложения.

Роль исторического предисловия во введении выполняют синхронные документы, связанные с памятной датой: постановление Сейма Литовской Республики от 7 июня 2001 г. о создании государственной комиссии, чтобы отметить 60-летие этой трагедии, решение Совета Еврейской общины Литвы (ЕОЛ) от 25 января 2001 г. о сотрудничестве с государственными, общественными и другими организациями в проведении намеченных мероприятий, выступление посла Литвы в Израиле, профессора, доктора исторических наук А. Эйдинтаса на заседании Сейма 20 сентября 2001 г. и “Слово к читателю” председателя ЕОЛ доктора социальных наук С. Альперавичюса. Думается, что такая форма предисловия при малом объеме сборника и крайней политической остроте вопроса является более действенной, так как сразу заставляет читать источники с основными фактами по истории вопроса, в них намечены и главные проблемы этой темы.

Здесь представлена позиция законодательного органа Литвы, выступившего против геноцида и антисемитизма, позиция прогрессивной общественности, которая глубоко понимает эту трагедию и поддерживает государственную политику, единство в этом вопросе и позиции ЕОЛ. А. Эйдинтас с трибуны Сейма огласил страшные, до сих пор точно не установленные цифры этой трагедии: “Накануне войны евреи составляли в Литве 209 тыс.³ Подавляющее их большинство – около 130 тыс. – было убито летом-осенью 1941 г. Архивные материалы Германии и Литвы свидетельствуют, что в их уничто-

¹ Garažas: Aukos. Budeliai. Stebėtojai / sud. S. Vaintraubas. Vilnius, 2002 (Гараж: Жертвы. Палачи. Наблюдатели / сост. С. Вайнтраубас (на лит. яз.; резюме на англ. и нем. яз.). Вильнюс (далее – В.), 2002. 144 с. 1000 экз.).

² Отметим только некоторые издания в Литве: *Эренбург И., Гроссман В.* Черная книга. В., 1993; Шоа (Холокост) в Литве / сост. И. Левинсонас; испр. и доп. изд. (на лит. яз.). В., 2001. Ч. I; Дело об убийстве евреев Литвы: сб. статей и док. / сост. А. Эйдинтас (на лит. яз.). В., 2001 и другие сборники, которые будут названы далее.

³ Примечание составителя: “По другим данным – около 240 тыс. человек, из них убито 220 тыс.” (С. 5). Далее ссылки на сборник даны в тексте.

жении количественно преобладали местные пособники. Получается, что они убили около 70–80 тыс. человек – таков литовский аспект еврейской Катастрофы, – подчеркнул Эйдintas. – Большинство евреев Литвы было убито местной полицией, литовцами, ставшими палачами, организованными и руководимыми немецкими нацистами. И в акциях участвовало не несколько сот, а две, три и, может быть, больше тысяч литовских карателей [...] Рейху служили двадцать литовских полицейских батальонов. Некоторые из них участвовали в массовых убийствах евреев в Белоруссии, Украине, Польше (кое-где охраняли концентрационные лагеря)” (С. 5,6. См. также с. 123). Но кроме пособников, людей затаившихся в страхе за свою судьбу и равнодушных, среди литовцев нашлись и те, кто осуждал убийства евреев, спасал их.

Эйдintas показал и причины роста антисемитизма в Литве накануне войны, связанные с гитлеровской политикой в Европе и советизацией Литвы, осудил стремление забыть о Холокосте, отделить его от литовской истории. Только через 60 лет стало возможно открыто описать и оценить эту трагедию как братоубийственную войну в Литве, понять, как много потерял в ней литовский народ, и воспитывать молодое поколение в духе нетерпимости к дискриминации, ксенофобии, антисемитизму, чтобы это не повторилось, – закончил свое выступление Эйдintas.

Его поддержал С. Альперавичюс, отметив, что еще существуют партии и организации, выходят издания, завуалировано или открыто распространяющие антисемитизм. Нужно изучать историю Холокоста и знакомить население с его результатами: «Открытый взгляд нужен не потому, что на нас “давят” евреи или мы хотим понравиться Европе и США. Он необходим для нашего будущего. Чтобы рана зажила, необходимо ее вскрыть и выпустить гной” (С. 9). Альперавичюс представил сборник С. Вайнтраубаса (1922–2002), известного журналиста, давно исследовавшего эту проблему. “Гараж” – его вторая книга; предыдущая – “Развееянные мифы. Размышления, аргументы, полемика”⁴, составленная по той же методике, уже получила широкий международный резонанс.

В конце введения – благодарность составителя тем литовским и зарубежным организациям и деятелям, которые помогли в подготовке книги, а также краткие археографические и другие замечания. Оговорено, что сборник включает источники только о начале Холокоста в Литве. Поэтому в нем больше отражена “местная инициатива”, инспирированная гитлеровской пропагандой и карательными структурами, “еще не утвердившимися полностью, не освещены крупнейшие акции, проведенные нацистами позднее; не могла быть показана еще не успевшая проявиться героическая эпопея спасения евреев” местными жителями (С. 10). Концентрация внимания на начальном периоде Холокоста позволяет лучше осветить этот мало изученный этап и расставить необходимые акценты. С. Вайнтраубас предупредил, что фигурирующие в тексте термины “немцы”, “литовцы”, “евреи” не характеризуют весь народ.

В сборнике представлены как опубликованные, так и неопубликованные источники многих видов, в том числе записанные составителем воспоминания или обработанные им тексты выступлений на разных мероприятиях, письма из его личного архива. Используются документы на литовском, идише, иврите, английском, немецком, польском, русском и французском языках. Состав

⁴ Subliūškę mitai. Mintys, argumentai, polemika / sud. S. Vaintraubas. Vilnius, 2000. Она включена в утвержденную правительством Литвы просветительскую программу о Холокосте.

витель приносит извинения за то, что многие тексты пришлось дать в сокращении, чтобы не повторяться. Язык документов сохранен, кроме слов “Катастрофа”, “Холокост”, “Шоа”, которые пишутся с прописной буквы. Иногда, длинные названия текстов из газет заменялись сокращенными (обозначены звездочкой), а оригинальные даны в конце текста.

В отличие от большинства публикаций здесь комментарии составителя минимальны (краткие пояснения перед разделами, примечания внутри и под текстом выделены курсивом и в скобках), но они четко отражают его позицию. Роль составителя выражается не только в отборе материалов, но и в формировании структуры сборника, в точных, публицистически острых названиях разделов и подразделов, в столкновении разных оценок событий, предоставляющих читателю свободу выводов.

В приложении публикуются документы, полученные после сдачи книги в производство или только связанные с темой, отзывы на предыдущую книгу составителя. Даны перечень названий цитируемых работ иностранных авторов, часто упоминаемых лиц и список сокращений (с досадными пропусками).

Основная часть сборника поделена на разделы. Уже их названия подтверждают характеристику С. Вайнтрубаса как знатока проблемы и замечательного публициста. Так, первый раздел озаглавлен “Сначала было слово... Вехи. Указания. Подстрекательства”. Его предваряет пояснение составителя: «Еще до начала войны посыпались угрозы в адрес евреев, опирающиеся на “теорию” и планы А. Гитлера» (С. 12). Далее приведены источники.

Первый подраздел “Импульс дал Адольф Гитлер” содержит фрагмент из литовского перевода книги М. Гильберта⁵, профессора Лондонского и Оксфордского университетов, официального биографа У. Черчилля. В ней описаны вехи антисемитской политики Гитлера в Германии и после вторжения в СССР, карательные действия немецких оперативных групп по уничтожению евреев с помощью полицейских батальонов и батальонов добровольцев из украинцев, белорусов, латышей, литовцев. В рапорте командиру одной из немецких групп К. Ёгера от 1 декабря 1941 г. говорится, что в странах Балтии уже уничтожено 200 тыс. евреев, а благодаря литовским добровольцам, Каунас стал “раем расстрелов” (С. 12.).

Второй подраздел “Навсегда освободим Литву от еврейского ига” представлен обращением Фронта литовских активистов (LAF – националистической организации, созданной в 1940 г. в Берлине), распространявшимся накануне и в начале войны с призывом освободить Литву “не только от азиатов – большевиков, но и от долголетнего еврейского ига” (С. 14. – *Выделено составителем*).

Третий подраздел “Комментируют историки” включает отрывки из книг В. Брандишаускаса (Литва), С. Атамукаса (Израиль), вводной статьи профессора С. Сужиеделиса (США) к переводу с английского дневника А. Тори⁶ и его интервью. На основании документов они сделали вывод о заранее намеченной антисемитской политике Гитлера и литовских националистических организаций в 1940–1941 гг. Сужиеделис, изучив оригиналы документов по рассматриваемому вопросу в Литовском государственном архиве, подтвердил соответствие их публикациям в Литве (“Akiračiai”. Чикаго, 1991. № 10, 11; 1992. № 1), в том числе и о трагедии в гараже “Лиетукиса”.

⁵ Никогда во веки веков: история Холокоста (на лит. яз.). В., 2001. Указано, что перевод был осуществлен при поддержке посольства Королевства Великобритания и Северной Ирландии в Литве, названы важнейшие издания автора книги.

⁶ Каунасское гетто: День за днем (на лит. яз.). В., 2000.

Подобным образом составлены и последующие разделы. Больше всего страниц сборника отведено источникам об убийствах евреев в Литве в 1941 г. и траурным мероприятиям в связи с 60-летием начала Холокоста. Второй раздел «“Мое местечко...” Погромы. Кладбища. Печаль» начинается пояснением составителя о том, что первая строка названия взята из популярной довоенной еврейской песни, а в разделе даны сведения о 50 (из более чем 200) местностях Литвы, кроме г. Каунаса, переживших сцены ужаса. Об этом свидетельствуют отрывки из периодики, монографий, воспоминаний и других источников (С. 17).

Среди них фрагменты из книг и воспоминаний литовских писателей Р. Ванаса, П. Трейниса, из работы историка Р. Пуйшите⁷, в которой много свидетельских показаний полицейских и других лиц, итоговых данных (они предваряются и завершаются выводами о причинах участия местных жителей в убийствах евреев); из литовского перевода книги немецкого профессора теологии П.Г. Аринга⁸, собиравшего вместе со студентами Клайпедского университета материалы о литовских евреях и опубликовавшего их записи. Много примечаний составителя о евреях, спасенных литовцами. Один из них – А. Лацанский из Расяйняй – в 1945 г. был арестован и сослан в Сибирь (С. 27), и это не единичный случай.

Среди мест расстрелов – трагедия в Райняй 24–25 июня 1941 г., которая, наверное, мало известна русскому читателю, хотя составитель привел документ из ГАРФ, опубликованный в нашей газете “Известия” и “Глобус” в Израиле (даты не указаны), дополнив литовскими материалами и фрагментами из книги немецких исследователей⁹. Сначала в этом местечке с санкции Л. Берии энквэдисты уничтожили заключенных, а с приходом немцев националисты добились местных и привезенных евреев (С. 28–31). Заканчивается раздел подборкой документов “Рапортуют убийцы”. Документы взяты из сборника “Восстание в июне 1941 г.” (на лит. яз. В., 2000). Его составитель В. Брандишаускас поставил страшный вопрос: “Почему число убитых в Литве евреев относительно самое большое в Европе – даже 94%” (С. 40).

Следующий раздел “Кадиш” как бы дает разрядку читателю. Его предваряют слова составителя: “Волна печали разливается по Литве. Ее земля пропитана кровью евреев. Уже в первые дни, даже часы войны пали жертвы Холокоста. В 2001 г. страна отметила 60-летие начала трагедии в Литве. На этих мероприятиях произносилась молитва памяти умерших – Кадиш” (С. 41). С. Вайнтраубас поместил здесь информацию о мероприятиях памяти в восьми городах и местечках Литвы, подготовленную им по сообщениям Baltic News Service (BNS), зам. директора Института истории АН Литвы Д. Сталюнаса, Еврейской общины Литвы, ее отделений и др. Даны фрагменты выступлений на разных языках официальных лиц, руководителей еврейских общин, представителей общественных организаций, католического духовенства, иностранных посольств в Литве, жителей – свидетелей Холокоста, в том числе и живущих ныне за рубежом. В это время открывались мемориальные доски и памятники погибшим, приводились в порядок их могилы, демонстрировались музейные выставки, фильмы о Холокосте, в Плунге была реставриро-

⁷ Магистр истории (1999) за работу “Холокост в литовской провинции: Юрбаркас. Июнь–сентябрь 1941”. Интерес к этому вопросу возник у нее после рассказов отца. – *Примеч. составителя.*

⁸ Wenn dich deine Kinder fragen: Impression zur Geschichte und Gegenwart jüdischen Lebens in Litauen. Köln, 1990.

⁹ См.: Трагедия в Райняй. 24–25 июня 1941 г. / сост. Б. Бураускайте (на лит. яз.). В., 2000; Benz W., Neiss M. Judenmord in Litauen. Studien und Dokumente. Berlin, 1999.

вана синагога и т.д. Здесь же дана информация и о Международной научной конференции “Община евреев Литвы. XIX в. – 1941 г.” в Тяльшай 21–22 сентября 2001 г., последняя часть которой была посвящена Холокосту. Она показала сближение позиций историков разных стран по этому вопросу.

И, наконец, раздел «Гараж. На улицах. В Вилиямполе. В “Лиетукуисе”». Еще до издания рассматриваемой книги было опубликовано много материалов об этой трагедии, но до сих пор вопросы об ее участниках, о числе жертв и другие выяснены не до конца. Задача составителя заключалась в том, чтобы отобрать наиболее достоверные источники об уничтожении евреев в Каунасе и его предместье в первые дни войны.

Начинается раздел публикацией постановления Кабинета министров Временного правительства Литвы от 27 июня 1941 г., которое было принято по сообщению министра В. Жямкальниса (Ландсбергиса) «О чрезвычайно зверском издевательствах над евреями в Каунасе, в гараже “Лиетукуиса”». Постановили: “Несмотря на все меры, которые следует принять против евреев из-за их коммунистической деятельности и нанесения вреда немецким войскам и отдельным лицам, избегать публичных экзекуций над евреями”¹⁰ (С. 45).

Внутри раздела источники поделены на подразделы и группы. В первом подразделе “Так начиналось в Каунасе” – об издевательствах и убийствах в Каунасе 23–28 июня – свидетельства бывших узников гетто (С. Гинайте, Д. Левина, А. Файтельсона, А. Тори и др.), извлечения из показаний, дневников, книг других жертв насилия, их родственников; фрагменты речей деятелей буржуазной и современной Литвы, а также отрывки из статей и книг немецких, польских, французских, английских авторов с фактами и выводами. Так, Х. Дикман (Германия) сделал вывод о том, что таких зверских и массовых убийств евреев в первые месяцы войны, как в Литве, не было ни в одной оккупированной нацистами стране (С. 45). Два других немецких автора В. Бенц и М. Нейсс писали, что погромы 23–27 июня в Каунасе унесли около 4 тыс. жертв (С. 46). Это совершалось либо до прихода немецких войск, либо когда их органы власти еще не были сформированы, руками литовских “повстанцев”, “патриотов”, полицейских и т.п.

25–27 июня антисемиты зверски уничтожали евреев в предместье Каунаса Вилиямполе (Слободке). Врывались в квартиры, больницы, школы, синагоги, отрубали невинным людям головы, вырезали внутренности, расстреливали целые семьи. 23 июня, когда немцев еще не было в Каунасе, военный комендант Ю. Бобялис объявил, что за каждого убитого немца будет расстреляно 100 евреев. Это, конечно, увеличило число погромов, особенно после вступления немцев в город. Не случайно, штурмбанфюрер СС Э. Эрлинггер 28 июня 1941 г. рапортовал: “За последние три дня литовские партизаны уже убили многих евреев” (С. 50). (В 1963 г. он был осужден в Западной Германии.)

В сборнике приведены сведения из книги А. Эйдинтаса о том, как команда – победительница на баскетбольном чемпионате в Каунасе в июле 1941 г. – в качестве премии получила от немцев право расстрелять 25 евреев, и воспользовалось им¹¹. Стремящийся к объективности С. Вайнтраубас

¹⁰ Временное правительство Литвы: протоколы заседаний 24.06. – 04.08. 1941 г. / сост. А. Анушаускас (на лит. яз.). В., 2001. Здесь опубликованы оригиналы документов, разоблачающие утверждения об их фальсификации в изданиях.

¹¹ Дело об убийстве евреев Литвы (на лит. яз.). В., 2001.

в примечании указал как лиц подтверждающих этот факт, так и отрицающих его (С. 53, 118).

Трагедии в гараже “Лиетукиса”, помимо отдельных упоминаний, целиком посвящены материалы на с. 54–85. Источники об этом начали публиковаться еще в советские годы¹², но особенно много издано и исследовано в последнее десятилетие, из них здесь создан своеобразный свод. Приведены и неопубликованные документы, в том числе записанные составителем, который долго вел поиск новых данных.

Первая группа – “Мы это видели...” – свидетельства очевидцев. Среди них воспоминания поэта А. Балтакиса и его стихи, фрагмент речи Х. Лемхенаса на торжестве по случаю его 90-летия (в 1941 г. был схвачен на улице белоповязочником, но по дороге в гараж офицер Миколюнас узнал известного в Литве языковеда и приказал отпустить. Позже, он попал в Каунасское гетто, затем – в Дахау), а также писателя В. Пятквичюса. Все это записал С. Вайнтраубас. Пятквичюс запомнил такие ужасные подробности: “Какие-то мужчины стали хватать проходящих евреев и тащить их во двор гаража. Согнали несколько десятков. Около полудня [...] их начали избивать палками, прикладами, совали резиновые шланги для мойки машин в задний проход и пускали воду до тех пор, пока не разрывались внутренности [...] Никаких военных ни среди исполнителей, ни среди жертв, не было”. В одном из убийств он узнал соседа. Появившийся мужчина с белой повязкой на руке приказал: “Парни Климайтиса¹³ – на задание”. Остальные продолжали избивание. Все они подчинялись руководителю ближайшего местного отделения ЛАФ Бяндинскасу¹⁴, участвовал ли он лично в убийствах – неизвестно (С. 56).

Из рукописи (от 9 июня 2001 г.) профессора И. Вейсайте (узница Каунасского гетто, спасенная литовцами) приведен рассказ сторожа их дома, который среди убитых во дворе гаража, видел ее дядю, Ю. Штромаса (директора кооператива “Parama”), арестованного еще 23 июня (С. 58). Об антисемитских погромах в Каунасе и о смерти отца в гараже “Лиетукиса” – фрагмент статьи его сына, А. Штромаса¹⁵ (С. 67). Интересный пример того, как возникают воспоминания, привел известный литовский актер Л. Норейка. Он читал фрагменты своего дневника о том, что видел в гараже “Лиетукиса”, Г. Жямкальнису, вице-председателю Международного общества литовцев (Австралия / Литва). Прослушав их, последний рассказал, что он тоже видел зверские убийства во дворе гаража и был потрясен. Норейка записал его рассказ (С. 58–59).

Публикуются и показания двух свидетелей о происходившей трагедии, данные прокуратуре в 1959 и 1961 гг. Один из них утверждал, что в убийствах участвовали и немцы. Составитель, в скобках, пишет: “Эта версия не подтвердилась” (С. 58). Из других важных источников этой группы, укажем на воспоминания очевидцев-литовцев: члена редколлегии чикагского издания “Akiračiai”, столкнувшегося с офицером, который стал участником экзекуции

¹² Например, в сборнике “Массовые убийства в Литве (1941–1944)” (на лит. яз.). В., 1965. Ч. I. С. 231–232.

¹³ Руководитель погрома 25 июня в Вилиямполе. – *Примеч. составителя.*

¹⁴ Александрас Бяндинкас, 1921 г. р., в 1941 г. участвовал в восстании, в 1943 г. был арестован немцами, через два года советскими органами заключен в лагерь. Позднее получил высшее образование в Москве, был избран в Литовский сейм. – *Примеч. составителя.*

¹⁵ Он также был спасен литовцами. После войны воспитывался в семье первого секретаря КП Литвы А.Ю. Снечкуса. Позднее эмигрировал в США, стал известным политологом. См. об этом воспоминания: *Майминас Е.З.* Анкета. М., 2000. С. 43–44, 139–140.

в гараже из мести (за свои мучения в советской тюрьме и за семью, вывезенную в Сибирь); и бывших членов Временного правительства 1941 г. (опубл. в сборнике “Шоа”). Помещены отрывки из дневника, начатого с первых дней войны, врача Е. Буйвидайте – Куторгене, Праведника Мира, спасавших евреев Каунаса. Ранее они были напечатаны на русском языке в “Черной книге” И. Эренбурга и В. Гроссмана.

Приводится запись из дневника архиепископа-митрополита Ю. Сквиряцкаса от 28 июня 1941 г. (здесь – опечатка “1940 г.”), более полная, чем ранее в сборнике “Массовые убийства в Литве” (Ч. I. С. 51–52), отмечены дата написания и место хранения рукописи: Национальный музей Литвы. Почему-то составитель не сослался и на ранние публикации в том же сборнике упомянутых показаний свидетелей.

Верный своему методу давать свидетельства людей разных взглядов, составитель поместил группу документов под заголовком “Что увидели (и фотографировали) военные Вермахта”. Ее предваряет фраза о том, что публикуются протоколы допросов очевидцев события полицией ФРГ в конце 1950-х годов, их фрагменты¹⁶, указано место их хранения – Архив военных преступлений Людвигсбурга (земля Баден-Вюртемберг); фамилии допрошенных известны (С. 65). Среди них показания шофера К. Рёдера и фотографа В. Гунсилюса, зафиксировавших убийства 40–50 евреев в гараже “Лиетукиса”, совершенные гражданскими (но вооруженными) лицами с повязками на рукавах. Один из убийц, “скорее всего, литовец”, забивал людей железным ломом. После того, как все были убиты, он залез на кучу трупов и заиграл на гармонии литовский гимн, а в толпе запели и зааплодировали. Среди наблюдавших были и немцы (С. 62–63).

В итоге в приведенных показаниях очевидцев разных сторон о резне в гараже “Лиетукиса” ясно видны общие факты. Резня происходила днем 27–28 июня при стечении толпы местных жителей, одобрявшей убийства евреев гражданскими лицами с белыми повязками на рукавах. Только в одном из показаний (С. 58) говорится, что это делали немцы. По остальным источникам, немцы наблюдали и фотографировали. По свидетельству полковника Л. фон Бишофсгаузена, высшее командование смотрело на эту резню, как на внутреннее дело литовцев, расправлявшихся с коллаборантами (С. 64–65). В отдельных источниках говорится о том, что среди убийц были и бывшие заключенные, мстившие евреям-следователям, сотрудникам НКВД, спецотделов (С. 59, 60). Число убитых (50–70 человек) – проходившие по улице евреи, которых хватали и гнали в гараж. Среди опознанных трупов: кроме Ю. Штротмаса, музыканты братья Гофмеклеры, Ш. Гольдштейн, раввин А. Браудо, учащиеся П. и М. Гольдберги, рабочий мыловаренной фабрики И. Грин и др. (см. с. 66, 69, 76, 78).

Следующие подразделы документов “Нет покоя жертвам” (о журналистских фальсификациях проблемы), «Убийцу из “Лиетукиса” разыскивал Интерпол», “Исследования, мемуары”, «Склоняем головы, говорим “Простите”», “Достоверны ли слова В. Шталекера?”, “По следам палачей литовских евреев” – показывают, что до сих пор трагедия в гараже “Лиетукиса” остается объектом борьбы политических сил, а документы о ней – предметом спекуляции. На примерах публикаций 1991–1999 гг. в газете “Lietuvos gytas”, в том числе статьи от редакции, видна попытка представить расследование

¹⁶ Из кн.: Klee E., Dressen W., Riess V. “Schöne Zeiten”: Judenmord aus der Sicht der Täter und Gaffen. Frankfurt am / M, 1988.

убийств в гараже как грязную “игру журналистов в покер”, а книгу бывшего узника Каунасского гетто А. Файтельсона¹⁷ как субъективный взгляд на геноцид евреев в Литве (С. 66–70). Тут же составитель поместил отзывы видных деятелей из Литвы и других стран с высокой оценкой книги. И рядом – материал об одном из убийц в гараже, П. Матюкасе, расстрелянном по решению суда в 1961 г. С. Вайнтраубас, знавший Матюкаса до войны и присутствовавший на суде, подтвердил его антисемитские угрозы уже в первый день войны, заставившие журналиста бежать из Каунаса (С. 70–71. См. также с. 80–81).

На примере сообщений газеты ЛАФ “J Laisvę” за июнь – начало июля 1941 г. составитель показал, что в них евреи в качестве исполнителей советских репрессий, в том числе массовых депортаций граждан из Литвы 14 июня 1941 г., не упомянуты, т.е. миф об этом создан позднее (С. 72–73). 23 июня 2001 г. Вайнтраубас записал интервью у прокурора Р. Буткявичюса. Из него явствует, что следствие об убийствах в гараже “Лиетукиса”, начатое еще в 1994 г. в прокуратуре г. Каунаса и остановленное за недостатком улик, возобновлено в 2000 г. в Генеральной прокуратуре Литвы. Опрошено почти 100 человек, собраны документы из дел советского периода, из архивов Литвы, Германии. Сохраняются разные версии. Одна из них – евреев (следователей и сотрудников НКВД) замучили бывшие заключенные. Но ей противоречат факты о том, что сотрудники советских спецслужб первыми бежали из Каунаса с началом войны, а также опознанные личности убитых.

И, наконец, составитель вновь дает фрагменты исследований и мемуаров, как и в предыдущих разделах, т.е. проявляется методическая закономерность формирования сборника. Историк В. Брандишаускас полемизирует с А. Лиекисом, утверждающим в своей книге “Временное правительство Литвы (22.06.–05.08. 1941)” (В., 2000. На лит. яз.), что основной убийца (см. фото на обложке сборника) – оберштурмбанфюрер И. Хаманн. Тут же составитель поясняет: “Хаманн не был блондином, уже не молод, функционер высокого ранга, прибывший в Каунас 28 июня” (С. 75). Е. Зильберис – бывший узник Каунасского гетто, позднее – архивист, историк, автор книг о Холокосте в Литве (С. 78–79) – опровергает заявление бывшего руководителя местного штаба ЛАФ (рядом с гаражом “Лиетукиса”) А. Бяндинскаса о том, что в гараже были убиты сотрудники советских органов безопасности. Но в них работали люди разных национальностей, почему же выбрали евреев? Приведены воспоминания очевидцев с именами убитых в гараже не только из литовской печати, но и из немецкой, американской, а также из книги польского историка Т. Шароты. Историю одной фальсификации рассказал Р. Пакальнишкис (США). В 1942 г. в Каунасе, на выставке “Красный террор” оказались фотографии, якобы, убитых литовцев. На некоторых из них осталась надпись «”Lietūkių” garažas». Когда это обнаружили, выставку закрыли, стерли эти надписи, потом открыли (С. 77–78).

В конце раздела сборника – выступления, прозвучавшие 27 июня 2001 г. на траурном собрании Государственной комиссии, отмечающей начало 60-летия геноцида евреев в Литве, Еврейской общины Литвы и Самоуправления г. Каунаса памяти жертв в гараже “Лиетукиса”. Затем состоялось обсуждение этих трагических событий. Тексты для публикации подготовлены С. Вайнтраубасом по сообщениям BNS и печати с отсылками на статьи других авторов. В заключение он поместил фрагменты ряда источников, опубликован-

¹⁷ Непокорившиеся: летопись еврейского сопротивления. Тель-Авив, 2001 (на рус. яз.).

ных в 1947–2001 гг. за рубежом и в Литве. В их числе интервью составителя с профессором Фрейбургского университета В. Ветте по одному из дискуссионных вопросов: насколько еврейские погромы были стихийными, а в какой мере инспирированы нацистами. В центре интервью – критическое отношение к рапорту от 15.10. 1941 г. в Берлин начальника оперативной группы А, бригаденфюрера СС В. Шталекера, имевшего связи с руководителями отрядов литовских партизан, в сравнении с другими источниками.

Печатают документы главного немецкого преступника в Литве, руководителя оперативной группы А/3, штандартенфюрера К. Ёгера: рапорт от 1 декабря 1941 г., где говорится, что удалось “решить еврейскую проблему в Литве”; фрагменты из его показаний и предсмертного письма 1959 г. с отрицанием своей вины. К этому составитель добавил запись беседы с профессором В. Ветте по поводу организованной им в 2001 г. экспедиции учащихся в Литву, по следам Ёгера, “одного из самых жестоких убийц XX в.” Профессора удивили слабые знания литовской молодежи о Холокосте. Узнав, что СМИ Литвы умалчивали об экспедиции, он написал Вайнтраубасу, что и “такой факт обогащает наш опыт” (С. 84).

Раздел сборника с торжественно-трагическим названием “Слово об исчезнувшей общине”, как и следующие разделы, носит остро публицистический характер. Вначале помещены речи президента Литвы В. Адамкуса и премьер-министра А. Кубилюса в Паняряй, где захоронены жертвы крупнейшей в Литве акции уничтожения евреев Вильнюсского гетто в 1941 г. нацистами вместе с литовскими коллаборантами. “Больно сознавать, что полвека назад с помощью страшного насилия была прервана традиция сосуществования литовского и еврейского народов [...] Наверное, самое главное, что можно сегодня сделать в память убитых и во имя человечности – иметь мужество видеть суровую историческую правду, не замалчивая и не приукрашивая ее”, – подчеркнул президент.

Его поддержал премьер-министр, заявив, что “антисемитизм и национал-социализм особенно опасны для молодых демократических государств, недавно освободившихся от тоталитарной системы”. Поэтому разработана программа просвещения о Холокосте в Литве (С. 86–87). Затем следуют выступления первых лиц Литовской Республики, иерархов католической церкви, руководителя Еврейской общины в Литве на мероприятиях 2001 г., связанных с 60-летием начала Холокоста в Литве. Из материалов Всемирного конгресса литваков (24–29 августа 2001 г., Вильнюс) даны выступления президента В. Адамкуса, председателя Сейма А. Паулаускаса и премьер-министра А. Бразаускаса.

20 сентября состоялось заседание Сейма памяти жертв Холокоста. Здесь приведены несколько речей (речь А. Эйдинтаса опубликована в начале сборника). А. Паулаускас заявил, что для Литвы “только путь общения, познания и сотрудничества является дорогой к успеху в XXI в.” (С. 89). С. Альперавичюс подчеркнул, что заседание такого высокого уровня означает, что государство считает трагедию его граждан-евреев страшной потерей для всей страны. К сожалению, не все еще это осознали, еще жива теория “двух геноцидов”, или “симметрии”. Он сказал о проблемах, решение которых приведет к лучшему будущему. Епископ И. Борута от имени Католической церкви в Литве просил прощения за ее ошибки в годы немецкой оккупации, процитировав отрывки из письма епископов 2000 г. (С. 91).

23 сентября 2001 г. состоялось поминание жертв в Паняряй, публикуется выступление В. Адамкуса. В тот же день в Вильнюсе был открыт Центр то-

лерантности. Выступили А. Бразаускас и кардинал А.Ю. Бачкис, зачитавший послание Папы Иоанна Павла II по случаю 60-летия начала Холокоста в Литве. Во всех речах осуждался Холокост, евреи рассматривались как составная часть народа, а их история и культурное наследие как часть истории и культуры Литвы.

Раздел “Позор Сейма” посвящен решению Сейма от 12 сентября 2000 г., признавшего Декларацию Временного литовского правительства от 23 сентября 1941 г. о “восстановлении независимости”. Это вызвало возмущение прогрессивной общественности в Литве и за рубежом. Президент наложил вето, и Сейм его аннулировал. Верный своему методу, С. Вайнтраубас и в этом разделе поместил источники разных сторон: фрагмент постановления правительства от 1 августа 1941 г. о положении евреев, лишавшего их всех гражданских прав, выводы экспертов-историков АН Литвы, Центра по изучению геноцида и резистенции жителей Литвы, считающих, что именно тогда началось уничтожение евреев под руководством подчиненных правительству коменданта г. Каунаса Ю. Бобялиса и бургомистра К. Пальчяускаса; заявления президента, премьер-министра, с осуждением этого акта Сейма, обращения социал-демократической коалиции, ряда общественных организаций, известных деятелей, выступления депутатов Сейма (“за” и “против”, с. 102–103), комментарии журналистов и отклики из-за рубежа. Выступавшие против решения Сейма доказывали, что правящее консервативное большинство во главе с В. Ландсбергисом неправильно оценило политику Временного правительства, которая не только оскорбляет евреев, но и переносит вину за их уничтожение на весь литовский народ, вредит международному престижу Литвы, может затормозить ее вступление в НАТО и Европейское сообщество.

Естественно возникает следующий раздел “Преступление. А наказание?” Составитель сначала приводит сообщения печати об обвиняемых в геноциде евреев в Литве и в их защиту, как “патриотов” Литвы, дает фрагменты положений международного права о военных преступниках. Затем цитируются мнения видных литовских историков (Л. Труска, Э. Гудавичюс) против мифа о “двойном”, или “симметричном” геноциде. По этой “теории” литовцы должны были отомстить евреям, сотрудничавшим с советскими, в том числе репрессивными органами в 1940–1941 гг. Публикуются отрывки из работ и выступлений в печати известных зарубежных историков и деятелей культуры (порой использованные в предыдущих разделах), в том числе лауреата Нобелевской премии Ч. Милоша (С. 112). Профессор Сужиеделис (США) писал, что первым этапом гитлеровского плана уничтожения евреев стала Литва. Газета “Vorwärts” еще в 1958 г. отмечала, что «ужасные фотографии военной поры в гараже “Лиетукис” подчеркивают коллективную вину, о которой недавно четко напомнил немцам президент ФРГ Клаус» (С. 115). “Frankfurter Allgemeine Zeitung” 25 июля 2001 г. писала о Литве, что “это молодое государство [...] удивляет антисемитскими выпадами”, основой которых служит миф о “двойном геноциде”. “Вряд ли, в какой-либо оккупированной вермахтом стране было так основательно уничтожено еврейское население, как здесь” (С. 115–116). Сообщения о недостаточном преследовании коллаборантов в Литве читаем в крупных американских, французских и других СМИ.

Последний раздел “Противостояние. Слухи. Сплетни. Домыслы” целиком построен по принципу “pro et contra”. Показана острота идеологической борьбы во время мероприятий, отмечавших начало 60-летия геноцида евреев

в Литве. Так, газета “Lietuvos aidas” (“Эхо Литвы”) за шесть недель поместила около 50 антисемитских статей. Их осудили президент и премьер-министр Литвы, целый ряд учреждений, общественных организаций; было возбуждено уголовное дело. Новый редактор принес свои извинения Еврейской общине Литвы и обещал, что подобного не повторится (С. 120. Также см. с. 125).

Далее идет подраздел “После слов – дела”, где помещены сообщения литовской печати об антисемитских актах (поджогах, осквернении домов, синагог, кладбищ, и т.д.) в Каунасе, Вильнюсе, Клайпеде и других местах. Затем даны фрагменты документов об участии литовской полиции и ее батальонов в убийстве евреев и сотрудничестве с немцами в период войны: два автора – против, три (А. Бубнис, профессор А. Эйдинтас, польский профессор Э. Шарота) – подтверждают это. По тому же принципу даны фрагменты группы источников под названием “Одни спасали, другие – ничего не делали...” Среди них сообщение BNS о презентации книги Эйдинтаса “Дело об убийстве евреев Литвы”, который основным вопросом в ней считает вопрос о пособничестве литовцев в Холокосте. И здесь не обошлось без антисемитского выступления бывшего парламентария Р. Гаяускайте, заявившей, что говорит от лица всего (!) литовского народа. Это вызвало протесты собравшихся. В частности, бывший в советское время политический узник А. Тярляцкас сказал: “Возмущает, что все еще находятся люди, оправдывающие убийства евреев” (С. 124). Тут же фрагмент письма евреев, благодарных литовцам за спасение¹⁸. Среди выступивших против извращений исторических фактов писателем И. Микалинкасом известный литовский поэт, профессор Т. Венцлова (ныне – в США) (С. 131).

С. Вайнтраубас умело выделяет самые острые вопросы полемики, происходящей не только в Литве, но и за ее пределами. Один из них – Списки литовцев-спасителей евреев в период войны, составленные А. Гуравичюсом (в Канаде) и опубликованные в Вильнюсе в 1999 г. Приведены мнения “за” и “против” (С. 125). Высказывания против достоверности списков основаны на целом ряде фактов: двойной бухгалтерии, принципе среднего статистического, включении в список членов Временного правительства Литвы (организованного гетто и лишившего евреев всех гражданских прав), фамилий коменданта Каунаса в начале оккупации Бобялиса и др.

По поводу роли последнего идут споры даже между бывшими узниками Каунасского гетто А. Файтельсоном, автором книги “Непокорившиеся. Летопись еврейского сопротивления” и С. Гинайте (живущей ныне в Канаде), к которой присоединился и живший последние годы в Канаде, наш известный историк Б.Г. Литвак¹⁹. К этим вопросам относятся и высказывания о книгах таких политических перевертышей, как Л. Кяулейкис и А. Лиекис; о судах над военными преступниками в разных странах, прежде всего в Германии. В Литве же в 1990–2001 гг. символически осужден лишь один военный преступник. Критикуется и еще одна версия об убийствах в гараже “Лиеукиса” – профессора Вильнюсского университета О. Воверене – как инсцениро-

¹⁸ Из кн.: Спасшие мир... Спасение евреев в Литве. 1941–1944 / сост. Д. Куодите, Р. Станкявичюс В., 2001 (на лит. яз.). В приложении (С. 133) написано, что на основе документов, собранных Вильнюским музеем Гаона, издан каталог “Спасение евреев в Литве в годы Второй мировой войны. 1941–1944” (сост. В. Сакайте. В., 2002. На лит. яз.), содержащий 2559 имен.

¹⁹ Этому посвящена и последняя статья С. Вайнтраубаса «“Праведник” или военный преступник?» в газете “Литовский Иерусалим” (В., 2002. № 1/2), в которой он полемизирует со статьей Б.Г. Литвака и С. Гинайте “Летопись или субъективные мемуары?” (Литовский курьер. В., 2002. № 5) (видимо, также последней в творчестве Б.Г. Литвака).

ванных НКВД (?!). Союз литовских заключенных и ссыльных на протяжении 2000 г. в своей газете “Tremtinys” (“Ссылный”) помещал список “Организаторов и исполнителей геноцида жителей Литвы в 1940–1941 гг.” Составитель в примечании отметил, что в списке пропущены многие сотрудники госбезопасности других национальностей, чтобы увеличить процент евреев, и отослал читателя к книге историков Л. Труски, А. Анушаускаса, И. Петровичюте “Советские органы безопасности в Литве в 1940–1953 гг.” (В., 1999. На лит. яз.).

Знакомство с изданием позволяет сделать вывод о том, что С. Вайнтраубас успешно справился со стоявшими перед ним задачами. Он умело, со знанием проблемы отобрал из опубликованных документов, а так же из научной литературы, периодики наиболее убедительные, достоверные факты по вопросу о начале Холокоста в Литве 1941 г., выстроив их по принципу “за” и “против”, дополнил новыми архивными, мемуарными источниками, в том числе записанными им самим. С помощью современных (синхронных) документов показал отношение к этому больному вопросу правительственных органов, общественных организаций, прогрессивной литовской и зарубежной общественности, а также позицию тех, кто еще “не созрел” до объективного понимания Холокоста как части истории Литвы. И, наконец, представил практические результаты политики в этой области.

Благодаря найденной им форме сборника, когда комментарии составителя лаконичны, а говорят документы, читатель не только получает всестороннюю информацию, но может на ее основе сам делать выводы. К сожалению, в сборнике нет русского резюме, хотя история Литвы и ее евреев тесно связана с историей России. Желательно перевести книгу на русский язык.

Эта книга актуальна сегодня, когда в Европе поднялась волна антисемитизма, что заставило обсуждать данный вопрос на конференции Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) 28–29 апреля 2004 г. в Берлине. В ней участвовали деятели из 55 государств. Была принята “Берлинская декларация”, осуждающая антисемитизм как угрозу демократии в любых его проявлениях, и намечены конкретные меры по борьбе с разжиганием межнациональной розни, по развитию образовательных программ о Холокосте.

С.С. Ермолаев

ИЗДАТЕЛЬСТВУ “ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩЕ” – ПЯТЬ ЛЕТ

Прошло более пяти лет с начала работы издательства “Древлехранилище”. Оно было основано сотрудниками Российского государственного архива древних актов и успешно продолжило начатую ими же в 1991 г. (под именем “Археографический центр”) работу над публикациями источников, монографий, справочников и сборников статей по отечественной истории периода феодализма. На издательской марке – стилизованный двуглавый орел, бывший когда-то средником переплетов книгописной мастерской Посольского приказа, а в XIX в. украсивший ярлыки документов государственного Древлехранилища. За все время не совсем обычной для архивистов деятельности появилось на свет около 200 книг. В этой связи необходимо вспомнить добрым словом директора РГАДА – Михаила Петровича Лукичева, который всячески способствовал успешному развитию архивного издательства. В фи-

нансовой поддержке работ исключительную роль сыграли научные фонды – РФФИ и РГНФ.

Программа работы была заложена еще в проекте первого периодического издания – журнала “Архив русской истории”. Предполагалось помещение в нем работ по русской истории до XVIII в. Это диктовалось и основной хронологией хранимых в РГАДА материалов, и тем, что документы позднейших эпох имели больше шансов для публикации в иных изданиях, и тем, что как раз в это время в архиве собралась группа молодых ученых, приступивших к активной разработке материалов, ранее отпугивавших исследователей своей обширностью. Наличие издательской базы, дававшей прежде невиданную независимость, воодушевляло специалистов, приступивших к фронтальным историко-археографическим работам.

Основными направлениями деятельности издательства стали прежде всего публикации актового материала. В первую очередь следует выделить фундаментальный трехтомник “Акты служилых землевладельцев XV – нач. XVII вв.” За 10 лет упорного труда А.В. Антонов, просмотрев тысячи документов Поместного приказа XVI–XVII вв., открыл и опубликовал в этих томах более 1500 неизвестных документов, подняв на поверхность “Атлантиду” ранее считавшихся не уцелевшими архивов русских феодалов. Параллельно велась публикация и крупных памятников социально-экономической истории: К.В. Барановым осуществлено издание пяти томов Новгородских писцовых книг XV–XVI вв.; В.Ю. Беликов, С.Н. Богатырев, С.С. Ермолаев, С.Н. Кистерев, Е.Е. Лыкова, Л.В. Тимошина подготовили публикации писцовых книг по Ярославлю, Звенигороду, хозяйственные книги Саввина-Сторожевского, Высоцкого Серпуховского, Чудова Московского монастырей.

Крупные памятники социально-политической истории публиковались в рамках основанной вместе с Историческим институтом Варшавского университета серии “Памятники истории Восточной Европы XV–XVII вв.” В семи томах серии увидели свет новооткрытые и малоизвестные источники, такие, как “Книга сеунчей” 1615 г., “Выписка из посольских книг” по сношениям России и Польши за XV–XVI вв., уникальные делопроизводственные столбцы за время Ливонской войны, собранные в архивах Москвы и Варшавы, “крестоприводная книга литовской шляхты” времен “Потопа”, книги посольские и из собрания Литовской метрики, и др. В серии успешно сотрудничают ученые Москвы, Петербурга, Варшавы, Острога (Украина) – в том числе Б.Н. Флоря, Н.Ф. Демидова, С.О. Шмидт, Т. Василевский, И. Граля, П. Кулаковский, М.М. Кром.

Уникальным периодическим изданием стал сборник “Русский Дипломатарий” (10 выпусков). Его состав, четкость историко-источниковедческой позиции его основателя и главного редактора А.В. Антонова создали сборнику заслуженный авторитет. “РД” не имеет аналогов среди нынешних родственных ему “хронологических” изданий (например, “Древняя Русь”, “Очерки феодальной России”, “Средневековая Русь” и пр.). В основном это сборники статей, в той или иной степени приближающиеся к форме журнала. Авторы же “Дипломатария” поставили перед собой грандиозную задачу – создать издание, в котором печатались бы преимущественно каталоги грамот, описания актов по фондообразователям – монастырям, архиерейским домам или дворянским родам от XIII в. до 1613 г., для того, чтобы осуществить высказанную еще Н.П. Лихачевым мечту о полном систематическом каталоге актов духовных и светских феодалов, включая подлинники и копии, упоминания в описях и т.д. Антонову удалось привлечь к работе как специалистов из архи-

ва (С.И. Сметанина, А.В. Маштафаров и др.), так и из других городов, где преимущественно наличествует материал в архивах – Н. Новгород, Рязань, Владимир. Публикуются в нем и редкие документы с солидным историко-археографическим аппаратом.

Ныне издательство стало выпускать еще одну серию – “Ставрографический сборник”, вышли уже три тома, в них обозначается появление новой вспомогательной исторической дисциплины – ставрографии, исследующей символику и образы креста в истории; издание осуществляется совместно с издательским отделом Московской патриархии.

Следует упомянуть и об издании справочников – это “Путеводитель” по фондам РГАДА в четырех томах (пяти книгах) – первый заверченный среди федеральных архивов; справочник “Архивы Москвы и Петербурга”; каталоги старопечатных книг, славяно-русских рукописей XV в., арабских рукописей; факсимильные издания уникальных памятников: Екатерининской копии “Слова о Полку Игореве” и “Описания Украины” Г. де Боплана; монографий крупных ученых – В.А. Кучкина, А.Л. Хорошкевич, творческого наследия С.М. Соловьева, С.Б. Веселовского, А.А. Зимина, С.А. Шумакова, М.П. Лукичева.

“Древлехранилище” постепенно выработало эlegantный, несколько архаизирующий стиль своих книг, восходящий к оформлению академической литературы конца 1930–1950-х годов. Особое внимание уделяется полиграфическому качеству книги.

Ниже приводится список изданий исторической тематики с 1991 по 2005 г.

1991

Греческо-русские связи середины XVI – начала XVIII вв.: Греческие документы московских хранилищ: каталог выставки / сост. Б.Л. Фонкич. М. 88 с.

Graeco-Russian Contacts from the middle of the XVI century up to the beginning of the XVIII century: the Greek documents in Moscow archives / compiled by B.L. Fonkich. Moscow. 88 с.

1992

Архив русской истории. Вып. 1 [науч. журнал]. М. 168 с.

Архив русской истории. Вып. 2 [науч. журнал]. М. 238 с.

Боровский уезд в XVII веке: материалы дозора 1613 года / сост. С.С. Ермолаев. М. 140 с.

Материалы для истории Звенигородского края. Вып. 1: Приправочный список с писцовых книг Звенигородского уезда 1558–1560 гг. / сост. С.Н. Кистерев, Л.А. Тимошина. М. 156 с.

Российский государственный архив древних актов: путеводитель: в 4 т. / сост. М.В. Бабич, Ю.М. Эскин. М. Т. 2. 520 с.

Русский феодальный архив XV – первой трети XVI века [публикация архива Мос-

ковских митрополитов]. М. Вып. 5 / сост. А.И. Плигузов. 138 с.

Саввин Сторожевский монастырь в документах XVI века: из собраний ЦГАДА / сост. С.Н. Кистерев, Л.А. Тимошина. М. 96 с.

Симсон П. История Серпухова в связи с Серпуховским княжеством и вообще с отечественной историей / реприн. изд. с книги 1880 г. М.

1993

[Буганов В.И.] Виктор Иванович Буганов: библиогр. указатель / предисл. М.П. Лукичев. М. 80 с.

Архив русской истории, М. Вып. 3 [науч. журнал]. 288 с.

Вкладная книга Серпуховского Высоцкого монастыря: материалы и исследования по истории Серпуховского края / сост. С.С. Ермолаев, Е.Е. Лыкова, В.В. Шилов М. 116 с.

Плигузов А.И. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М.; Ньютонвилль. 160 с.

1994

Архив русской истории. М. Вып. 4. [науч. журн.]. 268 с.

Архив русской истории. М. Вып. 5. [науч. журн.]. 272 с.

Бульчев А.А. Потомки "мужа чести" Ратши: генеалогия дворян Каменских, Курицыных и Волковых-Курицыных. М. 24 с. Схема.

Воскобойникова Н.П. Описание древнейших документов архивов московских приказов XVI – нач. XVII вв.: (РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет) / под ред. Н.Ф. Демидовой, Н. Шилдс Коллмен. М. [Ч. 1]. 424 с.

Мартынов В.И. История богослужебного пения: уч. пособие. М. 240 с.

Материалы для истории Звенигородского края. М. Вып. 2: Описи Саввина-Сторожевского монастыря XVII вв. / сост. С.Н. Кистерев, Л.А. Тимошина. 240 с.; ил.

Материалы для истории Звенигородского края. М. Вып. 3: Житие Саввы Сторожевского (по старопечатному изданию XVII века) / сост. Л.А. Тимошина. 64 с.

Савелов Л.М. Лекции по генеалогии / реприн. изд. с книги 1908 г. [уч. курс]. М. 270 с.

Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.): сб. науч. трудов / под ред. Е.М. Юхименко. М., 1994. 240 с.; ил.

Торговля и предпринимательство в феодальной России: к юбилею профессора русской истории Нины Борисовны Голиковой: сб. науч. ст. / под ред. Л.А. Тимошиной. М. 304 с.

Эскин Ю.М. Местничество в России XVI–XVII вв.: Хронол. реестр: [справочник]. М. 272 с.

1995

Архив русской истории. М. Вып. 6 [науч. журнал]. 288 с.

Гуляев Ю.П., Соглаев В.Т. Фельдмаршал Кутузов: ист.-биограф. очерк / под ред. проф. В.А. Дунаевского. М. 486 с.; ил.

Кром М.М. Меж Русью и Литвой: западно-русские земли в системе русско-литовских отношений конца XVI – первой трети XVII в. М. 304 с.

Маркетинг информации архивного фонда Российской Федерации: справ.-метод. пособие. М. 96 с.

Памятники истории Восточной Европы: источники XV–XVII вв. Т. I: Книга Сеунчей 1613–1619 гг.; Документы Разрядного приказа о походе А. Лисовского (осень–зима 1615 г.) / отв. ред. Б.Н. Флоря; сост. А.Л. Станиславский. М. 160 с.

Полное собрание русских летописей. М. Т. 41: Летописец Переяславля-Суздальского (Летописец русских царей) / сост. С.Н. Кистерев, Б.М. Клосс, Л.А. Тимошина, И.А. Тихонюк. 184 с.

Семеновкер Б.А. Библиографические памятники Византии. М. 224 с.

Фельдмаршал Кутузов: док., дневники, восп. / сост. А. М. Валькович, А.П. Капитонов. М. 518 с.; ил.

1996

Антонов А.В. Родословные росписи конца XVII в. [справочник по дворянским архивам XV–XVII вв.]. М. 416 с.

В раздумьях о России (XIX век): [сб. статей] / отв. ред. Е.Л. Рудницкая. М. 448 с.

Древнейшие государства Восточной Европы. 1994 г. Новое в нумизматике: [сб. статей]. М. 287 с. ил.

Краткий каталог арабских рукописей и документов Российского государственного архива древних актов / сост. Д.А. Морозов. М. 128 с. ил.

Лавров В.М. "Крестьянский парламент" России (Всероссийские съезды Советов крестьянских депутатов в 1917–1918 годах). М. 240 с.; ил.

Лавров В.М. Мария Спиридонова: террористка и жертва террора: повествование в документах. М. 288 с.; ил.

Монеты, медали, жетоны: сб. статей [Сборник исследований сотрудников отделов нумизматики Государственного Эрмитажа, Государственного Исторического музея, Музеев Московского Кремля] / под ред. А.С. Мельниковой, В.М. Потина. М. 308 с.; ил.

Московские кирилловские издания XVI–XVII вв. в собраниях РГАДА: каталог. Вып. 1: 1556–1625 / под ред. А.А. Гусевой; сост. Е.В. Лукьянова, Л.Н. Горбунова. М. 260 с.; ил.

Орешиников А.В. Русские монеты до 1547 года. (реприн. воспроизв. изд. 1896 г.). М. 232 с.; ил.

Ружицкая И.В. Барон М.А. Корф – историк: по материалам его архива. М. 58 с.

Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина: указатель. М. Т. 1, вып. 3 (1948–1979). 512 с.

Соловьев С.М. Первые научные труды. Письма / сост. А.Н. Шаханов. М. 224 с.

Тартаковский А.Г. Неразгаданный Барклай: легенды и быль 1812 года. М. 367 с.; ил.

Тоёкава Коити. Оренбург и Оренбургское казачество во время восстания Пугачева 1773–1774 гг. М. 246 с.

Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585/86 г. / сост. С.Н. Богатырев. М. 192 с.

Черкасова М.С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV–XVI вв. М. 336 с.

1997

Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века: сб. док. / сост. А.В. Антонов, К.В. Баранов. М. Т. 1. 432 с.

Архивы России: Москва и Санкт-Петербург: справочник-обозрение и библиогр. указатель / сост. Патриция К. Гримстед, Л.В. Репуло, И.В. Тункина. М. 1072 с.

Буков В.А. От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: у истоков тоталитаризма. М. 452 с.

Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов (25–26 октября 1917 г.): сб. док. и материалы [реконструкция стенограммы]. М. 208 с.

Декреты Советской власти Т. XIV: Апрель 1921 г. М. 416 с.

Европейское дворянство XVI–XVII вв.: границы сословия / отв. ред. В.А. Ведюшкин. М. 272 с.

Книга глаголемая “Прохладный вертоград” / сост. Т.А. Исаченко. М. 412 с.; ил.

Лаврентьев А.В. Люди и вещи. Памятники русской истории и культуры XVI–XVII вв., их создатели и владельцы. М. 256 с.; ил.

Малов В.Н., Шаркова И.С. Коллекция Ламуаньона (архив Жана Дютье, государственного секретаря Франции в 1547–1560 гг.): опись документов. М. Вып. 1. 224 с.

Медали, нагрудные знаки, жетоны России конца XIX – начала XX века / труды Российского государственного военно-исторического архива. М. Вып. 1. 200 с.; ил.

Музейное собрание рукописей [ОР РГБ]: описание. М. Т. 2. 496 с., ил.

Памятники истории Восточной Европы: источники XV–XVII вв. Т. II: “Выписка из посольских книг” о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1475–1572 гг. / отв. ред. С.О. Шмидт; сост. Б.Н. Морозов. М. 330 с.

Революционный радикализм в России: век девятнадцатый: док. публ. / под ред. Е.Л. Рудницкой. М. 575 с.

Российский государственный архив древних актов: путеводитель: в 4 т. / сост.: М.В. Бабич, Ю.М. Эскин, Л.А. Тимошина. М. Т. 3, ч. 1. 720 с.

Российский государственный архив древних актов: путеводитель: в 4 т. / сост.: М.В. Бабич, Ю.М. Эскин, Л.А. Тимошина. М. Т. 3, ч. 2. 721–1152 с.

Рукописи. Редкие издания. Архивы. Из фондов библиотеки Московского университета. М. 316 с.; ил.

Русский дипломатарий: [сб. публ. и арх. описаний] / под ред. А.В. Антонова. М. Вып. 1. 168 с.

Русский дипломатарий: [сб. публ. и арх. описаний] / под ред. А.В. Антонова. М. Вып. 2: Архивные материалы по истории Москвы. 228 с.

Смоленская “наказная” грамота Всероссийского митрополита Макария: по рукописи прот. Александра Горского из собрания МДА № 108: из истории Стоглава / подг. текста и исслед. Т.А. Исаченко. М. 111+284 с.

Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века. М. 358 с.

Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне России: Поморье в XVII веке. М. 286 с.

1998

Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века: сб. док. / сост. А.В. Антонов. М. Т. 2: Памятники исторической мысли. 608 с. (подготовка макета в издательстве “Древлехранилище”).

Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – первой четверти XVIII века. М. 440 с.

Памятники истории Восточной Европы: источники XV–XVII вв. М. Т. III: Документы Ливонской войны / сост. И. Граля, Н.Ф. Демидова, Б.Н. Флоря, Ю.М. Эскин. 288 с.

Писаренко К.А. Об эволюции форм правления европейских государств в новое и новейшее время (конец XVI–XX вв.). М. 80 с.

Русский дипломатарий: [сб. публ. и арх. описаний] / под ред. А.В. Антонова. М. Вып. 3. 224 с.

Русский дипломатарий: [сб. публ. и арх. описаний] / под ред. А.В. Антонова. М. Вып. 4: Памятники исторической мысли 224 с. (подготовка макета в издательстве “Древлехранилище”).

1999

Дружинин П.А. Полярная библиотека Б.А. Кремера: библиогр. описание. М. 184 с.; ил.

Зимин А.А. Правда Русская. М. 424 с.

Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в.: 20-е – начало 60-х годов. М. 384 с.

- Лавров А.С.* Регентство царевны Софьи Алексеевны: служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 гг. М. 304 с.
- Памятники истории Восточной Европы: источники XV–XVII вв. Т. IV: Крестоприводная книга шляхты Великого княжества Литовского 1655 г. / сост. Е.Е. Лыкова, М. Кулецкий. М. 264 с.
- Петерс Д.И.* Наградные медали России второй половины XVIII столетия: царствования императриц Елизаветы Петровны, Екатерины II и императора Павла I – 1760–1800 гг. М. 224 с.; ил.
- Писцовые книги Новгородской земли. М. Т. 1: Новгородские писцовые книги 1490-х гг. и отписные и оброчные книги пригородных пожен Новгородского дворца 1530-х гг. / сост. К.В. Баранов. 432 с.
- Писцовые книги Новгородской земли. Т. 2 / сост. К.В. Баранов. СПб.: “Дмитрий Буланин”. 364 с. (подготовка макета в издательстве “Древлехранилище”).
- Писцовые материалы Ярославского уезда XVI века: вотчинные земли / сост. В.Ю. Беликов, С.С. Ермолаев, Е.И. Колычева. СПб.: “Дмитрий Буланин” 256 с. (подготовка макета в издательстве “Древлехранилище”).
- Российский государственный архив древних актов: путеводитель: в 4 т. / сост. Ю.М. Эскин. М. Т. 4. 782 с.
- Русский дипломатарий: [сб. публ. и арх. описаний] / под ред. А.В. Антонова. М. Вып. 5: Памятники исторической мысли. 224 с. (подготовка макета в издательстве “Древлехранилище”).
- 2000**
- Дружинин П.А.* Русский геральдический суперэклибрис. М. 230 с.; ил.
- Иванов О.А., Лопатин В.С., Писаренко К.А.* Загадки русской истории: XVIII в. М. 408 с.
- Каталог славяно-русских рукописных книг XV века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов / сост. Л.А. Мошкова, И.Л. Жучкова; под ред. А.А. Турилова. М. 412 с.; ил.
- Лавров А.С.* Колдовство и религия в России: 1700–1740 гг. М. 574 с. Лингвистическое источниковедение и история русского языка: 2000 / отв. ред. А.М. Молдован, В.В. Калугин. М. 376 с.; ил.
- Пашкова Т.И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века: наместники и волостели. М. 216 с.
- Писцовые материалы Ярославского уезда XVI века: поместные земли / сост. В.Ю. Беликов, С.С. Ермолаев. СПб.: “Дмитрий Буланин”. 361 с. (подготовка макета в издательстве “Древлехранилище”).
- Святославский А.В., Трошин А.А.* Крест в русской культуре: опыт русской монументальной ставрографии. М. 172 с.; ил.
- Российский государственный архив древних актов: путеводитель: в 4 т. / сост. М.В. Бабич, Ю.М. Эскин, Л.А. Тимошина. 2-е изд. Т. 1. 528 с.
- Русский дипломатарий: [сб. публ. и арх. описаний]. М. Вып. 6: Памятники исторической мысли. 302 с. (подготовка макета в издательстве “Древлехранилище”).
- 2001**
- Коллманн Нэнси Шилдс.* Соединенные чество: государство и общество в России раннего нового времени. М. 464 с.
- Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками / сост. Л.Г. Дубинская, А.М. Дубровский. М. 528 с.; ил.
- Писцовые книги Новгородской земли. М. Т. 3: Писцовые книги Бежецкой пятины XVI века / сост. К.В. Баранов. 304 с.
- Русский дипломатарий: [сб. публ. и арх. описаний]. М. Вып. 7. 544 с.
- Селезнева И.А.* Золотая и Серебряная палаты. Кремлевские дворцовые мастерские XVII века: организация и формы производства, творческие процессы, обучение мастеров. М. 256 с.; ил.
- Ставрографический сборник. М. Кн. 1. 384 с.; ил.
- 2002**
- Архив русской истории: сб. статей. М. Вып. 7. 376 с.
- Бессонов В.А.* Московские задворки. М. 520 с.
- Воскобойникова Н.П.* Родословная Воскобойниковых. М. 120 с.
- Города России XVI в.: материалы писцовых описаний / сост. Е.Б. Французова. М. 472 с.; ил.
- Долгова С.Р.* Княгиня Е.Р. Дашкова и семья Малиновских. М. 252 с.; ил.
- Зарайск: [сб. статей]. М. Т. 1: Исторические реалии и легенды. 290 с.; ил.
- Зарайск. Т. 2 [сб. статей]. М. 378 с.; ил.
- Лингвистическое источниковедение и история русского языка: 2001 / отв. ред. А.М. Молдован, В.С. Гольшенко. М. 277 с.; ил.

Памятники истории Восточной Европы: источники XV–XVII вв. М / Т. VI: Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки / сост. М.М. Кром. 268 с.; ил.

Петерс Д.И. Наградные медали Российской империи: царствование императора Александра III (1881–1894). М. 94 с.; ил.

Русский дипломатий: [сб. публ. и арх. описаний]. М. Вып. 8. 654 с.

Смирнова Л.Н., Кульберг А.Я. Процессы в биосфере и человек. М. 96 с.

Шумаков С. Обзор “Грамот Коллегии Экономии”. Вып. 5: Материалы по Владимиру, Гороховцу, Мурому, Суздалью, Юрьев-Польскому и Вологде / подг. к печ. Л.И. Шохин. М. 300 с.

2003

Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века: сб. док. / сост. А.В. Антонов. М. Т. 3. 678 с.

Кирсберг И.В. Феноменология жизни: Ветхий Завет и первые христиане. М. 224 с.

Кистерев С.Н. Нормативные документы таможенных учреждений городов Устюжской четверти конца XVI – начала XVII в. М. 218 с.

Культура памяти: сб. науч. ст. М. 276 с.

Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV в. М. 368 с.

Лингвистическое источниковедение и история русского языка: 2002–2003 / отв. ред. А.М. Молдован, А.Г. Кравецкий. М. 534 с.; ил.

Письма и бумаги Петра Великого. М. Т. 13, вып. 2: 14 июля – декабрь 1713 г. / отв. ред. А.А. Преображенский. 680 с.

Предвестие эры нефти. Проблемы истории нефтяной промышленности России и США во второй половине XIX – начале XX вв. М. 288 с.; ил.

Русский дипломатий: [сб. публ. и арх. описаний]. М. Вып. 9. 500 с.

Слово о полку Игореве. Екатерининская копия и перевод XVIII века (факсим. воспр.) 1-е изд. (реприн. воспроизв.), пер., коммент., прил. / сост., пер. коммент. В.А. Кожевникова. М. 215 с.

Старографический сборник. М. Кн. 2. 372 с.; ил.

Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время XI–XVIII вв.: проблемы культуры и культурного наследия (докл. 3-й науч. конф. Муром, 17–20 мая 2000 г.). М. 352 с.

Фетищев С.А. Московская Русь после Дмитрия Донского 1389–1395 гг. М. 224 с.

Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М. 622 с.; ил.

2004

Антропова И.Е. Сборник документов по истории евреев Урала: из фондов учреждений досоветского периода Государственного архива Свердловской области. М. 460 с.; ил.

Блестящий век Екатерины Великой: буклет выставки. М. 16 с.; ил.

Гийом Левассер де Боплан. Описание Украины / сост. А.Л. Хорошкевич. М. 576 с.; ил.

Денежные реформы в России: история и современность: сб. ст. М. 280 с.; ил.

Зеленцов И.И. Уроки по русской литературе XII–XX вв., творчество Шекспира и Гёте: фрагменты лекций, прочитанных в 1943–1949 гг. в старших классах. М. 216 с.

Кистерев С.Н. Русское денежное обращение в трудах Янина. М. 110 с.

Лукичев М.П. Боярские книги XVII в.: труды по истории и источниковедению. М. 538 с.; ил.

Максимович К.А. Закон судный людям. М. 240 с.

Мозгова К.К. Моя жизнь. Встречи со знаменитыми учеными / сост. Г.Ю. Сычева. М. 112 с.; ил.

На нефтяных перекрестках: сб. ист. очерков. М. 388 с.; ил.

Немцы-колонисты и век Екатерины: сб. док. Российского государственного архива древних актов по истории организации немецких колоний в Поволжье / сост. Е.Е. Лыкова, М.И. Осекина. М. 356 с.; ил.

Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в России в XVII веке: правовой статус и реальное положение. М. 344 с.

Памятники истории Восточной Европы: источники XV–XVII вв. М. Т. VII: Посольская книга по связям России с Польшей: 1575–1576 гг. / сост. Л.В. Соболев. 268 с.; ил.

Писцовые книги Новгородской земли. М. Т. 4 / сост. К.В. Баранов. 866 с.

Писцовые книги Новгородской земли. М. Т. 5 / сост. К.В. Баранов. 512 с.

Русский дипломатий: [сб. публ. и арх. описаний]. М. Вып. 10. 500 с.

Святославский А.В. Традиция памяти в православии. М. 220 с.

Социальные движения в городах Нижнего Поволжья в начале XVIII в.: сб. док. / подг. Н.Б. Голикова. М. 444 с.

Степанова Л.Г. Новгородское крестьянство на рубеже XV–XVI столетий: уровень развития хозяйства. М. 325 с.

Черкасова М.С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI–XVII веков (по архиву Троице-Сергиевой Лавры). М. 396 с.

2005

Курлаев Е.А., Манькова И.Л. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири: у истоков российской промышленной политики. М. 324 с.

Московский Кремль: хроника исторических событий (1147–1480) / сост. В.Н. Захаров. М. 324 с.

От Рейна до Камчатки: каталог выставки: к 300-летию со дня рождения академика Г.Ф. Миллера / сост. и науч. ред. Е.Е. Рычаловский. М. 195 с.; ил.

Петерс Д.И. Наградные медали России царствования Николая II (1894–1917) и периода Временного правительства. М. 180 с.; ил.

Соснер И.Ю. Белев в его прошлом и настоящем, достопамятности и достопримечательности картины жизни и нравы его обитателей. М. 240 с.; ил.

Ставрографический сборник. М. Кн. 3. 700 с.; ил.

Фельдман Д.З. Страницы истории евреев в России XVIII–XIX веков: опыт арх. исслед. М. 422 с.; ил.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ В.Д. ДИМИТРИЕВА*

1956

- К вопросу о заселении юго-восточной и южной частей Чувашии // Уч. зап. ЧНИИ. Чебоксары. Вып. 14. С. 173–218.
О ясачном обложении в Среднем Поволжье // ВИ. № 12. С. 107–115.

1958

- К вопросу о ясаке в Среднем Поволжье // Уч. зап. ЧНИИ. Чебоксары. Вып. 16. С. 278–293.
О личном архиве И.Я. Яковлева // Сов. педагогика. № 9. С. 93–100.
О происхождении чувашского народа // Материалы по истории Чувашской АССР. Чебоксары. Вып. 1. С. 30–61.
Чувашия в первой половине XVIII века // Там же. С. 222–302.

1959

- История Чувашии XVIII века (до Крестьянской войны 1773–1775 гг.). Чебоксары. 532 с.

1960

- Два описания чувашей и чувашские словари второй четверти XVIII века // Уч. зап. ЧНИИ. Чебоксары. Вып. 19. С. 217–302.
Новые материалы о Н.Я. Бичурине, выявленные в архивах Чебоксар и Казани // Там же. С. 320–342.

1962

- Параллели в верованиях древних сувар и чувашей // Уч. зап. ЧНИИ. Чебоксары. Вып. 21. С. 226–236. Совм. с А.Б. Булатовым.
Документы по истории города Чебоксары XVII–XVIII вв. // Там же. С. 282–318.

1963

- Документы по истории народов Среднего Поволжья XVI – первой половины XVII вв. // Уч. зап. ЧНИИ. Чебоксары. Вып. 22. С. 106–136.
К вопросу о сложных общинах в Чувашии // Там же. Вып. 23. С. 196–228.

1965

- Из истории городов Чувашии второй половины XVI – начала XVII в. // Там же. Вып. 29. С. 135–183.
О значении этнонима “черемисы” в русских и западноевропейских источниках XVI – начала XVIII вв. // Там же. Вып. 27. С. 118–132.

1966

- История Чувашской АССР. Чебоксары. Т. 1. Гл. I – IX. С. 5–151.
Чувашия в конце XVIII – начале XIX в. (по материалам Генерального межевания) // Уч. зап. ЧНИИ Чебоксары. Вып. 31. С. 64–137.
Земельный документ времен казанского хана Сафа-Гирея // Там же. С. 266–277.

1967

- Разбор князя Ф.Ф. Бельского в Чебоксарах в 1679–1680 гг. // Там же. Вып. 36. С. 45–101.

1968

- Общение чувашей с русскими и влияние русской культуры на чувашскую в конце XIX – начале XX в. // Там же. Вып. 40. С. 103–128.

1969

- К вопросу о древнем чувашском календаре // Там же. Вып. 47. С. 165–185.

1971

- Археографические работы в Чувашии // АЕ за 1970 год. М. С. 384–387.

1972

- Документ о земельных отношениях ясных чувашей // История и культура Чувашской АССР. Чебоксары. Вып. 1. С. 428–436.
Предисл., коммент., списки: Михайлов С.М.
Труды по истории и этнографии русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары. 407 с.

* Составитель Ю.П. Смирнов

11 января 2004 г. исполнилось 80 лет Василию Дмитриевичу Дмитриеву, члену Археографической комиссии РАН, академику Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики, доктору исторических наук, профессору, многолетнему сотруднику Чувашского государственного университета и Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики. Статью Ю.П. Смирнова, посвященную В.Д. Дмитриеву, см. наст. изд. С. 132–138.

- 1974**
- Царские указы казанским воеводам XVII в. // История и культура Чувашской АССР. Чебоксары. Вып. 3. С. 284–419.
- 1975**
- Об одной чувашской исторической песне конца XVII в. // История и культура Чувашской АССР. Чебоксары. Вып. 4. С. 283–294.
- 1976**
- Навеки с русским народом. Чебоксары. 80 с.
- 1977**
- Заповедные товары и запрет кузнечного и серебряного дела в национальных районах Среднего Поволжья в XVII в. // Вопросы истории Чувашии. Чебоксары. С. 55–65.
- 1978**
- Распространение христианства и чувашские народные массы в период феодализма (середина XVI в. – 1861 г.) // Проблема религиозного синкретизма и развития атеизма в Чувашской АССР. Чебоксары. С. 81–119.
- 1979**
- Крестьянская война начала XVII в. на территории Чувашии // Вопросы истории Чувашии периода феодализма и капитализма. Чебоксары. С. 35–93.
- Документ о землевладении чувашских тарханов в первой половине XVII в. // Там же. С. 94–100.
- 1980**
- Участие населения Чувашии в борьбе против польской и шведской интервенции в начале XVII в. // Вопросы древней и средневековой истории Чувашии. Чебоксары. С. 70–108.
- Восстание ясачных людей Среднего Поволжья и Приуралья 1615–1616 гг. // Там же. С. 109–118.
- 1981**
- Политика царского правительства в отношении нерусских крестьян казанской земли во второй половине XVI – начале XVII в. // Вопросы аграрной истории Чувашии. Чебоксары. С. 3–19.
- 1982**
- Чувашский календарь и метрология. Чебоксары. 36 с.
- О социально-экономическом строе и управлении в Казанской земле // Россия на путях централизации. М. С. 98–107.
- 1983**
- История Чувашской АССР. 2-е изд. Чебоксары. Т. 1. Гл. I – IX. С. 5–172.
- 1984**
- О последних этапах этногенеза чувашей // Болгары и чувашаи. Чебоксары. С. 84–100.
- 1986**
- Чувашия в эпоху феодализма. Чебоксары. 456 с.
- 1989**
- Сведения о чувашских землях, селениях и крестьянах в Свяжской писцовой книге 1565–1567 гг. // Исследования по истории дореволюционной Чувашии: сб. ст. Чебоксары. С. 3–16.
- 1991**
- Охадер Томеев – чувашский общественный политический деятель второй четверти XVIII века // Исследования по истории Чувашии. Чебоксары. С. 18–30.
- 1992**
- О трудах швейцарского историка А. Каппелера по истории народов Среднего Поволжья с древних времен до середины XIX в. // Из истории дореволюционной Чувашии: сб. ст. Чебоксары. С. 3–34.
- Публ.: Наказ царя Михаила Федоровича цареводокшайскому воеводе В.Я. Воронову 1628 г. // Марийск. археогр. вестн. Йошкар-Ола. № 2. С. 62–71.
- 1993**
- Н.В. Никольский – чувашский ученый, просветитель, общественный деятель. Чебоксары. 72 с.
- Чувашские исторические предания: очерки истории чувашского народа с древних времен до середины XIX в. Чебоксары. 448 с.
- 1994**
- С.Ф. Сайкин – воин, ученый, педагог, общественный деятель. Чебоксары. 56 с.

История и национальные проблемы чувашского народа // Вестн. Чувашск. нац. академии. № 2. С. 115–121.

1995

К 1100-летию чувашской государственно-сти // Лик Чувашии. № 2. С. 115–121.

Устная история – новая ветвь источниковедения и исторической науки // Вестн. Чувашск. ун-та. № 1. С. 86–92.

1996

Об основании Н.И. Ашмариним теории болгаро-чувашской языковой и этнической преемственности // Изв. Нац. академии наук и искусств Чувашской Республики. № 1. С. 183–200.

Опустошение Болгарской земли в конце XIV – начале XV в. // Там же. № 2. С. 45–76.

1997

К вопросу о лесовой повинности и лесовых (бревенных) деньгах в Казанском крае во второй половине XVII в. // Вестн. Чувашск. ун-та. № 2. С. 11–21.

Чувашский этап истории г. Чебоксары // Изв. Нац. академии наук и искусств Чувашской Республики. № 1. С. 3–13.

1998

В.И. Ильдеменов – ученый, экономист, педагог, общественный деятель. Чебоксары. 46 с. Совм. с В.А. Пчелкиным.

1999

Антимосковское движение в Казанской земле в 1552–1557 гг. и отношение к нему ее Горной стороны // Народная школа. № 6. С. 111–123.

Историография и источниковая база истории чувашского народа в составе Казанского ханства // Изв. Нац. академии наук и искусств Чувашской Республики. № 2. С. 3–12.

2000

В годы Великой Отечественной войны и службы в армии: Воспоминания. Чебоксары. 154 с.

Чуваши: этническая история и традиционная культура. М. 96 с. Совм. с В.П. Ивановым и В.В. Николаевым.

Отчет Курмышской приказной избы о приходе и расходе денег в середине XVII в. // Вестн. Чувашск. ун-та. № 1/2. С. 3–9.

Городничие в Курмыше и Ядрине во второй половине XVII в. // Там же. С. 9–16. Совм. с А.А. Чибисом.

2001

Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству. Чебоксары. 120 с.

О предпосылках и процессе мирного присоединения Чувашии к российскому государству // Вестн. Чувашск. ун-та. № 1/2. С. 3–26.

Историческая судьба и современные национальные проблемы чувашского народа. Чебоксары. 160 с. (на чувашск. яз.).

2002

Востоковед Н.Я. Бичурин и Чувашия. Чебоксары. 60 с.

Н.В. Никольский – ученый, педагог, общественный деятель. Чебоксары. 104 с.

Просветитель чувашского народа И.Я. Яковлев: сб. ст. Чебоксары. 140 с.

Политика Московского правительства в Чувашском крае в XVII в. (по наказам воеводам) // Изв. Нац. академии наук и искусств Чувашской Республики. № 4. С. 20–43.

Порецкая вотчина Алатырского уезда в XVII – начале XVIII в. // Вестн. Чувашск. ун-та. № 1. С. 20–43.

Рец. на кн.: Бахтин А.Г. Русское государство и Казанское ханство: Межгосударственные отношения в XV–XVI вв. ... док. дис. М., 2002 // Марийский археограф. вестн. Йошкар-Ола. № 12. С. 186–200.

2003

История Чувашии XVIII века (до Крестьянской войны 1773–1775 гг.). 2-е изд. Чебоксары. 532 с.

Л.П. Кураков – ученый, организатор высшего образования и науки, государственный деятель. Чебоксары. 156 с.

М.П. Петров (Тинехпи) – деятель просвещения и культуры, этнограф и историк. Чебоксары. 56 с.

О чувашском ученом и писателе середины XIX в. С.М. Михайлове и его сочинениях о чувашах, марийцах и русских Волжско-Сурского края. Чебоксары. 218 с.

Чебоксары: Очерки по истории города конца XIII–XVII вв. Чебоксары. 178 с.

Основные вехи истории чувашского народа и края X–XVII вв. // Волжские земли

в истории и культуре России. М. С. 22–32.

Порецкая вотчина Алатырского уезда в XVII–начале XVIII вв. // Вестн. Чувашск. ун-та. № 1. С. 3–39.

2004

Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа: сб. ст. Чебоксары. 312 с.

Публ.: Документы Ядринской приказной избы о трудовых и податных повинностях и службах населения Чувашии в конце XVII – начале XVIII вв. // Марийский археограф. вестн. Йошкар-Ола. № 14. С. 111–150. Совм. с И.Д. Кузнецовым, А.А. Чибисом.

Сост., предисл., коммент., прил.: Михайлов С.М. Собр. соч. Чебоксары. 512 с.

III. ПУБЛИКАЦИИ

РУССКО-ЛИВОНСКИЙ ДОГОВОР 1535 г.

Русско-ливонский договор 1535 г. является ценным источником по истории международных отношений и внешней политики России и Ливонии в XVI в. Сохранившийся в подлиннике, этот документ представляет большой интерес также с точки зрения дипломатики, палеографии и сфрагистики. Договор 1535 г. был первым русско-ливонским письменным соглашением, заключенным при Иване IV. Государю всея Руси тогда не исполнилось еще и пяти лет, и всеми делами заправляла его мать-регентша – Елена Глинская. Договор 1535 г. послужил продолжением серии русско-ливонских мирных трактатов, заключенных при Иване III (1503 г.) и Василии III (1509, 1514, 1521, 1531 гг.).

Договор 1535 г. обеспечил мирное развитие русско-ливонских отношений в течение последующих 17 лет. Срок его действия истек в октябре 1551 г. Уже в августе 1550 г. правительство Ивана Грозного заключило новый договор с Ливонией. Кроме договора 1550 г., до нас дошел договор 1554 г. – последний мирный трактат, регулировавший русско-ливонские отношения в XVI в. В 1558 г. началась Ливонская война, приведшая к ликвидации Ливонского ордена 5 марта 1562 г.

В XIX–XX вв. договор 1535 г. неоднократно упоминался в научной литературе, но не был опубликован и не стал объектом специального исследования.

Подлинник договора 1535 г. написан на двух листах пергамента, скрепленных вислыми печатями. Первоначально печатей было семь, однако из них сохранились только три. На первом листе грамоты помещен русский текст договора, написанный четкой и красивой скорописью первой половины XVI в. На втором листе находится немецкий текст, написанный готическим курсивом того же времени. Договор был заключен в Великом Новгороде, о чем прямо говорится в конечном протоколе обоих текстов.

В русском экземпляре договор датирован 7043 (1534/35) г. по эре от Сотворения Мира: “в лета седмъ тысящъ четьредесят третьяго” (см. ниже: Русский текст, строка 59). В немецком экземпляре наряду с этой датой указан 1535 г. по эре от Рождества Христова: “vnd nach Christj geburth viffteinhunderth vnd viff vnd derttich” (см. ниже: Немецкий текст, строка 82).

Месяц и число, когда договор был составлен, ни в русском, ни в немецком тексте не названы. Вместе с тем в обоих текстах договора определяется срок его действия: с Покрова Богородицы (1 октября) 7043 г. до Покрова Богородицы (1 октября) 7060 г. (см. ниже: Русский текст, строки 4–5; Немецкий текст, строки 6–7), т.е. с 1 октября 1534 г. до 1 октября 1551 г. По начальной дате действия договора (1 октября 7043 г.) можно было бы подумать, что он составлен 1 октября 1534 г. или около этого времени. Однако такой датиров-

ке противоречит прямое указание 1535 г. по эре от Рождества Христова в немецком тексте.

Как же датировали публикуемый договор архивисты и историки? О пребывании документа в Царском архиве XVI в. прямых сведений нет, однако очень вероятно, что он находился в 154-м ящике Архива в числе других 12 русско-ливонских грамот, взятых в сентябре 1564 г. к царю Ивану IV в Походную палату¹. В XVII в. договор хранился в Архиве Посольского приказа, в описях которого он упоминается с датой “7043”². О судьбе документа в первой половине XVIII в. мы ничего не знаем. Во второй половине XVIII в. договор находился в Московском архиве Государственной коллегии иностранных дел.

В 1766–1783 гг. архивом коллегии заведовал Г.Ф. Миллер. При нем был составлен сборник копий русско-ливонских договоров 1509–1554 гг.³ Русский текст договора 1535 г. помещен здесь на л. 48–56. Первые восемь листов этой копии (л. 48–55 об.) образуют правильную тетрадь, водяной знак которой состоит из двух частей: 1) Pro Patria с соответствующим девизом, 2) латинские литеры IV. Аналогичные филигранные знаки известны под 1720 и 1780 гг.⁴ На последнем, девятом листе копии (л. 56), водяной знак – Ярославский герб 3-го типа. Парой к этому листу служит расположенный после л. 64 об. нумерованный чистый лист, который мы обозначим как л. 64а. Его водяной знак – литеры ЯМАЗ, означающие “Ярославская мануфактура Алексея Затрапезного”. Подобные двучастные филигранные знаки (Ярославский герб 3-го типа + литеры ЯМАЗ) датируются 1756 и 1765 гг.⁵ На л. 57–64 об., где скопирован немецкий текст договора 1535 г., водяной знак также состоит из двух частей: 1) Pro Patria без девиза и с литерами АГ вместо льва, 2) волюта (архитектурный завиток). Схожие филигранные знаки с вензелем АГ (а не волютой) С.А. Клепиков отмечает под 1762–1763⁶ и 1766 гг.⁷ (литеры АГ и АГ являются инициалами владельца бумажной фабрики – Афанасия Гончарова).

Таким образом, на основании идентификации водяных знаков листов, содержащих русскую и немецкую копии договора 1535 г., мы можем предположить, что весь сборник возник в середине – второй половине 60-х годов XVIII в., скорее всего, в 1766–1767 гг., на начальном этапе работы Г.Ф. Миллера в Московском архиве коллегии иностранных дел.

Перу самого Г.Ф. Миллера в сборнике принадлежат, может быть, некоторые немецкие копии договоров 1550 и 1554 гг. Их почерк (см., например, л. 86–91 и 114–119) напоминает почерк ответов Миллера на письмо И.-Х. Гаттерера от 14 июля 1766 г.⁸ Этот почерк резко отличается своей небрежностью.

¹ Описи Царского архива XVI века и Архива Посольского приказа 1614 года / под ред. С.О. Шмидта. М., 1960. С. 32. Примеч.***. Ср.: Государственный архив России XVI столетия: опыт реконструкции / подгот. текста и коммент. А.А. Зимина; под ред. и с предисл. Л.В. Черепнина. М., 1978. [Ч.] I. С. 71.

² Описи Царского архива... С. 80 (датой договора по ошибке назван “7093” г. вместо “7043”); Опись архива Посольского приказа 1626 года / подгот. к печати В.И. Гальцов; под ред. С.О. Шмидта. М., 1977. Ч. 1. С. 162; Опись архива Посольского приказа 1673 года / подгот. к печати В.И. Гальцов; под ред. С.О. Шмидта. М., 1990. Ч. 1. С. 234–235.

³ РГАДА. Ф.199 (Портфели Г.Ф. Миллера). Оп. 1, № 299. Ч. V.

⁴ Клепиков С.А. Филигранные и штемпельные знаки на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX века. М., 1959, № 1187.

⁵ Там же. № 749. Ср.: Клепиков С.А. Филигранные и штемпельные знаки на бумаге русского производства XVIII – начала XX века. М., 1978. № 1054 (1765 г.).

⁶ Клепиков С.А. Филигранные и штемпельные знаки... С.22, 38, 162, № 20.

⁷ Клепиков С.А. Филигранные и штемпельные знаки на бумаге русского производства... № 20. Ср.: Там же. № 19 (1761 г.).

⁸ См.: РГАДА. Ф. 199. Оп. 389. Ч. 2, № 5. Л. 13–14 об. Подробнее об этом см.: Кашинов С.М. Русская дипломатика. М., 1988. С. 50.

тью и размашистостью от аккуратного почерка немецких копий договоров 1509–1535 гг. Русский и немецкий тексты договора 1535 г. написаны в сборнике разными почерками XVIII в. Почерк русского текста идентичен почерку копий ряда других договоров, написанных в сборнике на русском языке. Почерк немецкой копии также находит аналогии в сборнике. Им написаны немецкие тексты договоров 1509 г. (л. 1–8 об.), 1514 г. (л. 9–14 об.), 1521 г., датированного здесь 1522 г. (л. 15–22), двух договоров 1531 г., датированных в сборнике 1532 г. (л. 23–30 и 38–47), две копии договора 1554 г. (л. 120–127 об., 132–135). Это каллиграфический ровный почерк с выдержанным наклоном букв справа налево.

В конце копии договора 1509 г. есть прямое указание имени переписчика: “Списывальъ и с подлиннымъ читальъ переводчикъ Петръ Миллеръ”⁹. Поскольку немецкая копия договора 1535 г. написана тем же почерком, что и копия договора 1509 г., мы можем считать ее также принадлежащей перу Петра Миллера. Последний приходился Г.Ф. Миллеру племянником¹⁰.

Немецкий текст договора 1535 г. предваряется в сборнике коротким заголовком наверху л. 57: “Соріа къ № 5-му | 1535”. | Русскому тексту того же договора предшествует в копиях сборнике более пространный заголовок на л. 48: “1535 | грамота перемирная, что учинено перемирье с Ливлянской землею въ Новѣгородѣ 7043-2(о) году”. | В обеих копиях грамота датируется 1535-м годом. Под этой же датой публикуемый договор фигурирует в общем заголовке к сборнику на л. I: “Копіи съ трактатовъ и перемирныхъ лифляндскихъ | грамотъ | 1509, 1514, 1522, 1532, 1535, 1550, 1554 годовъ | на нѣм. языкѣ съ российскимъ переводомъ”.

Обратим внимание на то, что в заголовке немецкой копии грамота 1535 г. указана под номером “5”. Именно этот номер, написанный черными чернилами почерком XVIII в., поставлен в подлиннике на нижнем поле л. 1 и 2¹¹. Следовательно, при Миллере грамота была датирована 1535 г. и снабжена номером “5”.

В 1783–1814 гг. Московским архивом Государственной коллегии иностранных дел заведовал Н.Н. Бантыш-Каменский. Он составил обзор документов архива в четырех частях. Сведения о русско-ливонских договорах XVI в. содержатся в третьей части, которая в рукописи носит название: “Сокращенное известие о взаимных между российскими монархами и европейскими державами посольствах, переписках и договорах, хранящихся Государственной коллегии иностранных дел в Московском архиве с 1481–1798 год. Часть III. Собранное и по алфавиту государств расположенное действительным статским советником Николаем Бантышем-Каменским. 1804 г.”¹²

Третья часть труда Н.Н. Бантыша-Каменского была опубликована в 1896¹³ и 1897 гг.¹⁴ по двум экземплярам авторской рукописи – беловому и черновому, причем за основу был взят беловой экземпляр. По замечанию С.А. Белокурова, являвшегося издателем работы Н.Н. Бантыша-Каменского, беловик третьей части не содержит авторской правки. Черновик испол-

⁹ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1, № 299. Ч. V. Л. 8 об. Ср.: Собрание государственных грамот и договоров. М., 1894. Ч. V, № 57. С.47 (далее: СГГД), где “Списывальъ актуариусъ Петръ Миллеръ”.

¹⁰ За справку приносим благодарность С.С. Илизарову.

¹¹ РГАДА. Ф. 64 (Сношения России с Лифляндией и Эстляндией). Оп. 2. № 7. Л. 1–2.

¹² Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М., 1897. Ч. III (Курляндия, Лифляндия, Эстляндия, Финляндия, Польша и Португалия). С.б/н после С. IV.

¹³ [Бантыш-Каменский Н.Н.]. Курляндские, лифляндские, эстляндские и финляндские дела в Московском главном архиве Министерства иностранных дел. М., 1896.

¹⁴ Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений... М., 1897. Ч. III.

зовался при издании только для исправления описок, встречающихся в беловике. С.А. Белокуров сообщает, что оба экземпляра рукописи Н.Н. Бантыша-Каменского поступили в МГАМИД после смерти автора (т.е. после 1814 г.), но когда именно, он не указывает¹⁵.

Таким образом, опубликованная в 1896 и 1897 гг. работа может считаться трудом Н.Н. Бантыша-Каменского, законченным в 1804 г. Поэтому всю имеющуюся в изданиях 1896 и 1897 гг. информацию о ливонских договорах мы вправе рассматривать как прямое отражение того, что знал и думал об этих документах Н.Н. Бантыш-Каменский в 1804 г. Судя по указанным публикациям, Н.Н. Бантыш-Каменский датировал договор 1-м октября 1534 г. и утверждал, что он хранится в Архиве коллегии под номером “6”¹⁶.

Сопоставим с этим архивные пометки, сопровождающие подлинник грамоты. Подлинник сложен вдвое по горизонтали и вертикали и завернут в грубую бумагу XVIII в., на которой имеются чернильные надписи, сделанные почерками XVIII–XIX вв. “Упаковка” грамоты была произведена, вероятно, при Миллере, когда и появился заголовок на лицевой стороне обложки-обертки. Он начинался с даты “1535”. Конечное “5” этой даты исправлено другим почерком и другими чернилами на “4” и тем же почерком после числа года приписано “окт: 1”. Другое характерное исправление было сделано в надписи наверху лицевой стороны обложки слева, где указан архивный номер документа. Первоначально после знака номера здесь стояла цифра “5”. Затем ее частично стерли и заменили на “6”. Позднее и “6” было стерто. После него написали “7”. Номер “7” сохранился за рукописью в архиве до настоящего времени. Все эти перемены в нумерации документа, наблюдаемые по следам полустертых цифр, не отразились на подлиннике грамоты, где “№ 5” на нижнем поле л.1 и 2 остался в нетронутом виде и не был дополнен другими пометками.

Исправление числа года (“1535” на “1534”), добавление после него названия месяца и числа дня (“окт: 1”), изменение номера документа (“5” на “6”) – все эти факты соответствуют тому, как характеризует грамоту 1535 г. Н.Н. Бантыш-Каменский в своем обзоре материалов Московского архива иностранной коллегии. Следовательно, нет сомнения в том, что установление для договора даты “1534 окт.1” и номера “6” было произведено в Архиве при Бантыше-Каменском, и, вероятнее всего, до 1804 г.

О договоре 1535 г. Бантыш-Каменский писал в своем обзоре следующее: “1534 г. В сем году умер ливонский князь Плеттенберг. На его место вступил Герман Бриггеней Газен-Камп (то-есть Заячье поле). Он тотчас прислал в Новгород послов своих Иоганна Лоде и Федора Корфе обновить перемирие. Вследствие сего 1 октября постановлена была при новгородском наместнике князь Борисе Ивановиче Горбатом и при Михаиле Васильевиче¹⁷ Воронцове с псковскими старостами Богданом Ковыриным, Назаром Онисимовым Глазатым и Андреем Анкудиновым запись – быть перемирию на 17 лет, а рубежу меж Пскова и Лифляндии старому”¹⁸.

Н.Н. Бантыш-Каменский ошибся дважды. Во-первых, он полагал, что магистр Ливонского ордена Вальтер фон Плеттенберг умер в 1534 г. На самом деле это произошло в начале 1535 г. Во-вторых, ученый думал, что но-

¹⁵ Там же. С. III, IV.

¹⁶ [Бантыш-Каменский Н.Н.]. Курляндские, ливонские... дела... С. 65 и примеч.**; Он же. Обзор... Ч. III. С. 65 и примеч.**

¹⁷ Так в опубликованном тексте; должно было бы быть “Семеновиче”.

¹⁸ [Бантыш-Каменский Н.Н.]. Курляндские, ливонские... дела... С. 65; Он же. Обзор... Ч. III. С. 65.

вый магистр Герман фон Брюггеней отправил послов непосредственно в Новгород. Между тем в действительности послы заключили договор в Новгороде лишь после того, как посетили Москву в марте 1535 г.

В 1817 г. вышел в свет восьмой том “Истории государства Российского” Н.М. Карамзина. В нем автор коснулся, в частности, и русско-ливонского договора 1535 г.¹⁹ Карамзин впервые в историографии поставил текст договора 1535 г. в связь с известием Никоновской летописи²⁰ о приезде в Москву послов ливонского магистра Германа. Сопоставляя эти источники, он писал: “Там (в летописи. – С.К.) сказано, что послы ливонские приехали в Москву 16 марта 1535; а в грамоте, что перемирие заключается от 1 октября 1534”²¹. Карамзин правильно датировал договор не 1534, а 1535 г. Тем самым он как бы продолжил миллеровскую традицию и избежал ошибки Бантыша-Каменского.

Карамзин был первым (и, может быть, единственным), кто дал краткое изложение основного содержания договора 1535 г. Характеризуя его происхождение, историк подчеркивал заинтересованность в договоре ливонской стороны: “...Герман фон Брюггеней и рижский архиепископ от имени всех *златоносцев* или рыцарей, *немецких бояр* и *ратманов* Ливонии убедительно молили великого князя о дружбе и покровительстве”²². Данный акцент, навеянный летописной интерпретацией событий, кажется несколько тенденциозным. В самом договоре о “молении” магистра и архиепископа не говорится ничего.

Из лиц, участвовавших в заключении договора 1535 г., Карамзин упомянул всех, кроме двух псковских наместников. Что касается указанного Карамзиным номера, под которым договор хранился в Архиве иностранной коллегии (“№ 3”)²³, то он вызывает удивление. Такого номера мы не находим ни на оригинале грамоты, ни на покрывающей его обложке XVIII в. Если не считать буквы “в”, написанной без титла почерком XVI в. на л. 1 об. и 2 об. (номер “2”?), самым “старшим” номером грамоты была цифра “5”, написанная почерком XVIII в. на нижнем поле л. 1 и 2. Вероятно, номер “3” Карамзин указал по ошибке вместо номера “5”, хотя в его время на обложке номер “5” уже был стерт и заменен на “6” (номер “7” появился, наверное, позже).

Не исключено также, что Н.М. Карамзин имел в виду номер не русско-ливонского договора 1535 г., а русско-шведского договора 1537 г., дошедшего в трех сокращенных копиях XVIII в., которые хранились в Архиве коллегии под номером “3”²⁴. Карамзин рассматривал русско-ливонский договор 1535 г. в тесной связи с русско-шведским договором 1537 г. и даже приписал заключение последнего тем же лицам, которые заключали договор 1535 г., т.е. кн. Б.И. Горбатову и М.С. Воронцову. В 1537 г. новгородским наместником действительно оставался Б.И. Горбатый, но второго наместника – М.С. Воронцова – тогда уже не было: его заменил дворецкий С.Н. Бутурлин²⁵.

¹⁹ См.: Карамзин Н.М. История государства Российского. 5-е изд. СПб., 1842. Кн. II, т. VIII. Стб. 13. Примеч. к т. VIII. Стб. 8. № 18.

²⁰ Карамзин пользовался Синодальным списком Никоновской летописи (о нем см.: ПСРЛ. СПб., 1904. Т. XIII, первая половина. С. IV).

²¹ Карамзин Н.М. Указ. соч. Примеч. к т. VIII. Стб. 8. № 18.

²² Там же. Кн. II, т. VIII. Стб. 13 (курсив Карамзина).

²³ Там же. Примеч. к т. VIII. Стб. 8. № 18: “См. сию грамоту в Архиве Иностран. Коллегии № 3 между лифляндскими”.

²⁴ РГАДА. Ф. 96 (Сношения России со Швецией). Оп. 3. № 3. Л. 1–7 об.

²⁵ Об этой путанице у Карамзина подробнее см.: Каштанов С.М. Борьба за Углич и древнейшие писцовые описания Угличского уезда // Восточная Европа в древности и средневековье: сб. ст. М., 1978. С. 215–216.

В 1856 г. появился шестой том “Истории России с древнейших времен” С.М. Соловьева. В обзоре внешней политики Русского государства в период регентства Елены Глинской автор упоминает договор со Швецией 1537 г. и очень глухо говорит о русско-ливонском договоре, не называя его конкретной даты: “Подтверждены прежние договоры с Ливониею”²⁶. Этому глухому упоминанию соответствует и глухая ссылка на Архив МИД: “Договоры шведский и ливонский в архиве Мин. ин. дел”²⁷.

Как уже говорилось выше, в 1896 и 1897 гг. был опубликован труд Н.Н. Бантыша-Каменского, в котором русско-ливонский договор 1535 г. датировался 1 октября 1534 г. В дальнейшем договор упоминался в литературе обычно с датой “1534”. Под этой датой он фигурирует в “Обзоре” В.Н. Шумилова (1954 г.)²⁸, в новом Путеводителе по Архиву древних актов (1991 г.)²⁹, в статьях наших крупнейших знатоков истории русско-ливонских отношений Н.А. Казаковой³⁰ и И.П. Шаскольского³¹, которые, впрочем, не занимались изучением ни происхождения, ни содержания договора 1535 г.

И.П. Шаскольский писал, в частности, что “по данным дерптского архива XVI в.” обязательство об уплате Дерптом дани Пскову “заключалось также в договорах 1493, 1531 и 1534 гг.”³² (имеются в виду особые договоры Пскова с Дерптом, составлявшиеся наряду с общими русско-ливонскими договорами). Книга Ф.К. Гадебуша, на которую при этом ссылается И.П. Шаскольский, не содержит прямых указаний дат договоров XVI в. Об их хронологии можно судить только по именам послов, названных Гадебушем в качестве участников заключения договоров. Гадебуш упоминает пять старых крестоцеловальных грамот (“fünf alte Kreuzküssingen”), из которых две (1493 г.) хранились в городе, а три другие – в епископском архиве в замке. В числе составителей трех последних грамот были следующие лица: 1) “Lubbert Kawer und Reinhold Salis”; 2) “Gürgen Loden und... Friedrich Korff”; 3) “Friedrich Dücker und Reinhold Dumpian”³³. Первая пара послов участвовала в заключении договора 1531 г.³⁴, вторая – 1535 г.³⁵ и третья – 1550 г.³⁶

²⁶ См.: Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. М., 1989. Кн. III: История России с древнейших времен, т. 5/6. С. 405.

²⁷ Там же. С. 702. Примеч. 8.

²⁸ Шумилов В.Н. Обзор документальных материалов Центрального государственного архива древних актов по истории СССР периода феодализма XI–XVI вв. М., 1954. С. 39.

²⁹ Центральный государственный архив древних актов СССР: путеводитель: в 4 т. М., 1991. Т. 1. С. 259. В первом “Путеводителе” по ЦГАДА русско-ливонские договоры XVI в. упоминались в общей форме под 1509–1554 гг. (Центральный государственный архив древних актов: путеводитель. М., 1946. Ч. I. С. 80).

³⁰ Казакова Н.А. Русско-ливонские договоры 1509 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1972. С. 213. Примеч. 76.

³¹ Шаскольский И.П. Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 380–381; *Он же*. Русские источники по истории Восточной Прибалтики IX–XVII вв. // Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики. Рига, 1970. С. 16.

³² Шаскольский И.П. Русско-ливонские переговоры 1554 г. ... С. 381.

³³ Gadebusch F.K. Livländische Jahrbücher. Riga, 1780. Erster Theil. Letzter Abschnitt. S. 432.

³⁴ См.: СГД, Ч. V, № 106. С. 117. В грамоте названы четыре ливонских посла. Из них на первом месте были “Иван Бокгорст да Тебек Патин” (“Johann van Buckhorst vnnde Sheners Patiner”), на третьем и четвертом – “Лебрехт Кавер да Леонард Салис” (“Liebrecht Kauer, Renold Salis”).

³⁵ См. ниже публикуемый договор 1535 г.: Русский текст, строка 4 (“Иван Лоден да Федор Корф”); Немецкий текст, строка 5 (“Johan Lode vnd Frederich Korff”). У Гадебуша “Gürgen” вместо “Johan” поставлено, видимо, по ошибке.

³⁶ Русско-ливонские акты, собранные К.Е. Напьерским. СПб., 1868. № 380. С. 370. (Далее: РЛА.) Всего здесь названо шесть ливонских послов, из них три – магистра (“Johan Wrangell, Otto Grothus u. Georg Pipenstock”) и три – дерптского епископа (“Fredorich Duiker, Reinolt Dumpian u. Henrich von Affelen”). У Гадебуша третий епископский посол не упомянут.

Таким образом, приводимая Шаскольским дата договора – “1534 г.” – базируется не на прямом показании источника, а на представлении автора о том, когда действовали послы Иоганн Лоде и Фридрих Корф.

В статье, опубликованной в 1978 г., С.М. Каштанов вслед за Н.М. Карамзиным сопоставил дату договора, содержащуюся в подлиннике (7043 г. – по эре от Сотворения Мира), с известиями летописей о приезде в Москву в марте 1535 г. послов от ливонского магистра Германа. Автор высказал предположение, что договор был составлен в промежутке между 16 марта и 1 сентября 1535 г.³⁷

О заключении договора 1535 г. можно найти информацию в справочнике В.В. Похлебкина (1995 г.)³⁸. Правда, датировка договора здесь весьма противоречива. С одной стороны, автор определяет этот документ как “протокол 1534 г.”, с другой стороны, говорит, что заключение договора состоялось “скорее всего” в марте 1535 г. Можно подумать, что текст договора (“протокол”?) был составлен в 1534 г., а утвержден в марте 1535 г., т.е. что его подготовили в Новгороде в 1534 г., а заключили в Москве в 1535 г. Однако последовательность событий была обратной.

Перечисляя участников составления договора и говоря о причинах и поводах его заключения, В.В. Похлебкин не ссылается ни на источники, ни на литературу вопроса. Создается впечатление, что он пользовался трудами Н.Н. Бантыша-Каменского и Н.М. Карамзина.

Инициатива составления договора 1535 г. исходила от магистра Ливонского ордена, о чем можно судить не только по факту присылки им своих послов в Москву, но и по совокупности обстоятельств, сложившихся в это время в Ливонии. 28 февраля 1535 г. умер Вальтер II фон Плеттенберг³⁹, являвшийся магистром Ордена в течение 40 лет и 8 месяцев (он был избран 7 июля и утвержден в сане магистра 9 октября 1494 г.)⁴⁰. Сразу после смерти Плеттенберга пост магистра занял Герман II фон Брюггеней, по прозвищу Хазенкамп. Историк конца XIX в. Эрнст Серафим характеризует его как человека жесткого, решительного и вспыльчивого⁴¹. Карьера Брюггеней началась в 20-е годы XVI в., когда он исполнял должность фогта Бауске (ныне – г. Бауска) в Курляндии, к юго-востоку от Митавы (современная Елгава)⁴². Это был стратегически важный пункт, через который проходила дорога в Литву. В 1532 г. Брюггеней стал ландмаршалом Ордена⁴³,

³⁷ Каштанов С.М. Указ.соч. С.215 и примеч. 79.

³⁸ Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. М., 1995. Вып. II, кн. I: Войны и мирные договоры: справочник. С. 123. № LXXIV. На эту работу наше внимание обратили О.И. Хоруженко и М.В. Голиков, которым выражаем признательность.

³⁹ В письме Ревелю от 3 марта 1535 г. Герман фон Брюггеней сообщил, что магистр Лифляндии умер “am vorgangen sundage oculi” (Akten und Recesse der Livländischen Ständetage / Herausgegeben von Oskar Stavenhagen. Riga, 1910. Bd. III: Bearbeitet von Leonid Arbusow. Sechste Lieferung. № 344. S. 889). Oculi (“глаза”) – название 3-го воскресенья перед Пасхой, которое приходилось в 1535 г. на 28 февраля.

⁴⁰ [Napiersky C.E.]. Index corporis historico-diplomatici Livoniae, Esthoniae, Curoniae. Riga und Dorpat, 1835. Zweiter Theil. S. 351.

⁴¹ Serafim E. Geschichte Liv-, Est-und Kurlands von der “Aufsegelung” des Landes bis zur Einverleibung in das russische Reich. Reval, 1895. Bd. I. S. 325.

⁴² Фогт Бауске упоминается без имени в документах января 1522 г. (Akten und Recesse... Riga, 1909. Bd. III. Lfg. 3, № 121. S. 360; ср. № 122. S. 366), июля 1525 г. (Ibidem. Lfg. 4, № 207. S. 526), декабря 1525 г. (Ibidem. № 218a. Anm.1. S.551), марта 1526 г. (Ibidem. № 231. S. 591), июня 1527 г. (Ibidem. № 237. S. 614); идентифицируется как Герман Брюггеней в указателе к изданию (см.: Ibidem. Riga, 1910. Bd. III. Lfg. 6. S. 903).

⁴³ Упоминается в документах марта 1532 г. (Akten und Recesse... Riga, 1909. Bd. III. Lfg. 5, № 303. S. 783 – назван по имени), февраля 1533 (Ibidem. Riga, 1910. Bd. III. Lfg. 6, № 323. S. 835 – имя не указано), апреля 1533 г. (Ibidem. № 324. S. 837, 839 – назван по имени).

а в начале 1534 г. – коадьютором магистра, сохранив при этом звание ланд-маршала⁴⁴.

Хронист Дионисий Фабрициус пишет, что Хазенкамп был первым из магистров Ливонии, кто узурпировал княжеский титул: “*Plettenbergio successit Hasenkamprius, qui primus inter magistros Livoniae principis titulum vsurgare coepit, anno circiter 1535*”⁴⁵. Имеется в виду, вероятно, не присвоение титула “*furste mester*” (им пользовался и Плеттенберг), а то, что Брюггней захватил власть без процедуры выборов, воспользовавшись своим положением коадьютора. В письме в Ревель, написанном 3 марта 1535 г., через два дня после смерти Плеттенберга, Брюггней именуется “избранным ленным магистром” Лифляндии. Его подпись гласит: “*Hermann van Bruggeneu gnanth Hasenkamp, erwelter bolenter meyster und lantmarschalck Duitzsches ordens tho Lifflande*”⁴⁶. В подтвердительной жалованной грамоте г. Риге от 23 июля 1535 г. Брюггней выражает благодарность божественному провидению за то, что он был посажен на магистерство (*Meisterthum*) при жизни своего предшественника⁴⁷. Апологет Брюггения хронист Томас Хорнер (1562 г.) говорит, что Брюггней был “возведен” в сан магистра: “*Hermannus ad magisterij dignitatem euectus est*”⁴⁸. Брюггней умер 4 февраля 1549 г.⁴⁹ Он правил 13 лет и 11 месяцев. У хронистов в списках и жизнеописаниях ливонских магистров Брюггней фигурирует либо под номером “42”⁵⁰, либо под номером “44”⁵¹.

При Брюггнее в Ливонии получил значительное распространение протестантизм. Католический хронист Дионисий Фабрициус осуждает Брюггения за попустительство “лютеранской ереси” и нерадение к католической вере. Хронист не жалеет красок, чтобы представить Брюггения в дурном свете. Описывая его попойки, он говорит, что Брюггней насильственно удерживал собутельников за столом и не выпускал их даже для отправления естественных надобностей⁵².

Лютеранин Хорнер, напротив, называет Брюггения мужем набожным и умеренным (“*uir pius ac moderatus*”), который не отвергал евангелическое учение и позволил даже отменить некоторые устаревшие церковные обряды, основанные на суеверии⁵³. В таком же духе, со ссылкой на Хорнера, характеризует Брюггения и другой хронист – Иоганн Реннер⁵⁴. В упоминавшейся жалованной грамоте г. Риге июля 1535 г. Брюггней давал торжественное обещание защищать евангелическое учение и городские свободы⁵⁵.

⁴⁴ Упоминается как “*lantmarschalk*” и “*coadjutor*” в документах января–февраля 1534 г. (*Akten und Recesse... Bd. III. Lfg. 6. № 328. S. 847, 860* – не назван по имени), февраля 1534 г. (*Ibidem. № 330. Anm. S. 866* – указан только как “*lantmarsschalck*” и не назван по имени; № 333. S. 870, 872 – назван по имени и фигурирует как “*lantmarschalck*”), февраля 1535 г. (*Ibidem. № 343. S. 889* – подписался под именем магистру полным именем и как ландмаршал: “*Hermann van Bruggeneu, genanth Hasenkamp, lantmarschalck D.o. tho Lifflande*”).

⁴⁵ *Scriptores rerum Livonicarum. Sammlung der wichtigsten Chroniken und Geschichtsdenkmale von Liv-, Ehst- und Kurland. Riga und Leipzig, 1848. Bd. II. S. [463]* (напечатан неверный номер страницы – 663).

⁴⁶ *Akten und Recesse... Bd. III. Lfg. 6. № 344. S. 889.*

⁴⁷ *Gadebusch F.K. Livländische Jahrbücher. Th. 1: Letzter Abschnitt. S. 349. Ср.: [Napiersky C.E.] Index... Th. II. S. 310. № 3512.*

⁴⁸ *Scriptores rerum Livonicarum. Bd. II. S. 386.*

⁴⁹ *[Napiersky C.E.] Index... Th. II. S. 351.*

⁵⁰ *Scriptores rerum Livonicarum. Bd. II. S. 35 (Б. Руссов), [463]* (ошибочно пронумерована как 663) (Д. Фабрициус).

⁵¹ *Ibidem. S. 386 (Т. Хорнер), 436 (Д. Фабрициус).*

⁵² *Ibidem. S. [463] – 464.*

⁵³ *Ibidem. S. 386.*

⁵⁴ *Johann Renner's Livländische Historien / Herausgegeben von Richard Hausmann und Konstantin Höhlbaum. Göttingen, 1876. S. 139.*

⁵⁵ *См.: Gadebusch F.K. Op.cit. Th. I: Letzter Abschnitt. S. 349–350.*

Церковную иерархию в Ливонии представляли архиепископ Рижский и епископы Дерптский, Эзельский, Курляндский, Ревельский. Рижским архиепископом в 1527–1539 гг. был Томас Шёнинг (Thomas Schöning)⁵⁶. В июле 1530 г. ландтаг в Вольмаре избрал маркграфа Бранденбургского Вильгельма коадьютером архиепископа Рижского. Архиепископ Томас и орденмейстер Вальтер Плеттенберг подтвердили это постановление в марте 1532 г.⁵⁷ Что касается дерптского епископа, то, согласно Гадебушу, в 1527–1542 гг. им был Иоганн VIII⁵⁸. Между тем Напьерский относит к 1527–1535 гг. епископство Иоанна VII Бея (Johann VII. Bey), а под 1535 г. отмечает начало епископства Иоганна VIII Геллингсхаузена (Johann VIII. Gellingshausen)⁵⁹.

В заключительном документе Феллинского ландтага февраля 1534 г. фигурируют рижский архиепископ Томас (Thomas) и епископы: дерптский – Иоганн (Johannes tho Derpth), эзельский – Рейнхольд (Reinoldus tho Osell), курляндский – Герман (Hermannus tho Cuirlandt), ревельский – Иоганн (Johannes tho Revall)⁶⁰. В русско-ливонском договоре 1535 г. никто из них не назван по имени, а все епископы, кроме дерптского, упоминаются только во множественном числе.

В начале 1535 г., когда умер Плеттенберг и к власти пришел Брюггеней, политическая обстановка в Ливонии была напряженной. Продолжалась борьба за обладание Эзель-Викским епископством, которую вели между собой Вильгельм, маркграф Бранденбургский и коадьютор архиепископа Рижского, с одной стороны, и Рейнхольд Буксхёвден (Vuxhöwden), “избранный” (electus) епископ Эзельский, с другой. Эзель-Викское епископство было самой западной епархией Ливонии. В нее входила, кроме острова Эзель (Сааремаа), еще и область Вик (Wiek, по-эстонски: Läänemaа) – северо-западная прибрежная часть Эстонии с островами Даго (Даген, Хийумаа) и Вормс (Вормси).

Вильгельм начал борьбу за Эзель и Вик в 1531 г., вскоре после того, как стал коадьютером рижского архиепископа. Вильгельм был человеком влиятельным, носителем многих титулов: “marggrave tho Brandenburg, tho Stettin Pomern, der Cassuben und Wenden hertzog, burggrave tho Nuremberg und furst tho Ruegen”⁶¹. Кроме того, он являлся братом герцога Альбрехта Прусского, хохмейстера (высшего магистра) Ливонского ордена в 1511–1525 гг. В борьбу за Эзельское епископство оказались втянутыми не только власти, рыцарство и города Ливонии, но и государи соседних стран (Дании и Польши), император Священной Римской империи Карл V и его брат римско-германский король Фердинанд, папская курия.

В 1532–1533 гг. Вильгельм преуспел в своей борьбе и стал “постулированным господином Эзельского епископства” (“postulierter heerr des stifts tho Ozell”)⁶². Рейнхольд не сдался, и в 1534 г. добился восстановления своих прав на епархию⁶³. Вильгельм был вынужден уйти из Вика и освободил тамошнее рыцарство от вассальной присяги, принесенной ему как епископу в 1532 г., но от своих прав на епархию не отказался⁶⁴. Его уполномоченные оспарива-

⁵⁶ [Napiersky C.E.]. Index... Th. II. S. 379.

⁵⁷ Ibid. S. 228. № 3041. Ср.: Костомаров Н.[И.] Ливонская война. СПб., 1864. Ч. I. С. 24.

⁵⁸ Gadebusch F.K. Op. cit. Th. I: Letzter Abschnitt. S. 335–372.

⁵⁹ [Napiersky C.E.] Index... Th. II. S. 379.

⁶⁰ Akten und Resesse... Bd. III. Lfg. 6, № 333.

⁶¹ Ibidem. № 324. S. 837.

⁶² Ibidem. См. также: [Napiersky C.E.] Index... Th. II. S. 227–236. № 3035–3038, 3040, 3052–3055, 3058–3064, 3067, 3069–3081, 3083, 3085, 3086, 3088.

⁶³ [Napiersky C.E.] Index... Th. II. S. 236–239. № 3087, 3089, 3091–3102.

⁶⁴ Ibidem. S. 238. № 3097, 3098.

ли решение Феллинского ландтага февраля 1534 г., восстановившего права Рейнхольда⁶⁵.

В начале 1535 г. конфликт вокруг Эзельской епархии продолжал оставаться в центре внимания орденских властей и церковных иерархов Ливонии. 27 января 1535 г. рижский архиепископ Томас направил Рейнхольду письмо, касающееся его тяжбы с маркграфом Вильгельмом⁶⁶. 7 февраля 1535 г. Герман фон Брюггеней в качестве ландмаршала обратился с письмом к магистру Ордена Вальтеру фон Плеттенбергу, призывая его созвать в ближайшее время общее собрание сословий для обсуждения эзельского вопроса. Промедление в этом деле он считал опасным⁶⁷. В письме от 3 марта 1535 г. г. Ревелю Брюггеней, уже ставший магистром, просил бургомистров и ратманов прислать полномочных представителей на ландтаг, созываемый в Вольмаре 14 марта 1535 г.⁶⁸ Не бездействовал и маркграф Вильгельм. 12 марта 1535 г. был составлен нотариальный документ, в котором Вильгельм выступил с протестом против восстановления Рейнхольда в правах эзельского епископа⁶⁹.

Польский король Сигизмунд I также не остался безучастным к продолжающейся политической борьбе в Ливонии. 13 мая 1535 г. он обратился к Брюггеней с призывом созвать в июне того же года общий ландтаг для урегулирования спорных вопросов, существующих между маркграфом Вильгельмом и Орденом⁷⁰. Одновременно Сигизмунд направил письмо Вильгельму, предлагая свое посредничество в деле примирения противников⁷¹. Что касается собственно польско-ливонских отношений, то еще в январе 1535 г. уполномоченные обеих стран встретились для уточнения границы между Ливонией и Литвой⁷², однако само размежевание произведено не было из-за разногласий между представителями договаривающихся сторон⁷³.

Сложная внутри- и внешнеполитическая ситуация побуждала Брюггеней как можно быстрее добиться подтверждения мирного договора Ливонии с ее могущественным восточным соседом – Россией. В марте 1535 г. срок действия предыдущего русско-ливонского договора (1531 г.)⁷⁴ еще далеко не истек. Он был заключен на 20 лет: с 1 октября (Покрова Богородицы) 7040 (1531) г. до 1 октября 7060 (1551) г.⁷⁵ Однако в начале марта 1535 г. уже больше года как не было в живых Василия III, гаранта договора со стороны России (умер 3 декабря 1533 г.), и не стало Вальтера фон Плеттенберга, гаранта того же договора со стороны Ливонии. Смерть Василия III в декабре 1533 г. не вызвала у ливонской стороны попытки заключить новый договор с Россией при малолетнем Иване IV и его матери-регентше. Смерть Плеттенберга 28 февраля 1535 г., напротив, привела к немедленному осознанию такой необходимости.

⁶⁵ Ibidem. S. 236. № 3087.

⁶⁶ Monumenta Livoniae Antiquae. Sammlung von Chroniken, Berichten, Urkunden und anderen schriftlichen Denkmälern und Aufsätzen, welche zur Erläuterung der Geschichte Liv-, Eht- und Kurland's dienen. Riga: Leipzig, 1847. Bd. V. S. 433–434. № 137.

⁶⁷ Akten und Recesse... Bd. III. Lfg. 6. S. 887–889. № 343.

⁶⁸ Ibidem. S. 889. № 344.

⁶⁹ Monumenta Livoniae Antiquae... Bd. V. S. 434–439. № 138.

⁷⁰ Gadebusch F.K. Op. cit. Th. I: Letzter Abschnitt. S. 351.

⁷¹ Ibidem.

⁷² [Napiersky C.E.] Index... Bd. II. S. 310. № 3511.

⁷³ См.: Gadebusch F.K. Op. cit. Th. I: Letzter Abschnitt. S. 348.

⁷⁴ Ливонское посольство было “в Новгороде и на Москве” осенью 7040 (1531) г. См.: ПСРЛ. Т. XIII, первая половина. С. 60.

⁷⁵ СГГД. Ч. V, № 105, 106. С.111, 117.

Можно удивляться той быстроте, с которой Брюггеней отправил своих послов в Россию. По одним известиям, они приехали к великому князю 8 марта 1535 г., по другим – 16 марта, т.е. через неделю или через две недели после смерти Плеттенберга, значит, выехали почти сразу после этого события. О приезде ливонских послов под 8 марта 1535 г. сообщают летописи Воскресенская⁷⁶, Александро-Невская⁷⁷, Никоновская по списку Оболенского и сходным⁷⁸, Царственная книга⁷⁹, Пискаревский летописец⁸⁰. Ту же дату приводит В.Н. Татищев⁸¹. 16-м марта 1535 г. приезд послов датируется в Никоновской летописи по спискам Акад. XIV (основной список), Синодальному и др.⁸², в Львовской летописи⁸³, Летописце начала царства⁸⁴. Без месяца и числа приезд ливонских и шведских послов зафиксирован под 7043 г. в Отрывке русской летописи, помещенном в VI томе ПСРЛ⁸⁵.

Известие о приезде послов 8 марта 1535 г. во всех летописях отличается краткостью. Цель приезда сводится в нем лишь к намерению приветствовать нового государя по случаю восшествия на престол, о заключении же договора не говорится ничего: “Марта же 8 приидоша к великому князю послы от маистра короля Ливоньского от Гермона, Иван Лодень да Федор Онтонов, да Ганус, здравьствовати великому князю на великих государствех”⁸⁶.

В текстах, относящих приезд послов к 16 марта, различаются две части: первая – о приезде послов, вторая – о заключении договора. В Никоновской летописи всему сообщению предпослан заголовок: “О немецких послех”. В первой части читаем: “Того же месяца, марта 16, приидоша на Москву к великому государю Ивану Васильевичю, всея Руси самодръжцу, послы от маистра Ливоньского от Германа, Иван Логден да Федор Онтонов, да Ганус, здравьствовали великого князя на великих государствех...” Далее идет продолжение, или вторая часть: “...и били челом, чтобы государь жаловал и берег их тако же, как их жаловал отець его, князь великий Василий Ивановичь, маистра и всю землю Ливоньскую. И князь великий Иван Васильевичь маистра и всю землю Ливоньскую хочеть жаловати и беречи тако же, как отець его жаловал их и берег. И пожаловал их князь великий, велел с ними взяти перемирие в своей вотчине в Великом Новеграде наместником новгородским таково же, как преже сего было с отцем его, с великим князем Василием Ивановичем всея Руси; и почтив послов, отпустил в свою отчину в Великий Новъград”⁸⁷.

Сравним сообщение от 8 марта с первой частью сообщения от 16 марта. В сообщении от 8 марта не говорится, куда именно, в какой город пришли послы, в сообщении же от 16 марта ясно сказано, что они “приидоша на Москву”. В сообщении от 8 марта указана объявленная послами цель их прихода: “здравьствовати великому князю на великих государствех”. В сообщении от 16 марта констатируется, что послы осуществили это намерение: “здравьствовали вели-

⁷⁶ ПСРЛ. СПб., 1859. Т. VIII. С. 289.

⁷⁷ Там же. М., 1965. Т.29. С. 130.

⁷⁸ Там же. Т. XIII, первая половина. С.84.

⁷⁹ Там же. СПб., 1906. Т. XIII, вторая половина. С. 423.

⁸⁰ Там же. М., 1978. Т. 34. С. 169.

⁸¹ *Татищев В.Н.* История российская в семи книгах. М.; Л., 1966. Т. VI. С. 142; *Он же.* Собр. соч.: в 8 т. М., 1996. [Кн. III]. Т. VI: История российская, ч. 4. С. 142.

⁸² ПСРЛ. Т. XIII, первая половина. С.93.

⁸³ Там же. СПб., 1914. Т. XX, вторая половина. С. 429.

⁸⁴ Там же. Т. 29. С. 17.

⁸⁵ Там же. СПб., 1853. Т. VI. С. 295.

⁸⁶ Цит. по: Там же. Т. XIII, первая половина. С. 84.

⁸⁷ Там же. С. 93.

кого князя на великих государствах”. И так, 8 марта является, вероятно, датой прихода послов не в Москву, а в какое-то другое место в пределах России, скорее всего, в Великий Новгород, где они объявили о своем намерении идти в Москву поздравить юного государя с восшествием на престол. Придя из Новгорода в Москву, послы выполнили эту церемониальную задачу и приступили к осуществлению главной цели своего приезда: переговорам о заключении перемирия. Вести их в Новгороде до посещения Москвы было бессмысленно.

Вторая часть летописного сообщения от 16 марта дает четкое представление о том, как развивались события: великокняжеское правительство выразило согласие на заключение договора на прежних основаниях, т.е. в соответствии с текстом грамоты 1531 г., и отпустило послов в Новгород, где, согласно обычаю, должно было состояться оформление перемирной грамоты.

В летописях названы по имени три члена ливонского посольства 1535 г.: Иван Лоден (Лодень, Логден), Федор Онтонов (Онтынов) и Ганус (Ганос). В подлиннике договора 1535 г. фигурируют только первые два: в русском тексте это “Иван Лоден да Федор Корфъ”, в немецком – “Johan Lode vnd Frederick Korff”. По ливонским документам известны два Иоганна Лоде в 30-х годах XVI в. Один из них являлся деканом эзельской церкви, другой – советником магистра⁸⁸. Предполагаем, что послом в Россию в 1535 г. был направлен советник, а не декан. Имя Лоде не сопровождается в договоре никакими ранговыми определениями.

Фредерик Корф хорошо известен по ливонским документам как бургомистр Нарвы⁸⁹. Он исполнял эту должность еще в 1519 г.⁹⁰ В немецком тексте договора 1535 г. Корф упоминается с определением “burgermeister thor Naue”. В русском тексте соответствующее определение отсутствует. Почему русские летописи называют Корфа “Онтонов”, неясно. Может быть, он сообщил русским имя своего отца (по немецким источникам оно не устанавливается). Что касается не упомянутого в самом договоре “Гануса” или “Ганоса”, то, видимо, это был писец, составлявший немецкий текст договора.

Сколько времени провели ливонские послы в Москве, неизвестно. Полагаем, что не менее двух недель. В Новгороде они оказались, вероятно, в апреле 1535 г. Договор едва ли мог быть заключен позже 20 июня 1535 г., когда начались военные действия против Литвы, в связи с чем новгородские наместники кн. Борис Иванович Горбатый и Михаил Семенович Воронцов вышли с войском из Новгорода и стояли на Опочках⁹¹. Согласно тексту договора, заключение последнего состоялось именно при этих наместниках. Следовательно, наиболее вероятным временем составления договора можно считать период с 1 апреля 1535 г. (*terminus a quo*) до 20 июня 1535 г. (*terminus ad quem*). Более осторожной, хотя и менее правдоподобной, является датировка договора промежутком между 8 марта (самое раннее упоминание о ливонских послахах) и 31 августа 1535 г. (окончание календарного 7043 г., который фигурирует в конечном протоколе грамоты).

Указанный в грамоте начальный срок ее действия (1 октября 1534 г.) не совпадал с моментом заключения договора. Он был заимствован из предшествующего договора 1531 г. и устанавливался как бы *post factum*. Основой текста договора 1535 г. послужила вторая из двух договорных грамот 1531 г.⁹²

⁸⁸ Akten und Recesse... Bd. III. Abt. 6: Personenregister. S. 911.

⁸⁹ Ibidem. S. 910.

⁹⁰ Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. С. 39.

⁹¹ ПСРЛ. Т. XIII, первая половина. С.94–95.

⁹² СГД. Ч. V, № 106. С. 116–123.

Оригинал договора 1535 г. был скреплен семью печатями. Из них две принадлежали новгородским наместникам кн. Борису Ивановичу Горбатову и Михаилу Семеновичу Воронцову (обе сохранились), две другие – псковским наместникам кн. Михаилу Ивановичу Кубенскому (сохранилась только “куриная лапа”⁹³ шнура на пергамене) и Дмитрию Семеновичу Воронцову (сохранилась), одна – магистру Ливонского ордена Герману фон Брюнгеню (сохранилась лишь пергаменная лента, соединявшая печать с грамотой), одна – рижскому архиепископу Томасу (осталось только отверстие для пергаменной ленты, соединявшей печать с грамотой), одна – вероятно, дерптскому епископу Иоганну (сохранилась часть шелкового шнура, вдетого в пергамен).

Наличие на грамоте атрибутов ливонских печатей означает, что грамота после скрепления ее печатями четырех наместников побывала в Ливонии, где была скреплена печатями магистра, рижского архиепископа и дерптского епископа. Кто отвез грамоту в Ливонию? Возможно, ливонские послы. Но кто привез ее обратно? Вероятно, посол новгородских наместников, чья поездка в Ливонию для присутствия при ратификации документа предусматривалась в ст. LI договора. Что же осталось у ливонцев? Надо думать, что второй противень договора, не дошедший до нашего времени.

Итак, скорее всего, договор составлялся в четырех экземплярах – на русском (два) и на немецком языке (два). Соединенные попарно русский и немецкий экземпляры образовывали два противня. Сначала они скреплялись печатями на Руси, затем в Ливонии. После этого один из противней возвращался в Новгород, а другой оставался в Ливонии.

И.П. Шаскольский считал загадочным сам факт наличия в фонде 64 ЦГАДА (ныне РГАДА) нескольких подлинных пергаменных договорных грамот, составленных, как он писал, “русской стороной”. Ученый полагал, что эти оригиналы могли быть захвачены в Ливонии⁹⁴. Однако международные договоры никогда не составляются одной стороной. Поэтому говорить о договорах, составленных “русской стороной”, нельзя. Кроме того, нет никаких оснований думать, что хранящиеся в РГАДА (а ранее в Московском архиве Государственной коллегии иностранных дел, позднее – в МГАМИД) оригиналы являются какой-то случайной добычей, захваченной в Ливонии. Опись Царского архива XVI в. и описи архива Посольского приказа XVII в. свидетельствуют об исконном пребывании этих оригиналов на Руси, что и неудивительно: ведь они представляли собой противни договоров, остававшиеся в руках русских. Аналогичные противни были и у ливонцев. Позднее, при разделе территории Ливонского ордена некоторые ливонские противни попали в Швецию и оказались в шведских архивах и библиотеках, о чем свидетельствует каталог К. Ширрена.

Сведения о пергаменных оригиналах русско-ливонских договоров 1509, 1521 и 1554 гг. содержатся и в обзоре Бантыша-Каменского⁹⁵, и в каталоге Ширрена⁹⁶. Объяснить это можно лишь тем, что договоры составлялись в виде двух аутентичных противней. Правда, сведений о договорах 1531 и 1535 гг. мы у Ширрена не находим. Скорее всего, ливонские противни этих договоров безнадежно утрачены.

⁹³ Об этой форме прикрепления шнура см.: *Каиштанов С.М.* Актовая археография. М., 1998. С. 266.

⁹⁴ *Шаскольский И.П.* Русские источники по истории Восточной Прибалтики IX–XVII вв. С. 16. Примеч. 27.

⁹⁵ *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор... Ч. III. С. 64–66.

⁹⁶ *Schirren C.* Verzeichniss livländischer Geschichts-Quellen in schwedischen Archiven und Bibliotheken. Dorpat, 1861. Bd. I. Hf. 1. S. 18–20, № 167, 173, 197.

В настоящей работе издаются русский и немецкий тексты договора 1535 г., при этом полностью сохраняется орфография подлинника. В русском тексте устаревшие буквы кириллического алфавита не заменяются на новые. Выносные буквы передаются курсивом. Буквы, вносимые в текст при раскрытии аббревиатур, помещаются в круглых скобках. В немецком тексте орфография не модернизируется в соответствии с современными нормами правописания. Буква “v” не заменяется на “u”, и наоборот. Не производится замена “i” на “j”, и наоборот. Буквосочетание “sh” не заменяется на “sch”. Такие поновления текста мы наблюдаем в немецкой копии XVIII в., сделанной П. Миллером. Суспензии, весьма частые в немецком тексте, раскрываются: недостающие буквы добавляются в круглых скобках. Двоеточие, стоящее в подлиннике после ряда сокращенно написанных (недописанных) слов типа “f: “ “ved: “ и т.п., в публикации не воспроизводится.

Буквы, утраченные или поврежденные и неясно читаемые в тексте русского и немецкого оригиналов, вносятся в публикацию в квадратных скобках. Знаки препинания в публикации обоих текстов расставляются с учетом смысла фразы и современных правил пунктуации. Знаки препинания, имеющиеся в рукописи, не передаются. О знаках препинания немецкого текста в некоторых случаях сообщается в примечаниях.

В издании обоих текстов, русского и немецкого, концы строк отмечают вертикальными линиями. В начале каждой строки в круглых скобках ставится ее номер, отсутствующий в рукописи. Номер дается арабскими цифрами и набирается курсивом. Текст русского и немецкого оригиналов в публикации разделяется на статьи, пронумерованные римскими цифрами, которые помещаются в фигурных скобках. Нумерации статей, как и нумерации строк, в рукописи нет. Она введена при издании для удобства соотнесения совпадающих по содержанию частей русского и немецкого текстов.

В примечаниях к публикуемым текстам используются следующие сокращения: в.кн. – великий князь; вын. – выносная; д.б. – должно быть; доб. – добавлено; док. – документ; дрб. – другая буква; дрбб. – другие буквы; дрп. – другой почерк; дрч. – другие чернила; зач. – зачеркнуто; зпт. – запятая; испр. – исправлен,-а,-о,-ы; кв.ск. – квадратные скобки; кн. – князь; л. – лист,-ы; м.б. – может быть; нап. – написан,-а,-о,-ы; оставл. – оставлен, -а,-о,-ы; отс. – отсутствует; подпр. – подправлен,-а,-о,-ы; публ. – публикация; ркп. – рукопись; сохр. – сохранился,-лась,-лось,-лись; схп. – схожий почерк; схч. – схожие чернила; тжп. – тот же почерк; тжч. – те же чернила; тчк. – точка; уп. – упомянут,-а,-о,-ы, упоминается, упоминание,-я; черн. – чернила.

К оригиналу немецкого текста даны разночтения по копии XVIII в. Они носят главным образом орфографический характер. Текст этой копии был обнаружен и скопирован К.В. Барановым. Его копия послужила существенным подспорьем при чтении и интерпретации текста немецкого оригинала, в ряде мест поврежденного (во многих случаях текст стерся в конце и начале строк). Подготовка текста оригинала и другие виды работ были произведены С.М. Каштановым, который является инициатором данного издания.

Составители выражают искреннюю признательность И.Ю. Айрапетян, И.А. Балакаевой, А.И. Гамаюнову, И.Р. Ивановой, Н.Н. Лузанову, А.Г. Мельнику, М.Р. Рыженкову, С.И. Хазановой и Ю.М. Эскину, оказавшим помощь в работе советами и содействием. Компьютерный набор текста авторской рукописи осуществлен О.С. Каштановой, П.С. Каштановым и Л.В. Столяровой, которым приносим глубокую благодарность.

С.М. Каштанов, К.В. Баранов

1535 г. [марта 8 – августа 31]¹. Новгород. – Договор о перемирии на 17 лет, с 1 октября 1534 г. до 1 октября 1551 г., между Псковской землей (= Русским государством) и Ливонией, заключенный “по ... веленью” вел. кн. Ивана IV Васильевича послами псковских наместников – псковскими старостами Богданом Микитиным сыном Ковырина, Назаром Онисимовым сыном Глазатым и Андреем Онкудиновым – с послами магистра Ливонского ордена Германа фон Брюггеня по прозвищу Хазенкамп – Иоганном Лоде и Фридрихом Корфом – при участии новгородских наместников кн. Бориса Ивановича Горбатого и Михаила Семеновича Воронцова, а также псковских наместников кн. Михаила Ивановича Кубенского и Дмитрия Семеновича Воронцова.

[Русский текст]

Л. 1

(I) {I}. По¹. 2 б(о)жиеи³ воли и по велик[о]г(о)⁴ г(о)с(у)д(а)ри⁵ велѣн(ь)ю, ц(а)ри Русског(о) Ивана^{5, 6}, бжж(ь)ею⁷ м(и)л(о)стію^{1, 8} ц(а)рѣ и г(о)с(у)д(а)ри всем Русіи, и великог(о) кн(я)си Володімерског(о), и Московског, и Новгородског(о), и Псковског(о), и Смоленског⁹, и^{10, 11} Тверског(о)г(о), и¹¹ Югурског(о)^{10, 12}, и Пермьског¹², и Вытског, и Болгарског(о), и иныхъ.

{II}. Се¹³ приѣхаша | (2) в великог(о) г(о)с(у)д(а)ри и ц(а)ри Русског *штчинов*¹⁴ в Великіи Новѣгород¹⁵ к¹⁶ великог(о)¹⁷ г(о)с(у)д(а)ри¹⁸ и ц(а)ри Русског к бжж(ь)ею и к наместником к новгородским¹⁹, ко кн(я)зю Борисѣ Ивановичю Горбатом²⁰ и к Михаилѣ Семеновичю²¹ Воронцов²², из²² великог(о)²³ г(о)с(у)д(а)ри и ц(а)ри Русског *штчины* из Пскова *шт* его наместников, | (3) [*шт*]^{24, 25} кн(я)си Михаила²⁴ Ивановича²⁶ Кубенског и *шт* Дмитріѣ Семеновича²⁷ Воронцова, и *шт* всего Великог(о) Пскова, *штч(и)ны* великог(о) г(о)с(у)д(а)ри и ц(а)рѣ Русског, послы наместников²⁸ псковских – старосты псковские Богдан Микитин^{29, 30} с(ы)нѣ²⁹ Ковырина³¹, Назар Онисимов с(ы)нѣ³² Глазатои, Шндрѣи Шнкѣдинов.

А³³ также приѣхаша | (4) [*шт*]³⁴ ч(е)стнаг(о)³⁵ кн(я)си³⁶ ЛиФленског³⁷ *шт* Германа Фан Брюгина³⁸ послы Иван Лоден да Федор Корф³⁹ и прикончаша перемир(ь)е с послы наместников псковских *штч(и)ны* великог(о) г(о)с(у)д(а)ри⁴⁰ и ц(а)ри Русског(о)⁴⁰, с старостами псковскими, на семн[а]тцат(ь)⁴¹ лѣтъ, *шт* Покрова с(вя)тїи⁴² Б(огороди)ци лѣта 7000 четыредесѣтъ трет(ь)иго до Покрова | (5) с(вя)тїи Б(огороди)ци до лѣта 7000⁴² шестидесятнаг(о), за кн(я)зи местера⁴³ ЛиФленског и за арцибискупна Ризског, и за их кн(я)зи, и за их злотоносцы, и за их земных бжж(ь)ею, и⁴⁴ за⁴⁵ посадников, и за ратманов, и за всѣ их г(о)роды⁴⁵, и за всю местеровѣ державѣ и за арцибискупову.

{III}. А в тѣ семѣнатцат(ь) лѣтъ по сеи | (6) перемирной⁴⁶ грамоте сѣсь мир держати крѣпко на обе стороны. А великог(о) г(о)с(у)д(а)ри и ц(а)ри Русског наместником^{47, 48}, кн(я)зем Псковским⁴⁷, и *штч(и)ны* егѣ Псковѣ в ту семѣнатцат(ь) лѣтъ книж местеровы⁴⁹ державы⁵⁰ и арцибискуповы не воевати, ни зацепляти ничѣм, ни на земли, ни на воды их не настѣпати. |

(7) Также⁵¹ кн(я)зю местерѣ и арцибискупу, и за всѣ их⁵² державы в ту семѣнатцат(ь) лѣтъ⁵³ великог⁵⁴ г(о)с(у)д(а)ри и ц(а)ри Русског(о)

штч(и)ны⁵⁵, Псковской землѣ, не воевати, ни зацеплѣти ничѣм, ни на земли, ни на воды не наступати⁵⁶.

{IV}. А⁵⁷ землѣ и водѣ промеж Пскова и кн(я)см местера и архиепископа⁵⁸ старои рѣбѣж⁵⁹ по | (8) старым грамотам.

{V}. А шзеро Великое ловити псковичам к своему⁶⁰ берегу⁵⁹. А за шзеро Великое псковичам ловити не ѣздити на немецкую сторону. А станет [п]о^{47, 60} грехом изнеможен(ь)е⁶¹, занесет вѣтром псковского ловца на немецкую сторону, ино в том пени нѣту.

Также и нѣмцом шзеро Великое ловити к своему⁶² | (9) берегу⁵⁹. А за шзеро Великое нѣмцом ловити не ѣздити на псковскую сторону. А по грехомъ станеть изнеможен(ь)е, занесет вѣтром немецкого(о) ловца на псковскую сторону, ино в том пени нѣтъ.

{VI}. А⁶³ во Псковское⁶⁴ шзеро нѣмцем ловити⁶⁵ не ѣздити.

{VII}. А на Клицно штров нѣмцом не наступати ж.

{VIII}. А⁶⁶ межа промеж | (10) Пскова⁶⁷ и кн(я)зм местера по Норове рекѣ стержнем.

{IX}. А⁶⁸ что штч(и)ны великого(о) г(о)с(у)д(а)ря⁶⁹, ц(а)ря всем Русии, Псковские земли люди били челом Ивану, бож(ь)ею м(и)л(о)стью ц(а)рю и г(о)с(у)дарю вс[е]и⁷⁰ Рѣсии и великому кн(я)зю, о том, что деи мастеравы и архиепископы люди вступалис(ь) во Псковские земли через старои рѣбѣж⁵⁹; также били челом мал(и)иштровы⁷¹ державы люди, что будто великого(о) г(о)с(у)д(а)ря люди его штчины Пскова вступаютца в мастерову землю, — и⁷² великого(о) г(о)с(у)д(а)ря намѣстником новгородским⁷³ на ту землю послати⁷⁴ судеи на съѣздъ, а⁷⁵ великого(о) г(о)с(у)д(а)ря намѣстником⁷⁶, кн(я)зем Псковским, и⁷⁷ штч(и)не великого(о) г(о)с(у)д(а)ря Пскову, с мастером и са архиепископом ѳчинивши | (12) срок, да на ту землю послати людеи ч(е)стных на съѣздъ. А мастера и архиепископу к томѣ срокѣ на ту землю послати своих ч(е)стных людеи на съѣздъ.

И⁷⁸ тѣ суд(ь)и великого(о)⁷⁹ г(о)с(у)д(а)ря и люди добрые с обѣих⁸⁰ сторон, на ту землю съхавси да шбыскав по кр(е)стному цолован(ь)ю⁸¹, ѳчинят землѣ и водѣ рубеж пш | (13) старым перемирным грамотам и по семѣ кр(е)стному цолован(ь)ю.

{X}. А вперед на чужую землю и⁶ ввѣдѣ не полѣсти на шбе стороны. А хто с которой сторо[н]ы⁸² полѣзет на чужую землю или на водѣ, ино томѣ живота не дати.

{XI}. А⁸³ из великого(о) г(о)с(у)д(а)ря, ц(а)ря Рѣсского штчины, изо Псковской землѣ, | (14) гвстем и кѣпцм по мастерове державе и по архиепископу земли, и по⁴⁷ бискупимъ землям на Ригу и на Кольван(ь)⁸⁴, и на Рѣгвдив, и во всѣ гвроды Ли[т]венской земли гврою и водою⁸⁵ пѣть имѣ чистѣ, приѣхати и шт(ь)ѣхати безо⁵⁹ всякие зацепки, и кѣпити и продати двброволно вси | (15)кои товар⁸⁶ безо⁵⁹ вывета, и сол(ь).

{XII}. Да и на матерю рекѣ псковичем торгввати ѣздити по старинѣ⁷⁶, и на розницу или вмѣсте товар свои псковичемъ продавати двброволно во всѣх гвродех Ли[т]венской земли. И дрова псковичемъ на матерю земли в лѣсе и всякой запас, что по надобе, стѣ(16)чи⁷⁶ двброволно же по старинѣ и по кр(е)стному цолован(ь)ю.

{XIII}. А мастера и егв кн(я)зем, и архиепископу, и бискупом⁸⁷, ихъ людем ѣ псковских гвстем и ѣ кѣпцовъ⁸⁸ товару⁸⁹ цены не⁸⁹ ѳставлявати⁹⁰ и гвстинцов шт того не имати, и числа ночем над псковичи⁴⁷ не ѳставлявати, и колодом⁹¹ по дорол(17)гом⁹² не быти⁹³, и гв[с]тинцов⁹⁴ шт тогв оу псковских гвстем и ѣ кѣпцов не имати.

{XIV}. Также и маистровым людем⁹⁵, и арцыбискуплимъ, и бискуплим людем, и всѣхъ гвродов, и ихъ державы в⁹⁶ великоз(о) г(о)с(у)д(а)ри штчину, во Псковскую землю, во всѣхъ гвроды гврою и водою пъть чистъ, приѣхати | (18) и⁹⁷ шт(ъ)ѣхати⁹⁸ без(о) всм[к]и⁹⁹ зацепки, и кѣпти и продати¹⁰⁰ доброволно¹⁰¹ всякою товар без¹⁰² вывета, и сол(ь).

{XV}. А корчмы¹⁰³ нѣмцом во Псковской земли не про[д]авати¹⁰⁴.

{XVI}. А цены товарѣ у немецкихъ гвстеи и ѣ кѣпцов¹⁰⁵ псковичемъ не ѣставливати¹⁰⁶ и гвстинцовъ шт того не имати.

{XVII}. А воску ѣ псковѣ (19)[с]ких¹⁰⁷ гвстеи¹⁰⁸ нѣмцом не колъпати¹⁰⁹, шприч того, что, ѣколѣпив немногѣ на шпытъ, да емѣ штдати¹¹⁰ назад¹¹¹.

{XVIII}. А всѣе имати с товарѣ у гвстеи и ѣ кѣпцов¹¹² ѣ пскович¹¹³ в Немецкои¹¹⁴ земли, а ѣ нѣмецъ¹¹⁵ во Псковской землѣ, на обе сторони по старинѣ.

{XIX}. А¹¹⁶ что написано в¹¹⁷ первыхъ в перѣ (20)мирныхъ¹¹⁸ грамотахъ великихъ г(о)с(у)д(а)рей, Ивана, бжж(ь)ею м(и)л(о)стїю ц(а)ри и г(о)с(у)д(а)ри всемъ Рѣсїи и великоз(о) кн(я)см¹¹⁹, которые кѣпцы псковские в местеровыхъ гвродех и в в-арцыбискуповыхъ¹²⁰, и во всеи ихъ державе поиманы, и товар ихъ ѣ нихъ пошт(ъ)иман, и местерѣ и арцыбискуппу тѣхъ | (21) кѣпцов^{47, 121} всѣхъ штпѣстити св всѣми ихъ животы. А которыхъ будетъ кѣпцовъ в томъ нѣмствѣ⁷⁶ не стало или которые ис тогѣ нѣмства ѣтекли, а товар ихъ всталсѣ в местеровыхъ гвродех или во арцыбискуповыхъ, или которои товар псковской положенъ ѣ когѣ в местеровыхъ¹²² | (22) гврод[е]х¹²³ и в арцыбискуповыхъ, и кн(я)сю местерѣ и арцыбискуппу тѣхъ кѣпцовъ всѣхъ животы штдати псковичемъ.

{XX}. И чегѣ будетъ тогѣ товарѣ местерѣ¹²⁴ и арцыбискуп(у)нѣ¹²⁴, и¹²⁵ их¹²⁵ люди по тѣмъ перемирнымъ грамотамъ в тѣ гвды псковичемъ не штдали, и что послѣ тог(о) перемир(ь)и псковскоз(о)¹²⁶ | (23) посла ѣкова¹²⁷ Анѣимова в Кеси ѣ местера шграбили, и тѣмъ дѣломъ всѣмъ великоз(о) г(о)с(у)д(а)ри намѣстникомъ, кн(я)земъ Псковскимъ, шбславсм с маистромъ и с арцыбискупомъ, ѣчинити срокъ на съѣздъ. А псковичемъ⁵² на съѣзде на томъ целовати кр(е)сть, комѣ будетъ тогѣ товарѣ чегѣ не штдали, | (24) и маистровымъ людемъ и арцыбискуплимъ то платити. И что ѣ ѣкова ѣ посла грабежу взито, и послѣ псковскомѣ на томъ цоловати ж(е), что ѣ негѣ грабежѣ¹²⁸ взито, а маистру емѣ заплатити.

{XXI}. А вперед в ту в семнатцат(ь) лѣтъ ш обидныхъ дѣлехъ, на которомъ гвроде почнетца каково | (25) дѣло псковитинѣ в местерове державе и в в-арцыбискупове державе, и⁶ в бискуплихъ державахъ, и во всеи земли Лиѣленской, ино тѣто емѣ и управа дати по исправѣ и по кр(е)стномѣ цолован(ь)ю не в великихъ дѣлехъ, до десяти рѣблевъ псковскихъ.

А выше десяти рѣблевъ бу(1)детъ каково дѣло¹²⁹, ино в тѣхъ в немецкихъ гвродех в маистровѣ державе и во арцыбискуплихъ, и⁶ в бискуплихъ гвродех псковитина с нѣмчиномъ не сѣдити, а дати штвѣтчика, псковитина, на порѣку; а по которомъ не будетъ поруки, ино¹³⁰ егѣ держати на крѣпости^{76, 130}, да ш томъ имѣ | (27) сослатисѣ с намѣстники⁷⁶ великоз(о) г(о)с(у)д(а)ри, со князми Псковскими, и со штчиною воликогѣ¹³¹ г(о)с(у)д(а)ри со Псковомъ.

{XXII}. А во Псковской земли каково дѣло будетъ нѣмчинѣ Лиѣленскїе земли, ино также тѣто емѣ и ѣправа дати по исправѣ и по кр(е)стномѣ цолован(ь)ю не в великихъ же дѣлехъ, | (28) до десяти рѣблевъ псковскихъ.

А выше десяти рублев каково будет дѣло, ино во Пскове нѣмчина со псковитином¹³² не судити ж(е), а дати штвѣтчика, нѣмчина, на порѹку; а по котором¹³³ не будет порѹки, ино егѡ дотоле держати на крѣпости, да ш том великогѡ г(о)с(у)д(а)рѡ намѣстни | (29)ком, кн(я)семь Псковскимъ¹³⁴, сослатисм⁴⁷ с магистром, да срок ѹчинити шбоим истцом с обѣих сторон на съѣзде стати.

{XXIII}. А намѣстником¹³⁵ великогѡ г(о)с(у)д(а)рѡ, кн(я)сем Псковским, и мастрѹ, и арцыбискупѹ, и бискупомъ, и бергаместером, и ратманомъ, гдѣ бѹдет то дѣло въ чѣеи державе, сослатис(я) к томѹ | (30) срокѹ¹³⁶ на съѣздѣ сѹдеи. Д¹³⁷ сѹд(ь)ямъ тѣ дѣла сѹдивши на съѣзде сѹдом вопчим, да и ѹправа имъ тѣмъ дѣломъ всѣм чинити¹³⁸ с¹³⁶ обыском, напрѡме, по кр(е)стномѹ цолован(ь)ю.

{XXIV}. А доидет котороу¹³⁹ нѣмчин до казни в каковѣ дѣле ни буди в Псковской земли, ино егѡ во Пскове не казнити, а сослатис(я) | (31) ш¹⁴⁰ том¹⁴¹ великогѡ г(о)с(у)д(а)рѡ¹⁴² намѣстником¹⁴³, кн(я)семь Псковским, с мастром, да срок ѹчинивши, поставити того нѣмчина на съѣзде перед суд(ь)ями.

{XXV}. А доидеть в какове дѣле ни буди псковитинъ¹⁴⁴ до казни в немецких гѡродех в мастрѡвѣ державе и в арцыбискуплих, ^и в бискуплих гѡродех, и тог(о) псковитина | (32) в немецких гѡродех также не казнити, а шбослатис(я) мастру или арцыбискупѹ, и бискупом с великог(о) г(о)с(у)д(а)рѡ намѣстники, со князми Псковскими, да срок ѹчинивши, поставити тог(о) псковитина на съѣзде перед вопчими суд(ь)ями, д¹⁴⁵, ^и сѹд(ь)и вопчѣ ѹчинят тѣм дѣлом конецъ на съѣз | (33)де¹⁴⁷, с¹⁴⁸ обыском¹⁴⁹, напрѡме¹⁵⁰, по кр(е)стномѹ цолован(ь)ю.

{XXVI}. Д¹⁴⁶, ^и сѹд(ь)и быти на том мѣсте, гдѣ сѹд(ь)и вопчѣ земли ^и водѣ межѹ учинятъ.

{XXVII}. А взыщет псковитин на нѣмчине, а досѹдит до цолован(ь)и, ино цоловати штвѣтчикѹ, нѣмчинѹ. А взыщет нѣмчинъ на псковитинѣ, а досѹдит до цоло | (34)ван(ь)и¹⁵², ино¹⁵³ цоловати штвѣтчикѹ ж(е), псковитину.

{XXVIII}. А судити нѣмчина въ Псковской землѣ как своего¹⁵⁴ псковитина¹⁵⁵. А в Нѣмцех сѹдити псковитина как¹⁵⁶ своего немчина. А знати истцѹ истца по своей исправѣ, а порѹбу¹⁵⁷ в том не быти на шбе сторшны.

{XXIX}. А намѣстни | (35)кѹ¹⁵⁸ вдовскомѹ¹⁵⁹ кн(я)сеи Псковских¹⁶⁰ и посаднику, и людемъ¹⁶¹ двбрым¹⁶² вдовским¹⁶³ цоловати кр(е)сть¹⁶⁴ на том, каково дѣло будетъ Сыренца гѡродка¹⁶⁵ мастрѡвѹм людем и рѹгвдивцом¹⁶⁶ до¹⁶⁷ вдовлян, и имъ того шбыскивати ^и ѹправа давати всаким шбидным дѣлом напрѡме, по кр(е)стно | (36)мѹ¹⁶⁷ цолован(ь)ю¹⁶⁸.

Также и рѹгвдивскомѹ кн(я)сю, и Сыренца¹⁶⁹ гѡродка¹⁷⁰ кн(я)сю, и судьям рѹгвдивским и сыренским¹⁷¹, ^и ^и людем¹⁷², ^и ^и добрым кр(е)сть цоловати на¹⁷⁰ том, каково дѣло будетъ¹⁷⁴ вдовлянѡ до сыренецких людеи и до рѹгвдивцов¹⁷⁵, и имъ тог(о)¹⁷⁵ шбыскивати ^и ѹправа давати всаки¹⁷⁴, ^и дѣлом | (37) шбидным¹⁷⁷ напрѡме, по кр(е)стномѹ цолован(ь)ю.

{XXX}. А тати ^и бгглеца⁵⁹, ^и ^и холопа¹⁸⁰, и рабу, по кр(е)стномѹ цолован(ь)ю шбыскае¹⁸¹, ^и ^и по¹⁸¹ исправе выдати.

{XXXI}. Д¹⁸³ ц(е)рквѣ бшж(ь)и¹⁸⁴, ^и ^и рѹс[скіе]¹⁸⁶ ^и ^и концы рѹсскіе в местерове державе ^и в¹⁸⁷ арцыбискупле¹⁸⁸, ^и в бискуплих державах, гдѣ¹⁸⁸ ни буди, и тѣ ц(е)ркви¹⁸⁷ | (38) б(о)жьи рѹсскіе и концы⁴⁷ рѹсскіе мастрѹ

і арцыбіскупу, и бискупом¹⁸⁹ wчистити и держати по стар[и]не¹⁹⁰, а ихъ не¹⁹¹ wбидити. А взято[е]¹⁹² ц(е)[рк]овное¹⁹³ w[m]дати¹⁹⁴ все ч(и)сто¹⁹⁵ по кр(е)стному цолован(ь)ю.

{XXXII}. А в¹⁹⁶ котором гвроде в местерове державе¹⁹⁶ и¹⁹⁷ в арцыбискуплих, и въ | (39) бискуплих землях ѱ псковитина бвроду выдеруть, ино⁴⁷ того немчина со псковитином поставити на съѣзде¹⁹⁸ перед сѣд(ь)ми на вопчем^{47, 199} сѣде. А доведѣт²⁰⁰ на тогв нѣмчина на вопчем сѣдѣ перед сѣдыми сѣдом и исправоу, и сѣд(ь)имъ томъ нѣмчину ѱчинити вина и каі (40)знь по судѣ. А порѣбу не быти не в чемъ на wбѣ^{59, 120, 201} стороны.

{XXXIII}. А хоти будет промеж великогв г(о)с(у)д(а)ри wтчинъ, Великого Новагврода²⁰² и²⁰³ Пьскова²⁰⁴, [с]²⁰⁵ Ли.Ф[ленс]кою²⁰⁶ землею и дѣло⁷⁶ каково, ино в обѣихъ сторонах, в великог(о) г(о)с(у)д(а)ри wтчинах, в Великом Новѣгвроде и во Пскове, и во всѣх | (41) городех²⁰⁷, а в Нѣмцех в магистровѣ державе і⁶ в арцыбискуплих²⁰⁷, і⁶ в бискуплих²⁰⁸ гвродех, и во всеи земли Ли.Фленской, посла и гвсти не пврѣбати и не грабиту²⁰⁹, и товарѣ у²¹⁰ гостей²¹¹ [не]²¹² wт(ь)имати²¹³. А wтпѣскати послов и гвстеи со всѣмъ²¹⁴ на wбѣ⁵⁹ стороны²¹⁵ двброволно, без(о) вскиѣ зацѣпки²¹⁶.

{XXXIV}. А послѣ пьсковскоі (42)му и кн(я)же магистровѣ, и арцыбискуповѣ²¹⁷ wт подвор(ь)и наиму не платити – то wтложихом на wбѣ⁵⁹ стороны²¹⁸.

{XXXV}. А¹¹⁶ в тѣ семьнатцат(ь)²¹⁹ лѣ[т]ъ²²⁰ по[с]л[ѣ]²²¹ намѣстников²²² пьсковских пѣть²²³ ч(и)стѣ гвроу и водоу, и на Ригу²²³, и на Колыван(ь), и на Рѣгудивъ, і⁶ во всѣ гвроды книж | (43) местеровы и арцыбискуповы²²⁴, и во всю книж местеровѣ державѣ²²⁵ и²²⁶ арцыбискоупову^{14, 227}, приѣхати имъ²²⁸ и wт(ь)ѣхати доброволно²²⁹, бѣз(о)⁵⁹ вскиѣ²³⁰ [з]ацѣпки²³¹. А²³² блюсти кн(я)зю²³³ местерѣ²³⁴ и²³⁵ арцыбискупу пьсковскогв²³⁵ посла на своих гвродех, на землѣ и на водѣ, как своегв немчина, | (44) без(о)²³⁶ вскиѣ хитрѣсти.

{XXXVI}. Также и книж²³⁷ местеровѣ²³⁸ послу и арцыбискупову²³⁹ по²⁴⁰ великогв²⁴¹ г(о)с(у)даря и²⁴² ц(а)ри²⁴³ Рѣскогв²⁴⁴ wтчинѣ, по Пьсковскоі землѣ²⁴⁵, и²⁴⁶ до П[ь]скова^{246, 247} пѣть²⁴⁸ ч(и)стѣ, приѣхати²⁴⁹ имъ²⁵⁰ и wт(ь)ѣхати²⁵¹ двброволно²⁵¹, без(о) вских зацѣпокъ.

{XXXVII}. А w обидных дѣлехъ w вских посы | (45)лати ѱправы просити²⁵² до²⁵³ трижды на²⁵³ обѣ^{59, 254} стороны. И дадѣтъ чемъ оуправѣ²⁵⁵, ино дай²⁵⁶ Бвг²⁵⁷ такъ²⁵⁸. А не дадѣтъ в чемъ ѱправы²⁵⁹ в обидных дѣлех²⁶⁰, и тѣм дѣлом срокъ²⁶¹ учинити на съѣзде; да ѱчинят тѣмъ дѣлом²⁶² конецъ судьи на съѣзде по кр(е)стному цолован(ь)ю.

{XXXVIII}. А что | (46) по²⁶³ первым перемирным²⁶⁴ грамотам²⁶⁵ которыми²⁶⁵ дѣломъ с которые стороны конца не ѱчинятъ²⁶⁶, и²⁶⁷ псковичи с²⁶⁷ нѣмци²⁶⁸ в том промеж соби²⁶⁹ порѣбалисѣ, а имали²⁷⁰ за²⁷¹ свое на рубежи, и²⁷² вперед которымъ дѣлом с которые стороны сами конца²⁷² не ѱчинятъ, и тѣм дѣломъ всѣм быти на съ | (47)ѣзде²⁷³ перед²⁷⁴ вопчими²⁷⁴ суд(ь)ими. А²⁷⁵ сѣдымъ²⁷⁵ вопчим на съѣзде всѣм дѣломъ чинити конец, с об[ы]ском²⁷⁶, по²⁷⁷ [кр](е)с[т]номъ²⁷⁸ цолован(ь)ю²⁷⁹ и по сеи перемирноі грамоте. А порубѣ не быти ни в чом на обе стороны.

{XXXIX}. А²⁸⁰ рати і⁶ воины не подымати никотороу нѣжею²⁸¹ на²⁸¹ wбѣ стороны²⁸².

{XL}. А старым дѣлѣмъ²⁸³ | (48) [вс]ѣм²⁸⁴ дерть²⁸⁵, оприч всѣх дѣл, которые в сеи перемирноі грамоте писано.

{XLI}. А се перемир(ь)е²⁸⁶ кн(я)сю менестерѹ²⁸⁷ і арцыбискупу издержати крѣпко, бѣз(о)^{59, 288} всмк[і]е²⁸⁹ хитрости²⁹⁰, по кр(е)стномѹ цѣлованью и по сеи перемирной грамотѣ.

{XLII}. А какъ отоидѹтъ сѣ лѣта по сеи перемирной грамоте, і (49) ино²⁹¹ быти м(е)с(я)цю на²⁹¹ шбе^{59, 292} стороны; а в том м(е)с(я)це рати и воины не²⁹³ шбе стороны не подымати²⁹⁴ по кр(е)стному цолован(ь)ю. А²⁹⁵ посломѹ в том м(е)с(я)цѣ ѣздити²⁹⁶ пѹть ч(и)стѹ на шбе стороны по кр(е)стномѹ цолован(ь)ю²⁹⁶. А не²⁹⁷ порѹбати²⁹⁷ посла, ни гвсти, и сѣ их товаром, ни в великом дѣле, ни і (50) в²⁹⁸ малом²⁹⁹ ни[к]оторою³⁰⁰ нужею³⁰¹, по³⁰² кр(е)стному^{47, 303} цолован(ь)ю.

{XLIII}. А с которые стороны не ѹчнутъ правити кр(е)стногѹ цолован(ь)н, ино на то Бѹг и кр(е)стное цолован(ь)е, и мор, и гѹлод, и огонь³⁰⁴, и мечь.

{XLIV}. А³⁰⁵ шт(ъ)идѹтъ лѣта, и намъ жити в старом мирѹ.

{XLV}. А коли будетъ нелюбѹв(ь) і (51) велик(о)гѹ³⁰⁶ г(о)с(у)д(а)рн, ц(а)рн всем Рѹсїи намѣстником псковскимъ до⁴⁷ меня, кн(я)зи местера, и до моих кн(я)зей, или мнѣ^{76, 307}, кн(я)сю местерѹ³⁰⁸, или моим кн(я)семъ коли будетъ нелюбѹв(ь) до великог(о)³⁰⁹ г(о)с(у)д(а)рн³¹⁰, ц(а)рн³¹⁰ всем Рѹсїи намѣстников псковских³¹¹, ино нам мир штослати³¹¹; а по тѹм, і (52) шли³¹² же м(е)с(я)цѹ³¹², четыре³¹³ недѣли³¹⁴, проидеть³¹⁵ на шбе стороны, то же см воевати.

{XLVI}. А в тотъ м(е)с(я)цѹ послу ѣздити на шбе стороны бѣз(о)⁵⁹ всмкіе хитрости.

{XLVII}. А на сем перемирье и на сеи перемирной грамоте³¹⁶ рѹки дали и печати свои приложили³¹⁶ великогѹ г(о)с(у)д(а)рн і (53) и^{317, 318} ц(а)рн Рѹ[с]скогѹ^{318, 319, 320} намѣстники³²¹ Великогѹ^{322, 323} Новагѹрода^{322, 324} княз(ь)³²⁵ Бѹрис³²⁵ Иванѹвич^{6, 326, 327} и Михаило Семенович³²⁸. Также³²⁹ великогѹ³³⁰ г(о)с(у)д(а)рн, ц(а)рн Русскогѹ намѣстники псковскіе кн(я)зи Михаило Иванович³³¹ да Дмитрей Семенович^{332, 333} рѹки дали и³³⁴ печати³³⁴ свои приложили.

{XLVIII}. А старостамъ²⁸³ і (54) псковскимъ³³⁵ Бѹгданѹ Микитинѹ³³⁶ с(ы)ну Ковырина, Назару Шнисимовѹ с(ы)ну Глазатомѹ, Шндрѹю³³⁷ Шнкѹдиновѹ³³⁸ кр(е)стѹ³³⁹ целовати и³⁴⁰ людем добрым за Псков и³⁴¹ за³⁴¹ всѣ³⁴² псковскіе гѹроды³⁴³, и за³⁴³ всю Псковскѹю землю³⁴⁴, за штчину³⁴⁵ великог(о) г(о)с(у)д(а)рн³⁴⁶ и³⁴⁷ ц(а)рн^{347, 348} Рѹсскогѹ³⁴⁹.

{XLIX}. Также и кн(я)зю местеров³⁵⁰ і (55) кр(е)стѹ целовати и печат(ь) свои³⁵¹ приложити³⁵¹ за всѣ свои³⁵² гѹроды³⁵² и за всю свою³⁵² державѹ³⁵³.

{L}. А³⁵⁴ на сем перемирье³⁵⁵ кр(е)стѹ целовали старосты псковскіе в³⁵⁶ Новѣгѹродѣ³⁵⁶, Бѹгданѹ³⁵⁷ Микитинѹ³⁵⁸ с(ы)нѹ^{52, 358} Ковырина³⁵⁹, Назарѹ³⁶⁰ Шнисимовѹ³⁶¹ с(ы)нѹ Глазатои, Шндрѹи Шнкѹдиновѹ³⁶², и³⁶³ за³⁶³ всю і (56) Псковскѹю землю, велик(о)гѹ г(о)с(у)д(а)рн³⁶⁴, ц(а)рн³⁶⁵ Рѹсскогѹ штч(и)ну.

{LI}. А шт кн(я)сн³⁶⁶ местера³⁶⁷ и шт арцыбискупа Ризск(о)гѹ³⁶⁸, и³⁶⁹ шт бискуп³⁶⁹ Юрьевскагѹ³⁷⁰, и шт всѣх бискупов³⁷¹, кои в се[и]³⁷² грамоте писаны³⁷³, и³⁷⁴ шт³⁷⁴ всѣх³⁷⁵ Ли.Оленскіе³⁷⁶ земли, местеровы³⁷⁷ державы, на сеи грамоте целовали³⁷⁸ і (57) кр(е)стѹ послы немецкіе Иванѹ³⁷⁹ Лѹде³⁸⁰ да Оедѹр Кор.О.ъ³⁸¹.

{LII}. А³⁸² как пришлѹтъ велик(о)гѹ г(о)с(у)д(а)рн³⁸³ и ц(а)рн Рѹсскогѹ намѣст(т)ники^{384, 385}, намѣстники^{385, 386} новгѹродскіе³⁸⁷ своего³⁸⁸ посла ко кн(я)сю^{388, 389} местерѹ³⁹⁰, ино^{391, 392} кн(я)зю^{391, 393} местерѹ³⁹⁴ на сеи

грамоте самоу кр(е)сть целовати перед тѣмъ посломъ и за-рцыи (58) би-скупа, и за бискупов, и за всѣ свои гвроды, и за всю³⁹⁵ свою державу, и печать³⁹⁶ своа³⁹⁷ кн(я)зю³⁹⁸ местеру к сеи грамоте³⁹⁹ п[р]ивѣсити⁴⁰⁰. А⁴⁰¹ арцыбискупу⁴⁰² Ризскому⁴⁰³ рѣка дати за свою державу и печм(ь) своа⁴⁰⁴ к сеи⁴⁰⁴ грамотѣ⁴⁰⁵ привѣсити⁴⁰⁶.

[LIII]. А кончали⁴⁰⁷ перемир(ь)е в великогв | (59) г(о)с(у)д(а)ри⁴⁰⁸ и ц(а)рѣ⁴⁰⁹ Рѣскогв штч(и)не в Великом⁴¹⁰ Новѣгвродѣ, в лѣта⁴¹¹ седмъ⁴¹¹ тыщицъ⁴¹² четыредесит⁴¹³ третымг^{414, 415, 416}. |

[Немецкий текст]

Л. 2

(I) {I}. [Nach]¹ de[m]^{2,a} willen³ Godes vnd nach bouelh des grothen⁴ herschers Iwan, van⁴ Gots gnaden keyzers⁵ vnd herschers aller Russen, vnd [g]roth-fursten⁶ tho Wolodimer⁷, Muschow⁸, Nowgarden, Pleschow, Smalenschi⁹, Otpher¹⁰, Iuhorschi¹⁰, Perempschi¹¹, Vetzki¹², Bolgar[sc]h[i]^{12,13,6} [vn]d¹⁴ | (2) [an]d[ern]^{15,16}.

{II} [Hi]r^{15,17,b} sind gekomen in des grothen herschers, des Ruschen keisers vederliche^r erue tho Grothnowgarden¹⁸ tho des grothen h[e]rshers^{19,d}, des Russischen keyzers boyam vnd stadholdere tho Nowgarden, tho fursten Borys Iwanewitz^e Gorbathoj^{20,*} [vnd²¹ Michael]²¹ | (3) [Semen]owitz²² Worontzow, vth des grothen hershers³, des Rus(sischen) key(sers) vederliche erue van Pleschow, van des grothen herschops^u, des Rus(sischen) key(sers) stadholdern²³, van^k fursten Michael Iwanewitzⁿ Kubensky vnd Dimiterj^{24,m} Semenowitz Worontzo[w]²⁵, [vn]de²⁶ | (4) va[n²⁷ all]e²⁷ G[ro]the[n]²⁸ Pleschow, der ve(derliche) er(ue) des grothen hershersⁿ, des Russischen keyzers, der stadholdere ehre boden van Pleschow²⁹ – die olderlude des ved(erlichen) eruen key(sers)³⁰ aller Russen³⁰ Bogdan Mikitin sonne Kowirin, Natzar³¹ Onisimow sonne Glas[a]th[o]j^{32,o} vnd^{32,33} | (5) [An]d[re]as³⁴ Onkundinow.

Derglikenⁿ sind gekomen van dem eddelen fursten tho Liflande Herman van Bruggeney gnanth^{35,36} Hasenkamp³⁶, f(urste) meister, seine bodschafter Johan Lode vnd Frederich Korff, burgermeister³⁷ thor Narue³⁷, vn[d]³⁸ h[eb]ben³⁹ | (6) [geen]d[i]get⁴⁰ den biefrede mith der botschafter der stadholdere⁴¹ tho Pleschow, des ve(derlichen) erue des grothen hershops^p, des Russischen⁴² keisers, mith den olderluden van Pleschow, tho seuenthein iaren, anthogaende van dem ers[ten]⁴³ d[age]⁴⁴ | (7) [octo]b[r]is⁴⁵ im iare seuendusenth vnd dre vnd vertich beth tho dem iare seuendusenth vnd sestich beth vp den [e]rsten⁴⁶ dach octobris, vor den f(ursten) mester tho Liflande, ertzbishop^c tho Riga, vnd vor ehre hern ritte[r]sch[a]ft⁴⁷ [vn]d⁴⁸ | (8) [lan]dsathen⁴⁹, vnd vor die⁵⁰ burgermeistere⁵¹ vnd raidmanne, vor alle ehre stede des fursten mesters, ertzbisschops beholdinge⁵².

{III}. Sal men dussen seuentheiniarigen⁵³ biefrede nach dussen breuen van beyden⁵⁴ parten vastiglich ho[lde]n⁵⁵. | (9) [De]s⁵⁶ grothen⁵⁷ hers(chers), des Rus(sischen) key(sers) seine stadholdere, die f(ursten) tho Pleschow, vnd sine ved(erliche) erue Pleschow sollen in dussen seuenth[ei]n⁵⁸ iaren des f(ursten)⁵⁹ mes(thers)^r, ertzb(ischops) beholdinge nicht bofeiden ock nergens mede boschedig[e]n⁶⁰, vp ehre wathere vnd lan[de]⁶¹ [nicht]⁶² | (10) [tre]d[en]⁶³.

Derglikenⁿ sal die furste mester vnd ertzb(ischop) vor alle ehre boholdinge in den seuenthein iaren des groth[en]⁶⁴ [her]s(chers)⁶⁵, des Rus(sischen) key(sers) ved(erliche) er(ue), Ples(chowisches) land⁶⁶, nicht⁶⁷ bofeiden vnd nergens mede boschedigen, vp ehre watere⁶⁸ v[nn]d[e]^{69,φ} | (11) [lan]d[e]⁷⁰ nicht treden.

{IV}. Den watheren vnd lande tuschen Pleschow vnd dem f(ursten) mes(ter)^x, ertz(b)ischop) sal sein die olde grentze na[c]h⁷¹ den olden breuen.

{V}. Die Grothe see sollen die Ples(chower) vischen ahn ehrer siden. Auer die Grothen see sollen die Ples(chower) v[p]72 d[er]73 | (12) Du[i]tschen⁷⁴ siden nicht vischen faren. Kumpt durch sunde of vnmacht haluen dath die winth den Ples(chowischen) vischer ahn die Duitshe^{75,u} side versettet, darumb sal men nicht boschuldigen.

Derglieken^a sollen die Duitschen⁷⁶ die Grothen see ahn⁷⁷ [ehren]⁷⁸ | (13) [ou]e[r]⁷⁹ vischen. Auer die Grothen⁸⁰ see sollen die Duitshen^u nicht vischen tehen vp die Ples(chowische) side. Kumpt durch sunde of [v]nmacht⁸¹ haluen dath die winth den Duitshen^u vischer ahn⁸² die⁸² Ples(chowische) side versettet, darumb sal men nicht thor[nen]⁸³. |

(14) {VI}. [Ahn]^{84,7} [di]e⁸⁵ Ples(chowischen) see sal die Duitsche nicht vischen.

{VII}. Vp denn^{86,bi} holme Klitzar⁸⁷ sollen die Duitshen^b nicht treden.

{VIII}. Die grentze tusch[e]n⁸⁸ dem f(ursten) mes(ter)^a vnd Ples(chow) is die stroem der Narue becke.

{IX}. Als denne vth des grothen key(sers) vnd herschers aller R[u]s[en]^{89,io} ved(erliche)⁸⁹ | (15) [erue]⁹⁰ die lude vth Ples(chowischen) lande schlogen ehre houede Iwan, von Gots gnad(en)⁹¹ key(ser) vnd hers(cher) aller Russen vnd grotf(urste), vmb sodan[t]⁹² so dat des f(ursten) m(esters), ertz(b)ischops) lude sind in Ples(chowisches) land auer die olde grentze getreden; dergliecken hebben ehre houede ge[schlo]g[e]n⁹³ | (16) [de]s⁹⁴ furste[n]⁹⁵ mes(ters)^a lude, wue dath des grote(n) hers(chers) ved(erlichen) erue lude van Ples(chow) sind in des f(ursten) mes(ters) lande getreden, – vnd des gr[o]te(n)⁹⁶ hers(chers) stadholdere⁹⁷ van Nowgarden sollen vp einen bostemmeden dach richtere vp dath land senden, ock des⁹⁸ g[r]ote(n)⁹⁹ h[ers](chers)¹⁰⁰ | (17) [sta]dhol(dere)¹⁰¹, die f(ursten) tho Ples(chow), vnd van des grothen hers(chers) ved(erliche) er(ue) Ples(chow) sollen mith dem¹⁸ f(ursten) m(ester), ertz(b)ischop) eine tid beramen vnd erw(irdige)^{102, 103} lude van beiden parte(n) vp dath land vp die versamlinge senden. Derglieken sollen die f(urste) m(ester), ertz(b)ischop) vp den bostemmed[en]^{104, aa} | (18) [dach]¹⁰⁵ ehre¹⁰⁶ erw(irdige)¹⁰³ lude tho der versamlinge senden.

Vnd die richtere des grote(n) herschers⁶⁶ vnd die guden^{uu} lude, als die van beiden parte(n) vp dat land tho samen komen, sollen sie bosoken nach der krutzkus(singe) vnd setten den landen vnd wath[er]n¹⁰⁷ | (19) [eine]^{108, rr} g[r]intze¹⁰⁹ nach den fredebreuen vnd nach der krutzkussinge.

{X}. Vnd ock vordan sal men vp frombde lande vnd wathere nicht treden van beiden parte(n). Wer van beiden parte(n) vp frombde lande vnd wathere tredt, dem sal¹¹⁰ | (20) [me]n¹¹¹ dat leuenth¹¹² nicht lathen.

{XI}. Ock vth des grote(n) herschers^{uu}, des Rus(sischen) key(sers) veder(liche) er(ue), vth Ples(chowischen) lande, die koplude vnd geste sollen in des f(ursten) m(esters), ertz(b)ischops) vnd bischope ehre beholde¹¹³ vnd lande nach Riga, Reuel vnd Narue in alle ehre ste[de]¹¹⁴ | (21) d[e]r¹¹⁵ lande tho Lifflande¹¹⁶ tho wather vnd tho lande hebben einen frien wech, tho komende vnd tho tehende ahne alle anholdinge, tho kopen vnd tho¹¹⁷ uorkopen¹¹⁷ allerleie ware frie, nichts buthen boscheiden^{ee}, vnd mith solthe^{xx}.

{XII}. In der embecke¹¹⁸ | (22) [m]o[g]en¹¹⁹ die Pleschower kopschlagen tehen vp dath olde, mogen ehre ware ock bie portzelen of in der summen verkopen frie in allen steden in Lif(lande). Ock mogen die Ples(chower) ahn der embecke frie holth howen in dem busche tho¹²⁰ | (23) [alle]r¹²¹ nottruft vpt olde nach der krutzkussinge.

{XIII}. Ock sollen die f(urste) m(ester) vnd sine hern, ertz(b)ischo(p) tho Riga, bischope vnd ehre lude dem Ples(chowischen) kopmanne of gaste ehrer ware keine werde setten vnd dar keine gifte vor nhemen. Ock sal¹²² | (24) men¹²³ dem P[les](chowischen)¹²⁴ kopmanne¹²⁵ geine thall¹²⁶ der nachtleger setten, vnd keine rennebome sollen bie dem wege sin¹²⁷, ock sal men van dem Ples(chowischen) kopmanne dar geine gifte van nhemen.

{XIV}. Derglieken³⁹ sollen des f(ursten) m(esters), ertz(b)ischo(p)s lude vth alle¹²⁸ ehr[en]n¹²⁹ | (25) b[e]ho[ll]de¹³⁰ vnd vth¹³¹ allen steden in des grote(n) hers(chers) vederliche erue, in Ples(chowischem)¹³² land, in allen steden tho wather vnd lande hebben einen frien wech, tho komende vnd tho tehende ahne alle hindernisse, frie tho kopen vnd tho¹³³ uorkopen¹³³ allerl[eye]¹³⁴ | (26) [w]are¹³⁵, nichts nicht buthen boscheiden, vnd²³ mith solthe.

{XV}. Vnd die Duitshen^{mm} sollen in Ples(chowischem) lande nicht krogen.

{XVI}. Ock sollen die Ples(chower) dem Duitshen^{kk} kopmanne vnd gaste die werde siner war nicht setten ock geine gifte daru[an]^{136, nn} | (27) nhemen¹³⁷.

{XVII}. Ock sollen die Duitschen gein was bokloppen van den Ples(chowern), bosunder ein weinich tho¹³⁸ bosende¹³⁸ datsuluige, sollen sie ehn weddergeuen.

{XVIII}. Wage gelth sal men nhemen van der Ples(chowischen) koplude vnd geste waer in den Duitschen l[an]den¹³⁹ | (28) [va]n¹⁴⁰ denn Ples(chowern), vnd van den Duitschen in Ples(chowischem) lande, van beiden parten¹⁴¹ vpt¹⁴² olde.

{XIX}. Ock so dar geschreuen stehet in den vorigen fredebreuen des grothen herscher Iwan, van Gots¹⁴³ gnaden keyser vnd herscher aller Russen vnd grotf(urste), vnd¹⁴⁴ sines sons Was[silie]n¹⁴⁵, | (29) vann Gots¹⁴⁶ gnaden key(ser) vnd hers(cher) aller Russen vnd grothf(urste)¹⁴⁴, welche Ples(chowische) koplude in des f(ursten) mes(ter)s, ertz(b)ischo(p)s steden vnd in alle dem lande tho Liflande vnd ehrem beholde¹⁴⁷ gefangen¹⁴⁸ weren vnd ehre war van ehn genhomen, die f(urste) mes(ter), ertz(b)ischo(p) solle[nn]^{149, mm} | (30) alle die koplude loss geuen mith alle ehrem gude. Welche koplude in der gefengknisse^{mm} nicht gebleuen of verlopen sind, vnd ehre ware is gebleuen in des f(ursten) mes(ter)s, ertz(b)ischo(p)s steden, eder welche ware die Ples(chower) gelathen hebben in ver[w]al[31] ringe¹⁵⁰ in des f(ursten) mes(ter)s, ertz(b)ischo(p)s steden, sall die furste mester, ertz(b)ischo(p) dem Ples(chowischen) kopmanne alle ehre ware weddergeuen.

{XX}. Vnd wes van der ware die furste¹⁵¹ mester, ertz(b)ischo(p) vnd ehre lude nach den fredebreuen inn den iaren den Ples(chowern)¹⁵² | (32) nicht¹⁵³ weddergegeuen¹⁵⁴ hebben, also ock nach dem frede die Ples(chowische) bode Jacob Anphimowa tho Wenden bie dem f(ursten) m(ester) bestroefet word, vmb alle der saken willen sollen¹⁵⁵ des grothen hershers^{oo} stadholdere, die f(ursten) van Ples(chow), mith dem f(ursten) mes(ter)¹⁵⁶ | (33) vnd¹⁵⁷ ertz(b)ischo(p) sich bosenden vnd beramen einen dach of tid der versamlinge. Vp der versamlinge sollen die Ples(chower) dath krutze^{158, 159} kussen¹⁵⁹, wes der ware ehn nicht weddergegeuen is, sollen des f(ursten) mes(ter)s, ertz(b)ischo(p)s lude sodane ware bothalen. Vnnd¹⁶⁰ | (34) wes¹⁶¹ dem Ples(chowischen) boden Iacoba genhomen is, dar sall der Ples(chowische) bode dath krutze¹⁶² kussen^{162, 163}, so sal die furste¹⁶⁴ mester¹⁶⁵ ehn bothalen¹⁶⁶.

{XXI}. Ock forder in dussenn seuenthein^{mm} iaren vmb aller klegelichen¹⁶⁷ saken, in wath stede einem Pleschow[er]¹⁶⁸ | (35) die¹⁶⁹ gescheen in des f(ursten) m(esters), ertz(b)ischo(p)s vnd bis(chope) ehren steden vnd in alle dem lande tho Liflande, sal men darsuluest recht dhoen nach rechte vnd krutzkussinge nicht in grothern saken, dan tho thein stucke suluers P[les](chowisch)¹⁷⁰. |

(36) [W]elche¹⁷¹, pp sake sich bauen thein stucke suluers treffende is, sal men in den Duitshen^{cc} steden des f(ursten) mes(ters), ertzb(ischops) vnd bis(chope) ehren steden den Pleschower mith einem Duitshen^{cc} nicht richten. Men sal den anthwordes¹⁷², ꝛꝛ m[an]¹⁷³ [Ples](chowisch)¹⁷⁴, yy, | (37) den¹⁷⁵ Ples(chower)¹⁷⁶, geuen vp burge hand; heft hie keine burgen, so sal men ehne thor¹⁷⁷ tid¹⁷⁷ in die veste setten, vmb ein sodant¹⁷⁸ sal men sich mith den stadhol(dern) des grote(n) hers(chers), mith dem f(ursten) tho Ples(chow), vnd mith den ve(derlichen) eruen de[s]¹⁷⁹ | (38) [gr]othen¹⁸⁰ hers(chers) tho Ples(chow) bosenden.

{XXII}. Ock heft ein Duitshe^{ΦΦ} vth Lif(lande) ienige sake in Ples(chowischem) lande tho doende, sal men darsuluest¹⁸¹ derglieken recht geuen nach rechte vnd krutzkussinge nicht in grothern saken, dan tho thein stucke suluers¹⁸² | (39) Pleschowisch¹⁸³.

Welche sake sich hoger dan thein stucke trifft, sal men einen Duitshen^{xx} tho Ples(chow) mith einem Ples(chower) ni[c]ht¹⁸⁴ richten. Den anthworder, den Duitshen^{uu}, sal men borgen¹⁶⁷; heft hie keine borgen¹⁸⁵, sal in die veste gesath werd(en)¹⁸⁶, ꝛꝛ, | (40) der¹⁸⁷, uuuu haluen¹⁸⁸, uuuu sollen¹⁸⁹, uuuu sich des grothen her(schers) stadhol(dere), die f(ursten) tho Ples(chow), mith dem f(ursten) mes(ter) bosenden vnd setten den beiden¹⁹⁰ sa[kew]olden¹⁹¹ eine tid vp den dach vor den semptlichen richtern tho staende.

{XXIII}. Des¹⁹² sollen¹⁹² die stadhol(dere) des grote(n) he[r]schers¹⁹³, | (41) die f(ursten)¹⁹⁴, ꝛꝛ van¹⁹⁵ Ples(chow)¹⁹⁶, mith dem f(ursten) m(ester), ertzb(ischop) vnd bisschope, burgermeistern, raidmannen, vth [w]elcherer¹⁹⁷ beholde die dar¹⁹⁸ sake tho doende hebben, sollen vp die tid alle der versamlinge ehre richtere senden. Als die richtere [v]p¹⁹⁹ der²⁰⁰ | (42) versamlinge die saken semptlich gerichtet hebben vpt rechteste, sollen sie semptlichen alle den saken ein ende maken²⁰¹ mith²⁰² bosokinge vp dath rechteste vnd nach der krutzkussinge.

{XXIV}. Verfelth ein Duitshe^{bisi} watterleje sake, id sind, in[n]²⁰³ | (43) Ples(chowischem) lande in straffe, sal men tho Ples(chow) nicht straffen, sollen sich der sake haluen des grote(n) hers(chers) stadhol(dere), die f(ursten) van²⁰⁴ Ples(chow), mith dem f(ursten) mes(ter) bosenden vnd beramen eine tid, vnd stellen den Duitshen^{bb} vp die versa[m]linge²⁰⁵ | (44) vor die richtere.

{XXV}. Vorfelth²³, ²⁰⁶ ein Ples(chower) watterleje sake in den Duitshen^{aa} steden in des f(ursten) mes(ters), ertzb(ischops) vnd bis(chope) beholth in straffe, sal men derglieck(en)²⁰⁷, ꝛꝛ in den Ples(chower) in den Duitshen^{aa} steden nicht straffen, der sake haluen sal sich der f(urste) mes[te]r²⁰⁸, | (45) ertzb(ischop) vnd bis(chope) mith des grothen hers(chers) stadhol(dern), mith dem f(ursten) van Ples(chow), eine tid beramen vnd stellen den Ples(chower) vor die semptlichen richtere, vnd die semptlichen richtere sollen vp der versamlinge den saken maken [e]in²⁰⁹ | (46) ende mith bosokinge vpt rechteste nach der krutzkussinge.

{XXVI}. Die versamlinge sal sin vp der stede, dar die semptlichen richtere den landen vnd watheren eine grentze setten²¹⁰.

{XXVII}. Fordert ein Ples(chower) einen Duitshen^{a6}, vnd werth gerichtet t[h]o²¹¹ | (47) der krutzkussinge, so sal die anthworder, die Duitshe^{ab}, kussen. Fordert ein Duitshe^{ar} einen Pleshower^{au}, vnd werth gerichtet tho der krutzkussinge, so sal die anthworder, die Ples(chower), dath²¹² krutz²¹³ kussen²¹³.

{XXVIII}. Einen Duitshen^{ae} sal men in Ples(chowischem)²¹⁴ lande richt[en]²¹⁵ | (48) als einen Ples(chower). In Duitshen²¹⁶, ^{ax} landen sal men einen Ples(chower) richten als ehren Duitshen^{ax}. Ein sakewolde sal seinen sakewolden bokennen²¹⁷ nach seinen rechten²¹⁸, dar sal keine anholdinge²¹⁹, ²²⁰ vnd bosetzung²²⁰ van beiden parten nicht gescheen²²¹. |

(49) {XXIX}. Die f(ursten)²²² van Ples(chow) ehre stadhol(der) tho Woldow vnd die burgermeister, vnd gude lude van Woldow sollen dath krutze darup kussen¹⁸ wattelley^{223,as} sake, die lude des²²⁴ f(ursten) m(ester) van dem Nienslotte^{23,as} vnd von der Narue tho doende hebbe[n]²²⁵ | (50) mith den Woldowschen, sollen sie verhoren vnd ouer^{226,ak} klegeliche sake recht geuen vp dat rechtste nach der krutzkussinge.

Derglieken sal der stadhol(der)²²⁷ thor Narue vnd van dem¹⁸ Nienschlotte, die richtere thor Narue vnd van²²⁸ dem²²⁹ Nyen(51) schlotte^{229,230} vnd die guden lude²³⁰ sollen dath krutze²³¹ kussen²³¹ darup^{232,an} watterley sake, die Woldower tho den van²³³ dem¹⁸ Nyenschlotte vnd thor Narue tho doende hebben²³⁴, dath sollen sie bosoken vnd auer alle klegeliche sake recht geuen vp dath^{234,235} | (52) rechtste vnd krutzkussinge.

{XXX}. Einen deeff, loper²³⁶, ein eigen man vnd ein eigen wiff sal men nach der krutzkussinge bosoken vnd nach rechte vthgeuen.

{XXXI}. Vnd²³⁷ die kercken Godes der Russen vnd der Ruschen^{am} ende in des f(ursten) mes(ters), ertz(b)ischops²³⁸ | (53) vnd bisschope ehre^{am} beholde, vnd die kercken Godes vnd die Ruschen ende, wur die sin, sal die f(urste) m(ester), ertz(b)ischop vnd bisschope reinigen vnd holden nach dem olden, nicht boschedigen. Vnd dath genomen vth den kercken, sal men alle reyne²³⁹ | (54) weddergeuen nach der krutzkussinge.

{XXXII}. In welcherer stad in des f(ursten)^{240,ao} m(esters), ertz(b)ischops) vnd bisschope ehre lande vnd beholdinge einem Ples(chower) sin bardth²⁴¹ vthgropet^{241,242}, sal men den Duitshen^{an} mith dem Pleschower stellen vp die versamlinge vor die²⁴³ | (55) semptlichen²⁴⁴ richtere. Auerthugen sie dan dath dem Duitshen^{ap} vor dem semptlichen-gerichte²⁴⁵ vor den richtern mith gerichte vnd rechte, sollen die richtere dem Duitshen^{18,ac} setten eine schult vnd straffe nach dem gerichte. Men sall v[a]n²⁴⁶ | (56) beiden parten vmb keinerley sake willen bosetten.

{XXXIII}. Off dar tuschen beiden, des grote(n) hershers^{at} ved(erliche) er(ue) tho Grothnowgarden vnd Pleschow mith den landen tho Lifflande²⁴⁷, etzwelche²⁴⁸ saken vpstunden, so sall men van beiden parten, des grothenn^{249,ay} | (57) herschers ved(erliche) er(ue) tho Grothnowg(arden) vnd²⁵⁰ Ples(chow), vnd in allen¹⁸ steden, vnd inn denn Duitshen steden inn des f(ursten) mes(ters), ertz(b)ischops) vnd bis(chope) ehren steden vnd beholde, vnd in alle dem lande tho Liff(lande), einen boden²⁵¹, koplude²⁵² vnd geste nicht bosetten ock nicht berouen^{af}, ock v[a]nn²⁵³ | (58) dem gaste keine waer^{ax} nhemen. Men sall die boden vnd koplude guthwillich tehen lathen mith alle dem ehren van beiden parten ahne vpholdinge.

{XXXIV}. Die boden von Ples(chow) vnd des f(ursten) mes(ters), ertz(b)ischops) sollen vor die herberge keine huishur geuen – dath hebben²⁵⁴ w[i]e²⁵⁵ | (59) van beiden parte(n) afgestalt.

{XXXV}. In dussen seuenthein jaren sal die bode²⁵⁶ der stadhol(dere) tho Ples(chow) hebben einen frien wech nach Riga, Reuell vnd nach der Narue tho wather vnd tho lande, vnd inn alle des f(ursten) mes(ters), ertz(b)ischops) stede vnd beholde, frye²⁵⁷ | (60) tho komen vnd tho tehende, ahne alle vpholdinge. So sall die f(urste) mes(ter), ertz(b)ischop) vnd bishope^{an} die Ples(chowischen) boden inn ehren steden, tho wather vnd tho lande, boshermen^{an} als ehren Duitshen^{an}, ahne alle bohendicheit²⁵⁸.

{XXXVI}. Dergliecken^{259,260} sollen^{261,262} des f(ursten) mes(ters), ertz(b)ischops)²⁶³ | (61) vnd bisschope ehre boden in des grothen herschers, keys(ers) aller Russen ved(erlichem) er(ue), in Ples(chowischem) lande, beth

tho Ples(chow) einen fryen²⁶⁴ reynen wech hebben, tho komen vnd tho tehende friewilligen, ahne allerleie vpholdinge.

{XXXVII}. Vmb aller klegelichen sakenn | (62) haluen sal men sich van beiden parte(n) dre mall recht tho bogerende bosenden. Vnd giff men dar auer recht, God geue dath jd²⁶⁵ geschee²⁶⁶. Vnd giff men auer klegeliche sake gein recht, so sal men den saken setten eine tid der versamlinge; denn^{267,268} | (63) saken sollen die semptlichen richtere ein ende maken nach der krutzkussinge.

{XXXVIII}. Off welche sake nach den fredebreuen van beiden parte(n) gein ende gemaketh worde, so hebben die Ples(chower) vndermalckander^{269,au} mith den Duitshen^{ab} sich boschedigeth vnd[e]^{270,ab} | (64) hebben vor dath ehre ghenomen vp der grentze, vordan²⁷¹ in welchn^{ab} saken sie vndermalckander^{269,aa} kein ende konnen maken, so sollen sie alle die sake vp den dach vor die²⁷² semptlichen richtere stellen. Sollen die semptlichen richtere vp der | (65) vorsamlinge²⁷³ alle den saken ein ende maken²⁷⁴ mith bosokunge nach der krutzkussinge vnd nach dussenn²⁷⁵ fredebreuen. Sal keine bosettunge gesheen^{ao} vmb keinerley dinge van peithen parten.

{XXXIX}. Men sall keinen krich off orlech kei[ner]||[ey]^{276,aa} | (66) wise of gedrengge haluen van beiden parte(n) anboginnen, ock²⁷⁷ die fredebreue in dussen bostemmeden iaren nicht afsenden van beiden parte(n)²⁷⁷.

{XL}. Alle die olden sake sollen tod sin, bosunder die inn²⁷⁸ dussem breue geschreuen^{6a} sin.

{XLI}. Dussen²⁷⁹ | (67) biefrede sal die f(urste) m(ester), ertz(b)ischop) vestiglichen holden ahne alle bohendicheit, nach der krutzkussinge vnd nach dessem fredebreue.

{XLII}. Also dusse jare vthgaende werden nach dussen fredebreuen, sal staen ein monath van beiden parte(n)²⁸⁰; | (68) in²⁸¹ der monath sal men keine veide of orlage boginnen van beiden parte(n) nach der krutzkussinge. In der monath sollen die boden tho tehende hebben einen frien veligen wech van beiden parte(n) nach der krutzkussinge. Men²⁸² | (69) [sa]||²⁸³ den boden vnd kopman mith siner ware noch in grothern eder kleinen saken vmb keines gedrenges haluen nicht bosetten, noch²⁸⁴ anholden²⁸⁴, nach der krutzkussinge.

{XLIII}. Van²⁸⁵ welcher siden nicht werth gehalten richtich²⁸⁶ | (70) die krutzkussinge, auer deme sie God vnd die krutzkussinge, sterffte²⁸⁷, smacht²⁸⁷, fuer vnnd dath shwerd^{6b}.

{XLIV}. Vnd²⁸⁸ so dusse jare vorbie sind, so solle wie leuen in dem olden frede.

{XLV}. Wanner des grothen herschers stadholdere vann²⁸⁹ | (71) Ples(chow) nicht werth boleuen tho my, den f(ursten) mes(ter), vnd tho sinen hern, eder²⁹⁰ die f(urste) mes(ter) vnd sine hern tho des grote(n) hershers^{6r}, key(sers) aller Russen stadhol(dere) tho Ples(chow), so moge wie den frede auesenden; darnach²⁹¹ wan ein monath^{292,293}, | (72) veer wecken, vorbie sind, so sal men van beiden²⁹⁴ parte(n) veyden.

{XLVI}. Vnd in der monath sollen die boden reisen²⁹⁵ van beiden parte(n) ahne alle bohendicheit.

{XLVII}. Vp²⁹⁶ dussen biefrede bref²⁹⁷ hebben die hande gestrecket vnd ehre segele²⁹⁸ | (73) daran²⁹⁹ gehangen des grote(n) hers(chers), des Rus(sischen) key(sers) boyaren^{300,301} vnd³⁰² stadholdere tho Grothnowgard(en)³⁰³, f(urste) Boris Jwanewitz Gorbathoj^{304,6π} vnd Michael Semenowitz Worontzow³⁰⁴. Dergliken³⁰⁵ sollen³⁰⁶ des grothen herschers, des Rus(sischen) key(sers)³⁰⁷ stadhold[ere]³⁰⁸ | (74) tho Pleschow, f(urste) Michael Iwanewitz Kubenskij^{304,6e} vnd

Dimiterj^{6ж} Semenowitz Worontzow³⁰⁴, die hande strecken³⁰⁹ vnd ehre segele ahn dussen breff hangen.

{XLVIII}. Vnd³¹⁰ die olderlude van Pleschow Bogdan Mikitin sonne Kowir[i]n³¹¹, | (75) Nazar Onisimow sonne Glasathoj^{6з} vnd Andreas Onkudinow sollen dath krutze³¹² kussen³¹² vnd ander³¹³ gude lude tho Pleschow vor alle Ples(chowische) stede vnd vor alle dath land tho Pleschow, des veder(lichen) er(ue) des grote(n) hers(chers), des Rus(sischen) keys(ers)³¹⁴. |

(76) {XLIX}. D[erg]l[ieck]k[en]³¹⁵ s[a]l³¹⁶ die³¹⁷ f[ur]ste³¹⁸ mester³¹⁹ dath³²⁰ krutze^{321,322} kussen³²¹ vnd³²² sin segel daran doen hangen vor alle sine stede, vor alle sin beholth.

{L}. Vp dussen fredebref hebben dath krutze gekusset tho Nowgarden³²³ die olderlude van Pleschow³²⁴ | (77) Bogdan³²⁵ Mikitin sonne³²⁵ Kowirin^{326,327}, Nazar Onisimow sonne Glasathoj^{6и} vnd Andreas Onkudinow vor alle dath land tho Ples(chow), des ved(erlichen) er(ue) des gro(ten) her(schers), des Rus(sischen) key(sers).

{LI}. Vnd van wegen des furste(n) mesters³²⁸, ertzb(ischops)³²⁹ tho Riga^{330,331}, | (78) bisschops³³² tho Darpte³³³ vnd vor alle bisschope³³⁴, die in dussem breue geschreuen sin, van wegen³³⁵ alle der³³⁶ lande tho Liflande, des f(ursten) mes(ters) beholdinge³³⁷, vp dussen breff heben gekusseth dath³³⁸ krutze^{339,340} die³³⁸ Duitschen³⁴¹ | (79) baden Johan^{6к} Lode vnd Frederich Korff, burgermeister³⁴² thor Narue³⁴².

{LII}. Vnd wanner des grote(n) hers(chers), des Rus(sischen) key(sers) boya[r]n^{343,344} vnd stadholdere³⁴⁴ tho Nowg(arden)³⁴⁵ ehre baden senden werden ahn den furste(n) mester, sal die fur[ste]³⁴⁶ | (80) mester vp dussen breff³⁴⁷ dath krutze³⁴⁸ kussen³⁴⁸ in iegenwerdicheit der baden vor den ertzb(ischop) vnd vor die bisscho[p]e³⁴⁹, vnd vor alle sine stede vnd³⁵⁰ alle sine boholdinge, vnd³⁵¹ sin segel ahn den breff doen hangen. Vnd³⁵² die ertzbis(chop)³⁵³ | (81) tho Riga sal die hande strecken vor alle sine beholdinge³⁵⁴ vnd sin segel ahn dussen bref doen hangen^{354,355}.

{LIII}. Dusse frede is geendigeth inn des grothen herschers, keyzers aller Russen vederliche³⁵⁶ erue tho Grothnowgarden inth iare³⁵⁷ | (82) seuendusenth^{358,359} vnd³⁶⁰ dre³⁶¹ vnd verttich³⁶¹, vnd^{362,363} nach³⁶⁰ Christj³⁶⁴ geburth³⁶⁴ viffteinhunderth vnd viff^{365,366} vnd derttich^{362,365,367,368,6л.} |

РГАДА. Ф. 64 (Сношения России с Лифляндией и Эстляндией). Оп. 2. № 7. Л. 1–2. Подлинник на двух соединенных между собой листах пергамента, нижняя часть которых загнута и прошита слева шнурами вислых печатей. Размеры листов с лицевой стороны: 1) без учета частей, скрытых в загибе: л. 1 – 57,8 см – по верхнему краю; 59,75 см – по нижнему краю; 59,15 см – по левому краю; 61,4 см – по правому краю; л. 2 – 63,7 см – по верхнему краю; 59,75 см – по нижнему краю; 55,7 см – по левому краю; 55,6 см – по правому краю; 2) с учетом частей, скрытых в загибе (т.е. полная величина листов): л. 1 – 57,8 см – по верхнему краю; 55,8 см – по нижнему краю; 64,6 см – по левому краю; 67,4 см – по правому краю; л. 2 – 63,7 см – по верхнему краю; 60,25 см – по нижнему краю; 65,55 см – по левому краю; 67,45 см – по правому краю.

В русском тексте 59 строк; длина строки – 51–53,7 см. Высота всего текста – 50,8–51,4 см. В немецком тексте 82 строки; длина строки – 56,5–59,9 см. Высота всего текста – 43–45,5 см.

К грамоте были привешены 7 печатей, из них сохранились (в порядке слева направо по лицевой стороне л. 1) № 1, 2 и 4.

Печати № 1–4 – на шелковых шнурах, состоящих из двух прядей: красно-малиновой и зеленой.

Печать № 1. Восковой слепок коричневатого-желтоватого-беловатого цвета треугольной формы: 50–52 мм – по основанию, 45–46 мм – по левой (от зрителя) стороне, 50 мм – по

правой стороне; толщина – 20–22 мм. В середине слепка на лицевой стороне – углубление, залитое красным воском, в нем – оттиск овальной печати с осями 17–17,5 мм (горизонтальная) и 21 мм (вертикальная). Изображение: собака под деревом, прижимающая передними лапами пойманного и распростертого на земле зайца. Надпись по кайме: “ПЕЧАТЬ КНИЖЕ БОРИСЦОВА¹ И[Н]ОВИ[У]А²”. Высота букв – 1,5 мм, ширина – 1–1,5 мм. На оборотной стороне слепка оттисков печати нет. Печать принадлежала новгородскому наместнику Борису Ивановичу Горбатову.

Печать № 2. Восковой слепок коричнево-желтоватого цвета треугольной формы: 58–60 мм – по основанию; 58 мм – по левой (от зрителя) стороне; 55–57 мм – по правой стороне; толщина – 21–24 мм. В середине слепка на лицевой стороне – углубление, залитое красным воском, в нем оттиск печати неправильной круглой (но не овальной) формы с диаметром 32 мм – по горизонтали и 29 мм – по вертикали. В круге изображены: справа – сидящий (архангел?) и слева – идущий ему навстречу обнаженный человек с воздетыми вверх руками. Изображение головы и груди сидящего повреждено. Голова угадывается лишь по очертанию макушки или затылка, но за спиной как будто видно крыло. А.Г. Мельник предполагает, что здесь мог быть изображен архангел Михаил как патрональный святой владельца печати – Михаила Семеновича Воронцова, представленного, в свою очередь, фигурой слева. А.Г. Мельника смущает, правда, то, что ему неизвестны примеры изображения архангела Михаила в позе сидящего, более характерной для Христа, который, однако, никогда не изображался с крыльями. Круговая надпись на ободке сделана сбивчиво и крайне неуклюже. Правильное прочтение ее следующее: “МИХАИЛО³ [СЄ]МЄНОВИ[У]⁴ ВОРОНЦОВЪ⁵”. Высота букв – 2 мм, ширина – 1–2,5–3,5 мм. На оборотной стороне воскового слепка изображения и надписи нет. Печать принадлежала новгородскому наместнику Михаилу Семеновичу Воронцову.

Печать № 3 не сохранилась, но на л. 1 и 2 об. имеются крепления шнура этой печати в форме “куриной лапы”⁶, совершенно подобные креплениям печатей № 1, 2 и 4. Печать принадлежала, по-видимому, псковскому наместнику кн. Михаилу Ивановичу Кубенскому.

Печать № 4. Восковой слепок темнокоричневого цвета неправильной треугольной формы: 54–55 мм – по основанию, 56–57 мм – по левой (от зрителя) стороне, 55–57 мм – по правой стороне; толщина – 20–22 мм. В середине слепка на лицевой стороне – углубление, залитое красным воском, в нем оттиск овальной печати с осями 16,5 мм – по горизонтали и 11 мм – по вертикали. Изображение трудноразличимое. Справа от зрителя – существо с птичьей или львиной головой и гривой, козлиными ногами и длинным хвостом, огибающим все туловище и оканчивающимся слева напротив ног этого существа; слева – крылатый конь и над ним летящий человек как будто со стрелой или копьем, которым он, кажется, отсекает у чудовища конец хвоста (этот конец предстает в виде угла-обрубка). Если такое видение изображения правильное, перед нами сцена борьбы Беллерофонта с Химерой. Последняя, согласно Гомеру, была “лев головою, задом дракон и коза серединой” (см.: “Илиада”, песнь шестая)⁷. Правда, Беллерофонт должен был бы сидеть на Пегасе, но Пегас тут стоит сам по себе, ниже летящего над ним Беллерофонта. Создается

¹ После “Р” буквы стерлись на протяжении 2,5 мм и прикрыты сверху полоской красного воска; в кв. ск. – доб. по смыслу.

² Так на печати. Слог “ВА”, необходимый после первого “И”, пропущен. Второе “И” как будто испр. из “У”, после него буква неясна; в кв. ск. – буквы, читаемые неуверенно.

³ Слово нап. справа налево; буква “М” нап. как “П”, буква “И” в обоих случаях нап. как “Н”.

⁴ Первая часть слова ([СЄ]МЄ) нап. на правой (от зрителя) стороне печати, после буквы “М” в слове “МИХАИЛО”. Первая буква отчества (предполагаемое “С”) полностью скрыта под восковой заляпушкой на ободке. У второй буквы (“Є”) виден верх, а низ закрыт восковой заляпушкой. Буква “М” между двумя “Є” нап. “вверх ногами” и читается как “W”. Вторая часть слова (“НОВИ[У]”) нап. на левой стороне печати, после конечной буквы “О” в слове “МИХАИЛО”. Буква “И” нап. как “Н”. Последняя буква (“У”) почти полностью стерлась. Между первой и второй частями отчества находится фамилия “ВОРОНЦОВЪ” в нижней части ободка.

⁵ Слово нап. внизу ободка, между второй (“НОВИ[У]”) и первой (“[СЄ]МЄ”) частями отчества. Фамилия начинается после второй буквы “Є” первой части отчества; буквы “Р”, “Ц” и “Б” нап. вверх ногами, причем у “Ц” хвост расположен не справа, а слева, что позволяет читать эту букву как “Ч” в зеркальном отображении.

⁶ О креплениях шнура в форме “куриной лапы” подробнее см.: *Каишанов С.М.* Актовая археография. М., 1998. С. 266.

⁷ *Гомер.* Илиада / пер. Н.И. Гнедича. М., 1960. С. 104, строка 181.

впечатление, что конь все-таки связан с человеком какой-то неясной кривой линией. Она идет вверх от подставки, на которой стоит Пегас. Печать без надписи и, следовательно, без ободка для нее. На оборотной стороне слепка оттиска печати нет. Владельцем этой печати был, вероятно, псковский наместник Дмитрий Семенович Воронцов.

Печать № 5 не сохранилась. От нее осталась пергаменная лента, вставленная в прорезь на л. 1. Длина ленты – 69–72 мм, ширина – 9,5 мм внизу, 13,5 мм – наверху, у прорези. Печать принадлежала, вероятно, магистру Ливонского ордена Герману фон Брюггенену.

Печать № 6 не сохранилась. На л. 1–1 об. имеется прорезь, куда когда-то была вставлена пергаменная лента, на которой держалась печать. Длина прорези – 10,5 мм на л. 1 и 8 мм на л. 1 об. (на л. 1 об. щель несколько сжалась под влиянием сгибов пергамена). Можно думать, что печать принадлежала рижскому архиепископу Томасу.

Печать № 7 не сохранилась, но имеется часть шнура, на котором печать была подвешена. Шнур состоит из двух переплетающихся шелковых прядей красного цвета. На л. 1 шнур представлен ниспадающей дугой, высота которой – 55–57 мм. Ширина дуги наверху по горизонтали – 40 мм (каждый конец ее вставлен в прорезь протяженностью в 10 мм). На л. 1 об. шнур печати № 7 имеет вид двух свисающих концов высотой в 35 мм (правый) и 42 мм (левый). Предполагаем, что печать № 7 принадлежала дерптскому епископу Иоганну.

Пометы и пометки на грамоте. На л. 1 об. и 2 об. у самого верхнего края почерком XVI в. нап. “В” без титла (?). На л. 2 об. внизу, в 8,2 см от нижнего края и в 7,5 см от левого края – полусмытые или полустертые буквы “ЧГ” под титлом (93). На нижнем поле л. 1 и 2 почерком XVIII в. нап. “№ 5”. Печать Московского главного архива МИД оттиснута два раза на лицевой стороне л. 1 (на верхнем поле справа и на правом поле внизу). Два ее оттиска имеются и на лицевой стороне л. 2 (в середине верхнего поля и на нижнем поле под текстом справа). Оттиски печати МГАМИД – синего цвета.

Листы пронумерованы карандашом арабскими цифрами на лицевой стороне в левом верхнем углу.

На левом поле л. 2 сделаны чернильные отметки в виде горизонтальных черточек напротив строк 5, 10, 16, 21, 27, 32, 38, 43, 48, 54, 59, 65, 70, 76. На правом поле подобная отметка сделана напротив строки 13.

В немецком тексте карандашом поставлены крестики над некоторыми словами в строках 3, 26, 44, 49, 66. Карандашом же нап. знак угла в строке 46.

Очень мелкие следы разбрызганных черных чернил имеются на л. 2 во второй половине строк 34–39.

На л. 1 наблюдаются трещины в пергамене в районе строк 36–38, 58 и небольшая дыра – в районе строки 42. Нужно отметить наличие двух довольно значительных дыр на нижнем поле л. 2. В районе строки 26 немецкого текста пергамен проколот, а в середине строки 41 – слегка надорван. Следы мелких укулов на поверхности пергамена обнаруживаются в строке 76.

Верхний левый угол л. 1 загибается вовнутрь. Аналогичным образом загибается и верхний левый угол л. 2, который заметно загрязнен. На обоих листах многочисленные складки, которые отрицательно повлияли на состояние текста.

На л. 1 – несколько больших темных пятен от сырости. Они расположены в начале строки 1, во второй половине строк 1–4, вдоль строк 18, 34, 36, в нижней половине листа в середине строк 40–47, в начале строк 51–52 и в других местах.

На л. 2 тоже есть пятна, но они гораздо бледнее. Наиболее значительные по величине находятся на верхнем поле над строкой 1, в строках 4, 7–10, 37–38, в первой половине и середине строк 63–82, во второй половине строк 74–82. Края л. 2 слева и справа обтрепаны. Левое и правое поля потерты.

Документ хранится в сложенном виде. Рукопись складывается вдвое по продольному и поперечному сгибам. В сложенном виде она составляет 30,1 см по горизонтали и 33,6 см – по вертикали.

Грамота обернута грубой бумагой XVIII в. Обертка подогнана под размеры грамоты в сложенном виде и создает для нее покрытие наподобие конверта с отворачивающимися краями. На лицевой стороне обертки почерком XVIII в. написано: “№ 5 (“5” зач.), 4 (зач.). 7043-го... 1534-го (“4” испр. из “5” дрп. и дрч.) окт.: 1 (тжп., что и “4” в числе года). | Грамота перемирная лифлянского князя Германа | фонъ Бряхина пословъ Ивана Лодена да Федора Корфа | с новгородскими и псковскими наместники при царѣ | Иванѣ Васильевичѣ,

перемирье учинено на “17” лѣтъ 7043-го | годѣ, у которой три печати восковыя, привешенныя на шнѣрах | шелковыхѣхъ, писана на паргаментѣ рѣскимъ и немѣцкимъ | языкомъ, ветха”.

На обертке пометки черными чернилами (конца XVIII – начала XIX в.) – наверху слева: “№ 7” (перед “7” полустертое “5”, которое, кажется, было испр. на “6”, тоже стертое); внизу слева: “Лифлянская”; выше справа: “испр.”; на загибе бумаги: “Лифлянтъ. № 7”. Пометки карандашом (XX в.) – наверху справа: “ф. 64, оп. 64/2”; после “окт: 1” (в начале заголовка): “Г”.

С п и с к и X V I I I в. [1766–1767 гг.?]: РГАДА. Ф. 199 (Портфели Г.Ф. Миллера). Оп. 1. № 299. Ч. V. Л. 48–56 (русский текст), 57–64 об. (немецкий текст – список П. Миллера), 65 (зарисовки оттисков печатей № 1, 2, 4).

У п.: 1) *Опись архива Посольского приказа 1614 г.* – см.: *Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года* / под ред. С.О. Шмидта. М., 1960. С. 80; 2) *Опись архива Посольского приказа 1626 года* / подгот. к печати В.И. Гальцов; под ред. С.О. Шмидта. М., 1977. Ч. 1. С. 162; 3) *Опись архива Посольского приказа 1673 года* / подгот. к печати В.И. Гальцов; под ред. С.О. Шмидта. М., 1990. Ч. 1. С. 234–235; 4) *Бантыш-Каменский Н.Н.* Сокращенное известие о взаимных между российскими монархами и европейскими державами посольствах, переписках и договорах, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел в Московском архиве с 1481–1781 год. М., 1804. Ч. III. См.: *Он же.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М., 1897. Ч. III (Курляндия, Лифляндия, Эстляндия, Финляндия, Польша и Португалия). С. 65 и примеч.**; 5) *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб., 1817. Т. VIII. См.: То же. 5-е изд. СПб., 1842. Кн. II, т. VIII. Стб. 13. Примеч. к т. VIII. Стб. 8, № 18; 6) *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1856. Т. VI. См.: *Он же.* Сочинения в восемнадцати книгах. М., 1989. Кн. III: История России с древнейших времен. Т. 5/6. С. 405, 702. Примеч. 8; 7) *Шумилов В.Н.* Обзор документальных материалов Центрального государственного архива древних актов по истории СССР периода феодализма XI–XVI вв. М., 1954. С. 39; 8) *Шаскольский И.П.* Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани // *Международные связи России до XVII в.* М., 1961. С. 380–381; 9) *Шаскольский И.П.* Русские источники по истории Восточной Прибалтики IX–XVII вв. // *Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики.* Рига, 1970. С. 16; 10) *Казакова Н.А.* Русско-ливонские договоры 1509 г. // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Л., 1972. С. 213. Примеч. 76; 11) *Каиштанов С.М.* Борьба за Углич и древнейшие писцовые описания Угличского уезда // *Восточная Европа в древности и средневековье: сб. ст.* М., 1978. С. 215; 12) *Похлебкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. М., 1995. Вып. II, кн. 1: Войны и мирные договоры: справ. С. 123, № LXXIV; 13) *Каиштанов С.М.* Институты государственной власти Великого Новгорода и Пскова в свете немецкой средневековой терминологии (предварительные заметки) // *Историк среди историков: [сб. статей, посвященный А.Л. Литвину].* Казань, 2001. С. 147–149, 153 (примеч. 9, 14), 156 (примеч. 114, 122); 14) *Он же.* Институты государственной власти ... // *Древнейшие государства Восточной Европы. 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения.* М., 2003. С. 312–314.

Примечание к заголовку

¹ Договор не мог быть составлен ранее приезда ливонских послов 8 или 16 марта 1535 г. (подробнее см. вступительную статью). Самая ранняя из указанных в летописях дат их приезда (8 марта 1535 г.) может служить *terminus a quo* публикуемого акта. В немецком экземпляре документ прямо датирован 1535 г. по зре от Р.Х. Но в обоих текстах – и русском, и немецком – фигурирует 7043 г. как время написания договора. 7043 г. от С.М. начинался 1 сентября 1534 г. и заканчивался 31 августа 1535 г. Последняя дата принимается нами в качестве *terminus ad quem* издаваемого источника. Можно думать, что приезд немецких послов из Москвы в Новгород состоялся не ранее апреля 1535 г., а договор был заключен, скорее всего, в апреле–мае 1535 г.

Примечания к русскому тексту договора

¹⁻¹ Текст находится в зоне большого темного пятна от сырости, занимающего 155 мм – более четверти длины 1-й строки.

² “П” – крупн. украшенный инициал полууставного типа (высота – 73 мм, минимальная ширина – 8 мм, максимальная ширина – 17 мм). Составные элементы инициала: вертикальное навершие над крышей (высота – 10 мм, ширина – 1–1,5 мм); крыша (высота – 7 мм по краям, 10 мм – в середине, ширина – 12 мм); две ножки (высота – 43 мм, толщина каждой ножки – 1,5–2 мм, расстояние между внутренними сторонами ножек – 5–6,5 мм, между внешними сторонами – 9 мм); мелкие завитки по внешним сторонам ножек, от крыши до середины ножек (общая протяженность по вертикали – 25 мм, ширина – 1 мм); украшение под левой ножкой (высота – 9 мм, ширина – 1–4 мм); украшение под правой ножкой (высота – 8 мм, ширина – 1–5 мм); расстояние между внутренними сторонами левого и правого подножных украшений – 5 мм наверху, 10–11 мм внизу; расстояние между внешними сторонами подножных украшений – соответственно 12 и 16,5–17 мм. Ширина инициала на разных уровнях: над крышей – 1–2 мм, по крыше – 12 мм, под крышей – 11 мм, в средней части ножек – 10–11 мм, у закруглений ножек – 14 мм, в верхней части подножных украшений – 12 мм, в нижней части подножных украшений – 16,5–17 мм. Левая ножка “П” нап. на левом поле. Удаленность инициала от левого края листа – 23 мм (навершие), 16,5 мм (крыша), 18,3 мм (середина левой ножки), 17 мм (нижняя часть левой ножки); 14 мм (нижняя часть левого подножного украшения). Правая ножка “П” проходит рядом с началом 2–6-й строк и завершается в начале 7-й строки текста. Нижняя часть навершия и крыша покрыты темным пятном; средняя часть ножек частично выцвела; вся буква заметно потускнела от сырости.

³⁻³ Все буквы затемнены пятном от сырости.

⁴ Все буквы, кроме “к”, затемнены пятном от сырости; после “к” буква частично смыта, но довольно уверенно читается как “о”; в кв. св. уточн. по копии XVIII в. (л. 48).

⁵⁻⁵ Все буквы затемнены пятном от сырости.

6, 6, 6, 6, 6, 6, 6, 6, 6, 6 В ркп. “i” и последующее “v” нап. лигатурой.

⁷ Все буквы, кроме вын. “ж”, затемнены пятном от сырости.

⁸ Буквы “млт” затемнены пятном от сырости; вын. “с” и строчные “ю” – вне пятна.

⁹ Буква “w” затемнена пятном от сырости.

¹⁰⁻¹⁰ Текст находится в зоне темного пятна от сырости протяженностью в 38 мм.

¹¹⁻¹¹ Все буквы затемнены пятном от сырости.

¹² Буквы “Югwрск” затемнены пятном от сырости, буквы “оз” – вне пятна.

¹³ “С” – средн. инициал полууставного типа (высота – 11 мм).

^{14,14} Буква “v” (ижица) нап. над “о” (ср. ниже, примеч. 350).

¹⁵ Вын. “д” затемнено пятном от сырости.

¹⁶ Верхняя часть “к” затемнена пятном от сырости.

¹⁷ Слово затемнено пятном от сырости.

¹⁸ Буква “г” затемнена пятном от сырости.

¹⁹ Первое “о” нап. сходно с “а”.

²⁰ Буквы “ба” нап. лигатурой.

²¹ Буква “ю” затемнена пятном от сырости.

- 68 “А” – мал. инициал полууставного типа (высота – 10 мм).
- 69 Буква “Г” нап. по дрб. (“о”?) тжп. и тжч.
- 70 Правая часть “е” стерлась на складке пергамена; в кв. ск. уточн. по копии XVIII в. (л. 49 об.).
- 71 Левая сторона “и” стерлась на складке пергамена.
- 72 “И” – мал. инициал полууставного типа (высота – 10 мм).
- 73 Внутри последнего “о” чернила расплылись.
- 74 Левая сторона “а” стерлась на складке пергамена.
- 75 “А” – мал. инициал скорописного типа (высота – 5 мм).
- 76, 76, 76, 76, 76, 76, 76 Внутри округлой нижней части “ѣ” чернила расплылись.
- 77 “И” – мал. инициал скорописного типа (высота – 9,5 мм).
- 78 “И” – мал. инициал полууставного типа (высота – 7,5 мм).
- 79 Правая сторона “е” стерлась на складке пергамена.
- 80 В ркп. “бѣ” нап. лигатурой.
- 81 Внутри первого “о” чернила расплылись.
- 82 В ркп. “н” частично стерлось на складке пергамена; в кв. ск. уточн. по копии XVIII в. (л. 50).
- 83 “А” – средн. инициал полууставного типа (высота – 13 мм).
- 84 Левая сторона “в” потерта, основание стерлось.
- 85 Вын. “до” нап. лигатурой.
- 86 Левая сторона “а” частично стерлась на складке пергамена.
- 87 Буквы “би” покрыты пятном от сырости.
- 88 Буквы “въ” затемнены следами сырости.
- 89–89 Текст затемнен пятном от сырости.
- 90 Буквы “ѣстали” затемнены пятном от сырости.
- 91 Внутри третьего “о” чернила расплылись, и буква напоминает тчк.
- 92 Буквы “гом” сильно потерты.
- 93 Буква “ы” частично стерлась.
- 94 Буква “с” сильно потерта; в кв. ск. уточн. по копии XVIII в. (л. 50 об.).
- 95 В середине левой стороны “ю” небольшая клякса тжч. (Д – 1 мм).
- 96 “В” – средн. инициал скорописного типа (высота – 13 мм).
- 97 Левая сторона “и” стерлась; вся буква сильно потерта.
- 98 Буквы “штѣха” потерты.
- 99 Левая сторона “к” стерлась; в кв. ск. уточн. по копии XVIII в. (л. 50 об.).
- 100 Буквы “дати” скрыты под складкой пергамена.
- 101 Буквы “добро” скрыты под складкой пергамена.
- 102 Буквы “бе” нап. лигатурой.
- 103 Буква “ы” заметно выщела.
- 104 Буква “д” повреждена на складке пергамена: от нее сохр. только полустершаяся головка; левая сторона второго “а” стерлась; в кв. ск. уточн. по копии XVIII в. (л. 50 об.).
- 105 Буква “о” частично стерлась.
- 106 Верхняя часть буквы “л” частично стерлась. Между верхом “л” и вын. “т” небольшая клякса дрч.
- 107 Вын. “в” почти совсем стерлось; следующая буква стерлась на складке пергамена; в кв. ск. доб. по копии XVIII в. (л. 50 об.).
- 108 Буква “w” сильно потерта.
- 109 Буква “п” испр. из дрб. (“г” или “б”?) схч. (более темными).
- 110 Вын. “т” скрыто под складкой пергамена.
- 111 Вын. “д” скрыто под складкой пергамена.
- 112 Вын. “в” скрыто в складке пергамена.
- 113 Вын. “ч” сильно потерто на складке пергамена.
- 114 Вын. “и” скрыто в складке пергамена.
- 115 Перекладыны букв “ѣ” и “ъ” скрыты под складкой пергамена.
- 116, 116 В ркп. “а” нап. фигурно – с хвостом налево, вверх и вправо: (длина всей фигуры по прямой – 17 мм).
- 117 Буква “в” нап. утолщено.
- 118 Правая часть “п” и второе “е” потерты.

119 В немецком экземпляре далее “vnd sines sons Was[silie]n, vann Gots gnaden key[ser] vnd hers(cher) aller Russen vnd grothf(urste)” (строки 28–29).

120, 120 Внутри округлой нижней части “б” чернила расплылись.

121 Буквы потерты.

122 Левая сторона и низ буквы “в” выцвели.

123 Буквы потерты; “е” почти совсем стерлось на складке пергамена; в кв. ск. уточн. по копии XVIII в. (л. 51).

124, 124 Буква “ъ” испр. из дрб. (“а” ?) схп. и схч. (более темными).

125–125 Буквы “и и” нап., возможно, по смытому или стертому.

126 Козырек вын. “г” потерт на сгибе пергамена.

127 Буквы “к” и “в” частично стерлись на складках пергамена.

128 Буквы “ежѣ” заметно выцвели.

129 Буквы “д” и “л” потерты с правой стороны.

130–130 В немецком экземпляре в соответствующем месте сказано: “so sal men ehne *thor tid* in die veste setten” (строка 37; подч. нами. – С.К.). Иначе говоря, здесь вводится ограничение времени заключения: “до срока”.

131 Так, по ошибке, в ркп.; в копии XVIII в. “великого” (л. 52).

132 Средняя линия второго “и” (восьмеричного) частично выцвела или стерлась.

133 Над первым “о” справа клякса тжч. (Д – 1 мм).

134 Правая сторона вын. “в” выцвела или стерлась.

135 Буквы “ико” заметно выцвели.

136, 136 Буква “с” заметно выцвела.

137 “А” – мал. инициал скорописного типа (высота – 7 мм).

138 Правая сторона последнего “и” выцвела.

139 Внутри второго “о” чернила расплылись.

140 Левая сторона буквы “w” несколько выцвела от сырости.

141 Левая сторона вын. “м” частично выцвела или стерлась.

142 Буквы “ря” затемнены следами сырости.

143 Буквы “на” затемнены следами сырости.

144 Внутри округлой нижней части “ъ” чернила расплылись, а верхняя короткая часть спинки сильно выцвела, вследствие чего буква “ъ” напоминает “о”.

145 “А” – средн. инициал скорописного типа (высота – 12 мм).

146, 146 Буква “а” украшена тремя точками, одна из которых в середине дуги слева, две

другие справа – наверху (начало дукта) и внизу (конец дукта):

147 Буквы “де” поблекли от сырости.

148 Буква “с” поблекла от сырости.

149 Буквы “обы” поблекли от сырости.

150 Буква “е” подпр. или испр. из дрб. (“о” ?) схч. (тжч.?).

151 “А” – мал. инициал скорописного типа (высота – 10 мм).

152 Буквы “аи” затемнены пятном от сырости.

153 Буквы “ин” затемнены пятном от сырости.

154 Буквы “св” затемнены пятном от сырости.

155 Буквы “тина” затемнены следами сырости.

156 По титлу над вын. “к” проведена косая черта сверху вниз, справа налево, дрч. (черными).

157 В немецком экземпляре “anholdinge vnd bosettunge” (строка 48).

158 Буква “к” затемнена следами сырости.

159 Все буквы, кроме “ом”, затемнены следами сырости.

160 Верхняя часть букв “Пско” и вын. “в” затемнены следами сырости.

161 Буквы “емъ” затемнены следами сырости.

162 Буквы “дѡбры” затемнены следами сырости.

163 Буквы “вдоски” затемнены следами сырости.

164 Вын. “с” затемнено пятном от сырости.

165 Буква “о” (после “р”) заметно выцвела.

166 Буквы “вцом” затемнены следами сырости.

167–167 Все буквы, кроме трех вын. “м” и вын. “с”, затемнены следами сырости.

168 Корпус буквы “ц” затемнен следами сырости; буквы “лов” потерты на складке пергамена.

- 169 Буква “а” затемнена пятном от сырости.
- 170–170 Текст находится в зоне пятна от сырости.
- 171 Буквы “нским” сильно затемнены пятном от сырости.
- 172–172 Буквы “и люде” сильно затемнены пятном от сырости.
- 173 Около левой ножки и у основания буквы “д” в пергамене трещина.
- 174–174 Текст находится в зоне пятна от сырости.
- 175–175 Слова сильно затемнены пятном от сырости.
- 176 Левая ножка “к” выцвела.
- 177 Левая часть вын. “м” частично выцвела, по-видимому, от сырости.
- 178 Буква “и” затемнена пятном от сырости.
- 179 Буквы “бе” затемнены следами сырости.
- 180 Слово сильно затемнено пятном от сырости.
- 181–181 Текст сильно затемнен пятном от сырости.
- 182 Буква “б” расплылась или испр. из дрб.; буква “ы” испр. как будто из дрб. (“б”?).
- 183 “А” – мал. инициал полууставного типа (высота – 9-9,5 мм).
- 184–184 Под строкой, в интервале между 37 и 38-й строками, трещина в пергамене (длина – 30 мм).
- 185 Нижняя часть букв “ви” затемнена пятном от сырости.
- 186 Все буквы, кроме вын. “с”, сильно затемнены пятном от сырости; хвост буквы “р” и правый усик “ѣ” покрыты следами плесени; низ буквы “ѣ” выцвел; от буквы “к” остались слабые очертания; от буквы “и” сохр. лишь две точки над строкой; верхняя часть “е” отс.; в копии XVIII в. “русские” (л. 53 об.); в кв. ск. уточн. и доб. по аналогии с написанием того же слова дальше в 37 и 38-й строках.
- 187–187 Текст находится в зоне пятна от сырости.
- 188–188 Текст сильно затемнен следами сырости.
- 189 Буквы “иск” затемнены пятном от сырости.
- 190 Слово затемнено пятном от сырости; буква “и” сильно, а буквы “не” в значительной мере выцвели; в кв. ск. уточн. по копии XVIII в. (л. 53 об.).
- 191 Верхняя часть буквы “н” выцвела или стерлась на складке пергамена.
- 192 Буква “о” затемнена следами сырости; верхняя часть буквы “е” выцвела и покрыта следами плесени; в кв. ск. уточн. по копии XVIII в. (л. 53 об.).
- 193 Слово затемнено пятном от сырости, буквы сильно выцвели; от букв “рк” сохр. слабые очертания, покрытые следами плесени; в кв. ск. уточн. по копии XVIII в. (л. 53 об.).
- 194 Нижняя часть вын. “т” скрыта в складке пергамена.
- 195 В ркп. “что” и вын. “с”; в копии XVIII в. “чисто” (л. 53 об.); в немецком экземпляре “геупе” (строка 53).
- 196–196 Текст затемнен пятном от сырости.
- 197 Буква “и” нап. с утолщением в середине перекладыны.
- 198 Буквы “ѣде” слегка затемнены следами сырости.
- 199 Буква “о” частично стерлась.
- 200 На буквах “едѣт” – следы плесени, причем буква “е” сильно выцвела.
- 201 Буквы “ѣб” затемнены пятном от сырости.
- 202 Первое “а” затемнено пятном от сырости.
- 203 На букве “и” – следы плесени.
- 204 На буквах “Пѣс” и “в” – следы плесени; левая сторона “в” и правая сторона “а” частично выцвели.
- 205 Буква покрыта пятном от сырости и различается с трудом; перед “с” как будто была нап. и полусмыта буква “б”, над которой след смытого вын. “м”. В кв. ск. уточн. по копии XVIII в. (л. 54).
- 206 Слово затемнено пятном от сырости; все буквы до “кою” сильно выцвели; в середине слова следы почерневших букв “ленс”; в копии XVIII в. “Лифлянской” (л. 54); в кв. ск. уточн. по написанию этого слова в других местах ркп. (см., например, строки 4, 5, 14, 15, 25, 27, 41, 56).
- 207–207 Текст затемнен следами сырости.
- 208 Буквы “скѣ” затемнены следами сырости.
- 209 Первое “и” немного помято на складке пергамена.
- 210 Буква “у” выцвела, в ее верхней части следы плесени.
- 211 Слово покрыто пятном от сырости; буквы “еи” сильно выцвели.

- 212 Слово покрыто пятном от сырости; буквы почти полностью выцвели; в кв. ск. уточн. по копии XVIII в. (л. 54).
- 213 Слово покрыто пятном от сырости; все буквы, кроме “ти”, сильно выцвели; в копии XVIII в. “отнимать” (л. 54).
- 214 Буква “в” затемнена следами сырости.
- 215 Буквы “он” поблекли от сырости.
- 216 Буквы “пк” затемнены следами сырости.
- 217 Буквы “арци” затемнены пятном от сырости; оба “и”, оба “ѣ”, а также “ск” заметно выцвели.
- 218 Написание “ы” сходно с начертанием буквы “а”, встречающимся в ркп. в конце слова или в конце строки.
- 219 Буквы “ц” и вын. “т” покрыты следами плесени, причем левая сторона “ц” выцвела от сырости.
- 220 После “лѣ” буквы затемнены пятном от сырости; на “т” – следы плесени, его правая ножка почти совсем выцвела; в кв. ск. уточн. по копии XVIII в. (л. 54).
- 221 Слово покрыто пятном от сырости; буквы “слѣ” сильно выцвели; от “ѣ” сохр. только нижняя часть; в кв. ск. уточн. по копии XVIII в. (л. 54). Над строкой, выше “лѣ”, небольшая дыра в пергамене (4,5 × 3 мм²).
- 222 Буквы “намѣст” покрыты пятном от сырости, причем на буквах “на” следы плесени, верх первого “н” выцвел или стерся.
- 223–223 Текст затемнен следами сырости.
- 224 Буквы “овы” покрыты пятном от сырости.
- 225 Все буквы, кроме “вѣ”, покрыты пятном от сырости; особенно сильно поблекли буквы “е” и “а”.
- 226 Буква “и” затемнена следами сырости.
- 227 Буквы “арцы” затемнены пятном от сырости.
- 228 Так в ркп.; выше в тексте говорилось о после в ед. ч. (“послѣ”). В немецком экземпляре “die bode” (строка 59).
- 229 Левая ножка вын. “л” нап. в виде едва заметной волосяной линии.
- 230 Буквы “всакѣ” потускнели от сырости, причем на буквах “всм” и “ѣ” – следы плесени; буква “е” покрыта пятном от сырости.
- 231 Слово покрыто пятном от сырости, буквы выцвели; верх буквы “з” почти не виден; над “з” и на буквах “ѣп” – следы плесени; в кв. ск. уточн. по копии XVIII в. (л. 54).
- 232 Нижняя часть спинки буквы “а”, опускающаяся под строку, затемнена пятном от сырости.
- 233 Правая часть “ю” потерта или полусмыта.
- 234 Левая ножка “м” выцвела.
- 235–235 Текст слегка затемнен следами сырости.
- 236 Вын. “з” нап. над вын. “б”.
- 237 Слово затемнено следами сырости.
- 238 Буквы “мест” затемнены следами сырости.
- 239 Буквы “ву” затемнены следами сырости.
- 240 Слово затемнено пятном от сырости.
- 241 Буквы “вел” затемнены пятном от сырости.
- 242 Нижняя часть “и” покрыта пятном от сырости.
- 243 Буквы “цр” покрыты пятном от сырости, причем буква “ц” заметно выцвела.
- 244 Буквы “Р” и “скогw” затемнены следами сырости.
- 245 Буквы “зем” затемнены следами сырости и заметно выцвели; буквы “лѣ” покрыты пятном от сырости.
- 246–246 Текст покрыт темным пятном от сырости.
- 247 Буквы поблекли; “ь” едва виден; в копии XVIII в. “Пскова” (л. 54 об.); в кв. ск. уточн. по аналогии с некоторыми другими чтениями этого слова в ркп. (см., например, строки 11, 27, 30, 40, 54).
- 248 Буква “п” покрыта пятном от сырости.
- 249 Правая часть “т” и последующее “и” затемнены следами сырости.
- 250 Слово затемнено следами сырости.
- 251–251 Буквы “ѣхати дѣбро” слегка затемнены следами сырости.
- 252 Буква “с” потерта на сгибе пергамена.

- 253–253 Текст слегка затемнен следами сырости.
- 254 Буквы “об” затемнены следами сырости.
- 255 Буквы “прав” затемнены следами сырости.
- 256 Буквы “да” затемнены следами сырости; буква “и” покрыта пятном от сырости.
- 257 Слово покрыто пятном от сырости.
- 258 Буквы “къ” затемнены пятном от сырости, причем загнутая влево крыша “ъ” нап. бледнее, чем округлая часть буквы, которая поэтому м.б. принята за “о”; в копии XVIII в. “тако” (л. 54 об.).
- 259 Средняя часть буквы “ы” смята на складке пергамена.
- 260 Буквы “ѡлех” покрыты темным пятном от сырости; на “ѡ” следы плесени; буквы “ле” выцвели.
- 261 Буквы “ок” затемнены пятном от сырости.
- 262 Буквы “ло” заметно выцвели.
- 263 Буквы “по” потерты или частично выцвели.
- 264 Левая ножка “п” заметно выцвела.
- 265–265 Текст покрыт бледными следами сырости.
- 266 Буквы “ѡ”, “и” и “н” частично, а буквы “ѡтъ” полностью покрыты пятном от сырости.
- 267–267 Текст покрыт пятном от сырости.
- 268 Буква “н” покрыта пятном от сырости.
- 269 В копии XVIII в. “себя” (л. 54 об.).
- 270 Верх буквы “л” и последующее “и” покрыты пятном от сырости.
- 271 Буква “з” выцвела; буква “а” покрыта пятном от сырости.
- 272–272 Текст находится в зоне бледных следов от сырости.
- 273 Буквы “де” сильно потерты или выцвели от сырости.
- 274–274 Буквы покрыты следами сырости.
- 275–275 Текст находится в зоне бледных следов от сырости.
- 276 Слово покрыто пятном от сырости; буквы частично выцвели; между “б” и “с” буква съедена плесенью; в кв. ск. доб. по копии XVIII в. (л. 54 об.).
- 277 Буквы покрыты пятном от сырости и частично – следами плесени.
- 278 Слово покрыто пятном от сырости; буквы “крт” сильно затемнены, выцвели и несут на себе следы плесени; в кв. ск. доб. по копии XVIII в. (л. 54 об.).
- 279 Корпус и конец хвоста буквы “ц” затемнены пятном от сырости.
- 280 “А” – мал. инициал скорописно-полууставного типа (высота – 8 мм).
- 281, 281 Буква “н” нап. сходно с “п”, но все же она имеет на вершине правой ножки тонкое ответвление вверх направо, и в ней нет выступающих в стороны краев крыши.
- 282 В немецком экземпляре далее “ock die fredebreue in dussen bostemmeden iaren afsenden van beiden parte(n)” (строка 66).
- 283, 283 Вын. буквы “мъ” нап. лигатурой:
- 284 Буквы сильно потерты или выцвели от сырости; первые две буквы почти не видны; в кв. ск. уточн. по копии XVIII в. (л. 54 об.).
- 285 Все буквы, в особенности “е”, сильно потерты или выцвели от сырости.
- 286 Буквы “еми” и головка вын. лежачего “р” покрыты пятном от сырости.
- 287 Буквы “мен”, а также левая сторона и низ буквы “ѡ” покрыты пятном от сырости.
- 288 На букве “б” следы плесени.
- 289 Слово частично затемнено следами сырости; левая сторона “в”, низ правой ножки “к” и буква между “к” и “е” съедены плесенью; в копии XVIII в. – “всякие” (л. 55); в кв. ск. уточн. и доб. по аналогии с написанием этого слова в других местах ркп. (см., например, строки 41, 43, 44, 52).
- 290 На буквах “хи” и “ти” – следы плесени.
- 291–291 Буквы потерты или выцвели от сырости.
- 292 Буква “w” потерта.
- 293 Так, по ошибке, в ркп. вместо “на”; в копии XVIII в. “на” (л. 55).
- 294 Буквы “по” слегка затемнены следами сырости. Левая ножка “т” состоит как бы из двух точек, написанных одна над другой схч. (дрч. ?).
- 295 “А” – средн. инициал полууставного типа (высота – 11 мм).
- 296–296 Текст находится в зоне бледных следов от сырости.

- 297–297 В немецком экземпляре в соответствующем месте говорится: “nicht bosetten, noch anholden” (строка 69).
- 298 Буква “в” потерта.
- 299 Все буквы сильно потерты.
- 300 Буквы “ни” сильно потерты; от “к” остался только бледный след правой ножки; буквы “то” потерты, но различимы; в кв. ск. уточн. по копии XVIII в. (л. 55).
- 301 Буква “ю” потерта.
- 302 Буквы потерты или выцвели от сырости.
- 303 Буквы “к” и “н” потерты или выцвели от сырости, причем на “н” – следы плесени.
- 304 Буква “н” нап. сходно с “и” и затемнена пятном от сырости или кляксой тжч.
- 305 Буква “а” испр. из “и” сшп., но дрч. (более темными).
- 306 Все строчные буквы заметно потерты или выцвели от сырости.
- 307 В немецком экземпляре местоимение после “eder” отс. (строка 71).
- 308 Буквы “ме” заметно потерты или выцвели от сырости.
- 309 Правая сторона “и” потерта на складке пергамента; буквы “коз” затемнены следами сырости.
- 310–310 Слова покрыты бледными следами сырости.
- 311–311 Текст покрыт бледными следами сырости.
- 312–312 Буквы очень сильно потерты и частично скрыты под складкой пергамента.
- 313 Текст потерт, причем буквы “ре” частично скрыты в складке пергамента.
- 314 Слово почти целиком скрыто в складке пергамента.
- 315 Буквы “про” частично скрыты в складке пергамента.
- 316–316 Текст покрыт бледными следами сырости.
- 317 Над “и” диакритический знак, напоминающий вын. “т”.
- 318–318 Текст затемнен следами сырости.
- 319 Вын. “с”, написанное, кажется, над “ѣ”, почти совсем стерлось на складке пергамента; слева от него сохр., как будто, титло; в копии XVIII в. “Русского” (л. 55 об.); в кв. доб. по аналогии с написанием этого слова в других местах ркп. (см., например, далее в той же строке, а также строки 1–4, 6, 7, 13, 37, 38, 44, 54, 56, 59).
- 320 В немецком экземпляре далее “boyaren vnd” (строка 73).
- 321 Перекладина буквы “ѣ” почти совсем стерлась на складке пергамента; буквы “ики” сильно потерты или выцвели.
- 322–322 Текст затемнен пятном от сырости.
- 323 Буквы “ве” потерты.
- 324 Буквы “ва” потерты; левая часть конечного “а” почти совсем стерлась.
- 325–325 Текст несколько затемнен следами сырости.
- 326 Буквы “Иван” и вын. “ч” немного затемнены следами сырости.
- 327 В немецком экземпляре далее “Gorbathoj” (строка 73).
- 328 В немецком экземпляре далее “Worontzow” (строка 73).
- 329 “Т” – мал. инициал полууставного типа (высота – 8 мм).
- 330 Левая и правая ножки “л” в средней части стерлись.
- 331 В немецком экземпляре далее “Kubenskij” (строка 74).
- 332 Буквы “Се” нап. лигатурой:
- 333 В немецком экземпляре далее “Worontzow” (строка 74).
- 334–334 Текст несколько затемнен следами сырости.
- 335 Буквы “ковьским” слегка затемнены следами сырости.
- 336 Буквы “Микитин” покрыты бледными следами сырости.
- 337 Буквы “дрѣю” затемнены следами сырости.
- 338 Буквы “Шнкѣд” немного затемнены следами сырости.
- 339 Внутри головки “р” чернила расплылись.
- 340 В немецком экземпляре после “vnd” следует “ander” (строка 75).
- 341–341 Текст несколько затемнен пятном от сырости.
- 342 Верх буквы “с” потерся на складке пергамента.
- 343–343 Текст немного затемнен пятном от сырости.
- 344 Буквы “ем” слегка затемнены следами сырости.
- 345 Буквы “чину” и вын. “т” затемнены следами сырости.
- 346 Буквы “дря” затемнены пятном от сырости.

- 347–347 Текст затемнен пятном от сырости.
- 348 Левая стенка этой буквы (= “i”) вплотную присоединена к “а”, которое покрыто перекладиной.
- 349 Буква “P” и нижняя часть строчных букв “уского” затемнены пятном от сырости.
- 350 Буква “у” (ижица) нап. над “о” (ср. выше, примеч. 14), причем из правого усика ижицы опускается хвост, заканчивающийся в интервале между 54 и 55-й строками:
- 351–351 Буквы “и прилож” немного затемнены следами сырости.
- 352–352 Буквы “и гвро” немного затемнены следами сырости.
- 353–353 Буквы “ою держав” слегка затемнены следами сырости.
- 354 “А” – крупн., но не жирно написанный инициал скорописно-полууставного типа (высота – 18–19 мм).
- 355 Буквы “ере” затемнены следами сырости.
- 356–356 Текст слегка затемнен следами сырости.
- 357 Буквы “да” затемнены пятном от сырости.
- 358–358 Текст слегка затемнен следами сырости.
- 359 Буквы “Ковыр” затемнены пятном от сырости.
- 360 Буквы “азаръ” затемнены пятном от сырости.
- 361 Буквы “мов” и нижняя часть буквы “ъ” затемнены пятном от сырости.
- 362 Буквы “кудиновъ” затемнены пятном от сырости; низ букв “въ” смыт.
- 363–363 На букве “и” и левой части “з” – пятно от сырости; на “и” – следы плесени.
- 364 Буквы “дри” и вын. “с” немного затемнены следами сырости.
- 365 Буква “ц” несколько затемнена следами сырости.
- 366 Буквы “нс” слегка затемнены следами сырости.
- 367 Буквы “стера” немного затемнены следами сырости.
- 368 Буква “w” слегка затемнена следами сырости.
- 369 Буквы “и w б”, а также “у” немного затемнены следами сырости.
- 370 Буквы “агw” покрыты пятном от сырости.
- 371 Буква “п” смята складкой пергамена.
- 372 Буква “е” затемнена пятном от сырости; следующая буква съедена плесенью, но контуры “и” различимы; в копии XVIII в. “ски” (л. 56); в кв. ск. доб. по смыслу.
- 373 Буквы “аны” затемнены следами сырости.
- 374–374 Все буквы, особенно вын. “r”, затемнены следами сырости.
- 375 Буква “в” затемнена следами сырости.
- 376 Буквы “Ли.Фле” слегка затемнены следами сырости.
- 377 Буквы “ме” затемнены пятном от сырости.
- 378 Хвост буквы “ц” нап. как будто по смытому.
- 379 Буквы “ванъ” потерты или поблекли от сырости.
- 380 На нижней части буквы “л” бледные следы сырости.
- 381 В немецком экземпляре далее “burgermeister thor Narue” (строка 79).
- 382 “А” – мал. инициал скорописного типа (высота – 3 мм, с хвостом – 8 мм); нап. фигурно:
- 383 На буквах “гд” – бледные следы сырости.
- 384 Буква “к” смята складкой пергамена; низ ее правой ножки стерся; на обоих “и” – бледные следы сырости.
- 385–385 Так в ркп. (двукратное написание слова “наместники”). В немецком экземпляре вместо этого нап.: “boyan vnd stadholdere” (строка 79).
- 386 Буквы “намест” затемнены следами сырости, причем буквы “на” и “ст” потерты или частично выцвели.
- 387 Буквы “роцкiе” затемнены следами сырости, причем буквы “оц” потерты.
- 388–388 Текст затемнен следами сырости.
- 389 Левая сторона буквы “к” несколько смята складкой пергамена.
- 390 Буквы “стеру” затемнены следами сырости, причем нижняя часть букв “ру” находится в складке пергамена.
- 391–391 Текст затемнен следами сырости.
- 392 Буква “и” смята складкой пергамена.
- 393 Буквы “кнз” смяты складкой пергамена.

- 394 На буквах “ме” – бледные следы сырости.
- 395 В верхней петле буквы “в” чернила расплылись.
- 396 Буква “ь” подпр. тжч.
- 397 На букве “ж” – следы сырости.
- 398 На буквах “кнз” – бледные следы сырости; верхняя часть буквы “з” выцвела или стерлась на складке пергамена.
- 399 Середина буквы “т” помялась на вертикальной складке пергамена.
- 400 Буквы “прив” потерты и помяты на складке пергамена, причем буква “р” почти совсем стерлась; нижняя, округлая часть “к”, а также буквы “сити” скрыты под складкой пергамена; в кв. ск. уточн. по копии XVIII в. (л. 56).
- 401 Буква “а” скрыта под складкой пергамена; наружу выходит только ее хвост.
- 402 Слово скрыто под складкой пергамена; наружу выходит только хвост букв “р”, “ц”, “у”, а также ножки “п”; усики буквы “ѣ” смяты складкой пергамена.
- 403 Верхняя часть букв прикрыта складкой пергамена; вын. лежащее “з” находится частично внутри этой складки, а частично – на ней; буква “ѣ” смята, нижняя левая часть ее стерлась.
- 404–404 На тексте бледные следы сырости.
- 405 Нижняя часть букв прикрыта складкой пергамена.
- 406 Все слово, кроме последней буквы “и”, затемнено пятном от сырости; нижняя часть букв “привѣс” прикрыта складкой пергамена.
- 407 В нижней части “ч” и в верхней части “л” – пятна от сырости.
- 408 Буква “я” потерта с правой стороны.
- 409 Правая сторона корпуса буквы “ц” сверху выцвела.
- 410 Буква “в” и стоящее якорное “ѣ” нап. лигатурой.
- 411–411 Буквы “а” и “с” так тесно соприкасаются спинками, что встает вопрос, не испр. ли “а” из “о” тжч. В копии XVIII в. “лѣто” (л. 56).
- 412 Слово находится внутри складки пергамена; наружу выходит только хвост буквы “щ”.
- 413 Слово находится внутри складки пергамена; наружу выходят только ножки “д” внизу и верхняя часть конечного вын. “т” наверху.
- 414 Буквы “тр” и верхняя часть буквы “ь” прикрыты складкой пергамена.
- 415 После “третьгъ” в ркп. поставл. тчк. Далее в конце 59-й строки оставл. чистое место длиной в 300 мм (вместе с правым полем оно составляет 328 мм).
- 416 В немецком экземпляре далее “vnd nach Christj geburth viffteinhunderth vnd viff vnd dertich”.

Указатели номеров примечаний к русскому тексту договора

1) *Последовательность расположения номеров примечаний в публикации текста:* 1, 2, 3, 4, 5, 5, 6, 7, 1, 8, 9, 10, 11, 11, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 22, 23, 24, 25, 24, 26, 27, 28, 29, 30, 29, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 40, 41, 42, 42, 43, 44, 45, 45, 46, 47, 48, 47, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 59, 47, 60, 61, 62, 59, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 59, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 6, 82, 83, 47, 84, 85, 59, 86, 59, 76, 76, 87, 88, 89, 89, 90, 47, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 47, 121, 76, 122, 123, 124, 124, 125, 125, 126, 127, 52, 128, 6, 129, 6, 130, 76, 130, 76, 131, 132, 133, 134, 47, 135, 136, 137, 138, 136, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 6, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 146, 151, 6, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 172, 173, 170, 174, 175, 175, 174, 176, 177, 178, 59, 179, 180, 181, 182, 181, 183, 184, 185, 186, 184, 6, 187, 188, 188, 187, 47, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 196, 197, 47, 198, 47, 199, 200, 59, 120, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 76, 207, 6, 207, 6, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 59, 215, 216, 217, 59, 218, 116, 219, 220, 221, 222, 223, 223, 6, 224, 225, 226, 14, 227, 228, 229, 59, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 251, 252, 252, 253, 253, 59, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 265, 266, 267, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 272, 273, 274, 274, 275, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 6, 281, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 59, 288, 289, 290, 291, 291, 59, 292, 293, 294, 295, 296, 296, 297, 297, 298,

- 11 Начальное “P” нап. с завитками на верхнем поле: (расстояние между завитками – 11 мм, высота левого завитка – 19 мм, правого – 12,5 мм).
- 12–12 Над этими словами росчерк в виде овала на верхнем поле: (длина по горизонтали – 29–47 мм, высота – 42 мм).
- 13 Буквы “gar” сильно потерты; конец слова стерся в складках пергамена и под действием сырости; в кв. ск. восстановлено предположительно по аналогии с окончаниями определенных “Smalenschi”, “Iuhorschi”, “Perempschi”. Миллер читал “Bolgarschen” (л. 57).
- 14 Слово частично стерлось; следы двух первых букв различаются нечетко; в кв. ск. доб. по смыслу и с учетом чтения “und” у Миллера (л. 57).
- 15–15 В начале 2-й строки текст стерся на протяжении 21 мм – лакуна на 7–9 букв; см. ниже, примеч. 16 и 17.
- 16 Среди стершихся букв более или менее определенно различается след “d”; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 57). Приводимое Миллером окончание “n” как будто угадывается по фрагменту стершейся буквы, но в то же время вызывает сомнения при сравнении с текстами других договоров. Так, в договоре 1509 г. в этом месте читается “andre” или “anderer” (РЛА. № 306, 307. С. 257, 263; СГГД. Ч. V, № 57. С. 40); в договоре 1521 г. – “andere” (РЛА. № 369. С. 329; СГГД. Ч. V, № 95. С. 87) или “anders” (РЛА. № 369. С. 340); в договорах 1531 и 1550 гг. – “anderer” (Там же. № 377, 380. С. 358, 370; СГГД. Ч. V, № 105, 106. С. 109, 117).
- 17 Перед “r” – фрагмент буквы, более всего напоминающей “i”. В кв. ск. доб. по смыслу. Слово “hir” содержится в соответствующем месте текста договоров 1521 и 1550 гг. (РЛА. № 369, 380. С. 340, 370). Во втором договоре 1531 г. – “herg” (СГГД. Ч. V, № 106. С. 117). В копии Миллера – пропуск (л. 57).
- 18, 18, 18, 18, 18, 18 Внутри головки “e” чернила расплылись.
- 19 После первого “h” буква стерлась на сгибе пергамена; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 57).
- 20 Хвост “j” частично стерся.
- 21–21 В конце 2-й строки текст на протяжении 24–28 мм стерся – лакуна на 8–10 букв. На правом поле недалеко от края листа виден как будто верх буквы “l”; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 57).
- 22 В начале 3-й строки текст на протяжении 20 мм стерся – лакуна на 5–7 букв; буквы “owitz” стерлись частично; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 57).
- 23, 23, 23, 23 После этого слова над строкой карандашом поставлен крестик.
- 24 Буква “r” потеряна на складке пергамена.
- 25 Правая сторона конечного “w” стерлась; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 57).
- 26 Начало слова стерлось в складке пергамена; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 57).
- 27–27 В начале 4-й строки текст на протяжении 20 мм в значительной своей части стерся, хотя следы и фрагменты отдельных букв сохр., – лакуна на 4–5 букв между “va” и “e”; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 57).
- 28 Между “g” и “t” текст частично стерся; после “e” буква полустерта; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 57).
- 29 Буквы “ho” частично стерлись на складке пергамена.
- 30–30 Текст несколько затемнен пятном от сырости.
- 31 Верхняя часть буквы “z” стерлась на складке пергамена.
- 32–32 В конце 4-й строки после “Gla” текст на протяжении 22 мм очень сильно потерт; плохо видны буквы между “s” и “t”, “h” и “d”; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 57) и по чтению слова “Glasathoj” в 75 и 77-й строках.
- 33 Буквы “vn” потертые, но различимы.
- 34 В начале 5-й строки текст стерся на протяжении 7 мм перед “d” (лакуна на 2 буквы) и на 7 мм после “d” (лакуна на 2 буквы); буквы “as” различаются с трудом; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 57).
- 35 Левая сторона второго “n” частично скрыта в складке пергамена; над ним клякса дрч. (черными): 1 мм – по горизонтали, 1,5 мм – по вертикали.
- 36–36 В русском экземпляре соответствующий текст отс.
- 37–37 В русском экземпляре соответствующий текст отс.
- 38 Правая часть “d” стерлась в складке пергамена, поврежденного сыростью; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 57 об.).

39 Текст поврежден сыростью в складке пергамена; буквы “h” и “en” различаются с трудом; остальные буквы практически нечитаемы; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 57 об.).

40 В начале 6-й строки, до буквы “d”, текст на протяжении 11 мм стерся – лакуна на 4 буквы; также после “d” буква стерлась; конечные три буквы различаются с трудом; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 57 об.).

41 Буква “r” сильно потеряла и выцвела.

42 Буква “R” почти вся стерлась в складке пергамена; видны лишь ее вершина и левая сторона.

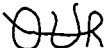
43 Конец слова поврежден сыростью в складке пергамена; буквы “t” и “n” – частично, а буква “e” почти полностью стерлись; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 57 об.).

44 После “d” текст на протяжении 8–10 мм стерся – лакуна на 3 буквы; следы букв “ag”, однако, различимы; буква после “g” читается неуверенно; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 57 об.).

45 В начале 7-й строки текст на протяжении 13–14 мм стерся – лакуна на 4–5 букв; после “b” буква частично стерлась; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 57 об.).

46 Левая часть первого “e” стерлась в складке пергамена; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 57 об.).

47 Слово затемнено пятном от сырости или, м. б., было нап. по смытому дрп. и дрч.

Первое, заглавное “R” нап. с росчерком влево: (длина росчерка по горизонтали – 14 мм); второе “r” и “a” повреждены сыростью и частично стерлись; в кв. ск. уточнено по Миллеру (л. 57 об.).

48 Буква “d” частично стерлась, но читается уверенно; перед “d” текст на протяжении 10–11 мм стерся – лакуна на 2–3 буквы; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 57 об.).

49 В начале 8-й строки текст на протяжении 12 мм стерся – лакуна на 3–4 буквы; перед “d” можно различить нечеткие очертания “n”; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 57 об.).

50 Левая сторона и нижняя часть буквы “e” стерлись.

51 Левая сторона первого “r” находится на складке пергамена.

52 Буквы “ld” слегка смяты складкой пергамена, верх их потерся.

53 В ркп. слова “seuenthein” и “iariġen” нап. раздельно, хотя и близко друг к другу; раздельное написание и у Миллера (л. 57 об.).

54 Правая сторона первого “e” частично стерлась на складке пергамена.

55 Между “o” и “n” текст поврежден сыростью на складке пергамена, буквы почти полностью стерлись и читаются неуверенно; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 57 об.).

56 В начале 9-й строки текст на протяжении 6–7 мм стерся – лакуна на 2 буквы; далее как будто читается “s”, левая сторона которого стерлась; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 57 об.).

57 Буквы “the” повреждены сыростью на складке пергамена; верх буквы “h” частично стерся.

58 Между “h” и “n” текст стерся на складке пергамена, видна лишь точка над строкой (от “i”?); в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 57 об.).

59 Под перекладной буквы “f” слева чернила расплылись.

60 Второе “e” частично стерлось; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 57 об.).

61 Правая сторона “n” частично стерлась; далее текст почти полностью стерся, следы букв “de” различаются с трудом; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 57 об.).

62 После “lan[de]” текст на протяжении 12 мм стерся – лакуна на 5 букв; в конце 9-й строки смутно различается верхняя часть буквы “t”; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 57 об.).

63 В начале 10-й строки текст на протяжении 10 мм стерся – лакуна на 3 буквы; далее неясно различается буква “d”, после которой угадываются почти совсем стершиеся буквы “en”; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 57 об.).

64 Правая сторона “e” и левая сторона “n” стерлись; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 57 об.).

65 После “groth[en]” текст на протяжении 8–9 мм поврежден на сгибе пергамена, где видны только полустершиеся буквы “er”, за которыми идет хорошо сохранившаяся буква “s”; в кв. ск. доб. и уточн. по Миллеру (л. 57 об.).

66 Буквы “ap” частично стерлись или выцвели на сгибе пергамена.

67 Буквы “ni” частично стерлись или выцвели на сгибе пергамена.

68 Буква “t” частично стерлась на сгибе пергамена; чтение уточн. по Миллеру (л. 58).

69 В конце 10-й строки текст на протяжении 15–17 мм поврежден сыростью и почти полностью стерся. После “watege” читается полустертая буква “v”, за ней очень нечеткий след “n”. Перед “d” как будто след второго “n”. Буквы “nn” доб. по аналогии с чтением “vnnnd” в конце 33-й строки, где это слово имеет такую же протяженность, как здесь (15–17 мм). В конце 10-й строки, после “d”, следы либо сырости, либо какой-то буквы (“e”? “t”?). Чтение “vnnnd” встречается в строках 60-й (дважды) и 70-й, чтение “vnde” – в строках 3 и 63-й. Чтение “vnnde” или “vnnndt” в ркп. не встречается. У Миллера слово в конце 10-й строки передано как “und” (л. 58). Буква “e” доб. предположительно.

70 В начале 11-й строки текст на протяжении 9 мм стерся – лакуна на 3 буквы; затем видны следы двух букв, из которых первая может быть отождествлена с “d”, вторая – неясна; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 58).

71 Между “a” и “h” буква смята и стерлась в складке пергамена; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 58).

72 Буква “v” частично, а следующая за ней буква полностью стерлись; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 58).

73 Буква “e” частично, а следующая за ней буква полностью стерлись; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 58).

74 Все слово сильно потерто; буква “i” почти полностью стерлась; буквы “sch” как будто испр. из дрбб. схп. и схч.; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 58).

75 Левая сторона буквы “u” стерлась в складке пергамена.

76 Левая сторона буквы “u” частично стерлась на складке пергамена; под “u” – небольшая дыра в пергамене (Д – 1,5 мм).

77 Буква “n” сильно потерта.

78 Слово почти полностью стерлось; неуверенно различаются лишь верхняя часть предполагаемого “h” и правая сторона “n” или “m”; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 58). В договоре 1531 г. “erem” (СГГД. Ч. V, № 106. С. 117).

79 В начале 13-й строки текст на протяжении 11–12 мм стерся; более или менее определенно просматривается след буквы “e”, перед ним как будто фрагмент “u”; в кв. ск. уточн. по Миллеру, где “ouer” (л. 58), и договору 1531 г., где “ouer” (СГГД. Ч. V, № 106. С. 117).

80 Левая сторона “e” стерлась на складке пергамена.

81 Левая сторона “v” стерлась на складке пергамена; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 58).

82–82 Буквы потерялись и утратили яркость.

83 Буквы “hog” сильно выцвели. В конце 13-й строки текст на протяжении 10 мм стерся – лакуна на 3 буквы; из них конечное “n” более или менее различимо; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 58).

84 В начале 14-й строки, перед словом “die”, текст на протяжении 11 мм стерся – лакуна на 3–4 буквы; в кв. ск. доб. по Миллеру, где “an” (л. 58), но после “a” нами поставл. “h”, поскольку в ркп. нет ни одного случая написания этого предлога без “h”.

85 Буквы “di” почти совсем стерлись, но различимы; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 58).

86 Чтение “dem” едва ли возможно.

87 В ркп. точка стоит не над “i”, а над “t”.

88 Буква “e” почти полностью стерлась на складке пергамена; левая часть “n” смята и стерлась на складке пергамена; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 58).

89–89 Буква “u” частично стерлась, буквы “ve” сильно потерты или выцвели; между “s” и “v” на протяжении 8 мм – неясные следы каких-то букв; ниже строки, в середине этого промежутка, видны как будто три точки, занимающие 3 мм; в кв. ск. доб. по формуляру (ср. строки 4, 15, 28, 29, 61, 71, 81). У Миллера “Russ.” (л. 58). Однако в ркп. всегда либо “Rus.” (а не “Russ.”), либо “Russen”.

90 В начале 15-й строки текст на протяжении 11 мм полностью стерся – лакуна на 4 буквы; в кв. ск. доб. по формуляру с учетом чтения Миллера: “erve” (л. 58).

91 В ркп. “d” нап. с росчерком вниз (ſ), что свидетельствует о суспенсии – недописке окончания слова. У Миллера подобное же написание “d” с росчерком вниз: (ſ) (л. 58).

92 Правая сторона “n” и левая сторона “t” смяты складкой пергамена, причем “t” различается с трудом; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 58).

⁹³ После первого “e” текст на протяжении 11 мм стерся – лакуна на 4–5 букв; второе “g” частично стерлось; далее в конце строки текст стерся на протяжении 3–4 мм – лакуна на 2 буквы; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 58).

⁹⁴ В начале 16-й строки текст на протяжении 4–5 мм стерся – лакуна на 2 буквы; от буквы “d” сохр. смутный след; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 58).

⁹⁵ Буквы “fu” частично, а буква “n” полностью стерлись; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 58 об.).

⁹⁶ Между “r” и “t” буква стерлась на складке пергамена; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 58 об.).

⁹⁷ На правой стороне верхней части второго “e” клякса тжч. (Д – 1,5 мм).

⁹⁸ Левая сторона “e” частично стерлась.

⁹⁹ Буквы потерты; между “g” и “o” буква стерлась; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 58 об.).

¹⁰⁰ Буква “h” частично стерлась; после нее в конце 16-й строки текст стерся на протяжении 7 мм – лакуна на 2–3 буквы; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 58 об.).

¹⁰¹ В начале 17-й строки текст на протяжении 5 мм полностью стерся – лакуна на 1–2 буквы; далее смутно различаются частично стершиеся буквы “ta”; буквы “dhol” потерты; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 58 об.).

¹⁰² Буква “w” потерята.

^{103, 103} После “w” над строкой знак типа апострофа (’).

¹⁰⁴ Правая ножка первого “m” стерлась; буквы “ed” сильно потерты; буквы “en” почти совсем стерлись в конце строки; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 58 об.).

¹⁰⁵ В начале 18-й строки текст на протяжении 13 мм полностью стерся – лакуна на 4–5 букв; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 58 об.).

¹⁰⁶ Нижняя часть первого “e” стерлась; буква “h” потерята.

¹⁰⁷ Нижняя часть буквы “h” стерлась; далее на протяжении 4–5 мм текст полностью стерся – лакуна на 2 буквы; конечное “n” сильно потерто; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 58 об.).

¹⁰⁸ В начале 19-й строки текст на протяжении 9 мм стерся – лакуна на 4 буквы; в кв. ск. доб. по смыслу с учетом чтения “ene” в договоре 1531 г. (СГГД. Ч. V, № 106. С. 118). У Миллера в этом месте пропуск (л. 58 об.).

¹⁰⁹ Между “g” и первым “e” текст на протяжении 3 мм стерся – лакуна на 1 букву; буквы “entze” сильно потерты; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 58 об.).

¹¹⁰ Далее в конце 19-й строки пергамен на протяжении 4 мм потерт – пробел на 1–2 буквы. Судя по контексту, пропуска букв тут нет. Однако не исключено, что какие-то буквы были в этом месте стерты.

¹¹¹ Буквы “me” частично стерлись и различаются с трудом; буква “n” сильно потерята, но видна; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 58 об.).

¹¹² Верхняя часть буквы “l” стерлась.

¹¹³ В нижней части буквы “d” чернила расплылись.

¹¹⁴ Буква “d” частично, а второе “e” почти полностью стерлись; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 58 об.).

¹¹⁵ Буква “e” почти полностью, а буква “r” с левой стороны стерлись; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 58 об.).

¹¹⁶ Верхняя часть буквы “i” стерлась.

^{117–117} В ркп. эти слова нап. слитно, у Миллера – раздельно (л. 59).

¹¹⁸ Буквы “eske” сильно потерты.

¹¹⁹ Буквы “m” и “g” сильно потерты; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 59).

¹²⁰ Буква “o” сильно потерята.

¹²¹ В ркп. стерлись левая часть буквы “a”, нижняя часть первого “l”, верхняя часть второго “l”, низ буквы “e”, левая часть “r”; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 59).

¹²² Буквы “al” потерты.

¹²³ Буквы “en” потерты.

¹²⁴ Буква “l” частично стерлась; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 59).

¹²⁵ Правая сторона головки “p” частично стерлась на складке пергамена.

¹²⁶ Внизу буквы “a” и под ней пергамен проколот (Д отверстия – 1,5 мм).

¹²⁷ После “sin” в ркп. поставл. тчк.

¹²⁸ Нижняя часть второго “l” стерлась.

- 129 После “r” буква стерлась; левая часть первого “n” также стерлась; последние две буквы слова вышли за границу 24-й строки на правое поле; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 59).
- 130 Первое “e” и “l” почти совсем стерлись или выцвели; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 59).
- 131 Средняя часть буквы “v” потерта на складке пергамена; буква “t” сильно потерта или выцвела.
- 132 В ркп. после “Ples” нет двоеточия, обычно ставившегося в конце недописанных слов; у Миллера двоеточие есть (л. 59).
- 133–133 В ркп. эти слова нап. слитно, у Миллера – раздельно (л. 59).
- 134 Второе и третье “e” сильно потерты; буква между ними почти совсем стерлась; третье “e” вышло за границу 25-й строки на правое поле; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 59).
- 135 Буквы потерты; левая часть “w” стерлась; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 59).
- 136 После “u” две сильно потертые буквы, по очертаниям похожие на “a” и “n”, причем в ркп. “dar” и “u...” нап. слитно, у Миллера – “dar von” (л. 59); в кв. ск. доб. с учетом чтения “dar van” в договоре 1531 г. (СГГД. Ч. V, № 106. С. 118).
- 137 Буквы “nhe” потерты.
- 138–138 В ркп. эти слова нап. слитно; так же у Миллера (л. 59 об.).
- 139 Между “l” и “d” текст на протяжении 5 мм стерся – лакуна на 2 буквы; буквы “de” сильно потерты; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 59 об.). Окончание слова (“den”) вышло за границу 27-й строки и нап. на правом поле. Далее на поле как будто поставл. двоеточие, а за ним – буква “z”.
- 140 Первая буква сильно потерта; левая часть второй буквы стерлась; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 59 об.).
- 141 На этом слове кончается почерк I.
- 142 С этого слова начинается почерк II.
- 143 Внутри буквы “s” чернила расплылись.
- 144–144 В русском экземпляре соответствующий текст отс.
- 145 Буква “W” как будто испр. из дрб. (“V”?) тжч.; из вершины правой мачты “W” проведена на протяжении 13,5 мм горизонтальная черта вправо дрч. или карандашом. Второе “s” потерто, после него буква стерлась (д.б., первое “i”?). Между “l” и “n” текст сильно потерт на протяжении 3–4 мм, причем частично сохр. очертания двух букв (“ie”?); в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 59 об.). Конец слова (буквы “[il]ie[n]”) вышел за границу 28-й строки и нап. на правом поле.
- 146 Буква “t” потерта.
- 147 На этом слове кончается почерк II.
- 148 С этого слова возобновляется почерк I.
- 149 Первое “n” сильно потерто на складке пергамена; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 59 об.); у второго “n”, которое приводит Миллер, в ркп. можно рассмотреть как будто лишь низ правой ножки.
- 150 Левая часть “w” стерлась; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 59 об.).
- 151 Конечное “e” подпр.тжч.
- 152 Нижняя часть буквы “s” стерлась на складке пергамена; двоеточие после “s” сильно выцвело.
- 153 Левая сторона “n” сильно выцвела.
- 154 Левая сторона “w” потерта или выцвела.
- 155 Головка “e” оказалась внутри хвоста буквы “z” из слова “ertzbe”, написанного строкой выше (см. 31-ю строку).
- 156 Нижняя часть букв “es” стерлась на складке пергамена; над стоящим после “s” двоеточием знак типа апострофа.
- 157 Нижняя часть буквы “v” стерлась; буква “n” потерта.
- 158 Правая сторона буквы “u” сильно потерта.
- 159–159 В ркп. эти слова нап. слитно; так же у Миллера (л. 60). В договоре 1531 г. “Krutze kussenn” (СГГД. Ч. V, № 106. С. 119).
- 160 Низ правой ножки второго “n” стерся на складке пергамена.
- 161 Буква “w” потерта.
- 162–162 В ркп. эти слова нап. слитно; у Миллера между “krutze” и “kussen” – промежуток в 1,5 мм (л. 60); в договоре 1531 г. “Krutze kussenn” (СГГД. Ч. V, № 106. С. 119).

- 163 После “kussen” в ркп. поставл. зпт.
- 164 Верхняя правая часть “r” стерлась на складке пергамента.
- 165 Верхняя часть обоих “e” стерлась на складке пергамента.
- 166 После “bothalen” в ркп. поставл. зпт.
- 167–167 В районе второй половины строк 34–39 на пергамене следы очень мелких капель разбрызганных чернил.
- 168 Нижняя часть второго “e” и следующая за ним буква стерлись на складке пергамента; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 60).
- 169 Левая сторона нижней части “d” стерлась; буквы “ie” потерты.
- 170 Буква “l” сильно потерта; верх буквы “e” и низ буквы “s” стерлись; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 60).
- 171 Левая сторона и середина буквы “w” полностью стерлись; у второго e” потерта верхняя правая часть; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 60).
- 172 Так в ркп. “s” в конце слова; у Миллера “anthworder” (л. 60).
- 173 Правая сторона “a” и следующая буква стерлись; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 60).
- 174 После m[an] текст на протяжении 6–8 мм стерся, следы стершихся букв неразборчивы – лакуна на 3–4 буквы; в кв. ск. доб. предположительно. У Миллера это слово отс. (см. л. 60).
- 175 Буквы потерты.
- 176 Правая часть головки “p” и верх буквы “l” стерлись на сгибе пергамента.
- 177–177 В русском экземпляре соответствующий текст отс.
- 178 Левая ножка “n” потерта на сгибе пергамента.
- 179 Буквы “de” сильно потерты; буква “s” почти полностью стерлась; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 60).
- 180 Буква “g” в значительной своей части стерлась; буква “l” потерта и выцвела; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 60 об.).
- 181 Верхняя часть буквы “t” стерлась на сгибе пергамента.
- 182 Буквы “uers” сильно потерты.
- 183 Буквы “Pleschow” потерты.
- 184 Буква “c” почти полностью стерлась на складке пергамента; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 60 об.).
- 185 После “borgen” в ркп. поставл. зпт.
- 186 Буквы “werd” потерты; “d” нап. с росчерком вниз (f), что свидетельствует о суспенсии – недописке окончания слова.
- 187 Буквы заметно потерты.
- 188 Буквы сильно потерты; “a” и “u” частично стерлись.
- 189 Буквы “ll” частично выцвели.
- 190 Второе “e” немного помято на складке пергамента.
- 191 Между “a” и “o” текст частично стерся на складке пергамента: видны верхние части “k” и “e”, а также правая часть “w”; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 60 об.).
- 192–192 Так в ркп. Написав “des”, писец, видимо, хотел продолжить текст словами “groten herschers stadholdere”, но на ходу перестроил фразу, и предлог “des” остался без дополнения. Возможно, это дефект диктата. Его можно квалифицировать как анаколуф.
- 193 После первого “e” буква стерлась; буквы “schers” сильно потерты; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 60 об.).
- 194 Буква “r” и следующее за ним двоеточие потерты.
- 195 Буквы заметно потерты.
- 196 Буквы потерты; верхняя часть букв “ie” стерлась; над “l” отверстие в пергамене, вероятно, от прокола иглой.
- 197 В месте расположения левой части “w” пергамен слегка надорван; левая сторона “w” частично стерлась; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 60 об.).
- 198 Буква “d” помята на складке пергамента.
- 199 Буква “v” почти полностью стерлась; верх головки “p” также стерся; в кв. ск. доб. по смыслу и с учетом копии Миллера, где нап. “ur” (л. 60 об.).
- 200 Левая нижняя часть “d” стерлась.
- 201 Правая ножка “n” стерлась на сгибе пергамента.
- 202 Левая ножка “m” частично стерлась на сгибе пергамента.

203 Правая ножка второго “п” нап. с хвостиком внизу; при этом она сильно потерта; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 60 об.).

204 Буквы потерты на складке пергамена.

205 Правая ножка “т” стерлась; буквы “lip” сильно потерты; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 61). Буквы “ge” вышли за границу 43-й строки и нап. на правом поле.

206 Буква “v” нап. с росчерком влево: (длина росчерка – 6 мм).

207 Буква “k” нап. с росчерком вниз направо () , что свидетельствует о суспенсии — недописке окончания слова. У Миллера окончание “ep” имеется (л. 61).

208 Буквы “ester” потерты, причем буквы “te” затемнены еще пятном от плесени; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 61).

209 Буква “e” сильно потерта и различается с трудом; буквы “ip” выщвели от сырости; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 61).

210 После “setten” в ркп. поставл. тчк.; после тчк. сделана отметка карандашом в форме угла острием вверх: .

211 Буквы выщвели от сырости; нижняя часть “h” стерлась; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 61).

212 По букве “d” проходит хвост буквы “s” из слова “setten”, написанного строкой выше (см. 46-ю строку).

213–213 Эти слова нап. в ркп. слитно; так же у Миллера (л. 61). В договоре 1531 г. “Krutze” и далее лакуна в тексте (СГГД. Ч. V, № 106. С. 120).

214 Средняя часть буквы “s” оказалась внутри хвоста буквы “h” из слова “werth”, написанного строкой выше (см. 46-ю строку).

215 Буквы “cht” сильно потерты; буква “e” частично, а буква “n” почти совсем стерлись; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 61).

216 Буква “i” нап. без тчк. над строкой.

217 Последнее (третье) “n” нап. с округлым росчерком влево, пересекающим первое “n” в середине по вертикали: . Росчерк напоминает большое “С”, длина его по горизонтали – 12 мм.

218 Внутри головки первого “e” чернила расплылись.

219 Буква “i” оказалась внутри хвоста буквы “h” из слова “dath”, написанного строкой выше (см. 47-ю строку).

220–220 В русском экземпляре “порѹбу” (строка 34).

221 Далее в конце 48-й строки оставл. чистое место длиной в 12 мм (пространство на 3–4 буквы).

222 По двоеточию, стоящему после “f”, нап. левая часть буквы “v”, с которой начинается следующее слово – “van”.

223 Так в ркп. (возможно, первое “l” нап. по ошибке вместо “r”); у Миллера – “watterley” (л. 61 об.).

224 По низу буквы “d” проведена короткая черта (1,5 мм) дрч. (более темными).

225 Правая ножка “п” почти полностью стерлась на сгибе пергамена; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 61 об.).

226 Так в ркп.; возможно, д.б. “auer”, но “a” нап. как “o” (без ручки справа); у Миллера – “aver” (л. 61 об.).

227 Речь идет о наместниках двух городов, хотя глагол и артикль стоят в ед. ч. (“sal der”); ср. русский текст, где “князь” каждого города указывается отдельно и в ед. ч.

228 Левая ножка “п” стерлась на сгибе пергамена.

229–229 Текст “dem Nyen:” вышел за границу 50-й строки, достигнув края листа. Он написан на правом поле схп. и схч. (м.б., дрп. и дрч.?), причем буквы заметно потерты.

230–230 Текст “schlotte vnd die guden lude” нап. более мелко по смытому схп. (м.б. почерком П?) дрч. (более темными).

231–231 В ркп. эти слова нап. слитно; так же у Миллера; в договоре 1531 г. “Krutze kussen” (СГГД. Ч. V, № 106. С. 120).

232 Над “u” не дуга, как обычно, а кружок: “”. У Миллера “dar up” (л. 61 об.); в договоре 1531 г. “dog vp” (СГГД. Ч. V, № 106. С. 120).

233 Правая сторона “a” частично стерлась.

234–234 Текст нап. с заметно бóльшим, чем в первой части строки, наклоном букв вправо.

235 Далее в конце 51-й строки оставл. чистое место длиной в 8 мм (пространство на 2–3 буквы).

236 После “iureg” в ркп. поставл. зпт.

237 “v” нап. с росчерком влево: (длина росчерка по горизонтали – 16 мм).

238 Буквы “tzb” и стоящее после них двоеточие сильно потерты.

239 Буква “n” потерта; головка второго “e” затемнена следами сырости; после него в пергамене трещины и затемнения, среди которых едва ли можно усмотреть следы одной или двух букв.; у Миллера – “teupe” (л. 61 об.); в договоре 1531 г. – “tene” (СГГД. Ч. V, № 106. С. 121); в русском экземпляре – “чисто” (строка 38).

240 В ркп. после “f” нет обычного знака суспензии – двоеточия; у Миллера оно есть (л. 62).

241–241 Текст “bardth uthg” нап. как будто по смытому тжп. счч. (более яркими).

242 После “uthgropet” в ркп. поставл. зпт.

243 Буква “e” затемнена пятном от сырости.

244 Внутри головки “p” чернила расплылись.

245 Внутри головки первого “e” с левой стороны чернила расплылись.

246 Буква “a” затемнена следами сырости; буква “n” сильно потерта; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 62).

247 На этом слове кончается почерк I.

248 С этого слова возобновляется почерк II.

249 Буквы “nn” затемнены следами сырости.

250 Над “n” поставл. тчк. тжч’.

251 После “boden” в ркп. поставл. зпт.

252 После “koplude” в ркп. поставл. зпт.

253 Буква “a” почти полностью стерлась (повреждена сыростью?); буквы “nn” заметно потерты и затемнены следами сырости; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 62).

254 Буквы “en” потерты или повреждены сыростью.

255 Буквы “w” и “e” заметно выцвели (возможно, повреждены сыростью); буква “i” почти совсем стерлась; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 62).

256 Левая сторона “d” начинается в верхней части “o”, что придает последнему сходство с “a”.

257 Правая сторона головки “e” частично стерлась или съедена сыростью.

258 Буква “d” слегка подпр. снизу тжч.

259 Буква “D” написана с росчерком влево: (длина росчерка по горизонтали – 12 мм).

260 На этом слове как будто кончается почерк II.

261 Буквы “ollen” покрыты пятном от сырости.

262 С этого слова как будто возобновляется почерк I.

263 Напротив конца 60-й строки на правом поле различаются затертые буквы “ert[z]”.

264 Чернила на перекладине “f” справа немного расплылись.

265 Буква “j” испр. тжч. из дрб., написанной дрч.

266 Буква “g” как будто подпр. или испр. из дрб. тжч.

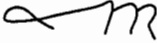

267 Правая ножка первого “n” потерта на складке пергамена; после второго “n” как будто поставл. двоеточие.

268 Напротив конца 62-й строки на правом поле карандашом нап. “65b” или “05”.

269, 269 Так в ркп.; у Миллера – “under malckander” (л. 62 об.); в издании договора 1531 г. – “vndr malk ander” (СГГД. Ч. V, № 106. С. 122).

270 В головке “e” чернила расплылись; Миллер читал эту букву как “t” (л. 62 об.); в кв. ск. уточн. по аналогии с чтением “[vn]de” в конце 3-й строки.

271 Буква “v” нап. с росчерком влево: (длина росчерка по горизонтали – 7 мм).

- 272 Над “i” в ркп. нет точки.
- 273 Буква “o”, возможно, испр. из дрб. (недописанного “e”); буква “r” потерта.
- 274 После “taken” в ркп. поставл. зпт.
- 275 Над “u” не дуга, как обычно, а овал.
- 276 Правая ножка “n” стерлась; от второго “e” сохр. только полустертая правая часть головки; третье “e” и “y” сильно потерты; в кв. ск. уточн. по аналогии с предшествующим написанием “keinerley” в 65-й строке, а также в строке 56. Буквы “[r][ey]” вышли за границу 65-й строки и нап. на правом поле, достигая самого края листа; у Миллера “keinerleie” (л. 63), хотя в ркп. последняя буква – явно не “e”: в ее левой части – “i”, в правой – “y” (так писалась буква ипсилон).
- 277–277 В русском экземпляре соответствующий текст отс.
- 278 После “inn” в ркп. карандашом поставл. шестиконечный крестик: ≠.
- 279 Буквы “en” затемнены следами сырости.
- 280 Буквы “te” затемнены следами сырости.
- 281 Нижняя часть буквы “i” почти совсем стерлась; левая часть “n” потерта.
- 282 Буква “M” нап. с росчерком влево: (длина росчерка по горизонтали – 12,5 мм); правая ножка “n” немного затемнена следами сырости.
- 283 Буквы “sa” сильно потерты и выцвели; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 63).
- 284–284 В русском экземпляре соответствующий текст отс.
- 285 Буква “V” нап. с росчерком влево: (длина росчерка по горизонтали – 15 мм).
- 286 Буквы “tich” заметно потерты и затемнены следами сырости, причем буквы “ch” вышли за границу 69-й строки и нап. на правом поле.
- 287, 287 После этого слова в ркп. поставл. зпт.
- 288 Буква “V” нап. с росчерком влево: (длина по горизонтали – 11 мм).
- 289 Правая часть “v”, левая часть “a” и второе “n” потерты.
- 290 В русском экземпляре далее “mht” (строка 51).
- 291 Буква “d” нап. с росчерком влево: (длина росчерка по горизонтали – 10 мм).
- 292 Буквы “na” потерты, причем буква “a” слегка выцвела.
- 293 Далее в конце 71-й строки оставл. чистое место длиной в 7 мм (пространство на 2–3 буквы).
- 294 Буквы “ei” испр. из дрбб. тжч.
- 295 Низ буквы “s” частично стерся.
- 296 Буква “V” нап. с росчерком влево: (длина росчерка по горизонтали – 4 мм).
- 297 В ркп. буква “b” как будто испр. из дрб. (м.б., “t”?) тжч.
- 298 Далее в конце 72-й строки оставл. чистое место длиной в 7 мм (пространство на 2–3 буквы).
- 299 Буквы “agan” заметно выцвели.
- 300 Буквы “boyaг” затемнены следами сырости (или нап. по смытому тжп. и тжч.?).
- 301 В русском экземпляре слово “бояре” отс.
- 302 Буква “v” затемнена следами сырости (или нап. по смытому тжп. и тжч.?).
- 303 Буква “d” нап. с росчерком вниз в виде загибающегося хвоста () , что свидетельствует о суспенсии – недописке окончания слова. У Миллера “d” также нап. с хвостом: (л. 63 об.).
- 304, 304, 304, 304 В русском экземпляре фамилия наместника отс.
- 305 Буква “D” нап. с росчерком влево: (длина росчерка по горизонтали – 10 мм).
- 306 Буквы “lle” внизу потерты. Все слово, возможно, испр. из “sal” тжп. и тжч.: буква “o” подпр., первое “l” нап. как будто по правой стороне “a”, буквы “en” втиснуты между вторым “l” и следующим словом (“des”).

- 307 Внутри головки первого “e” чернила расплылись.
- 308 После второго “d” буквы сильно потерты; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 63 об.). Буквы “l[d]ere]” вышли за границу 73-й строки и нап. на правом поле.
- 309 Слово затемнено следами сырости (или нап. по смыттому схп. и схч.).
- 310 Буква “V” нап. с росчерком влево: (длина росчерка по горизонтали – 9,5 мм).
- 311 Буквы “r” и “n” сильно потерты; буква “i” между ними почти совсем стерлась; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 63 об.). Буквы “r[i]n” вышли за границу 74-й строки и нап. на правом поле.
- 312–312 Эти слова нап. в ркп. слитно; так же у Миллера (л. 63 об.).
- 313 В русском экземпляре определения “другим” нет (см. строку 54).
- 314 Буквы “us” немного повреждены складкой пергамена.
- 315 Слово повреждено сыростью на складке пергамена, но видны очертания буквы “D” и верхние части букв “l” и “k”, точка над “i”; по смутным следам угадываются первое и второе “e”, а также “n”; в кв. ск. доб. по Миллеру (л. 63 об.).
- 316 Низ буквы “s” и буква “a” частично съедены сыростью; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 63 об.).
- 317 Нижняя часть “d” и “i”, а также левая часть “e” выцвели от сырости на складке пергамена.
- 318 Слово повреждено сыростью на складке пергамена: от “u” сохр. только надстрочный знак (кружок) и верх стенок; левая часть “r” выцвела; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 63 об. – 64).
- 319 Буквы частично выцвели от сырости; ниже букв “er” следы мелких уколов, сделанных на поверхности пергамена.
- 320 Буквы частично выцвели от сырости.
- 321–321 Эти слова нап. в ркп. слитно; так же у Миллера (л. 64).
- 322–322 Текст затемнен следами сырости.
- 323 Буква “N” нап. с росчерком влево: (длина росчерка по горизонтали – 5,5 мм).
- 324 Далее в конце 76-й строки оставл. чистое место длиной в 6 мм (пространство на 1–3 буквы).
- 325–325 Слова находятся внутри складки пергамена.
- 326 Буквы “Kow” смяты складкой пергамена.
- 327 После “Kowigin” в ркп. поставл. зпт.
- 328 Слово смято складкой пергамена.
- 329 Буквы “ertz” смяты складкой пергамена.
- 330 Правая сторона буквы “a” частично стерлась на складке пергамена.
- 331 Далее в конце 77-й строки оставл. чистое место длиной в 5 мм (пространство на 1–2 буквы).
- 332 Верх буквы “b” смят складкой пергамена.
- 333 Буква “D” нап. с росчерком влево: (длина росчерка по горизонтали – 8 мм).
- 334 Буква “B” нап. с росчерком влево: (длина росчерка по горизонтали – 5,5 мм).
- 335 Средняя часть буквы “w” в значительной мере выцвела на складке пергамена.
- 336 Буква “r” нап. в виде латинского “v”, без промежуточной дуги между стенками внизу.
- 337 Слово находится на складке пергамена; после него как будто стояло двоеточие, зачеркнутое косой линией, напоминающей необычно длинную зпт. (6 мм).
- 338–338 Слова находятся на складке пергамена.
- 339 Слово затемнено следами сырости; буква “e” частично выцвела.
- 340 После “krutze” в 78-й строке оставл. чистое место длиной в 8 мм (пространство на 2–3 буквы).
- 341 Слово сильно смято складкой пергамена; нижняя часть буквы “s” потерята; чтение уточн. по Миллеру (л. 64).
- 342–342 В русском экземпляре соответствующий текст отс.
- 343 Слово находится на складке пергамена; буква “r” сильно выцвела; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 64).

344–344 В русском экземпляре вместо этого нап.: “намѣс(т)ники намѣстники” (строка 57).

345 Буква “N” нап. с росчерком влево: (длина росчерка по горизонтали – 6 мм).

346 Слово смято на складке пергамена, причем буква “u” частично выцвела, верхняя часть букв “st” стерлась, после “t” буква (“e”?) частично стерлась; в кв. ск. уточн. и доб. по Миллеру (л. 64).

347 Головка буквы “e” частично стерлась на складке пергамена.

348–348 Эти слова нап. в ркп. слитно; так же у Миллера (л. 64). В договоре 1531 г. – “Krutze kussen” (СГГД. Ч. V, № 106. С. 123).

349 Слово смято на складке пергамена; буквы “o” и “e” заметно потерты; от буквы “p” сохр. только полустершаяся головка; в кв. ск. уточн. по Миллеру (л. 64).

350 Буквы “vp” заметно выцвели.

351 Буква “v” нап. с росчерком влево: (длина росчерка по горизонтали – 6 мм).

352 Буква “v” нап. с росчерком влево: (длина росчерка по горизонтали – 10 мм).

353 Слово помято на складке пергамена; буквы “tz” частично выцвели.

354–354 Текст смят на складке пергамена.

355 В слове “hangen” буквы заметно выцвели.

356 Последнее “e” подпр. тжч.

357 Буквы “ge” слегка затемнены следами сырости и потерты на складке пергамена.

358 Слово прикрыто складкой пергамена.

359 Надстрочный знак над вторым “u” стерся.

360–360 Текст находится внутри складки пергамена.

361–361 В ркп. эти слова нап. с очень небольшими промежутками, близко друг к другу, но не слитно; у Миллера они также нап. раздельно (л. 64 об.).

362–362 В русском экземпляре соответствующий текст отс.

363 Буква “v” нап. с росчерком влево: (длина росчерка по горизонтали – 6,5 мм).

364–364 Слова прикрыты складкой пергамена.

365–365 В ркп. эти слова нап. с очень небольшими промежутками, близко друг к другу, но не слитно; у Миллера они также нап. раздельно (л. 64 об.).

366 Буквы “ff” как будто испр. из дрб. (м.б., “er”?) тжч.

367 Второе “t” и “i” частично стерлись на складке пергамена.

368 После “dertich” в ркп. поставл. тчк. Далее в конце 82-й строки оставл. чистое место длиной в 310 мм (вместе с правым полем оно составляет 333 мм).

Указатели номеров примечаний к немецкому тексту договора

1) *Последовательность расположения номеров примечаний в публикации текста:* 1, 2, 3, 4, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 10, 11, 12, 12, 13, 14, 15, 16, 15, 17, 18, 19, 20, 21, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 27, 28, 29, 30, 30, 31, 32, 32, 33, 34, 35, 36, 36, 37, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 18, 102, 103, 104, 105, 106, 103, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 133, 134, 135, 23, 136, 137, 138, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 144, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 159, 160, 161, 162, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 167, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 23, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 220, 221, 222, 18, 223, 224, 23, 225, 226, 227, 18, 228, 229, 229, 230, 230, 231, 231, 232, 233, 18, 234, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 241, 242, 243, 244, 245, 18, 246, 247, 248, 249, 250, 18, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 269,

272, 273, 274, 275, 276, 277, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 284, 285, 286, 287, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 304, 305, 306, 307, 308, 304, 304, 309, 310, 311, 312, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 321, 322, 323, 324, 325, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 338, 341, 342, 342, 343, 344, 344, 345, 346, 347, 348, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 361, 362, 363, 360, 364, 364, 365, 366, 362, 365, 367, 368.

2) *Примечания с двумя одинаковыми номерами ("отпясывающие сноски")*: 4-4, 10-10, 12-12, 15-15, 21-21, 27-27, 30-30, 32-32, 36-36, 37-37, 82-82, 89-89, 117-117, 133-133, 138-138, 144-144, 159-159, 162-162, 167-167, 177-177, 192-192, 213-213, 220-220, 229-229, 230-230, 231-231, 234-234, 241-241, 277-277, 284-284, 312-312, 321-321, 322-322, 325-325, 338-338, 342-342, 344-344, 348-348, 354-354, 360-360, 361-361, 362-362, 364-364, 365-365.

3) *Примечания с одним и тем же номером, относящиеся к разным местам текста*: 18, 18, 18, 18, 18, 18, 18; 23, 23, 23, 23; 103, 103; 269, 269; 287, 287; 304, 304, 304, 304.

Разночтения к немецкому тексту по Миллеру

^aden (л. 57) ^bBolgarschen (л. 57) ^в отс. (л. 57) ^гvederlicke (л. 57) ^дherschers (л. 57) ^eJwanowitz (л. 57) ^жGorbathoi (л. 57) ^зherschers, *причем буквы ег как будто зач. счх.* (л. 57) ^и herschers (л. 57) ^кvan или vom (л. 57) ^лJwanowitz (л. 57) ^мDimiteri (л. 57) ^нherschers (л. 57) ^oGlasathoi (л. 57) ^пderglicken (л. 57) ^рherschops (л. 57 об.) ^сertzbischof (л. 57 об.) ^тmest: (л. 57 об.) ^уderglicken (л. 57 об.) ^фund (л. 58) ^хmest: (л. 58) ^цduitsche (л. 58) ^чderglicken (л. 58) ^шduitschen (л. 58) ^щduitschen (л. 58) ^ъan (л. 58) ^ыden (л. 58) ^ьduitschen (л. 58) ^эmest: (л. 58) ^юRuss (л. 58) ^я mest. (л. 58 об.) ^{аа}bostemmeden, *причем первое е испр. из і тжп. и тжч.* (л. 58 об.) ^{бб}herschers (л. 58 об.) ^{вв}guten (л. 58 об.) ^{гг}отс. (л. 58 об.) ^{дд}herschers (л. 58 об.) ^{ее} boscheiden (л. 59) ^{жж} solche (л. 59) ^{зз}dergliccken (л. 59) ^{ии}duitschen (л. 59) ^{кк}duitschen (л. 59) ^{лл}dar von (л. 59) ^{мм}sollenn (л. 59 об.) ^{нн}gefengknibe (л. 59 об.) ^{оо}herschers (л. 60) ^{пп}seventhen (л. 60) ^{рр}welcke (л. 60) ^{сс}, ^{сс}duitschen (л. 60) ^{тт}anthworder (л. 60) ^{уу}отс. (л. 60) ^{фф}duitsche (л. 60 об.) ^{хх}duitschen (л. 60 об.) ^{щщ}duitschen (л. 60 об.) ^{чч}werden (л. 60 об.) ^{шшш}-^{шшш}derhalven (л. 60 об.) ^{шшш}sallen (л. 60 об.) ^{ъъ}fu: (л. 60 об.) ^{ыы}duitsche (л. 60 об.) ^{ьь}duitschen (л. 61) ^{ээ}duitschen (л. 61) ^{юю}dergliccken (л. 61) ^{яя}duitschen (л. 61) ^{аб}duitschen (л. 61) ^{аа}duitsche (л. 61) ^{ар}duitsche (л. 61) ^{ал}pleschower (л. 61) ^{ае}duitschen (л. 61) ^{аж}, ^{аж}duitschen (л. 61) ^{аз}watterley (л. 61 об.) ^{ан}Nienschlotte (л. 61 об.) ^{ав}aver (л. 61 об.) ^{ал}dar up (л. 61 об.) ^{ам}Russchen, *причем буквы che испр. из дрбб. (en?)* (л. 61 об.) ^{аи}ehren (л. 61 об.) ^{аof}: (л. 62) ^{ап}duitschen (л. 62) ^{ар}duitschen (л. 62) ^{ас}duitschen (л. 62) ^{ат}herschers (л. 62) ^{ау}grothen (л. 62) ^{аф}berowen (л. 62) ^{ах}ware (л. 62) ^{аб}bischope (л. 62 об.) ^{ав}boschermen (л. 62 об.) ^{ам}duitschen (л. 62 об.) ^{аш}under malckander (л. 62 об.) ^{ат}duitschen (л. 62 об.) ^{аы}undt (л. 62 об.) ^{аб}welche (л. 62 об.) ^{аз}undermalckander, *причем после under знак переноса* (л. 62 об.) ^{аю}gescheen (л. 63) ^{ая}keinerleie (л. 63) ^{ба}geschreven (л. 63) ^{бв}schwert (л. 63) ^{бг}herschers (л. 63 об.) ^{бд}Gorbathoi (л. 63 об.) ^{бе}Kubenskii (л. 63 об.) ^{бж}Dimiteri (л. 63 об.) ^{бз}Glasathoi (л. 63 об.) ^{бн}Glasathoi (л. 64) ^{бк}Johan или Jahan (л. 64) ^{бл}Далее, на л. 64 об., одна строка в копии Миллера оставл. чистой, после чего, отступя вправо на 32 мм больше, чем предыдущий текст, нап.: Ohne Unterschrift. Dabey befindet | sich auch ein Russisches Exemplar, | welches mit dem Deutschen durch | drey Siegel, die vorhanden sind, | zusammengehangen ist. Diesellen Siegel sind folgende. | Затем 14 строк до конца листа оставл. чистыми. Рисунки с изображениями печатей помещены на л. 65.

Предисловие

В указатель включены все слова оригинального немецкого текста договора (см. л. 2 публикуемой ркп.) независимо от их принадлежности к той или иной части речи: имена существительные и прилагательные (собственные и нарицательные), местоимения, числительные, наречия, глаголы и причастия, артикли, предлоги и союзы. Слова располагаются в порядке немецкого алфавита в соответствии с их написанием в ркп. Падежные окончания и формы глаголов сохраняются в том виде, в каком они представлены в оригинале, т.е. без каких-либо изменений. Разные формы написания одного и того же слова приводятся как отдельные слова. Все слова даются в орфографии подлинника. Замена одних букв на другие в соответствии с современными нормами немецкой письменности не производится. Это значит, что “v” не меняется на “u” (и наоборот), “i” не меняется на “j” (и наоборот), “sh” не заменяется на “sch”, и т.п. Разные значения одинаково написанных слов (например, “sin” в роли глагола и местоимения) не учитываются. Все омонимы даются как одно слово.

Суспензии (слова без окончания), сопровождаемые в ркп. двоеточием, приводятся с двоеточием и без тех дополнений, которые помещены нами в круглых скобках в тексте публикации. Эти дополнения являются реконструкциями и могут оказаться неверными или спорными. Суспензии же, не сопровождаемые двоеточием, расшифровываются более однозначно – в них обычно не хватает одной-двух букв, которые мы вставляем в круглых скобках достаточно уверенно. Такого рода суспензии приводятся в указателе-словнике, как и в публикации текста, с необходимыми окончаниями в круглых скобках. Причем в указателе они даются раньше полных вариантов написания тех же слов в ркп.

Реконструкции, в которых использованы квадратные скобки для обозначения утраченных или поврежденных букв, даются отдельно от вариантов написания тех же слов без квадратных скобок. При этом, в отличие от суспензий, слова-“инвалиды” (с квадратными скобками) помещаются в указателе после неповрежденных вариантов.

Цифрами обозначаются номера строк немецкого текста на л.2 публикуемой ркп. Напомним, что этих цифр нет в самом документе: номера строк введены нами. В публикации текста номера строк приводятся в круглых скобках и даются курсивом, в словнике же они указываются без скобок и набираются прямым шрифтом.

Каждый случай употребления слова отмечается в указателе номером строки. Поэтому один и тот же номер приводится столько раз, сколько раз данное слово встречается в данной строке.

afgestalt 59	[all]e 3
afsenden 66	allen 22, 25, 25, 57
ahn 11,12,12,13, 22, 74, 79, 80, 81	aller 1, 4, 14, 15, 28, 29, 34, 61, 61, 71, 81
[ahn] 14	[alle]r 23
ahne 21, 25, 58, 60, 60, 61, 67, 72	allerleie 21, 61
alle 8, 10, 20, 21, 24, 25, 29, 30, 30, 31, 32, 35,	allerl[eye] 25
41, 42, 51, 53, 57, 58, 59, 60, 60, 64, 64, 66,	als 14, 18, 41, 48, 48, 60
67, 72, 75, 75, 76, 76, 77, 78, 78, 80, 80,	alse 32, 67
81	anboginnen 66

ander 75
[an]d[ern] 2
Andreas 75, 77
[An]d[re]as 5
anholden 69
anholdinge 21, 48
Anphimowa 32
anthogaende 6
anthworder 39, 47, 47
anthwordes 36
auer 11, 13, 15, 51, 62, 62, 70
auerthugen 55
auesenden 71

baden 79, 79, 80
bardth 54
bauen 36
becke 14
beholde 20, 29 41, 53, 57, 59
b[e]ho[l]de 25
beholdinge 8, 9, 54, 78, 81
beholph 44, 76
beiden 17, 18, 19, 19, 28, 40, 48, 56, 56, 56, 58,
59, 62, 63, 66, 66, 67, 68, 68, 72, 72
beramen 17, 33, 43, 45
berouen 57
bestroefet 32
beth 7, 7, 61
beyden 8
bie 22, 24, 32
biefrede 6, 8, 67, 72
bis: 35, 36, 44, 45, 57
bischope 20, 23
bishope 60
bisschope 41, 53, 53, 54, 61, 78
bisscho[p]e 80
bisschops 78
bode 32, 34, 39
boden 4, 34, 57, 58, 58, 60, 61, 68, 69, 72
bodschafter 5
bofeiden 9, 10
Bogdan 4, 74, 77
bogerende 62
boginnen 68
bohendicheit 60, 67, 72
boholdinge 10, 80
bokennen 48
bokloppen 27
boleuen 71
Bolgar[sc]h[i] 1
borgen 39, 39
Boris 73
Borys 2
boschedigen 10, 53
boschedig[e]n 9
boschedigeth 63
boscheiden 26
boschuldigen 12, 53
bosende 27

bosenden 33, 38, 40, 43, 62
bosetten 56, 57, 69
bosettinge 48, 65
bosheiden 21
boshermen 60
bosoken 18, 51, 52
bosokinge 42, 46
bosokunge 65
bostemmeden 16, 66
bostemmed[en] 17
bosunder 27, 66
bothalen 33, 34
botschafter 6
bouelh 1
boyaren 73
boyarn 2
boya[r]n 79
bref 72, 81
breff 74, 78, 80, 80
breue 66, 78
breuen 8, 11
Bruggeney 5
burge 37
burgen 37
burgermeister 5, 49, 79
burgermeistere 8
burgermeistem 41
busche 22
buthen 21, 26

Christj 82

dach 7, 16, 33, 40, 64
[dach] 18
d[age] 6
dan 35, 38, 39, 55
dar 23, 24, 28, 34, 41, 46, 48, 56, 62
daran 73, 76
darnach 71
Darpte 78
darsuluest 35, 38
daru[an] 26
darumb 12, 13
darup 49, 51
dat 15, 18, 20, 50
dath 12, 13, 16, 16, 17, 22, 33, 34, 42, 47, 49, 51,
51, 51, 53, 55, 58, 62, 64, 70, 75, 75, 76, 76,
77, 78, 80
datsuluige 27
deeff 52
dem 5, 6, 7, 11, 14, 14, 17, 19, 22, 23, 24, 24, 24,
26, 29, 31, 32, 32, 32, 34, 35, 37, 40, 41, 43,
45, 49, 50, 50, 51, 53, 54, 55, 55, 55, 55, 57,
58, 58, 70
de[m] 1
deme 70
den 6, 6, 7, 7, 10, 11, 11, 12, 13, 17, 18, 19, 27,
27, 28, 28, 31, 31, 31, 36, 36, 36, 37, 37, 37,
39, 39, 40, 40, 40, 42, 43, 44, 44, 44, 45, 45,

- 46, 50, 51, 53, 54, 55, 56, 62, 63, 63, 64, 65,
69, 71, 71, 79, 80, 80
- denn 28, 57, 62
- denne 14
- der 4, 4, 6, 6, 14, 18, 18, 19, 21, 22, 22, 23, 24,
27, 30, 31, 32, 33, 33, 33, 34, 40, 41, 41, 42,
43, 44, 44, 45, 46, 46, 47, 47, 49, 50, 50, 52,
52, 52, 54, 59, 59, 62, 63, 64, 64, 65, 67, 68,
68, 68, 68, 69, 72, 78, 80
- d[e]r 21
- d[er] 11
- derglicek(en) 44
- dergliceken 15, 60
- d[erg][lic]k[en] 76
- derglicken 5, 10, 12, 17, 24, 38, 50, 73
- derttich 82
- des 1, 2, 2, 2, 2, 3, 3, 3, 3, 4, 4, 4, 6, 6, 6, 8, 9, 9,
10, 10, 14, 15, 16, 16, 16, 16, 17, 18, 20, 20,
20, 24, 25, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 35, 36, 37,
40, 40, 40, 43, 44, 45, 49, 52, 54, 56, 56, 57,
58, 59, 60, 61, 70, 71, 73, 73, 73, 73, 75, 75,
75, 77, 77, 77, 77, 78, 79, 79, 81
- de[s] 37
- [de]s 9
- [des] 16
- dessem 67
- dhoen 35
- die 4, 8, 9, 10, 11, 11, 11, 11, 11, 12, 12, 12, 12,
13, 13, 13, 13, 13, 14, 14, 14, 14, 15, 15, 17,
17, 17, 18, 18, 18, 20, 22, 22, 23, 26, 26, 26,
27, 29, 30, 30, 31, 31, 32, 32, 33, 34, 35, 37,
39, 40, 40, 41, 41, 41, 41, 41, 42, 43, 43, 44, 45,
45, 46, 46, 47, 47, 47, 47, 49, 49, 49, 50, 51,
51, 52, 53, 53, 53, 53, 54, 54, 55, 58, 58, 58,
59, 60, 60, 63, 63, 64, 64, 64, 66, 66, 66, 67,
68, 70, 70, 71, 72, 72, 74, 74, 76, 76, 78, 78,
79, 80, 80, 81
- [di]e 14
- Dimiterj 3, 74
- dinge 65
- doen 76, 80, 81
- doende 38, 41, 49, 51
- dre 7, 62, 82
- Duitsche 14
- Duitschen 12, 27, 27, 28, 57, 78
- Du[i]tschen 12
- Duitshen 12, 38, 42, 47, 47
- Duitshen 13, 13, 14, 26, 26, 36, 36, 39, 39, 43,
44, 44, 46, 47, 48, 48, 54, 55, 55, 60, 63
- durch 12, 13
- duisse 67, 70, 81
- duissem 66, 76, 78
- dussen 8, 8, 9, 59, 66, 66, 67, 72, 74, 78, 80, 81
- dussenn 34, 65
- eddelen 5
- eder 30, 69, 71
- ehn 27, 29, 33, 34
- ehne 37
- ehre 4, 7, 8, 9, 10, 10, 15, 15, 18, 20, 20, 22, 23,
29, 30, 31, 31, 41, 49, 54, 61, 64, 72, 74, 79
- ehrem 29, 30, 53
- ehren 35, 36, 48, 57, 58, 60, 60
- [ehren] 12
- ehr[en]n 24
- ehrer 11, 23
- eigen 52, 52
- ein 27, 37, 38, 42, 42, 44, 46, 47, 48, 52, 52, 63,
65, 67, 71
- [e]in 45
- eine 17, 40, 43, 45, 46, 55, 62
- [eine] 19
- einem 34, 36, 39, 54
- einen 16, 21, 25, 33, 39, 46, 47, 47, 48, 48, 52,
57, 59, 61, 68
- embecke 21, 22
- ende 42, 46, 52, 53, 63, 63, 63, 64, 65
- er: 4, 10, 17, 20, 56, 57, 61, 75, 77
- ers[ten] 6
- [e]rsten 7
- ertz: 9, 10, 11, 15, 17, 17, 20, 23, 24, 29, 29, 30,
31, 31, 31, 33, 33, 35, 36, 41, 44, 45, 52, 53,
54, 57, 58, 59, 60, 60, 67, 77, 80
- ertzbis: 80
- ertzbishop 7
- ertzbisshops 8
- erue 2, 3, 6, 9, 16, 25, 81
- [erue] 15
- eruen 4, 37
- erw: 17, 18
- etzwelche 56
- f: 5, 7, 9, 9, 11, 14, 15, 16, 17, 17, 17, 20, 23, 24,
29, 29, 30, 31, 32, 32, 32, 33, 35, 36, 37, 40,
40, 41, 41, 43, 43, 44, 44, 45, 49, 52, 53, 57,
58, 59, 60, 60, 67, 71, 71, 73, 74, 78
- f [:] 49, 54
- faren 12
- forder 34
- fordert 46, 47
- frede 32, 70, 71, 81
- fredebref 76
- fredebreue 66, 67
- fredebreuen 19, 28, 31, 63, 65, 67
- Frederich 5, 79
- frie 21, 22, 22, 25
- frien 21, 25, 59, 68
- friewilligen 61
- frombde 19, 19
- frye 59
- fryen 61
- fuer 70
- furste 10, 31, 31, 34
- furst[e] 79
- f[ur]ste 76
- furste(n) 77, 79
- fursten 2, 3, 5, 8
- furste[n] 16

gaste 23, 26, 58
 gebleuen 30, 30
 geburth 82
 gedreng 66
 gedrenges 69
 g[leen]d[i]get 6
 geendigeth 81
 gefangen 29
 gefengknisse 30
 gehangen 73
 gehalten 69
 gein 27, 62, 63
 geine 24, 24, 26
 gekomen 2, 5
 gekusset 76
 gekusseth 78
 gelathen 30
 gelth 27
 gemaketh 63
 genhomen 29, 34, 64
 genomen 53
 gerichte 55, 55, 55
 gericht 42, 46, 47
 gesath 39
 geschee 62
 gescheen 35, 48
 ge[schlo]g[en] 15
 geschreuen 28, 66, 78
 gesheen 65
 geste 20, 27, 57
 gestrecket 72
 getreden 15, 16
 geue 62
 geuen 30, 37, 38, 50, 51, 58
 giff 62, 62
 giffte 26
 gifte 23, 24
 Glas[a]th[oi] 4
 Glasathoj 75, 77
 gnad(en) 15
 gnaden 1, 28, 29
 gnanth 5
 God 62, 70
 Godes 1, 52, 53
 Gorbathoj 2
 Gorbatoj 73
 Gots 1, 15, 28, 29
 grentze 11, 14, 15, 46, 64
 g[r]lentze 19
 gro: 77
 grote(n) 16, 18, 20, 25, 37, 40, 43, 56, 71, 73, 75, 79
 gr[o]te(n) 16
 g[r]ote(n) 16
 grotf: 15, 28
 Grothe see 11 (см. также see)
 grothen 1, 2, 2, 3, 3, 4, 6, 9, 14, 17, 28, 32, 40, 45, 61, 70, 73, 81
 groth[en] 10

[gr]othen 38
 G[ro]the[n] Pleschow 4 (см. также Pleschow)
 Grothen see 11, 12, 13 (см. также see)
 grothenn 56
 grothern 35, 38, 69
 grothf: 29
 [g]rothfursten 1
 Grothnowg: 57
 Grothnowgard(en) 73
 Grothnowgarden 2, 56, 81
 gude 30, 49, 75
 guden 18, 51
 guthwillich 58

 haluen 12, 13, 40, 43, 44, 62, 66, 69
 hand 37
 hande 72, 74, 81
 hangen 74, 76, 80, 81
 Hasenkamp 5
 hebben 15, 21, 25, 30, 32, 41, 42, 51, 58, 59, 61, 63, 64, 68, 72, 76, 78
 hebbe[n] 49
 h[ebb]en 5
 heft 37, 38, 39
 her: 40, 77
 herberge 58
 Herman 5
 hern 7, 23, 71, 71
 hers: 9, 15, 16, 16, 17, 25, 29, 37, 38, 43, 45, 73, 75, 79
 h[ers:] 16
 [her]s: 10
 herscher 28, 28
 herschers 1, 1, 2, 14, 57, 61, 70, 73, 81
 he[r]schers 40
 herschops 3
 hershers 3, 4, 18, 20, 32, 56, 71
 h[e]rshers 2
 hershops 6
 hie 37, 39
 [hi]r 2
 hindernisse 25
 hoger 39
 holden 53, 67
 ho[lde]n 8
 holme 14
 holth 22
 houede 15, 15
 howen 22
 huishur 58

 Iacoba 34
 iare 7, 7, 81
 iaren 6, 9, 10, 31, 34, 66 (см. также jaren)
 iarigen 8 (см. также seuentheiniarigen)
 id 42 (см. также jd)
 iegenwerdicheit 80
 ienige 38
 im 7

- in 2, 9, 10, 15, 16, 20, 20, 21, 22, 22, 22, 22, 25,
25, 25, 26, 27, 28, 28, 29, 29, 30, 30, 30, 31,
34, 34, 35, 35, 35, 36, 37, 38, 38, 39, 43, 44,
44, 44, 44, 47, 48, 52, 54, 54, 57, 57, 59, 61,
61, 64, 66, 68, 68, 69, 70, 72, 78, 80
inn 31, 57, 57, 59, 60, 66, 81
in[n] 42
inth 81
is 14, 30, 33, 34, 36, 81
Iuhorschi 1
Iwan 1, 15, 28
Iwanewitz 2, 74 (см. также Jwanewitz)
- Jacob 32
jare 67, 70
jaren 59 (см. также iaren)
jd 62 (см. также id)
Johan 5, 79
Jwanewitz 3, 73 (см. также Iwanewitz)
- kein 64
keine 23, 23, 24, 37, 39, 48, 58, 58, 65, 68
keinen 65
keinerley 56, 65
kei[ner]le[y] 65
keines 69
keisers 2, 6
kercken 52, 53, 53
key: 3, 3, 4, 9, 10, 14, 15, 20, 29, 71, 73, 73, 77,
79
keys: 61, 75
keyser 28
keyzers 1, 2, 4, 81
klegeliche 50, 51, 62
klegelichen 34, 61
kleinen 69
Klitzar 14
komen 18, 60, 61
komende 21, 25
konnen 64
kopen 21, 25
koplude 20, 27, 29, 30, 30, 57, 58
kopman 69
kopmanne 23, 24, 24, 26, 31
kopschlagen 22
Korff 5, 79
Kowirin 4, 77
Kowir[i]n 74
krich 65
krogen 26
krutz 47
krutze 33, 34, 49, 51, 75, 76, 76, 78, 80
krutzekussen 33, 34, 51, 75, 76, 80 (см. также
krutze u kussen)
krutzkus: 18
krutzkussen 47 (см. также krutz u kussen)
krutzkussinge 19, 23, 35, 38, 42, 46, 47, 47,
50, 52, 52, 54, 63, 65, 67, 68, 68, 69, 70,
70
- Kubenskij 74
Kubensky 3
kumpt 12, 13
kussen 33, 34, 47, 47, 49, 51, 75, 76, 80
- land 10, 15, 16, 17, 18, 25, 75, 77
lande 11, 15, 16, 19, 19, 20, 20, 21, 21, 25, 26,
28, 29, 35, 38, 43, 47, 54, 57, 59, 60, 61,
78
lan[de] 9
[lan]d[e] 11
landen 18, 46, 48, 56
[lan]den 27
[lan]dsathen 8
lathen 20, 58
leuen 70
leuenth 20
Lif: 22, 38
Liff: 57
Lifflande 21, 56
Liflande 5, 7, 29, 35, 78
Lode 5, 79
loper 52
loss 30
lude 15, 15, 16, 16, 17, 18, 18, 23, 24, 31, 33, 49,
49, 51, 75
- m: 15, 17, 17, 20, 23, 24, 32, 41, 49, 53, 54,
67
maken 42, 45, 63, 64, 65
malckander 63, 64 (см. также vndermalckan-
der)
mall 62
man 52
m[an] 36
mede 9, 10
meister 5
men 8, 12, 13, 19, 24, 24, 27, 35, 36, 36, 37, 37,
38, 39, 39, 43, 44, 47, 48, 52, 53, 54, 55, 56,
58, 62, 62, 62, 62, 65, 68, 68, 72
[me]n 20
mes: 9, 11, 14, 16, 16, 29, 29, 30, 31, 32, 33, 35,
36, 40, 43, 44, 52, 57, 58, 59, 60, 60, 71, 71,
78
mester 7, 10, 31, 31, 34, 76, 79, 80
mes[te]r 44
mesters 8, 77
Michael 3, 73, 74
[Michael] 2
Mikitin 4, 74, 77
mith 6, 6, 17, 21, 26, 30, 32, 36, 37, 37, 37, 39,
40, 41, 42, 43, 45, 45, 46, 50, 54, 55, 56, 58,
63, 65, 69
moge 71
mogen 22, 22
[m]o[gl]en 22
monath 67, 68, 68, 71, 72
Muschow 1
my 71

- nach 1, 8, 18, 19, 19, 20, 23, 31, 32, 35, 38, 42, 46, 48, 50, 52, 52, 53, 54, 55, 59, 59, 63, 63, 65, 65, 67, 67, 67, 68, 68, 69, 82
- na[c]h 11
- [nach] 1
- nachtleger 24
- Narue 5, 14, 20, 49, 50, 50, 51, 59, 79
- Natzar 4
- Nazar 75, 77
- nergens 9, 10
- nhemen 23, 24, 27, 27, 58
- nicht 9, 10, 11, 12, 12, 13, 13, 14, 14, 19, 20, 26, 26, 26, 30, 32, 33, 35, 36, 38, 43, 44, 48, 53, 57, 57, 66, 69, 69, 71
- ni[c]ht 39
- [nicht] 9
- nichts 21, 26
- Nienschlotte 50
- Nienschlotte 49
- noch 69, 69
- nottruft 23
- Nowg: 79
- Nowgarden 1, 2, 16, 76
- Nyenschlotte 51
- Nyen:lschlotte 50–51
- ock 9, 16, 19, 20, 22, 22, 23, 23, 24, 26, 26, 27, 28, 32, 34, 38, 57, 57, 66
- octobris 7
- [octo]b[r]is 7
- of 12, 13, 22, 23, 30, 33, 66, 68
- off 56, 63, 65
- olde 11, 15, 22, 23, 28
- olden 11, 53, 66, 70
- olderlude 4, 74, 76
- olderluden 6
- Onisimow 4, 75, 77
- Onkudinow 5, 75, 77
- orlage 68
- orlech 65
- Otpher 1
- ouer 50
- [ou]e[r] 13
- parte(n) 17, 18, 19, 19, 59, 62, 63, 66, 66, 67, 68, 68, 72, 72
- parten 8, 28, 48, 56, 56, 58, 65
- peithen 65
- Perempschi 1
- Ples: 10, 11, 11, 12, 13, 13, 14, 14, 15, 15, 16, 17, 17, 20, 22, 23, 24, 26, 26, 27, 27, 28, 28, 29, 30, 31, 31, 32, 32, 33, 34, 34, 37, 37, 38, 38, 39, 39, 40, 41, 43, 43, 43, 44, 44, 45, 45, 46, 47, 47, 48, 48, 49, 54, 57, 58, 59, 60, 61, 61, 63, 71, 71, 75, 77
- Ples[:] 25
- P[!]es: 24
- P[les:] 35
- [Ples:] 36
- Ples: see 14 (см. также see)
- Pleschow 1, 3, 4, 4, 6, 6, 9, 9, 11, 56, 74, 74, 75, 75, 76
- Pleschower 22, 36, 54
- Pleschow[er] 34
- Pleschowisch 39
- Pleshower 47
- portzelen 22
- raidmanne 8
- raidmannen 41
- recht 35, 38, 50, 51, 62, 62, 62
- rechte 35, 38, 52, 55
- rechten 48
- rechteste 42, 42, 46, 50, 52
- reinigen 53
- reisen 72
- renneborne 24
- Reuel 20
- Reuell 59
- reyne 53
- reynen 61
- richten 36, 39, 48
- richte[n] 47
- richtere 16, 18, 41, 41, 44, 45, 45, 46, 50, 55, 55, 63, 64, 64
- richtern 40, 55
- richtich 69
- Riga 7, 20, 23, 59, 77, 81
- ritte[r]sch[a]ft 7
- Rus: 3, 3, 9, 10, 20, 73, 73, 75, 77, 79
- Ruschen 2, 52, 53
- Russen 1, 4, 15, 28, 29, 52, 61, 71, 81
- R[u]s[sen] 14
- Russischen 2, 4, 6
- sake 36, 38, 39, 41, 42, 43, 44, 44, 49, 50, 51, 51, 56, 62, 63, 64, 66
- saken 32, 34, 35, 38, 42, 42, 45, 56, 62, 63, 64, 65, 69
- sakenn 61
- sakewolde 48
- sakewolden 48
- sa[kew]olden 40
- sal 8, 10, 11, 12, 13, 14, 19, 19, 23, 24, 27, 34, 35, 36, 36, 37, 37, 38, 39, 39, 39, 43, 44, 44, 46, 47, 47, 47, 48, 48, 48, 50, 52, 53, 53, 54, 59, 62, 62, 65, 67, 67, 68, 72, 79, 81
- s[a]l 76
- sall 31, 34, 55, 56, 58, 60, 65
- [sa]ll 69
- samen 18 (см. также tho samen)
- schlogen 15
- schult 55
- see 11, 11, 12, 13, 14
- segel 76, 80, 81
- segele 72, 74
- sein 11
- seine 5, 9
- seinen 48, 48

Semenowitz 3, 73, 74
 [Semen]owitz 3
 semptlich 42
 semptlichen 40, 42, 45, 45, 46, 55, 55, 63, 64, 64
 senden 16, 17, 18, 41, 79
 sestich 7
 setten 18, 23, 24, 26, 37, 40, 46, 55, 62
 seuendusenth 7, 7, 82
 seuenthein 6, 8, 10, 34, 59 (с.м. также seuentheiniarigen)
 seuenth[e]i[n] 9
 seuentheiniarigen 8
 shwerd 70
 sich 33, 36, 37, 39, 40, 43, 44, 62, 63
 side 12, 13, 13
 siden 11, 12, 69
 sie 18, 27, 42, 50, 51, 55, 64, 64, 70
 sin 24, 46, 53, 54, 66, 66, 76, 76, 78, 80, 81
 sind 2, 5, 15, 16, 30, 42, 70, 72
 sine 9, 23, 71, 76, 80, 80, 81
 sinen 71
 siner 26, 69
 sines 28
 smacht 70
 Smalenschi 1
 so 15, 28, 34, 37, 47, 47, 56, 60, 62, 63, 64, 70, 70, 71, 72
 sodane 33
 sodant 15
 soda[n]t 37
 solle 70
 sollen 9, 11, 11, 12, 13, 14, 16, 17, 17, 18, 20, 23, 24, 24, 26, 26, 27, 27, 32, 33, 33, 40, 40, 41, 42, 43, 45, 49, 50, 51, 51, 55, 58, 60, 63, 64, 64, 66, 68, 72, 73, 75
 solle[nn] 29
 solthe 21, 26
 sonne 4, 4, 74, 75, 77, 77
 sons 28
 stad 54
 stadhol: 37, 40, 40, 43, 45, 49, 50, 59, 71
 [sta]dhol: 17
 stadholdere 2, 4, 6, 9, 16, 32, 70, 73, 79
 stadhold[er]e 73
 stadholdern 3
 staen 67
 staende 40
 stede 8, 34, 46, 59, 75, 76, 80
 ste[de] 20
 steden 22, 25, 29, 30, 31, 35, 36, 36, 44, 44, 57, 57, 57, 60
 stehet 28
 stellen 43, 45, 54, 64
 sterffte 70
 straffe 43, 44, 55
 straffen 43, 44
 strecken 74, 81
 stroem 14
 stucke 35, 36, 38, 39
 suluers 35, 36, 38
 summen 22
 sunde 12, 13
 tehen 13, 22, 58
 tehende 21, 25, 60, 61, 68
 thall 24
 thein 35, 36, 38, 39
 tho 1, 2, 2, 2, 2, 5, 6, 6, 7, 7, 7, 9, 17, 18, 18, 21, 21, 21, 21, 21, 21, 22, 23, 25, 25, 25, 25, 25, 27, 29, 32, 35, 35, 37, 38, 38, 38, 39, 40, 40, 41, 43, 47, 49, 49, 51, 51, 56, 56, 57, 57, 59, 59, 59, 60, 60, 60, 60, 61, 61, 61, 62, 68, 71, 71, 71, 71, 73, 74, 75, 75, 76, 77, 77, 78, 78, 79, 81, 81
 t[h]o 46
 tho samen 18
 thor 5, 37, 50, 50, 51, 79
 thor[nen] 13
 tid 17, 33, 37, 40, 41, 43, 45, 62
 tod 66
 treden 11, 14, 19
 [tre]d[en] 10
 tredt 19
 treffende 36
 trefft 39
 tuschen 11, 56
 tusch[e]n 14
 uorkopen 21, 25
 van 1, 3, 3, 3, 4, 5, 5, 6, 6, 8, 16, 16, 17, 17, 18, 19, 19, 24, 24, 27, 27, 28, 28, 28, 29, 31, 32, 41, 43, 45, 48, 49, 49, 49, 50, 50, 51, 56, 58, 58, 59, 62, 63, 65, 66, 66, 67, 68, 68, 69, 72, 72, 74, 76, 77, 78
 va[n] 4, 28
 v[a]n 55
 vann 29, 70
 v[a]nn 57
 vastiglich 8
 ve: 4, 6, 37
 ved: 4, 9, 10, 16, 17, 56, 57, 61, 77
 [ve]d: 14
 veder: 20, 75
 vederliche 2, 3, 25, 81
 veer 72
 veide 68
 veligen 68
 verfelth 42
 verhoren 50
 verkopen 22
 verlopen 30
 versamlinge 17, 18, 33, 33, 41, 42, 45, 46, 54, 62
 versa[m]linge 43
 versettet 12
 vertich 7
 verttich 82

ver[w]alringe 30 – 31
 veste 37, 39
 vestiglichen 67
 Vetzkj 1
 veyden 72
 viff 82
 viffteinhunderth 82
 vischen 11, 12, 13, 13, 14
 vischer 12, 13
 vmb 15, 32, 34, 37, 56, 61, 65, 69
 vnd 1, 1, 1, 2, 3, 5, 7, 7, 7, 7, 8, 8, 9, 9, 10, 10,
 11, 11, 14, 14, 15, 15, 16, 17, 17, 18, 18, 18,
 18, 19, 19, 19, 19, 20, 20, 20, 20, 21, 21, 21,
 21, 23, 23, 23, 24, 25, 25, 25, 25, 26, 26, 26,
 27, 28, 28, 28, 29, 29, 29, 29, 29, 30, 31,
 31, 33, 33, 35, 35, 35, 36, 37, 38, 40, 41, 42,
 43, 43, 44, 45, 45, 45, 46, 46, 47, 48, 49, 49,
 49, 50, 50, 50, 51, 51, 51, 52, 52, 52, 52, 52,
 53, 53, 53, 53, 53, 54, 54, 55, 55, 56, 57,
 57, 57, 57, 57, 57, 58, 58, 59, 59, 59, 59,
 60, 61, 61, 62, 62, 65, 67, 69, 70, 70, 71, 71,
 72, 72, 73, 73, 74, 74, 74, 75, 75, 75, 76, 77,
 77, 78, 79, 79, 80, 80, 80, 80, 80, 81, 82,
 82, 82, 82, 82
 [vn]d 1, 4, 5, 7
 [vnd] 2
 vnd[e] 63
 [vn]de 3
 vnder 63, 64 (см. также vndermalckänder)
 vndermalckander 63, 64
 vnmacht 12
 [v]nmacht 13
 vnnd 33, 60, 60, 70
 [nn]d[e] 10
 von 15, 49
 vor 7, 7, 8, 8, 10, 23, 40, 44, 45, 54, 55, 55, 58,
 64, 64, 75, 75, 76, 76, 77, 78, 80, 80, 80, 81
 vorbie 70, 72
 vordan 19, 64
 vorfelth 44
 vorigen 28
 vorsamlinge 65
 vp 7, 9, 10, 13, 14, 16, 16, 17, 17, 17, 18, 19, 19,
 22, 33, 37, 40, 41, 42, 43, 45, 46, 50, 51, 54,
 64, 64, 64, 72, 76, 78, 80
 v[p] 11
 [v]p 41
 vpholdinge 58, 60, 61
 vpstunden 56
 vpt 23, 28, 42, 46
 vth 3, 14, 15, 20, 20, 24, 25, 38, 41, 53
 vthgaende 67
 vthgeuen 52
 vthgropet 54

 waer 27, 58
 wage 27
 wage gelth 27
 wan 71
 wanner 70, 79
 war 26, 29
 ware 21, 22, 23, 30, 30 31, 31, 33, 33, 69
 [w]are 26
 was 27
 Was[silie]n 28
 watere 10
 wath 34
 wather 21, 25, 59, 60
 wathere 9, 19, 19
 watheren 11, 46
 wath[er]n 18
 wattelley 49
 watterleie 42
 watterley 51
 watterleye 44
 wech 21, 25, 59, 61, 68
 wecken 72
 weddergegeuen 32, 33
 weddergeuen 27, 31, 54
 wege 24
 wegen 77, 78
 weinich 27
 welche 29, 30, 30, 39, 63
 [w]elche 36
 welcher 69
 welcherer 54
 [w]elcherer 41
 welchn 64
 Wenden 32
 wer 19
 werde 23, 26
 werd(en) 39
 werden 67, 79
 werdicheit 80 (см. iegenwerdicheit)
 weren 29
 wersetet 13
 werth 46, 47, 69, 71
 wes 31, 33, 34
 wie 70, 71
 w[i]e 58
 wiff 52
 willen 1, 32, 56
 winth 12, 13
 wise 66
 Woldow 49, 49
 Woldower 51
 Woldowschen 50
 Wolodimer 1
 word 32
 worde 63
 Worontzow 3, 73, 74
 Worontzo[w] 3
 wue 16
 wur 53

Соотношение терминологии русского и немецкого экземпляров договора

Помещаемый ниже список соотносящихся русских и немецких терминов не является вполне исчерпывающим. Он охватывает не весь словарный состав русского и немецкого текстов, хотя и включает в себя наиболее существенные понятия (главным образом юридического характера). Список не ограничивается только именами существительными и прилагательными. В него входят также глаголы, наречия, некоторые предлоги и др.

В основу списка положены русские термины. К ним приводятся немецкие эквиваленты, содержащиеся в тех же статьях договора в соответствующих русском тексту предложениях и оборотах. Ссылки даются на номера статей, обозначенных римскими цифрами (в публикации текста обоих экземпляров договора эти номера помещены в фигурных скобках). Нумерация статей, отсутствующая в самом документе, введена нами для того, чтобы сравнение русского текста с немецким могло быть наиболее наглядным и конкретным.

Надо иметь в виду, что одно и то же русское (или немецкое) слово, повторяющееся в ряде статей, может иметь разные немецкие (или русские) эквиваленты в разных статьях. Это в какой-то мере отражено в нашем списке. Но в некоторых случаях смысловые соответствия в текстах двух разноязычных экземпляров выражаются не с помощью слова-эквивалента, а посредством определенных грамматических конструкций, флексий других слов и т.п. Подобные косвенные соотношения текстов в нашем списке не фиксируются.

Арцьебискуп – ertzbishop II и др.

Беглец – loper XXX

Без, безо – ahne XI и др.

Бергаместеры – burgermeister(e) XXIII

Берег – side V, ouer V

Бискуп – bisschop LI

Бискупы – bischope XIII и др.; bisschope LI и др.

Бити челом *см.* Чело

Блюсти – boshermen XXXV

Борода – bardth XXXII

Бояре земные – landsathen II

Быти делу (спорному) – vpstunden XXXIII

В (по поводу, в чем-л.) – auer XXXVII

Веленье – bouelh I

Великий государь – grothe herscher I, II и др.; grothe herschop II

Великий князь – grotf(urste) IX и др.

Весчее – wage gelth XVIII

Взыскати – [fordern]; взыщет – fordert XXVII

Взяти – [nhemen]; взято – genhomen is XX

Взятое – genomen XXXI

Вина – schult XXXII

Вместе (оптом) – in der summen XII

Вода – wather, wathere III и др.

Воевати – bofeiden III; veyden XLV

Война – orlech XXXIX, orlage XLII; *ср.* Рать

Воля – [wille]; по воле – nach dem willen I

Вопчие судьи *см.* Судьи вопчие

Воск – was XVII

Вперед (впредь) – forder XXI

Всеа Русии – aller Russen I и др.

Вступатися – [treden]; вступаются; вступались – sind getreden IX

Всякий: 1) любой, каждый – allerleie XI и др.; 2) никакой – alle XI и др., allerleie XXXVI

Вывет; без вывета – nichts buthen bosheiden XI, nichts nicht buthen boscheiden XIV

Выдати (отдать) – vthgeuen XXX

Выдрати – [vthgropen]; выдерут (бороду) – sin bardth vthgropet XXXII

Где – dar XXVI; wur XXXI

Голод – smacht XLIII

Гора; горою и водою – tho wather vnd tho lande XXXV

Город – stad XXXII

Города – stede XI, LI и др.

Гости – geste XI, XVIII, XXXIII; gaste XIII, XVI, XXXIII

Гостинцы – gifte XIII; giffte XVI

Гость – kopman XLII

Государь – herscher I, II и др.; herschop II

Грабити – berouen XXXIII

Грамота – [breue]; nach dussen breuen III, nach den olden breuen IV, in dussem breue XL, LI; bref XLVII, LII; breff XLVII, LI, LII

Грамота перемирная – fredebreue IX, XIX, XX, XXXVIII, XL, XLI; biefrede bref XLVII
Грехи – [sunde]; по грехом – durch sunde V

Дати: 1) живота (не) дати см. Живот
2) на поруку см. Порука
3) руку см. Рука дати
4) управу см. Управа

Дела обидные – klegeliche sake XXI, XXIX, XXXVII

Дело, дела – sake, saken XX, XLII и др.
Дело великое – grote sake XLII
Дело малое – kleine sake XLII
Держава – beholdinge II, LI; beholde XI, XXXI; beholth XXV, XLIX

Держати – setten; на крепости (в заключении) – in die veste setten XXI

Держати (владеть) – holden; держати по старине – holden nach dem olden XXXI

Дерть – tod XL

Десять – thein XXI, XXII

До – beth II, XXXVI; dan XXI, XXII

Добровольно – frie XII, XIV; frye XXXV; guthwillich XXXIII, friewilligen XXXVI

Добрые люди см. Люди добрые

Довести (доказать вину) – auerthugen XXXII

Дорбги – [wege]; по дорогам – bie dem wege XIII

Досудити; досудят – werth gerichtet XXVII

Дрова – holth XII

Ездити – fahren V; tehen V, XII; reisen XLVI

Живот (жизнь) – leuenth; живота не дати – dat leuenth nicht lathen X

Животы (имущество) – gude (XIX); ware (XIX)

Жити – leuen XLIV

За [пределы] – auer V

Запас (“что по надобе”) – nottruft XII

Заплатити – bothalen XX

Зацепка (помеха, препятствие) – anholdinge XI; vpholdinge XXXIII, XXXV, XXXVI; hindernisse XIV

Зацепляти (вредить, посягать) – boschedigen III

Земля, земли – land, lande III, XXXII и др.

Земля матерая – embecke XII

Земля чужая – frombde lande X

Золотоносцы – gitterschaft II

Издержати (соблюдать) – holden; издержати крепко – vestiglichen holden XLI

Изнеможенье – vnmacht V

Или – of XII, XIX и др.; eder XIX

Имати (брать) – nhemen XIII

Исправа – [rechte]; по своей исправе – nach seinen rechten XXVIII

Истец, истцы – sakewolde, sakewolden XXII, XXVIII

К – вр; к тому сроку – вр den bostemmeden dach IX

Казнити – straffen; не казнити – nicht straffen XXIV, XXV

Казнь – straffe XXIV, XXXII

Князь – furste II и др.; князья – fursten II и др.

Князь мастер – furste meister, furste mester II и др.

Колоды – renneborne XIII

Колупати (воск) – bokloppen XVII

Конец (делам судебным) – ende; учинят тем делом конец – sollen... maken ein ende XXXV, sollen... ein ende maken XXXVII

Концы (территор. единицы) – ende XXXI

Кончати (заключать договор о мире) – [endigen]; кончали перемирие – dusse frede is geendigeth LIII

Корчмы (держать) – krogen XV

Крепко – vestiglichen; издержати (соблюдать) крепко – vestiglichen holden XLI

Крепость (заключение) – veste; держати на крепости – in die veste setten XXI

Крест целовати – dath krutze kussen XLVIII, XLIX и др.

Крестное целование – krutzkussinge IX, XII и др.

Купити – tho kopen XI, XIV

Купцы – koplude XI, XVIII и др.; kormanne XIII, XVI, XIX

Лес – busche XII

Лета (годы) – jare; отойдут се лета – dusse jare vthgaende werden XLII, dusse jare vorbie sind XLIV

Ловец (рыболов) – vischer V

Ловити (рыбу) – vischen V, VI

Люди – lude IX, XIII, XX, XXIX, XLVIII

Люди добрые – gude lude XXIX, XLVIII, die guden lude IX

Люди маистровы – des fursten mesters, ertzbischops lude XIV

Люди честные – erw(irdige) lude IX

Маистр (магистр) – furste mester XIII

Матерая земля см. Земля матерая

Матерая река см. Река матерая

Местер (магистр) – furste meister II; furste mester II, III, XIX, XX, XLIX, LI и др.

Межа – grentze VIII, XXVI; ср. Рубеж

Меч – shwerd XLIII

Милость – gnade; божьею милостию – van Gots gnaden I, IX, XIX

Мир – biefrede III, frede XLIV, XLV

Мор – sterffte XLIII

На земле и на воде – tho wather vnnd tho lande XXXV и др.

На обе стороны – van beiden parten III, XVIII и др.
 На опыт (“уколупив немного” воска) – tho bosende XVII
 “На розницу” – bie portzelen XII
 “На то” (по поводу чего-л.) – auer deme XLIII
 Наем (плата за постой) – huishur XXXIV
 Назад *см.* Отдати назад
 Наместники – stadholdere II, III, IX и др.
 Написать – [schreuen]; написано – geschreuen stehet XIX
 Напряме – vp dath rechtste XXIII, vpt rechtste XXV, vp dat rechtste XXIX
 Наступати (нарушать границу) – treden; не наступати – nicht treden III, VII
 Не грабити – nicht berouen XXXIII
 Не обидити – nicht boschedigen XXXI
 Не порубати – nicht bosetten XXXIII
 Нелюбовь (= не будут любить) – nicht werth boleuen XLV
 Нет пени *см.* Пеня
 Никоторою нужею – keinerley wise of gedrenghe XXXIX, vmb keines gedrenges XLII
 Ничем – nergens mede III
 Ночи (ночевки) – nachtleger XIII
 Нужа (принуждение) – gedrenghe XXXIX, XLII
 Нягство (тюремное заключение) – gefengknisse XIX
 Обе стороны *см.* На обе стороны, С обеих сторон
 Обидити – boschedigen; не обидити – nicht boschedigen XXXI
 Обидные дела *см.* Дела обидные
 Обослатися (“обослався”) – sich bosenden XX
 Обыск (расследование) – bosokinge; с обыском – mith bosokinge XXIII, XXV, XXXVIII
 Обыскати (“обыскав”) – bosoken IX
 Обыскивати (расследовать) – verhoren (XXIX), bosoken (XXIX)
 Огнь – fuer XLIII
 Ограбити – [bestroefen]; ограбили – bestroefet word XX
 Оприч (кроме) – bosunder XVII, XL
 Опыт (проба); “на опыт” = испытать – tho bosende XVII
 Остаться (быть оставленным, о товаре) – [bleuen]; “остался” – is gebleuen XIX
 Остров – holme VII
 Ответчик – anthwordes man XXI, anthworder XXII, XXVII
 Отдати – weddergeuen XIX
 Отдати все чисто – alle reyne weddergeuen XXXI

Отдати назад – weddergeuen XVII
 Отложить (отменить) – [afstalen]; отложить – hebben wie... afgestalt XXXIV
 Отойти (истечь, о сроке) – [vthgaen]; отойдут – vtgaende werden XLII, vorbie sind XLIV
 Отослати (расторгнуть) – auesenden; мир отослати – den frede auesenden XLV
 Отпускати – tehen lathen XXXIII
 Отчина – vederliche erue II, III, IX, XIV, XXXIII, LIII и др.
 Отъехати (уехать) – tehende XIV, XXXV; tho tehende XI и др.
 Очистити – reinigen XXXI
 Пеня; [накладывать пеню – boschuldigen, thomen]; “пени нету” – sal men nicht boschuldigen V, “пени нет” – sal men nicht thomen V
 Перемирие (перемирье) – biefrede II, XLI, XLVII
 Перемирная грамота *см.* Грамота перемирная
 Печати – segele XLVII
 Печать – segel XLIX, LI
 Писати – [schreuen]; писано – geschreuen sin XL, писаны – geschreuen sin LI
 Платити – bothalen XX
 По грехом *см.* Грехи
 По дорогам *см.* Дороги
 По исправе *см.* Исправа
 По старине *см.* Старина
 Подворье – herberge XXXIV
 Подымати (начинать) [войну] – boginnen XLII, anboginnen XXXIX
 Полезти (выступить, напасть) – treden X
 Положити (товар) [на сохранение] – [lathen in verwaringe]; “положен” (= положили) – gelathen hebben in verwaringe XIX
 Поруб – bosettinge; “порубу в том не быти” – dar sal keine anholdinge vnd bosettinge XXVIII; “порубу не быти не в чем” – vmb keinerley sake willen bosetten XXXII
 Порубати – bosetten; “не порубати” – nicht bosetten XXXIII
 Порубатися; “порубалися” – sich boschedigeth XXXVIII
 Порука – burge, burgen; дать на поруку – geuen vp burge hand XXI, borgen XXII; “а по котором не будет поруки” – heft hic keine burgen XXI
 Посадник – burgermeister XXIX; посадники – burgermeistere II
 Послати – senden IX
 Посол, послы – bode XX, XXXV; boden II, XXXIII – XXXVI; baden LI, LII; bodschafter II

- Правити (соблюдать) – gehalten, gehalten ríchtich; “не учнугъ правити” – nicht werth gehalten ríchtich XLIII
- Привесити (печать) – doen hangen LII
- Приехати – komen XXXV, XXXVI; komende XI, XIV
- Приложити (печать) – hangen; “печати свои приложили” – hebben... ehre segele... gehangen XLVII; sollen... ehre segele... hangen XLVII
- Прислати – senden; “а как пришлют...” – wanner... senden werden LII
- Продати – tho uorkopen XI, XIV
- Промеж – tuschen IV, VIII, XXXIII
- Промеж себя – vndermalckander XXXVIII
- Просити – bogerende; управы просити – recht tho bogerende XXXVII
- Путь – wech XI, XIV, XXXV, XXXVI, XLII
- Путь чист – einen frien wech XI, XIV, XXXV; einen fryen reynen wech XXXVI; einen frien veligen wech XLII
- Раба – eigen wiff XXX
- Ратманы – raidmanne II, XXIII
- Рать – krich XXXIX, veide XLII; *ср.* Война
- Река – becke VIII
- Река матерая – embecke XII
- Розница; на розницу – bie portzelen XII
- Рубеж – grentze IV, IX, XXXVIII; *ср.* Межа
- Рубль – stucke suluers XXI, XXII
- Рука, руки – hande XLVII, LII
- Рука дати – sal die hande strecken LII, sollen... die hande strecken XLVII; руки дали – hebben die hande gestreckt XLVII
- С обеих сторон – van beiden parten IX
- Сечи – howen; “дрова ... сечи” – holth howen XII
- Соль – solthe XI, XIV
- Сослатися – bosenden XXI, XXII, XXIV; senden XXIII
- Срок – tid IX, XX, XXII–XXV, XXXVII; dach XX, XXII; bostemedden dach IX; к тому сроку – vp den bostemedden dach IX
- Срок учинити – eine tid beramen IX, XXV; beramen einen dach of tid XX; beramen eine tid XXIV; setten eine tid XXXVII
- Старина – olde XII, XVIII, XXXI; по старине – vp dath olde XII, vpt olde XII, XVIII; nach dem olden XXXI
- Старосты – olderlude II, XLVIII, L
- Старый, старая – olde, olden IV, IX, XL, XLIV
- Стержень (реки) – stroem VIII
- Сторона (берег) – side V
- Сторона, стороны (контрагенты) – parte III, IX, XVIII, XXVIII, XXXII–XXXIV, XXXVII – XXXIX, XLII, XLV, XLVI; side XLIII
- Суд – gerichte XXXII
- Суд волчий – semptliche gerichte XXXII; “судивши... судом волчим” – die saken semptlich gerichtet hebben XXIII
- Судити – richten XXI, XXII, XXVIII; “судивши...” – gerichtet hebben XXIII
- Судьи – richtere IX, XXIII–XXVI, XXIX, XXXII, XXXVII, XXXVIII
- Судьи вопчие – die semptlichen richtere XXV, XXVI, XXXVIII
- Съезд – versamlinge IX, XX, XXIII–XXVI, XXXII, XXXVII
- Съехатися (“съехався”) – tho samen komen IX
- Тать – deeff XXX
- Товар, товары – war XVI, XIX; ware XI–XIV, XIX, XX, XLII; waer XVIII, XXXIII
- Товар “всякой” – allerlei (allerleye) ware XI, XIV
- Торговать – kopschlagen XII
- Трижды – dre mall XXXVII
- Управа давати – recht geuen XXIX
- Управа дати – recht dhoen XXI
- Управа просити – recht tho bogerende XXXVII
- Управа чинити – ein ende maken XXIII
- Утечь (убежать) – verloren; “утекли” – verloren sind XIX
- Учинити делам конец – den saken maken ein ende XXV; denn saken... ein ende maken XXXVII
- Учинити рубеж – setten eine grentze IX
- Учинити срок *см.* Срок учинити
- Хитрость – bohendicheit; без всякие хитрости – ahne alle bohendicheit XXXV, XLI, XLVI
- Холоп – ein eigen man XXX
- Царь – keiser, keyser I, II и др.
- Целование крестное *см.* Крестное целование
- Целовати крест *см.* Крест целовати
- Цена – werde XIII, XVI
- Церкви – kercken XXXI
- Чело – houede; челом били – schlogen ehre houede IX, hebben ehre houede geschlogen IX
- Через (за пределы) – auer IX
- Честные люди *см.* Люди честные
- Честный (высокочитимый) князь – eddele furste II
- Чинити управа *см.* Управа чинити
- Число – thall XIII

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ОТЗЫВЫ М.М. БОГОСЛОВСКОГО О КАНДИДАТСКИХ СОЧИНЕНИЯХ ВЫПУСКНИКОВ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ 1916–1917 гг.

С.Ф. Платонов в кратком некрологе М.М. Богословскому, опубликованном в журнале “Вестник знания”, характеризуя педагогический опыт своего соратника по науке, отмечал: “Как профессор, он имел своих учеников и стоял в центре московского круга историков-исследователей, владеющих техникой архивных изысканий и способных к строгим выводам на почве этих изысканий”¹. Источниками для пополнения этого круга воспитанными М.М. Богословским молодыми исследователями на разных этапах жизни историка служили – до революции: Московский университет, Московская духовная академия, Московские высшие женские курсы, в послереволюционные годы – Институт истории РАНИОН, Исторический музей, архивы. О педагогических приемах Богословского, восходящих к семинарам его учителя П.Г. Виноградова, вспоминали многие из его учеников разных поколений².

Пожалуй, наименее известно о преподавательской деятельности Богословского в Московской духовной академии – высшем специальном учебном заведении православного ведомства. Комплекс предметов светских наук там во многом соответствовал университетскому. Традиционными были и связи профессуры Академии и Московского университета.

В 1908 г. академическая корпорация обратилась к М.М. Богословскому с предложением возглавить остававшуюся с 1907 г. вакантной кафедру русской гражданской истории, после вызвавшего широкий резонанс в общественных и научных кругах ухода В.О. Ключевского³. Достаточно известное уже научное имя М.М. Богословского, приобретенная им в Университете педагогическая практика и, вероятно, рекомендация самого В.О. Ключевского служили гарантом для Академии на достойное замещение кафедры⁴.

Однако, по словам самого М.М. Богословского, приглашение застало его “совершенно врасплох”. В письме от 26 июня 1908 г. к профессору С.И. Смирнову, с которым он откровенно советовался о перспективах и условиях предстоящей службы, он заметил: “Я никак не ожидал, что честь быть преемником В.О. Ключевского выпадет на мою долю, и Вы, разумеется, поймете волнение, вызванное во мне Вашим письмом и официальной бумагой. Обдумав дело и посоветовавшись с близкими людьми, я решил принять сделанное мне предложение, хотя и не скрываю от себя той ответственности, которая сопряжена с занятием кафедры после такого ученого и учителя, как Василий Осипович, и мысль о которой заставила меня немало колебаться. Может быть, впрочем, я могу быть полезен Академии в качестве ученика Василия Осиповича – это единственное соображение, служащее мне поддержкой в принятом решении”⁵.

25 июля 1908 г. Богословский направил на имя ректора академии епископа Евдокима (Мещерского) письмо с согласием занять предложенную кафедру

¹ Вестн. знания. 1929. № 14. С. 544.

² См. об этом: Мельников А.В. М.М. Богословский в воспоминаниях современников // АЕ за 2000 год. М., 2001.

³ Голубцов С.А. Московская духовная академия в революционную эпоху. М., 1999. С. 23–28.

⁴ ЦИАМ. Ф. 229 (Московская духовная академия). Оп. 4. Д. 5027. Л. 3 об.; Голубцов С.А. Указ. соч. С. 90.

⁵ ОР РГБ. Ф. 280 (С.И. Смирнов). К. 16. Ед. хр. 1. Л. 1–1 об. Автограф.

руб. С формальной точки зрения штатная должность доцента Академии была для Богословского первым местом государственной службы. На запрос канцелярии Академии о необходимости выслать формулярный список он отвечал, что штатной должности нигде не занимает и формулярного списка не имеет, поскольку звание приват-доцента Университета “дает права на выслугу лет, но не есть штатная должность”, и “в случае избрания моего в доценты Академии, мне придется вступить впервые на государственную службу, на которой я до сих пор нигде никогда не состоял”⁷.

В Академии Богословский читал курс русской гражданской истории с древнейших времен, вел практические занятия со студентами, руководил семестровыми и выпускными, так называемыми кандидатскими сочинениями, после защиты которого автор получал степень кандидата богословия. На семинарских занятиях разбирались рефераты, комментировались юридические памятники – Русская Правда, Псковская Судная грамота, Судебник 1589 г., актовые источники, в том числе, и с элементами историографии.

Вот типичная форма годового отчета:

«В 1912/[1913] ак. г. по русской гражданской истории ординарным профессором Богословским был прочитан курс древней русской истории до избрания Михаила Романова на престол по прилагаемой при сем программе.

На практических занятиях разбирались “Русская Правда”, а также читались с объяснениями некоторые части из Курса русской истории Ключевского.

Проф. М. Богословский»⁸.

Как видно из отчета, тематика лекций и практических занятий была близка университетской, но, учитывая профиль учебного заведения, в лекциях, в выборе тем студенческих сочинений Богословский останавливался, как правило, и на примерах из церковной истории.

В работах о Богословском его преподавательская деятельность в Академии обозначена, по существу, пунктирно. Так, Л.В. Черепнин пишет: “Была еще одна область, куда простирались исторические интересы Богословского, – область духовного просвещения. От своего учителя Ключевского Богословский унаследовал не только кафедру русской истории в Московском университете, но и профессию в Московской духовной академии. Работа Богословского в академии – это особая тема. Не все у него шло гладко. Были трения и даже столкновения с академическим начальством. Но, впитав в себя с детских лет религиозность, Богословский искал и нашел в академической среде созвучную себе аудиторию”⁹. Действительно, общая атмосфера в Академии, зачастую строгий канцеляризм и формальный подход к преподаванию, требовавшийся от профессоров, нередко вызывали у Богословского справедливое раздражение, выплескивавшееся на страницах дневника¹⁰, в письмах к близким людям и в противоборстве на заседаниях Совета Академии. Так впервые мысль покинуть стены Академии возникла уже после первого года преподавания¹¹. Но как педагог по призванию и человек долга, ко-

⁶ См.: Извлечения из журналов собраний Совета Московской духовной академии за 1908 год. Сергиев Посад, 1909. С. 249. Письмо опубликовано с незначительными сокращениями, автограф см.: ОР РГБ. Ф. 172 (Московская духовная академия, архив). К 43. Ед. хр. 4. Л. 7.

⁷ ОР РГБ. Ф. 172. К. 43. Ед. хр. 4. Л. 8.

⁸ Там же. К. 151. Ед. хр. 29. Л. 2. Автограф; Л. 3 – типограф. экз. программы курса.

⁹ Черепнин Л.В. Академик М.М. Богословский // *Он же. Отечественные историки XVIII–XX вв.: сб. статей, выступ., восп. М.*, 1984. С. 116.

¹⁰ См.: *Неберекутина Е.В., Сафронова Т.В.* Дневник М.М. Богословского // *АЕ* за 2000 год. М., 2001. С. 272–273.

¹¹ ОР РГБ. Ф. 280. К. 16. Ед. хр. 1. Л. 5–6 об.

тому была дорога высшая школа, он не мог оставаться равнодушным к судьбам своих учеников и просто уйти.

Богатый материал для рассматривания темы о Богословском как педагоге, и не только архивный, но и печатный, представляет официальное академическое делопроизводство – “Журналы собраний Совета Московской духовной академии”. Они публиковались в “Богословском вестнике”, а также выпускались отдельным оттиском. В них находим существенно важные данные и для характеристики общественных взглядов профессоров, и их мнений и позиций в Совете, обо всех сторонах педагогического процесса в Академии. Особый интерес для историографа представляют отзывы оппонентов при защитах диссертаций и, несомненно, о кандидатских сочинениях выпускников Академии. Таких печатных отзывов Богословского, главным образом, о работах выпускников Академии, известно более двух десятков¹².

Значение подобного типа источников для научной биографии ученого, на примере В.О. Ключевского, было показано еще Н.А. Заозерским¹³. В работе современной исследовательницы Н.Ю. Суховой о реконструкции архива Московской духовной академии отмечены историческое, методическое и научное значение выпускных сочинений студентов Академии и отзывов о них профессоров¹⁴. Однако в приложении к биографии Богословского – ученого-исследователя и педагога – этот источник до сих пор привлекался недостаточно.

Последний раз отзывы профессоров о работах студентов были опубликованы в “Журналах собраний Совета...” за 1915 год, остальные остались в рукописях. Обращение к части архива Московской духовной академии, хранящейся в ОР РГБ, позволило выявить еще девять неизвестных отзывов Богословского о кандидатских сочинениях студентов, предназначенных к печати в “Журналах собраний Совета...” А именно, о работах студентов выпуска 1916 г. – священника Николая Беляева “Старообрядческая белокрыницкая иерархия перед судом вселенской церкви”¹⁵, Бориса Иванова “Землевладение и хозяйство Кирилло-Белозерского монастыря в XVI–XVII вв.”¹⁶, Александра Протодиаконова “Отношение правительства императора Николая I к сектантам”¹⁷, Михаила Товстухи “Церковная и земская реформы в царствование Иоанна Грозного”¹⁸, Алексея Шереметевского “Церковный приход на Русском Севере в XVI–XVII вв.”¹⁹; выпуска 1917 г. – Алексея Брянцева «Критический разбор книги М.Д. Приселкова “Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв.”» (СПб., 1913)²⁰, Александра Попова “Политические идеи Феофана Прокоповича”²¹, священника Иоанна Проталинского “Политические и религиозные воззрения Екатерины Великой”²²,

¹² См.: Список трудов академика М.М. Богословского / подг. А.В. Мельников // АЕ за 1999 год. М., 2000. С. 324–328.

¹³ См.: Заозерский Н.А. Василий Осипович Ключевский в его рецензиях диссертаций на ученые степени профессоров и студентов М[осковской] д[уховной] академии // ЧОИДР. 1914. Кн. 1: Василий Осипович Ключевский: биогр. очерк, речи, произнесенные в торжественном заседании 12 ноября 1911 года и материалы для его биографии. С. 72–122, 1-я паг.

¹⁴ Сухова Н.Ю. Из истории архива Московской духовной академии // 2000-летию Рождества Христова посвящается. М., 2001. С. 273, 280.

¹⁵ ОР РГБ. Ф. 174 (Московская духовная академия, архив). К. 181. Ед. хр. 3. Л. 3–3 об.

¹⁶ Там же. К. 255. Ед. хр. 4. Л. 1–2.

¹⁷ Там же. К. 355. Ед. хр. 2. Л. 1–2.

¹⁸ Там же. К. 413. Ед. хр. 12. Л. 1–2 об.

¹⁹ Там же. К. 434. Ед. хр. 8. Л. 1–1 об.

²⁰ Там же. К. 191. Ед. хр. 11. Л. 1–2.

²¹ Там же. К. 345. Ед. хр. 9. Л. 1–2.

²² Там же. К. 354. Ед. хр. 9. Л. 1–2.

Василия Соколова “Граф Михаил Михайлович Сперанский и его участие в реформе духовной школы”²³. Отзывы 1916 г. имеются также в копиях²⁴. Сохранились и тексты большинства перечисленных студенческих сочинений.

Документы представляют несомненный интерес для характеристики педагогических приемов Богословского, понимания критериев требовательности его к исследовательской работе студента. Для Богословского как педагога первостепенным в кандидатских сочинениях было овладение автором методикой собственно источниковедческого исследования – при максимальном охвате источников и печатных, и архивных, умелой их интерпретации, обязательно в контексте предшествующей историографии. Студент должен был не только разобраться в существующих мнениях по его теме, но и уметь критически отнестись к трудам предшественников, почувствовать прелесть самостоятельного исследования.

Так, в отзыве на работу А. Шереметевского о церковном приходе на Русском Севере в XVI–XVII вв. Богословский отмечает, “что автор вполне владеет методами исторического исследования. Он искусно пользуется источниками, умеет не только извлечь из них все интересующие его сведения, но и удачно приведенной цитатой умеет художественно придать своему рассказу колорит эпохи... самостоятельное изучение обширного актового материала – главное достоинство работы г. Шереметевского. Во многих случаях его выводами подтверждаются наблюдения, сделанные в литературе, с которой он хорошо знаком и к которой при случае умеет отнестись критически... тем не менее эти выводы ценны, как еще раз подкрепляющие верность сделанных уже ранее наблюдений”²⁵.

Рассматривая такие сочинения, Богословский обращал внимание и на общую структуру исследования, стройность плана, равномерность частей, полноту раскрытия темы, и на стилистику, отмечая достоинства слога, или, напротив, неудачные языковые обороты, небрежность в оформлении.

Отступления рецензента, иногда и достаточно пространные, в том числе, и те, в которых отмечены слабые места сочинения – зачастую особенно интересны методическими, источниковедческими, историографическими наблюдениями.

Например, в отзыве о сочинении студента Василия Соколова подчеркнута значение архивного материала в биографическом исследовании: “Составление биографических очерков, посвященных Сперанскому, до приведения в известность и предполагаемого издания его бумаг сопряжено с некоторым риском: такие очерки не могут претендовать на полноту и на всестороннее освещение личности и деятельности Сперанского; но все же такие очерки не будут и лишними, если только составителям их удалось бы раскрыть какую-либо прежде остававшуюся в тени черту или установить ранее остававшуюся неизвестной подробность”²⁶. Или, о значении официальной документации как исторического источника в сочинении Александра Протодиаконова: “Автор поставил себе целью познакомить читателя с отношением правительства императора Николая I к русскому сектантству. Для этого он обратился к

²³ Там же. К. 390. Ед. хр. 15. Л. 1–2.

²⁴ Там же. К. 504. Ед. хр. 3. Л. 12 об., 15 (о соч. священника Николая Беляева), 38–39 (о соч. Б. Иванова), 69–70 (о соч. А. Протодиаконова), 92–94 об. (о соч. М. Товстухи), 95–96 об. (о соч. А. Шереметевского).

²⁵ Там же. К. 434. Ед. хр. 8. Л. 1 об.

²⁶ Там же. К. 390. Ед. хр. 15. Л. 1.

изучению соответствующего официального материала, в котором взгляды правительства того времени на сектантство и отношение к сектантству светской власти нашли себе выражение. Опираясь на документальный материал вполне надежного свойства, автор идет, на наш взгляд, совершенно правильным путем и намеченной цели вполне достигает. Читатель из его работы получит как нельзя более ясное представление о мерах русского правительства по отношению к сектантам”²⁷.

В весьма критическом отзыве о сочинении Михаила Товстухи – содержательная и в то же время емкая характеристика эпохи Ивана IV: “Время Иоанна Грозного – время крупнейших политических и социальных реформ, в этом отношении оно не в меньшей степени интересно, чем, напр[имер], эпоха Петра Великого. В самом деле, при Грозном перестраивается вся местная администрация, созываются первые земские соборы, производится крупнейший земельный переворот, предпринимается ряд мер, направленных против общественного класса, занимавшего до той поры руководящее политическое положение – боярства, создается и организуется новый общественный класс – дворянство, появляется опричнина, проводятся новые крупные финансовые нововведения. Среди всех этих дел реформаторская деятельность царя касалась и церковных порядков”, и далее любопытные указания методического плана о путях изучения “всего того, что можно назвать генезисом реформы”: о необходимости “выяснения круга лиц, которые составляли правительство середины XVI в., их мирозерцания, их политических идей, степень их участия в реформе, равно как и степени Иоанна Грозного”²⁸. Самостоятельное историографическое значение имеет оригинальная и яркая оценка магистерской диссертации М.Д. Приселкова 1913 г. “Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв.” в отзыве о сочинении Алексея Брянцева, посвятившего свою работу критическому разбору этой книги.

В настоящую публикацию включены пять отзывов, представляющих, на наш взгляд, наибольший научный, историографический и методический интерес, о сочинениях, как правило, заслуживших высшую оценку профессора, и тематика которых в наибольшей мере близка исследовательским интересам Богословского. Документы расположены в хронологическом порядке, в пределах года в алфавите фамилий студентов, как было принято в “Журналах собраний Совета Московской духовной академии”.

А.В. Мельников

²⁷ Там же. К. 355. Ед. хр. 2. Л. 1.

²⁸ Там же. К. 413. Ед. хр. 12. Л. 1 об.

**Отзывы М.М. Богословского о кандидатских сочинениях
студентов LXXI курса Московской духовной академии
1916 года выпуска**

1

Отзыв о сочинении студента *Иванова Бориса*¹ “Землевладение и хозяйство Кирилло-Белозерского монастыря в XVI–XVII вв.”²

Г. Ивановым основательно изучена литература, не только относящаяся к истории Кириллова монастыря, не только литература по землевладению и хозяйству монастырей, но изучен также весьма широкий круг литературы, касающийся вопросов землевладения, хозяйства, социального строя, местного управления и финансовой истории удельной Руси и Московского государства. Автор обнаруживает также в своей работе большую начитанность в источни[ка]х, преимущественно в актовом материале. При этом им привлечен к делу не только обширный изданный актовый материал, касающийся Кириллова монастыря, но также и рукописи, извлеченные им из архива монастыря, хранящегося в самом монастыре. Такая основа, на которой г. Иванов поставил свою работу, не могла не сказаться благоприятными чертами на ее результатах. Широкое знакомство с русской исторической литературой сообщило автору широту научного кругозора и вызвало широту постановки затронутых вопросов. Основательное изучение изданных и неизданных источников дало ему возможность занять самостоятельное положение относительно прежней относящейся к избранному предмету литературы и внести немало новых и ценных наблюдений и поправок. Таковы, напр., поправки к большому, остающемуся пока незаконченным труду о Кирилло-Белозерском монастыре г. Никольского³ (см., напр., стр. 26, 73, 76, 84, 87, 134, 200, 315).

Сочинение состоит из трех обширных очерков, имеющих своими предметами: историю землевладения монастыря, население его земель, хозяйственную деятельность монастыря.

Историю образования обширной Кирилловской вотчины автор делит на два периода: Белозерский – до окончательного присоединения Белозерского края к Москве (1397–1485) и Московский (1485–1700). В первом периоде, говорит автор ([стр.] 2), монастырь приобретает земли почти исключительно в пределах Белозерского княжества и частью соседнего с ним Вологодского; во втором он распространяет свою вотчину во всем Московском государстве; в первом он имеет дело с местной властью удельных князей; во втором с центральным правительством “всяя Руси” самодержцев. В обоих периодах г. Иванов пристально следит за постепенным нарастанием владений монастыря путем совершающихся различными путями отдельных приобретений, перечисляя и выясняя, насколько позволяет это актовый материал, каждый отдельный случай такого приобретения. Перед нами проходит таким образом весь процесс мозаического образования Кирилловской вотчины из отдельных, часто мелких, иногда совсем микроскопических лоскутов. Следует только пожалеть, что автор, пользовавшийся при своем изучении картой генерального штаба, не составил при ее помощи отдельной карты земельных владений монастыря. Тогда процесс образования Кирилловской вотчины, как и ее окончательный вид, еще нагляднее выступили бы перед нами.

Второй очерк открывается главою, посвященною исследованию количества населения Кирилло-Белозерских владений и движения населения. Здесь внимание автора остановили на себе вопросы о колонизаторской деятельности монастыря в Белозерском краю, об отливе населения из монастырских вотчин в конце XVI века и о разорении, вызванном в них Смутным временем. В двух остальных главах этого очерка рассматриваются и характеризуются различные виды жителей монастырских вотчин, их хозяйственное положение и лежавшие на них повинности. Перед нами последовательно проходят: крестьяне, бобыли, половники, казаки и специально-монастырские виды населения: слуги, служебники, детеныши.

В третьем очерке мы находим главы об эксплуатации монастырем труда населения его вотчин, о собственном хозяйстве монастыря и об органах монастырского хозяйственного управления. Особенным богатством и разнообразием приводимых данных отличает-

ся вторая из этих глав, где исследуется: сельское хозяйство на монастырских землях, скотоводство, рыболовство и солеварение, ремесленное производство и торговые операции монастыря. И во втором, и в третьем очерках при рассмотрении видов сельского населения, при изучении податных единиц в монастырских вотчинах, форм сельского хозяйства и др. автор соприкасается с вопросами, составляющими предмет оживленного обсуждения в текущей русской исторической литературе, входит в самую суть введущихся споров. Г. Иванов показывает большой интерес к этим вопросам, умеет отчетливо разобраться в высказываемых мнениях, а его собственные наблюдения над документами Кириллова монастыря иногда так ценны, что способны подкрепить тот или другой из приводимых в литературе взглядов. Таким образом, сочинение г. Иванова может с достоинством войти в круг текущей исторической литературы и занять в нем не последнее место.

Само собою разумеется, что эта прекрасная работа вполне заслуживает искомой степени.

Проф. М. Богословский

Балл 5 (пять)

ОР РГБ. Ф. 172 (Московская духовная академия, архив). К. 255. Ед. хр. 4. Л. 1–2. Автограф.

2

Отзыв о сочинении студента *Шереметевского Алексея*⁴ “Церковный приход на Русском Севере в XVI–XVII вв.”⁵

В трех томах Русской исторической Библиотеки: XII, XIV и XXV Археографической комиссией напечатан богатый и разнообразный актовый материал, касающийся церковной жизни Поморья в XVI и XVII вв.⁶ Этот материал и положен г. Шереметевским в основу его работы о церковном приходе на севере. Благодаря обилию и разнообразию материала и сочинение вышло очень содержательным. В нем автор после нескольких вступительных страниц говорит о погосте, как центре прихода, о территории прихода, по большей части совпадавшей на севере в то время с территорией самоуправляющегося земского мира – волости, о выделении вновь образующихся приходов-выставок из старых приходов и о значении такого выделения для организации новых земских единиц, о средствах материального обеспечения храма, о земском волостном мире и о связи земской мирской организации с церковно-приходской, о деятельности приходского мира, в рамки которого входили: постройка храма, его обеспечение, выборы причта, выборы церковных старост, внешний надзор за их распоряжениями. В последующих главах сочинения речь идет о любопытных особенностях поморской церковно-приходской организации, какими были: приход-уезд, соответствовавший земскому всеуездному миру, тянувший как к центру к соборному храму уездного города, а, с другой стороны, часовенные приходы, возникавшие вокруг сооружавшихся по деревням часовен. Здесь же автор касается приходов церквей, принадлежавших частным вотчинникам и приходов, возникавших при монастырях. Сочинение заканчивается обзором мер, проведенных первыми архиепископами Холмогорской и Устюжской епархий и направленных к уничтожению местных особенностей северного приходского строя, влекших за собою часто нежелательные последствия. Поморская организация прихода, конечно, отжила свой век вместе с той земской организацией, с которой она была так тесно связана, и ее повторение невозможно. Тем не менее, данное автором изображение былой древнерусской приходской жизни читается в наши дни с особенным интересом в виду современного нам интереса к устройству прихода.

Сочинение г. Шереметевского показывает, что автор вполне владеет методами исторического исследования. Он искусно пользуется источниками, умеет не только извлечь из них все интересующие его сведения, но и удачно приведенной цитатой умеет художественно придать своему рассказу колорит эпохи. Он сохраняет в своих изысканиях полное научное беспристрастие, в особенности проявляемое им при изображении светлых и темных сторон приходских выборов (стр. 127 и сл.). Самостоятельное изучение обширного актового материала – главное достоинство работы г. Шереметевского. Во многих случаях его выводами подтверждаются наблюдения, сделанные в литературе, с которой он хорошо

знаком и к которой при случае умеет отнестись критически (стр. 89). Тем не менее, эти выводы ценны, как еще раз подкрепляющие верность сделанных уже ранее наблюдений.

Если иногда в сочинении встретим некоторые неточности: напр. стр. 39, мнение о писцах как о представителях верховной власти, толкование, данное словами Ефименко⁷ (ibid.), подразделение видов вотчин ([стр.] 177) – то эти совершенно мелкие недочеты никоим образом не умаляют общего в высшей мере* выгодного впечатления от работы. Сочинение вполне заслуживает искомой степени.

Проф. М. Богословский

Балл 5 (пять)

ОР РГБ. Ф. 172. К. 434. Ед. хр. 8. Л. 1–1 об. Автограф.

Отзывы М.М. Богословского о кандидатских сочинениях студентов LXXII курса Московской духовной академии 1917 года выпуска

1

Отзыв о сочинении студента *Брянцева Алексея*⁸
«Критический разбор книги М.Д. Приселкова⁹

«Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв.»
С.-Петербург, 1913»¹⁰

В 1913 г. вышла книга М.Д. Приселкова «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв.» В книге этой автор блеснул обширной эрудицией, смелостью гипотез, оригинальностью исторических построений и ярким литературным талантом. Многие стороны политической и церковной жизни Киевской Руси автор оригинально освещал, многим вопросам давал самостоятельное решение, ряд вопросов впервые поднял и поставил на очередь. Книга должна была бы произвести целый переворот, если бы смелые положения автора были приняты в науке. Сочинение г. Приселкова, чарующее читателя тонкостью мысли и остроумием соображений, производит сильное впечатление и дает высокое умственное наслаждение тому, кто с ним знакомится. Вот к этой способной увлечь читателя работе г. Брянцев подошел с остро отточенным лезвием критического ножа и хладнокровно подверг книгу г. Приселкова обстоятельному разбору. Задача была не из легких. Для ее удачного решения критику необходимо было стать на ту же высоту эрудиции, на какой стоит и автор, чтобы состязаться с ним успешно. И надо отдать справедливость г. Брянцеву: решение поставленной задачи ему удалось. Им основательно изучен значительный запас источников и литературы, необходимый для проверки положений г. Приселкова и для спора с ним. Отдавая должное проявленному г. Приселковым таланту и умению захватить внимание читателя, г. Брянцев подвергает строгому испытующему анализу каждую сколько-нибудь важную мысль г. Приселкова, и, надо признать, что после такого анализа немногие положения автора «Очерков» оказываются устойчивыми. Г. Брянцев начинает с разбора основного тезиса М.Д. Приселкова о том, что сознание необходимости принять христианство рано явилось у киевских князей, но что их национальное самосознание и гордость мешали им принять христианство из Византии ([стр.] 15); затем перед нами проходят частные положения книги: о Киевской лавре как оплоте в борьбе русского национализма с греческим засильем ([стр.] 18), о том, что князь христианской верой самой по себе не интересовались, а видели в принятии христианства культурно-политическую необходимость ([стр.] 25), о том, что древняя Русь с ненавистью и «бешеной яростью» относилась к грекам и греческому влиянию ([стр.] 33), о поставлениях на Киевскую митрополию Илариона¹¹ и Климента Смолятича¹², в каких поставлениях г. Приселков видит вспышки русского национального самолюбия ([стр.] 41–59), о причинах похода на Византию 1043 г., об отношении к христианству князей Игоря¹³ и Ольги¹⁴, будто

* Написано над зачеркнутым: степени

бы искавших независимой иерархии, о церковной политике Святослава¹⁵, ради получения этой независимой иерархии завоевавшего Болгарское царство, о заимствовании в тех же целях Владимиром^{15а} христианства из Болгарской Охриды ([стр.] 85–106), об отождествлении митрополита Илариона с Никоном Киевопечерским¹⁶ ([стр.] 118–119) и т.д. Словом, ни один из оригинальных взглядов М.Д. Приселкова не оставлен нашим автором без разбора и основательного возражения, опирающегося на источник и на литературу предмета. Большое достоинство критического разбора г. Брянцева заключается при этом в спокойствии тона, с которым ведется критика и которое так легко было потерять, впадая в пыл полемики. Сочинение написано прекрасным литературным языком. Г. Брянцев вполне заслуживает кандидатской степени.

Проф. М. Богословский

Балл 5 (пять)

ОР РГБ. Ф. 172. К. 191. Ед. хр. 11. Л. 1-2. Автограф.

2

Отзыв о сочинении студента *Попова Александра*¹⁷ “Политические идеи Феофана Прокоповича”¹⁸

В сочинении г. Попова лучшая часть – вторая, где автор характеризует политические взгляды Феофана Прокоповича¹⁹. Обильным материалом для этой характеристики служат как политические трактаты Феофана: Правда воли монаршей, Духовный Регламент, так и многочисленные его церковные проповеди, которые, по справедливому замечанию г. Попова, скорее имеют значение публицистических статей, объясняющих политические вопросы, чем собственно церковных поучений. С церковной кафедры Феофан развивал свои политические воззрения, отстаивал и оправдывал реформу Петра²⁰. В рассматриваемой части сочинения г. Попов выясняет отношение Феофана Прокоповича к вопросам о происхождении власти в человеческих обществах, о ее цели, правах, компетенции и форме. В частности, разбирается также вопрос *о правах* верховной власти относительно Церкви. К сожалению, автор не дает сколько-нибудь общей и широкой характеристики политических идей и воззрений в Западной Европе XVII и начала XVIII в.^{1*} Об^{1*} отношении Феофана Прокоповича к корифеям современной ему западноевропейской политической мысли г. Попов упоминает лишь вскользь и мимоходом и самостоятельного непосредственного знакомства хотя бы с главнейшими представителями этой литературы не обнаруживает, зная о них только по изложению Чичерина²¹.

Слабее написана первая часть сочинения – краткая биография Феофана, составленная компилятивно по существующей литературе и не проливающая никакого нового света на обстоятельства его жизни. В таком виде этот биографический очерк можно признать, пожалуй, излишним в сочинении; жизнь Феофана можно было предполагать для читателя известной. В сочинении есть чрезмерно резкие отзывы, с которыми нельзя согласиться. Едва ли, напр., можно изображать жизнь допетровской Руси, как “совершеннейший застой” в противоположность “прогрессу Запада” ([стр.] 2). Едва ли верно, что католицизм возводит в догмат невежество, варварство и суеверие ([стр.] 47–48). Есть также неудачные выражения, напр.: “тяжелые и изнурительные войны, требовавшие массу рекрутов и еще больше денег – вызвали общий ропот, бунты и даже *целье восстания*” ([стр.] 3); “с большою охотою и прилежно Елисей изучает творения отцов и классических писателей греческих и латинских, *которые все имел неиспорченными*” ([стр.] 16); “Феофану грозила ссылка или, в *лучшем* случае, позор” ([стр.] 30); “ему предстояло *быть выкинутому*” ([стр.] 35). В упрек г. Попову можно поставить также безжизненно-сухое, чисто формальное изложение Духовного Регламента ([стр.] 88–98). Г. Попов старательно подкрепляет каждое свое положение ссылками и в этой старательности доходит до излишества. Так, на стр. 27, говоря, что “в 1721-м году учреждается духовная коллегия, в том же году переименованная в Святейший Правительствующий Синод”, он это положение подкрепляет ссылкой на Костомарова²². Об этих фактах можно знать и не из Костомарова.

- Написано над зачеркнутым: об отношении

1*-1* Исправлено из: и не

Положительная сторона работы – анализ проповедей Феофана и сделанное из них извлечение его политических взглядов – дает мне основание считать сочинение г. Попова заслуживающим искомой степени.

Проф. М. Богословский

Балл 4+

ОР РГБ. Ф. 172. К. 345. Ед. хр. 9. Л. 1–2. Автограф.

3

Отзыв о кандидатском сочинении священника *Иоанна Проталинского*²³
“Политические и религиозные воззрения Екатерины Великой”²⁴

Вслед за кратким введением автор дает живо написанную главу, посвященную общей характеристике Екатерины II²⁵, а затем в ряде глав детально выясняет политические воззрения этой государыни. Здесь мы видим ее взгляды на верховную власть, на закон, свободу и подчинение, на государство и его задачи, на условия государственного могущества, на устройство общества в государстве с подразделением его на сословные группы, на организацию правосудия и на международные отношения. Работа заканчивается выяснением религиозных воззрений Екатерины II и характеристикой ее отношения к православной церкви и духовенству. Во многих случаях автор не довольствуется только изложением тех или других воззрений государыни, но сопоставляет теоретически высказанные ею взгляды с ее практической деятельностью в соответствующей области.

Сочинение построено на прочной основе огромного по размерам документального материала, главное место в котором занимают Наказ Комиссии для сочинения проекта Нового Уложения 1767 г. и обширная переписка Екатерины II, напечатанная преимущественно в изданиях Русского исторического общества. Можно спорить с положением автора о том, что “Екатерина в своих письмах выразилась полнее и вернее, чем в своих деяниях; это и понятно: она писала, что хотела, а делала, что могла. Поэтому из всего письменного материала Екатерины ее письма всего более могут служить источником для обрисовки ее внутреннего существа” ([стр.] 31). Такая характеристика писем Екатерины слишком суммарна и обща. Дело в том, что ее переписка далеко не однородна и может быть разбита, по крайней мере, на три главные категории: переписка дипломатическая, напр., письма к прусскому королю Фридриху II²⁶, где, конечно, никакой искренности искать нельзя; переписка литературная – с западноевропейскими философами и друзьями. Эти письма, обширные по объему, Екатерина пишет, как литературные произведения, и в них не столько отображается ее подлинная, действительная личность, сколько ее литературный талант. Письма очень занимательны и остроумны, но характеризовать по ним их автора можно не иначе, как с тою же осторожностью, с какою вообще можно характеризовать личность писателя по вышедшим из-под его пера литературным произведениям. Наконец, третья категория писем – это очень краткие обыкновенно по объему – чисто деловые письма к министрам, придворным и близким лицам. Здесь Екатерина писала наиболее проста и искренна.

Но, возражая против слишком общей оценки, данной автором своему источнику, надо все же признать, что источник этот использован автором для его целей превосходно. Каждое из разбираемых воззрений Екатерины II очень ярко и талантливо иллюстрируется многочисленными, удачно приведенными выдержками из ее бумаг. Мастерство, с которым автор распоряжается массой этих выдержек, показывает, как он овладел изученным материалом, как он отчетливо его знает. Сочинение читается с захватывающим интересом благодаря тому, что талант и остроумие, блещущие в* произведениях Екатерины, нашли себе талантливую комментатора в лице автора рассматриваемого сочинения. Прибавим еще, что работа написана изящным литературным языком. Все эти качества дают мне основание признать сочинение священника Проталинского выдающимся и автора вполне заслуживающим кандидатской степени.

Проф. М. Богословский

Балл 5 (пять)

ОР РГБ. Ф. 172. К. 354. Ед. хр. 9. Л. 1–2. Автограф.

* Далее зачеркнуто: перепис[ке]

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Иванов Борис Иванович (1892–1974) – историк, архивист. После окончания курса был оставлен при Академии для подготовки к профессорскому званию (1916–1918), окончил в 1918 г. Московский археологический институт, поступил на службу в Московское областное управление архивным делом. М.М. Богословский писал о нем в рекомендации: “Имею честь удостоверить, что Борис Иванович Иванов в бытность студентом Московской духовной академии весьма усердно и прилежно занимался у меня русской историей и представил мне выдающееся кандидатское сочинение. Из занятий г. Иванова я вынес о нем представление как о в высшей степени серьезном и добросовестном работнике. Ординарный профессор Московского университета и Духовной академии М. Богословский. 13 июля 1918 г.” (ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 11. Д. 6. Л. 5).
- ² Сочинение Б.И. Иванова – монографию объемом в 400 машинописных страниц, вполне готовую к печати, см.: ОР РГБ. Ф. 172. К. 254. Ед. хр. 1. Л. 1–210.
- ³ Никольский Николай Константинович (1863–1936) – историк, член-корреспондент (1900), академик (1916) Петербургской академии наук.
- ⁴ Шереметевский Алексей Алексеевич (1892–?) – студент МДА в 1912–1916 гг.
- ⁵ Соч. см.: ОР РГБ. Ф. 172. К. 434. Ед. хр. 7. Л. 1–67, без окончания.
- ⁶ См.: РИБ. СПб., 1890. Т. 12: Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 1: 1500–1699 гг. / ред. Л.Н. Майков, А.И. Тимофеев; РИБ. СПб., 1894. Т. 14: Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 2 / печат. под наблюд. А.И. Тимофеева; РИБ. СПб., 1908. Т. 25: Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 3. В прил.: Акты Лодомской церкви / подгот. к печати и изд. под наблюд. В.В. Майкова; Прил / подгот. к печати М.Г. Курдюмов; изд. под смотрением С.Ф. Платонова.
- ⁷ Ефименко (ур. Ставровская) Александра Яковлевна (1848–1918) – историк, этнограф, автор трудов по истории крестьянской общины, крестьянскому быту Русского Севера.
- ⁸ Брянцев Алексей Александрович (1892–?) – студент МДА в 1913–1917 гг.
- ⁹ Приселков Михаил Дмитриевич (1881–1941) – историк, источниковед.
- ¹⁰ Соч. см.: ОР РГБ. Ф. 172. К. 191. Ед. хр. 10. Л. 1–81.
- ¹¹ Иларий – митрополит Киевский (с 1051 г.), писатель.
- ¹² Климент (Смолятич) – митрополит Киевский и вся Руси (с 1147 г.).
- ¹³ Игорь (?–945) – великий князь Киевский.
- ¹⁴ Ольга (?–969) – княгиня.
- ¹⁵ Святослав I Игоревич (?–972) – великий князь Киевский.
- ^{15а} Владимир I Святославович (?–1015), св. – великий князь Киевский (с 980 г.).
- ¹⁶ Никон Великий (?–1088), преподобный – игумен Киево-Печерского монастыря.
- ¹⁷ Попов Александр Хрисанфович (1893–?) – студент МДА в 1913–1917 гг.
- ¹⁸ Соч. см.: ОР РГБ. Ф. 172. К. 345. Ед. хр. 8. Л. 1–72.
- ¹⁹ Прокопович Феодан (1681–1736) – церковный и государственный деятель, писатель.
- ²⁰ Петр I Великий (1672–1725) – царь с 1682 г., император с 1721 г.
- ²¹ Чичерин Борис Николаевич (1828–1904) – историк, юрист, публицист и философ, профессор Московского университета, почетный член Петербургской академии наук (с 1893 г.).
- ²² Костомаров Николай Иванович (1817–1885) – историк, член-корреспондент Петербургской академии наук (с 1876 г.).
- ²³ Проталинский Иван Иванович (1883–?) – священник, студент МДА в 1913–1917 гг.
- ²⁴ Соч. см.: ОР РГБ. Ф. 172. К. 354. Ед. хр. 8. Л. 1–112.
- ²⁵ Екатерина II Великая (1729–1796) – российская императрица (с 1762 г.).
- ²⁶ Фридрих II Великий (1712–1786) – прусский король.

М.М. БОГОСЛОВСКИЙ О НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М.В. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКОГО

Публикуемый краткий отзыв о научной деятельности выдающегося историка и общественного деятеля Митрофана Викторовича Довнар-Запольского (1867–1934) составлен М.М. Богословским в январе 1929 г. в связи с возбуждением вопроса о назначении М.В. Довнар-Запольскому персональной пенсии от Наркомсобеса РСФСР. В личном фонде историка сохранился фрагмент чернового его автографа. Текст написан на маленьком листке бумаги простым карандашом с правкой, без концовки, подписи, даты, с многочисленными сокращениями в библиографических описаниях. Документ предположительно отнесен младшим научным сотрудником Архива Академии наук

СССР Л.К. Кувановой (принимавшей на хранение и обработавшей фонд М.М. Богословского) к 1928 г.¹

Вместе с письмом М.М. Богословскому, вероятно, в конце 1928 или начале 1929 г. М.В. Довнар-Запольский передал список своих трудов для “общих соображений”². Очевидно, что он был использован Богословским при составлении отзыва. Сам же список в архиве Богословского не обнаружен.

Широко известная научная деятельность М.М. Богословского, его авторитет как члена экспертной комиссии ЦЕКУБУ и защитника социальных интересов ученых-гуманитариев давала М.В. Довнар-Запольскому основания надеяться на значимость его мнения. И из результатов дела Комиссии о персональных пенсиях видно, что в том числе и поддержка Богословского способствовала положительному решению вопроса – персональная пенсия в размере 150 руб. была М.В. Довнар-Запольскому назначена³.

Машинописная копия полного текста отзыва М.М. Богословского выявлена в составе личного фонда Б.И. Сыромятникова⁴. Еще одна копия документа находится в материалах пенсионного дела⁵. Тексты обеих документов и чернового автографа в основном идентичны.

Публикуемый документ представляет историографический интерес в главной мере как оценка научной, педагогической и организационной деятельности М.В. Довнар-Запольского крупнейшим из историков-современников. Это мнение особенно важно и для характеристики историографических представлений самого М.М. Богословского, в особенности, в виду широко известной фразы из его дневника, посвященной школе В.О. Ключевского, что в 1911 г. он правильно поступил, не уйдя из университета, “иначе был бы на нее посажен Довнар-Запольский или кто-либо хуже и расплодил бы здесь свою школу”⁶. И показательно, что в достаточно подробной и высокой оценке деятельности М.В. Довнар-Запольского как ученого и организатора науки, в наименьшей мере отражена педагогическая ее сторона. В то же время обращает на себя внимание оттенок личного впечатления от деятельности Археографической комиссии Московского археологического общества, организованной в значительной мере усилиями М.В. Довнар-Запольского. Участие в ее научных заседаниях в 1890-е годы – определенный этап на заре научной жизни М.М. Богословского, о котором он вспоминал с особой теплотой⁷.

Документ этот и один из последних известных отзывов М.М. Богословского такого рода. Введение же в научный обиход полного текста отзыва, сохранившегося вне личного фонда М.М. Богословского, имеет значение для реконструкции архивного наследия историка.

А.В. Мельников

¹ АРАН. Ф. 636 (М.М. Богословский). Оп. 3. Д. 10. Л. 1–1 об.

² Там же. Оп. 4. Д. 7. Л. 1. Автограф.

³ ГАРФ. Ф. А-2306 (Наркомпрос РСФСР). Оп. 69. Д. 3474. Л. 1.

⁴ ОР РГБ. Ф. 366 (Б.И. Сыромятников). К. 28. Ед. хр. 13. Л. 1–1 об.

⁵ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 3474. Л. 10.

⁶ Цит. по: *Черепнин Л.В.* Академик М.М. Богословский // *Он же.* Отечественные историки XVIII–XX вв.: сб. статей, выступл., восп. М., 1984. С. 111.

⁷ *Богословский М.М.* Из воспоминаний о Н.А. Рожкове // *Ученые записки Института истории РАН ИОН.* М., 1928. Т. 5. С. 135–137.

**Отзыв о научных трудах М.В. Довнар-Запольского,
составленный академиком М.М. Богословским
по запросу Комиссии о персональных пенсиях**

М.В. Довнар-Запольский, доктор русской истории, выдающийся русский историк. Его научные интересы были всегда широки и разнообразны. Он работал и над общими обзорами и курсами по русской истории и над специальными монографиями. В этих монографиях он не ограничивал своих научных изысканий какой-либо одной областью исторического процесса; его внимание привлекали к себе и различные эпохи, и различные стороны, и различные территории этого процесса. Его интересовала и древняя Русь и Московское государство XVI, XVII в.в., и империя XVIII–XIX в.в. (“Зарождение министерства в России”, “Политические идеалы Сперанского”), и Литовская Русь, к истории которой относятся его наиболее крупные монографии “Государственное хозяйство Великого Княжества Литовского при Ягеллонах, стр. 807, Киев, 1901 г.”, “Очерки по организации западно-русского крепостничества”, Киев 1906 г., стр. 500. Его исследовательские работы касались различных классов русского общества; ему принадлежит целый ряд монографий по истории декабристов (“Тайное Общество декабристов”, “Идеалы декабристов”, “Мемуары декабристов” и др.). С наименьшим интересом М.В. занимался исследованиями судеб торгово-промышленного класса (“Торговля и промышленность”, “Москва в XVI–XVII вв.”, “Организация московских ремесленников” и др.). По истории крестьянства написан им вышеупомянутый большой труд и, кроме того, отдельные статьи. В особенности много М.В. работал по вопросам государственного и народного хозяйства: кроме упомянутой большой диссертации по истории государственного хозяйства Литвы, ему принадлежат также большие работы: “История русского народного хозяйства, т. I, Киев 1911 г., стр. 366”, “Народное хозяйство Белоруссии”, Минск, 239 стр., 1926 г. Не была М.В. чужда история политических и общественных движений, как и умственная сторона жизни русского и западно-русского общества, а также и вопросы русской историографии (“Исторический процесс русского народа в русской исторической науке”. М., 1905 г., стр. 302). Еще в студенческие годы М.В. напечатал весьма ценную работу “Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII в.”, Киев 1891 г., стр. 170. С тех пор история, а также этнография Белоруссии стали одним из любимых предметов занятий М.В., и в области Белорусской этнографии ему принадлежит ряд обративших на себя внимание работ: “Белорусская свадьба и свадебные песни”, “Песни пинчуков”, “Очерки обычного семейственного права крестьян Минской губернии”, “Этнографический очерк Белоруссии” и др. Нельзя забывать также значительной издательской деятельности М.В.: им сделан целый ряд важных научных изданий архивного материала: “Документы М[осковского] Архива министерства Юстиции”, Акты Литовско-Русского государства. Наконец, отметим выдающуюся, прямо замечательную организаторскую деятельность М.В. в научной области, редкую в нашем обществе, в которой он имеет мало организаторов ему равных. Он был организатором, вдохновителем и руководителем целого ряда научных предприятий с весьма плодотворными результатами. Им была создана и весьма успешно действовала в 90-х годах прошлого столетия Археографическая комиссия при Московском Археологическом обществе, выпустившая целый ряд трудов под его редакцией; им был учрежден в Киеве студенческий историко-этнографический кружок при Киевском университете, работавший под его руководством и напечатавший несколько томов Сборника с весьма ценными исследованиями. Им были организованы и осуществлены коллективные издания: “Русская история в очерках и статьях”, 3 т., “Книга дления по русской истории” и др.

Столь немаловажные заслуги М.В. Довнар-Запольского в области исторической науки дают ему право на признательность всех, кому дороги успехи этой науки.

25 января 1929 г.

Академик М. Богословский

ОР РГБ. Ф. 366 (Б.И. Сыромятников). К. 28. Ед. хр. 13. Л. 1–1 об. Машинопись.

IV. ХРОНИКА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В 2004 ГОДУ

10 февраля Комиссия обсудила сообщения Н.А. Кобяк и А.Л. Лифшица о ходе работы над вторым выпуском XIV в. Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, СНГ и странах Балтии.

17 марта на заседании АК М.П. Мироненко доложила о продолжении работы над сводным Каталогом личных архивных фондов отечественных историков XIX в.

17 мая на заседании Комиссии об участии в XI Международной научной конференции по проблемам книговедения “Книга и мировая цивилизация” (Москва, апрель) рассказали почетный председатель АК, академик РАО С.О. Шмидт, выступивший с приветствием к участникам конференции, и Б.Н. Морозов, сделавший доклад “Русская книжная культура конца XVI–начала XVII в.”

19 мая в АРАН состоялось совместное научное заседание АК и АРАН, посвященное 75-летию со дня кончины М.М. Богословского. На нем выступили почетный председатель АК С.О. Шмидт (вступительное слово), А.В. Муравьев, Е.Н. Швейковская, Е.В. Неберекутина и А.В. Мельников. См. наст. изд. с. 171–207.

10 июня в актовом зале ИАИ состоялись Тихомировские чтения 2004 г., организованные совместно с Центром исторического краеведения и москвоведения РГГУ по теме: “Источники по историографии краеведения”. После вступительного слова почетного председателя АК РАН с докладами и сообщениями выступили В.Ю. Афиани (АРАН), В.Ф. Козлов (ИАИ РГГУ), М.П. Мироненко (АК), М.П. Мохначева (ИАИ РГГУ), К.Е. Новохатский (Киев), Г.П. Присенко (Тула), А.И. Раздорский (РНБ), В.А. Толстов (Рязань). Часть докладов легла в основу статей, см. наст. изд. с. 208–270.

19 сентября В.А. Черных на заседании АК рассказал о завершении работы над Летописью жизни и творчества А.А. Ахматовой, четыре части которой изданы с помощью грантов РГНФ. Однако отказ РГНФ финансировать издание заключительной части заставил искать новые источники финансирования.

20 октября Ю.В. Андрияшайтите рассказала об участии во Второй Международной конференции “Бумага на Северо-Западе Европы”, организованной СПб. Государственным университетом растительных полимеров и Петровским обществом историков бумаги 15 октября в Санкт-Петербурге¹. В ней приняли участие историки, бумажоведы, археографы, архивисты из Санкт-Петербурга, Москвы и Гамбурга (Германия). Конференция была приурочена к 180-летию выхода в свет первого российского альбома водяных знаков И.П. Лаптева (СПб., 1824). На пленарном заседании с докладом об этой книге И.П. Лаптева выступила Ю.В. Андрияшайтите. Она сообщила также о результатах исследования в ОР РНБ коллекции филиграней 30–40-х годов XIX в. помещика С.Ф. Вындомского (около 300 знаков XIV–XVII вв.), выявленной Е.А. Пережиной в 2003 г. и любезно предоставившей возможность ознакомиться с ней.

17 ноября на заседании АК Б.Н. Морозов изложил свои впечатления об участии в III Всероссийской научной конференции финно-угроведов (Сыктывкар, июль), где выступил с докладом “Новое о древнепермской письменности в Коми крае в начале XVI в.”; на Чтениях по истории древней и новой России (памяти Д.С. Лихачева, Ярославль, сентябрь) – с докладом “Особый вариант Сербской Александрии с русскими дополнениями начала XVII в.”; на Зубо-

¹ Подробнее о конференции см. статью А.П. Балаченковой в наст. изд. (с. 533–536).

вских чтениях “Культура России времени правления Ивана Грозного” (Александров, ноябрь) – с докладом “Список царского Травника из собрания музея-заповедника Александровская слобода”.

29 ноября на заседании Комиссии отметили 80-летие со дня рождения Н.А. Долдобановой, старейшего сотрудника Комиссии, начавшего работать еще с академиком М.Н. Тихомировым, бессменного ответственного секретаря “Археографического ежегодника”. В.А. Черных зачитал приказ дирекции Института славяноведения с объявлением благодарности Н.А. Долдобановой за самоотверженный труд. Представители издательства “Наука” Н.Л. Петрова и Л.М. Кузнецова вручили Почетную грамоту за многолетний добросовестный труд и в связи с юбилеем. Сотрудники АК, авторы АЕ и другие гости тепло поздравили юбиляра и пожелали здоровья и многих лет работы в Комиссии.

7 декабря в конференц-зале РНБ состоялось заседание, посвященное 250-летию со дня рождения П.П. Дубровского, организованное РНБ и АК РАН с фондом А.М. Горчакова и Историко-архивным департаментом МИД. С докладами выступили почетный председатель АК, академик РАО С.О. Шмидт, н.с. М.П. Мироненко, н.с. А.В. Мельников и др. (см. наст. изд., с. 271–399).

22 декабря на заседании АК Б.Н. Морозов сообщил о выходе издания, подводящего итоги российско-американского научного проекта по изучению персонального состава Боярской думы XV–начала XVIII в. (работа начата в 1991 г.), организатором и одним из руководителей которого являлся Б.Н. Морозов, а научным консультантом С.О. Шмидт². Первый том издания “The Russian Elite in the Seventeenth Century” – “Российская элита в XVII веке” ([Helsinki], 2004. 470 с.), опубликованного при содействии Финской Академии наук, содержит справочник «The consular and ceremonial ranks of the Russian “Sovereign’s Court”

1613–1713» – “Думные и церемониальные чины Государева двора 1613–1713 гг.” (авторы: М. По, О. Кошелева, Р. Мартин, Б. Морозов), включающий погодные именные списки и указатель к ним на русском языке. Второй том содержит исследование М. По «A quantitative analysis of the “Duma ranks”» – “Количественный анализ состава думных чинов 1613–1713 гг.” ([Helsinki], 2004. 284 с.).

29 декабря на заседании АК В.В. Морозов сообщил о результатах работы по подготовке к изданию томов Лицевого летописного свода XVI в.

Обработан с помощью консультации сотрудников АРАН и сдан в Архив РАН архивный фонд Археографической комиссии за 1972–1984 гг. (Ф. 1901).

При подготовке к публикации материалов, поступивших в связи с заседанием памяти известного историка, члена Бюро АК и члена редколлегии АЕ профессора, д.и.н. Б.Г. Литвака (см.: в АЕ за 2002. М., 2003) Ю.В. Андриюшайтите установила, что личный архив ученого, проживавшего последние 10 лет в Канаде, не сохранился. Поэтому важно собрать даже отдельные источники, связанные с его жизнью и деятельностью. Она убедила его дочь, Н.Б. Ершову, сдать в ГАРФ биографические документы и фотографии, а историков А.С.Покровского, М.А. Рахматуллину и Е.Ю. Тихонову – письма Б.Г. Литвака из Канады. Эти письма – ценнейший источник о деятельности историка в Канаде, об оценке им общего положения в России и состояния отечественной исторической науки. Все материалы включены в объединенный фонд “Историки-архивисты” (ГАРФ. Ф. NP-8370). За большую помощь в их организации руководство ГАРФ выразило Ю.В. Андриюшайтите благодарность. Пользуясь случаем, редколлегия АЕ обращается ко всем лицам, имеющим письма и другие документы Б.Г. Литвака, сдавать их на хранение в указанный фонд.

Ю.В. Андриюшайтите

² О проекте см. статью Б.Н. Морозова в АЕ за 1998 год (М., 1999. С. 191–192).

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В 2004 ГОДУ

Археографический ежегодник за 2002 год / отв. ред. С.О. Шмидт. РАН; Отделение историко-филологических наук; АК; Федеральная архивная служба России. М.: Наука. 483 с.; ил.

Археографический ежегодник за 2003 год / отв. ред. С.О. Шмидт. РАН; Отделение историко-филологических наук; АК; Федеральное архивное агентство. М.: Наука. 416 с.; ил.

Топычканов А.В. Повседневная жизнь дворцового села Измайлова в документах приказной избы последней четверти XVII века / отв. ред. С.О. Шмидт. РГГУ; Центр исторического краеведения и Москововедения; РАН, АК. М.: ОАО "Московские учебники и картолитография. 367 с.; ил.

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ПОИСК В СИБИРИ (находки последних лет)

В 70-е годы XX в. сложилось понимание предмета полевой археологии как "поиска и изучения документальных памятников в среде их бытования"¹. Еще раньше, определяя задачи археологического изучения Сибири, Н.Н. Покровский и Е.И. Дергачева-Скоп подчеркивали, что "старообрядческие районы представляют интерес для историков древней литературы, письменности и книгопечатания не столько как резервуар, хранящий значительное количество старинных русских книг, но и как среда, где до сих пор сохранились остатки некоторых традиций древнерусской книжности"². Д.И. Тверская в итоговой для тех лет статье о развитии полевой археологии писала: "Можно считать доказанным, что коллекция рукописей и старопечатных книг, собранная среди населения определенного района, сама по себе является ценным историческим источником для изучения народной идеологии, культуры и быта"³. Так впервые была обозначена проблема изучения среды бытования древней книги, потому что в этой среде продолжали и продолжают сохраняться живые традиции чтения и понимания произведений древнерусской словесности, кроме того, здесь и сейчас создаются старообрядческие тексты в той же традиции христианской книжности.

Начавшиеся в 1985 г. археологические полевые исследования Томского государственного университета сразу поставили задачу не только выявления и приобретения древних книг, но и сбор информации о традиции переписки книг, о специфике круга чтения староверов разных согласий, об особенностях распространения древней книжности на территории области. Таким образом, кириллическая книга оказалась представленной в широком социокультурном контексте. Поскольку работа ведется с "живой книжной традицией", томские археологи стремились не столько к получению книг, сколько к обнаружению и фиксации памятников. Затем, не обрывая естественной связи книги с ее историко-культурной средой, пытались изучать ее бытование.

В результате работы археологических экспедиций в Отделе книжных памятников и рукописей Научной библиотеки Томского университета (ОКПР НБ ТГУ) сложился комплекс самых разных источников по истории локальных старообрядческих общин: территориальные книжные коллекции, полевые дневники, картотеки книг и их владельцев, письма, фото-, аудио-, видеоматериалы. Они хранятся как единое целое и при соответствующей обработке могут дать принципиально новое

¹ Шмидт С.О. Закон СССР "Об охране и использовании памятников истории и культуры" и задачи археологии и источниковедения // Актуальные проблемы источниковедения СССР, специальных и исторических дисциплин и их преподавания в вузах: тез. докл. М., 1979. Вып. 1. С. 158.

² Дергачева-Скоп Е.И., Покровский Н.Н. Задачи археологического изучения Сибири // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970. С. 173.

³ Тверская Д.И. О некоторых итогах развития полевой археологии на территории СССР в послевоенный период // ИСССР. 1976. № 1. С. 119. См. также: Проблемы полевой археологии. М., 1979.

знание о христианской книге, ее значимости в духовной жизни староверов Сибири прошлого и настоящего. Сегодняшний уровень изученности старообрядческого населения Томской области позволяет говорить о локализации тех или иных соглашений, о наличии собраний книг, составе общинных библиотек и т.д. Самые интересные находки томских археографов за последние годы оказались связаны со староверами-странниками.

Белобородовская (или Томско-Чулымская) пустынь – это название групп страннических монастырей в Кривошеинском районе области. Границы ее определены на севере причулымскими болотами, р. Обь и Томь – на западе, Большой и Малой Юксой – на востоке. По свидетельству профессора богословия Томского Императорского университета Д.Н. Беликова, эта территория еще в XIX в. была известна старообрядцам как Сибири, так и Европейской России и считалась одним из наиболее удобных мест для спасения души⁴. К концу столетия здесь жили представители разных беспоповских соглашений, но смогли закрепиться на этой территории именно странники (бегуны). В настоящее время бегунские общины Белобородовской пустыни являются одним из центров томского странничества, наряду с поселениями в Бакчарском, Парабельском и Верхнекетском районах области.

Комплекс белобородовских монастырей нуждается в детальном изучении, поскольку позволяет не только воссоздать историю странничества в его локальных вариантах, но и дает уникальную возможность для системного изучения староверия, начиная от форм быта и завершая реконструкцией вероучения современных странников. Реализация этого положения связана с началом в 1985 г. археографических исследований Томского университета в этом районе. За прошедшие годы контакты с жителями таежных скитов переросли в дружбу, что и сделало возможным передачу части общинной библиотеки

странников-безденежных в фонд Научной библиотеки ТГУ.

Историю общины, как и историю ее библиотеки, нельзя считать полностью изученной, но все же основные этапы ее жизни на сегодняшний день реконструированы⁵. Ее оформление, вероятно, можно отнести к концу XIX в. и связано оно с именем Георгия Николаевича (в миру – Фирса). Известно, что родом он был из Москвы, с детства странствовал. По преданию, в поисках истинной веры обошел не только Россию, но посетил даже Америку и Турцию, прибыв из последней в леса Томской губернии. Эти путешествия дали местное название толку безденежных – “турецкие”.

После 1917 г. история белобородовских безденежных тесно связана с историей добровольной и вынужденной крестьянской миграции. Так, в начале 1920-х годов сюда приезжают тюменские староверы, стремившиеся уйти от нестабильности и потрясений Гражданской войны. Новый виток миграции произошел в 1930 г., когда в результате целенаправленной акции были уничтожены скиты на р. Иксе Бакчарского района, и странники вынуждены были переселиться к своим единоверцам в Томско-Чулымскую тайгу⁶. В 1947 г. в связи со строительством неподалеку Сибирского химического комбината белобородовские странники пережили очередное “зорение”, о котором до сих пор жива память в общине – жители скитов были “выведены”, многие из них арестованы и как “враги народа” получили соответствующие сроки. Акция больно ударила по общине, после этих событий ее возрастной и численный состав изменился основательно. Со второй половины XX в. таежные жители скитов безденежных – это, как правило, очень пожилые люди, по сути, пришедшие в тайгу умирать, как им предписывает традиция.

В 2004 г. ОКПР НБ ТГУ приобретено собрание книг скитской библиотеки из 27 единиц: 16 рукописей и 11 печатных

⁴ См.: Беликов Д.Н. Томский раскол (исторический очерк от 1834 по 1880 годы). Томск, 1901. С. 79.

⁵ См.: Дутчак Е.Е. Общины старообрядцев-странников Белобородовской пустыни // Человек в истории: памяти профессора З.Я. Бояршиновой. Томск, 1999. С. 207–214; Она же. “Слоеный пирог” обыденного: повседневность таежного скита и исследовательские практики // Вестн. Российского университета дружбы народов (сер. “История России”). 2003. № 2. С. 55–65.

⁶ См.: Каленова Г.М. Репрессии против старообрядцев-странников на территории Томской области в 1933–1941 гг. (по материалам архивных дел ФСБ Томской области) // Проблемы истории, историографии и источниковедения России XIII–XX вв. Томск, 2003. С. 293–295; Приль Л.П. Информационный потенциал источников УФСБ по Томской области и проблемы изучения жизнедеятельности старообрядческих общин // Документ в меняющемся мире. Томск, 2004. С. 211–215.

книг. Хронологический охват рукописей – XV–XX вв., кириллических изданий – начало XVII – по XX в.

Наибольший интерес среди рукописей представляет, безусловно, самая ранняя из них – второй половины XV в. – Пролог на сентябрьскую половину года. Рукопись форматом в 2°, 297 л. Книга реставрировалась дважды: первый раз, видимо, в XVIII в., когда были добавлены последние листы, а все остальные обрезаны (практически везде утрачен колонтитул), а второй раз – в XX в., когда многие листы были проклеены в месте сшива, иногда был дописан текст и сделан новый переплет. Бумага рукописи пока не поддается точному определению. В основной части просматривается только сетка, филигрань обнаружить не удалось. Рукопись была датирована на основании ее графико-орфографических особенностей. Почерк – полуустав, претерпевший незначительные изменения на всем ее протяжении. Реставрированные части (Л. 1, 214–215, 290–297, фрагменты Л. 2–6, 40, 287–289) дописаны поздним полууставом. Украшений немного – шесть заставок (Л. 1, 40, 112, 165, 216, 262 об.), две из которых – на реставрированной части Л. 1, 40 и выполнены в XX в., остальные – современны основной части рукописи.

По содержанию рукопись представляет собой Пролог второй редакции. Слова и нравоучительные повести распределены в ней по дням года. Русские и славянские чтения: память св. Людмилы, бабы св. Вячеслава Чешского – сентября 16 (Л. 20–20 об.), память св. Михаила, кн. Черниговского и боярина его Феодора – сентября 20 (Л. 26 об.–27), память св. Вячеслава Чешского – сентября 28 (Л. 36–36 об.), освящение церкви св. Георгия в Киеве на горах – ноября 26 (Л. 15 об.), проявление крещения Русской земли апостолом Андреем – ноября 30 (Л. 164–165), память преп. Кирилла, учителя славянскому языку – февраля 14 (Л. 280 об.–281).

В составе собрания Скитской библиотеки имеются также две рукописи XVII в. – Пролог и Канонник. На последнем – владельческие записи XVII в. о нахождении рукописи в Никольском погосте Годоновской волости, о принадлежности ее диакону Семенову, некоему Васильеву и своеручная запись попа Семена Васильева Попова (возможно, он и указанный выше Васильев – одно лицо). Среди рукописей XIX–XX вв. особо отметим список сочинений Максима Грека (1892 г.)⁷ и нотные рукописи начала XX в. – Ирмологий и Соборник. Кроме того, в коллекции представлено несколько сборников конца XIX – начала XX в., в числе которых, например, находится оригинальное полемическое сочинение, вероятно, созданное белобородовскими странниками (рукопись начала XX в.)

Наиболее ранним кириллическим изданием собрания является Минья общая, напечатанная в Москве Андроником Невежей в 1600 г. Еще пять изданий относятся к первой половине XVII в.: Апостол (М., 1621), Минья служебная. Февраль. (М., 1646), Минья служебная. Декабрь. (М., 1636), Октоих (М., 1638) и Троишь цветная (М., 1640), а также Псалтирь с исследованием (лист с выходными данными утрачен, издание XVII в.). Одно издание, Минья общая, вышло из типографии Виленского Троицкого униатского монастыря в 1801 г. Еще три издания относятся к началу XX в.: Евангелие учительное, Златоуст и Страсти Христовы.

В целом приобретенная коллекция книг Скитской библиотеки примечательна не только входящими в ее состав уникальными книжными памятниками, но и тем, что она существенно дополняет наши представления о круге чтения сибиряков-старообрядцев.

*О.Н. Бахтина,
Е.Е. Дутчак, В.А. Есипова*

⁷ См. о ней: Дутчик Е.Е. “Иноческое жительство”: “Сочинения Максима Грека и читатель-старообрядец // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 2000. С. 269–284; Она же. “Власти праведные и неправедные”: “сочинения Максима Грека и читатель-старообрядец // Старообрядчество: история и современность, местные традиции и зарубежные связи. Улан-Удэ, 2001. С. 332–334.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “БУМАГА НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ ЕВРОПЫ”

15 октября 2004 г. в Санкт-Петербургском государственном технологическом университете растительных полимеров (СПб ГТУ РП) состоялась вторая¹ Международная конференция по вопросам комплексного изучения истории бумаги, целлюлозно-бумажного производства, реставрации и консервации памятников на бумажных носителях “Бумага на северо-западе Европы”. Конференция была приурочена к 180-летию со дня выхода книги И.П. Лаптева “Опыт в старинной русской дипломатике, или Способ узнавать на бумаге время, в которое писаны старинные рукописи” (СПб., 1824), ставшей первым отечественным трудом по филограноведению, и одним из ранних по истории бумаги. Организаторами конференции выступили Петровское общество историков бумаги (ПОИБ) и СПб ГТУ РП.

После открытия конференции председателем Петровского общества историков бумаги *В.С. Куровым* (СПб ГТУ РП) *Д.О. Цыпкин* (ОР РНБ) посвятил свое слово памяти крупного филограноведа, археографа и лингвиста *В.М. Загребина* (1942–2004). *В.М. Загребин* создал целое направление в отечественной классификации и собирании водяных знаков, ввел в научный оборот большой объем данных о филогранях. Особое значение имела его преподавательская деятельность, в результате которой была сформирована школа палеографов и археографов, в том числе историков бумаги.

Пленарный доклад члена ПОИБ, историка отечественного филограноведения и биографа *И.П. Лаптева Ю.В. Андрушайтите* (АК РАН) “*У истоков российского филограноведения*” был посвящен истории создания известной книги *И.П. Лаптева*. Это исследование представлено на базе черновой рукописи *Лаптева* и его коллекции водяных знаков. Особое место в докладе уделено значению этой книги для развития филограноведения и других специальных исторических дисциплин в России, ее оценке современниками и палеографами следующих поколений.

В 2004 г. исполнилось 100 лет со дня выпуска первого номера печатного органа отечественной целлюлозно-бумажной отрасли – журнала “Писчебумажное дело”². С докладом о жизни и деятельности его основателя *Н.А. Резцова* (1855–1914), учено-технолога, общественного деятеля, организатора производства, а также историка бумаги, выступила ученый секретарь *ПОИБ А.П. Балаченкова* (СПб ГТУ РП).

Член Международной ассоциации историков бумаги (ИРН) *Ст. Файерабенд* (Гамбург) рассказал о XXVII конгрессе Ассоциации (Лодзь, Польша, сентябрь 2004 г.), на котором был сделан доклад и нашей соотечественницей *В.А. Есиповой*, затем *Файерабенд* передал участникам конференции приветствие президента ИРН *Й. Домбровского*. В нем была дана высокая оценка вклада российских исследователей, начиная с *И.П. Лаптева*, в изучение мировой истории бумаги³.

В конце пленарного заседания главный библиограф СПб ГТУ РП *Л.А. Романова* ознакомила присутствующих с выставкой изданий по истории бумаги и бумажного производства из фондов университетской библиотеки.

Вечернее заседание конференции проходило по секциям. На секции “Современное филограноведение: теория и практика” первым заслушали доклад *В.Н. Карнаухова* (Институт проблем передачи информации РАН, Москва) и *Э. Венгера* (Комиссия научной визуализации АН Австрии, Вена) о результатах многолетней работы международного российско-австрийско-голландского коллектива по созданию базы данных и цифровой системы идентификации и классификации водяных знаков исторических документов.

Доклад руководителя секции, члена *ПОИБ М.А. Шибаева* (ОР РНБ) “*Бумага рукописей Кирилло-Белозерского монастыря первой трети XV в.*” был посвящен анализу филограней рукописей из кирилло-белозерской библиотеки, на основании которого исследователь относит время создания кодексов к периоду игуменства

¹ Предыдущая международная конференция “Санкт-Петербург – столица российской бумаги” проходила в Петербурге 18–19 сентября 2003 г. См.: АЕ за 2003 год. М., 2004. С. 393–396. Вторая конференция вместо запланированных двух заседала один день.

² В настоящее время журнал называется “Целлюлоза. Бумага. Картон”.

³ Приветствие в переводе с англ. *М.П. Мироненко* см. в Приложении.

преп. Кирилла. В сообщении *А.В. Сиренова* (СПб ГУ) “*О бумаге московских рукописей и печатных изданий рубежа XVI–XVII вв.*” рассматривались случаи параллельного использования одного запаса бумаги в рукописях, происходящих из подмосковных монастырей, и изданиях Московского печатного двора. *Ст. Файерабенд*, крупнейший в Европе коллекционер бумаги с водяными знаками машинной выработки, подробно рассказал, используя материалы своего собрания, о способах получения знаков на машинах как цилиндрического, так и столового типов, и об эволюции рисунка машинных знаков XIX – первой половины XX вв.

Сообщение *А.В. Васильева* и *А.Г. Сергеева* (БАН) было посвящено опыту апробации в ОР БАН методики цифровой съемки и обработки филиграней, разработанной в Лаборатории кодикологических исследований и научно-технической экспертизы документов ОР РНБ, а также специфике оборудования, применяемого при цифровом копировании водяных знаков. *В.Г. Подковырова* (БАН) и *Е.В. Каширина* (РГПУ им. А.И. Герцена) представили доклад “*Концепция электронной коллекции филиграней (на примере коллекции бумаг Г.А. Енша из собрания ОР БАН)*”.

Заседание секции “История бумажного производства, экспертиза и консервация памятников на бумаге” открыло выступление *С.Н. Новицкой*, директора музейного центра г. Сегежи. Она рассказала о деятельности Сегежского музейного центра в области пропаганды истории бумаги и истории градообразующего предприятия (Сегежского ЦБК), в том числе об экспонировании в музее образцов оборонной продукции комбината, выпускавшейся в годы Великой Отечественной войны.

Доклад члена ПОИБ *Л.В. Воиновой* (СПб ГГУ РП) “*Возникновение и развитие целлюлозно-бумажной промышленности в России*” был посвящен в основном советскому и постперестроечному периодам ее истории и представлял собой обзор основных направлений развития отрасли с акцентом на историю крупных комбинатов. Живой интерес вызвал доклад члена ПОИБ *А.П. Керзума* (РНБ) “*К вопросу о распределении потребителей бумаги в России между государственными и частными контрагентами XVIII – начала XX вв.*” В нем была затронута проблема источниковедения позднего дореволюционного производства бумаги в Петербурге и рассмот-

рен потенциальный круг источников по данному вопросу.

В докладе члена ПОИБ *С.В. Сирро* (ГРМ), посвященном опыту применения рентген-флюоресцентного анализа (далее – РФА) в экспертном исследовании рисунков из фондов музея, рассказано о собрании эталонных спектров бумаг русского и западноевропейского производства XVIII–XX вв. из коллекции ГРМ. Докладчиком поставлен вопрос о необходимости создания крупномасштабного банка данных для датировки и локализации бумаги без филиграней.

Д.О. Цыпкин, *Е.М. Лоцманова*, *Е.С. Быстрова* (ГОИ) и *С.В. Сирро* (ГРМ) представили доклад “*Возможности РФА в историко-бумажоведческом исследовании (на материале польско-литовской бумаги из собраний ОР РНБ)*”, который продолжил серию сообщений о комплексном технологическом исследовании европейской бумаги ручного отлива, начатую на предыдущей конференции. Доклад был посвящен определению потенциала лабораторных методов и РФА в изучении такого рода бумаги. Базой была избрана бумага польско-литовского производства конца XVI в. из собрания П.П. Дубровского (ОР РНБ). В результате сформирована методика применения РФА в историко-бумажоведческих и экспертных исследованиях рукописно-книжных памятников, а также впервые дана комплексная оценка ее возможностей при изучении технологической специфики производства отдельных бумажных мелниц.

В сообщении члена ПОИБ *Л.И. Крякиной* (СПб филиал Института востоковедения РАН) “*Консервация фрагментарных письменных памятников из центрально-азиатских коллекций СПб ФИВ РАН*” освещена история формирования ряда рукописных коллекций, описаны методы консервации и дереставрации восточной бумаги ручного отлива, применяемые в реставрационной лаборатории института.

В докладе *А.И. Денисова* (ГОИ), *Л.Г. Левашовой* и *Е.М. Шениловой* (БАН) “*Влияние облучения светом УФ-диапазона на бумагу рукописных документов*” были представлены результаты исследования влияния УФ-облучения на структуру волокон бумаги-носителя документов, а также способы консервации облученных рукописей.

На этом конференция закончила свою работу, наметив тему следующего обсуждения.

А.П. Балаченкова

Международная ассоциация
историков бумаги

Президент

Петровское общество историков бумаги.

Международная конференция

“Бумага на северо-западе Европы”.

Санкт-Петербургский государственный

технологический университет

растительных полимеров,

Россия, 198 095, Санкт-Петербург,

ул. Ивана Черных, 4

Лодзь, 28 сентября 2004 г.

Уважаемые друзья,

мне досталась почетная и приятная возможность в качестве президента IPH тепло приветствовать организаторов международной конференции “Бумага на северо-западе Европы” и ее участников. Международная конференция приурочена к 180-летней годовщине первого альбома водяных знаков, изданного в России Иваном Лаптевым, который является одним из самых ранних исследователей водяных знаков в мире. Водяные знаки Лаптева были переизданы в 1844 г. в Москве Корнилием Тромониным, антикваром и литографом в его альбоме водяных знаков с 14-го по 19-й век. Этот первый действительно капитальный альбом водяных знаков в мире был продолжен замечательными работами Николая Петровича Лихачева, опубликованными в Санкт-Петербурге в 1891 и 1899 гг. По мнению профессора А. А. Шахматова, великого медиевиста, издание Лихачева 1899 г. – “Палеографическое значение бумажных водяных знаков” – отметило начало новой эры в русской историографии. Однако такое явление мирового уровня не оказало влияния на зарубежную науку.

Мы чрезвычайно признательны доктору Дж. С.Г. Симмонсу, почетному члену IPH. Благо-

даря его деятельности Альбом водяных знаков Тромонина был издан в факсимильном виде и в английском переводе, с дополнительными материалами С.А. Клепикова (Hilversum, 1965). И Геркулесов труд, то есть публикация работы Лихачева, была успешно выполнена Симмонсом с помощью ван Гиннекен-ван де Кастееле, также почетным членом IPH, – изданием в двух томах Likhachev's Watermarks (Amsterdam, 1994). Обе публикации вышли в главной серии Monumenta Chartae Papugaceae Historiam Illustrantia (XI и XV тома) Общества публикаций по истории бумаги (Paper Publications Society), основанного в 1950 г. Э.Дж. Лабарром (1883–1965). Благодаря невероятным усилиям др. Симмонса и его коллег, выдающийся вклад русских ученых в международное изучение истории бумаги, сохраняющее свое практическое значение до сего дня, стал более известен и понятен всему миру. Также благодаря др. Симмонсу был опубликован английский перевод монографии профессора З.В. Учаскиной “A History of Russian Hand Paper-Mills and their Watermarks” с “Кратким содержанием по-русски” (Hilversum, 1962. Monumenta. Vol. IX).

Поэтому международное сообщество историков бумаги очень заинтересовано в дальнейшем вкладе русских ученых в историю бумаги, особенно в тех работах, которые имеют международный контекст. Мы дружески приглашаем вас в члены IPH, как отдельных лиц, так и учреждения, и мы убеждены, что новейшие исследования по истории бумаги в России будут представлены на 28 Конгрессе IPH в Испании в 2006 г.

Мы желаем вам плодотворной работы, адекватной вкладу ваших великих соотечественников. Пусть ваша Международная конференция, организованная в Санкт-Петербурге 14–15 октября 2004 г., пройдет успешно.

Искренний привет. Др. Йозеф Домбровский
Президент

ВТОРЫЕ ЧТЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ПАМЯТИ Н.Ф. КАПТЕРЕВА

28–29 октября 2004 г. состоялись очередные, Вторые, чтения, посвященные памяти крупнейшего специалиста в области изучения политических и конфессиональных связей России со странами Христианского Востока профессора Николая Федоровича Каптерева, проводящиеся центром “Палеография, кодикология, дипломатика” Института всеобщей истории РАН¹. В

работе Чтений, помимо сотрудников ИВИ РАН, приняли участие специалисты других научных учреждений Москвы, Санкт-Петербурга (И.А. Вознесенская, Ю.А. Пятницкий) и Сибири (С.К. Севастьянова, г. Рубцовск).

В представленных докладах были затронуты проблемы истории взаимоотношений России с Православным Востоком на про-

¹ Вторые чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева (Москва, 28–29 октября 2004 г.): материалы. М., 2004. О первых чтениях см.: Чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева (Москва, 15–16 октября, 2003 г.): материалы. М., 2003.

тяжении XV–XX вв., отражающие самые разные темы. Они объединены единым методическим подходом, предполагающим серьезное историко-ведческое обоснование проведенных исследований, использование палеографических методов как для актового, так и для нарративного материала, кодикологическое и текстологическое описание сборников.

В ходе проведения Чтений определились несколько основных направлений исследований, привлекающих наибольшее внимание специалистов. Ведущее направление – изучение актового материала по сношениям московских государственных и церковных структур с иерархами и монастырями Православного Востока в XVI – начале XVIII в. В определенной мере такой интерес стимулируется проводящейся в течение последних лет работой по подготовке всеобъемлющего Каталога грамот греческих иерархов московским царям и патриархам, хранящихся в архивах, рукописных отделах библиотек и музеев Москвы и ряда других городов. Составитель каталога *Б.Л. Фонкич* представил доклад с анализом формуляра грамот константинопольских патриархов XVI–XVII вв. В нем на основе обширного комплекса документов из московских архивов была предложена общая классификация всего массива патриарших грамот с выделением двух основных групп – рекомендательных писем греческим монастырям, церквям или отдельным лицам, обращаемым к русскому правительству с различными просьбами (материальной помощи, принятия на русскую службу, поселения в русских монастырях и т.д.), и посланий с информацией или советами относительно политической обстановки в Константинополе, на Балканах, Ближнем Востоке и других регионах, с обсуждением различных проблем внутрицерковной жизни и межгосударственных отношений.

Автор доклада впервые предпринял анализ формуляра этих документов с использованием современных методов дипломатического исследования, открывающий перспективы их сопоставления с аналогичными материалами, исходящими из канцелярий других православных иерархов. Докладчик особо подчеркнул важность палеографического изучения данного вида источников для реконструкции истории создания их авторами и использования адресатами.

Исследованию актового материала, относящегося к истории сношений русского

правительства с православными иерархами, были посвящены доклады *Л.А. Тимошиной*, *В.Г. Ченцовой*, *Н.П. Чесноковой*.

В докладе *В.Г. Ченцовой* “Икона Иверской Богоматери: еще раз об интерпретации архивных документов 1647–1648 гг.” нашла отражение многолетняя дискуссия об обстоятельствах возникновения адресованных русскому правительству грамот от имени настоятелей балканских монастырей с просьбами о денежной помощи и об импорте в Россию культовых святынь. Автор на основе детального изучения особенностей оформления грамот, анализа внешнего вида печатей и почерков пришел к выводу, что целый ряд таких документов, связанных с привозом в Россию копии с иконы Иверской Богоматери, был создан в одном из метохов Иверского монастыря на территории Дунайских княжеств. Поэтому указания на самих грамотах могли не соответствовать реальным условиям их составления. С этим связано возможное объяснение отмечавшихся искусствоведами отличий в иконографии присланной в Москву иконы Иверской Богоматери от декларированного как ее протограф образа из Афонского монастыря.

В докладе *Н.П. Чесноковой* были проанализированы содержание и особенности формуляра жалованных грамот греческим монастырям и торговым людям середины XVII в.

В связи с подготовкой публикации документального комплекса о приездах синопских монахов в 80–90-х годах XVII в. в Россию *Л.А. Тимошина* рассмотрела условия составления и выдачи синопским иерархам жалованных грамот от имени царей Ивана Алексеевича, Петра Алексеевича и царевны Софьи.

В докладе *Е.С. Нестеровой* “Дорсальные записи на греческих грамотах как источник для изучения переводческой практики в Посольском приказе в XVII в.” изучены не привлекавшие ранее внимания отметки о принадлежности изготовленных в Посольском приказе переводов греческих грамот конкретным служащим этого учреждения. Такой подход значительно расширяет возможности исследования деятельности переводчиков Посольского приказа, ранее базировавшегося в основном на документах по внутреннему управлению приказом.

Весьма интересным было сообщение *Д.А. Яламаса* (не вошло в печатные материалы Чтений), посвященное переписке

иерусалимского патриарха Досифея 1700–1706 гг. с русским правительством и украинским гетманом И. Мазепой. Особо важны письма Петра I патриарху Досифею, не учтенные в публикации “Письма и бумаги императора Петра Великого”.

Отношения России с Христианским Востоком не ограничивались политическими и конфессиональными связями, но распространялись и на культурную сферу, что нашло самое непосредственное отражение в памятниках книжной письменности и изобразительного искусства. Ю.Э. Шустова, продолжая исследовать историю Львовского Успенского братства, проанализировала состав одной из крупнейших частных библиотек Львова середины XVII в., принадлежавшей видному члену этого общества греку Константину Мадзапете.

Доклады двух участников Чтений были посвящены творчеству знаменитых деятелей греческой диаспоры, внесших свой вклад в русское просвещение, братьям Иоанникию и Софронию Лихудам. Д.Н. Рамазанова рассмотрела одно из их ранних сочинений “Акос, или Врачевание противопологаемое ядовитым угрызением змиевым” как эпизод полемики партий греко- и латинофилов в русском обществе 1680-х годов по вопросу о времени пресуществления Святых Даров во время Таинства Евхаристии. И.А. Вознесенская исследовала более позднее сочинение Софрония Лихуда “Коллурий о лютой страсти чеболения капитонского”, направленное на опровержение взглядов некоторых видных деятелей старообрядчества начала XVIII в.

Исключительно важный момент в истории русского права и книжной культуры XVII в. нашел отражение в докладе Е.В. Беляковой, проанализировавшей работу Московского печатного двора по изданию Кормчей книги. Она считает легендарными имеющиеся в литературе сведения о существовании двух различных изданий Кормчих патриархов Иосифа и Никона. Исследовательница полагает, что такое мнение своим возникновением обязано структурным особенностям произведения Московского печатного двора. В реальности было осуществлено только издание Кормчей 1653 г.

Живой и легко объясняемый интерес участников конференции вызвало сообщение Ю.А. Пятницкого о мозаичных иконах византийского происхождения, находившихся некоторое время при дворе Ивана Грозного. Оно сопровождалось demonstra-

цией большого числа слайдов. Исследователь подчеркнул особую важность изучения истории происхождения и бытования произведений древней иконописи для реконструкции истории изобразительного искусства Средневековья и формирования музейных коллекций.

Своеобразное направление исследования представлено докладами об использовании древних литературных и документальных памятников в трудах деятелей науки и культуры нового и новейшего времени. В докладе М.В. Бибикова, посвященном обзору византийских астрономических и астрологических систем и их рецепциям на Руси, особое место отведено изучению рукописного сборника, принадлежавшего видному военному и административному деятелю эпохи Екатерины II и Александра I И.В. Гудовичу. Небольшая по объему рукопись из Парижской Национальной библиотеки, созданная в период военных действий на территории Валахии в 1770–1771 гг. и содержащая тексты, связанные с астрономией, астрологией и магией, подробно проанализирована как феномен русской культуры второй половины XVIII в.

В рамках подготовки комментированного издания корпуса древнейших документов по сношениям России с иерархами Православного Востока проводится изучение копийных книг XVI–XVII вв., сохранивших эти материалы. С.Н. Кустерев представил доклад о полных копиях последней трети XVIII в. древнейшего из таких сборников, хранящихся в Эрмитажном собрании РНБ и собрании Барсова в ОПИ ГИМ.

Истории приобретения правительством Александра II известного кодекса Синайской Библии был посвящен доклад А.В. Захаровой, подготовленный на основе изучения обширного комплекса документов официального и частного происхождения, дипломатической и личной переписки целого ряда государственных чиновников, деятелей культуры России 60-х годов XIX в. и представителей восточно-христианской церкви. Докладчик неопровержимо доказывает юридическую правомерность приобретения этой Библии у властей Монастыря св. Екатерины на Синае и опровергает высказывавшиеся в литературе, главным образом зарубежной, сомнения на этот счет.

Восстановлению исторической истины и проблемам реконструкции арабской рукописи конца VIII в. был посвящен доклад Д.А. Морозова “Затерянные тексты Ефрема Сирина”. Используя научные публика-

ции арабских текстов и анализируя их оригиналы, исследователь реконструирует по сохранившимся фрагментам некогда единый манускрипт багдадского книжника с сочинениями древнего автора.

Прономографические исследования в рамках тематики Чтений нашли отражение в докладах Т.А. Опариной “Ротмистр Юрий Трапезундский: заметки к биографии” о наемнике-авантюристе на русской службе в первой половине XVII в. и А.Д. Шаховой “Нежинские греки и эпоха Просвещения в России. Н.Н. Мотонис” – неизвестном доселе персонаже русской истории середины-второй половины XVIII в.

Программу Чтений завершил доклад Н.А. Беляковой, посвященный сравнительному анализу постановлений об устройстве церковных судов, содержащихся в уставах

греческой, сербской, болгарской и русской церковей. Доклад неожиданно приобрел не только историческое, но и общественное звучание, как посвященный актуальным вопросам церковного строительства и состояния общественной мысли в современной России.

Двухлетний опыт проведения Чтений памяти Н.Ф. Каптерева позволяет выделить некоторые присущие им характерные черты. Особую важность приобретает использование текстологического и палеографо-дипломатического метода изучения исторических источников, что естественным образом соответствует программе деятельности Центра “Палеография, кодикология и дипломатика” ИВИ РАН.

Л.А. Тимошина

ПАМЯТИ ФЕДОРА ПАВЛОВИЧА ШЕВЧЕНКО

Исполнилось 90 лет со дня рождения Федора Павловича Шевченко (1914–1995) – известного украинского историка доктора исторических наук, профессора члена-корреспондента НАН Украины (человека с выдающимися организаторскими и научными способностями), деятельность которого во многом способствовала развитию исторической науки на Украине. Его научная активность не ограничивалась рамками конкретных тем, а включала в себя широкий спектр проблем. Трудно найти такую отрасль исторической науки и хронологический отрезок, где бы Ф.П. Шевченко не проявил себя. Это – целый комплекс специальных исторических дисциплин¹, история Украины, России, западнославянских народов, проблемы этногенеза, медиевистики, исторической методологии, краеведения, новой и новейшей истории. Жизненный путь историка не был обозначен стабильностью, а повторял все изгибы и перипетии непростого XX века.

Родился будущий историк в 1914 г. в с. Дунаевцы современной Хмельницкой области Украины, где и прошли его детские годы. В 1933 г. юноша из крестьянской семьи поступает в Московский историко-архивный институт. Это было исключительным событием, свидетельствующим о незаурядном таланте молодого Ф. Шевченко, поскольку в разгар коллективизации и “го-

лодомора” украинские крестьяне не имели возможности выехать даже за пределы района. В стенах столичного института, где его учителями были такие выдающиеся историки, как М.Н. Тихомиров, В.И. Пичета, в 1940 г. Ф.П. Шевченко закончил также и аспирантуру. Потом была работа в должности директора Черновицкого областного госархива, эвакуация вместе с архивом в Краснодарский край, затем – в Узбекистан, защита кандидатской диссертации. После освобождения Украины, Ф.П. Шевченко активно участвовал в строительстве архивной системы, занимался научной деятельностью в рамках Комиссии по истории Отечественной войны при АН УССР. В послевоенные годы историк работал в Институте истории АН УССР. В это время он разрабатывал научные проблемы, связанные с Освободительной войной украинского народа (1648–1657), Великой Отечественной войной, специальными историческими дисциплинами. В этом же институте подготовлена докторская диссертация Ф.П. Шевченко, посвященная российско-украинским отношениям середины XVII в., которую он защитил в Институте истории АН СССР в 1963 г.

С 1968 по 1972 г. Ф.П. Шевченко занимал пост директора Института археологии АН УССР. За это время украинская археология вышла на качественно новый уро-

¹ См.: Санцевич А.В. Ф.П. Шевченко – археограф и архивист (к 75-летию со дня рождения) // АЕ за 1989 год. М., 1990. С. 154–157.

вень развития, но его позиция как руководителя, принципиальное неприятие устоявшихся номенклатурно-партийных догм привели к обвинениям в “антипартийной деятельности” и увольнению с руководящей должности. С 1972 г. и до конца жизни Ф.П. Шевченко работал в Институте истории. Умер ученый в 1995 г.

В ознаменование юбилея ученого совместными усилиями Государственного комитета архивов Украины, Института истории Украины НАН Украины и ряда других научных организаций был издан двухтомный сборник “Истину устанавливает суд истории”².

Первый том включает широкий круг документальных и фотоматериалов, воспоминаний современников, касающихся жизни и научного творчества историка. Открывается он монографическим исследованием украинского историка Е.М. Аланович, которая, опираясь на документы и собственные воспоминания, дает характеристику основным этапам научной деятельности Ф.П. Шевченко. Второй раздел сборника составлен на основе воспоминаний людей, знавших лично Федора Павловича – это его ученики, коллеги, друзья. Среди них воспоминания Г.В. Боряка, Я.И. Дзыры, Ю.А. Мышика, Т.Г. Яковлевой, И.М. Дзюбы и др. Данные материалы акцентируют внимание на особенностях характера ученого, эпизодах его жизни, помогающих увидеть многогранность и человеческие качества личности Ф.П. Шевченко.

Большую часть первого тома сборника занимают документальные материалы, собранные в украинских, российских и узбекских архивах. В них отображена более чем 65-летняя научно-организационная деятельность Ф.П. Шевченко. Документы Черновицкого, Краснодарского, киевских и узбекских архивов свидетельствуют об архивной деятельности ученого в эвакуации, а также на посту начальника Научно-исследовательского отдела Архивного управления НКВД УССР.

Следующий блок документов связан с деятельностью Ф.П. Шевченко в системе АН УССР, его участием в работе Комиссии по истории Великой Отечественной войны (1946–1950), с деятельностью в Институте истории, где ученый проработал более 40 лет, а также на посту директора Инсти-

тута археологии. Документы являют собой выписки из личного дела, характеристики, стенограммы заседаний. Материалы партийных архивов дают информацию о сложном периоде в жизни ученого, обвинениях его в “непартийности”, “классовой несознательности”, сионизме и национализме. Большая часть этих документов до недавнего времени была засекречена.

Дополнением подборки архивных документов является рубрика “Miscellanea”. Тут представлены документы архива Института истории – стенограммы заседаний Ученого совета, на которых Ф.П. Шевченко выступал и отстаивал свою научную позицию, которая далеко не всегда совпадала с официальной конъюнктурой. Важной частью этого раздела является публикация С.О. Шмидта “Доктор на корню” о московском периоде жизни Ф.П. Шевченко (1937–1940), его учебе в Историко-архивном институте, аспирантуре. Здесь же помещена стенограмма защиты докторской диссертации ученого, оппонентом на которой выступал академик М.Н. Тихомиров.

Один из самых интересных разделов сборника составляет публикация отрывков из дневниковых записей Федора Павловича за 1942–1943 и 1972–1979 гг. Эти периоды не случайно были выбраны для публикации. Они отличаются особым драматизмом и степенью влияния на дальнейшую судьбу ученого. Первый описывает трагические годы войны, на которые приходилось становление молодого ученого. Записи 1970-х годов вводят читателя в атмосферу недоверия, подозрительности и закулисных игр, царивших в академических кругах.

В раздел “Из научного наследия” включены пять работ Ф.П. Шевченко, посвященных методологии истории, исследованиям в области специальных исторических дисциплин, статьи “Почему М. Грушевский возвратился в Советскую Украину” (1966), “О суде истории” (1967), в тогдашних условиях явившихся своеобразным вызовом устоявшимся догмам и стереотипам.

Украшением сборника являются фотодокументы из семейного архива Шевченко, а также фондов Центрального государственного кинофотофоноархива Украины им. С.Г. Пшеничного, повествующие о жизненном пути ученого, его семье, научных и

² “Истину устанавливает суд истории”: збірник на пошану Федора Павловича Шевченка. Київ, 2004. Т. 1: Джерела; Т. 2.: Наукові студії (Архівні та бібліографічні джерела української історичної думки. Вип. 10).

дружеских контактах. Завершается первый том библиографией Ф.П. Шевченко.

Второй том сборника составлен из статей различных авторов, в которых исследуются проблемы истории Украины с древних времен до конца XVIII в. Среди них статьи, посвященные изучению научного наследия Ф.П. Шевченко, его деятельности на посту главного редактора “Украинского исторического журнала”, вклада в изучение специальных исторических дисциплин, а также исследованию личной библиотеки историка. Тематика других статей согласуется с научными интересами Ф.П. Шевченко и охватывает проблемы истории Киевской Руси, украинского казачьего государства XVII–XVIII вв., методологии и историографии, источниковедения, специальных исторических дисциплин.

30 декабря 2004 г. в Доме ученых Национальной академии наук Украины состоялась презентация сборника, с участием родных и близких – жены, дочерей, внуков, правнука (тоже) Федора Павловича, а также друзей, учеников и коллег.

Торжество открыл директор Института истории Украины НАН Украины академик В.А. Смолий, который отметил вклад Ф.П. Шевченко в развитие современной украинской исторической науки, актуальность и научную ценность его наследия. Председатель Государственного комитета архивов Украины Г.В. Боряк, ученик Федора Павловича, акцентировал внимание на личных моментах сотрудничества с историком, чертах характера, профессиональной этике и таланте ученого. Он также кратко охарактеризовал архивную деятельность Ф.П. Шевченко, его роль в возобновлении работы архивных учреждений УССР в послевоенный период.

Все выступавшие, лично знавшие историка, работавшие с ним, особо отмечали не только профессиональные его качества, но и черты человека, умеющего помочь в сложных жизненных обстоятельствах, последовательного в достижении поставленных целей. Представители старшего поколения подчеркивали принципиальность ученого в решении важных вопросов научной и организационной сферы. Директор Института украинской археологии и источниковедения НАН Украины П.С. Сохань вспоминал о совместной работе в Институте истории, колоритных и ярких выступлениях Ф.П. Шевченко на заседаниях Ученого совета.

Академик И.М. Дзюба – известный деятель эпохи “шестидесятников” – поделился своими впечатлениями о знакомстве с ведущим историком, отмечал, что в его время в среде украинских интеллектуалов работы Шевченко воспринимались с неким пиететом.

Особым эмоциональным настроением выделялись выступления профессора Киевского национального университета В. Ульяновского и директора Института рукописи Национальной библиотеки им. В.И. Вернадского Л.А. Дубровиной. Они отметили влияние Федора Павловича на формирование их научного мировоззрения, подчеркнули необходимость изучения и сохранения творческого наследия ученого.

В завершение презентации дочь Ф.П. Шевченко – Ольга Федоровна – поблагодарила всех, принявших участие в создании сборника, за память об отце и теплые слова о нем.

С.С. Батурина

ВЕЧЕР ПАМЯТИ АННЫ СЕРГЕЕВНЫ РОСЛОВОЙ – РЕКТОРА МГИАИ В 1950–1962 гг.

К 17 часам 22 марта 2004 г. актовый зал Историко-архивного института РГГУ был полон. Старые заслуженные ученые, профессоры, молодые преподаватели, аспиранты и студенты продолжали прибывать, чтобы принять участие в вечере, посвященном 100-летию со дня рождения А.С. Рословой (1904–1977), и выразить ей свою глубокую признательность и благодарность. Более десяти чрезвычайно сложных для страны лет Анна Сергеевна руководила институ-

том. В последние годы сталинского режима, в период десталинизации и так называемой “оттепели” она не только смогла сохранить преподавательский коллектив, усилив его приглашением выдающихся специалистов, но и создать творческую доброжелательную атмосферу, уважения к науке, ощущение известной свободы творчества и чувства демократизма. Конечно, институт продолжал жить по “идеологическим нормам” того времени, но вредные последствия

их были нейтрализованы личными чертами характера руководителя.

Анна Сергеевна родилась в бедной крестьянской семье, рано потеряла отца и, скорее всего, так бы и осталась в своем сословии, если бы не возможности, которые были предоставлены послереволюционной культурной революцией. Закончив педагогический техникум, А.С. Рослова преподавала обществоведение в школе. В 1938 г. поступила в аспирантуру исторического факультета МГУ по кафедре истории СССР, работала в отделе вузов и научных учреждений ЦК КПСС, продолжая чтение лекций в высших учебных заведениях. С 1950 г. – в МГИАИ, где она возглавила кафедру истории СССР. Едва ли у ректора вышло бы что-нибудь путное без того собрания умных талантливых преподавателей и ученых, которые ее окружали: С.Л. Утченко, Ф.А. Коган-Бернштейн, Н.В. Устюгова, С.О. Шмидта, А.А. Зимина, Л.М. Зак, И.Л. Маяковского, В.В. Максакова, А.Л. Мерзона, Н.П. Ерошкина, И.А. Кудрявцева, Е.А. Луцкого, К.Г. Митяева, Р.А. Городецкого и многих других. Им удалось выработать чуткое и одновременно требовательное отношение к студентам, пробудить в их душах потребность к творческому поиску.

Вечер открыл бывший директор ИАИ профессор Е.В. Старостин. Он и затем выступившие – С.О. Шмидт, А.В. Елпатьев-

ский, И.С. Фисуненко, Л.Ф. Дьяконицын, С.М. Каштанов, Р.Д. Анциферов, Л.И. Лищицина, В.И. Кострикин, А.В. Богомолов, С.Л. Довженко, Л.С. Шатенштейн, А.Д. Степанский, А.И. Комисаренко, Л.М. Рошаль, Г.С. Лялина, Н.Н. Митрофанов, В.Ф. Козлов и другие говорили о времени Анны Сергеевны, как о “золотом веке” МГИАИ, многие черты которого впоследствии были потеряны. Было прочитано немало стихов, поведано много смешных историй, в том числе с участием “матушки” как любовно прозвали студенты ректора МГИАИ. Пожалуй, более всего были удивлены пришедшие на вечер сегодняшние студенты ИАИ РГГУ, которые, пораженные негативной информационной атакой на прошлое, даже не предполагали, в каких условиях учились их отцы и деды. В заключение старейший профессор МГИАИ, академик РАО С.О. Шмидт, предложил опубликовать воспоминания о А.С. Рословой, признавая за ними не только мнемоническую пользу.

Выступавшие от души благодарили председательствующего и преподавателей кафедр – истории и организации архивного дела и региональной истории и краеведения ИАИ – за инициативу и проведение столь поучительной и полезной встречи в стенах Историко-архивного института¹.

Е.В. Старостин

ЗАСЕДАНИЕ ПАМЯТИ Е.П. МАМАТОВОЙ

В феврале 2004 г. кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ провела заседание памяти Евгении Платоновны Маматовой (16.2.1934–28.1.2004), кандидата исторических наук, доцента, более 30 лет проработавшей на кафедре. С ИАИ, по сути, была связана вся ее жизнь. Выпускница института 1957 г., она училась у замечательных ученых и педагогов, еще в студенческие годы она стала одной из активных участниц знаменитого кружка источниковедения, которым более полувека руководил С.О. Шмидт; тогда же определился и круг ее исторических интересов. Маматова принадлежала к тому направлению источниковедения средневеко-

вой истории России, которое олицетворяют имена ее учителей и коллег: А.А. Зимина, С.О. Шмидта, С.М. Каштанова, В.Б. Кобринна и других выдающихся исследователей. С особенной теплотой Евгения Платоновна отзывалась о своем учителе – неповторимом Александре Александровиче Зимине, с которым ее связывали самые дружеские отношения и светлую память о котором она свято хранила всю жизнь. Она была ярким продолжателем живой традиции научно-педагогической школы института и кафедры, и сама олицетворяла связь поколений, отдавая все свои силы делу воспитания студенческой молодежи.

Избрав своей специальностью средневековую историю России, Е.П. Маматова в

¹ См. об этом также: *Степанский А.Л.* Памяти Анны Сергеевны Рословой: заседание в ИАИ РГГУ (г. Москва) // *ВА. М.*, 2004. № 3/4. С. 344–345.

1976 г. защитила кандидатскую диссертацию по такому сложному для анализа и исследования источнику, как писцовые книги XVII в. Долгое время (1957–1972) она являлась сотрудником Отдела рукописей Ленинградской библиотеки, но никогда не порывала связей с родным институтом, а в 1972 г. начала преподавать на кафедре. Е.П. Маматова вела семинарские и практические занятия по вспомогательным историческим дисциплинам и древнерусскому языку, совершенствуя знания по нему в процессе работы над архивными и опубликованными письменными источниками. Преподаванием древнерусского языка Евгения Платоновна “закрывала” важное направление педагогической деятельности кафедры. Она ратовала за обязательное обучение студентов – историков-архивистов – этому предмету, подчеркивая его большое значение как для будущего архивиста, так и вообще для всякого образованного, просвещенного человека (ведь изучение древнерусского языка позволяет лучше понять и древнерусскую культуру, а значит, и современные русский язык и культуру, лучше осознать их генезис и развитие). К своей педагогической деятельности Е.П. Маматова относилась с большой ответственностью. Она подготовила несколько изданий программы по древнерусскому языку и ряд учебно-методических материалов, причем делала это всегда с особой тщательностью. Так, при разработке последнего варианта программы, стремясь учесть новейшие достижения науки, она обратилась за консультациями к специалистам Института русского языка РАН, которые выступили рецензентами программы.

Будучи превосходным знатоком вспомогательных исторических дисциплин (в особенности палеографии) и древнерусского языка, Е.П. Маматова была и блестящим, редкостным педагогом. Ее занятия превращались в увлекательнейшие беседы, она легко могла найти подход к любому студенту, увлечь его предметом, заинтересовать – она любила молодежь и, в свою очередь, пользовалась у нее громадной любовью. В ее рассказах оживали уже ставшие легендарными имена, причем не только из мира исторической науки. Так, ей посчастливилось знать и таких выдающихся ученых, как антропологов Михаила Михайловича Герасимова и Георгия Францевича Дебеца. Общение с Евгенией Платоновной всегда становилось праздником. С полным правом можно сказать, что она выполняла важную

культурно-нравственную роль, передавая новым поколениям живой дух института, приобщая их к великой научной традиции через личностное, глубоко уважительное к ней отношение, через свой собственный, и потому столь неравнодушный, жизненный опыт. Ее искреннее восхищение талантливыми людьми, неприятие подлости и фальши, светлое восприятие жизни и искусства (она была увлеченным поклонником и знатоком музыки) – все это не могло не притягивать к ней людей. Евгению Платоновну любили коллеги и ученики, все, кому посчастливилось с ней общаться. Она была на редкость открытым, искренним, душевным и добрым человеком. Вместе с ней ушла громадная часть “души и сердца” нашего вуза.

Выступления коллег и друзей Евгении Платоновны были наполнены большой теплотой, эмоциональными воспоминаниями, что придало заседанию особый душевный настрой.

* * *

Целесообразно остановиться на методике работы Е.П. Маматовой с комплексом писцового материала XVI – начала XVII вв. Тема, которой она занималась, находилась в рамках проблемы изучения эволюции и соотношения разных форм феодального землевладения России XVI в. Конкретно свою задачу исследовательница видела в порайонном изучении структуры феодального землевладения и состава служилых людей в староосвоенных районах Руси, а именно в Рузском уезде. Он представлял особый интерес, ибо возник из удела и вошел в состав Русского государства примерно в 1504 г.

Исследователи подобных тем для XVI в. испытывают скудость источников, в том числе и писцовых, для их освещения. В центре внимания Е.П. Маматовой стала обнаруженная Ю.А. Тихоновым в Архиве древних актов писцовая книга по Рузскому уезду, представляющая собой список первой трети XVII в. со сведениями XVI в. Сохранилась также и писцовая книга уезда от 1624–1625 гг., что позволило проследить динамику развития землевладения. Е.П. Маматова привлекла к изучению, наряду с писцовыми книгами XVI и XVII вв., сотные 1560-х годов, т.е. довольно полный писцовый комплекс. Сосредоточиваясь на анализе “одного вида источника”, для углубленного проникновения в него она использовала

ла актовый материал разных феодальных владетелей и монастырских корпораций, в первую очередь.

Е.П. Маматовой пришлось, прежде всего, вникнуть в исследование своего главного источника – писцовой книги XVI в. и выработать методы изучения.

Она установила: 1) на основе палеографического изучения время создания книги, датировав ее по водяным знакам первой трети XVII в.; 2) приправочный характер книги, привлекая сотные 1560-х годов. Подкупает открытая лабораторно-творческая работа Е.П. Маматовой в этом вопросе. В 1972 г. она предполагала, что книга, возможно, “приправочная, составленная к недошедшей до нас рукописи XVI в., а, может быть, мы имеем дело со списком с приправочной книги, в основу которой лег более ранний текст, тоже не дошедший до нас” (Тезисы докладов и сообщений XIV сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, Минск–Гродно. М., 1972. Вып. 1. Далее – Тезисы). В 1974 г. она утверждает в этом предположении, а в 1976 г. уверенно заключает, что изучаемая ею книга – приправочная к книгам Рузского уезда 1567/68 и 1568/69 гг. “Анализ текста показал, что книга № 426 является не подлинной приправочной книгой, а списком с подлинника, выполненном в первой четверти XVII в.” (Автореферат. канд. ист. наук. М., 1976. С.10. Далее – Автореферат.); 3) также установлена степень полноты изучаемой книги путем сверки ее данных с сотными грамотами и писцовой книгой 1620-х годов.

Е.П. Маматова применила статистический и картографический методы изучения данных писцовых материалов. Она обосновала методику составления таблиц о типах феодального землевладения (вотчинного, помещичьего, церковно-монастырского), культурном состоянии земель (показаны “порозжие”), составе поселений в уезде. Ряд таблиц по землевладению в XVII в. (1–3) стал основанием для обобщения следующей ступени, что отразили табл. 4, 5 и обшая табл. 6 (Автореферат. С. 12).

При картографировании данных писцовой книги 1624/25 г. Е.П. Маматова воспользовалась опытом, накопленным к тому времени учеными (М.В. Витов, А.И. Копанев, А.А. Зимин, Ю.Г. Алексеев, Я.Е. Водарский, Л.М. Марасинова), по составлению карт землевладения. Составленная Е.П. Маматовой карта Рузского уезда показала распределение земель по

видам феодального землевладения, включая систему поселений. Перед картографированием были выявлены экономическое и географическое положения станов и волостей, характер рельефа, почв: а) по позднейшим источникам; б) в сопоставлении с данными писцовых книг. При составлении карты графической основой стала карта Московской области 1939 г., сочетавшая точность и достаточно крупный масштаб, а также карта Московской провинции 1774 г. и Московской губернии XIX в. Наряду с ними – карты-реконструкции, составленные по источникам XVI–XVII вв. (А.А. Зимин, Ю.В. Готье), XVIII–XX вв. (М.В. Витов, Я.Е. Водарский).

Картографирование данных о Рузском уезде 20-х годов XVII в. велось в два этапа. Первый включал составление списка населенных пунктов по ранее подготовленному списку селений и пустошей в порядке их расположения в писцовой книге с указанием владельцев, алфавитных перечней наименований поселений и владельцев. При этом состав землевладельцев сравнивался и уточнялся по параллельным сохранившимся источникам: актам, разрядно-родословным и др. Это способствовало определению общей социальной картины в уезде. В нем отсутствовало крупное светское землевладение, преобладали служилые люди среднего достатка и вотчины в сравнении с поместьями (Тезисы докладов и сообщений XV сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1974. Вып. 1. С. 37; Автореферат. С. 17). Такой землевладельческий характер уезда Е.П. Маматова объясняла его формированием из удельного княжества и концентрацией земель Иосифо-Волоколамским монастырем, что сказалось на судьбе уезда, он не был взят в опричнину.

Второй этап содержал графическое выполнение карты, на нее было нанесено около 300 поселений и пустошей (Автореферат. С. 13). Е.П. Маматова считала картографирование материала писцовых книг незаменимым средством для получения конкретного представления о землевладении отдельных районов на определенный момент времени (Тезисы, 1972), а также важнейшим способом проверки достоверности писцовых книг, так как подсчеты общего количества земель по писцовым книгам можно сопоставить с вычислением земельной площади по данным карты. Этот прием позволил Е.П. сделать важный вы-

вод о большей площади уезда, полученной с помощью картографирования и вытекающей отсюда неполноте сведений писцовской книги, в особенности относительно сведений об измерениях лесов (Автореферат. С. 14).

Сосредоточенность исследовательницы на источниках одной видовой принадлежности потребовала методической заостренности в обработке сведений и их сопостав-

лении, что привело автора к убедительным наблюдениям и выводам, ставшим достойным вкладом в историографию темы. При этом подкупала увлеченность Е.П. Маматовой своей работой, требовавшей большой сосредоточенности, а часто и скрупулезности, живое восприятие далекой исторической реальности.

Е.В. Пчелов, Е.Н. Швейковская

ДВОЙНОЙ ЗОЛОТОЙ ЮБИЛЕЙ

Санкт-Петербургский университет культуры и искусств отметил уникальный юбилей – 50 лет педагогической деятельности двух своих лучших профессоров.

14 ноября 1954 г. на кафедру истории Ленинградского библиотечного института (ныне Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств) на одну ставку были приняты выпускницы исторического факультета Ленинградского университета Наталья Николаевна Масленникова и Надежда Ивановна Сергеева. Оба юбиляра прошли путь от старшего преподавателя, затем доцента и профессора до заведующего кафедрой университета. В разные годы оба педагога преподавали отечественную историю практически на всех факультетах и студентам всех специальностей, никогда при этом не следовали конъюнктуре и не опускались до искажения исторических фактов. Напротив, точность, достоверность изложения материала, увлеченность и необыкновенное трудолюбие воспитывали и воспитывают в их студентах глубокую любовь к Родине, высокие требования к своим делам, благородство и скромность.

Н.Н. Масленникова с первых дней пребывания в институте стала читать основные курсы по истории России с древнейших времен до конца XIX в. Пользуясь заслуженным авторитетом среди коллег, возглавляла кафедру истории с 1978 по 2004 г.

Научные интересы Н.Н. Масленниковой определились еще в годы обучения в Ленинградском университете. Ее привлекали палеогеография, источниковедение, история общественной мысли и культуры средневековья. На этот выбор оказал влияние учитель Н.Н. Масленниковой – Д.С. Лихачев. Обе диссертации, как кандидатская, так и докторская (“Псковские крестьяне конца XV–XVII вв.”. Л., 1984),

посвящены псковской земле. Она автор монографий “Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству” (Л., 1955), “Псков: очерки истории” (Л., 1971; 2-е изд. Л., 1990), член большого научного коллектива крупнейших историков – аграрников Ленинграда, создавших под научным руководством А.Л. Шапиро четырехтомное исследование “Аграрная история Северо-Запада России конца XV, XVI, XVII веков” (Л., 1971–1989) и др. Придавая большое значение краеведению Н.Н. Масленникова в течение многих десятилетий помогает Псковскому музее-заповеднику, Порховскому краеведческому музею и музею в Вольшово (усадьба Строгановых).

Н.И. Сергеева, ученица В.В. Мавродина и С.Б. Окуня, сумела в короткие сроки стать одним из ведущих педагогов института, подготовила и опубликовала программы и методические материалы по истории России XVIII–XIX вв., а также по ряду специальных курсов и семинаров, рекомендованные к использованию всеми институтами культуры России, Украины, Средней Азии. Она стала первым преподавателем института, который разработал и читал спецкурс “Исторические и архитектурные памятники Петербурга–Ленинграда”. Профессор Н.И. Сергеева обладает крупным организаторским талантом, около 20 лет руководила кафедрой истории, долгие годы была проректором по научной работе, в 1988 г. создала и все эти годы возглавляет новую кафедру “Музееведение и охрана памятников культуры”. Крупной заслугой Н.И. Сергеевой является создание Музея института. Активная вузовская деятельность всегда совмещается с серьезными научными исследованиями. Н.И. Сергеева – автор десятков работ как по истории России XVIII в., так и по краеведению.

Историки, педагоги, краеведы Н.Н. Масленникова и Н.И. Сергеева стали символом вузовской интеллигентности и учености, да само по себе полувековое служение делу

просвещения российской молодежи – важнейшая достопримечательность Санкт-Петербургского университета культуры и искусств.

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ И ИСТОРИЯ В ЧЕЛОВЕКЕ

(Чествование М.А. Усманова в Казанском государственном университете)

3 июня 2004 г. в Казани на торжественном заседании Ученого совета Казанского государственного университета и Совета факультета татарской филологии и истории состоялось чествование одного из ярких представителей отечественной культуры и исторической науки – доктора исторических наук, профессора, действительного члена Академии наук Республики Татарстан, заслуженного деятеля науки Республики Татарстан и Российской Федерации Миркасима Абдулахатовича Усманова. Известному в стране и за ее пределами ученому-тюркологу, воскресившему угасавшие традиции Восточного разряда императорского Казанского университета, исполнилось 70 лет.

Этот факт стал знаменательным событием не только в жизни самого юбиляра, но и существенной вехой в научной и общественной жизни всей республики. Ученого, понявшего Время и раздвинувшего своими исследованиями исторические горизонты, с днем рождения от имени президента и правительства поздравила и вручила высшую награду республики – Почетную грамоту – заместитель премьер-министра З.Р. Валеева.

Искренним восхищением многогранностью личности ученого-ориенталиста, археографа-изыскателя, популяризатора письменного наследия тюркских народов, историка-исследователя, талантливого писателя, редактора и крупного общественного деятеля М.А. Усманова были проникнуты поздравительные выступления президента АНРТ академика М.Х. Хасанова, директора Института истории государственного советника при президенте РТ Р.С. Хакимова, главы администрации Казани К.Ш. Исакова, заместителя директора Института Татарской энциклопедии Г.С. Сабирзянова, директора Института языка, литературы и искусств им. Ш. Марджани Н.Ш. Хисамова, генерального директора Национального музея РТ Г.С. Муханова и других. Те же, кто не имел возможности донести “живые” слова признательности за беззаветное, по-

движническое служение науке и народу, откликнулись телеграфными строчками, письмами и адресами.

Теплотой и сердечностью пронизаны послания председателя Комитета по культуре, науке и национальным вопросам Государственного совета РТ Р.И. Валиева, заведующего отделом астрофизики высоких энергий Института космических исследований РАН академика Р. Сюняева, ведущего научного сотрудника ИРИ РАН профессора А.Е. Иванова и его семьи, члена Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации Ф.Г. Хамидуллина, заместителя директора ИРИ РАН профессора В.В. Трепавлова, директора Института востоковедения Министерства образования и науки Республики Казахстан М.Х. Абусеитовой, премьер-министра РТ Р.Н. Минниханова, заместителя премьер-министра РТ З.Р. Валеевой, прокурора РТ доктора философских наук К.Ф. Амирова, начальника Главного архивного управления РТ Д.Р. Шарафутдинова, уполномоченного по правам человека в РТ Р.Г. Вагизова, главы администрации Азнакаевского района РТ и г. Азнакаево А.Г. Исакова, главы администрации Апастовского района РТ А.С. Ханифатуллина, представителя татарской диаспоры в Казахстане М. Ерзина из Алматы, поэта и писателя А. Халима, коллектива редакции журнала “Сююмбике”, американского исследователя Юлая Шамильоглу, предпринимателя А. Шарипова из г. Набережные Челны, коллективов исторического факультета и факультета журналистики, психологии и социологии Казанского университета и др.

Юбилар во многих отношениях – человек неординарный. Необычна его биография, широка и многогранна научная и общественная деятельность. Появился он на свет и сформировался как личность в Западном Китае, в “непуганой” среде. В среде, не привыкшей слепо покоряться судьбе и жить чужим умом. В среде, сохранившей столь поражающую многих деятелей прошлого неумную тягу к знаниям. В среде,

не знавшей страха и ужасов революций, коллективизации и сталинских репрессий. Думается, в этом следует искать истоки свойственных ему бесстрашия, некоего внутреннего совершенного равновесия, независимости и смелости суждений и поступков. Он получил добротное образование, ориентированное, помимо привычного для нас сочетания циклов предметов естественных и гуманитарных наук, на овладение восточными языками и арабской графикой. По сути, к моменту окончания школы он уже имел неплохой “капитал” для занятий тюркологией. После переезда в середине 1950-х годов в СССР работал разнорабочим и параллельно учился в вечерней школе. Получив аттестат зрелости, 24-летний молодой человек поступил в Казанский университет с целью изучения истории Востока и погружения в тюркологию. Это был осознанный выбор, результаты которого превзошли самые смелые его ожидания и мечты. Целеустремленный и талантливый выпускник историко-филологического факультета, получивший уникальную специальность “архивовед”, был оставлен на кафедре и прошел в родной Alma mater путь от ассистента до проректора.

Судьба подарила М.А. Усманову возможность проявить себя в роли педагога-воспитателя, ученого и организатора науки, и руководителя-администратора. Со всем этим он справлялся блестяще. Многие выпускники и нынешние студенты историко-филологического факультета не забудут лектора, повествовавшего о прошлом Отечества, отдающего дань уважения служителям богини Клио, филигранно анализирующего Его величество Источник. Его эмоциональную речь, несущую драгоценные крупицы припорошенных золой забвения лексических норм, манеру произносить слова, словно бы наделяя их на прощание дополнительной энергией своей убежденности. И, безусловно, вспоминают его глаза. Взгляд, обдающий жаром и моментально “просвечивающий” собеседника, подобно рентгену. Сконцентрированную в нем силу, способную вызвать у неискущенного в общении с ним человека взрыв мыслей, взрыв эмоций. А те, кому удавалось перейти через грозный огненный барьер, сталкивались с бесконечной и возвышенной грустью, царящей в его душе, сотканной из тончайших нитей, узнавали человека, любящего эту сутолоку жизни со всеми ее отличиями и двоечниками...

Да, люди, как известно, бывают разные. Ученые тоже. Столь органичное сочетание острого аналитического ума и обстоятельной мудрости, широкой эрудиции и литературно-публицистического дара, способности к рутинно-кропотливому труду фактолога-документалиста, которые наблюдаются у профессора Усманова, встречаются не столь уж часто. Постоянной внутренней доминантой научной деятельности Миркасыма Абдулахатовича было и остается выявление, сохранение и популяризация духовного наследия тюркских народов – письменных памятников XIII–XIX вв. В течение 25 лет он оставался неизменным организатором и руководителем археографических экспедиций в самые различные точки Советского Союза, где компактно проживает татарское население. В ходе полевых изысканий ему удалось выявить и спасти от забвения и гибели десятки тысяч арабографических рукописей и старопечатных книг.

Исследование героических и трагических страниц истории народа и страны, проблем, которые в отечественной историографии молчаливо обходили, возвращение современному обществу имен и сочинений татарских литераторов и мыслителей, религиозных и общественных деятелей закрепили за ним славу неустрашимого первопроходца. Его труды по истории и источниковедению Улуса Джучи и тюркских государств, общественно-политической мысли и просветительского движения татар в конце XIX – начале XX в. способствовали восстановлению полноты картины исторической действительности. Они вошли в золотой фонд отечественной науки и возвели автора в ранг ученого мировой величины. Следует заметить, что род его занятий и характер научных интересов в то время, когда даже вид арабской графики вызывал смутные опасения в благонадежности человека и на историю Золотой Орды продолжал распространяться “незыблемый” официальный взгляд, требовали большого мужества. Выбор ученого был сродни гражданскому подвигу. Неоценим также его вклад в развитие теоретических и методологических вопросов отечественной тюркологии, востоковедения в целом.

Недюжинные организаторские способности и авторитет ученого оказались востребованными на самых различных уровнях административной структуры университета. Он назначался заместителем декана по научной работе исторического факуль-

тета, проректором по учебной работе, неоднократно избирался заведующим кафедрой истории СССР досоветского периода (позднее отечественной истории до XX в.) и выделившейся из состава последней кафедры истории татарского народа, исполнял обязанности ректора Казанского государственного университета. Характерно, что и в данной сфере Усманову было суждено прокладывать новый путь, не имеющих аналогов в прошлом. По его инициативе и при непосредственном участии был открыт ряд факультетов и научно-исследовательских подразделений. В их числе: экологический факультет, факультет татарской филологии, истории и восточных языков, факультет журналистики, психологии и социологии, научно-исследовательская археографическая лаборатория.

Признанием заслуг стало избрание М.А. Усманова президентом Общества востоковедов РАН, членом Археографической комиссии РАН, Союза писателей и ред-

коллегий ряда журналов, в том числе международного Central Asian Survey (London), членом Республиканского оргкомитета по празднованию 1000-летия города Казани, членом двух докторских и пяти кандидатских диссертационных советов, организатором и участником ряда крупных международных конференций, посвященных истории Золотой Орды, исторической географии Среднего Поволжья, возникновению и развитию городов в этом регионе.

Миркасыму Абдулахатовичу Усманову не свойственно стремление к сиюминутной выгоде, он не ждет моментального отклика и может по праву гордиться тем, что плоды его труда, независимо от сферы приложения, отличаются фундаментальностью, задуманы и осуществлены для будущего и ради будущего. И пусть его знания и талант еще долго служат отечественной науке и культуре.

Д.А. Мустафина

**АЛЕКСЕЙ
АНТОНОВИЧ
КУРНОСОВ
(1931–2004)**

8 августа 2004 г. скорпостижно скончался Алексей Антонович Курносос, талантливый источниковед, историк с широким кругозором, замечательный по своим душевным и интеллектуальным качествам человек, мой близкий друг и единомышленник. Потеря велика и невозполнима. Без А.А. мир стал беднее и жестче. Хочется сказать о нем так много и выразить свою боль в адекватных словах, что, конечно, невозможно, ибо “мысль высказанная есть ложь”. А.А. Курносос родился 30 декабря 1931 г. в Ленинграде; в 1939 г. он вместе с родителями – Антоном Павловичем и Зинаидой Петровной Курносовыми – переехал в Москву, а в 1941 г. был эвакуирован в г. Кемерово. Там он окончил школу в 1950 г., в 1946 г. стал членом ВЛКСМ. По возвращении в Москву в 1950 г. А.А. поступил в Московский государственный историко-архивный институт, который окончил с отличием в 1955 г.

С сентября 1955 по май 1958 г. А.А. Курносос был аспирантом кафедры вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ. Он с увлечением занимался изучением мемуаров о Великой Отечественной войне. Его научным руководителем была Софья Иосифовна Якубовская, человек неординарный, самобытный и свободомыслящий. С ней А.А. легко нашел общий язык. Софья Иосифовна оказала благотворное влияние на становление А.А. как источниковеда. Свою роль сыграл и шмид-

товский кружок источниковедения, где процветала “свобода дискуссий”. В годы аспирантуры началась наша дружба с А.А. Процесс мышления, источниковедческие поиски доставляли А.А. Курнососу истинное наслаждение. При этом он никогда не гнался за быстрыми “практическими результатами”, был абсолютно лишен тщеславия. Его кандидатская диссертация “Методика исследования мемуаров (мемуары как источник по истории народного сопротивления в годы Великой Отечественной войны)” является глубоким и оригинальным исследованием с новаторскими текстологическими приемами в духе шахматовской методологии. А.А. долго “тянул” с защитой этой выдающейся работы (защита состоялась в 1966 г.). Вопреки настоятельным советам А.А. Зимина, высоко оценивавшего источниковедческое мастерство А.А. Курнососа, самокритичный исследователь не захотел издать свою диссертацию в целом, в виде монографии: он ограничился публикацией ряда статей на “мемуарную” тему. В этом проявились исключительная требовательность А.А. к себе и отсутствие у него честолюбивых устремлений. Вот так иногда погибают для общества законченные шедевры.

По натуре человек вольнолюбивый и творческий, А.А. вынужден был, тем не менее, “служить”. В 1958–1968 гг. он работал в Институте истории АН СССР, где участвовал в подготовке к печати томов “Все-

мирной истории". Эта работа, по преимуществу техническая, приучила его внимательно относиться к вопросам хронологии и "аппаратной" стороне научного издания. Но главное то, что она привила А.А. Курносову вкус к сравнительно-историческому мышлению, сопоставлению типов и темпов развития разных стран и народов.

1960-е годы были важным периодом в жизни А.А. Курносова. Избранный в состав партбюро Института истории (в партию он вступил в 1959 г.), А.А. занял весьма определенную позицию в противоборстве сил "демократии" и "реакции". В союзе с В.П. Даниловым и К.Н. Тарновским он защищал свободомыслящих и "гонимых", среди которых наиболее яркой фигурой был тогда А.М. Некрич. Свои демократические убеждения "шестидесятник" А.А. Курносов сохранил на всю жизнь. В 1991 г. он стал участником движения "Демократическая Россия".

В связи с разделением Института истории АН СССР в 1968 г. А.А. оказался в Институте всеобщей истории в должности младшего научного сотрудника. Здесь он работал в секторе методологии истории, которым руководил М.Я. Гефтер. Много души вложил А.А. в подготовку к изданию сборника статей "Источниковедение. Теоретические и методические проблемы" (М., 1969), ответственным редактором которого являлся С.О. Шмидт. Блестящая статья А.А. Курносова "Приемы внутренней критики мемуаров" в этом сборнике вызвала ряд взволнованно-положительных откликов и была отмечена как неординарное явление в сфере изучения источников советского периода. Разгром сектора методологии, закончившийся изгнанием из Института М.Я. Гефтера, сказался и на судьбе А.А. Курносова. По инициативе и при поддержке С.О. Шмидта он перешел в 1973 г. на работу в Археографическую комиссию АН СССР и стал старшим научным сотрудником Института славяноведения и балканистики АН СССР.

Круг интересов А.А. в период его работы в Археографической комиссии был широк. Во-первых, он продолжал заниматься проблемами мемуаристики, сбором и изучением воспоминаний участников Великой Отечественной войны*. Во-вторых, его любимой тематикой оставались вопросы

теории источниковедения. А.А. написал фундаментальную статью под названием "К вопросу о природе видов источников" (Источниковедение отечественной истории: сб. статей, 1976. М., 1977). В ней формирование видов письменных исторических источников рассматривалось в связи с развитием и дифференциацией социальных функций человеческой деятельности. А.А. Курносов занимался также проблемами музееведения, сбора источников по истории советского периода, разрабатывал методические руководства по сбору источников для школьных музеев, участвовал в работе Общества охраны памятников и Общества книголюбов, читал лекции и проводил занятия по источниковедению в МГУ и МГИИ. На протяжении 1970–1990-х годов А.А. являлся членом Археографической комиссии Академии наук и членом редколлегии "Археографического ежегодника", где им был опубликован ряд статей. В советский период он в течение ряда лет был партгруппоргом Археографической комиссии. Гуманизм и сердечность А.А. были высоко оценены его коллегами.

Во второй половине 1990-х годов здоровье А.А. заметно ухудшилось, он не мог уже с прежней энергией заниматься научной и научно-организационной деятельностью. В 1998 г. А.А. был "переведен на сокращенный рабочий день" (четверть ставки), а в декабре 1999 г. "освобожден от занимаемой должности в связи с сокращением штатов Института". Тем не менее А.А. не потерял интереса к друзьям, горячо переживал за них и сохранял свой общественный темперамент. А.А. всю жизнь оставался истинным вольтерьянцем и человеком внутренне свободным. Он имел свои собственные, устойчивые представления о ценностях мира сего, был подлинным интернационалистом, презирал все виды национальной розни, в том числе антисемитизм, в котором видел постыдные проявления мещанских предрассудков, человеческой глупости и низости. А.А. был далек от новомодного религиозного ханжества. Ему было присуще светлое чувство юмора, насмешливое отношение ко всему настоящему, лживому и ходульному. А.А. обладал таким редким даром, как способность искренне радоваться успехам друзей. Он любил их без оговорок и всей душой. А.А. Курносов

* См., например: Записка А.А. Курносова К.М. Симонову об архиве участников Великой Отечественной войны / подг. О.В. Турбина; послесл. С.О. Шмидта // АЕ за 2001 год. М., 2002. С. 445–450.

был смелым и благородным человеком. Он без оглядки шел в бой на защиту друзей и правды.

А.А. Курносов оставил глубокий след в исторической науке. Он явился новатором в разработке методов анализа нарративных источников новейшего времени, сделал много для углубления теории источниковедения, расширения его горизонтов в срав-

нительно-историческом плане, осмыслил сложные проблемы эволюции видов исторических источников. Обаяние личности Алексея Антоновича Курносова, его духовное и научное наследие будут всегда вдохновлять нас. Любовь к нему и благодарная память о нем на всю жизнь сохранятся в сердцах его друзей и коллег.

С.М. Каиштанов

**ВЯЧЕСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ
ЗАГРЕБИН**
(1942–2004)

9 октября 2004 г. скоропостижно скончался замечательный российский языковед-сербист и археограф, заведующий сектором славяно-русских фондов Отдела рукописей РНБ, член редакции славяно-русской серии Сводного каталога рукописных книг Вячеслав Михайлович Загребин. Отечественная наука понесла невосполнимую утрату.

В.М. Загребин родился 31 октября 1942 г. в с. Шуйское Междуреченского района Вологодской области. После окончания средней школы служил в армии, затем поступил на филологический факультет Ленинградского университета, который блестяще закончил в 1969 г. С этого времени и до своей неожиданной для всех кончины, 35 лет он работал в Отделе рукописных и редких книг (позднее ставшем Отделом рукописей) Государственной Публичной библиотеки (ныне Российской национальной библиотеки). Названия хранилища менялись, но Загребин оставался.

Для филолога-сербиста, занимающегося памятниками средневековой письменности, трудно придумать более удачное место работы. Сербские фонды ГПБ–РНБ, вероятно, самые богатые в России: достаточно упомянуть рукописи собраний А.Ф. Гильфердинга, архимандрита Антонина (Капустина), епископа Порфирия (Успенского), А.Б. Лобанова-Ростовского, Стефана Верковича, не говоря уже о более мелких. Од-

новременно это была несомненная удача и для Отдела – ведь и тогда и сейчас редкое отечественное древлехранилище (при богатейших собраниях болгарских и сербских рукописей) могло похвастаться наличием специалиста-югослависта. В стенах Отдела Вячеслав Михайлович в 1960–1980-е годы довольно регулярно (каждый приезд в СССР) встречался с человеком, ставшим его неформальным учителем – одним из крупнейших славянских палеографов и археографов XX столетия, отцом югославской археографии В.А. Мошиным. Ученик оказался вполне достоин учителя.

Память о Владимире Алексеевиче и искреннюю признательность ему В.М. Загребин увековечил и содержательным и прочувствованным некрологом (ТОДРЛ. Л., 1989, Т. 42) и изданием под своей редакцией мемориального тома “Русь и южные славяне: сб. статей к 100-летию со дня рождения В.А. Мошина (1894–1987)” (СПб., 1998). Общение с живым классиком науки определило целый ряд сторон научной деятельности В.М. Загребина, причем не только основных, но и кажущихся второстепенными, например, подчеркнутое внимание к филиграммам. Одной из первых работ молодого ученого – малотиражной (размножена на ксероксе), но с благодарностью принятой коллегами во всех хранилищах, – явилось составление тематических альбомов филиграмм (“Кувшинчик”, “Рука” (“Перчатка”)

и др.) на основе существующих справочников и датированных рукописей РНБ. Понятие “Загребин” для определения этих альбомов стало в среде отечественных археографов почти столь же употребительным, как “Брике”, “Тераклитов”, “Клепиков”, “Лихачев”, и т.д., используемым в том же значении.

Со временем этот ладный, подтянутый человек, которого внешне совершенно не брали годы (что было особенно заметно в последнее время), стал своеобразным символом Отдела рукописей РНБ (во всяком случае для читателей-медиевистов), естественным образом приняв эту “эстафету” от плеяды прославленных предшественников – отца и сына Бычковых, Е.Э. Гранстрем и Н.Н. Розова. Что-то в облике Вячеслава Михайловича (прежде всего, наверное, открытый взгляд и непоказная значительность) неуловимо напоминало М.А. Булгакова, каким он запечатлен на фотографиях “мхатовского” периода. Сатиновый рабочий халат – “профодежда” хранителя – смотрелся на нем так же хорошо, как и костюм с галстуком, но с некоторым оттенком маскарадности (переодетый джентльмен).

Его познания в средневековых славянских рукописях в целом (не говоря уже о любимых им сербских) были поистине огромны и не ограничивались только фундами РНБ – он хорошо знал собрания Москвы и Киева, Белграда и Софии и, разумеется, других хранилищ Петербурга. На фоне этой бескрайней эрудиции В.М. Загребина – лингвиста и археографа – скромным выглядит на первый взгляд список его печатных трудов. Но среди опубликованных им работ не было проходных, заранее обреченных стать лишь фактом историографии. В 1975 г. в только начавшем издаваться ежегоднике “Памятники культуры. Новые открытия 1974” вышла в свет его совместная с В.В. Колесовым статья “Пандекты Никона Черногорца в пергаменном списке XV в.”, в которой В.М. Загребин во всей полноте охарактеризовал среднеболгарский протограф этой русской рукописи (ИРЛИ. Оп. 23, № 191) на основании особенностей ее орфографии и акцентуации, внося свой вклад в изучение “второго южнославянского влияния”.

В 1979 г. он опубликовал статью “О происхождении и судьбе некоторых славянских палимпсестов Синая в сборнике научных трудов ГПБ “Из истории рукописных и старопечатных собраний. (Исследования. Об-

зоры. Публикации)” (Л., 1979. С. 61–80), которой заявил о себе как о крупном палеографе, археографе и языкеводе-слависте самого широкого профиля. В ней Загребин на основании комплексного (палеографического, кодикологического и языкового) анализа блестяще осуществил реконструкцию одного из интереснейших памятников русско-болгарского средневекового культурного симбиоза – сборника-конволюта XII–XIII вв., созданного на Синае и разделенного к концу XIX в. на четыре части, три из которых находились под разными шифрами в ГПБ (Греч. 70, Q. п. I, 63 и Q. п. I. 64), а одна – в монастыре Св. Екатерины на Синае (Слав. 34), отождествив их и существенно уточнив датировку. Поскольку значительная часть восстановленной исследователем рукописи представляет палимпсест (как по греческому, так и по глаголическому письму), В.М. Загребин всерьез обратился во второй части статьи к проблеме происхождения славянских палимпсестов.

Здесь же им была сделана (в связи с проблемой датировки надстрочных знаков Киевских глаголических листков) и первая серьезная заявка на разработку научной темы “Диакритика средневековых сербских рукописей: периодизация, просодическая характеристика, генезис”, которой он продолжал заниматься на протяжении четверти века, опубликовав по ней в 1980–1990-е годы серию статей. Два года спустя в третьей книге тогда еще совсем нового югославского научного сборника “Археографски прилози” (Белград, 1981) увидела свет статья В.М. Загребина “Заупокойные стихиры азъбоуковне в сербском Требнике XIII в.”, сопровождавшаяся публикацией памятника.

То было время поистине эпохальных открытий в области древнейшей славянской гимнографии, перевернувших все существовавшие до того представления о книжной поэзии кирилло-мефодиевской эпохи, и Вячеслав Михайлович в это внес достойный вклад. Изданный им цикл из 24 стихир, связанных азбучным акростихом с глаголической последовательностью букв, оказался и ценным памятником гимнографии круга ближайших учеников Кирилла и Мефодия, и важным источником по истории древнейшего славянского алфавита. Кроме того, работа Вячеслава Михайловича уже тогда поставила на повестку дня вопрос о памятниках славянской гимнографии в столь, казалось бы, малоподходящем для этого

типе богослужебной книги, как Требник. И только сейчас, по прошествии почти четверти века, мы в полной мере можем осознать ее актуальность.

Значительную часть научного наследия В.М. Загребина составляют описания рукописей, причем не только хранящихся в РНБ. Одной из первых его печатных работ было описание сербских рукописей из собрания М.П. Погодина (АЕ за 1973 год. М., 1974). В АЕ за 1981 год (М., 1982) вышел составленный им обзор и описание древнейших рукописей Ивановского областного краеведческого музея. С 1988 г. издается многотомный каталог одной из крупнейших коллекций рукописей РНБ (“Рукописные книги собрания М.П. Погодина”. Л., 1988; СПб., 1992; СПб., 2004. Вып. 1–3), в котором В.М. Загребин являлся и редактором (совместно с О.В. Твороговым), и описателем. Был он и научным редактором каталога “Издания кириллической печати 15–17 вв. для южных славян и румын” (Л., 1979) и новейшего двухтомного справочника “Новые поступления в ОР РНБ” (СПб., 2005), которого уже не увидел.

В 1988 г. в Граце вышло фототипическое издание замечательного памятника южнославянской книжности XI–XIII вв. и русско-южнославянских связей домонгольского периода – Берлинского сборника XIV в., подготовленного австрийским славистом Хайнцем Микласом (Berlinski sbornik: Vollständige Studienausgabe... Eingeleitet und herausgegeben... von H. Miklas. Mit einem Anhang von V.M. Zagrebina. Graz, 1988). Загребиным для этой публикации выполнено подробное постатейное описание Довольского сборника конца XVI в. (РНБ, Гильф. 42), восполняющего многочисленные утраты основной рукописи. К сожалению, до сих пор не вышел в свет подготовленный им (в части, относящейся к РНБ) совместно с болгарской коллегой Б. Христовой Каталог болгарских рукописей в хранилищах Петербурга (частично материалы справочника использованы при подготовке СК XIV). Помимо собственно описаний, В.М. Загребину принадлежит в нем обстоятельное и чрезвычайно содержательное введение, повествующее о складывании болгарской рукописной коллекции Публичной библиотеки.

Горячая преданность науке, постоянная работа на ее пользу (как в форме собственных статей, так и в коллективных археографических трудах) органически сочеталась у Вячеслава Михайловича с безразличием к

ученым чинам и званиям. Он принадлежал к той во многом определившей лицо и высокий уровень отечественной археографии середины – конца XX столетия благородной плеяде подвижников “аскисис графика” – “письменного подвижничества” (пользуясь термином его сербского коллеги и знакомого – академика Д. Богдановича), которых уважали, ценили и долго будут помнить не за степени, а вопреки их отсутствию.

Как почти всякий крупный специалист, работающий в большом древлехранилище, В.М. Загребин тратил много времени на внеплановую работу – консультировал коллег-археографов (отечественных и зарубежных) и других читателей Отдела по вопросам, касающимся рукописей РНБ. В этом отношении – как и в остальных – он был человеком крайне обязательным, при этом у него были две манеры отвечать. Одна из них – пространная, с изложением максимума сведений и аргументов – в письмах (кстати, переписка Загребина с коллегами – сюжет, вполне достойный самостоятельного исследования и публикации) и в консультациях людям, несведущим в конкретном вопросе или теме. Вторая (при личном общении с коллегами) предельно лаконична, почти авгурская. Спросишь его (когда случится работать в ОР РНБ) по поводу возникших сомнений в традиционной датировке той или иной рукописи (ситуация в работе над Сводным каталогом, к сожалению, очень частая – почти стандартная), через день-другой получишь ответ: “Да, все нормально”. И это значило, что твоя точка зрения вполне принята, а аргументы ты и сам знаешь (если бы не знал – то и не спрашивал бы).

Сербистом Вячеслав Михайлович был, что называется, от Бога и очень любил страну и народ, языком и культурой которых он занимался. И эта любовь была вполне взаимной: чтобы понять это, нужно было услышать, как звучат слова “Загребин” и “Слава Загребин” в устах сербских филологов-медиевистов и археографов.

В течение многих лет В.М. Загребин читал курс палеографии на филологическом факультете ЛГУ–СПбГУ и вел связанные с ним практические занятия. Излишне говорить, что значит для обучения студентов, когда это делает человек, знающий предмет не по книгам, а по живым источникам. На протяжении, по крайней мере, трех десятилетий (как только началась работа по подготовке Сводного каталога славяно-

русских рукописных книг, хранящихся в СССР) В.М. был тесно связан с Археографической комиссией, участвовал в большинстве конференций и совещаний, посвященных СК, обсуждал методические и терминологические вопросы. Для третьего выпуска “Методических рекомендаций по описанию славяно-русских рукописных книг” (М., 1990. Ч. 1) В.М. Загребин подготовил (совместно с Е.М. Шварц) обзор и атлас “Водяные знаки бумаги XIV и XV вв.” В первом томе СК, посвященном рукописям XI–XIII вв. (М., 1984), ему принадлежат описания 74 южнославянских кодексов и отрывков ГПБ (т.е. около 15% от общего числа); при этом в процессе работы над томом им сделано свыше десятка атрибуций. В первом выпуске СК XIV (М., 2002) их сравнительно немного (11), но еще десятки загребинских описаний увидят свет в последующих выпусках справочника.

Еще одна грань личности Вячеслава Михайловича, мало известная за стенами библиотеки, о которой, пожалуй, лучше всего могли бы рассказать дети сотрудников Отдела рукописей – его артистическое творчество в духе лучших традиций российских домашних спектаклей XIX – начала XX в., которое даже неудобно называть самодеятельностью. Он замечательно умел перевоплощаться, и это видно даже по любительским фотографиям, сделанным на новогодних детских утренниках.

На одной из сравнительно недавних – он в роли калифа-аиста из одноименной сказки Гауфа, и глядя на эту фотографию веришь, что этот человек с открытым лицом, в халате и чалме (но без бороды и грима), действительно и калиф, и аист. И эта “ненаучная мелочь” в реальности проясняет многое в характере Вячеслава Михайловича – он искренне любил детей, и дети это чувствовали, поскольку имитировать такую любовь невозможно.

В последние годы у В.М. Загребина были большие творческие планы и научные заделы. Он продолжал работу над основным трудом своей жизни – обобщающим исследованием о диакритике средневековых сербских рукописей. Вместе с Х. Микласом В.М. Загребин готовил факсимильное издание одной из древнейших славянских рукописей – глаголического Зографского Евангелия XI в. Большим подарком для литературоведов-медиевистов должен был стать выполненный им перевод “Словаря сербских средневековых литературных терминов” Джордже Трифуновича (содержание которого значительно шире названия), выдержавшего два издания на языке оригинала.

Мы всегда будем помнить Вячеслава Михайловича Загребина – человека и ученого – он будет жить в наших сердцах.

А.А. Турилов

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук
- АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи
- АЕ – “Археографический ежегодник”
- АИ – “Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией”
- АК – Археографическая комиссия
- АПН РСФСР – Академия педагогических наук РСФСР
- АПРФ – Архив Президента Российской Федерации
- АРАН – Архив РАН
- АСЭИ – “Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV–начала XVI в.”
- АФЗХ – “Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков”
- АЮБ – “Акты, относящиеся до юридического быта в Древней Руси”
- БАН – Библиотека АН СССР (РАН)
- БСЭ – “Большая советская энциклопедия”
- ВА – “Вестник архивиста”
- ВВ – “Византийский временник”
- ВЕ – “Вестник Европы”
- ВИ – “Вопросы истории”
- ВНИИДАД – Всесоюзный научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела
- ВООПИК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
- ВСНХ – Высший совет народного хозяйства
- ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
- ГАВО – Государственный архив Вологодской области
- ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
- ГАМИД – Государственный архив Министерства иностранных дел
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
- ГАТО – Государственный архив Тверской области
- ГИМ – Государственный Исторический музей
- ГЛАВНАУКА – Главное управление научными, музейными и научно-художественными учреждениями при Наркомпросе РСФСР
- ГОИ – Государственный оптический институт
- ГРМ – Государственный Русский музей
- ДАИ – “Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией”
- ЖМНП – “Журнал Министерства народного просвещения”
- ЗОР ГБЛ – “Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина”
- ИА – “Исторический архив”
- ИА РАН – Институт археологии РАН
- ИАИ – Историко-архивный институт
- ИАИ РГГУ – Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета
- ИЗ – “Исторические записки”
- ИИЕТ – Институт истории естествознания и техники РАН
- ИИФиф СО АН – Институт истории, филологии и философии СО АН
- ИМЛИ – Институт мировой литературы

- ИОРЯС – “Известия Отделения русского языка и словесности АН”
- ИПБ – Императорская Публичная библиотека
- ИПО – Ивановская промышленная область
- ИРИ РАН – Институт российской истории РАН
- ИРЛИ – Институт русской литературы АН СССР
- ИСССР – “История СССР”
- ЛЗАК – “Летопись занятий Археографической комиссии”
- ЛН – “Литературное наследство”
- МАМЮ – Московский архив Министерства юстиции
- МГАМИД – Московский главный архив Министерства иностранных дел
- МГИАИ – Московский государственный историко-архивный институт
- МГПИ – Московский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина
- МГУ – Московский государственный университет
- МДА – Московская Духовная академия
- МСА – “Малая советская энциклопедия”
- ОА – “Отечественные архивы”
- ОИ – “Отечественная история”
- ОЛЕАЭ – Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии
- ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников ГИМ
- ОПГУ – Объединенное государственное политическое управление при Совете Народных Комиссаров СССР
- ОР БАН – Отдел рукописной и редкой книги БАН
- ОР ГБЛ – Отдел рукописей ГБЛ
- ОР ГИМ – Отдел рукописей и старопечатных книг ГИМ
- ОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ
- ОР РНБ – Отдел рукописей РНБ
- ОРЯС – Отделение русского языка и словесности АН
- ПСЗ – “Полное собрание законов Российской империи”
- ПСРЛ – “Полное собрание русских летописей”
- ПСЭИ – “Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV–XVII вв.”
- РА – “Русский архив”
- РБС – “Русский биографический словарь”
- РА ИИМК – Рукописный архив Института истории материальной культуры РАН
- РАН – Российская академия наук
- РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
- РАО – Российская академия образования
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов
- РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
- РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории
- РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
- РГАЭ – Российский государственный архив экономики
- РГБ – Российская государственная библиотека
- РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет
- РГИА – Российский государственный исторический архив
- РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
- РГПУ – Российский государственный педагогический университет им. А.Н. Герцена
- РИБ – Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией
- РИО – Русское историческое общество
- РНБ – Российская национальная библиотека
- СА – “Советские архивы”

СГГД	– “Собрание государственных грамот и договоров”
СО АН СССР	– Сибирское отделение АН СССР
СПб ИИ РАН	– Санкт-Петербургский институт истории РАН
СПб ФА РАН	– Санкт-Петербургский филиал архива РАН
СПб ФИВ РАН	– Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН
ТГИМ	– “Труды ГИМ”
ТМГИАИ	– “Труды МГИАИ”
ТОДРЛ	– “Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ”
ФОН	– Факультет общественных наук
ЦА ФСБ РФ	– Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации
ЦБК	– Центральное бюро краеведения
ЦГА РСФСР	– Центральный государственный архив РСФСР
ЦГА СПб	– Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
ЦГАДА	– Центральный государственный архив древних актов
ЦГАЛИ	– Центральный государственный архив литературы и искусства СССР
ЦГАНХ СССР	– Центральный государственный архив народного хозяйства СССР
ЦЕКУБУ	– Центральная комиссия по улучшению быта ученых при СНК РСФСР
ЦМММ	– Центральный муниципальный архив г. Москвы
ЧОИДР	– “Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете”

СОДЕРЖАНИЕ

І. Статьи и сообщения

<i>Е.А. Тюрина.</i> Личные фонды репрессированных экономистов в РГАЭ	3
<i>Д.Я. Майдачевский</i> (Иркутск). Ученая комиссия по исследованию истории труда в России (1921–1925): опыт институционализации экономической истории	13
<i>М.С. Черкасова</i> (Вологда). К характеристике монастырских архивов России XVI–XVII вв. (окончание)	30
* * *	
<i>В.Б. Перхавко.</i> Семья священника Сильвестра	46
<i>А.В. Сиренов</i> (Санкт-Петербург). Поздние редакции Степенной книги	62
<i>А.С. Усачев.</i> Забытое мнение о Степенной книге (Из неопубликованного наследия М.Я. Диева)	77
<i>А.Н. Бачинин.</i> Н.Г. Устрялоц как публикатор источников по истории России XVI–XVIII веков (окончание)	85
<i>В.Г. Бухерт.</i> Пушкинское отделение Общества изучения, популяризации и художественной охраны Старого Петербурга и его окрестностей (1924–1925)	106
<i>А.Ю. Дубинский.</i> Данные архивов духовных учебных заведений по генеалогии православного духовенства XIX – начала XX века	111
<i>Н.М. Баженова</i> (Санкт-Петербург), <i>Н.К. Леликова</i> (Санкт-Петербург), <i>М.П. Лепехин</i> (Санкт-Петербург). История создания, проблемы изучения и подготовка комментированного издания “Истории русской библиографии” Н.В. Здобнова	115
<i>О.В. Пожидаева</i> (Мурманск). В.А. Пожидаев – подвижник музейного дела в Мурманском крае	125
<i>Ю.П. Смирнов</i> (Чебоксары). 80-летие В.Д. Димитриева	132
<i>В.П. Пушков.</i> Запланированное чудо поиска, или Воспитание археографией (К юбилею И.В. Поздеевой)	139
<i>Т.И. Хорхордина.</i> А.Д. Степанский – историк, архивовед, археограф (К 70-летию со дня рождения)	156
<i>С.О. Шмидт.</i> М.А. Усманов – член Археографической комиссии РАН (К 70-летию со дня рождения)	164
К 75-летию со дня кончины академика М.М. Богословского (Совместное заседание АК и АРАН)	
<i>С.О. Шмидт.</i> Вступительное слово	171
<i>В.А. Муравьев.</i> М.М. Богословский: выбор проблемы реформ	175
	559

<i>Е.Н. Швейковская.</i> М.М. Богословский – историк Русского Севера	180
<i>Е.В. Неберекутина.</i> “Заступник рода исторического” (Деятельность М.М. Богословского в Экспертной комиссии ЦЕКУБУ)	191
<i>Н.М. Осипова.</i> Личный фонд М.М. Богословского в Архиве РАН	206

Тихомировские чтения 2004 года
“Источники по историографии краеведения”

<i>С.О. Шмидт.</i> Вступительное слово	208
<i>В.Ю. Афиани.</i> Развитие отечественного краеведения и комплексная программа “Культура российской провинции XVIII–XX вв.”	219
<i>В.Ф. Козлов.</i> Краеведы о целях и задачах краеведения (по страницам центральной краеведческой периодики 1920-х годов)	229
<i>К.Е. Новохатский</i> (Киев). Опыт организации работы по развитию краеведения в Украине	241
<i>М.П. Мохначева.</i> Историко-краеведческие материалы на страницах газетной периодики XVIII – середины XIX века	245
<i>Г.П. Присенко</i> (Тула). Источниковая база тульской историографии XIX – 30-х годов XX века в контексте ее предмета	259
<i>А.И. Раздорский</i> (Санкт-Петербург). Рапорты архиереев в Синод о составлении историко-статистических описаний епархий Русской православной церкви как источник по историографии церковного краеведения России	266
<i>М.П. Мироненко.</i> Архивы краеведов в “Каталоге личных архивных фондов отечественных историков”	269

К 250-летию со дня рождения П.П. Дубровского

<i>В.Ч. Хроника</i> научного заседания «Петр Дубровский – основатель и первый хранитель “Депо манускриптов” Императорской Публичной библиотеки» (РНБ, 7 декабря 2004 г.)	271
<i>С.О. Шмидт.</i> К юбилею П.П. Дубровского: дипломат-коллекционер в контексте развития отечественной культуры и общественной мысли второй половины XVIII – начала XIX века	276
<i>Е.В. Крушельницкая</i> (Санкт-Петербург). Русские рукописи из коллекции П.П. Дубровского	356
<i>И.Н. Лебедева</i> (Санкт-Петербург). Греческие рукописи в собрании П.П. Дубровского	370
<i>Н.А. Елагина</i> (Санкт-Петербург). “Богатейшее сокровище веков” – 200 лет в Санкт-Петербурге (Западноевропейские рукописи коллекции П.П. Дубровского)	373
<i>Т.П. Воронова</i> (Санкт-Петербург). Литературный конкурс 1797 г. в Гамбурге, посвященный Екатерине II (По материалам архива П.П. Дубровского)	382
Послужной список П.П. Дубровского (подг. <i>М.Г. Логотова</i> , Санкт-Петербург)	388
Письмо П.П. Дубровского Н.Ф. Грамматину 1809 г. (подг. <i>А.В. Мельников</i>)	394
<i>С.О. Шмидт.</i> Заключительное слово	397

II. Обзоры, описания, библиография

<i>Л.И. Шохин</i> . С.Д. Шереметев о С.Ю. Витте (по страницам дневника)	400
<i>В.Г. Бухерт</i> . Московская секция Государственной академии истории материальной культуры (1919–1929)	409
<i>Ю.В. Андриюшайтите</i> . Уникальный сборник документов и материалов о Холокосте 1941 г. в Литве	428
<i>С.С. Ермолаев</i> . Издательству “Древлехранилище” – пять лет	439
Список основных печатных трудов В.Д. Дмитриева (сост. <i>Ю.П. Смирнов</i> , Чебоксары)	447

III. Публикации

Русско-ливонский договор 1535 г. (подг. <i>С.М. Каиштанов</i> , <i>К.В. Баранов</i> , предисл. <i>С.М. Каиштанова</i>)	451
Неопубликованные отзывы М.М. Богословского о кандидатских сочинениях выпускников Московской духовной академии 1916–1917 гг. (подг. <i>А.В. Мельников</i>)	516
М.М. Богословский о научной деятельности М.В. Довнар-Запольского (подг. <i>А.В. Мельников</i>)	526

IV. Хроника

<i>Ю.В. Андриюшайтите</i> . Деятельность Археографической комиссии в 2004 году	529
Новые издания Археографической комиссии в 2004 году	531
<i>О.Н. Бахтина</i> (Томск), <i>Е.Е. Дутчак</i> (Томск), <i>В.А. Есипова</i> (Томск). Археографический поиск в Сибири (находки последних лет)	531
<i>А.П. Балаченкова</i> (Санкт-Петербург). Международная конференция “Бумага на Северо-Западе Европы”	534
<i>Л.А. Тимошина</i> . Вторые чтения, посвященные памяти Н.Ф. Каптерева	536
<i>С.С. Батурина</i> (Киев). Памяти Федора Павловича Шевченко	539
<i>Е.В. Старостин</i> . Вечер памяти Анны Сергеевны Рословой – ректора МГИАИ в 1950–1962 гг.	541
<i>Е.В. Пчелов</i> , <i>Е.Н. Швейковская</i> . Заседание памяти Е.П. Маматовой	542
Двойной золотой юбилей	545
<i>Д.А. Мустафина</i> (Казань). Человек в истории и история в человеке (Чествование М.А. Усманова в Казанском государственном университете)	546
<i>С.М. Каиштанов</i> . Алексей Антонович Курнос (1931–2004)	549
<i>А.А. Турилов</i> . Вячеслав Михайлович Загребин (1942–2004)	552
Список сокращений	556

Научное издание

**АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК
за 2004 год**

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института славяноведения
Российской академии наук*

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *Л.М. Кузнецова*
Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *Т.В. Жмелькова*
Корректоры *З.Д. Алексеева, Т.И. Шеповалова*

Подписано к печати 23.12.2005. Формат 70 × 100 1/16
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 46,2. Усл.кр.-отг. 46,2. Уч.-изд.л. 54,0
Тираж 610 экз. Тип. зак. 3023

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП "Типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ “НАУКА”

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ КНИГИ:

В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии : материалы науч. конф. (Пенза, 25–26 июня 2001 г.) : в 2 кн. / отв. ред. С.О. Шмидт. – М. : Наука, 2005. – ISBN 5-02-010341-1. **Кн. I.** – 2005. – 467 с. – ISBN 5-02-010342-X (в пер.).

В сборнике представлены статьи ученых из Москвы, Санкт-Петербурга, Пензы и других научных центров России, Украины и Германии, посвященные наследию В.О. Ключевского, а также историографии, общим проблемам истории провинциальной культуры и вопросам истории Пензенского края.

Для историков, преподавателей, студентов и всех интересующихся историей и культурой России.

В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии : материалы науч. конф. (Пенза, 25–26 июня 2001 г.) : в 2 кн. / отв. ред. С.О. Шмидт. – М.: Наука, 2005. – ISBN 5-02-010341-1.
Кн. II. – 2005. – 279 с. – ISBN 5-02-010343-8 (в пер.).

В сборнике представлены статьи и аннотации выступлений и докладов ученых из Москвы, Санкт-Петербурга, Пензы и других научных центров России, Украины и Германии, посвященные наследию В.О. Ключевского, а также историографии, общим проблемам провинциальной культуры и вопросам истории Пензенского края.

Для историков, преподавателей, студентов и всех интересующихся историей и культурой России.

**АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
ТОРГОВОЙ ФИРМЫ “АКАДЕМКНИГА” РАН**

Магазины “Книга-почтой”

- 121099 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52 Сайт: www.LitRAS.ru E-mail:
akadem.kniga@G23.relcom.ru
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 76; (код 812) 235-40-64

**Магазины “Академкнига” с указанием
букинистических отделов и “Книга-почтой”**

- 690088 Владивосток, Океанский проспект, 140 (“Книга-почтой”);
(код 4232) 45-27-91 antoli@mail.ru
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 (“Книга-почтой”);
(код 3433) 50-10-03 kniga@sky.ru
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 (“Книга-почтой”);
(код 3952) 42-96-20 aknir@irlan.ru
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90 akademkniga@krasmail.ru
220012 Минск, проспект Ф. Скорины, 72; (код 10375-17) 232-00-52, 232-46-52
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00 akadkniga@nm.ru; <http://akadkniga.nm.ru> (Бук. отдел 125-30-38)
117192 Москва, Мичуринский проспект, 12; 932-74-79
127051 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96 (Бук. отдел)
113105 Москва, Варшавское ш., 9, Книж. ярмарка на Тульской (5 эт.);
737-0333, 737-0377 (доб. 50-10)
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90; 334-72-98 akademkniga@naukaran.ru
105062 Москва, Б. Спасоглинищевский пер., 8 строение 4; 924-72-19 (Бук. отдел)
630091 Новосибирск, Красный проспект, 51; (код 3832) 21-15-60 akademkniga@mail.ru
630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 (“Книга-почтой”);
(код 3833) 30-09-22 akdmn2@mail.nsk.ru
142290 Пушкино Московской обл., МКР “В”, 1 (“Книга-почтой”); (код 277) 3-38-80
191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57;
(код 812) 272-36-65 ak@akbook.ru (Бук. отдел)
199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2; (код 812) 328-32-11
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий проспект; 4 (код 812) 247-70-39
199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16; (код 812) 323-34-62
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18;
(код 3822) 51-60-36 akademkniga@mail.tomsknet.ru
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 (“Книга-почтой”);
(код 3472) 24-47-74 akademkniga@ufacom.ru
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85

Коммерческий отдел, г. Москва

Телефон для оптовых покупателей: 241-03-09

Сайт: www.LitRAS.ru

E-mail: akadem.kniga@G23.relcom.ru

akademknigam@mail.ru

Склад, телефон 291-58-87

Факс 241-02-77

*По вопросам приобретения книг
государственные организации
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (095) 334-98-59
E-mail: [initsiat @ naukaran.ru](mailto:initsiat@naukaran.ru)
Internet: www.naukaran.ru*

ISBN 5-02-034015-4

9 785020 340152

АРХЕОГРА-
ФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

2004

inslav